Ген.-Лейт. М. А. ТЕРЕНТЬЕВЪ.

801-35
6657-2

ИСТОРІЯ ЗАВОЕВАНІЯ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Съ картами и планами.

ТОМЪ I.

ПР 97

Типо-литографія В. В. Комарова
СПБ. Невскій, собств. д. 136.
1906.

Ген.-Лейт. М. А. ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Д 146/193

БЖ 8
Т35из

ИСТОРІЯ ЗАВОЕВАНІЯ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Съ картами и планами.

ТОМЪ I.

ВИБП. ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА

Типо-литографія В. В. Комарова
СПБ. Невскій, собств. д. 136
1906.

ИСТОРІЯ ЗАВОЕВАНІЯ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ I.

ГЛАВА I.

СТРАН.

Движеніе Россіи на востокъ: Пермь (Баремія), Вятка, Казань, Астрахань, Сибирь. Россія на стражѣ Европы. Характеръ дальнѣйшаго движенія на востокъ. Племена, населявшія Заволжье. Башкиры (бесерги). Яицкіе казаки. Калмыки. Казаки (*кайсаки, киргизы*). Дзюнгары. Очеркъ исторіи казаковъ до вступленія ихъ въ подданство Россіи. Очеркъ исторіи Дербенъ-ойратскаго союза до движенія Галданъ-Цырена къ Сыръ-Дарьѣ. Киргизы отступаютъ къ предѣламъ Россіи. Просьбы хана Тявки, султановъ Каипа и Абулъ-Хаира, а также и хивинскаго хана о принятіи ихъ въ русское подданство . . 1—19

ГЛАВА II.

Принятіе Хивы въ русское подданство. Слухи о золотоносныхъ рѣкахъ Аму и Яркендъ-Дарьяхъ. Князь Гагаринъ, Ходжа-Нефесъ, Замановъ и Бековичъ. Экспедиціи Бухгольца и Лихарева вверхъ по Иртышу. Экспедиція князя Бековича Черкасскаго изъ Астрахани. Рекогносцировка стараго русла Аму-дарьи. Легенда о древнемъ Яксартѣ. Возвращеніе въ С.-Петербургъ. Новыя инструкціи Петра I. Составъ отряда для новой экспедиціи. Устройство крѣпостей по восточному берегу Каспія. Ссоры съ Кожинымъ. Выступленіе изъ Гурьева. Странности Бековича. Четырехдневный бой у Карагача. Мирный договоръ. Вѣроломство хивинцевъ. Мученическая смерть и неволя русскихъ. Нападеніе туркменъ на Тюпъ-Караганскую и Красноводскую крѣпости. Оставленіе этихъ крѣпостей. Дальнѣйшіе виды Петра I. Посольство Флоріо Беневени въ 1718 г. Задержка въ Шемахѣ. Сраженіе русской миссіи съ войсками шемахинскаго хана. Пребываніе въ Бухарѣ. Бѣгство. Пребываніе въ Хивѣ. Наглость хивинскихъ вельможъ. Подтвержденіе слуховъ о золотомъ пескѣ. Поѣздка камердинера Николо Минера. Отчетъ Беневени. Равнодушіе правительства къ катастрофѣ Бековича. Попытки войти съ Хивою въ дружескія отношенія: Бланкенагель въ 1793 г., Субганкуловъ въ 1818 г. и Бекчуринъ въ 1819 г. Россія избираетъ новый путь въ сердце Азіи черезъ киргизскія степи. Мнѣніе объ этомъ Петра I и Павла I. Походъ въ Индію черезъ Оренбургъ . . . . . 20—43

ГЛАВА III.

СТРАН.

Очеркъ исторіи казацкихъ ордъ со времени вступленія ихъ въ наше подданство до уничтоженія ханскаго званія. Малая орда. Заслуги Тевкелева. Построеніе Оренбурга. Планъ Кирилова. Безпорядки въ степи. Нападенія башкиръ. Коронація хана. Татищевъ. Урусовъ. Командировка Гладышева и Муравина для выбора мѣста подъ городъ на устьѣ Сыръ-Дарьи. Установленіе нами права наслѣдственности и первородства въ родѣ Абулъ-Хаира. Ничтожность вліянія хановъ въ степи. Бунтъ башкировъ и усмиреніе ихъ киргизами. Ослабленіе одного народа другимъ. Бѣгство калмыковъ съ Волги. Бунтъ Пугачева. Мѣропріятія Екатерины II. Народное собраніе у киргизовъ. Республика. Игельстремъ измѣняетъ свой взглядъ на дѣло. Преслѣдованія Сырыма, президента республики. Мщеніе киргизовъ. Наши линіи. Послѣдній ханъ Ширгазы. Коронація. Султаны правители съ 1824 г. Средняя Орда. Невѣжество губернатора князя Урусова, обнаруженное имъ въ договорѣ съ Аблаемъ и Абдулъ-Махметомъ. Соединеніе Оренбургской и Сибирской линій. Притѣсненія состороны Дзюнгаръ. Отказъ киргизамъ въ пристанищѣ. Подданство киргизъ Средней орды—Китаю. Утвержденіе Аблая въ званіи хана. Вали сынъ его—послѣдній ханъ ум. 1821 г. Проектъ Сперанскаго. Большая орда. Ссоры съ сосѣдями и бѣгство въ наши предѣлы. Ташкентское ханство. Подданство Большой орды Россіи въ 1819 г. Построеніе города Копала въ 1847 г. Взятіе укр. Таучубека въ 1850 г. Подчиненіе алатаускихъ киргизъ. Построеніе укр. Вѣрнаго въ 1854 г. Степная коммиссія. Взглядъ назадъ . . . . 44—91

ГЛАВА IV.

Причины неудачи мѣропріятій Екатерины II. Управленіе степью при Николаѣ I. Киргизамъ запрещается быть осѣдлыми. Сухтеленъ. Перовскій. Возведеніе укрѣпленій. Безпорядки у казаковъ. Пожары. Экспедиція на полуостровъ Бузачи. Начало волненій въ степи. Поиски за разбойниками. Перечень замѣчательныхъ экспедицій, съ начала XIX столѣтія. Караванъ Щолковскаго. Бергъ. Лебедевъ. Неудовольствія съ Хивою. Вопросъ о русскихъ плѣнныхъ, продаваемыхъ въ Хиву. Зайчиковъ. Виткевичъ. Задержаніе въ Оренбургѣ хивинскихъ купцовъ. Размѣнъ плѣнныхъ. Прокламація. Рѣшеніе особаго комитета о поискѣ въ Хиву. Злоупотребленія. Кандидатъ въ ханы. Опасенія англичанъ и стремленія ихъ утвердиться въ Средней Азіи. Графъ Симоничъ. Изгнаніе англійской евангелической миссіи. Почему экспедицію рѣшено начать зимою? Веллингтонъ. Планъ похода. Составъ отряда. Штабъ. Заботливость Перовскаго о различныхъ удобствахъ для нижнихъ чиновъ. Джебага и наглазники. Продовольственные запасы. Боевые запасы. Перевозка запасовъ башкирами по наряду. Выборъ мѣста подъ складочный пунктъ и укрѣпленіе на уроч. Чушка-куль. Геке и Жемчужниковъ. Новое укрѣпленіе на Эмбѣ. Поставка верблюдовъ киргизами. Угоны лошадей киргизами изъ-подъ укрѣпленій. Болѣзни въ укрѣпленіяхъ. Опытъ степного похода . . . . 92—136

ГЛАВА V.

СТРАН.

Выступленіе въ походъ. Строгость Перовскаго. Вѣрны ли сказанія? Порядокъ движенія. Ученая братія. Бураны. Неумѣнье обращаться съ верблюдами. Транспортировка больныхъ. Нападеніе хивинцевъ на Чушка-кульское укрѣпленіе и на транспортъ штабсъ-капитана Ерофѣева. Бунтъ верблюдовожатыхъ (лаучей). *Злой* геній отряда—Ціолковскій. Болѣзни. Падежъ верблюдовъ. Затруднительность движенія по глубокому снѣгу. Рекогносцировка Усть-Урта. Невозможность дальнѣйшаго движенія. Воровство въ отрядѣ. Приказъ о возвращеніи. Масляница. Потери отряда. Наказаніе киргизовъ, сжегшихъ на Каспіи наши суда и виноватыхъ въ захватѣ переводчика Аитова. Возвращеніе остатковъ отряда въ Оренбургъ. Мечты о новомъ походѣ. Награды. Смерть Ціолковскаго. Непродолжительное торжество англичанъ. Причины неудачи экспедиціи . . . . . 137—172

ГЛАВА VI.

Посольство отъ хивинскаго хана. Настоянія Аббота и Аитова. Фирманъ хана. Освобожденіе русскихъ невольниковъ. Еще о Зайчиковѣ. Посольство капитана Никифорова. Инструкція ему. Неудовольствія между русскимъ и хивинскимъ послами. Характеристика приближенныхъ хана. Пріемъ посольства. Неудача переговоровъ. Поведеніе посла. Рѣшительный тонъ нашего агента. Окончательные переговоры. Собраніе представителей киргизскихъ. Возвращеніе посольства. Отправленіе въ Хиву подполковника Данилевскаго. Смерть хана. Обязательный актъ 1843 г. Посольство Бутенева въ Бухару. Хлопоты за Коннолли и Стоддарта. Дѣйствія Обручева противъ Кениссары. Возведеніе *укрѣпленій: Оренбургскаго, Уральскаго, Карабутака, Раима и Косъ-Арала.* Первые пароходы на Сыръ-дарьѣ. Поселенія казаковъ при фортахъ. Смерть Кениссары. Джанъ-ходжа проситъ Обручева о занятіи Хивы и Акъ-мечети. Нападеніе хивинцевъ на Раимъ. Встрѣчный палъ. Подвигъ войск. старш. Иванова въ іюнѣ 1843 г. Проектъ Обручева о занятіи Хивы и Акъ-мечети. Смѣна Обручева. Перовскій не раздѣляетъ взглядовъ своего предмѣстника. Противорѣчія его дѣйствій съ высказанными взглядами. Неудовольствія киргизовъ . . . . . 173—211

ГЛАВА VII.

Нападенія коканцевъ на нашихъ придарьинскихъ киргизъ. Поборы. Проектъ генералъ-адъютанта Анненкова о соединеніи Сибирской линіи съ Оренбургскою. Дѣло при Акча-Булакѣ. Поискъ полковника Бларамберга къ Акъ-Мечети въ 1852 г. Убійство орскаго коменданта. Негласная экспедиція Перовскаго противъ Акъ-Мечети въ 1853 г. Устройство фортовъ на пути слѣдованія. Осадныя работы. Медленность ихъ. Занятіе Джулека. Штурмъ Акъ-Мечети. Курьезная диспозиція.

СТРАН.

Наши потери. Слухи о сборахъ коканскихъ скопищъ. Рекогносцировка Бородина. Молодецкое дѣло капитана Шкупя 18 декабря 1853 г. подъ фортомъ Перовскій. Первый шагъ къ соединенію Сибирской линіи съ Сыръ-Дарьинскою, занятіе долины р. Или и верховій р. Чу. Постройка укр. Вѣрнаго въ 1854 г. Происки Турціи и Англіи во время восточной войны. Безпорядки въ Оренбургскихъ степяхъ. Исетъ Кутебаровъ. Подвигъ 15 фуражировъ на р. Темирѣ. Поискъ подполковника Плотникова въ августѣ 1856 г. Бунтъ Джанъ-Ходжи. Генералъ-адъютантъ Катенинъ. Всеобщая амнистія. Заботы Катенина о развитіи у киргизовъ земледѣлія. Рекогносцировка р. Яны-Дарьи. Рекогносцировка восточнаго берега Каспія. Посольство флигель-адъют. полковн. Игнатьева въ Хиву и Бухару, а Валиханова въ Кашгаръ. Приготовленія къ экспедиціи со стороны Сибири. Нападеніе коканцевъ на укр. Кастекъ. Дѣло на р. Джиренъ-Айгыръ 9 іюля 1860 г. Взятіе Токмака 26 августа. Осада Пишпека и сдача этой крѣпости 4 сентября. Нападеніе коканцевъ на новую линію. Бой при Узунъ-Агачѣ 21 октября. Наказаніе отложившихся отъ насъ киргизъ . . . . . 212—259

ГЛАВА VIII.

Ген.-адъют. Безакъ. Возведеніе укр. Джулекъ. Взятіе укр. Яны-Кургана 23 сентября 1861 г. Подвигъ команды фуражировъ подъ Джулекомъ 20 октября. Возведеніе коканцами укрѣпленія Динь-Кургана и взятіе его нами 20 января 1862 г. Смерть коканскаго хана Меллябека и безпорядки въ ханствѣ. Осада Пишпека подвластными намъ дикокаменными киргизами. Движеніе нашего отряда къ Пишпеку. Осада и взятіе крѣпости. Претендентъ султанъ Махмудъ. Вмѣшательство въ коканскія дѣла бухарскаго эмира Музаффара. Рекогносцировка хребта Каратау и средняго теченія Сыра,—занятіе Сузака и Чулакъ-Кургана въ 1863 г. Регентъ ханства мулла Алимъ-Кулъ. Военныя приготовленія коканцевъ. Безпорядки въ районѣ Сыръ-дарьинской линіи. Взятіе Ауліе-ата Черняевымъ 4 іюня 1864 г. Занятіе Туркестана Веревкинымъ 12 іюня. Отсутствіе единства и связи въ дѣйствіяхъ Сибирскаго и Оренбургскаго отрядовъ. Учрежденіе Ново-коканской линіи и подчиненіе части оренбургскихъ войскъ Черняеву . . . . . 260—284

ГЛАВА IX.

Движеніе Сибирскаго отряда отъ Ауліе-аты, и Оренбургскаго отъ Туркестана — къ Чимкенту. Киргизская милиція. Сидѣнье Мейера на Акъ-булакѣ 14—15 іюля. Движеніе Черняева на выручку. Переговоры съ Алимкуломъ. Рекогносцировка Чикмента. Осада и штурмъ этого города. Наказаніе жителей г. Сайрама за измѣнническое нападеніе. Виды Черняева на Ташкентъ. Неудачный штурмъ этого города 2 октября 1864 г. Образованіе Туркестанской области. Движеніе

СТРАН.

Алимкула къ Туркестану. Молодецкое дѣло эсаула Сѣрова подъ Иканомъ 4, 5 и 6 декабря. Предосудительное поведеніе туркестанскаго коменданта подполковника Жемчужникова. Боязливость посланнаго на выручку подпоручика Сукорко. Неудовольствіе Черняева 285–305

ГЛАВА X.

Виды нашего правительства относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Взятіе Ніязбека. Разбитіе Алимкула подъ Ташкентомъ 9 мая 1865 г. Блокада Ташкента. Неудачное нападеніе 7 іюня. Диспозиція къ штурму 15 іюня. Взятіе города. Льготы отъ податей. Окончаніе войнъ съ Коканомъ. Политика оренбургскаго генералъ-губернатора Крыжановскаго. Мирный договоръ 1868 г. . . . . 306—321

ГЛАВА XI.

Предложеніе Черняева эмиру касательно завоеванія Кокана. Занятіе бухарцами Ходжента. Притязанія ихъ на Ташкентъ. Арестъ бухарскихъ купцовъ. Дѣйствія въ Зачирчикскомъ краѣ. Пріѣздъ генерала Крыжановскаго. Недоразумѣнія. Объявленіе Ташкента независимымъ. Адресъ почетныхъ жителей этого города. Хитрость бухарцевъ. Отправленіе посольства въ Бухару. Задержаніе его. Зимняя экспедиція Черняева къ Джизаку. Подъемъ затонувшихъ орудій у Чиназа. Отступленіе. Смѣна Черняева. Причины смѣны. Черняевъ остается ординарцемъ у своего преемника генерала Романовскаго. Отъѣздъ Черняева . . . . . 322—335

ГЛАВА XII.

Инструкція новому губернатору. Затрудненія въ деньгахъ. Тревоги въ лагерѣ. Разбои. Сформированіе милиціи. Баранье дѣло (5 апрѣля). Набѣги Сыддыка. Дѣло подъ Ирджаромъ (8-го мая). Причины движенія къ Ходженту. Осада и штурмъ Ходжента (24 мая). Посольства изъ Кокана и Бухары. Возвращеніе нашего, задержаннаго въ Бухарѣ, посольства. Адресы по случаю спасенія жизни Государя Императора. Устройство внутренняго управленія въ Ташкентѣ. Учрежденіе Мехкеме. Ликвидаціонная коммисія для уплаты долговъ правительства за 1864—1866 годы . . . . . 336—360

ГЛАВА XIII.

Рекогносцировка верховій р. Чирчика. Виды генер. Крыжановскаго на Коканъ. Пріѣздъ Крыжановскаго въ Ташкентъ. Война все равно съ кѣмъ. Принятіе завоеванныхъ мѣстностей

СТРАН.

въ подданство Россіи. Переговоры съ Бухарою. Осада и штурмъ Ура-Тюбе 2 октября 1866 г. Случай съ лѣстницей. Назаровъ и гвардейцы. Причины большой потери въ нашихъ рядахъ. Движеніе къ Джизаку. Рекогносцировска. Осадныя работы. Дѣятельность гарнизона. Почему штурмъ назначенъ не на разсвѣтѣ, а въ полдень? Случай съ уланомъ Кузьминскимъ. Добыча, взятая въ Джизакѣ. Отъѣздъ генераловъ Крыжановскаго и Романовскаго. Назначеніе ген.-ад. ф.-Кауфмана. Золотая книга . . . . . 361—384

ГЛАВА XIV.

Дѣйствія бухарскихъ партизановъ. Сыдлыкъ. Анчоковъ. Мирные переговоры. Доводы генерала Мантейфеля въ пользу занятія передовымъ постомъ укр. Яны-Кургана. Дѣло 26 мая 1867 г. Своеволіе награждается. Мѣры, принятыя бухарцами. Дѣло 7 іюня. Дѣло 5 іюля Индійскій посланецъ изъ Андура. Захватъ подпоручика Служенко. Новые переговоры съ бухарцами. Проектъ положенія объ управленіи краемъ. Организаціонныя коммисіи. Мирный договоръ съ Коканомъ. Мѣры къ уничтоженію разбойничества на передовой линіи. Рекогносцировка сѣвернаго склона хребта Нуратанынъ-Тау. Дѣло подъ Ухумомъ 7 марта 1867 г. Нападеніе на подпоручика Машина въ Джиланъ-Утинскомъ ущельѣ. Сборы генералъ-губернатора въ Петербургъ. Неудача эмира въ пріисканіи союзниковъ. Неудовольствія въ народѣ. Ривоядъ, постановленный духовенствомъ и беками въ чрезвычайномъ собраніи въ Бухарѣ. Объявленіе священной войны — газата . . . . . 385—407

ГЛАВА XV.

Боевыя средства Сыръ-дарьинской области къ началу войны. Средства эмира. Переходъ афганскаго отряда Искандеръ-хана къ русскимъ. Сосредоточеніе войскъ на передовую линію. Оригинальный штабъ. Движеніе къ Самарканду. Лазутчики-послы. Переговоры у Акъ-Кургана. Бѣгство конвойныхъ казаковъ у нашего парламентера. Дѣло на Самаркандскихъ (Чапанъ-атинскихъ) высотахъ 1 мая. Депутація отъ города. Вступленіе русскихъ войскъ въ Самаркандъ. Раздача медалей и халатовъ. Болѣзненность въ войскахъ. Взятіе Ургута и Чилека. Виды генералъ-губернатора относительно Самарканда. Надежды бухарцевъ на перемѣну счастія . . . . . 408—428

ГЛАВА XVI.

Усиленіе верковъ цитадели. Военный совѣтъ 13 мая. Движеніе къ Катты-Кургану и занятіе этого города. Мирные переговоры. Страхъ самаркандскихъ евреевъ. Движеніе Абрамова къ Кара-тюбе и неудача. Поведеніе жителей Самар-

СТРАН.

канда. Наша довѣрчивость, безпечность и самонадѣянность. Нападеніе бухарцевъ на войска, расположенныя подъ Катты-Курганомъ. Дѣло 2 іюля подъ Зерабулакомъ. Отсутствіе рекогносцировокъ. Неожиданность встрѣчи съ непріятелемъ. Планъ Пистолькорса. Рекогносцировка и отдыхъ послѣ боя. Возвращеніе въ Катты-Курганъ и Самаркандъ. Мародеры-туземцы. Извѣстія о возмущеніи жителей Самарканда . . . . . 429—452

ГЛАВА XVII.

Происки духовенства. Средства гарнизона самаркандской цитадели. Жалкое состояніе верковъ. Работы по ихъ усиленію. Прибытіе скопища шахрисябцевъ. Нападеніе на цитадель 2-го іюня. Дѣйствія у бухарскихъ воротъ подполковника Назарова. Штурмъ 3 числа. Вылазки нашего гарнизона и очищеніе эспланады. Штурмъ 4-го числа. Сообщеніе извѣстія генералъ-губернатору о стѣсненномъ положеніи гарнизона. Вылазка 5 числа. Услуга иранскаго аксакала. Приходъ Катты-курганскаго отряда 8 іюня. Очищеніе города отъ мятежниковъ. Наши потери. Приказъ по войскамъ. Наказаніе города грабежемъ. Необходимость для насъ Самарканда. Эмиръ сдается на капитуляцію, но она не принята. Мирный договоръ. Возвращеніе отряда въ Ташкентъ. Возмущеніе сына эмира Катты-Тюри противъ отца. Содѣйствіе нашихъ войскъ, — занятіе Карши и возвращеніе его войскамъ эмира. Посольство сына эмирова—Тюря-Джана (Абдула-Фатихъ-хана) въ С.-Петербургъ. Просьбы о возвращеніи Самарканда. Разграниченіе съ Бухарою. Путь въ Хиву. Разбойникъ Бабанъ. Поведеніе Скобелева. Посольства въ Бухару Носовича, Струве и Колзакова . . . . . 453—487

ГЛАВА XVIII.

Рекогносцировка верховій Заравшана лѣтомъ 1870 г. Движеніе отрядовъ изъ Самарканда и Ура-Тюбе. Недружелюбіе мачинскаго бека. Движеніе отъ Польдорака къ ледникамъ заравшанскимъ. Обратное движеніе. Нападеніе на отрядъ подполковника Деннета. Обходное движеніе Деннета къ Янгы-Саббакскому ущелью и наказаніе враждебнаго скопища. Движеніе Абрамова къ Искандеръ-Кулю. Дѣло на Кули-каланскихъ высотахъ 25 іюня. Изъявленіе покорности мачинскимъ бекомъ. Контрибуція, взысканная коканскимъ ханомъ въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ въ отрядѣ Деннета. Поводы къ неудовольствію нашему относительно Шахрисябза. Рѣшеніе, принятое генералъ-губернаторомъ. Движеніе войскъ изъ Самарканда. Рекогносцировка столицы Шахрисябза (соединенные города Шарь и Китабъ). Осадныя работы и штурмъ 14 августа. Наши потери. Передача столицы бекамъ, присланнымъ отъ эмира. Занятіе и присоединеніе къ Заравшанскому округу бекствъ Магіанскаго и Фарабскаго. Выдача коканскимъ ханомъ бѣжавшихъ къ нему шахрисябзскихъековъ . . . . . 488—510

Карты и планы.

1. Осада и штурмъ Акъ-мечети 28 іюля 1853 г.
2. Планъ дѣйствій подъ Узунъ-агачемъ 19—21 окт. 1860 г.
3. Осада и штурмъ кр. Чимкента 12—25 сент. 1864 г.
4. Блокада г. Ташкента въ іюнѣ 1865 г.
5. Штурмъ укр. г. Ташкента 15 іюня 1865 г.
6. Осада и штурмъ г. Ходжента 17—24 мая 1866.
7. Штурмъ кр. Ура-тюбе 2 октября 1866 г.
8. Штурмъ кр. Джизака 18 октября 1866 г.
9. Штурмъ Самаркандскихъ высотъ 1 мая 1868 г.
10. Бой при Зера-Булакѣ 2 іюня 1868 г.
11. Оборона Самаркандской цитадели 1—8 іюня 1868 г.
12. Штурмъ кр. Китаба 14 августа 1870 г.
13. » » Чин-ча-го-дзи 18 іюня 1871 г.
14. Бой при Суйдунѣ 19 іюня 1871 г.
15. Переправа у Шейхъ-арыка 18—19 мая 1873 г.
16. Ночной бой подъ Ильялы 15 іюля 1873 г.
17. Махрамскій бой 22 августа 1875 г.
18. Два штурма г. Андижана 1 окт. 1875 и 8 января 1876 г.
19. Штурмъ г. Балыкчи 12 ноября 1875 г.
20. Штурмъ Денгиль-Тепе 28 августа 1879 г.
21. Карта рекогносцировокъ и осада кр. Денгиль-Тепе въ 1880 г.
22. Штурмъ кр. Денгиль-Тепе 12 января 1881 г.
23. Минныя работы подъ Денгиль-Тепе.
24. Историческая карта расширенія границъ Россіи со временъ Ивана Грознаго.
25. Карта Средней Азіи съ походами.

Источниками служили.

1. **Demaison.** Histoire des Mogols et des Tartares par Aboul-ghasi. Спб. 1875.

2. **А. Левшинъ.** Описаніе Киргизъ-Казачьихъ или Киргизъ-Кайсацкихъ степей [изд. 1832 г.]

3. **О. Іакинфъ.** Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи.

4. **А. Н. Поповъ.** Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Великомъ. Зап. И. Р. Геогр. Общ. 1853 г. № 9.

5. **Н. В. Ханыковъ.** Описаніе Бухарскаго ханства [изд. 1843 г.].

6. » Осада Герата. Сборникъ матеріаловъ по Азіи. Т. XVI.

7. **Веселовскій.** Историч. очеркъ Хивинскаго ханства.

8. **В. Наливкинъ.** Краткая исторія Кокандскаго ханства.

9. **Л. Ѳ. Костенко.** Историч. и статистич. свѣдѣнія о калмыкахъ.

10. » Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности.

11. **Н. Маевъ.** Очеркъ исторіи киргизскаго народа съ 1732 по 1868 г. «Турк. Вѣд.» 1871 г. №№ 3 и 4.

12. » Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. 1873 г. Вып. II.

13. **А. И. Макшеевъ.** Описаніе низовьевъ Сыръ-Дарьи. Морской сборникъ. 1856. № 9.

14. » Историч. обзоръ Туркестана [1890 г.].

15. **А. Н. Куропаткинъ.** Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней. Часть 3-я, кн. 2-я.

16. » Историч. и военно-географич. очеркъ Кашгаріи. Воен. Сборн. 1897 г. №№ 11—12 и 1878 г. №№ 1—4.

17. **Д. Голосовъ.** Походъ въ Хиву въ 1717 г. отряда подъ начальствомъ л.-гв. Преображенскаго полка капитана князя Александра Бековича Черкасскаго. Воен. Сборн. 1861 г. № 10.

18. **Ф. Н. Лобысевичъ.** Оренбургъ, его жители и пр. Воен. Сборн. 1861 г. № 1.

19. » Сыръ-Дарьинская линія. Воен. Сборн. 1864 г. № 8.

20. » Оренбургскіе губернаторы. Тамъ-же. 1872 г. № 5.

21. » Взятіе Хивы. Вѣстн. Европы, 1873 г. № 8.

22. » Хивинская экспедиція. Тамъ-же, № 10.

23. » Походъ въ Хиву [изд. 1898 г.].

24. **Н. Залѣсовъ.** Посольство капитана Никифорова въ 1841 г., Воен. Сборн. 1861 г. № 11.

25. » Очеркъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Бухарою съ 1836 по 1843 г. Воен. Сборн. 1862 г. № 9.

26. » Посольство въ Хиву подполк. Данилевскаго въ 1842 году. Воен. Сб. 1866 г. № 5.

27. » Посольство въ Хиву и Бухару полк. Игнатьева. Рус. Вѣстн. 1871. № 2.

28. **Н. А. Середа.** Бунтъ киргизскаго султана Кенисары Касимова 1838—1847 г. Вѣст. Европы, 1870 г. №№ 8 и 9 и 1871 г. № 8.

29. **М. Гр. Черняевъ.** Письмо въ редакцію Нов. Времени, 1885 г. № 3490.

30. » Султаны Кенисара и Садыкъ. Русск. Вѣстн. 1889 г. № 8.

31. **Г. Л. Иванинъ.** Походъ въ Хиву въ 1839 г. отряда русскихъ войскъ подъ начальствомъ ген.-адъют. Перовскаго. Воен. Сборн. 1863 г. №№ 1, 2 и 3.

32. » Описаніе зимняго похода въ Хиву 1839—1840 г. [изд. 1873 г.]

33. **И. П. Ивановъ.** Хивинская экспедиція 1839 г. [изд. 1873 г.]

34. **А. Филоновъ.** Оренбургскій походъ. Донскія войсков. вѣдом. 1859.

35. **Лессаръ**. О'Доновань ханъ Мервскій. Нов. Время, 1883, № 2765.
36. **Г. А. Арандаренко**. Досуги въ Туркестанѣ. 1889.
37. **Г. З. Демуровъ**. Бой при Денгель-Тепе 28 авг. 1879 г. Истор. Вѣст. 1881, мартъ.
38. **В. Н. Татищевъ**. Древняя и Новая Россія.
39. **П. Назаровъ**. Воспоминанія о степномъ походѣ въ ханства Хиву и Бухару. Воен. Сбор. 1864 г. № 4.
40. **И. Захарьинъ**. Зимній походъ въ Хиву въ 1839 г. Русскій Архивъ. 1891 г. № 4.
41. » Посольство въ Хиву въ 1842 г. Истор. Вѣстн. 1894 г. Кн. XI.
42. **В. И. Даль**. Письма къ друзьямъ изъ похода въ Хиву. Русск. Архивъ, 1867.
43. **В. А. Перовскій**. Письма къ А. Я. Булгакову (съ похода). Русскій Архивъ, 1878 г., кн. 2.
44. **Зыковъ**. Хивинскія дѣла 1839—1842 г. Русское Слово, 1862 г., № 3.
45. **А. К. Гейнсъ**. Киргизскіе очерки. Воен. Сб. 1865 г., №№ 1, 6—8.
46. » О возстаніи мусульманскаго населенія или дунганей въ Западномъ Китаѣ. Воен. Сб. 1866 г., № 8.
47. **А. Гренъ**. Письма изъ форта «Перовскій». Воен. Сб. 1859, № 12.
48. **М. Венюковъ**. Замѣтки о степныхъ походахъ въ Средней Азіи. Воен. Сб. 1860, № 12.
49. » Походы въ степи. Воен. Сб. 1862, № 4.
50. » Туркестанскіе вопросы. Русск. Мысль, 1899, сентябрь.
51. **В. Потто**. О степныхъ походахъ. Воен. Сб. 1879, №№ 4, 5 и 7.
52. **Л. Мейеръ**. Обзоръ западной оконечности Кара-Таускихъ горъ. Воен. Сб. 1862, № 10.
53. » Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства [изд. 1866 г.].
54. » Очеркъ Закаспійской области. Сборн. матер. по Азіи. Вып. XV.
55. **Е. Смирновъ**. Сыръ-Дарьинская область [изд. 1887 г.].
56. **Н. Дингельштедтъ**. Опытъ изученія ирригаціи Туркестанскаго края [изд. 1893 г.].
57. **Н. Б. Тейхъ**. Историч. очеркъ устройства Ташкентской химической лабораторіи 1897.
58. **А. Кунъ**. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Ферганской долинѣ. Воен. Сборн. 1876, № 4.
59. **Д. И. Романовскій**. Замѣтки по Среднеазіятскому вопросу [1868 г.].
60. **А. Хорошхинъ**. Сборникъ статей, касающихся до Туркестанскаго края [1876 г.].
61. **М. Лыко**. Очеркъ военныхъ дѣйствій 1868 г. въ Заравшанской долинѣ. Воен. Сб. 1871, №№ 5—8.
62. **Черкасовъ**. Защита Самарканда въ 1868 г. Воен. Сб. 1870, № 9.
63. **Зиновьевъ**. Осада Ура-Тюбе и Джизака. Русск. Вѣстн. 1868, №№ 3—6.
64. **М. А. Терентьевъ**. Россія и Англія въ Средней Азіи [1875].
65. » Россія и Англія въ борьбѣ за рынки.
66. » Торговля Россіи въ Средней Азіи. Записки Общ. Торг. и Пром. 1874.
67. » Туркестанъ и Туркестанцы. Вѣст. Европы, 1875, № 9—11.
68. » Торговая политика Англіи. Вѣстн. Европы.
69. » Матеріалы для статистики средне-азіятской Россіи. Записки Имп. Р. Геогр. Общ. 1875.
70. » Скайлеръ и Макъ-Гаханъ. Русск. Міръ, 1876, №288.
71. **Ф. Мартенсъ**. Россія и Англія въ Средней Азіи.
72. **А. Н. Масловъ**. Завоеваніе Ахалъ-Теке [изд. 1882 г.].
73. **П. И. Хомутовъ**. Исламъ въ его вліяніи на жизнь послѣдователей [переводъ].
74. **В. Н. Троцкій**. Матеріалы для описанія Хивинскаго похода 1873 г. [изд. 1884 г.].
75. **Касьяновъ**. „Воспоминанія". Средне-Азіятскій Вѣстникъ, 1896 г., іюль.
76. **В. А. Полтарацкій**. „Воспоминанія". Ист. Вѣст., 1895, № 2.
77. **Е. Скайлеръ**. Turkistan. By Eugene Schuyler. 1876.
78. **Хуттонъ**. Central Asia from the Aryan to the Cosack. 1875.
79. **Макъ-Гаханъ**. Военныя дѣйствія на Оксусѣ и паденіе Хивы [переводъ. 1875 г.].

80. **А. А. Майеръ.** Годъ въ пескахъ. Очеркъ Ахалъ-Текинской экспедиціи 1880 - 81 г. [изд. 1886 г.].

81. **А. В. Щербакъ.** Ахалъ-текинская экспедиція ген. Скобелева 1880—1881 г. [изд. 1884 г.].

82. **С. Смоленскій.** Дѣло 20 казаковъ при мысѣ Чаграѣ 25 іюля 1870 г. Воен. Сборн. 1873 г. № 10.

83. Русскій Туркестанъ. Сборникъ подъ редакціей Маева и Троцкаго.

84. **В. М. Вонлярлярскій.** Воспоминанія ординарца о войнѣ 1877—78 гг. Рус. Стар. 1892. № 5.

85. **Верещагинъ.** Дома и на войнѣ.

86. Д-ръ **Казанскій** о Памирѣ.

87. **В. А. Туганъ-Мирза-Барановскій.** Русскіе въ Ахалъ-Теке 1879 г. [изд. 1881 г.].

88. **А. Ржевусскій.** Отъ Тифлиса до Денгиль-Тепе. Воен. Сбор. 1885 г. № 3.

89. **Вл. Череванскій.** Подъ боевымъ огнемъ. Историч. хроника [изд. 1896 г.].

90. **Ег. Забѣлкинъ.** Разсказъ миннаго унтеръ-офицера объ Ахалъ-текинской экспедиціи. Кронштадт. Вѣстн. 1882 г. №№ 120—121.

91. **С. Кодинецъ.** Неудавшаяся экспедиція. Истор. Вѣст. 1900 г. Апрѣль.

92. Бар. **Бенуа-Мешэнъ.** Записки о мервскихъ туркменахъ 1883 г. Сборн. матер. по Азіи вып. VI [переводъ].

93. **Бѣлявскій.** Путь отъ залива Цесаревича черезъ Усть-Уртъ до Кунграда. Тамъ же томъ XV.

94. Засѣданіе лондонскаго географ. общества 15 ноября 1882 г. Тамъ же, томъ XIII.

95. Дунгана съ 1845 по 1869 г. изъ исторіи Кашгара **Беллю**. Тамъ же, т. XVI.

96. **Н. Гродековъ.** Война въ Туркменіи. Походъ Скобелева въ 1880—81 г. [изд. 1884 г.].

97. » Поѣздка ген. штаба полк. Гродекова черезъ Гератъ въ Афганистанъ. Сборн. по Азіи т. V и VI.

98. **И. Я. Яворскій.** Путешествіе русскаго посольства по Афганистану и Бухарскому ханству въ 1878—79 годахъ [изд. 1882 г.].

99. **Л. Соболевъ.** Англо-афганская распря 1878—80 г. [изд. 1882 г.].

100. **В. Коростовцевъ.** Нѣсколько словъ о горной долинѣ Алай и о Памирѣ. Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ. 1877 г. № 4.

101. **Н. А. Аристовъ.** Англо-индійскій Кавказъ. Спб. 1900 г.

102. Русск. Архивъ 1884 г. кн. 2-я [о генералѣ Безносиковѣ].

103. Зап. И. Р. Геогр. Общ. 1863 г. т. I о соединеніи Чернаго и Каспійскаго морей.

104. То же. 1869 г. т. II, по тому же вопросу.

105. **Скаловскій.** О физико-географическихъ условіяхъ Черноморскаго бассейна въ связи съ вліяніемъ Босфора.

106. Lettres du maréchal de **Saint Arnaud.** 1885 г.

107. **Чарльсъ Непиръ.** Армія въ Индіи на походѣ. Воен. журналъ 1850 г. № 111.

108. **А. Серебряковъ.** Къ исторіи кокандскаго похода. Воен. Сбор. 1901 г. № 10.

109. **Лазарь Будаговъ.** Словарь турецко-татарскихъ нарѣчій.

110. **Германъ Вамбери.** Cagataische Sprichstudien. Лейпцигъ 1867 г.

111. Всеподданнѣйшіе отчеты туркестанскихъ генералъ-губернаторовъ фонъ-Кауфмана, Розенбаха и Вревскаго.

112. Годовые отчеты сыръ-дарьинскаго, зарявшанскаго, ферганскаго и семирѣченскаго губернаторовъ.

113. Секретное дѣло штаба туркест. воен. окр. 1871 г. № 1 объ экспедиціи къ Хивѣ.

114. » » » » » » 1878 г. № 34 объ отпускѣ полк. Гродекова.

115. Дѣло того же штаба 1875 г. № 40 кокандская экспедиція.

116. » » » » 1876 г. № 25 тоже.

117. » » » » 1878 г. № 28 о посольствѣ въ Кабулъ ген. Столѣтова.

118. » » » » 1879 г. т. I № 54.

119. » » » » 1882 г. № 47.

120. » » » » № 1 по морскому отдѣленію (о флотиліи).

121. » » » » 1894 г. № 13 о разграниченіи Памировъ.

122. Дѣло канцеляріи туркест. ген.-губ. 1878 г. № 63 о посольствѣ ген. Столѣтова въ Кабулъ.
123. Всеподданнѣйшій отчетъ ревизіонной коммиссіи сенатора тайн. сов. Гирса [1882—1883 годовъ].
124. Архивъ туркест. военно-окр. суда 1896 г. № 37 о холерномъ бунтѣ.
125. » » » » » 1898 г. о возстаніи туземцевъ въ Ферганской области.
126. Дѣло сыръ-дарьинскаго областного суда 1895 г. № 137 о подговорѣ къ бунту въ Ауліетахъ.
127. » » » » » 1896 г. № 5 тоже.
128. » » » » правленія 1898 г. дознаніе о невинно осужденныхъ Керимъ-Али и др., доносившихъ о проповѣди газавата ишаномъ Израелемъ.
129. » » » » № 216 о злоупотребленіяхъ Савенковъ, Гуюса и друг. 1878—1881 г.
130. Архивъ семирѣч. областн. правленія за 1898 г. №№ 56, 64, 65 и др. о стремленіи къ осѣдлости киргизовъ.
131. Взятіе Токмака и Пишпека. Воен. Сбор. 1860 г. № 11.
132. » Яны-Кургана. Тамъ же 1861 г. № 12.
133. Отраженіе кокандцевъ въ Заилійскомъ краѣ подполк. Колпаковскимъ id. 1861 г. № 1.
134. Взятіе Ауліе-ата и Азрета. id 1864 г. № 9.
135. » Чимкента. id. 1864 г. №№ 11 и 12.
136. Дѣло подъ Иканомъ. id. 1865 г. №№ 3, 5 и 7.
137. Взятіе крѣп. Ніязбека. id. 1865 г. № 7.
138. » Ташкента. id. 1865 г. №№ 8 и 9.
139. Бухарскія дѣла. id. 1866 г. № 7.
140. Взятіе Ходжента. id. 1866 г. № 8.
141. Принятіе Ташкента въ русское подданство. id. 1866 г. № 11.
142. Взятіе крѣп. Ура-Тюбе и Джизака. id. 1867 г. № 1.
143. Дѣло 23 декабря 1880 г. id. 1881 г. № 10.
144. Полное Собраніе Законовъ т. XLIII, № 13649.
145. » » » т. X. № 7347.
146. » » » т. X. № 7514.
147. Топографія Оренбургская. Изд. 1762 г.
148. **П. И. Дивова** дневникъ (1838 годъ въ Петербургѣ). Р. Стар. 1902 г. Сентябрь.
149. Акад. **Миддендорфъ**. Очерки Ферганской долины.
150. „Новое Время“ 1903 года. Корреспонденціи изъ Андижана 21 января и 1 марта.

Предисловіе.

Подъ именемъ Средней или Центральной Азіи разумѣютъ обыкновенно три ханства: Хивинское, Бухарское и Коканское. Но какъ въ различныя эпохи эти ханства представляли собою и различныя величины, то и географическій терминъ „Средняя Азія“ являлся понятіемъ растяжимымъ. Кочевники киргизы, туркмены и калмыки, то подчиняясь сосѣдямъ, то уходя отъ нихъ иногда за тысячи верстъ, занимали подъ свои лѣтовки и зимовки чужія земли, если никто имъ не мѣшалъ, а занятая мѣстность изобиловала кормами и водой. Если новый сосѣдъ не дремалъ, то облагалъ данью прикочевавшихъ къ нему дикарей, которымъ нерѣдко приходилось платить за лѣтовки одному, а за зимовки—другому сосѣду. Въ такихъ случаяхъ они назывались „двоеданцами“ и причислялись, по нашимъ свѣдѣніямъ, то къ Хивѣ, то къ Бухарѣ, то къ Кокану, то къ Китаю. Такимъ образомъ понятіе о Средней Азіи растягивалось: къ западу до Урала, къ сѣверу до границъ Сибири, къ востоку до Китая и къ югу до границъ Персіи и Афганистана. Этнографическій признакъ являлся непрочнымъ и неустойчивымъ. Поэтому слѣдуетъ предпочесть признакъ территоріальный и, если заключить обширную площадь въ рамку между 35 и 50 градусами сѣв. широты и между 70 и 95 восточной долготы (отъ перваго меридіана), то въ нее войдутъ какъ разъ всѣ названныя ханства съ туркменами и киргизами, кочующими не только въ предѣлахъ нынѣшняго Туркестанскаго округа и полунезависимыхъ ханствъ Хивы и Бухары, но, въ Персіи, афганскомъ Туркестанѣ и Западномъ Китаѣ.

Къ югу эта площадь будетъ граничить персидскимъ хребтомъ Эльборусъ, афганскимъ Парапамизомъ и Гиндукушемъ, вплоть до нашего Памира, а далѣе верстъ пятьдесятъ по китайскому Кюень-люню. Довольно сносная естественная граница.

Большая часть этой территоріи завоевана нами, и теперешнія наши границы довольно удовлетворительны, но дошли мы до нихъ послѣ трехсотъ лѣтъ упорной борьбы. Много вынесла Рос-

сія грозныхъ набѣговъ со стороны дикихъ кочевниковъ, выходившихъ изъ той же Средней Азіи. Узкоглазая, скуластая, злая фигура давно знакома была нашимъ предкамъ. Но какъ только собралась и окрѣпла Русская земля,—она сама перешла въ наступленіе.

Приложенная къ настоящему труду историческая карта наглядно указываетъ постепенный ходъ нашего движенія на востокъ со времени царя Ивана Грознаго. Оставили свой слѣдъ въ Азіи цари: Ѳедоръ Ивановичъ, Борисъ Годуновъ, Василій Шуйскій, Михаилъ Ѳедоровичъ, Алексѣй Михайловичъ; императрицы: Анна и Екатерина II; императоры: Александръ I, Николай I, Александръ II, Александръ III и Николай II.

Старинные счеты сведены, твердый порядокъ заступилъ мѣсто своеволія и разбойничьихъ набѣговъ, границы безпокойныхъ сосѣдей отодвинуты отъ остальной Россіи до предѣловъ возможности, и сюда, какъ бы въ отместку за прежнія нашествія, хлынула изъ Россіи волна переселенцевъ.

Въ концѣ 1869 г. покойный Константинъ Петровичъ ф. Кауфманъ, тогдашній туркестанскій генералъ-губернаторъ, поручилъ мнѣ составить „Исторію завоеванія Средней Азіи“, предполагая издать ее въ видѣ приложенія, къ исторической части начатаго тогда обширнаго альбома Туркестанскаго края.

Оренбургскіе архивы были уже обстоятельно использованы А. Левшинымъ до 1832 г., Г. Л. Иванинымъ—до 1840 г., Н. Залѣсовымъ—до 1842 г., Н. А. Середой—до 1847 г.; поэтому матеріалы мнѣ приходилось собирать только въ мѣстныхъ туркестанскихъ архивахъ, ведущихъ свое начало съ 1847 г., т. е. со времени постройки перваго укрѣпленія на Сыръ-дарьѣ, Раима. Работа моя до того меня захватила, столько нашлось новыхъ, еще неизвѣстныхъ никому данныхъ, что остановиться на томъ или другомъ выборѣ было весьма затруднительно. Мнѣ все казалось важнымъ и цѣннымъ, всякая мелочь. Къ тому же и гигантскую борьбу вели не исполины, а скромные русскіе люди. Задавшись цѣлію воздать каждому по дѣламъ его, я не обходилъ ни одного, самаго скромнаго подвига, но реляціи всегда свѣрялъ съ частными донесеніями. Не стоитъ писать исторію, если не писать всю правду. Пусть передъ читателемъ пройдетъ живой человѣкъ со всѣми его слабостями и ошибками: дѣло онъ сдѣлалъ, слѣдъ свой оставилъ, а что онъ былъ такой же, какъ и мы, такъ этимъ онъ намъ еще милѣе.

Чего стоятъ краснорѣчивыя реляціи,—вотъ примѣръ: 18 дек. 1853 года 13,000 коканцевъ при 17 орудіяхъ напали на недостроенный еще фортъ Перовскій; комендантомъ былъ подполковникъ Огаревъ (онъ же и нач. лѣв. фланга Сыръ-дарьинской линіи); рѣшивъ встрѣтить коканцевъ въ открытомъ полѣ, онъ по-

ручилъ капитану Шкупю 350 чел. пѣхоты и 190 казаковъ съ 4 орудіями произвести вылазку и разбить непріятеля „на вѣрное“, дѣйствуя „по потребности и благоразумію“. Шкупь разбилъ коканцевъ, взялъ ихъ лагерь и всю артиллерію. Въ реляціи Огарева однако подвигъ Шкупя затушеванъ, выходитъ, будто всѣмъ ходомъ дѣла управлялъ Огаревъ, не выходившій изъ форта. Императоръ Николай произвелъ Огарева черезъ чинъ прямо въ генералы, а Шкупь наравнѣ съ остальными офицерами, получилъ только слѣдующій чинъ... Въ архивѣ однако сохранилось предписаніе Огарева и рапорты участниковъ боя, по которымъ я и возстановилъ истину.

Ошибки и промахи также поучительны, хотя и отрицательною стороною; расплачиваться за нихъ приходится кровью и костями подчиненныхъ, поэтому повторяться они не должны. А между тѣмъ они повторяются и, напримѣръ, что продѣлалъ въ 1717 году Бековичъ Черкасскій, то въ миніатюрѣ продѣлалъ въ 1871 году приставъ подполк. Рукинъ: такъ же отдѣлился отъ своихъ, перешелъ въ толпу непріятелей для переговоровъ „по-пріятельски“ и такъ же погубилъ свой отрядъ, хотя самъ живой не дался, а застрѣлился. Нѣтъ сомнѣнія, что Рукинъ, заурядный линейный офицеръ, никогда не слыхалъ даже о Бековичѣ и его злоключеніяхъ. Мы знаемъ командира довольно крупной части, который былъ увѣренъ, что Ташкентъ взялъ Скобелевъ послѣ Геокъ-Тепе, а недавно, въ октябрѣ 1902 г., какой-то гвардейскій полковникъ за полною своею подписью объявилъ въ большой газетѣ, что Самаркандъ и Хиву взялъ Черняевъ! И это еще военные, въ нѣкоторомъ родѣ спеціалисты...

Итакъ, не желая быть рабомъ реляцій, я относился къ нимъ критически: панегириковъ я писать и не собирался, а правду высказать не боялся, мало заботясь о томъ, понравится ли это тому или другому изъ дѣятелей, прославленныхъ уже и превознесенныхъ на поляхъ Средней Азіи.

Желая воспользоваться рѣдкимъ для историографа случаемъ личнаго знакомства съ главными дѣятелями послѣднихъ войнъ, я представлялъ свой трудъ, кромѣ Кауфмана, еще и генераламъ Крыжановскому, Черняеву и Колпаковскому въ частяхъ, до нихъ касавшихся. Долженъ сознаться, что вполнѣ доволенъ остался одинъ Колпаковскій... Ген. Кауфманъ, интересовавшійся въ особенности описаніемъ его Самаркандской экспедиціи 1868 г., былъ весьма недоволенъ моей „критикой“. Въ 1872 году я представилъ ему три тома оконченной „Исторіи“, доведенной до этого года. Краткое извлеченіе, въ видѣ описанія ряда штурмовъ и сраженій, съ планами и картами, было передано потомъ „для исправленія“ кому-то изъ офицеровъ генер. штаба и, куда дѣвалось, не знаю. Однакоже матеріалы, собранные мною по части диплома-

тическихъ сношеній съ сосѣдними ханствами, я обработалъ впослѣдствіи и, съ разрѣшенія ген. Кауфмана, издалъ въ 1875 г. въ видѣ двухъ отдѣльныхъ трудовъ: 1) „Россія и Англія въ Средней Азіи“ и 2) „Россія и Англія въ борьбѣ за рынки“.

Между тѣмъ началась Хивинская экспедиція, о которой всѣ ташкентцы столько мечтали и въ которую такъ рвались. Я былъ обойденъ назначеніемъ и вскорѣ отчислился въ распоряженіе главнаго штаба и уѣхалъ изъ края. Только черезъ 23 года, въ 1895 г., я снова перешелъ на службу въ Ташкентъ и началъ продолжать „Исторію“. Завоеваніе Хивы, Кокана, Ахалъ-Теке, диверсія противъ Остъ-Индіи, посольство въ Афганистанъ, передача Кульджи китайцамъ, бунтъ въ Ферганѣ, все это составило еще 4 тома и было окончено въ 1899 г.

Главные дѣятели послѣднихъ азіатскихъ войнъ, принесшихъ Россіи столько славы и земельныхъ пріобрѣтеній, уже сошли со сцены: Кауфманъ, Скобелевъ, Крыжановскій, Романовскій, Колпаковскій и Черняевъ. Сошли въ могилу и второстепенные дѣятели, каковы: Абрамовъ, Головачевъ и Троцкій. Остались только тѣ, кто 30 лѣтъ тому назадъ были еще молодыми людьми и въ первыхъ рядахъ не стояли.

Казалось бы, пора поднять завѣсу, скрывающую отъ насъ подробности дѣяній нашихъ славныхъ военачальниковъ, но скрывающую также и ихъ ошибки. И то, и другое знать необходимо тому, кто хочетъ служить въ Средней Азіи, руководясь добытымъ уже нашими предшественниками опытомъ и остерегаясь повторять прежнія ошибки. Съ каждымъ днемъ воевать становится труднѣе, а теперь и сосѣди у насъ уже не тѣ, что были 20 лѣтъ назадъ. А между тѣмъ третьестепенные дѣятели до сихъ поръ считаютъ „секретомъ“ передачу въ 1881 году Кульджи Китаю, потому что тогда переписка объ этомъ велась „секретно“. Нужды нѣтъ, что и манифестъ объ этомъ напечатанъ, и на всѣхъ картахъ географическихъ кульджинская провинція пририсована къ Китаю, а наши мудрецы думаютъ скрыть. На этомъ основанъ былъ отказъ сообщить мнѣ временно канцелярскую переписку о сдачѣ Кульджи изъ Омскаго архива.

Точно также посольство ген. Столѣтова въ Кабулъ въ 1878 г.; нужды нѣтъ, что объ этомъ докторъ Яворскій напечаталъ правдивое и цѣнное повѣствованіе, нужды нѣтъ, что переписка дипломатической канцеляріи авганскаго эмира была захвачена англичанами и что самою причиною войны они торжественно объявили принятіе эмиромъ русскаго посольства и отказъ въ томъ же англичанамъ, а наши мудрецы никакъ не могутъ отвести глазъ своихъ отъ магическаго слова „секретно“, красующагося въ верхнемъ правомъ уголкѣ каждаго отношенія и рапорта... Рано еще говорить объ этомъ... русскимъ! Англичане давно и подробно все

знаютъ, даже договоръ Столѣтова захватили, а отъ русскихъ это надо скрыть?

Наше общество и наши правящія сферы, право, заслуживаютъ того, чтобы знать настоящую, не прикрашенную и не закрашенную правду, а кто не боялся сказать ее въ глаза людямъ, отъ которыхъ зависѣлъ, тотъ еще менѣе будетъ стѣсняться съ людьми, отъ которыхъ уже не зависитъ.

Генералъ-лейтенантъ **Терентьевъ.**

ГЛАВА I.

Движеніе Россіи на востокъ: Пермь (Баремія), Вятка, Казань, Астрахань, Сибирь. Россія на стражѣ Европы. Характеръ дальнѣйшаго движенія на востокъ. Племена, населявшія Заволжье. Башкиры (бесерги). Яицкіе казаки. Калмыки. Казаки (кайсаки, киргизы). Дзюнгары. Очеркъ исторіи казаковъ до вступленія ихъ въ подданство Россіи. Очеркъ исторіи Дербенъ-ойратскаго союза до движенія Галданъ-Цырена къ Сыръ-Дарьѣ. Киргизы отступаютъ къ предѣламъ Россіи.—Просьбы хана Тявки, султановъ Каипа и Абулъ-Хаира, а также и хивинскаго хана о принятіи ихъ въ русское подданство.

Движеніе Россіи на востокъ началось еще во время татарскаго ига.

Великій собиратель земли русской Иванъ III (1462—1505), положивъ краеугольный камень нынѣшнему величію Россіи, сдѣлалъ и первый починъ движенію на Востокъ: при немъ въ 1472 г. завоевана была Пермь (не Біармія ли это? *), а затѣмъ Вятка и земля Югорская (Сѣверо-Западная Сибирь). Распавшись еще при Василіи Темномъ (съ 1425—1462), Золотая Орда все еще претендовала на дань и на власть, но соперничество съ нею отдѣлившихся отъ нея царствъ Казанскаго и Крымскаго, давало намъ возможность, союзомъ съ ними, парализовать предпріимчивость Орды.

Задумавъ уничтожить и самую тѣнь постыднаго ига, Иванъ III заключилъ союзъ съ Менгли-Гиреемъ крымскимъ, разорвалъ грамоту сарайскаго хана Ахмата и прогналъ его пословъ. Ахматъ также обезпечилъ себя союзомъ съ Казиміромъ IV литовскимъ, но крымцы напали на Литву и тѣмъ отвлекли ее отъ содѣйствія Золотой Ордѣ, а русскія дружины, съ другими партіями крымцевъ, напали на Сарай и разорили его. Главныя же силы Россіи

*) Нѣкоторые исторіографы, подъ Біармією, разумѣютъ нынѣшнюю Архангельскую губернію, а Пермь и землю Югорскую считаютъ за одно и то же. Скандинавскіе анналы (лѣтописи) указываютъ, правда, на покореніе Біарміи Новгородомъ, причемъ разумѣютъ Архангельскую и Вологодскую губерніи, но сходство именъ соблазняетъ согласиться съ тѣми, которые производятъ Пермь отъ Біарміи, переиначенной въ Баремію и затѣмъ, можетъ быть, въ Бармію, Пармію, Пермію и Пермь. Если и теперь Архангельская губернія населена весьма слабо, то 400 лѣтъ назадъ, конечно, еще слабѣе и потому яблокомъ раздора между Новгородомъ и Москвою едва-ли могла быть, тогда какъ нынѣшняя Пермь, кромѣ дорогихъ мѣховъ, доставляла и серебро изъ Югорской земли.

и Орды, простоявъ другъ передъ другомъ до поздней осени и не рискнувъ первыми перейти раздѣлявшую ихъ рѣку Угру, мирно разошлись 7 ноября 1480 года. Этотъ день и считается послѣднимъ днемъ ига. Окончательный же ударъ Кипчакскому царству нанесенъ былъ вѣрнымъ союзникомъ нашимъ, Менгли Гиреемъ, въ 1502 году.

Съ устраненіемъ стараго врага отношенія наши къ Казани *) и Крыму измѣнились: не стѣсняемые болѣе заботами о собственной безопасности, эти сосѣди производили безпрерывные разбойничьи набѣги на пограничныя наши области. Хотя воеводы Ивана III и привели Казань въ зависимость отъ Москвы, но казанцы при каждомъ удобномъ случаѣ отъ нея отказывались. На оставшійся въ 1518 году вакантнымъ престолъ казанскій Василій назначилъ одного изъ „служебныхъ“ царевичей**), Шигъ-Алея, но партія крымская снеслась съ Махметъ-Гиреемъ, который въ 1521 году напалъ врасплохъ на Россію, распустившую свои ополченія, и дошелъ до самой Москвы. Казань, раздираемая борьбою партій, снова подчинилась Россіи только черезъ 30 лѣтъ, но, когда ей опять навязали того же Шигъ-Алея, то она снова отложилась и призвала на престолъ крымскаго царевича Эдигера. Тогда Иванъ IV рѣшился покончить съ Казанью. Да и пора было. Русь уже собралась въ могучее цѣлое присоединеніемъ къ Москвѣ Великаго Новгорода (1478 г.), Твери (1485 г.), Смоленска (1514 г.) и Рязани (1517 г.); терпѣть болѣе набѣги и своеволіе татаръ было не для чего.

Въ 1552 году самъ Грозный съ 150.000 русскихъ (въ томъ числѣ были и стрѣльцы,—только что учрежденное постоянное войско) осадилъ Казань и взялъ ее 2 октября приступомъ черезъ брешь, образованную взрывомъ сильной мины (48 бочекъ пороху).

Черезъ 4 года, т. е. въ 1556 г., присоединено, и безъ труда, слабое Астраханское царство, возникшее было на развалинахъ Золотой Орды.

---

*) Въ Средней Азіи есть преданіе, что Казань построили каракалпаки, но потомъ были вытѣснены ногаями и ушли къ Аральскому морю. Въ договорѣ Игоря съ греками есть статья, которою русскіе обязались не допускать движенія черныхъ болгаръ съ Волгина Грецію. Кара значитъ черный,—не каракалпаки ли это были?

**) Въ XIV и XV в.в. изъ Золотой Орды выходили нерѣдко знатные мурзы и царевичи и поступали, съ дружинами своими, на службу къ тому или другому русскому князю. Правительство московское поселяло этихъ служебныхъ татаръ на юго-восточныхъ границахъ, возлагая на нихъ обязанность защищаться отъ набѣговъ другихъ татаръ. Такъ создалось на берегахъ Оки ханство Касимовское, названное по имени служебнаго царевича и состоявшее въ ленной зависимости отъ московскаго великаго князя.

Крымскіе ханы, однакоже, предъявили притязанія на Казань и Астрахань,—отсюда рядъ кровавыхъ набѣговъ и войнъ, продолжавшихся 230 лѣтъ до 1783 года, когда Таврическій полуостровъ былъ присоединенъ, наконецъ, къ Россіи.

Вслѣдъ за покореніемъ Астрахани, царь послалъ въ 1567 г. двухъ казацкихъ атамановъ, Петрова и Яличева, съ Урала черезъ Байкалъ въ Пекинъ. Они дошли до Японскаго моря и воротились хорошо ознакомленными съ сибирскими татарами.

Къ концу царствованія Ивана Грознаго Россія шагнула за Каменный поясъ, какъ тогда называли Уральскій хребетъ.

Въ пустынномъ и дикомъ пермскомъ краѣ только что заводились тогда русскія поселенія. Одному богатому купцу, Строгонову, посчастливилось получить отъ царя владѣнную запись на пустыя земли между р.р. Камой и Чусовой, что составляетъ почти половину нынѣшней Пермской губерніи. Строгоновы обязались заселить эти земли, завели здѣсь соляныя варницы и получили право, для защиты края отъ сосѣдей, строить крѣпости, имѣть пушки и держать собственныя войска. Такимъ образомъ Строгоновы сдѣлались какъ бы ленными владѣтелями довольно обширной страны.

Наемныя войска ихъ состояли изъ всякаго сброда: тутъ были и русскіе, и татары, и плѣнные нѣмцы, и литовцы, но ихъ едва хватало для одной только пассивной обороны отъ набѣговъ зауральскихъ татаръ, основавшихъ по Иртышу независимое владѣніе, съ главнымъ городомъ Искеромъ или Сибирью.

Чтобы дать добрую острастку этой Сибири, нашимъ слѣдовало самимъ перейти за хребетъ и поразить разбойника-сосѣда въ самое сердце. Строгоновы такъ и рѣшили. Они пригласили къ себѣ на службу одну изъ разбойничьихъ шаекъ, спасавшуюся на Камѣ отъ царскихъ войскъ. Это была шайка Ермака, состоявшая изъ донской вольницы, грабившей по Волгѣ и своихъ, и чужихъ.

Нападеніе на персидскихъ и бухарскихъ пословъ, плывшихъ по Волгѣ въ Москву, вынудило царя принять противъ разбойниковъ крутыя мѣры: казаковъ ловили, казнили, и стали казаки разбѣгаться, какъ волки. Понятно, съ какою радостью приняли осужденные на казнь люди предложеніе Строгоновыхъ, и какъ усердно служили они своимъ кормильцамъ: они не только обороняли городки отъ набѣговъ вогуличей, вотяковъ и пелымцевъ, но и сами дѣлали набѣги на этихъ „желтокожихъ“.

Понятно также, что Грозный не могъ быть равнодушнымъ къ такому исходу дѣла: его подданные Строгоновы даютъ пріютъ и холятъ людей, обреченныхъ имъ на казнь, укрываютъ враговъ государства и ни во что не ставятъ царскіе указы и т. д.

Грозный однакоже молчалъ до поры до времени.

Лѣтомъ 1581 г. Строгоновы предложили Ермаку перевалить за Каменный поясъ и наказать хана Кучума. Предпріятіе это, задуманное безъ вѣдома и позволенія Москвы, было чрезвычайно смѣло: преувеличенное понятіе о силѣ и значеніи инородцевъ, господствовавшее тогда въ Москвѣ, которая даже остяцкихъ и вогульскихъ мурзъ считала князьями, а Кучума—самимъ сибирскимъ царемъ, грозило Строгоновымъ, въ случаѣ неудачи, большою бѣдою. Какъ нарочно, въ тотъ самый день, 1 сентября 1581 г., когда Ермакъ съ партіей въ 840 человѣкъ (въ томъ числѣ до 300 плѣнныхъ литовцевъ, нѣмцевъ и татаръ) двинулся на Сибирь,—въ тотъ же день толпы дикарей-вогуличей, собранныхъ пелымскимъ княземъ, напали на Чердынь и на строгоновскія земли. Иванъ Грозный отнесся къ предпріятію, какъ и слѣдовало ожидать, весьма строго. „Это случилось по вашей измѣнѣ,—писалъ царь Строгоновымъ,—вы вогуличей, вотяковъ и пелымцевъ отъ нашего жалованья отвели, ихъ задирали... потомъ призвали къ себѣ волжскихъ атамановъ и воровъ, наняли ихъ въ свои остроги безъ нашего указа... Имъ было вины свои покрыть тѣмъ, что Пермскую землю оберегать; а они вмѣстѣ съ вами и сдѣлали точно такъ же, какъ на Волгѣ: въ тотъ самый день, въ который приходили къ Чердыни вогуличи, 1 сентября, отъ тебя изъ остроговъ Ермакъ съ товарищами воевалъ вогуличей, а Перми ничѣмъ не пособили. Все это сдѣлалось вашимъ воровствомъ и измѣною... А не вышлете изъ остроговъ своихъ въ Пермь волжскихъ казаковъ, атамана Ермака Тимофѣева съ товарищами, и станете держать ихъ у себя, а пермскія мѣста не будете оберегать, и если такою вашею измѣною что впредь случится надъ пермскими мѣстами отъ вогуличей, пелымцевъ и сибирскаго салтана,—то мы за то на васъ опалу свою наложимъ большую, атамановъ же и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшать“. Грозный шутить не любилъ, и потому нетрудно сообразить, чѣмъ рисковали Строгоновы: подозрѣніе въ государственной измѣнѣ грозило имъ плахой!

Дѣло однако же было сдѣлано: Ермакъ перешелъ Каменный поясъ и, плывя на стругахъ изъ рѣки въ рѣку (Чусовая, Серебрянная, Жаровля, Тура) углубился въ нѣдра Сибирскаго царства. Огнестрѣльное оружіе, неизвѣстное дотолѣ сибирцамъ, навело на нихъ паническій ужасъ. Ханъ Кучумъ, побитый въ нѣсколькихъ схваткахъ, покинулъ столицу и бѣжалъ въ степи; казаки вступили въ пустой городъ Сибирь 26 октября, а весною захватили въ плѣнъ и родственника ханскаго, знаменитаго богатыря Мегметкула. Ермакъ послалъ въ Москву товарища своего, атамана Кольцо, который и ударилъ челомъ, т. е. поклонился Ивану Грозному, всѣмъ Сибирскимъ царствомъ. Грозный не только простилъ

казакамъ прошлыя вины и одарилъ ихъ, поступивъ въ этомъ случаѣ совсѣмъ не по обычаю: грозный самодержецъ принялъ въ своихъ палатахъ приговоренныхъ къ смерти разбойниковъ, прибавившихъ къ прежнимъ винамъ еще новую: самовольное завоеваніе сосѣдняго царства! Государственный смыслъ, подсказавшій впослѣдствіи Екатеринѣ II знаменитое: „побѣдителя не судятъ“, былъ всегда силенъ въ Москвѣ и предохранилъ самодержца отъ излишняго увлеченія дисциплиной.

Въ годъ смерти Грознаго погибъ и Ермакъ. Бурная ночь и безпечность казаковъ дали Кучуму возможность пробраться въ самый лагерь русскихъ. Захваченные врасплохъ, казаки все-таки отбились, но потеряли при этомъ Ермака, который, какъ искусный пловецъ, хотѣлъ было переплыть Иртышъ, но тяжеловѣсный подарокъ Грознаго—кольчуга, увлекла его на дно.

Послѣ этой катастрофы всѣ покоренныя племена возстали, и казаки вынуждены были уйти назадъ въ Россію, гдѣ соединились съ царскими воеводами и тогда снова взяли Искеръ.

Впослѣдствіи русское правительство обезпечило за собою новопокоренную страну возведеніемъ крѣпостей: Тобольска въ 1587 г., Томска въ 1604 г., Якутска въ 1632 г., Нерчинска въ 1653 г. и Иркутска въ 1669 г. Двигались двумя путями: сѣвернымъ, отъ Мангазеи, атаманъ Елисѣй Буза спустился по Ленѣ до ея устья и дошелъ до Индыгирки; Копыловъ въ 1639 г. дошелъ до Охотскаго моря; Стадухинъ въ 1644 г. дошелъ до р. Колымы; Игнатьевъ въ 1646 г., берегомъ Ледовитаго океана, добрался до Чаунской губы; Дежневъ въ 1648 г. обогнулъ на лодкахъ восточную оконечность Азіи, убѣдился, что она не соединяется съ Америкою, а раздѣлена отъ нея проливомъ и, наконецъ, открылъ р. Анадырь. Отсюда казаки Атласова прошли въ 1696 г. въ Камчатку. Дальше идти было некуда.

Южнымъ путемъ, отъ Томска, атаманъ Колесниковъ дошелъ въ 1643 г. до Байкала. Тогда же Поярковъ пошелъ вверхъ по Алдану, притоку Лены, перевалилъ черезъ Становой хребетъ и спустился по Зеѣ въ Амуръ, а въ 1644 г. дошелъ до его устья. Назадъ отправился Охотскимъ моремъ, перевалилъ черезъ Становой хребетъ, подходящій здѣсь къ берегу, и по Алдану и Ленѣ соединился съ оставшимися на Байкалѣ. Бассейнъ Амура изслѣдованъ въ 1650—1654 гг. Хабаровымъ, открывшимъ Аргунь, Селенгу, Ингоду. Такимъ образомъ черезъ пятьдесять лѣтъ послѣ появленія русскихъ за хребтомъ вся сѣверная Азія уже принадлежала Россіи по самую Камчатку. Обратимся теперь къ средней Азіи.

Вскорѣ по завоеваніи Казани башкиры (бесерги), бывшіе до того данниками татаръ, приняли подданство Россіи; однако ничуть не стѣснялись дѣлать на нее набѣги. Русскіе вынуждены

были, наконецъ, возводить укрѣпленія вокругъ пограничныхъ селъ и даже непрерывные валы отъ села къ селу.

Такимъ образомъ, одолѣвъ одного врага, Россія тотчасъ же должна была справляться съ другимъ: за Золотой Ордой надо было одолѣвать Казань, за Казанью—башкиръ и т. д.; въ этомъ какъ будто и состоитъ ея дальнѣйшее призваніе: орда за ордою является къ ея предѣламъ, стучится, такъ сказать, въ дверь Европы, но суровый стражъ безцеремонно выпроваживаетъ непрошеннаго гостя. Съ этихъ поръ даже и до слуха Европы не доходитъ зловѣщій гулъ „великихъ переселеній“, вооруженныхъ народовъ, но до нея не доходятъ также и стоны нашихъ пограничныхъ селъ, къ которымъ прислушивается, съ которыми страдаетъ только одна Россія.

Кипчаки, башкиры, калмыки и киргизы, по очереди, разбились о незыблемую мощь русскаго народа, избавившаго себя, а съ тѣмъ вмѣстѣ и Европу отъ ужасовъ нашествія дикихъ ордъ, способныхъ напомнить и Аттилу, и Батыя.

Отбиваясь отъ дикарей, Россія, или, еще точнѣе, какой-нибудь Новошемшинскъ, заботился, конечно, только о самомъ себѣ, а объ Европѣ и не помышлялъ, но этотъ Новошемшинскъ и не искалъ „ни благодарности, ни славы“, какъ не искали наши соплеменники чехи и мораване, побившіе монголовъ въ 1241 году подъ Оломуцомъ и тѣмъ спасшіе и себя, и Европу отъ погрома!

Исторія дальнѣйшаго движенія нашего на востокъ характеризуется, въ общихъ чертахъ, такимъ образомъ: сосѣдство съ дикими, не признающими ни международныхъ и никакихъ правъ, кромѣ права силы, вынуждало насъ укрѣплять границы линіею крѣпостей; подъ защиту этихъ крѣпостей являлись, по временамъ, съ просьбою о правахъ гражданства, т. е. о защитѣ, дикія племена, тѣснимыя болѣе сильными; эти новые подданные черезъ нѣсколько времени оказывались хуже враговъ; намъ приходилось или задавить ихъ окончательно, или прогнать, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ необходимо было оцѣпить занятую ими территорію рядомъ новыхъ укрѣпленій,—являлась, значитъ, новая линія. Въ старыя времена это называлось чертою. Напримѣръ, „Закамская черта“ проведена была отъ Волги по рѣкѣ Черемшанѣ, а далѣе черезъ степи. Устроенъ былъ валъ и засѣки изъ срубленныхъ деревьевъ съ заостренными вѣтвями. По чертѣ строились остроги, т. е. поселки, обнесенные заборомъ изъ толстыхъ бревенъ, вбитыхъ въ землю стоймя и заостренныхъ сверху. Эти остроги-города заселены были при Алексѣѣ Михайловичѣ плѣнными поляками. Отъ набѣговъ ногайцевъ и крымскихъ татаръ также выводили линіи изъ непрерывныхъ becъ валовъ. До сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Воронежской губерніи, какъ, напримѣръ, въ Бирюченскомъ уѣздѣ, сохранились

слѣды длиннаго вала, составлявшаго когда-то черту. Такъ перекатными линіями и подвигается Русь на востокъ въ тщетной погонѣ за спокойствіемъ. И не найдетъ она этого спокойствія, пока не дойдетъ до народа, уважающаго договоры, народа настолько цивилизованнаго, чтобы не жить грабежемъ и разбоемъ, и настолько сильнаго, чтобы не допускать нарушенія нашихъ границъ разбойничьими набѣгами своихъ шаекъ. Такая, созданная степями и дикими ордами, а нами поневолѣ принятая программа примѣнена впервые къ башкирамъ. Когда ни укрѣпленія селъ нашихъ, ни даже непрерывные валы не въ состояніи были удержать ихъ отъ набѣговъ и разбоевъ, — рѣшено было оцѣпить ихъ укрѣпленіями. Все подданство башкиръ состояло въ томъ, что тарханы, т. е. обѣльные, освобожденные отъ податей, служили въ военной службѣ, а остальные платили ясакъ. Въ 1729 году башкирамъ даны разныя льготы; главною они сами считали освобожденіе ихъ отъ власти казанскаго воеводы и подчиненіе прямо сенату. Когда въ 1734 г. явилось посольство Абулъ-Хаира, хлопотать о постройкѣ города на р. Ори, то Кириловъ, оберъ-секретарь сената, подалъ проектъ о томъ, что на Ори надо строить не крѣпость, а торговый городъ въ виду того, что отъ р. Ори пойдетъ колонизація въ башкирскую землю, и потому нельзя содѣйствовать примиренію башкиръ съ киргизами*).

Нуждаясь въ торговыхъ сношеніяхъ съ русскими, бакширы и сами просили построить города среди ихъ кочевій. Въ 1734 году возникли такимъ образомъ Уфа и Самара. Башкиры, конечно, и не подозрѣвали, что сами надѣли на себя узду; до тѣхъ поръ ихъ набѣги и грабежи вызывали съ нашей стороны только пассивныя мѣры, вродѣ укрѣпленія селъ, возведенія непрерывнаго вала и т. п., а съ этого времени набѣги ихъ влекли уже за собою жестокую кару.

Этотъ, нынѣ смирный и какъ будто придавленный, народъ причинялъ прежде Россіи большія безпокойства: такъ, съ 1676 г. три года усмирялъ ихъ воевода Зеленинъ, въ 1707 г. они опустошили всѣ земли до Казани, а съ 1735 г., когда уфимскій воевода Сергѣевъ, при помощи истязаній и пытокъ, вымучилъ съ ясачныхъ башкиръ болѣе положеннаго, то начался новый бунтъ, продолжавшійся 6 лѣтъ. Они разоряли новостроившуюся линію по Яику (Уралу) изъ ряда крѣпостей, хотя это было предпринято съ цѣлью прекратить постоянныя баранты между киргизами и башкирами. Замѣчательно, что въ томъ же году, до начала бунта, сибирскій воевода Татищевъ сообщилъ изъ Кунгура въ Казань, что башкиры что-то замышляютъ и что у татаръ проис-

*) Полн. Собр. Зак. IX, №№ 6564 и 6571.

ходятъ какіе-то съѣзды и совѣщанія. Кириловъ, бывшій въ это время уже начальникомъ края, обидѣлся, что Татищевъ сообщилъ это извѣстіе не ему, а постороннему, такъ сказать, воеводѣ, и сталъ доносить въ Петербургъ, что все это вздоръ, и съ своей стороны не принималъ никакихъ мѣръ. Заложивъ г. Оренбургъ, онъ однакоже долженъ былъ ретироваться въ Уфу, такъ какъ начался башкирскій бунтъ. Тевкелевъ, оставленный у новаго города, едва отбился отъ бунтарей, сжегъ 50 ауловъ, и въ томъ числѣ одинъ амбаръ, въ которомъ укрылись 105 человѣкъ башкиръ; многихъ плѣнныхъ предалъ казни. Однако этими мѣрами онъ еще пуще озлилъ башкиръ, и возстаніе усилилось. Присланы были новыя войска, подъ начальствомъ генерала Румянцева (отецъ Задунайскаго), и къ іюню 1736 г. большая часть Башкиріи была выжжена, но не усмирена. Присланный на смѣну ген. Хрущовъ забиралъ отъ башкиръ заложниковъ, но такъ какъ бунтъ продолжался, то заложниковъ предавали смерти. Со стороны Сибири двинулся, наконецъ, и Татищевъ: онъ отбиралъ у кочевниковъ оружіе и заставлялъ ихъ присягать на Коранѣ. Вмѣсто Хрущова присланъ былъ Соймоновъ.

Бунтъ этотъ стоилъ башкирамъ до 30,000 убитыми. Часть башкировъ однако возмущалась еще и въ 1755 г. при Неплюевѣ, и до 10,000 ихъ ушло въ киргизскую степь, но Неплюевъ объявилъ ихъ внѣ закона и подарилъ киргизамъ ихъ женъ и дѣтей, что повлекло къ поголовному истребленію мужчинъ, оставшіеся же въ живыхъ принуждены были возвратиться.

Какъ ни жестоки кажутся подобныя мѣры, но если въ теченіи двухсотъ лѣтъ болѣе кроткія мѣры повели только къ тому, что пришлось, наконецъ, прибѣгать къ жестокости, то это одно уже служитъ ей оправданіемъ. Что касается вопроса о томъ, до какой степени было политично возбуждать одинъ народъ на другой, то объ этомъ мы скажемъ при изложеніи подробностей,— здѣсь же ограничимся только тѣмъ доводомъ, что если башкиры и киргизы не умѣли, не годились быть подданными,—надобно было сумѣть извлечь изъ нихъ пользу, хотя какъ изъ союзниковъ.

Часть донскихъ казаковъ еще въ XVI вѣкѣ заняла долину р. Яика (что нынѣ Уралъ), а въ царствованіе Михаила Ѳедоровича эти, уже яицкіе, казаки подчинились царю. При Аннѣ Іоанновнѣ положено начало оренбургской линіи, т. е. ряду крѣпостей по Яику и его притокамъ, что отрѣзало Башкирію отъ азіатскихъ степей и тѣмъ закрѣпило ее за Россіей, а съ другой стороны избавило ее отъ набѣговъ казаковъ, или, по нашему, киргизовъ.

Обширныя степи юговосточной Россіи между рѣками Ураломъ, Волгою и Дономъ, гдѣ кочевали остатки знаменитой когда-

то Золотой Орды, были заняты, въ 1630 г., калмыками, перешедшими сюда съ Эмбы и Урала, въ числѣ 50,000 кибитокъ. Такимъ образомъ въ началѣ XVIII вѣка заволжскія степи представляли слѣдующую картину: Уфа, Самара и низовья Яика заняты русскими, нынѣшняя Оренбургская губернія—башкирами, теперешнія земли башкирскаго войска — монгольскими и финскими племенами: мордва, чуваши, черемиссы, вотяки, мещеряки, тептяри и проч.; за башкирами сидѣли казаки, или, по нашему, киргизы; по восточному берегу Каспія туркмены; наконецъ, по Волгѣ и по обѣ стороны Яика—калмыки.

Почти весь сѣверъ Азіи (до Камчатки) занятъ былъ также русскими: Тобольскъ, Томскъ, Нерчинскъ и Иркутскъ были крайними изъ центровъ нашего населенія; ближайшими сосѣдями нашими были тутъ казаки и дзюнгары.

Подпавъ владычеству Чингиза, казаки достались, по его смерти въ удѣлъ сыну его Джучи и, принадлежа къ Золотой Ордѣ, имѣли однакоже собственныхъ хановъ, т. е. пользовались нѣкоторою самостоятельностію.

Междоусобія, возникшія между потомками Чингиза, повлекли за собою паденіе Золотой Орды и усиленіе узбековъ, овладѣвшихъ Мавераннагромъ *) и Харезмомъ (или Хивою), но владычеству ихъ подпали не всѣ, волновавшіеся отъ безначалія народы. Нѣкоторые соединились съ крымскими татарами, другіе съ могулъ-улусомъ, третьи съ казанскими татарами, четвертые, наконецъ, съ казацкою ордою или казаками. Когда же впослѣдствіи и узбеки раздѣлились, то многія ихъ отрасли **) влились въ составъ казачьяго народа. Такимъ образомъ въ началѣ XVI столѣтія въ степяхъ Кипчака и Чете появились два сильныхъ владѣнія: первое улусъ-могулъ, подъ владычествомъ хана Дадама, второе—владѣніе казацкаго хана Арслана, который столь былъ могущественъ, что могъ выставить 400,000 готоваго къ бою войска.

Ученые оріенталисты, основываясь на джагатайскомъ подлинникѣ записокъ извѣстнаго Баберъ-Мурзы, полагали, что названіе „казакъ“ дано народу за его образъ жизни, такъ какъ это слово у Бабера употребляется въ значеніи бродяги (производныя отъ него: казаклыкъ—бродяжничество, казакламакъ—бродяжничать, скитаться), но скорѣе можно принять, что эти новыя слова произведены отъ названія племени, а не наоборотъ, точно также, какъ и мы употребляемъ слова: казачество въ смыслѣ казаклыкъ и казаковать (вести себя по-казацки) въ смыслѣ казакламакъ.

---

*) Зарѣчіе—трансоксанія.

**) Кипчаки, кайманы, конрады, джалаиры, канлы и др., названія которыхъ до сихъ поръ носятъ многіе киргизскіе роды Туркестанскаго края.

Какимъ же образомъ произошло, что народъ, самъ себя называющій казаками, извѣстный подъ этимъ же именемъ у всѣхъ азіатскихъ народовъ *), только у насъ слыветъ подъ названіемъ киргизовъ?

Имя киргизъ слышится въ самой отдаленной древности. Абулгази упоминаетъ о енисейскихъ киргизахъ, какъ о народѣ сильномъ, жившемъ задолго до Чингиза.

Объ этихъ киргизахъ, до нашего съ ними столкновенія, т. е. до XVI вѣка, мы ничего не знаемъ. Съ этого же времени до конца XVII вѣка мы безпрерывно сталкиваемся съ ними, то какъ съ друзьями, отдавшимися подъ власть Россіи и платящими ясакъ (1629 г.), то какъ съ врагами, намъ измѣнявшими и грабившими наши села.

Монголы и джунгары, старавшіеся подчинить себѣ енисейскихъ киргизъ, дѣлали на нихъ частые набѣги, отбивали (барантовали) скотъ и проч. Киргизы съ избыткомъ вознаграждали себя на сибирскихъ, пограничныхъ съ ними, селахъ. Мы естественно принимали противъ нихъ кое-какія мѣры, и киргизы скоро очутились въ весьма затруднительномъ положеніи.

Кончилось тѣмъ, что значительная часть киргизовъ была истреблена, остальные бѣжали къ югу, но гдѣ поселились, неизвѣстно.

Объ этомъ переселеніи, или, вѣрнѣе, исчезновеніи енисейскихъ киргизовъ, упоминаютъ и плѣнные шведскіе офицеры, сосланные въ Сибирь въ началѣ XVIII столѣтія. Проще всего предположить, что этотъ, измученный сосѣдями, народъ бросилъ свои земли и влился въ среду того кочевого братства казаковъ, въ которое вливались всѣ народности, терпѣвшія насиліе отъ прежнихъ своихъ властителей, или отъ сосѣдей. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что и по настоящее время между сибирскими кочевниками и въ Семирѣченской области есть нѣсколько отдѣльныхъ родовъ, носящихъ имя „киргизъ“.

Однакоже набѣги енисейскихъ киргизовъ на сибирскіе города и селенія сдѣлали имя ихъ до того страшнымъ и ненавистнымъ, что русскіе стали безразлично давать его и другимъ дикарямъ-кочевникамъ, которые, послѣ киргизовъ, наиболѣе вредили пограничнымъ областямъ Сибири, хотя кочевники эти были казаки.

Весьма легко можетъ статься, что названіе киргизъ-кайсакъ обязано своимъ происхожденіемъ желанію русскихъ отличить чѣмъ-нибудь казаковъ-ордынцевъ отъ казаковъ-русскихъ.

Со времени завоеваній монголовъ киргизская степь дѣлается убѣжищемъ разныхъ бѣглецовъ изъ покоренныхъ ханствъ. Члены

*) Китайцы ихъ называютъ: хасакъ. Не отсюда ли произошло названіе города Нан-хасаки? Слово въ слово это будетъ „южные казаки“.

владѣтельныхъ фамилій, спасаясь, съ приближенными своими, въ необозримыя степи, пристраивались къ вольнымъ братствамъ и часто становились ихъ предводителями въ набѣгахъ. Съ помощію подобранной партіи разные князьки проникали въ самыя отдаленныя страны и основывали тамъ независимыя ханства.

Такъ, въ концѣ XV вѣка пробрался въ Тюмень ханъ Шейбани изъ дома, царствовавшаго въ Самаркандѣ и Бухарѣ; за нимъ въ Сибири появились и другіе средне-азіатскіе выходцы, которые и основали здѣсь нѣсколько княжествъ. Таковы были татарскія княжества Эдигера, Чингія, Епанчи. Позже сюда явился и Кучумъ, утвердившійся на Искерѣ и внесшій сюда мусульманство.

Живя набѣгами, казаки промышляли главнымъ образомъ торговлей плѣнными. Въ то время и до конца прошлаго столѣтія казаки были такими же поставщиками рабовъ, какъ потомъ были туркмены. Грабежи каравановъ, нападенія на перекочевку чужого рода и, наконецъ, налеты на осѣдлое населеніе сосѣднихъ государствъ—были дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Русскія деревни часто не досчитывались того или другого хозяина: казаки рыскали, какъ хищные волки, отхватывая неосторожно отдалившуюся отъ стада овцу. Русскихъ плѣнныхъ продавали въ Туркестанъ и, наоборотъ, туркестанцевъ сбывали въ Ямышевѣ и въ крѣп. Св. Петра. Времена смутъ въ Средней. Азіи, каковы войны джунгарскія, каракалпакскія, набѣги Аблая *), движеніе калмыковъ въ 1771 году изъ Россіи въ Китай и т. п., — выражались обыкновенно переполненіемъ нашихъ укрѣпленій продажными рабами. Цѣна ихъ въ это время значительно понижалась: такъ, въ 1757 году послѣ разгрома Джунгаріи „холопи“ продавались по 12 р. или вымѣнивались: на мерина съ придачею отъ 1 р. до 6 р., на сѣрый сермяжный зипунъ, на 5 юфтовыхъ кожъ (цѣною на 7 рубл.), на 5 арш. краснаго сукна, цѣною на 5 рублей и т. п. Наши казаки (войсковые) иногда и сами дѣлали набѣги на киргизскіе улусы и выводили „полонъ“. Коменданты, офицеры и чиновники разбирали плѣнныхъ „въ услуженіе“ и тотчасъ крестили, потому что правительство крещенныхъ никогда въ степь не возвращало. Крещеніе вводило человѣка въ сословіе вѣчныхъ рабовъ...

Торговля рабами прекращена въ Сибири только Сперанскимъ.

Казаки-киргизы управлялись своими ханами. Наиболѣе извѣстные между ними были Тевеккель и Текей, или, по нашему, Тявка. Тевеккель послѣ смерти отца своего въ 1582 г.

*) Въ особенности знаменитъ его набѣгъ въ верховья Чернаго Иртыша. Киргизы опустошили весь Алтай, шайки ихъ доходили до р. Катуни, въ Тарбагатаѣ проникали за камень Заиръ, въ Джунгаріи дошли до Мусарта или Ханъ-Тенгри (въ 1757 году).

тотчасъ же отложился отъ Бухары и ушелъ къ себѣ, въ Дешти-Кипчакъ. Въ 1586 г. (а по мусульманской эрѣ въ 994 году) онъ вздумалъ было воспользоваться войною бухарцевъ съ южными ихъ сосѣдями, но послѣ первыхъ успѣховъ вынужденъ былъ бѣжать. 1588 годъ былъ для Тевеккеля счастливѣе: вспыхнувшее въ Ташкентской области возмущеніе дало ему возможность осадить Ташкентъ и разбить на голову высланныя противъ него знаменитымъ Абдулла-Ханомъ бухарскія войска. Въ этомъ же году воевода Чулковъ взялъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ сибирскимъ царемъ, и племянника Тевеккеля, Уразъ-Мухамета, котораго и отослалъ въ Москву. Впослѣдствіи, чтобы выручить племянника своего, Тевеккель обратился въ 1594 году къ царю Ѳедору Ивановичу съ просьбою о принятіи управляемыхъ имъ киргизъ въ русское подданство, но это не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій по отдаленности края.

Между тѣмъ борьба съ бухарцами велась своимъ чередомъ: Абдулла-Ханъ, разстроенный неудачами, умеръ вскорѣ послѣ роковой встрѣчи съ Теввекелемъ; за нимъ послѣдовалъ и сынъ его, павшій отъ руки убійцъ. Это еще болѣе ободрило Тевеккеля, который собралъ многочисленное войско изъ племенъ туркестанскихъ кочевыхъ узбековъ и подчинилъ себѣ Туркестанъ и Мавераннагръ, именно: Аксу, Андижанъ, Ташкентъ и Самаркандъ, вплоть до Міанкала.

Оставивъ брата своего Ишимъ-Султана, съ 20,000 человѣкъ, въ Самаркандѣ, самъ Тевеккель, съ 70 или 80 тысячами человѣкъ, двинулся къ Бухарѣ и осадилъ ее.

Бухарцы однакоже не унывали и производили безпрестанныя вылазки. На 12-й день въ вылазкѣ принялъ участіе весь гарнизонъ и разбилъ казаковъ. Подкрѣпленія изъ Самарканда только продлили борьбу, не принеся казакамъ никакой пользы. Тевеккель вынужденъ былъ отступить къ Ташкенту, гдѣ и умеръ отъ раны.

Изъ послѣдующихъ хановъ наиболѣе извѣстенъ Текей или Тявка, какъ у насъ его называютъ, владѣвшій Ташкентомъ и въ теченіе почти всей жизни безуспѣшно боровшійся съ калмыками. Тявка былъ единственнымъ законодателемъ своего народа; по его приказанію были собраны всѣ преданія обычая, то есть правила, коими руководствовались судьи при рѣшеніи дѣлъ по принятому издавна обыкновенію, но съ теченіемъ времени этотъ сборникъ исчезъ.

Около 1718 г. Тявка, прельщенный обѣщаніями тогдашняго сибирскаго губернатора Гагарина и надѣясь на помощь его противъ калмыковъ, рѣшился вмѣстѣ съ другими ханами кайсацкими, Каипомъ и Абулъ-Хаиромъ, подчиниться русскому правительству; но какую услугу могла оказать имъ Россія, отдѣленная отъ нихъ враждебными имъ племенами и пустынями?

Вскорѣ затѣмъ умеръ Тявка, и въ ордахъ начались междоусобія, которыми не преминулъ воспользоваться Галданъ-Цыренъ, владѣлецъ Джунгаріи, покорившій въ 1723 г. Большую и Среднюю орды и оттѣснившій Малую отъ Сыръ-Дарьи къ Уралу, гдѣ она въ 1730 г. поневолѣ должна была признать надъ собою власть Россіи.

Когда и почему произошло раздѣленіе киргизъ-кайсаковъ на три орды, почему онѣ названы Большою, Среднею и Малою, гдѣ онѣ обитали въ началѣ, — ничего этого не извѣстно. Киргизскія преданія страдаютъ въ этомъ отношеніи неполнотою, и потому намъ остается только принять фактъ, какъ онъ есть.

Разсказываютъ, напримѣръ, что какой-то ханъ передъ смертью раздѣлилъ народъ между тремя сыновьями: старшимъ, среднимъ и младшимъ или меньшимъ. Эти прилагательныя по-киргизски улу, урта, кичи. Слово же орда придано нами. Это слово татарское и значитъ вообще лагерь, ставка.

Сами киргизы не называютъ себя ордою, а дѣлятъ на юзы, то есть сотни: улу-юзъ — большая сотня, старшая, по нашему „большая орда“; урта-юзъ—средняя сотня, кичи-юзъ—меньшая, младшая сотня, а по нашему „малая орда“.

Вступленіе киргизъ въ русское подданство произошло по слѣдующему поводу: отступая передъ Дзюнгарами, Малая орда покинула бассейнъ Сыръ-Дарьи и двинулась на сѣверо-западъ, къ рѣкамъ Эмбѣ и Яику. Передовые развѣдчики проникли и за Яикъ, сообщая своимъ соплеменникамъ самыя утѣшительныя вѣсти о плодородіи приволжскихъ степей и обиліи пастбищъ.

Часть киргизовъ, подъ предводительствомъ самого хана Абулъ-Хаира, доходила уже до Новошемшинска (Казанской губерніи); киргизы разорили этотъ городъ и, хотя были прогнаны, однако захватили съ собою много русскихъ плѣнныхъ.

Россіи грозило такимъ образомъ новое нашествіе...

Но времена уже перемѣнились: границы наши не были уже такъ беззащитны, какъ прежде, и на этотъ разъ яицкая цѣпь сдержала напоръ дикой милліонной орды. Мстя за набѣги набѣгами, удалые яицкіе казаки отстояли свои луга отъ потравы, свои села отъ разоренія, свои семьи отъ неволи, а вмѣстѣ съ тѣмъ отстояли и Россію отъ многихъ бѣдъ вторженія дикарей. Абулъ-Гази, хивинскій ханъ, написавшій исторію монголовъ и татаръ (французскій переводъ исторіи сдѣланъ и изданъ въ 1874 г. барономъ Демезономъ, директоромъ учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ при азіатскомъ департаментѣ нашего министерства ин. дѣлъ), упоминаетъ о двухъ набѣгахъ яицкихъ казаковъ, въ началѣ XVII столѣтія, на хивинское ханство. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Арабъ-Мухамедъ-Хана, 1,000 казаковъ напали на Ургенчъ, гдѣ тогда войскъ не было, разграбили городъ, захватили

большой полонъ въ 1,000 дѣвушекъ и столько же мальчиковъ и съ огромнымъ обозомъ двинулись къ рѣкѣ. Здѣсь они промедлили 7 сутокъ, чѣмъ и воспользовался Арабъ-Ханъ: воротясь изъ похода въ Ургенчъ, онъ двинулся на перерѣзъ дороги казакамъ и окопался. Казаки дрались два дня и взяли окопы, но хивинцы были конные, они отошли по пути отступленія казаковъ на два перехода и снова окопались; пѣшіе казаки двинулись за ними и пять дней штурмовали новые окопы. Истощивъ запасы воды, они пили кровь обозныхъ лошадей. На пятый день роли перемѣнились: хивинцы перешли въ наступленіе и казаки оборонялись уже за телѣгами. На седьмой день хивинцы овладѣли обозомъ и порубили почти всѣхъ казаковъ; только сотня ихъ прорвалась къ рѣкѣ и держалась тутъ за завалами изъ деревьевъ 15 сутокъ, но, наконецъ, была также истреблена. Набѣгъ этотъ совершенъ былъ лѣтомъ.

Другой набѣгъ въ 1605 году, тоже лѣтомъ, былъ также удаченъ въ началѣ: казаки разграбили Ургенчъ, но затѣмъ были настигнуты и истреблены поголовно. Аму-Дарья, по словамъ Абулъ-Гази, отошла отъ Ургенча за 30 лѣтъ до этого событія, т. е. въ 1575 году, и потекла въ озеро Сыра, т. е. въ Аральское море. Хивинцы загородили казакамъ путь къ рѣкѣ и, когда они изнывали отъ жажды, потерявъ способность сопротивляться, — истребили ихъ.

Въ книгѣ „Топографія Оренбургская“, изданной въ 1762 году, на стр. 73—78, помѣщены казацкія преданія, собранныя Рычковымъ, о походахъ атамановъ Нечая и Шамая на Хиву. Преданія въ общемъ сходны съ разсказомъ Абулъ-Гази. Но поворотъ Аму въ Аральское море пріурочивается къ походу Нечая, послѣ котораго хивинцы „оную горловину, которая изъ Аральскаго моря въ Каспійское впала, на устьѣ ея отъ Каспійскаго моря завалили, въ такомъ разсужденіи, дабы въ предбудущія времена изъ моря въ море судамъ ходу не было“. Отрядъ Нечая или „компанія“ считается преданіемъ только въ 500 чел., а Шамая—въ 300 чел. Нечай разграбилъ Хиву, но, отягченный полономъ и добычею, припоздавъ къ тому же изъ-за гульбы въ завоеванномъ городѣ, не успѣлъ уйти отъ возмездія.

Шамай, захвативъ въ степи „двухъ калмыцкихъ ребятъ.. ради показанія дорогъ“—былъ заманенъ калмыками въ засаду и захваченъ въ плѣнъ. Калмыки предложили обмѣнъ плѣнныхъ, но наказной атаманъ, ставшій вмѣсто Шамая, отказалъ въ этомъ на томъ основаніи, что „у нихъ атамановъ много, а безъ вожей имъ пробыть нельзя“. Однако на дорогу Нечая „не потрафили, но прошиблись выше, угодили къ Аральскому морю, гдѣ у нихъ провіанта не стало“... Голодъ дошелъ до того, что казаки, „другъ друга умерщвляя, ѣли, а другіе съ голоду помирали“. Въ такой

крайности они послали въ Хиву предложеніе о сдачѣ и были забраны... Шамай же, спустя нѣсколько лѣтъ, былъ привезенъ калмыками въ войско.

Не смотря на постоянныя распри съ казаками, калмыки и башкиры въ свою очередь также пригодились намъ при вторженіи киргизовъ, ибо, отстаивая свои земли отъ насильственнаго дѣлежа съ новыми пришельцами, они, попутно, оказали яицкимъ казакамъ и Россіи существенную услугу.

Каипъ-Ханъ, изъ боязни подпасть подъ неразборчивую кару изъ-за Абулъ-Хаира, обратился къ Петру Великому съ тою же просьбою, какъ и ханъ Тявка, т. е. съ просьбою о принятіи киргизовъ подъ покровительство Россіи.

Чтобы уяснить начавшееся было новое „великое переселеніе народовъ“, остановленное въ дальнѣйшемъ ходѣ русскою мощью, необходимо сказать нѣсколько словъ о народѣ, давшемъ толчокъ этому движенію.

Послѣ переворота въ Средней Азіи, вслѣдствіе образованія Монгольскаго царства Чингизъ-Ханомъ, монголы большею частію кочевали въ сѣверной и сѣверо-западной частяхъ Китая, гдѣ царствовала династія Чингиза. Династія эта была низвержена въ половинѣ XIV столѣтія, и тогда начались междоусобія, сопровождаемыя страшными кровопролитіями.

Три племени: Чоросъ, Хойтъ и Хошотъ, кочевавшіе на сѣверо-западѣ Китая, въ Дзюнгаріи, образовали союзъ ойратскій; къ нимъ послѣ присоединились торгоуты и союзъ назвался Дербенъ-Ойратъ (по-монгольски дербе значитъ—четыре), или еще Оронъ. Тайши, или правители чоросскаго племени, управляли всѣмъ союзомъ, но впослѣдствіи другія племена перестали имъ повиноваться, союзъ ослабѣлъ, явились междоусобія и стремленія къ сепаратизму; такъ, около 1621 года отдѣлились торгоуты съ тайшею Хо-Урлюкомъ, которые и поселились въ предѣлахъ Сибири по берегамъ рѣкъ Оби, Иртыша и Тобола, но и тутъ не нашли себѣ покоя ни отъ своихъ, старавшихся подчинить ихъ прежнему порядку, ни отъ сибирскихъ киргизовъ, прикочевавшихъ сюда еще въ 1594 г. и не желавшихъ дѣлиться своими кочевьями. Киргизы дали торгоутамъ названіе калмакъ, т. е. отставшій. Названіе это, передѣланное нами въ калмыкъ, перешло впослѣдствіи и на остальныхъ ойратовъ. Тѣснимые отовсюду калмыки, свѣдавъ о степяхъ юго-восточной Россіи, гдѣ когда-то сидѣла Золотая Орда, двинулись въ 1628 г., въ числѣ 50 тыс. кибитокъ, сначала на Эмбу и Уралъ, затѣмъ въ пространство между Ураломъ и Волгою. Русское правительство не только не препятствовало этому самовольному захвату своихъ пограничныхъ пустынь, но было даже довольно, разсчитывая создать изъ новыхъ ордъ—оплотъ противъ послѣдующихъ вторженій полудикихъ народовъ

Средней Азіи. Разсчеты эти оказались однакожъ преждевременными: калмыки смотрѣли на занятую территорію, какъ на завоеваніе, и, обольщенные легкимъ успѣхомъ, вздумали воскресить Золотую Орду. Начались грабежи, нападенія на города и села. Астрахань была сожжена и разграблена, но кремль ея устоялъ, не смотря на всѣ усилія калмыковъ, стоившія имъ большихъ потерь и жизни самаго Хо-Урлюка. Набѣги продолжались и при сынѣ Хо-Урлюка Шукуръ-Дайчинѣ, пока, наконецъ, сила оружія не заставила ихъ покориться Россіи. Въ 1655 г. послы калмыцкіе клялись по шертной записи царю Алексѣю Михайловичу „быть въ вѣчномъ послушаніи“ и помогать русскому войску въ походахъ противъ крымцевъ и другихъ. Но, хотя калмыки отъ походовъ и не всегда отказывались, но въ то же время продолжали грабить и русскія пограничныя села. Правительство потребовало въ 1661 г. новой присяги, которую и принялъ сынъ Шукуръ-Дайчина отъ имени отца и всего народа, причемъ лизалъ свой ножъ, прикладывая его къ горлу, и призывалъ на себя и на родъ свой, въ случаѣ нарушенія клятвы, гнѣвъ Божій...

Глава буддизма, Далай-Лама, предложилъ было Шукуръ-Дайчину титулъ хана, но тотъ отказался, не желая навлечь на себя подозрѣніе русскихъ. Преемникъ его, извѣстный Аюка *), отъ этой чести однакоже не отказался.

Итакъ, къ началу XVIIIстолѣтія степи Средней Азіи раздѣлились слѣдующимъ образомъ: на сѣверѣ кочевали разныя отрасли сибирскихъ татаръ и киргизы, прикочевавшіе въ 1594 г.; на востокѣ ойраты или дзюнгары; на югѣ—киргизъ-казаки, владѣвшіе Туркестаномъ и Ташкентомъ; на западѣ, между верховьями Урала и Эмбы, кочевали башкиры, а между устьями этихъ рѣкъ—калмыки; что касается дзюнгаръ, то еще въ началѣ XVII вѣка они, подъ давленіемъ безпрестанныхъ набѣговъ Алтынъ-Хана монгольскаго, подвинулись къ Сибири и, наложивъ дань на нашихъ данниковъ-татаръ, производили нападенія и на наши земли.

Тайши дзюнгарскіе входятъ съ этихъ поръ въ частыя сношенія съ нашимъ правительствомъ и претендуютъ на обладаніе Сибирью.

Частыя посольства ихъ ко двору однакоже скоро надоѣли нашему правительству, и въ 1623 г. указано было мѣстному начальству не пропускать болѣе монгольскихъ и калмыцкихъ посольствъ, предложенія которыхъ выслушивать въ тѣхъ городахъ, куда они прибудутъ, и, давъ имъ надлежащій отвѣтъ, доносить о томъ въ Москву.

---

*) Онъ участвовалъ въ экспедиціи Бековича, но въ самомъ началѣ похода отдѣлился со своими и ушелъ впередъ.

Такъ какъ посольства имѣли главною цѣлью получать подарки, на которые эти дикари смотрѣли уже, какъ на дань, то вслѣдъ за прекращеніемъ пропуска пословъ начались болѣе частыя нападенія на наши земли. Черезъ девять лѣтъ мы однакоже уступили, и въ 1632 г. приказано было снова принимать калмыцкихъ пословъ и стараться ласкою подѣйствовать на этотъ народъ, чтобы расположить его къ отступленію отъ русскихъ предѣловъ. Мы, слѣдовательно, сознались въ своемъ безсиліи, и дань подарками возобновилась! Въ 1636 г. мы уже заключаемъ съ калмыками договоръ: контайши (глава ойратскаго союза) обѣщался выдавать намъ всѣхъ бѣглецовъ, возить соль изъ Ямышева озера (Балкашъ) на верблюдахъ, къ пристанямъ по Иртышу и, наконецъ, помогать намъ въ войнахъ. Съ своей стороны мы обязались также поддерживать калмыковъ въ случаѣ нужды. Контайши отлично понималъ значеніе нашихъ обѣщаній и нашихъ ласкъ, и потому грамоты его не отличались особенною учтивостію: въ 1645 г. онъ даже пригрозилъ разрывомъ сношеній; не смотря на то послы его были приняты у насъ весьма ласково и отпущены съ отвѣтною грамотою.

Тѣмъ не менѣе калмыки продолжали тѣснить нашихъ киргизъ, не задумываясь также и передъ нашими войсками; такъ, въ 1715 г., когда 4½-тысячный отрядъ Бухгольца *) заложилъ, не доходя Балхаша, крѣпость, то калмыки напали на нее врасплохъ и, хотя были выбиты, но обложили отрядъ, который вынужденъ былъ срыть крѣпость и отплылъ по Иртышу на своихъ дощаникахъ, потерявъ около 3,800 человѣкъ.

Эти-то дзюнгары, съ которыми даже Россія не знала, какъ ладить, конечно, были совсѣмъ не по плечу вольнымъ казачьимъ обществамъ, не связаннымъ органически въ одинъ могучій союзъ. На этомъ основаніи просьбу Тявки (въ 1718 г.) о принятіи его съ народомъ въ наше подданство можно считать вполнѣ искреннею. Но мы ничего не могли сдѣлать въ пользу искавшихъ нашего покровительства киргизъ, потому что и сами заботились только о мирныхъ и торговыхъ отношеніяхъ съ грознымъ тогда сосѣдомъ (указъ Петра Великаго отъ 19 января 1721 г.). Самъ Петръ I, во время похода къ берегамъ Каспія, ѣздилъ къ Аюкѣ въ гости и склонилъ его воздержаться отъ воинственныхъ предпріятій.

Галданъ-Цырену, тогдашнему контайшѣ, ясно дали понять, что искательство Тявки отвергнуто. Это развязало калмыкамъ руки, и они смѣло двинулись на киргизскія кочевья и въ самомъ непродолжительномъ времени овладѣли Туркестаномъ, от-

*) Назначенный Петромъ Великимъ слѣдовать къ Эркети или Яркенду, одновременно съ Бековичемъ Черкасскимъ къ Хивѣ.

тѣснивъ киргизовъ даже отъ Сыръ-Дарьи. Мы же тѣмъ менѣе склонны были вступаться за киргизъ, что они только что разгромили наши пограничныя села, проникнувъ, какъ уже сказано, до Новошемшинска.

Надъ киргизами собралась гроза: яицкіе казаки, волжскіе калмыки и башкиры отбивали ихъ отъ своихъ пастбищъ и кочевокъ, а дзюнгары неотступно гнали ихъ съ одной кочевки на другую... Киргизы бѣгали ото всѣхъ, „какъ зайцы отъ борзыхъ собакъ“. Это ихъ собственное сравненіе.

Стѣсненные и преслѣдуемые съ трехъ сторонъ, киргизы могли бы быть совсѣмъ истреблены, еслибы не удалились на югъ.

Почти вся б о л ь ш а я орда, съ частію с р е д н е й, подчинилась Галданъ-Цырену, остатки же большой орды откочевали къ Ходженту; большая часть с р е д н е й—къ Самарканду; м е н ь ш а я—къ Хивѣ и Бухарѣ. Разореніе киргизъ было страшное: въ безпрестанныхъ тревогахъ, въ поспѣшномъ бѣгствѣ съ одной кочевки на другую—стада ихъ гибли, люди умирали съ голода, мужчины покидали своихъ женъ и дѣтей на произволъ судьбы. Тогда-то они рѣшились соединиться и выбрали руководителемъ хитраго Абулъ-Хаира. Недолго пробыли на новыхъ мѣстахъ киргизы: стремленіе занять прежнія свои земли, выразившееся одновременнымъ и отчаяннымъ движеніемъ всѣхъ трехъ ордъ на сѣверъ, привело ихъ, куда имъ было надо. М а л а я орда, дойдя до Эмбы, гдѣ была прежняя граница ея, не остановилась здѣсь однако же, но перешла на правый берегъ этой рѣки, разгромила нынѣшнихъ волжскихъ калмыковъ и, занявъ многія кочевья ихъ, достигла до Яика. С р е д н я я орда подвинулась на сѣверъ до рр. Ори и Уя, отъ которыхъ оттѣснила многихъ башкировъ. Такимъ образомъ эти орды остались притиснутыми къ нашимъ границамъ, но за линію прорваться не смогли. Одна только Б о л ь ш а я орда осталась близь дзюнгаровъ и потому скоро была почти вся покорена ими.

Къ первой половинѣ XVIII вѣка киргизы занимали уже тѣ же самыя земли, какія занимаютъ и нынѣ, за исключеніемъ развѣ Семипалатинской области и восточной части области сибирскихъ киргизовъ, гдѣ жили калмыки и нѣкоторыя монгольскія племена.

Съ этихъ поръ въ ордахъ уже не появляется такихъ хановъ, какими были, напримѣръ Тевеккель и Тявка, и потому можно думать, что власть эта возможна была только при прежнемъ строѣ казацкаго общества. Со смертію Тявки, въ 1718 г. казаки разбились на множество отдѣльныхъ партій, изъ коихъ каждая, для сношенія съ чужеземцами, выбираетъ тотъ или другой султанскій родъ и начинаетъ жить особнякомъ.

Видя неудачу въ дѣлѣ повсемѣстнаго введенія составленнаго имъ сборника законовъ, Тявка, передъ смертію, присоеди-

нилъ свой голосъ къ голосамъ Абулъ-Хаира и Каипа, молившихъ, въ 1718 г., Петра Великаго о принятіи казачьихъ ордъ въ подданство Россіи. Но и эта надежда Тявки разрушилась, такъ какъ мы ничего не могли сдѣлать въ пользу новыхъ подданныхъ, по отдаленности ихъ и потому, что собственныя границы наши только съ этого времени начинаютъ крѣпнуть.

Имя Петра пользовалось такимъ обаяніемъ въ Средней Азіи, что даже и хивинскій ханъ просилъ себѣ правъ русскаго гражданства, разсчитывая, что званіе русскаго подданнаго защититъ его отъ притязаній бухарскаго хана, считавшаго Хиву своею данницею.

Въ сущности разсчетъ Хивы былъ весьма нехитрый: подчиниться номинально государю, который, по отдаленности, не могъ пользоваться фактически никакими правами сюзеренства, было, конечно, выгоднѣе подчиненія ближайшему сосѣду. Тѣмъ не менѣе Петръ рѣшилъ воспользоваться случаемъ подчинить себѣ средне-азіатскія ханства—въ дѣйствительности. Дабы овладѣть единственнымъ для Россіи путемъ въ Индію и Китай, страны богатыя и, для русской торговли пока недоступныя, онъ указалъ для русской предпріимчивости два направленія: со стороны Каспія и со стороны Иртыша.

Въ этихъ направленіяхъ и двинуты были первыя экспедиціи наши въ Среднюю Азію для возведенія опорныхъ пунктовъ и разслѣдованія путей.

ГЛАВА II.

Принитіе Хивы въ русское подданство. Слухи о золотоносныхъ рѣкахъ Аму и Яркендъ Дарьяхъ. Князь Гагаринъ, Ходжа-Нефесъ, Замановъ и Бековичъ. Экспедиція Бухгольца и Лихарева вверхъ по Иртышу. Экспедиція князя Бековича Черкасскаго изъ Астрахани. Рекогносцировка стараго русла Аму-Дарьи. Легенда о древнемъ Яксартѣ. Возвращеніе въ С.-Петербургъ. Новыя инструкціи Петра I. Составъ отряда для новой экспедиціи. Устройство крѣпостей по восточному берегу Каспія. Ссоры съ Кожинымъ. Выступленіе изъ Гурьева. Странности Бековича. Четырехдневный бой у Карагача. Мирный договоръ. Вѣроломство хивинцевъ. Мученическая смерть и неволя русскихъ. Нападенія туркменъ на Тюпъ-Караганскую и Красноводскую крѣпости. Оставленіе этихъ крѣпостей. Дальнѣйшіе виды Петра I. Посольство Флоріо Беневени въ 1718 г. Задержка въ Шемахѣ. Сраженіе русской миссіи съ войсками шемахинскаго хана. Пребываніе въ Бухарѣ. Бѣгство. Пребываніе въ Хивѣ. Наглость хивинскихъ вельможъ. Подтвержденіе слуховъ о золотомъ пескѣ. Поѣздка камердинера Николо Минера. Отчетъ Беневени. Равнодушіе правительства къ катастрофѣ Бековича. Попытки войти съ Хивою въ дружескія отношенія: Бланкенагель въ 1793 г. Субганкуловъ въ 1818 г. и Бекчуринъ въ 1819 г. Россія избираетъ новый путь въ сердце Азіи черезъ киргизскія степи. Мнѣніе объ этомъ Петра I и Павла I. Походъ въ Индію черезъ Оренбургъ.

Еще въ 1700 году прибывшій посланецъ хивинскій вручилъ Петру Великому грамоту хана Шаніаза, который просилъ принять его, со всѣмъ подвластнымъ ему народомъ, въ подданство Россіи.

Грамотою, отъ 30 іюня того же года, Петръ Великій изъявилъ свое соизволеніе и подтвердилъ его впослѣдствіи, въ 1703 году, новому хану хивинскому Аранъ-Махмету, но ханы хивинскіе искали собственно защиты противъ Бухары, а Петръ, занятый войнами со шведами и турками, не могъ ничего предпринять въ пользу хановъ. Между тѣмъ, не смотря на принятіе Хивы въ подданство, у насъ все-таки продолжались торговыя сношенія и съ Бухарою, отъ которой Хива была въ зависимости. Въ 1713 году въ Астрахань пріѣхалъ нѣкто Ходжа Нефесъ, садырь одного изъ туркменскихъ колѣнъ, и сошелся съ княземъ Самановымъ*), которому и передалъ, что желаетъ предложить русскому царю завладѣть страною при Аму-Дарьѣ, гдѣ будто бы находится золотой песокъ. Онъ разсказалъ, что хивинцы, опа-

*) Онъ же Замановъ, Симановъ и проч., проходимецъ, родомъ персіянинъ, былъ бекомъ (правителемъ) въ Гилянѣ, но почему-то бѣжалъ оттуда, принялъ христіанство и сталъ величать себя за это княземъ.

саясь Россіи, засыпали то устье, которымъ Аму-Дарья впадала въ Каспійское море, но прибавилъ, что можно безъ большихъ усилій уничтожить плотину и возвратить рѣкѣ прежнее теченіе, въ чемъ русскимъ будутъ помогать и туркмены.

Самановъ проводилъ Нефеса въ Петербургъ и, при посредствѣ гвардіи поручика князя Бековича Черкасскаго *), представился вмѣстѣ съ туркменцемъ Петру Великому.

Въ то же время Петръ Великій получилъ извѣстіе отъ губернатора сибирскаго кн. Гагарина о томъ, что въ Малой Бухаріи, при городѣ Эркети (нынѣшній Яркендъ), на рѣкѣ Дарьѣ находится золотой песокъ. Эркетъ или Яркендъ стоитъ на р. Яркендъ Дарьѣ, которую, очевидно, у насъ считали съ Аму-Дарьей тождественною. Предлагая завладѣть городомъ Эркетомъ, кн. Гагаринъ, считалъ нужнымъ по дорогѣ отъ Тобольска до Эркети построить крѣпости: первую на Иртышѣ близъ Ямышева озера или Балхаша, а потомъ по усмотрѣнію и другія. Онъ брался устроить крѣпости, оставить войска и даже содержать ихъ изъ доходовъ Сибирской губерніи.

Находившійся въ то время въ Россіи хивинскій посолъ Ашуръ-бекъ подтвердилъ показанія кн. Гагарина и предлагалъ Петру Великому, близъ того мѣста, гдѣ прежде впадала Аму-Дарья въ Каспійское море, построить крѣпость и снабдить ее гарнизономъ.

Война съ Карломъ XII была блистательно окончена, и на свободѣ Петръ усердно занялся своею давнишнею мыслью открыть путь въ Индію. Петръ обласкалъ Ашуръ-Бека, послалъ съ нимъ въ подарокъ хану 6 пушекъ съ порохомъ и снарядами и поручилъ ему проѣхать въ Индію, откуда привезти барсовъ и попугаевъ.

Впослѣдствіи, когда сдѣлалось извѣстнымъ объ убіеніи хана, Ашуръ-бекъ былъ задержанъ въ Астрахани, а пушки отобраны и, кажется, пошли съ Бековичемъ.

Не столько золото, сколько возможность обратить величайшую изъ рѣкъ Средней Азіи, Аму, въ Каспійское море и тѣмъ открыть удобный путь сообщенія Россіи съ отдаленнѣйшими странами, заставила Петра предпринять экспедиціи со стороны Каспійскаго моря и Сибири. Сибирская экспедиція, подъ началь-

---

*) Бековичъ былъ родомъ изъ Кабарды и въ мусульманствѣ звался Искендеръ-бекомъ. Татары и черкесы съ особенною настойчивостію лѣзли къ намъ въ князья, пользуясь неумѣніемъ русскихъ полуграмотныхъ толмачей перевести званіе бія, бека, хана, султана. Кабарда называлась у насъ „Черкасскою землей"; отсюда ясно происхожденіе громкаго титула отъ Бека—Бековичъ, да еще съ переводомъ «князь». Этотъ новый князь былъ женатъ на дочери князя Голицына, воспитателя Петра I, и потому пользовался милостію царя.

ствомъ подполковника Бухгольца въ 2,000 человѣкъ, съ нѣсколькими плѣнными шведами, знавшими горное, инженерное и артиллерійское дѣло, должна была подняться по р. Иртышу, возвести крѣпость у Ямышева озера, а оттуда идти къ г. Эркети, овладѣть имъ и развѣдать о мѣстахъ, гдѣ добывается золото. Въ іюлѣ 1715 г. экспедиція изъ 2 полковъ пѣхоты и 700 драгунъ отправилась изъ Тобольска, въ числѣ 3,000 человѣкъ, на 32 дощаникахъ и 27 лодкахъ, вверхъ по Иртышу. Въ Тарѣ присоединился къ ней конный отрядъ въ 1,500 чел. драгунъ, слѣдовавшій берегомъ для очищенія степи отъ непріятеля. Къ 1 октября экспедиція прибыла къ Балкашу и заложила неподалеку крѣпость Ямышевъ.

Контайша *), извѣстясь объ этомъ, а также о намѣреніи нашемъ идти далѣе, собралъ въ концѣ февраля 1716 г. до 10,000 войска, напалъ на крѣпость врасплохъ и занялъ ее, но русскіе оправились и вытѣснили калмыковъ, однакоже послѣ продолжительной блокады, истощивъ всѣ запасы и потерявъ много людей отъ цынги и сибирской язвы, срыли крѣпость и въ числѣ 700 человѣвъ (погибло, значитъ, 3,800), на 18 дощаникахъ, поплыли 28 апрѣля назадъ. На устьѣ р. Оми отрядъ остановился и заложилъ крѣпость Омскую **).

Гибели экспедиціи способствовало и то, что калмыки въ 52 верстахъ отъ Ямышева захватили огромный транспортъ, съ провіантомъ, деньгами, разными военными запасами и товарами купцовъ, шедшихъ въ числѣ 700 человѣкъ въ экспедицію при незначительномъ конвоѣ.

Люди дрались упорно цѣлый день, но, наконецъ, транспортъ былъ взятъ непріятелемъ и проведенъ затѣмъ мимо отряда Бухгольца. Недостатокъ припасовъ, болѣзни и полная безпомощность вынудили нашихъ покинуть крѣпость. Вмѣсто Бухгольца, уѣхавшаго въ Петербургъ, назначенъ былъ сначала Мстигоревъ, а потомъ Ступинъ, которому и удалось утвердиться при Ямышевскомъ озерѣ редутомъ въ 1717 году.

Тогда же устроена промежуточная, между Омскою и Ямышевскою крѣпостями — Желѣзинская, а въ 1718 г. и Семипалатинская. Подъ прикрытіемъ этихъ иртышскихъ укрѣпленій генералъ-маіоръ Лихаревъ ***), не смотря на враждебныя дѣйствія дзюнгаръ, пробрался въ 1719 и 1720 годахъ, съ 440 человѣками

---

*) Правитель Дербенъ-Ойратскаго союза, названнаго у насъ общимъ именемъ дзюнгаръ и калмыковъ.

**) На лѣвомъ берегу Оми, гдѣ крѣпость и стояла до конца XVIII столѣтія, когда перенесена на правый.

***) Смѣнившій въ 1718 году Гагарина, который былъ вызванъ въ Петербургъ, преданъ здѣсь суду за лихоимство и повѣшенъ передъ сенатомъ въ 1720 году.

вверхъ по Иртышу, до самого оз. Норъ-Зайсанъ и даже вышелъ въ Черный Иртышъ, а на возвратномъ пути заложилъ Усть-Каменогорскую крѣпость. Такимъ образомъ со стороны Сибири, въ 5 лѣтъ, мы успѣли основательно занять всю долину Иртыша, на протяженіи слишкомъ 1,000 верстъ!

Начальникомъ другой экспедиціи, отъ Астрахани въ Хиву, избранъ былъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка капитанъ-поручикъ князь Александръ Бековичъ Черкасскій.

29 мая 1714 года состоялся царскій именной указъ объ отправленіи князя Александра Черкасскаго въ Хиву съ поздравленіемъ хана по случаю вступленія его на ханство, а оттуда въ Бухару подъ предлогомъ торговли. Ближнему боярину и воеводѣ казанскому Салтыкову повелѣно было дать Бековичу тысячи полторы воинскихъ людей, пять тысячъ рублей денегъ на всѣ расходы, и сверхъ того исполнять безъ замедленія всѣ другія его требованія.

13 августа того же года Бековичъ прибылъ въ Казань, а 28 октября въ Астрахани отрядъ уже сѣлъ на суда (2 шкуны, 27 морскихъ струговъ и 1 буса).

Отрядъ экспедиціи состоялъ изъ 1,900 человѣкъ, въ томъ числѣ 1,650 человѣкъ регулярной пѣхоты. 7 ноября вся флотилія изъ „астраханскихъ черней“ вышла въ море и направилась къ Гурьеву-Городку; но по случаю льдовъ, затиравшихъ суда, экспедиція принуждена была возвратиться въ Астрахань въ началѣ декабря, потерявъ два струга при устьѣ Урала и два при устьѣ Терека.

Потребовавъ отъ Салтыкова высылки къ веснѣ въ Гурьевъ-Городокъ 500 яицкихъ казаковъ и распорядившись о пополненіи своей флотиліи 20-ю вновь изготовленными бригантинами, Бековичъ отправился въ отечество свое Кабарду и, возвратившись къ веснѣ въ Астрахань, пустился въ море 25 апрѣля 1715 года, направляясь, по прежнему, къ устью Яика, гдѣ у Гурьева ждалъ уже, высланный Салтыковымъ конный отрядъ яицкихъ казаковъ. Сообразивъ подъ конецъ, что эту кавалерію взять на суда нѣтъ возможности, Бековичъ отпустилъ казаковъ домой, а съ пѣхотою отплылъ къ Тюпъ-Карагану.

Отдохнувъ здѣсь и собравъ отъ туркменъ свѣдѣнія о степени возможности направить Аму-Дарью, по прежнему ея руслу, Бековичъ отправилъ астраханскихъ дворянъ Федорова и Званскаго съ туркменомъ Ходжею Нефесомъ, для обозрѣнія мѣстности, а самъ направился къ „Краснымъ водамъ“, гдѣ предполагалось прежнее устье Аму и куда должна была прибыть рекогносцировочная партія названныхъ дворянъ.

Партія эта двинулась на верблюдахъ по хивинской караванной дорогѣ и, дойдя на 18 день къ урочищу Карагачъ, гдѣ

ихъ путь встрѣчался съ дорогою изъ Астрахани, они нашли здѣсь плотину въ 5 верстъ длины, 1 1/2 аршина вышины и 3 сажени ширины.

Рѣка Аму, бывшая тогда въ разливѣ, доходила до самаго этого вала.

Осмотрѣвъ затѣмъ долъ, бывшій прежде, по увѣренію туркменовъ, русломъ Аму-Дарьи, и убѣдившись въ теченіе трехдневнаго пути по долу, что по обѣимъ сторонамъ его есть слѣды селеній и городовъ, а также бывшихъ арыковъ (водопроводныхъ оросительныхъ канавъ), они направились на Красныя воды, по настоянію Нефеса, отказавшагося, не смотря на всѣ просьбы русскихъ дворянъ, вести ихъ далѣе по руслу, изъ опасенія нападеній со стороны разбойничьихъ шаекъ. Также недалеко прошелъ и Тарановскій, посланный изъ Красныхъ водъ къ урочищу Ата Ибрагимъ, до котораго доходила первая партія: провожавшіе его туркмены также отказались идти такъ далеко, и Тарановскій возвратился назадъ, удовольствовавшись увѣреніями проводниковъ, что долъ дѣйствительно тянется вплоть до Каспія. Бековичъ также удовлетворился этими рекогносцировками, и легенда о древнемъ Яксартѣ пріобрѣла въ его глазахъ значеніе достовѣрнаго факта.

9 октября 1715 года экспедиція возвратилась въ Астрахань.

Получивъ донесеніе Черкасскаго о результатахъ рекогносцировки, Петръ I указалъ отправить флота поручика Кожина для описи береговъ Каспія.

Вызванный въ Петербургъ, Бековичъ поѣхалъ вслѣдъ за Петромъ въ Ригу, сумѣлъ внушить государю надежды на успѣхъ вторичной экспедиціи и получилъ за понесенные уже труды чинъ капитана гвардіи.

Новою, написанною самимъ Петромъ инструкціею, заключавшею въ себѣ 13 статей, повелѣвалось князю построить при бывшемъ устьѣ Аму у Красноводскаго залива крѣпость на 1,000 человѣкъ; другую построить у вала, что найденъ на уроч. Карагачъ.

Если окажется возможнымъ обратить рѣку на старое русло и запереть протокъ ея къ Аральскому морю, то перекопать старую плотину и устроить новую.

По пріѣздѣ въ Хиву склонить хана къ русскому подданству, обѣщая наслѣдственность ханскаго достоинства въ его родѣ и русскую гвардію, которую однакожъ онъ долженъ содержать на свой счетъ. Если это условіе покажется тяжелымъ, то дать войску содержаніе отъ Россіи, но только на одинъ годъ. Если ханъ согласится на эти условія, то снарядить, при его помощи, двѣ экспедиціи, которыя и отправить съ караванами: одну къ городу

Эркети*), а другую съ Кожинымъ „подъ видомъ купчины“ въ Индію къ Моголу. Обѣ экспедиціи должны были развѣдать пути и описать ихъ подробно.

Во время пребыванія въ Хивѣ, Бековичъ долженъ былъ развѣдать о бухарскомъ ханѣ и предложить ему также русскую гвардію, такъ какъ и тамъ ханы „бѣдствуютъ отъ подданныхъ“.

Въ экспедиціонный отрядъ поступили слѣдующія войска:

а) Пѣхота: изъ губерній Астраханской, Казанской и Воронежской — полки: астраханскій подполк. Кушникова въ 1,373 человѣка, казанскій подполк. Хрущова въ 1,254 человѣка, и азовскій подполк. фонъ-деръ Виндена въ 1,100 человѣкъ, всего 3,727 человѣкъ.

б) Кавалерія: драгунскій полкъ маіора Франкенберга — 617 человѣкъ, сводный изъ 5 эскадроновъ пензенскихъ драгунъ и одного эскадрона изъ плѣнныхъ шведовъ, жившихъ въ Астрахани.

в) Казаки: 15 сотенъ яицкихъ атамана Бородина—1,500 человѣкъ и 5 сотенъ гребенскихъ атамана Басманова 500 человѣкъ, всего 2,000 человѣкъ.

г) Артиллерія: команда изъ 26 человѣкъ. Разнаго калибра орудій 22.

д) Морская команда—232 человѣка, изъ нихъ: 71 матросъ, 146 новобранцевъ изъ солдатскихъ и садовничьихъ дѣтей, 4 офицера, 1 штурманъ и 10 нестроевыхъ.

Кромѣ того при отрядѣ состояло: 1 инженеръ и 2 ученика для руководства при построеніи крѣпостей, 4 лекаря, 21 человѣкъ дворянъ, 2 толмача, 15 писцовъ и 8 чиновниковъ провіантскаго и коммиссаріатскаго вѣдомства (изъ нихъ два фискала для наблюденія за остальными шестью).

Всего въ отрядѣ было 6,655 человѣкъ. Провіантъ на солдатъ, драгунъ и казаковъ выданъ изъ Казани на годъ, а изъ Астрахани, въ морской походъ, на полгода.

Сверхъ провіанта выдано на каждаго солдата и драгуна по полупуду рыбы,—сазановъ или осетровъ коренныхъ, да вина и уксусу по ведру на человѣка и по шубѣ каждому.

Жалованье штабъ и оберъ-офицерамъ регулярныхъ войскъ опредѣлено выдать за годъ полное, армейское, а нижнимъ чинамъ по 15 алтынъ въ мѣсяцъ.

Для купеческаго каравана въ Индію было накуплено товаровъ на 5,000 р.

Флотилія экспедиціоннаго отряда состояла изъ 138 разныхъ судовъ.

---

*) Неудача движенія къ Эркети со стороны Сибири уже была извѣстна Петру I.

Снаряженіе экспедиціи обошлось въ 218,031 р. и 30 алтынъ съ полушкою.

Въ день отплытія изъ Астрахани (въ половинѣ сентября 1716 г.) Бековича поразило большое несчастіе: жена его и двѣ дочери утонули. Это сильно подѣйствовало на князя и, лишивъ его душевнаго спокойствія, впослѣдствіи отразилось и на его умственныхъ способностяхъ. Оставивъ въ Астрахани кавалерію, Бековичъ отправился съ пѣхотою на судахъ къ восточному берегу Каспія. Тюпъ-Караганъ, представляя удобный промежуточный пунктъ между Астраханью и Красными водами, обладая къ тому же хорошимъ якорнымъ мѣстомъ, былъ избранъ Бековичемъ для укрѣпленія, которое и названо было именемъ св. Петра; здѣсь оставленъ полкъ Хрущова.

Мѣсто однакоже было выбрано неудобное: на безплодной и безлѣсной косѣ, прѣсной воды вовсе не было, а въ колодцахъ она становилась горькосоленою уже черезъ сутки послѣ ихъ выкапыванія, и потому приходилось постоянно зарывать старые и выкапывать новые колодцы.

Съ Тюпъ-Карагана отправлены были два посольства: Воронинъ и Святой въ Хиву сухимъ путемъ и Давыдовъ въ Бухару, черезъ Астрабадъ, куда его долженъ былъ доставить Кожинъ; но этотъ послѣдній не исполнилъ порученія и, придя въ Астрабадъ, не пустилъ на берегъ ни Давыдова, ни его спутниковъ, не смотря на то, что ханъ астрабадскій выслалъ проводниковъ и лошадей для посольства.

Оставивъ въ кр. св. Петра казанскій полкъ Хрущова, съ 11 пушками и отплывъ еще 120 верстъ, Бековичъ остановился въ заливѣ Бехтиръ-Лиманъ (выше зал. Киндерли), который назвалъ своимъ именемъ Александръ-Бай. Тутъ заложена была другая крѣпость, также названная по имени Бековича Александровскою, на мѣстѣ весьма удобномъ къ защитѣ, почему въ гарнизонѣ оставлены были только три роты казанскаго полка. Впослѣдствіи, когда Бековичу пришло въ голову прибавить къ своему титулу еще громкое и грозное „Девлетъ-Гирей“, т. е. покоритель царствъ, то и крѣпость эту онъ переименовалъ въ „Девлетъ-Гирей“. 3 ноября князь Бековичъ прибылъ къ Краснымъ водамъ и заложилъ здѣсь третью и важнѣйшую крѣпость, у входа въ Балканскій заливъ.

Сюда же прибылъ и Кожинъ, ложно увѣрявшій Бековича, будто ханъ астрабадскій отказалъ въ пропускѣ подпоручика Давыдова чрезъ персидскія владѣнія, по причинѣ происшедшаго, будто бы, въ Персіи бунта.

Для постройки крѣпости оставленъ былъ фонъ-деръ-Винденъ съ азовскимъ или коротояцкимъ и астраханскимъ полками, половина которыхъ была еще „не въ пріѣздѣ, понеже ихъ погодою мор-

скою разнесло и выметало по берегамъ на персидскій кряжъ и на трухменской *)".

Какъ и въ Тюпъ-Караганѣ мѣсто было выбрано на безводной и безлѣсной косѣ, гдѣ въ колодцахъ вода „малымъ отмѣнна отъ морской и пески отъ моря потоплыя и вонь непомѣрная **)". Протесты Кожина и фонъ-деръ Виндена, отказывавшагося даже отъ командованія, ни къ чему не повели. „Дѣлай то, что велятъ, ты оставляешься на пробу",—отвѣтилъ Бековичъ и уѣхалъ въ Астрахань. Проба эта обошлась гарнизону не дешево: изъ 2473 чел. къ веснѣ 1718 года осталось только 300 съ небольшимъ, а въ Тюпъ-Караганѣ „и еще злѣе", какъ выражался Кожинъ. Такимъ образомъ, совершенно неизвѣстно для какой надобности, Бековичъ измѣнилъ приказъ Петра I и вмѣсто одной крѣпости построилъ три, куда и засадилъ почти всю пѣхоту свою, т. е. самый надежный элементъ своего отряда... Главная и большая часть войскъ экспедиціи, совершенно безполезно для дѣла, оставлена была умирать въ безводныхъ и вонючихъ прибрежныхъ укрѣпленіяхъ.

Самый путь избранъ былъ Бековичемъ, также вопреки волѣ Петра, не отъ Красныхъ водъ по старому руслу Аму, а отъ Астрахани...

Немудрено, что подчиненные перестали довѣрять ему, а когда онъ вырядился въ азіатскій костюмъ, обрилъ голову и принялъ титулъ Девлетъ-Гирея, т. е. покорителя царствъ, то подозрѣніе этого кабардинскаго князька въ измѣнѣ зашевелилось въ умахъ русскихъ людей, отданныхъ ему въ команду...

Онъ измѣнилъ вѣрѣ отцовъ ради женитьбы на христіанкѣ, дочери русскаго вліятельнаго князя, а братья его остались мусульманами и, конечно, какъ всѣ мусульмане, не могли относиться къ нему по прежнему. Когда жена и дѣти Бековича погибли, то весьма возможно, что эту катастрофу и родственники его, и самъ онъ объясняли себѣ, какъ наказаніе, ниспосланное Аллахомъ за измѣну вѣрѣ отцовъ... Что могло теперь удерживать его въ христіанствѣ?

Если два брата его Сіунча и Акъ-мурза пріѣхали потомъ въ отрядъ съ нѣсколькими узденями-мусульманами, то не ясно ли, что съ нимъ примирились? Облекшись снова въ татарскій костюмъ, обривъ голову и перемѣнивъ самое имя, не обратился ли Бековичъ снова въ прежняго татарина, хотя по внѣшности. А затѣмъ: погубивъ всю пѣхоту, болѣ 3000 человѣкъ, еще до настоящаго похода, а въ походѣ предавъ и драгунъ хивинцамъ, развѣ онъ не загладилъ свой грѣхъ передъ Аллахомъ и не поступилъ съ русскими по рецепту Конрада Валленрода?

---

*) Донесеніе ф. д. Виндена графу Апраксину 30 апр. 1718 г.

**) Донесеніе Кожина Апраксину 13 апр. 1718.

Возвратившись 20 февраля 1717 года на верблюдахъ въ Астрахань, Бековичъ занялся приготовленіями къ четвертому своему походу.

Кожинъ не хотѣлъ уже исполнять порученій князя Черкасскаго, не хотѣлъ участвовать въ предполагаемой экспедиціи, доказывая, что она не удастся, и требуя особаго порученія въ Индію. Онъ получилъ извѣщеніе отъ Аюки-хана калмыцкаго, что Хива собираетъ войска, чтобы встрѣтить русскихъ съ оружіемъ, что русскіе не найдутъ тамъ ни воды, ни сѣна, что хивинцы хотятъ идти на красноводское укрѣпленіе и что посланныхъ княземъ Черкасскимъ гонцовъ держатъ „не въ чести“.

Кожинъ извѣстилъ объ этомъ государя, генералъ-адмирала графа Апраксина и князя Меншикова, обвиняя Бековича въ намѣреніи „измѣннически предать русское войско въ руки варваровъ“, а самъ возвратился въ Петербургъ. За такой самовольный поступокъ онъ былъ преданъ суду, но впослѣдствіи, какъ кажется, прощенъ, когда предсказанія его оправдались. Слухи, сообщенные Аюки-ханомъ, были подтверждены и письмомъ изъ Хивы отъ Воронина и Святаго.

Воронина держали подъ карауломъ до прибытія хана изъ похода, но и тутъ ханъ допустилъ Воронина къ себѣ для свиданія только черезъ мѣсяцъ и потомъ, принявъ грамоты и дары, не давалъ ему никакого отвѣта и не отпускалъ обратно въ Россію. Въ Хивѣ дѣйствительно собирались войска и уже отправленъ былъ передовой отрядъ въ 1000 человѣкъ на встрѣчу русскимъ. Такимъ образомъ князь Черкасскій зналъ о приготовленіяхъ хивинцевъ, но надѣялся съ ними справиться.

Въ составъ отряда сухопутной экспедиціи было назначено: Пѣхоты: двѣ роты солдатъ, посаженныхъ на лошадей, 300 чел. Кавалеріи: драгунскій полкъ 600 чел. Иррегулярныхъ войскъ: яицкихъ казаковъ 1,400 чел., гребенскихъ казаковъ 500 чел., черкесскихъ узденей (съ Сіюнчемъ и Акъ-мурзой, братьями Бековича) 22 чел., юртовскихъ татаръ (калмыки) 32 чел., нагайскихъ татаръ около 500 чел. Артиллерійскихъ и морскихъ чиновъ слѣдуетъ полагать около 100 чел. Всего 3454 чел. при 6-ти орудіяхъ. Купеческій караванъ при отрядѣ составился изъ 35 купцовъ (въ томъ числѣ 13 русскихъ) со 161 чел. прислуги.

При отрядѣ состояли: князь Самановъ (Замановъ), нѣсколько астраханскихъ дворянъ, подьячихъ и толмачей; проводникомъ былъ прежній туркменецъ Ходжа Нефесъ.

Слѣдовательно, всего въ отрядѣ должно полагать 3646 человѣкъ и изъ нихъ пѣхоты только 300 человѣкъ!

Войску отпущено трехмѣсячное продовольствіе, артиллерійскіе и другіе припасы; подъ 2 роты пѣхоты куплено 297 лоша-

дей, а подъ тяжести 200 верблюдовъ. Казаки имѣли своихъ вьючныхъ лошадей; драгунамъ куплено по 1 лошади на 2-хъ человѣкъ; кромѣ того подъ тяжести взято у астраханскихъ, красноярскихъ и другихъ жителей до 300 арбъ и немалое число телѣгъ.

На святой недѣлѣ 1717 года. въ концѣ апрѣля, яицкіе и гребенскіе казаки, подъ командою секундъ-маіора Пальчикова выступили къ Гурьеву со всѣми лошадьми остального отряда (пѣхота, драгуны, уздени и проч.), отправлявшагося на судахъ недѣлею позже къ тому же Гурьеву.

Изъ лагеря подъ Гурьевымъ, Бековичъ отправилъ 100 человѣкъ яицкихъ казаковъ для усиленія тюпъ-караганскаго гарнизона который потерялъ за зиму до 500 человѣкъ умершими (изъ 1254 чел.). Бековичъ разсчитывалъ пополнить отрядъ туркменами, подвластными Аюки-хану, но туркмены, отговариваясь сильными жарами, прислали только 10 человѣкъ, съ проводникомъ Кашкою. Туркмены, какъ оказалось, уже снеслись съ Хивою и держали нейтралитетъ до чьей-нибудь побѣды. Подъ Гурьевымъ Бековичъ простоялъ безъ всякой надобности около мѣсяца... Пропустивъ прохладное время, отрядъ точно дожидался жаровъ.

Стоянка здѣсь ознаменовалась ночнымъ нападеніемъ каракалпаковъ, угнавшихъ всѣхъ казацкихъ лошадей и захватившихъ 60 казаковъ, сторожившихъ табуны. Бековичъ однако пустился въ погоню, отбилъ табуны, выручилъ плѣнныхъ и захватилъ еще нѣсколько каракалпаковъ.

Въ началѣ іюня, слѣдовательно, въ самое трудное для степного похода время, отрядъ выступилъ изъ Гурьева въ походъ. Такъ какъ изъ похода почти никто не вернулся, то свѣдѣнія о событіяхъ добывались допросами проводника Ходжи Нефеса и казака изъ татаръ Урахмета Ахметева. Числа ихъ не сходятся день въ день, но все-таки, приблизительно, отрядъ выступилъ 8 іюня послѣ Троицы.

Оставивъ влѣвѣ большую караванную дорогу въ Хиву, отрядъ направился, „для ради конскихъ кормовъ и воды“, малою, новою дорогою, которая шла по близости морского берега и пересѣкала много рѣчекъ. Черезъ 8 дней отрядъ уже былъ на Эмбѣ, пройдя усиленными переходами, безъ дневокъ, 300 верстъ. Отдохнувъ здѣсь два дня, отрядъ двинулся къ урочищу Богачатъ, откуда уже слѣдовалъ по большой хивинской дорогѣ на колодцы Дучканъ, Мансулмасъ и Чилданъ. Здѣсь на ночлегѣ, бывшіе при отрядѣ калмыки и туркмены, вмѣстѣ съ проводникомъ Кашкою, бѣжали—частью въ свои аулы, частью въ Хиву. Проводникомъ сдѣлался Ходжа Нефесъ, который и повелъ отрядъ на колодцы Санъ, Косчигозы, Бѣлявли, Дурали и Ялги-су, или вѣрнѣе Янгису *).

*) Въ переводѣ Янги-су значитъ „новая вода“.

Отсюда (за 8 дней хода до Хивы) Бековичъ отправилъ въ Хиву дворянина Керейтова, со 100 казаками, для увѣренія хана въ мирной цѣли своего посольства. Это было совершенно напрасно, потому что нисколько не гармонировало съ титуломъ султана и „покорителя царствъ", который принялъ Бековичъ съ начала похода. Бековичъ явно искалъ популярности у туркменъ: обрилъ себѣ голову, надѣлъ черкесскій костюмъ и намекалъ, говорятъ, что онъ и самъ можетъ быть ханомъ въ Хивѣ.

Оставивъ при колодцѣ Янгысу до 1000 худоконныхъ казаковъ со многими отсталыми, отрядъ направился на колодезь Шеммилдунъ, рѣку Каракумметь и рѣчку Акуль, которыя обѣ выходятъ по словамъ Нефеса, изъ Аму-Дарьи.

Ни на одной картѣ нельзя найти ни одного изъ упомянутыхъ названій, а существованіе на западномъ берегу Аральскаго моря развалинъ крѣп. Девлетъ-Гирей, построенной, судя по преданіямъ туземцемъ, Бековичемъ, окончательно сбиваетъ изслѣдователя. Профессоръ А. И. Макшеевъ, на стр. 72 своей книги „Историч. обзоръ Туркестана", считаетъ рѣку Каракумметь и урочище Кара-Гумбетъ у озера Айбугиръ, нынѣ высохшаго, тождественными; а рѣчку Аккуль (по русски—бѣлое озеро) за тотъ же Айбугиръ. Ни подтверждать, ни опровергать этого совершенно невозможно, хотя можно допустить, что проводикъ Нефесъ умѣлъ различать озеро отъ рѣчки и что рѣчками могли называться большіе арыки, капризно измѣнявшіе данное имъ рукою человѣка направленіе. Подъ Ташкентомъ мы знаемъ арыки Босъсу и Чаули, которые теперь на канавки не похожи и называются рѣчками. То же самое было возможно 180 лѣтъ назадъ и въ хивинскомъ ханствѣ.

Эта путаница проще всего объясняется тѣмъ, что маршрутъ этотъ записанъ со словъ неграмотнаго проводника-туркмена, который могъ и забыть названія за неимѣніемъ карты, если не сдѣлалъ этого съ умысломъ. Вѣдь ему не прошло бы даромъ, что онъ бѣжалъ изъ отряда, если бы это узнали при его опросѣ. Онъ былъ, конечно, не настолько простъ, чтобы въ этомъ сознаваться... Во всякомъ случаѣ можно допустить, что съ устья Эмбы Бековичъ прошелъ кратчайшимъ путемъ къ Аральскому морю, заложилъ на берегу его укрѣпленіе Девлетъ-Гирей и затѣмъ двинулся въ хивинскій оазисъ.

На приложенной картѣ Средней Азіи, составленной по ряду съемокъ со включеніемъ самыхъ послѣднихъ съ карты Главнаго Штаба, нѣтъ ни одного изъ названій урочищъ и колодцевъ маршрута Нефеса. Поэтому на картѣ обозначенъ путь экспедиціи наиболѣе вѣроятный, мимо озеръ Самъ и Асмантай, доведя его только до хивинскаго оазиса. За 200 лѣтъ, конечно, многія урочища и колодцы могли исчезнуть, а явились новые и потому

для предположеній имѣется извѣстный просторъ, города же остались и тутъ простора нѣтъ. На нашихъ глазахъ извѣстный заливъ Аральскаго моря Айбугиръ пересохъ и исчезъ не только съ картъ, но и въ мѣстныхъ названіяхъ прежнихъ урочищъ.

Принимая на вѣру показанія Нефеса и татарина Ахметева, окажется, что къ 15 августа отрядъ былъ уже на Карагачѣ, при озерахъ или разливахъ Аму-Дарьи, въ 150 верстахъ отъ Хивы, и такимъ образомъ прошелъ голою степью до 1350 верстъ въ теченіи 65 дней и въ самое жаркое время года, когда обыкновенно стоитъ свыше 40° по Реомюру.

Почти на каждомъ привалѣ и ночлегѣ приходилось рыть множество (до 35) колодцевъ въ 2—4 сажень глубиною, и такимъ образомъ войска не знали отдыха. Такой тяжелый походъ, въ самое жаркое время, каковы іюнь и іюль мѣсяцы, сопровождался, конечно, значительною убылью верблюдовъ и вьючныхъ лошадей. Частыя дневки для отдыха мало помогали въ этомъ отношеніи, и мы видѣли, что на колодцѣ Ялгысу или Янги-су пришлось оставить 1000 казаковъ съ присталыми конями. Спасшійся изъ плѣна казакъ Федоръ Емельяновъ, на допросѣ, показалъ, что, начиная отъ Гурьева до хивинской земли, „провіанту побросано и отсталыхъ лошадей дорогою покинуто многое число... За дальностію и за недовольствомъ кормовъ лошади многія пристали“.

Между тѣмъ, вслѣдъ за прибытіемъ въ хиву, бѣжавшихъ изъ отряда проводниковъ-туркменовъ, ханъ Ширгазы приказалъ заключить Керейтова и его конвой по тюрьмамъ, а самъ поспѣшилъ собрать, сколько могъ успѣть, войска. Чтобы удостовѣриться въ характерѣ посольства, ханъ послалъ въ отрядъ своихъ узденей съ подарками Бековичу, который не принималъ пословъ въ теченіе двухъ дней, пока не подошли, остававшіеся на Ялгысу 1000 казаковъ.

Это было сдѣлано съ цѣлью показать хивинцамъ силы отряда. Слухи о многочисленности хивинскихъ войскъ (ихъ было на самомъ дѣлѣ 24,000) подѣйствовали и на Нефеса, который также бѣжалъ отъ русскихъ. Князь Бековичъ, узнавъ о приготовленіяхъ хана къ войнѣ, расположилъ отрядъ тыломъ къ водѣ, оградивъ его съ прочихъ трехъ сторонъ телѣгами и арбами.

На другой же день по прибытіи русскихъ къ Карагачу, 60 казаковъ, посланныхъ на рыбную ловлю, были захвачены въ плѣнъ, а 17 числа къ отряду подошла хивинская конница, которая безъ всякихъ предварительныхъ объясненій понеслась въ атаку.

Бой продолжался до ночи, при наступленіи которой, хивинцы отступили версты на двѣ и расположились таборомъ, охвативъ имъ отрядъ русскихъ въ видѣ полумѣсяца.

Предвидя новое нападеніе, Бековичъ окопалъ лагерь свой рвомъ и валомъ, который и воружилъ своими шестью пушками.

На слѣдующій день бой возобновился и продолжался еще двое сутокъ сряду (другіе увѣряютъ, что бой длился даже 5 дней). Вооруженные преимущественно сайдаками (луками), хивинцы, конечно, не могли причинить русскимъ значительнаго вреда за закрытіями, а сами терпѣли отъ нашей артиллеріи и ружей значительный уронъ. Вся наша потеря заключалась въ 10 убитыхъ. Видя безуспѣшность своихъ нападеній, хивинцы приступили къ переговорамъ.

Посолъ хивинскій оправдывался, что нападеніе на нашъ отрядъ сдѣлано безъ повелѣнія хана и до его прибытія къ войску.

Между тѣмъ ханъ Ширгазы собралъ совѣтъ и предложилъ коварный планъ, придуманный его казначеемъ: войти въ переговоры, заманить къ себѣ русскаго предводителя и заставить его раздѣлить войско на мелкіе отряды, подъ предлогомъ размѣщенія его на зимнія квартиры по разнымъ городамъ.

Въ русскомъ лагерѣ также совѣщались на военномъ совѣтѣ. Маіоръ Франкенбергъ и другіе офицеры высказались рѣшительно противъ переговоровъ, одинъ Самановъ былъ за нихъ и Бековичъ принялъ его мнѣніе, основываясь на томъ, что отрядъ сильно утомленъ, а лошади и верблюды, находившіеся тоже въ окопахъ, не могли оставаться безъ пастьбы.

Во время этихъ совѣщаній, утромъ 20 августа, хивинцы возобновили нападенія; но когда Бековичъ потребовалъ черезъ одного татарина объясненія, то ханъ отвелъ свои войска въ таборы, извѣстивъ, что нападеніе произведено безъ его вѣдома туркменами и аральцами, а для большей убѣдительности ханъ показалъ нашимъ посланцамъ двухъ туркменъ, изъ числа виновныхъ будто бы въ нападеніи, которыхъ водили передъ всѣмъ войскомъ на тонкой веревкѣ, продернутой одному въ ноздрю, а другому въ ухо.

Вскорѣ затѣмъ явились въ русскій лагерь два хивинскихъ уполномоченныхъ Кулумбай и Назаръ Ходжа, съ которыми и заключенъ былъ предварительный мирный договоръ, утвержденный съ обѣихъ сторонъ клятвою, причемъ эти уполномоченные цѣловали коранъ, а князь Черкасскій—крестъ. На другой день ханъ пригласилъ князя Бековича въ свой станъ для торжественнаго пріема и для переговоровъ. Бековичъ тотчасъ отправился, вмѣстѣ съ братьями своими, Самановымъ и свитой, въ сопровожденіи 700 человѣкъ казаковъ и драгунъ. Ханское войско раздѣлилось и пропустило ихъ къ шатрамъ ханскимъ, вблизи которыхъ приготовлены были шатры и для Бековича.

На слѣдующій день ханъ принялъ князя Черкасскаго, который подалъ ему грамоту и царскіе подарки, состоявшіе изъ суконъ, сахара, соболей, 9 блюдъ, 9 тарелокъ и 9 ложекъ серебряныхъ

и проч. *). Ханъ увѣрялъ его въ добромъ расположеніи своемъ къ русскимъ, подтвердилъ клятвою и цѣлованіемъ корана мирный договоръ, заключенный Колумбаемъ и Назаромъ Ходжею, и угощалъ Бековича и Заманова обѣдомъ, въ продолженіе котораго играла русская военная музыка.

Послѣ этого ханъ, со всѣмъ своимъ войскомъ, двинулся назадъ къ Хивѣ; съ ними пошелъ и русскій отрядъ. На другой день ханъ возвратилъ назадъ подарки съ упрекомъ, что сукна доставлены „драныя“, тогда какъ въ царской грамотѣ значатся цѣльныя. Разодралъ сукно (на куски по 5 аршинъ) Самановъ, съ цѣлію извлечь изъ этой операціи какую-то выгоду, „чтобъ имъ чѣмъ можно выѣхать назадъ“. Черкасскій горько упрекалъ Саманова за эту продѣлку и даже плакалъ, но, не желая обнаружить истину, объявилъ, что это были его собственные подарки а что царскими онъ будетъ дарить хана послѣ.

Дѣйствительно, впослѣдствіи Бековичъ снова дарилъ хана и его приближенныхъ.

Передъ отправленіемъ въ Хиву, князь Бековичъ послалъ дворянина Званскаго извѣстить маіора фонъ-Франкенберга и Пальчикова о дружескомъ пріемѣ хана и своемъ отъѣздѣ въ Хиву, причемъ предписывалъ имъ идти за нимъ слѣдомъ со всѣмъ остальнымъ отрядомъ.

Слѣдуя черезъ урочище Старую Хиву (Куня-Ургенчъ) и Аральскія пашни, ханъ расположился лагеремъ близъ гор. Порсу на большомъ арыкѣ Порсунгулъ, въ двухъ дняхъ пути отъ Хивы. Здѣсь Бековичъ имѣлъ новое свиданіе съ ханомъ и вручилъ ему новые подарки. Главный отрядъ нашъ расположился верстахъ въ трехъ отъ хивинскаго лагеря, такъ какъ ближе къ ставкѣ Бековича не допустили хивинцы. На третій день ханъ объявилъ, что онъ не можетъ поставить на квартирахъ въ одномъ городѣ такой значительный отрядъ и потому проситъ раздѣлить войско на нѣсколько частей, для отвода на квартиры въ ближайшіе къ Хивѣ города.

Къ удивленію, Бековичъ согласился исполнить желаніе хана и далъ фонъ-Франкенбергу и Пальчикову соотвѣтствующія приказанія, отпустивъ съ хивинскими разсыльными и большую часть своего конвоя, т. е. 500 человѣкъ изъ 700 въ русскій лагерь.

Офицеры наши, менѣе князя довѣрчивые, поражены были нелѣпостію такого приказанія. Узбекамъ, явившимся съ предложеніемъ раздѣлить отрядъ и идти съ ними на квартиры, фонъ-Франкенбергъ съ неудовольствіемъ объявилъ, что русскимъ отрядомъ командуетъ не ханъ, а князь Бековичъ. Два письменныхъ приказанія Бековича также не были исполнены. Дѣло казалось

*) Число 9 освящено обычаемъ въ Средней Азіи и Персіи.

этимъ бравымъ офицерамъ такъ ясно, нелѣпость приказанія была имъ такъ очевидна, что только послѣ личнаго объясненія съ Бековичемъ фонъ-Франкенберга, ѣздившаго для того нарочно въ хивинскую ставку, и только послѣ угрозъ военнымъ судомъ, оба эти офицера предались на волю Божію и, раздѣливъ отрядъ на пять отдѣльныхъ частей, распустили людей съ присланными узбеками.

Такимъ образомъ небольшія команды русскихъ, въ 450 — 500 человѣкъ, разошлись во всѣ стороны подъ конвоемъ хивинцевъ, принимавшихъ какъ будто дорогихъ своихъ гостей и разводившихъ ихъ по квартирамъ. Хивинцы только того и ждали: еще не успѣлъ князь Черкасскій слѣзть съ коня, отдавъ послѣднія приказанія уходившему отъ него отряду, какъ хивинцы бросились на оставленный имъ при себѣ небольшой конвой и частію изрубили, частію взяли его въ плѣнъ и ограбили. Экономовъ, князь Самановъ и князь Черкасскій, раздѣтые до нага, были изрублены въ глазахъ хана. Такой же участи подверглись и остальные отряды русскихъ. Они перенесли столько трудовъ и лишеній, такъ мужественно боролись и съ природой, и съ людьми, и все это какъ будто для того только, чтобы безславно погибнуть въ виду цѣли!

Истреблены, впрочемъ, были не всѣ: наиболѣе сильные отобраны, какъ рабочая сила. Ихъ употребили на рытье каналовъ-арыковъ, и самые большіе изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Палванъ-Ата, по преданію, существующему въ Хивѣ, выкопаны были русскими. Плѣнные шведы копали у насъ Ладожскій каналъ, стало быть, это было въ порядкѣ вещей. Наибольшее участіе въ избіеніи русскихъ принимали жители г. Порсу, и во время хивинской экспедиціи 1873 г. потомки ихъ жестоко поплатились по чистой случайности, такъ какъ наши и не знали даже, что имѣютъ дѣло именно съ тѣми, на комъ лежала русская неотомщенная кровь.

Ханъ съ торжествомъ возвратился въ Хиву, встрѣчаемый радостными толпами народа. Съ отрубленныхъ головъ снята была кожа и набита травою. У Адарскихъ воротъ, на особо устроенной висѣлицѣ выставлены были приготовленныя такимъ образомъ головы Саманова и Экономова. Голова же Бековича отправлена была къ хану бухарскому; но тотъ не принялъ пословъ, велѣлъ встрѣтить ихъ на дорогѣ и сказать: „если ихъ ханъ людоѣдъ, то пусть обратно отнесутъ ему голову; а я не принимаю участія въ его поступкѣ“.

Фактъ истребленія русскаго отряда разсказывается еще и такъ *):

*) Родословная исторія о татарахъ. Абулъ-Гази Баядуръ Хана. Часть II, стр. 354.

во время переговоровъ Бековичъ требовалъ, чтобы запрудили русло Аму-Дарьи, шедшее въ Аральское море и, напротивъ, разрушили плотину, отклонившую рѣку отъ направленія къ Каспію. Хивинцы отговаривались трудностію выполнить эту задачу, и Бековичъ рѣшился сдѣлать это самъ. Взявъ аманатовъ, онъ заставилъ вести себя къ Аму-Дарьѣ, гдѣ надо было строить плотину, чтобъ отвести рѣку отъ Аральскаго моря.

Проводники повели русскихъ безводными степями, и когда на шестой день жажда заставила русскихъ раздѣлиться отрядами, чтобы скорѣе найти воду, то хивинцы разбили ихъ по частямъ.

Разсказъ этотъ отчасти правдоподобенъ, пока дѣло идетъ объ отводѣ р. Аму въ Каспійское море: завѣтная мечта Великаго Петра, конечно, должна была напомнить о себѣ первою, какъ только хивинцамъ можно было уже приказывать. Что касается до безводныхъ переходовъ, то легендарность разсказа дѣлается очевидною: стоя на большомъ арыкѣ, въ двухъ дняхъ пути отъ Хивы и, значитъ, во всякомъ случаѣ не далѣе, какъ въ четырехъ дняхъ отъ р. Аму, странно было бы идти къ рѣкѣ пять дней, да вдобавокъ съ какою-то болотною водой, которой все-таки не хватало на отрядъ.

Замѣчательно однакожъ, что братья Бековича, съ узденями, были отпущены на родину... Почему такая милость? Ради ихъ мусульманства или предательства? Основываясь на неточныхъ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ Нефесомъ, можно бы принять, что все число погибшихъ и попавшихъ въ плѣнъ изъ отряда Бековича простиралось до 3,000, а такъ какъ изъ Гурьева онъ выступилъ съ 3,646 чел., то недостающіе 646 чел. могутъ быть отнесены на убыль въ походѣ. Убыль въ 1/4 наличнаго числа людей можно считать ничтожною въ виду неизбѣжнаго изнуренія отъ громадности трудовъ и лишеній; усиленные переходы въ самую знойную пору оказались вовсе не такъ губительными, какъ можно было ожидать.

Приведя мнѣнія лицъ, писавшихъ ранѣе о походѣ Бековича, что причинами гибели 3 1/2-тысячнаго русскаго отряда были коварство хивинцевъ, измѣна Аюки-Хана калмыцкаго и неразумная довѣрчивость Бековича, происходившая отъ нравственнаго его разстройства вслѣдствіе семейнаго горя, Макшеевъ на стр. 75. говоритъ, что „немаловажною причиною.., было также, какъ справедливо замѣтилъ Веселовскій въ своемъ историческомъ очеркѣ хивинскаго ханства (стр. 173),—странное и двусмысленное положеніе Бековича, какъ мирнаго посланника съ одной стороны и предводителя военнаго отряда, слѣдовательно, непріятеля — съ другой“. Макшеевъ раздѣляетъ это мнѣніе, считаетъ его справедливымъ, и потому можно бы подумать, что и онъ съ Веселовскимъ на мѣстѣ Бековича, также переселился бы въ хивинскій

лагерь въ качествѣ мирнаго посла и оттуда разсылалъ бы войскамъ глупыя приказанія въ качествѣ военачальника!

Виноватымъ оказывается одинъ Петръ Великій, соединившій въ одномъ лицѣ двѣ несовмѣстимыхъ обязанности! Но если мы обратимъ вниманіе на то, что Бековичъ, вмѣсто одной крѣпости на Каспіи, какъ было повелѣно Петромъ I, построилъ еще двѣ ненужныхъ и негодныхъ, куда и засадилъ всю свою пѣхоту „на пробу“, если припомнимъ, что у фонъ-Вендена, въ азовскомъ и астраханскомъ полкахъ, изъ 2,473 чел., на Красныхъ водахъ, погибло, за зиму 2,173 чел., а на Тюпъ-Караганѣ у Хрущова, въ казанскомъ полку, изъ 1,254 чел. пострадали, по свидѣтельству Кожина, почти всѣ *) безъ всякой пользы для похода въ Хиву; если, наконецъ, укажемъ, что въ четвертую свою экспедицію онъ простоялъ у Гурьева, безъ всякой надобности, лишній мѣсяцъ и тронулся въ походъ только съ наступленіемъ жаровъ, а затѣмъ, одержавъ побѣду надъ хивинцами, отдалъ свои войска въ распоряженіе хана для размѣщенія будто бы по квартирамъ, то объяснять все это нравственнымъ разстройствомъ будетъ трудновато. Къ тому же о зимнихъ квартирахъ въ августѣ, при хивинскомъ климатѣ, и думать рановато. Надо было захватить любой городъ и основаться въ немъ.

Весь уронъ, причиненный безумными распоряженіями православнаго татарина, превысилъ 6,000 чел. и 6 орудій.

Вѣсть о плачевной участи экспедиціи князя Черкасскаго прежде всего дошла въ новыя укрѣпленія при Тюпъ-Караганѣ и Красныхъ водахъ; крѣп. Св. Петра еще не была окончена, а между тѣмъ, съ полученіемъ печальной вѣсти, начались нападенія туркменъ. На военномъ совѣтѣ рѣшено было прекратить постройку крѣпости въ предположенныхъ размѣрахъ и, ограничившись готовыми уже постройками, замкнуть занятое ими пространство заборомъ и обнести валомъ. Недостатокъ дровъ, которыхъ нельзя было найти ближе Астрахани, вынудилъ командированіе туда части гарнизона, достигшей благополучно цѣли назначенія, но не возвратившейся назадъ, такъ какъ море уже замерзло.

Въ Красноводской крѣпости извѣстіе получено еще въ августѣ отъ туркменъ, которые напали на команду, посланную за дровами, и захватили 26 человѣкъ въ плѣнъ. Подступивъ затѣмъ къ крѣпости, они объявили высланному для переговоровъ переводчику, что отрядъ князя Черкасскаго истребленъ, и что они намѣрены овладѣть крѣпостью. 10 сентября они и дѣйствительно напали на крѣпость съ сухого пути и съ моря, ворвались въ нее, но были выбиты. Устроивъ на косѣ, соединявшей крѣпость съ материкомъ, ложементъ изъ мучныхъ кулей, гарнизонъ

*) Хотя Бековичъ доносилъ, будто тутъ умерло всего 500 чел.

отбилъ еще нѣсколько нападеній туркменовъ, но уже было очевидно, что, по крайнему неравенству силъ, долго держаться было невозможно. Собранный военный совѣтъ рѣшилъ оставить укрѣпленіе и возвратиться въ Астрахань на судахъ, омелѣвшихъ при крѣпости. 3 октября весь отрядъ сѣлъ на суда и отплылъ въ море, но буря разнесла суда, изъ котрыхъ нѣкоторыя потерпѣли крушеніе, а другія были прибиты къ устьямъ Куры, гдѣ и прозимовали, и только весною 1718 г. возвратились въ Астрахань. Погибло въ морѣ до 400 чел.

Еще въ сентябрѣ 1717 г. сенату было донесено изъ Астрахани о печальномъ исходѣ хивинской экспедиціи; Петръ Великій былъ въ это время за границею, откуда прислалъ приказаніе казанскому губернатору усилить гарнизоны на Тюпъ-Караганѣ и Красныхъ водахъ, но это приказаніе опоздало, такъ какъ гарнизоны уже оставили укрѣпленія и воротились въ Астрахань.

Такъ окончилась знаменитая по преодолѣннымъ трудностямъ и первая русская экспедиція въ степи Средней Азіи, подававшая вначалѣ столь блестящія надежды.

Напрасно сваливать вину на калмыцкаго хана Аюку, на проводниковъ и проч. Отрядъ дошелъ и побѣдилъ,—значитъ, разные предшествовавшіе обманы вліянія на исходъ дѣла не имѣли.

Вся вина падаетъ на фонъ Франкенберга и Пальчикова, не сумѣвшихъ отличать законныхъ приказаній отъ незаконныхъ и повиновавшихся начальнику, который, во-первыхъ, былъ полусумасшедшимъ, а во-вторыхъ—въ плѣну. Приказаніе, о которомъ идетъ рѣчь, могъ отдать либо измѣнникъ, либо полоумный. Ничтожному отряду въ 3000 чел. нельзя расходиться среди враждебнаго населенія и сдаваться на его милость и добродушіе. Въ цѣльной массѣ такой отрядъ, съ лучшимъ вооруженіемъ, чѣмъ у врага, представлялъ уже силу, для которой вопросъ о сдачѣ на милость врага даже не долженъ быть существовать. Если приказаніе разойтись отдастъ измѣнникъ, передавшійся непріятелю, то приказаніе незаконно и Франкенбергъ съ Пальчиковымъ не имѣли права исполнять его. Если Бековичъ не былъ измѣнникомъ, а только душевно-больнымъ, то приказанія его являются нулевыми, какъ бредъ, ни для кого не обязательный, и исполнять ихъ преступно. Если онъ, перейдя въ лагерь хивинцевъ, боялся ихъ и передавалъ своимъ лишь приказы хана, то опять его приказы незаконны, ибо это приказы врага.

Неудачи нисколько, однакожъ, не отклонили Петра отъ его видовъ на Среднюю Азію. Возвратясь изъ-за границы, 10 октября 1717 г. государь въ торжественной аудіенціи принялъ бухарскаго посла, который, ставъ на колѣни, поклонился царю отъ лица хана. Посолъ хотѣлъ вынуть грамоту изъ особой шкатулки, но ея тамъ

не оказалось. Попросивъ прощенія у государя, онъ отправилъ одного изъ своихъ за грамотою на свою квартиру. Когда, наконецъ, грамота была поднесена царю, Петръ поднялъ надъ нею руку, а принялъ грамоту подканцлеръ Шафировъ. Затѣмъ посолъ поздравилъ царя съ побѣдою надъ шведами и просилъ отъ имени эмира прислать въ Бухару девять шведокъ и отправить посломъ „разумнаго человѣка“. Петръ воспользовался случаемъ и назначилъ посломъ въ Бухару весьма образованнаго итальянца, служившаго секретаремъ оріентальной экспедиціи посольскаго приказа, по имени Флоріо Беневени. Ему поручено было утвердить русское вліяніе въ Бухарѣ, и „буде возможно заключить съ нею оборонительный аліанцъ“, а хану предложить гвардію изъ русскихъ. Кромѣ того Беневени долженъ былъ собрать свѣдѣнія о торговлѣ и особенно развѣдать о рѣкахъ золотоносныхъ.

Въ сентябрѣ 1718 г. нашъ посолъ выѣхалъ изъ Москвы и, нагнавъ въ Астрахани возвращавшееся бухарское посольство, условился съ послѣднимъ относительно дальнѣйшаго направленія пути. Рѣшено было ѣхать на Шемаху, черезъ Персію (Шемаха тогда принадлежала Персіи). Въ іюлѣ слѣдующаго года оба посла прибыли въ Шемаху, но здѣсь, по случаю враждебныхъ отношеній Персіи къ Бухарѣ, посланники были задержаны въ продолженіе цѣлаго года. Беневени приписывалъ это раздраженію персіянъ противъ русскихъ, вслѣдствіе самоуправія и буйства переводчика посольской канцеляріи Димитраки Петричиса, посланнаго курьеромъ въ Персію. Этотъ грекъ наказалъ плетьми одного изъ посланныхъ Аюки хана къ персидскому шаху за то, что тотъ не явился къ нему по первому зову, и затѣмъ заперъ его въ своей квартирѣ, освободивъ только послѣ угрозъ шемахинскаго хана.

Когда, наконецъ, Беневени вздумалъ выѣхать изъ города назадъ въ Россію, то посольскій домъ былъ окруженъ войсками, и 16 человѣкъ русскихъ встрѣчены были выстрѣлами. Завязалась перестрѣлка, въ которой съ нашей стороны убито было трое, у непріятеля же пятеро. Русскіе заперлись и согласились на миръ, только подъ условіемъ немедленнаго отправленія къ шаху. Не дожидаясь однакоже разрѣшенія, посольство выѣхало изъ города 11 августа 1719 г., за нѣсколько часовъ до нападенія лезгинъ, разграбившихъ городъ.

По прибытіи пословъ въ Тегеранъ, шахъ, хотя и извинялся передъ Беневени въ задержкахъ, ему причиненныхъ, и обѣщалъ отправить его немедленно въ дальнѣйшій путь, но безпрерывныя возмущенія задержали посольство еще болѣе полугода. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ задержекъ, Беневени прибылъ въ Бухару только въ 1721 г., въ первыхъ числахъ ноября.

Положеніе дѣлъ въ Бухарѣ въ это время было весьма пла-

чевно. Безпрерывныя войны съ Хивою и возмущенія узбековъ дѣлали положеніе эмира ненадежнымъ. Вотъ причина, почему Беневени, впродолженіе трехлѣтняго пребыванія своего въ Бухарѣ не могъ заключить никакихъ договоровъ съ правителемъ ея, весьма охотно желавшимъ соглашенія, но боявшимся узбековъ. Посолъ долженъ былъ сноситься съ эмиромъ то черезъ евнуха, то черезъ его сестру и няньку. Въ письмахъ въ Россію посолъ постоянно жаловался на коварство и варварство туземнаго правительства. Изъ Бухары посла выпустили также послѣ долгихъ затрудненій. Для возвращенія въ Россію Беневени, согласно полученнаго приказа, направился было въ Персію, имѣя въ виду присоединиться къ русскимъ отрядамъ, занимавшимъ тогда сѣверные предѣлы ея. Достигнувъ Аму-Дарьи при Керки, онъ былъ встрѣченъ туркменами, намѣревавшимися его ограбить. Это побудило Беневени бѣжать назадъ, въ Бухару, гдѣ онъ получилъ изъ Россіи указъ, дозволявшій ему избрать для возвращенія путь, какой онъ самъ заблагоразсудитъ.

Во время пребыванія Беневени въ Бухарѣ, хивинцы часто присылали къ нему гонцовъ съ приглашеніемъ пріѣхать къ нимъ. Они боялись мщенія Россіи за Бековича и потому искали примиренія съ нею. Опасаясь оставаться долѣе въ Бухарѣ, гдѣ уже намѣревались покончить съ посольствомъ, Беневени рѣшился воспользоваться приглашеніемъ хивинцевъ, и въ ночь на 8 апрѣля 1725 г тайкомъ бѣжалъ изъ Бухары, по направленію къ Хивѣ, куда и прибылъ чрезъ 11 дней. Шахъ Ширгазы принялъ его ласково и между прочимъ, въ дружескомъ разговорѣ на одномъ изъ своихъ праздниковъ, сказалъ послу за тайну: „государь вашъ не знаетъ намѣреній князя Бековича,—онъ дѣйствовалъ для с в о е й л и ч н о й выгоды *)“. Это бросаетъ новый свѣтъ на дѣйствія Бековича: съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ и принятое Бековичемъ прозвище „Покорителя царствъ“ (Девлетъ-Гирея), и бритье головы, и азіатскій костюмъ и прочее.

Между тѣмъ приближенные хана обирали посла и всѣми мѣрами его задерживали. Любимецъ ханскій Достумъ-бей простеръ свою безцеремонность до того, что увелъ у посла лучшаго коня, посланнаго бухарскимъ эмиромъ въ подарокъ государю, но когда посолъ объявилъ, что коня берутъ не у него, а у его государя, которому конь принадлежитъ, то лошадь возвратили.

Чтобы избѣжать плѣна, Беневени вынужденъ былъ и изъ Хивы бѣжать тайкомъ, выпросивъ у хана тайную прощальную аудіенцію. Ханъ согласился и на прощанье просилъ передать

---

*) Намекъ на тайное намѣреніе Бековича утвердиться въ Хивѣ и провозгласить себя ханомъ.

государю, что князь Бековичъ, считая себя изъ рода Гюрджи-Хана, самъ хотѣлъ сдѣлаться хивинскимъ ханомъ.

Въ началѣ августа Беневени оставилъ Хиву и въ 25 дней достигъ Гурьева-городка, откуда прибылъ въ Астрахань къ 17 сентября.

Беневени, не успѣвшій пріобрѣсти для Россіи ни политическихъ, ни торговыхъ выгодъ, весьма внимательно развѣдывалъ о минеральныхъ богатствахъ края. На пути въ Бухару, при переправѣ черезъ Аму-Дарью, онъ нашелъ въ песчаныхъ ея берегахъ искры золота, почему нѣсколько горстей этого песку отправилъ изъ Бухары къ Петру Великому при шифрованномъ письмѣ, написанномъ на поляхъ письма обыкновеннаго. Въ этомъ же письмѣ онъ сообщалъ, что, хотя „р. Аму-Дарья начало свое имѣетъ не изъ золотыхъ рудъ“, но въ нее впадаетъ р. Гіокча, берущая начало близъ Бадакшана, изъ горъ богатыхъ золотомъ. Горные жители, обитающіе у истоковъ этой рѣки, для добыванія золота стригутъ овецъ и шерсть ихъ зарываютъ въ грязь и песокъ; потомъ, спустя нѣсколько времени, вытаскиваютъ ее на берегъ, просушиваютъ и затѣмъ вытряхиваютъ чистое золото. Въ горахъ же, по словамъ посла, „добывать золото и серебро запрещено и тамошніе беки держатъ вокругъ стражу“.

Чтобы собрать болѣе подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія о золотѣ, Беневени посылалъ съ торговымъ караваномъ своего камердинера Николо Минера въ Балхъ и Бадакшанъ. По возвращеніи оттуда Минеръ посланъ гонцомъ съ письмомъ въ Москву, и здѣсь въ посольской канцеляріи онъ разсказалъ все видѣнное и слышанное во время своего дальняго путешествія. Золото и серебро, по его словамъ, добываются въ Бадакшанѣ изъ Аму-Дарьи въ лѣтніе мѣсяцы, когда убываетъ вода. Песокъ моютъ въ котлахъ, высушиваютъ на кожахъ и потомъ бьютъ по кожамъ прутьями, отчего песокъ отвѣвается, а золото остается. Не выдѣлившіяся частицы песку окончательно выгораютъ при плавѣ золота. Распространившись о бадакшанскомъ золотѣ, серебрѣ, лаллахъ (рубинахъ) и лапись-лазурикѣ, Минеръ прибавилъ, что онъ слышалъ, будто въ городахъ Каскарѣ, Маргилянѣ, Идизанѣ (не Андижанъ ли?) и Таскентѣ тоже родится золото, серебро, а также мускусъ, тензуй (?) и ревень. Мы теперь владѣемъ и Ташкентомъ, и Маргеланомъ, и Андижаномъ, а золота въ нихъ не нашли.

Въ вышеупомянутомъ шифрованномъ письмѣ о среднеазіатскомъ золотѣ Беневени писалъ государю: „Со всякою покорностію послѣднее мое слово предлагаю, что ежели вы желаете себѣ авантажъ добрый и хорошую казну прибрать, лучшаго способа я не сыскалъ, что къ описаннымъ мѣстамъ собираться войною: сила всѣ резоны уничтожаетъ. Постороннихъ велико опасеніе не будетъ, ибо всѣ генерально между собою драки имѣютъ“. Тутъ же

посолъ добавлялъ и другую пріятную для государя вѣсть о прежнемъ теченіи Аму въ Каспійское море. Онъ доносилъ, что Аму-Дарья въ прежнее время дѣйствительно впадала въ Каспійское море, но только не вся, а однимъ лишь рукавомъ, другимъ же она всегда вливалась въ Аральское море. Вслѣдствіе же какихъ причинъ произошло запруженіе рукава, впадавшаго въ Каспій, ему въ Бухарѣ положительно ничего не говорили. По догадкамъ однихъ, рѣка высыхала по мѣрѣ того, какъ поселенія на ней пустѣли; по другимъ—на берегахъ ея жилъ когда-то воинственный народъ, грабившій Хиву и Бухару, вслѣдствіе чего и та, и другая совмѣстно рѣшили, что для того, чтобы побѣдить этотъ народъ, единственное средство — лишить его воды. Построили плотину, и берега рѣки тотчасъ опустѣли, когда русло ея изсякло.

Нельзя не отдать полной справедливости энергіи и добросовѣстности почтеннаго Беневени. Къ сожалѣнію, однакоже, труды его не привели ни къ чему: персидскій походъ неожиданно прервался, а вскорѣ затѣмъ послѣдовала и кончина Великаго Императора.

Беневени прибылъ въ Астрахань, когда на престолѣ россійскомъ сидѣла Екатерина I.

Правительство перенесло катастрофу, постигшую Бековича, довольно безразлично,—можетъ быть, и потому, что неудача породила преувеличенныя понятія о трудностяхъ похода въ Хиву, и съ тѣхъ поръ до 1839 г., т. е. въ теченіе 122 лѣтъ, на вѣроломство, всегдашніе грабежи и разбои хивинцевъ правительство наше отвѣчало однимъ только „презрѣніемъ“. При удобныхъ случаяхъ мы даже забывали прошлое и старались установить дружескія сношенія съ Хивою. Такъ, въ 1793 году, вслѣдствіе особой просьбы хивинскаго хана, отправленъ былъ въ Хиву императрицею Екатериною II глазной врачъ надворный совѣтникъ (вездѣ впрочемъ называвшійся маіоромъ) Бланкенагель, который нашелъ глаза ханскаго дяди Фезаль-Бія неизлѣчимыми. Невѣжественные хивинцы требовали однакоже исцѣленія, грозя врачу въ противномъ случаѣ смертію. Фезаль-Бій ослѣпъ, а Бланкенагель засаженъ въ яму, ограбленъ и приговоренъ къ смерти. Однакоже, благодаря тому, что до ареста своего успѣлъ вылечить до 300 больныхъ туркменъ и хивинцевъ, ему удалось склонить нѣкоторыхъ изъ нихъ на свою сторону и съ помощію ихъ бѣжать изъ Хивы, черезъ Мангишлакъ, въ Астрахань.

Въ 1818 г. оренбургскій военный губернаторъ Эссенъ послалъ въ Хиву съ письмомъ поручика 4-го башкирскаго кантона Абдулъ-Насыра Субганкулова, по поводу жалобы купцовъ Лазарева и Енушева на ограбленіе ихъ каравана хивинскими разбойниками. Поручикъ избавился отъ казни только тѣмъ, что доказалъ принадлежность свою къ магометанской вѣрѣ и обрилъ голову. Ата-

Б-ка С.С.С.Р. имени В.И. Ленина

лыкъ послалъ съ нимъ Эссену предупрежденіе, что всякій посланецъ будетъ либо казненъ, либо обращенъ въ рабство.

Однако въ 1819 году въ Хиву былъ посланъ караванбашъ Атаніязъ и коллежскій совѣтникъ Бекчуринъ, 70-лѣтній старикъ-мусульманинъ. Но, по словамъ рапорта Эссена государю, „чиновникъ сей принятъ былъ тамъ съ сугубымъ раздраженіемъ, четыре мѣсяца содержанъ подъ крѣпкою стражею въ унизительномъ мѣстѣ (?) и, наконецъ, не бывъ выслушанъ, отправленъ въ Россію безъ всякаго отвѣта“.

Въ 1819 году также была снаряжена Ермоловымъ на Кавказѣ миссія, подъ начальствомъ генеральнаго штаба штабсъ-капитана Муравьева, но и эта попытка не удалась: посольство было встрѣчено недовѣрчиво, сидѣло подъ карауломъ, обобрано до нитки и съ трудомъ получило позволеніе возвратиться на Кавказъ. Нашихъ, по крайней мѣрѣ, не рѣзали, хотя и грозили этимъ. Съ персидскими же и англійскими посланцами ничуть не церемонились. Такъ, въ 1743 году все персидское посольство, состоявшее изъ 30 человѣкъ, было остановлено на границѣ и здѣсь безчеловѣчно обезглавлено. О судьбѣ разныхъ англійскихъ агентовъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Сознавая трудность доступа къ среднеазіятскимъ ханствамъ тѣми путями, которыми начато было предпріятіе, т. е. со стороны Каспія и со стороны Сибири, Петръ избралъ третій путь: черезъ киргизскія степи. Русскимъ предстояло занимать громадныя пространства, обитаемыя бѣднымъ, жалкимъ, полудикимъ народомъ, но это не пугало Петра.

Мурза Тевкелевъ, бывшій въ 1722 г., во время персидскаго похода, при Петрѣ Великомъ, старшимъ переводчикомъ въ секретныхъ дѣлахъ, говоритъ въ одной изъ своихъ записокъ, что по возвращеніи изъ персидскаго похода государь вознамѣрился привести „издревле слышимыхъ и въ тогдашнее время почти неизвѣстныхъ“ киргизъ-кайсаковъ въ россійское подданство и возложилъ исполненіе этого намѣренія на Тевкелева, произведеннаго уже, за его походные труды, въ полковники.

При этомъ „буде оная орда въ точное подданство не пожелаетъ“, то мурза долженъ былъ стараться, „не смотря на великія издержки, хотя бы до милліона держать, но токмо, чтобъ однимъ листомъ подъ протекцію Россійской Имперіи быть обязались“, такъ какъ государь, будучи еще въ персидскомъ походѣ и въ Астрахани, увѣдомился объ ордѣ, что „хотя-де оная киргизъ-кайсацкая степной и легкомысленный народъ, токмо-де всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ оная орда ключъ и врата“.

Какъ на врата, смотрѣлъ на киргизъ и Павелъ I. Послѣ разрыва съ Англіей, онъ приказалъ, 12 января 1801 г., атаману войска

Донскаго Орлову-Денисову собрать войско и идти, черезъ Оренбургъ на Индію, которую императоръ дарилъ казакамъ.

На расходы отпущено было 1.670,285 р. Казаки выступили съ Дона 28 февраля 1801 г. въ числѣ 22,507 чел. при 24 орудіяхъ, но на полдорогѣ въ сел. Мечетномъ, Самарской губ., были остановлены 23 марта и возвращены домой: въ ночь на 12 марта Павелъ I скончался скоропостижно, и походъ отмѣнялся.

Первый проектъ индійскаго похода явился, подъ вліяніемъ нашихъ успѣховъ подъ Астрабадомъ. Въ 1791 году принцъ нассаускій представилъ Екатеринѣ II проектъ француза Сенъ-Жени, намѣтившаго путь чрезъ Бухару и Кашмиръ. Потемкинъ однако осмѣялъ этотъ проектъ, какъ непрактичный и невозможный.

Въ Индію стремился и Наполеонъ I—черезъ Египетъ и Сирію, но постигшая его тутъ неудача показала, что покуда Англія преобладаетъ на Средиземномъ морѣ, до тѣхъ поръ морскія предпріятія, какъ напримѣръ, перевозка войскъ и запасовъ ихъ въ Сирію, — невозможны. Тогда явился новый проектъ: Франція, въ союзѣ съ Россіей, двигаютъ свои войска сухопутно, т. е. въ безопасности отъ англійскаго флота, къ Астрахани; отсюда Каспійскимъ, недосягаемымъ для англичанъ, моремъ переправляютъ войска въ Астрабадъ, а тамъ черезъ Гератъ, Кандагаръ и Кабулъ идутъ въ Индію. Пока шли предварительные переговоры на словахъ, Павелъ распорядился съ казаками, двинувъ ихъ чрезъ Оренбургъ и Бухару, а подробно разработанный во Франціи проектъ запоздалъ: адъютантъ Наполеона, Дюрокъ привезъ этотъ проектъ въ Петербургъ только 25 мая, черезъ два слишкомъ мѣсяца послѣ кончины Павла, когда самая мысль объ Индіи была оставлена и казаки успѣли вернуться на Донъ. Съ нынѣшнихъ нашихъ позицій на Аму-Дарьѣ и гератской границѣ мы и одни легко можемъ предпринять движеніе въ Индію, если то будетъ вызвано англійскою заносчивостію и новыми интригами.

ГЛАВА III.

Очеркъ исторіи казацкихъ ордъ со времени вступленія ихъ въ наше подданство до уничтоженія ханскаго званія. Малая орда. Заслуги Тевкелева. Построеніе Оренбурга. Планъ Кирилова. Безпорядки въ степи. Нападенія башкиръ. Коронація хана. Татищевъ. Урусовъ. Командировка Гладышева и Муравина, для выбора мѣста подъ городъ на устьѣ Сыръ Дарьи. Установленіе нами права наслѣдственности и первородства въ родѣ Абулъ-Хаира. Ничтожность вліянія хановъ въ степи. Бунтъ башкировъ и усмиреніе ихъ киргизами. Ослабленіе одного народа другимъ. Бѣгство калмыковъ съ Волги. Бунтъ Пугачева. Мѣропріятія Екатерины II. Народное собраніе у киргизовъ. Республика. Игельстремъ измѣняетъ свой взглядъ на дѣло. Преслѣдованія Сырыма—президента республики Мщеніе киргизовъ. Наши линіи. Послѣдній ханъ Ширгазы. Коронація. Султаны-правители съ 1824 г. Средняя орда. Невѣжество губернатора князя Урусова, обнаруженное имъ въ договорѣ съ Аблаемъ и Абдулъ Махметомъ. Соединеніе оренбургской и сибирской линій. Притѣсненія со стороны дзюнгаръ. Отказъ киргизамъ въ пристанищѣ. Подданство киргизъ средней орды Китаю. Утвержденіе Аблая въ званіи хана. Вали, сынъ его, послѣдній ханъ, ум. 1821. Проектъ Сперанскаго. Большая орда. Ссоры съ сосѣдями и бѣгство въ наши предѣлы Ташкентское ханство. Подданство Большой орды Россіи въ 1819 г. Построеніе г. Копала въ 1847 г. Взятіе укр. Таучубека въ 1850 г. Подчиненіе алатаускихъ киргизъ. Построеніе укр. Вѣрнаго въ 1854 г. Степная комиссія. Взглядъ назадъ.

Дзюнгары, какъ уже сказано, сначала старались всячески препятствовать устройству иртышской линіи, хотя въ то же время искали случая завести съ нами торговлю.

Видя, что мы и сами заботились только о мирѣ и торговлѣ, успокоенный завѣреніями, что киргизы въ подданство наше не приняты, Галданъ-Цыренъ тотчасъ же оттянулъ отъ Иртыша значительную часть своихъ силъ на юго-западъ, для покоренія киргизъ-казаковъ. Въ 1723 г. онъ успѣлъ уже обложить данью Большую орду, а нѣсколько позже у него уже были аманаты почти ото всѣхъ родоначальниковъ Средней. Малая, съ незначительною частью Средней, случайно сохранивъ свою независимость, искала спасенія въ покровительствѣ Россіи, которое, впрочемъ, думали взять силою, прорвавшись за пограничную черту нашихъ поселеній. Прорваться однакоже имъ не удалось, и вмѣсто простой поддержки противъ дзюнгаръ, вмѣсто необременительнаго для нихъ покровительства, они нашли власть, вначалѣ, правда, снисходительную, но потомъ строгую, требовавшую полнаго подчиненія и порядка.

Съ 1730 г. прекращается самостоятельность ордъ и начинается многолѣтняя борьба русскаго государственнаго строя съ первобытными обществами пастушескихъ народовъ, долго не хотѣвшихъ подчиниться законамъ мира и порядка, которые стѣсняли безпредѣльное прежде право перекочевокъ, подсѣкали подъ самый корень обычай баранты, родовой и личной мести и т. п.

Съ этихъ поръ племена, хотя и управляются по прежнему своими родоначальниками, но уже знакомятся съ междоусобіями изъ-за новаго, до того имъ неизвѣстнаго начала,—изъ-за династическихъ интересовъ своихъ султановъ.

Для наглядности дальнѣйшаго изложенія необходимо обрисовать, хотя въ общихъ чертахъ, послѣдующую судьбу каждой изъ трехъ казачьихъ ордъ.

Малая орда. Въ 1730 году Абулъ-Хаиръ, тѣснимый дзюнгарами и ханомъ Каипомъ, подговорилъ нѣсколькихъ человѣкъ обратиться за поддержкой къ Россіи. Въ Уфу, къ воеводѣ Бутурлину, отправлено было посольство съ письмомъ, будто бы ото всего народа, и просьбою о принятіи его въ подданство. Не разузнавъ ничего толкомъ и думая порадовать правительство, что вотъ слава прекраснаго управленія (въ Россіи бушевалъ тогда Биронъ) дошла даже до дикихъ,—Бутурлинъ отправилъ киргизскихъ пословъ въ Петербургъ. Тамъ, дѣйствительно, обрадовались, да и было чему: на берега Невы добровольно съ поклономъ и съ покорностію явились тѣ самые люди, для усмиренія которыхъ, столько лѣтъ посылались войска на берега Урала и Иртыша! Дворъ готовъ былъ исполнить всѣ желанія киргизъ: пословъ щедро одарили и отправили, вмѣстѣ съ ними' въ степь Полковника Мурзу Тевкелева, служившаго при Петрѣ въ персидскомъ походѣ переводчикомъ *). Тогда только открылась вся ложь: никто изъ киргизовъ и слышать не хотѣлъ о русскомъ чиновникѣ; хана не ставили и въ грошъ, нѣсколько разъ покушались на жизнь и его, и Тевкелева, но таланты, изворотливость и ловкость нашего мурзы помогли ему кое-какъ выпутаться изъ бѣды и даже выманить у народнаго собранія, въ 1732 году, согласіе на подданство. Вообще дѣломъ присоединенія къ намъ киргизовъ Россіи обязана единственно талантамъ знаменитаго мурзы. „Убѣдительность и сила рѣчей Тевкелева заставили киргизъ-казаковъ почитать его человѣкомъ сверхъестественнымъ",—говоритъ Рычковъ въ своей исторіи оренбургской. Онъ успѣлъ расположить къ себѣ нѣсколькихъ вліятельныхъ людей, но въ особенности помогъ ему одинъ башкирскій старшина, славившійся на всю степь своими подвигами—Батырь (т. е. богатырь) Таймасъ.

Не смотря ни на что, народъ не хотѣлъ и слышать о под-

*) Въ свитѣ мурзы находились и два офицера-геодезиста.

данствѣ христіанскому государству. Когда, наконецъ, согласились составить собраніе, то Тевкелеву объявили, что онъ долженъ придти въ собраніе одинъ безъ всякой свиты. Дикіе полагали, что опасность положенія заставитъ русскаго мурзу быть осмотрительнѣе въ своихъ предложеніяхъ, и что поэтому онъ будетъ говорить только о томъ, въ пользѣ чего онъ самъ твердо увѣренъ.

Не напоминаетъ ли это древняго обычая дорійскихъ грековъ: всякій, желавшій предложить новый законъ, долженъ былъ являться въ народное собраніе съ веревкой на шеѣ. Если законъ принятъ,—предложившій его отпускается на свободу, если отринутъ,—петля затягивается! Такъ, подъ страхомъ смерти, запрещено было вводить ненужныя реформы.

Тевкелевъ согласился, но все-таки на всякій случай задарилъ знатнѣйшихъ изъ своихъ враговъ. Одинъ киргизскій старшина Букенбай обѣщалъ ему свое покровительство. Собраніе прошло благополучно: народъ сдался на краснорѣчіе русскаго мурзы.

На собраніи присутствовали и киргизы Средней орды съ Шемякой, которые также приложили къ общему приговору свои тамги; но этотъ новый подданный скоро перемѣнилъ свой взглядъ на дѣло и сталъ нападать на русскія границы.

Безпорядки, возникшіе по этому случаю, заставили Тевкелева отпустить свою свиту въ Россію и бѣжать вмѣстѣ съ Абулъ-Хаиромъ къ Сыръ-Дарьѣ, гдѣ они и кочевали до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, къ нимъ присоединились каракалпаки, просившіе также подданства Россіи (они сильно терпѣли отъ всѣхъ сосѣдей). Это обстоятельство подѣйствовало на киргизъ, и они пропустили Тевкелева въ Россію. Просьба каракалпаковъ подала проходимцу Абулъ-Хаиру поводъ послать въ 1734 г. новое посольство, съ сыномъ своимъ Ирали. Пріѣздъ Тевкелева въ Петербургъ за разрѣшеніемъ доставить посольство, чрезвычайно удивилъ министерство императрицы Анны: всѣ считали мурзу или погибшимъ, или плѣннымъ, и потому изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ даже посланы были въ Уфу деньги на его выкупъ.

Дворъ весьма охотно согласился принять посольство и чрезвычайно радовался, что даже „какіе-то каракалпаки“ ищутъ русскаго подданства.

Присягая на подданство, Абулъ-Хаиръ, съ своей стороны, предложилъ обязательство: 1) охранять, смежныя съ землями его орды, русскія границы; 2) охранять наши купеческіе караваны въ киргизской степи; 3) выставлять, въ случаѣ нужды, вспомогательное войско изъ своихъ ордынцевъ и 4) платить ясакъ пушнымъ товаромъ. За все это онъ просилъ, чтобы русское правительство: 1) утвердило за нимъ и родомъ его ханское достоин-

ство и 2) построило, при впаденіи Ори въ Уралъ, крѣпость, куда бы онъ могъ укрыться въ случаѣ опасности. Условія были приняты, кромѣ ясака. Правительство наше имѣло въ виду, между прочимъ, сдѣлать р. Уралъ нашею границею, за которую уже и не пропускать къ себѣ киргизъ. Предполагалось еще завести на Аральскомъ морѣ вооруженныя суда, построивъ ихъ на Уралѣ, гдѣ и держать разобранными до окончанія постройки города и утвержденія связей съ ордынцами, когда уже можно бы было перевезти суда зимнимъ путемъ. Абулъ-Хаиру, впрочемъ, рѣшено помогать только порохомъ и оружіемъ, а войскъ въ его распоряженіе не давать.

Въ это время оберъ-секретарь сената, статскій совѣтникъ Кириловъ подалъ, въ 1734 г., правительству два проекта объ устройствѣ управленія киргизами. Проекты были одобрены, и самому автору предоставлено было привести ихъ въ исполненіе. Кириловъ отличался географическими познаніями, составлялъ карты и славился подробными свѣдѣніями о Верхней Азіи.

Назначенный начальникомъ „извѣстной“ экспедиціи, Кириловъ привезъ съ собою цѣлую плеяду дѣятелей. Въ штатѣ его управленія были: исторіографъ, ботаникъ, живописецъ, студенты славяно-латинской школы и проч. Сверхъ того онъ ходатайствовалъ, чтобы къ нему выпустили изъ кадетскаго корпуса нѣсколькихъ офицеровъ, „которые, обучаясь при немъ азіятскимъ языкамъ и узнавая нравы и обычаи азіятцевъ, могли бы современемъ быть начальниками того края *). Левшинъ добавляетъ къ этому, что такая мысль дѣлаетъ честь предусмотрительному уму Кирилова и достойна подражанія. Съ этимъ нельзя не согласиться.

Кирилову вмѣнено было въ обязанность надзирать за башкирами и киргизами и, „если тѣ или другіе будутъ волноваться, то употреблять одинъ народъ противъ другого, сберегая русское войско“.

Наблюдать также, чтобы дзюнгары не собирали подати съ двоеданцевъ, т. е. съ кочевниковъ, переходящихъ то къ намъ, то къ нимъ. Наконецъ, Кириловъ долженъ былъ еще покупать степныхъ коней для нашей кавалеріи и разыскивать руды и золото.

Программа Кирилова была не сложна: проложить торговый путь въ Среднюю Азію, учредить судоходство по Аральскому морю и затѣмъ развить торговыя и политическія сношенія съ ханствами.

Выполненіе кириловскаго плана началось съ устройства границы. Сформировавъ изъ уфимскихъ и другихъ драгунскихъ

*) Левшинъ, часть 2, стр. 112.

дѣтей двѣ драгунскія роты, Кириловъ спустился изъ Казани до Самары, оттуда на Сакмарскій городокъ и затѣмъ, вверхъ по р. Яику (нынѣ Уралъ), къ устью р. Ори. Башкирамъ и мещерякамъ онъ сдѣлалъ нарядъ на службу, а на работы по устройству здѣсь города назначены тептяри. Такимъ образомъ въ 1735 году, при устьѣ р. Ори выстроенъ былъ городъ Оренбургъ съ земляною крѣпостью, но въ 1739 году его перенесли, уже при Татищевѣ, на новое мѣсто, гдѣ теперь Красногорская станица; старый же городъ назвали Орскомъ, а киргизы „Джаманъ-Кала“, т. е. дурной городъ *). Въ 1742 г. несчастный Оренбургъ перетащили, при Неплюевѣ, на третье, теперешнее его мѣсто, при впаденіи р. Сакмары въ Уралъ. Такимъ образомъ каждый губернаторъ перетаскивалъ свой городъ на новое мѣсто. Съ 1736 года приступлено было къ возведенію укрѣпленій по Уралу и по пути сообщенія Оренбурга съ Самарою. Такъ возникли укрѣпленія: Табынское, Губерлинское, Озерное и 3 форпоста. Эти укрѣпленія составили впослѣдствіи оренбургскую и уральскую линіи.

Съ построеніемъ Оренбурга „извѣстная“ экспедиція была переименована въ оренбургскую. Башкиры, которымъ также пришлось выставлять рабочихъ, весьма недоброжелательно отнеслись къ постройкѣ нами укрѣпленій и нѣсколько разъ нападали на работы. Сначала Тевкелевъ, а потомъ новыя войска подъ начальствомъ смѣнявшихся послѣдовательно: Румянцова, Хрущова и Соймонова, усмирили часть башкиръ, при содѣйствіи киргизовъ.

Замѣчательно нападеніе башкиръ весною 1735 года, на второй эшелонъ войскъ Кирилова, шедшій изъ Уфы къ устью р. Ори для основанія Оренбурга. Эшелонъ этотъ состоялъ изъ 5 драгунскихъ ротъ вологодскаго полка, подъ начальствомъ подполк. Чирикова. Этотъ подполковникъ далеко опередилъ своихъ драгунъ и ѣхалъ со священникомъ, писаремъ, 18 драгунами и 42 нестроевыми, безъ всякихъ предосторожностей. Обозъ его растянулся въ одну линію.

Въ 160 верстахъ отъ Уфы, на Чирикова налетѣло до 3,000 башкиръ, которые мигомъ истребили всѣхъ, ѣхавшихъ съ нимъ такъ безпечно, прежде чѣмъ вѣсть о нападеніи дошла до его драгунъ. Принявшій команду капитанъ Гебауеръ построилъ баталіонное каре и отбивалъ нападенія цѣлый день. Продолжая путь уже съ военными предосторожностями, Гебауеръ пробивался

*) Мѣсто дѣйствительно было неудобное. Орскъ поставленъ на лѣвомъ берегу Урала, т. е. на степномъ, а отъ Россіи отдѣляется рѣкою. Мѣсто низменное; въ 1854 г. одна „яшмовая“ гора не была залита водою. Гарнизонъ мѣнялся черезъ каждые полгода, вслѣдствіе развитія болѣзненности.

такъ 130 верстъ до 10 іюля, пока соединился съ Кириловымъ, въ 290 верстахъ отъ Уфы.

Колонизація края, о которой мечталъ Кириловъ, началась при немъ обычнымъ порядкомъ: гуляющими людьми, т. е. бѣглыми помѣщичьими крестьянами, но когда это дошло до свѣдѣнія сената, то послѣдовалъ указъ: воротить всѣхъ бѣглыхъ на счетъ тѣхъ начальниковъ, кто ихъ принималъ, вопреки прежнихъ указовъ. Принимать дозволено только однихъ малороссіянъ *).

Не смотря на присягу 1734 года, киргизы черезъ два года уже начинаютъ разорять русскія поселенія на новой, только что устраивавшейся яицкой линіи; прорываются за нее, грабятъ подвластныхъ намъ волжскихъ калмыковъ и уводятъ плѣнныхъ. Такое же нападеніе на калмыковъ повторяется и въ слѣдующемъ году. Полная безнаказанность ободряетъ киргизовъ до того, что они уже захватываютъ въ плѣнъ не только калмыковъ, но и русскихъ. Мятежники киргизы избрали ханомъ Абулъ-Хаира, который только что женился на башкиркѣ. Онъ явился съ цѣлой толпой своихъ приверженцевъ въ Оренбургъ и сталъ творить здѣсь судъ и расправу. Комендантъ заявилъ ему, что этого дѣлать нельзя, а тотъ отвѣчалъ: „городъ мой и для меня построенъ, а кто не послушаетъ, тому голову срублю“.

Такими неурядицами омрачены были послѣдніе дни сенатскаго администратора. Въ 1737 г. Кириловъ умеръ отъ чахотки, не успѣвъ довершить начатаго дѣла, которое и пошло какъ попало, сообразно взглядамъ послѣдующихъ губернаторовъ.

Послѣ Кирилова назначенъ былъ извѣстный тайный совѣтникъ Татищевъ, который и началъ съ того, что созвалъ военный совѣтъ въ Мензелинскѣ изъ ген. Соймонова, полковыхъ командировъ и уфимскаго воеводы Шемякина. Рѣшено: объявить амнистію, коноводовъ бунта держать въ Уфѣ, но показывать народу: живы молъ; воеводамъ назначить жалованье, чтобы они не брали взятокъ **), а страну раздѣлить на провинціи. Одинъ Шемякинъ отстаивалъ право воеводъ и подъячихъ брать взятки. Затѣмъ Татищевъ воспользовался предложеніемъ Абулъ-Хаира и впустилъ киргизовъ въ Башкирію „съ тѣмъ однакоже, чтобы онъ, дѣйствуя противъ непокорныхъ, не касался вѣрныхъ Россіи башкировъ“. Абулъ-Хаиръ надѣялся заслужить прощеніе за свои набѣги и кстати попользоваться на счетъ исконныхъ враговъ его—башкировъ. Здѣсь онъ не трудился разбирать правыхъ и виноватыхъ, а грабилъ подъ-рядъ!

Это навлекло на него неудовольствіе новаго начальника.

Страхъ возмездія при вѣсти о приближеніи Татищева съ вой-

*) Полн. Собр. Зак. X № 7514.

**) Полн. Собр. Зак. X № 7347.

сками къ Оренбургу въ іюлѣ 1738 г., заставилъ Абулъ-Хаира остерегаться и совершенно напрасно, потому что Татищевъ разсчитывалъ лишь устроить торжественную присягу хана, которому и привезъ отъ двора богатые подарки. Ханъ прикочевалъ къ крѣпости, а ѣхать на свиданіе не рѣшался, отговариваясь тѣмъ, что ему, какъ владѣтельной особѣ, не прилично сдѣлать визитъ первому. Тевкелевъ увѣрилъ его, что онъ поѣдетъ не къ генералу, а въ станъ императорскій. Это обезоружило тщеславіе хана и страхъ его тотчасъ разсѣялся: въ назначенный день (3 августа 1738 г.) ханъ, ничтожность котораго сознавалась всѣми ордынцами, принятъ былъ Татищевымъ съ такимъ унизительнымъ для Россіи почетомъ, что киргизамъ нельзя было сомнѣваться болѣе въ безсиліи русской власти. Вмѣсто того, чтобы получить по меньшей мѣрѣ строгій выговоръ за свои поступки, Абулъ-Хаиръ получилъ богатую, золотомъ оправленную саблю „только противъ враговъ Россіи“. У подвластнаго намъ хана Татищевъ выпрашивалъ то, что имѣлъ право требовать, какъ отъ подданнаго, напримѣръ, возврата всѣхъ захваченныхъ киргизами русскихъ плѣнныхъ. Ханъ, понятно, все обѣщалъ, но, конечно, никто изъ присутствовавшихъ киргизовъ не сомнѣвался въ безсиліи хана выполнить обѣщанія. Самое торжество происходило слѣдующимъ образомъ: на встрѣчу хану былъ высланъ маіоръ съ ротою драгунъ, двумя взводами гренадеръ, музыкой и 12 заводными лошадьми. Прочія войска стояли шпалерами. Когда показался поѣздъ, артиллерія салютовала 9 выстрѣлами. Сходя съ коня у палатки Татищева, ханъ былъ принятъ поручикомъ, у дверей снаружи маіоромъ, а внутри полковникомъ. Здѣсь ждалъ его губернаторъ, окруженный свитою.

Ханъ сказалъ витіеватую рѣчь въ томъ смыслѣ, что царица русская превосходитъ всѣхъ прочихъ царей, какъ солнце всѣ прочія свѣтила, и хотя онъ, за отдаленіемъ, видѣть ее не можетъ, но сердцемъ милость ея чувствуетъ. Принимая Татищева за луну, озаренную сіяніемъ царицы, онъ заявляетъ передъ нимъ свою покорность, поздравляетъ съ побѣдами и желаетъ такого же успѣха и впередъ. Татищевъ отвѣчалъ, что не преминетъ донести объ этомъ императрицѣ, и предложилъ хану присягнуть снова. Ханъ согласился. Тогда принесенъ былъ золотой коверъ. Ханъ сѣлъ по-киргизски (опустившись на колѣна, садятся затѣмъ на пятки), выслушалъ присягу, читавшуюся ахуномъ, и поцѣловалъ коранъ. Тогда Татищевъ надѣлъ на него богатую золотую саблю. Другіе киргизы также были приведены къ присягѣ Тевкелевымъ въ другихъ палаткахъ.

Парадный обѣдъ, со здравицами и пушечной пальбой, закончилъ торжество. Эта игра въ куклы казалась Татищеву, да и многимъ изъ его сподвижниковъ весьма важнымъ политическимъ

шагомъ: преклоняясь такъ передъ владѣтельной особой, мы поднимали ее въ глазахъ дикарей, придавали ханскому достоинству должное значеніе и дѣлали положеніе хана болѣе солиднымъ. Съ другой стороны ханъ присягалъ, „стоя на колѣняхъ“... Что лучше этого докажетъ его покорность?

Все вышло какъ разъ наоборотъ: киргизы по прежнему относились къ Абулъ-Хаиру за панибрата, большая часть не признавала себя подданными Россіи, считая, что Абулъ-Хаиръ присягалъ лично за себя, значитъ, онъ одинъ и подданный. Фактъ поклоненія русскихъ хану толковался киргизами заискиваніемъ, задабриваніемъ. Русскіе, очевидно, чувствуютъ и сознаютъ свою слабость: они не только не могутъ защититься отъ набѣговъ, но даже не смѣютъ упрекнуть за нападеніе, не смѣютъ *требовать* возврата плѣнныхъ и потому приносятъ дары, кланяются, даютъ царскія почести атаману дикихъ разбойниковъ. Даже и присягать онъ могъ *сидя*! Мы уже сказали, что киргизы сидятъ ставши на колѣна,—это и ввело въ заблужденіе оренбургскихъ церемоній-мейстеровъ. Преувеличенное опасеніе за весь юго-восточный еще не устроенный край наложило на нашу политику, относительно киргизовъ, печать робости, которую мы величали *кротостію* и при которой безпорядки только укоренялись, росли и плодились. Кроткая и скромная система увѣщаній, а изрѣдка и добродушные выговоры, по отношенію къ киргизамъ, а рядомъ грозная рѣчь и жестокая расправа съ другими нашими подданными, дѣлали очевиднымъ даже и дикарямъ, что такой порядокъ не естественъ, что онъ вынужденъ и вынужденъ весьма простымъ обстоятельствомъ: нашимъ безсиліемъ.

Дѣйствительно, мы были безсильны передъ безпредѣльною степью, гдѣ царить могъ только дикій номадъ, которому ничего не стоило пронестись изъ конца въ конецъ степи, на своемъ привычномъ конѣ, подъ сорокаградуснымъ зноемъ, безъ воды и пищи. Русскіе, даже такіе полуосѣдлые, какъ яицкіе казаки,— не могли угоняться по безлюднымъ степямъ за дикими, которые къ тому же были у себя дома и знали на память каждый колодецъ, каждый клочекъ травы. Оставалось одно средство: оцѣпить кочевья киргизовъ цѣпью укрѣпленій подобно тому, какъ это было сдѣлано съ башкирами. Для этого однакоже надобно было имѣть прежде достаточно прочное звено, къ которому бы можно было прикрѣпить цѣпь,—звена этого и не было. Русскіе поселенія здѣсь только что зачинались, а потому выносить укрѣпленія далеко за ихъ линію было бы опасно. Въ такихъ обстоятельствахъ не слѣдовало, конечно, пренебрегать ничьими услугами и, если для степныхъ походовъ не годился какой-нибудь нижегородецъ, — слѣдовало пріискать подходящій подъ степныя условія элементъ.

Элементъ такой имѣлся подъ руками,—это башкиры и калмыки, которые конечно, наравнѣ съ великороссами, обязаны былъ принимать участіе въ защитѣ общаго отечества, а въ степяхъ только они одни и могли потягаться съ киргизами. Между этими народами существовали постоянные распри и счеты за старыя баранты. Оставалось только пользоваться ихъ взаимною ненавистью и напоръ киргизовъ сдерживать башкирами и калмыками, а возмущенія этихъ послѣднихъ усмирять киргизами. Случай скоро и представился.

Начатое въ 1735 г. возведеніе укрѣпленій, падавшее всею тяжестью, какъ натуральная повинность, на башкиръ, служившихъ рабочими и возчиками по наряду, сопровождалось возмущеніями этого народа, едва успокоившагося въ 1742 году. Къ этому присоединились еще безпорядки въ степи, гдѣ ханы, не заботясь объ участи оставленныхъ ими въ нашихъ рукахъ аманатовъ, открыто грабили и башкиръ, и волжскихъ калмыковъ, и наши караваны, а пословъ нашихъ задерживали. При такихъ обстоятельствахъ правительство вынуждено было смотрѣть сквозь пальцы и на набѣги, въ отместку киргизамъ, со стороны уральскихъ казаковъ, башкиръ и калмыковъ, а наконецъ, по неимѣнію войскъ, годныхъ для степныхъ походовъ, вынуждено было для наказанія киргизовъ за баранты и разбои, напустить на нихъ калмыковъ и башкиръ.

Ханы, подъ давленіемъ организованныхъ такимъ образомъ набѣговъ, вынуждаемы были, по временамъ, смиряться, являясь на поклонъ въ Оренбургъ, подтверждали прежнюю присягу, получали щедрые подарки, а возвратясь въ степь, принимались за прежнее, считая, не безъ основанія, „оренбургскую экспедицію“ безсильною подавить ихъ окончательно. Абулъ-Хаиръ, напримѣръ, присягалъ въ 1732, 1738 и въ 1748 годахъ. У насъ почему-то вообразили, что довольно взять съ хана присягу, чтобъ утвердить свою власть въ Ордѣ.

Усмиривъ башкиръ, Татищевъ упразднилъ закамскую линію и взамѣнъ ея учредилъ киргизскую пограничную линію. Такимъ образомъ военная граница наша перекатилась цѣпью, отхвативъ у степей порядочный кусокъ. Татищевъ, какъ уже сказано, выстроилъ новый Оренбургъ у Красной горы и вблизи крѣпости устроилъ мѣновой дворъ, съ большимъ числомъ лавокъ для привлеченія сюда каравановъ.

Въ 1739 г. Татищевъ просилъ разрѣшенія прибыть въ Петербургъ съ донесеніями. Ему разрѣшили, но на смѣну прислали князя Урусова... Въ Петербургѣ Татищевъ былъ преданъ суду за взятки, приговоренъ къ лишенію чиновъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость въ 1740 г., но вскорѣ Биронъ палъ, и въ 1741 г. Татищевъ былъ помилованъ и посланъ воеводою въ

Царицынъ къ калмыкамъ, но подъ надзоромъ. Съ него не взыскали даже начета. Итакъ, въ 1739 году мѣсто Татищева занялъ князь Урусовъ (съ 1739 по 1742). Для обузданія башкировъ онъ провелъ чрезъ ихъ кочевья укрѣпленныя линіи отъ Оренбурга на Верхнеуральскъ, Челябинскъ и до крѣпости Уйской, возстановивъ, сверхъ того, упраздненныя Татищевымъ закамскую и самарскую линіи, на которыя снова были вызваны поселенцы.

Между тѣмъ авантюристъ Абулъ-Хаиръ, по принятіи имъ нашего подданства, сталъ ханомъ не только въ своей Малой ордѣ, но и въ Большой; отсюда его однакоже скоро прогнали за безсовѣстность и поборы. Тогда онъ сталъ заискивать у дзюнгаръ, просваталъ Галданъ-Цырену свою дочь и получилъ за нее въ калымъ гор. Туркестанъ, но и оттуда былъ выгнанъ киргизами Большой орды. Затѣмъ, расчитывая утвердиться на низовьяхъ Сыръ-Дарьи, онъ снова повторилъ просьбу свою о постройкѣ для него города на мѣстѣ развалинъ Янкента, близь нынѣшняго Казалинска. Эти просьбы оренбургская администрація пренаивно считала за признаки стремленія киргизъ къ осѣдлости, тогда какъ хану просто хотѣлось имѣть опору въ русской крѣпости съ ея пушками и гарнизономъ. Сами же киргизы и не думали селиться не только рядомъ съ русскими, но и гдѣ бы то ни было! На этотъ разъ посланъ былъ на Дарью въ 1740 г. драгунскій поручикъ Гладышевъ, геодезистъ Муравинъ и еще инженерный надзиратель Назимовъ съ нѣсколькими казаками. Партію эту ограбили киргизы - чиклинцы въ Каракумахъ и увезли двухъ человѣкъ, остальныхъ отпустили „съ тѣмъ объявленіемъ, что въ подданствѣ-де обрѣтается одинъ Абулъ-Хаиръ-Ханъ, чего ради и сына своего въ Россію отдалъ и за то подарки получаетъ, а мы-де не въ подданствѣ“. Это прекрасно характеризуетъ взглядъ такъ называемыхъ подданныхъ Абулъ-Хаира

Ханъ укочевалъ въ Аральское владѣніе (гдѣ теперь Даукара, къ сѣверу отъ Хивы). Туда прибыли къ нему и наши посланные. Въ это время Надиръ-Шахъ персидскій раздѣлывался съ хивинцами за разбои и казнилъ хана ихъ Юлбарса (въ переводѣ—тигръ). Хивинцы, разсчитывая на какую-нибудь перемѣну къ лучшему, выбрали на ханство Абулъ-Хаира, какъ русскаго подданнаго. Къ Надиръ-Шаху посланъ былъ Муравинъ съ просьбой пощады Хивѣ, какъ странѣ, подчинившейся русскому подданному и слѣдовательно вступившей подъ покровительство Россіи. Шахъ принялъ Муравина весьма ласково, но требовалъ, чтобы Абулъ-Хаиръ самъ пріѣхалъ въ Хопки (гдѣ стоялъ персидскій лагерь) Ханъ собрался было ѣхать къ шаху, но перехватилъ письмо изъ лагеря, заставившее его опасаться участи Юлбарса. Едва упросивъ своихъ подданныхъ отворить ему ворота и выпустить изъ города для свиданія съ шахомъ, ханъ тотчасъ повернулъ въ

другую сторону и поскакалъ, преслѣдуемый выстрѣлами своихъ обманутыхъ подданныхъ. Вмѣсто него выбранъ былъ сынъ его Нурали, но Хива все-таки была взята персами, оставившими тамъ своего бека, вскорѣ впрочемъ убитаго ханомъ Нурали. Въ 1742 году Гладышевъ снова ѣздилъ въ Хиву съ присяжнымъ листомъ, посланнымъ къ хану, какъ русскому подданному, но Нурали листа не принялъ *).

Между тѣмъ, Абулъ-Хаиръ повздорилъ съ Оренбургомъ изъза того, что тамъ не соглашались перемѣнить аманата—сына его—на другого, хотя въ сущности аманаты эти только вводили насъ въ лишніе расходы, а распорядиться съ ними, въ случаѣ измѣны, по-азіатски, мы никогда не рѣшались. Въ это время, съ воцареніемъ императрицы Елизаветы, высланъ былъ губернаторствовать въ Оренбургъ Неплюевъ (съ 1741—1759) **), который первымъ дѣломъ, вошелъ съ представленіемъ о переносѣ Оренбурга на новое мѣсто, гдѣ онъ стоитъ и доселѣ. 18 октября 1842 года перенесеніе это и состоялось. Всѣ отмѣненныя Татищевымъ распоряженія Кирилова онъ возстановилъ. Киргизы, подстрекаемые самимъ ханомъ, производили страшныя баранты въ теченіе 1743 и 1744 годовъ. Только приготовленія Неплюева ко вторженію въ степь съ волжскими калмыками, заставили киргизовъ присмирѣть на время. Намѣстнику ханства калмыкскаго Дундукъ-Дашѣ написана была грамота (отъ 24 апрѣля 1744 г.), коею повелѣвалось: получить въ Астрахани порохъ и свинецъ и двинуться въ киргизскія степи. Вся добыча, какую калмыки могли бы взять у киргизъ-казаковъ, предоставлялась въ ихъ пользу. Но эта грамота не была отослана по назначенію, и вторженіе не состоялось изъ опасенія нашествія Галданъ-Цырена, который въ это время подвигался къ нашимъ границамъ.

Чтобы остановить раззадоренныхъ калмыковъ, пришлось прибѣгнуть къ казнямъ... калмыки притихли, но зато расходились киргизы. Въ 1746 году они сдѣлали набѣгъ по льду Каспійскаго моря на калмыковъ и русскихъ, убили до 100 чел. и захватили до 700 плѣнныхъ. Въ 1747 г., опять по той же дорогѣ, повторенъ былъ набѣгъ, но калмыки откочевали, и киргизамъ пришлось возвращаться съ пустыми руками. Ледъ уже былъ плохъ, надобно было идти чрезъ Уралъ, а тамъ уже поджидали яицкіе

---

*) Гладышевъ нашелъ въ Малой ордѣ пробравшагося сюда англійскаго купца Джока, у котораго и купилъ нѣсколько товаровъ для подарковъ каракалпакамъ.

**) Замѣчателенъ тѣмъ, что умѣлъ ладить и даже былъ любимцемъ Петра I, Екатерины I, Остермана и Бирона. Зато, съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы, онъ тотчасъ былъ, какъ бироновецъ, удаленъ на губернаторство въ Оренбургъ.

казаки... Много погибло здѣсь киргизовъ въ стычкѣ и подо льдомъ, не выдержавшимъ ихъ толпы...

Абулъ-Хаиръ сталъ сноситься съ Персіей. Тутъ снова выступаетъ на сцену неизмѣнный Тевкелевъ, присланный изъ Петербурга мирить хана съ Неплюевымъ. Оренбургъ, наконецъ, смирился и въ 1747 г. согласился перемѣнить аманата, не иначе, впрочемъ, какъ на законнаго же, *)—отъ ханши. Тогда Абулъ-Хаиръ пріѣхалъ въ Орскъ, отдалъ въ аманаты, вм. Ходжи-Ахмета, другого законнаго сына, Айчувака, обѣщалъ возвратить плѣнныхъ и далъ подписку, что Малая орда не будетъ больше нападать на Россію... Было ясно, что оренбургскій губернаторъ рѣшительно не понималъ своей задачи и не зналъ собственнаго оружія: вмѣсто того, чтобы пасовать передъ измѣнникомъ-ханомъ,—ему стоило только объявить киргизамъ въ прокламаціи о низложеніи его, и дѣло было бы сдѣлано, потому что народъ не терпѣлъ Абулъ-Хаира.

Безпокойный авантюристъ былъ, наконецъ, убитъ въ 1749 году въ одномъ изъ междоусобій. Разсчитывая пограбить каракалпаковъ, онъ наткнулся на хана Средней орды Барака, которымъ и убитъ въ происшедшей стычкѣ. Неплюевъ тотчасъ отправилъ въ орду чиновника, чтобы направить выборъ на старшаго сына покойнаго—на Нурали-Хана.

Такимъ образомъ дарованное киргизамъ право выбора обращалось въ пустую комедію. При назначеніи Ирали въ 1791 г. сдѣлано было еще проще: собраннымъ въ Оренбургѣ старшинамъ прочли сначала указъ императрицы объ избраніи именно Ирали, а затѣмъ приказали исполнить всѣ формальности выборовъ! Мы сдѣлали разомъ три весьма важныя ошибки: во-первыхъ, установили правило избирать хановъ непремѣнно изъ рода Абулъ-Хаира, а киргизы его ненавидѣли; во-вторыхъ мы ввели на практикѣ законъ первородства, направляя выборъ на старшаго сына, — тогда какъ у киргизовъ существовалъ обычай наслѣдованія слѣдующимъ по старшинству братомъ, въ-третьихъ, мы постоянно стѣсняли народную волю въ свободѣ выбора и тѣмъ озлобляли противъ себя массу недовольныхъ, не пользуясь за то никакими выгодами. Вмѣсто порядочнаго хана мы довольствовались и плохимъ, лишь бы онъ былъ старшимъ сыномъ предшествовавшаго, а эти старшіе, какъ нарочно, были подрядъ изъ рукъ вонъ плохи.

Кромѣ того, ханы скоро освоились со введеннымъ нами правомъ первородства и, считая себя ханствующими не по милости Россіи, а по праву, стали пренебрегать и тяготиться даже такою призрачною зависимостію, въ какой они считались относительно Россіи.

---

*) Абулъ-Хаиръ хотѣлъ сбыть въ аманаты своего побочнаго сына.

Сто лѣтъ мы подерживали это право и, не облагая никакою податью новыхъ подданныхъ, довольствовались только славой, что такіе есть, и щедро одаривали разныхъ хановъ и ихъ посольства, когда имъ приходило въ голову развлечься поѣздкой въ Уфу и обзавестись новыми халатами на счетъ русскаго правительства!

Избранію Нурали содѣйствовала мать его, ханша Папай, пользовавшаяся большимъ вліяніемъ и даже имѣвшая собственную печать, — что составляетъ рѣдкое исключеніе въ народѣ, гдѣ женщина—раба! Государыня прислала ей за услуги кусокъ золотой парчи.

Въ грамотѣ 26 февраля 1749 г. Нурали названъ просто „ханомъ киргизъ-кайсацкимъ“, безъ наименованія ордъ. Оказалось, что въ депутаціи, посланной имъ въ Петербургъ, не было ни одного настоящаго представителя Средней орды, которая, была тогда въ подданствѣ у дзюнгаръ. Разные бѣдняки, которыхъ выдавали за депутатовъ отъ этой орды, были просто слуги Абулъ-Хаира, давно отставшіе отъ своего рода.

Желая придать, въ глазахъ дикарей, болѣе важности званію хановъ, правительство положило, съ этого времени, сопровождать утвержденіе хановъ и присягу ихъ особымъ великолѣпіемъ и разными церемоніями. Мы опишемъ, въ своемъ мѣстѣ, одну изъ такихъ церемоній при утвержденіи хана Ширгазы въ 1812 году.

Хонтай-Дзи или контайша Галданъ-Цыренъ потребовалъ у новаго хана сестру его, просватанную ему еще покойнымъ ханомъ, получившимъ въ калымъ г. Туркестанъ. Нурали боялся ссориться съ русскими, вступая въ связи съ дзюнгарами и не зналъ, что дѣлать. Въ Оренбургѣ весьма основательно опасались утвержденія родственной связи нашихъ хановъ съ дзюнгарскимъ контайшей, такъ какъ эта связь могла бы повести и къ политическому сліянію, что не рѣдкость у дикихъ. А въ такомъ случаѣ все населеніе земель отъ западнаго Китая до Каспія двигалось бы по мановенію одного повелителя.

Чтобы удержать Нурали отъ сближенія съ Галданъ-Цыреномъ, посланъ былъ опять Тевкелевъ, которому поручено было сдѣлать всѣ уступки, даже обмѣнять аманата, но тутъ получено было извѣстіе, что сестра хана весьма кстати умерла. Дѣло тѣмъ и кончилось.

Мы уже говорили, какъ понимало наше правительство просьбы киргизъ о постройкѣ въ степи укрѣпленій и городовъ. Киргизы и не думали объ осѣдлости, русскія укрѣпленія были имъ нужны, какъ опорные пункты, подъ защиту которыхъ они могли бы стать въ случаѣ бѣды. Ошибочно понявъ желаніе киргизъ, правительство наше настойчиво пользовалось каждымъ случаемъ, чтобы начать дѣло колонизаціи кочевниковъ: такъ, въ 1749 году,

когда Нурали-Ханъ просилъ разрѣшенія построить надъ могилою отца (Абулъ-Хаира) надгробный памятникъ,—ему предлагали и денежныя на то средства, но съ условіемъ, чтобы могила была перенесена къ оренбургской линіи и чтобы при памятникѣ киргизы основали городъ и въ немъ поселились. Киргизы однакоже рѣшительно отказались. Это было истолковано лишь нежеланіемъ селиться близъ линіи, и потому, въ видѣ уступки, имъ предложили выбрать самимъ мѣста для поселеній на р. Илекѣ. Киргизы и на это не согласились. Тогда имъ предложили строиться на Эмбѣ, но они и тутъ остались непоколебимы. Правительство однакоже никакъ не хотѣло допустить такого простого объясненія, что для киргизъ еще не настала эпоха перехода отъ кочевого образа жизни къ осѣдлому и что искусственными мѣрами такого переворота вызвать нельзя. Долго еще у насъ не покидали проекта колонизаціи степи осѣдлыми киргизами: предложенія въ этомъ смыслѣ повторялись въ царствованіе Екатерины II.

Между тѣмъ незаконный, въ глазахъ киргизъ, выборъ Нурали-Хана повелъ къ тому, что большая часть Малой орды избрала другого хана, Султана Батыра, сынъ котораго былъ въ то время ханомъ въ Хивѣ. Этотъ ханъ вошелъ также въ сношенія съ оренбургскимъ начальствомъ, но оно отклонило его предложенія. Тогда киргизы по обыкновенію стали мстить грабежами. У насъ принята была остроумная мѣра, придуманная Нурали-Ханомъ: задерживать по указанію его нѣкоторыхъ изъ прибывающихъ на линію для мѣновой торговли киргизъ и оставлять ихъ въ залогѣ до тѣхъ поръ, пока ихъ товарищи не возвратятъ ограбленнаго. Это однакоже не помогло дѣлу, а только озлобило киргизъ (потому что ханъ указывалъ обыкновенно на своихъ недоброжелателей) и вдобавокъ убило зарождавшуюся торговлю нашу съ киргизами, которые, конечно, перестали послѣ этого ѣздить на мѣну, и торговля перешла въ руки бухарцевъ и хивинцевъ.

Доказательствомъ того, какъ неосновательны были эти мѣры и какъ подрывалось ими наше вліяніе, служитъ то, что, предоставивъ (правда поневолѣ, по безсилію) свободу выбора народу въ Средней ордѣ, мы не имѣли отъ нея столько непріятностей, сколько имѣли при постоянномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Малой. Напримѣръ, въ 1760 году ханъ Средней орды Аблай отобралъ у своихъ ордынцевъ и выдалъ намъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, а такъ называемые „подданные“ Малой орды грабили насъ ежегодно, и посаженные нами ханы ихъ не могли ни разу выполнить нашихъ просьбъ и своихъ обѣщаній о выдачѣ плѣнныхъ.

Вообще подданство киргизъ было престранное: податей они

никакихъ не платили, повинностей не несли, а наше правительство все-таки ухаживало за ними, точно ради славы считаться владыкою киргизъ! Хановъ заманивали въ подданство и удерживали въ немъ щедрыми подарками, а съ 1750 г. и жалованьемъ. Безпрестанныя посольства отъ киргизскихъ хановъ, придиравшихся къ каждому случаю, чтобы такимъ путемъ выудить нѣсколько дорогихъ подарковъ, походили просто на вымогательство. Дѣйствительно, это пріобрѣло, наконецъ, характеръ ежегодной дани, и правительство вынуждено было, назначить двухлѣтній срокъ для пріѣзда пословъ, чтобы не каждый годъ нести эту новую повинность!

Неудовлетворительные подарки вели иногда за собою непріятныя послѣдствія, вродѣ набѣговъ и баранты; чтобы избѣжать такихъ послѣдствій, мы вынуждены были задабривать хановъ и, такъ сказать, покупать у нихъ миръ... Какъ смотрѣли киргизы на дикій и принятый нами отъ дикихъ же обычай дѣлать при каждомъ случаѣ подарки, можно видѣть, напримѣръ, изъ того, что султанъ Баракъ, ханъ Средней орды, отправивъ пословъ ко двору, собрался было ѣхать и самъ въ Оренбургъ, но прибывшій къ нему чиновникъ привезъ такіе ничтожные, на киргизскій глазъ, подарки, что султанъ разобидѣлся и тотчасъ откочевалъ въ степь.

Всевозможнымъ послабленіямъ не было конца; заложниковъ мѣняли уже по первому требованію и принимали въ аманаты даже трехлѣтнихъ ребятъ *)!

Очевидно теперь, что киргизская орда представляла, для тогдашней Россіи, опаснаго и непріятнаго сосѣда, а не вассала, что пограничное начальство не знало какъ ладить, не знало какъ приняться за эту орду, чтобы оградить себя отъ вторженій. Всѣ мѣропріятія правительства представляются поэтому цѣпью болѣе или менѣе неудачныхъ опытовъ. Каждый правитель, конечно, очень хорошо зналъ, что лучшее средство для удержанія массъ въ повиновеніи составляютъ крѣпости и войска, но крѣпостей нельзя было выдвигать прямо въ безлюдную степь, не обезпечивъ ихъ сообщеній рядомъ укрѣпленій и поселеній, а это стоило большихъ денегъ, колонизація же шла обычнымъ медленнымъ путемъ. Кромѣ того и войскъ для занятія такихъ пронизывающихъ степь линій было недостаточно. Только линіи вдоль или параллельно границѣ составляютъ надежный оплотъ и вмѣстѣ базу для наступленія. Со стороны Сибири мы имѣли, напримѣръ, рядъ ли-

*) Айчувакъ, сынъ Абулъ-Хаира, былъ замѣненъ Адилемъ, а въ 1750 г. пятилѣтнимъ сыномъ Нурали-Хана; аманатъ этотъ вскорѣ умеръ, привезенъ былъ второй сынъ хана, но и тотъ умеръ въ 1769 г. Ханъ приписалъ это недостатку присмотра и ни за что не хотѣлъ дать новаго аманата, да и самъ не ѣхалъ въ Оренбургъ, не смотря на приглашенія.

ній по меридіану, а не поширотѣ, точно на вѣсу, и такимъ образомъ обладали операціонными путями, а не базой и, значитъ, могли дѣйствовать только наѣздами, а не облавой.

Нѣкоторые администраторы предпочитали посылать, по временамъ, въ степи летучіе отряды для наказанія виновныхъ, отбитія добычи и захвата плѣнныхъ (ради обмѣна на своихъ). Но эти летучіе отряды рѣдко настигали виновныхъ и грабили только тѣхъ, кто, не чувствуя за собой вины, сидѣлъ спокойно на мѣстѣ и не торопился уходить при вѣсти о русскомъ отрядѣ. Расчебареннымъ киргизамъ ничего больше не оставалось, какъ идти тоже на добычу и барантовать на линіи. Такимъ образомъ баранты плодились одна другою, старые счеты путались съ новыми, каждый считалъ себя въ долгу и недостаточно отомщеннымъ, и обѣ стороны бѣднѣли съ каждымъ годомъ. Отбитый скотъ угонялся обыкновенно, что было мочи, не останавливаясь долго для корма и, конечно, погибалъ во множествѣ. Если нашимъ отрядамъ и удавалось отбить забарантованный киргизами скотъ, то это считалось военною добычею, шло на мясныя порціи, продавалось съ аукціона и только въ рѣдкихъ случаяхъ возвращалось хозяевамъ.

Пробовали удерживать у хановъ жалованье до тѣхъ поръ, пока они не заставятъ своихъ киргизовъ возвратить ограбленное имущество, но это также не помогало. Кто-нибудь долженъ былъ уступить: или мы отойти къ Волгѣ, или киргизы отъ Урала,—выбирать было не изъ чего, и Неплюевъ рѣшилъ воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы окончательно задавить крамолу, сначала по эту сторону Урала, гдѣ мы никакъ не могли справиться съ башкирами, а потомъ и за Ураломъ.

Въ 1755 году въ Башкиріи снова вспыхиваетъ возмущеніе. Одинъ мулла Батырь-Ша разослалъ прокламаціи, въ которыхъ упрекалъ мусульманъ въ повиновеніи христіанамъ. Башкиры поднялись. Неплюевъ тотчасъ двинулъ туда войска и объявилъ киргизамъ, калмыкамъ, тептярямъ и мещерякамъ, что онъ отдаетъ имъ Башкирію на разграбленіе. Началась кровавая драма. Чтобы возбудить умы киргизовъ, послано было къ нимъ подложное письмо, будто бы отъ оренбургскаго ахуна. Въ письмѣ хвалилось возстаніе башкировъ, но высказывалось опасеніе, какъ бы они, освободясь отъ Россіи, не принялись за киргизовъ. Письмо это,—назовемъ его хоть дипломатическою хитростію,—достигло своей цѣли, какъ нельзя лучше. Кажется, впрочемъ, что и безъ этой „хитрости“ киргизы охотно бы пошли на грабежъ, а кого грабить,—имъ это все равно! Башкиры, не имѣя силъ противиться такому нашествію, бѣжали съ женами и дѣтьми, въ числѣ 50 тысячъ человѣкъ, за Уралъ, потерявъ на переправѣ множество людей; прочіе скрылись въ киргизскія степи. Чтобы

воспрепятствовать башкирамъ соединиться съ киргизами, Неплюевъ прибѣгъ къ мѣрѣ весьма жестокой, но по тогдашнимъ обстоятельствамъ совершенно умѣстной: онъ подарилъ киргизамъ женъ и дѣтей всѣхъ башкировъ, которые бѣжали къ нимъ въ степи. Началась, безпримѣрная въ лѣтописяхъ, травля: киргизы рѣзали каждаго встрѣчнаго башкира, присвоивая себѣ все его имущество, женъ и дочерей. Немногіе успѣли ускользнуть отъ истребленія, возвратясь въ русскіе предѣлы. Разсказы этихъ несчастныхъ взволновали всю Башкирію: гнѣвъ и ревность немедленно вооружили толпы мстителей, просившихъ у начальства позволенія идти за Уралъ. Неплюевъ объявилъ, что государыня не позволяетъ переходить границу, а между тѣмъ далъ секретное приказаніе всѣмъ пограничнымъ начальникамъ смотрѣть сквозь пальцы и не замѣчать самовольныхъ переходовъ башкировъ въ степи зауральскія. Пользуясь мнимою оплошностію русскихъ кордоновъ, толпы башкировъ пробрались за рѣку и набросились на киргизъ, щедрою рукою воздавая имъ кровь за кровь, око за око!

Ханъ Нурали жаловался Неплюеву на этотъ набѣгъ, но получилъ въ отвѣтъ, что киргизы сами навлекли на себя эту бѣду, принявъ въ свои аулы вѣроломныхъ бѣглецовъ, и что вся Башкирія стремится къ такимъ же подвигамъ. Предоставленные самимъ себѣ, киргизы ополчились поголовно; начались отвѣтные набѣги, завязалась нескончаемая усобица: какъ голодные шакалы за добычу, грызлись дикари, а русскій орелъ оставался спокойнымъ зрителемъ кровавой распри!

Такъ разными „хитростями“ Неплюевъ сумѣлъ стравить двухъ безпокойныхъ сосѣдей. Когда мѣра зла переполнилась и обѣ стороны были достаточно ослаблены другъ другомъ,—Неплюевъ нашелъ, что наше спокойствіе надолго будетъ обезпечено, и потому рѣшилъ прекратить борьбу народовъ.

Башкирамъ строжайше подтверждено не ѣздить за Уралъ, киргизамъ предложено удалиться къ югу отъ Урала; а пограничнымъ начальникамъ предписано не допускать больше никакихъ съ обѣихъ сторонъ переходовъ, усиливъ для этого пикеты.

Но еще долго враги не могли успокоиться, и много впослѣдствіи потрачено было русскихъ денегъ и русской крови, чтобы разнять обозлившихся и разорившихся противниковъ, искавшихъ въ барантѣ средства поправить свои дѣла. Кровопролитіе хотя и уменьшилось, но вражда между народами продолжается еще и донынѣ.

Этимъ путемъ мы достигли двухъ цѣлей: руками башкиръ мы значительно ослабили киргизовъ и отшатнули ихъ подалѣе отъ линіи, а руками киргизовъ окончательно смирили башкировъ, которые съ этихъ поръ живутъ тише воды, ниже травы.

Политика наша, въ этомъ случаѣ, была совершенно основательна. Правительство указывало ее еще въ 1734 году *), рекомендуя надзирать за киргизами и башкирами и, въ случаѣ волненій, употреблять одинъ народъ противъ другого, сберегая русское войско. Елизавета, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ, въ грамотѣ намѣстнику ханства калмыцкаго Дундукъ-Дашѣ отдавала ему Малую орду на разграбленіе. Екатерина II держалась той же системы, и грамотою отъ 10 мая 1763 г., намѣстнику калмыцкому Убашѣ, поручалось остановить вооруженною рукою и расчебарить киргизовъ Малой орды, если они захотятъ прорваться за линію и перейти кочевать въ наши предѣлы **).

Находятся впрочемъ люди, которые обвиняютъ тогдашнее наше правительство въ жестокости, которые предпочли бы, повидимому, подавлять и калмыковъ, и башкировъ, и киргизовъ только одними русскими, которые, наконецъ, ради идеальной любви къ своимъ „братьямъ дикимъ“, готовы были, кажется, принести скорѣе въ жертву русскую, чѣмъ башкирскую кровь, но эти не русскіе патріоты забываютъ и время, и пространство, забываютъ, что на обширной территоріи оренбургскаго края сошлись и столкнулись самыя разнородныя племена, что войскъ, оберегавшихъ границу, было мало, что, наконецъ, Россіи приходилось пожертвовать кѣмъ нибудъ изъ двухъ: или башкирами, или коренными русскими, Если она пожертвовала первыми для спасенія вторыхъ, то, конечно, не заслужила тѣмъ порицанія. Кто не согласился бы жить спокойно подъ защитою сосѣдей, которые бы выносили на своихъ плечахъ всѣ послѣдствія нападеній? Дорого бы дали мы всякому кто бы вмѣсто насъ подставилъ свои бока подъ удары Золотой орды!

Частыя перемѣны губернаторовъ, смотрѣвшихъ на Оренбургъ, какъ на почетную ссылку, и потому торопившихся устраивать свои дѣла и выбраться „въ Россію“, вредно отражались на системѣ управленія этою окраиной. Каждый новый губернаторъ ломалъ и перекраивалъ все, сдѣланное его предшественникомъ, такъ что мѣропріятія правительства, лишенныя устойчивости, не могли привиться и укорениться надлежащимъ образомъ. Неплюевъ, правившій краемъ 17 лѣтъ, по тому уже одному успѣлъ сдѣлать болѣе всѣхъ и дѣйствительно оставилъ по себѣ память.

Но и онъ, все-таки, сознавалъ себя безпомощнымъ передъ неурядицей степей и потому, нуждаясь въ киргизахъ для обузданія башкиръ, дѣлалъ имъ уступку за уступкой: ханамъ пла-

*) Иструкція коллегіи иностранныхъ дѣлъ Кирилову.

**) Обѣ эти грамоты остались въ Оренбургѣ и не были отправлены по назначенію, первая изъ-за движенія Галданъ-Цырена, а вторая потому, что киргизы остались на мѣстахъ.

тили жалованье (съ 1750 г.), заложниковъ мѣняли по первому требованію, пока не домѣнялись до трехлѣтняго младенца!

Хивинскій ханъ Каипъ, родственникъ Ширгазы, истребившаго отрядъ Бековича, посланному съ караваномъ изъ Оренбурга въ 1752 г., переводчику (вѣроятно, Гуляеву и Чучелову) „не только задержаніе, но и озлобленіе учинилъ“, но такъ какъ Хива была для насъ недосягаема, то „по разсужденію коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ презрѣніи здѣсь онъ оставленъ“ (рапортъ оренб. оберъ-коменданта Зенбулатова въ іюлѣ 1783 г. уфимскому и симбирскому ген.-губернатору). Хотя такое наказаніе презрѣніемъ и было, конечно, весьма чувствительно для деликатной хивинской натуры, но и оно мало помогало дѣлу!

Новый начальникъ Давыдовъ (съ 1759 по 1763 г.) принесъ съ собою и новое направленіе: онъ сталъ высокомѣрнѣе и пренебрежительнѣе обращаться съ ханомъ Нурали, и когда тотъ, въ 1759 году, съ братьями, пріѣхалъ въ Оренбургъ, губернаторъ принялъ ихъ холодно и не далъ обычныхъ подарковъ. Это такъ раздражило избалованныхъ дикарей, что они, разобиженные уѣхали въ свои аулы и тотчасъ дали себя знать: караваны, шедшіе въ Оренбургъ, были остановлены, начались набѣги и грабежи, не прекращавшіеся до 1761 года, когда уже высшее правительство, не смотря на доводы Давыдова, назначило жалованье не только хану, но и братьямъ его. Такимъ образомъ русскіе унизились до того, что стали платить дань полудикимъ сосѣдямъ, лишь бы избавиться отъ ихъ набѣговъ. Киргизы, очевидно, перестали уже считать себя подданными и, напримѣръ, при вступленіи на престолъ Екатерины II, сносились съ Китаемъ и съ афганцами и затѣмъ снова начали грабежи, продолжавшіеся до 1767 года, когда, наконецъ, посланъ былъ въ степь сильный отрядъ.

Кончина Петра III и вступленіе на престолъ Екатерины II привели въ Оренбургъ новаго губернатора-изгнанника. Это былъ извѣстный Волковъ (съ 1763 по 1764 г.), тайный секретарь Петра III *), но онъ продержался только одинъ годъ и вышелъ въ отставку, не желая быть „преступнымъ похитителемъ жалованья, валя пень черезъ колоду“, такъ какъ видѣлъ невозможность быть полезнымъ, когда руки его связаны, а злоупотребленія ростутъ.

При преемникѣ его, тайномъ совѣтникѣ князѣ Путятинѣ (съ 1765—1768 г.), происходили въ степи чрезвычайные безпорядки, едва улаженные при помощи войскъ. Аманатомъ въ Оренбургѣ

*) Петръ III до такой степени полагался на Волкова, что повелѣлъ всѣ пакеты на Высочайшее имя „адресовать тайному секретарю Волкову“. Имъ написана была жалованная грамота дворянству, освобождавшая отъ тѣлесныхъ наказаній, и проектъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи.

въ это время былъ сынъ Нурали, султанъ Аблай, влюбившійся въ дочь князя до того, что принялъ христіанство. Но такъ какъ съ этихъ поръ онъ, конечно, долженъ былъ отказаться отъ какой бы ни было роли въ степи, а родство съ дикими ханами русскому князю казалось не подъ стать, то Путятинъ, не колеблясь, дозволилъ хану Нурали взять сына обратно и замѣнить его другимъ аманатомъ.

Путятинъ былъ послѣднимъ губернаторомъ изъ гражданскихъ чиновниковъ. Съ 1769 г., т. е. съ назначеніемъ генералъ-поручика Рейнсдорпа, начался рядъ военныхъ губернаторовъ.

Тѣмъ временемъ въ Россіи подготовлялись событія, которыя могли бы имѣть роковыя послѣдствія, если бы киргизы и башкиры были въ силахъ принять въ нихъ участіе. Мы говоримъ о выселеніи калмыковъ и бунтѣ Пугачева.

Чтобъ вѣрнѣе оцѣнить тогдашнее положеніе дѣлъ, надобно знать средства, какими располагала мѣстная власть.

Въ Оренбургской губерніи расположено было только 5 гарнизонныхъ батальоновъ: одинъ въ Ставрополѣ, а 4 въ Оренбургѣ, откуда отдѣлены были 3 роты въ Уфу, Илецкую и Троицкую крѣпости. Во всей Сибири было 7 гарнизон. бат.: въ Тобольскѣ—3, въ Томскѣ и въ Иркутскѣ по одному и въ Селенгинскѣ 2.

Оренбургская линія, простиравшаяся отъ Яика до Звѣриноголовской крѣпости, слишкомъ на 1300 в., защищалась только тремя конными ландмилицкими полками, содержавшими гарнизоны. Яицкіе казаки, хотя и закаленные въ нескончаемыхъ стычкахъ съ дикими, не могли быть принимаемы въ разсчетъ такъ какъ безпрерывно волновались. Оренбургскіе казаки несли только полицейскую и разсылочную службу.

Сибирская линія, отъ Звѣриноголовской крѣпости до Кузнецка, на разстояніи 2072 верстъ, защищалась 8-ю неуклюжими драгунскими полками, не пригодными для погони за „вѣтреными и легкомысленными народами“. За Байкаломъ, въ Селенгинскомъ уѣздѣ, расположенъ былъ Якутскій карабинерный (конный) полкъ, сформированный въ 1764 г. изъ поляковъ и дезертировъ—матеріала весьма ненадежнаго!

Далѣе, отъ Кузнецка до р. Амура, на протяженіи 3000 в., не было уже ни одного солдата, защита ввѣрена иррегулярнымъ войскамъ, которыхъ во всей Сибири, вмѣстѣ съ инородцами, считалось всего лишь съ небольшимъ девять тысячъ. Берегли границу въ сущности китайцы. Чтобы усилить средства линій, военная коллегія *), исходя изъ той вѣрной мысли, что „вѣтреныхъ и легкомысленныхъ народовъ не множествомъ числа, а ре-

*) Докладъ ея за № 13,649 въ Полн. собр. законовъ т. XLIII часть I стр. 186.

гулярствомъ и хорошимъ устройствомъ войскъ побѣждать надлежитъ", рѣшила переформировать пограничныя части и составить ихъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія: пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Это, конечно, придало бы имъ большую самостоятельность, и комендантамъ не пришлось бы тратить время, въ случаѣ набѣга, на пустую переписку о присылкѣ подкрѣпленій.

Легкія полевыя команды, учрежденныя въ 1772 г, состояли изъ двухъ ротъ мушкетерскихъ въ 272 чел., егерской команды въ 48 чел., полуэскадрона драгунъ въ 60 чел. и четырехъ единороговъ 12-фунтовыхъ съ 32 артиллеристами. Всего 556 чел.

Цифра пограничныхъ астраханскихъ, оренбургскихъ и сибирскихъ войскъ увеличилась на 5,226 чел., а расходы казны не только не увеличились, но еще сократились на 40,010 р. 24 коп. отъ расформированія драгунъ. Недолго берегли наши границы эти команды: въ 1772 году, по случаю войны съ Турціею, опасеній войны со Швеціею и неурядицы въ Польшѣ, военная коллегія рѣшилась оголить восточную границу, чтобъ прикрыть западную,—легкія полевыя команды съ Оренбургской, Яицкой и Илецкой линій потянулись въ Польшу, Балтійскій край и Финляндію.

Для защиты внѣшней и для охраны внутренняго порядка оставались только „скареды и срамцы", по выраженію генералъ-аншефа Бибикова. Когда начались безпорядки, то „гарнизонная негодница", изъ этихъ скаредовъ и срамцовъ состоявшая, „носу никуда показать не смѣла", а только все отписывала „страшные рапорты".—Пришлось воротить назадъ легкія полевыя команды, которыя только напрасно прогулялись и въ 1773 снова явились въ Оренбурскій край.

Полная безопасность и приволье, какія нашли у насъ калмыки, способствовали увеличенію ихъ благосостоянія. Скота расплодилось невѣроятное множество, да и число самихъ калмыковъ тѣмъ временемъ все увеличивалось новыми переселенцами, благодаря постояннымъ безпорядкамъ въ Дзюнгаріи и опустошеніямъ, какія производили тамъ киргизы. Въ 1755 году жители провинціи Или (Дурботы, Хошоты, Олоты и Хойты) переселились въ Россію и были размѣщены въ томъ же Убашіевомъ аймакѣ, подъ названіемъ новыхъ тургутовъ. Всего калмыковъ считалось до 80,000 кибитокъ, а по китайскимъ источникамъ, основаннымъ на показаніяхъ самихъ торгоутовъ, до 920,000 кибитокъ. Такъ какъ нельзя ручаться за достовѣрность русскихъ цифръ (ибо никакой переписи калмыкамъ не дѣлалось), то мы каждый разъ будемъ приводить и китайскія цифры.

Еще съ конца XVII вѣка у насъ начались неудовольствія съ калмыцкими ханами изъ-за крещенія калмыковъ. Ханы требовали выдачи крещеныхъ, какъ бѣглецовъ. Затѣмъ при жизни Аюки

хана начались волненія и междоусобія изъ-за вопроса: кому быть его преемникомъ? Петръ I, посѣтившій хана Аюка, поднялъ его во мнѣніи народа и тѣмъ остановилъ волненія, такъ какъ всѣмъ стало ясно, что русскій царь будетъ поддерживать сыновей Аюки.

По смерти Аюки, вдова его захотѣла выдти замужъ,—опять междоусобія изъ-за вопроса: кому быть женихомъ? Когда въ Царицынъ прибылъ, помилованный Татищевъ управлять калмыками, то калмыцкій намѣстникъ не хотѣлъ ему подчиниться и жаловался въ Петербургъ. Распоряженія Татищева отмѣнялись...

Ему поручено было составить для калмыковъ судебные уставы, а онъ потребовалъ отъ Дондукъ-Даши присылки сборника обычаевъ. Составить такой сборникъ, конечно, трудно, да и требуетъ времени, а потому ни тотъ, ни другой къ работѣ не приступали и только перекорялись. Наконецъ, сенатомъ былъ присланъ приставъ полк. Спицынъ, который и разыскалъ лицъ, ссорившихъ воеводу съ намѣстникомъ. Ихъ отправили въ Петербургъ, и тамъ одного изъ виновныхъ высѣкли плетьми, а вдову Дондука Омбо, ханшу Джану, съ дѣтьми, крестили *). Тѣмъ кончились смуты калмыцкія въ 1744 г.

Въ 1761 году между потомками Аюки-Хана возникли снова изъ-за ханскаго достоинства междоусобія, сопровождавшіяся безпорядками и неповиновеніемъ русскому правительству.

Тогда рѣшено было оцѣпить орду укрѣпленіями по Волгѣ, Уралу, Самарѣ и Тереку.

Въ то же время Россія вела рядъ войнъ съ Пруссіей и требовала отъ калмыковъ, согласно условію, вспомогательнаго войска. Это послѣднее обстоятельство въ особенности поразило новоприбывшихъ, которые разсчитывали было на продолжительный отдыхъ и спокойствіе. Олоткій цырэнъ (старшина) сталъ подговаривать остальныхъ возвратиться назадъ въ Или, иначе подъ русскою властію торгоутамъ не сдобровать: и безъ того уже въ разныхъ войнахъ Россіи погибло ихъ до 80,000 человѣкъ, а теперь царица требуетъ всѣхъ старше 15 лѣтъ, и это съ очевидною цѣлью искоренить торгоутовъ, принудить ихъ къ осѣдлости, а землю отобрать въ казну! Такія рѣчи произвели желаемое дѣйствіе: калмыки встревожились. Начались тайныя совѣщанія и рѣшено было воспользоваться первыми морозами въ зиму 1771 года, чтобы перейти Волгу по льду. Ледъ однако запоздалъ, и потому успѣли подняться только тѣ, которые кочевали на ея степномъ берегу. Такихъ было по нашему счету 30,000 кибитокъ, а по китайскимъ источникамъ 460,000. Въ предѣлахъ Россіи осталось только около 13,000 кибитокъ, не успѣвшихъ присоединиться къ бѣжавшимъ, за

*) Отъ нея пошелъ родъ князей Дондуковыхъ.

невозможностію переправиться черезъ Волгу. Тогда наше правительство объявило ханское достоинство уничтоженнымъ, а калмыки, раздѣленные на роды или улусы, были подчинены своимъ нойонамъ *).

Врядъ ли бы стали калмыковъ удерживать силой, но они при этомъ разграбили четыре наши поселенія и зарѣзали до 1000 торговцевъ и мастеровыхъ, разъѣзжавшихъ въ это время по ихъ улусамъ.

Въ погоню посланъ былъ изъ Орска генералъ Траубенбергъ, но онъ ихъ не догналъ, хотя и дошелъ до Улутаускихъ горъ, откуда по недостатку провіанта, изнуренію лошадей и развившейся болѣзненности, не могъ даже вернуться обратно въ Орскъ, а вышелъ напрямикъ къ Усть-Уйской станицѣ. Трудно было и ожидать чего-нибудь иного, когда орскій отрядъ сформировался едва-едва черезъ три мѣсяца, послѣ того, какъ калмыки снялись съ кочевьевъ! Все это время шла дѣятельная и безплодная переписка между начальствующими. Тщетно генер.-поруч. Рейнсдорпъ просилъ ген.-м. Станиславскаго помочь сибирскими войсками орскому отряду,—тотъ хотя и собралъ черезъ мѣсяцъ, два эскадрона, но и тѣ посылать раздумалъ: самому-де пригодятся! Хотя киргизамъ и было приказано остановить калмыковъ, но они, воспользовавшись случаемъ пограбить, нарочно пропускали бѣглецовъ, чтобы не пришлось отдать назадъ добычу. Траубенбергъ былъ посланъ къ яицкимъ казакамъ, съ которыми и долженъ былъ преслѣдовать калмыковъ, но казаки, недовольные стѣсненіями прежнихъ вольностей, давно уже роптали, а тутъ и вовсе отказались повиноваться; Траубенбергъ настаивалъ и былъ убитъ. Присланы были регулярныя войска съ генераломъ Фрейманомъ, который силою оружія усмирилъ бунтъ. Зачинщики были наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь, а казацкое правленіе уничтожено.

Понятно, каково было расположеніе умовъ: „погоди, мы еще не такъ тряхнемъ“,—слышалось по станицамъ. Извѣстною слабостію нашего народа—окружать таинственностью всякую перемѣну правленія и составлять цѣлыя легенды по поводу кончины лицъ царствующей династіи, — какъ нельзя лучше воспользовалась польско-іезуитская интрига, по поводу государственнаго переворота 1762 г. Отрѣшеніе Петра III, вступленіе на „прародительскій“

*) Все высшее сословіе ойратовъ имѣло общее названіе нойонъ, означающее на ойратскомъ (калмыцкомъ) языкѣ господинъ, властелинъ, начальникъ, предводитель.

Званіе нойона первоначально принадлежало однимъ только потомкамъ Чингизъ-Хана и его братьевъ по мужскому колѣну: но впослѣдствіи его стали присваивать себѣ дальніе родственники хановъ, происходившіе изъ побочныхъ линій.

престолъ Екатерины II и скоропостижная смерть эксъ-императора послужили темою къ самымъ романическимъ разсказамъ. Обычная легенда о „спасеніи“ и бѣгствѣ царя передавалась изъ устъ въ уста и настроила общество на ожиданіе великихъ событій. Явилось множество самозванцевъ, которыхъ одного за другимъ ловили и казнили.

Въ началѣ 1772 г. изъ рекрутской команды, шедшей въ Москву, бѣжалъ на Волгу одинъ солдатъ, по имени Богомоловъ, который и выдалъ себя за Петра III. Скоро онъ былъ пойманъ и посаженъ въ Царицынѣ въ тюрьму. Черезъ недѣлю здѣсь вспыхнулъ бунтъ, но комендантъ Цыплетевъ безъ кровопролитія оттѣснилъ толпу и разсѣялъ ее, захвативъ нѣсколькихъ бунтовщиковъ. Богомоловъ былъ посланъ тайкомъ къ астраханскому губернатору и послѣ суда надъ нимъ отправленъ для казни назадъ въ Царицынъ, но на дорогѣ умеръ.

Неизвѣстность о томъ, куда онъ дѣвался, породила новые толки: сталъ ходить слухъ, будто въ Астрахани арестантъ былъ признанъ самимъ начальствомъ за настоящаго Петра III...

Слухи и толки эти бродили въ средѣ темнаго народа, никѣмъ не оспариваемые, ничѣмъ не опровергаемые. И вотъ, семь мѣсяцевъ послѣ царицынскаго происшествія, въ селѣ Малыковнѣ (нынѣ гор. Вольскъ) объявился новый Петръ III. Это былъ бѣглый преступникъ, донской казакъ Зимовейской станицы, Емельянъ Ивановъ Пугачевъ.

Бѣлыя знамена съ красными и черными осьмиконечными крестами (старовѣрческими) влекли къ себѣ яицкихъ казаковъ, взбудораженныхъ обѣщаніями „жаловать ихъ крестомъ и бородою, рѣками и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцомъ и порохомъ и вѣчною вольностію“. Столько благъ за разъ!

Черезъ двѣ недѣли Пугачевъ владѣлъ уже 7 крѣпостями. Въ рядахъ его считалось до 3,000 конницы и пѣхоты (изъ „гарнизонной негодницы“) и болѣе 20 пушекъ. Не станемъ вспоминать всѣхъ фазъ этого знаменитаго бунта, — довольно сказать, что Илецкій городокъ, Пенза и Саратовъ были взяты, Казань сожжена, и только ничтожный Яицкій городокъ да Оренбургъ удержались противъ мятежниковъ. Бѣгство калмыковъ и бунтъ Пугачева выпали на долю преемника Путятина, генералъ-поручика Рейнсдорпа,—перваго в о е н н а г о губернатора оренбургскаго. Въ виду того, что случавшіяся уже не разъ попытки къ самозванству именемъ Петра III были подавляемы скоро и безъ усилій,—правительство не придало сначала бунту Пугачева особаго значенія. 5 октября 1773 г. Пугачевъ сталъ подъ Оренбургомъ и прислалъ Рейнсдорпу у к а з ъ: „впустить его въ городъ безъ сопротивленія и встрѣтить, какъ прямого государя“. Рейнсдорпъ, возвращая пакетъ, собственноручно надписалъ: „прямо сущему

злодѣю и отъ Бога отступившему человѣку и сыну сатанину".

Сжегши подгородную слободу и тревожа мятежниковъ не всегда удачными вылазками*), Рейнсдорпъ держался до тѣхъ поръ, пока побѣды князя Голицына подъ крѣп. Татищевою, въ 70 верстахъ отъ Оренбурга, положили предѣлъ осадѣ. Пугачевъ съ 10 пушками и 5,000 чел. ушелъ за рѣку Сакмару въ степь; здѣсь въ Коловертной лощинѣ былъ выданъ своими сотнику Харчеву, который и передалъ его Суворову въ Яицкомъ городкѣ, откуда въ деревянной клѣткѣ онъ былъ отвезенъ въ Москву. Екатерина простила казаковъ, но 15 янв. 1775 г. повелѣла истребить названія „Яикъ, Яицкій" и проч., замѣнивъ ихъ Ураломъ, Уральскомъ и проч.

Рейнсдорпа упрекаютъ въ нѣкоторыхъ ошибкахъ: онъ объявилъ, напримѣръ, что Пугачевъ бѣглый, заклейменный каторжникъ, и тотъ воспользовался этимъ, чтобы доказать, что онъ не Пугачевъ, ибо не заклейменъ! Рейнсдорпъ отправилъ къ Пугачеву для переговоровъ извѣстнаго разбойника Хлопушу, который однакоже въ острогъ не вернулся, а присталъ къ Пугачеву, и надѣлалъ вспослѣдствіи много зла Россіи.

Во время этого бунта киргизы сохраняли выжидательное положеніе, пока опредѣлится, чья сторона возьметъ верхъ.

Правда, главными соучастниками Пугачева были яицкіе казаки и башкиры, — исконные враги киргизовъ, и потому можно было предполагать скорѣе, что киргизы станутъ на сторонѣ государства, чѣмъ на сторонѣ своихъ непосредственныхъ враговъ, тѣмъ не менѣе фактъ существуетъ, и какими бы побужденіями ни руководствовались киргизы, они все-таки держали, такъ сказать, „вооруженный нейтралитетъ", собравшись массами близъ границы. Невмѣшательство ихъ значительно облегчило правительству дѣло подавленія бунта. Грабежи и хищническіе набѣги на линію продолжались, впрочемъ, своимъ чередомъ до 1774 г., когда мы могли выслать въ степь войска.

Екатерина II, послѣ неудавшагося намѣренія сдѣлать киргизовъ осѣдлыми и послѣ бѣгства калмыковъ, сообразила, что дѣло ведется не такъ, что въ сношеніяхъ съ кочевниками мы, должно быть, держимся какого-нибудь невѣрнаго правила. Поэтому она сразу измѣнила весь характеръ сношеній и въ 1775 г. запретила высылать войска за Уралъ, но уже въ 1779 г. вынуждена была отмѣнить это запрещеніе, такъ какъ дѣло оказалось настолько испорченнымъ, что никакія мѣры кротости уже не достигали цѣли.

---

*) 13 января гарнизонъ потерялъ на вылазкѣ много офицеровъ и солдатъ убитыми, 400 чел. плѣнными и 9 орудій.

Правительство, однакоже, продолжало начатую задачу: рядомъ учрежденій, сходныхъ съ дѣйствовавшими тогда въ имперіи, привязать полудикихъ подданныхъ къ общему государственному строю и пробить въ глубь азіатскихъ степей дорогу прогрессу и цивилизаціи.

Такъ, въ 1782 году учреждено для кочевниковъ особое управленіе: „пограничная экспедиція“, разрѣшено пропускать киргизскій скотъ на зиму въ Россію, отпущены деньги на постройку караванъ-сараевъ, школъ и мечетей. Но, не смотря на все это, набѣги продолжались, такъ что въ 1784 и 1785 годахъ пришлось снаряжать экспедицію въ степь, причемъ освобождено много плѣнныхъ.

Съ 1781 по 1796 годъ Оренбургская губернія именовалась Уфимскимъ намѣстничествомъ.

Въ 1784 году учрежденъ пограничный судъ для разбора дѣлъ, между киргизами и пограничными жителями, но никто сюда не ходилъ судиться, и въ 1799 году суды закрыты. Что касается до школъ, то, хотя строенія и были возведены, но они оставались пустыми и, наконецъ, развалились...

Ген. отъ инф. баронъ Игельстремъ (1785—1790 *), видя, что киргизы совершенно разъединились, и что ханская власть безсильна связать ихъ въ одно цѣлое, предложилъ было дать каждому поколѣнію особаго начальника съ цѣлью постепенно низвести безполезное званіе хана до степени пустого звука и затѣмъ уничтожить его, а въ степи мало-по-малу ввести общіе съ Россіею порядки, на основаніи вводившихся тогда учрежденій для управленія губерній. Разосланы были прокламаціи къ народу, помимо хана, съ увѣщаніемъ прекратить набѣги на линіи, и междоусобныя баранты. Киргизы составили народное собраніе, куда не былъ допущенъ ни одинъ султанъ, и выбрали предводителемъ извѣстнаго тогда разбойника Сырыма. Все собраніе присягнуло на вѣрность Россіи, но подъ условіемъ, чтобы всѣ потомки Абулъ-Хаира были навсегда лишены ханскаго достоинства. Пока продолжалось собраніе (1786—1787), набѣговъ не было (захвачено было только въ первый годъ 12, а во второй 2 плѣнныхъ), тогда какъ въ 1784 и 1785 годахъ плѣнниковъ насчитывалось до 176 ежегодно; въ 1788 г. снова начались набѣги и захвачено 43. Въ первый годъ собранія пропущено было зимовать въ Россію 45,000 кибитокъ, которыя и возвратились на Уралъ въ совершен-

*) Изъ лифляндскихъ дворянъ. Правилъ краемъ два раза: съ 1785 по 1790 г. и съ 1796 по 1799 г. Въ промежутокъ былъ главнокомандующимъ, въ Польшѣ. Онъ былъ большой волокита и баловень женщинъ, поэтому за недосугомъ, прозѣвалъ польскую революцію 1794 г. Уволенный въ отставку, онъ жилъ въ Ригѣ до воцаренія Павла I.

номъ порядкѣ. Казалось, все шло прекрасно; мы нашли секретъ, какъ поладить съ безпокойными подданными: предоставить имъ управляться, какъ сами заблагоразсудятъ. Такъ бы и слѣдовало продолжать. Нурали, вызванный въ Оренбургъ, былъ высланъ затѣмъ на жительство въ Уфу (гдѣ впослѣдствіи и умеръ въ 1790 г.). Ханская власть на самомъ дѣлѣ уже не существовала. Но тутъ сынъ Нурали напалъ на аулъ предводителя народнаго собранія, батыря Сырыма; тотъ впрочемъ скоро освободился и тутъ узналъ, что губернаторъ опять хочетъ завести хана и писалъ о томъ уже въ Петербургъ. Такая непослѣдовательность нашей политики, конечно, не могла внушить къ намъ никакого довѣрія, и понятно, что всѣ остальныя мѣропріятія наши не могли имѣть успѣха.

Въ 1787 г. учреждены 5 расправъ,—судебныя мѣста, подходившія къ обычаямъ народа,—но при этомъ требовалось, чтобы дѣлопроизводство было непремѣнно письменное, а какъ начальники были безграмотные, то дѣло, конечно, попало въ руки муллъ и погибло. Чтобы размѣнять одного крупнаго хана на нѣсколько мелкихъ старшинъ, въ каждомъ изъ трехъ поколѣній выбраны были по одному главному и по нѣскольку второстепенныхъ старшинъ для надзора за порядкомъ.

Въ 1786 г. разрѣшено было киргизамъ селиться, на что назначались и пособія отъ казны; въ 1788 году разрѣшено переходить въ Россію на земли, имъ отводимыя; въ 1789 г., заведены казенныя училища съ содержаніемъ дѣтей пансіонерами. Въ томъ же году, указомъ 30 апрѣля, приказано, наконецъ, составить уложеніе на основаніи народныхъ обычаевъ. Вотъ цѣлый рядъ мѣръ, безспорно прекрасныхъ, но все это было или дурно примѣнено или и вовсе не выполнено. Только въ 1871 г. почти черезъ 100 лѣтъ, оцѣненъ указъ 30 апрѣля, и введено въ Малой ордѣ управленіе на основаніяхъ народныхъ, да и то послѣ блистательнаго опыта въ туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ.

Всѣ мѣропріятія Игельстрёма не могли укорениться отчасти потому, что исполнители плохо примѣняли ихъ къ дѣлу, а главнымъ образомъ и потому еще, что самъ Игельстрёмъ скоро измѣнилъ интересамъ государства, ради прелестей княгини Той-Кары, дочери Нурали-хана. Женщина умная и красивая, бывшая замужемъ за чиновникомъ пограничной коммиссіи, она усвоила себѣ свѣтскость и лоскъ образованія, но одѣвалась всегда по-азіатски. Покоривъ сердце стараго волокиты *), Той-Кара склонила его на

*) Игельстрему было тогда 63 года, но онъ любилъ молодиться и увѣрялъ, что ему только 47 лѣтъ. Одинъ разъ онъ съ досадой швырнулъ свой послужной списокъ, въ которомъ чиновникъ, недавно опредѣленный въ канцелярію и не знавшій слабости барона, осмѣлился прибавить къ прошлогоднимъ годамъ одинъ годъ.

сторону своего семейства. Къ этому прибавились еще и клеветы на Сырыма. Киргизскому самоуправленію готовился конецъ.

Султаны лишившись значенія въ ордѣ, конечно, старались очернить батыря Сырыма, что имъ и удалось, вотъ по какому случаю: турки, начиная войну съ нами, старались возбудить противъ насъ бухарцевъ, которые въ свою очередь обѣщали киргизамъ вооруженное содѣйствіе, приглашали ихъ къ общему союзу противъ невѣрныхъ. Прокламація эмира ходила по рукамъ старшинъ киргизскихъ и, наконецъ, была доставлена Сырыму, который, какъ это сдѣлалъ бы и всякій ханъ, отвѣчалъ эмиру весьма уклончиво, увѣряя, что онъ ничего противъ войны не имѣетъ, но самъ ее начать не можетъ до прибытія бухарскихъ войскъ. Очевидно, что это была простая отговорка, съ цѣлью только отписаться и выиграть время. Однакоже, этому придано было значеніе открытой измѣны. Въ другое время Игельстремъ, конечно, не обратилъ бы на это обстоятельство никакого вниманія, но тутъ была Той-Кара, и старый селадонъ принесъ ей въ жертву и свои прежнія убѣжденія, и свою честь, и интересы государства! Забылъ онъ, что хану Абулъ-Хаиру прощалось нарушеніе присяги, когда онъ безъ церемоніи сносился съ джунгарами, нашими врагами; что ему прощались и нападенія на наши линіи. Забылъ онъ, что въ 1762 году мы смотрѣли сквозь пальцы на сношенія хана Нурали съ богдыханомъ и даже на принятіе первымъ китайскаго подданства! Но то были ханы, а это простой батырь, представитель демократическаго начала!

Правительству было представлено, что дальнѣйшее развитіе демократическихъ началъ въ киргизскомъ народѣ можетъ поставить насъ въ затруднительное положеніе, что вліяніе старшинъ, принадлежавшихъ къ „черной кости“, значительно прочнѣе вліянія, какое имѣли султаны и ханы, представители „бѣлой кости“, что поэтому гораздо безопаснѣе управлять киргизами снова при помощи нелюбимыхъ ими, но за-то и не опасныхъ намъ султановъ.

Какъ только оренбургское начальство стало выказывать недовѣріе къ батырю Сырыму, послѣдній и самъ перемѣнился въ отношеніи готовности содѣйствовать видамъ этого начальства, а когда, на мѣсто умиравшаго въ Уфѣ хана Нурали, Игельстремъ сталъ пріискивать новаго, то понятно, что Сырымъ не могъ быть къ этому равнодушнымъ, и съ этихъ поръ онъ дѣйствительно ищетъ поддержки въ бухарскомъ эмирѣ, возмущаетъ киргизовъ противъ ненавистныхъ султановъ и противъ Оренбурга, который ихъ поддерживалъ. Словомъ, пошла прежняя неурядица. Правительство тотчасъ приняло мѣры. Самая простая и обыкновенная въ этихъ случаяхъ, была тогда смѣна губернатора. На этотъ разъ

Игельстремъ былъ смѣненъ генералъ-поручикомъ Пеутлингомъ (съ 1790 по 1794).

Въ 1791 году, по смерти Нурали, назначенъ былъ братъ его Ирали. Протесты народа, ссылавшагося на обѣщаніе наше не назначать ханами потомковъ Абулъ-Хаира, оставлены были Пеутлингомъ безъ вниманія. Тогда снова начались нападенія на линію со всѣми ихъ послѣдствіями. Въ 1794 г. правительство наше, наконецъ, сдалось: Пеутлингъ былъ смѣненъ, а вмѣстѣ съ нимъ рѣшено смѣнить и хана, но уже на этотъ разъ принять во вниманіе волю народа. Потребовалось узнать желаніе киргизовъ. Оказалось, что всѣ желали Абулъ-Гази Каипова. Новый губернаторъ, генералъ-поручикъ Вязмитиновъ (1795—1796), не одобрялъ такого выбора; благодаря его поддержкѣ выбранъ былъ старшій братъ смѣненнаго Ирали султана — Ишимъ. Султанъ Ишимъ, хотя и былъ весьма преданъ русскимъ, но не имѣлъ въ степи никакого значенія, ни вліянія, а потому для насъ былъ въ сущности безполезенъ. Недовольные киргизы снова поднялись: ханъ не смѣлъ даже отойти отъ линіи! Въ видѣ уступки желаніямъ народа приданъ былъ хану совѣтъ—диванъ, но и это не помогло: въ 1797 г. Сырымъ, напавъ на аулъ хана, убилъ его и разбарантовалъ все имущество. Вязмитиновъ былъ смѣненъ и назначенъ опять Игельстремъ (1797—1799). Обоюдныя баранты однакоже достигли ужасныхъ размѣровъ, всѣ считали другъ за другомъ старые долги.

Оренбургское начальство сочло нужнымъ наказать Сырыма вооруженною рукою. Въ зиму 1797 и 1798 г. былъ высланъ въ степь сильный отрядъ уральскихъ казаковъ, угнавшихъ у киргизовъ нѣсколько тысячъ лошадей; къ казакамъ были присоединены и башкиры, которые на свою долю угнали также около 5 000 головъ.

Киргизы, конечно, отомстили немедленно, и всему этому не предвидѣлось конца: старые счеты росли. Тогда составлены были смѣшанныя коммиссіи изъ представителей заинтересованныхъ сторонъ: киргизовъ, казаковъ, башкировъ и калмыковъ, для разбора претензій, но никто не шелъ разбираться, а расправлялись своими средствами. Въ степи стало такъ тошно жить прилинейнымъ киргизамъ, что въ 1797 г. до 12,000 кибитокъ ихъ перешло въ Россію навсегда, чтобы спасти какъ-нибудь жизнь и имущество. Главная распря происходила изъ-за того, что казаки постепенно захватывали земли и, наконецъ, завладѣли илецкими соляными копями. Игельстремъ хотѣлъ было возвратиться къ прежней своей системѣ управленія безъ хана, но выбрать было некого, и онъ составилъ совѣтъ изъ 6 человѣкъ подъ предсѣдательствомъ стараго и глухого сына Абулъ Хаирова, Айчувака. Совѣтъ долженъ былъ имѣть постоянное мѣстопребываніе на р.

Хобдѣ. Членами выбирались по два, отъ каждаго изъ трехъ поколѣній. Но эта новая администрація тѣмъ только отличалась отъ прежней, что вмѣсто одного хана явилось семь, и такихъ же ненавистныхъ народу, такъ какъ назначеніе ихъ зависѣло отъ начальника Оренбургскаго края, а не отъ воли народной. Ордынцы, конечно, не хотѣли имѣть совѣта, не относились къ нему ни съ какими дѣлами и даже, наконецъ, соглашались перейти лучше къ прежней системѣ, т. е. къ ханамъ, ибо одинъ все-таки лучше семи. У насъ были рады такому настроенію умовъ и назначили киргизамъ хана—глухого старца Айчувака, не смотря на высказывавшіяся въ адресахъ желанія киргизовъ имѣть ханомъ Каратая. Предсѣдателемъ ханскаго совѣта назначенъ былъ все-таки не Каратай, а братъ его Букей. Съ этого времени начались перекочевки: киргизы, тѣснимые казаками, наконецъ, уступили и откочевали внутрь степи, а нѣкоторые и въ Хиву, но оставили за собой право на прежнія стойбища. Боясь за свою жизнь, ханъ Айчувакъ бѣжалъ подъ защиту русскихъ за Уралъ. Букей, изъ личныхъ видовъ, подговорилъ лживыми обѣщаніями 7,000 кибитокъ изъ Малой орды перейти также за Уралъ на земли, покинутыя въ 1771 г. калмыками. Просьба объ этомъ подана была императору Павлу I, и въ 1801 году получено разрѣшеніе. Киргизы двинулись, но когда вскорѣ вздумали воротиться, то были удержаны навсегда при помощи сотни казаковъ, данной Букею. Букей дѣйствительно достигъ цѣли: въ 1812 г. его сдѣлали ханомъ Внутренней или Букеевской орды, и онъ зажилъ съ тѣхъ поръ сатрапомъ, считаясь, совершенно безъ всякаго основанія, какимъ-то владѣтельнымъ княземъ. Впослѣдствіи притѣсненія, имъ дѣлаемыя, не разъ вели за собою попытки его подданныхъ бѣжать назадъ за Уралъ, не смотря даже на всѣ выгоды спокойствія и благосостоянія, какими они у насъ пользовались; русскіе удерживали ихъ однакоже вооруженною рукой. Въ послѣдній годъ XVIII столѣтія были уничтожены пограничная экспедиція и пограничный судъ.

При Игельстремѣ башкиры и мещеряки, жившіе въ губерніяхъ Оренбургской, Вятской и Пермской, были раздѣлены на кантоны и подчинены главному начальнику Оренбургскаго края.

Съ назначеніемъ губернаторомъ генералъ-маіора Бахметева (1799—1803) всѣ присутственныя мѣста были переведены изъ Оренбурга въ Уфу и наконецъ учреждена Оренбургская епархія.

Послѣ него назначенъ былъ кн. Волконскій. Долгое управле- (14 лѣтъ) генерала отъ инфантеріи князя Волконскаго, извѣстнаго своими чудачествами *), могло бы уже по одной продол-

*) Разсказываютъ, что князь постоянно ходилъ въ халатѣ и въ орденахъ, появляясь въ такомъ костюмѣ даже на улицахъ, чемъ привлекалъ

жительности принести краю немалую пользу, если бы не отсутствіе всякой энергіи и послѣдовательности въ губернаторѣ, когда-то контуженномъ въ голову. Рядомъ съ основательными мѣрами его управленія блистаютъ и совершенно неудачныя, если не вовсе странныя. Онъ установилъ, напримѣръ, подать за пропускъ киргизскаго скота на зимовку въ наши предѣлы,—съ лошади по 1 коп., съ коровы и быка по 1 деньгѣ, а съ барана по одной полушкѣ въ мѣсяцъ. Положилъ также начало паспортной системѣ введеніемъ билетовъ для киргизовъ, желавшихъ наниматься въ работники, за что и взималась билетная подать.

При немъ же устроена новоилецкая линія въ киргизской степи и, что еще важнѣе, внѣшняя, оренбургская линія, отъ Оренбурга до предѣловъ Западной Сибири. Такимъ образомъ Волконскому принадлежитъ честь соединенія линій и закрытія нашей среднеазіатской границы. Въ связи съ образованіемъ новоилецкой линіи шли и реформы войска: казакамъ указано служить не по найму, а по очереди, и войску дано обмундированіе. Это вызвало сильнѣйшее неудовольствіе между казаками и заставило князя Волконскаго лично отправиться съ отрядомъ въ Уральскъ для вразумленія не повинующихся.

Въ 1804 г. было подтверждено, что за гребежи будетъ отнынѣ взыскиваться, а комендантамъ предписано преслѣдовать только тѣхъ, кто врывается къ намъ за линію, а если успѣли уйти назадъ въ степь или за Уралъ, того не преслѣдовать и оставлять въ покоѣ. Чтобы опредѣлить, въ какую сторону прошла партія, придуманы были с и м ы, — прутья, натыканные вдоль границы; если они оказались наклоненными внутрь границы,—тотчасъ начиналась погоня. Орскъ попалъ въ вѣчную осаду и долженъ былъ выгонять скотъ на правый берегъ, ибо на лѣвомъ, киргизскомъ, берегу, его подкарауливали киргизы, преслѣдовать которыхъ запрещалось заграницей. Такимъ образомъ угрозы наши оказались недѣйствительными, ибо, ограничивались только словами.

Къ концу XVIII столѣтія Россія оградилась отъ степныхъ дикарей слѣдующими л и н і я м и: 1) яицкою или уральскою въ 700 в., изъ

толпы мальчиковъ. Гуляя по городу, онъ часто останавливался среди улицы и совершалъ всѣ естественныя отправленія.

Получивъ изъ Петербурга бумаги, Волконскій прежде всего распечатывалъ царскіе указы, благовѣйно крестился, цѣловалъ подпись, но, не читая, клалъ указы за образъ до прихода правителя канцеляріи, которому они и передавались со словами: „дать надлежащій ходъ“. Бумаги князь подписывалъ, также не читая и только предварительно спросивъ: „Ты, Ермолаевичъ, читалъ, что здѣсь написано?“—Читалъ, ваше сіятельство.—„Побожись!“—и только послѣ торжественной клятвы правителя канцеляріи князь подписывалъ все, что тотъ ему ни подавалъ.

Чудачества князя приписывались контузіи въ голову, отъ которой онъ часто страдалъ.

4 городовъ (Гурьева, Яицкаго, Илецкаго, Сакмарскаго городковъ), 2-хъ крѣпостей—Кулагина и Калмыкова и 18 форпостовъ.

2) Оренбургскою въ 1100 верстъ, по среднему и верхнему Яику, Ую и Тоболу изъ 23 крѣпостей и 27 редутовъ. Крѣпостями были: Разсыпная, Нижнеозерная, Татищева, Чернорѣченская, Оренбургъ, Красногорская, Верхнеозерная, Ильинская, Губерлинская, Орская, Таналыцкая, Уртазымская, Кызыльская, Магнитная, Верхнеяицкая, Карагайская, Петропавловская, Степная, Троицкая, Каракульская, Крутоярская, Усть-уйская и Звѣриноголовная.

3) Ишимская или Горькая въ 600 в., изъ 9 крѣпостей: Прѣсногорьковская, Кабанья, Прѣсновская, Становая, Петропавловская на р. Ишимѣ, Полуденная, Лебяжья, Николаевская и Покровская. Сверхъ того между ними разсыпаны были еще 17 редутовъ. Линія заселена сибирскими казаками.

4) Иртышская въ 1100 верстъ, также заселенная сибирскими казаками, имѣла 8 крѣпостей и 34 редута. Крѣпости были: Омская, Желѣзинская, Ямышевская, Долонская, Семипалатинская, Убинская, Устькаменогорская и Бухтарминская.

Всего на линіяхъ было 46 городковъ—крѣпостей и 96 редутовъ.

По ишимской линіи также, какъ на оренбургской, для наблюденія за прорывами воровскихъ шаекъ, вдоль дороги, со стороны степи устроена была въ 1771 г. ограда изъ столбовъ въ 4 фута высоты, соединенныхъ двумя жердями... Въ 1835 г. отъ Орска вытянута новая линія до Березовской станицы на р. Уѣ, съ 5 укрѣпленіями: Императорскимъ, Наслѣдника, Константиновскимъ, Николаевскимъ и Михайловскимъ. Съ 1836 г., вдоль этой линіи повели непрерывный валъ со рвомъ для обезпеченія отъ набѣговъ и степныхъ пожаровъ. Но за хивинскимъ походомъ работа была не кончена и брошена.

Линіи эти тянулись либо вдоль рѣкъ по меридіанамъ съ юга на сѣверъ, либо по озерамъ и висѣли, какъ люстры съ потолка, а между собой, т. е. по широтѣ, связаны не были. Получались какъ бы корридоры, по которымъ свободно и вторгались дикари... Соединеніе линій, постройка укрѣпленій въ центрѣ зимнихъ кочевокъ,—до этого тогда еще не додумались и прибѣгали къ симамъ, заборамъ и траяновымъ валамъ!

Въ 1805 году ханъ Айчувакъ отказался, по дряхлости, отъ ханскаго званія, и ему назначена была пенсія въ 1000 рублей, а ханомъ сдѣланъ Джантюря.

Въ 1806 г., во время голода въ степи, князь Волконскій разрѣшилъ въ Илецкой защитѣ продавать бѣднымъ казенный хлѣбъ, но каждому менѣе куля заразъ. Далъ, кромѣ того, 100 р. на покупку сѣмянъ, но съ контролемъ чиновниковъ, которые могли

такимъ образомъ вмѣшиваться въ частное хозяйство; земледѣліе, конечно, не привилось.

Въ 1809 г. Джантюря былъ убитъ султаномъ Каратаемъ. Ханскому совѣту приказано вступить въ управленіе, но члены совѣта боялись показаться въ степь, и Каратай дѣлалъ, что хотѣлъ. Наконецъ, Волконскій рѣшилъ опять назначить хана, но не придумалъ ничего лучше, какъ выбрать изъ того же жалкаго рода Абулъ-Хаирова, Султана-Ширгазы, не смотря на протесты народа, предпочитавшаго Каратая. По случаю назначенія двухъ новыхъ хановъ (Ширгазы—въ Малой и Букея—во Внутренней ордахъ), устроенъ былъ въ 1812 году праздникъ, стоившій 20,000 руб. Получивъ извѣстіе объ утвержденіи „избраннаго“ султана Ширгазы Айчувакова въ званіи хана, Волконскій назначилъ 23 августа днемъ торжества принесенія присяги.

Вотъ какъ происходила эта церемонія. 22 числа, въ 7 час. утра съ крѣпости даны были 3 пушечныхъ выстрѣла, въ 8 час. за ханомъ посланы были 1 штабъ-офицеръ и 2 оберъ-офицера съ каретой для хана и двумя колясками для его свиты. Когда киргизы усѣлись въ экипажи, то впереди кареты двинулись 2 офицера съ 4 урядниками, а сзади ея 50 казаковъ. По знакамъ „махальныхъ“ тотчасъ тронулся изъ крѣпости и губернаторъ, чтобы никому никого не ждать. Оба поѣзда съѣхались къ мѣсту въ одно время. Войска отдали честь, музыка заиграла *).

Взойдя вмѣстѣ съ ханомъ на возвышеніе, Волконскій объявилъ народу Высочайшую волю, на утвержденіе Ширгазы и велѣлъ читать Императорскую грамоту на русскомъ и татарскомъ языкахъ... Ханъ сѣлъ на коверъ, повторилъ за ахуномъ слова присяги, поцѣловалъ коранъ, поднялъ его на голову, затѣмъ всталъ и приложилъ печать свою къ присяжному листу.

Тотчасъ грянулъ 21 выстрѣлъ изъ орудій, находившихся въ строю, и 11 съ крѣпости. Пѣхота и казаки пустили бѣглый огонь изъ ружей. Во время этой салютаціи совершенъ обрядъ „вѣнчанія на ханство“: соболью шапку надѣлъ на голову хана генералъ-маіоръ. Соболью шубу, крытую золотой парчей, подалъ полковникъ, саблю золотую надѣлъ подполковникъ, а самъ губернаторъ вручилъ грамоту. Ханъ поцѣловалъ ее и поднялъ на голову.

Въ 4 часа начался обѣдъ съ музыкой и пушечной пальбой при здравицахъ въ честь Императорской фамиліи и хана. Вечеромъ данъ балъ, а на другой и третій дни въ степи угощали, прикочевавшихъ съ ханомъ киргизовъ. Нельзя однакоже не согласиться съ Каратаемъ, который при этомъ случаѣ замѣтилъ:

*) Въ строю находились: 1 полкъ пѣхоты (гарнизонный), 1 полкъ тептярей, 3 сотни башкиръ, 2 сотни оренбургскихъ казаковъ и 1 рота артиллеріи. Упоминается это съ цѣлію показать, что инородцы несли воинскую повинность задолго до всесословной.

„Князь только даромъ тратитъ деньги Государя; онъ дѣлаетъ хановъ, изъ которыхъ одинъ будетъ жить всегда въ Россіи, а другой никуда не годится“. Это было и мнѣніемъ цѣлой степи.

Новый губернаторъ, графъ Петръ Кирилловичъ Эссенъ (съ 1817 — 1830 гг.) *), круто повернулъ политику и сталъ сближаться съ людьми вліятельными (Каратаемъ и др.), а Ширгазы презиралъ и, наконецъ, просилъ даже замѣнить его другимъ (Арунгази), но киргизами вѣдало, съ 1818 г., министерство иностранныхъ дѣлъ, и тогдашній канцлеръ Несельроде не согласился на это.

При Эссенѣ учреждена въ Оренбургѣ школа для обученія казачьихъ дѣтей, въ Уфѣ гимназія, а въ Оренбургѣ неплюевское военное училище. Эссену принадлежитъ также первый проектъ образованія изъ башкировъ 15 постоянныхъ казачьихъ полковъ, учрежденія войскового правленія, мировыхъ словесныхъ судовъ, съ выборами отъ народа мировыхъ судей. Императоръ Александръ Павловичъ однакоже не согласился съ проектомъ и собственноручно написалъ на докладѣ Эссена: „не лучше ли башкировъ обратить въ казенныхъ поселянъ?“ Преемникъ же Эссена, Сухтеленъ, пошелъ еще дальше и заявилъ оффиціально, что онъ „находитъ башкировъ въ военномъ смыслѣ безполезными“.

Въ 1820 г. снаряжена была Императорская миссія въ Бухару изъ статскаго совѣтника Негри и барона Мейендорфа, съ конвоемъ въ 530 человѣкъ, при 2 орудіяхъ. Конвоемъ командовалъ гвардіи капитанъ Ціолковскій. Миссія обошлась въ 219,495 р. асс. Арунгази провожалъ ее по своей степи и оказалъ нѣкоторыя услуги, но былъ оклеветанъ въ сношеніяхъ съ Хивою, поѣхалъ для оправданія въ Петербургъ, былъ тамъ задержанъ и сосланъ въ Калугу, гдѣ и умеръ въ 1833 г. Это былъ единственный патріотъ и вполнѣ честный человѣкъ, но и онъ погибъ безъ пользы.

Въ степи тотчасъ начались волненія (съ 1822 г.) и набѣги. Это было мщеніе киргизовъ за плѣнъ народнаго любимца.

Въ 1824 г. министерство иностранныхъ дѣлъ согласилось, наконецъ, удалить Ширгази, который былъ вызванъ въ Оренбургъ первоприсутствующимъ въ пограничную коммиссію, а степь была раздѣлена на три территоріи безъ соображенія съ родовыми началами. Каждую часть отдали въ управленіе особому султану-правителю, съ жалованьемъ въ 1,200 р. въ годъ и 60 четв. муки. При султанѣ назначенъ состоять конвой изъ 200 казаковъ. Диванъ, однакоже, учреждено не было, и потому султаны правили безконтрольно.

---

*) Род. въ 1772 г. и вскорѣ записанъ вахмистромъ въ л.-кирасирскій полкъ. На 18 году произведенъ въ офицеры, а черезъ 8 лѣтъ, въ 1798 г., т. е. на 26 году отъ роду, произведенъ въ генералы!

Такъ какъ безпорядки не прекращались и киргизы продолжали грабить караваны, то у насъ въ 1824 г. устроили вооруженный караванъ съ военнымъ конвоемъ изъ 625 человѣкъ *) при 2 орудіяхъ. За Яны-Дарьею у Бишъ-Тюба, караванъ былъ атакованъ хивинцами, туркменами и киргизами. 13 дней отбивались наши, устроивъ завалы, но, наконецъ, бросили товары и ушли. Такъ какъ въ разграбленіи каравана участвовали главнымъ образомъ хивинцы, то для устрашенія ихъ и вмѣстѣ для осмотра мѣстности предпринята была, въ 1825 году, рекогносцировка Усть-Урта, возложенная на полковника генеральнаго штаба Берга (впослѣдствіи графъ, фельдмаршалъ и намѣстникъ Царства Польскаго). Хивинцы перетрусили *) и выслали въ Сарайчиковскую крѣпость посла со слономъ, въ подарокъ государю. Посолъ однако же принятъ не былъ, и Хивѣ предложены были условія: 1) заплатить всѣ убытки, 2) возвратить всѣхъ плѣнныхъ и 3) впредь не покупать у кочевниковъ русскихъ людей.

Ханъ не согласился на эти условія, страхъ хивинцевъ миновалъ и дѣла пошли еще хуже. На Каспіѣ ежегодно увозилось киргизами и туркменами до 200 ч., и какъ ни ласки, ни угрозы не дѣйствовали на этихъ нашихъ подданныхъ, то правительство вынуждено было выкупать у нихъ нашихъ плѣнныхъ!

По истинѣ странное подданство хивинцевъ...

Болѣе подробно о вооруженномъ каравапѣ и походѣ Берга будетъ сказано въ главѣ IV.

Ширгази, тяготясь своимъ незавиднымъ положеніемъ, въ 1825 г. ушелъ въ Хиву, но потомъ, видя неуспѣхъ ханскихъ велѣній, которыми онъ назначался правителемъ всѣхъ придарьинскихъ киргизовъ, не хотѣвшихъ о томъ и слышать, возвратился въ степь и кочевалъ подъ Оренбургомъ, съ нѣсколькими кибитками. По смерти его, въ 1835 г., семейству назначена была жалкая пенсія во 100 р. въ годъ. Такъ нищенски закончилось поприще послѣдняго хана Малой орды.

Средняя орда (до 406,000 душъ). Шемяка, присутствовавшій на собраніи 1737 года, присягнулъ вмѣстѣ съ другими, но въ душѣ, какъ видно, вовсе не желалъ подчиниться Россіи. Тотчасъ за присягою киргизы Средней орды два раза вторгались въ русскіе предѣлы,—во второй разъ даже подъ предводительствомъ самого Шемяки. Въ посланной отъ Абулъ-Хаира въ Петербургъ депутаціи не было ни одного представителя Средней орды. Несмотря на это, начальнику „извѣстной экспедиціи“ Кирилову была вручена въ 1734 году Высочайшая грамота и на имя хана

*) Пѣхоты было (сосланная рота лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка)—271 чел., казаковъ—270, артиллеристовъ—56, нестроевыхъ—28.

*) Выбѣжавшіе изъ Хивы наши плѣнные увѣряли, будто тамъ отлиты были уже золотые ключи для сдачи русскимъ.

Шемяки, которому императрица прощала первую измѣну и повелѣвала учинить вторичную присягу.

Грамота эта, по случаю смерти Шемяки, осталась не отправленною. Уже при Неплюевѣ въ 1742 г. султанъ Баракъ, надѣясь на щедрость нашего правительства, присягнулъ Елисаветѣ и отправилъ въ Петербургъ посольство. Послы, дѣйствительно, были щедро одарены, самому же Бараку была послана только грамота и золотая сабля. Баракъ обидѣлся ничтожностью подарка сравнительно съ высылавшимися обыкновенно ханамъ Малой орды: по азіатскимъ понятіямъ ему было выказано этимъ пренебреженіе. На приглашеніе пріѣхать въ Оренбургъ, для полученія сабли и грамоты, Баракъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ и присланнаго къ нему съ этимъ приглашеніемъ чиновника не принялъ, приказавъ обойтись съ нимъ погрубѣе. Въ 1748 году, какъ сказано, Баракъ убилъ Абулъ-Хаира, но черезъ годъ самъ былъ отравленъ въ гостяхъ у одного ходжи.

Кромѣ Барака еще два султана—Абдулъ-Магметъ (внукъ хана Тявки) и Аблай—пріѣзжали въ 1740 году въ Оренбургъ для принесенія присяги и были, конечно, немало удивлены легкостію обязанностей, налагавшихся на нихъ вмѣстѣ съ подданствомъ. Дѣло въ томъ, что тогдашній начальникъ „оренбургской комиссіи“ *), генералъ-лейтенантъ князь Урусовъ, оказался несвѣдущимъ даже въ географіи сосѣдней страны, а ужъ о раздѣленіи киргизовъ на орды нечего и спрашивать! Еще при Татищевѣ былъ снаряженъ караванъ для открытія торговли съ Ташкентомъ. Въ этомъ первомъ русскомъ караванѣ часть товаровъ принадлежала казнѣ (купцы боялись многимъ рисковать), и потому начальникомъ каравана назначенъ былъ поручикъ Миллеръ, при которомъ состоялъ и геодезистъ для съемки. Караванъ былъ разграбленъ подъ самымъ почти Ташкентомъ на пути изъ Чемкента. Когда въ 1739 году назначенъ былъ, вмѣсто Татищева, Урусовъ, то къ нему пріѣхали, съ поздравленіями, сыновья Абулъ-Хаира: Нурали и Эрали. Они передали князю просьбу отца о возведеніи города при устьѣ Сыра. Князь разразился упреками за разграбленіе каравана и получилъ въ отвѣтъ, что подъ Ташкентомъ сидитъ не Малая, а Большая орда, за которую Абулъ-Хаиръ не отвѣтственъ. Когда вслѣдъ затѣмъ прибыли султаны Аблай и Абдулъ-Магметъ, то послѣ церемоніи присяги на золотомъ коврѣ, князь потребовалъ отъ присягнувшихъ султановъ обязательства: 1) охранять проходившіе чрезъ ихъ землю въ Россію и обратно караваны, 2) возвратить товары, разграбленные подъ Ташкентомъ Большою ордою, и 3) прекратить ссоры съ волжскими калмыками.

*) Названія края безпрестанно мѣнялись: то назовутъ „извѣстною экспедиціею“, то оренбургскою экспедиціею, то оренбургскою коммисіею.

Не вѣдалъ бѣдный князь, что, во-первыхъ, чрезъ Сибирскую степь, гдѣ сидѣла Средняя орда, не проходило тогда еще ни одного каравана, во-вторыхъ, Абдулъ-Магметъ и Аблай, какъ представители Средней орды, не могли, конечно, ни отвѣчать за дѣйствія Большой, ни обязываться за нее возвратить награбленное, а въ-третьихъ, съ волжскими калмыками ссорилась опять-таки не Средняя орда, а Малая!

Султаны, конечно, тотчасъ все обѣщали, посмѣиваясь въ душѣ такой наивности русскаго начальства, но зато они ничего и не выиграли отъ своего подданства: въ 1741 году, дзунгарскій контайши,ославъ въ Малую орду 15,000 войска для наказанія киргизовъ за разграбленіе его ауловъ, пощипалъ при этомъ и ни въ чемъ неповинную Среднюю орду.

Дзунгарскій полководецъ былъ немало удивленъ, когда оренбургскій комендантъ объявилъ ему о подданствѣ Аблая и Абдулъ-Магмета и о томъ, что впредь всякія неудовольствія на Малую и Среднюю орду должны быть заявляемы русскому правительству, а не рѣшаться самими дзунгарами своимъ судомъ и расправой. Такое требованіе только подзадорило дзунгаровъ доказать несостоятельность русской власти въ Средней ордѣ, и потому на возвратномъ пути они захватили и увели съ собою Аблая. Послы Галданъ-Цырена требовали аманатовъ и отъ Абулъ-Хаира, но тотъ предложилъ имъ ѣхать вмѣстѣ въ Оренбургъ, гдѣ они были ласково приняты Неплюевымъ, но отказались договариваться на томъ основаніи, что присланы не къ русскому генералу, а къ хану Абулъ-Хаиру! Наше правительство вынуждено было войти съ Галданъ-Цыреномъ въ непосредственныя сношенія. Къ нему отправленъ былъ, вмѣстѣ съ возвращавшимися дзунгарскими послами, маіоръ Миллеръ, который долженъ былъ похлопотать объ освобожденіи Аблая. Просьба эта была исполнена только въ 1743 году. Нападенія дзунгаръ въ 1744 году на нашихъ данниковъ,—сибирскихъ татаръ, вынудили насъ значительно усилить войска въ Сибири. Всѣ дѣла по управленію сибирскою границею поручены особому начальнику, генералъ-маіору Киндерману. Только со смертію энергическаго Галдана въ 1746 г., когда начались у дзунгаръ междоусобія, сибирская граница наша могла отдохнуть. Однакоже, для обезпеченія Тобольской губерніи отъ вторженій калмыковъ, рѣшено было соединить оренбургскую линію, рядомъ форпостовъ, съ оконченными иртышскими крѣпостями. Соединеніе линій велось вдоль цѣпи горькихъ и соленыхъ (камышловскихъ) озеръ, лежащихъ между Омской крѣпостію и р. Ишимомъ, и потому линія впослѣдствіи названа Горькою. Въ 1752 году началась постройка крѣпостей: Покровской, Николаевской, Лебяжьей, Полуденной, Петропавловской, Становой, Прѣсновской, Кабаньей, Прѣсногорьковской и Звенигородской. Крѣпости

эти впослѣдствіи обратились въ казачьи поселенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ торговые пункты. Мѣновая торговля открыта была, впрочемъ, еще въ 1750 году, въ гор. Троицкѣ, къ которому и прикочевало на постоянныя стойбища значительное число кибитокъ Средней орды, спасавшихся подъ защиту нашихъ поселеній отъ натиска джунгаръ. Къ счастію, у джунгаръ начались междоусобія, вслѣдствіе отказа нѣкоторыхъ родовъ повиноваться избранному главѣ Дербенъ-ойратскаго союза. Амурсана и Даваціи, боровшіеся за титулъ хонъ-тай-дзи (по нашему контайши), не могли уже тѣснить киргизовъ по прежнему и даже обращались къ нимъ за помощью. Аблай поддерживалъ преимущественно Амурсану, но дѣла этого тайши пошли такъ плохо, что онъ вынужденъ былъ обратиться за помощью къ китайцамъ и для этого призналъ надъ собою власть богдыхана. Аблай же обратился къ сибирскому пограничному начальству съ просьбою дать пристанище внутри линіи женамъ и дѣтямъ киргизовъ нѣкоторой части Средней орды. Въ этомъ, однакоже, Аблаю было отказано на основаніи указа военной коллегіи отъ 31 января 1755 года. Было ясно, что изъ опасенія ничтожныхъ въ сущности враговъ, каковы были джунгары, мы отдавали имъ на жертву своихъ подданныхъ. Кредитъ нашъ палъ... Хотя, по ходатайству Неплюева, указъ этотъ и былъ отмѣненъ въ слѣдующемъ же году, постановленіемъ сената отъ 24 октября 1756 г., хотя киргизамъ и было позволено кочевать близъ уйской линіи, а въ крайнихъ случаяхъ и внутри линіи, но уже дѣла поправить было нельзя: отказъ 1755 г. совершенно оттолкнулъ Аблая отъ Россіи... Съ этихъ поръ и до конца своей жизни онъ поступалъ съ нами весьма коварно. Осуждать безусловно указъ 1755 г. нельзя, ибо правительство преслѣдовало въ сущности совершенно основательную идею: поставить преграду всякимъ вторженіямъ за извѣстную черту, всякимъ переселеніямъ народовъ, будь то завоеватели или угнетенные, тѣснимые другими. Мы уже извѣдали на оренбургскомъ опытѣ, что угнетенные весьма скоро оправляются и дѣлаются нашими угнетателями. Наконецъ, не вмѣшиваясь въ распри нашихъ заграничныхъ подданныхъ съ ихъ сосѣдями и предоставляя имъ вѣдаться собственными средствами, мы именно достигали самой главной цѣли: обезпечить свои пограничныя поселенія чужими боками.

Джунгары были совершенно покорены китайцами въ 1757 г., съ помощію Амурсана, который, впрочемъ, скоро отложился отъ Китая и бѣжалъ въ степь къ Аблаю, но бѣжалъ одинъ. Впослѣдствіи онъ выбѣжалъ въ Россію, гдѣ и жилъ до самой смерти. Самъ Аблай попалъ въ плѣнъ къ калмыкамъ и отправленъ въ Пекинъ, куда для его выкупа отправился Абдулъ-Феизъ (сынъ Абдулъ-Магмета). Вмѣсто выкупа, оба султана приняли присягу на вѣрноподданство богдыхану, обязавшись не дѣлать болѣе на-

паденій на подвластныхъ ему калмыковъ. Вернувшись въ степь, подъ прикрытіемъ китайскаго войска, они, въ присутствіи прибывшихъ съ ними чиновниковъ, склонили къ присягѣ и остальныхъ старшинъ Средней орды. Китайцы утвердили за киргизами всѣ тѣ земли, какими они владѣютъ и понынѣ въ Семипалатинской области. Для мѣновой торговли имъ указанъ Чугучакъ, а султанамъ разрѣшено посылать въ Пекинъ посольства за подарками черезъ каждыя 7 лѣтъ (у насъ сроки были выгоднѣе: черезъ каждые 3 года).

Такимъ образомъ Средняя орда, во второй половинѣ XVIII вѣка, стала въ тѣ же отношенія къ Китаю, какъ и къ Россіи, а пожалуй, даже и въ лучшія.

До сихъ поръ однакоже Средняя орда не причиняла намъ никакихъ безпокойствъ и, конечно, благодаря нашему полному невмѣшательству въ ея внутреннія дѣла. Что касается до другихъ сосѣдей, то Аблай не отказывался побарантовать то у бурутовъ, то у каракиргизовъ. Поддерживая дружескія сношенія и съ Китаемъ, и съ Россіей, Аблай присягалъ обѣимъ державамъ и отъ обѣихъ получалъ щедрые подарки. Присягнувъ, напримѣръ, Екатеринѣ въ 1762 г., онъ въ томъ же году отправилъ посольство и въ Пекинъ за подарками. Намъ это нисколько не вредило, а киргизамъ принесло огромную пользу, помогая имъ управиться съ единственными врагами своими джунгарами.

Бѣгство волжскихъ калмыковъ въ 1771 г. и воззваніе нашего правительства ко всѣмъ киргизамъ объ оказаніи бѣглецамъ всякихъ препятствій въ пути, послужило въ глазахъ Аблая признакомъ нашего безсилія, а пугачевскій бунтъ, глубоко потрясшій восточную Россію, окончательно подорвалъ нашъ кредитъ.

Съ этого времени Аблай пересталъ заботиться даже о сохраненіи наружной покорности своей Россіи и самовольно принялъ титулъ хана. На запросъ нашего правительства относительно титула, Аблай отвѣчалъ, что ханское званіе пріобрѣлъ онъ побѣдами надъ тургутами, а также избраніемъ, по смерти Абдулъ-Магмета, ото всѣхъ ордъ казачьихъ и даже отъ туркестанцевъ и ташкентцевъ. На дѣлѣ, какъ извѣстно, этого избранія никогда не было. Аблай дѣйствительно игралъ въ Средней ордѣ важную роль, какъ лучшій ходатай передъ сильными сосѣдями по нуждамъ орды, какъ дипломатъ, умѣвшій поладить съ этими сосѣдями въ такой степени искусно, что считался подданнымъ двухъ державъ, ничѣмъ себя притомъ не обязывая и только пользуясь очередными періодическими подарками. Двоеданство кочевниковъ есть, въ сущности, вполнѣ естественный исходъ изъ ихъ географическаго положенія между двумя сильными сосѣдями, когда лѣтовки ихъ находятся въ предѣлахъ одного, а зимовки—въ предѣлахъ другого сосѣда. Поэтому и полной, безраздѣльной покор-

ности киргизовъ мы могли добиться только тогда, когда овладѣвали не только лѣтовками, но и зимовками ихъ.

Аблай, впрочемъ, сознавалъ неправильность присвоеннаго имъ титула, и потому только въ сношеніяхъ съ нашимъ правительствомъ онъ называлъ себя ханомъ, а въ ордѣ считался по прежнему только султаномъ.

Примѣръ Аблая соблазнилъ и многихъ другихъ султановъ, желавшихъ также разыграть роль новыхъ подданныхъ и получить подарки. Въ 1775 г. (въ іюнѣ и октябрѣ) независимые отъ Аблая султаны Средней орды прислали къ начальнику сибирской линіи пословъ съ предложеніемъ подданства, а сынъ и племянникъ Аблая просили въ то же время о назначеніи имъ жалованья по примѣру Аблая. Императрица Екатерина, рескриптомъ отъ 25 мая 1776 г., отказала во всѣхъ этихъ просьбахъ на томъ основаніи, что вся орда уже принята въ подданство Россіи еще при императрицѣ Аннѣ, а назначеніе жалованья пріучаетъ киргизовъ считать снисхожденіе необходимостью.

Вынужденное признать совершившійся фактъ, правительство наше желало однакоже внушить киргизамъ мнѣніе, что званіе хана не можетъ быть самовольно принято безъ вѣдома и согласія Россіи, и потому послало въ орду (1778 г.) чиновника, который долженъ былъ уговорить Аблая подать императрицѣ письменное прошеніе объ утвержденіи его въ ханскомъ достоинствѣ. Аблай, въ ожиданіи подарковъ, поддался на доводы чиновника и послалъ съ прошеніемъ своего сына, который былъ принятъ въ Петербургѣ весьма ласково и получилъ богатые подарки. Аблай не согласился однакоже ѣхать ни въ Оренбургъ, ни въ Троицкъ, ни на сибирскую линію, куда его приглашали для принесенія присяги и полученія подарковъ и грамоты, не соглашался даже присягнуть и въ своихъ кочевьяхъ, въ присутствіи русскаго чиновника, опасаясь, вѣроятно, потерять довѣріе китайцевъ, а можетъ быть и своихъ, такъ какъ много султановъ считали себя ничуть не ниже Аблая и, конечно, не захотѣли бы ему подчиниться.

Потерпѣвъ неудачу въ затѣянной игрѣ и чувствуя себя оскорбленнымъ, правительство наше прекратило выдачу Аблаю жалованія и рѣшилось возстановить противъ него другихъ султановъ Средней орды и поднять кого-нибудь изъ султановъ ему враждебныхъ. Думали даже захватить какъ-нибудь Аблая и выслать въ Россію. Словомъ, изъ-за одного раздраженнаго самолюбія хотѣли наказать всю мирную Среднюю орду, породивъ у нея разорительную усобицу, дотолѣ ей неизвѣстную. Аблай совершенно кстати затѣялъ дальній походъ противъ бурутовъ и удалился отъ нашей границы. Множество плѣнныхъ бурутовъ выселено было Аблаемъ въ сѣверную часть сибирской степи, гдѣ они и

слыли нѣкоторое время подъ названіемъ „джаны (новыхъ) киргизовъ“.

Въ 1781 году Аблай умеръ и похороненъ въ г. Туркестанѣ.

Вали, побочный сынъ Аблая, имѣя свои кочевья по близости русскихъ крѣпостей, именно въ нынѣшнемъ Кокчетавскомъ округѣ, и сообразивъ, какія выгоды онъ можетъ извлечь изъ русскаго правительства, началъ интриговать между своими, успѣлъ склонить на свою сторону нѣкоторыхъ киргизовъ и затѣмъ обратился къ нашему правительству съ просьбою объ утвержденіи за нимъ ханскаго достоинства. Просьба эта была съ радостію принята, и въ 1782 году Вали присягнулъ въ Петропавловской крѣпости, въ присутствіи генералъ-поручика Якоби, получивъ такимъ образомъ власть надъ преданными Россіи прилинейными киргизами и, слѣдовательно, право обирать ихъ. Самъ Вали однакоже не отличался особенною преданностію Россіи и, напримѣръ, отказалъ въ выдачѣ туркменъ, захваченныхъ еще въ 1771 г. Аблаемъ при нападеніи на волжскихъ калмыковъ. Это вызвало насъ на рѣшительныя мѣры: въ степь послана была экспедиція. Отрядъ сибирскихъ казаковъ освободилъ плѣнныхъ туркменъ и, конечно, пощипалъ при этомъ подвластныхъ Вали киргизовъ. Новосозданный ханъ жаловался на это императрицѣ и, не получивъ удовлетворенія, послалъ въ зиму на 1795 годъ сына своего къ богдыхану для принесенія покорности, а султановъ, преданныхъ Россіи, продолжалъ притѣснять. Въ январѣ 1795 г. два султана, 19 старшинъ и 122,360 человѣкъ киргизовъ Средней орды подали на имя императрицы прошеніе объ избавленіи ихъ отъ власти хана Вали и принятіи ихъ въ непосредственное завѣдываніе русскаго правительства. Замѣчательно, что это уже второй примѣръ заявленія киргизами желанія управляться безъ хановъ: за 10 лѣтъ передъ этимъ племена Малой орды просили о томъ же самомъ, но и теперь, какъ тогда, просьба народа была пренебрежена. Вали остался ханомъ, не смотря на то, что въ низости и грабительствѣ его мы не сомнѣвались.

Зато Вали обѣщался удовлетворить претензіи недовольныхъ, и, чтобы задобрить наше правительство, предложилъ учредить въ Петропавловскѣ пограничный судъ, который состоялъ бы изъ депутатовъ отъ киргизовъ и пограничныхъ казаковъ и разрѣшалъ бы спорныя между обѣими сторонами дѣла. Судъ этотъ, открытый въ 1806 г., имѣлъ, конечно, извѣстную участь, одинаковую съ оренбургскимъ: въ немъ никто не судился... Вали по прежнему притѣснялъ подвластныхъ ему киргизовъ и вызвалъ, за одно съ сибирскими казаками, безпощадными въ степныхъ поискахъ, переселеніе многихъ семействъ внутрь Россіи. Просьбы ихъ на этотъ разъ были услышаны, и указомъ отъ 30 сентября 1797 года, киргизамъ разрѣшено селиться внутри Имперіи. Больше

15,000 кибитокъ тотчасъ же перешло на правую сторону Иртыша.

Переселенцы управлялись, какъ сами знали, податей никакихъ не платили, повинностей не несли, но какъ сибирскіе казаки, были конечно, нѣсколько стѣснены въ своихъ пастбищахъ, то въ пользу казаковъ рѣшено было взимать съ переселенцевъ такъ называемый „ремонтный сборъ“, установленный въ 1801 году (именной указъ 7 августа). Переселенцы стали называться поэтому „станичными киргизами“.

Ремонтный сборъ былъ впрочемъ не великъ: по 1 головѣ съ каждыхъ 100 головъ, какого бы то ни было скота, то есть, 1% съ капитала. Сборъ этотъ впослѣдствіи обратился въ ясачную подать.

Между тѣмъ, число недовольныхъ ханомъ все возрастало, а какъ правительство не желало снимать съ Вали, разъ данное ему званіе, то нѣкоторые старшины киргизскіе, полагая, что они вѣрнѣе добьются цѣли, если будутъ просить не объ уничтоженіи ханскаго достоинства, а о простой замѣнѣ одного хана другимъ, просили наше правительство объ утвержденіи начальникомъ надъ ними Букея, сына Барака. Разсчетъ ихъ оказался вѣрнымъ. Императоръ Александръ изъявилъ согласіе на ихъ просьбу, и въ 1816 году Букей утвержденъ ханомъ, но умеръ въ 1819 году, а въ 1821 г. умеръ и Вали. По настояніямъ тогдашняго генералъ-губернатора Западной Сибири графа Сперанскаго, на ихъ мѣсто уже никто не былъ назначаемъ, и въ Сибирской степи рѣшено было ввести порядокъ управленія, сходный съ принятымъ въ Западной Сибири вообще. Такъ уничтожилась ханская власть, созданная нами самими, вопреки обычаю и желаніямъ самаго народа. Степь раздѣлена на округа и волости, съ сохраненіемъ родового начала. Волости управлялись наслѣдственными султанами. Установленъ былъ законъ первородства, но если султанъ не оставилъ ни сына, ни внука, то наслѣдовалъ братъ или ближайшій родственникъ, по выбору всею волостью. Старшіе султаны выбирались на 3 года и назначались начальниками округовъ; они вѣдали свои участки при помощи диванovъ или совѣтовъ.

На выборахъ каждый разъ должны были устраиваться, на казенный счетъ, празднества, при чемъ заслужившіе получали медали, халаты и другія награды. Привѣтствія старшему султану—качаніе на бѣломъ войлокѣ—были узаконены уставомъ.

Выходило такимъ образомъ, что одного большого хана мы размѣняли на нѣсколько мелкихъ.

До перенесенія административныхъ учрежденій внутрь кочевьевъ киргизскихъ, Средняя орда тянула болѣе къ Китаю, нежели къ Россіи. Примѣръ Аблая долженъ былъ, конечно, найти подражателей, если принять во вниманіе то благоговѣніе, которое питаютъ понынѣ киргизы Средней орды къ памяти этого сул-

тана, имя котораго служитъ *ураномъ*, т. е. боевымъ кликомъ, (какъ наше ура), у многихъ племенъ киргизскихъ.

Въ 1822 г., по проекту Сперанскаго, Сибирь раздѣлена на Западную и Восточную съ центрами въ Тобольскѣ и Иркутскѣ. Западная Сибирь составилась изъ губерній Тобольской и Томской и области Омской, къ которой причислена вся сибирская киргизская степь. Степь раздѣлена на округа, управляемые окружными приказами съ властью полицейскою и судебною, подъ предсѣдательствомъ старшаго султана изъ двухъ русскихъ засѣдателей по назначенію и двухъ киргизовъ по выбору. При каждомъ приказѣ назначена команда линейныхъ казаковъ.

Округа дѣлились на волости, волостные назывались султанами, а судьи при нихъ біями; волости дѣлились на аулы, управляемые старшинами.

Къ 1838 г. центромъ Западной Сибири сталъ Омскъ, и къ этому году дѣйствовали въ степи уже 7 приказовъ, при которыхъ уже завелись поселенія сибирскаго казачьяго войска.

Съ открытіемъ внутри степи окружныхъ приказовъ, намъ уже нечего было опасаться китайскаго вліянія, такъ какъ вмѣстѣ съ нашими учрежденіями явились въ степи и наши войска.

Однакоже, оставляя управленіе народомъ въ рукахъ султановъ, мы, конечно, сами лишали себя средства упрочить свое вліяніе въ степи. Рано или поздно, а вредное сословіе султановъ должно было сойти со сцены. Заведеніе внутри степи окружныхъ приказовъ и казачьихъ поселковъ вызвало неудовольствіе между султанами и послужило причиной бунта султана Касима и сына его Кениссары, мечтавшихъ воскресить времена Аблая, возстановить званіе хана и стать ханами. Бунтъ этотъ вынудилъ насъ построить укрѣпленія: Актавское, Улутавское и Джергаинъ-агачское, въ теченіе 1838—1840 годовъ. Войска на линіи были усилены, и такимъ образомъ бунтъ Касима и Кениссары содѣйствовалъ упроченію нашего господства въ сибирской степи, какъ способствовалъ тому же и въ оренбургской.

Большая орда (до 100,000 душъ). Большая орда, послѣ распаденія казацкаго союза, кочевала южнѣе Малой и Средней ордъ по р. Сыръ-Дарьѣ и въ окрестностяхъ озера Балхаша. Хановъ она не имѣла, управляясь нѣсколькими султанами. Въ то время, какъ одинъ изъ султановъ Малой орды Абулъ-Хаиръ принималъ подданство Россіи, вліятельнѣйшимъ султаномъ въ Большой ордѣ былъ Юлбарсъ, не принимавшій никакого участія ни въ искательствахъ, ни въ присягѣ Абулъ-Хаира, который для приданія себѣ значенія присягалъ и за Большую орду.

Узнавъ, хотя и поздно, о продѣлкѣ Абулъ-Хаира, оренбургское начальство не рѣшилось послать въ Большую орду, изготовленную для нея Высочайшую грамоту. Узнавъ, что орда эта нахо-

дится вдали отъ Россіи, наше правительство и не хлопотало больше о ея подчиненіи. Другая грамота (отъ 17 іюля 1739 года), относительно торговли зачуйскихъ киргизовъ съ Россіей, осталась также не отправленною, такъ какъ уже сдѣлалось извѣстнымъ о покореніи Большой орды джунгарами.

Большая орда владѣла Ташкентомъ, Туркестаномъ и окрестными поселеніями. Киргизы, однакоже, въ этихъ городахъ не жили. Владычество ихъ выражалось только тѣмъ, что изъ ихъ среды выбирались ханы ташкентскіе и начальники городовъ. Киргизскіе правители собирали подать съ осѣдлыхъ жителей, но не въ свою пользу, а въ пользу джунгарскаго хонтайдзи. Но какъ только у джунгаровъ начались междоусобія, султаны Большой Орды стали принимать въ нихъ такое же дѣятельное участіе, какъ и султаны Средней.

Съ паденіемъ джунгарскаго союза, Большая Орда раздвинула свои кочевья къ Востоку и частью вошла въ составъ Китайской имперіи, частью размѣстилась по бассейнамъ озера Балхаша и рѣки Чу, сохранивъ на нѣкоторое время свою независимость, подъ управленіемъ своихъ старшинъ и біевъ (судей). Во внѣшнихъ предпріятіяхъ этой орды слышатся впрочемъ тѣ или другія изъ вліятельныхъ султанскихъ фамилій: въ 1771 году, напримѣръ, при нападеніяхъ на спасавшихся изъ Россіи калмыковъ, слышится имя султана Эрали. Постоянныя баранты у кара-киргизовъ, ташкентцевъ, а послѣ смерти Аблая (1781 г.) и у ихъ соплеменниковъ Средней орды, конечно, перессорили Большую орду со всѣми сосѣдями, мстившими ей такъ аккуратно, что въ концѣ XVIII вѣка многія племена этой орды ищутъ спасенія во всѣ стороны: и въ предѣлахъ Россіи (области сибирскихъ киргизовъ и Семипалатинская) и въ Средней ордѣ, съ которой слилось нѣсколько отдѣленій юсуновскаго племени (акмолинскій и каркаралинскій раіоны).

Въ 1789 году въ предѣлы Россіи перешло до 4,000 кибитокъ Большой орды, подъ предводительствомъ султана Чурыгая, которому и назначено кочевать въ окрестностяхъ Усть-Каменогорской крѣпости.

Въ 1793 году перешелъ и Тугумъ съ сотнею кибитокъ.

Оставшіеся за р. Чу, продолжали баранты, пока (въ 1798 году) не были окончательно смирены и даже покорены однимъ изъ ташкентскихъ ходжей Юнусомъ, набравшимъ изъ ташкентцевъ сильную шайку. Видя, что съ киргизами добромъ ничего не подѣлаешь, что мягкость обращенія и уступчивость они принимаютъ за страхъ, за сознаніе въ слабости,—Юнусъ принялъ другую методу: всѣмъ плѣннымъ рубили головы и складывали ихъ въ пирамиды въ виду непріятельскаго войска!

Это зрѣлище привело киргизовъ въ ужасъ. Никому не хотѣ-

лось попасться въ плѣнъ, и потому они стали боязливы, дрались, что называется „съ оглядкой“: чуть кто увидитъ обходъ или малѣйшую опасность,—тотчасъ раздаются крики; удалыхъ когда-то киргизовъ охватываетъ паника, и они бѣгутъ безъ оглядки.

Такъ пала власть киргизовъ надъ Ташкентомъ въ 1798 г. Теперь они сами стали платить дань Ташкенту въ лицѣ ходжи Юнуса... Благодаря этому успѣху Юнусъ обложилъ киргизовъ податью (со 100 барановъ одного), далъ имъ кодексъ правилъ для разбирательства своихъ споровъ и несогласій и сдѣлался полновластнымъ ханомъ какъ этой части орды, такъ равно и Ташкента.

Независимость ташкентскихъ хановъ была, однако, непродолжительна. Въ 1814 году они подчинились Кокану, къ которому перешла и Большая орда за исключеніемъ только тѣхъ племенъ, которыя слились съ Среднею ордою, и еще тѣхъ, которыя кочевали въ Семирѣченскомъ краѣ, по бассейнамъ рѣкъ Или и Чу и по сѣверному склону Алатавскихъ горъ. Эти послѣдніе роды бросили свои пашни въ Чимкентскомъ районѣ и наскоро откочевали къ Китаю... Такъ мало склонны они были разставаться съ волей. Въ 1819 году султанъ Сюкъ, сынъ Аблая, объявилъ нашему правительству о желаніи, довѣрившихъ ему вести переговоры соплеменниковъ (въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ кибитокъ) вступить въ подданство Россіи. Правительство приняло просьбу киргизовъ и для обезпеченія новыхъ подданныхъ отъ посягательства Китая основало городъ Копалъ. Вся область по рѣкамъ Или и Чу, какъ западная часть Джунгаріи, считалась китайцами своею. Они предоставили ее только въ пользованіе киргизамъ Средней орды, платившимъ извѣстную дань, наѣзжавшимъ китайскимъ сборщикамъ. Поэтому приходилось сноситься съ Китаемъ для выясненія вопроса о томъ, кому собственно принадлежитъ тутъ земля. У насъ, наконецъ, рѣшили, что это киргизская степь и принадлежитъ киргизамъ, а не китайцамъ. Рѣшеніе это послѣдовало только въ 1847 году, когда задуманъ широкій планъ связать сибирскую и оренбургскую линіи на Сыръ-Дарьѣ: отъ Сибири потянулись къ югу новые казачьи поселки, основана была станица Сергіополь, потомъ Копалъ, а на устьѣ Сыръ-Дарьи возведено укр. Раимъ, перенесенное затѣмъ на ур. Казалу, гдѣ нынѣ Казалинскъ. Внутреннее управленіе ордою осталось прежнее: правительство въ это не вмѣшивалось и никакою податью новыхъ своихъ подданныхъ не облагало до 1868 года, т. е. до введенія положенія 1867 г. общаго для всего Туркестанскаго генералъ-губернаторства. Остальныя племена Большой орды (атбаны, дулаты и джалаиры), и дикокаменные киргизы, кочевавшіе по сѣверному склону Алатау и потому сохранившіе свою независимость, подчинились въ 1845 и 1847 годахъ также Россіи. Но такъ какъ въ

Заилійскомъ краѣ появились коканскіе сборщики, вслѣдствіе претензій коканскихъ хановъ на господство въ этомъ краю, и такъ какъ свою претензію коканцы подкрѣпили рядомъ мелкихъ крѣпостей, то для изгнанія отсюда коканцевъ былъ отправленъ изъ Копала, въ 1850 году, отрядъ изъ 50 чел. пѣхоты, 175 казаковъ и 2 орудій, подъ начальствомъ капитана ген.-шт. Гутковскаго. Отрядъ атаковалъ, на р. Кескеленѣ, крѣпостцу Таучубекъ, состоявшую изъ редута, по 40 сажень въ каждомъ боку, съ гарнизономъ въ 150 чел. Но бывшіе при отрядѣ, въ качествѣ союзниковъ, киргизы измѣнили и напали на отрядъ. Гутковскій вынужденъ былъ отступить и выдержалъ затѣмъ на р. Алматы бой со скопищемъ въ 6—7 тысячъ. На слѣдующій годъ экспедиція была повторена болѣе сильнымъ отрядомъ полк. Карбышева изъ баталіона пѣхоты, 5 сотенъ казаковъ, 6 конныхъ орудій и 1 ракетнаго станка. Коканцы покинули крѣпость, которая и была взорвана, а мѣсто заровнено. Наконецъ, въ 1854 году, у самаго подножія Большого Алатау, основано было на р. Алматы укрѣпленіе Вѣрное, сдѣлавшееся вскорѣ центромъ русскихъ поселеній.

Новый планъ правительства оказался превосходнымъ: не вмѣшиваясь, на первыхъ порахъ, во внутреннія дѣла управленія вступающими въ подданство кочевниками, тотчасъ же возводить среди ихъ кочевьевъ достаточно сильное укрѣпленіе, которое могло бы служить опорой и намъ самимъ, и кочевникамъ въ случаѣ нападеній извнѣ.

Напоминая постоянно о нашемъ владычествѣ и принося съ собой, на первый разъ, только свободу торговли, русское укрѣпленіе пріучало кочевниковъ постепенно къ подчиненію и въ то-же время знакомило ихъ съ нами. Подданство становилось фактомъ дѣйствительнымъ. Возведеніе Вѣрнаго повело, кромѣ того, къ осуществленію давно задуманнаго плана: соединенія сибирской и оренбургской линій цѣпью укрѣпленій. Вѣрное послужило главнымъ базисомъ военныхъ дѣйствій 1864 г., вслѣдъ за которымъ основанъ еще рядъ зачуйскихъ укрѣпленій, затѣмъ покорена та часть коканскаго ханства, гдѣ обитали подвластные Кокану киргизы Большой орды. Такимъ образомъ всѣ племена древняго казацкаго союза понемногу, одно за другимъ, подчинились Россіи. Осталась только та часть Большой орды, которая разселилась по южнымъ склонамъ Тянь-Шаня, въ предѣлахъ Западнаго Китая.

Занятіе Семирѣченскаго и Заилійскаго краевъ настолько увеличило территорію киргизской степи сибирскаго вѣдомства, что вслѣдъ за устройствомъ Вѣрнаго, степь была раздѣлена на двѣ области: сибирскихъ киргизовъ и Семипалатинскую. Въ 1859 году обѣ области изъяты были изъ военнаго управленія

и поступили въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, за исключеніемъ Заилійскаго края, переименованнаго въ 1862 г. въ Алатавскій округъ.

Со введеніемъ новаго административнаго дѣленія Россіи на военные округа въ 1865 году, рѣшено было произвести реформу и въ управленіи киргизами. Для изученія на мѣстѣ обычаевъ и быта этихъ кочевниковъ учреждена была такъ называемая „Степная коммиссія“ подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Гирса изъ трехъ весьма дѣльныхъ офицеровъ генер. штаба: ген.-маіора Гутковскаго и полковниковъ Проценко и Гейнса. Коммиссія эта объѣхала всѣ степи, изучила порядки ихъ управленія и выработала проектъ положенія объ управленіи ими. Въ 1868 г. проектъ этотъ былъ утвержденъ, и всѣ киргизы получили единообразное управленіе. Оренбургская степь раздѣлена также на двѣ области: Уральскую и Тургайскую. Къ первой было причислено и Мангышлакское приставство, которое однако въ 1870 г. отошло въ вѣдѣніе намѣстника Кавказа.

Въ основаніе новаго положенія легло широкое выборное начало, совершенно убивавшее султановъ, потомковъ разныхъ хановъ, словомъ, бѣлую кость, аристократію дикарей. Отъ каждыхъ 50 кибитокъ выбирался одинъ представитель въ собраніе подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго начальника, и они-то выбирали на 3 года волостныхъ управителей и біевъ, т. е. судей. Къ уѣздному начальнику назначался старшій помощникъ изъ русскихъ и младшій изъ туземцевъ. Раздѣленіе на волости и приблизительная перепись кибитокъ возложена была на организаціонныя коммиссіи изъ уѣздныхъ начальниковъ и нѣсколькихъ русскихъ чиновниковъ и офицеровъ въ каждомъ уѣздѣ.

Положеніе было переведено на туземныя нарѣчія и разъяснялось по пунктамъ пятидесятникамъ. Въ Туркестанскомъ краѣ введеніе положенія обошлось безъ всякихъ волненій, а въ Оренбургскомъ вызвало бунтъ въ 1869 и 1870 годахъ, о чемъ будетъ сказано въ связи съ изложеніемъ мѣропріятій противъ Хивы передъ походомъ 1873 года.

Такимъ образомъ исторія упроченія нашей власти надъ киргизами тянулась, можно сказать, 139 лѣтъ,—съ 1734 по 1873 г., т. е. до занятія Хивы, гдѣ явились съ повинною всѣ бѣглые предводители послѣднихъ бунтовъ ихъ, а наконецъ и сынъ Кениссары—Сыддыкъ. Исторія эта полна ошибокъ, опытовъ, противорѣчій во взглядахъ и мѣропріятіяхъ разныхъ русскихъ правителей Оренбурга и Сибири.

Болѣе ста лѣтъ мы пытались, и вполнѣ безплодно, удерживать киргизъ въ повиновеніи, при посредствѣ ихъ хановъ, насильно подчиняя этимъ ханамъ даже тѣ отдѣльные роды, которые предпочитали управляться выбранными ими самими батырями,

выдвинувшимися изъ рядовыхъ черной кости, благодаря только личнымъ достоинствамъ, а не по наслѣдству.

Чтобы вкоренить у киргизовъ понятія о важности ханскаго званія и наслѣдственности ея, мы нарочно преувеличивали значеніе хановъ, устраивали имъ нѣчто вродѣ коронаціи, кланялись этимъ глупымъ дикарямъ, осыпали ихъ подарками, снабжали ихъ гвардіей изъ казаковъ и строго наказывали ихъ подданныхъ за непочтеніе и неповиновеніе. Были люди, какъ Игельстремъ и Эссенъ, которые сознавали несостоятельность принятой нами системы, но покончить съ нею удалось только Сперанскому въ Сибирской киргизской степи въ 1822 г. Въ сосѣдней же Оренбургской степи ханы были замѣнены султанами-правителями, что, какъ и всѣ полумѣры, не принесло ровно никакой пользы, если не считать впрочемъ презрѣнія и ненависти, понемногу подточившихъ въ киргизахъ уваженіе къ бѣлой кости.

Преемники Эссена, какъ Сухтеленъ и Перовскій, держались еще мнѣнія, что киргизская степь не составляетъ такой же части Россіи, какъ и самый Оренбургъ, а есть только колонія, и что для блага метрополіи киргизы должны на вѣки вѣчные оставаться кочевниками и доставлять государству скотъ, кожи, сало, шерсть и другіе сырые продукты. Держать ихъ въ повиновеніи считалось этими губернаторами лучше всего набѣгами русскихъ войскъ съ линій. Киргизы смотрѣли на эти поиски, какъ на баранту, и старались превзойти русскихъ въ молодечествѣ, отвѣчая также набѣгами и барантой.

Порядокъ этотъ круто измѣнился только при Обручевѣ въ 1845 г., когда началась постройка укрѣпленій въ степи для овладѣнія лѣтовками и зимовками киргизъ. Набѣги дикарей на самую линію почти сразу прекратились, разряжаясь, какъ на громоотводахъ, на новыхъ степныхъ укрѣпленіяхъ. Миновать ихъ съ награбленнымъ добромъ было трудно, такъ какъ они и стояли какъ разъ на лучшихъ путяхъ у живой воды. А еслибы и обойти стороною, то гарнизонъ не упустилъ бы случая отбить баранту и другую добычу.

ГЛАВА IV.

Причины неудачи мѣропріятій Екатерины II. Управленіе степью при Николаѣ I. Киргизамъ запрещается быть осѣдлыми. Сухтеленъ. Перовскій. Возведеніе укрѣпленій. Безпорядки у казаковъ. Пожары. Экспедиція на полуостровъ Бузачи. Начало волненій въ степи. Поиски за разбойниками. Перечень замѣчательныхъ экспедицій съ начала XIX столѣтія. Караванъ Ціолковскаго. Бергъ. Лебедевъ. Неудовольствія съ Хивою. Вопросъ о русскихъ плѣнныхъ, продаваемыхъ въ Хиву. Зайчиковъ. Виткевичъ. Задержаніе въ Оренбургѣ хивинскихъ купцовъ. Размѣнъ плѣнныхъ. Прокламація. Рѣшеніе особаго комитета о поискѣ въ Хиву. Злоупотребленія. Кандидатъ въ ханы. Опасенія англичанъ и стремленія ихъ утвердиться въ Средней Азіи. Графъ Симоничъ. Изгнаніе англійской евангелической миссіи. Почему экспедицію рѣшено начать зимою? Веллингтонъ. Планъ похода. Составъ отряда. Штабъ. Заботливость Перовскаго о различныхъ удобствахъ для нижнихъ чиновъ. Джебага и наглазники. Продовольственные запасы. Боевые запасы. Перевозка запасовъ башкирами по наряду. Выборъ мѣста подъ складочный пунктъ и укрѣпленіе на уроч. Чушка-Куль. Геке и Жемчужниковъ. Новое укрѣпленіе на Эмбѣ. Поставка верблюдовъ киргизами. Угоны лошадей киргизами изъ-подъ укрѣпленій. Болѣзни въ укрѣпленіяхъ. Опытъ степного похода.

Всѣ мѣропріятія Екатерины II, клонившіяся къ обузданію дикой вольницы посредствомъ введенія, мирнымъ путемъ, гражданскаго устройства и осѣдлости, путемъ смягченія нравовъ, образованіемъ и крайнею вѣротерпимостію, образцы которой правительство представило созданіемъ на русскія деньги мечетей по всей линіи,— всѣ эти мѣропріятія не оправдали однакоже надеждъ въ той мѣрѣ, какъ это предполагалось. Причины слѣдуетъ искать въ характерѣ народа, который всегда склоненъ былъ считать всякія кроткія мѣры, не поддержанныя и не опирающіяся на силу,— признаками слабости и вынужденной уступчивости. Только постоянное присутствіе русскихъ войскъ въ различныхъ мѣстахъ степи могло, безъ всякаго насилія, обуздать самоуправство ордынцевъ и положить конецъ безпрерывнымъ барантамъ, возникавшимъ изъ-за родовой вражды и мести, а съ водвореніемъ спокойствія можно было уже разсчитывать и на дѣйствіе мудрыхъ предначертаній великой государыни.

Башкиры, отдѣленные отъ киргизъ цѣпью нашихъ укрѣпленій, препятствовавшихъ самовольнымъ перекочевкамъ безъ вѣдома русской власти и не допускавшихъ никакого самоуправства, баранты и проч.,—понемногу успокоились, сдѣлались осѣдлыми и приняли гражданское устройство. Это служитъ лучшимъ подтвержденіемъ справедливости высказанной мысли. Въ цар-

ствованіе Александра I совершена только одна дѣйствительно существенная реформа. Ханское достоинство было уничтожено въ 1824 г., а степь раздѣлена на три части подъ управленіемъ султановъ-правителей, которымъ приданъ былъ конвой изъ 200 казаковъ.

Въ 1825 г., наканунѣ пріѣзда въ Оренбургъ Александра I мирные киргизы напали ночью на вдову одного казачьяго офицера, ночевавшую въ тарантасѣ на берегу рѣки, за неимѣніемъ свободныхъ квартиръ въ городѣ по случаю пріѣзда государя. Вдову увезли въ Хиву. Государь былъ глубоко огорченъ такимъ подвигомъ м и р н ы х ъ подданныхъ, наканунѣ его пріѣзда, приказалъ выкупить вдову на его счетъ, а дѣтей ея приказалъ взять „на особое попеченіе“. (Р. Арх. 1891 г., № 4, стр. 523).

Съ царствованіемъ Николая Павловича система управленія степью нисколько не измѣнилась: по прежнему дѣло шло такъ или иначе, смотря по вкусамъ и взглядамъ оренбургскихъ губернаторовъ. Взгляды же эти были не только различны, но большею частію противорѣчили одинъ другому. Эссенъ ходатайствовалъ, напримѣръ, объ учрежденіи башкирскаго казачьяго войска, а преемникъ его, ген.-адъют. графъ Павелъ Петровичъ С у х т е л е нъ *), находилъ башкиръ-казаковъ совершенно безполезными. До Сухтелена правительство всѣми мѣрами стремилось пріучить киргизовъ къ осѣдлости,—Сухтеленъ же первый провелъ мысль, что киргизы должны быть удержаны въ кочевомъ состояніи, такъ какъ они могутъ быть полезны Россіи только оставшись кочевымъ народомъ, потребителемъ нашихъ хлѣбныхъ продуктовъ и мануфактурныхъ издѣлій и производителемъ сырья: кожъ, шерсти и т. п. Поэтому стремленіе нѣкоторыхъ прилинейныхъ киргизовъ къ земледѣлію не поддерживалось и даже домовъ имъ строить не разрѣшалось.

Нѣтъ надобности и распространяться по поводу нелѣпости такого взгляда, противорѣчащаго даже исторіи развитія человѣческихъ обществъ, ибо осѣдлость является обыкновеннымъ и

*) Управлялъ краемъ съ 1830 по 1833 г., началъ службу въ 1802 г. въ колонновожатыхъ (что нынѣ генеральный штабъ) и на 15 году отъ роду произведенъ въ подпоручики, а затѣмъ перешелъ въ кавалергарды. Въ 1805 г. въ сраженіи подъ Аустерлицемъ былъ раненъ саблей въ голову и контуженъ ядромъ въ ногу. Попавшись въ плѣнъ, онъ былъ замѣченъ Наполеономъ, который обратилъ вниманіе на его молодость и сказалъ:

— Ого, такъ молодъ и вздумалъ съ нами тягаться!

— Молодость не мѣшаетъ быть храбрымъ, — возразилъ Сухтеленъ и затѣмъ продекламировалъ изъ Сида:

„Le suis jeune, il est vrai, mais aux âmes bien nées,
La valeur n'attend pas le nombre des années“.

— Браво, молодой человѣкъ! Отвѣтъ прекрасный!—воскликнулъ Наполеонъ.—Продолжайте служить и вы уйдете далеко!

неуклоннымъ слѣдствіемъ измѣненія экономическихъ условій страны, когда они уже невыгодны скотоводству (увеличеніе населенія, обиліе стадъ, недостатки пастбищъ, измѣненіе климата, зимніе бураны и пр.), а между тѣмъ взглядъ этотъ держался весьма долго и много принесъ вреда нашему дѣлу въ Азіи.

Сухтеленъ задумалъ также составить катехизисъ киргизскихъ законовъ и поручилъ это хану Джигангеру, который представилъ такой безтолковый сборникъ, что не было возможности даже и перевести его. При Сухтеленѣ же сдѣлана первая попытка ввести между киргизами оспопрививаніе,—но и тутъ не было успѣха. Чтобы избѣжать разныхъ ссоръ и непріятностей между пограничными казаками и киргизами, Сухтеленъ призналъ за послѣдними право собственности на земли за Ураломъ и запретилъ казакамъ распахивать тамъ земли. Такимъ образомъ дѣлу колонизаціи, такъ сказать, естественному ходу ея, были поставлены искусственныя препоны, конечно, настолько же разумныя, какъ если бы кто вздумалъ остановить время.

Графъ Сухтеленъ скоропостижно умеръ въ Оренбургѣ 23 марта 1833 г., на 46 году отъ роду.

Преемникомъ его назначенъ былъ ген.-маіоръ Василій Алексѣевичъ Перовскій. Ему было тогда только 39 лѣтъ; такого молодаго корпуснаго командира въ Оренбургѣ еще не видали. Начальникъ 28 пѣх. дивизіи ген.-лейт. Жемчужниковъ былъ чиномъ выше своего корпуснаго командира и запросилъ конфиденціально военнаго министра гр. Чернышева: долженъ ли онъ являться младшему чиномъ Перовскому? Въ отвѣтъ на это послѣдовало предписаніе: явиться немедленно и доложить, что за нарушеніе установленныхъ правилъ воинской субординаціи онъ, Жемчужниковъ, получилъ приказаніе немедленно подать въ отставку. Въ отставку онъ подалъ, а все-таки не явился.

Эта исторія повела къ тому, что Перовскаго вскорѣ произвели въ ген.-лейтенанты, съ назначеніемъ ген.-адъютантомъ. Человѣкъ таинственнаго происхожденія (побочный сынъ Разумовскаго), безъ предковъ, но однакоже съ большими связями въ большомъ свѣтѣ и съ громадною протекціей, онъ передъ назначеніемъ на постъ губернатора служилъ директоромъ канцеляріи начальника морского штаба. Графское достоинство пожаловано ему императоромъ Александромъ II въ 1855 г. за взятіе Акъ-Мечети въ 1853 г., когда онъ вторично управлялъ краемъ. Въ Бородинскомъ бою ему оторвало пулею средній палецъ правой руки: это калѣчество онъ прикрывалъ длиннымъ золотымъ наперсткомъ. Затѣмъ въ Москвѣ онъ попалъ въ плѣнъ и пѣшкомъ прошагалъ до Франціи, при обозѣ маршала Даву. Въ 1814 г. ему удалось бѣжать. Въ 1828 г., подъ Варной, онъ былъ тяжело раненъ пулею въ правую сторону груди.

Новый губернаторъ энергично принялся за умиротвореніе края. Единственными для того мѣрами онъ считалъ возведеніе укрѣпленій. Каспійское море, конечно, заслуживало наибольшаго вниманія, но восточное его прибрежье представляетъ неодолимыя затрудненія для выбора мѣста подъ укрѣпленіе. Перовскій къ тому же возложилъ это дѣло на какого-то титулярнаго совѣтника Карелина, который какъ видно, ничего въ этомъ не смыслилъ и выбралъ урочище Кизыль-Ташъ у залива Кайдакъ. Въ 1834 г. здѣсь заложено было укрѣпленіе Ново-Александровское, съ рыбачьей колоніей при немъ. Ни одной цѣли укрѣпленіе это не удовлетворяло: оно было далеко отъ караваннаго пути и далеко отъ рыболовныхъ мѣстъ и потому не могло покровительствовать ни торговлѣ, ни рыболовству; морскіе разбои продолжались по прежнему, такъ какъ слѣдить за разбойниками было нельзя, а съ лодками въ море выѣзжать было трудно, ибо далеко кругомъ тянулись мели, кромѣ того вода въ колодцахъ скоро застаивалась и портилась, отчего въ укрѣпленіи развилась сильная болѣзненность; цынга уносила жертву за жертвой. Умиралъ 9-й человѣкъ, а на 100 выздоровѣвшихъ только 5 могли владѣть членами, а 95 оставались калѣками

Въ 1839 г. посланъ былъ генеральнаго штаба капитанъ Ширковъ и капитанъ-лейтенантъ Бодиско выбрать новое мѣсто. На этотъ разъ выбранъ былъ Тюпъ-Караганъ, и то на безплодномъ мысу, гдѣ трава не росла, а камышу хватало только на 50 лошадей и 300 барановъ, для огородовъ же Ширковъ предлагалъ привезти съ Волги землю! Кромѣ того топлива было мало, а вода солоновата. Понятно, на какія лишенія обрекались тѣ несчастливцы, на долю которыхъ выпало строиться и жить въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи на Тюпъ-Караганѣ. Ново-Александровское укрѣпленіе упразднено въ 1846 г., Ново-Петровское же въ 1859 г. переименовано въ Александровскій фортъ, чтобы избѣжать сходства названій, благодаря которому корреспонденція завозилась въ Петровское укрѣпленіе на западномъ берегу Каспія.

Ново-Александровское укрѣпленіе было связано съ Гурьевымъ пятью казачьими пикетами по берегу и островамъ, но эта связь существовала только зимой по льду, лѣтомъ же срочныхъ сношеній не поддерживалось.

Одновременно съ возведеніемъ укрѣпленія на Каспіѣ, Перовскій основалъ и новую линію отъ Орска до станицы Березовской, на протяженіи 478 верстъ.

Исполненіе этого дѣла возложено было на полковника генеральнаго штаба Жемчужникова, который и заложилъ въ 1836 году форты: Императорскій, Наслѣдника, Константиновскій, Николаевскій и Михайловскій, куда приказано было переселиться казакамъ со старой линіи. Оренбургская линія шла отъ Каспійскаго моря

по Уралу до Орска, а съ сѣвера по рѣкѣ Тоболу и Ую до впаденія въ послѣднюю р. Тугузаки до р. Ори, граница была открыта. На этомъ пространствѣ думали устроить непрерывный валъ, вродѣ китайской стѣны; работу производило башкирское войско, по наряду, и должно было окончить ее въ 6 лѣтъ. На издержки отпущено было 250,000 р.

Въ 1836 г. было уже готово этого вала 18 верстъ и 162 саж. Онъ начинался въ 45 верстахъ на сѣверъ отъ крѣпости Орской и имѣлъ 6 футъ высоты, а ровъ такую же глубину.

Впослѣдствіи эта, оригинальная для XIX вѣка, мысль была однакоже оставлена.

Устройство новой линіи не обошлось безъ неурядицы: казаки отказались переселяться на новыя мѣста...

Если къ этому присоединить разныя преобразованія, недоброжелательно встрѣчаемыя невѣжественною массою, и недостаточное число преданныхъ дѣлу и безкорыстныхъ исполнителей *), то понятно будетъ затруднительное положеніе Перовскаго.

Въ 1836 и 37 гг. происходили волненія на частныхъ уральскихъ заводахъ, затѣмъ и въ уральскомъ казачьемъ войскѣ въ 1837 г., по поводу разныхъ преобразованій, а въ оренбургскомъ казачьемъ войскѣ, по поводу переселенія на новыя мѣста. Нашлись распространители ложныхъ слуховъ о вызовѣ будто бы поселенцевъ въ крѣп. Анапу и т. под. Появились, наконецъ, и зажигатели... Города и села горѣли то и дѣло; народное неудовольствіе все росло. Въ августѣ мѣсяцѣ 1839 г., въ самую жаркую и сухую пору, Оренбургъ былъ встревоженъ подметными письмами, угрожавшими поджогомъ. Дѣйствительно, цѣлый мѣсяцъ деревянные дома частныхъ лицъ горѣли одинъ за другимъ. Не считая мелкихъ пожаровъ, довольно сказать, что большихъ, истреблявшихъ цѣлыя улицы, было 17. Подозрѣніе падало, по обыкновенію, на поляковъ, которыхъ было тогда много сослано въ оренбургскія войска, но поляки нарочно старались, изо всѣхъ силъ, при тушеніи пожаровъ и тѣмъ отклонили отъ себя подозрѣніе. Толки о хивинцахъ, объ агентахъ англичанъ и т. п. не заслуживали вѣроятія уже потому, что поджоги не касались казенныхъ зданій, не касались также запасовъ, заготовленныхъ для экспедиціи. Короба для вьюковъ, ящики, прессованное сѣно—все это легко могло быть уничтожено, и тогда экспедиція конечно бы разстроилась. Причина и цѣль поджоговъ остались неизвѣстными, но, кажется, они были результатомъ обширнаго заговора; по Россіи тянулись тогда двѣ огненныя ленты: одна отъ Оренбурга къ Харькову и Сумамъ, другая отъ Оренбурга къ Новгороду.

*) Въ теченіе 1836—37 гг. было предано суду 120 чиновниковъ за различныя злоупотребленія по гражданскому вѣдомству.

Оренбургскіе пожары имѣли то послѣдствіе, что шитье одежды и обуви для войскъ отряда пріостановилось на цѣлый мѣсяцъ, такъ какъ портные, сапожники и проч. мастеровые, собранные въ числѣ 1,000 человѣкъ, должны были содержать ночные караулы, тушить пожары и т. п. Это въ свою очередь задержало, безъ нужды, отрядъ и кромѣ того заставило потомъ торопиться шитьемъ, отчего одежда вышла не вполнѣ годною.

Перовскій, въ письмѣ отъ 15 августа 1839 г., пишетъ Булгакову: „Симбирскіе и саратовскіе поджигатели, или по крайней мѣрѣ дьявольскій ихъ духъ, повидимому, переселились въ Оренбургъ... Нѣсколько человѣкъ захвачено на мѣстѣ преступленія... Въ числѣ захваченныхъ нѣтъ поляковъ“.

Въ степи злоумышленники пускали палы, зажигая сухую траву. Одинъ изъ такихъ паловъ, пущенный по направленію къ гор. Троицку, истребилъ до 1,000 кибитокъ, причемъ погибло 20,000 головъ рогатаго скота и 200 человѣкъ киргизовъ *).

Перечислимъ здѣсь всѣ наиболѣе замѣчательныя экспедиціи наши съ начала XIX столѣтія.

Въ 1807 г. г.-м. Герценбергъ, съ 1,030 чел. и тремя орудіями, былъ посланъ изъ Оренбурга для захвата султана Каратая и освобожденія бухарскаго каравана. Достигнута была только послѣдняя цѣль.

Въ 1809 г. Атаманъ Уральскаго войска Бородинъ, съ 400 казаковъ, былъ посланъ въ погоню за Каратаемъ изъ Сарайчиковской крѣпости, но Каратай ушелъ, а Бородинъ напалъ на Адаевцевъ, занимавшихся морскимъ разбоемъ, и истребилъ у нихъ 20 лодокъ.

Въ 1812 г. Илецкій атаманъ Даниловъ, съ 1,600 чел. (въ томъ числѣ 100 чел. пѣхоты при двухъ орудіяхъ), ходилъ также противъ Каратая, но тотъ и на этотъ разъ ушелъ.

Въ 1819 г. маіоръ Кадомцевъ, съ 200 казаковъ, ходилъ на р. Тонгры-бергень, для освобожденія каравана хивинскаго, остановленнаго киргизами.

Въ 1821 г. инженеръ-поручики Тафаевъ и Артюховъ, съ 214 чел., при двухъ орудіяхъ, произвели изъ Орска рекогносцировку къ р.р. Тургаю и Иргизу, для осмотра свинцовыхъ пріисковъ у Кара-Тургая. 9 іюня на нихъ напали 1,500 киргизовъ, зажгли степь, отбили у насъ 12 лошадей и 12 верблюдовъ и ушли. Отрядъ отступилъ. Экспедиція стоила 28,513 р.

Въ 1823 г. предпринята была большая экспедиція по случаю волненій въ степи изъ-за ареста Арунгази въ Калугѣ. Послано

*) Противъ пала единственное средство: зажечь самому траву съ подвѣтру и на выжженное мѣсто перейти съ кибитками и скотомъ. Степной пожаръ дойдетъ до голой земли и остановится.

было 2,374 чел. и 6 орудій, подъ начальствомъ полковниковъ Ціолковскаго и Берга. Первый зашелъ въ безплодныя мѣста на Эмбѣ по невѣрной картѣ: лошадямъ пришлось отдать 10-дневный провіантъ и сжечь на дрова 3/4 обоза (въ маѣ). Отбивъ нападеніе киргизовъ, Ціолковскій соединился съ Бергомъ, который двигался съ верховій Эмбы, также отбиваясь отъ киргизовъ. Третій, ценральный, отрядъ Милорадовича также былъ атакованъ и потерялъ 146 лошадей и 24 чел. косцовъ. Вся потеря состояла изъ 31 убитыхъ и 17 раненыхъ. Экспедиція стоила 26,650 р.

Въ 1824 г., зимою, новая экспедиція: атаманъ Назаровъ, съ 1,000 казаковъ и 4 орудіями, двинулся съ кармановскаго форпоста вверхъ по Уилу, но, пройдя 500 верстъ, онъ вернулся назадъ, ибо наступила оттепель, и слѣдовало опасаться за сообщенія.

Полковникъ Ціолковскій, посланный изъ крѣпости Сарайчиковской съ 700 казаками и 2 орудіями, также воротился со втораго перехода, ибо солонцы оттаяли и двигаться далѣе было нельзя. Полковникъ Аржанухинъ, посланный изъ форпоста Озерскаго, со 180 казаками, вернулся черезъ 8 дней назадъ.

Въ 1824 г. посланъ былъ въ Бухару, извѣстный вооруженный караванъ, подъ конвоемъ изъ 625 человѣкъ, при двухъ орудіяхъ. Начальникомъ каравана назначенъ былъ полк. Ціолковскій, знаменитый уже своими неудачами въ степныхъ походахъ. 13 января за Дарьею, въ пескахъ Кизилъ-Кумъ, близъ урочища Бишъ-Тюбе, на караванъ напала шайка хивинцевъ. Ціолковскій доносилъ, что хивинцевъ было 8,000, и что караванъ застигнутъ въ дефиле. Теперь уже не тайна, что у Бишъ-Тюбе никакого дефиле нѣтъ, а что касается до цифры нападавшихъ, то она, конечно, преувеличена, такъ какъ въ маловодной степи ходить такими сильными отрядами невозможно, даже и для хивинцевъ. Караванъ нашъ, по словамъ Ціолковскаго, сидѣлъ въ блокадѣ за завалами 12 дней. Гдѣ же брали воду 8,000 хивинцевъ? Здравый смыслъ не допускаетъ вѣрить донесенію Ціолковскаго, а недобросовѣстность этого офицера, сдѣлавшаяся очевидною впослѣдствіи, еще усиливаетъ составившееся убѣжденіе, что Ціолковскій просто струсилъ. Какъ бы то ни было, но товары были брошены въ добычу хивинцамъ, подъ предлогомъ недостачи воды и дровъ, а конвой налегкѣ потянулся обратно...

Хивинцы преслѣдовали его еще 6 дней и, наконецъ, отстали. Такъ погибло предпріятіе, обѣщавшее оживить торговлю, упрочить сношенія съ центральнымъ рынкомъ Средней Азіи,—Бухарою, и поднять наше политическое вліяніе. Ген.-лейт. Иванинъ въ „Описаніи зимняго похода въ Хиву 1839—1840 г.“ говоритъ, между прочимъ, что Ціолковскій „былъ ненавидимъ подчиненными

и не могъ не опасаться, что при первой неудачной стычкѣ, его выдадутъ головой". Трудно понять хорошенько, что значитъ „выдать головою", если то, что войска не идутъ вслѣдъ за начальникомъ и предоставляютъ ему идти одному, на вѣрную погибель, то это, конечно, возможно только при условіи, что начальникъ идетъ впередъ, а этого, по характеру Ціолковскаго, ожидать было нельзя и, слѣдовательно, опасеніе было совершенно напрасно. Другое дѣло, если подъ выраженіемъ „выдать головою", разумѣется какая-нибудь неосторожность, которой всегда опасается нелюбимый начальникъ. Если бы Ціолковскій рискнулъ пробиться въ Бухару, что, конечно, было возможно, то даже и безъ товаровъ онъ принесъ бы громадную пользу, въ виду предполагавшейся зимней экспедиціи противъ Хивы. Неудачный выборъ начальника стоилъ казнѣ 290,000 р., считая и пособія купцамъ въ 60,000 р., да 547,000 потеряли купцы.

Въ 1824 г., зимой предпринята была новая экспедиція, къ устьямъ Эмбы, для наказанія морскихъ разбойниковъ и для изслѣдованія путей въ Хиву. Порученіе это возложено было на полковника генеральнаго штаба Берга *). Изъ Сарайчиковской крѣпости выступило 500 челов. пѣхоты, 400 казаковъ оренбургскаго войска и 4 орудія, а изъ Гурьева 3 полка уральскаго войска (1,200 челов.) и 2 орудія. Такой сильный составъ (2,310 челов. при шести орудіяхъ) и приготовленія, обличавшія разсчетъ на продолжительную экспедицію, явно указывали на тайную цѣль движенія: поискъ противъ Хивы. Нивеллировка была только предлогомъ.

Обозъ отряда состоялъ изъ 872 пароконныхъ повозокъ съ 1,744 лошадьми (уральцы поставили 600, оренбуржцы 600 и башкиры 544). Продовольствіе составляло 30,000 пудовъ. Шанцевый инструментъ состоялъ изъ 200 топоровъ, 400 мотыгъ и 100 лопатъ. Взято было, для безводныхъ переходовъ, 2,000 турсуковъ (цѣлыя бараньи шкуры съ завязанными лапками—для воды). Понятно, что съ такими тяжестями нельзя дѣлать легкаго набѣга; кромѣ того, для наказанія морскихъ разбойниковъ, мотыга не нужна,—отсюда прямо вытекала увѣренность, что въ случаѣ возможности отрядъ не ограничится разбойниками и съемкой...

Это убѣжденіе существовало не только между русскими, но и между киргизами, отъ которыхъ перешло и къ хивинцамъ. Носились слухи, что въ Хивѣ распространилась такая паника, что уже отлиты были золотые ключи...

Какъ бы то ни было, но 16 декабря отрядъ выступилъ изъ

*) Впослѣдствіи фельдмаршалъ и графъ.

Сарайчиковской крѣпости, а черезъ 6 дней, 22 числа, на устьѣ Эмбы уже взято было въ плѣнъ 260 разбойниковъ, которые и отправлены въ Гурьевъ съ конвоемъ изъ 230 человѣкъ пѣхоты и 220 казаковъ, при 2 орудіяхъ. Дальше идти было трудно, по неимѣнію теплой одежды и потому еще, что тяжести везлись не на верблюдахъ, а на телѣгахъ (!). Поэтому Бергъ, 7 января 1825 года отправилъ обратно остальную пѣхоту и 4 сотни казаковъ при 2 орудіяхъ, а тяжести навьючилъ на верблюдовъ. До 10 января онъ съ остальными 1,000 казаками при 2 орудіяхъ шелъ по берегу Каспія, 13 поднялся на Усть-Уртъ, 27 былъ уже на Аральскомъ морѣ, прошелъ 80 верстъ по берегу этого моря къ югу и 11 февраля пошелъ назадъ напрямикъ къ нижнему Уралу, а 4 марта воротился въ Сарайчиковскую, потерявъ по день прихода 20 человѣкъ умершими, 42 больными и 1842 лошади. Экспедиція стоила 196,570 р. Результатами были съемки и барометрическая нивеллировка. Хивинцы считали, однакоже, походъ этотъ, неудавшеюся попыткою завоевать Хиву, а присмирѣвшіе было разбойники опять принялись за старое.

Бергъ представилъ планъ новаго похода въ Хиву: на этотъ разъ онъ считалъ невозможнымъ двигаться безъ промежуточныхъ опорныхъ пунктовъ, которые бы служили и складами запасовъ.

Мѣсто для такого укрѣпленія Бергъ указалъ на урочищѣ Донгузъ-Тау, но такъ какъ онъ самъ видѣлъ это урочище только зимою, когда въ камышахъ и чіяхъ укрывались киргизскіе аулы, а разспросить о томъ, можно ли кочевать здѣсь лѣтомъ,—не догадался, то въ результатѣ оказалось, что когда, 14 лѣтъ спустя, предпринята была знаменитая экспедиція Перовскаго, и на Донгузъ-Тау, рѣшено было построить укрѣпленіе, то посланный навѣрняка отрядъ, во-первыхъ, не дошелъ до урочища въ данномъ составѣ (обозъ и пѣхота были оставлены на дорогѣ), а во-вторыхъ—и летучему отряду изъ 200 башкиръ не пришлось даже отдохнуть на Донгузъ-Тау по совершенному безводію и недостатку травы. Такъ какъ укрѣпленіе гдѣ-нибудь надо было строить, то, за неимѣніемъ по близости лучшаго, выбрали урочище Чушка-Куль при р. Акъ-Булакѣ съ солонцеватою водою, а это имѣло роковыя послѣдствія.

Въ 1825 г., тотчасъ по возвращеніи Берга, 11 марта полковникъ Щаповъ съ 500 казаками и 2 орудіями быстро двинулся изъ форпоста Кошъ-Уральскаго, расчебарилъ аулы сообщниковъ Юлашана, взялъ 128 человѣкъ плѣнныхъ и 21 числа былъ уже дома.

Въ 1831 г. 16 августа изъ Кизильской крѣпости высланы были 50 человѣкъ конной пѣхоты, 100 казаковъ, 300 башкиръ и 2 орудія съ полковникомъ Генсомъ для рекогносцировки рѣкъ: Картъ, Аятъ, Суюндукъ.

Хотя эти волненія и безпорядки были прекращены вооруженною рукою, а между тѣмъ грабежи и увозъ людей на Каспіѣ не только не прекращались, но еще усилились. Дерзость хищниковъ дошла до того, что, напримѣръ, весною 1836 г. былъ захваченъ смотритель эмбенскихъ водъ, а осенью командиръ 4-пушечнаго бота со всею командою, съ орудіями и со шлюпкою. Полагали тогда, что число нашихъ плѣнныхъ въ Хивѣ доходило до 2,000 душъ, да вдвое или втрое противъ этого числа, вѣроятно, погибло при захватѣ и во время обратныхъ походовъ или отъ изнурительныхъ работъ во время неволи.

Въ 1836 г. предпринята была весьма замѣчательная зимняя экспедиція по льду на полуостровъ Бузачи (въ Каспійскомъ морѣ) для наказанія киргизскаго рода адаевцевъ, у которыхъ преимущественно находили убѣжище морскіе разбойники и эмиссары хивинскіе. Отрядъ уральскихъ казаковъ подъ начальствомъ полковника Мансурова, изъ 1 штабъ-офицера, 10 оберъ-офицеровъ, 9 урядниковъ и 530 казаковъ, выступилъ 20 декабря изъ Гурьева и направился моремъ по льду на саняхъ къ укрѣпленію Ново-Александровскому, гдѣ были заготовлены для отряда продовольственные запасы. За Прорвинскими островами сильные вѣтры взломали ледъ и $1^1/_2$ сотни были мгновенно оторваны и унесены на льдинахъ въ открытое море. Было отъ чего придти въ отчаяніе непривычному человѣку, но уральцы выросли въ борьбѣ со стихіями и тотчасъ нашлись: они связывали льдины арканами съ помощію втыкаемыхъ въ льдины пикъ и устроили, такимъ образомъ, родъ ледяного моста до спертаго у берега льда, на который и переправились, потерявъ всего двухъ лошадей. 2-го января 1837 г. отрядъ прибылъ въ укрѣпленіе Ново-Александровское и на другой же день выступилъ снова двумя колоннами черезъ заливъ Кайданъ. Киргизы никакъ не ожидали гостей въ такую пору и потому были застигнуты врасплохъ: 53 человѣка плѣнныхъ и множество скота были трофеями нашихъ удальцовъ, сдѣлавшихъ въ теченіе 20 дней до 1,200 верстъ, зимою, при морозахъ не менѣе 15^0 Реом., и потерявшихъ только двухъ человѣкъ умершими и нѣсколькихъ ранеными.

Преслѣдуя мысль Сухтелена касательно составленія для киргизовъ кодекса, Перовскій рѣшилъ дѣло гораздо проще и оригинальнѣе: вмѣсто предполагавшагося катехизиса, онъ роздалъ султанамъ-правителямъ просто 15-й томъ Свода Законовъ!

Въ 1836 г. для наказанія киргизовъ, ограбившихъ въ Большихъ Барсукахъ нашъ караванъ, Перовскій вызвалъ изъ башкиръ 1,000 охотниковъ и напустилъ ихъ на виновныхъ... Наказаніе было довольно чувствительно и не стоило намъ ни гроша.

Къ башкирамъ придали, впрочемъ, для бодрости 30 пѣхотныхъ солдатъ, посаженныхъ на лошадей и 2 пушки. Весь отрядъ былъ

порученъ генералъ-маіору Дренякину. Выступивъ 4 іюля изъ Орска и Хабарной съ продовольствіемъ на 20 дней во вьюкахъ (536 вьюковъ) и на 15 дней въ обозѣ, отрядъ догналъ грабителей за Эмбою, въ 500 верстахъ отъ линіи, выручилъ плѣнныхъ прикащиковъ, отбилъ товары, захватилъ главныхъ разбойниковъ и угналъ скотъ на покрытіе военныхъ издержекъ и на добычу башкирамъ. Черезъ 20 дней молодецкій поискъ, сдѣлавъ 1,000 верстъ въ оба конца, воротился на линію, потерявъ только одного башкира! Два другихъ отряда,—войск. старш. Осипова и подполк. Геке, также ходили расчебаривать киргизъ за набѣги; а подполк. Падуровъ съ двумя сотнями слеталъ на р. Хобду разгонять хивинскихъ сборщиковъ податей, пожаловавшихъ обирать нашихъ киргизовъ.

Такимъ образомъ даже „въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, когда... и т. д.“ приходилось прибѣгать къ „варварскимъ“ мѣрамъ временъ императрицы Елизавета I-го *). Но такова сила обстоятельствъ и логика необходимости: самые „просвѣщенные“ и гуманные люди, поставленные лицомъ къ лицу съ разбойникомъ, быстро забываютъ свои теоріи и напускаютъ башкиръ на киргизовъ.

Когда нашихъ духоборцевъ или молоканъ, считающихъ грѣхомъ носить оружіе и убивать ближняго, а слѣдовательно и служить въ военной службѣ, переселили на Кавказъ въ делижанское ущелье и когда этихъ апостоловъ вѣчнаго мира и братской любви стали теребить хищные татары, черкесы и прочая братія, то духоборцы стряхнули съ себя свои, непригодныя къ мѣсту теоріи и взялись за оружіе! Братья черкесы тотчасъ и притихли.

Въ 1837 г. установленъ былъ кибиточный сборъ съ киргизовъ (по 1 р. 50 к. съ кибитки), что доставило въ первый годъ 23,259 р. с., но подать эта собиралась султанами, которые мало церемонились съ казною.

Всѣ эти мѣры: узда изъ цѣпи укрѣпленій, энергическая кара за хищничество, шаріатъ и адатъ изъ 15-го тома Свода Законовъ, наконецъ, подать, конечно, не могли нравиться дикарямъ. Протесты степей выражаются весьма наглядно—разбоями. Съ 1837 г. въ Оренбургской степи начались волненія, поднятыя мятежнымъ султаномъ Каипомъ, къ которому вскорѣ присоединились два батыря **) Исетай и Джуламанъ со своими шайками. Въ 1838 г. появились еще два мятежника, вытѣсненные изъ Сибирской степи: султанъ Касымъ съ своимъ сыномъ Кенисарою. Этотъ послѣдній грабилъ и опустошалъ линіи и преданныхъ намъ

*) Извѣстно, что эта императрица именовалась оффиціально на монетахъ и медаляхъ не Елизаветой, а Елизаветомъ.

**) Батырь—сокращенное отъ богатырь (по-тюркски бегадырь —удалецъ, герой.

киргизовъ до 1845 года. Смѣлый, предпріимчивый разбойникъ скоро сдѣлался надеждою всей степи и сильно поколебалъ наше вліяніе.

Въ 1838 г. снаряжена была большая экспедиція въ степь для уничтоженія партіи Исетая и Джуламана, сильной и численностію (разбойниковъ было до 3,000), и сочувствіемъ народа.

Исетай былъ прежде старшиною во Внутренней ордѣ. Бѣжалъ онъ за Уралъ въ 1837 году и соединился тутъ съ давнишнимъ бѣглецомъ султаномъ Каипъ Галіевымъ, разбойничавшимъ въ 1832 году у линіи, а потомъ сидѣвшимъ смирно въ Хивѣ до 1835 года. Въ 1838 г., выдавъ за хивинскаго хана свою дочь, Каипъ получилъ званіе хана западныхъ киргизовъ и явился собирать съ нихъ подати.

Джуламанъ ушелъ отъ насъ еще въ 1820 году, послѣ занятія нами илецкой линіи, и съ тѣхъ поръ враждовалъ съ нами.

Войска двинуты были тремя колоннами: изъ Орска пошло (въ началѣ августа) 450 казаковъ и 50 конныхъ стрѣлковъ съ двумя орудіями, подъ начальствомъ полковника Геке; вслѣдъ за нимъ двинулся изъ Орска же полковникъ Мансуровъ съ 180 казаками, 500 башкирами и 150 человѣкъ пѣхоты при 4-хъ орудіяхъ. Оба отряда имѣли провіанта на два мѣсяца. Геке соединился съ султаномъ-правителемъ западной части орды, Айчуваковымъ, напалъ врасплохъ на Исетая и разбилъ его на голову, причемъ самъ Исетай былъ убитъ. У насъ же ранено 7 человѣкъ.

Мансуровъ дѣйствовалъ также удачно въ верховьяхъ р. Иргиза и разгромилъ аулы рода Дюртъ-Кары. Но, кажется, этотъ родъ не принадлежалъ къ числу сторонниковъ ни Исетая, ни Джуламана... Джуламанъ ушелъ за Эмбу, а главный руководитель волненій, султанъ Каипъ, бѣжалъ въ Хиву.

Взамѣнъ этихъ предводителей тотчасъ явились новые: Касимъ,—сынъ бывшаго хана Средней орды Вали и, значитъ, внукъ Аблая,—и его сынъ Кенисара.

Кенисара прославился тѣмъ, что когда подъ Ташкентомъ былъ убитъ его братъ, онъ заманилъ къ себѣ въ 1836 году 40 ташкентцевъ и вѣроломно зарѣзалъ ихъ. Султанъ Касимъ, нуждаясь въ порохѣ и свинцѣ, отправился въ 1840 г. въ Ташкентъ съ своимъ семействомъ и приверженцами. Ташкентскій бекъ, мстя за 40 ташкентцевъ, также измѣннически напалъ на аулы Касима и убилъ какъ его, такъ и всю семью и всю шайку...

Дойдя до р. Большаго Иргиза, отряды принуждены были воротиться, потому что не захватили съ собой теплой одежды (!), и люди стали сильно хворать. Такимъ образомъ отряды не достигли цѣли, не усмирили непокорныхъ, а только оттѣснили ихъ за Эмбу.

Третья колонна полковника Падурова, изъ 500 башкиръ и

50 человѣкъ конной пѣхоты при 2-хъ орудіяхъ, выступила въ началѣ іюля изъ никольскаго отряда, дошла до р. Малой Хобды, никого не встрѣтила и также вернулась. Эта безплодная экспедиція, казалось, должна была убѣдить, что дѣйствовать противъ степи набѣгами не разумно, ибо мятежники всегда заблаговременно уйдутъ, а на мѣстѣ останутся только не считающіе за собой никакой вины, мирные кочевники. Единственное, сколько-нибудь отвѣчающее цѣли, средство заключается въ устройствѣ укрѣпленій на пути отступленія мятежниковъ или, наконецъ, въ высылкѣ постоянныхъ отрядовъ на тѣ же пункты. Еще лучше было бы, еслибы лѣтовки и зимовки кочевниковъ лежали въ предѣлахъ прочно занятой нами территоріи, оцѣпленной укрѣпленіями, тогда кочевникъ не пріобрѣталъ бы привычки подчиняться по очереди и намъ, и сосѣдямъ, то-есть никому вполнѣ. До 1838 г. мы не разъ уже имѣли случай убѣдиться въ невозможности гоняться по степямъ за ускользающимъ между рукъ противникомъ. Ничего, кромѣ расходовъ казнѣ, обоюднаго разоренія пограничнымъ жителямъ и озлобленія невинно потерпѣвшихъ киргизовъ, не приносили наши экспедиціи, а все-таки сидѣть сложа руки, когда кругомъ идутъ разбои, не приходилось, и вотъ снова затягивалась старая пѣсня безъ конца и безъ результатовъ, снова посылались отряды на военную прогулку!

Въ 1838 г. 6 марта, изъ Николаевскаго укрѣпленія, высланъ былъ, для наказанія Касыма Аблаева (отца Кенисары), на р. Улу-Тургай, отрядъ изъ 1,000 оренбургскихъ казаковъ, 1,000 киргизовъ и 800 башкиръ при 2 орудіяхъ подъ начальствомъ войсковаго старшины Лебедева. Лошади и верблюды мятежниковъ къ веснѣ были весьма худы и не могли далеко уйти отъ многочисленнаго и легкаго отряда, захватившаго поэтому богатую добычу. Но, благодаря неожиданному бурану и выпавшему снѣгу, Лебедевъ долженъ былъ воротиться, не захвативъ Аблаевыхъ.

Кениссара, дождавшись ухода русскихъ подальше, ограбилъ нашихъ киргизъ, истребилъ пикетъ у Ключевской станицы, ограбилъ Троицкій караванъ на нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Затѣмъ бросился на Эмбу, подкрался къ отряду, заготовлявшему сѣно для хивинской экспедиціи, и отогналъ 3,000 башкирскихъ лошадей и 180 воловъ.

Тотчасъ высланы были опять отряды Лебедева, Жемчужникова и Падурова, но хищниковъ и слѣдъ простылъ.

Изъ этого перечня видно, что даже въ случаѣ удачи, набѣги наши ни къ чему не вели, кромѣ разоренія: ограбивъ дочиста попавшихся на глаза и подъ руку киргизовъ, чаще всего ни въ чемъ неповинныхъ и потому не ожидавшихъ грозы, такъ какъ виноватые почти всегда уходили заранѣе, мы сами толкали ихъ на грабежъ, потому что другого средства не умереть съ голоду

въ степи и нѣтъ. Если удавалось отбить забарантованный скотъ, то отрядъ, считая его своей добычей, распоряжался имъ по-хозяйски, — продавалъ съ аукціона и т. п., такъ что скотъ рѣдко попадалъ въ руки прежняго хозяина. Чтобы избѣжать подобныхъ злоупотребленій и оградить невинныхъ, правительство запретило пограничнымъ начальникамъ преслѣдовать киргизовъ въ аулы. Киргизы увидѣли въ этомъ ослабленіе власти начальства и перестали слушаться, начали кочевать на луговыхъ мѣстахъ казаковъ оренбургской линіи, а грабежи усилились. Перовскій просилъ тогда разрѣшенія принять свои мѣры, но уже не экспедиціи, а экзекуціи съ содѣйствіемъ султановъ-правителей. Предполагалось не отнимать у грабителей скотъ, а отбирать только подписку, что скотъ и все награбленное будетъ возвращено къ такому-то сроку. Отрядъ долженъ былъ оставаться въ степи до тѣхъ поръ, пока требованія пограничнаго начальства не будутъ удовлетворены. Здѣсь, очевидно, наказывались не киргизы, а тѣ русскіе, которымъ доводилось участвовать въ экзекуціи!

Въ 1834 г. оберъ-квартермистръ Жемчужниковъ, съ 60 человѣкъ пѣхоты, 200 казаковъ при 1 орудіи, посланъ былъ на хребетъ Карагай, гдѣ соединился съ обоими двухсотенными отрядами султановъ-правителей, для содѣйствія имъ въ экзекуціи на пространствѣ отъ Орска до Каракумовъ. Аулы захвачены были врасплохъ и дали пресловутую подписку... Отрядъ ждалъ, ждалъ исполненія и, наконецъ, ушелъ, а барантачи, конечно, ничего не исполнили.

Видя безуспѣшность своихъ мѣропріятій, Перовскій задумалъ завоевать Хиву, бывшую, по его мнѣнію, главною виновницею всѣхъ неустройствъ въ киргизскихъ степяхъ. Хива подстрекала подвластныхъ намъ киргизовъ въ возмущеніяхъ, заманивая ихъ въ свое подданство, облагала ихъ податями; собирала зякетъ (таможенную пошлину) съ нашихъ каравановъ, слѣдовавшихъ по степи. Наконецъ, хивинцы постановили правиломъ, чтобы наши караваны, въ какія бы мѣста Средней Азіи ни отправлялись, непремѣнно слѣдовали бы черезъ Хиву, гдѣ имъ угрожала пошлина, возвышенная уже до крайнихъ размѣровъ. Въ 1833 году дерзость хивинцевъ дошла до того, что въ Оренбургъ былъ присланъ хивинскій зякетчи (сборщикъ зякета) для объявленія купцамъ русскимъ и бухарскимъ, что караваны ихъ неминуемо будутъ ограблены, если не пойдутъ черезъ Хиву.

Походъ въ Хиву Перовскаго. Независимо отъ уничтоженія нашей торговли на востокѣ постоянными грабежами каравановъ и побужденіями къ тому же киргизовъ, хивинское правительство издавна покровительствовало еще и морскимъ разбойникамъ, которые захватывали ежегодно на Каспійскомъ морѣ мно-

жество мирныхъ рыбопромышленниковъ, продавали ихъ потомъ на всѣхъ рынкахъ востока, и всего болѣе въ Хивѣ *).

Еще въ XVIII вѣкѣ правительство наше начало изыскивать способы къ освобожденію русскихъ подданныхъ изъ неволи на дальнемъ востокѣ: такъ, Высочайшимъ указомъ отъ 28 января 1767 г. повелѣвалось „захватывать заложниковъ и принуждать азіятцевъ выкупать оныхъ русскими плѣнными". Это была, дѣйствительно, единственная мѣра, на которой нельзя было не остановиться, видя на оренбургской и сибирской линіяхъ, а также и въ Астрахани множество хивинскихъ и бухарскихъ купцовъ, свободно торгующихъ и проживающихъ, въ то время какъ наши купцы не смѣли показываться въ ханствахъ, не подвергаясь, особенно въ Хивѣ, опасности попасть въ вѣчное рабство.

Однакожъ, упомянутымъ указомъ 1767 г. дозволялось задерживать только тѣхъ, кои „будутъ изобличены въ увозѣ здѣшнихъ людей"; такое ограниченіе, по затруднительности изобличенія, лишило этотъ указъ всякаго значенія, какъ то и доказали послѣдствія.

Всѣ хлопоты правительства русскаго достигнуть освобожденія невольниковъ нашихъ посредствомъ переговоровъ оказались напрасными и убѣдили только въ томъ, что съ хивинскимъ и бухарскимъ правительствами нельзя пускаться ни въ какіе переговоры, нельзя заключать никакихъ условій, остающихся всегда мертвою буквою.

Наконецъ, ассигновано было правительствомъ 3,000 рублей для выкупа нашихъ плѣнныхъ; но и это не повело ни къ чему, такъ какъ рабовладѣльцы не хотѣли разстаться съ работниками ни за какой выкупъ, дѣйствовать же другими путями, напримѣръ, способствуя побѣгамъ чрезъ разныхъ тайныхъ агентовъ, было весьма затруднительно, и рискованно, ибо, въ случаѣ поимки, плѣннымъ угрожала смерть или еще горшее рабство.

Въ 30 годахъ нынѣшняго вѣка, дѣло о русскихъ плѣнныхъ находилось, по окончательнымъ разысканіямъ, въ слѣдующемъ положеніи:

Поощряемые выгодными цѣнами, киргизы и туркмены похищали русскихъ людей на Каспіѣ и даже на линіи и сбывали ихъ

---

*) Матеріалы: Описаніе зимняго похода въ Хиву 1839—1840 г.г. М. Иванина.

Хивинская экспедиція 1839—1840 годовъ, Иванова.

Зимній походъ въ Хиву въ 1839 году. Русскій Архивъ 1901 г. № 4. И. Захарьина.

Тамъ же за 1867 г. «Письма къ друзьямъ» Влад. Ив. Даля.

Тамъ же за 1878 г. Кн. 2-я, Письма В. А. Перовскаго къ А. Я. Булгакову.

въ сосѣдственныя имъ области Средней Азіи, преимущественно же въ Хиву, гдѣ томилось болѣе 2,000 русскихъ. Плѣнники русскіе продавались въ Хивѣ на базарахъ *); знатнѣйшіе хивинскіе сановники принимали участіе въ такомъ торгѣ, а купцы хивинскіе, посѣщавшіе ежегодно Россію, проживая между киргизами, по дѣламъ торговымъ, всячески поощряли ихъ къ захвату плѣнныхъ, закупая ихъ впередъ и оставляя задатки.

Не одни магометане поставляли русскихъ невольниковъ, находились пройдохи и изъ русскихъ. Подвиги одного изъ нихъ, Зайчикова, разсказаны Ивановымъ въ его „Хивинской экспедиціи 1839—1840 годовъ“ (стр. 122). Въ десяти верстахъ отъ Оренбурга, за Ураломъ, Зайчиковъ имѣлъ пашни, для обработки которыхъ и нанималъ мужиковъ, а между тѣмъ давалъ знать своимъ покупателямъ—киргизамъ. Тѣ караулили добычу на дорогѣ и захватывали цѣлыя семьи. Спекуляція Зайчикова оказалась весьма выгодною, но подъ конецъ была обнаружена, и негодяй былъ сосланъ въ Сибирь на каторгу. Замѣчательно, какъ равнодушно относилось тогда общество къ подобнымъ господамъ и даже сама власть: Зайчиковъ, только для вида, выѣхалъ изъ Оренбурга, сдѣлалъ небольшой объѣздъ и воротился съ паспортомъ на имя Дѣева. Новый купецъ поселился въ домѣ сосланнаго, т. е. въ своемъ; всѣ это знали и никто объ этомъ не заикнулся. Плохо понятая уголовная давность и всеобщій примиритель—время изгладили понемногу самое воспоминаніе о подвигахъ временъ Волконскаго, и теперь Дѣевы — купцы какъ купцы. Это подтверждаетъ и Захарьинъ. Даль называетъ его „маркитантъ нашъ Зайчиковъ или Дѣевъ“.

Русскіе плѣнники находились подъ бдительнымъ надзоромъ, и пойманному на первомъ побѣгѣ разрѣзывали пятки и набивали въ рану рубленой щетины или отрѣзывали носъ и уши; за второй побѣгъ сажали на колъ. Въ виду такихъ наказаній рѣдко кому приходила охота бѣжать.

Желая воздѣйствовать на Хиву такъ или иначе, наше правительство старалось сблизиться съ Бухарою и въ 1834 г. послало туда молодого оріенталиста барона Демезона, служившаго тогда въ Оренбургѣ. Бухара и сама покупала русскихъ плѣнныхъ и чтобы русскій посланецъ не провѣдалъ о ихъ числѣ, Демезона засадили, въ отведенномъ ему помѣщеніи, подъ почетный караулъ и никого къ нему не допускали. Во время оффиціальныхъ выѣздовъ, его окружалъ конвой, не допускавшій никакихъ сношеній съ посторонними. Тѣмъ не менѣе бухарскій ханъ обѣщалъ оста-

*) Цѣна мужчинѣ среднихъ лѣтъ, здороваго тѣлосложенія, — 300 р., женщинѣ—150 р., персіяне шли въ половину этой нормы.

ваться нейтральнымъ въ случаѣ столкновенія нашего съ Хивою *).

Чтобы сколько-нибудь облегчить участь нашихъ плѣнныхъ, наше министерство иностранныхъ дѣлъ, не допуская задержанія хивинскихъ подданныхъ изъ опасенія повредить этимъ вообще торговлѣ нашей на востокѣ (такъ какъ находившіеся въ предѣлахъ имперіи хивинцы были исключительно купцы или ихъ агенты), предложило, въ 1835 году, образовать въ Оренбургѣ благотворительное общество (со щедрымъ, но секретнымъ пособіемъ отъ казны), главнѣйшимъ предметомъ дѣйствій котораго было бы освобожденіе русскихъ плѣнныхъ изъ неволи. Оренбургскія власти, обсудивъ это предложеніе, пришли къ такому заключенію, что еслибы секретъ былъ обнаруженъ и казенный источникъ значительныхъ средствъ, предполагавшагося комитета, а также цѣль его дѣйствій сдѣлались бы извѣстными мѣстнымъ, т. е. оренбургскимъ жителямъ, а черезъ нихъ и азіатцамъ, то этимъ еще болѣе увеличились бы кичливость и дерзость средне-азіатцевъ, давъ имъ поводъ думать, что русское правительство дѣйствительно не можетъ съ ними справиться и потому какъ бы платитъ дань. По всему этому благотворительный комитетъ не состоялся и рѣшено было, наконецъ, дѣйствовать силою оружія.

Мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, что по возвращеніи изъ своего зимняго поиска въ 1825 году, полковникъ Бергъ представилъ планъ новаго похода противъ Хивы. Прежде всего, по мнѣнію Берга, надобно было устроить укрѣпленіе на Донгузъ-Тау, гдѣ и учредить запасы.

Съ линіи отрядъ долженъ былъ выступить осенью, отдохнуть на Донгузъ-Тау и, выждавъ снѣга, двинуться черезъ Усть-Уртъ. Такимъ образомъ безводная пустыня была бы пройдена безъ лишеній,—снѣгъ давалъ бы воду.

Самъ Перовскій былъ, однакоже, другого мнѣнія: онъ предпочиталъ прежде утвердиться на Сыръ-Дарьѣ, основать здѣсь русскую колонію и затѣмъ двинуться по восточному берегу Аральскаго моря, а не по западному. При этомъ тяжести отряда могли бы везтись на косныхъ лодкахъ, которыя бы можно было доставить съ Эмбы или съ Волги.

Въ 1836 г. Перовскій поручилъ двумъ офицерамъ генеральнаго штаба (Иванину и Никифорову) составить проектъ основанія укрѣпленія на низовьяхъ Сыръ-Дарьи съ колоніей на 1,000 чело-

---

*) Демезонъ былъ родомъ швейцарецъ и знаменитъ, какъ фехтовальщикъ: онъ назначался, въ былое время, судьей на состязаніяхъ офицеровъ гвардіи. Бывши старшимъ драгоманомъ азіатскаго департамента и директоромъ учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ, преподавалъ турецкій языкъ великому князю Константину Николаевичу.

вѣкъ. На все это исчислено было до 500,000 р., но взглядъ Перовскаго измѣнился и на сцену выступилъ старый планъ Берга.

Осенью 1835 года изъ Орска былъ командированъ въ Бухару, съ бухарскимъ караваномъ, прапорщикъ Виткевичъ, переодѣтый въ азіатское платье. Еще въ 1823 году онъ былъ сосланъ въ Орскъ рядовымъ, съ лишеніемъ дворянства, по конфирмаціи цесаревича Константина, за организацію въ Польшѣ тайнаго общества „черныхъ братьевъ“. Въ ссылкѣ онъ изучилъ узбекскій и персидскій языки и, въ качествѣ переводчика, оказалъ немало услугъ, посѣтившему край въ 1829 г. Александру Гумбольдту, который и ходатайствовалъ о его награжденіи. Сухтеленъ прикомандировалъ его къ пограничной коммисіи, произвелъ въ 1830 г. въ унтеръ-офицеры, а въ 1831 г.—въ портупей-прапорщики. Перовскій произвелъ его въ 1834 г. въ прапорщики и взялъ къ себѣ адъютантомъ.

Прибывъ въ Бухару, Виткевичъ снялъ халатъ и ѣздилъ по городу въ офицерскомъ мундирѣ, отказавшись сидѣть взаперти. Поэтому и свѣдѣнія, имъ доставленныя, были довольно обстоятельны.

Въ 1834 г., начавшіяся въ Афганистанѣ междоусобія, вызвали одного изъ многочисленныхъ мелкихъ правителей Достъ Мухамеда попытать счастія въ Россіи, такъ какъ англичане поддерживали его противниковъ: Шаха-Шуджу на югѣ и Камрака въ Гератѣ. Посланецъ Доста добрался до Оренбурга только въ 1836 г. Перовскій писалъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, что если мы не поддержимъ Доста, то англичане подчинятъ себѣ Афганистанъ, а затѣмъ и другія народности Средней Азіи, которыя будутъ снабжены оружіемъ, порохомъ и деньгами и превратятся въ опасныхъ враговъ нашихъ. На первый разъ предполагалось послать Виткевича съ предметами обмундированія и снаряженія для афганцевъ и нѣсколько инструкторовъ-офицеровъ и оружейниковъ, подъ видомъ мирныхъ путешественниковъ. Виткевичъ вызванъ былъ въ Петербургъ и въ 1837 г. былъ посланъ въ Персію, въ распоряженіе русскаго агента полковника Гра-Симонича. Въ это время персидскій шахъ шелъ къ Герату; главнымъ совѣтчикомъ былъ Симоничъ; въ походѣ участвовалъ и баталіонъ русскихъ солдатъ, сформированный шахомъ изъ нашихъ дезертировъ *). Очевидно, что въ Гератѣ мы и непосредственно могли помочь Досту, при посредствѣ Персіи, тогда какъ инымъ путемъ проникнуть въ Афганистанъ было почти невозможно. Поэтому тогдашній директоръ азіатскаго департамента Родофиникинъ далъ понять Виткевичу, что Достъ-Мухамеду можно обѣщать

*) Изъ дневника П. Г. Дивова („1838 годъ въ Петербургѣ“) „Русская Старина“ 1902 г. Сентябрь, но Виткевичъ названъ у него Витковскимъ.

2 милліона деньгами и 2 милл. товарами. Гератъ предполагалось отнять отъ Камрака и передать братьямъ Доста, захватившимъ Кандагаръ, если они признаютъ протекторатъ Персіи. Переговоры объ этомъ возложены были на Виткевича, который везъ и письмо къ Досту.

Предполагалось заключить союзъ съ Достомъ противъ Хивы. Слѣдуя съ персидской арміей къ Герату, Виткевичъ отдѣлился отъ нея въ Нишапурѣ и черезъ Систанъ и Кандагаръ проѣхалъ въ Кабулъ, гдѣ тогда велъ уже переговоры,—и также о союзѣ,—англійскій агентъ Борнсъ. Достъ-Мухамедъ предпочелъ Россію и выпроводилъ Борнса. Въ 1838 г. Виткевичъ воротился къ персидскимъ войскамъ, стоявшимъ подъ Гератомъ; отсюда проѣхалъ снова въ Кандагаръ, а затѣмъ, черезъ Систанъ, воротился въ Тегеранъ и въ началѣ 1839 года прибылъ въ Петербургъ, съ массою цѣнныхъ матеріаловъ, маршрутовъ и съемокъ. Представившись министрамъ военному и иностранныхъ дѣлъ, онъ былъ обласканъ ими и обнадеженъ въ щедрыхъ наградахъ, между которыми не послѣднюю роль игралъ переводъ въ гвардію. Наканунѣ представленія государю, когда надежды должны были оправдаться, Виткевичъ найденъ былъ въ нумерѣ гостинницы, гдѣ онъ остановился, застрѣленнымъ, а всѣ бумаги его исчезнувшими. Обстановка была похожа или поддѣлана подъ самоубійство, а въ печкѣ виднѣлась и груда пепла отъ сгорѣвшей бумаги. Слѣдствіе ничего не раскрыло...

Трудно, однако, допустить, чтобы человѣкъ, бившійся столько лѣтъ, чтобы поправить свою карьеру, отказался отъ нея какъ разъ наканунѣ исполненія самыхъ пылкихъ мечтаній, на девятый день по пріѣздѣ въ Петербургъ. Многіе подозрѣвали въ этомъ загадочномъ происшествіи англійскую руку... Кому болѣе всѣхъ должны быть интересны бумаги Виткевича, какъ не англичанамъ? Кто наиболѣе былъ раздраженъ неудачей Борнса и сердитъ на Виткевича, какъ не англичане? Они даже затѣяли изъ-за этого войну съ Афганистаномъ, кончившуюся для нихъ страшною катастрофой въ 1841 и 1842 г.г. Какъ бы то ни было, а смерть Виткевича лишила насъ важныхъ свѣдѣній объ Афганистанѣ; исчезъ и договоръ, заключенный имъ съ Достъ-Мухамедомъ. Единственная бумага, которая осталась на столѣ въ нумерѣ гостинницы, оказалась письмомъ Виткевича о томъ, что онъ самъ сжегъ свои бумаги...

Лѣтомъ 1836 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о задержаніи, какъ на оренбургской и сибирской линіяхъ, такъ и въ гор. Астрахани, всѣхъ хивинцевъ съ тѣмъ, чтобы они были освобождены не прежде, какъ по удовлетвореніи всѣхъ справедливыхъ требованій Россіи, особенно по освобожденію нашихъ плѣнниковъ.

Въ Оренбургѣ повелѣніе это исполнено было 28 августа, когда всѣ торговцы хивинскіе были на мѣновомъ дворѣ, готовые къ выступленію караваномъ. Задержанные хивинцы помѣщены были въ Оренбургѣ и по уѣзднымъ городамъ на гауптвахтахъ, въ острогахъ и въ свободныхъ казенныхъ зданіяхъ, гдѣ только было можно; на содержаніе каждому назначено было по 50 коп. ассигнаціями въ сутки, но, по составленіи ими артелей, оказалось достаточнымъ отпускать по 25 коп.

Всего задержано 572 хивинца съ товарами на 1.400,000 р.

Задержанные прибѣгали ко всевозможнымъ уловкамъ: отказывались отъ подданства Хивы, увѣряли, что товары принадлежатъ не имъ, а бухарцамъ; нѣкоторые даже заявляли желаніе вступить въ русское подданство, но все это оставлено безъ вниманія.

Арестъ хивинскихъ купцовъ и запрещеніе, наложенное на ихъ товары, прежде всего всполошило московскихъ гостиннодворцевъ и фабрикантовъ села Ивановскаго, которые отпустили хивинцамъ товаръ въ краткосрочный кредитъ. Явившись въ Оренбургъ, купцы наши стали хлопотать о возвращеніи своихъ товаровъ. Началась разборка тюковъ, сложенныхъ въ сараяхъ, подъ вѣдѣніемъ таможенныхъ чиновниковъ, и такъ какъ нерѣдко товаръ одного хозяина попадалъ къ другому, то возникали новыя жалобы, новыя хлопоты, новая возня.

Многіе изъ хивинскихъ купцовъ избѣгли ареста самымъ простымъ способомъ: они только надѣли чалмы, какъ бухарцы, и благополучно выбрались въ степь.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ханы Хивы и Бухары извѣщены были о принятой мѣрѣ, причемъ первому пояснены были всѣ непріязненныя его дѣйствія съ объявленіемъ, что заложники могутъ быть выручены только освобожденіемъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, у него находящихся.

Ханъ поспѣшилъ прислать въ январѣ 1837 г., съ посыльнымъ нашимъ татариномъ, своего посланца Кабылбая (правителя одной половины города Ургенча), но ему было объявлено, что признать его посланникомъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, нельзя, и что раньше всякихъ переговоровъ Хива должна освободить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ; привезенныя имъ письма были однакоже разсмотрѣны: одно, безъ подписи, было, по увѣренію Кабылбая, отъ хана на Высочайшее имя, другое отъ мехтера (министра финансовъ) на имя военнаго губернатора; но ни въ одномъ изъ нихъ не говорилось ни слова объ освобожденіи плѣнныхъ. Ханъ, между прочимъ, приписывалъ всѣ несогласія частнымъ дѣйствіямъ придворныхъ и жаловался на построеніе нами укрѣпленія Ново-Александровскаго.

Посолъ былъ отправленъ назадъ и снабженъ письмомъ вице-

канцлера къ хану, отъ котораго еще разъ и категорически требовалось выдать всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и не позже, какъ черезъ 4 мѣсяца.

Вскорѣ за тѣмъ (15 сентября) прибылъ новый гонецъ изъ Хивы, съ письмомъ на имя предсѣдателя пограничной коммиссіи, о томъ, что ханъ приказалъ собрать и отправить на родину всѣхъ нашихъ плѣнныхъ; въ концѣ октября получено извѣстіе и отъ Кабылбая съ береговъ Эмбы, о томъ, что онъ съ русскими плѣнными слѣдуетъ въ Оренбургъ. Тотчасъ сдѣланы были распоряженія къ принятію нѣсколькихъ сотъ нашихъ соотечественниковъ; но когда, наконецъ, 18 ноября прибылъ бухарскій караванъ и съ нимъ посланецъ хивинскій Кабылбай, то оказалось возвращенныхъ всего 25 человѣкъ, но зато это были люди, пробывшіе въ неволѣ по 30 — 40 лѣтъ, одинъ даже 55, слѣдовательно, съ хивинской точки зрѣнія, народъ ни къ чему не годный.

Однакожъ, возвращеніе и такого числа плѣнныхъ было неслыханнымъ до того событіемъ, и потому оно было торжественно отпраздновано: весь городъ встрѣтилъ, выкупленныхъ изъ неволи земляковъ, невдалекѣ отъ мѣнового двора; духовенство отслужило благодарственное молебствіе, подъ открытымъ небомъ и окропило возвращенныхъ святою водою, а купечество угостило ихъ обѣдомъ.

Кабылбаю вновь, письменно и словесно, подтверждено было, что задержанные хивинцы не будутъ освобождены до возвращенія на родину всѣхъ нашихъ плѣнныхъ; подарки отвергнуты, а товары хивинскіе, привезенные 20 купцами въ свитѣ посланца были возвращены обратно за печатями. За возвращенныхъ же изъ неволи 25 русскихъ немедленно освобождено было 5 хивинцевъ со всѣмъ ихъ имуществомъ. Кабылбаю дано и письмо къ народу, какъ бы прокламація:

„Одинадцать лѣтъ передъ симъ, пріѣзжалъ въ Сарайчиковскую крѣпость Вуизъ-Ніязъ и объявилъ, что присланъ отъ владѣтеля хивинскаго съ поклономъ, и что ханъ Аллакулъ хочетъ жить съ Россіей въ дружбѣ, а въ подарокъ привелъ слоновъ и аргамаковъ.

„По высочайшему повелѣнію Государя Императора, ему отвѣчали: „Кто держитъ въ неволѣ нашихъ людей, тотъ намъ не другъ. Привезите ихъ и тогда говорите о дружбѣ. Отъ враговъ подарковъ мы не принимаемъ и пріятельскихъ переговоровъ не ведемъ“.

„Отвѣтъ этотъ тогда написали на бумагѣ и вручили Вуизъ-Ніязу“.

„Требованія нашего вы не исполнили... а прислали Кабулбая да съ нимъ больныхъ и старыхъ, и то только 25 человѣкъ, русскихъ невольниковъ. Наконецъ, съ Нагуманомъ вы писали, что высылаете плѣнныхъ, и обманули“... (пропускаемъ повторенія).

„Подумайте, что вы дѣлали съ посылаемыми отъ насъ.

„За 44 года передъ симъ, былъ посланъ къ вамъ по вашей же просьбѣ лѣкарь Бланкенагель для лѣченія слѣпого Фазысъ-Бека. Вы содержали его подъ карауломъ и хотѣли убить".

„19 лѣтъ назадъ былъ посланъ къ вамъ изъ Оренбурга поручикъ Субханкуловъ. Вы его держали подъ карауломъ.

„Черезъ годъ потомъ былъ посланъ къ вамъ изъ Грузіи гвардіи капитанъ Муравьевъ; вы его держали подъ карауломъ въ Ильгильди... Такъ ли мы поступаемъ съ вашими?"

Далѣе шли угрозы напустить на Хиву киргизовъ, которые къ намъ натаскаютъ хивинцевъ, сколько хочешь. А мы ихъ будемъ отсылать подальше и употребимъ на казенныя работы.

„Посмотримъ, кто наберетъ больше людей, вы или мы?"

Ханъ хивинскій, видя, что наступаетъ время расплаты за всѣ беззаконные поступки хивинцевъ, и не видя уже возможности отдѣлаться, по прежнему, однѣми обѣщаніями, старался склонить Бухару къ союзу противъ Россіи; но эмиръ бухарскій не только отказалъ ему въ союзѣ, но даже отправилъ въ Россію посла для скрѣпленія дружественныхъ къ намъ отношеній. Посланецъ привелъ съ собою слона въ подарокъ Государю и представилъ трехъ, выбѣжавшихъ изъ хивинской неволи, русскихъ. Посолъ былъ допущенъ въ С.-Петербургъ, а въ октябрѣ 1839 г. отправился восвояси, вмѣстѣ съ горными инженерами, капитаномъ Ковалевскимъ и поручикомъ Гернгросомъ, посланными, по просьбѣ эмира, для разысканія въ Бухарѣ рудныхъ мѣсторожденій.

Въ августѣ же 1838 г., съ бухарскимъ караваномъ, прибыли еще два хивинскіе посланца съ 5 челов. русскихъ плѣнныхъ. Въ представленномъ ими письмѣ (по прежнему безъ подписи и печати) просилось о присылкѣ въ Хиву русскаго чиновника для сбора и принятія нашихъ плѣнныхъ, русскіе же плѣнные присланы были не отъ хана, а отъ одного купца, родственники коего задержаны были въ Оренбургѣ.

Одинъ посланецъ былъ отпущенъ, а другой съ 12 челов. прислуги былъ задержанъ. Мехтеру же было написано: „доколѣ не исполните требованій нашихъ, не признаемъ пословъ вашихъ, и потому не присылайте ихъ, они будутъ задержаны на ряду съ прочими".

Не смотря на то, черезъ годъ, въ августѣ 1839 года, прибыли новые два посланца хивинскіе, и на этотъ разъ уже съ 80 русскими плѣнными, изъ числа которыхъ 32 человѣка были взяты съ Каспійскаго моря весною того же года. Ханъ посылалъ ихъ Государю въ подарокъ, какъ „с в о ю д о л ю", которую получаетъ изъ добычи морскихъ разбойниковъ. Посольство это вызвано было, какъ оказалось, устройствомъ на р.р. Эмбѣ и Акъ-Булакѣ нашихъ укрѣпленій, назначавшихся служить складочными пунк-

тами для предстоявшаго въ Хиву похода. Цѣль приготовлявшагося поиска заключалась въ понужденіи хана выдать всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и предоставить караванной торговлѣ нашей полную свободу. Между тѣмъ, не смотря на столько положительныхъ обѣщаній хана освободить русскихъ плѣнныхъ, не смотря на безпрестанно отправляемыя имъ посольства, онъ продолжалъ подстрекать киргизовъ и туркменовъ къ захватыванію плѣнныхъ. Въ томъ же 1839 году взято было съ моря до 150 челов. рыбаковъ.

Все это дѣлалось съ разсчетомъ захватить какъ можно больше русскихъ, чтобы не убыточно было размѣнивать ихъ на задержанныхъ въ Россіи хивинцевъ.

Тогдашній вице-канцлеръ Нессельроде и военный министръ графъ Чернышевъ не только не сочувствовали идеѣ похода, въ виду ничтожности намѣченныхъ результатовъ, но и всячески противодѣйствовали въ этомъ Перовскому. Испросивъ разрѣшеніе явиться въ Петербургъ для личнаго доклада, Перовскій добился, наконецъ, разрѣшенія императора Николая I, когда на возраженія Чернышева сказалъ Государю рѣшительнымъ тономъ:

— Государь, я принимаю экспедицію на свой страхъ и на свою личную отвѣтственность.

— Когда такъ, то съ Богомъ!—отвѣтилъ императоръ.

Черезъ нѣсколько дней составленъ былъ особый комитетъ изъ Нессельроде, Чернышева и Перовскаго.

Высочайше утвержденный 12 марта 1839 г., журналъ этого комитета опредѣлялъ:

1. Приступить немедленно, со всевозможною дѣятельностію, ко всѣмъ приготовленіямъ для поиска въ Хиву и основать немедленно необходимые на пути туда склады и становища.

2. Содержать истинную цѣль предпріятія въ тайнѣ, дѣйствуя подъ предлогомъ посылки одной только ученой экспедиціи къ Аральскому морю.

3. Отложить самый походъ до окончанія дѣлъ Англіи въ Афганистанѣ, дабы вліяніе или впечатлѣніе дѣйствій нашихъ въ Средней Азіи имѣло болѣе вѣса и дабы Англія, собственными завоеваніями своими, лишила себя права безпокоить правительство наше требованіемъ разныхъ объясненій; но ни въ какомъ случаѣ не откладывать похода далѣе весны 1840 года.

4. Въ случаѣ удачи предпріятія *) смѣнить хана Хивы и за-

*) Если бы ханъ, устрашенный приготовленіями, выслалъ плѣнныхъ ранѣе, то рѣшено было требовать отъ него уплаты всѣхъ издержекъ на снаряженіе экспедиціи, назначивъ для взноса самый краткій срокъ, въ томъ разсчетѣ, что ханъ выполнить этого требованія былъ бы не въ состояніи, а тогда война сдѣлалась бы неизбѣжною и наши приготовленія не пропали бы даромъ.

мѣнить его надежнымъ султаномъ кайсацкимъ; упрочить по возможности порядокъ, освободить всѣхъ плѣнниковъ и дать полную свободу нашей торговлѣ.

5. Опредѣлить, на основаніи смѣты, на это предпріятіе до 1,700,000 руб. ассигнаціями *) (1,698,000 руб. собственно) и 12,000 червонныхъ, снабдить отрядъ оружіемъ и необходими снарядами; разрѣшить оренбургскому военному губернатору пользоваться всѣми пособіями отъ мѣстнаго артиллерійскаго и инженернаго начальства; и наконецъ

6. Предоставить повѣрку и окончательное утвержденіе всѣхъ отчетовъ по сему дѣлу Оренбургскому военному губернатору, который обязанъ впослѣдствіи представить о порядкѣ повѣрки этой особое соображеніе.

Это было установлено въ тѣхъ видахъ, что большая часть закупокъ (верблюды, фуражъ, хлѣбъ и проч.) должна была производиться у кочующихъ инородцевъ, съ которыми трудно было бы вести дѣло форменнымъ порядкомъ, съ расписками, квитанціями и т. п. оправдательными документами. Очевидно, что повѣрка была почти невозможна, и ловкіе люди прекрасно этимъ воспользовались. Главная доля закупокъ возложена была на ген.-м. Ціолковскаго, ген.-лейт. Толмачева, ген.-м. Генса, Рокасовскаго, полковниковъ: Кожевникова и Кузьминскаго, подполк. Иванина, гвардіи кап. Дебу, шт.-рот. Габбе, есаула Сычугова, пор. Иванова и доктора колл. сов. Даля. По тогдашнему складу понятій, казенныя покупки были кладомъ для умѣющаго ими пользоваться. Иванинъ, въ описаніи зимняго похода въ Хиву, въ 1839—1840 годахъ, весьма часто намекаетъ на злоупотребленія. „Если бы,—говоритъ онъ (стр. 5),—послѣ похода въ Хиву назначено было слѣдствіе по этимъ злоупотребленіямъ, какъ послѣ Крымской войны, то безъ сомнѣнія нашли бы не одного виновнаго въ злоупотребленіяхъ“. Лучше всѣхъ устроилъ свои дѣла Ціолковскій: ему поручено было купить верблюдовъ; затѣмъ, когда онъ нашелъ, что выгоднѣе нанимать ихъ, то лучшіе изъ купленныхъ были перепроданы маркитанту Зайчикову (онъ же и Дѣевъ). Такъ какъ Ціолковскій почти все время похода распоряжался верблюдами, перемѣнялъ ихъ, отпускалъ вожаковъ и проч., и такъ какъ верблюды ни разу не могли быть усчитаны, то ничего нѣтъ мудренаго, что состояніе Ціолковскаго возросло до полумиліона. Бѣдный польскій шляхтичъ, поступивъ юнкеромъ въ пѣхоту, и затѣмъ писцомъ въ дивизіонный штабъ Эссена, су-

*) Изъ нихъ 700,000 было отпущено Перовскому тотчасъ же, но для сохраненія тайны деньги эти требовались не изъ государственнаго казначейства, а изъ общаго экономическаго капитала воен. министерства Въ указѣ министру сказано: „для употребленія по извѣстнымъ ему (Перовскому) предначертаніямъ Нашимъ“.

мѣлъ обратить на себя вниманіе этого генерала и, съ назначеніемъ его оренбургскимъ воен. губернаторомъ, перешелъ и самъ въ штабъ оренбургскаго корпуса. Назначенный впослѣдствіи командиромъ башкирскаго и мещерякскаго войска, Ціолковскій получилъ въ награду 2,000 десятинъ лучшей земли, а послѣ похода прикупилъ еще до 8,000 дес. Какъ заготовлялись разные предметы снаряженія въ самыхъ войскахъ, можно судить изъ того, что, напримѣръ, командиръ 1 оренб. казачьяго полка баронъ Корфъ, вмѣсто того, чтобы на отпущенныя деньги купить въ Симбирскѣ теплыя рукавицы, чулки и валенки, распорядился надѣлать ихъ изъ разнаго старья: чулки и рукавицы изъ старыхъ вальтрановъ, а валенки изъ потертыхъ уже потниковъ. Это было выгодно, но едва ли стоило шитья,—ибо, во-первыхъ, нисколько не грѣло, а во-вторыхъ весьма скоро истрепалось.

10 октября 1839 г. послѣдовало еще дополнительное распоряженіе о дѣйствіяхъ нашихъ по занятію Хивы, а также составленъ былъ проектъ обязательнаго акта, коимъ, по утвержденіи новаго правительства въ Хивѣ, предполагалось прекратить, на будущее время, всѣ несогласія съ этимъ ханствомъ.

Самого хана, какъ уже сказано въ пунктѣ 4 постановленія комитета, рѣшено было замѣнить какимъ-нибудь изъ надежныхъ киргизскихъ султановъ. Самымъ надежнымъ казался тогда султанъ-правитель западной части орды Бай-Мухамедъ Айчуваковъ; его-то и рѣшено было сдѣлать хивинскимъ ханомъ. Кстати это должно было заинтересовать киргизовъ въ успѣхѣ предпріятія. Устроено было торжественное засѣданіе военнаго совѣта въ Оренбургѣ. Айчувакова приняли съ почетомъ, для него необычнымъ, усадили его на почетное мѣсто, рядомъ съ генер.-губернаторомъ и затѣмъ, разъяснивъ цѣль похода, спросили: „Хочешь ли ты занять хивинскій престолъ?“

— Какой это престолъ,—возразилъ султанъ,—я даже не смѣю и называть его такимъ словомъ, потому что такъ называется и тронъ Русскаго царя! Хивинскій же впору назвать развѣ только трундукомъ *)! Моя кибитка, моя семья и мой аулъ дороже для меня всей Хивы. Срамиться я также не хочу. Если русскіе штыки не будутъ беречь поставленнаго ими хана, то онъ ничего не будетъ значить, а я не хочу уступать презрѣннымъ хивинцамъ.

Совѣтъ призналъ эти доводы основательными и рѣшено было оставить при Айчуваковѣ русскую гвардію, какъ это и входило въ планы Петра I.

Съ этого времени Айчувакову былъ приданъ титулъ „степенства“, которымъ онъ и пользовался до самой смерти.

Итакъ, до похода оставался еще годъ сроку. Сначала предполо-

*) Киргизскій каламбуръ: трундукъ значитъ сидѣнье и стульчакъ

жено было выступить раннею весною 1840 года, но обстоятельства заставили поспѣшить дѣломъ и предпринять походъ четырьмя мѣсяцами ранѣе, т. е. осенью 1839 года.

Предпочтеніе это было основано на томъ, что, выступивъ изъ Оренбурга въ началѣ весны 1840 г. отряду пришлось бы проходить къ Хивѣ безводными, соляными степями, въ самое знойное время, тогда какъ позднею осенью или зимою отрядъ могъ избѣгнуть, по крайней мѣрѣ, двухъ тяжелыхъ испытаній: жары и безводья.

Эти доводы можно было предвидѣть и заранѣе, но тутъ прибавилось новое, уже не предвидѣнное обстоятельство: башкиры, возившіе по наряду на Эмбу разные запасы и строившіе потомъ укрѣпленія Эмбенское и Акъ-булакское, приведены были въ крайне отчаянное положеніе недостаткомъ продовольствія. Изъ 23,290 лошадей у нихъ пало 8,869, изъ 7,878 чел. было больныхъ цынгою и сапомъ до 2,000, изъ коихъ къ этому времени умерло 199. Распущенные по окончаніи работъ башкиры шли пѣшкомъ, какъ голодные волки, отнимая у киргизъ и верблюдовъ, и лошадей. Это заставило киргизъ откочевать въ глубь степи и тѣмъ чуть не разстроило предпринятую экспедицію: достать верблюдовъ было не у кого. Вызванный въ Оренбургъ Айчуваковъ обѣщалъ уладить дѣло и далъ слово нанять верблюдовъ во что бы то ни стало, но не иначе, какъ теперь же, не откладывая до зимы, когда киргизы откочуютъ еще дальше.

„Оказалось гораздо выгоднѣйшимъ,—писалъ Перовскій,—не покупать верблюдовъ, какъ было предположено, а нанять ихъ, обще съ возчиками, потому что обошлись бы несравненно дороже и, кромѣ того, безъ тщательнаго за ними присмотра самихъ хозяевъ, большею частію не выдержали бы похода; наемка же эта не можетъ быть произведена зимою, когда всѣ кайсаки сидятъ неподвижно на отдаленныхъ зимовьяхъ своихъ, а только лѣтомъ, черезъ посредство султановъ-правителей; вотъ почему я также нашелся вынужденнымъ обезпечить предпріятіе въ этой важнѣйшей потребности, и нанять верблюдовъ нынѣ же, не теряя времени. По симъ причинамъ, то есть, какъ для значительнаго сокращенія издержекъ (за верблюдовъ надо было платить со дня найма), такъ и для того, чтобы не потерпѣть въ степяхъ недостатка въ водѣ, я принужденъ буду выступить, не дожидаясь весны, и вѣроятно въ ноябрѣ мѣсяцѣ, хотя обстоятельство это въ сущности своей и не противорѣчитъ Высочайше утвержденному журналу, потому что отрядъ достигаетъ цѣли своей не ранѣе тамошней весны“.

Кромѣ того, стремленіе англичанъ проникнуть, въ это время, въ Среднюю Азію и интриги ихъ заставляли насъ принять мѣры для предупрежденія ихъ на этой аренѣ.

Не имѣя возможности знать истинное положеніе дѣлъ въ при-

легающихъ къ намъ частяхъ Средней Азіи, англичане были поэтому весьма озабочены дѣйствіями нашими въ киргизскихъ степяхъ. Припомнился имъ и знаменитый планъ русскихъ проникнуть въ Индію, планъ, извлеченный на минуту изъ забвенія, въ 1800 году консуломъ Наполеономъ и императоромъ Павломъ. Припомнилась и ихъ собственная завоевательная политика въ Азіи. Отсюда уже недалеко до увѣренности, что русскіе подкатываются именно къ Индіи, и что средства употребляютъ—англійскія.

Съ 1824 г. рядъ англійскихъ агентовъ, не смотря ни на какія затрудненія, проникаетъ въ Среднюю Азію, а нѣкоторые возвращаются въ свое отечество чрезъ Россію. Съ этого же времени англичане, подъ видомъ евангелическихъ миссіонеровъ, утвердились было цѣлою колоніею въ Оренбургѣ; но когда у насъ замѣтили, что миссіонеры эти намѣрены были заняться совсѣмъ другими дѣлами, то ихъ удалили. Тогда, потерявъ надежду къ распространенію своего вліянія на Среднюю Азію изъ самой Россіи, англичане начали проникать туда преимущественно изъ Индіи и черезъ Персію. Такъ, съ 1824 года перебывали въ Средней Азіи: Муркрофтъ, Конноли, Вольфъ, Борнсъ и Стрендусъ, а вслѣдъ за ними появились Стоддартъ, Абботъ и Шекспиръ.

Изъ нихъ Муркрофтъ, Конноли и Стоддартъ погибли въ Бухарѣ, а Борнсъ—въ Кабулѣ.

Для наблюденія за англійскими агентами и противодѣйствія имъ, рѣшено было въ 1835 г. отправить въ Среднюю Азію русскихъ агентовъ, а для соперничества въ торговомъ отношеніи учредить русскую компанію. Небольшая компанія дѣйствительно составилась, но уже въ сороковыхъ годахъ, то-есть послѣ хивинскаго похода, прекратившаго надолго грабительство въ степяхъ; но эта компанія скоро разстроилась. Дипломатическимъ же агентомъ въ Бухару отправленъ былъ, какъ мы говорили выше, подпоручикъ Виткевичъ, а въ Персію полковникъ Гра-Симоничъ, выходецъ изъ Сербіи, передѣлавшій частичку гра на графъ, хотя въ Сербіи никакихъ графовъ никогда не существовало. Симоничъ руководилъ персидскими войсками въ дѣйствіяхъ противъ Герата въ 1838 году, и съ нимъ шелъ тогда Виткевичъ, какъ мы говорили выше, съ цѣлію пробраться въ Кабулъ.

Англичане тотчасъ послали въ Гератъ Потинджера для укрѣпленія города. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась осада, еслибы Симоничъ не былъ отозванъ совершенно неожиданно, вслѣдствіе ноты маркиза Кланрикарда отъ 4 мая 1838 г. Дѣло въ томъ, что Виткевичъ, успѣвшій сойтись дружески съ Достъ-Мухамедомъ въ Кабулѣ, наобѣщалъ ему золотыя горы отъ союза съ Россіей, разсказалъ, что сама Персія, такая сильная держава, только что побитая Россіей и заплатившая 10 куруровъ тумановъ,

т. е. 20 милліоновъ золотомъ, за военныя издержки, теперь ищетъ дружбы великаго Бѣлаго Царя и даже отдала свои войска подъ команду русскаго полковника.

Къ Герату тотчасъ потянулись разные афганскіе сердари убѣдиться воочію въ справедливости этого разсказа и нашли тамъ еще цѣлый русскій баталіонъ... а Достъ-Мухамедъ рѣшился войти въ союзъ, если Россія поручится за его владѣнія. Симоничъ не задумался дать афганцамъ эту гарантію отъ имени русскаго правительства. Ради переговоровъ о союзѣ, Виткевичъ и ѣздилъ вторично въ Кандагаръ. Черезъ Борнса, англичане слѣдили за Виткевичемъ и даже достали копію его договора съ кандагарскими претендентами. Тогдашній англійскій посланникъ въ Петербургѣ маркизъ Кланрикардъ, въ своей нотѣ, указывалъ вице-канцлеру Нессельроде, что графъ Симоничъ, съ 1836 года, склоняетъ шаха завоевать Гератъ, а теперь, въ лагерѣ подъ Гератомъ, руководитъ осадой.—Одинъ изъ русскихъ агентовъ, Ваховичъ или Омеръ-Бей, служащій въ Оренбургскомъ штабѣ, является пособникомъ афганскаго эмира въ возстаніи его противъ Англіи. Въ дневникѣ П. Г. Дивова (Рус. Стар. 1902 Сент. „1838 годъ въ Петербургѣ“) Виткевичъ названъ Витковскимъ и такимъ образомъ является подъ четырьмя фамиліями. Симоничъ былъ отозванъ подъ предлогомъ, что онъ зашелъ за предѣлы своихъ полномочій. Назначенный вмѣсто него полковникъ Дюгамель вступился за своего предмѣстника передъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, обвинявшимъ его въ самовольствѣ и превышеніи полномочій. Родофиникинъ тогда уже умеръ и мѣсто его занялъ Синявинъ. Въ сущности Дюгамель винилъ во всемъ Родофиникина, доказывая, что хотя Симоничъ „былъ опрометчивъ и дѣлалъ ошибки...“, но держался министерскихъ инструкцій, данныхъ Виткевичу, для котораго торговые интересы наши были только предлогомъ, а въ сущности были ничтожны... Графъ Нессельроде, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, въ депешѣ 20 октября 1838 г., однако, доказывалъ, что никакихъ замысловъ противъ Индіи у насъ не было, и ни торговаго трактата, ни политическихъ комбинацій мы заключать не собирались, а командировка Виткевича есть только отвѣтъ на посольство эмира; Симоничъ же дѣйствительно превысилъ свои полномочія и отозванъ; его преемникъ Дюгамель уже отозвалъ Виткевича, а Императоръ Николай даже потребовалъ отъ шаха выдачи русскихъ бѣглыхъ. Англичане оправданій не ждали и послали эскадру въ Персидскій заливъ, заняли островъ Карракъ и городъ Бендеръ-Буширъ, чѣмъ и заставили Персію отступиться отъ союза съ Россіей и снять осаду Герата 28 августа 1838 г. Затѣмъ настала очередь и Достъ-Мухамеда, за котораго и принялись теперь англичане. Двинувшись лѣтомъ 1839 года тремя

колоннами, они заняли къ августу Кабулъ, Кандагаръ и Газни. Достъ-Мухамедъ бѣжалъ. На его мѣсто посаженъ Шахъ-Шуджа. Англійскіе агенты наводнили средне-азіатскія ханства: въ Коканѣ—Конноли, въ Бухарѣ—Стоддартъ, въ Хивѣ—Абботъ и Шекспиръ. Чтобы устранить поводъ къ войнѣ Россіи съ Хивою, Абботъ предложилъ хану даже выкупъ за русскихъ плѣнныхъ, но оказалось, что наличныхъ денегъ для этого у него не было, и взбѣшенный ханъ вытолкалъ его пинками ноги, а затѣмъ засадилъ въ яму.

Между тѣмъ, извѣстія, доходившія къ намъ въ 1839 г. изъ Средней Азіи, были самыя неутѣшительныя: купцы и агенты увѣряли, напримѣръ, что въ Хиву прибыло изъ Кабула 25 чел. англичанъ, предлагая хивинскому хану помощь противъ Россіи войсками и деньгами, — слухъ казался тѣмъ вѣроятнѣе, что въ это время англичане уже заняли Кабулъ, изгнавъ расположеннаго къ намъ Достъ-Мухамеда. Этимъ объясняли въ Оренбургѣ и нерѣшительность хивинскаго хана, который то соглашался выдать всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, то вдругъ отдумывалъ. Такіе происки англичанъ заставили поторопиться экспедиціею.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Оренбурга была изгнана англійская евангелическая миссія, засѣвшая тамъ съ начала тридцатыхъ годовъ, подъ предлогомъ проповѣди христіанства среди киргизовъ, а на самомъ дѣлѣ занимавшаяся шпіонствомъ, сношеніями съ Хивой и Бухарой и возбужденіемъ ихъ противъ Россіи. Куда англичане не могли проникнуть съ оружіемъ, туда они являлись съ аршиномъ, а если и аршиномъ достать не могли, — не церемонились пустить въ ходъ и Евангеліе!

Никого изъ киргизъ евангелисты въ свою вѣру не обратили, да и не старались объ этомъ, но зато англійскій посолъ въ Тегеранѣ отлично зналъ о приготовленіяхъ къ ученой экспедиціи, въ которой не было ни одного ученаго...

Такъ какъ, вслѣдствіе пожаровъ, приготовленія не могли быть окончены ранѣе осени, то оставалось рѣшить только одинъ вопросъ: когда идти лучше—зимой или лѣтомъ?

Сначала думали выступить раннею весной, пройти весь путь до Хивы въ 50 дней, сдѣлать свое дѣло, а осенью назадъ. Пѣхоту везти на верблюдахъ. Если въ корзинахъ, то по 3 человѣка на верблюда, а если въ длинныхъ повозкахъ на высокихъ колесахъ съ широкими ободьями, то по 8 и 10 человѣкъ на каждаго верблюда.

Но тутъ стали вспоминать разные историческіе примѣры зимнихъ походовъ.

Примѣры Чингисъ-хана, прошедшаго съ 200,000 арміею, по снѣгу, степь Гоби, для покоренія Китая (1211 г.), и степь Бекъ-

пакъ (въ нынѣшней Акмолинской области) при движеніи на Хиву въ 1219 г. Примѣры Тамерлана, начинавшаго свои нашествія къ Сибири или къ Уралу всегда зимою; такъ, въ январѣ 1391 г. онъ двинулся отъ Ташкента къ р. Ишиму и Тоболу, откормилъ здѣсь весною коней, а затѣмъ въ 40 дней прошелъ до 1,000 верстъ, настигъ Тохтамыша при р. Кондурчѣ, въ нынѣшней Самарской губерніи, и разбилъ его. Наконецъ, примѣры изъ нашего собственнаго опыта: а) зимній походъ воеводъ Ушатаго и Курбскаго въ 1499 г. (при Иванѣ III) къ берегамъ Иртыша и Оби, когда русскимъ пришлось пройти на лыжахъ до 3,000 верстъ; б) походы 1800 г. въ Швецію, по льду черезъ Балтійское море, князя Багратіона изъ Або, чрезъ Аландскіе острова, а оттуда Кульнева къ берегамъ Швеціи, Барклая-де-Толли изъ Вазы черезъ Кваркенъ къ Гриссельгаму (въ два дня сдѣлано 100 верстъ, но артиллерію пришлось бросить); графа Шувалова изъ Улеоборга, чрезъ Торнео,—въ Улео.

Походъ 12 года также казался многимъ доказательствомъ того, что „морозы русскому человѣку ни по чемъ“. Зимняя экспедиція Берга, о которой мы уже говорили, также склоняла оренбургское начальство въ пользу зимы. На бѣду у насъ вздумали еще посовѣтоваться съ русскимъ фельдмаршаломъ, хотя и англійскимъ главнокомандующимъ, желѣзнымъ герцогомъ Веллингтономъ который тогда считался у насъ первымъ военнымъ авторитетомъ за побѣду надъ Наполеономъ подъ Ватерлоо. Авторитетъ этотъ не признавали только пруссаки, приписывавшіе эту побѣду и не безъ основанія, своему фельдмаршалу Блюхеру, да французы, считавшіе, что самъ Веллингтонъ былъ разбитъ ими подъ Ватерлоо и что бой былъ возобновленъ и обратился въ пораженіе французовъ только съ прибытіемъ пруссаковъ Блюхера.

Зная характеръ Веллингтона, вѣчно интриговавшаго противъ союзниковъ, Наполеонъ разсчитывалъ, что если онъ нападетъ прежде на Блюхера, то англичане помогать тому не станутъ, а если нападетъ на англичанъ, то Блюхеръ тотчасъ явится на выстрѣлы; поэтому Наполеонъ напалъ раньше на пруссаковъ, разбилъ ихъ и затѣмъ пошелъ на англичанъ и также разбилъ ихъ, но къ вечеру явился, кружнымъ путемъ, разбитый Блюхеръ и далъ англичанамъ поправиться! Веллингтонъ никакъ не ожидалъ этого и самъ былъ удивленъ своей побѣдой. На портретѣ его, гравированномъ впослѣдствіи въ Парижѣ, побѣдоносный взгдядъ широко раскрытыхъ глазъ, далъ поводъ французамъ сочинить слѣдующую надпись:

D'où vient cet air d'etonnement
Sur le visage, où dût briller la gloire?
C'est que le peintre a maladroitement
Peint le héros le jour de sa victoire!

(Откуда этотъ удивленный видъ на лицѣ, гдѣ бы должна блистать слава? Это потому, что художникъ срисовалъ героя въ день его побѣды!).

Веллингтонъ въ совѣтѣ не отказалъ и высказался въ пользу зимнихъ походовъ черезъ безводныя степи, потому что вода будетъ всюду подъ ногами, въ видѣ снѣга. Все это рѣшило вопросъ въ пользу зимы. Кстати еще вспомнили, что Бековичъ ходилъ въ Хиву лѣтомъ, „въ іюлѣ, въ самый зной", что одна изъ главныхъ причинъ неудачи его заключалась въ утомленіи людей и большой убыли (будто до 1/4 части отряда), но забыли при этомъ, что главное дѣло было сдѣлано: отрядъ дошелъ до хивинскихъ поселеній, разбилъ хивинское войско, и ему оставалось только умѣть воспользоваться побѣдою, а для этого не доставало только здраваго смысла въ предводителѣ...

Забыли также знаменитый поискъ яицкихъ казаковъ въ1602 г. на столицу ханства Ургенчъ (нынѣ Куня-Ургенчъ) для захвата себѣ женщинъ и добычи: совершенный лѣтомъ и вполнѣ удачно, набѣгъ этотъ окончился гибелью всѣхъ 1,000 казаковъ только изъ-за массы тяжестей добычи, съ которою казаки едва тащились назадъ и были настигнуты.

Забыли также про бураны, способные занести дорогу до невозможности движенія, а поля до невозможности держать вьючный скотъ на подножномъ корму. Забыли, что верблюдъ вообще плохо справляется съ глубокимъ снѣгомъ и своею мягкою ступнею не можетъ разгребать снѣгъ для отысканія осенней травы; забыли это и не взяли съ собой корма для верблюдовъ. Забыли про-то, что для добыванія воды изъ снѣгу нуженъ громадный запасъ дровъ, слѣдовательно и множество лишнихъ верблюдовъ, множество лишнихъ погонщиковъ, которыхъ тоже надобно кормить, а слѣдовательно везти для нихъ запасы на новыхъ верблюдахъ и т. д.

А главное, забыли то, что ужъ если предпочли зимнюю экспедицію, то ее надо предпринимать на хорошо выкормленныхъ передъ тѣмъ лошадяхъ и верблюдахъ, а для этого надо собраться задолго до зимы въ мѣстности, ближайшей къ безводной степи а затѣмъ быстро пройти ее по первому снѣгу, когда нѣтъ еще ни особенныхъ бурановъ, ни морозовъ.

Не смотря на то, что главнымъ противникомъ зимняго похода былъ нач. штаба Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса баронъ Розенъ-Касовскій, все-таки Перовскій предпочелъ зимнюю экспедицію, за которую стоялъ почему-то генералъ Станиславъ Ціолковскій...

Планъ похода былъ составленъ на слѣдующихъ основаніяхъ.

1) Устроить на пути въ Хиву укрѣпленіе, которое бы послужило складочнымъ мѣстомъ для экспедиціи.

2) Главный отрядъ составить изъ 5,000 челов., изъ которыхъ 3000 пойдутъ въ Хиву, остальные же 2,000 назначаются для прикрытія операціонной линіи.

3) Всѣ заготовленія, какъ по удобству и дешевизнѣ, такъ и для лучшаго надзора, произвести въ г. Оренбургѣ, откуда выступить и главнымъ силамъ отряда.

4) По мѣрѣ заготовленія запасовъ къ походу, перевозить ихъ наряженными отъ башкирскаго войска подводами изъ Оренбурга внутрь степи, въ устроенное для того складочное мѣсто.

5) Для прикрытія транспортовъ съ запасами, направленныхъ съ линіи на промежуточный пунктъ, составить особый отрядъ, не входящій въ составъ главныхъ силъ.

6) Перевозку всѣхъ тяжестей главнаго отряда произвести на верблюдахъ, которыхъ и собрать, въ потребномъ числѣ, въ теченіе лѣта, отъ подвластнымъ намъ киргизскихъ родовъ.

7) Занявъ и укрѣпивъ Хиву или какой-либо другой хивинскій городъ, дѣйствавать по обстоятельствамъ.

Въ удачѣ предпріятія никто не сомнѣвался: хивинцевъ считали не воинственными, въ вѣрность войска изъ туркменъ не вѣрили, въ вѣрность артиллеристовъ изъ русскихъ плѣнныхъ—еще менѣе, хивинскаго оружія не боялись, знали, что огнестрѣльнаго оружія въ Хивѣ мало, что порохъ плохой и что ядра не отвѣчаютъ калибру орудій и потому загоняются съ войлокомъ.

Весь вопросъ состоялъ въ томъ, какъ бы добраться до этого разбойничьяго гнѣзда, а ужъ разнести его никто не считалъ задачей. Хивинцы—это азіатскіе плантаторы-рабовладѣльцы: въ часъ разсчета имъ придется еще подумать и о томъ, какъ оставить семью на рукахъ озлобленныхъ рабовъ?

Итакъ, удача казалась несомнѣною.

На всѣ издержки по экспедиціи ассигновано было изъ суммъ военнаго министерства 1.700,000 р. асигн. и 12,000 червонныхъ (т. е. 521,714 р. $28^2/_7$ коп. нынѣшняго курса); исполненіе самой экспедиціи возложено было на тогдашняго оренбурскаго военнаго губернатора генералъ-маіора Перовскаго.

Войска Оренбургскаго корпуса, изъ которыхъ надобно было сдѣлать выборъ людей для экспедиціоннаго отряда, въ то время имѣли на лицо.

	Штабъ и оберъ-офицеровъ и заурядъ-чиновниковъ.	Нижнихъ чиновъ.	
		Строевыхъ.	Нестроев.
А. Конницы . . .	2,002	103,566	624
Б. Пѣхоты	181	8,999	373
В. Артиллеріи: . .	19	804	151
А всего . . .	2,202	113,369	148

Пѣхота Оренбургскаго корпуса имѣла важные недостатки: она не только никогда не участвовала въ дѣлахъ противъ непріятеля, не дѣлала никакихъ походовъ, но даже и не собиралась никогда въ лагери. Многіе изъ нижнихъ чиновъ завели осѣдлость, построили дома, занялись земледѣліемъ и торговлею, такъ что регулярные линейные баталіоны постепенно и незамѣтно обратились какъ бы въ поселенное войско. Для пресѣченія этого и чтобы подвинуть военное образованіе пѣхоты Оренбургскаго корпуса, генералъ Перовскій передвинулъ всѣ баталіоны на новыя мѣста и началъ собирать части войскъ въ лагери, что нѣсколько улучшило дисциплину и фронтовое образованіе. Да и личный составъ оренбургской пѣхоты весьма не благопріятствовалъ успѣшности военнаго образованія: такъ, въ апрѣлѣ 1839 г. въ семи оренбургскихъ линейныхъ баталіонахъ считалось:

РЕКРУТОВЪ:

Русскихъ	582
Поляковъ	549
Поляковъ прежняго поступленія	1,578
Сосланныхъ и наказанныхъ	1,694
Итого . . .	4,403

То есть изъ 8,999 человѣкъ всей пѣхоты 4403 человѣка, или почти половина людей, были или рекруты, или сосланные; изъ этого-то количества пѣхоты приходилось взять въ составъ экспедиціоннаго отряда до 3,000 человѣкъ, а если бы выборъ падалъ при этомъ преимущественно на старослужащихъ и надежныхъ людей, то самъ Оренбургскій край остался бы при однихъ только рекрутахъ, полякахъ и штрафованныхъ!

Всего въ экспедиціонный отрядъ было назначено:

Пѣхоты 3 1/2 баталіона.

Кавалеріи 2 полка или 12 сотенъ уральскихъ казаковъ, 3 сотни оренбургскихъ казаковъ и башкирцевъ и конвойный дивизіонъ отъ 1 Оренбургскаго полка*). Всего 17 сотенъ. Въ степи должны были присоединиться еще до 250 киргизовъ,

Артиллеріи 22 орудія (въ томъ числѣ горныхъ 8, мортиръ 6, фальконетовъ 2) и 4 ракетныхъ станка.

Въ пѣхотѣ было 58 штабъ и оберъ-офицеровъ и 2,983 нижнихъ чиновъ, въ кавалеріи 57 штабъ и оберъ офицеровъ и 1,721 нижнихъ чиновъ, а съ киргизами 1971 человѣкъ; въ артиллеріи— 11 штабъ и оберъ офицеровъ и 257 нижнихъ чиновъ.

*) Захарьинъ увѣряетъ, будто этотъ дивизіонъ былъ отъ конно-регулярнаго уфимскаго полка. Странно какъ-то слышать „конно-регулярный“: если часть регулярная, то никогда регулярною не называется.

Прикомандированныхъ къ отряду (гальванеровъ 5, понтонеровъ 2, а въ помощь имъ 52 изъ линейныхъ солдатъ, моряковъ 2 офицера, а къ нимъ 64 уральскихъ казака) всего—4 штабъ- и оберъ-офицера и 126 нижнихъ чиновъ.

Штабъ состоялъ изъ 3 генераловъ, 4 штабъ-офицеровъ, 15 оберъ-офицеровъ, 10 классныхъ чиновниковъ, 1 священника, 34 унтеръ-офицеровъ, писарей и фельдшеровъ и 41 деньщика,— итого 108 чел.

Однако, по вѣдомости общаго разсчета верблюдовъ при движеніи отъ Эмбенскаго укрѣпленія, оказывается, что штабъ-офицеровъ прибавилось 2, оберъ-офицеровъ 3. Такъ что, не считая священника, писарей и т. д., однихъ офицеровъ и чиновниковъ при штабѣ состояло 37 человѣкъ, а штаба настоящаго все-таки не было...

Въ числѣ чиновниковъ считались 4 медика, 3 переводчика, 1 аудиторъ и 2 по особымъ порученіямъ—Ханыковъ и Даль.

Кромѣ Перовскаго, въ отрядѣ были: ген.-лейт. Толмачевъ, ген.-маіоръ Молоствовъ и Ціолковскій.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ (Р. Арх. 1887 г., стр. 615) Даль говоритъ: „Нѣтъ начальника штаба, оберъ-квартирмейстера, оберъ-провіантмейстера и многихъ другихъ“. Въ случаѣ какой-нибудь нужды, никто не зналъ, къ кому обратиться.

А всего чиновъ въ отрядѣ 5,325 человѣкъ, при 22 орудіяхъ и 4 ракетныхъ станкахъ.

Отрядъ снабженъ былъ миннымъ инструментомъ, шестью холщевыми понтонами и 300 бурдюками для переправъ, а также двумя разборными плоскодонными лодками и четырьмя уральскими бударами на колесахъ. Лодки въ 35 футъ длины предназначались для плаванія по Аральскому морю на возвратномъ пути; но попали онѣ не на воду, а въ огонь, такъ какъ были употреблены на дрова еще въ передній путь...

Заботливость Перовскаго о здоровьѣ и удобствахъ нижнихъ чиновъ отряда простиралась до мелочей: обо всемъ онъ подумалъ, противъ каждой случайности принялъ мѣры. Нижнимъ чинамъ регулярныхъ войскъ сшиты были кителя-стеганки изъ джебаги (свалянной шерсти киргизскихъ барановъ, которую, на подобіе ваты, нашивали на холстъ и простегивали чрезъ подкладку), куртки изъ сайгачьихъ шкуръ (овчины годовалыхъ киргизскихъ ягнятъ), суконные шаровары со стеганными джебагою наколѣнниками, теплыя фуражки съ козырьками и широкими назатыльниками, холщевые широкіе шаровары, для надѣванія сверхъ суконныхъ, такъ какъ къ холсту снѣгъ менѣе пристаетъ и его легче высушить; шинели были разставлены (т. е. уширены), чтобъ подъ нихъ можно было надѣвать теплую одежду.

Эти затѣйливые зимніе уборы главнымъ образомъ и погубили

столько народу во время похода. Вмѣсто того, чтобы снабдить людей просто полушубками, кто-то посовѣтовалъ, ради экономіи, дать имъ кителя и подбить джебагой! Мы говорили уже, что вслѣдствіе пожаровъ мастеровые запоздали, а потомъ торопились и простегивали кое-какъ. Джебага отпарывалась, сползала внизъ, образуя валикъ на полахъ, а на всемъ туловищѣ ея не оставалось ни шерстинки! Несчастный мученикъ заботливости неумѣлаго начальства мерзъ въ лѣтнемъ китель подъ зимними буранами, простуживался и умиралъ. Съ колѣнъ изъ шароваръ джебага также сползала внизъ, образуя тамъ какіе-то путы и мѣшала ходить.

Суконные нагрудники, надѣвавшіеся прямо на тѣло, производили зудъ, а подъ конецъ служили пристанищемъ разныхъ паразитовъ, съ которыми тутъ трудно было бороться.

Джебага вещь не дурная, но она должна быть нашита не на холстѣ, а на сукно и мелкими параллельными строчками прострочена,—тогда не нужна и подкладка.

Китель на джебагѣ и шароваръ отпущено по 3,458 штукъ, шапокъ 3,290, куртокъ 3,208. Собственно же нижнихъ чиновъ въ отрядѣ было 5,162 человѣка. Значитъ, заботились не обо всѣхъ. Если откинуть 1,721 казака, то получится 3,441 человѣкъ,—очевидно, только для нихъ все это и было заготовлено.

Кромѣ того, заготовлено было 3,360 широкихъ сапоговъ, съ длинными голенищами, и 3,470 войлочныхъ кенегъ; суконныя онучи, въ 4 аршина длиною каждая; 3,462 теплыхъ овчинныхъ рукавицъ, крытыхъ верблюжьимъ сукномъ.

Казакамъ, на случай бурановъ, приказано обзавестись киргизскими малахаями, т. е. мѣховыми шапками съ длиннымъ назатыльникомъ и наушниками, а на случай морозовъ вмѣсто желѣзныхъ стремянъ, надѣвать деревянныя, киргизскія. Сверхъ одежды велѣно накидывать попоны, вродѣ бурокъ, закрывавшихъ голову и плечи.

Кромѣ того куплено было достаточное число войлоковъ для подстилки, вмѣсто постелей; заготовлены джуламы,—войлочныя палатки или юламейки, а также лопаты для расчистки снѣгу при постановкѣ этихъ юламеекъ; а для предупрежденія глазныхъ болѣзней отъ постояннаго сильнаго блеска снѣгу, заготовлены были для всего отряда черные волосяные наглазники. Волосяныя сѣтки пришивались къ суконной повязкѣ съ отверстіями для глазъ. Получалось нѣчто вродѣ очковъ. Въ нихъ было жарко, лобъ надъ глазами потѣлъ, получались ревматизмы. Наглазники терялись и затѣмъ большинство предпочло натирать подъ глазами пороховою мякотью или углемъ большія пятна, что дѣйствовало отлично.

Кибитокъ было всего 17 и двойныхъ 3, юламеекъ 355, подсти-

лочной кошмы 1,956 саженъ, а считая по 2 аршина на человѣка— значитъ, на 2934 человѣка.

Но въ этихъ цифрахъ помѣщены и принадлежности лазарета: 14 кибитокъ и 40 юламеекъ; подстилка общая.

Значитъ, ничего этого не хватало на весь отрядъ. Очевидно, что это назначалось только для пѣхоты. Пѣхоты было 2983 нижнихъ чина, а кошмы на 2,934 чел. Все-таки на 49 человѣкъ не хватало. На это съ Эмбы и подъ кошму взято 131 верблюдъ. Изъ Оренбурга же отпущено въ войска 3,800 саженъ, значитъ, на 5,700 чел., но куда дѣвалась почти половина, неизвѣстно.

Для укупорки тюковъ, а также на попоны, покрышку юламеекъ и подбивку вьючныхъ сѣделъ отпущено 10,794 сажени кошмы. Не пошла ли подстилочная кошма на починки? Отъ кошмы киргизской появилась сибирская язва и много людей отъ нея погибло. Не истребили ли часть кошмы?

Обезпеченіе отряда продовольствіемъ требовало не меньшей заботливости. Полная дача продовольствія на 6 мѣсяцевъ составляла:

	Четвертей, Сухарей.	Крупъ.	Пудовъ, Мяса.	Соли.	Ведеръ, Водки.
Для отряда по числу 2,325 чел.	8,121	765	7,566	1,997	5,406
Для 250 киргизскаго отряда и 800 верблюдовожатыхъ .		1,208	2,415	394	
Особо для 1,400 верблюдовожатыхъ на 3½ мѣсяца . . .		936	1,873	315	
Для гарнизона въ промежуточномъ пунктѣ, на годъ	2,800	240	2,100	700	1,380
На раструску и непредвидимые случаи	732	74			1,500
Всего . . .	11,653	3,223	13,954	3406	8,286

Сверхъ 6-мѣсячнаго запаса продовольствія, на всякій случай, предписано было провіантской коммиссіи закупить въ Астрахани и доставить моремъ, съ послѣднимъ рейсомъ, въ укрѣпленіе Александровское 2,500 четв. муки и 250 четв. крупъ. Этотъ провіантъ не дошелъ по назначенію, какъ увидимъ впослѣдствіи, изъ-за бурь на морѣ и морозовъ.

Для улучшенія пищи вообще и для больныхъ и слабыхъ въ особенности, заготовлены были 187 ящиковъ сушеной капусты и огурцовъ, 345 пуд. крупу или киргизскаго кислаго сыру; 200 пуд. телячьяго бульону; 1,000 пуд. бараньяго сала, 192 пуд.

свиного сала, 12½ пуд. сушенаго хрѣну, 40,000 головокъ чесноку, 370 ведеръ уксусу, и для сбитня 700 пуд. меду, 20 пуд. перцу, нѣсколько корицы и 5 пуд. корня бадьяну. Отъ сбитня многіе отказывались, потому, что его варили въ котлахъ по-ротно и, пока получишь порцію, надо подходить шеренгой и стоять на морозѣ очень долго съ металлической кружкой въ рукахъ. Замерзнешь раньше, чѣмъ получишь.

Иванинъ недоумѣваетъ, почему вѣдомости Перовскаго не сходятся: въ № 2 показано 500 пудовъ меду, а въ № 4 только 200; точно также вина, въ первой вѣдомости, показано 8,286 вед., отправленныхъ съ транспортами и войсками, а въ послѣдней вино не значится, а спиртъ въ количествѣ 4,198 ведеръ. Но въ вѣдомости № 4 говорится о 200 пудахъ меду для госпиталей,— значитъ, его надо прибавать къ общей нормѣ, что мы и сдѣлали.

Что касается „зелена вина", т. е. водки, то въ приложеніи къ вѣдомости № 2, гдѣ припасы распредѣлены по колоннамъ, значится, что его въ 4-хъ колоннахъ было 2,267 ведеръ. Это вполнѣ сходится съ вѣдомостью № 2, гдѣ сказано, что 2,267 ведеръ идутъ изъ Оренбурга съ войсками, остальное отправлено съ транспортами, въ томъ числѣ и 1500 ведеръ на утечку. А въ вѣдомости № 4 показано, что везли не въ видѣ водки, что было бы конечно глупо, а въ видѣ спирта: въ транспортахъ 2,500 ведеръ, а съ отрядомъ и караванномъ 1338 ведеръ. Поэтому всѣ доказательства Иванина о томъ, что разбавлять спиртъ водой и везти лишній грузъ, требующій лишнихъ 300 верблюдовъ, являются ненужными: везли дѣйствительно не водку, а спиртъ и выдавили спиртомъ же. Это даже правило такое есть. Иначе никогда и не возили въ походахъ, какъ такъ. 8286 ведеръ вина показываютъ только потребность войскъ, точно также, какъ мясо: потребность 13,963 пуда, а везлось 1331 пудъ, баранины и мяса и 1,200 пудовъ соли. Остальное въ порціонномъ скотѣ.

Опытъ прежнихъ поисковъ въ степь показалъ, что на одинъ подножный кормъ разсчитывать нельзя, почему необходимо было запастись фуражемъ. Предполагая выдавать лошадямъ по временамъ сѣно и постоянно овесъ, а верблюдамъ, въ случаѣ недостатка подножнаго корма, по 2 фунта муки и 16 золотн. соли, заготовлялось на 6 мѣсяцевъ овса 15,828 пуд., муки 3,793 пуд. и соли 1925 пудовъ.

На пути же слѣдованія отряда въ Хиву, сѣна было заготовлено до 20000 пуд. на уроч. Бишъ-Тамакъ, до 20000 пуд. на р. Эмбѣ и Аты-Якши и до 25000 пуд. близъ Акъ-Булака, какъ о томъ будетъ сказано далѣе.

Боевыхъ снарядовъ для экспедиціи заготовлено было два комплекта: къ двумъ 12-фунтовымъ пушкамъ, къ двумъ 6-фунт. пуш-

камъ и къ двумъ 1/4 пуд. единорогамъ, изъ которыхъ одинъ комплектъ долженъ былъ находиться въ зарядныхъ ящикахъ, а другой во вьючныхъ ящикахъ, въ паркѣ. Для восьми горныхъ 10-фунт. единороговъ взято, кромѣ двухъ комплектовъ обыкновенныхъ, еще 200 картечныхъ гранатъ, а для шести кугорновыхъ мортиръ взято 1200 гранатъ, часть которыхъ везлась снаряженными.

Конгревовыхъ ракетъ взято было: 50 зажигательныхъ и 325 боевыхъ; къ нимъ станковъ 4 и желобъ 1. Для возки ракетъ потребовалось 28 вьючныхъ ящиковъ.

Патроновъ было заготовлено: ружейныхъ 1.200,000, карабинныхъ и пистолетныхъ 204,000, съ картечью *) 50,000.

Для подаванія сигналовъ взято было: фальшфейеровъ **) 710, сигнальныхъ ракетъ 570 и сигнальныхъ патроновъ 1000, къ нимъ 26 вьючныхъ ящиковъ.

Кромѣ того, взято особо: пороху 150 пуд., свинцу 10 пуд. и запасъ—коломази, фитиля, армяку, угольевъ, кремней и 2 походныхъ кузницы. Все это укладывалось въ 472 вьючныхъ ящикахъ.

Затѣмъ еще: листового табаку 255 пуд., арбы для больныхъ 80, дроги; збруя на 69 лошадей, сѣдла на 40 лошадей, кожаныя и желѣзныя ведра, вѣсы, безмѣны, сабы и турсуки, т. е. кожаные мѣшки для перевозки запасной воды, числомъ 395 штукъ; ушаты желѣзные, корыта, ливеры, точила, этого всего по нѣсколько штукъ; затѣмъ гвозди и прочее желѣзо, мѣры разной величины, гарнцы, веревки, арканы волосяные, канаты, березовыя дрова, 40 бревенъ и 400 досокъ для бань въ промежуточныхъ укрѣпленіяхъ, мѣшки, приколы, желѣзныя печи, котлы, сороковыя бочки, фонари, рѣшета, деревянныя чашки и ложки, свѣчи, сигнальные фонари, щипцы, факелы, рыболовныя снасти и проч.

Наконецъ, закуплено было на Нижегородской ярмаркѣ множество вещей въ азіатскомъ вкусѣ и разные товары для раздачи подарковъ киргизамъ и туркменамъ. Эта безпримѣрная, по подробностямъ снаряженія, экспедиція едва ли когда-нибудь послужитъ образцомъ для другой, для чего именно мы и приводимъ всѣ эти подробности.

Massa impedimenta отряда сдѣлалась, благодаря такой крайней прозорливости распорядителей, столь громадною, что не только въ степи, но и въ населенной странѣ, при обиліи кормовъ, число вьючныхъ животныхъ должно было значительно затруднить продовольствіе ихъ.

Но это еще не все. Значительная глубина колодцевъ на Усть-Уртѣ дозволяла вычерпывать въ часъ едва 10 или 15 ведеръ

*) Разрѣзанныя пули для дѣйствія противъ конницы.

**) Для ночныхъ сигналовъ по принятой во флотѣ системѣ; но сухопутныя войска никакъ не могли освоиться съ ними и путаница была большая.

воды, и слѣдовательно въ сутки можно было напоить не болѣе 200 или 300 верблюдовъ и лошадей. Экспедиціонный же отрядъ не могъ быть эшелонированъ такими дробными частями, не подвергаясь опасности, а болѣе крупнымъ эшелонамъ пришлось бы сидѣть у колодца по нѣскольку сутокъ. Для устраненія такого затрудненія была придумана особенная водочерпательная машина, которую удобно можно было перевозить съ собою на верблюдахъ. Машина состояла изъ каната въ 1 дюймъ діаметромъ, на которомъ укрѣплялись желѣзныя ведра за дужки, въ разстояніи 2 или 3 арш. одно отъ другого, а чтобъ ведра не путались, то снизу ихъ прибивались скобы съ дырочками, за которыя ведра привязывались къ тому же канату. Такихъ ведеръ можно было привязывать на канатъ отъ 15 до 30, смотря по глубинѣ колодца. Вода съ помощію этой машины могла черпаться съ такою скоростію, какъ-бы изъ колодца въ сажень глубиною.

Добываемую изъ колодцевъ воду предполагалось выливать если бы не оказалось на мѣстѣ каменныхъ бассейновъ, въ желобы изъ кожъ или же изъ непромокаемой, пропитанной гуттаперчею, парусины, откуда она стекала уже въ лодки, или же въ кожаные и парусинные, непромыкаемые и утвержденные на деревянныхъ рамахъ, бассейны. Все перечисленное положено было везти на верблюдахъ, за исключеніемъ понтоновъ, бударъ, судовъ, арбъ и саней подъ больныхъ и наконецъ тяжелыхъ артиллерійскихъ орудій; горные же единороги везлись на верблюжьихъ вьюкахъ и были такъ прилажены, что въ случаѣ надобности, орудія въ 1/4 часа могли быть готовы къ бою. Верблюды же везли и тяжелыя орудія съ ихъ зарядными ящиками, для чего ихъ запрягали, посредствомъ яремъ, сходныхъ по устройству съ воловьими.

Наконецъ, запасные верблюды также не были праздными: на нихъ сажали по два пѣхотинца, поочередно, съ цѣлію сбереженія въ походѣ силъ пѣхоты, и для пріученія ея къ ѣздѣ на верблюдахъ, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было посылать часть пѣхоты, какъ драгунъ, съ летучими отрядами. Надобно замѣтить, что Перовскій не принялъ ровно никакихъ мѣръ къ ограниченію офицерскаго обоза и самъ подавалъ примѣръ непомѣрнаго расходованія верблюдовъ подъ свою обстановку, даже тогда, когда за недостаткомъ верблюдовъ приходилось кидать запасы... Такъ, при выступленіи съ Эмбы, подъ его багажъ взято 100 верблюдовъ; каждому генералу полагалось по 10, штабъ-офицеру по 2, на двухъ оберъ-офицеровъ по 3. Весь штабъ бралъ 211 головъ.

Въ строевыхъ частяхъ оберъ-офицерамъ полагалось уже по 1 верблюду на каждаго. Груза на нихъ полагалось вначалѣ по 16 пудовъ. Значитъ, Перовскій везъ съ собою 1600 пудовъ багажа, генералы—по 160 пудовъ и т. д. Подарочныя вещи, сверхъ того, везлись на 10 верблюдахъ.

Лошадей у Перовскаго было 12, а всего у штабныхъ 89. Изъ Оренбурга багажъ Перовскаго тронулся на 140 верблюдахъ, а съ Эмбы назадъ пошелъ только на 100, значитъ 640 пудовъ съѣстныхъ припасовъ, винъ и т. п. было израсходовано—въ $2^1/_2$ мѣсяца.

Что касается посадки пѣхотныхъ солдатъ по двое верхомъ на верблюда, то скоро отъ этого пришлось отказаться изъ-за патронныхъ сумъ, занимавшихъ много мѣста, причемъ сума задняго сѣдока набивала задній горбъ верблюда, „а верблюдъ со сбитымъ горбомъ идетъ только подъ ножъ“,—прибавляетъ Даль (стр. 424)

Перевозку запасовъ къ складочнымъ пунктамъ положено было произвести нарядомъ отъ башкирскаго и мещерякскаго войскъ

Съ этою цѣлью командировано изъ разныхъ кантоновъ 7,750 троечныхъ телѣгъ, съ такимъ же числомъ возчиковъ отъ этихъ войскъ и съ должнымъ числомъ своихъ офицеровъ и урядниковъ. Возчики были взяты по наряду съ 16,000 очередныхъ семействъ. Всего съ урядниками взято 7,878 чел., а лошадей съ верховыми 23,290. Упряжь къ телѣгамъ была прилажена такъ, что возчикъ ѣхалъ верхомъ на одной изъ пристяжныхъ, запряженной длиннѣе остальныхъ на 3 вершка, что давало ему возможность удобно управлять подводою и защищаться въ случаѣ нападенія.

Для выбора мѣста подъ складочный пунктъ и укрѣпленіе посланъ былъ, въ концѣ мая, состоявшій по кавалеріи полковникъ Геке. Хотя офицеровъ генеральнаго штаба у Перовскаго было и не мало, но вслѣдствіе особаго пристрастія къ штабсъ-капитану генеральнаго штаба Никифорову, онъ разослалъ ихъ всѣхъ съ порученіями: либо закупать разные запасы, либо беречь ихъ отъ нападеній хищниковъ, а всю переписку, всѣ распоряженія по экспедиціи велъ секретно отъ остальныхъ, даже отъ старшихъ офицеровъ генеральнаго штаба,—черезъ Никифорова, который въ сущности и былъ негласнымъ начальникомъ походнаго штаба. Гласнымъ же былъ подполковникъ Иванинъ, а дежурнымъ шт.-офицеромъ капит. Дебу.

Полковнику Геке данъ былъ отрядъ изъ 400 чел. строевыхъ и двухъ сотенъ башкировъ, при 4-хъ горныхъ единорогахъ.

Подъ прикрытіемъ этого отряда былъ отправленъ и первый башкирскій транспортъ въ 1,200 подводъ.

Геке, оставя обозъ на р. Эмбѣ, сформировалъ легкій отрядъ (изъ одного взвода пѣхоты, посаженной на 40 телѣгахъ, и 400 конныхъ башкировъ при 2 единорогахъ), съ которымъ и отправился 21 іюня къ урочищу Донгузъ-Тау, гдѣ, по даннымъ полковника Берга (производившаго въ 1824 г. нивеллировку между Каспійскимъ и Аральскимъ морями), можно было надѣяться найти удобное для склада запасовъ мѣсто. Рекогносцировка

указала, что ни Донгузъ-Тау, ни прилегающія къ нему мѣста, по недостатку воды и кормовъ, вытравленныхъ киргизами еще весною, не удобны для устройства этапнаго пункта на значительный отрядъ, и потому Геке предпочелъ уроч. Чушка-Куль при рѣчкѣ Акъ-Булакъ, гдѣ вода, хотя и солоноватая, но въ изобиліи, травы достаточно, а неподалеку, въ 20 верстахъ, много камыша и тальника для топлива.

Отойдя назадъ 57 верстъ, Геке послалъ на Эмбу за обозомъ 300 башкиръ. 5 іюля обозъ пришелъ, а 7 весь отрядъ двинулся далѣе, оставивъ на первомъ же переходѣ 50 телѣгъ съ разсохшимися колесами или изнуренными лошадьми.

Необходимость напоить изъ колодцевъ до 4,000 лошадей и отдохнуть передъ 40-верстнымъ безводнымъ переходомъ заставила сдѣлать дневку. 9-го отрядъ двинулся далѣе. Башкиры запаслись травою, а въ турсуки набрали воды. Солдаты наполнили ею манерки и 2 бочки. Въ 11 часовъ, послѣ перехода въ $17^1/_2$ вер., сдѣланъ привалъ, до 3 часовъ. Пройдя затѣмъ 6 верстъ, люди стали уже томиться жаждою.

День былъ знойный, а при безвѣтріи удушливая пыль вилась густыми столбами надъ колонною; солнце палило, какъ въ африканскихъ степяхъ, термометръ показывалъ въ тѣни отъ 32^0 до 38^0 Реом., а на солнцѣ отъ 42 до 45^0 тепла, роздана была вся оставшаяся вода, смѣшанная съ уксусомъ. Офицеры спѣшили дѣлиться своимъ запасомъ воды; но всего этого было не достаточно: люди и лошади падали въ изнеможеніи, и только скорое кровопусканіе спасало ихъ отъ смерти. Тотчасъ же послано было за водою въ Чушка-Куль, а отрядъ, медленно подвигаясь впередъ, открылъ въ сторонѣ отъ дороги копань (неглубокій колодецъ) съ солоноватою водою и нѣсколько грязныхъ лужъ. Все это мигомъ было осушено. Наконецъ, часть обоза, около полуночи, достигла чушка-кульскихъ колодцевъ, откуда и послана вода отставшимъ и ночевавшимъ на дорогѣ. Только къ 15 іюля вся команда едва собралась на р. Акъ-булакѣ. Послѣдніе люди провели, значитъ, въ этой пустынѣ 6 дней! Тотчасъ же приступлено было къ устройству передового Чушка-кульскаго укрѣпленія.

Мѣсто, выбранное для укрѣпленія, находилось возлѣ самаго ручья, но песчаный грунтъ, совершенное отсутствіе дерна и лѣсу, а также чрезмѣрный зной, значительно затрудняли работы; однакожъ 300 человѣкъ, работая почти безъ отдыху, къ 3 авг. успѣли возвести укрѣпленіе (пятиугольникъ съ тремя небольшими бастіонами); вмѣстѣ съ тѣмъ накошено и сложено при укрѣпленіи до 25,000 пуд. сѣна, а для топлива собраны всѣ сломавшіяся телѣги, въ добавокъ къ камышу и тальнику изъ окрестностей.

Только узнавъ о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ телѣжнымъ обозомъ, при движеніи къ Акъ-Булаку, и о томъ, что „хотя и солоноватая, но въ изобиліи“, вода начала оказывать вредное вліяніе на здоровье людей, которые къ тому же занимались иногда и безполезными работами (какъ, напримѣръ, выглаживаніемъ и вылащиваніемъ валовъ),—рѣшено было послать спеціалиста для выбора новаго пункта подъ укрѣпленіе на р. Эмбѣ.

Посланъ былъ генеральнаго штаба полковникъ Жемчужниковъ.

Причину развившихся болѣзней можно искать и не въ одной водѣ, а просто въ безпечности и незаботливости Геке, который всегда этимъ отличался. Такъ, въ Ново-Петровскомъ укр. (нынѣ фортъ Александровскій) въ 1846 г. онъ допустилъ, что людей кормили болѣе двухъ мѣсяцевъ гнилой солониной, когда легко можно было доставать у киргизовъ барановъ. Людей сверхъ того еще обвѣшивали! Свѣжей зелени и луку никто не хотѣлъ везти изъ Астрахани, боясь притѣсненій фортоваго начальства, которое само пустилось въ коммерцію, образовавъ рыболовную компанію.

Когда эти злоупотребленія были прекращены полковникомъ генеральнаго штаба Иваниным ъ,—гарнизонъ сталъ видимо поправляться.

Жемчужниковъ выбралъ мѣсто при впаденіи въ Эмбу рѣчки Аты-Якши, на правомъ берегу ея.

Къ первымъ числамъ сентября оконченъ былъ валъ укрѣпленія (въ видѣ четырехугольника съ флешами для прикрытія выходовъ); между тѣмъ, накошено было, по берегамъ р. Эмбы и впадающихъ въ нее притоковъ, до 20,000 пуд. сѣна. Если бы Жемчужниковъ былъ посланъ ранѣе, вмѣсто Геке, то на Эмбѣ, гдѣ множество луговъ, онъ могъ бы накосить за лѣто до 30,000 пуд. сѣна, что, конечно, имѣло бы вліяніе на исходъ экспедиціи, такъ какъ дало бы возможность поправить здѣсь лошадей и верблюдовъ, которые напротивъ здѣсь еще похудѣли при 20,000 пудовъ сѣна.

Жемчужниковъ былъ человѣкъ распорядительный и добросовѣстный, степь зналъ хорошо, исходилъ ее порядкомъ въ 1834 и 1835 годахъ. Теперь онъ немало потрудился для похода, а между тѣмъ его „интригами Никифорова съ братьею устранили отъ участія въ хивинскомъ походѣ“ (Иванинъ, стр. 78).

Если считать, что начальникъ долженъ, такъ сказать, „воспитывать“ для нуждъ государства дѣльныхъ людей и поставлять ихъ, когда является спросъ,—то отстраненіе отъ дѣла людей, пріобрѣвшихъ опытъ и знанія, является не только поступкомъ нечестнымъ, а прямо преступленіемъ. Это значитъ обманывать довѣріе государя, который всѣхъ офицеровъ знать не можетъ и полагается на старшихъ генераловъ.

Если подрядчикъ вмѣсто хорошаго верблюда поставляетъ полудохлаго,—мы кричимъ, а тутъ, вмѣсто дѣльнаго и способнаго офицера, ставятъ въ ряды пролазъ, забѣгающихъ съ чернаго крыльца, къ нелегальнымъ подругамъ высшаго начальства,—и всѣ молчатъ!

Интрига, подставленіе ножки и протекція царили не въ одномъ Оренбургскомъ краѣ. Но можемъ ли мы сказать по совѣсти, что теперь этого уже нѣтъ и что способный человѣкъ можетъ пробиться впередъ безъ случайнаго знакомства съ честнымъ и вліятельнымъ человѣкомъ? Просить, напоминать о себѣ и кланяться многіе просто не могутъ. „Начальство должно знать таланты и способности подчиненныхъ и само проводить ихъ, не ожидая рекомендательныхъ писемъ отъ тетушекъ и дядюшекъ“,—разсуждаютъ они, и благополучно остаются въ заднихъ рядахъ...

Поправить испорченнаго дѣла Жемчужниковъ уже не могъ, и сѣна для будущихъ верблюдовъ было наготовлено мало.

Такъ какъ для отряда нужно было множество верблюдовъ, то киргизамъ сдѣланъ былъ вызовъ къ добровольной поставкѣ верблюдовъ на время экспедиціи, т. е. на шесть мѣсяцевъ, съ вознагражденіемъ отъ казны по 10 р. сер. на верблюда.

Обѣщана была полная амнистія за всѣ преступленія, совершенныя по день объявленія, тѣмъ родамъ, которые покажутъ усердіе къ поставкѣ верблюдовъ.

Только одни баголинцы откочевали, остальные же роды обязались доставить 11,444 верблюда.

Сверхъ того, пріобрѣтено въ собственность экспедиціи: пожертвованныхъ ханомъ внутренней орды Джангеромъ 1,000 верблюдовъ, киргизами назаровскаго рода за выручку задержаннаго ихъ старшины 130 верблюдовъ и старшиною ихъ Тукмановымъ 51 верблюдъ, а всего получено безденежно 1,181 верблюдъ; куплено у киргизъ 110, вымѣнено у нихъ же 100. Итакъ, если бы все число верблюдовъ было доставлено къ сроку, то ихъ было бы всего 12,835 штукъ.

Но нѣкоторые роды не доставили верблюдовъ къ сроку (1-го ноября), отчего въ отрядѣ, при выступленіи, было всего 9,500 верблюдовъ, да еще около 900 присоединилось на первыхъ переходахъ, такъ что всего собралось 10,450 верблюдовъ, съ которыми киргизы выставили и 2,090 вожаковъ или лаучей, по одному на каждыхъ 4 или 5 верблюдовъ.

Киргизы оставались спокойными, не смотря на устройство нами укрѣпленій среди ихъ кочевокъ или, быть можетъ, благодаря тому.

Всего, въ продолженіе шести мѣсяцевъ, изъ-подъ передовыхъ укрѣпленій произведено только три угона, но и тѣ должно отнести скорѣе къ обыкновеннымъ у киргизовъ воровствамъ, чѣмъ

къ набѣгамъ. Въ первый угонъ, произведенный чумиклитабынцами и аллачинцами изъ-подъ Эмбенскаго укрѣпленія, въ ночь на 22 августа, отогнано 398 башкирскихъ лошадей изъ транспорта; 60 изъ нихъ были, впрочемъ, отбиты; остальныхъ же, за темнотою, не могли настигнуть.

Второй угонъ совершенъ изъ-подъ Акъ-Булакскаго укрѣпленія въ ночь на 29 сентября; угнано 32 лошади; въ третій угонъ, опять изъ-подъ Эмбенскаго укрѣпленія, 17 октября, украдено 180 маркитантскихъ быковъ. Преслѣдованія воровъ, въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, по изнуренію казачьихъ лошадей, были неудачны, а какъ это могло подать поводъ къ болѣе важнымъ предпріятіямъ киргизовъ, особенно осенью, въ обычное у нихъ время воровства и баранты, то полковникъ Геке, узнавъ о близкомъ нахожденіи шайки извѣстнаго разбойника Магомета Утямисова, выступилъ 30 октября изъ Эмбенскаго укрѣпленія со взводомъ пѣхоты, 30 казаками, при одномъ орудіи и 1 ноября настигъ аулы, гдѣ скрывалась упомянутая шайка. Утямисовъ успѣлъ узнать объ опасности и бѣжалъ еще наканунѣ; но десять извѣстныхъ барантачей были захвачены или, лучше сказать, выданы самими киргизами, когда они убѣдились, что войска наши не намѣрены обижать покорныхъ.

Съ этой стороны транспорты были, такимъ образомъ, обезпечены, но климатъ и безкормица взяли свое: въ пяти башкирскихъ транспортахъ умерло 199 башкировъ (изъ 7,878 челов.), лошадей же брошено, угнано, прирѣзано и пало 8,869 изъ 23,290, т. е. болѣе 38 процентовъ. Произведено было слѣдствіе, которое указало, что на каждый транспортъ былъ только 1 фельдшеръ, а умершіе башкиры страдали кровавымъ поносомъ вслѣдствіе перемѣны климата и пищи, такъ какъ они были уроженцы горныхъ кантоновъ.

Между башкирскими лошадьми открылся сапъ... Заразилось много и людей... Конская сбруя съ больныхъ и телѣги были сложены въ кучу среди Акъ-булакскаго укрѣпленія и сожжены. Остался ворохъ желѣзныхъ оковокъ и шинъ.

Въ укрѣпленіяхъ также было неблагополучно: на Акъ-булакѣ свирѣпствовала цынга: къ концу октября было 52 больныхъ изъ 399 чел. гарнизона; а на Эмбѣ и цынга, и горячка, и кровавый поносъ; къ тому же времени было больныхъ: 16 цынгою, 6 горячкою, 6 кровавымъ поносомъ, остальные лихорадкою и проч. всего 36 человѣкъ изъ 634.

Въ видѣ авангарда и ради опыта степного похода отправленъ былъ 21 октября, съ частію запасовъ, 6-й обозъ, или караванъ на верблюдахъ, въ числѣ 1,128 головъ подъ прикрытіемъ 357 нижн. чиновъ, при 4 орудіяхъ и подъ командою подполк. Данилевскаго, который и прибылъ благополучно на Эмбу на 23 день,

сдѣлавъ до 500 верстъ.

Наконецъ, 14 ноября, войскамъ, собраннымъ на городской площади, прочтенъ былъ приказъ о походѣ на Хиву.

„По высочайшему Государя Императора повелѣнію я иду съ частію ввѣренныхъ мнѣ войскъ на Хиву“.

„Давно уже Хива искушала долготерпѣніе сильной и великодушной державы и заслужила, наконецъ, вѣроломными, непріязненными поступками своими грозу, которую сама на себя навлекала“...

„Товарищи! насъ ожидаютъ стужа и бураны и всѣ неизвѣстныя трудности дальняго степного зимняго похода; но забота обо всемъ необходимомъ по возможности предупредила крайности и недостатки, а рвеніе ваше, усердіе и мужество довершатъ и побѣду“ и т. д.

Потомъ началось молебствіе, затѣмъ церемоніальный маршъ мимо Перовскаго, а первой колоннѣ съ мѣста же и походъ... Единственною напутственною рѣчью въ кавалеріи было: „справа по шести!“

ГЛАВА V.

Выступленіе въ походъ. Строгость Перовскаго. Вѣрны ли сказанія? Порядокъ движенія. Ученая братія. Бураны. Неумѣнье обращаться съ верблюдами. Транспортировка больныхъ. Нападеніе хивинцевъ на Чушка-Кульское укр. и на транспортъ штабсъ-капитана Ерофѣева. Бунтъ верблюдовожатыхъ (лаучей). Злой геній отряда—Ціолковскій. Болѣзни. Падежъ верблюдовъ. Затруднительность движенія по глубокому снѣгу. Рекогносцировка Усть-Урта. Невозможность дальнѣйшаго движенія. Воровство въ отрядѣ. Приказъ о возвращеніи. Масляница. Потери отряда. Наказаніе киргизовъ, сжегшихъ на Каспіѣ наши суда и виноватыхъ въ захватѣ переводчика Аитова. Возвращеніе остатковъ отряда въ Оренбургъ. Мечты о новомъ походѣ. Награды. Смерть Ціолковскаго. Непродолжительное торжество англичанъ. Причины неудачи экспедиціи.

Отрядъ выступилъ изъ Оренбурга 4 колоннами, по одной колоннѣ въ день, 14, 15, 16 и 17 ноября; а 24 ноября всѣ четыре колонны соединились близъ Караваннаго озера; отсюда, послѣ двухдневнаго отдыха, 27 ноября онѣ выступили вверхъ по правому берегу р. Илека, уступами или эшелонами, на четверть или на полперехода одна за другою, придерживаясь этого разстоянія и на ночлегахъ. Начальникомъ 1 колонны былъ назначенъ командиръ башкирскаго войска ген.-м. Ціолковскій; 2 колонны команд. конно-казач. артилл. бригады полк. Кузьминскій; 3 коллоны начальникъ 28 пѣх. дивизіи ген.-лейт. Толмачевъ; 4 колонны ген.-м. Молоствовъ; при этой колоннѣ слѣдовалъ и главнокомандующій; Еще 24 ноября выпалъ глубокій снѣгъ выше колѣна, а 27 поднялся жестокій буранъ при 26 градусахъ мороза. Всѣ часовые въ эту ночь отморозили себѣ носы, руки или ноги, что повлекло потомъ къ ампутаціямъ на морозѣ... На ночлегахъ предписывалось колоннамъ пускать на тебеневку своихъ верблюдовъ и лошадей впереди своихъ становищъ, чтобы они не смѣшивались съ пасущимся скотомъ другихъ колоннъ. Въ страшную ночь 27 ноября почти всѣ лошади бѣжали съ тебеневки. Пришлось сдѣлать лишнюю дневку; часть лошадей нашли въ другихъ колоннахъ, но большинство умчалось въ степь и, конечно, сдѣлалось добычею волковъ.

Верблюдамъ, чтобы не перемѣшать ихъ *), навѣшивали на грудь лоскутки сукна или деревянныя таблички, а потомъ, когда

*) Это было важно потому, что подъ болѣе вѣскій вьюкъ выбирался болѣе сильный верблюдъ.

лаучи стали срывать эти знаки на топливо, то вынуждены были и клеймить верблюдовъ.

Согласно предположенію, всѣ колонны должны были сосредоточиться на верховьяхъ рѣки Илека, на уроч. Бишъ-Тамакъ, къ Николину дню.

Съ начала декабря вновь начались бураны; снѣгу намело выше аршина; по утрамъ морозы доходили до 40°. Снѣгъ покрылся обледенѣлой корой, рѣзавшей ноги верблюдамъ. Идти по колѣна въ снѣгу, навьюченнымъ по походному весьма утомительно, а если людей безъ всякой нужды поднимаютъ съ ночлега за 4 часа до разсвѣта, какъ это дѣлалъ Ціолковскій въ своей колоннѣ, то можно себѣ представить степень усталости людей, которымъ приходилось безпрестанно поднимать падавшіе вьюки, плохо завязанные въ темнотѣ, потомъ догонять ушедшихъ впередъ товарищей и т. д.

Верблюды съ порѣзанными ногами падали и не вставали. Ихъ отвязывали и бросали со вьюками. Аріергардные казаки смотрѣли на такіе вьюки, какъ на законную добычу: спиртъ сейчасъ по своимъ манеркамъ, овесъ и сухари по торбамъ, боченки на дрова, кули и веревки на топливо. Оттого казаки лучше другихъ вынесли походъ.

Въ отрядѣ не было однако никакихъ безпорядковъ, за исключеніемъ одного случая, гдѣ Перовскій счелъ нужнымъ показать примѣръ. На одномъ ночлегѣ колонны Ціолковскаго изъ лагерной цѣпи бѣжалъ часовой (рядовой 5 баталіона), бросивъ свое ружье, но заблудился, набрелъ на другую колонну, укралъ здѣсь ружье, и тутъ былъ пойманъ, случайно, разсыльнымъ казакомъ.

Захарьинъ, на стр. 539 своей статьи, разсказываетъ этотъ случай иначе: въ виду морозовъ и бурановъ Перовскій приказалъ смѣнять часовыхъ черезъ часъ, но начальники карауловъ часовъ не имѣли и смѣняли иногда позже двухъ часовъ; такая участь постигла и рядового Позднѣева, стоявшаго на часахъ около тюковъ съ провіантомъ; закоченѣвши подъ бураномъ, забытый часовой приставилъ ружье къ тюку и присѣлъ тутъ же подъ защитой отъ вѣтра, да и заснулъ... Приходитъ патруль, подъ командой унт.-офицера изъ ссыльныхъ поляковъ... Вмѣсто того, чтобы разбудить и смѣнить ослабѣвшаго человѣка, полякъ тихонько утащилъ его ружье и ушелъ съ патрулемъ... Вскорѣ часовой просыпается, видитъ, что ружья нѣтъ, бѣжитъ въ ближайшую колонну, ночевавшую неподалеку, крадетъ тамъ ружье изъ числа составленныхъ въ козла и возвращается на свой постъ... Пришла смѣна и полякъ съ его ружьемъ... Позднѣевъ сознался, что другое ружье досталъ изъ сосѣдней колонны. Итакъ, кромѣ сна, явилась еще отлучка съ поста и кража оружія. По этой версіи выходитъ, что часовой дѣйствовалъ какъ будто сознательно.

Важность преступленія и необходимость строгаго примѣра для пѣхоты, которая никогда еще въ военное время не служила и въ которой, „несмотря на всѣ попеченія и внушенія со стороны начальства, нѣтъ воинскаго духа и необходимаго въ солдатѣ повиновенія“ *), заставили поступить съ виновнымъ по всей строгости законовъ: 1 декабря онъ былъ разстрѣлянъ.

Однако же Н. П. Ивановъ приводитъ разсужденія солдатъ (стр. 103), что несчастный часовой страдалъ падучкой, и съ нимъ это былъ не первый случай... Перовскій со штабомъ присутствовалъ при казни и многіе ждали помилованія...

Нѣсколько случаевъ моментальнаго безпамятства и сумасшествія наблюдались и послѣ... Хотя они также часто оканчивались смертію, но не отъ залпа товарищей... Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Перовскій казнилъ больного. Человѣкъ бѣжалъ въ снѣжную степь, но вѣдь это вѣрная смерть! Надо быть сумасшедшимъ, чтобы это сдѣлать.

Подъ Карсомъ въ 1878 г. былъ такой случай: выздоровѣвшій отъ тифа солдатъ оставленъ при госпиталѣ служителемъ; проходитъ его полкъ, спускаемый на Кавказъ; солдатъ просится въ строй; ему отказываютъ; онъ бѣжитъ, догоняетъ полкъ и является начальству. Какъ съ нимъ быть? Бѣжалъ не изъ полка, а въ полкъ! Какъ бы поступилъ Перовскій?

Впослѣдствіи необходимость заставила разстрѣлять еще двухъ киргизовъ-верблюдовожатыхъ, и затѣмъ подобныхъ случаевъ уже не бывало въ теченіе всего похода.

Но какъ люди выказали полнѣйшее незнаніе обязанности часовыхъ въ цѣпи (не умѣли опрашивать проходящихъ, пропускали безъ отзыва, засыпали на часахъ, кутались въ кошмы отъ бурановъ) то всѣмъ наличнымъ при штабѣ офицерамъ приказано было обходить ночью цѣпь и повѣрять часовыхъ. Эта мѣра оказалась весьма дѣйствительною: люди подтянулись, и ужъ никому не давали спуску,—одинъ чуть не закололъ самого Перовскаго, когда тотъ хотѣлъ насильно проѣхать черезъ цѣпь. Это впрочемъ случилось 22 декабря на Эмбѣ, гдѣ люди уже отдохнули 3 дня и были бдительнѣе.

Кромѣ двухъ случаевъ разстрѣлянія, редакторъ Русскаго Архива г. П. Бартеневъ, на стр. 314 и 315 книги 2-й за 1878 г., упоминаетъ еще о разстрѣляніи двухъ сыновей муллы и закопаніи живымъ въ землю одного солдата, зачинщика бунта. Но какъ никто изъ очевидцевъ не упоминаетъ о бунтѣ пѣхоты и чудовищномъ наказаніи зачинщика, то это слѣдуетъ приписать какому нибудь недоразумѣнію, хотя авторъ удостовѣряетъ, будто это разсказывалъ самъ Перовскій, когда жилъ въ Римѣ послѣ похода.

*) Рапортъ Перовскаго военному министру 5 декабря за № 6.

Первый случай разсказанъ такъ: „мулла, сопровождавшій его въ хивинскомъ походѣ, вышелъ изъ повиновенія и отказался убѣждать свою паству къ доставкѣ и восполненію военныхъ потребностей. При муллѣ находилось нѣсколько человѣкъ, его сыновей. Перовскій приказываетъ разстрѣлять одного изъ нихъ; мулла по прежнему упрямится. Разстрѣляли и второго сына; мулла все стоитъ на своемъ. Но когда вывели подъ ружейные выстрѣлы третьяго сына, старикъ повалился въ ноги и затѣмъ исполнилъ все, что было нужно“.

Второй случай разсказанъ такъ: „нѣчто въ родѣ мятежа началось между пѣхотою. Тогда Перовскій вызвалъ впередъ одного изъ зачинщиковъ, приказалъ вырыть могилу, въ присутствіи остальныхъ похоронить его и отпѣть панихиду. Послѣ этого не было больше и малѣйшихъ попытокъ непослушанія“. Итакъ, Перовскій за вину отца казнитъ смертью невинныхъ сыновей его, а солдата безъ суда подвергаетъ не установленной закономъ казни! Ничего подобнаго не бывало.

Порядокъ движенія былъ такой.

Каждая колонна, разсчитавъ свои вьюки по родамъ продовольствія, раздѣляла ихъ на двѣ половины—правую и лѣвую, и становила вьючныхъ верблюдовъ въ 12 и до 20 рядовъ, изъ которыхъ отъ 6 до 10 составляли правую половину колонны, а другіе 6 или 10 рядовъ—лѣвую половину. Два внѣшніе ряда каждой половины колонны должны были состоять изъ тюковъ громоздкихъ, которые бы могли служить, въ случаѣ нападенія, прикрытіемъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ (напр., сухарные короба, прессованное сѣно, кули съ мукою и проч.); внутри между этими двумя половинами колонны шелъ артиллерійскій обозъ, имѣя отъ 4 до 10 рядовъ; за нимъ войсковой, церковный, канцелярія и штабный обозъ. Рядъ отъ ряда долженъ былъ идти шагахъ въ 6 или 8 и 10.

Каждая колонна высылала отъ себя авангардъ и аріергардъ (въ одну или въ полсотни казаковъ). Части эти держались отъ колоннъ въ разстояніи отъ 1 до 2 верстъ, высылая патрули въ стороны (отъ 1/4 до 1 версты).—Оставшіяся затѣмъ войска распредѣлялись при колоннахъ въ головѣ, въ хвостѣ и съ боковъ, имѣя при этомъ обязанностію поправлять вьюки и подымать упавшихъ верблюдовъ.

При такомъ порядкѣ движенія, самая большая колонна, состоявшая почти изъ 4000 верблюдовъ, занимала на походѣ ширины отъ 120 до 250 шаговъ, а длины отъ 1200 до 1600 шаговъ слѣдовательно, въ случаѣ нападенія, могла скоро приготовиться къ бою и дать отпоръ.

На ночлегахъ положено было колонны устраивать въ продолговатый четвероугольникъ, для чего изъ авангарда высылались топографы, которые и разставляли въ надлежащихъ мѣстахъ ка-

заковъ, для указанія каждому ряду, гдѣ ему становиться; казаками обозначалась внѣшняя линія и главныя части лагеря.

Съ приближеніемъ къ мѣсту становища, два наружные ряда верблюдовъ изъ каждой половины колонны (несшіе, какъ выше сказано, громоздкіе вьюки) отдѣлялись отъ колонны, вправо и влѣво, и вытянувшись въ одну нитку, обходили около вызванныхъ впередъ на линію казаковъ такъ, что верблюды правой половины колонны составляли правую наружную сторону лагеря, съ прилежащими къ ней половинами передняго и задняго фасовъ, а два ряда лѣвой половины лѣвую сторону лагеря, съ прилежащими ей половинами фасовъ. Въ переднемъ и заднемъ фасахъ оставлялся посрединѣ проходъ шаговъ 30 шириною.

Тюки наружныхъ рядовъ клались одинъ возлѣ другого и чаще, нежели тюки прочихъ рядовъ; остальные затѣмъ вьюки правой и лѣвой стороны колоннъ клались параллельно правому и лѣвому фасамъ лагеря, шагахъ въ 30 отъ него. При такомъ порядкѣ расположенія, длина внѣшней линіи лагеря самой большой, или главной колонны занимала около 600 шаговъ, ширина же около 400 шаговъ.

Позади наружнаго ряда вьюковъ передняго фаса, шагахъ въ 30 отъ него и противъ оставленнаго прохода, ставились кибитки уральской сотни; по правую и лѣвую стороны ихъ ставилось по ротѣ пѣхоты; тяжести этихъ частей сложены были передъ кибитками въ линію, образуя родъ прикрытія, позади котораго ставились въ козлы пики и ружья; коновязи казаковъ были за кибитками.

На заднемъ фасѣ противъ интервала же и шагахъ въ 30 позади наружныхъ вьюковъ становились лодки и понтоны; правѣе и лѣвѣе ихъ по ротѣ пѣхоты, имѣя вьюки и ружья расположенными также, какъ и въ переднемъ фасѣ; за лодками кибитки лодочной прислуги, за ними гурьевскіе казаки и артиллерійская прислуга горныхъ единороговъ; затѣмъ коновязи лошадей горныхъ единороговъ. За правымъ фасомъ, въ такомъ же порядкѣ располагались два эскадрона Уфимскаго полка, а за лѣвымъ фасомъ двѣ сотни оренбургскихъ казаковъ.

Затѣмъ, въ срединѣ лагеря, становился артиллерійскій паркъ, потомъ штабъ, госпитальныя кибитки и церковный обозъ; далѣе маркитанты и, наконецъ, принадлежащіе къ колоннѣ верблюды и верблюдовожатые киргизы. Такимъ образомъ, приняты мѣры для обезопасенія киргизовъ, въ случаѣ нападенія непріятеля, а также и противъ намѣренія ихъ убѣжать ночью изъ лагеря или возмутиться.

На всѣхъ углахъ лагеря, позади внѣшнихъ вьюковъ, были караулы; на двухъ противолежащихъ углахъ, по діагонали, ставились орудія, и для удобства обстрѣливанія обоихъ прилежа-

щихъ фасовъ, вьюки впереди ихъ были выложены полукружіемъ, представляя родъ турбастіоновъ.

На ночь парные часовые, высылаемые отъ угловыхъ карауловъ, становились шагахъ въ 30 впереди внѣшнихъ тюковъ.

Четвертая часть пѣхоты и конницы назначалась дежурною; кавалерійская часть высылала дневные и ночные разъѣзды и бекеты и содержала въ ночное время конныхъ часовыхъ вдоль внутреннихъ рядовъ тюковъ, для предупрежденія замѣченнаго уже расхищенія запасовъ.

Отъ стужи и усиленныхъ работъ аппетитъ усиливался; казенная дача была для многихъ недостаточна. Даль говоритъ: „Ѣдятъ, какъ акулы, а работаютъ, какъ мухи". Попытки киргизовъ и даже солдатъ къ похищенію продовольствія изъ тюковъ, обкрадываніе офицеровъ, съ каждымъ днемъ повторялись все чаще.

Ивановъ разсказываетъ, какъ ходили воровать дрова у самого Перовскаго. Дѣло въ томъ, что для штабныхъ надѣлали печекъ изъ желѣзныхъ ведеръ и всѣ дрова уходили въ нихъ. Солдатамъ же, подъ конецъ, не только не давали для костровъ, но даже для варки горячей пищи. Морозы доходили до 40°, и положеніе людей было ужасное, а штабнымъ и горя мало!

Впрочемъ не всѣмъ штабнымъ. Даль тоже состоялъ при штабѣ, но долго отогрѣвался только въ кибиткѣ Перовскаго, „Первыя три недѣли,—говоритъ онъ (Р. Арх. 1867 г. стр. 622),—мы, по глупости своей и по избытку совѣсти, жили безъ огня, безъ всякаго удобства; нынѣ все это измѣнилось къ лучшему: мы воруемъ дрова и уголь не хуже всякаго". На дрова по его словамъ шли казенные ящики и бирки съ нумерами верблюдовъ...

Здѣсь кстати упомянуть объ ученыхъ этой ученой экспедиціи. Ихъ было всего два: Леманъ естествоиспытатель и Васильевъ—астрономъ. Жили они въ одной кибиткѣ съ Далемъ и Ханыковымъ. Леманъ былъ крайне простодушенъ и довѣрчивъ, почему и служилъ предметомъ вѣчныхъ шутокъ... Вотъ одна изъ нихъ: 10 января сидѣли сожители въ кибиткѣ вокругъ огонька; въ чайникѣ у нихъ былъ спиртъ, они вылили его и положили въ чайникъ снѣгу, чтобы растопить и выполоскать водою посуду; поставили на огонь. „Леманъ, ничего этого не зная, взвылъ по верблюжьи и зарычалъ львомъ, когда голубое пламя внутри чайника стало пробѣгать по снѣгу. Мы съ своей стороны отвѣчали преспокойно, что это не диво и что здѣшній снѣгъ всегда горитъ. Ist es möglich? Wäre es möglich? Das wäre doch des Teufels!—Словомъ, у нашего ученаго умъ за разумъ зашелъ; онъ началъ доказывать, что въ снѣгу могутъ находиться горючія частицы щелока и т. п., выскочилъ, сломя голову изъ юрламы, ухватилъ, какъ вдохновенно-бѣснующійся, комокъ снѣгу и поднесъ его къ огню,—но снѣгъ не загорался"... (Даль, стр. 618).

Потомъ ему поднесли черепъ барана, увѣряя, что это голова дикаго осла, найденная на древнемъ полѣ сраженія... Взялъ ли Леманъ черепъ въ свою коллекцію, Даль не говоритъ.

На конницу возложено въ случаѣ надобности высылать застрѣльщиковъ на подкрѣпленіе пѣхоты. Конные часовые (при внутреннихъ рядахъ тюковъ), во время тревоги должны были оцѣплять мѣсто, гдѣ расположены киргизы и ихъ верблюды.

Это построеніе, столь замысловатое и красивое на чертежѣ, казалось весьма удобнымъ на бумагѣ,—не таково оно было въ дѣйствительности: для соблюденія строя требовалось, чтобы всѣ верблюды трогались въ разъ, и потому навьюченнымъ приходилось лежать и ждать остальныхъ, тогда какъ при обыкновенныхъ караванахъ, даже и въ нѣсколько нитокъ (или рядовъ), готовые не ждутъ, а идутъ впередъ, приходя ранѣе и на привалъ. Еще такое построеніе понятно въ виду непріятеля, а за 1000 верстъ отъ него не стоило тратить столько времени и труда на то только, чтобы караванъ шелъ „боевымъ порядкомъ“. Что касается нападеній нашихъ степныхъ хищниковъ, то они были положительно немыслимы въ виду принятыхъ мѣръ, т. е. охранительныхъ отрядовъ и промежуточныхъ укрѣпленій.

6 Декабря былъ морозъ болѣе нежели въ 32° Р. (ртуть въ термометрахъ замерзала). Отрядъ дневалъ на Бишь-Тамакѣ и торжественно отпраздновалъ тезоименитство Императора Николая.

По тогдашней военной формѣ люди должны были явиться на парадъ чисто выбритыми, съ выкрашенными или, вѣрнѣе, намазанными черной мазью (изъ сала и сажи) волосами и усами. Люди переносили немало страданій, бреясь на морозѣ и потомъ отмывая свою помаду!

Въ виду жестокаго мороза и сильнаго сѣверо-восточнаго вѣтра, богослуженіе ограничено было краткимъ молебномъ. Начальники колоннъ отправились къ Перовскому и доложили ему, что за отсутствіемъ топлива и неимѣнія, почти мѣсяцъ, горячей пищи, войска находятся на краю гибели... Перовскій разрѣшилъ отдать войскамъ на топливо лодки и дроги, на которыхъ онѣ везлись, отдать также канаты, предназначенные для флотиліи, запасныя веревки, запасные кули,—словомъ все, что можетъ горѣть.—Но этого хватило только на нѣсколько дней, а затѣмъ было объявлено, чтобы люди сами вырубали топорами изъ мерзлой земли корни растеній, такъ какъ больше имъ давать нечего! Лучше всего горѣли осмоленныя лодки и канаты.

Главная колонна 7 декабря двинулась съ Бишь-Тамака при 30° мороза, около 10 часовъ утра. Снѣгъ, затвердѣвшій отъ стужи, хрустѣлъ подъ ногами; взору не представлялись болѣе кусты тальника: вдали виднѣлись только бѣлоснѣжныя вершины

холмовъ, ярко освѣщенныя солнцемъ.—Едва колонна отошла 7 или 8 верстъ, задулъ сѣверо восточный вѣтеръ, поднявшій тучи снѣговой пыли, и быстро перешелъ въ буранъ.

За тучами снѣгу, которыя неслись по степи и покрыли все небо, нельзя было различать предметовъ и за 20 шаговъ. Къ счастію, вѣтеръ дулъ не совершенно прямо въ лицо: иначе при такой стужѣ перезнобился бы весь отрядъ. Сила бури была такъ велика, что нельзя было дышать, стоя противъ вѣтра, потому что захватывало дыханіе; холодъ проникалъ до костей. Лошади и верблюды отворачивались отъ вѣтра, сбились въ кучи и жались одни къ другимъ. Порядка при движеніи невозможно было соблюсти. Чтобы не растеряться въ этомъ снѣжномъ туманѣ, колонна немедленно стянулась и стала лагеремъ.

Войска мигомъ разгребли снѣгъ, для постановки кибитокъ, поставили ихъ входомъ отъ вѣтра и пригребли къ кибиткамъ снѣгу, чтобы не поддувало подъ низъ. Буранъ бушевалъ всю ночь и притихъ только на другой день въ три часа пополудни.

Послѣ этого бурана, снѣгу въ степи замѣтно прибавилось, и тутъ-то пришлось отряду почувствовать всю тягость степного зимняго похода, особенно при переходѣ овраговъ и лощинъ, занесенныхъ снѣгомъ.

Въ особенности плохо приходилось пѣшимъ: по поясъ въ снѣгу, они едва пробивались впередъ (это весьма характерно называлось: пахать снѣгъ). Если кто и тянулся по слѣдамъ верблюда, то все равно долженъ былъ безпрестанно сворачивать съ дороги, чтобы обойти упавшаго верблюда, поднять свалившійся вьюкъ, привязать отвязавшуюся веревку бурундука и проч.

Во время движенія каравановъ, чтобы верблюды не отставали, киргизы обыкновенно прицѣпляютъ ихъ одного къ другому при помощи веревокъ, привязанныхъ къ бурундукамъ (палочка, продѣтая сквозь носъ). Притомъ прицѣпляютъ такъ хитро, что при нѣсколько усиленномъ натягиваніи веревка сама собою отцѣпляется, такъ что если верблюдъ начиналъ отставать, то, чувствуя въ носу легкую боль, ускорялъ шагъ; если же случалось ему споткнуться и упасть, то веревка сама отцѣплялась отъ сѣдла передняго верблюда и носъ падающаго оставался цѣль.

Но наши солдаты не умѣли къ этому приноровится и, чтобъ верблюдъ не отцѣплялся, они привязывали его къ предъидущему такъ крѣпко, что если верблюду случалось упасть, то носъ его былъ уже перерванъ, если веревка случайно не отрывалась сама,

Бураны случались все чаще и чаще, сугробы снѣгу еще болѣе затрудняли движеніе. Въ особенности затрудняли отрядъ лазаретныя фуры и полевыя орудія, колеса которыхъ глубоко врѣзывались въ снѣгъ.

Для орудій поэтому устроены были полозья, со станкомъ та-

кой вышины, что въ случаѣ надобности, можно было опять надѣть колеса и, отвязавъ лафетъ отъ полозьевъ и, поднявъ хоботъ, отодвинуть орудіе отъ станка полозьевъ, такъ что черезъ четверть часа оно могло быть готово къ бою.

Наконецъ, послѣ труднаго перехода долиной р. Эмбы, по которой, по причинѣ глубокаго снѣга, пришлось идти только въ 6 или 8 рядовъ, отрядъ, 19 декабря, прибылъ благополучно къ Эмбенскому укрѣпленію, гдѣ уже засталъ отрядъ полковника Бизянова, прибывшій съ нижне-уральской линіи еще 9 декабря. Здѣсь многострадальный отрядъ, съ особымъ удовольствіемъ лакомился печенымъ чернымъ хлѣбомъ, а солдаты, по очереди, ходили два раза въ день на обѣдъ и ужинъ въ теплыя землянки, гдѣ и отогрѣвались дважды въ день. Верблюды стали получать здѣсь сѣно и бурьянъ вдоволь, лошади по 10 фунтовъ и 4 гарнца овса. Всѣмъ казалось, что не будь этого укрѣпленія, съ горячей пищей и возможностію по временамъ согрѣться каждому чину отряда,—никто бы изъ похода не вернулся...

До Эмбенскаго укрѣпленія, всего отъ Оренбурга 472 версты, отрядъ шелъ 32 дня, и на всемъ этомъ пути замерзшихъ не было, но поверхностныхъ ознобовъ лица, рукъ и ногъ было уже немало. Безъ бурановъ было только 15 дней.

Что касается до больныхъ, то намъ нельзя было употребить ни лежалокъ, ни креселъ, потому что больные, при сильныхъ морозахъ и буранахъ, переморозились бы всѣ на одномъ переходѣ. Оставалось одно средство: сдѣлать для больныхъ родъ коекъ, длиною до двухъ аршинъ, наполнить ихъ сѣномъ или шерстью и обтянувъ войлокомъ, класть въ нихъ больныхъ, закутавши какъ можно лучше.

Придумалъ эти койки извѣстный писатель, а вмѣстѣ и докторъ Даль, взятый въ походъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій. Коекъ такихъ устроено было около сотни, — да по приходѣ на Эмбу построено 62, такъ что къ Акъ-Булаку выступили уже со 162 койками, на 81 верблюдѣ. Въ такихъ койкахъ лежать было не только неудобно и безпокойно, но прямо пытка. Пока человѣка укладываютъ на мѣстѣ да закутываютъ—ничего, а какъ подняли верблюда, — все пропало. Верблюдовъ подъ больныхъ выбирали самыхъ надежныхъ и навьючивали по двѣ койки. Для ближайшаго присмотра и ухода за больными, какъ на мѣстѣ, такъ и во время движенія, нуженъ былъ человѣкъ, который бы соединилъ въ себѣ самоотверженіе и неутомимость съ искреннимъ человѣколюбіемъ. Такой человѣкъ и нашелся: это былъ извѣстный нашъ путешественникъ, отставной ротмистръ Чихачевъ, получившій дозволеніе слѣдовать съ отрядомъ до Хивы, откуда онъ хотѣлъ отправиться на верховья Аму и Сыра.

Чтобы не быть праздным при отрядѣ, Чихачевъ выпросилъ

себѣ порученіе надзирать за больными и выполнялъ это съ полнымъ самоотверженіемъ, не смотря на стужу и усталость.

Но что могъ сдѣлать самый добрый человѣкъ при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, когда ноги больного вылѣзаютъ изъ короткой койки, разстраиваютъ всю укупорку и отмерзаютъ? Надо испытать на себѣ всю прелесть путешествія въ койкѣ и тогда уже говорить о нихъ хорошо или дурно. Генералъ Иванинъ хвалитъ: не совсѣмъ покойно, но за то ни одинъ больной не отморозилъ себѣ рукъ и ногъ (стр. 120). А вотъ что говоритъ Ивановъ на стр. 158. „Да! избави Господи страдать пять лѣтъ въ покойной постели, но не допусти и пяти дней пролежать въ койкѣ“..

Вотъ какъ онъ описываетъ всю процедуру: къ обоимъ бокамъ положеннаго на снѣгъ верблюда ставилось по одной койкѣ, соединенныя другъ съ другомъ въ ногахъ и головахъ веревками, которыя перекидывались черезъ сѣдло. Другую веревку пропускали подъ брюхо верблюда и связывали обѣ койки за грядки. Будемъ продолжать словами аавтора: „Но раздается „чухъ“... верблюдъ вскочилъ, и вамъ съ товарищемъ открывается рядъ новыхъ болѣзней и безпокойствъ. Если больному посчастливилось не выскочить изъ койки отъ толчка и достало силъ удержаться, когда верблюдъ всталъ, то онъ, хотя ему неловко и страшно холодно, лежитъ, лежитъ и ждетъ: вотъ сейчасъ и верблюдъ ляжетъ; а если ужъ тронулась колонна съ мѣста, то верблюдъ не одинъ десятокъ разъ споткнется, бухнется со всѣхъ своихъ длиннѣйшихъ ногъ и вышвырнетъ одного или обоихъ разомъ больныхъ“. Если погонщикъ не въ силахъ поднять верблюда, то онъ его отвязываетъ „и оставляетъ съ больными аріергарду“. Но это еще цвѣточки, а случается, что „койка расхлябалась, сломалась; больной изъ нея выпалъ, лежитъ и стонетъ отъ ушиба; а обломки ея отъ ослабившихся подпругъ перевернулись на другую сторону и пришибли на смерть лежащаго съ другого бока товарища“!... Иногда солдатъ, присланный на помощь, утѣшаетъ васъ: „ему ножкой только глазъ вышибло“.

Горячечные въ безпамятствѣ хоть не страдали, „но въ памяти быть въ койкѣ на верблюдѣ—не приведи Богъ никому! Вамъ, напримѣръ, встрѣтилась естественная нужда,—къ кому вы обратитесь, чтобъ васъ достали изъ койки? Къ киргизу-погонщику нитки, которая занимаетъ въ глубину отряда по крайней мѣрѣ сто саженъ? Но увы! у васъ нѣтъ ни голоса, ни силъ, да наконецъ онъ и слышать не хочетъ, или не можетъ, или не понимаетъ васъ“.

Болѣе трудныхъ больныхъ или офицеровъ помѣщали въ лодкахъ, которыя везлись на колесахъ и имѣли верхъ на манеръ кибитокъ. Тутъ было хорошо.

Чушка-Кульское укрѣпленіе (или Акъ-Булакское) предполо-

жено было упразднить изъ-за развившейся тамъ болѣзненности, запасы взять съ собою дальше, а больныхъ и слабыхъ отправить на Эмбу. Для выполненія этого предположенія, за нѣсколько дней еще до выступленія съ Бишъ Тамака главной колонны, послана была къ Акъ-Булаку, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Ерофѣева, на 40 саняхъ, запряженныхъ верблюдами, рота пѣхоты въ 140 чел. и 70 казаковъ, изъ коихъ впрочемъ только 40 конныхъ. Лошади же остальныхъ 30 казаковъ были запряжены въ сани. При отрядѣ этомъ слѣдовалъ транспортъ въ 230 верблюдовъ съ овсомъ, сухарями и прочими припасами. Когда главныя силы пришли на Эмбу, здѣсь получено было 21 декабря донесеніе изъ Акъ-Булака о нападеніи хивинцевъ.

Еще 18 декабря, въ 7 часовъ утра, скопище въ 2,000 или 3,000 показалось съ юго-западной стороны укрѣпленія и, подъѣхавши крупной рысью, версты за полторы или за двѣ остановилось, а лучшіе наѣздники, премущественно изъ туркменъ, отдѣлясь отъ толпы, бросились на пикетъ, стоявшій въ верстѣ отъ укрѣпленія; по пикетъ успѣлъ сняться во-время и отступить въ крѣпость. Между тѣмъ хивинцы раздѣлились на нѣсколько частей и повели аттаку одновременно на восточный и сѣверный фасы. Къ счастію еще, что въ укрѣпленіи наканунѣ сдѣлана была тревога по настоянію, случайно попавшихъ сюда, горныхъ инженеровъ капитана Ковалевскаго и поручика Гернгросса. До нихъ Геке даже и о томъ не позаботился, чтобы каждому указать мѣсто на случай тревоги. Офицеры же эти ѣхали съ бухарскимъ посломъ въ Бухару, куда ихъ передъ походомъ послали по просьбѣ эмира для геологическихъ изслѣдованій, но, замѣтивъ, что за ихъ караваномъ слѣдятъ киргизы, прямо грозившіе захватить русскихъ,—они воспользовались бураномъ и ночью, бросивъ свой багажъ, сами о дву-конь, съ однимъ вожакомъ ускакали назадъ и, сдѣлавъ 300 верстъ въ $2^1/_2$ сутокъ, счастливо добрались 25 ноября до Акъ-Булака. На пробной тревогѣ люди были разсчитаны по мѣстамъ; части укрѣпленія распредѣлены между офицерами. Поэтому, при неожиданномъ нападеніи хивинцевъ, не произошло ни малѣйшаго замѣшательства. Въ укрѣпленіи здоровыхъ всего было 130 чел. нижнихъ чиновъ; но въ минуту опасности больные (которыхъ было 164 чел.), кто только могъ подняться съ постели, взялись за оружіе и усилили гарнизонъ. Ружейный огонь и дѣйствіе артиллеріи, управляемой названными горными инженерами, отразили хивинцевъ, со значительнымъ для нихъ урономъ. Не смотря на то, они до самой ночи повторяли нападенія, пытались также зажечь скирды сѣна, стоявшіе внѣ укрѣпленія, но также безъ успѣха.

На другой день, замѣтивъ, что со стороны солонца нѣтъ орудія, хивинцы напали на укрѣпленіе и съ этой стороны; но гар-

низонъ, въ теченіе ночи, успѣлъ устроить тамъ барбетъ, а во время нападенія перевезъ на него орудіе, осыпавшее непріятеля картечью. Хивинцы отступили версты за три, а затѣмъ потянулись къ Эмбѣ, получивъ, какъ видно, извѣстіе о движеніи оттуда къ укрѣпленію Акъ-Булакъ небольшого русскаго отряда. Это былъ транспортъ Ерофѣева.

Ничего не подозрѣвая о близости непріятеля и потому не ожидая нападенія, отрядъ этотъ, застигнутый бураномъ, передъ вечеромъ 19 декабря расположился всего въ 17 верстахъ отъ Акъ-Булака на ночлегъ, распустивъ на пастбище лошадей и верблюдовъ, которые впрочемъ были стреножены, а люди занялись отыскиваніемъ кореньевъ для разведенія костровъ, что было тѣмъ необходимѣе, что юламеекъ взято не было. О хивинцахъ такъ мало думали, что не только не заняли ближайшаго пригорка, но даже не выставили цѣпи... Мало того: ружья казаковъ были увязаны въ чахлахъ, а у пѣхоты—даже затюкованы въ саняхъ!

Вдругъ изъ-за возвышеній показываются хивинскіе всадники Хорошо еще, что они не догадались воспользоваться расплохомъ и истребить отрядъ, а бросились на отставшихъ со вьюками верблюдовъ и начали отгонять ихъ.

Только незначительная толпа кинулась къ санямъ и снятымъ уже тюкамъ, изъ которыхъ въ это время только что начатъ былъ обычный на ночлегахъ четыреугольникъ. Ротный барабанщикъ, стоявшій какъ разъ на томъ фасѣ бивака, который обращенъ былъ къ бугру,—первый замѣтилъ хивинцевъ и ударилъ тревогу. Хивинскія лошади, доскакавъ до барабанщика, круто сворачивали въ сторону, испуганныя неслыханною трескотнею. Тѣмъ временемъ люди успѣли достать изъ чахловъ и саней свои кремневыя ружья, и казаки, у коихъ ружья были заряжены, открыли огонь. Хивинцы отхлынули, успѣвъ захватить въ плѣнъ одного солдата, копавшаго корни далеко отъ бивака.

Удалившись на бугоръ, хивинцы разрѣзали захваченные тюки и стали грызть сухари и кормить овсомъ лошадей. Этотъ пиръ голодныхъ хищниковъ далъ время не только достроить бивачное каре, но еще и присыпать валъ изъ снѣга.

Утоливъ голодъ, хивинцы понеслись на нашъ бивакъ густою толпой. Буранъ уже стихъ. Раздался залпъ. Повидимому, ни одна пуля не пропала даромъ. Хивинцы поворотили. Затѣмъ раздѣлились на двѣ части и понеслись снова, охватывая бивачное каре. Тоже неудача... Тогда они спѣшились, жалѣя лошадей, изъ которыхъ много уже было убито и ранено. Заслонившись отбитыми верблюдами, хивинцы погнали ихъ впередъ. На этотъ разъ Ерофѣевъ подпустилъ ихъ еще ближе и открылъ пальбу рядами. Верблюды были перебиты, а затѣмъ досталось и пѣшимъ хивинцамъ.

Такимъ образомъ ни коннымъ, ни спѣшеннымъ толпамъ не удалось прорваться за валы; бывшіе при отрядѣ погонщики киргизы были спрятаны за кули съ провіантомъ и дивились хладнокровію русскихъ, которые, покуривая свои носогрѣйки и распѣвая пѣсни, спокойно мѣтили въ налетавшія толпы!

Потерявъ много людей и лошадей убитыми и ранеными (болѣе 30 тѣлъ осталось не подобранными около бивака), хивинцы прекратили атаки и скрылись за бугоръ.

Настала ночь: хивинцы пытались подползать къ нашему отряду, но были прогоняемы выстрѣлами; однакожъ, стрѣлки хивинскіе успѣли выкопать себѣ ямы въ снѣгу вокругъ отряда, саженяхъ въ 50 отъ него, а съ одной стороны возвели изъ снѣга нѣчто вродѣ башни и, пользуясь тѣмъ, что наши развели огни для варки пищи или чая, они открыли весьма мѣткій огонь, который сильно безпокоилъ нашихъ, но какъ при отрядѣ осталась большая часть верблюдовъ, то ихъ и подняли на ноги, закрывшись ими съ трехъ сторонъ, а съ четвертой, откуда непріятель вредилъ наиболѣе, изъ снѣговой башни вызванные охотники сдѣлали вылазку и прогнали непріятеля штыками; костры однако пришлось потушить. Такимъ же порядкомъ очищены были и прочіе фасы.

Хивинцы попробовали тогда послѣднее средство: двое изъ нихъ, подскочивъ на ружейный выстрѣлъ, стали уговаривать киргизъ и татаръ, бывшихъ въ отрядѣ перейдти къ нимъ, какъ единовѣрцамъ, обѣщая за то всякія блага, но ружейные выстрѣлы отвѣчали на это воззваніе такъ краснорѣчиво, что хивинцы удалились окончательно. Прождавъ новыхъ нападеній всю ночь подъ ружьемъ и не видя утромъ ни одного непріятеля, Ерофѣевъ послалъ казаковъ на бугоръ осмотрѣть окрестности. Казаки нашли по слѣдамъ, что хивинцы потянулись въ направленіи Хивы. Тогда посланы были на Эмбу два доброконныхъ казака съ донесеніемъ о стычкѣ. Перовскій былъ очень обрадованъ, представилъ Ерофѣева къ ордену Владиміра 4 степ. съ бантомъ и къ чину, а нарочнымъ-доставившимъ добрую вѣсть, далъ по Георгію, равно какъ и барабанщику и 11 охотникамъ; унтеръ-офицера же, командовавшаго охотниками, представилъ къ чину прапорщика. Офицерскія награды, по званію главнокомандующаго, онъ могъ бы дать и самъ, но полагалъ, что отрядъ еще не вступилъ въ хивинскіе предѣлы, а слѣдовательно и власть главнокомандующаго покуда еще не принадлежитъ ему.

Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что партію хивинскую велъ самъ Кушъ-беги (военный министръ) и что аргамаки ихъ почти всѣ погибли отъ стужи и безкормицы, а затѣмъ пришлось погибать и всадникамъ: только до 700 чел. вернулись въ Хиву, и то въ самомъ жалкомъ видѣ.

Во время нападенія хивинцевъ на Акъ-Булакъ, въ укрѣпленіи не было ни одного убитаго и раненаго; а хивинцы оставили около самаго укрѣпленія болѣе 10 тѣлъ, которыя такъ и лежали всю зиму; въ отрядѣ же штабсъ-капитана Ерофѣева убито 5 чел., ранено 13 чел., угнано непріятелемъ 31 лошадь и 41 верблюдъ; убито 4 лошади и 17 верблюдовъ. Въ числѣ убитыхъ показанъ и попавшійся въ плѣнъ рядовой, тирански замученный хивинцами: найденное тѣло его оказалось обожженнымъ, колѣни проколотыми и сквозь нихъ продѣта бичевка. Несчастный былъ изжаренъ живымъ, подвѣшенный за ноги и за руки надъ костромъ.

Хивинцы оставили около 36 тѣлъ. Для устрашенія нашихъ лаучей и почтарей-киргизовъ, Кушъ-беги велѣлъ казнить захваченнаго съ почтой нашего киргиза, ѣхавшаго съ Эмбы въ Чушка-Куль. Послѣ долгихъ истязаній несчастный былъ разрубленъ пополамъ по поясу и обѣ половины поставлены по обѣ стороны дороги. Ротъ былъ набитъ сургучными печатями, сорванными съ пакетовъ и мелкими кусочками изорванныхъ писемъ и казенныхъ бумагъ... Такъ его и нашелъ отрядъ Ерофѣева, когда двинулся съ кроваваго бивака къ Чушка-Кулю.

Ложные слухи, посѣянные хивинцами между степными киргизами о многочисленности ихъ силъ, о присоединеніи, будто бы, къ нимъ коканскаго войска; угрозы хивинскаго хана, религіозный фанатизмъ, внушаемый лазутчиками, которые и самое пораженіе хивинцевъ, подъ Акъ-Булакомъ, выставляли побѣдою надъ русскими,—все это подѣйствовало на лаучей до того, что 31 декабря, во время сборовъ къ выступленію первой колонны съ Эмбы въ Чушка-Куль, они собрались толпою, человѣкъ въ 200, и объявили положительно, что далѣе не пойдутъ. Еще ночью нѣсколько десятковъ лаучей, со своими верблюдами, ушли тайкомъ въ свои аулы. Даль говоритъ однако, что бѣжало только 6 лаучей, но захватили они 18 лучшихъ верблюдовъ, и конечно съ запасами, иначе бы имъ не дойти до дому

Не смотря на сдѣланныя бунтарямъ увѣщанія, толпа не только не расходилась, но безпрестанно увеличивалась, съ криками и угрозами. Перовскій самъ вышелъ къ нимъ и объяснилъ, что они наняты на весь походъ до его окончанія и потому не имѣютъ права отказываться и покидать отрядъ самовольно, да еще въ такую трудную минуту. Киргизы возражали, что у нихъ и безъ того пала половина верблюдовъ, а дальше и остальные передохнутъ,—денегъ же за палыхъ верблюдовъ имъ не платятъ, не смотря на обѣщаніе. Перовскій объяснилъ имъ, что за палыхъ верблюдовъ условлено платить по возвращеніи изъ похода въ Оренбургъ, а не здѣсь въ степи.

Киргизы, однако, никакихъ резоновъ не принимали и кричали:

„бармасъ! бармасъ!“—не пойдемъ. Перовскій велѣлъ войску немедленно окружить буйную толпу и объяснилъ киргизамъ, что онъ выступилъ въ походъ по волѣ Государя Императора, что посему всякій находящійся въ отрядѣ долженъ слѣпо повиноваться приказаніямъ, въ противномъ случаѣ, какъ ослушникъ воли царской, будетъ примѣрно наказанъ; что киргизъ въ отрядѣ кормятъ хорошо, даютъ мяса и крупъ болѣе, чѣмъ солдату, что непріятеля имъ бояться нечего,—примѣръ: дѣло Ерофѣева, гдѣ киргизы лежали за кулями, а дрались только русскіе, и потому убитыхъ и раненыхъ между киргизами нѣтъ; потомъ приказалъ, чтобы всѣ благомыслящіе отдѣлились отъ безразсудныхъ и стали на указанное мѣсто. Нѣкоторые увидали, что мимо нихъ прошли рабочіе солдаты съ лопатами и кирками рыть могилы, а другіе съ ружьями и, сообразивъ, что это недобрый знакъ, бѣгомъ перебрались на правую сторону. Мало-по-малу толпа начала рѣдѣть, киргизы одинъ за другимъ переходили къ указанному мѣсту; но 7 человѣкъ упорно оставались и объявили рѣшительно, что не пойдутъ далѣе, не смотря на угрозу разстрѣляніемъ. Ихъ тотчасъ же окружили казаки, и Перовскій, для примѣра другимъ, велѣлъ тутъ же на мѣстѣ разстрѣлять одного изъ главныхъ зачинщиковъ; киргизъ безъ сопротивленія пошелъ къ могилѣ и только простился съ товарищами. Грянули 12 выстрѣловъ и упрямецъ свалился въ яму...

— Слѣдующаго!—крикнулъ Перовскій. Повторилась та же исторія со вторымъ.

— Слѣдующаго! *)

Но тутъ остальные упрямцы и вся тысячная толпа лаучей убѣдились, что Перовскій дѣйствительно имѣетъ право ихъ казнить смертію безъ суда (чему они не вѣрили), и всѣ бросились на колѣни, прося пощады, слагая вину на казненныхъ и обѣщая впредь во всемъ повиноваться безпрекословно.

Перовскій сказалъ имъ, что прощаетъ ихъ въ уваженіе просьбы султана-правителя Бай-Мухамеда, и тѣ бѣгомъ и кувыркомъ пробрались между лошадьми и казачьими пиками на правую сторону, къ праведнымъ.

Случай этотъ повелъ, однако, къ смѣнѣ Ціолковскаго: обнаружилось его жестокое обращеніе съ несчастными лаучами, которое, вѣроятно, и было главною причиною бунта... Только въ оффиціальномъ донесеніи объ этомъ умолчали и свалили всю бѣду на какихъ-то лазутчиковъ... Обнаружилось также, что Ціолковскій отхлесталъ нагайкой часового, а въ военное время за это, по артикуламъ Петра Перваго, по головкѣ не гладили.

---

*) Захарьинъ (стр. 557) пишетъ, что разстрѣляно было не два, а три человѣка, и только послѣ третьей жертвы лаучи смирились. Далѣе упоминаетъ двоихъ.

Колонну поручили полковнику Геке. Ціолковскій приказывалъ вьючить уже въ 2 часа утра, а въ 6 или 7 выступалъ. Люди, значитъ, отдыхали только 3½ часа. Поэтому смертность въ его колоннѣ равнялась смертности остальныхъ трехъ колоннъ. Верблюды падали также преимущественно у него.

Ціолковскій точно умышленно и систематически изнурялъ и людей и верблюдовъ, чтобы заставить Перовскаго скорѣе повернуть назадъ. Вообще злой и жестокій, „онъ особенно мучилъ и истязалъ заслуженныхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ, имѣвшихъ извѣстный серебряный крестъ за взятіе Варшавы“ (Захарьинъ, стр. 542). Такъ, фельдфебелю Есыреву, раздѣтому до рубашки на 35-градусномъ морозѣ, онъ далъ 250 нагаекъ за то, что его камчадалъ (т. е. вѣстовой) не убралъ во-время юламейку, когда фельдфебель разбиралъ тюки отъ павшихъ верблюдовъ...

Во время пребыванія главнаго отряда на р. Эмбѣ, получено было донесеніе, что провіантъ, отправленный на 10 судахъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе въ октябрѣ мѣсяцѣ, былъ задержанъ противными вѣтрами до глубокой осени въ морѣ и затертъ льдомъ, частію въ виду укрѣпленія, частію верстахъ во ста отъ Гурьева, близъ Прорвинскихъ острововъ; два же изъ нихъ возвратились въ Астрахань, получивъ значительныя поврежденія и потерявъ часть груза, брошеннаго, по необходимости, въ море.

Суда, ставшія близъ укрѣпленія Ново-Александровскаго, были спасены и провіантъ выгруженъ; суда же, затертыя льдомъ близъ Прорвинскаго поста, были впослѣдствіи сожжены киргизами и туркменами, которые затѣмъ бросились на подвластныхъ намъ киргизовъ, мирно кочевавшихъ близъ Ново-Александровскаго укрѣпленія, разграбили ихъ имущество и угнали скотъ. Тотчасъ было послано приказаніе астраханскому губернатору заготовить 1,500 четвертей сухарей и соразмѣрно крупъ и отправить ихъ сухимъ путемъ въ Гурьевъ, а часть въ Ново-Александровскъ, моремъ, съ открытіемъ навигаціи.

Съ этихъ поръ Перовскій сталъ уже сомнѣваться въ возможности дойти до Хивы.

Ціолковскій, котораго обвиняли въ трусости при нападеніи на извѣстный караванъ, ему порученный, оправдывался тѣмъ, что все зависитъ отъ счастья, и все время поддерживалъ въ Перовскомъ бодрость духа и надежду на успѣхъ. Чѣмъ дальше забредетъ отрядъ, тѣмъ очевиднѣе будетъ, что всѣ мудрые разсчеты, вся штабная прозорливость, всѣ громадныя средства не ведутъ ни къ чему, если счастье измѣнитъ... Въ неудачѣ Перовскаго крылось оправданіе неудачи Ціолковскаго. Теперь и ему казалось уже, что зашли достаточно. Звѣрская расправа хивинцевъ съ плѣннымъ солдатомъ коробила не одного его. Генералъ Иванинъ, на стр. 125, говоритъ объ этимъ слѣдующее:

„Едва получено было, 21 декабря, это извѣстіе въ отрядѣ, какъ у нѣкоторыхъ лицъ штаба физіономіи вытянулись: идя на легкую побѣду, они и не думали о встрѣчѣ съ непріятелемъ на срединѣ пути; теперь имъ начала представляться тѣнь замученнаго нашего рядового и тѣнь Бековича, измученнаго въ Хивѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что эти трусы, къ несчастію и въ наказаніе ген. Перовскаго за дурной выборъ своихъ любимцевъ, послѣ полученія извѣстія о нападеніи хивинцевъ и жестокости ихъ съ нашимъ плѣнникомъ, начали исподтишка портить всѣ распоряженія по отряду, съ цѣлью довести до необходимости возвратить отрядъ съ полпути въ Оренбургъ".

Обвиненіе это тяжкое, основанное на выраженіи „нѣтъ сомнѣнія" и на косвенныхъ уликахъ. Первая улика по Иванину: задержка отряда на Эмбѣ подъ предлогомъ постройки коекъ для больныхъ и перебивки вьюковъ для уменьшенія ихъ вѣса, непосильнаго ослабѣвшимъ верблюдамъ. Потеряно напрасно около мѣсяца; снѣгу въ это время прибавилось и верблюды облегченія не получили. Вторая улика: силы верблюдовъ ослаблены искусственными мѣрами (стр. 191), а какими—не сказано. Разумѣть надо хитрыя построенія, напрасная задержка подъ вьюками и лишенія корма. Третья улика—браковка верблюдовъ, порученная Ціолковскому, велась такъ, что отпущены съ вожаками лучшіе верблюды, а слабые оставлены (стр. 195—199). Къ этому мы еще вернемся. Захарьинъ сообщаетъ слухъ (стр. 542), будто Ціолковскій даже отравлялъ верблюдовъ черезъ деньщика своего.

Во все время похода до Эмбы только 3 дня морозъ былъ 10 и менѣе градусовъ (въ полдень), затѣмъ 11 дней было отъ 14° до 20°, 12 дней отъ 20—26° и 6 дней отъ 26—32°. Незначительное количество дровъ, которое было при отрядѣ, расходовалось только по временамъ для варки пищи, а неупустительно и постоянно—только для отопленія кибитокъ штаба... Людямъ по временамъ стали выдавать морской канатъ вмѣсто дровъ для варки горячей пищи, безъ которой на морозѣ трудно было пробыть нѣсколько дней подъ рядъ. Спиртъ выдавался щедро, но помогалъ мало. Солдаты прозвали его „стоградуснымъ морозомъ".

На Эмбѣ присоединился къ отряду родоначальникъ назаровцевъ, султанъ Айчуваковъ, доставившій нѣсколько сотъ верблюдовъ, которые у него и наняты. Онъ разсказалъ, что впереди къ Чушка-Кулю и далѣе на Усть-Уртѣ такіе снѣга, что идти положительно невозможно. Ему не повѣрили и запретили разглашать это въ отрядѣ.

Прійдя на Эмбу, Перовскій засталъ тамъ цынгу и оспу, да и въ главномъ отрядѣ больные были въ безпомощномъ положеніи: лѣкарствъ на морозѣ нельзя было приготовлять, такъ какъ вода

замерзала, да они и не дѣйствовали на бивакахъ подъ открытымъ небомъ, а держать больныхъ въ землянкахъ было и того хуже.

Перовскій прекратилъ всякое сношеніе отряда съ эмбенскимъ гарнизономъ, для чего и помѣстился на бивакахъ на пушечный выстрѣлъ отъ укрѣпленія.

Находясь въ крайне удрученномъ состояніи и виня себя за увлеченіе поэзіей, какъ онъ называлъ теперь зимній походъ, Перовскій впалъ въ меланхолію и сталъ отказываться отъ пищи... Ему казалось, что офицеры и солдаты упали духомъ, что непремѣнно его бранятъ и проклинаютъ за то, что онъ завелъ ихъ въ дикую пустыню и безъ пользы, безъ славы губитъ ихъ здѣсь до послѣдняго...

Однако, во время ночной прогулки онъ услышалъ разговоръ въ солдатской юламейкѣ о томъ, что вотъ „орелъ-то нашъ черноокій захирѣлъ... отъ пищи отсталъ... никого къ себѣ не допущаетъ...“ и что „это бѣда! коли самъ помретъ,— пропадутъ тогда и наши головушки“. Это воскресило его. Онъ узналъ, что его не проклинаютъ, а жалѣютъ. Пославши за Никифоровымъ, онъ спросилъ его о состояніи духа офицеровъ. Тотъ сообщилъ, что образовалось собственно двѣ партіи: Ціолковскій со своими доказываетъ необходимость немедленно срыть укрѣпленія и идти назадъ, а Молоствовъ, напротивъ, находитъ, что пройдя только одну треть пути и даже не изслѣдовавъ Усть-Урта, возвращаться ни съ чѣмъ въ Оренбургъ будетъ прямо постыднымъ для русскаго имени дѣломъ; только послѣдняя крайность, только доказанная опытомъ невозможность идти далѣе можетъ служить оправданіемъ и снять съ отряда пятно... а до послѣдней крайности еще не дошли.

Обрадованный этимъ Перовскій крѣпко поцѣловалъ Никифорова и рѣшилъ идти далѣе къ Акъ-Булаку или Чушка-Кулю, поручивъ первую колонну Молоствову. Однако, почти наканунѣ выступленія, Молоствовъ, напившись кофею у Ціолковскаго, внезапно заболѣлъ... Колонна была поручена Ціолковскому. Обойти его было нельзя, такъ какъ и Толмачевъ былъ боленъ съ самаго Бишъ-Тамака, не владѣя, сильно простуженными ногами.

Простуда была главная и почти неизбѣжная въ этомъ походѣ болѣзнь: послѣ труднаго перехода по глубокому снѣгу, работы при вьючкѣ и развьючкѣ верблюдовъ, рытья снѣгу для добыванія топлива и проч., вспотѣвшіе солдаты садились на верблюдовъ *) или, придя на ночлегъ, торопились скорѣе лечь спать

*) Даже лаучи-верблюдовожатые, жалѣвшіе своихъ верблюдовъ, шли пѣшкомъ, но, видя труды пѣхоты и затруднительность движенія пѣшимъ людямъ, охотно помогали солдатамъ взлѣзать на верблюдовъ, говоря, что пора бы уже простить пѣхоту и дать ей лошадей. Они полагали, что пѣхота въ наказаніе за что-либо осуждена идти въ Хиву пѣшкомъ.

(генералъ-маршъ били въ 2 часа утра), другіе же становились на часы, остывали и иногда отмораживали себѣ члены или получали простудныя болѣзни, лѣчить которыя было тѣмъ мудренѣе, что потогонныя и другія подобныя средства вовсе не могли быть употребляемы на морозѣ, и кромѣ того заболѣвшіе большею частію умирали скоропостижно.

Рѣшившись, несмотря ни на что, продолжать движеніе, Перовскій отдалъ приказъ, чтобы всѣ офицеры кинули въ укрѣпленіи все, безъ чего только могутъ обойтись, чтобы по недостатку верблюдовъ не пришлось кинуть добро свое на дорогѣ. Самъ Перовскій хотѣлъ было показать примѣръ, кинуть весь свой обозъ и записаться въ солдатскую артель, но потомъ оказалось множество лишнихъ верблюдовъ, занятыхъ только юламейками и разнымъ скарбомъ лаучей. Вообще съ верблюдами возня была немалая: лаучи ихъ подмѣняли,—нанимаясь, показываетъ одного, а какъ надобно выступать, является съ другимъ, плохимъ, или съ верблюдицей, которая на походѣ жеребилась и дѣлалась негодною подъ вьюкъ. Бирки и мѣтки, надѣвавшіяся на шею верблюдовъ въ видахъ противодѣйствія плутовству, киргизы срывали на топливо. Подъ конецъ пришлось таврить, но и на тавренныхъ верблюдахъ лаучи бѣгали по ночамъ изъ отряда!...

Выступленіе назначено было въ первыхъ числахъ января. Незадолго передъ тѣмъ сдѣланъ былъ опытъ передачи приказаній морскими ночными сигналами. Степь оказалась не совсѣмъ похожею на море и люди, назначенные наблюдать сигналы, должны были долго отыскивать мѣсто, откуда они могли быть видны, да и караулить сигналы дѣлалось такою тяжелою обязанностію, что кто-то изъ начальствующихъ просилъ даже ввести еще одинъ сигналъ, означающій: „больше сигналовъ въ эту ночь не будетъ“.

Отрядъ началъ выступать съ 31 декабря, а 16 января выступила послѣдняя, четвертая колонна. Разстояніе отъ Эмбенскаго укрѣпленія до Акъ-Булака, всего 160 верстъ, пройдено было колоннами болѣе, нежели въ 15 дней; несмотря на то, потеря въ верблюдахъ была чрезвычайна и съ каждымъ днемъ возрастала.

Выступивъ за линію, отрядъ имѣлъ около 10,400 верблюдовъ. Изъ Эмбенскаго укрѣпленія отрядъ, съ 2-мѣсячнымъ продовольствіемъ для людей и съ дачею по одному гарнцу въ день овса на лошадь на то же время, съ трудомъ поднялся на 8,900 верблюдахъ, а на Акъ-Булакѣ (т. е. еще не пройдя и половины пути до Хивы) годныхъ для подъема тяжестей верблюдовъ оказалось всего 5,188, изъ остальныхъ, совсѣмъ изнуренныхъ на переходѣ отъ Эмбы къ Акъ-Булаку, пало 1,200 верблюдовъ, до 1,000 верблюдицъ ожеребились и также скинуты со счета, а прочіе изъ приставшихъ такъ ослабѣли, что за негодностію были брошены на дорогѣ. Даль очерчиваетъ верблюда такими словами: „вер-

блюдъ индюшка, животное кволое, нѣжное, любитъ тепло, гибнетъ отъ стужи“ (стр. 631).

Для облегченія пути верблюдамъ, старались проложить имъ утоптанныя дорожки, для чего колонны шли всего въ 4 и рѣдко 8 рядовъ; сверхъ того, впереди вьючныхъ верблюдовъ шла конница и пролагала тропинки, а въ глубокихъ мѣстахъ конницѣ приходилось проѣзжать даже по нѣскольку разъ взадъ и впередъ, по одной и той же тропѣ; мѣстами расчищали путь даже лопатами, но, несмотря на все это, верблюды падали безпрестанно, останавливая движеніе колоннъ. Приходилось перевьючивать, утопая въ снѣгу по колѣно, а мѣстами и по поясъ, что приводило людей въ изнеможеніе; упавшій же верблюдъ рѣдко вставалъ. Для обхода его приходилось протаптывать или прочищать новыя дорожки. Артиллерію пришлось уже везти на лошадяхъ, а по временамъ изъ снѣгу вытаскивали ее и на людяхъ, при чемъ полозья уже пришлось бросить, такъ какъ по глубинѣ и рыхлости снѣга колеса оказались удобнѣе.

Неизвѣстно, отъ солонцеватости ли здѣшней мѣстности, или отъ предшествовавшихъ оттепелей, свойство снѣга было здѣсь необыкновенно: въ однихъ мѣстахъ поверхность снѣга была мягкая, какъ и вездѣ у насъ, и легко подавалась отъ давленія копытъ или колесъ, въ другихъ, напротивъ, была почти такъ тверда, какъ ледъ; лошади, верблюды, даже 12-фунт. орудія держались на поверхности снѣга, а затѣмъ нерѣдко вдругъ проваливались, отчего вытаскиваніе верблюдовъ, саней, повозокъ и артиллеріи по такимъ мѣстамъ сопряжено было съ чрезвычайными трудностями. Всѣ овраги, даже самые глубокіе, были занесены снѣгомъ доверху, такъ что и отличить ихъ отъ степи было невозможно, пока не провалится туда верблюдъ или фура. Во избѣжаніе такихъ проваловъ для артиллеріи, умудрились накладывать поверхъ снѣга настилку понтонныхъ мостовъ и по ней уже перевозить орудія. Верблюды и лошади подрѣзывали себѣ ноги, и оттого въ иные дни отрядъ проходилъ не болѣе 4 верстъ, оставляя на мѣстѣ упавшихъ верблюдовъ и свалившіеся тюки. Въ бураны же теперь не было никакой возможности двигаться: такъ, въ первые четыре дня, выступившая впередъ колонна за буранами прошла всего 20 верстъ, бросивъ на пути, за невозможностію везти, множество саней и колесныхъ повозокъ, которыя послѣдующими тремя колоннами употреблялись на топливо.

Перовскій выѣхалъ изъ Эмбенскаго укрѣпленія на другой день по выступленіи послѣдней колонны, т. е. 17 января 1840 г., и не верхомъ уже, а въ тепломъ возкѣ. Обогнавъ всѣ колонны и осмотрѣвъ ихъ, онъ самъ убѣдился, да и начальники колоннъ увѣряли, что отряду не дойти. Еще до выѣзда съ Эмбы онъ писалъ министру иностранныхъ дѣлъ (шифрованная депеша 5 января 1840 г.): „опа-

саюсь, что вынужденъ буду бросить понтоны, лодки, всѣ повозки"... Теперь онъ видѣлъ, что придется бросить и запасы. Догнавъ передовую колонну Ціолковскаго, главнокомандующій узналъ, что штабнымъ буфетомъ никто изъ офицеровъ не пользуется, такъ какъ онъ наполненъ всегда гостями Ціолковскаго, ссыльными поляками унтеръ-офицерами, и что отъ своей обычной расправы нагайками за каждый пустякъ онъ все еще не отказался.

На ночлегѣ Перовскій пригласилъ къ себѣ въ кибитку Ціолковскаго, но содержаніе бесѣды осталось тайною. Только конецъ ея, при выходѣ Ціолковскаго изъ кибитки, слышали часовые. Ціолковскій сказалъ что-то угрожающимъ тономъ на иностранномъ языкѣ. Перовскій отвѣчалъ ему по-русски: „Я не боюсь васъ, генералъ: я вѣдь не пью кофе"... (Захарьинъ, 569).

На другой день отданъ былъ приказъ о томъ, что колонна поступаетъ въ личное командованіе главнокомандующаго, и съ тѣхъ поръ Ціолковскій оставался не у дѣлъ до возвращенія въ Оренбургъ.

Пѣхота, по прежнему, отличалась неумѣньемъ ни за что приняться: надобно было учить, какъ ставятся котелки въ рядъ на таганахъ, какъ отгребается зола, какъ топить кизякомъ и камышемъ, какъ зарѣзать корову или барана, какъ надобно одѣться, какъ застегнуться и проч. По неимѣнію достаточнаго числа нянекъ къ этимъ институткамъ, бѣдные чувствовали всѣ невзгоды и неудобства втрое противъ остальныхъ войскъ. Убыль больными была чрезвычайная. Появлялись и загадочныя болѣзни: одна начиналась прямо безпамятствомъ и сумасшествіемъ и оканчивалась иногда смертію, другая, еще болѣе страшная по быстротѣ теченія и неизбѣжности печальнаго исхода, состояла въ томъ, что человѣка вдругъ схватывало подъ ложечкой, дыханіе съ минуты на минуту затруднялось все болѣе, затѣмъ иногда корчи и смерть.

Самъ Перовскій пріѣхалъ въ Акъ-Булакъ больной,—старая болѣзнь легкихъ и отчаянная тоска, какъ слѣдствіе тяжкихъ физическихъ лишеній и ранъ. Въ Оренбургъ Перовскій воротился совершенно сѣдымъ.

Прибывъ въ Акъ-Булакъ, онъ немедленно отрядилъ Уральскаго войска полковника Бизянова *) и генеральнаго штабсъ-капитана Рехенберга **), съ 150 уральскими казаками, при одномъ 3-фунтовомъ орудіи, для развѣдыванія впереди путей и отысканія удобнаго всхода на Усть-Уртъ. Отрядъ этотъ, пройдя около 120 верстъ, по пути къ Хивѣ, на восьмой день возвратился съ

*) Старый суворовскій служака.

**) Завѣдывалъ топографами отряда.

извѣстіемъ, что снѣгъ впереди верстъ на сто, до подъема на Усть-Уртъ еще глубже, что кормы и топливо занесены снѣгомъ и что мѣстами съ трудомъ можно пройти даже на лошадяхъ. На Усть-Уртѣ, по которому отрядъ полковника Бизянова прошелъ верстъ 20, снѣгу оказалось менѣе, чѣмъ внизу, но также необыкновенно много, и снѣгъ былъ мягче и рыхлѣе; слѣдовъ же непріятеля нигдѣ не открыто.

Въ то же время произошло слѣдующее, неблагопріятное для отряда, событіе: служившій въ оренбургской пограничной коммиссіи корнетъ Аитовъ, еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ посланъ былъ для сбора верблюдовъ у киргизовъ, кочующихъ между низовьемъ Урала и Ново-Александровскимъ укрѣпленіемъ. Этими верблюдами предположено было поднять продовольствіе, долженствовавшее прибыть водою въ Ново-Александровское укрѣпленіе, и направить ихъ немедленно къ главному отряду, чтобы замѣнить ими верблюдовъ павшихъ и слабыхъ. Аитовъ съ собранными 538 верблюдами, шелъ уже къ Эмбенскому укрѣпленію; но возчики верблюдовъ, изъ адаевцевъ, исыкцевъ и бершевцевъ, по внушенію хивинцевъ, 8 января связали Аитова и повезли въ Хиву, а верблюдовъ возвратили въ аулы. Туркмены и киргизы адаевскаго рода, въ числѣ 200 человѣкъ, сожгли замерзшія близъ Прорвинскаго поста 12 рыболовныхъ судовъ съ провіантомъ, о чемъ уже упоминалось, сдѣлали нападеніе на самый постъ, но были отбиты и разсыпались по камышамъ, успѣвъ, однакоже, отогнать пасшихся тамъ 1,300 барановъ, принадлежавшихъ нашимъ торговцамъ.

Такъ какъ колонны выступали одна за другой, то казалось, что послѣдующимъ движеніе естественно должно было облегчаться передними, которые основательно протопчутъ дорогу, но этого не случилось: снѣгъ быстро заметалъ слѣды и дорогу едва можно было отличать по снѣговымъ столбамъ, насыпаемымъ уральцами или по брошеннымъ, за негодностью, верблюдамъ и трупамъ ихъ.

Походъ этотъ безпримѣренъ по перенесеннымъ трудностямъ и терпѣнію, съ какимъ люди переносили всѣ невзгоды. Не одна дисциплина играла въ этомъ роль, тутъ дѣйствовало и сознаніе, что начальство приняло всѣ возможныя мѣры для обезпеченія успѣха, что оно позаботилось о солдатѣ до мелочей, что оно одѣло его, насколько позволяла изобрѣтательность, наилучшимъ, по климату, образомъ, что запасовъ вдоволь и пр.

Всѣ очень хорошо видѣли, что взгроможденныя на пути препятствія — внѣ власти начальника и что отряду остается только одно: одолѣвать стихіи.

Если дымокъ изъ штабныхъ кибитокъ и возбуждалъ чувство зависти въ тѣхъ, кто ночевалъ подъ открытымъ небомъ на снѣгу, то, во-первыхъ, солдаты видѣли, что ближайшіе къ нимъ офицеры

терпѣли не менѣе ихъ, а во-вторыхъ, кто же выведетъ ихъ изъ пустыни, если старшіе свалятся? Кое-какъ люди „старались“, т. е. крали дрова, уголь, даже рогожи изъ-подъ верблюдовъ; копали корни растеній, чтобы хоть оттаять снѣгу или вскипятить чайникъ.

Случилось однажды, что нѣсколько старателей, замѣтивъ, что у кибитки корпуснаго командира деньщикъ рубитъ большое бревно, заговорили его, прося показать кибитку какого-то штабнаго. Когда тотъ оставилъ топоръ и пошелъ указывать, то двое другихъ накрыли бревно принесенною шинелью, подняли на плечи и ушли. На оклики часовыхъ отвѣчали: „несемъ тѣло“, а хоронить велѣно было по ночамъ,—значитъ пропускъ свободный. Оказалось, однако, что это не бревно, а громадный осетръ. Нечего было дѣлать: разрубили, подѣлились съ товарищами, сварили уху и съѣли! Это сообщаетъ Ивановъ на стр. 174.

Воровство было развито въ отрядѣ до ужасающей степени. Въ особенности отличались этимъ уральскіе казаки. У пѣхотныхъ офицеровъ они украли всѣ тюки съ консервами, чаемъ и сахаромъ, даже чемоданы съ бѣльемъ и мундирами...

Не довольствуясь добычей въ аріергардѣ изъ брошенныхъ вьюковъ, казаки и на ночлегахъ умудрялись красть кули съ овсомъ или сухарями подъ носомъ у часовыхъ: дождавшись, когда часовой пріютится отъ холода за тюками, казакъ подползаетъ къ намѣченному кулю, всаживаетъ въ него крѣпкій крюкъ съ привязанною къ нему бичевкою и уползаетъ въ свою юламейку. Затѣмъ куль начинаетъ медленно подвигаться по снѣгу и въѣзжаетъ въ юламейку,— тутъ ему и конецъ. Если часовой замѣчалъ такую очевидную чертовщину, то, конечно, крестился и чурался.

Пройдя въ трескучіе морозы около 500 верстъ въ глубь безпріютной пустыни, покрытой глубокимъ снѣгомъ, послѣ кратковременной остановки при Эмбенскомъ укрѣпленіи, которая по усиленнымъ работамъ (перегрузка вьюковъ въ болѣе легкіе) вовсе не была отдыхомъ для людей, войска отряда должны были двинуться въ степи еще болѣе скудныя и безпріютныя. А тутъ еще явилась новая забота: отощавшіе верблюды прогрызали лубочные короба, кули и мѣшки, чтобы достать оттуда сухарей, муки, крупъ, овса, или выщипывали прессованное сѣно, которое, вслѣдствіе этого, болѣе разсыпалось, нежели съѣдалось.

Пробовали было надѣвать верблюдамъ, обыкновенные въ этихъ случаяхъ, веревочные намордники, но они ихъ перегрызали .Кромѣ постоянной возни съ верблюдами, на становищахъ надобно было навьючивать и развьючивать 10,000 вьюковъ, а потомъ, чтобы согрѣться или сварить кашицу, приходилось перерывать кучу снѣгу глубокаго, жесткаго, мѣстами даже обледенѣлаго и окрѣпшаго, и изъ мерз-

лой земли вырубать тоненькіе корешки скудныхъ здѣшнихъ травъ. Словомъ, становище не было отдыхомъ для пѣхотныхъ солдатъ, а казакъ успокаивался только къ 8 или 9 часамъ вечера, а въ 2 или 3 часа долженъ былъ подыматься для новыхъ, такихъ же тяжкихъ трудовъ.

Въ Чушка-Кулѣ Перовскій засталъ не только весь почти гарнизонъ, но даже и прибывшій сюда за больными отрядъ Ерофѣева, почти поголовно страдающимъ отъ дизентеріи и цынги. Запасовъ сѣна не было, землянки тѣсны, душны и сыры, вода со слабительною солью, смертность въ укрѣпленіи громадная...

Старая рана въ грудь, полученная Перовскимъ въ турецкую войну 1828 г., разболѣлась... Отозвался и тотъ ударъ огромнымъ полѣномъ въ спину, который онъ получилъ во время бунта 14 декабря 1825 г., на Сенатской площади... Силачъ, разгибавшій подковы, сталъ хирѣть. Немудрено, что еще до возвращенія Бизянова изъ рекогносцировки съ такими неутѣшительными извѣстіями, убѣдившись лично въ крайнемъ изнуреніи и людей, и верблюдовъ, съ которыми если бы и можно было дойти до Хивы, то развѣ только для того, чтобы попасться еле живыми въ руки непріятеля,— Перовскій рѣшился отказаться отъ дальнѣйшаго похода.

Лучше бы было, конечно, если бы эта мысль родилась въ головѣ Перовскаго еще на Эмбѣ, по крайней мѣрѣ, отрядъ не потерялъ бы столько верблюдовъ, но и то ужъ хорошо, что онъ не упорствовалъ далѣе „наперекоръ стихіямъ“: съ Чушка-Куля онъ все-таки могъ уйти съ хлѣбомъ, а если бы пошелъ еще на Усть-Уртъ, гдѣ, вѣроятно, пришлось бы бросить большую часть верблюдовъ, со всѣми запасами, — отрядъ пошелъ бы голодный.

Наконецъ, если бы еще на несчастье, когда отряду и безъ того приходилось бы отступать,—вдругъ появились бы хивинцы,—они, конечно, приписали бы наше отступленіе себѣ, а для чести нашего оружія намъ лучше было отступать передъ неодолимыми преградами, созданными природою, нежели передъ такимъ непріятелемъ, какъ хивинцы: лучше быть побѣжденнымъ стихіями, нежели такимъ жалкимъ непріятелемъ.

1 февраля 1840 года, наканунѣ прибытія съ Эмбы послѣдней колонны, Перовскій отдалъ по войскамъ хивинской экспедиціи приказъ о возвращеніи.

„Товарищи! Скоро три мѣсяца, какъ выступили мы по повелѣнію Государя Императора въ походъ, съ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостію исполнить Царскую волю. Почти три мѣсяца сряду боролись мы съ неимовѣрными трудностями, одолѣвая препятствія, которыя встрѣчаемъ въ необычайно жестокую зиму отъ бурановъ и непроходимыхъ, небывалыхъ здѣсь снѣговъ, завалившихъ путь нашъ и всѣ кормы.

„Намъ не было даже отрады встрѣтить непріятеля, если не упоминать о стычкѣ, показавшей все ничтожество его.

„Не взирая на всѣ перенесенные труды, люди свѣжи и бодры, лошади сыты, запасы наши обильны; одно только намъ измѣнило: значительная часть верблюдовъ уже погибла, остающіеся обезсилѣли, и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части похода продовольствіе.

„Какъ ни больно отказаться отъ побѣды, но мы должны возвратиться на сей разъ къ своимъ предѣламъ.

„Тамъ будемъ ждать новыхъ повелѣній Государя Императора; въ другой разъ будемъ счастливѣе.

„Мнѣ утѣшительно благодарить васъ всѣхъ за неутомимое усердіе, готовность и добрую волю каждаго, при всѣхъ переносимыхъ трудностяхъ. Всемилостивѣйшій Государь и отецъ нашъ узнаетъ обо всемъ".

Подписалъ ген.-адъют. Перовскій.

Наканунѣ приказа, донося объ отступленіи военному министру, Перовскій между прочимъ писалъ:

„Разсудивъ, что какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, лучше быть побѣжденнымъ стихіями, чѣмъ потерять отрядъ, не нанеся даже никакого вреда непріятелю, что жертвуя отрядомъ, пользы ожидать отъ этого не должно никакой, я съ горестнымъ и сокрушеннымъ сердцемъ вынужденъ рѣшиться къ отступленію.

„Ваше сіятельство, смѣю надѣяться, войдете въ положеніе мое, крайне отчаянное; я вижу ясно передъ собою всѣ послѣдствія этого, на сей разъ неудачнаго предпріятія; подвергаю себя безропотно неудовольствію Государя Императора, если въ чемъ-либо буду обвиненъ, но я не нахожу средствъ преодолѣть враждебныхъ отношеній стихіи"...

Императоръ Николай собственноручно надписалъ на донесеніи: „Жаль... очень жаль,—но покориться волѣ Божіей должно, и безропотно".

Далѣе онъ изложилъ свои соображенія относительно возобновленія экспедиціи при первой возможности, но уже находилъ, что только не зимой.

„Кажется, опытъ доказалъ, что зимой сіе невозможно или гадательно; первая неудача непріятна, но она извиниться можетъ неизвѣстностію; повтореніе сего же было бы непростительно, можно стало идти лѣтомъ или осенью, или, наконецъ, моремъ".

27 іюля 1840 г. въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ, Государь подписалъ рескриптъ Перовскому съ выраженіемъ признательности за сбереженіе отряда, а всѣмъ участникамъ экспедиціи велѣлъ объявить совершенное благоволеніе.

Никифоровъ получилъ чинъ капитана и орденъ Владиміра 4 степени.

Но возвратимся къ отряду. Тотчасъ по прочтеніи приказа 1 февраля, изъ котораго люди узнали, что они свѣжи и бодры а лошади сыты, немедленно начали разбирать по колоннамъ. Бывшіе на Акъ-Булакѣ продовольственные запасы, затѣмъ пересыпали ихъ въ болѣе легкіе вьюки, еще разъ уменьшенные, отобрали все, что было необходимо для возвратнаго похода, т. е. что могло служить либо въ пищу, либо для топлива. Часть запасовъ, а именно 1,500 четвертей муки и сухарей, которая не могла быть взята съ собою, оставлена на мѣстѣ или истреблена; нѣкоторыя тяжести, какъ-то: якоря, были зарыты въ землю, чтобы въ случаѣ второго похода въ Хиву, ихъ опять взять съ собою; мука была развѣяна по вѣтру; сухари и артиллерійскіе снаряды утоплены въ проруби.

Изъ землянокъ выпутъ весь лѣсъ:—рамы, дверные косяки, потолочныя балки и т. п.; 250 пудовъ бульону въ плиткахъ, хотя и рѣшено взять съ собою, но киргизы тайкомъ его побросали. 3 февраля, наканунѣ выступленія, велѣно сжечь всѣ фальшфейеры и ракеты, боченки съ порохомъ оставили въ землянкахъ и передъ выступленіемъ утромъ 4 февраля зажги фитили. Блестящій фейерверкъ и громкіе взрывы произвели на киргизовъ большое впечатлѣніе. 4 февраля выступила первая колонна.

Хотя возможность покинуть зараженное укрѣпленіе и радовала войска, однако, не смотря на тяжесть похода, даже пѣхота, терпѣвшая наиболѣе, пріуныла, когда объявили приказъ о возвращеніи... Казаки же убѣдительно просили пустить ихъ однихъ. Старикъ Бизяновъ обѣщалъ кончить походъ съ двумя полками уральцевъ, но было совсѣмъ очевидно, что верблюды наши не донесутъ до Хивы продовольствія даже и для двухъ полковъ, а за выдѣленіемъ этихъ верблюдовъ,—остальные не поднимутъ тяжестей оставшагося на Акъ-Булакѣ отряда, который поэтому не могъ бы дойти и до Эмбы...

Обратный путь колоннъ былъ нѣсколько успѣшнѣе: протоптанныя, при движеніи къ Акъ-Булаку, тропинки не были еще совсѣмъ занесены снѣгомъ, верблюдамъ легче было идти, и этотъ путь совершенъ былъ въ 10 дней. Притомъ верблюдовъ поддерживали на пути мукой, сухарями и овсомъ, которые все равно приходилось бы бросать на пути. Пришлось также употребить на топливо послѣднія разборныя лодки; настилку понтоновъ, веревки, канаты и проч.

Въ пути отрядъ перенесъ необычайно сильный буранъ 9 февраля. Перовскій уѣхалъ впередъ 10-го числа и прибылъ на Эмбу нѣсколькими днями ранѣе отряда, совершенно больной.

Верблюдовъ пало или брошено на этотъ разъ 1780 штукъ:

одни совершенно обезсилѣли, нѣкоторые отморозили ноги, у другихъ подрѣзаны были гололедицей подошвы... Даль упоминаетъ объ этомъ на стр. 637: „много верблюдовъ отморозили себѣ лапы; многихъ обули въ кеньги и полусапожки, но врядъ ли это поможетъ: уже поздно“.

Во всякомъ случаѣ негодныхъ къ службѣ верблюдовъ оказалось столько, что пришлось бросить часть тяжестей, а другую везти на казачьихъ лошадяхъ, такъ что всѣхъ запасовъ на Акъ-Булакѣ и на обратномъ походѣ было брошено или искормлено— сухарей и муки на 50 дней, крупъ на 23 дня, овса на 2 недѣли, соли на 105 дней по расчету на весь отрядъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ Иванинъ, что лучше было бы подкармливать верблюдовъ сухарями, мукой, овсомъ и т. п., чѣмъ кидать все это даромъ. Верблюдовъ бы сберегли и бросить столько запасовъ не пришлось бы. А имъ даже надѣвали намордники, чтобы они не прогрызали кулей и не пожирали сухарей. Надо однако замѣтить, что верблюды овса не хотѣли ѣсть, да и комки тѣста, замѣшаннаго на холодной водѣ и промерзшаго, тоже не ѣли. Какъ возрастала прогрессивно убыль верблюдовъ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: изъ Оренбурга отрядъ выступилъ на 10,400 верблюдахъ, съ Эмбы на 8,900, обратно съ Акъ-Булака на 5,188, а по возвращеніи на Эмбу имѣлъ къ 1 мая только 1,300.

Всѣ четыре колонны, между 13 и 17 февраля, прошли мимо Эмбенскаго укрѣпленія и направились на выбранныя для нихъ новыя лагерныя мѣста на р. Сага-Темиръ и ручьѣ Тегеле, въ 30 верстахъ отъ укр. Эмбенскаго, зараженнаго оспою и цынгою.

Такимъ образомъ масляница проведена злополучнымъ отрядомъ не на маршѣ. Люди примирились съ мыслію о возвращеніи домой. Казаки устраивали разныя затѣйливыя штуки: салазки, на которыхъ возили другъ друга, борьбу, для которой раздѣвались до рубахи, не смотря на морозъ; медвѣжью пляску, причемъ поводатарь приговаривалъ и лупилъ мѣдвѣдя хворостиной по бокамъ, такъ что тотъ, наконецъ, обругался по-русски и т. п. Въ воскресенье провожали масляницу и, сѣвши по трое на одну лошадь,—одинъ задомъ, другой передомъ, третій бокомъ,—объѣзжали кругомъ лагеря и кланялись на всѣ стороны, прощаясь съ масляной. Передъ пьяными въ тотъ день у нихъ положено было снимать шапку, и трезвый долженъ былъ величать его: ваше благородіе... (Даль, стр. 634).

Запасы у штабныхъ были, какъ видно изъ словъ Даля, довольно изрядные. 21 февраля онъ пишетъ: „празднуемъ масляницу блинами и блины ѣдимъ съ яйцами, съ лукомъ, съ масломъ, съ свѣжей икрой“.—Это хоть бы и не въ степи, заметенной снѣгомъ!

Еще 4 февраля въ день обратнаго выступленія колонны съ

Акъ-Булака на Эмбу, Перовскій писалъ Булгакову*) что всѣ его разсчеты на запасы продовольствія и на верблюдовъ не оправдались: осеннія бури разметали суда, везшія провіантъ моремъ въ Новоалександровскъ, а верблюды подохли. „Предвижу сужденія, которымъ подвергаюсь. Чтобы извинить, чтобъ оправдать неудачу, необходима жертва, и этою жертвою мнѣнельзя не быть. Смиренно преклоняю главу и не стану противорѣчить толкамъ“..

Первыми предполагалось отправить домой больныхъ офицеровъ и чиновниковъ, къ которымъ присоединилось нѣсколько здоровыхъ. Съ ними, въ видахъ сбереженія фуража, отправленъ былъ, 24 февраля на линію, дивизіонъ 1-й оренбургскаго казачьяго полка съ 425 верблюдами. 12 марта дивизіонъ этотъ прибылъ въ Ильинскую крѣпость, бросивъ на дорогѣ 226 верблюдовъ.

Между тѣмъ, для обезпеченія продовольствіемъ оставшагося на р. Сага-Темирѣ отряда приняты были всевозможныя мѣры. Не взирая на множество затрудненій, собранъ былъ скотъ для мясныхъ порцій, и нижніе чины получали ежедневно свѣжее мясо и полную дачу провіанта. Но, не смотря на это, цынга не только не уменьшилась, а даже усилилась, что можно объяснить полученнымъ уже людьми предрасположеніемъ къ этой болѣзни вслѣдствіе невозможности соблюдать зимнимъ походомъ чистоту, такъ какъ мыть и часто перемѣнять бѣлье на морозѣ было, конечно, весьма неудобно. Спертый воздухъ въ кибиткахъ, которыя обыкновенно весьма тщательно закутывались людьми для сохраненія тепла, также игралъ тутъ роль. Наконецъ, не обошлось и безъ вліянія солоноватой воды степныхъ рѣкъ. По сдѣланному послѣ похода разсчету, со времени выступленія войскъ въ степь и по 20 февраля, въ отрядѣ и въ укрѣпленіяхъ переболѣло всего 3124 чел.; изъ нихъ умерло 608 чел., осталось къ 20 февраля больныхъ 565 чел. Собственно же въ отрядѣ, въ теченіе трехъ мысяцевъ заболѣвали въ пѣхотѣ изъ 2 одинъ, въ кавалеріи Оренбургскаго войска изъ 3 одинъ, въ Уральскомъ войскѣ больныхъ изъ 27 одинъ; умерло: въ пѣхотѣ 1 изъ 14, въ кавалеріи: Оренбургскаго войска 1 изъ 30-ти, Уральскаго войска 1изъ 200.

Въ гарнизонахъ же обоихъ укрѣпленій, въ теченіе 9 мѣсяцевъ, число переболѣвшихъ было гораздо болѣе, а умершихъ въ нихъ было: въ пѣхотѣ 1 на 26 чел., и въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ 1 на 68 человѣкъ.

Здѣсь всѣ цифры приведены къ единицѣ и потому затемняютъ или замаскировываютъ общую убыль. Припомнимъ, что казаковъ уральскихъ было 2 полка или 12 сотенъ, оренбургскихъ 5 сотенъ; въ нихъ во всѣхъ 1721 человѣкъ (безъ офицеровъ), т. е. по 101 чел. въ сотнѣ. Въ пѣхотѣ, артиллеріи, инженерныхъ командахъ и штабахъ было 3451 чел.

*) Р. Арх. 1878 г. кн. 2, стр. 41).

Поэтому:

	Заболѣло:	Умерло:
въ пѣхотѣ	1725	246
оренб. казаковъ	170	17
уральскихъ	45	6
въ укрѣпленіяхъ. . . .	—	239
Итого	1940	498

Къ этимъ цифрамъ слѣдуетъ прибавить тѣхъ, кто оставленъ былъ отрядомъ на Эмбѣ выздоравливать или умирать и кто умеръ по возвращеніи изъ похода въ теченіе ближайшихъ шести мѣсяцевъ.

Цифры эти ясно показали степень способности различныхъ войскъ отряда къ перенесенію трудностей степныхъ походовъ: лучше другихъ вынесли испытаніе уральскіе казаки, хуже всѣхъ пѣхота.

Мы однакоже знаемъ и другую причину выносливости уральцевъ: они меньше другихъ терпѣли недостатковъ въ топливѣ и пищѣ, *стараясь по своему*...

Однакоже, если принять во вниманіе существовавшій въ царствованіе Николая Павловича обычай командировъ частей скрывать излишнюю противъ нормы убыль, какъ бѣглыми, такъ и умершими, потому что за это взыскивали, то къ приведеннымъ цифрамъ убыли придется прибавить нѣкоторый процентъ. Обыкновенно избытокъ умершихъ въ одномъ мѣсяцѣ переносился въ слѣдующій; такіе мертвецы назывались „запасными“ и показывались на лицо живыми... На нихъ шло все довольствіе и жалованье, все это и поступало въ экономію командира...

На сокрытіе убыли категорически указываетъ и Захарьинъ (стр. 579), который объясняетъ оффиціальныя цифры такъ: „за послѣдніе 3 мѣсяца, т. е. со времени выступленія отряда изъ Оренбурга, показано было, что офицеровъ умерло 3, нижнихъ же чиновъ 758; а изъ Оренбурга, по возвращеніи всего отряда, донесено было, что умерло во время похода офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 1,054, да еще по прибытіи уже въ Оренбургъ „исключительно цынготныхъ умерло 609 человѣкъ“. Слѣдовательно, выходило, что умерло *всего* 5 офицеровъ и 1,663 человѣка солдатъ; между тѣмъ, въ дѣйствительности умерло 11 офицеровъ и болѣе 3,000 нижн. чиновъ, такъ какъ изъ пятитысячнаго отряда, вышедшаго изъ Оренбурга, вернулось обратно менѣе 2,000 человѣкъ.

Больныхъ цынгою было болѣе всего. Для излѣченія ея больнымъ давали свѣжее мясо, сбитень, сушеную кислую капусту, лукъ, уксусъ и крутъ, т. е. овечій малосольный, кислый сыръ. Хрѣнъ не раздавался, потому что потерялъ отъ пересушки или, можетъ быть, отъ стужи всякую крѣпость. Съ началомъ весн

больные получали дикій лукъ и чеснокъ, которыми степь изобилуетъ.

Выкопаны были также погреба для снѣгу и льду, чтобы доставить больнымъ прѣсную воду весною.

Верблюды все убывали и дѣленіе ихъ на годныхъ и негодныхъ умѣстно было замѣнить, по выраженію самого Перовскаго, дѣленіемъ на такихъ, которые околѣваютъ по собственному усмотрѣнію на свободѣ, и такихъ, которые околѣваютъ на службѣ государству! Даль предлагалъ дѣлить ихъ просто: на дохлыхъ и издыхающихъ. Необходимо было достать свѣжихъ верблюдовъ. Вожаки жаловались, что самцы, за недостаткомъ матокъ, давно выбывшихъ изъ строя, просто освирѣпѣли, бросаются на людей и кусаются. Весна у нихъ самое тревожное время, благодаря проказамъ амура. Чуть живые отъ голода, самцы все-таки впадали въ ярость, переходившую въ бѣшенство и заканчивавшуюся смертью.

Чтобы не упустить времени для сбора верблюдовъ съ тѣхъ киргизскихъ родовъ, которые для хивинскаго похода ихъ не ставили, посланъ былъ съ двумя сотнями уральскихъ казаковъ, въ началѣ марта, правитель западной части орды, подполковникъ султанъ Айчуваковъ, извѣстный своимъ усердіемъ, знаніемъ степи и большимъ вліяніемъ на киргизовъ; ему приданъ былъ въ помощь штабсъ-капитанъ Рехенбергъ.

Для наказанія же виновныхъ въ истребленіи замерзшихъ судовъ и захватѣ Аитова, султану Айчувакову приданъ былъ, въ концѣ марта, 3-сотенный отрядъ уральскихъ казаковъ при двухъ горныхъ единорогахъ, подъ начальствомъ полковника Бизянова, который, по совѣщаніи съ Айчуваковымъ, рѣшился, безъ потери времени и не смотря ни на какія трудности, преслѣдовать киргизовъ, уходившихъ на Усть-Уртъ съ верблюдами. 9 апрѣля Бизяновъ переправился черезъ разлившуюся Эмбу вплавь съ 350 казаками и однимъ орудіемъ, оставивъ для охраненія обоза 150 казаковъ при другомъ орудіи. Послѣ усиленныхъ переходовъ, онъ настигъ близъ Усть-Урта череновцевъ; оставивъ здѣсь сотню казаковъ для сбора у нихъ верблюдовъ, самъ онъ поднялся на Усть-Уртъ и послѣ 60-верстнаго перехода, настигъ еще ожерейцевъ и каракисяковъ, у песковъ Самъ, но тѣ побросали всѣ свои тяжести и скотъ, а сами, пользуясь наступившею темнотою и усталостію казачьихъ лошадей, скрылись. Почитая преслѣдованіе безполезнымъ, Бизяновъ повернулъ назадъ, 14 апрѣля.

Замѣчательный поискъ этотъ совершенъ былъ съ девятидневнымъ продовольствіемъ переходами отъ 60 до 80 верстъ. Присоединивъ къ себѣ оставленный обозъ, Бизяновъ пошелъ внизъ по Эмбѣ, настигъ близъ устья ея адаевцевъ (опять послѣ 80-верстнаго перехода), напалъ на нихъ врасплохъ, побилъ до 450 че-

ловѣкъ хищниковъ, собралъ верблюдовъ и потомъ, направивъ ихъ съ командою къ отряду на р. Темиръ, самъ съ своими казаками пошелъ къ р. Уралу и 12 мая прибылъ въ Калмыковскую крѣпость. Съ приближеніемъ весны, отъ сильнаго блеска снѣгу, а также и отъ дыма (кустарникъ, употреблявшійся для топлива, къ веснѣ сталъ оживать, потянулъ соки и потому давалъ много дыму), начала появляться глазная болѣзнь, не смотря на волосяные наглазники. Цынга въ веснѣ также усилилась; къ 22 апрѣля больныхъ состояло 937 челов., изъ нихъ 648 цынготныхъ и 151 горячечныхъ.

Между тѣмъ, отрядъ дѣятельно готовился къ выступленію: для больныхъ дѣлались висячія койки, для чего послужилъ лѣсъ изъ разобранныхъ землянокъ и бани упраздненнаго Эмбенскаго укрѣпленія; для вновь пригнанныхъ 850 верблюдовъ *) шились войлочныя сѣдла, прилаживались вьюки и проч.

Перовскій выступилъ въ Оренбургъ 1 апрѣля, съ трудно больными и 20 конвойными казаками, передавъ начальство надъ отрядомъ начальнику 22 пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту Толмачеву.

200 свѣжихъ верблюдовъ были запряжены попарно и тройками въ кое-какъ сколоченныя сани, куда помѣстились больные офицеры, юнкера и кандидаты. 200 другихъ верблюдовъ пошли подъ вьюки Перовскаго и больныхъ. Въ 12 дней караванъ этотъ дошелъ до линіи по Уралу и остановился въ крѣпостцѣ Ильинской, кромѣ Перовскаго и Молоствова, которые продолжали путь и въ ночь на 14 апрѣля прибыли въ Оренбургъ.

На другой же день отправлено было новое донесеніе о походѣ военному министру и Государю, причемъ Перовскій испрашивалъ разрѣшенія на новую экспедицію, которую онъ предполагалъ начать съ конца мая. Чернышевъ отвѣчалъ, что новый походъ невозможенъ и ненуженъ. А правитель его канцеляріи сообщилъ отзывъ кн. Меншикова, что „для нынѣшняго царствованія довольно и одного такого неудачнаго похода“.

Перовскій тотчасъ послалъ въ отрядъ приказаніе возвратиться въ Оренбургъ, а укрѣпленіе взорвать.

Между тѣмъ, еще 19 апрѣля прибыли въ нашъ лагерь на Эмбѣ отъ хивинскаго хана посланцы съ письмами къ Государю Императору и къ Перовскому.

Посланцевъ приняли было сначала за шпіоновъ, такъ какъ носились слухи, что на мѣстѣ покинутаго Акъ-Булака видны были партіи хивинцевъ, но потомъ разъѣзды сообщили успокоительныя вѣсти.

---

*) Изъ старыхъ къ 1 апрѣля оставалось только 1,500.

Къ 1 мая больныхъ было 1,130 чел.; горячка усилилась: больныхъ ею было 237 чел.; цынга нѣсколько ослабѣла,—оставалось 613 больныхъ.

Около 1 мая доставлено было для поднятія отряда 2,180 верблюдовъ, что съ оставшимися 1,300 составило 3,480. Поэтому, 18 мая отрядъ выступилъ изъ лагеря двумя колоннами и направился прежнимъ путемъ къ Оренбургу, забравъ всѣ тяжести и имѣя съ собою больныхъ 16 офицеровъ и 1,195 нижнихъ чиновъ. Эмбенское укрѣпленіе и его постройки были взорваны, согласно предписанію Перовскаго. Съ выступленіемъ, цынга стала ослабѣвать еще быстрѣе, но зато горячка усилилась. Къ 22 мая больныхъ было уже 1,214 чел.; ихъ размѣщали частію на конныхъ и воловьихъ подводахъ, частію въ койкахъ на верблюдахъ.

На Бишъ-Тамакѣ, отъ главныхъ силъ отдѣлились 4-й и 5-й баталіоны и оренбургскіе казаки, которые направились черезъ Орскъ по своимъ квартирамъ. Остальной отрядъ изъ 2-го баталіона, двухъ ротъ 1-го баталіона и артиллеріи продолжалъ движеніе на Оренбургъ, куда и возвратился 8 іюня, послѣ восьмимѣсячнаго похода.

Подъемныхъ лошадей пало 204, верблюдовъ до 10,000; изъ отпущенныхъ на экспедицію 1.700,000 р. осталось около 36,000 р. ассигн., а если переложить натуральную повинность, понесенную для похода башкирами, то они потеряли до 6 милліоновъ. Павшіе верблюды по оцѣнкѣ стоятъ 1.500,000 руб. Слѣдуетъ прибавить къ этому, что однѣми деньгами нельзя бы было двинуть изъ Оренбурга 12,000 наемныхъ телѣгъ и 11,000 верблюдовъ. Вся экспедиція обошлась такимъ образомъ въ 9 милліоновъ!

Желая оправдаться передъ государемъ въ своей неудачѣ, Перовскій выѣхалъ въ Петербургъ въ половинѣ мая и 3 іюня былъ уже въ Петербургѣ. Однакоже военный министръ Чернышевъ долго не хотѣлъ допустить его до аудіенціи у государя и не докладывалъ о его прибытіи. Только черезъ мѣсяцъ онъ получилъ приглашеніе къ разводу въ Михайловскомъ манежѣ... Здѣсь онъ сталъ отдѣльно и въ сторонѣ, не смотря на напоминанія министра стать въ общую шеренгу. Государь поцѣловалъ Перовскаго и тотчасъ увезъ его къ себѣ, предоставивъ великому князю Михаилу Павловичу принять разводъ.

Результатомъ личнаго доклада Перовскаго было то, что рѣшительно всѣ офицеры были представлены къ наградамъ и сверхъ того получили по годовому окладу жалованья не въ зачетъ. Юнкера произведены въ офицеры. Нижніе чины получили денежныя награды.

Ціолковскій получилъ Анну 1 степени, но спустя недѣлю былъ уволенъ отъ службы безъ прошенія, хотя и по домашнимъ об-

стоятельствамъ. Это сильно оскорбило Ціолковскаго, и онъ въ слѣдующую же ночь выѣхалъ изъ Оренбурга въ свое имѣніе, отстоявшее около 80 верстъ отъ города. Недолго однакоже онъ прожилъ въ деревнѣ: черезъ три недѣли пришло въ Оренбургъ извѣстіе, что онъ убитъ своими крѣпостными... Убилъ его однако одинъ поваръ, выстрѣломъ изъ ружья, черезъ открытое окно. Ціолковскій сидѣлъ въ кабинетѣ и читалъ книгу. Пуля попала ему въ високъ и убила мгновенно. Когда прибылъ становой приставъ, убійца явился къ нему и сознался.

Повара этого Ціолковскій дралъ нагайками въ походѣ рѣшительно каждый день. Спущенный въ отставку, онъ вымещалъ свою обиду на своихъ крѣпостныхъ... пока не дождался заслуженнаго конца.

Веллингтонъ очень хвалилъ русскія войска за ихъ выносливость и покорность, а Перовскаго за его мужество и самоотверженіе. Еще бы, вѣдь мы шли зимою по его мудрому совѣту!

Опытъ не удался, и Веллингтонъ, конечно, отмѣтилъ въ своей памятной книжкѣ, что степные походы зимою предпринимать не слѣдуетъ...

Такъ кончился этотъ знаменитый и безпримѣрный, въ своемъ родѣ, походъ. Перовскій, однако, собирался повторить экспедицію но опять зимою съ 19 т. войска при 15 т. лошадей, 17 т. верблюдовъ, 9 т. воловъ и т. д., на что исчислено было приблизительно 16 милліоновъ, но государь, говорятъ, замѣтилъ ему, что послѣ степныхъ бурановъ и морозовъ ему не мѣшаетъ отогрѣться въ Италіи, куда и уволилъ его въ отпускъ, съ пособіемъ въ 20,000 рублей. Вмѣсто него въ Оренбургъ назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Обручевъ.

Несомнѣнно, что государю не могло понравиться такое пристрастіе къ зимѣ, когда онъ самъ высказался за лѣто или осень.

Англичане торжествовали: имъ удалось одержать надъ русскими нѣсколько дипломатическихъ побѣдъ, заставивъ отозвать Симонича, разстроивъ союзъ Россіи съ Персіей и ссадивъ съ престола новаго друга Россіи, афганскаго эмира Достъ-Мухаммеда! Но верхомъ торжества было то, что въ то время, когда русскія войска безславно гибли въ снѣгахъ киргизскихъ степей и отступали съ полдороги, — англійскія войска побѣдоносно заняли Афганистанъ и наслаждались всѣми благами на зимнихъ квартирахъ въ завоеванной странѣ!

Престижъ Россіи, по ихъ мнѣнію, палъ. Престижъ Англіи возросъ до зенита.

Когда-то выгнанный изъ Кабула Борнсъ, теперь возвратился сюда резидентомъ, устроилъ себѣ гаремъ изъ афганокъ, которыхъ

хватали на улицахъ и въ ихъ жилищахъ. Другіе офицеры и чиновники слѣдовали его примѣру...

Но разочарованіе было близко. Осенью 1840 года началось возстаніе въ Афганистанѣ изъ-за безумнаго поведенія англичанъ. Начались тайныя убійства изъ-за угла. Поставщики доставляли войскамъ отравленную муку; фуражировъ истребляли ежедневно. 2 ноября народъ напалъ на квартиру Борнса и истребилъ всю миссію. Англичане принуждены были утекать изъ Афганистана зимой и въ Хайберскомъ ущельѣ полегли всѣ до единаго подъ ударами мстительныхъ афганцевъ! Такъ позорно кончилась англійская экспедиція, стоившая до 300 милліоновъ рублей!

Наши уступили стихійнымъ силамъ природы, англичане же — презираемому непріятелю.

Началась расправа и съ англійскими агентами, разсыпанными по ханствамъ Средней Азіи. Объ этомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Англійскій престижъ провалился. Для возстановленія его англичане предприняли въ 1842 году новый походъ въ Афганистанъ, разграбили Кабулъ, но уже не засиживались тамъ, а поскорѣе убрались во-свояси.

Внимательный разборъ плана нашей экспедиціи указываетъ, что: 1) зиму предпочли ради возможности имѣть воду (изъ снѣга) даже въ безводной пустынѣ, а между тѣмъ шли зимой по мѣстамъ, изобилующимъ вольною водою, гдѣ могли бы идти и во всякое другое время, — зиму же приберечь, именно, для Усть-Урта. 2) Къ экспедиціи приступили, не позаботившись даже собрать положительныхъ свѣдѣній о предстоящемъ пути, — рекогносцировка предпринята была уже послѣ экспедиціи (Жемчужниковъ), а слѣдовало сдѣлать какъ разъ наоборотъ. Даже о походѣ Бековича свѣдѣнія стали собирать (большею частію изъ астраханскаго архива) только съ 1840 г. Если бы зналъ Перовскій, что Усть-Уртъ вовсе не безводенъ, что колодцы можно рыть на каждомъ мѣстѣ, какъ и дѣлалъ Бековичъ, то, можетъ быть, для движенія была бы предпочтена ранняя весна. Тогда отрядъ долженъ бы былъ перезимовать на Эмбѣ, — ему не пришлось бы возить съ собою такія тяжести, какъ дрова, фуражъ, кибитки и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовало бы знать заранѣе о количествѣ выпадающаго снѣга,—тогда бы, вмѣсто колеснаго обоза, конечно, устроили бы санный, а людямъ подѣлали бы лыжи, воскресивъ этимъ память о сибирскомъ походѣ 1499 г., когда сдѣлано было по снѣгу 3,000 верстъ. 3) Выборъ промежуточнаго пункта былъ порученъ не спеціалисту, а кавалерійскому офицеру, который и выбралъ на солонцѣ, съ лугами только на 25,000 пуд. сѣна, а когда вздумали поправить ошибку,ославъ Жемчужникова на богатую лугами Эмбу, то было уже поздно и вмѣсто 300,000 пуд.,

которыя бы легко можно было тамъ заготовить, успѣли накосить только 20,000, чѣмъ, конечно, нельзя было подправить массу верблюдовъ отряда. 4) Всѣ предварительныя распоряженія дѣлались при участіи только одного лица—штабсъ-капитана Никифорова, люди же, болѣе его опытные, были тщательно отстранены, отъ чего дѣло, конечно, не выиграло. Въ 1833 году Никифоровъ былъ поручикомъ гвардейскаго сапернаго баталіона. Случилось какъ-то, что онъ получилъ отъ одного изъ офицеровъ тяжкое оскорбленіе изъ-за какой-то дамы... на дуэль обидчика, однако, не вызвалъ и былъ переведенъ за это тѣмъ же чиномъ въ оренбургскій линейный баталіонъ. Тогдашній начальникъ штаба Оренбургскаго края, баронъ Рокасовскій, знавалъ Никифорова въ Петербургѣ и взялъ его подъ свою протекцію. Перовскій представилъ его къ переводу въ генеральный штабъ, и въ 1839 году онъ былъ уже штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба и состоялъ для порученій, угодивъ начальству своимъ слогомъ! На этотъ счетъ Перовскій былъ довольно капризенъ. Насколько, однако, слогъ Никифорова былъ ясенъ, настолько рѣчь его была непонятна, по необычайной быстротѣ: улавливать слова, сыпавшіяся, какъ изъ мѣшка, было непривычному человѣку почти невозможно. Благодаря необычайному довѣрію Перовскаго, планъ похода извѣстенъ былъ только одному Никифорову. Если это дѣлалось для сохраненія тайны, то цѣль все равно не достигалась, ибо народное чутье, по первымъ признакамъ какихъ-то приготовленій, закупокъ, найма верблюдовъ и проч., угадало ихъ цѣль, а стоустая молва разнесла эту догадку изъ края въ край,—и только одни товарищи Никифорова по штабу не знали ничего оффиціально. Когда вопросъ объ отступленіи былъ рѣшенъ, то Перовскій, собравши къ себѣ офицеровъ генеральнаго штаба, сознался, что нѣкоторыя мѣры по приготовленію похода были ошибочны и, взглянувъ при этомъ на Никифорова, сказалъ: „это поэзія!“—Къ сожалѣнію, это сознаніе явилось слишкомъ поздно... 5) Вслѣдствіе желанія сохранить младшему офицеру извѣстное положеніе въ отрядѣ, Перовскій не сформировалъ штаба, что вело, конечно, къ безпорядкамъ, такъ какъ войска не знали, къ кому обращаться по разнымъ дѣламъ. Ни начальника штаба, ни оберъ-квартирмейстера, ни оберъ-провіантмейстера у Перовскаго не было! 6) Иванинъ прямо приписываетъ отказъ отъ дальнѣйшаго продолженія похода продѣлкамъ Ціолковскаго и не щадитъ его: „польскій шляхтичъ, у котораго все родовое имѣніе состояло изъ сорочки, въ которой онъ родился, а благопріобрѣтенное: домъ въ Оренбургѣ, 10,000 десятинъ земли и очень почтенный капиталъ... для такого похода его не слѣдовало брать“ (стр. 196). Куда дѣвались 2,000 лаучей? Ихъ отпустили, но вѣдь пѣшкомъ, по снѣжной степи, они, конечно, не пойдутъ: у каждаго на рукахъ было

4—5 верблюдовъ, выбрать есть изъ чего. Ціолковскій и отпустилъ безконтрольно... Въ мартѣ мѣсяцѣ уже были кормы; вездѣ верблюды поправляются, а у насъ по возвращеніи на Эмбу, изъ 3,800 верблюдовъ на пастьбѣ и 700 при отрядѣ показано палыми 3,200 штукъ!! 7) Наконецъ, если ужъ потеряли безъ пользы почти мѣсяцъ на Эмбѣ и не воспользовались успѣхами подъ Акъ-Булакомъ, чтобы сдѣлать поискъ съ одними казаками къ Хивѣ, то по крайней мѣрѣ слѣдовало бы ранѣе движенія отъ Эмбы къ Акъ-Булаку послать туда рекогносцировочную партію, а не подвергать весь отрядъ тяжелымъ испытаніямъ.

Кромѣ всего этого много повредилъ успѣху экспедиціи и несчастный предразсудокъ, что верблюду ничего не значитъ пробыть сутки или двое безъ пищи. Верблюдъ животное кволое, нѣжное, любитъ тепло и гибнетъ отъ стужи; онъ выручитъ изъ бѣды и пробудетъ три, четыре дня безъ пищи тамъ, гдѣ настоитъ дѣйствительная крайность, но только при условіи, что до этой критической минуты его поберегутъ и удержатъ въ тѣлѣ. Не казенный, а хозяйскій глазъ нуженъ былъ для этого!

Нельзя не вывести заключенія, что зимній походъ можетъ удаться только: 1) при наименьшемъ количествѣ людей, такъ какъ каждый человѣкъ требуетъ одного верблюда подъ шестинедѣльный провіантъ, 2) при наибольшей быстротѣ движенія: покуда верблюды держатся, безъ остановокъ, на которыхъ зимою верблюды не поправляются, а худѣютъ,—и безъ хитрыхъ построеній походныхъ колоннъ, неимовѣрно замедляющихъ движеніе, 3) при наименьшемъ, по возможности, пространствѣ, которое должно будетъ пройти съ тяжестями на вьюкахъ, а для этого выступать на зиму не изъ такихъ отдаленныхъ пунктовъ, какъ, напримѣръ, Оренбургъ, Ташкентъ и т. п., а прикочевавъ съ войсками поближе къ границѣ безводной степи, перемахнуть ее по первой порошѣ.

Намъ еще не разъ придется испытать неудобства и страду степныхъ походовъ,—и вотъ почему мы изложили весьма поучительные походы Перовскаго и Бековича съ возможною полнотою. Одно, что вышло безупречнымъ изъ тяжкаго испытанія 1839 года,—это самоотреченіе русскаго человѣка: не слова, не рукоплесканія, не побѣдные вѣнки, не „40 вѣковъ съ высоты пирамидъ“, не лѣтописи исторіи, не мысль о добычѣ, а простое сознаніе долга, твердое упованіе на Бога, безропотная покорность Его святой волѣ, да еще мысль, что за Нимъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ, — вотъ что поддерживало этихъ безвѣстныхъ героевъ-мучениковъ, усѣявшихъ своими костями путь къ Хивѣ, съ сознаніемъ, что его самоотверженіе не только не воспоетъ ни одинъ досужій бардъ, но что и ближайшіе-то родные не скоро и съ трудомъ узнаютъ, что онъ умеръ въ какомъ-то походѣ и гдѣ-то очень далеко....

ГЛАВА VI.

Посольство отъ хивинскаго хана. Настоянія Аббота и Аитова. Фирманъ хана. Освобожденіе русскихъ невольниковъ. Еще о Зайчиковѣ. Посольство капитана Никифорова. Инструкція ему. Неудовольствія между русскимъ и хивинскимъ послами. Характеристика приближенныхъ хана. Пріемъ посольства. Неудача переговоровъ. Поведеніе посла. Рѣшительный тонъ нашего агента Окончательные переговоры. Собраніе представителей киргизскихъ. Возвращеніе посольства. Отправленіе въ Хиву подполковника Данилевскаго. Смерть хана. Обязательный актъ 1843 г. Посольство Бутенева въ Бухару. Хлопоты за Конолли и Стоддарта. Дѣйствія Обручева противъ Кенисары. Возведеніе укрѣпленій: Оренбурскаго, Уральскаго, Карабутака, Раима и Косъ-Арала. Первые пароходы на Сыръ-Дарьѣ. Поселенія казаковъ при фортахъ. Смерть Кенисары. Джанъ-Ходжа проситъ Обручева о занятіи Хивы и Акъ-Мечети. Нападеніе хивинцевъ на Раимъ. Встрѣчный палъ. Подвигъ войск. старш. Иванова въ іюнѣ 1843 г. Проектъ Обручева о занятіи Хивы и Акъ-Мечети. Смѣна Обручева. Перовскій не раздѣляетъ взглядовъ своего предмѣстника. Противорѣчія его дѣйствій съ высказанными взглядами. Неудовольствія киргизовъ.

Не смотря однакоже на неудачный исходъ экспедиціи, она принесла все-таки большую пользу.

Ханъ Аллакулъ началъ помышлять о средствахъ умилостивить Россію. Прекращеніе прямыхъ торговыхъ сношеній съ Россіею, заставивъ хивинцевъ прибѣгнуть къ посредству бухарскихъ и коканскихъ купцовъ, нанесло хивинской торговлѣ чувствительный вредъ. Всѣ наши товары доставались хивинцамъ чрезъ Бухару почти по удвоенной цѣнѣ, хивинскія же произведенія подѣшевѣли почти вдвое.

Приступъ къ примиренію ханъ задумалъ сдѣлать чрезъ корнета Аитова, который, какъ уже сказано, былъ захваченъ въ плѣнъ киргизами и отведенъ въ Хиву. Сначала положеніе Аитова было незавидное: его содержали, какъ плѣнника, въ тюрьмѣ, и онъ ежеминутно опасался за свою жизнь. Но когда ханъ увидѣлъ необходимость смириться, то съ Аитовымъ начали обращаться какъ съ гостемъ, а потомъ даже призывали къ хану для совѣта о способахъ примиренія съ Россіею. Даже то, что отрядъ нашъ остался на три мѣсяца на Эмбѣ, чтобы спустить прежде больныхъ, дать поправиться измученнымъ людямъ, съѣсть запасы и набрать еще верблюдовъ для обратнаго движенія, — даже и это пригодилось намъ. Хивинцы думали, что отрядъ нашъ стоитъ недаромъ и что не сегодня—завтра двинется опять къ нимъ въ гости.

По разнымъ признакамъ хивинцы ясно понимали, что русскіе вовсе не намѣрены ограничиться первою попыткою; внушенія же

Аитова о милосердіи русскаго Императора и объ умѣренности нашихъ требованій склонили хана къ начатію переговоровъ.

Еще въ апрѣлѣ ханъ Аллакулъ, чрезъ своихъ посланцевъ, заставшихъ отрядъ въ Сага-Темирѣ и надѣлавшихъ тамъ тревоги, обѣщалъ выполнить справедливыя наши требованія. Къ этому побуждали его и прибывшіе изъ Герата англичане, дѣйствовавшіе впрочемъ вовсе не изъ желанія русскимъ добра, а съ цѣлію отнять у русскихъ поводъ къ дальнѣйшимъ попыткамъ противъ Хивы. Абботъ, напримѣръ, какъ мы говорили, предложилъ даже выкупъ за всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и тѣсный союзъ съ Англіею, но съ тѣмъ, чтобы на будущее время русскіе ни подъ какимъ предлогомъ не допускались въ хивинскія владѣнія. Ханъ полюбопытствовалъ однакоже узнать объ англійской цѣнѣ за плѣнныхъ и потребовалъ отъ Аббота вѣрющихъ грамотъ на веденіе этого дѣла. Денегъ у Аббота на выкупъ русскихъ не оказалось, точно также и полномочія. А потому ханъ обошелся съ Абботомъ, какъ съ нахальнымъ лгуномъ и зазнавшимся лакеемъ; въ бѣшенствѣ онъ вытолкалъ его отъ себя пинками ноги, а затѣмъ засадилъ въ яму.

Тѣмъ смѣлѣе говорилъ Аитовъ: его собственная безопасность зависѣла отъ принятія ханомъ его доводовъ. По ходатайству Аитова ханъ выпустилъ Аббота изъ ямы, и тотъ немедленно выѣхалъ въмаѣ мѣсяцѣ изъ Хивы, чрезъ Ново-Александровское укрѣпленіе, откуда былъ отправленъ въ Петербургъ.

Наконецъ, 19 іюля изданъ былъ фирманъ слѣдующаго содержанія:

„Слово отца побѣдъ, побѣдителей и побѣжденныхъ — Харезмскаго шаха.

„Повелѣваемъ подданнымъ нашего Харезмскаго повелительнаго двора, пребывающаго въ райскихъ веселыхъ садахъ, управляющимъ отдѣльными странами, начальствующимъ надъ юмудскимъ и чаудурскимъ туркменскими народами, всѣмъ храбрымъ воинамъ, біямъ и старшинамъ народа киргизскаго и каракалпакскаго и вообще всѣмъ блистающимъ въ нашемъ царствованіи доблестными подвигами, что по дознаніи о сей нашей высокой грамотѣ, которая издана въ лѣто отъ эры благословеннаго пророка нашего 1256 (мышиное), въ мѣсяцѣ джума дилванѣ, о томъ, что мы вступили съ великимъ Россійскимъ Императоромъ въ дѣло миролюбія, съ твердымъ намѣреніемъ искать его высокой дружбы и пріязни; отнынѣ никто не долженъ дѣлать набѣги на русское владѣніе и покупать русскихъ плѣнныхъ. Если же кто, въ противность сего высокаго повелѣнія, нашего, учинитъ на русскую землю нападеніе или купитъ русскаго плѣннаго, тотъ не избѣгнетъ нашего царскаго гнѣва и должнаго наказанія, о чемъ и обнародывается симъ всемилостивѣйшимъ нашимъ повелѣніемъ въ лѣто 1256 (1840)“.

На подлинномъ приложена печать хана.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ханъ освободилъ собственныхъ невольниковъ, приказалъ сдѣлать то же и всѣмъ подданнымъ своимъ, а плѣнникамъ нашимъ велѣлъ являться къ Аитову, дабы онъ могъ вести имъ списки и лично убѣдиться въ дѣйствительности освобожденія изъ неволи всѣхъ русскихъ. Когда повѣрка эта была окончена, ханъ выдалъ каждому плѣнному по одной тиллѣ (золотая монета, цѣнностью въ 4 руб. сер.), по мѣшку муки на дорогу и на двухъ человѣкъ по верблюду. Отпуская Аитова впередъ, ханъ объявилъ на аудіенціи, что онъ не остановится только на возвратѣ плѣнныхъ нашихъ и на изданіи фирмана, но что онъ готовъ исполнить и прочія требованія Россіи.

Вслѣдъ за Аитовымъ отправленъ былъ и караванъ 416 чел. русскихъ плѣнныхъ. Вмѣстѣ съ ними отправился и англійскій агентъ Шекспиръ, старавшійся приписать себѣ освобожденіе русскихъ изъ неволи и увѣрявшій, будто ханъ именно ему поручилъ в е с т и русскихъ плѣнныхъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ пристроился къ ихъ каравану ради своей личной безопасности. Достигнувъ съ ними до Ново-Александровска, онъ былъ также, какъ Абботъ, отправленъ въ Петербургъ, гдѣ оба агента старались вмѣшаться въ сношенія наши съ Хивою, но, конечно, были отстранены. Въ концѣ августа Аитовъ прибылъ въ Оренбургъ, а плѣнные въ Ново-Александровское укрѣпленіе, откуда они были отправлены моремъ въ Гурьевъ городокъ, а затѣмъ препровождены въ Оренбургъ, куда и прибыли 18 октября.

Здѣсь имъ было предоставлено избрать родъ жизни и мѣсто, гдѣ хотятъ поселиться, причемъ каждому выдано и соотвѣтственное пособіе. Плѣнные, проданные въ Хиву Зайчиковымъ, принесли жалобы, и по слѣдствію оказалось, что этотъ извергъ, при содѣйствіи своего главнаго приказчика Филатова, нанималъ въ Бузулукскомъ и Николаевскомъ уѣздахъ Самарской губерніи, въ лѣтнюю пору, для уборки хлѣбовъ, рабочихъ мужиковъ и бабъ. Цѣны давалъ хорошія, задатки выдавалъ крупные. Поэтому шли къ нему охотно. Зайчиковъ имѣлъ нѣсколько тысячъ десятинъ земли и занимался хлѣбопашествомъ.

Рабочіе на ночь помѣщались въ отдѣльныхъ сараяхъ. Когда работы подходили къ концу, то ночью налетали киргизы, вязали спавшихъ въ очередномъ сараѣ и угоняли плѣнныхъ въ Хиву. А купцу двойной барышъ: платить за работу не надо и калымъ за плѣнныхъ подай. Оренбургская уголовная палата присудила Зайчикова и Филатова къ каторжнымъ работамъ, но Зайчиковъ помѣнялся именемъ (конечно, съ придачею) съ простымъ ссыльнымъ и воротился въ Оренбургъ.

Не смотря однако на построенную имъ богадѣльню и церковь, народная молва не простила ему измѣны.

Взамѣнъ нашихъ плѣнныхъ, отпущены были въ Хиву задержанные съ 1836 года хивинскіе купцы, съ товарами, а многіе сверхъ того еще и съ пособіемъ отъ казны. Съ хивинскимъ караваномъ отправилось и нѣсколько нашихъ купцовъ, которые въ Хивѣ были приняты дружелюбно.

Въ то же время киргизамъ и туркменамъ объявлено было всепрощеніе, но съ тѣмъ, чтобы они впередъ воздерживались отъ хищничества и грабежей.

Между тѣмъ, для окончательнаго заключенія мирныхъ условій и вмѣстѣ съ тѣмъ для начатія правильныхъ сношеній съ Хивою, мы требовали принятія въ Хиву нашего посольства, на что ханъ также изъявилъ согласіе. Обо всемъ этомъ было тогда же обнародовано особымъ объявленіемъ.

Вскорѣ по высылкѣ послѣднихъ плѣнныхъ, Перовскій представилъ соображеніе объ отправленіи, раннею весною 1841 г., нашихъ агентовъ въ Бухару, Хиву и Коканъ, причемъ агентъ посылаемый въ послѣднее ханство, долженъ былъ сперва направиться въ Бухару.

На содержаніе временныхъ агентовъ въ продолженіе года высчитано было 32,000, а для постоянныхъ 21,000 руб. сер.

По разсмотрѣніи этихъ предположеній въ Петербургѣ зимою 1841 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о посылкѣ временными агентами: въ Бухару горнаго инженеръ-маіора Бутенева, а въ Хиву генеральнаго штаба капитана Никифорова, съ нимъ же отправлялся и назначенный въ постоянные агенты татаринъ Аитовъ.

Никифорова снабдили Высочайшею граматою, письмомъ вице-канцлера къ хану, подробною общею инструкціей и нѣсколькими частными, не только касательно цѣли и способа веденія возлагавшихся на него переговоровъ, но и относительно обращенія съ ханомъ и главнѣйшими его сановниками.

Вѣрющая грамата ничего, кромѣ обычныхъ выраженій, не заключала; излагалась между прочимъ просьба, чтобы впослѣдствіи при необходимости какихъ-либо объясненій съ нами, ханъ обращался къ оренбургскому военному губернатору, какъ ближайшему къ Хивѣ пограничному начальнику.

Что касается до общей инструкціи, то сущность возлагавшагося на агента порученія заключалась въ принятіи мѣръ къ предупрежденію на будущее время несогласій съ Хивою и къ обезпеченію безопасности русскихъ купцовъ. Для этого предлагалось настаивать:

1) На уничтоженіи рабства и торговли русскими плѣнными и обезпеченіи лицъ и имуществъ ихъ въ хивинскомъ ханствѣ.

2) На ограниченіи незаконнаго вліянія Хивы на кочевыя племена, издревле поступившія въ подданство Россіи и

3) На обезпеченіи торговли нашей какъ съ Хивою, такъ и съ сосѣдственными владѣніями.

Агенту предписывалось, въ разговорахъ съ хивинскимъ ханомъ, уклоняться отъ опредѣлительнаго объясненія, до какихъ именно мѣстъ должны простираться владѣнія Россійской Имперіи, ограничиваясь однимъ общимъ подтвержденіемъ о присягѣ, принесенной кочевыми народами на подданство Россіи, но ему предоставляли согласиться, чтобы впредь до усмотрѣнія, тѣ племена, которыя кочуютъ къ югу отъ Сыръ-Дарьи, Давлетъ-Гирея и Ново-Александровскаго укрѣпленія, оставались въ управленіи хивинскаго хана, съ правомъ собирать съ нихъ зякетъ, но съ тѣмъ, однакожъ, чтобы онъ отвѣчалъ за всѣ ихъ грабежи и разбои и выдавалъ, по требованію нашему, скрывающихся у нихъ бѣглецовъ и мятежниковъ.

Кромѣ этого агентъ долженъ былъ исходатайствовать: 1) разрѣшеніе русскимъ купцамъ свободно пріѣзжать въ Хиву и торговать во всѣхъ селеніяхъ и городахъ ханства, съ отвѣтственностью хана за неприкосновенность лицъ и имуществъ торговцевъ; 2) установленіе на привозимые купцами нашими и ихъ приказчиками товары, необременительныхъ пошлинъ, которыя бы взимались только единожды; 3) допущеніе, при оцѣнкѣ товаровъ, для взиманія пошлинъ, участія русскаго чиновника; 4) прекращеніе, производившихся хивинцами въ степи насильственныхъ остановокъ каравановъ и уничтоженіе устроенныхъ для того близъ Сыръ-Дарьи укрѣпленій и, наконецъ, 5) прекращеніе всѣхъ затрудненій не только караванамъ собственно русскимъ, но и азіатскимъ вообще, если они идутъ въ Россію или обратно.

Доводы, которые агентъ долженъ былъ привести, чтобы убѣдить хана въ справедливости нашихъ требованій, заключались въ указаніи тѣхъ преимуществъ, которыми пользуются въ Россіи азіятцы передъ прочими иностранными торговцами, и въ ссылкѣ на торговлю Россіи съ другими магометанскими державами,—Персіей и Турціей, въ которыхъ взимается постоянно по 3 и по 5 процентовъ съ цѣнности нашихъ товаровъ, чего мы хотѣли добиться и въ Хивѣ, взамѣнъ прежнихъ 10%.

Въ случаѣ несогласія на пятипроцентную пошлину, предписывалось, по крайней мѣрѣ, склонить хана на принятіе всѣхъ другихъ требованій статьи.

Затѣмъ, Никифоровъ долженъ былъ еще обезпечить пребываніе въ Хивѣ постояннаго агента, на что уже было выражено желаніе самимъ Алла-Куломъ, черезъ посланца Атаніяза.

При благопріятномъ исходѣ переговоровъ, предписывалось склонить хана къ составленію акта или трактата и только въ крайности удовольствоваться тѣмъ, чтобы всѣ постановленныя условія были помѣщены въ письмѣ хана на имя Государя.

Въ случаѣ же дурного пріема предложеній, агентъ обязывался отстаивать ихъ до послѣдней крайности и превозмочь затрудненія, а при несообразности дѣйствій хивинцевъ съ достоинствомъ его званія, не приступать ни къ чему до благопріятной перемѣны, при безнадежности же на послѣднюю, возвратиться безъ всякихъ переговоровъ въ Россію".

Въ заключеніи же инструкціи было сказано:

„Главная цѣль посылки вашей есть не столько пріобрѣтеніе вещественныхъ выгодъ для Россіи, какъ упроченіе довѣрія къ ней Хивы, и этою цѣлью вы должны руководствоваться во всѣхъ поступкахъ вашихъ, какъ важнѣйшимъ условіемъ для будущаго политическаго вліянія Россіи на сосѣдственныя съ нею ханства Средней Азіи".

Съ своей стороны, Перовскій возложилъ на Никифорова: 1) собрать о хивинскомъ ханствѣ разныя свѣдѣнія по топографіи ханства, и стратегическому его обозрѣнію. 2) Переговоры, по отвѣтственности хана за грабежъ русскихъ подданныхъ, вести съ крайней осторожностью, ибо, при слишкомъ ясномъ развитіи основаній, въ инструкціи изложенныхъ, легко могло бы случиться, что ханъ будетъ самъ возбуждать къ грабежамъ и, подѣлившись тайно добычею съ грабителями, потомъ повѣситъ одного изъ нихъ, для исполненія условій Россіи. 3) Вовсе исключить изъ переговоровъ вопросъ о правѣ свободнаго пріѣзда въ города ханства, или ограничиться требованіемъ о продолженіи даннаго въ предшествовавшемъ году ханомъ позволенія ѣздить нашимъ приказчикамъ въ городъ Новый-Ургенчъ. 4) Положительно не соглашаться на $5^{0}/_{6}$ пошлины, а настаивать, чтобы она не превышала взысканной съ приказчиковъ нашихъ въ предшествовавшемъ году, то есть $2^{1}/_{2}\%$ съ дѣйствительной цѣны ввозимыхъ товаровъ. Оцѣнку же товаровъ устанавливать не иначе, какъ при посредствѣ русскаго агента. 5) Настаивать по вопросу о владѣніи берегами Каспія въ такомъ смыслѣ, что все восточное прибрежье Каспійскаго моря до устья Гюргеня, должно быть признаваемо безусловно принадлежащимъ Имперіи, какъ потому, что тамъ еще въ XVIII столѣтіи были устроены наши крѣпости, и населяющіе прибрежье туркмены приняли присягу на подданство Россіи, такъ и по той причинѣ, что хивинцы, не имѣя флота, не могутъ имѣть и притязаній на море. 6) Что касается до уничтоженія хивинскихъ крѣпостей по р. Сыру, то, въ случаѣ затрудненій по этому требованію, достигнуть, по крайней мѣрѣ, хоть отмѣны пошлиннаго сбора при рѣкѣ Сырѣ. 7) Затѣмъ, въ отношеніи посылаемыхъ въ нашу степь хивинскихъ агентовъ объявить частнымъ образомъ хану, что на будущее время всякій посланный будетъ принятъ за возмутителя и подвергнутъ смертной казни. 8) Въ отношеніи образа дѣйствій, Никифорову предписывалось стараться внушить хану довѣріе

къ себѣ и въ особенности къ Аитову. 9) Придавая, какъ видно, особую важность и (совершенно напрасно) письменнымъ обязательствамъ, Перовскій настаиваетъ на составленіи акта, совѣтуя, для лучшаго убѣжденія Алла-Кула, объяснить ему, что подобные акты заключаются только съ значительными, состоящими съ нами въ дружбѣ владѣльцами, какъ напримѣръ, турецкимъ султаномъ.

Когда Никифоровъ приготовлялся уже къ отъѣзду, среди киргизъ, кочующихъ по сѣверной окраинѣ Усть-Урта и по рѣкѣ Уилу, появился хивинскій чиновникъ, присланный ханомъ для разбирательства разныхъ ссоръ между алимулинцами, байулинцами и табынцами, къ которымъ привезъ отъ хана грамату. Это не допускалось, по возможности, и прежде, а теперь, когда одною изъ главныхъ обязанностей нашей миссіи было постановлено требовать отъ Алла-Кула положительнаго невмѣшательства въ дѣла нашихъ киргизовъ, хивинскій чиновникъ былъ схваченъ и переданъ агенту, для доставленія въ Хиву.

Перовскій, какъ видно изъ его инструкціи и безцеремоннаго распоряженія съ хивинскимъ чиновникомъ, шелъ къ цѣли гораздо рѣшительнѣе министра иностранныхъ дѣлъ. Выборъ агента ничего не оставлялъ желать въ смыслѣ рѣшительности.

Службу Никифоровъ началъ подпрапорщикомъ въ Вологодскомъ полку, въ 1823 г.; оттуда былъ переведенъ въ саперы. Въ 1833 г. Никифоровъ поступилъ въ военную академію, но, не пробывъ тамъ и года, выбылъ и переведенъ въ линейный оренбургскій № 2 баталіонъ, гдѣ и оставался до 1835 г., когда Перовскій настоялъ на переводѣ его въ генеральный штабъ. Вслѣдствіе чего сдѣланъ былъ переводъ изъ высшаго рода службы въ низшій, то есть изъ саперъ въ линейную пѣхоту, неизвѣстно.

Неудачи и оскорбленія, испытанныя по службѣ, сильно дѣйствовавшія на его болѣзненную натуру, развили въ характерѣ его желчность и особаго рода раздражительность, доходящую иногда до изступленія. Къ этому надо прибавить еще неумѣренность въ употребленіи спиртныхъ напитковъ, — тогда личность русскаго агента будетъ очерчена съ достаточною для дальнѣйшаго изложенія подробностью.

Въ составѣ миссіи, кромѣ Аитова, находились: письмоводитель изъ офицеровъ оренбургскаго казачьяго войска, два топографа, 12 уральскихъ казаковъ и 10 киргизовъ; съ нею же слѣдовалъ и оренбургскій купецъ Дѣевъ. Для всей миссіи назначено: 15 лошадей, 2 кибитки, 5 юламеекъ и 41 верблюдъ.

Для покрытія расходовъ, Никифорову было выдано, примѣрно на 6 мѣсяцевъ, 2,650 червонцевъ, которые предназначались на жалованье: агенту по 50 червонцевъ въ мѣсяцъ, поручику Аитову по 40, письмоводителю по 15 и, сверхъ того, на содержаніе казаковъ и азіятской прислуги, а также на продовольствіе, наемъ,

верблюдовъ и проч. Въ этомъ же числѣ полагалось: на угощеніе 300 червонцевъ, на отправку гонцовъ 250 и на экстренныя издержки 150.

Одновременно со снаряженіемъ Никифорова въ Хиву, приготовлялась къ выступленію изъ Оренбурга и другая миссія—въ Бухару, подъ начальствомъ горнаго инженера маіора Бутенева. До Сыра обѣ миссіи должны были слѣдовать вмѣстѣ, подъ прикрытіемъ особаго съемочнаго отряда, подъ командою подполковника Бларамберга. Съ миссіею Никифорова отпущенъ былъ въ Хиву и бывшій въ Россіи хивинскій посланецъ со свитою, которому, по инструкціи Перовскато, агентъ нашъ обязанъ былъ оказывать должное вниманіе. „Впрочемъ,—говорила далѣе та же инструкція,—вы поставите себѣ при этомъ за правило дѣйствовать болѣе черезъ поручика Аитова, не входя лично въ слишкомъ тѣсныя связи съ посланцами, дабы они привыкли видѣть въ васъ лицо высшее".

3 мая 1841 г. обѣ миссіи выступили изъ Оренбурга, а 5 іюля достигли Сыръ-Дарьи.

Путь до Сыра наши миссіи совершили не совсѣмъ миролюбиво; къ этому присоединилось еще и неудовольствіе на Никифорова хивинскаго посланца, который, вслѣдствіе медленности движенія (по причинѣ съемки, которою распоряжался Никифоровъ), начиналъ уже тосковать по родинѣ. Никифоровъ обращался съ посломъ чрезвычайно фамильярно и грубо и, когда Атаніязъ хотѣлъ отдѣлиться на Иргизѣ отъ миссіи, Никифоровъ объявилъ, что прикажетъ его связать, и только за двѣнадцать дней до прибытія на Сыръ разрѣшилъ посланцу отправиться впередъ.

Если ко всему этому прибавить, что Никифоровъ однажды, подъ вліяніемъ спирта, прокололъ уральскаго казака, то заранѣе можно было бы сомнѣваться, чтобы цѣль миссіи—внушить довѣріе къ себѣ—могла быть достигнута.

Совершивъ, 6 іюля, переправу черезъ Сыръ, миссія направилась къ хивинской крѣпостцѣ, расположенной при озерѣ Кара-Кулѣ, въ которой изъ 200 чел. гарнизона осталось только 40; прочіе же, по случаю приближенія русскаго отряда, сочли за лучшее бѣжать. Въ ожиданіи назначеннаго для встрѣчи ханскаго чиновника, Никифоровъ пробылъ здѣсь нѣсколько дней.

16 іюля прибылъ для встрѣчи хивинскій чиновникъ, а 17 миссія переправилась черезъ Куванъ-Дарью, достигла 4 августа Аму-Дарьи, при г. Кипчакѣ, а 9 августа прибыла къ Хивѣ.

По всему пути, въ населенной полосѣ, миссію встрѣчали, высланные ханомъ чиновники и угощали на ночлегахъ. Кромѣ того, въ видѣ почетнаго конвоя, ее сопровождали смѣнявшіяся

толпы конныхъ хивинцевъ и туркменъ съ ристаніемъ и ружейною пальбою

Алла-Кули-Ханъ вступилъ во владѣніе Хивою послѣ смерти воинственнаго Мухамедъ-Рахима, въ 1825 году. Еще отецъ Алла-Кула успѣлъ прекратить всѣ мелкіе раздоры узбековъ, нарушавшихъ спокойствіе ханства; ему же была обязана Хива за подчиненіе ей, хотя отчасти и номинальное, Мерва, Саракса, Кунграда и сосѣднихъ киргизскихъ и туркменскихъ родовъ. Получивъ отъ отца владѣніе довольно значительное по пространству, но скудное населеніемъ, Алла-Кулъ употребилъ весьма оригинальное средство для развитія осѣдлости въ своемъ оазѣ. Хищными, внезапными набѣгами на сосѣднія персидскія области онъ постоянно добывалъ здоровыхъ работниковъ изъ плѣнныхъ персіянъ, распродававшихся по всему ханству; а нападеніе на кочевавшее въ предѣлахъ Герата племя ямшидовъ доставило ему 7,000 кибитокъ для заселенія пустопорожнихъ земель между Куня-Ургенчемъ и Мангытомъ. Въ 1841 году хану было около 50 лѣтъ.

Значительнѣйшимъ лицомъ по ханѣ былъ Мехтеръ Мухамедъ-Якубъ-Бай. Онъ завѣдывалъ южною половиною ханства и иностранными сношеніями. Мехтеръ всегда слушалъ со вниманіемъ разсказы о богатствѣ и силѣ Россіи, и изъ числа всѣхъ приближенныхъ хана онъ болѣе другихъ былъ расположенъ помогать нашимъ интересамъ.

За Мехтеромъ слѣдовалъ Кушъ-Беги, управлявшій сѣверной половиной ханства. Ему было около 35 лѣтъ. Въ молодости онъ былъ хорошъ собой и находился въ мужскомъ отдѣленіи ханскаго гарема. Это обстоятельство и изобрѣтательность на скандалезные разсказы дѣлали Кушъ-Беги однимъ изъ близкихъ къ хану людей. Званіе его такъ же, какъ и званіе Мехтера, было наслѣдственное въ одномъ домѣ.

Ходжешъ-Мяхремъ, правитель Ташауза, былъ рабомъ при Мухамедъ-Рахимѣ и еще въ молодости, взятый съ нимъ въ плѣнъ бухарцами, спасъ своего повелителя, переправивъ его на западную сторону Аму. Такая услуга пріобрѣла ему настоящее званіе и полную довѣренность покойнаго хана, при новомъ же ханѣ онъ не принималъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ и былъ расположенъ къ русскимъ.

Диванъ-Беги, начальникъ таможенъ, пользовался большимъ довѣріемъ хана. Онъ не любилъ русскихъ, противился выдачѣ плѣнныхъ, но по страшному корыстолюбію, могъ быть расположенъ въ нашу пользу хорошими подарками.

Квартира миссіи въ Хивѣ была приготовлена въ загородномъ домѣ „Рафейникъ“, принадлежавшемъ одному изъ родственниковъ Мехтера; при домѣ находился только особо назначенный Юзъ-баши (сотникъ). На другой день по прибытіи, Мехтеръ

прислалъ чиновника поздравить миссію съ пріѣздомъ, узнать о здоровьѣ агента и просить его доставить Высочайшую грамату и другія бумаги; за любезность агентъ приказалъ благодарить, но въ выдачѣ бумагъ отказалъ, объявивъ, что онѣ будутъ представлены лично хану. Впрочемъ для нѣкотораго удовлетворенія желанія министра, посланы къ нему бывшія у агента копіи.

На слѣдующій день, 11 августа, вечеромъ, чрезъ особо присланнаго чиновника, ханъ выразилъ желаніе принять Никифорова и получить отъ него Высочайшую грамату и письма. Въ сопровожденіи членовъ миссіи и 8 казаковъ, несшихъ подарки, агентъ отправился на аудіенцію. По прибытіи ко дворцу, его попросили снять оружіе и затѣмъ повели на одинъ изъ внутреннихъ дворовъ, гдѣ возсѣдалъ ханъ и въ почтительной позѣ стояли Мехтеръ, Диванъ-Беги, Кушъ-Беги, Ходжешъ-Мяхремъ, Атаніязъ и еще два какихъ-то сановника.

Послѣ обмѣна обыкновенныхъ привѣтствій, агентъ произнесъ небольшую рѣчь и вручилъ Мехтеру, для поднесенія хану, Высочайшую грамату и письма. Съ своей стороны, Алла-Кулъ, принявъ грамату и положивъ ее близъ себя на коверъ, освѣдомился о здоровьѣ Государя. Затѣмъ агентъ, съ дозволенія хана, приказалъ внести подарки, а поручикъ Аитовъ, раскрывъ ихъ, объяснилъ назначеніе и достоинство нѣкоторыхъ вещей. Сколько можно было судить, ханъ особенно остался доволенъ серебрянымъ сервизомъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія, Алла-Кулъ спросилъ агента: какое онъ имѣетъ порученіе отъ Государя? Въ отвѣтъ было объявлено, что Государь Императоръ искренне желать изволитъ независимаго существованія и благоденствія хивинскому владѣльцу и его народу, что Его Величество изволитъ обѣщать высокое покровительство свое его высокостепенству и всему Хоарезму, если ханъ Алла-Кулъ вступитъ въ дружественный союзъ съ Россійскою державою и будетъ сохранять правила добраго сосѣда, а этимъ упрочатся торговля и взаимная польза. Выслушавъ это, ханъ, положа руку на сердце, сказалъ: „благодареніе Богу, я ничего болѣе не желаю“, и потомъ, сдѣлавъ еще нѣсколько обыкновенныхъ вопросовъ о пройденныхъ миссіею мѣстахъ и прочемъ, отпустилъ агента, прибавивъ, что послѣ труднаго пути нуженъ отдыхъ, но что агентъ можетъ видѣться съ нимъ, когда пожелаетъ, предупреждая только заблаговременно объ этомъ Мехтера: вмѣстѣ съ тѣмъ ханъ пригласилъ чиновниковъ своихъ оказывать всевозможное уваженіе Никифорову и стараться сдѣлать для него пребываніе въ Хивѣ пріятнымъ.

Черезъ день ханъ вновь просилъ къ себѣ агента и, въ продолжительной бесѣдѣ, разспрашивалъ о могуществѣ Англіи и Россіи, о правительственныхъ лицахъ послѣдней, о дѣлахъ Турціи

и о причинахъ войны Англіи съ Китаемъ; въ заключеніе изъявилъ желаніе, чтобы Ново-Петровское укрѣпленіе было срыто, а киргизы распредѣлены разграниченіемъ.

Послѣдующее поведеніе хана не измѣнило первому пріему. И дѣйствительно: какъ только агентъ изъявлялъ желаніе видѣться съ Алла-Куломъ, такъ и былъ приглашаемъ въ тотъ же день, вечеромъ.

Свиданія происходили обыкновенно на пріемномъ дворѣ, и постоянно въ присутствіи Мехтера, а иногда нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ. Сидѣлъ только ханъ, всѣ же присутствующіе стояли около него; во время свиданія нерѣдко жарко спорили, но разставались всегда дружелюбно, и ханъ обыкновенно дарилъ, при прощаньи, Никифорову нѣсколько головъ сахара.

Въ самомъ началѣ переговоровъ, Алла-Кулъ коснулся предмета, для него наиболѣе близкаго и существеннаго, это—разграниченія киргизовъ, и объявилъ притязанія на р.р. Эмбу, Иргизъ и Тургай. Такія требованія превосходили всѣ уступки, какія допускала, по настоящему предмету, инструкція, а потому Никифоровъ постоянно и отвергалъ ихъ. Къ концу каждаго засѣданія агентъ, казалось, совершенно убѣждалъ хана въ неосновательности его требованій, но проходило нѣсколько дней, назначалась новая аудіенція, и ханъ не только повторялъ тѣ же условія отъ которыхъ незадолго передъ тѣмъ отказался, но и прибавлялъ къ нимъ всегда что-нибудь новое.

Была, впрочемъ, и другая причина, которая мѣшала успѣху порученія миссіи: такъ какъ основы переговоровъ не были изложены съ Высочайшей граматѣ, то ханъ затруднялся вести ихъ, не смотря на доводы агента, что если бы все было написано на бумагѣ, то не надобны были бы ни переговоры, ни посолъ, ибо хану оставалось бы только принять условія, какъ законъ; но доводы эти мало принесли пользы. При такомъ положеніи дѣлъ, Никифоровъ рѣшился прибѣгнуть къ болѣе существеннымъ средствамъ. Въ числѣ подарковъ, бывшихъ у агента, но не переданныхъ еще хану, находились желѣзная печка и карсельскія лампы. Вещи эти сильно интересовали Алла-Кула, и онъ давно желалъ ихъ получить; 22 августа, въ день коронаціи Государя, печка и лампы, съ прибавкой 6 пудовъ сахара и пуда кофе, были поднесены хану: однакоже его высокостепенство, несмотря на все удовольствіе, доставленное ему этимъ подаркомъ, уступчивѣе нисколько не сдѣлался.

Весьма вѣроятно, что такое упрямство хана было слѣдствіемъ неудовольствій, возникшихъ между его приближенными и агентомъ. На первомъ же свиданіи съ министрами хана, Никифоровъ озадачилъ ихъ слѣдующими словами: „вы должны прилипнуть къ Россіи, какъ рубашка къ тѣлу, потому что Россія такая боль-

шая держава, что если наступитъ на васъ, то раздавитъ точно такъ же, какъ я давлю подъ ногами мелкихъ козявокъ, попадающихся по дорогѣ". Прямое же неудовольствіе началось съ того, что Никифоровъ не отплатилъ Мехтеру парадным обѣдомъ, остальныхъ же вельможъ, подъ вліяніемъ ненормальнаго состоянія своего, просто приказывалъ казакамъ выталкивать въ шею! Такимъ образомъ Никифоровъ умудрился оттолкнуть отъ себя даже людей, расположенныхъ къ Россіи, какъ Мехтеръ и Ходжешъ-Мяхремъ. Нельзя не сознаться, что далеко не дипломатическая безцеремонность нашего агента мало способствовала выполненію заданной ему программы, но зато, наводя уныніе на высшихъ лицъ, произвела на простой народъ большое впечатлѣніе: русскій офицеръ, съ 12 казаками, вдали отъ помощи,—и расправляется съ чужими министрами, какъ съ лакеями!

Миссія, хотя не была стѣсняема въ Хивѣ и Никифоровъ нерѣдко измѣрялъ улицы, снималъ планы, а топографъ ѣздилъ съ Дѣевымъ по разнымъ городамъ и чертилъ путевые маршруты, тѣмъ не менѣе, однакоже, тайная полиція хана зорко слѣдила за дѣйствіями нашихъ чиновниковъ.

Для миссіи каждое утро доставляли изъ ханскимъ садовъ плоды, и сверхъ того, постоянно выдавали кормовыя деньги по пяти тиллей въ сутки.

Не смотря на всѣ эти любезности, Никифоровъ не стѣснялся въ своихъ дѣйствіяхъ даже съ посланными хана; такъ, когда этотъ послѣдній потребовалъ, чтобы ему были показаны первыя депеши, отправленныя агентомъ въ Россію, то Никифоровъ отвѣчалъ посланному рѣшительнымъ отказомъ и, въ притворномъ гнѣвѣ, разорвалъ передъ нимъ въ мелкія клочки свои письма, а затѣмъ послалъ эти лоскутки для прочтенія Мехтеру; послѣ такого поступка отправка почты производилась уже безъ явныхъ затрудненій.

Дни проходили за днями, здоровье агента становилось хуже, а переговорамъ, при такой системѣ, какую принялъ ханъ, т. е. отвергать въ новомъ засѣданіи большую часть того, что было имъ утверждено въ предыдущемъ, не предвидѣлось конца.

По первой статьѣ, сдѣлавшейся ненужною послѣ фирмана 18 іюля, ханъ пожелалъ имѣть соотвѣтствующее обязательство и со стороны Россіи, но агентъ не соглашался, по той причинѣ, что Россія никогда не притѣсняла хивинскихъ подданныхъ.

Не уступая въ такихъ мелочахъ, которыя ровно ни къ чему Россію не обязывали, агентъ давалъ хивинцамъ поводъ думать, что онъ явился не для переговоровъ, а для предписанія условій, обязательныхъ только для Хивы. Это вызвало отпоръ, и затѣмъ ни одна изъ слѣдующихъ статей (о пошлинахъ и границахъ) не была принята, объ остальныхъ же, т. е. о хивинскихъ крѣпо-

стяхъ по Сыру и взиманіи тамъ пошлинъ съ нашихъ каравановъ и, наконецъ, о самомъ главномъ—о постоянномъ агентѣ—не заговаривалъ уже и самъ Никифоровъ, предвидя полнѣйшее фіаско.

Видя, что всѣ миролюбивыя средства, употребленныя къ склоненію хана на наши предложенія, остаются безполезными, Никифоровъ перемѣнилъ тонъ и съ самимъ ханомъ.

11 сентября, истребовавъ аудіенцію, онъ подалъ хану декларацію отъ имени оренбургскаго губернатора и произнесъ угрожающую рѣчь о томъ, что всѣ кочующія племена, принявшія подданство Россіи, признаются подданными Государя Императора, а земли ихъ кочевокъ достояніемъ Имперіи, что будетъ ли Хива состоять въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Россіею, или нѣтъ, но изложенныя въ декларации мѣры всегда будутъ приводимы въ исполненіе и что условія Россіи предлагаются агентомъ его высокостепенству въ послѣдній разъ. Затѣмъ Никифоровъ представилъ хану проектъ мирнаго договора и потребовалъ, въ случаѣ несогласія на этотъ актъ, дозволенія ѣхать въ Россію.

Содержаніе поданной декларации было слѣдующее:

„Высокостепенному хану Алла-Кулу, Россійскаго Императорскаго агента.

Именемъ г. оренбургскаго военнаго губернатора имѣю честь объявить, что:

1) Всякій хивинскій подданный, посланный для сбора податей между киргизами, кочующими по сѣверную сторону рѣки Сыра, будетъ преданъ смерти, какъ нарушитель мира.

2) Всякій хивинскій подданный, посланный для сбора податей съ киргизовъ, кочующихъ въ пескахъ Барсукахъ, на рѣкѣ Эмбѣ, на берегахъ моря, въ урочищѣ Кай-Кунакты и по берегамъ залива Карасу и на сѣверныхъ частяхъ чинка, будетъ преданъ смерти, какъ нарушитель мира.

3) Всякій хивинскій подданный, являющійся въ аулы киргизовъ, принадлежащихъ Россійской имперіи, съ намѣреніемъ нарушить спокойствіе оныхъ, будетъ схваченъ и преданъ смерти“.

Надобно отдать въ этомъ случаѣ должную справедливость Никифорову: испортивъ своимъ безразсудствомъ и своими слабостями все дѣло, онъ, по крайней мѣрѣ, не спасовалъ и выдержалъ характеръ забіяки до конца. Многіе удивляются, какъ могло сходить Никифорову съ рукъ столько вещей, въ Хивѣ еще не виданныхъ и не слыханныхъ? Отвѣтъ коротокъ: Хива боялась... Рекогносцировка Бларамберга и Жемчужникова, неизвѣстная цѣль посольства въ Бухару, которая, какъ всегдашняя соперница Хивы, легко могла войти въ союзъ съ Россіей,—все это сильно безпокоило хивинцевъ, которые въ поведеніи нашего агента склонны были даже видѣть намѣренный вызовъ, такъ какъ послѣ возвращенія плѣнныхъ мы не имѣли уже повода къ войнѣ.

Рѣшительность требованій, высказанныхъ такъ публично и смѣло, въ лицо деспотическому владѣтелю Хоарезма, произвела свое дѣйствіе. Высокомѣрный тонъ, съ которымъ говорилъ ханъ, мгновенно исчезъ, голосъ его понизился и, гордый до того времени, Алла-Кулъ сталъ убѣдительно просить Никифорова пробыть въ Хивѣ еще 25 дней и принять участіе въ охотѣ, на которую ханъ предполагалъ скоро отправиться и которая, доставляя случай обозрѣть часть ханства, въ сущности служитъ владѣльцу только предлогомъ для объѣзда страны, съ цѣлію произвести разборъ всѣхъ главныхъ жалобъ и ревизію управленія. Для всякаго другого агента представлялся при этомъ случай удобный, какъ для короткаго сближенія съ ханомъ, не стѣсняясь придворнымъ этикетомъ и совѣтниками, такъ и для поддержаніи того благопріятнаго для насъ впечатлѣнія, которое произвела на Алла-Кула декларація; но для Никифорова это было невозможно: при его привычкахъ онъ только потерялъ бы и послѣднюю дозу уваженія, пріобрѣтенную съ такимъ рискомъ, — это ли сознаніе, или и просто болѣзнь, заставили агента нашего отказаться отъ участія въ ханской охотѣ.

9 октября ханъ возвратился съ охоты и, по требованію агента, принялъ его въ аудіенціи 11 числа. Удовольствія ли охоты, извѣстіе ли о разбитіи, шедшихъ на Хиву персіянъ, туркменами близъ Аракса, а можетъ быть и другія, неизвѣстныя намъ обстоятельства изгладили въ ханѣ впечатлѣніе послѣдней декларацiи. Алла-Кулъ принялъ прежній тонъ и началъ съ вопроса, по какому праву послѣднее объявленіе сдѣлано ему отъ имени оренбургскаго военнаго губернатора? На отвѣтъ агента, что Оренбурскій военный губернаторъ на то уполномоченъ и дѣйствуетъ мыслями и волею царя, ханъ категорически заявилъ, что ему нельзя уступить рѣки Сыра, что прежде онъ ошибался, настаивая на границѣ по р.р. Эмбѣ, Иргизу и Тургаю и что теперь онъ считаетъ границею Россіи р. Уралъ!

Агентъ, именемъ Государя, уступилъ Хивѣ лѣвый берегъ Сыра, если ханъ приметъ прочія условія, и прибавилъ, что если Государь Императоръ изволитъ признать нужнымъ занять правый берегъ Сыра, то займетъ его и безъ согласія хана.

— Какъ Богъ велитъ!—отвѣтилъ ханъ.

— Есть русская пословица: на Бога надѣйся, но и самъ устраивай все къ лучшему; не всегда Богъ принимаетъ неосновательную сторону слабыхъ, но часто помогаетъ правотѣ сильныхъ, парировалъ агентъ.

Далѣе Никифоровъ соглашался признать туркменскія племена принадлежащими Хивѣ, если бы она заключила прочный союзъ съ Россіею, но прибавилъ, что весь восточный берегъ Каспійскаго моря долженъ быть достояніемъ Россіи, потому что Хива никакого флота на Каспіи не имѣетъ и имѣть не будетъ. Берегъ же ну-

женъ нашему правительству для прекращенія захвата людей, для чего учреждается гребная флотилія, которая, осматривая берегъ, будетъ дѣлать высадки для истребленія лодокъ туркменовъ и отдаленія ихъ отъ береговъ. А чтобы этихъ дѣйствій Хива не признавала непріязненными со стороны русскихъ, необходимо признать восточный берегъ моря, на 15 или 20 верстъ въ глубину степи, достояніемъ Россіи.

Ханъ обѣщалъ прочесть вновь сдѣланныя ему условія и тѣмъ заключилъ аудіенцію. По случаю наступившаго магометанскаго поста, агентъ болѣе не видался съ ханомъ до самаго отъѣзда.

Желая опровергнуть справедливость главнаго нашего требованія, относительно подчиненія киргизовъ, ханъ тайно созвалъ въ Хиву семь преданнѣйшихъ и почетнѣйшихъ изъ нихъ (въ томъ числѣ и разбойника Юламана Тлянчика), чтобы они лично подтвердили Никифорову, что не считаютъ себя русскими подданными. Этихъ киргизовъ собрали въ одну изъ комнатъ ханскаго дворца и пригласили агента объясниться съ ними, въ присутствіи Мехтера, Кушъ-беги и Диванъ-беги.

Мехтеръ, объяснивъ цѣль собранія, просилъ киргизовъ объявить агенту, считаютъ ли они себя подданными Россіи и слѣдуетъ ли ей уступить Сыръ-Дарью? Первый началъ говорить Султанъ Джангазы (чиклинецъ); онъ утверждалъ, что Россія не займетъ Сыра потому, что она дѣйствуетъ вяло и медленно, к а к ъ б а б а, и потому, что Сыръ-Дарья слишкомъ далеко отъ Урала. Затѣмъ другой чиклинецъ Рахманъ-Кулъ, подтвердивъ слова Джангазы, прибавилъ, что Россія ежегодно почти посылаетъ въ степь войска для г р а б е ж а киргизовъ и отнимаетъ у нихъ земли, чего бы, конечно, не дѣлала, если бы киргизы были ея подданными. Наконецъ, баколинецъ Юсупъ Сарымовъ заключилъ тѣмъ, что киргизы, какъ магометане, никогда не могли вступить въ подданство христіанской имперіи.

Никифоровъ возражалъ на это, что, будучи присланъ императоромъ для переговоровъ съ ханомъ, считаетъ неприличнымъ объясняться лично съ государственными преступниками, измѣнниками имперіи, а потому предоставляетъ обличеніе ихъ лживыхъ рѣчей Аитову, говорившему, конечно, по заранѣе приготовленной агентомъ программѣ.

Объяснивъ исторію присяги киргизовъ на подданство Россіи, сравнивъ положеніе киргизовъ нашихъ съ тѣми, которые зависятъ отъ Хивы, и опровергнувъ религіозное убѣжденіе примѣромъ турецкаго султана*), Аитовъ перешелъ затѣмъ къ объясненіямъ поочередно съ каждымъ изъ присутствующихъ.

*) Примѣръ плохой: противъ довода о томъ, что мусульмане не могутъ подчиняться христіанину,—приведенъ примѣръ, что христіане подчиняются мусульманину! Лучше было бы указать на нашихъ казанскихъ татаръ, на остъ-индскихъ подданныхъ Англіи и т. п.

— И кто-же нынѣ,—говорилъ онъ,—беретъ на себя отречься отъ лица всего народа отъ подданства Россіи? Ты ли, Джангазы? Но ты родился въ Россіи, отъ отца, который былъ не только подданнымъ ея, а даже въ службѣ императора, достигъ званія маіора и, только сдѣлавшись преступникомъ, постыдно бѣжалъ изъ Оренбурга отъ безчестія и наказанія".

Въ томъ же духѣ было сказано Рахманъ-Кулу, Юламанъ-Тлянчику и Юсупу Сарымову, которымъ указано на ихъ предковъ, присягавшихъ въ разное время Россіи, указано на ихъ собственное вѣроломство и измѣну.

— Слишкомъ долго было бы,—прибавилъ въ заключеніе Аитовъ,—обнаруживать клятвопреступничество прочихъ присутствующихъ; но молчаніе ихъ служитъ лучше моихъ словъ уликою. И вотъ кто созванъ теперь, чтобы подтвердить права хивинскаго хана! Не могу, однакоже, скрыть особаго презрѣнія своего къ двумъ лицамъ: къ тебѣ, Каипъ-Гали, и къ товарищу твоему Джангазы. Не стану исчислять тебѣ вѣроломства и предательства, заставившія тебя бѣжать изъ Россіи; вспомните только, султаны, что предки ваши властвовали въ этой Хивѣ, сидѣли на престолѣ того же хана, который вызвалъ васъ нынѣ на рабское униженіе и позорное клятвопреступничество, въ пользу незаконныхъ притязаній своихъ.

Слова эти произвели сильное впечатлѣніе на присутствующихъ, и смущенный Мехтеръ обратился къ тляукабакцу Умеръ-Али, спрашивалъ его, что долженъ онъ сказать о рѣшеніи собранія хану? Втайнѣ преданный намъ Умеръ-Али отвѣчалъ:

— Я и прежде говорилъ вамъ, что собраніе это безполезно, что безславно Хивѣ, крамольничавъ противъ Россіи, теперь, для примиренія съ нею и сохраненія выгодъ своихъ, выставлять на жертву киргизовъ; слова мои оправдались, и позвольте намъ, по крайней мѣрѣ, не оставаться здѣсь долѣе.

Такъ кончилось собраніе. Оно произвело весьма невыгодное для хана впечатлѣніе на киргизовъ, изъ коихъ многіе, послѣ совѣщанія, старались сблизиться съ Никифоровымъ и пріобрѣсти прощеніе Россіи *). Что касается хана, то и послѣ диспута Аитова онъ нисколько не дѣлался сговорчивѣе; одно назначеніе въ Хиву постояннаго русскаго агента не встрѣтило съ его стороны препятствій, особенно когда онъ узналъ, что должность эту будетъ исполнять мусульманинъ Аитовъ. Ханъ при этомъ изъявилъ только желаніе имѣть и своихъ повѣренныхъ въ Астрахани и

*) Одинъ киргизъ, прибывшій съ караваномъ съ Эмбы, спросилъ у купца Дѣева: „Правда ли, что русскіе уступаютъ эту рѣку Хивѣ?"—Дѣевъ отвѣчалъ, что не знаетъ; тогда киргизъ съ бѣшенствомъ закричалъ: „Зачѣмъ отдаете нашу землю и за кого считаете насъ? Развѣ мы кузнечики, а не русскіе подданные".

Оренбургѣ, для защиты купцовъ по дѣламъ съ таможнями, на притѣсненіе которыхъ онъ нерѣдко жаловался.

Послѣ долгихъ совѣщаній въ тайныхъ собраніяхъ у хана, рѣшено было, наконецъ, не давать Никифорову окончательнаго отвѣта, а отправить въ Россію своихъ посланцевъ съ другими, предлагаемыми ханомъ условіями. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало всенародное объявленіе Диванъ-Беги въ караванъ-сараѣ о томъ, что ханъ не хочетъ слушать ни военнаго губернатора, ни агента.

Послѣ такого рѣшенія, Никифоровъ счелъ за лучшее оставить Хиву, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время съ миссіей все равно никто уже не хотѣлъ входить въ сношенія...

Такимъ образомъ договора съ Хивою заключить не удалось. Жалѣть однако объ этомъ нечего, такъ какъ Хива не считала никакіе договоры ни во что! Тѣмъ не менѣе, возложенную начальствомъ на него задачу, Никифоровъ не выполнилъ...

Прощаніе хана съ агентомъ было довольно дружелюбно. При этомъ Никифоровъ сдѣлалъ еще одно предложеніе: послать кого либо изъ сановниковъ ханскихъ въ Россію для ознакомленія съ могуществомъ имперіи, ея войскомъ и торговлею, на что Алла-Кулъ, однакоже, не согласился, отвѣтивъ: „когда будемъ друзьями, то это сдѣлаемъ“.

Отпуская миссію, ханъ, по правиламъ восточной вѣжливости, одарилъ ее не только вещами, но и деньгами. Такъ, агенту были присланы въ подарокъ аргамакъ, сѣдло, парчевой халатъ и 200 тиллей; Аитову—аргамакъ, сѣдло, парчевой халатъ и 150 тиллей письмоводителю—30 тиллей, двумъ топографамъ, пяти купцамъ и уряднику—по 10 тиллей, 10 казакамъ—5 тиллей каждому и всѣмъ по халату. Считая къ этому наемъ верблюдовъ для обратнаго слѣдованія миссіи и кормовыя деньги, получимъ, что всѣ издержки хивинскаго правительства на содержаніе ея простирались до 1,037 тиллей или до 4,000 руб. сер.

27 октября миссія выступила въ обратный путь. Отъ Айбугира Никифоровъ съ догнавшими его вновь назначенными посланцами Вуизъ-Ніязомъ, Ишбай-Бабаевымъ, съ 16 чел. свиты и 7 освобожденными плѣнными, направился черезъ Усть-Уртъ къ крѣпости Сарайчиковской, куда прибылъ черезъ 36 дней, 2 декабря.

Аитовъ остался въ Хивѣ, въ качествѣ постояннаго агента. Но не прошло и двухъ дней послѣ отъѣзда миссіи, какъ Мехтеръ прислалъ сказать Аитову, что ханъ не изъявляетъ согласія на пребываніе его въ Хивѣ и даже не рѣшается отпустить его въ какое-либо другое владѣніе, а проситъ отправиться въ Россію Аитовъ не нашелъ возможнымъ долѣе оставаться въ Хивѣ и, нагнавъ миссію на Айбугирѣ, направился оттуда, вмѣстѣ въ топографомъ, по западному берегу Арала и далѣе черезъ Чушка-Куль къ Оренбургу, куда и прибылъ 11 декабря. Такимъ образомъ по-

сольство Никифорова не достигло ни одной изъ предположенныхъ цѣлей.

Огорченный неудачею, истомленный недугомъ, Никифоровъ, возвратясь въ Оренбургъ и не заставъ тамъ Перовскаго, былъ вытребованъ въ С.-Петербургъ, для личнаго доклада о своемъ порученіи, но на дорогѣ, въ одномъ селѣ Симбирской губерніи, подъ Сызранью, заѣхалъ къ матери, слегъ въ постель и послѣ двухнедѣльной болѣзни скончался, 27 января, отъ разрыва сердца. Бумаги его опечатали, но никакого толку не добились: покойный дневника не велъ, писалъ карандашемъ какія-то замѣтки на клочкахъ бумаги, да и то шифромъ... Такъ безплодно и безполезно погибли всѣ надежды Перовскаго на этого человѣка!

Посольство въ Хиву подполковника Данилевскаго, въ 1842 г. *). Ханъ Алла-Кулъ, прекративъ всѣ сношенія съ Никифоровымъ, оставилъ такимъ образомъ нерѣшенными вопросы о разграниченіи и торговый,—единственные, изъ-за которыхъ было послано посольство. Не желая однакоже разрыва съ Россіею, онъ отправилъ съ Никифоровымъ своего посланца Вуизъ Ніазъ Бая, который и прибылъ, со свитою изъ 16 человѣкъ, въ Оренбургъ 12 декабря 1841 г., а 19 февраля 1842 г., отправленъ съ 4 человѣками свиты въ Петербургъ, для представленія Государю письма хана.

Въ письмѣ этомъ ханъ увѣрялъ „хорошаго и добраго своего друга, вѣрнаго и стариннаго своего пріятеля, что подданные наши, вкушая въ тишинѣ плоды древа нашего правосудія, наслаждаются въ саду нашихъ щедротъ и милостей истиннымъ счастіемъ“... что поэтому „на зеркалѣ нашего сердца не видно пыли неудовольствія или смущенія, и нѣтъ въ немъ никакихъ мрачныхъ отраженій“, что „постоянное желаніе нашего сердца состояло въ томъ, чтобы Хива и Россія по прежнему (sic) составляли одинъ народъ и одно царство“... „что нынѣ благодаря Создателя, это чистое желаніе наше исполнилось, такъ какъ со стороны самодержавнаго прибѣжища правосудія къ намъ прибылъ, на правахъ посла, высокостепенный капитанъ Никифоровъ, доставившій черезъ нашихъ придворныхъ, присланное съ нимъ дружественное письмо, каждое слово котораго выражало дружбу, а каждая буква взаимную пріязнь“. 10 марта посолъ прибылъ въ Петербургъ, былъ представленъ ко Двору, но оказалось, что онъ никакихъ полномочій не имѣлъ для веденія переговоровъ, а потому, 9 мая, его отправили въ обратный путь, со щедрыми подарками, съ граматою отъ Государя къ хану. Съ посломъ отправленъ былъ, состоявшій при Перовскомъ для порученій, кавалерійскій подполковникъ Данилевскій, на

*) «Посольство въ Хиву въ 1842 г.». Историческій Вѣстникъ 1894 г. XI. Захарьина. „Зимній походъ въ Хиву“. Русскій Архивъ 1891, апрѣль. Захарьина.

котораго и возложено было окончить такъ неудачно начатые Никифоровымъ переговоры.

Въ составъ новой миссіи былъ назначенъ натуралистъ Базинеръ, чиновникъ пограничной коммиссіи Григорьевъ и 2 топографа-офицера, съ конвоемъ изъ 20 казаковъ, подъ командой хорунжаго Кипиченкова. Въ числѣ подарковъ, отправленныхъ съ Данилевскимъ, была между прочимъ и четырехмѣстная карета-ландо, съ парою лошадей въ золоченной сбруѣ, предметъ давнишнихъ желаній хана. Кромѣ кареты, везли: органъ, часы съ кукушкой, канделябры, бархатъ, атласъ. На расходы Данилевскому выдано было 5000 червонцевъ; въ томъ числѣ на подарки 700, и на непредвидѣнные расходы 989.

По инструкціямъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Данилевскій долженъ былъ стараться внушить хану довѣріе къ безкорыстнымъ видамъ Россіи и утвердить въ Хивѣ наше нравственное вліяніе, а потому агенту предписывалось не затрогивать щекотливаго вопроса о границахъ и настаивать только на пониженіи пошлинъ русскихъ товаровъ до нормы въ 5% съ объявленной цѣны. Если бы, впрочемъ, представился удобный случай, то агенту разрѣшалось опредѣлить нашу границу съ Хивою по р. Сыръ-Дарьѣ, сѣверному берегу Аральскаго моря и сѣверному Чинку до Каспія.

Кромѣ того, агентъ долженъ былъ согласить хана на принятіе въ Хиву нашего консула, и на освобожденіе 1500 персидскихъ невольниковъ, о чемъ персидскій шахъ просилъ наше правительство *).

Такъ какъ шахъ серьезно готовился къ войнѣ съ Хивою изъза торговли персидскими невольниками, то въ дѣлѣ улаженія этого вопроса приняла участіе и Англія, которой особенно не желалось допустить Хиву до паденія.

Общими усиліями представителей Россіи и Англіи удалось, наконецъ, склонить персидскаго шаха повременить военными дѣйствіями и послать въ Хиву посла, придавъ къ нему чиновника англійской миссіи Томсона, который имѣлъ исключительное порученіе стараться объ устройствѣ дѣла о персидскихъ невольникахъ и которому положительно воспрещено было вмѣшиваться въ переговоры нашего агента съ ханомъ по дѣламъ, до Россіи касающимся.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Англія только придралась къ случаю, чтобы послать своего агента слѣдить за нашимъ и по возможности мѣшать ему.

---

*) Никифорову также поручалось ходатайствовать о персидскихъ невольникахъ, но онъ умудрился такъ себя поставить, что ему уже было не до персіянъ, и потому вопросъ о нихъ даже не былъ и затронутъ.

Никакого особеннаго интереса, персидскіе плѣнные для Англіи не представляли. Очевидно, это былъ только предлогъ.

Кромѣ инструкцій, Данилевскій былъ снабженъ граматою отъ Высочайшаго имени и письмомъ вице-канцлера.

Выборъ Данилевскаго, человѣка весьма обходительнаго, свѣтски образованнаго и къ тому же съ замѣчательнымъ даромъ слова, былъ тѣмъ болѣе удаченъ, что новому агенту предстояло изгладить въ умахъ хивинцевъ непріятное впечатлѣніе, оставленное Никифоровымъ.

Назначеніе въ миссію опытныхъ топографовъ-офицеровъ указывало, что одною изъ цѣлей миссіи была подробная съемка пройденнаго пути и окрестностей Хивы... Очевидно, что и въ этомъ отношеніи посольство Никифорова оказалось несостоятельнымъ.

Данилевскій былъ полною противоположностію Никифорова. Первый—высокій, красивый, вѣжливый; второй—маленькій, невзрачный, грубый, да еще и выпивоха! Сборы въ Хиву затянулись, благодаря обычной медлительности Обручева, и только 1 августа 1842 г. миссія выступила изъ Оренбурга, черезъ Эмбу и Усть-Уртъ, вдоль западнаго берега Аральскаго моря. На 43 день пути она вступила въ предѣлы ханства. Ханъ въ это время велъ войну съ Бухарою, и посольству пришлось подождать нѣсколько въ Ташъ-Аузѣ. 19 октября миссія въѣхала въ Хиву; 29 возвратился ханъ, который на другой же день прислалъ поздравить агента съ пріѣздомъ и извинился, что по усталости не можетъ еще дать аудіенціи, но, когда Данилевскій выразилъ желаніе быть принятымъ въ тотъ же день, то ханъ согласился и принялъ его вечеромъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, хану были вручены, чрезъ мехтера, Высочайшая грамата и письмо, а затѣмъ поднесены подарки. Узнавъ о каретѣ, ханъ вышелъ полюбоваться ею, но влѣзать въ нее долго не рѣшался, пока верхъ не откинули, превративъ карету въ коляску. Когда миссія удалилась, ханъ вздумалъ покататься у себя во дворѣ, но, къ общему удивленію, карета еле шла. Припрягли еще нѣсколько лошадей—не помогаетъ. Послали въ миссію нашу, за русскимъ кучеромъ, и тотъ разъяснилъ причину: уходя, онъ надѣлъ на колеса тормазъ, а не сказалъ слугамъ хана, для чего это, не показалъ, какъ снять.

Когда тормазъ сняли, то удовольствію хана не было границъ. Выѣздъ его въ городъ сопровождался особенною торжественностію и доставилъ большое развлеченіе народу. Данилевскому предоставлено было назначать самому дни аудіенцій, давая только каждый разъ знать о томъ хану черезъ мехтера.

Второе свиданіе, по случаю болѣзни Алла-Кула, состоялось только 10 ноября. Ханъ былъ весьма уступчивъ и высказалъ желаніе пріобрѣсти пріязнь Россіи. Но это свиданіе было послѣд-

нимъ: 23 ноября ханъ скончался *), а 25 на ханство вступилъ сынъ его Рахимъ-Кули-Инахъ.

Умеръ ханъ, собственно говоря, между 15 и 20, но приближенные скрывали это, пока прискачетъ изъ своего удѣла наслѣдникъ. Это было сдѣлано во избѣжаніе волненій изъ-за наслѣдства и междоусобія среди другихъ сыновей и родственниковъ покойнаго. 23-го числа наслѣдникъ прискакалъ, и тогда только было объявлено о смерти его отца. Молодой ханъ принялъ Данилевскаго свысока, ждалъ для себя особыхъ подарковъ, которыхъ достать было неоткуда, и не считалъ для себя обязательными обѣщанія своего предшественника. Потомъ однакоже онъ перемѣнилъ тонъ, но все-таки объявилъ, что постояннаго политическаго агенства у себя не допуститъ, а что касается персіянъ, то выразилъ удивленіе, какое русскимъ до нихъ дѣло?

Вскорѣ явился къ Данилевскому, тайкомъ, нѣкто Сергѣй-ага, начальникъ хивинской артиллеріи. Это былъ бѣглый фейерверкеръ съ Кавказа: онъ убилъ своего батарейнаго командира и бѣжалъ къ горцамъ, а отъ нихъ въ Хиву. Въ 1830 году онъ исправилъ всѣ пушки, оставшіяся послѣ Бековича, сдѣлалъ лафеты и передки, отлилъ ядра и такимъ образомъ составилъ батарею, которою и командовалъ.

Онъ сообщилъ Данилевскому что всю русскую миссію собираются зарѣзать, какъ Бековича. Данилевскій тотчасъ отправился къ мехтеру, просилъ собрать министровъ и сказалъ имъ, что дольше ждать конца переговоровъ не хочетъ и выступаетъ завтра же. Проводовъ и охраны въ пути ему не нужно. Объявилъ имъ именемъ великаго Бѣлаго царя, что за малѣйшее оскорбленіе кого-нибудь изъ русскихъ камня на камнѣ не останется въ Хивѣ. „Русскіе уже четвертый разъ въ гостяхъ у васъ и дорогу къ вамъ знаютъ, и если придутъ съ оружіемъ, то вамъ не удастся уже обмануть ихъ, какъ сдѣлали ваши дѣды съ княземъ Черкасскимъ“.

Послѣ этой смѣлой рѣчи, переговоры снова пошли въ ходъ, хотя все-таки тянулись 7 недѣль. Министры послѣ каждаго совѣщанія вымогали новые подарки... Этимъ и объясняется, почему они тянули дѣло. А дарить уже было нечего. Оставались только золотые часы. Сергѣй-ага надоумилъ, что попрошайкамъ не надо ничего болѣе давать и объявить имъ, что послѣдніе подарки бу-

*) Суевѣріе приближенныхъ не замедлило отнести причину смерти Алла-Кула къ нарушенію имъ обычнаго способа ѣзды: получивъ коляску, ханъ вздумалъ тотчасъ же въ ней покататься, а вслѣдъ затѣмъ заболѣлъ и умеръ. Коляску замуровали въ сараѣ, гдѣ она стояла, и открыли только черезъ 16 лѣтъ, въ 1858 году, когда въ Хиву прибыла новая миссія (Игнатьева), но отъ великолѣпнаго экипажа остались только развалины.

дутъ розданы имъ, когда они приложатъ къ договору свои печати, да и то не давать часовъ въ руки, пока печать не приложена, а не то надуютъ и уйдутъ.

Такъ Данилевскій и сдѣлалъ: показалъ министрамъ часы и объявилъ условіе: приложи тамгу и получай. Нечего дѣлать, покорились.

Больше всего затрудненій для соглашенія представила седьмая статья договора о невзиманіи пошлинъ съ русскихъ каравановъ, проходящихъ черезъ р. Сыръ въ Бухару и другія азіятскія владѣнія, или обратно.

Что касается освобожденія персидскихъ невольниковъ, то, подъ вліяніемъ своихъ успѣховъ въ войнѣ съ Бухарою, ханъ считалъ ни во что военныя приготовленія Персіи и согласился отпустить только одного родственника мешедскаго правителя, утверждая что возвращеніе его одного будетъ стоить, въ глазахъ персіянъ болѣе, чѣмъ освобожденіе 5,000 человѣкъ.

Обязательный актъ передѣлывался до 20 разъ и наконецъ, 27 декабря, былъ скрѣпленъ ханскою печатію въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ былъ предложенъ агентомъ съ самаго начала переговоровъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, произошелъ обмѣнъ дипломатическихъ документовъ, въ присутствіи всѣхъ членовъ ханскаго совѣта. 30 декабря произошла прощальная аудіенція, а 31 миссія выступила изъ Хивы черезъ Кунградъ и Акъ-Булакъ, чтобы видѣть сѣверныя части ханства. Миссію сопровождалъ хивинскій посланецъ Минъ-Баши-Мухамедъ-Эминъ, которому была устроена въ Оренбургѣ торжественная встрѣча, съ войсками, какъ важному сановнику... Затѣмъ онъ былъ отправленъ въ Петербургъ, представленъ ко Двору въ Царскомъ Селѣ и, по обыкновенію, щедро награжденъ разными подарками.

Изъ-за этихъ-то подарковъ хивинскіе министры и тянутъ всякіе переговоры. Безъ всякой надобности, безъ всякой пользы для дѣла, они готовы ѣздить, по очереди однако, въ Петербургъ, хоть каждый годъ. А толку изъ договоровъ нашихъ съ ними никогда никакого не было!

Обязательный актъ, основный на весьма скромныхъ требованіяхъ со стороны Россіи, ограничивался только слѣдующими обѣщаніями хивинскаго хана:

1) Не предпринимать впредь никакихъ явныхъ, ни тайныхъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи.

2) Не потворствовать грабежамъ и разбоямъ ни въ степи, ни на Каспійскомъ морѣ.

3) Не держать въ неволѣ русскихъ плѣнныхъ и охранять, какъ личность, такъ и имущество всякаго русскаго подданнаго въ хивинскихъ предѣлахъ.

4) Имущество умершихъ въ Хивѣ русскихъ подданныхъ передавать въ цѣлости русскому пограничному начальству.

5) Выдавать русскихъ бѣглыхъ и мятежниковъ, укрывающихся въ хивинскихъ владѣніяхъ.

6) Пошлину съ русскихъ товаровъ взимать одинъ разъ въ годъ и въ размѣрѣ, не превышающемъ 5% съ дѣйствительной цѣны.

7) Съ товаровъ, принадлежащихъ русскимъ купцамъ и проходящихъ черезъ р. Сыръ въ Бухару и другія азіатскія владѣнія и обратно, никакихъ пошлинъ не брать.

8) Не препятствовать ничѣмъ караванной торговлѣ азіятскихъ владѣній съ Россіею, взимая впрочемъ съ этихъ каравановъ установленный зякетъ.

9) Вообще и во всѣхъ случаяхъ поступать, какъ подобаетъ добрымъ сосѣдямъ и искреннимъ пріятелямъ.

Въ надписи, сдѣланной агентомъ на копіи съ акта, переданной хану, значилось, что Россія:

1) Предаетъ совершенному забвенію прежнія непріязненныя противъ нея дѣйствія хивинскихъ владѣтелей.

2) Отказывается отъ требованія уплаты за разграбленные до сего времени караваны.

3) Обѣщаетъ совершенную безопасность и законное покровительство проѣзжающимъ въ Россію хивинскимъ подданнымъ и наконецъ,

4) Предоставляетъ въ своихъ владѣніяхъ хивинскимъ торговцамъ всѣ преимущества, коими пользуются купцы другихъ азіятскихъ владѣній.

Актъ этотъ удостоился Высочайшаго одобренія, что и подтверждено надписью вице-канцлера на актѣ отъ 30 іюня 1843 года. Подтвердительный актъ этотъ былъ врученъ Мухаметъ-Эмину.

Несмотря однакоже на крайнюю умѣренность нашихъ требованій, щедрость подарковъ и нашу предупредительность, актъ этотъ остался мертвою буквою: Хива тотчасъ же вошла въ пріятельскія сношенія съ мятежнымъ Кениссарою, послала въ 1845 году эмиссаровъ на р. Сыръ-Дарью и сносилась съ извѣстнымъ разбойникомъ Исетомъ. Въ 1848 году шайки хивинцевъ грабили подъ самыми стѣнами новаго укрѣпленія Раимъ. Въ 1852 г. Перовскій не могъ настоять на освобожденіи захваченнаго хивинцами семейства султана Иръ-Мухамеда Касимова и вынужденъ былъ предложить выкупъ въ 200 червонцевъ, а въ 1858 г., когда нашъ агентъ, полковникъ Игнатьевъ, сослался на актъ Данилевскаго, то получилъ въ отвѣтъ, что, не смотря на тщательные розыски, такого акта нигдѣ не нашли и содержанія его не помнятъ!

Очевидно изъ этого, что понятіе о святости договоровъ Хивѣ не знакомо. Это подтвердилось и впослѣдствіи.

Данилевскій, произведенный въ генералы на 35 году жизни, перешелъ на службу въ Петербургъ. Здѣсь онъ влюбился въ одну владѣтельную княжну и пользовался взаимностію. Родители, конечно, не одобряли выбора принцессы и рѣшили увезти ее домой... Была осень. На первой почтовой станціи отъ Петербурга къ Москвѣ, въ сумеркахъ, когда лошади были уже запряжены, передъ ними сталъ высокій генералъ и выстрѣлилъ себѣ въ ротъ... Лошади взвились, рванули... и карета проѣхала по трупу генерала... Это былъ Данилевскій.

Переговоры съ Бухарою имѣли результаты не болѣе счастливые.

Правительство наше домогалось освобожденія русскихъ плѣнныхъ, пониженія таможенныхъ пошлинъ съ русскаго купечества и кромѣ того освобожденія англійскаго агента полковника Стоддарта,—желанія, какъ видно, самыя умѣренныя.

Отдѣлясь на ур. Майлибашъ отъ рекогносцировочнаго отряда Бларамберга, миссія Бутенева переправилась черезъ Сыръ-Дарью и двинулась по бухарской караванной дорогѣ черезъ Кизылъ-Кумы; 5 августа она прибыла въ Бухару и въ тотъ же день была принята эмиромъ Насръ-Уллою. Черезъ нѣсколько дней агентъ получилъ приглашеніе являться еженедѣльно по пятницамъ во дворецъ ко времени утренней молитвы, а спеціалистамъ, находившимся при миссіи, дозволено начать свои изслѣдованія. Горные чиновники Леманъ и Богословскій, а вслѣдъ за ними и оріенталистъ Ханыковъ отправились въ Самаркандъ и Карши. Насръ-Улла однакоже видимо уклонялся отъ переговоровъ. Такъ прошло около 8 мѣсяцевъ. Наконецъ, передъ отъѣздомъ къ войскамъ, собраннымъ для войны съ Коканомъ, эмиръ пригласилъ посла нашего къ себѣ и объявилъ ему, что вести переговоры онъ поручилъ своему дастарханчи. Бутеневъ составилъ, по просьбѣ этого дастарханчи, записку, въ которой были изложены, по пунктамъ, всѣ наши требованія; записка тотчасъ же была отправлена къ эмиру съ нарочнымъ. Отвѣтъ не замедлилъ. Относительно заключенія трактата эмиръ заявлялъ требованія, чтобы Государь Императоръ подписалъ этотъ трактатъ ранѣе и прислалъ бы его въ Бухару съ имѣющимъ отправиться въ Россію бухарскимъ посланцемъ.

Касательно отпуска русскихъ плѣнныхъ эмиръ обѣщалъ исполнить наше желаніе, но не ранѣе, какъ будетъ заключенъ актъ.

Пониженіе таможенныхъ пошлинъ эмиръ обѣщалъ произвести только въ такомъ случаѣ, когда прежде того таможенныя пошлины будутъ понижены для бухарскихъ купцовъ въ Россіи.

Относительно англійскихъ агентовъ *) было объявлено, что оба

*) Во время пребыванія миссіи въ Бухарѣ, явился туда еще и капитанъ Конноли, бѣжавшій изъ Кокана.

они подали эмиру письмо, въ которомъ заявили, что ихъ королева желаетъ быть въ дружбѣ съ Бухарою, почему эмиръ написалъ самъ письмо къ королевѣ, и когда получится отвѣтъ, то англичане будутъ отпущены прямо въ Англію. Такимъ образомъ ни одно наше требованіе не было исполнено.

Конноли былъ сначалавъ Хивѣ; оттуда пробрался въ Ташкентъ и Коканъ, а затѣмъ долженъ былъ утекать, по настоянію самого хана—въ Бухару. Караванъ его состоялъ изъ 30 индійцевъ, но подозрѣвали въ числѣ ихъ двухъ переодѣтыхъ англичанъ.

Конноли просилъ пріюта и защиты у Бутенева, который и предложилъ ему у себя помѣщеніе. Такъ и жили два представителя соперничавшихъ державъ вмѣстѣ, но потомъ Конноли переѣхалъ къ Стоддарту, жившему за городомъ.

Бутеневъ сдѣлалъ имъ визитъ, но не засталъ дома. Они отвѣтили на другой день. Вѣроятно, сближеніе русскихъ съ англичанами не входило въ планы бухарскаго хана, потому что на третій день обоихъ англичанъ засадили въ яму-тюрьму, будто бы за какія-то бумаги.

Вскорѣ затѣмъ прислугу англичанъ вывели на базаръ, одѣли и выпроводили на родину, а вещи Стоддарта и Конноли продали, бумаги же и карты сожгли... Бутеневъ запретилъ своей свитѣ и конвою покупать что бы то ни было изъ вещей англійскихъ агентовъ.

Изъ всего этого было вполнѣ ясно, что эмиръ не желаетъ входить съ Россіею ни въ какія соглашенія. Поэтому агентъ нашъ, не медля ни минуты, выѣхалъ изъ Бухары въ апрѣлѣ 1842 года.

Вслѣдъ за нимъ эмиръ однакоже отправилъ въ Россію свое посольство, прибывшее въ Оренбургъ четыре дня спустя послѣ нашей миссіи.

Ханыковъ, въ письмѣ къ Перовскому весьма вѣрно опредѣлилъ степень успѣха нашихъ переговоровъ: „успѣхъ миссіи нашей въ Бухарѣ былъ рѣшительно тотъ же, какъ и всѣхъ предыдущихъ, посылаемыхъ туда со временъ Бориса Годунова, т. е. мы привезли дружескія увѣренія со стороны бухарскаго эмира и положительный отказъ исполнить хотя одно изъ умѣренныхъ требованій Государя Императора“.

Въ виду подобнаго оскорбительнаго образа дѣйствій бухарскаго правительства, посланецъ эмира не былъ допущенъ въ Петербургъ; ему было объявлено неудовольствіе Государя за невнимательность къ требованіямъ Бутенева и въ заключеніе передано, „что одни увѣренія въ преданности, не подтвержденныя сообразными съ оною дѣйствіями, недостаточны для внушенія довѣрія къ бухарскому правительству и что для снисканія себѣ благорасположенія Его Величества, ханъ бухарскій долженъ безъ промедленія отпустить въ Россію находящихся въ Бухарѣ россійскихъ

плѣнныхъ и содержащихся тамъ двухъ англичанъ: Стоддарта и Конноли".

Но Стоддарта и Конноли въ это время уже не было въ живыхъ: 17 іюня 1842 года они были всенародно зарѣзаны на площади. Повидимому, они считали несоотвѣтствующимъ англійской національной гордости и, пожалуй, неприличнымъ, унизительнымъ для представителей ея британскаго величества покровительство русскаго агента и надѣялись выбраться изъ Бухары безъ его содѣйствія. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы они перебрались изъ за города въ помѣщеніе русской миссіи, то были бы спасены и выѣхали бы вмѣстѣ съ русскими въ Оренбургъ.

Такъ погибли безъ всякой пользы для своего отечества эти несчастные офицеры.

Англійскій писатель Хуттонъ, въ своей книгѣ: „Central Asia from the Aryan to the Cosack" (1875 г.), говоритъ, что „въ 1838 году полк. Стоддартъ, храбрый, но надменный и дерзкій солдатъ, посланъ былъ въ Бухару изъ Тегерана Сэромъ Джономъ Макъ Нейлемъ и не остерегся увѣрить хана, что вскорѣ будетъ аккредитованъ къ его двору британскимъ правительствомъ. Прошло 14 мѣсяцевъ, а никакого кредитивнаго письма имъ получено не было. Полковникъ былъ брошенъ въ тюрьму и подвергся такому жестокому обращенію, что принужденъ былъ принять мусульманскую вѣру, въ надеждѣ спасти свою жизнь. Далѣе приводится удостовѣреніе генерала Ферьера, что Стоддартъ могъ бы спасти свою жизнь, если бы пристроился къ Бутеневу и Ханыкову; „но онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы быть обязаннымъ своей жизнью заступничеству русскаго". Онъ предпочелъ измѣнить своей религіи, а не своей гордости. Абботъ увѣряетъ, будто Стоддарта били по пятамъ, пока кожа стала отваливаться. Освобожденіе русскихъ плѣнныхъ изъ Бухары послѣдовало только въ 1858 году, вслѣдствіе настояній другого агента нашего полковника Игнатьева.

Единственнымъ практическимъ результатомъ нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Хивою и Бухарою было расширеніе нашихъ свѣдѣній по части географіи Средней Азіи. Базинеръ и Данилевскій составили описанія хивинскаго, а Ханыковъ—бухарскаго ханствъ. Конвоировавшій ихъ до Сыръ-Дарьи Бларамбергъ снялъ 73,820 верстъ!

Тѣмъ временемъ безпорядки въ степи не прекращались. Генералъ отъ инфантеріи Владиміръ Афанасьевичъ Обручевъ, замѣнившій Перовскаго въ 1842 году, дѣятельно принялся за поимку Кениссары.

Мы говорили въ своемъ мѣстѣ объ истребленіи ташкентскимъ бекомъ Лашкеромъ въ 1840 году всей семьи Касима, отца Кениссары. Однако самъ Кениссара Касимовъ спасся, такъ какъ коче-

валъ отдѣльно отъ отца. Онъ бѣжалъ съ небольшой шайкой въ Хиву, но не нашелъ тамъ открытой поддержки. Неудавшійся походъ нашъ и слухи о новыхъ приготовленіяхъ Перовскаго все-таки заставили Хиву быть поосторожнѣе. Тогда Кениссара прикочевалъ на Сыръ-Дарью и сталъ хлопотать о примиреніи съ русскими, разсчитывая на соперничество Сибирскаго и Оренбургскаго генералъ-губернаторовъ. Въ 1841 г. онъ написалъ письмо предсѣдателю оренбургской пограничной коммиссіи, жаловался на грабежи и разбои сибирскихъ казаковъ съ 1825 по 1840 годъ и просилъ отъ Оренбурга защиты. Перовскій принялъ Кениссару подъ свое покровительство, не смотря на протесты западно-сибирскаго ген.-губернатора кн. Горчакова. По этому поводу между ними возгорѣлась рѣзкая полемика.

Тѣмъ не менѣе, по ходатайству Перовскаго, Кеннисара былъ прощенъ и причисленъ къ киргизамъ Оренбургскаго вѣдомства. Потомокъ Аблая и Вали, потерявъ надежду на власть въ Средней ордѣ Сибирскаго вѣдомства, онъ сталъ искать власти въ Малой, что ему и удалось. Объявивъ себя ханомъ, онъ сталъ собирать зякетъ съ новыхъ подданныхъ, чинилъ судъ и расправу, заключилъ союзъ съ Бухарой и повелъ войну съ Ташкентскимъ бекомъ за смерть отца. Сузанъ и Ташкентъ были осаждены киргизскими полчищами...

Въ Омскѣ былъ тогда коканскій посланникъ, который и заявилъ кн. Горчакову о невозможности вести дальнѣйшіе переговоры, пока русскій Султанъ Кениссара опустошаетъ коканскія земли. Горчаковъ отписалъ о томъ Перовскому, а Перовскій запросилъ Кениссару: правда ли, что онъ принялъ ханскій титулъ безъ соизволенія россійскаго императора и самовольно напалъ на дружественное Россіи государство? Кениссара тотчасъ отступилъ къ своимъ кочевкамъ и отвѣчалъ, что ханскаго званія не принималъ, а къ Ташкенту дѣйствительно ходилъ, но только для того, чтобы выручить изъ тяжкой неволи захваченныхъ въ 1840 году ташкентцами русскихъ подданныхъ киргизъ, кочевавшихъ съ его отцомъ... Перовскій удовлетворился этимъ отвѣтомъ, но вскорѣ былъ отозванъ въ Петербургъ...

Въ 1842 г. Кениссара началъ снова непріязненныя дѣйствія уже противъ Сибирскаго вѣдомства: разославъ къ киргизамъ Средней орды возмутительныя грамоты, онъ двинулъ вслѣдъ затѣмъ вооруженныя шайки въ Акмолинскій, Кокчетавскій и Кышъ-мурунскій округа. Изъ Омска полетѣли въ Оренбургъ новыя сердитыя бумаги съ просьбами удержать подвѣдомственнаго ему султана отъ дальнѣйшихъ подвиговъ въ предѣлахъ Западно-сибирскаго генералъ-губернаторства... Въ свою очередь Кениссара снова жаловался на притѣсненія и клеветы сибирскаго начальства, просилъ снять сибирскіе посты на 35 лѣтъ,

просилъ также пожаловать ему грамату на званіе хана и чинъ! Перовскій, бывшій уже въ Петербургѣ, писалъ вице-канцлеру, что для упроченія русской власти надъ киргизами лучшее средство—воспользоваться Кениссарою и исполнить его просьбы... Но это ходатайство уважено не было.

Горчаковъ увѣдомилъ затѣмъ Обручева, что Кениссара собирется снова воевать съ Коканомъ. Обручевъ не повѣрилъ. Въ 1843 г. Кениссара продолжалъ непріязненныя дѣйствія противъ сибирскаго вѣдомства. Горчаковъ уже не обращался къ Обручеву, а написалъ прямо къ канцлеру. Обручеву предписано было отозвать Кениссару отъ границъ Сибири, а если не послушается,— употребить силу. Кениссара не послушался и началась нескончаемая степная война...

Дѣйствія противъ этого знаменитаго разбойника еще разъ доказали, что ни дипломатія, ни кротость, ни жестокость не помогаютъ въ дѣлахъ съ ордынцами, что отряды безсильны въ погонѣ по степямъ за увертливымъ и выносливымъ кочевникомъ и что только постоянныя укрѣпленія среди и кругомъ кочевій могутъ что-нибудь сдѣлать. Изъ Орска въ іюнѣ 1843 г. посланъ былъ войсковой старшина Лебедевъ съ 200 казаковъ и 25 человѣкъ пѣхоты, при одномъ трехфунтовомъ единорогѣ. Черезъ мѣсяцъ онъ наткнулся на пяти тысячную партію Кенисары, вступилъ въ переговоры и поспѣшилъ отступить. (Экспедиція стоила 5,000 р.). Между тѣмъ сибирскій отрядъ, двигавшійся одновременно, разбилъ брата Кениссары, который послѣ этого прикочевалъ къ Орску, вошелъ въ сношенія съ пограничною коммиссіею, просилъ прощенія, обѣщалъ кочевать, гдѣ укажутъ, и проч. Просьба, конечно, была принята и самъ Обручевъ писалъ Кениссарѣ увѣщанія. Принявъ движеніе Кениссары къ Орску за признакъ покорности, такъ какъ онъ, значитъ, отступилъ отъ сибирской границы, Обручевъ запросилъ государственнаго канцлера, „какъ слѣдуетъ поступить съ Кениссарою, если бы онъ, по приглашенію генерала Генса (инженерный генералъ, тогдашній предсѣдатель Оренб. пограничн. ком.) прибылъ въ Оренбургъ, для личныхъ объясненій съ нимъ?“ Какъ вдругъ появились новыя шайки близъ самой линіи. Мятежники разграбили чиклинцевъ на Уилѣ, тревожили наши съемочныя партіи, и между прочими взяли въ плѣнъ Григорьева, чиновника Оренбургской пограничной коммиссіи. Стало очевиднымъ, что безъ новой экспедиціи въ степь дѣло не обойдется. Обручевъ вошелъ объ этомъ съ представленіемъ, испрашивая черезъ канцлера высочайшаго повелѣнія. Канцлеръ очутился въ большомъ затрудненіи: утромъ онъ докладывалъ государю о совершенной покорности Кениссары, а вечеромъ получилъ извѣстіе, что мятежникъ угрожаетъ самой линіи!.. Поэтому канцлеръ задержалъ докладъ и разрѣшеніе

выслать отрядъ въ степь пришло только 3 августа. Тотчасъ посланъ былъ подполковникъ уральскаго войска Бизяновъ съ 700 уральскихъ казаковъ, изъ кр. Сахарной, по Эмбѣ къ р. Айрюку, а полковникъ Дуниковскій, съ 500 оренбургскихъ казаковъ и 600 башкировъ, при 4 конныхъ орудіяхъ, высланъ былъ туда же изъ Орска (экспедиція стоила 13,000 р.). Бизяновъ настигъ съ 200 казаками Кениссару съ партіею въ 450 человѣкъ, и киргизы, потерпѣвъ небольшой уронъ, ушли къ Сыру, выжигая за собою кормы. Казакамъ пришлось идти пѣшкомъ, держа измореннихъ лошадей въ поводу. Такъ, еле двигаясь, казаки прошли 100 верстъ и воротились назадъ.

Въ 1844 г. снаряжена была новая экспедиція. Сибирскій отрядъ полк. Кривоногова и на этотъ разъ имѣлъ удачу: онъ разбарантовалъ аулы приверженцевъ Кениссары и захватилъ одну изъ его женъ.

Оренбургское начальство очень цѣнило подполковника Лебедева, который путемъ долголѣтней степной практики выработалъ свою особую систему дѣйствій. Еще въ 1839 г. въ чинѣ войскового старшины, ему удалось захватить на Тургаѣ родичей Касыма-Аблаева. Теперь онъ получилъ запросъ: какой силы отрядъ онъ предпочитаетъ и какого плана хочетъ держаться? Лебедевъ отвѣтилъ, что предпочитаетъ малые отряды и налегкѣ, провіантъ возить не на верблюдахъ, а на двуколкахъ (т. е. арбахъ); взять 200 казаковъ не очередныхъ, а по выбору, до 200 пѣхотныхъ стрѣлковъ верхами, и раздѣлить на 3 отряда. Обручевъ нѣсколько измѣнилъ это, и вотъ Орскій отрядъ изъ 230 казаковъ, 140 киргизовъ и башкировъ и 100 человѣтъ оконенной пѣхоты при двухъ орудіяхъ, выступилъ 6-го мая подъ начальствомъ Лебедева къ Иргизу, куда направился и султанъ-правитель восточной части орды со 140 казаками и 100 киргизами. Сибирскія же войска, отрядъ сотника Леденева, изъ 250 казаковъ и 50 киргизовъ при двухъ орудіяхъ, направленъ былъ къ Улутау, а сотникъ Фалилѣевъ къ р. Сары-су съ цѣлію отрѣзать Кениссарѣ отступленіе.

Лебедевъ однакоже не могъ догнать Кениссары, котораго предувѣдомляли состоявшіе при Лебедевѣ оффиціальные проводники, и напалъ на одного батыря Байкадама, друга Кениссары, считавшагося у насъ вѣрнымъ и мирнымъ и потому покойно кочевавшаго среди сутолоки, поднятой нашими отрядами*). У Лебедева были с в о и, не казенные лазутчики, мстившіе за что-либо Кениссарѣ. Тѣ ему и указали на Байкадама, какъ на правую руку Кениссары. Лебедевъ разграбилъ его аулъ и поспѣшилъ оступить, раздавъ добычу мирнымъ киргизамъ, обиженнымъ разбойниками.

---

*) Эпизодъ съ Лебедевымъ изложенъ по ст. Н. Середы: „Бунтъ киргизскаго султана Кениссары Касимова“. Вѣстникъ Европы 1870 № 8.

Генералъ-маіоръ Жемчужниковъ (начальникъ штаба сибирскаго корпуса), шедшій съ Леденевымъ, тщетно посылалъ развѣдчиковъ-киргизовъ открыть Лебедева и потому остался на р. Тургаѣ, ожидая разрѣшенія возвратиться. Кениссара воспользовался такимъ отсутствіемъ единства въ дѣйствіяхъ и тотчасъ же налетѣлъ на линію. Пошли опять грабежи... Надъ Лебедевымъ наряжено было слѣдствіе, отрядъ же его переданъ Дуниковскому, который, 2-го іюля, опять выступилъ въ степь. На верховьяхъ Тобола, т. е. на Улькоякѣ, онъ былъ окруженъ киргизами, въ ночь на 21 іюля, но разбилъ ихъ и гналъ на протяженіи 50 верстъ. При ночномъ нападеніи Кениссара успѣлъ однакоже вырѣзать весь авангардъ изъ почетныхъ киргизовъ, т. е. султановъ и султанскихъ дѣтей, чрезъ посредство которыхъ Дуниковскій думалъ вліять на киргизъ не мирныхъ. Цѣлію нападенія Кенисары и былъ этотъ „авангардъ“, а Дуниковскій, крайне безпечный и самонадѣянный, даже не выставилъ пикетовъ на ночлегъ! Впослѣдствіи семействамъ убитыхъ султановъ дана пенсія.

Затѣмъ Дуниковскій двинулся въ глубь степи, на соединеніе съ Жемчужниковымъ, такъ какъ его оффиціальные лазутчики увѣрили, будто Кениссара идетъ въ томъ направленіи. Однакоже хитрый разбойникъ, оставивъ для наблюденія за ними 300 человѣкъ, самъ съ 1000 челов. кинулся на линію, гдѣ не только ограбилъ аулы прилинейныхъ киргизъ въ 20 верстахъ отъ Орска, но даже напалъ на Екатерининскую станицу, сжегъ 30 домовъ, угналъ весь скотъ и захватилъ до 50 плѣнныхъ. Тотчасъ поднялась тревога и новые отряды двинулись въ концѣ августа въ степь: подполковникъ Ковалевскій изъ Орска съ 200 казаками; полковникъ Геке съ 200 казаковъ, 100 башкировъ, 50 пѣхотныхъ солдатъ, при одномъ орудіи. А Кениссара, тѣмъ временемъ, преспокойно ушелъ за Мугоджары, куда напрасно проходилъ за нимъ слѣдомъ Жемчужниковъ. Пришлось поэтому держать войска въ сборѣ. Тогда Кениссара опять завязалъ съ нами сношенія и просилъ прислать чиновника для принятія присяги, а самъ снова собралъ шайки и двинулся къ р. Иргизу, гдѣ однакоже наткнулся на отрядъ Ковалевскаго изъ 200 челов. казаковъ, 100 башкировъ и 50 человѣкъ пѣхоты при двухъ орудіяхъ; отрядъ этотъ вышелъ изъ Орска въ концѣ сентября. Три дня гнался Ковалевскій за шайками, бѣжавшими въ Каракумы, но, наконецъ, потерялъ ихъ слѣдъ и вернулся.

Къ концу года Кениссара возвратилъ, впрочемъ, всѣхъ захваченныхъ имъ плѣнныхъ.

Въ это время Бухара покорила Коканъ и втянулась въ войну съ Хивою. Оба ханства заискивали въ Кениссарѣ и прислали къ нему посольства, какъ къ признанному и самостоятельному хану. Кениссара мечталъ уже сдѣлаться коканскимъ ханомъ!

Съ Обручевымъ онъ уже говорилъ тономъ равнаго, озаглавливая свои письма къ нему: „проживающему въ Оренбургѣ генералу“, онъ соглашался присягнуть Бѣлому Царю, но требовалъ немедленной помощи войсками противъ ихъ общаго врага—сибирскаго генералъ-губернатора Горчакова!

Обручевъ, не смотря на неприличіе писемъ дикаго самозваннаго хана, послалъ къ нему въ 1845 г. посольство Долгова съ докторомъ Майделемъ, а затѣмъ и поручика генер. штаба Герна, сопровождавшаго плѣнную жену Кениссары.

Дерзкій разбойникъ не принялъ пословъ, прожившихъ въ его аулахъ около мѣсяца, и только послалъ съ ними письмо, въ которомъ отказывался отъ присяги и подданства, требовалъ, чтобы русскіе не измѣряли киргизскихъ земель (т. е. не дѣлали съемокъ), не строили укрѣпленій и чтобы киргизы оставались независимыми, какъ при его дѣдахъ Аблаѣ и Вали...

По крайней мѣрѣ посольство Долгова узнало, что Байкадамъ, изъ-за котораго Лебедевъ попалъ подъ судъ, напалъ вмѣстѣ съ Кениссарой на аулы богатыхъ япасцевъ и расчебарилъ ихъ. Тогда сообразили, что Байкадамъ былъ наказанъ не попусту, и Лебедева отъ суда освободили.

Такимъ образомъ, отрядъ за отрядомъ высылались въ степь, а Кениссара вертѣлся и юлилъ въ виду этихъ отрядовъ, ускользая отъ преслѣдованія въ безпредѣльныхъ степяхъ. Это убѣдило, наконецъ, Обручева, что ни султаны-правители, ни летучіе отряды, ни кротость, ни жестокость, ни дипломатія, ни сила—не въ состояніи подчинить намъ киргизовъ, пока ихъ лѣтовки и зимовки не будутъ въ нашихъ рукахъ. Поэтому онъ призналъ необходимымъ построить въ 1845 г. внутри степи два укрѣпленія: одно на р. Тургаѣ, подъ именемъ Оренбургскаго, другое на р. Иргизѣ, названное Уральскимъ; укрѣпленія строились рабочими командами изъ башкиръ, а подвозъ матеріаловъ былъ возложенъ на киргизъ, выставившихъ 1,000 верблюдовъ. У фортовъ разрѣшена была безпошлинная мѣновая торговля. Основанное графомъ Перовскимъ, въ заливѣ Кайдакъ, укрѣпленіе Ново-Александровское, какъ совершенно не соотвѣтствовавшее своей цѣли и крайне гибельное для здоровья гарнизона, Обручевъ перенесъ въ 1846 г. на полуостровъ Мангишлакъ, къ мысу Тюпъ-Караганъ, и назвалъ его Ново-Петровскомъ *). При немъ устроена была укрѣпленная станица Николаевская.

Въ 1846 году противъ Кениссары высланы были новые отряды съ Оренбургской и Сибирской линій, но тотъ не сталъ ждать ихъ, а откочевалъ на р. Чу, поближе къ Кокану, куда влекла его честолюбивая мечта о ханствѣ.

---

*) Въ 1857 г. переименовано въ Александровское.

Покоривъ себѣ ташкентскихъ киргизъ и принявшись за каракиргизовъ, онъ проникъ въ 1847 году къ нимъ въ Ала-таускія горы; варилъ въ котлахъ плѣнныхъ женъ и дѣтей при отцахъ, озлобилъ народъ и здѣсь въ одномъ изъ ущелій потерпѣлъ пораженіе и былъ убитъ вмѣстѣ со всѣми теленгутами (тѣлохранители, палачи) и 3,000 войска. Черепъ его доставленъ былъ къ кн. Горчакову и хранится при дѣлѣ „о бунтѣ Кениссары".

Впослѣдствіи сынъ Кениссары, Сыддыкъ, котораго называли и Садыкомъ и Сыздыкомъ, также немало надѣлалъ намъ хлопотъ, но послѣ хивинскаго похода 1873 года, наконецъ, покорился и живетъ теперь на покоѣ въ Чимкентскомъ уѣздѣ.

Въ 1846 году департаментъ генер. штаба командировалъ въ степь астронома Лемма для опредѣленія нѣсколькихъ пунктовъ, которые бы послужили для тріангуляціи при съемкѣ. Обручевъ послалъ съ нимъ капитана генер. штаба Шульца, съ которымъ и случился великій курьезъ: доѣхавъ до устья Сыра, на урочище Раимъ, онъ принялъ молодой камышъ за траву и донесъ, что здѣсь можно накосить до милліона пудовъ сѣна.

Обручевъ обрадовался и сдѣлалъ представленіе въ Петербургъ о постройкѣ на Раимѣ укрѣпленія. Въ Петербургѣ не соглашались. Обручевъ доказывалъ, что если мы не займемъ низовьевъ Сыра, то могутъ занять англичане! Наконецъ, разрѣшеніе дано. Обручевъ самъ идетъ въ 1847 г. съ войсками и годовыми запасами для гарнизона, видитъ камышъ вмѣсто травы, но послѣ всей своей переписки съ министерствами и громадныхъ расходовъ на отрядъ, вынужденъ строить укрѣпленіе... Такъ случайно возникло въ 1847 г., близъ устья р. Сыръ-Дарьи, въ 60 верстахъ отъ моря, укрѣпленіе Раимское *).

Въ 1848 г. построены были еще промежуточные форты: Карабутакъ для связи Уральскаго укрѣпленія съ линіею и Косъ-аралъ **), на Аральскомъ морѣ, для поддержки учрежденной тогда частной компаніи рыболовства, которая завела было свои суда, но скоро лопнула.

Въ началѣ 1847 г. Обручевъ построилъ въ Оренбургѣ шкуну „Николай", переслалъ ее на подводахъ въ разобранномъ видѣ въ Раимъ и велѣлъ произвести опись берегамъ Аральскаго моря; въ 1848 г. выслана туда же шкуна „Константинъ" ***).

Съ устройствомъ фортовъ на пути отступленія барантовщи-

---

*) Въ 1851 г. переименовано Аральскимъ, а въ 1855 г. перенесено на урочище Казалу, гдѣ построенъ фортъ № 1, нынѣ Казалинскъ

**) Упраздненъ въ 1854 г. по его безполезности.

***) На ней плавалъ лейтенантъ Бутаковъ, производившій морскую съемку, и знаменитый поэтъ и живописецъ Шевченко, бывшій тогда рядовымъ за грѣхи молодости.

ковъ, набѣги на линію дѣйствительно прекратились и Хива стала меньше получать русскихъ невольниковъ.

Отдавая должную справедливость Обручеву за эти распоряженія, слѣдуетъ, однакоже сказать, что онъ плохо понималъ характеръ управляемаго имъ народа и потому дѣлалъ иногда промахи, приносившіе горькіе плоды. Съ постройкою Раима, въ 60 верстахъ отъ устья р. Сыръ-Дарьи, исполнялась давнишняя мечта русскаго правительства, посылавшаго сюда по настояніямъ Кирилова, еще за 100 лѣтъ до этого, развѣдочныя партіи (Гладышевъ и Муравинъ въ 1740 и 1742 годахъ) для выбора мѣста подъ городъ. Какъ тогда, такъ и теперь, киргизы, кочевавшіе по Сыру, видѣли въ устройствѣ русскаго города спасеніе свое отъ притѣсненій Хивы, Бухары и Кокана и потому всѣми мѣрами содѣйствовали намъ въ постройкѣ. Услужливостію въ особенности отличался нѣкто Джанъ-Ходжа Нурмухамедовъ, простой киргизъ, однако батырь, управлявшій кичкине-чиклинцами, по Сыру, и взявшій у Хивы сперва крѣпость Баба-джанъ, а потомъ, при содѣйствіи русскихъ, и Джанъ-Кала; но его оклеветали султаны-правители, ненавидѣвшіе батырей, вышедшихъ изъ народа, и Обручевъ, вмѣсто того, чтобы оставить придарьинскихъ киргизъ въ вѣдѣніи Джанъ-Ходжи, подчинилъ ихъ одному изъ султановъ. Джанъ-Ходжа, конечно, не подчинился, его киргизы тоже, и вышли неудовольствія. То же случилось и съ другимъ батыремъ, Исетомъ Кутебаровымъ: онъ просилъ разрѣшенія кочевать въ Мугоджарскихъ горахъ, а ему дали Малые Барсуки; онъ просилъ, чтобы ему прислали пожалованную уже золотую медаль, ему отвѣчаютъ, что онъ долженъ доказать прежде свою преданность! Такъ возстановили противъ себя и этого вліятельнаго киргиза.

Въ 1847 г. степь была раздѣлена на 54 дистанціи. Управлявшимъ дистанціею положено было ничтожное жалованье, 75 р. въ годъ, письмоводителю же только 30 р.! Понятно, что на безкорыстіе этихъ людей разсчитывать было нечего. Такіе мизерные оклады, прямо толкавшіе чиновниковъ на злоупотребленія и незаконную наживу, казалось бы, должны были обратить на себя вниманіе Обручева, всю жизнь боровшагося съ казнокрадствомъ и всѣми видами хищенія. Человѣкъ высокой честности, онъ съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ взяточниковъ и казнокрадовъ. Когда составлялись какія-нибудь смѣты на постройки, онъ всегда очень неохотно поручалъ дѣло инженерамъ, говоря, что „инженеръ и грабитель—одно и то же, вся разница только въ томъ, что послѣдній, ограбивъ, уже не будетъ напоминать собою грабежа, а инженеръ долго еще напоминаетъ о себѣ плохими постройками“. Тогда же, въ 1847 году, учреждены были съѣзды киргизовъ для рѣшенія спорныхъ дѣлъ между сибирскими и оренбургскими киргизами.

Ежегодное движеніе транспортовъ въ степныя укрѣпленія съ малочисленными конвоями замѣнили прежніе набѣги летучихъ отрядовъ. Правда, башкиры, поставлявшіе ежегодно по наряду среднимъ числомъ по 1,140 подводъ въ самую рабочую пору, сильно разорялись, а конвой, несоразмѣрный съ тяжестью караульной службы и множествомъ ненужныхъ постовъ, сильно страдалъ, но зато практика выработала много разныхъ облегченій, и Обручевъ, не смотря на свой педантизмъ, узаконилъ разныя отступленія отъ формы. Такъ, солдаты шли въ однѣхъ рубахахъ, а мундиры, шинели и ранцы везлись на подводахъ. Идти разрѣшено было вольно, не соблюдая строго строя. При его преемникѣ, Перовскомъ, стали выдавать солдатамъ кошмы для подстилки на ночлегахъ. Онъ же отмѣнилъ нарядъ башкирскихъ подводъ и замѣнилъ ихъ наемными воловьими, что принесло казнѣ большую экономію.

Хивинцы считали своею границей рѣку Эмбу, и потому занятіе нами устьевъ Сыръ-Дарьи сочли за нарушеніе своихъ границъ. На Сырѣ у нихъ была небольшая крѣпостца Джанъ-Кала, въ 70 верстахъ выше Раима, и тутъ они взимали подати съ придарьинскихъ киргизъ и зякетъ съ бухарскихъ каравановъ, идущихъ въ Оренбургъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ основанія Раима, 20 августа 1847 г., къ Джанъ-Калѣ собралось до 2,000 хивинцевъ; въ числѣ начальниковъ былъ и сынъ Касима, Ирмухамедъ, прозванный Илекеемъ. Часть скопища перешла на нашъ берегъ, расчебарила болѣе тысячи кибитокъ нашихъ киргизъ, утопила 30 грудныхъ дѣтей, забрала 21 семейство въ плѣнъ и воротилась къ Джанъ-Калѣ.

Комендантъ Раима, подполк. Ерофѣевъ, тотчасъ двинулся къ этой крѣпости, съ 200 казаковъ и оконенныхъ солдатъ, при двухъ орудіяхъ; къ нему присоединился батырь Джанъ-Ходжа съ 700 киргизъ, а по Сыру плылъ сюда же поручикъ Мертваго (изъ флотскихъ офицеровъ) на шкунѣ „Николай“, вооруженной двумя орудіями. 23 августа Ерофѣевъ подступилъ къ Джанъ-Калѣ и открылъ по ней огонь съ нашего берега. Хивинцы не выдержали и стали уходить изъ крѣпости. Тогда Джанъ-Ходжа бросился съ 250 киргизовъ вплавь черезъ Сыръ, очистилъ Джанъ-Калу отъ послѣднихъ хивинцевъ и преслѣдовалъ скопища ихъ до р. Куванъ-Дарьи.

Наши войска не переходили Сыра, такъ какъ эта рѣка считалась тогда нашею государственною границею, переступать черезъ которую строго запрещено было Обручевымъ. Все-таки хивинцы возвратили плѣнныхъ, 3,000 верблюдовъ, 50,000 овецъ, 500 лошадей и 2,000 рогатаго скота.

Во второй половинѣ ноября того же года на рѣку Сыръ-Дарью явилось новое хивинское скопище въ 10,000 человѣкъ. Обойдя

Раимъ, хивинцы бросились въ Каракумы, расчебарили чиклинцевъ и дюртъ-киринцевъ, перерѣзали стариковъ, раскидали по степи младенцевъ, а женщинъ забрали въ плѣнъ. Захватили также два каравана: одинъ Зайчикова (Дѣева), а другой двухъ казанскихъ татаръ, шмыгавшихъ постоянно по степи. Ерофѣевъ послалъ въ догонку 240 казаковъ при двухъ орудіяхъ. Отрядъ этотъ, въ теченіе 4-хъ дней, съ 24 по 27 ноября, убилъ до 340 хивинцевъ, а самъ потерялъ только 2 убитыми и 6 ранеными.

Ночью на 6 марта 1848 г. на нашемъ берегу опять показалась партія въ 1,500 всадниковъ, большею частію туркменъ-іомудовъ. Эти разбойники всю ночь и половину слѣдующаго дня грабили и рѣзали нашихъ киргизъ. Новый комендантъ подполк. Матвѣевъ не могъ защитить ихъ, такъ какъ за неимѣніемъ корма лошади паслись далеко отъ укрѣпленія. Киргизы были совершенно разорены, и кто имѣлъ еще верблюдовъ, откочевалъ къ Уральскому укрѣпленію, остальные питались одною рыбою до новаго урожая. Черезъ три мѣсяца, въ іюнѣ, скопище въ 2,000 хивинцевъ напало на наши транспорты, шедшіе изъ Оренбурга въ степныя укрѣпленія и на съемочную партію прапорщика Яковлева. Партія эта шла впереди обозовъ вдоль р. Иргиза и состояла изъ 7 топографовъ съ конвоемъ въ 160 оренбургскихъ казаковъ съ 15 подводами и 50 верблюдами. За ними въ нѣсколькихъ верстахъ тянулось 500 башкирскихъ подводъ, подъ прикрытіемъ двухъ сотенъ казаковъ и двухъ орудій; конвоемъ командовалъ войсковой старшина Ивановъ. За нимъ въ одномъ переходѣ шелъ телѣжный транспортъ въ 1,500 подводъ, съ прикрытіемъ изъ 1 роты, двухъ сотенъ и двухъ орудій, а еще въ переходѣ за этимъ тянулось 3,000 верблюдовъ подъ прикрытіемъ 1½ сотни уральцевъ при 1 орудіи. Всѣми транспортами начальствовалъ генералъ-маіоръ Шрейберъ.

26 мая въ 10 часовъ утра, хивинцы появились передъ партіей топографовъ. Яковлевъ тотчасъ свернулъ вправо къ рѣкѣ, примкнулъ къ ней и построилъ конвой свой въ каре. Хивинцы переплыли черезъ рѣку къ нашему отряду, зашли съ навѣтренной стороны и пустили палъ... Трава была уже сухая и быстро загорѣлась. Но казакамъ эта штука давно знакома. Знаютъ они и прекрасное средство противъ этой грозной разбойничьей выдумки: стоитъ только позади себя пустить такой же палъ и ждать спокойно приближенія пожара, пущеннаго врагомъ и тогда перейти на остывшее уже пожарище с в о е г о пала. Непріятельскій палъ дойдетъ до выжженнаго вами мѣста и погаснетъ самъ собой за неимѣніемъ пищи. Такъ и сдѣлалъ Яковлевъ, по совѣту опытныхъ казаковъ.

Видя неудачу своего пала, хивинцы ограничились перестрѣлкою, длившеюся до 4 часовъ вечера.

Между тѣмъ Ивановъ, узнавъ о появленіи хивинцевъ, поскакалъ впередъ съ 14 казаками, но былъ окруженъ разбойниками и съ перваго же натиска потерялъ 9 казаковъ. Подхвативъ пику одного изъ убитыхъ, онъ пробился съ остальными пятью человѣками безъ шапки и эполетъ къ своему транспорту, ставшему въ каре. Хивинцы не посмѣли напасть на транспортъ и свернули къ Иргизу, гдѣ и захватили 5 рыбаковъ, шедшихъ съ транспортомъ и безпечно ловившихъ рыбу въ верстѣ отъ него.

Ивановъ отобралъ 84 казака, взялъ одну 6-фунтовую пушку, перешелъ Иргизъ и погнался за хивинцами. Догнавъ ихъ и промчавшись далеко впереди своихъ казаковъ, Ивановъ, съ пикой въ рукахъ, влетѣлъ въ толпу непріятеля и многихъ уложилъ на вѣчный покой. Хивинцы утекали безъ оглядки, а Ивановъ гналъ ихъ до самаго заката солнца.

Макшеевъ, на стр. 178 своей книги, говоритъ, что Ивановъ былъ „человѣкъ не трезвый, не распорядительный и малограмотный, но вмѣстѣ съ тѣмъ беззавѣтно храбрый... по неразвитости и малограмотности онъ представилъ ложное и безтолковое донесеніе, которое подвело его самого подъ слѣдствіе“.

Пусть такъ, но если представимъ себѣ этого дѣтину безъ шапки, съ оборванными эполетами, съ пикой въ рукѣ, какъ онъ гонитъ одинъ тысячную толпу дикарей, оставляя за собой ряды труповъ, — мы не можемъ не сказать, что Ивановъ былъ лихой казакъ!

3 іюля, небольшая хивинская шайка въ 250 человѣкъ, напала снова на съемочную партію Яковлева около уроч. Майли-Башъ на Сыръ-Дарьѣ, но была отбита.

На томъ и кончились хивинскіе набѣги. Видя неудачу своихъ предпріятій противъ новыхъ степныхъ укрѣпленій, хивинцы обратились къ дипломатіи и стали домогаться путемъ переговоровъ срытія Раима и Ново-Петровска.

Въ 1849 г. Обручевъ сталъ заселять степь казаками. Въ Раимъ было переселено 25 семействъ, въ Оренбургское укрѣпленіе 21, въ Уральское—13, въ фортъ Карабутакъ 4 и въ Ново-Петровское укрѣпленіе 15. Однако мѣра эта оказалась преждевременною, потому что возбудила опасенія киргизовъ за свои земли.

Интересна судьба Николаевской станицы, укрѣпленной колоніи у Ново-Петровскаго укрѣпленія, состоявшей изъ 200 уральскихъ казаковъ и 100 человѣкъ пѣхоты. Рыбаки по ремеслу, эти станичники жили припѣваючи. Но о нихъ уже заботились: въ началѣ шестидесятыхъ годовъ до 44 семей было переселено изъ Николаевской станицы на Кавказъ, для водворенія въ новыхъ станицахъ кубанскаго войска, по рѣкамъ Бѣлой, Пшехѣ и Псекупсу. Рыбаковъ посадили на хлѣбопашество. Они, конечно, разорились окончательно и, кромѣ того, очутившись въ неблагопріят-

ныхъ климатическихъ условіяхъ, большею частію вымерли. Оставшіеся въ Николаевской станицѣ, по малочисленности своей, не могли устоять противъ нападенія киргизовъ въ 1870 г. и подверглись окончательному разоренію; многіе изъ нихъ побиты, многіе взяты въ плѣнъ, лодки ихъ пожжены, имущество совершенно разграблено.

Главнокомандующій кавказскою арміей приказалъ выдать уцѣлѣвшимъ станичникамъ по 100 р. на домъ и казенный паекъ, но это, конечно весьма недостаточное пособіе, въ виду совершеннаго разоренія поселянъ.

Съ устройствомъ ряда укрѣпленій мы, такъ сказать, прорѣзали степь, но не владѣли еще кочевками киргизовъ, которые поэтому подчинялись вліянію хивинцевъ и коканцевъ, подстрекавшихъ къ возмущенію противъ русскихъ.

Чтобы устранить вредное вліяніе хивинцевъ, Обручевъ предполагалъ сначала устроить укрѣпленіе на Эмбѣ, но съ возведеніемъ Раима у него явилась мысль занять Хиву, куда уже нетрудно казалось добраться, благодаря ряду укрѣпленій, соединявшихъ Оренбургъ съ устьями Сыра. Чтобы воспользоваться при этомъ Аральскимъ моремъ и Аму-Дарьею, Обручевъ, тотчасъ по возведеніи Раимскаго укрѣпленія, устроилъ судоходство на Аральскомъ морѣ. Въ теченіе 1848 и 1849 годовъ море было тщательно изслѣдовано двумя шкунами: „Николай“ и „Константинъ“. Кромѣ этихъ судовъ были заказаны (въ 1850 г.) въ Швеціи, на Мутальскомъ заводѣ, два парохода *) съ выдвижными килями, чтобы можно было плавать, какъ по морю, такъ и по рѣкамъ.

Успѣхъ занятія Хивы былъ обезпеченъ и можно было разсчитывать обезопасить нашу степь съ этой стороны. Для достиженія той же цѣли со стороны Кокана, Обручевъ предполагалъ занять Акъ-Мечеть.

Свои предположенія о занятіи Хивы и Акъ-Мечети Обручевъ изложилъ въ особой запискѣ, отъ 27 марта 1851 г. Но онѣ не только не были одобрены, но самъ Обручевъ былъ тотчасъ смѣненъ (въ томъ же 1851 году), и управленіе оренбургскимъ краемъ поручено было снова Перовскому **), который подвергнулъ записку строгой критикѣ, осудивъ совершенно всю систему дѣйствій своего предмѣстника. Даже возведеніе укрѣпленій въ степи Перовскій находилъ невыгоднымъ, считая свою систему (высылка отрядовъ въ степь) гораздо цѣлесообразнѣе. Всего любопытнѣе, что занятіе Хивы Перовскій теперь также не одобрялъ, по бѣд-

*) Пароходы привезены въ разобранномъ видѣ и обошлись въ 49,347 р. Первый пароходъ „Перовскій“ спущенъ на воду въ февралѣ 1853 года.

**) Управлялъ этотъ разъ краемъ съ 1851 по 1857.

ности и ничтожности этого ханства и по затруднительности движенія туда.

За десять лѣтъ до этого Перовскій былъ иного мнѣнія и даже послѣ своей неудачи въ 1839 году хотѣлъ повторить попытку съ тѣхъ же позицій. Теперь, съ возведеніемъ Раима, мы были вчетверо ближе и, значитъ, движеніе въ Хиву было гораздо возможнѣе, но это предлагалъ теперь другой и, значитъ, это никуда не годилось! Согласился Перовскій только съ занятіемъ Акъ-Мечети, но и то не съ оборонительною, а съ наступательною цѣлію, чтобы затѣмъ распространить наши завоеванія вверхъ по Сыру до самаго Кокана, который Перовскій восхвалялъ до нельзя. Что касается до возведенныхъ уже укрѣпленій, то Перовскій ходатайствовалъ объ упраздненіи Оренбургскаго укрѣпленія и объ уменьшеніи гарнизоновъ во всѣхъ остальныхъ. Императоръ Николай I, по поводу соображеній Перовскаго, написалъ на рапортѣ военнаго министра (отъ 6 ноября 1851 г. за № 1206): „хотя и не убѣжденъ, но быть по мнѣнію и на отвѣтственности генералъ-адъютанта Перовскаго". Таково было довѣріе Государя! Замѣчательно однакоже, что впослѣдствіи, и не позже, какъ черезъ полтора года, Перовскій значительно измѣнилъ свой взглядъ и настроилъ по Сыру рядъ фортовъ, изъ коихъ по крайней мѣрѣ три четверти были совершенно не нужны!

Перовскій былъ уже въ явномъ противорѣчіи и съ самимъ собою и съ логикою: онъ пришелъ, напримѣръ, къ убѣжденію что киргизы на вѣки вѣчные должны остаться кочевыми, и потому не только запретилъ имъ строить землянки, гдѣ бы они могли зимовать, но и далъ строгое замѣчаніе пограничной коммиссіи: зачѣмъ она и до этого времени не препятствовала въ томъ киргизамъ и своевременно не приняла надлежащихъ мѣръ? А между тѣмъ мѣры Обручева, по части примиренія киргизовъ приносили свои плоды: чиклинцы, каракисяки и джагалбаи собрались у могилы Бекачи и заключили мировую.

Дѣло умиротворенія киргизовъ было какъ будто тоже не по душѣ Перовскому, по крайней мѣрѣ самъ онъ ничего для этого не сдѣлалъ и даже, когда представился случай, не упустилъ возбудить ихъ неудовольствіе и поселить между ними вражду. Мы говоримъ о перемѣнѣ обращенія съ Джанъ-Ходжею. Этотъ киргизъ былъ пожалованъ чиномъ эсаула, но не хотѣлъ принять присягу. Перовскій рѣшился проучить упрямца, и чинъ былъ снятъ Высочайшимъ приказомъ. Затѣмъ Перовскій приблизилъ къ себѣ соперника и врага Джанъ-Ходжи, султана Илекея, котораго даже Хива считала плохимъ правителемъ за поборы его съ придарьинскихъ киргизъ и который успѣлъ спастись отъ бѣды только тѣмъ, что бѣжалъ изъ Хивы, гдѣ сидѣлъ уже подъ надзоромъ. Замѣна Джанъ-Ходжи Илекеемъ была весьма неудачна и повела

впослѣдствіи къ немалымъ бѣдствіямъ, возбудивъ неудовольствія киргизовъ, и безъ того страдавшихъ отъ неурядицы и глухо роптавшихъ на притѣсненія ихъ разными татарами-проходимцами, служившими толмачами въ низшихъ инстанціяхъ русской администраціи. Неудовольствія эти приняли впослѣдствіи размѣры открытаго возстанія, стоившаго намъ немалыхъ хлопотъ, а киргизамъ разоренія.

ГЛАВА VII.

Нападенія коканцевъ на нашихъ придарьинскихъ киргизъ. Поборы. Проектъ ген.-адъют. Анненкова о соединеніи Сибирской линіи съ Оренбургскою. Дѣло при Акча-Булакѣ. Поискъ полковника Бларамберга къ Акъ-Мечети въ 1852 г. Убійство орскаго коменданта. Негласная экспедиція Перовскаго противъ Акъ-Мечети въ 1853 г. Устройство фортовъ на пути слѣдованія. Осадныя работы. Медленность ихъ. Занятіе Джулека. Штурмъ Акъ-Мечети. Курьезная диспозиція. Наши потери. Слухи о сборахъ коканскихъ скопищъ. Рекогносцировка Бородина. Молодецкое дѣло капитана Шкупь 18 декабря 1853 г. подъ фортомъ Перовскій. Первый шагъ къ соединенію Сибирской линіи съ Сыръ-дарьинскою. Занятіе долины р. Или и верховій р. Чу. Постройка укр. Вѣрнаго въ 1854. Происки Турціи и Англіи во время восточной войны. Безпорядки въ оренбургскихъ степяхъ. Исетъ Кутебаровъ. Подвигъ 15 фуражировъ на р. Темирѣ. Поискъ подполк. Плотникова въ августѣ 1856 г. Бунтъ-Джанъ-Ходжи. Ген.-ад. Катенинъ. Всеобщая амнистія. Заботы Катенина о развитіи у киргизовъ земледѣлія. Рекогносцировка Яны-Дарьи. Рекогносцировка восточнаго берега Каспія. Посольство флигель-адъютанта полковника Игнатьева въ Хиву и Бухару, а Валиханова въ Кашгаръ. Приготовленія къ экспедиціи со стороны Сибири. Нападеніе коканцевъ на укр. Кастекъ. Дѣло на р. Джиренъ-Айгыръ 9 іюля 1860 г. Взятіе Токмака 26 авг. Осада Пишпека и сдача этой крѣпости 4 сентября. Нападенія коканцевъ на новую линію. Бой при Узунъ-Агачѣ 21 октября. Наказаніе отложившихся отъ насъ киргизъ.

Со времени занятія устьевъ Сыра, мы вошли въ столкновенія съ Хивою и Коканомъ. Хива нападала, въ особенности, въ теченіи 1847 и 1848 годовъ, когда туркменскіе наѣздники гарцовали даже подъ самыми стѣнами Раима.

Съ 1850 г. и коканцы начали тревожить насъ: такъ, въ 50 верстахъ отъ Раима они отбили у нашихъ киргизовъ сначала 26,000 головъ скота, а потомъ 30,000; въ 1851 году въ одинъ разъ отбито было 75,000 гол. Этотъ послѣдній набѣгъ вынудилъ коменданта укр. Раимъ маіора Энгмана*) сдѣлать поискъ къ сторонѣ коканской крѣпостцы Кошъ-Курганъ, съ гарнизономъ изъ 10 человѣкъ, которая была взята и разрушена; но это нисколько не помогло дѣлу, и подвластные намъ придарьинскіе киргизы жестоко терпѣли отъ поборовъ и повинностей, наложенныхъ на нихъ коканцами.

Поборы эти превосходили всякое вѣроятіе: каждая кибитка платила въ годъ 6 барановъ, 24 мѣшка угля, 4 воловьихъ вьюка саксаула и 1,000 сноповъ камыша, а съ игинчей или земле-

*) У Макшеева онъ почему-то названъ Дамасомъ.

пашцевъ взималась треть урожая *). Кромѣ этого киргизы несли еще слѣдующія повинности:

1) Работы на коканцевъ, т. е. воздѣлываніе пашенъ и огородовъ, поправка крѣпостныхъ стѣнъ и т. п. Для этихъ работъ каждая кибитка должна была высылать ежемѣсячно одного человѣка на недѣлю на своемъ иждивеніи. Отдаленные киргизы за наемъ, взамѣнъ себя, работниковъ платили скотомъ.

2) Шесть разъ въ годъ очистка въ крѣпостяхъ конюшенъ, хлѣвовъ и проч. Работа не очередная, и на нее выгонялись, безъ разбора, всѣ киргизы, какіе попадутся.

3) Въ случаѣ военныхъ предпріятій каждый здоровый киргизъ долженъ былъ служить коннымъ на своемъ иждивеніи, сколько бы времени ни продолжались эти предпріятія.

Дальніе киргизы, конечно, всячески уклонялись отъ столь суровыхъ и тяжелыхъ повинностей, но зато подвергались безпрестаннымъ набѣгамъ со стороны всегда готовыхъ шаекъ, высылаемыхъ акъ-мечетскимъ бекомъ. Дабы положить предѣлъ такому порядку вещей, генералъ Обручевъ представилъ въ мартѣ 1851 г. предположенія свои касательно овладѣнія Акъ-Мечетью и Хивою, но Императоръ Николай I рѣшительно на это не согласился. Обручевъ былъ смѣненъ, но и преемникъ его Перовскій раздѣлялъ его взглядъ по отношенію къ Акъ-Мечети, взятіе которой могло положить, наконецъ, предѣлъ предпріимчивости и вліянію коканцевъ.

Надобно удивляться, какимъ образомъ слабые числомъ коканцы умудрялись держать въ страхѣ и повиновеніи весь окружный край. Въ 1852 г. въ Акъ-Мечети было, напримѣръ, всего только 50 сипаевъ, вооруженныхъ фитильными винтовками, саблями и пиками, да около 100 человѣкъ купцовъ; въ Чимъ-Курганѣ было всего 12 сипаевъ, въ Кумышъ-Курганѣ 25 человѣкъ, и то большею частію киргизовъ, а въ Кошъ-Курганѣ только 4 человѣка! Въ Джулекѣ въ 1853 году, было 40 человѣкъ, а въ Яны-Курганѣ не болѣе 3 человѣкъ! Числа эти мѣнялись, конечно, по обстоятельствамъ, но увеличиваться не могли иначе, какъ путемъ набора киргизовъ. Всѣ эти укрѣпленія возникли послѣ 1814 года, т. е. послѣ завоеванія коканцами Туркестана, главное же изъ нихъ— Акъ-Мечеть было построено около 1817 г. на лѣвомъ берегу Сыра, но черезъ годъ перенесено на правый.

Рядъ коканскихъ крѣпостей, покровительствуя вторженіямъ разныхъ шаекъ въ наши предѣлы, дѣлалъ еще болѣе очевиднымъ неудобство имѣть призрачную границу, какая существовала тогда между Акъ-Моллы и Раимомъ. Въ 1851 г. ген.-адъют. Анненковъ представилъ Императору Николаю I свое „обозрѣніе

*) «Описаніе низовьевъ Сыръ-Дарьи». Морск. Сборн. 1856 г. № 9. Макшеевъ.

киргизской степи", гдѣ, упомянувъ объ учрежденіи еще въ 1837 г. пикетовъ отъ Аягуза къ Акмоламъ и объ упраздненіи этой линіи въ 1838 г. вслѣдствіе разбоевъ Кениссары, предложилъ возобновить ее и подвинуть лѣвый ея флангъ на рр. Или и Чу, а правый примкнуть къ Сыръ-Дарьѣ. Государь, какъ и слѣдовало ожидать, одобрилъ эту мысль. Спрошены были оренбургскій и западно-сибирскій генералъ-губернаторы (Перовскій и Гасфордтъ). Первый нашелъ проектъ неудобнымъ на томъ основаніи, что постоянныя укрѣпленія недостаточны для пресѣченія междоусобій въ ордѣ и что подвижные отряды полезнѣе, а второй, исходя изъ совершенно противоположнаго убѣжденія, немедленно же сдѣлалъ распоряженія о рекогносцировкахъ по р. Чу, а также по проектированной линіи отъ Улу-тау къ оз. Балхашъ.

Государь согласился однакоже не съ Гасфордтомъ, которому и повелѣлъ отложить до времени возведеніе укрѣпленій на р. Или, ограничиваясь постройкою постовъ на лѣвомъ флангѣ линіи, т. е. на Урджарѣ или на Караколѣ и на Кокъ-су, потому что „въ послѣдовательномъ порядкѣ упроченія нашего въ степи, первое мѣсто должны занять мѣры къ обезпеченію торговыхъ путей съ Китаемъ". Замѣчательно, что и впослѣдствіи Перовскій всячески противодѣйствовалъ дѣлу соединенія границъ, даже когда обстоятельства заставили его отказаться отъ убѣжденія въ ненужности укрѣпленій (въ 1853 г. онъ построилъ сразу 4 укрѣпленія на Сыръ-Дарьѣ). Тѣмъ не менѣе рекогносцировка р. Сыра была назначена на слѣдующій же 1852 г. Начальнику отряда полковнику Бларамбергу приказано было попытаться взять Акъ-Мечеть, комендантъ которой и распоряжался всѣми набѣгами. Это былъ Якупъ-бекъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи правителемъ Кашгаріи.

Предпріимчивость этого бека дошла до того, что въ началѣ марта 1852 г. онъ собралъ большой отрядъ въ 1,700 человѣкъ изъ гарнизоновъ Акъ-Мечети, Джулека, Кумышъ-Кургана, Чимъ-Кургана, Кошъ-Кургана и даже хивинской крѣпости.—Ходжа-Ніяза, двинулся къ низовьямъ Сыръ-Дарьи и въ 25 верстахъ отъ Раима, почти подъ нашими пушками, ограбилъ до 100 ауловъ нашихъ киргизъ, кочевавшихъ въ долинѣ Айперикъ.

Комендантъ Раима, переименованнаго уже въ Аральскъ, маіоръ Энгманъ, узнавъ объ этомъ только 3 марта, тотчасъ сформировалъ отрядъ изъ 74 уральскихъ казаковъ и 22 конныхъ стрѣлковъ, при одномъ горномъ единорогѣ и выступилъ въ тотъ же день поздно вечеромъ. Темная ночь принудила его однакоже остановиться въ 10 верстахъ отъ укрѣпленія.

Съ разсвѣтомъ отрядъ, усиленный 20 волонтерами-киргизами, двинулся далѣе и въ 3 часа пополудни нагналъ хищниковъ въ 55 верстахъ отъ Раима, на урочищѣ Акча-Булакъ.

Хищники занимали возвышенность. Послѣ двухъ удачныхъ выстрѣловъ изъ единорога, толпы непріятеля, въ разсыпную, бросились впередъ и окружили отрядъ со всѣхъ сторонъ, но, встрѣченные мѣткимъ ружейнымъ огнемъ, отдалились на безопасное разстояніе, и только наѣздники ихъ продолжали подскакивать къ казакамъ, вступая въ бой на пикахъ.

Перестрѣлка продолжалась до позднихъ сумерекъ, а передъ разсвѣтомъ 5 числа непріятель скрылся, оставивъ разбревшійся по степи скотъ, въ количествѣ 100 верблюдовъ, 162 лошадей и 52,925 барановъ. Причиною такого неожиданнаго отступленія было опасеніе за свои укрѣпленія, оставшіяся безъ гарнизоновъ. Потеря наша состояла изъ 4 раненыхъ (въ томъ числѣ казакъ Шапошниковъ, получившій 37 ранъ пиками и впослѣдствіи выздоровѣвшій). Хищники потеряли до 70 чел. ранеными и убитыми, которыхъ и увезли съ собою, оставивъ въ нашихъ рукахъ только одно тѣло коменданта Кошъ-Курганскаго, который убитъ былъ около самой цѣпи.

Донося объ этомъ военному министру (рапортъ отъ 8 апрѣля за № 484), Перовскій прибавилъ, что если рекогносцировка подтвердитъ существованіе по Сыру крѣпостей, то, по его мнѣнію, представляется „неотлагательная необходимость не только уничтожить сіи укрѣпленія, но и препятствовать возведенію таковыхъ на *лѣвомъ* берегу, такъ какъ допущеніе коканцевъ и хивинцевъ къ водворенію на томъ или на другомъ берегу Сыра было бы въ равной степени несовмѣстно съ плаваніемъ нашихъ пароходовъ и съ устройствомъ, согласно Высочайшей воли, промежуточныхъ постовъ для соединенія Аральскаго укрѣпленія съ крайнимъ пунктомъ Сибирской линіи“.

Въ 1851 году, въ г. Кульджу, для переговоровъ съ китайцами, отправленъ былъ горный инженеръ Егоръ Петровичъ Ковалевскій, при которомъ состоялъ другой горный инженеръ Влангали. Миссія увѣнчалась заключеніемъ Кульджинскаго трактата, по которому Россія пріобрѣла право торговли въ китайскихъ городахъ провинцій Или и Тарбагатая, т. е. въ Кульджѣ и Чугучакѣ, гдѣ могла устроить факторіи и держать консуловъ.

16 апрѣля 1852 года Якупъ-бекъ остановилъ нашу съемочную партію (прапорщика корпуса топографовъ Голова съ 80 казаками), назначенную для рекогносцировки пространства вверхъ по Сыру, въ видахъ рѣшенія вопроса о направленіи новой границы. Получивъ объ этомъ донесеніе въ началѣ іюня, Перовскій приказалъ корпусному оберъ-квартирмейстеру полк. Бларамбергу немедленно отправиться въ Аральскъ, сформировать тамъ отрядъ, неожиданно явиться подъ Акъ Мечетью и, не входя съ коканцами ни въ какія письменныя сношенія, взять и разрушить крѣпость. Бларамбергъ прибылъ въ Аральскъ, взялъ

изъ гарнизона полроты пѣхоты, двѣ сотни казаковъ и 5 орудій, всего 12 офицеровъ и 457 ниж. чиновъ, и выступилъ 3 іюля, съ продовольствіемъ на 1½ мѣсяца, а 19-го былъ уже подъ стѣнами Акъ-Мечети. Якупъ-бекъ въ это время уже уѣхалъ въ Коканъ и въ крѣпости комендантомъ былъ Батыръ-басы. Коканцы, узнавъ о движеніи отряда, прорвали плотину, отдѣлявшую Сыръ-Дарью отъ оз. Берказана и затопили, такимъ образомъ, окрестности Акъ-Мечети, что, вмѣстѣ съ колючкою, значительно затруднило движеніе отряда, которому, сверхъ того, пришлось еще одолѣть пять рукавовъ Сыра. Переправа впрочемъ обошлась благополучно: орудія, амуниція и тяжести перевозились на камышевыхъ плотахъ, а верблюды, лошади и большая часть людей переправлялись вплавь; 19 іюля отрядъ расположился подъ стѣнами восточнаго фаса крѣпости, коменданту которой было сообщено, что ни коканскихъ войскъ, ни ихъ укрѣпленій не должно оставаться на нашемъ берегу Сыра. Комендантъ, разсчитывая на подкрѣпленія, просилъ четырехдневной отсрочки, въ чемъ ему однакоже было отказано, такъ какъ нашъ отрядъ не могъ долго держаться среди затопленныхъ окрестностей и еще въ виду могущаго послѣдовать возвышенія воды.

Батыръ-басы прислалъ послѣ этого Бларамбергу письмо, въ которомъ предложилъ сдать ему крѣпость къ 6 часамъ утра. Однако Бларамбергъ письма не принялъ, такъ какъ ему предписано въ письменныя сношенія не входить, и рѣшилъ взять сдающуюся крѣпость штурмомъ! Въ первую же ночь началось бомбардированіе Акъ-Мечети; съ разсвѣтомъ 20 іюля, когда непріятельскіе фальконеты прекратили стрѣльбу, а ворота внѣшней ограды были разбиты, отрядъ двинулся двумя колоннами на приступъ: одна въ ворота, а другая на стѣны. Хотя штурмовыя лѣстницы и оказались короткими, но при помощи топоровъ и мотыгъ люди быстро взобрались на стѣну, и менѣе чѣмъ въ 10 минутъ наружная ограда была въ нашихъ рукахъ. Увлеченные успѣхомъ, войска наши бросились къ цитадели, но прочныя, четырехсаженныя стѣны, противъ которыхъ были недѣйствительны и наши ядра,—остановили натискъ... Пришлось удовлетвориться на этотъ разъ однимъ наружнымъ укрѣпленіемъ.

По отбою, войска вынесли своихъ убитыхъ (15 челов.) и раненыхъ (57 челов.) и очистили укрѣпленіе, гдѣ оставлены были только охотники для сожженія домовъ. На другой день отрядъ началъ отступленіе, по поясъ въ водѣ и при 30 градусахъ жара, уничтоживъ по пути три коканскихъ укрѣпленія—Кумышъ-Курганъ, Чимъ-Курганъ и Кошъ-Курганъ. Оборонялся только Чимъ-Курганъ съ 8 человѣками гарнизона! Остальные два форта были покинуты коканцами ранѣе прихода русскихъ. Въ донесеніи своемъ въ Петербургъ Перовскій скрылъ о томъ, что онъ приказывалъ взять Акъ-Ме-

четь и называлъ все дѣло рекогносцировкою, а нападеніе Бларамберга объяснялъ коварствомъ коканцевъ...

Но 50 коканскихъ солдатъ съ сотней купцовъ отбили штурмъ и выдержали погромъ бомбардировки въ десять разъ сильнѣйшаго русскаго отряда! Ужъ лучше бы Бларамбергъ не держался за букву предписанія и согласился бы на письменное предложеніе сдачи... По крайней мѣрѣ 12 человѣкъ остались бы живы, а 57 человѣкъ цѣлы!

Поискъ этотъ, не смотря на неудачный исходъ свой, заслуживаетъ полнаго вниманія въ виду необыкновенныхъ трудностей которыя пришлось одолѣть нашимъ войскамъ, удаленнымъ къ тому же за 500 верстъ отъ крайняго нашего укрѣпленія.

Въ слѣдующемъ 1853 году рѣшено было повторить поискъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Приготовленія къ экспедиціи велись секретно; тогдашній военный министръ князя Долгоруковъ настаивалъ даже, чтобы о военныхъ дѣйствіяхъ вовсе не упоминалось въ приказахъ по корпусу, печатавшихся при Перовскомъ послѣдній однакоже успѣлъ убѣдить въ необходимости печатать бюллетени (рапортъ 9 іюня 1853 года № 33), такъ какъ въ краѣ, „гдѣ экспедиція имѣетъ мѣсто, не могутъ быть секретомъ ни для кого ни цѣль ея, ни средства, ни дѣйствія“, а приказъ по корпусу есть дѣло домашнее и не перепечатывается, даже въ мѣстныхъ газетахъ.

Мысль же, „что тотъ или другой подвигъ мужества сдѣлается извѣстенъ, хотя въ ограниченномъ кругу сослуживцевъ и знакомыхъ, составляетъ для многихъ дѣйствительное побужденіе“. На этотъ разъ, наученный горькимъ опытомъ 1839 года, Перовскій уже не гонялся за такими мелочами, какія прежде считалъ совершенно необходимыми, неизбѣжными, и потому обозъ былъ сравнительно не великъ. Кромѣ того самый выборъ людей произведенъ былъ весьма тщательно: корпусный командиръ самъ осмотрѣлъ каждаго солдата и отдѣлилъ всѣхъ слабосильныхъ, которые, конечно, завалили бы только собою госпитали.

За два мѣсяца до похода, т. е. 24 февраля 1853 г., Перовскій писалъ московскому почтъ-директору Булгакову между прочимъ слѣдующее: „мѣсяцъ тому назадъ, три переодѣтыхъ человѣка убили топорами, орскаго коменданта, забравшись вечеромъ къ нему въ домъ. Затѣмъ они захватили нашедшіяся у него деньги. Преступниковъ нашли и привели къ сознанію. Это три солдата изъ разныхъ частей войска. Я вамъ разсказываю объ этомъ, потому что полчаса тому назадъ главный преступникъ разстрѣлянъ передъ крѣпостными воротами, въ присутствіи несмѣтной толпы зрителей; два другіе будутъ наказаны на самомъ мѣстѣ преступленія“.

Ранѣе въ письмѣ говорилось о покушеніи венгерца Либени

18 февраля 1853 г. на жизнь австрійскаго императора Франца Іосифа II, который впрочемъ отдѣлался легкой раной. Можетъ быть, въ связи съ этимъ гнуснымъ злодѣйствомъ, орскій случай и навелъ Перовскаго на такой выводъ: „разстрѣливаніе есть способъ наказанія слишкомъ мягкій для нѣкоторыхъ преступленій; тутъ дурно то, что иной разъ негодяю дается возможность разыграть изъ себя героя и похвалиться равнодушіемъ къ важной обстановкѣ смертной казни". Итакъ новую экспедицію Перовскаго приказано было хранить въ тайнѣ *).

Въ каждомъ попутномъ фортѣ отрядъ оставлялъ все слабое и усталое, не выдержавшее этой гедеоновской **) пробы; движеніе отъ Оренбурга до Уральскаго укрѣпленія, гдѣ оставлены послѣдніе изъ слабыхъ (109 челов.), конечно, можно считать только пробой, такъ какъ главныя трудности предстояли еще впереди, въ зыбучихъ пескахъ Каракумовъ. Подъ конецъ составъ отряда былъ такъ хорошъ, что пройдя, напримѣръ, 180 верстъ изъ Аральска до Кара-узяка, отрядъ имѣлъ только 7 человѣкъ больныхъ, - правда, что жары нѣсколько умѣрялись вѣтромъ и раза три были грозы.

Въ походъ шли: отъ пѣхоты 4 оренб. линейный баталіонъ, разбросанный по укрѣпленіямъ,—3 рота начинала походъ изъ Орска, забирала 4 роту въ Оренбургскомъ и Уральскомъ укрѣпленіяхъ, потомъ 1 и 2 роту въ Аральскѣ и затѣмъ въ составѣ цѣлаго баталіона шла къ Акъ-Мечети.

Отъ кавалеріи: $5^1/_2$ сотенъ уральскихъ казаковъ; изъ нихъ 3 ожидали въ Аральскѣ прихода остальныхъ изъ Оренбурга; 4 сотни оренбургскаго войска шли изъ Орска, оставляя по дорогѣ въ Оренбургскомъ и Уральскомъ укрѣпленіяхъ по одной сотнѣ взамѣнъ пѣхоты; и наконецъ, 5 сотенъ башкиро-мещерякскаго войска изъ Оренбурга и Орска. Всего $12^1/_2$ сотенъ.

Отъ артиллеріи: прислуга къ 36 орудіямъ, ждавшимъ въ Аральскѣ, назначалась изъ гарнизонной артиллеріи Аральска и Орска и конно-артиллерійской бригады оренбургскаго казачьяго войска; кромѣ того ракетная команда прислана изъ Петербурга.

Отъ инженерныхъ войскъ: саперная команда, присланная изъ Петербурга подъ командою шт.-капит. гвардейскаго сапернаго баталіона Орловскаго, съ гальваническою батареею.

Отъ морскаго вѣдомства: привезенные въ 1852 году и собранные весною 1853 г. желѣзный пароходъ Перовскій въ 40 силъ,

---

*) Р. Арх. 1878 г. кн. 2 стр. 316.

**) Извѣстно, что Гедеонъ, набирая партію для нападенія на филистимлянъ, нарочно утомилъ своихъ людей усиленнымъ переходомъ въ самый зной и, подведя къ рѣкѣ, сталъ наблюдать, кто какъ пьетъ: одни пили пригоршнями,—это наиболѣе сносливые, другіе же нетерпѣливо бросались къ водѣ и пили ртомъ,—этихъ Гедеонъ отдѣлилъ, какъ негодныхъ, а съ первыми надѣлалъ чудесъ.

подъ командою капитанъ-лейт. Бутакова, и желѣзный паровой барказъ Обручевъ въ 12 силъ, подъ командой лейт. Эрдели.

Первая колонна выступила изъ Оренбурга 25 апрѣля, подъ командою подполковника Іонея изъ 26 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1,082 нижнихъ чиновъ при 6 орудіяхъ. Колонна эта соединилась въ фортѣ Карабутакъ съ орскою колонною генералъ-маіора Падурова изъ 30 штабъ и оберъ-офицеровъ, 1,029 нижнихъ чиновъ и 6 орудій. Весь отрядъ состоялъ, такимъ образомъ, изъ 2,168 челов. при 12 орудіяхъ и 150 киргизовъ-волонтеровъ. Перевозочныя средства заключались въ 2,038 верблюдахъ, 228 волахъ и 494 телѣгахъ. Подводы были пароволовьи и пароконныя.

Падуровъ былъ опытный степнякъ, испытавшій въ молодости полугодовой плѣнъ у киргизовъ. Офицеромъ ген.-штаба при немъ назначенъ былъ шт.-кап. Макшеевъ, а на походѣ прибылъ изъ Петербурга и полк. Маркъ.

Самъ Перовскій, со свитою въ 18 человѣкъ, выѣхалъ позже войскъ, 15 мая, съ конвоемъ изъ полусотни уральцевъ, забирая по пути въ укрѣпленіяхъ оставленныя для усиленія конвоя казачьи команды. На Сыръ-Дарьѣ его догналъ неожиданно присланный изъ Петербурга артиллеріи ген.-маіоръ Хрулевъ.

Отрядъ имѣлъ при себѣ и роскошныя средства для устройства переправъ: одинъ паромъ на бударкахъ (казачьи лодки), два парома на бочкахъ, три флашкоута, составные изъ 6 частей, и, наконецъ, три парома на резиновыхъ мѣшкахъ, надуваемыхъ воздухомъ. Кромѣ того, имѣлись еще и матеріалы для настилки мостовъ черезъ арыки.

Въ видахъ обезпеченія отряду подножныхъ кормовъ запрещено было киргизамъ кочевать вблизи дороги, что и было исполнено ими съ замѣчательнымъ усердіемъ.

Особая сѣнокосная команда изъ 400 башкиръ послана была впередъ для заготовки сѣна въ разныхъ пунктахъ пути.

Для охраненія отряда со стороны Хивы, султанамъ-правителямъ Средней и Западной части приказано отдалиться отъ линіи въ степь и охватить разъѣздами отъ состоящихъ при нихъ двухсотенныхъ казачьихъ отрядовъ все пространство отъ военной дороги до Усть-Урта.

Всѣ части отряда собрались 14 мая у Карабутака, откуда двинулись двумя эшелонами. 23 мая отдыхъ въ Уральскомъ укрѣпленіи. При переходѣ черезъ безводную Каракумскую степь первый эшелонъ выслалъ впередъ, съ рѣки Джаловлы команду для расчистки колодцевъ, а съ Куль-Кудука оба эшелона отдѣлили отъ себя верблюдовъ и пустили ихъ впередъ. Такимъ образомъ, вышло 5 эшелоновъ, которые и прошли благополучно страшные пески, не смотря на жестокую жару.

Въ началѣ іюня отрядъ прибылъ въ Аральскъ. Съ 5 по 9 число

жаръ доходилъ до 49° на солнцѣ и даже ночью не спускался ниже 23°, а часъ спустя по восхожденіи солнца термометръ показывалъ уже 32°. Поэтому самыя дневки не способствовали отдыху людей и лошадей.

Оренбургская колонна сдѣлала 930 верстъ въ 46 дней, свита Перовскаго, тоже 930 верстъ, сдѣлала въ 24 дня, орская колонна сдѣлала 687 в. въ 36 дней, изъ коихъ 5 отошло на дневки.

Оставивъ въ гарнизонѣ Аральска и для задуманнаго новаго укрѣпленія 1 роту, 4 сотни и 13 орудій, остальныя войска выступили вверхъ по Сыру 15, 16 и 17 іюня четырьмя эшелонами.

1-й полк. Марка—изъ 1 роты, 2 сотенъ, 3 орудій съ ракетной и гальванической командами.

2-й ген.-м. Падурова—изъ 1 роты, 1½ сотни и 6 орудій.

3-й подполк. Іонея—изъ 1 роты, 1½ сотни и 6 орудій.

4-й войск. старш. Филатова изъ 2 сотенъ, 2 орудій и обоза.

До Акъ-Мечети 410 верстъ сдѣланы въ 16 переходовъ съ тремя дневками.

По дорогѣ заложены были два укрѣпленія: фортъ № 1 при истокѣ изъ Сыра рукава Казалы и фортъ № 2 при урочищѣ Кармакчи, гдѣ Караузякъ сливается съ Джаманъ-дарьей.

При дальнѣйшемъ движеніи къ Акъ-Мечети отряду пришлось терпѣть невзгоды и отъ саранчи, опустошившей до тла все пространство на разстояніи перехода, и отъ паловъ, пущенныхъ коканцами. Къ счастію, еще вѣтеръ дулъ по направленію къ болотамъ Караузяка *), а лившій, въ теченіе двухъ дней, дождь загасилъ пламя.

Три послѣдніе перехода отрядъ двигался со скоростью иногда менѣе двухъ верстъ въ часъ, такъ какъ приходилось прорубать въ колючкѣ дорогу, засыпать канавы, устраивать мосты чрезъ водяные арыки и проч. 2 іюля Перовскій, съ легкимъ отрядомъ, изъ 3 сотенъ уральцевъ съ ракетной и саперной командами при 3 орудіяхъ, прибылъ, наконецъ, къ Акъ-Мечети и расположился лагеремъ въ 600 саженяхъ отъ укрѣпленія.

Выѣхавъ къ крѣпости съ нѣсколькими лицами свиты для рекогносцировки, Перовскій приблизился къ стѣнамъ саженъ на 60 и послалъ коменданту предложеніе о сдачѣ, но коканцы, подпустивъ парламентеровъ поближе, встрѣтили ихъ выстрѣлами. Рекогносцировка указала, что, наученные прошлогоднимъ опытомъ, коканцы значительно усилили свои верки: наружный валъ былъ срытъ, строенія уничтожены такъ, что осталась одна цитадель, толщина стѣнъ которой увеличена, а исходящіе углы уничтожены выпрямленіемъ фасовъ.

Крѣпость представляла собою квадратный редутъ по 50 саженъ

*) Рукавъ Сыръ-Дарьи, питающій пространныя болота.

въ каждомъ фасѣ. На углахъ и посрединѣ каждаго фаса устроены башни; всѣхъ ихъ было 8. Въ 125 саженяхъ къ югу текла Сыръ-дарья. Съ востока и съ запада саженъ на 60—70 подходила вода, напущенная изъ запрудъ. Два рва вокругъ цитадели соединены въ одинъ, шириною въ 2 сажени, съ напущенною водою. Лазутчики сообщили еще, что на стѣнахъ имѣются 3 мѣдныя небольшія пушки и заготовлены штурмовыя бревна и кисякъ (комья глины) для пораненія штурмующихъ.

Ни калибръ отрядной артиллеріи, ни количество взятыхъ снарядовъ не дозволяли бить брешь въ глиняной стѣнѣ четырехсаженной толщины; аттака же открытою силою на стѣну, въ 5 саженъ (считая отъ дна рва) вышиною, казалась также рискованною. По этимъ причинамъ рѣшено: бомбардировать крѣпость, а въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія сдѣлать брешь миною, взорвавъ одну изъ башенъ, и затѣмъ штурмовать ее.

Такъ какъ въ крѣпости сидѣло всего только до 300 коканцевъ и киргизъ, то Перовскій, со своимъ конвоемъ, совершенно безопасно могъ прождать прибытія остальныхъ войскъ, но онъ почему-то боялся коканцевъ и послалъ въ эшелоны приказъ идти форсированнымъ маршемъ. Эшелоны сдѣлали двойные переходы, не смотря на жару, и прибыли 3, 4 и 5 іюля. Въ этотъ послѣдній день пришелъ и пароходъ „Перовскій“ съ тяжестями и сталъ на якорь въ 2 верстахъ отъ крѣпости.

Подъ Акъ-Мечетью сосредоточилось такимъ образомъ: 3 роты, 8 сотенъ и 17 орудій (въ томъ числѣ 5 кегорновыхъ мортирокъ), 2,250 нижнихъ чиновъ, 100 офицеровъ и чиновниковъ и 500 киргизъ.

5 іюля построена была первая наша батарея въ 250 саж. отъ крѣпости, а 6-го, когда прибыли послѣдніе эшелоны отряда, устроена и другая, на лѣвомъ берегу Сыра, имѣющаго въ этомъ мѣстѣ до 318 саженъ ширины. Къ 8-му числу дѣйствовало уже 5 батарей, состоявшихъ изъ двухъ 6-фунтовыхъ пушекъ, одной 12-фунт.; двухъ полупудовыхъ и четырехъ $^1/_4$-пуд. единороговъ, 5 мортиръ и 1 ракетнаго станка. Къ 9 числу часть батарей были выдвинуты уже на разстояніе 150 саженъ отъ крѣпости, а съ 10 началось веденіе подступовъ. Въ размѣщеніи батарей принималъ дѣятельное участіе генералъ-маіоръ Хрулевъ, присланный въ отрядъ по Высочайшему повелѣнію. Въ донесеніи отъ 9 іюля Перовскій отозвался о Степанѣ Александровичѣ слѣдующимъ образомъ: „въ лицѣ этого отличнаго офицера Его Императорское Величество соизволилъ дать мнѣ помощника и совѣтника, какого въ настоящемъ дѣлѣ только могъ я желать, но имѣть не надѣялся“. Впослѣдствіи всю честь взятія Акъ-Мечети Перовскій приписалъ Хрулеву.

Макшеевъ, принимавшій участіе въ этой осадѣ, говоритъ однако, что Хрулевъ немало путалъ и въ артиллеріи, и въ сапер-

ныхъ работахъ, и на штурмѣ. Батареи онъ расположилъ такъ остроумно вокругъ крѣпости, что снаряды перелетали крѣпость и ложились съ батареи № 3 около батареи № 5, съ батареи № 2 около батареи № 1 и проч... постоянное перемѣщеніе орудій съ мѣста на мѣсто ясно показывало, что артиллерія употреблялась при осадѣ Акъ-Мечети безъ всякой опредѣленной мысли и потому мало содѣйствовала ускоренію взятія крѣпости"... (стр. 190—191)

Вмѣшиваясь въ траншейныя работы до перехода черезъ ровъ, Хрулевъ мало заботился о направленіи зигзаговъ и „въ траншеяхъ противъ сѣверо-западнаго фаса крѣпости, напримѣръ, были два зигзага, прямо направлявшіеся въ крѣпость; коканцы поставили въ этихъ направленіяхъ крѣпостныя ружья и, лишь только кто показывался въ зигзагахъ, тотчасъ же раздавался мѣткій выстрѣлъ" (стр. 193).

Непріятель, между тѣмъ, отвѣчалъ весьма энергично, не смотря на совершенное убожество артиллерійскихъ средствъ своихъ, сравнительно съ нашими: такъ, за неимѣніемъ гранатъ, коканцы надѣлали кожаныхъ шаровъ, которые наполняли порохомъ, обвивали бичевкою или струнами, вставляли гранатную трубку и затѣмъ снаружи осмаливали.

Одна изъ такихъ гранатъ, какъ сказано въ реляціи, весьма сильно опалила лицо маіору Кузьмину-Короваеву, подпоручику Карниловскому и еще 5 нижнимъ чинамъ, посланнымъ 7 іюля для обложенія крѣпости съ сѣверо-западной ея стороны.

Макшеевъ однако удостовѣряетъ, что реляція умышленно скрыла истину и что „на самомъ дѣлѣ контузія произошла отъ неосторожнаго обращенія съ собственными снарядами" (190).

13 іюля съ захваченнымъ коканскимъ лазутчиткомъ послано было въ крѣпость предложеніе о сдачѣ.

„По приказанію Государя моего, Императора Всероссійскаго,— писалъ Перовскій,—пришелъ я взять Акъ-Мечеть, построенную коканцами на русской землѣ, для притѣсненія киргизъ, нашихъ подданныхъ".

„Акъ-Мечеть уже взята, хотя вы и сидите въ ней. Вы видите, что я, не теряя моихъ людей, могу истребить васъ всѣхъ до единаго".

„Напрасно исправляете вы стѣны: въ Акъ-Мечеть я войду въ ворота, потому что въ свою собственную крѣпость чрезъ стѣны не лазятъ. Если бы эти стѣны были не мои, то я не жалѣлъ бы ихъ: вы знаете, что я имѣю силу разрушить ихъ совершенно". (Весь этотъ параграфъ выпущенъ въ копіи, приложенной къ реляціи).

„Русскіе пришли сюда не на день и не на годъ, а на вѣчныя времена; назадъ они не пойдутъ. Хотите остаться живы, просите пощады; хотите умереть въ Акъ-Мечети и это въ вашей волѣ;

мнѣ не къ спѣху; я васъ не тороплю, но повторяю: пришелъ сюда не сражаться съ вами, а бить, покуда не отворите ворота. Все это сказалъ бы я вамъ въ первый день моего прибытія, когда я подъѣзжалъ безъ оружія къ стѣнамъ крѣпости, если бы вы не стали стрѣлять въ меня предательскимъ образомъ, а это не водится между честными воинами".

Отвѣтъ требовался къ вечеру.

Огонь былъ прекращенъ съ обѣихъ сторонъ, а вечеромъ посланный возвратился съ письмомъ коменданта, который увѣрялъ, что теперешнее коканское правительство не обязано отвѣчать за несправедливости прежнихъ владѣтелей страны, кипчаковъ, что русскій отрядъ подошелъ къ крѣпости безъ объявленія войны, а это и послужило поводомъ къ недружелюбной встрѣчѣ парламентеровъ, что, наконецъ, комендантъ готовъ сдать крѣпость, но съ тѣмъ, чтобы русскіе дали ему 15 дней сроку и отошли, на это время, отъ крѣпости,—въ противномъ же случаѣ гарнизонъ будетъ защищаться, пока еще цѣло оружіе и не истощится кисякъ.

Вслѣдствіе этого осадныя работы возобновлены на другой же день, и къ вечеру 14 числа апроши были доведены уже на двѣ сажени ото рва.

Медленность осадныхъ работъ видимо не нравилась войскамъ, предпочитавшимъ неотложный штурмъ, но кромѣ землекопныхъ работъ, въ жаркую лѣтнюю пору, отрядъ терпѣлъ еще нѣкоторый недостатокъ въ мясѣ, такъ какъ киргизы, боясь, что русскіе, взявъ и разоривъ Акъ-Мечеть, уйдутъ назадъ и оставятъ ихъ мщенію коканцевъ, упорно отказывались доставлять войскамъ скотъ. Чтобы убѣдить и коканцевъ въ Акъ-Мечети, и нашихъ киргизовъ въ томъ, что мы дѣйствительно останемся здѣсь навѣки, Перовскій велѣлъ начать постройку бараковъ впереди лагеря, которыми никто и не пользовался.

Когда увидѣли это киргизы, когда узнали, что отрядъ заготовляетъ запасы сѣна и топлива и, слѣдовательно, намѣревается остаться въ Акъ-Мечети, они тотчасъ успокоились и не только стали доставлять скотъ, но 150 человѣкъ изъ нихъ нанялись даже на работы по постройкѣ бараковъ для госпиталя и магазина.

Скучая однообразіемъ, солдаты нерѣдко продѣлывали разныя штуки: такъ, когда окончено было вѣнчаніе гласиса *), солдаты сами спустились въ ровъ и преспокойно расположились на отдыхъ на уступѣ крутого эскарпа, въ совершенной безопасности

*) Собственно гласиса нѣтъ въ здѣшнихъ крѣпостяхъ, но, ради ясности, приходится предпочесть общеизвѣстный терминъ, и потому подъ выраженіемъ: „вѣнчаніе гласиса" слѣдуетъ разумѣть занятіе траншеей края рва.

отъ выстрѣловъ. Одинъ изъ рядовыхъ 4-го баталіона Григорьевъ, работавшій постоянно съ саперами, по собственной охотѣ, замѣтивъ, что на обвалѣ башни лежатъ набитые землею мѣшки, свалившіеся изъ ложемента, устроеннаго коканцами наверху обвала, взобрался, среди бѣла дня, на обвалъ, высыпалъ изъ мѣшковъ землю и спокойно возвратился на мѣсто подъ выстрѣлами непріятеля, оправдываясь впослѣдствіи, что мѣшки ему понадобились для исподняго платья, которое совсѣмъ износилось!

Башкиры также отличались полнымъ пренебреженіемъ къ жизни и презрѣніемъ къ непріятельскимъ выстрѣламъ, отъ которыхъ никогда не укрывались ни за турами, ни за повозками, а наскучивъ ходить по траншеѣ, выбирались зачастую на открытое мѣсто, а не то украдкою фуражировали арбузы и дыни въ коканскихъ огородахъ подъ самою крѣпостію. Показывая другимъ, какъ слѣдуетъ закрываться отъ пуль лопатами, они желѣзную держали передъ лицамъ плашмя, а деревянную ребромъ, чтобы „казенную вещь не испортило пулей“!

16 іюля Перовскій пишетъ Булгакову: „Акъ-Мечеть будетъ взята, можетъ быть, и не особенно блистательнымъ образомъ, такъ какъ необходимо имѣть въ виду не газетную статью съ велерѣчивымъ извѣщеніемъ, а сбереженіе солдатской крови. Походъ мой совершается негласно, и мнѣ хочется единственно, чтобы коканцы знали, что они побиты, и чтобы крѣпость была срыта“.

Непріятель освѣщалъ наши ночныя работы факелами изъ шестовъ, обмотанныхъ насаленными тряпками. Впослѣдствіи и мы воспользовались этимъ средствомъ, освѣщая факелами и плошками крѣпостныя стѣны, въ видахъ противодѣйствія вылазкамъ, на которыя коканцы оказались великіе мастера. Первую вылазку, въ числѣ 20 человѣкъ, они сдѣлали днемъ, 19 іюля, въ 3 часа пополудни. Спустившись по веревкамъ со стѣнъ, они бросились, съ саблями, на голову траншеи; наши приняли ихъ сначала за башкиръ и не стрѣляли. Коканцы захватили двухъ часовыхъ, утащили ихъ въ крѣпость и содрали съ живыхъ кожу!

Между тѣмъ разнесся слухъ, что изъ Ташкента идетъ въ Акъ-Мечеть подкрѣпленіе. Поэтому рѣшено произвести поискъ по дорогѣ въ Ташкентъ до ближайшаго укрѣпленія Джулекъ, куда и выступилъ, 21-го іюля, подъ начальствомъ Падурова, отрядъ изъ двухъ сотенъ казаковъ и 50 башкирцевъ, при одномъ орудіи.

Перовскій приказалъ Падурову, чтобы потерь въ отрядѣ не было, и тотъ далъ слово, что потери не будетъ. Переправясь черезъ Беръ-Казанскій протокъ въ 20 саженъ ширины и $1^1/_2$ саж. глубины, при помощи двухъ лодокъ и камышеваго плота, Падуровъ остановился 23 числа въ 15 верстахъ отъ Джулека въ киргизскомъ аулѣ и послалъ въ укрѣпленіе одного изъ киргизовъ предупредить гарнизонъ, состоявшій изъ 40 человѣкъ, что есл

они очистятъ укрѣпленіе, то русскіе ихъ преслѣдовать не будутъ. Затѣмъ Падуровъ двинулъ отрядъ по песчаной дорогѣ въ одинъ конь на нѣсколько саженъ дистанціи, чтобы за пылью коканцы подумали, что русскихъ идетъ сила несмѣтная! Эти хитрости оказались уже ненужными: коканцы очистили крѣпость. Джулекъ былъ занятъ и разоренъ, а 27-го отрядъ Падурова уже вернулся въ лагерь съ трофеями (1 бунчукъ, 1 фальконетъ, 20 крѣпостныхъ ружей, 1½ пуда пороху, мѣшокъ съ пулями и 3 пуда свинцу).

При взрывѣ минами стѣнъ Джулека хотѣли кстати узнать: на сколько саженъ надо отводить войска отъ мины передъ взрывомъ? Оказалось что мина въ 1½ пуда коканскаго пороха не причинила никому вреда въ 20 саженяхъ; слѣдующая мина въ 3 пуда русскаго пороха, зажженная въ 6 саженяхъ, обдала минера только густымъ слоемъ пыли. А между тѣмъ, подъ Акъ-Мечетью, Хрулевъ съ Перовскимъ хотѣли отводить войска назадъ передъ взрывомъ на версту!

Между тѣмъ 22 числа, въ 4 часа утра, нѣсколько коканцевъ спустились на веревкахъ съ югозападной стѣны крѣпости для нападенія на траншейный караулъ, но были замѣчены, встрѣчены ружейнымъ огнемъ и вернулись.

Къ 27 числу, по переходѣ черезъ ровъ 25 числа, окончены были подъ Акъ-Мечетью минныя работы и заряжены два горна. Непріятель пытался было вести контръ-мину, но она была открыта нами и обрушена ручными гранатами.

Диспозиція къ штурму была слѣдующая: 27 числа, въ 10 ч. вечера, въ крѣпостную стѣну должны быть пущены конгревовы ракеты съ двухъ пунктовъ. Въ 11 часовъ выстрѣлъ съ одной изъ батарей; въ 12 часовъ фальшивая тревога, послѣ которой войска, занимавшія траншеи, начинаютъ отступленіе. Въ 1 часъ утра 28-го числа выстрѣлъ съ другой батареи, въ 2 часа вторая фальшивая тревога въ траншеяхъ, въ 3 часа 3 ракеты; по третьей отступаютъ послѣднія части, оставленныя въ крѣпостномъ рвѣ, а одна рота размѣщается въ крытыхъ траншеяхъ; въ 3½ часа три ракеты одна за другою, пять минутъ спустя послѣ послѣдней взрывъ, а затѣмъ штурмъ.

Диспозиція къ штурму была составлена Хрулевымъ; въ ней назначены мѣста и дѣло для каждаго полувзвода пѣхоты, и даже для 3-хъ стрѣлковъ упоминаются стрѣлки съ какими-то мушкетонами... „Въ головѣ 1-й роты находятся трое стрѣлковъ съ мушкетонами и штуцерами, подъ командою лейтенанта Эрбели“. Очевидно, что это было древнее абордажное оружіе, употреблявшееся когда-то во флотѣ, наравнѣ съ топорами. Мѣста, куда отходить передъ взрывомъ обозначены въ диспозиціи разными большими и малыми русскими буквами, а какъ ихъ найти ночью на мѣстности какому-нибудь унтеръ-офицеру съ полузводомъ?

1 и 2 роты, занявъ стѣны, должны были открыть огонь по внутрености крѣпости и прекратить, когда туда войдетъ 3 рота. „При этомъ солдатамъ не стоять на ногахъ, а присѣсть на закорки и отстрѣливаться“. На самомъ же дѣлѣ вышло, что 1 и 2 роты разстрѣляли 3-ю... Громадныя потери на штурмѣ причинены собственнымъ огнемъ, а отводъ людей передъ взрывомъ на 300 сажень не позволилъ тотчасъ занять обвалъ и далъ коканцамъ оправиться.

Составитель этой курьезной диспозиціи имѣлъ въ виду: утомить сначала коканцевъ выстрѣлами и ракетами, а фальшивыми тревогами убѣдить ихъ, что штурма въ эту ночь не будетъ, такъ что къ разсвѣту гарнизонъ успокоится и проспитъ штурмъ.

Такъ и было сказано въ диспозиціи: „и чрезъ что къ разсвѣту въ крѣпости всѣ, вѣроятно, будутъ спать“.

Въ 3½ часа утра мины были взорваны и образовали брешь въ 40 сажень ширины. Батареи № 4 и 7 обстрѣляли ее картечью и затѣмъ двѣ роты двинулись на штурмъ съ 50 охотниками изъ казаковъ при каждой.

Не смотря на то, что диспозиція была исполнена въ точности или вѣрнѣе, благодаря этому, штурмъ не засталъ коканцевъ врасплохъ: они тотчасъ же заняли проломъ и, не смотря на градъ нашей картечи, открыли сильный ружейный огонь по батареямъ и штурмовымъ колоннамъ. Первая колонна изъ 1-й роты 4 линейнаго баталіона, съ командою штуцерныхъ *) въ головѣ два раза ходила на штурмъ и оба раза была отбита, и только когда подоспѣла 2-я рота, брешь была занята. Роты эти тотчасъ же распространились по стѣнамъ и башнямъ и открыли огонь по внутренности крѣпости. При этомъ 2 рота, прежде чѣмъ взбираться на стѣну и садиться на закорки, увлеклась погоней за коканцами, сбитыми съ бреши, и попала подъ перекрестный огонь 1 роты, сидѣвшей уже на двухъ фасахъ крѣпости. Наказанная за неисполненіе диспозиціи, 2 рота поскорѣе полѣзла на стѣны...

Первый взводъ 3 роты, назначенный по диспозиціи занять внутренность крѣпости черезъ брешь, такъ же получилъ нѣсколько пуль отъ сидѣвшихъ на закоркахъ товарищей. Наконецъ, Хрулевъ поднялъ на южной башнѣ свой носовой платокъ за неимѣніемъ русскаго флага,—и штурмъ былъ оконченъ.

Въ 4½ часа крѣпость уже была въ нашихъ рукахъ.

Храбрый комендантъ крѣпости Мухамедъ-Вали былъ убитъ въ самомъ началѣ штурма; ближайшіе его сподвижники легли, какъ обѣщались, всѣ до единаго; въ плѣнъ взято только 74 чел. въ томъ числѣ 35 раненыхъ.

---

*) Изъ 12 человѣкъ, въ томъ числѣ 6 матросовъ съ парохода Перовскій и 6 солдатъ изъ числа лучшихъ стрѣлковъ, коимъ и даны были штуцера.

Наша потеря на штурмѣ состояла: изъ 12 нижнихъ чиновъ *убитыми* 49 *ранеными*; убитъ еще прап. Гурьевъ, раненъ хорун. Савинъ и поруч. Назаровъ. Въ теченіе же осады ранено было: 2 штабъ и 6 оберъ-офицеровъ и 71 нижнихъ чиновъ; убито нижнихъ чиновъ 8, умерло отъ ранъ 13, безъ вѣсти пропалъ 1. Итого: убито и умерло отъ ранъ 33 нижнихъ чина, убитъ 1 об. офицеръ; ранено: 10 штабъ и оберъ офицеровъ и 120 человѣкъ нижнихъ чиновъ (изъ нихъ 17 тяжело), безъ вѣсти пропалъ 1. А всего выбыло изъ строя 165 человѣкъ. Данныя относительно нашей потери извлечены изъ подлинныхъ ежедневныхъ вѣдомостей врача Любомудрова и рапортичекъ генералъ-маіора Падурова. Цыфры эти значительно больше показанныхъ въ реляціи.

Во время похода, въ оба пути умерло 10 чел. нижнихъ чиновъ. Вся потеря опредѣлится въ 175 человѣкъ. Трудно объяснить себѣ, изъ-за чего Перовскій уменьшалъ въ донесеніяхъ своихъ потери отряда; теперь невозможно и ручаться за точность цифръ, приведенныхъ нами.

Въ Акъ-Мечети труповъ насчитано до 230. Гарнизонъ состоялъ изъ 300 человѣкъ, при нихъ было 83 женщины и 65 дѣтей. Убито мужчинъ 226, бабъ 4, дѣтей 2, ранено: мужчинъ 35, бабъ 7, дѣтей 10.

Трофеями нашими были: 2 бунчука, 8 значковъ, 2 мѣдныхъ орудія (третье разорвалось), 3 фальконета, 66 крѣпостныхъ ружей (впрочемъ изломанныхъ, ибо коканцы, бросая оружіе, имѣютъ привычку сами ломать его), 150 шашекъ, 1600 ядеръ, 5½ п. пороху, 33½ пуда свинцу и 120 лошадей.

Въ день штурма, отправляя курьера съ донесеніемъ Государю, Перовскій не забываетъ увѣдомить и Булгакова о своей побѣдѣ, которою былъ очень доволенъ, а потому особенно тяготился мыслію, что его негласный подвигъ останется тайною для отечества. „Право, не знаю,—пишетъ онъ,—могутъ ли приступъ и взятіе крѣпости оставаться тайною. Но какъ самый походъ, во время котораго взята крѣпость, содержится въ тайнѣ, то полагаю, что съ моей стороны благоразумнѣе воздержаться отъ сообщенія подробностей“...

Однако онъ все-таки вкратцѣ сообщилъ достаточно и заканчиваетъ такъ: „словомъ, это блистательное военное дѣло; жаль и, смѣю сказать, безполезно умалчивать о немъ“.

Мы такого восторженнаго мнѣнія объ осадѣ и штурмѣ Акъ-Мечети раздѣлить не можемъ...

Нельзя не сознаться, что на ничтожный, въ сущности, фортъ, съ гарнизономъ въ 300 человѣкъ и крохотныхъ размѣровъ, всего до 50 саж. въ боку, безъ всякихъ передовыхъ укрѣпленій, потрачено было черезчуръ много времени и средствъ: 22 дня осады, корпусъ 2250 человѣкъ, при 12 орудіяхъ и 5 мортирахъ; осад-

ныя работы съ разстоянія въ 250 саженъ отъ стѣнъ форта; наконецъ, потеря въ 165 человѣкъ. Если сравнить Акъ-Мечеть хоть съ Яны-Курганомъ, имѣвшимъ 50 саж. въ боку и 100 человѣкъ гарнизону и сдавшимся въ 1861 году, черезъ 23 часа, отряду въ 733 человѣка, причемъ у насъ убитъ 1 и раненъ 1, то слава завоеванія Акъ-Мечети значительно померкнетъ; съ Ташкентомъ же, Ходжентомъ и проч. никакое сравненіе даже невозможно. По всѣмъ дѣйствіямъ Перовскаго видно, что онъ былъ вовсе не военный человѣкъ и придавалъ всякимъ удобствамъ бо̀льшее значеніе, чѣмъ они заслуживали.

Правда и то, что взятіе Акъ-Мечети было первымъ нашимъ знакомствомъ съ коканцами: до того мы еще не знали всѣхъ свойствъ непріятеля, но и это все-таки слабое оправданіе для рутины, испортившей все дѣло.

Персидскія крѣпости Эривань и Сардаръ-Абадъ построены были также изъ глины, съ такими же башнями, но только фасы были болѣе, чѣмъ втрое, длиннѣе, значитъ, самыя крѣпости были почти вдесятеро болѣе Акъ-Мечети, а между тѣмъ наши войска взяли Эривань въ 7 дней, потерявъ только 52 челов. убитыми и ранеными *), а Сардаръ-Абадъ въ 5 дней, съ потерей въ 22 человѣка.

Причину нерѣшимости и крайней осторожности, выказанныхъ Перовскимъ, кажется, слѣдуетъ искать ближе всего въ безпрестанныхъ напоминаніяхъ и подтвержденіяхъ свыше (отзывы военнаго министра отъ 20 февраля и 3 мая 1853 года за №№ 249—590). о предпринятіи экспедиціи „не иначе, какъ со всѣмъ желаемымъ въ успѣхѣ ручательствомъ“. Отъѣзжая за отрядомъ, Перовскій просилъ военнаго министра (отъ 15 мая № 99) довести до свѣдѣнія Государя, „что я употреблю все зависящее отъ меня лично, сколько силъ моихъ достанетъ, къ обезпеченію успѣха“.

Какъ бы то ни было, а паденіе Акъ-Мечети, выдержавшей уже нѣсколько осадъ и потому считавшейся твердѣйшимъ оплотомъ коканскаго владычества въ низовьяхъ Сыра, должно было произвести сильное впечатлѣніе на коканцевъ, и слѣдовало ожидать, что они не замедлятъ попыткою взять крѣпость назадъ.

Исправивъ поврежденія въ крѣпости, переименованной въ „фортъ Перовскій“ и занявъ на правомъ берегу Куванъ-Дарьи, покинутое коканцами укрѣпленіе Кумышъ-Курганъ, которое названо „фортомъ № 3“, мы имѣли, такимъ образомъ, на Сырѣ 5

*) Да и то, говорятъ, въ эту цифру вошли убитые и раненые въ дракѣ между куринцами, пустившимися грабить, сдавшихся горожанъ, и батальономъ лейбъ-гв. Московскаго полка (сосланнымъ послѣ 1825 года), вступавшимъ парадно въ покоренный городъ. Гвардейцевъ кавказцы не долюбливали, а тутъ примѣшалась зависть: „траншеи копали мы, а парадомъ вступаютъ грардейцы“.

укрѣпленій *): Аральское, фортъ № 1, фортъ № 2, фортъ Перовскій и фортъ № 3, которыя и составили Сыръ-Дарьинскую линію.

Въ августѣ лазутчики дали знать, что сильный отрядъ коканцевъ, подъ начальствомъ ташкентскаго бека Сабданъ-Ходжи, занялъ Джулекъ и уже идетъ на фортъ Перовскій. 24 августа высланъ былъ для развѣдокъ отрядъ изъ 225 человѣкъ, при трехъ орудіяхъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины уральца Бородина, притянувшаго еще къ себѣ съемочную партію въ 50 челов. Непріятель оказался въ 28 верстахъ отъ форта, въ числѣ до 7 тысячъ. Авангардъ Бородина прошелъ за Беръ-Казанъ 15 верстъ, до уроч. Кумъ-Суата и выбилъ изъ саксауловаго лѣса передовой отрядъ коканцевъ въ 200 чел., при содѣйствіи киргизъ батыря Бухарбая.—Бородинъ поспѣшилъ сюда. Отрядъ нашъ едва выстроился въ боевой порядокъ на открытомъ берегу Сыра, какъ густыя толпы конныхъ коканцевъ, съ 300 кольчужниковъ, кинулись въ аттаку, съ барабаннымъ боемъ и ревомъ трубъ, но были отбиты картечью въ упоръ и батальнымъ огнемъ. Такъ оканчивались и всѣ послѣдующія аттаки непріятеля въ теченіе цѣлаго дня. Ночь прекратила бой. Коканцы окружили нашъ отрядъ и расположились на ночлегъ, освѣтивъ мѣстность цѣпью огней. Положеніе отряда, имѣвшаго уже 5 челов. убитыхъ и 21 раненыхъ, было довольно незавидное, и потому Бородинъ прикрылъ позицію рвомъ и заваломъ и вызвалъ охотниковъ дать знать въ фортъ о необходимости подкрѣпленія.

Такъ какъ отрядъ стоялъ у рѣки и съ остальныхъ сторонъ былъ окруженъ непріятелемъ, то два охотника-казака пустились вплавь внизъ по теченію и, не замѣченные коканцами, счастливо добрались до форта. Три киргиза взялись за 50 рублей проскакать туда же сухопутно. Около полудня 25 августа прибыло подкрѣпленіе въ 200 человѣкъ при 1 орудіи, но коканцевъ уже не было. Еще передъ свѣтомъ они снялись и поспѣшно отступили, оставивъ на мѣстѣ 192 тѣла, а раненыхъ увезя съ собою на 96 вереблюдахъ. Бородинъ преслѣдовалъ коканцевъ казаками и киргизами, а самъ съ прибывшимъ подкрѣпленіемъ двинулся слѣдомъ послѣ полудня и насчиталъ на дорогѣ еще 43 тѣла. Узнавъ, что коканцы проскакали Джулекъ безъ остановки, Бородинъ вернулся въ Акъ-Мечеть 29 августа. Наградою ему былъ чинъ подполковника.

Коканцы однакоже все еще не теряли надежды. 24 ноября сильное войско, подъ начальствомъ Суфи-бека выступило изъ Ташкента, и въ ночь на 4 декабря заняло Джулекъ.

---

*) Черезъ годъ, т. е. въ 1855 году, изъ нихъ осталось только три, ибо Аральское укрѣпленіе переведено въ фортъ № 1, а фортъ № 3 упраздненъ.

Фортъ Перовскій имѣлъ тогда въ гарнизонѣ 631 человѣка пѣхоты, 237 челов. кавалеріи, 95 артиллеристовъ и 42 матроса, всего 1,055 человѣкъ строевыхъ, при 14 орудіяхъ и 5 мортирахъ. Жизненныхъ и боевыхъ запасовъ имѣлось на 1½ года, и слѣдовательно, бояться было нечего.

Совершенно въ другомъ положеніи находились форты №№ 2 и 3, отстоявшіе отъ форта Перовскій одинъ на 200, другой на 60 верстъ, т. е. на разстояніи, исключавшемъ возможность взаимной помощи. Фортъ № 2 былъ, къ тому же, не болѣе, какъ полевое укрѣпленіе, которому, съ гарнизономъ въ 116 человѣкъ, при одномъ орудіи, было бы трудно защищаться зимою, когда рвы занесены снѣгомъ, а фортъ № 3, съ гарнизономъ изъ 88 человѣкъ, при 1 орудіи, оставался прежнимъ коканскимъ укрѣпленіемъ, только слегка исправленнымъ, по недостатку времени.

14 декабря 13,000 коканцевъ съ 17 мѣдными орудіями подступили къ форту Перовскій. Начальникъ лѣваго фланга Сыръ-Дарьинской линіи, подполковникъ Огаревъ, сознавая невыгоду осады, когда укрѣпленіе еще не достроено, рѣшился, не смотря на неравенство силъ, сдѣлать вылазку. Начальство надъ отрядомъ, назначеннымъ на вылазку, онъ возложилъ на подполковника Бородина, но тотъ немедленно отрапортовался больнымъ, и отрядъ поступилъ подъ начальство капитана Шкупь, которому предписано было „стараться всемѣрно разбить скопища непріятелей и уничтожить до основанія“. Впрочемъ капитану была предоставлена полная свобода дѣйствій: „касательно же всѣхъ распоряженій въ дѣйствіи,—писалъ Огаревъ,—предоставляю вамъ право дѣйствовать по потребности и благоразумію, дабы не понести большого урона и въ случаѣ нападенія коканцевъ, поразить ихъ навѣрное“.

18-го числа, на разсвѣтѣ, отрядъ изъ 350 челов. пѣхоты и 190 казаковъ, при 4 орудіяхъ и 2 ракетныхъ станкахъ, пользуясь туманомъ, подошелъ къ непріятельскому лагерю на 400 саж., занялъ песчаные холмы, и въ 6½ часовъ утра открылъ канонаду.

Послѣ непродолжительной суматохи, коканцы опомнились и сначала отвѣчали пушечнымъ огнемъ, а потомъ окружили отрядъ и произвели нѣсколько аттакъ съ фронта и съ фланговъ. Аттаки эти были отбиты картечью и ружейнымъ огнемъ. Тогда непріятель отрѣзалъ нашъ отрядъ отъ крѣпости, но для этого коканцамъ пришлось употребить часть войскъ своего центра и резервы. Огаревъ, замѣтивъ охватъ коканцами фланговъ нашей вылазки, послалъ на подкрѣпленіе ихъ двѣ небольшихъ команды по 80 чел. изъ пѣхоты и матросовъ, придавъ каждой по 1 орудію. Командовали ими гарнизонный инженеръ прапорщикъ Алексѣевъ и линейнаго баталіона штабсъ-капитанъ Погурскій. Капи-

танъ Шкупь, замѣтивъ значительное уменьшеніе войскъ непріятельскихъ при артиллеріи и въ лагерѣ и не боясь за свой тылъ, оставилъ на позиціи только 3 взвода пѣхоты (110 человѣкъ) и 1 сотню казаковъ, а самъ съ 6-ю взводами (230 человѣкъ) и 1 сотней бросился впередъ, опрокинулъ непріятельскихъ стрѣлковъ и захватилъ всю коканскую артиллерію и лагерь. Оставшіеся на позиціи 3 взвода, въ это время, выдерживали сильный натискъ коканцевъ, которые были окончательно отбиты только тогда, когда имъ ударили въ тылъ Алексѣевъ и Погурскій. Непріятель поспѣшно и въ безпорядкѣ отступилъ, потерявъ до 2000 убитыми. Коканцевъ преслѣдовали недалеко, только четыре версты, 4 сотни киргизъ, нѣсколько башкиръ и казаковъ, подъ начальствомъ сотника Карамышева. Наша потеря ограничилась: убитыми 18 чел. и ранеными 49 человѣкъ (два офицера). Трофеями дня были: 4 бунчука, 7 знаменъ, 17 орудій и 130 пудовъ пороху, много снарядовъ, запасы провіанта и весь лагерь.

Героемъ дня былъ, очевидно, капитанъ Шкупь, распоряжавшійся совершенно самостоятельно и подъ личной своей отвѣтственностію. На сторонѣ Огарева все-таки остается громадная заслуга въ томъ отношеніи, что онъ, во-первыхъ, рѣшился на вылазку, а во-вторыхъ, выбралъ для нея дѣйствительно браваго руководителя.

Огаревъ былъ произведенъ изъ подполковниковъ прямо въ генералы, а Шкупь только въ маіоры; всѣ офицеры произведены въ слѣдующіе чины; нижніе чины получили по 2 руб. и на всѣхъ 30 знаковъ военнаго ордена. Шкупь Георгія не получилъ, хотя по статуту вполнѣ заслужилъ его. Въ реляціи Огаревъ совершенно затушевалъ подвигъ Шкупя и приписалъ все себѣ...

Несмотря однакоже на страшную потерю, коканцы все еще не унывали: въ Коканѣ сформированъ былъ десятитысячный отрядъ, а въ Туркестанѣ начато литье новыхъ пушекъ, для чего у жителей города была отобрана вся мѣдная посуда.

Весь 1854 годъ прошелъ въ ожиданіи нападенія со стороны коканцевъ. Слухи о ихъ приготовленіяхъ заслуживали тѣмъ большаго вѣроятія, что подтверждались дѣйствіями коканцевъ въ степи Сибирскаго вѣдомства, куда пробирался и сынъ мятежнаго Кениссары Касимова, Султанъ Али, съ шайкою въ 7000 человѣкъ. Шайка эта впрочемъ не была пропущена туркестанскимъ бекомъ, не смотря на увѣренія Султана Али, что онъ идетъ съ разрѣшенія коканскаго хана.

Сибирская линія привлекла къ себѣ вниманіе коканцевъ еще въ 1852 году тремя рекогносцировками, предпринятыми Гасфордтомъ, въ видахъ ознакомленія съ мѣстностію, предназначенною подъ новую линію по рр. Или и Чу.

Успокоенные было нашимъ бездѣйствіемъ, коканцы снова встрепенулись въ 1854 году, когда наконецъ предложеніе Ан-

ненкова о соединеніи сибирской линіи съ оренбургскою начало уже осуществляться со стороны Сибири.

Вызванные въ Петербургъ, къ началу 1854 года, оренбургскій и западно-сибирскій генералъ-губернаторы были приглашены на совѣщаніе съ военнымъ министромъ (князь Долгоруковъ). Гасфордтъ предложилъ вести линію по Сыру до Туркестана, а оттуда черезъ Баролдайскія и Каратаускія горы къ верховьямъ р. Чу. Перовскій согласился съ этимъ предложеніемъ, но и на этотъ разъ противопоставилъ ему: затруднительность тогдашнихъ нашихъ обстоятельствъ, необходимость ближайшаго обозрѣнія мѣстности и значительность предстоящихъ расходовъ, а потому, чтобы не отвлекать вниманія отъ занятія Акъ-Мечетскаго острова самостоятельными населеніями настаивалъ на отложеніи дѣла до будущности, болѣе или менѣе отдаленной. Государь и на этотъ разъ поддержалъ Перовскаго, разрѣшивъ впрочемъ Гасфордту занять Заилійскую долину и верховья р. Чу и построить укрѣпленіе на р. Алматѣ. Въ томъ же 1854 году начата постройка этого укрѣпленія, названнаго Вѣрнымъ, и занята долина рѣки Или. Это всполошило коканцевъ, которые въ видахъ привлеченія дикокаменныхъ киргизъ и другихъ, кочующихъ въ верхнихъ частяхъ рѣки Чу, не только скрыли свои неудачи, но разглашали даже, что будто они „такъ умерщвляли кяфировъ, что черезъ трупы ихъ невозможно было проѣхать на лошади *)“. Въ прокламаціяхъ того же автора Суфи-бека повѣствовалось, что „въ одинъ вечеръ и одинъ день изъ двухъ тысячъ кяфировъ досталась въ наши руки одна тысяча; изъ нихъ пощажены только тѣ, кто принялъ нашу вѣру, не сдѣлавшіеся же мусульманами истреблены остріемъ сабель нашихъ“.

Разсылая къ вліятельнѣйшимъ ордынцамъ подарки и прокламаціи о совокупныхъ дѣйствіяхъ противъ нашего Заилійскаго отряда, коканцы, въ числѣ 800 человѣкъ, прибыли, въ первыхъ числахъ мая мѣсяца, въ ближайшее къ намъ укрѣпленіе Пишпекъ. Распространивъ затѣмъ слухи, что за ними идутъ многія тысячи, и набравъ скопища изъ измѣнившихъ намъ, въ 1850 году, киргизовъ Большой орды и дикокаменныхъ, они начали угонять сосѣднія съ новою линіей и вѣрныя намъ волости за р. Чу. Въ то же время появились шайки барантачей и въ окрестностяхъ расположенія Заилійскаго отряда, у котораго по ночамъ крали лошадей; однакоже немедленныя преслѣдованія барантачей прикочеваніе нашихъ киргизовъ подъ защиту линіи и усиленіе гарнизоновъ въ станицахъ праваго фланга, прилегавшаго къ степямъ Оренбургскаго вѣдомства, обратили въ ничто всѣ затѣи коканцевъ.

*). Письмо одному сарыбагишскому манапу отъ Суфи-бека, командовавшаго коканскими войсками при нападеніи на Акъ-Мечеть.

Слышно было также о готовившейся противъ насъ коалиціи всѣхъ средне-азіятскихъ владѣній: отъ турецкаго султана къ ханамъ бухарскому, хивинскому и коканскому прислано было извѣстительное письмо, о томъ, что онъ, съ своей стороны, выслалъ многочисленное войско для войны съ русскими и предлагаетъ этимъ ханамъ дѣйствовать сообща и преимущественно въ степяхъ, не допуская русскихъ въ населенные пункты. Эти слухи были тѣмъ болѣе правдоподобны, что въ 1828 г. султанъ также возбуждалъ хановъ, и не безуспѣшно, такъ какъ тѣ, въ свою очередь, волновали подвластнымъ намъ киргизъ, призывая всѣхъ мусульманъ на священную войну. Не одни турки, но и англичане старались всѣми мѣрами поднять на насъ всю Азію. По словамъ нашего чугучакскаго консула Татаринова *), англичане, заручившись уже вліяніемъ на Афганистанъ, посылали къ бухарскому хану съ предложеніемъ союза противъ Россіи; въ крайнемъ случаѣ просили хотя пропустить англійскія войска черезъ бухарскія владѣнія. Вмѣсто отвѣта англійскій посланный былъ казненъ въ Бухарѣ. Въ отмщеніе за это, англичане побуждали кабульскаго эмира Акремъ-Хана продолжать, начатую еще покойнымъ братомъ его, войну съ Бухарою, для чего снабдили его и оружіемъ, и деньгами. Афганцы заняли Балхъ.

Независимо отъ предложеніи бухарскому хану, англичане обращались съ подобными же условіями и къ коканскому, но этотъ послѣдній согласился начать дѣйствія только по приходѣ англійскихъ войскъ, которымъ онъ обѣщалъ свободный пропускъ и указалъ даже самый путь: Памиръ, Кара-тегинъ и Мачу въ системѣ горъ Кара-тау, на сѣверо-востокѣ отъ Шахрисябза.

Въ началѣ мая 1855 г., до 9000 коканцевъ сосредоточились въ кр. Пишпекѣ и, распространивъ воззванія къ нашимъ киргизамъ, намѣревались идти къ Вѣрному. Гарнизонъ этого укрѣпленія былъ тотчасъ же усиленъ, а въ Копалѣ и въ Аягузѣ собраны, кромѣ того, отряды, готовые къ движенію за Или. Выступивъ изъ Пишпека и перейдя чрезъ р. Чу, коканцы узнали объ усиленіи нашего отряда въ Вѣрномъ и о движеніи изъ Омска подкрѣпленій, что, вмѣстѣ съ неудавшимся расчетами на нашихъ киргизъ и слухами о непріязненныхъ противъ Кокана дѣйствіяхъ бухарцевъ, заставило ихъ поспѣшно отступить въ крѣпости Пишпекъ, Меркэ и Ауліэ-ата, гдѣ и размѣстилась ихъ пѣхота, а конница была послана собирать подати съ дикокаменныхъ киргизъ, которые и были ограблены въ прямомъ значеніи этого слова. Тѣмъ и ограничились всѣ грозныя намѣренія коканцевъ относительно нашей сибирской границы; внутренніе перевороты въ

*). Рапортъ его западно-сибирскому генералъ-губернатору отъ 7 августа 1859 года.

ханствѣ и вмѣшательство бухарцевъ надолго отвлекли коканцевъ и отъ Сыръ-Дарьинской линіи.

Хивинцы, хотя сносились съ Коканомъ въ смыслѣ благопріятномъ искательствамъ Англіи, но это не привело ни къ чему.

Такимъ образомъ современно восточной войнѣ наши владѣнія въ Средней Азіи наслаждались относительнымъ спокойствіемъ, не смотря на происки Англіи и Турціи. Полному спокойствію нашему мѣшали, къ сожалѣнію, внутренніе безпорядки, которые долго еще волновали степи, благодаря неуловимости полудикихъ наѣздниковъ.

Болѣе всего отличалась шайка извѣстнаго разбойника Исета Кутебарова.

Достойный сынъ не менѣе извѣстнаго въ свое время барантача Кутебара, Исетъ былъ всегдашнимъ его товарищемъ, а послѣ его смерти неуклонно шелъ по его слѣдамъ.

Грабительства Кутебарова сопровождались нерѣдко убійствами, и потому каждый разъ Исетъ торопился уйти въ глубь степи, а иногда и въ хивинскія владѣнія. Такъ, между прочимъ, оставался онъ въ Хивѣ съ 1842—1844 годъ, но, возвратясь оттуда въ орду, онъ приложилъ все стараніе, чтобы загладить прошлое и выслужиться передъ русскимъ правительствомъ. Для этого онъ, сообщая пограничному начальству свѣдѣнія о замыслахъ и движеніяхъ бунтовавшаго въ то время зауральскую степь киргизскаго султана Кениссары Касимова, доставлялъ также свѣдѣнія и о дѣлахъ хивинскихъ.

Исетъ такъ искусно умѣлъ увѣрить султана Айчувакова, правителя западной части, въ своемъ раскаяніи и преданности, что тотъ, въ 1847 году, выхлопоталъ ему золотую медаль на анненской лентѣ. Но прежде, чѣмъ эта награда дошла по назначенію, уже получено было свѣдѣніе, что Исетъ Кутебаровъ опять началъ разбои. Однакоже въ слѣдующемъ 1848 году Исетъ снова обратился къ султану-правителю Араслану съ письмомъ, въ которомъ снова увѣрялъ въ своей преданности и покорности. На этотъ разъ увѣренія его были до нѣкоторой степени подкрѣплены и самыми поступками: вслѣдъ за письмомъ онъ удовлетворилъ многія претензіи киргизовъ по барантамъ, представилъ полученную отъ хивинскаго хана возмутительную грамоту, возвратилъ часть товара, расхищеннаго въ 1847 году изъ бухарскаго каравана; наконецъ, въ 1849 году, доставилъ на линію значительное число скота, угнаннаго имъ у киргизовъ въ разное время.

Такими дѣйствіями Исетъ успѣлъ до такой степени пріобрѣсти довѣріе султана-правителя, что когда послѣднему поручалось слѣдить за продолжающимися тайными сношеніями Кутебарова съ хивинцами, то онъ всегда оправдывалъ его. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло Кутебарова до 1853 года, когда Исетъ еще

разъ выказалъ все свое вѣроломство подговоромъ своихъ однородцевъ и другихъ киргизовъ не поставлять верблюдовъ для экспедиціи, снаряжавшейся въ то время противъ Акъ-Мечети. По взятіи этой крѣпости, для наказанія Кутебарова былъ отправленъ отрядъ; но поискъ этотъ, затѣянный позднею осенью, не удался.

Весною 1854 года отрядомъ, высланнымъ изъ Уральскаго укрѣпленія, Кутебаровъ былъ настигнутъ, но захватить его было нельзя, потому что онъ явился самъ добровольно для переговоровъ, заручившись напередъ словомъ отпустить его обратно. Впрочемъ, на этотъ разъ Кутебаровъ выдалъ преступниковъ, скрывавшихся въ его аулахъ, и далъ клятву, что явится въ Оренбургъ съ повинною для испрошенія помилованія.

Это обѣщаніе, подобно предшествовавшимъ, осталось безъ исполненія. Между тѣмъ, въ началѣ 1855 года сдѣлалось извѣстнымъ, что Исетъ, возобновивъ свои сношенія съ Хивою, даетъ убѣжище хивинскимъ сборщикамъ зякета и собираетъ шайку. Перовскій тогда же предписалъ начальнику Уральскаго укрѣпленія слѣдить за дѣйствіями мятежника, а султану-правителю Араслану Джантюрину приказалъ, по выступленіи въ степь съ своимъ казачьимъ конвоемъ, изъ сотни казаковъ и съ собранными при немъ 900 киргизами, идти на Кутебарова и стараться захватить его. Поискъ этотъ окончился весьма неудачно.

Едва только султанъ-правитель успѣлъ отойти 7 іюля на 140 верстъ отъ Орской крѣпости, какъ шайка Кутебарова, въ числѣ 1500 человѣкъ, устремилась прямо на его кибитку, тогда какъ другая часть окружила казачій отрядъ, стоявшій въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ кибитки султана. Бывшіе при султанѣ до 900 человѣкъ киргизовъ тотчасъ же бѣжали. Самъ султанъ-правитель и нѣсколько должностныхъ ордынцевъ погибли въ этой схваткѣ. Разграбивъ все, находившееся въ лагерѣ, имущество, мятежники съ добычею удалились, а казаки, въ числѣ 75 челов., не будучи въ состояніи преслѣдовать хищниковъ, должны были, подобравъ раненыхъ и убитыхъ, отступить къ линіи.

75 казаковъ, въ союзѣ съ 900 киргизовъ, конечно, могли бы, съ вѣроятіемъ успѣха, драться противъ 1500, и если случилось, что эти 75 человѣкъ не истреблены до послѣдняго, что они затѣмъ могли спокойно, безъ преслѣдованія, достигнуть линіи, отъ которой были удалены на 140 верстъ,—то въ душѣ читателя невольно зарождается сомнѣніе: не случилось ли это просто вслѣдствіе договора, причемъ одна сторона обѣщаетъ свободный пропускъ, а другая обязывается не защищать султана?

Сомнѣніе это тѣмъ болѣе извинительно, что, во-первыхъ, положеніе горсти казаковъ въ 140 верстахъ отъ помощи было дѣйствительно безвыходное, а во-вторыхъ, султаны обращались съ

своимъ конвоемъ нерѣдко съ крайнимъ высокомѣріемъ, что, конечно, не могло возбудить въ унижаемыхъ и оскорбляемыхъ казакахъ особенной привязанности къ султанамъ. Казацкій конвой при султанахъ-правителяхъ никогда почти и не защищалъ ихъ, оставаясь безучастнымъ зрителемъ потасовокъ между киргизами, а подчасъ и гибели своихъ султановъ... Дерзость разбойника однакоже не должна была пройти безнаказанно, тѣмъ болѣе, что Исетъ, наводя страхъ на мирныхъ киргизовъ оружіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ распространялъ и религіозныя воззванія, проповѣдуя всеобщее, противъ русскихъ, возстаніе.

Несмотря на всѣ невыгоды лѣтнихъ поисковъ за шайками, когда разбойники легко могутъ доставать свѣжихъ лошадей, Перовскій тотчасъ же выслалъ въ степь изъ Орска, Оренбурга и съ нижнеуральской линіи 300 уральскихъ и 100 оренбургскихъ казаковъ, учебный башкирскій полкъ въ полномъ составѣ и 50 человѣкъ пѣхоты при 2 орудіяхъ.

Всѣ эти отряды были поручены, по предложенію предсѣдателя пограничной коммиссіи В. В. Григорьева,—полковнику Кузминскому.

Кромѣ того, начальнику Уральскаго укрѣпленія приказано дѣйствовать со стороны Мугоджарскихъ горъ во флангъ и въ тылъ мятежникамъ. Какъ резервъ, въ Орской крѣпости былъ собранъ еще башкирскій полкъ въ 800 человѣкъ.

Такимъ образомъ Исетъ Кутебаровъ, повидимому, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. 3 августа Кузминскій догналъ шайку Кутебарова, въ числѣ 2000 человѣкъ при соединеніи р. Темира съ Эмбою (въ 360 верстахъ отъ линіи), но хищники не стали дожидаться нападенія и разсѣялись, когда отрядъ едва сблизился на разстояніи дальняго пушечнаго выстрѣла. Посланная погоня успѣла только заколоть нѣсколько человѣкъ и отхватить до 6000 штукъ скота и лошадей. Значительнѣйшая же часть ауловъ Кутебарова и его приверженцевъ спаслась заблаговременно въ пескахъ Большіе Барсуки и на Усть-Уртѣ.

Говоря объ этотъ походѣ, Макшеевъ (на стр. 130) удостовѣряетъ, что военныя и нравственныя качества Кузьминскаго вовсе не соотвѣтствовали данному ему назначенію и что, настигнувъ Исета, онъ „не вступилъ съ нимъ въ бой, а повернулъ въ сторону и началъ забирать скотъ и имущество у всѣхъ, безъ разбора, попадавшихся ему киргизъ и производить разныя жестокости“. Когда слухи „о неистовствахъ Кузминскаго дошли до Петербурга, генералъ-губернатору сдѣланъ былъ запросъ, но онъ принялъ всю вину на себя и, удаляя Кузьминскаго отъ службы, выхлопоталъ ему чинъ генералъ-маіора и пенсію“.

Разсѣявшаяся шайка Кутебарова скоро снова дала себя знать грабежами на транспортномъ пути, гдѣ она переносилась съ

неимовѣрною быстротою изъ одной мѣстности въ другую. Поэтому для обезпеченія нашихъ сообщеній, а также для дальнѣйшаго преслѣдованія хищниковъ, пришлось, по необходимости, оставить высланныя войска въ степи до глубокой осени, а въ теченіе всей зимы держать готовый отрядъ, чтобы въ началѣ марта, когда лошади дикарей обезсилятъ отъ безкормицы, возобновить поискъ.

Между тѣмъ получено было извѣстіе, что хищники стягиваются на Усть-Уртѣ. Всѣ три отдѣльные отряда были двинуты въ такомъ направленіи, что, связанные между собою сильными разъѣздами, они должны были окружить киргизовъ на Усть-Уртѣ, гдѣ имъ нельзя было долго держаться по недостатку кормовъ и воды. Кромѣ того на самый Усть-Уртъ былъ отправленъ летучій отрядъ, чтобы, въ случаѣ возможности, захватить собственные аулы Кутебарова. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланы были надежные ордынцы, для внушенія киргизамъ, что всякое преслѣдованіе прекратится, и они будутъ безпрепятственно допущены на ихъ обычныя зимовья, если они выдадутъ главныхъ зачинщиковъ и виновныхъ въ убійствѣ султана-правителя.

Въ концѣ августа, отправленная Кузьминскимъ за провіантомъ на Эмбу партія, въ числѣ 15 оренбургскихъ какаковъ и 7 киргизъ съ султаномъ Тунгачиномъ, была окружена на р. Темирѣ шайкою въ 500 человѣкъ. Казаки спѣшились и, уложивъ вьючныхъ верблюдовъ, начали стрѣлять изъ-за нихъ по киргизамъ, которые, отойдя саженъ на 150, въ свою очередь, открыли огонь изъ своихъ длинныхъ винтовокъ, оказавшихся подѣйствительнѣе казачьихъ гладкостволокъ. Перестрѣлка продолжалась около 4 часовъ, и въ это время всѣ казаки были переранены или убиты; убитъ былъ и Тунгачинъ.

Когда огонь съ нашей стороны прекратился разбойники бросились на команду и добили всѣхъ раненыхъ; живымъ остался одинъ только израненный казакъ Иванъ Михайловъ, укрывшійся было между убитыми. Киргизы замѣтили его, и нанесли ему еще пять ранъ пиками, а потомъ увлекли въ плѣнъ. Михайловъ, пользуясь темнотою ночи, бѣжалъ на уведенной имъ лошади и на четвертый день, едва живой, явился въ отрядъ Кузьминскаго. Такъ славно окончили жизнь эти 14 безвѣстныхъ героевъ.

Около этого же времени одинъ изъ нашихъ отрядовъ разграбилъ до 146 мятежныхъ ауловъ, но, по случаю наступившихъ холодовъ и ненастной погоды, дальнѣйшія дѣйствія были прекращены.

Экспедиція этого года противъ Кутебарова была весьма трудна для войскъ. Отряды, сформированные наскоро, выступили налегкѣ; въ продолженіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ каждый

изъ нихъ прошелъ болѣе 2,400 верстъ по безводнымъ пространствамъ безпріютной степи; отряды шли и въ лѣтній зной, и въ октябрьскую стужу, весьма часто не имѣя горячей пищи, по недостатку топлива. Хотя главная цѣль экспедиціи—захватъ Кутебарова—не была достигнута, однакоже экспедицію все-таки нельзя назвать неудачною: мятежники-ордынцы были строго наказаны; много ихъ погибло при преслѣдованіи; много скота ихъ было отбито нами, а самъ Исетъ, оставленный значительною частью своихъ приверженцевъ и лишившись большей части своихъ ауловъ, бѣжалъ въ юго-западную часть Усть-Урта къ туркменамъ. Вліяніе его между киргизами было весьма ослаблено.

Въ такомъ положеніи были дѣла до лѣта 1856 года, когда въ іюнѣ былъ высланъ, на всякій случай, новый отрядъ изъ трехъ сотенъ оренбургскихъ казаковъ, при одномъ горномъ единорогѣ, подъ начальствомъ подполковника Плотникова, которому долженъ былъ содѣйствовать и султанъ-правитель Средней части орды, подполковникъ Баймухамедовъ.

Въ началѣ августа Плотниковъ, узнавъ, что Исетъ съ остатками своихъ приверженцевъ кочуетъ около песковъ Асмантай-Матай (въ 350 верстахъ отъ р. Эмбы), тотчасъ пошелъ на Усть-Уртъ. Пройдя 160 верстъ, отрядъ оставилъ свои тяжести подъ прикрытіемъ сотни казаковъ и 100 человѣкъ киргизовъ, а съ остальными двумя сотнями казаковъ и двумястами киргизъ о-дву-конь, двинулся форсированнымъ маршемъ къ пескамъ Матай, съ цѣлію, поднявшись на Усть-Уртъ, преградить Исету путь къ привольнымъ прибрежьямъ Каспійскаго моря. Но въ открытой степи всего труднѣе скрыть движенія войскъ; хищники соблюдали всѣ военныя предосторожности и, извѣщенные о приближеніи нашего отряда, поспѣшно бросились по направленію къ безплоднымъ берегамъ Аральскаго моря. Отрядъ нашъ безостановочно преслѣдовалъ ихъ 5 сутокъ; въ послѣдніе два дня онъ прошелъ 200 верстъ, двигаясь при 35° жарѣ днемъ и при 20° ночью. Дальнѣйшая погоня дѣлалась невозможною не столько по недостатку кормовъ, сколько потому, что бѣглецы, вслѣдъ за собою, заваливали и портили колодцы.

Однако, не смотря на эти неблагопріятныя обстоятельства, Плотникову удалось, благодаря быстротѣ переходовъ, настигнуть часть ауловъ, отбить у нихъ до 900 головъ разнаго скота и захватить нѣсколько ордынцевъ, родственниковъ Исета, участвовавшихъ въ убійствѣ султана Араслана. Два изъ нихъ, уличенные въ этомъ преступленіи, были преданы полевому суду и казнены въ Уральскомъ укрѣпленіи, куда, по этому случаю, было собрано значительное число киргизовъ съ ихъ старшинами.

Этотъ энергическій поискъ имѣлъ послѣдствіемъ полное спокойствіе въ степи во все остальное лѣто: не было даже ни од-

ного случая разграбленія почтъ, какъ это было зачастую въ въ предшествовавшіе годы.

Въ этомъ же 1856 году хивинцы оставили свою крѣпостцу на Куванѣ—Ходжа-Ніазъ. Киргизы воспользовались этимъ и расхитили все дерево построекъ, а чего не могли утащить, то сожгли. Отрядъ нашъ, посланный для занятія этой крѣпостцы, разрушилъ остальное и воротился на линію.

Между тѣмъ, съ переносомъ укр. Раимъ въ фортъ № 1 начались споры между киргизами и поселенцами за долину Акъ-ирекъ, гдѣ и тѣ и другіе занимались хлѣбопашествомъ. Къ этому присоединились притѣсненія со стороны татарина-переводчика, дѣлавшаго, что ему вздумается у слабаго и довѣрчиваго коменданта. Такъ какъ просьбы и жалобы ни къ чему не вели, то киргизы придумали хорошее и вѣрное средство сдѣлать извѣстными высшей власти свои страданія отъ злоупотребленій низшихъ властей:—они взбунтовались.

Съ осени 1856 г. начались безпорядки, а къ Рождеству фортъ № 1 былъ уже въ настоящей осадѣ, но изъ форта „Перовскій“ немедленно двинулся начальникъ Сыръ-дарьиской линіи ген.-м. баронъ Фитингофъ (съ 265 чел. при 2 орудіяхъ и 1 ракетн. станкѣ). Отрядъ этотъ соединился съ вылазкой изъ форта № 1 (200 казаковъ, 200 чел. пѣхоты при 2 орудіяхъ) и разбилъ киргизовъ у Арыкъ-Барыха, причемъ у насъ ранено только 6 человѣкъ, а киргизы потеряли весь скотъ. Затѣмъ сдѣланъ былъ поискъ за Дарью, а весною въ Малые Барсуки. Всего скота отбито 21,365 головъ.

Премники Фитингофа,—Данзасъ, а затѣмъ Дебу,—обвиняли въ безпорядкахъ нисколько въ томъ не виноватаго Джанъ-Ходжу. Дебу поручилъ Илекею расправиться съ этимъ дряхлымъ, 80 лѣтнимъ врагомъ! Никто однакоже не рѣшился напасть на старика, считавшагося чуть не святымъ и тихо молившагося на курганѣ, окруженномъ приверженцами Илекея. Пули отскакивали отъ кольчуги Ходжи, но, наконецъ, одна попала въ шею и докончила доблестное дѣло.

Илекей страшно разграбилъ родственниковъ и приверженцевъ своего врага.

Эта безполезная и несправедливая жестокость, конечно, не сдѣлала насъ популярнѣе въ средѣ киргизовъ, но послѣ смѣны коменданта жалобы ихъ прекратились.

Въ 1857 году рѣшено было повторить экспедицію противъ Исета, выславъ для сего отрядъ подъ начальствомъ того же Плотникова и въ тѣхъ же силахъ. Отрядъ выступилъ въ маѣ на Усть-Уртъ, къ пескамъ Асмантай-Матай.

Однакоже и на этотъ разъ Кутебаровъ ускользнулъ на югъ вдоль западнаго берега Аральскаго моря. Плотниковъ послалъ

было въ погоню небольшую партію, но она, найдя на пути своемъ колодцы заваленными и испорченными, вернулась обратно. Плотниковъ вернулся къ пескамъ Малые Барсуки.

Едва только отрядъ Плотникова ушелъ съ Усть-Урта, какъ загнанный въ безплодную степь Исетъ снова вернулся съ своими аулами въ Асмантай. Но такъ какъ въ этихъ мѣстахъ онъ самъ же испортилъ колодцы, то ему поневолѣ пришлось передвинуться къ Эмбѣ, не смотря на то, что невдалекѣ отъ бывшаго Эмбенскаго укрѣпленія стоялъ отрядъ подполковника Бородина изъ 3 сотенъ уральцевъ. Бородинъ тотчасъ же двинулся сначала внизъ по Эмбѣ, потомъ на Усть-Уртъ и 11 сентября напалъ врасплохъ на аулы Кутебарова, который впрочемъ и на этотъ разъ ускользнулъ, скрывшись, въ самомъ началѣ дѣла, съ нѣсколькими всадниками. Аулы были по обыкновенію разграблены.

Чтобы не допустить Кутебарова еще разъ вернуться къ Асмантаю, а также для прикрытія шедшей въ то время на Сыръ-Дарью ученой экспедиціи Сѣверцова, отрядъ Плотникова опять пошелъ на Усть-Уртъ, пробылъ тамъ 17 дней и только 17 октября возвратился въ Орскъ.

По смерти Перовскаго, ген.-адъют. Александръ Андреевичъ Катенинъ, его преемникъ, убѣжденный въ трудности и почти невозможности захватить Кутебарова на Усть-Уртѣ нашими отрядами, какъ бы они ни были подвижны и многочисленны, полагалъ за лучшее подѣйствовать на мятежника мѣрами убѣжденія и обѣщать ему прощеніе, если онъ явится съ повинною головою.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Катенинъ объявилъ полное прощеніе и всѣмъ принимавшимъ участіе въ набѣгахъ Джанъ-Ходжи. Эта мѣра имѣла успѣхъ, и бывшіе приверженцы Джанъ-Ходжи въ теченіе всего лѣта стягивались по частямъ къ Сыръ-Дарьѣ, изъявляя покорность. На слѣдующій 1858 годъ, во время поѣздки Катенина въ степи, явился, наконецъ, съ повинною къ нему и самъ Исетъ Кутебаровъ, не только получившій прощеніе, но и допущенный впослѣдствіи въ Петербургъ. Можно, кажется, съ увѣренностію сказать, что не амнистія смирила этого разбойника, ибо ему и прежде нѣсколько разъ прощалось,—смирили его энергичныя преслѣдованія отрядовъ, опиравшихся на степныя укрѣпленія. Въ этотъ разъ онъ былъ окруженъ съ одной стороны отрядами самого Катенина и Игнатьева (шедшаго въ Хиву), а съ другой Скрябина (штабсъ-капит. корпуса топографовъ).

Въ числѣ мѣръ Катенина по управленію Оренбургскимъ краемъ, слѣдуетъ упомянуть, что онъ, въ противность Перовскому, обратилъ особенное вниманіе на развитіе у киргизовъ хлѣбопашества, предполагая совершенно основательно, что съ земледѣліемъ будетъ развиваться и осѣдлость. Въ низовьяхъ р. Сыра искони су-

ществовало земледѣліе, которымъ занимались и г и н ч и - бѣдняки, не имѣвшіе возможности кочевать по недостатку скота. Съ Катенинымъ пріѣхалъ въ степи и магистръ зоологіи знаменитый С ѣ в е р ц е в ъ. 26 апрѣля 1858года онъ отправился на охоту изъ Перовска къ Джулеку съ тремя казаками: Чупуринымъ, Полозовымъ и Хасамаевымъ да съ препараторомъ Гурьяновымъ. За озеромъ Джарты-кулемъ на нихъ напала партія разбойника Д о с а н а. Всѣ охотники были переранены, кромѣ Чупурина, который ускакалъ и далъ знать въ отрядъ. Сѣверцевъ попалъ въ плѣнъ, и ему стали рубить голову, но два удара по шеѣ оказались недостаточными для отдѣленія головы магистра, и тутъ раздался голосъ благоразумнаго разбойника, что за живого „тюря“ (князя) больше можно получить, чѣмъ за его голову. Сѣверцева увезли въ Яны-Курганъ и вылѣчили. Черезъ недѣлю бекъ прислалъ письмо въ Перовскъ, что его людьми захваченъ русскій разбойникъ, который называетъ себя Сѣверцевымъ. Ген. Данзасъ отвѣтилъ, что это не только не разбойникъ, но даже не воинъ, а мирный человѣкъ, ученый, собирающій птицъ и звѣрей; поэтому потребовалъ выдачи плѣннаго и двинулъ войска. На встрѣчу бекъ выслалъ депутацію и выдалъ Сѣверцева. У него оказалось 12 ранъ, въ томъ числѣ сабельная въ високъ и пичная въ грудь были опасны. Въ 1859 г. была предпринята рекогносцировка Яны-Дарьи (рукавъ Сыра) съ цѣлію изысканія средствъ къ развитію по этой рѣкѣ хлѣбопашества. Изысканія эти указали необходимость большихъ затратъ по устройству плотинъ и привели къ убѣжденію, что всякія искусственныя и несвоевременныя мѣры для развитія хлѣбопашества у киргизовъ, когда въ массѣ кочевниковъ незамѣтно еще общаго стремленія къ земледѣльческому труду, будутъ, вѣроятно, безуспѣшны. Поэтому было рѣшено направить главнѣйшія усилія наши на доставленіе кочевникамъ безопасности, а перемѣна въ образѣ ихъ жизни произойдетъ въ свое время, сама собою, естественнымъ путемъ.

При Катенинѣ же былъ возбужденъ снова давнишній вопросъ о направленіи средне-азіатской торговли по р. Аму въ Каспійское море. Для осуществленія этой идеи предприняты были прежнія же мѣры, т. е. экспедиція къ восточному берегу Каспійскаго моря для выбора удобнаго пункта подъ укрѣпленіе и посольство въ Хиву и Бухару, для склоненія ихъ къ покровительству торговлѣ и къ содѣйствію направленію ея на восточный берегъ Каспія. Посольство должно было также изслѣдовать и, если можно, занять на берегу Аральскаго моря пунктъ при устьяхъ Аму-Дарьи.

Осмотръ восточнаго берега Каспійскаго моря былъ возложенъ на полковника генеральнаго штаба Д а н д е в и л я, который въ 1859 г. обозрѣлъ берегъ и нашелъ, что самое выгодное мѣсто для устрой-

ства укрѣпленія и учрежденія факторіи было бы у Красноводскаго залива, близь колодца Балъ-куя, но это предположеніе не осуществилось вслѣдствіе того, что миссіи Игнатьева не удалось занять устья Аму-Дарьи. Посольство это было отправлено какъ бы въ отвѣтъ на любезность Хивы и Бухары, приславшихъ въ 1857 г. своихъ пословъ для принесенія Императору Александру II поздравленія съ восшествіемъ Его на престолъ. Игнатьевъ долженъ былъ сперва посѣтить Хиву и оттуда направиться въ Бухару. Отъ Чернышева залива, на западномъ берегу Аральскаго моря, миссію должны были сопровождать пароходы аральской флотиліи подъ начальствомъ капитана 1 ранга Бутакова, который долженъ былъ также сдѣлать рекогносцировку Аму-Дарьи и занять городъ Кунградъ, лежащій близъ устья этой рѣки.

Никогда еще такое большое посольство не отправлялось въ Среднюю Азію. При начальникѣ миссіи состояли 16 спеціалистовъ по разнымъ предметамъ, медикъ и іеромонахъ.

Почетный конвой посольства состоялъ изъ 34 человѣкъ казаковъ, при 4 офицерахъ и 4 урядникахъ, поровну отъ уральскаго и оренбургскаго войскъ, и изъ 30 стрѣлковъ оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ, при 2 офицерахъ и 2 унтеръ-офицерахъ. Пѣхота была посажена на лошадей, и люди на смотру оказались очень хорошими кавалеристами, управляя конями совершенно правильно и дѣлая всѣ требуемыя уставомъ построенія. Кромѣ того былъ прикомандированъ еще добавочный конвой, состоявшій изъ 51 казака при 4 офицерахъ и 4 урядникахъ; конвой этотъ долженъ былъ сопровождать посольство до хивинскаго города Куня-Ургенча, оттуда долженъ былъ возвратиться въ Уральское укрѣпленіе и здѣсь присоединиться къ конвою Катенина, объѣзжавшаго степь.

По предварительному сношенію, хивинское правительство, для перевозки миссіи и ея тяжестей черезъ заливъ Айбугиръ, обѣщало собрать къ мысу Ургѣ не менѣе 90 судовъ, но когда миссія дошла до мыса, то на пристани оказалось всего только 16 лодокъ, къ которымъ впослѣдствіи, и то съ большимъ трудомъ, были присоединены еще 19 такихъ же судовъ.

По переправѣ (25 верстъ лодки шли на шестахъ 7 часовъ) миссія была встрѣчена почетнымъ хивинскимъ конвоемъ, который долженъ былъ сопровождать ее при дальнѣйшемъ движеніи по ханству.

Верблюжій караванъ миссіи, за неимѣніемъ лодокъ для переправы, пошелъ къ устью залива, и въ 18 верстахъ къ сѣверу отъ мыса Урги верблюды переправились въ бродъ на глубинѣ не болѣе 3 футовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ небольшихъ ямъ, въ которыхъ глубина была около 2 аршинъ.

Въ ожиданіи прихода верблюдовъ, миссія должна была расположиться на 5 дней лагеремъ невдалекѣ отъ праваго берега за-

лива. 18 іюля миссія прибыла въ Хиву, 28 была принята ханомъ, а 31 августа выступила въ Бухару.

Рекогносцировка нижняго теченія Аму удалась какъ нельзя лучше, занятіе же Кунграда, путемъ переговоровъ, не состоялось, вслѣдствіе раздоровъ разныхъ партій, волновавшихъ городъ; къ тому же наши суда должны были спѣшить отплыть скорѣе изъ устьевъ Аму, по причинѣ начавшейся убыли воды въ рѣкѣ.

Переговоры Игнатьева въ Хивѣ и Бухарѣ испытали ту же участь, что и прежде. Посольство держали подъ карауломъ, оправдываясь опасеніемъ, что народъ русскихъ не любитъ и можетъ напасть на нихъ, если они покажутся на улицахъ...

Игнатьевъ такъ тревожился за участь своей миссіи, что когда хивинскіе сановники замѣтили ему о запрещеніи корана употреблять бумагу на то, на что годится простой камешекъ или комокъ глины, такъ какъ на бумагѣ можетъ быть написано имя Божіе,—то онъ самъ ходилъ по двору, вдоль забора, собирать бумажки! Это разсказывалъ Демезонъ, у котораго мы учились восточнымъ языкамъ. Это должно бы, кажется, уже окончательно убѣдить наше правительство, что путемъ дипломатіи съ этими ханствами ничего сдѣлать невозможно.

Одновременно съ Игнатьевымъ въ іюнѣ 1858 года, со стороны Сибири, посланъ былъ Гасфордтомъ въ Кашгаръ правнукъ Аблая Валихановъ, выпущенный въ 1853 году въ офицеры изъ сибирскаго кадетскаго корпуса. Валихановъ былъ человѣкъ талантливый, но больной. Пробравшись съ купеческимъ караваномъ изъ Семипалатинска въ Кашгаръ, онъ съ трудомъ воротился оттуда въ Вѣрное. Въ Кашгарѣ правилъ тогда свирѣпый Валиханъ-Ходжа, казнившій въ 1857 году нѣмецкаго путешественника Адольфа Шлагинтвейна. Валихановъ былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ у него развилась чахотка, воротился на родину и умеръ въ 1865 году, оставивъ богатое собраніе рукописей.

При Катенинѣ въ степи сдѣланы были и нѣкоторыя улучшенія: въ 1858 г. было открыто почтовое сообщеніе между Орскою крѣпостью и Уральскимъ укрѣпленіемъ. Въ 1859 г. управленіе степи передано въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а пограничная коммисія приняла названіе областного правленія оренбургскихъ киргизовъ; сыръ-дарьинскіе киргизы остались, однакожъ, по прежнему въ управленіи министерства иностранныхъ дѣлъ.

Между тѣмъ отложенное однажды, по настоянію Перовскаго, дѣло соединенія Оренбургской и Сибирской линій почти не двигалось впередъ, но не потому, что пресловутый Акъ-Мечетскій островъ не былъ еще заселенъ (этого не случилось по сей день 1903 года), а по обстоятельствамъ, отъ мѣстнаго начальства уже не зависѣвшимъ.

Занятіемъ въ 1853 году Акъ-Мечети со стороны Оренбурга

сдѣланъ былъ первый шагъ къ выполненію программы. Со стороны Сибири этотъ шагъ сдѣланъ былъ въ слѣдующемъ 1854 году, занятіемъ долины р. Или и возведеніемъ укрѣпленія Вѣрнаго. На томъ дѣло и остановилось.

Въ концѣ января 1859 г. на совѣщательномъ засѣданіи, происходившемъ въ высочайшемъ присутствіи, вопросъ о занятіи верховій р. Чу съ крѣпостями Пишпекъ и Токмакъ былъ рѣшенъ окончательно. Для снаряженія экспедиціи въ столь отдаленномъ краѣ, пришлось преодолѣть большія затрудненія. Предположено было сформировать отрядъ въ 2,200 человѣкъ, съ осаднымъ паркомъ изъ 4 батарейныхъ орудій и 4 мортиръ. Для комплектованія войскъ призвано 460 человѣкъ безсрочно-отпускныхъ, уроженцевъ сибирскихъ губерній. Годовыя вещи и матеріалы для мундировъ доставлялись изъ Тобольска, аммуничныя изъ Москвы и Казани, госпитальныя изъ Воронежа, ружья изъ Нижняго-Новгорода, осадный паркъ, ракеты и математическіе инструменты изъ Петербурга; станокъ съ буравомъ для минныхъ работъ предстояло заказать на одномъ изъ уральскихъ заводовъ.

Пока подвозились всѣ эти матеріалы, коканскіе киргизы безпрестанно тревожили нашихъ, а къ концу осени 1859 года расходились до того, что стали дѣлать нападенія и на передовое наше укрѣпленіе Кастекъ. Всѣ наши станицы были приведены, поэтому, въ оборонительное положеніе; выходныя улицы баррикадированы, а въ стѣнахъ крайнихъ домовъ продѣланы бойницы. Киргизы пустили было палы, чтобы уничтожить запасы накошеннаго для экспедиціоннаго отряда сѣна, но его успѣли свезти къ укрѣпленіямъ, а сгорѣли только выгоны. Дерзость дикокаменныхъ киргизовъ доходила до того, что, напримѣръ, на Кастекъ въ ночь на 9 октября, напали всего 50 человѣкъ! Крики, ружейные выстрѣлы и трещотки произвели въ укрѣпленіи достаточную суматоху, что и дало дикимъ возможность угнать изъ загона артиллерійскихъ и казачьихъ лошадей; но шайка была настигнута верстахъ въ двухъ отъ Кастека и лошади отбиты.

Чтобы парализовать сколько-нибудь предпріимчивость дикихъ, Гасфордтъ старался возбудить между разными племенами ихъ раздоры, дѣйствуя на честолюбіе ихъ представителей. Обѣщая, напримѣръ, одному изъ нихъ свое содѣйствіе для подчиненія ему всего его рода, раздѣленнаго между нѣсколькими вліятельными лицами, Гасфордтъ требовалъ отъ него только одного: нападеній и баранты у враждебнаго намъ племени. Добрыя отношенія, кромѣ того, поддерживались щедрыми подарками и раздачею офицерскихъ чиновъ. Эполеты, украшавшіе халаты множества дикихъ ротмистровъ и полковниковъ, свидѣтельствовали, конечно, не только о тщеславіи дѣтей пустыни, но и о затруднительности нашего положенія.

Въ маѣ 1859 г., для обозрѣнія верховій р. Чу и крѣпостей Токмака и Пишпека, а также для устройства передового укрѣпленія на р. Кастекѣ, высланъ былъ изъ Вѣрнаго отрядъ изъ 2 ротъ, 2 сотенъ, 2 легкихъ и 2 горныхъ орудій. Исполнивъ въ точности все ему назначенное, отрядъ возвратился въ Вѣрное въ концѣ іюня.

Экспедицію предполагалось начать съ весною 1860 года, и Гасфордтъ просилъ уже Катенина (письмомъ отъ 12 ноября 1859 г.), чтобы онъ отвлекъ часть коканскихъ силъ движеніемъ на Джулекъ, но въ это время взгляды правительства потерпѣли уже нѣкоторое измѣненіе. Вотъ что писалъ Гасфордту тогдашній военный министръ генералъ-адъютантъ Сухозанетъ (отъ 7 ноября за № 199).

„Въ отвращеніе возбуждаемаго на Западѣ мнѣнія о завоевательныхъ намѣреніяхъ нашихъ въ центральной части Азіи, правительство наше въ настоящее время признаетъ полезнымъ избѣгать, по возможности, наступательныхъ дѣйствій на нашихъ сибирскихъ границахъ“.

„Въ такихъ видахъ Государю Императору благоугодно, чтобы ваше высокопревосходительство, не отмѣнняя дѣлаемыхъ приготовленій по экспедиціи въ верховьяхъ р. Чу, не приступали однако къ исполненію самаго предпріятія противу Пишпека, пока не получите на то особаго разрѣшенія“.

Къ этому и Катенинъ увѣдомилъ, что возведеніе укр. Джулекъ не можетъ быть начато ранѣе весны 1861 года. Но остановить событія было уже невозможно: для осуществленія идеи соединенія линій шагъ былъ сдѣланъ, коканцы видѣли въ этомъ угрозу и рѣшились дать сильный отпоръ. Увѣренность въ успѣхѣ поддерживалась въ нихъ нерѣшительностію нашихъ дѣйствій и разсчетами на содѣйствіе нашихъ киргизъ, убѣжденныхъ, что мы не смѣемъ идти за Чу.

Къ веснѣ 1860 года коканцы сосредоточили въ Пишпекѣ до 5000 войскъ. Въ началѣ марта они выслали къ озеру Иссыкъ-куль небольшой отрядъ съ цѣлію устроить тамъ укрѣпленіе и собрать зякетъ съ дикокаменныхъ, но посланные туда же отряды наши предупредили коканцевъ и заставили ихъ отступить.

Между тѣмъ къ началу іюня были окончательно доставлены въ Вѣрное артилерійскій, инженерный и перевозочный парки.

11 іюня прибылъ въ Вѣрное корпусный командиръ, который, осмотрѣвъ возвратившійся съ рекогносцировки отрядъ, распустилъ казаковъ на полевыя работы. На случай военныхъ дѣйствій всѣ войска были подчинены генеральнаго штаба полковнику Циммерману. Съ отъѣздомъ Гасфордта начались нападенія мелкихъ шаекъ.

Первая серьезная попытка коканцевъ была сдѣлана въ ночь

на 9 іюля противъ Кастека, но благодаря свѣдѣніямъ, заранѣе о томъ полученнымъ, командующій войсками Заилійскаго края, полковникъ Циммерманъ, принялъ всѣ должныя мѣры: передвинулъ Узунъ-Агачскій отрядъ къ Кастеку, лошадей приказалъ держать на привязи, а кругомъ отряда и укрѣпленія выставилъ сильную цѣпь.

Встрѣченный дружнымъ огнемъ и видя, что захватить насъ врасплохъ не удалось, непріятель отошелъ на позицію у р. Джиренъ-Айгыръ. Съ разсвѣтомъ (въ 5 часу) нестройныя толпы непріятеля заняли высоты лѣваго берега р. Кастека, а вдали (верстахъ въ 5) показался дымъ отъ зажженнаго ими сѣна. Казачья цѣпь, поддержанная пѣхотою, прогнала непріятеля съ занятыхъ имъ высотъ, затѣмъ весь отрядъ перешелъ въ наступленіе, преслѣдуя, быстро отступавшаго непріятеля.

Достигнувъ послѣднихъ высотъ, замыкавшихъ широкую долину р. Джиренъ-Айгыръ, отрядъ увидѣлъ все непріятельское скопище (тысячи въ три), гдѣ особенно выдѣлялась густая толпа ташкентцевъ, одѣтыхъ въ бѣлое. Предводителемъ ихъ былъ ташкентскій парваначи Рустемъ-бекъ. Нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ заставили все скопище покинуть позицію; преслѣдованіе впрочемъ продолжалось недолго, во-первыхъ, по его безцѣльности, а во-вторыхъ, по утомленію людей, не спавшихъ всю ночь.

Потеря наша заключалась только въ 3 раненыхъ лошадяхъ, кромѣ того бѣжалъ къ непріятелю 1 рядовой 8 линейнаго баталіона (родомъ вотякъ). Непріятель потерялъ 50 чел. убитыми, цифра раненыхъ неизвѣстна.

Подозрѣвая, что сѣно около Кастека сожжено было нашими чепраштинскими киргизами, Гасфордтъ приказалъ объявить имъ и дулатамъ, что такъ какъ вокругъ Кастекскаго укрѣпленія расположены ихъ кочевья, то они виноваты, если не въ самомъ сожженіи сѣна, то въ неизвѣщеніи своевременно о намѣреніи коканцевъ произвесть это, чего, конечно, они не могли не знать, а потому за сѣно дулатовскіе и чепраштинскіе киргизы будутъ отвѣчать скотомъ и всѣмъ своимъ имуществомъ.

Отряду же приказано приготовиться къ походу въ половинѣ или въ концѣ августа, для уничтоженія Токмака, а если возможно, то и Пишпека.

Послѣ пораженія на р. Джиренъ-Айгырѣ, коканцы, отступивъ за р. Чу и распустивъ дикокаменныхъ киргизъ на кочевки, остались сами въ Пишпекѣ, куда вскорѣ пришло подкрѣпленіе (болѣе 5 т. человѣкъ), подъ начальствомъ сераскира Канаатъ-ша. Сераскиръ упрекалъ парваначи Рустемъ-бека за то, что тотъ, не дождавшись его прибытія, самовольно открылъ военныя дѣйствія, какъ будто изъ нежеланія раздѣлить съ кѣмъ-нибудь славу успѣха.

Коканскія скопища недолго оставались въ Пишпекѣ: истощивъ запасы продовольствія у окрестныхъ киргизъ, они вынуждены были отойти къ Меркэ, располагая выждать тамъ уборки хлѣба и затѣмъ предпринять новое движеніе въ наши предѣлы.

Одновременно съ нападеніемъ коканцевъ на лѣвомъ флангѣ, стали усиливаться набѣги каратавскихъ киргизъ и на правомъ. Неудача подъ Кастекомъ нѣсколько образумила киргизовъ, которые старались смиреніемъ и угодливостію скрыть свои преступные замыслы. Не смотря на это, чтобы обезпечить, на время экспедиціи, спокойствіе во всемъ Алатавскомъ округѣ, у киргизъ взяты заложники и арестованы; главнѣйшіе пикеты отъ Каратала до р. Или усилены, и сверхъ того всѣ жители станицъ въ краѣ вооружены поголовно запаснымъ и старымъ оружіемъ. Обаяніе возросло въ такой степени, что одинъ изъ зачуйскихъ манаповъ (рода Сумпъ) изъявилъ желаніе вступить въ русское подданство.

Отрядъ силою въ 2,000 человѣкъ, назначенный къ движенію за Чу, изъ 6 ротъ пѣхоты, 6 сотенъ казаковъ, 2 сотенъ киргизъ, 2 батарейныхъ, 4 легкихъ, 4 конно-легкихъ и 2 горныхъ орудій, 4 ракетныхъ станковъ и 7 кегорновыхъ мортиръ, выступилъ 23 августа изъ Вѣрнаго двумя колоннами: лѣвая, черезъ Кастекское ущелье на верховья р. Кара-Кунусъ (въ 9 верстахъ отъ р. Чу) куда направлена была и правая колонна, чрезъ Бишъ-Майнакъ. Въ то же время разосланы были прокламаціи къ дикокаменнымъ киргизамъ и къ зачуйскимъ дулатамъ, о томъ, что движеніе войскъ нашихъ за Чу направлено исключительно противъ сартовъ, осмѣлившихся вторгнуться въ наши предѣлы и напасть на наши укрѣпленія.

26 августа отрядъ переправился черезъ Чу безъ всякаго затрудненія, такъ какъ вода была только по колѣно.

Еще наканунѣ, съ ночлега, послана была въ Токмакъ коменданту прокламація, благодаря которой въ полутора верстахъ отъ Токмака отрядъ встрѣченъ былъ парламентерами, которые на требованіе сдачи укрѣпленія униженно просили дать имъ два дня срока, чтобы получить отвѣтъ отъ начальника ихъ, пишпекскаго коменданта. На это имъ было объявлено, что если укрѣпленіе черезъ часъ не сдастся, то по немъ будетъ открытъ огонь. Между тѣмъ инженерные офицеры произвели ближайшій осмотръ укрѣпленія съ разстоянія 30 саженъ.

По истеченіи срока посланъ былъ съ нашей стороны одинъ киргизъ, который, подъѣхавъ къ самому рву, сталъ уговаривать коменданта Ханкулу; но тотъ спокойно отвѣчалъ, что „не смѣетъ ни сдать укрѣпленіе, ни защищаться!“ И дѣйствительно, изъ крѣпостцы было сдѣлано за все время лишь нѣсколько, безвредныхъ для насъ, ружейныхъ выстрѣловъ, какъ будто для проформы.

Это однакоже нисколько не помѣшало Циммерману бомбардировать жалкое укрѣпленіе... Пять мортиръ и одно орудіе съ дистанціи въ 200 саженъ открыли въ 6-мъ часу вечера огонь, который и поддерживали до сумерекъ, выпустивъ до пятидесяти разрывныхъ снарядовъ. По прекращеніи огня изъ крѣпостцы вышелъ парламентеръ, кричавшій о пощадѣ. Гарнизонъ (около 70 чел.), испуганный дѣйствіемъ разрывныхъ снарядовъ, попрятался въ сакли и не понесъ никакой потери (если не считать одной женщины, слегка задѣтой осколкомъ). Одинъ Ханкула остался сидѣть на стѣнѣ и рѣшился умереть; но вопли женщинъ и дѣтей заставили его согласиться на сдачу.

Коканскій парламентеръ просилъ начальника отряда послать съ нимъ, по восточному обычаю, пулю изо рта, въ знакъ того, что жизнь ихъ пощажена. Просьба эта была исполнена, и чрезъ полчаса явился самъ Ханкула и объявилъ, что сдается безусловно. Гарнизону приказано было очистить укрѣпленіе, послѣ чего Токмакъ былъ занятъ русскими.

Трофеями были: 1 знамя, два фальконета, 58 ружей, 35 сабель, 7 пикъ, 22½ пуда пороху и небольшой запасъ свинцу, картечи для фальконетовъ и т. п. У насъ потери также не было.

Гарнизону дозволено забрать пожитки и затѣмъ 27 августа приступлено къ разрушенію укрѣпленія. Къ вечеру мины были окончены, и башни цитадели, взорванныя коканскимъ же порохомъ, взлетѣли на воздухъ при крикахъ удивленія киргизъ. На другой день работы разрушенія были окончены и вечеромъ строенія Токмака были зажжены.

Къ отряду присоединились: начальникъ Алатавскаго окр. подполк. Колпаковскій съ сотнею казаковъ и султанъ Тезекъ съ 150 киргизами.

29 августа отрядъ выступилъ изъ разрушеннаго Токмака и на другой день во 2-мъ часу пополудни, сдѣлавъ 28-верстный переходъ, подошелъ къ Пишпеку, который открылъ по нашимъ войскамъ частый пушечный огонь, не причинившій намъ однакоже, не смотря на замѣчательную дальность коканскихъ выстрѣловъ, никакого вреда. Оставивъ отрядъ на р. Аламединъ, въ двухъ верстахъ выше крѣпости, Циммерманъ, съ инженерными и артиллерійскими офицерами, произвелъ рекогносцировку. Крѣпость оказалась гораздо сильнѣе, чѣмъ мы ожидали, основываясь на свѣдѣніяхъ, добытыхъ рекогносцировкою предшествовавшаго года: вмѣсто 60—65 саженъ въ боку оказалось до 105 саж., слѣдовательно, крѣпость была почти втрое болѣе. Стѣны наружной ограды высотою въ 2½ и толстотою (въ основаніи) въ 4 саж., были окружены водянымъ рвомъ; берма была весьма широка: мѣстами въ 2 сажени; изнутри стѣны укрѣплены были массивными контрфорсами, служившими и траверсами; на широкомъ валгангѣ размѣ-

щались стрѣлки и артиллерія, дѣйствовавшія черезъ бойницы и амбразуры. Гарнизонъ состоялъ, по словамъ Ханкулы, изъ 700 человѣкъ. Не рискуя на атаку открытою силою, Циммерманъ рѣшился вести подступы противъ западнаго фаса крѣпости, подъ прикрытіемъ садовъ, доходившихъ до 250 саж. отъ стѣны. Передъ другими фасами садовъ не было, а сѣверный примыкалъ, кромѣ того, къ болоту, поросшему камышемъ. Отрядъ немедленно передвинутъ былъ на новую позицію за сады, въ двухъ верстахъ отъ крѣпости и въ ту же ночь началъ работы, не смотря на усталость; къ разсвѣту были готовы и вооружены три углубленныя батареи (на 6 орудій и 7 мортиръ) и 6 ложементовъ для стрѣлковъ; доставка орудій на батареи весьма затруднялась арыками, затопившими всю мѣстность. Въ 5 часовъ утра открытъ былъ огонь съ нашихъ батарей, продолжавшійся до вечера; причемъ выпущено было до 400 снарядовъ.

Коканцы отвѣчали весьма энергично, но послѣ полудня огонь сталъ слабѣть. Съ наступленіемъ темноты огонь прекратился съ обѣихъ сторонъ. Работы второй ночи на 1 сентября заключались въ 100 саженяхъ траншей, новой мортирной батареѣ и 4 ложементахъ для стрѣлковъ. Въ теченіе слѣдующаго дня 1 сентября огонь нашъ былъ слабѣе прежняго: выпущено было только 150 снарядовъ, съ цѣлію сберечь снаряды для болѣе близкаго разстоянія.

Для службы въ цѣпи и прикрытія рабочихъ сформирована была команда охотниковъ, въ числѣ 250 человѣкъ. Порядокъ траншейной службы заведенъ былъ севастопольскій.

Въ ночь на 2 сентября траншея подвинулась еще на 84 саж. и построена брешь-батарея на 4 орудія въ 85 саженяхъ отъ крѣпостной стѣны.

Вооруженіе батареи окончено уже днемъ, тогда же и отведены арыки, несшіе воду въ крѣпость. Мѣра эта впрочемъ ни къ чему не вела, такъ какъ въ крѣпости было нѣсколько колодцевъ и прудъ, а р. Аламединъ подходитъ почти къ самому рву, но зато арыки перестали затоплять мѣстность, занятую осадными работами.

Брешь-батарея открыла огонь послѣ полудня и сдѣлавъ не болѣе 100 выстрѣловъ, произвела значительныя поврежденія въ наружной крѣпостной стѣнѣ и въ особенности въ юго-западной угловой башнѣ.

Впрочемъ поврежденія эти легко исправлялись гарнизономъ: постройки изъ размоченной глины туземцы лѣпятъ необыкновенно быстро. Непріятель отвѣчалъ весьма энергично, и намъ часто приходилось чинить амбразуры и завѣшивать ихъ тросовыми (т. е. канатными) щитами.

Ночью на 3 число работы подвинулись на 30 саженъ къ ис-

ходящему углу атакованнаго фаса, гдѣ и возведена мортирная батарея. Охотники въ цѣпи обшарили всю мѣстность около крѣпости, подползли ко рву и взяли четырехъ человѣкъ, пробиравшихся въ крѣпость. Непріятель, начавшій было отвѣчать на выстрѣлы новыхъ батарей, вскорѣ совсѣмъ замолчалъ. Наша брешь-батарея (она же и демонтиръ) до того пристрѣлялась, что едва покажется въ какой-нибудь амбразурѣ новое орудіе, какъ оно уже подбито. Въ одно 5-фунтовое коканское орудіе попало наше ядро въ самый каналъ и совершенно его заклинило, такъ что и впослѣдствіи расклинить его не удалось. Брешь-батарея сбила также зубцы и всю грудную оборону первой крѣпостной стѣны и совершенно разрушила обращенную къ намъ часть башни. Къ ночи усиленъ навѣсный огонь. Бомбы и гранаты одна за другой летѣли въ крѣпость; подъ покровительствомъ этого огня летучая сапа быстро двигалась ко рву. Въ 10 часу вечера изъ воротъ крѣпости вышли два человѣка съ криками: „аманъ! аманъ, ильчи! *)“ Ихъ тотчасъ взяли охотники, лежавшіе въ секретѣ противъ воротъ, и отвели ихъ на мортирную батарею. Люди эти подали письмо отъ коменданта Атабека и заявили, что онъ проситъ пощады.

Въ письмѣ, между прочимъ, говорилось, что гарнизонъ „около пяти дней дрался и тѣмъ оправдывалъ соль, выданную ему ханомъ“, но теперь, убѣдившись, что будетъ побѣжденъ, онъ готовъ сдаться. Огонь немедленно былъ остановленъ, но работы продолжались по прежнему, а между тѣмъ къ коменданту посланъ киргизъ сказать, что требуется безусловная сдача всего гарнизона, которому обѣщается сохраненіе жизни и имущества. Въ 1 часу полученъ отвѣтъ, что съ разсвѣтомъ оба датхи **) явятся въ траншеи; старшій изъ нихъ Атабекъ прислалъ свою саблю и трехъ почетныхъ людей въ заложники.

Восточная и сѣверная стороны крѣпости были оцѣплены казаками. Къ разсвѣту вѣнчаніе гласиса было успѣшно окончено, но датхи вышли изъ крѣпости и явились на брешь-батарею. Имъ приказано вывести гарнизонъ изъ Пишпека, оставивъ тамъ все вооруженіе, порохъ и прочія военныя принадлежности. Саперы перекинули мостъ черезъ крѣпостной ровъ, и гарнизонъ въ числѣ 627 человѣкъ (въ томъ числѣ не военнаго сословія 84 человѣка и 5 русскихъ дезертировъ) вышелъ безъ оружія, но съ пожитками. Вышли также 63 женщины и 38 дѣтей.

По очищеніи коканцами крѣпости немедленно были введены въ нее наши войска.

---

*) Пощада, пощада, посланникъ!

**) Одинъ комендатъ Пишпека, другой изъ Меркэ, прибывшій на подкрѣпленіе. Датха есть чинъ, соотвѣтствующій нашему генеральскому.

Въ крѣпости найдено: сѣкира *) Атабека, три знамени, 4 мѣдныхъ орудія, 11 фальконетовъ, 49 крѣпостныхъ и 367 кремневыхъ и фитильныхъ ружей, 6 пистолетовъ, 366 сабель и шашекъ, 206 пикъ, 114 пуд. пороху, много ядеръ, чугунной картечи для крѣпостныхъ ружей и проч. Отъ плѣнныхъ отобраны 101 казенная лошадь.

Потеря гарнизона состояла изъ 20 убитыхъ и до пятидесяти раненыхъ, изъ коихъ тяжело раненымъ оказано нашими медиками пособіе.

У насъ выпущено 954 снаряда, 8 ракетъ и 12,869 патроновъ. Непріятель сдѣлалъ болѣе выстрѣловъ, но въ огнѣ его такъ мало было мѣткости, что вся наша потеря состояла изъ одного убитаго и шести раненыхъ (въ томъ числѣ оберъ-офицеръ 1).

На холмѣ, правѣе траншейныхъ работъ, видна была висѣлица, и весь холмъ усѣянъ могилами казненныхъ (насчитано до 100 могилъ). Послѣдними жертвами жестокости Атабека были три человѣка изъ токмакскаго гарнизона, прискакавшіе ночью съ вѣстію о взятіи Токмака. Циммерманъ приказалъ висѣлицу срубить и сжечь.

Нельзя не отдать должной справедливости умѣнью, съ какимъ ведена вся атака. Пишпекъ былъ вчетверо болѣе Акъ-Мечети, имѣлъ двѣ стѣны, лучшее вооруженіе, болѣе многочисленный гарнизонъ, и за всѣмъ тѣмъ, на всю осаду употреблено только 5 дней, тогда какъ Акъ-Мечеть потребовала 22 дня. Кромѣ того, потеря подъ Пишпекомъ состояла только изъ 7 человѣкъ, а подъ Акъ-Мечетью изъ 165. Дѣйствія Циммермана послужили образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ осадъ,—съ этихъ поръ мы уже знали, какъ надобно обращаться съ коканскими крѣпостями! Съ этихъ поръ мы уже не задумывались ни передъ какою твердынею, и ни одна изъ взятыхъ впослѣдствіи крѣпостей не держала насъ подъ своими выстрѣлами долѣе семи дней!

Стѣны пишпекскія были чрезвычайно крѣпки и толсты, внутренняя ограда имѣла, въ иныхъ мѣстахъ, до 5 саж. толщины при основаніи и 3½ сажени вверху, а потому работы по срытію ея были весьма затруднительны: въ теченіе 7 дней высылались на работы по 600 человѣкъ; на взрывы 107 минъ употреблено 217 пуд. пороху (въ томъ числѣ коканскаго 128 пуд.). Въ ночь на 11 сентября, передъ выступленіемъ, всѣ строенія внутри крѣпости наполнены были удобосгораемыми веществами. и преданы пламени, строенія же, внѣ крѣпости находившіяся, не тронуты.

Переправа черезъ Чу совершилась благополучно, не смотря на прибыль воды (бродъ былъ 1½ аршина глубиною). Пѣхотные

*) Знакъ власти.

солдаты были перевезены киргизами на крупѣ. Первый примѣръ подалъ султанъ Тезекъ, который раздѣлся, посадилъ на крупъ своей лошади солдата и перевезъ его. Онъ же первый взялся за лопату и голый, по поясъ въ водѣ, работалъ для примѣра своимъ, когда имъ поручено было отвести воду отъ Пишпека.

Взятіе Токмака и Пишпека надѣлало много шуму въ Петербургѣ, хотя въ сущности не имѣло особаго значенія: на слѣдующій годъ коканцы возобновили Пишпекъ, и намъ пришлось вторично брать крѣпость черезъ 2 года.

Циммерманъ награжденъ за свои энергичныя дѣйствія чиномъ генерала и орденомъ св. Георгія 3 ст. Нижнимъ чинамъ отряда Государь пожаловалъ по 2 руб. на человѣка.

Такъ выполнена была, безъ всякаго содѣйствія со стороны Оренбурга, одними сибирскими войсками заданная имъ программа.

Коканцы, послѣ взятія Пишпека, стали еще энергичнѣе пропагандировать газатъ *) и тѣмъ возмущать подданныхъ намъ киргизъ. Вскорѣ по отъѣздѣ изъ Вѣрнаго генералъ-маіора Циммермана, коканцы начали стягивать свои регулярныя и иррегулярныя войска къ Ауліе-ата и Меркэ, присоединивъ къ себѣ волей и неволей огромное скопище изъ киргизовъ на пространствѣ между Ауліе-ата и Пишпекомъ.

Вслѣдъ затѣмъ непріятельскія войска, въ числѣ болѣе 20,000 съ 10 орудіями, подъ начальствомъ сераскира и правителя Ташкента Канаатъ-Ша, двинулись на общій сборный пунктъ—къ развалинамъ Пишпека. Изъ прокламаціи коканцевъ было ясно видно, что на этотъ разъ они имѣли намѣреніе дѣйствовать сначала на наши сообщенія, а потомъ приступить къ уничтоженію нашихъ поселеній и укрѣпленій. И дѣйствительно, перейдя Курдай, коканцы направились, окольными дорогами, къ западу отъ Кастека, и отрѣзали его отъ Узунъ-Агача. Къ нимъ тотчасъ присоединились наши киргизы, кочевавшіе по близости.

Военныя силы Заилійскаго края въ это время (начало октября) состояли изъ 9 ротъ, 6 сотенъ, 7 орудій и 4 ракетныхъ станковъ. Всего до 2,440 чел. Войска эти распредѣлены были слѣдующимъ образомъ:

Въ Кастекѣ — передовомъ нашемъ укрѣпленіи: одна рота, одна сотня, три орудія (безъ лошадей) и два ракетныхъ станка.

Въ Вѣрномъ: 5 ротъ, 4 сотни, 4 орудія и 2 ракетныхъ станка.

Въ укрѣпленіи Илійскомъ: одна рота.

На пути изъ Вѣрнаго въ Копалъ: 2 роты, сотня, прислуга и лошади батарейнаго взвода **).

Увѣренность наша въ полной безопасности послѣ урока, за-

*) Священную войну.

**) Лошадей вели на продажу въ Копалъ, вслѣдствіе предписанія привести дивизіонъ на мирное положеніе.

даннаго коканцамъ, была такова, что кастекскій воинскій начальникъ, напримѣръ, не придалъ никакого значенія извѣстію о сборѣ коканскихъ скопищъ, доставленному перебѣжавшимъ къ намъ киргизомъ.

Слухи однакоже упорно повторялись, хотя и не давали ничего опредѣленнаго. Опасаясь за передовое укрѣпленіе, отстоявшее отъ Вѣрнаго на 80 верстъ, а также и за промежуточные выселки — зерно будущей колонизаціи, начальникъ Алатавскаго округа подполковникъ Колпаковскій тотчасъ усилилъ отрядъ въ Кастекѣ и выслалъ изъ Вѣрнаго въ Узунъ-Агачъ и Кескеленъ небольшіе гарнизоны, но, получивъ извѣстіе о прибытіи на р. Чу главной части непріятельскихъ скопищъ, онъ передвинулъ узунъ-агачскій отрядъ къ Кастеку, оставивъ на Узунъ-Агачѣ одну роту пѣхоты, сотню казаковъ и два легкихъ орудія, а къ западу отъ Узунъ-Агача, въ Саурукъ-Курганѣ на рѣкѣ Кара-Кастекѣ, роту пѣхоты, 25 казаковъ и ракетный станокъ.

15 октября, Колпаковскій разослалъ къ нѣкоторымъ вліятельнымъ киргизамъ (капитану Тезеку, подпоручику Джангазы и пр.) письма съ приглашеніемъ присоединиться къ нашимъ отрядамъ, со своими батырями, обѣщая за то всю добычу отъ сартовъ...

Киргизы однакоже выжидали, чья возьметъ, и не торопились съ услугами... Они уклонялись даже отъ сообщенія извѣстій о движеніи непріятеля; поэтому наши двигались на авось и, не подозрѣвая серьёзной опасности, разгуливали довольно безпечно небольшими командами.

16 числа отрядъ, назначенный на Саурукъ-Курганъ, дойдя почти до мѣста, былъ охваченъ партіею киргизовъ, но отбился безъ потери. Кастекскій воинскій начальникъ маіоръ Экеблядъ, казалось, все еще сомнѣвался: „не знаю,—писалъ онъ къ Колпаковскому 17 числа,—могу ли навѣрное сказать, что непріятель тутъ; но всѣ признаки даютъ право думать это“...

18-го въ Кастекъ прибылъ самъ Колпаковскій, едва не попавшись въ плѣнъ на пути: онъ также ѣхалъ на авось съ небольшимъ конвоемъ и попалъ на засаду, устроенную киргизами верстахъ въ десяти за Кескеленомъ. Киргизы однакоже не разобрали въ сумеркахъ, много ли, мало ли ѣдетъ нашихъ, и, покруживъ немного, исчезли.

Войска наши къ этому числу были расположены слѣдующимъ образомъ:

Въ Кастекѣ: 4 роты, 4 сотни и 7 орудій. Въ Саурукъ-Курганѣ: одна рота и 1 ракетн. станокъ. На Узунъ-Агачѣ: рота, сотня и 2 орудія. Въ Кескеленѣ: полсотни водворенныхъ казаковъ. Въ Вѣрномъ: двѣ роты и $1^1/_2$ сотни водворенныхъ казаковъ. Въ Илійскомъ укрѣпленіи и Заилійскомъ пикетѣ: рота, сотня и 2 горныхъ орудія.

18 октября передовыя непріятельскія партіи появились, почти одновременно, въ виду Кастека, Узунъ-Агача и Саурукъ-Кургана. Показавшійся на высотахъ Кастека непріятельскій разъѣздъ былъ разсѣянъ сотнею казаковъ, захватившею 3 плѣнныхъ. Посланы были изъ Кастека слабые разъѣзды къ сторонѣ Узунъ-Агача (27 верстъ) и Саурукъ-Кургана (13 верстъ), съ цѣлью притянуть стоявшія тамъ войска въ Кастекъ, къ главнымъ силамъ. Но отряды эти были отрѣзаны, и для соединенія съ ними пришлось двинуться самимъ главнымъ силамъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь о находчивости хорунжаго Ростовцева, посланнаго съ 60 казаками въ Узунъ-Агачъ, съ приказаніемъ. Не доходя пяти верстъ до пикета, команда была окружена толпою киргизовъ, отхлынувшихъ отъ пикета, на который они тщетно нападали весь день 19 октября. У казаковъ была простая телѣга, которую Ростовцевъ вздумалъ выдать за пушку: какъ только киргизы насядутъ, онъ зычнымъ голосомъ командуетъ: «орудіе съ передковъ»,—казаки раздвигаются, снимаютъ телѣгу съ передка, а киргизы даютъ тягу! Команда потеряла только трехъ ранеными и благополучно добрались до Узунъ-Агача, откуда на встрѣчу ей пробилась сотня Жеребятьева съ однимъ орудіемъ.

На разсвѣтѣ 20 числа въ виду Узунъ-Агача показались новыя толпы, но, отбитыя картечью, ограничились джигитовкой на благородной дистанціи, которою занимались до вечера. Въ четыре часа, по кастекской дорогѣ затрещала перестрѣлка,—Жеребятьевъ полетѣлъ на выручку. Оказалось, что это сотня Усова съ ракетнымъ станкомъ, посланная Колпаковскимъ узнать,—почему вчерашнее приказаніе не исполнено? Нельзя не сознаться, что и этотъ разъѣздъ былъ посланъ на авось и что о причинахъ неприбытія отрядовъ можно было догадаться и такъ...

Около полудня получены были записки изъ Саурукъ-Кургана и подполковникъ Колпаковскій съ ротою, двумя сотнями, 5 орудіями и 2 ракетными станками выступилъ изъ Кастека, а къ вечеру прибылъ на Узунъ-Агачъ, присоединивъ по пути роту подпоручика Сярковскаго изъ Саурукъ-Кургана. Непріятель послѣ безуспѣшныхъ нападеній на узунъ-агачскій пикетъ, въ теченіе 19 и 20 чиселъ, отошелъ къ западу отъ этого пикета и расположился на ночлегъ въ пяти верстахъ за возвышенностями. Ночью на 21 число Колпаковскій, съ отрядомъ изъ 3 ротъ, 4 сотенъ, 6 орудій и 2 ракетныхъ станковъ, выступилъ противъ коканцевъ, оставивъ на пикетѣ небольшую часть войскъ (75 чел. пѣхоты и 25 казаковъ) съ однимъ орудіемъ. Непріятель, какъ оказалось, не имѣлъ при себѣ артиллеріи, которую долженъ былъ оставить, по затруднительности сообщеній, частью за хребтомъ,

въ особомъ лагерѣ, частью (6 орудій съ поломанными лафетами) на хребтѣ, откуда онѣ были впослѣдствіи спущены назадъ.

Мѣстность, занятая непріятельскимъ расположеніемъ, находится къ сѣверу отъ дороги изъ укрѣпленія Вѣрнаго по обѣимъ сторонамъ р. Кара-Кастека; рядъ возвышенностей и сопокъ, раздѣляемыхъ широкими логами, дѣлали эту мѣстность весьма пересѣченною. Рѣка Кара-Кастекъ, раздѣляясь здѣсь на нѣсколько рукавовъ, течетъ въ обрывистыхъ берегахъ, но, по незначительной глубинѣ, вездѣ переходима въ бродъ.

По приближеніи нашего отряда коканскіе наблюдательные посты очистили впереди—лежащія высоты.

Какъ только наши войска подошли въ 4 часа утра къ непріятельской позиціи на пушечный выстрѣлъ, артиллерія, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Обуха, была выдвинута впередъ и открыла огонь. Казаки, составлявшіе прикрытіе, отстали, а потому артиллерія очутилась на берегу Кара-су одна. Непріятель думалъ было этимъ воспользоваться: спѣшившись, онъ бросился на орудія, но, осыпанный картечью, отхлынулъ назадъ. Тутъ подоспѣли казаки и прибѣжала стрѣлковая рота. Удачное дѣйствіе нашей артиллеріи и нарѣзныхъ ружей, съ которыми тщетно пробовали состязаться фальконеты и турки *) заставило непріятеля отойти за р. Кара-Кастекъ. Во время этого отступленія Обухъ приказалъ втащить одно орудіе и одинъ ракетный станокъ на крутую сопку, откуда и дѣйствовалъ по отступавшимъ вблизи толпамъ, нанеся имъ жестокое пораженіе. Двинувшись вслѣдъ за отступавшими коканцами, отрядъ перешелъ на лѣвый берегъ Кара-Кастека и пошелъ вверхъ по рѣкѣ.

Между тѣмъ къ коканцамъ, которыхъ въ началѣ боя было до 5.000, стали подходить подкрѣпленія, и отрядъ нашъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ безчисленными толпами непріятеля. Пройдя пять верстъ по рѣчкѣ и миновавъ широкую лощину, впадающую съ сѣвера въ долину рѣчки, отрядъ пріостановился. Впереди была стрѣлковая рота съ артиллеріею и сотня казаковъ; ракетная команда съ сотней казаковъ стояла на флангѣ. За ними остановилась еще одна рота и двѣ сотни. Въ аріергардѣ шелъ Сярковскій со своею ротою. Ближайшая высота была занята колонною сарбазовъ (регулярной непріятельской пѣхоты); остальныя высоты пестрѣли густыми толпами пѣшихъ и конныхъ коканцевъ. Пока отрядъ нашъ ожидалъ присоединенія аріергарда,—изъ поперечной лощины высыпала густая толпа спѣшенныхъ коканцевъ, которая и насѣла на роту Сярковскаго. Разсыпавъ всю роту въ цѣпь и не оставивъ резерва, Сярковскій сталъ отступать къ рѣкѣ. Пѣшіе коканцы раздались, и густая толпа конныхъ непріятелей

*) Турки—длинное (до 1½ сажени) ружье.

врѣзалась въ цѣпь... Частью въ кучкахъ, частію въ одиночку отбивались наши молодцы. Юнкеръ Шороховъ ободрялъ людей своимъ примѣромъ. Тутъ подоспѣлъ поручикъ Вроченскій съ ракетною командой и Обухъ съ сотнею казаковъ и однимъ орудіемъ. Коканцы были отбиты. Такъ какъ непріятельская позиція тянулась паралельно нашему движенію, то отрядъ перемѣнилъ фронтъ и выстроился боевымъ порядкомъ: стрѣлковая рота составила лѣвый флангъ, 6 орудій и три сотни стали въ центрѣ, линейная рота стала на правомъ флангѣ. Рота Сярковскаго и сотня Вроченскаго пристроились подъ угломъ противъ лощины. Обстрѣлявъ высоту огнемъ артиллеріи, Колпаковскій двинулъ войска на штурмъ. Сарбазы были сбиты; артиллерія наша съ большими усиліями взобралась на гору, оставивъ у подошвы завязшія въ грязи два орудія. Коканцы быстро спустились съ сосѣднихъ возвышенностей и бросились на крайнюю линейную роту. Отрядъ шелъ съ двумя густыми цѣпями стрѣлковъ: одна впереди, передъ фронтомъ, а другая позади, для обезпеченія тыла. Эта цѣпь должна была перестроиться въ кучки и отбиваться отъ коканской конницы, насѣдавшей сзади.

Офицеры, бывшіе въ цѣпи, одушевляя нижнихъ чиновъ собственнымъ примѣромъ, въ упоръ били коканцевъ изъ револьверовъ. Выстроившаяся на горѣ артиллерія довершила пораженіе этой толпы. Подобной же участи подверглась и другая колонна сарбазовъ, наступавшая смѣло и торжественно съ барабанами, трубами и распущенными знаменами. Коканцы стали поспѣшно отступать на всѣхъ пунктахъ. Поразивъ, такимъ образомъ, непріятеля, отрядъ нашъ, утомленный продолжительнымъ, девятичасовымъ боемъ съ противникомъ, по крайней мѣрѣ въ 20 разъ сильнѣйшимъ, долженъ былъ отказаться отъ преслѣдованія. Отдохнувъ немного, войска продолжали движеніе къ Кастеку для пополненія патроновъ и запасовъ продовольствія. Пройдя еще до кургана Саурука, отрядъ выслалъ сотню казаковъ отвезти раненыхъ въ Кастекъ и доставить оттуда патроновъ. Киргизы зажгли скирды заготовленнаго здѣсь сѣна и пустили палъ, но вѣтеръ погналъ его въ другую сторону. Дождавшись патроновъ, отрядъ пошелъ опять на Узунъ-Агачъ, куда и прибылъ поздно ночью, сдѣлавъ въ теченіе дня 44 версты и выдержавъ еще 9-часовой бой.

Потеря наша въ этомъ дѣлѣ состояла: изъ 1 убитаго и 26 раненыхъ, въ томъ числѣ 1 оберъ-офицеръ; контужены были: штабъ-офицеръ 1 (самъ подполковникъ Колпаковскій) и нижнихъ чиновъ 5. Потеря непріятеля неизвѣстна, но въ одной пѣхотѣ считалось до 350 человѣкъ убитыхъ (въ томъ числѣ 6 батальонныхъ командировъ или пансатовъ, т.-е. пятисотенныхъ). Лазутчики увѣряли, что вся потеря убитыми и ранеными доходитъ

до 1500 человѣкъ, что весьма вѣроятно, такъ какъ въ этомъ славномъ для нашего оружія дѣлѣ, непріятель, сверхъ ожиданія, оказалъ весьма упорное сопротивленіе: атаки его были весьма настойчивы, а въ рукопашную онъ бросался неоднократно и съ остервенѣніемъ.

Во время узунъ-агачскаго дѣла, коканскія скопища неоднократно подступали къ Кастеку, но гарнизонъ каждый разъ отражалъ нападенія. Это блистательное дѣло можетъ быть поставлено на ряду съ дѣломъ капитана Шкупя, 18 декабря 1853 года, подъ фортомъ Перовскій. Какъ тогда коканцы мечтали отнять у русскихъ, только что взятую Акъ-Мечеть, такъ и теперь они явились раздѣлаться за Пишпекъ. Тогда 13,000, съ 17-ю орудіями были разбиты на голову отрядомъ въ 550 чел. при 4 орудіяхъ, Теперь около 16,000 коканцевъ, безъ артиллеріи, были разбиты отрядомъ въ 700 чел. при 6 орудіяхъ.

Правда, первое дѣло стоило намъ 18 убитыхъ и 49 раненыхъ, тогда какъ въ узунъ-агачскомъ мы потеряли 1 убитаго и 26 раненыхъ; но это объясняется тѣмъ, что подъ ф. Перовскій коканцы явились съ 17-ю орудіями, а подъ Узунъ-Агачъ безъ артиллеріи. Какъ бы то ни было, а коканцамъ подновили старую память: ожегшись на оренбуржцахъ, они ожглись теперь и на сибирцахъ. Съ этихъ поръ у русскихъ сложилось о коканцахъ не весьма лестное понятіе: въ послѣдующихъ передѣлкахъ съ ними наши войска не заботились уже о примѣненіи къ дѣлу началъ, выработанныхъ европейскими войсками, а просто шли на ура.

Сераскиръ Канаатъ-Ша, въ своемъ донесеніи объ этомъ дѣлѣ, увѣрялъ хана, что русскихъ убито 200 человѣкъ, въ томъ числѣ подполковникъ Шайтановъ и есаулъ Бутаковъ, а Колпаковскій смертельно раненъ.

Впослѣдствіи, когда слухи эти достаточно распространились и пріобрѣли въ глазахъ киргизовъ значеніе достовѣрнаго факта, дикокаменные были чрезвычайно поражены, увидя одного изъ убитыхъ (есаула Бутакова) во главѣ летучаго отряда, громившаго ихъ аулы. Коканцы, потерпѣвъ неудачу, ушли во-свояси, оставивъ часть регулярныхъ своихъ войскъ въ курганахъ между Меркэ и Ауліе-Ата и распустивъ большую часть киргизскихъ скопищъ на кочевья. Часть непріятельскихъ войскъ, возвращавшаяся съ Узунъ-Агача, чрезъ горный проходъ Кара-Бура, была тамъ застигнута сильнымъ бураномъ, и такъ какъ люди были одѣты по лѣтнему, то ихъ и погибло до 300 человѣкъ. Такъ плачевно окончилось предпріятіе коканцевъ, задуманное въ широкихъ размѣрахъ и разбившееся о двѣ неодолимыя препоны,— невозможность провести артиллерію и невозможность бороться съ войсками, которыя, даже и порознь, дѣйствуютъ однакоже въ

одномъ общемъ направленіи, поддерживая другъ друга и не заботясь о числѣ непріятеля.

На реляціи корпуснаго командира о дѣлѣ 21 октября, Государь Императоръ изволилъ написать между прочимъ: „Славное дѣло. Подполковника Колпаковскаго произвести въ полковники и дать св. Георгія 4 степени". Обухъ получилъ золотую саблю.

По слухамъ было извѣстно, что съ весною 1861 года коканцы намѣрены были возобновить укр. Пишпекъ и затѣмъ снова вторгнуться въ наши предѣлы, но уже съ бо́льшими силами и подъ предводительствомъ самого хана Мелля-хана.

Въ виду этихъ извѣстій войска Заилійскаго отряда усилены двумя ротами пѣхоты. Съ наступленіемъ зимы дикокаменные и другіе киргизы, отложившіеся отъ насъ во время нападенія коканцевъ и дѣйствовавшіе за одно съ ними, прикочевали въ наши предѣлы на зимовку, по случаю недостатка кормовъ въ мѣстахъ ихъ прежнихъ стойбищъ. Обстоятельствомъ этимъ мы тотчасъ воспользовались для наказанія этихъ киргизъ. Въ укрѣпленіи Кастекъ собрано было 275 казаковъ съ однимъ горнымъ орудіемъ и четырьмя ракетными станками. 120 казаковъ и 24 конныхъ стрѣлка при двухъ ракетныхъ станкахъ, подъ начальствомъ есаула Бутакова, двинулись противъ сарыбагышей въ Кастекское ущелье, другой отрядъ изъ 155 казаковъ, одного горнаго орудія и двухъ ракетныхъ станковъ, подъ командою сотника Жеребятьева, двинулся противъ измѣнническихъ племенъ вѣдѣнія бія Керыма на р. Джаманты, съ тѣмъ, чтобы захватить старшинъ и пригнать аулы къ Узунъ-Агачу. 9 ноября, въ сумерки, отряды выступили и на другой день достигли назначенныхъ имъ мѣстъ. Есаулъ Бутаковъ наткнулся вечеромъ на 5 ауловъ, гдѣ быстро распространилась паника: мститель изъ могилы! Киргизы быстро ускакали, бросивъ женъ и дѣтей. Аулы были сожжены, а скотъ захваченъ.

Потеря наша при нападеніи состояла только въ 1 киргизѣ раненомъ. При отступленіи, собравшіеся киргизы преслѣдовали отрядъ на протяженіи 13 вер., причемъ у насъ смертельно раненъ 1 офицеръ и легко раненъ 1 казакъ.

Въ то же время сотникъ Жеребятьевъ, пройдя ночью, 9-го числа, между спящими аулами, 10-го утромъ подошелъ, никѣмъ не замѣченный, на верховьяхъ Джаманты къ самой юртѣ Керыма, взялъ его и, вызвавъ еще двухъ другихъ богатыхъ старшинъ, арестовалъ ихъ, въ качествѣ заложниковъ, приказалъ всѣмъ ауламъ сниматься и затѣмъ погналъ ихъ на нашу сторону, отрядивъ, въ то же время, хорунжаго Ростовцева, съ 50-ю казаками, для отогнанія табуновъ зачуйскихъ киргизъ, кочевавшихъ на Курдаѣ.

Команда эта, пройдя незамѣченною болѣе 40 верстъ, по на-

правленію къ Курдаю, успѣла, въ разныхъ мѣстахъ, отбить 768 лошадей. Эти три одновременные набѣга имѣли послѣдствіемъ откочеваніе за рѣку Чу всѣхъ киргизъ, размѣстившихся было на южномъ склонѣ Алатавскихъ горъ. Глубокіе снѣга и безкормица, на которую возвращались бѣжавшіе, сдѣлали заданный имъ урокъ еще чувствительнѣе.

ГЛАВА VIII

Ген.-адют. Безакъ. Возведеніе укр. Джулекъ. Взятіе укр. Яны-Кургана 23 сентября 1861. Подвигъ команды фуражировъ подъ Джулекомъ 20 октября. Возведеніе коканцами укр. Динь-Кургана и взятіе его нами 20 января 1862 г. Смерть коканскаго хана Меллябека и безпорядки въ ханствѣ. Осада Пишпека подвластными намъ дикокаменными киргизами. Движеніе нашего отряда къ Пишпеку. Осада и взятіе крѣпости. Претендентъ султанъ Махмудъ. Вмѣшательство въ коканскія дѣла бухарскаго эмира Музаффара. Рекогносцировка хребта Каратау и средняго теченія Сыра. Занятіе Сузака и Чулакъ-Кургана въ 1863 г. Регентъ ханства мулла Алимъ-Кулъ. Военныя приготовленія коканцевъ. Безпорядки въ районѣ Сыръ-Дарьинской линіи. Взятіе Ауліе-Ата Черняевымъ 4 іюня 1864 г. Занятіе Туркестана Веревкинымъ 12 іюня. Отсутствіе единства и связи въ дѣйствіяхъ Сибирскаго и Оренбургскаго отрядовъ. Учрежденіе Новококанской линіи и подчиненіе части оренбургскихъ войскъ Черняеву.

Покончивъ съ Кутебаровымъ, Катенинъ обратилъ особенное вниманіе на обезпеченіе лѣваго фланга Сыръ-Дарьинской линіи отъ нападеній коканскихъ шаекъ, которыя, опираясь на Яны-Курганъ, безпрестанно вторгались внизъ по Сыру и на бухарскую караванную дорогу, чѣмъ наносили весьма значительный вредъ нашей средне-азіятской торговлѣ, разбойничая въ то же время и въ аулахъ нашихъ киргизъ. Въ послѣднее время, всѣ ихъ вторженія совершались по распоряженію ташкентскаго Беглеръ-Бека Канаата. Въ видахъ лучшаго прикрытія кочевьевъ нашихъ киргизъ и упроченія Сыръ-Дарьинской линіи, Катенинъ полагалъ необходимымъ возвести на правомъ берегу Сыра, въ ста верстахъ выше форта Перовскій, укрѣпленіе Джулекъ. Но Катенинъ скоро умеръ, и его предположенія приведены въ исполненіе преемникомъ его генералъ-адъютантомъ Александромъ Павловичемъ Безакомъ *). Работы по возведенію укрѣпленія начались весною 1861 года, а въ концѣ августа укрѣпленіе было уже готово. Въ 90 верстахъ отъ новаго укрѣпленія, на правомъ же берегу Сыра стояла коканская крѣпость Яны-Курганъ, служившая притономъ коканскихъ шаекъ, грабившихъ окрестныхъ киргизъ.

Такое сосѣдство, конечно, было опасно для вновь возведеннаго укрѣпленія и вредно для спокойствія края. Генералъ-адъютантъ Безакъ, осмотрѣвъ въ августѣ джулекскія работы, призналъ не-

*) Управлялъ краемъ съ 1860 по 1865 г. Воспитывался въ Царскосельскомъ лицеѣ. Произведенъ въ 1819 г. въ л.-гв. 1-ю артиллерійскую бригаду. Все время служилъ въ канцеляріи. Въ 1848 г. былъ уже начальникомъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера, потомъ командиромъ 3 корпуса.

обходимымъ овладѣть Яны-Курганомъ и разорить это разбойничье гнѣздо, что имѣло бы за собою еще и ту выгоду, что подчинило бы намъ окончательно кипчаковъ, повиновавшихся, до тѣхъ поръ, и намъ, и коканцамъ.

Исполняя послѣдовавшую по этому предмету высочайшую волю, отрядъ нашъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Дебу, въ составѣ 7 штабъ-офицеровъ, 32 оберъ-офицеровъ, 719 нижнихъ чиновъ (2 роты пѣхоты и 2 сотни казаковъ) и 250 волонтеровъ-киргизъ, при 9 орудіяхъ (въ томъ числѣ 6 мортиръ и 3 единорога) и 3-хъ ракетныхъ станкахъ, выступилъ изъ Джулека 20 сентября. Одинъ стрѣлковый взводъ былъ посаженъ на верблюдовъ и съ 20-дневнымъ продовольствіемъ двинулся въ авангардѣ съ казаками, отъ которыхъ не отсталъ, не смотря даже на то, что казаки сдѣлали около 20 верстъ малою рысью. 22-го, на разсвѣтѣ, авангардъ прибылъ къ Яны-Кургану и открылъ огонь изъ $^1/_4$ пудоваго единорога.

Приближаясь къ Яны-Кургану, генералъ Дебу командировалъ для рекогносцировки мѣстности и осмотра самой крѣпости генеральнаго штаба штабсъ-капитана Мейера и сапернаго полковника Сахарова, съ прикрытіемъ изъ 20 казаковъ.

Въ это время замѣчена была партія конныхъ коканцевъ изъ 27 человѣкъ, пробиравшихся къ крѣпости. Для отрѣзанія этой партіи и поддержанія Мейера, была немедленно направлена, во флангъ коканцамъ, сотня уральскихъ казаковъ; въ то же время и Мейеръ двинулся на встрѣчу партіи съ своимъ конвоемъ; но коканцы, имѣвшіе отличныхъ аргамаковъ, прорвались въ крѣпость съ потерею 1 убитымъ и 2 ранеными. Съ нашей стороны ранены 1 урядникъ и 1 киргизъ.

Составляя неправильный квадратъ (длиннѣйшій фасъ до 56 саженъ) съ башнями по угламъ и со стѣнами въ 3 сажени высотою и толстотою,—крѣпость была расположена на весьма невыгодной для себя мѣстности.

Начать съ того, что она отстояла отъ рѣки слишкомъ на 30 саженъ, а внутри ограды воды не имѣла, чѣмъ всегда можно было бы воспользоваться. Берегъ старицы (т. е. стараго русла рѣки) былъ обрывистъ, и подъ защитой его, какъ по готовой траншеѣ, можно было подойти къ крѣпости саженъ на 25. Песчаные бугры (барханы по здѣшнему), которыми была усѣяна мѣстность къ сѣверу отъ крѣпости, давали возможность расположить скрытно мортирныя батареи не далѣе 170 саж. отъ стѣнъ.

На основаніи этихъ данныхъ составленъ былъ слѣдующій планъ атаки: устроить за барханами мортирныя батареи и бомбардировать крѣпость, если же этого оказалось бы недостаточно, то вывести ночью, въ возможно близкомъ разстояніи отъ атакованнаго фаса и параллельно ему, траншею, затѣмъ, устроивъ

противъ аттакованнаго фаса углубленную батарею, сбить верхнюю, тонкую часть стѣны и тѣмъ ослабить ружейный огонь по сапѣ, потомъ перейти ровъ съ помощію штурмовыхъ лѣстницъ, закрыться на бермѣ блиндажемъ изъ туровъ и фашинъ, заложить въ стѣнѣ горнъ и взрывомъ сдѣлать брешь.

Получивъ во отвѣтъ на предложеніе о сдачѣ, что крѣпость не сдастся ранѣе 3 дней, когда можетъ придти изъ Ташкента повелѣніе, генералъ Дебу приказалъ начать бомбардированіе, которое и открыто въ 11 часовъ утра изъ единороговъ съ дистанціи въ 300 саж. Стрѣльба однакоже была неудовлетворительна, и потому единороги передвинуты еще на 50 саж. впередъ, что впрочемъ не улучшило дѣла. Ракеты также ложились внѣ крѣпости и потому были оставлены. Зато мортиры, поставленныя въ 170 саж. отъ крѣпости, дѣйствовали такъ удачно, что почти съ первыхъ же выстрѣловъ въ крѣпости произошелъ пожаръ, не прекращавшійся до вечера.

Въ 8 часовъ вечера полковникъ Сахаровъ, съ 200 чел. пѣхоты, подъ прикрытіемъ штуцерныхъ, былъ посланъ для закладки траншеи. Подойдя берегомъ на 25 саж. отъ края рва, команда рабочихъ вытянулась въ линію у подошвы бархана, почти параллельно рву крѣпости и вырыла къ часу по полуночи траншею до 100 саженъ длиною.

Бомбардированіе продолжалось всю ночь, причемъ пожаръ въ крѣпости возобновлялся два раза. Къ утру 23 числа изъ траншеи была выведена черезъ барханъ тихая сапа, голова которой прикрывалась, вмѣсто мантелета, двумя турами, связанными вмѣстѣ концами и набитыми войлокомъ, которымъ импровизованный мантелетъ былъ обтянутъ и сверху. Работа эта вызвала со стороны коканцевъ усиленный и безпрерывный огонь, не причинявшій намъ впрочемъ никакого вреда. Судя поэтому о замѣшательствѣ коканцевъ, ген.-лейт. Дебу приказалъ усилить навѣсный огонь, отъ чего пожаръ въ крѣпости усилился до такой степени, что она почти совершенно закрывалась густымъ дымомъ.

Для воспрепятствованія тушенію пожара и для ускоренія сдачи крѣпости пальба мортирныхъ батарей была учащена до возможности, а между тѣмъ въ 100 саженяхъ отъ крѣпости заложена новая батарея на два 1/4-пудовыхъ единорога для содѣйствія переходу черезъ ровъ и миннымъ работамъ. Не успѣли еще наши орудія занять быстро сложенную изъ земляныхъ мѣшковъ батарею, какъ комендантъ Яны-Кургана прислалъ согласіе на сдачу крѣпости къ вечеру.

Получивъ извѣстіе о выступленіи коканскаго войска изъ Туркестана на помощь Яны-Кургану, Дебу потребовалъ немедленной сдачи крѣпости, а между тѣмъ, прекративъ огонь, приказалъ ускорить самыя работы и вооруженіе единорожной батареи.

Тогда гарнизонъ вышелъ въ числѣ 120 чел. изъ крѣпости и сложилъ оружіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ вышли женщины и дѣти, числомъ до 40 чел. Кромѣ того около 100 чел., по словамъ коменданта, успѣли разбѣжаться изъ крѣпости ночью. Гарнизону оставлены пожитки и дозволено отправиться въ Туркестанъ.

Трофеи наши состояли изъ одного бунчука, двухъ знаменъ, одинадцати фальконетовъ, 40 нарѣзныхъ и 30 гладкоствольныхъ ружей, одного мушкетона, 30 шашекъ, двухъ барабановъ, 2 трубъ и проч. При осмотрѣ крѣпости, найдено солдатами и казаками еще оружіе, зарытое въ землю, которое у нихъ и оставлено. Пороху въ Яны-Курганѣ оказалось до 50 пуд. Пожаръ уже приближался къ складу пороха, что и вынудило коканцевъ къ сдачѣ крѣпости. Порохъ этотъ былъ употребленъ на взорваніе стѣнъ Яны-Кургана, вечеромъ были заложены горны подъ крѣпостными стѣнами и башнями, которыя и взорваны 25 сентября на разсвѣтѣ. Потеря наша заключалась всего въ 3 раненыхъ нижнихъ чинахъ, одинъ изъ нихъ вскорѣ умеръ (раненъ еще 1 киргизъ). Отрядъ возвратился въ Джулекъ.

Вслѣдъ за разрушеніемъ Яны-Кургана, былъ сформированъ отрядъ въ составѣ 5 оберъ-офицеровъ и 184 нижнихъ чиновъ при ракетномъ станкѣ, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Мейера, для рекогносцировки мѣстности между Яны-Курганомъ, Каратавскими горами и Джулекомъ. Отрядъ этотъ выступилъ по назначенію 25 сентября и возвратился въ фортъ Перовскій 8 октября. Остальныя же войска, бывшія подъ Яны-Курганомъ, выступили оттуда 25 сентября вечеромъ и 28 прибыли въ Джулекъ.

Не довѣряя первому извѣстію о разрушеніи Яны-Кургана, считавшагося коканцами весьма прочною крѣпостью, ташкентскій Беглеръ-Бекъ Канаатъ посылалъ своихъ приближенныхъ для осмотра ея развалинъ и разузнанія, какими средствами мы уничтожили ее.

Когда сомнѣнія его разсѣялись, то для смягченія ханскаго гнѣва, возбужденнаго потерею Яны-Кургана, Канаатъ объявилъ, что идетъ на „священную брань противъ невѣрныхъ“ и чтобъ, по возможности неожиданно, подойти къ нашимъ фортамъ, оцѣпилъ городъ Туркестанъ, запретивъ жителямъ выходить изъ онаго, и задержалъ, такимъ образомъ, нашихъ лазутчиковъ; затѣмъ направился съ 2,000 чел., сначала по бухарской дорогѣ, а потомъ быстро повернулъ къ Яны-Кургану, переправился здѣсь, частію вплавь, а частію на камышевыхъ плотахъ, чрезъ Сыръ-Дарью и двинулся вверхъ по лѣвому берегу рѣки, пославши по правому шайку въ 500 человѣкъ. Это доказываетъ, что въ дѣйствительности намѣренія Канаата заключались въ желаніи ограбить только нашихъ киргизовъ, и что напасть на наши укрѣпленія онъ не осмѣливался.

Шайки коканцевъ обошли, такимъ образомъ, Джулекъ, а комендантъ этого форта, по непростительной оплошности, ничего о томъ не вѣдалъ и выслалъ 20 октября, за 10 верстъ, по дорогѣ въ фортъ Перовскій команду изъ 11 рядовыхъ оренбургскаго линейнаго № 4 баталіона, съ 11 воловыми подводами и конвоемъ изъ 9 уральскихъ казаковъ, для подвозки въ фортъ сѣна. Наметавъ сѣно на возы, команда возвращалась уже въ фортъ, какъ, не доходя 7 верстъ, увидѣла на песчаномъ бугрѣ, по дорогѣ въ укрѣпленіе, партію конныхъ коканцевъ человѣкъ въ 300, которые, надѣясь на превосходство въ числѣ, стремительно аттаковали горсть русскихъ со всѣхъ сторонъ.

Но не дрогнула эта горсть: укрывшись за возами, она встрѣтила коканцевъ мѣткими выстрѣлами на самомъ близкомъ разстояніи и принудила ихъ отступить. Казаки также отстрѣливались, спѣшившись и ведя лошадей въ поводу, но выстрѣлы и гиканье коканцевъ до того напугали лошадей, что 4 изъ нихъ вырвались и достались въ руки коканцевъ. При первомъ натискѣ убитъ одинъ солдатъ и ранено двое казаковъ. Отбивъ первую аттаку, фуражиры, въ виду коканцевъ, двинулись опять по направленію къ форту. Непріятель снова аттаковалъ ихъ, но снова былъ встрѣченъ выстрѣлами и разсѣянъ, команда однакоже потеряла еще одного солдата убитымъ и трехъ ранеными. Озлобленные коканцы бросились въ аттаку и въ третій разъ, но были и на этотъ разъ отбиты, безъ всякой потери съ нашей стороны.

Барханъ, съ котораго кидались коканцы, былъ уже недалеко. Наши молодцы еще съ начала дѣла рѣшились занять его и на немъ отбиваться до послѣдняго человѣка; теперь, послѣ 3 аттакъ, наши бросили 9 возовъ съ сѣномъ, скучились у двухъ переднихъ, на которыхъ уложили своихъ раненыхъ, и быстро двинулись къ бугру, занятому коканцами. Непріятель не устоялъ противъ дружнаго натиска 7 штыковъ и 6 шашекъ, но при этой аттакѣ у насъ убитъ еще одинъ рядовой.

На вершинѣ песчанаго бугра наши тотчасъ же выкопали ямы, залегли въ нихъ и съ успѣхомъ отбили еще нѣсколько стремительныхъ натисковъ, съ потерею только одного казака убитымъ. Коканцы, видя выгодное расположеніе фуражировъ и готовность ихъ къ твердому отпору, а можетъ быть, и опасаясь прибытія высланнаго изъ Джулека подкрѣпленія, наконецъ отступили, надругавшись надъ найденными ими тѣлами нашихъ убитыхъ*). Наши удальцы, разстрѣлявшіе уже всѣ свои патроны и потерявшіе 4 чел. убитыми и 5 ранеными, двинулись въ Джулекъ и, пройдя 3 версты, встрѣтили на дорогѣ опоздавшее подкрѣ-

*) У двухъ отрублены головы, у одного объ руки по локоть.

пленіе изъ 30 казаковъ, высланныхъ изъ форта. Казаки взяли на коней раненыхъ и поспѣшили доставить ихъ въ лазаретъ.

Тѣла нашихъ убитыхъ были подобраны лишь на другой день. Вмѣстѣ съ ними найденъ и рядовой Антоновъ, считавшійся убитымъ. Получивъ 4 сабельныхъ (изъ нихъ 3 въ голову) и одну огнестрѣльную (въ бокъ) раны и очнувшись только вечеромъ, онъ поползъ было искать воды, но, не найдя ея, завернулся въ плащъ и пролежалъ такъ до утра, когда былъ найденъ.

Такъ окончилось это блестящее дѣло горсти храбрыхъ съ непріятелемъ, въ 15 разъ сильнѣйшимъ, — дѣло, достойное вѣчной славы, на ряду съ знаменитѣйшими подвигами древности!

Старшій въ командѣ рядовой Михаилъ Ивановъ былъ убитъ въ началѣ дѣла; мѣсто его занялъ рядовой Александръ Лызловъ, который, вмѣстѣ съ рядовымъ Василіемъ Ивановымъ и казакомъ Феклистомъ Сутягинымъ, по единогласному отзыву товарищей, воодушевляли ихъ и служили примѣромъ мужества и отваги. Эти три удальца получили именные знаки отличія военнаго ордена. Рядовой Лызловъ, сверхъ того, произведенъ командующимъ линіею генераломъ Дебу въ унтеръ-офицеры, а казакъ Сутягинъ произведенъ корпуснымъ командиромъ въ урядники. Всѣ раненые также награждены знаками отличія военнаго ордена. Такимъ образомъ изъ 16 оставшихся въ живыхъ 8 получили кресты.

Участники славнаго дѣла вполнѣ заслужили чести занять почетное мѣсто въ лѣтописяхъ нашей военной исторіи. Вотъ ихъ имена:

Пали въ бою:

Рядовые — Михаилъ Ивановъ. Анисимовъ. Гуринъ.

Казакъ Шаминъ.

Ранены:

Рядовые — Кириллъ Антоновъ. Павелъ Пермяковъ.

Казаки — Дахула Зундинъ. Давыдъ Ежовъ. Фелисанъ Сѣровъ.

Вышли цѣлыми:

Унтеръ-офицеръ Александръ Лызловъ.

Рядовой Василій Ивановъ.

Рядовые
- Кириллъ Гуринъ.
- Филиппъ Лемзяковъ.
- Терентій Волынинъ.
- Антонъ Сабенинъ.

Урядникъ Феклистъ Сутягинъ.

Казаки
- Маркелъ Бѣляевъ.
- Авдѣй Пивцовъ.
- Вахрамей Истоминъ.
- Иванъ Сѣровъ.

Между тѣмъ на встрѣчу Канаату, остановившемуся на лѣвомъ берегу р. Сыра, при уроч. Каиръ-Суатъ, въ 45 верстахъ отъ форта Перовскій, генералъ Дебу выслалъ, въ ночь съ 21 на 22 октября, роту пѣхоты, посаженную на верблюдовъ, предложенныхъ прикочевавшими къ форту киргизами, сотню казаковъ и два орудія. Отрядъ этотъ уже подходилъ къ передовымъ карауламъ Канаата, когда тотъ снялся и поспѣшно отступилъ.

Постройка Джулекской крѣпости и разрушеніе Яны-Кургана сдѣлало невозможными движенія мелкихъ коканскихъ хищническихъ шаекъ и заставило коканцевъ опасаться за Туркестанъ, и потому они рѣшились построить новую крѣпость, на мѣстѣ, по ихъ мнѣнію, для насъ недоступномъ, а именно на островѣ Буркутты, близъ развалинъ только что разореннаго нами Яны-Кургана.

Ѣздившій въ коканскіе предѣлы киргизъ-лазутчикъ разсказалъ, что Канаатъ, со своими скопищами, находится около новой крѣпости и что къ нему прибыли изъ разныхъ мѣстъ ханства, еще нѣсколько тысячъ ополченцевъ, такъ что вся численность коканскаго скопища дошла до 6 тысячъ. Артилерія Канаата состоитъ изъ тринадцати пушекъ, изъ коихъ одна большого калибра и стрѣляетъ какими-то особыми, привезенными недавно и весьма дорогими снарядами, такъ что каждый выстрѣлъ этой пушки стоитъ 18 тиллей или 50 рублей.

Новую крѣпость Канаатъ назвалъ Динь-Курганъ или „Оплотъ Вѣры“.

По этимъ разсказамъ можно уже судить о впечатлѣніи, какое производилъ Канаатъ на окрестныхъ жителей своими приготовленіями. Этого одного уже было бы достаточно, чтобы вызвать грозу изъ Джулека, но и помимо этого мы не могли же допустить, чтобы на мѣстѣ разореннаго гнѣзда упрямый хищникъ лѣпилъ себѣ другое.

И вотъ, 19 января 1862 года, прежде чѣмъ работы въ Динь-Курганѣ были совершенно окончены (не готовы еще были помѣ-

щенія для гарнизона, который поэтому довольствовался кибитками и землянками), грянулъ громъ русскихъ пушекъ! Коканцы были изумлены внезапнымъ появленіемъ нашего отряда (500 человѣкъ пѣхоты, 300 казаковъ, 140 киргизъ и 10 орудій), который, не смотря на морозы, доходившіе до 27 градусовъ, быстрыми переходами нагрянулъ на Динь-Курганъ, и 20-го послѣ 15-часовой канонады принудилъ его сдаться безусловно и разрушилъ.

Изъ 250 чел. гарнизона убито было до 60, ранено 70. Плѣнные были отпущены, за исключеніемъ 3 русскихъ перебѣжчиковъ, изъ коихъ казакъ Пыжиковъ оказался помощникомъ начальника артиллеріи, а двое другихъ чинили коканцамъ ружья. Съ нашей стороны убито 6 и ранено 10.

Противъ мелкихъ хищническихъ партій коканцевъ были выставлены по Яны-Дарьѣ на Телекуль-Таты киргизскіе караулы, сообщавшіеся разъѣздами.

По уходѣ нашего отряда на линію, Канаатъ, озлобленный рядомъ своихъ неудачъ, возвратился въ Ташкентъ и началъ стягивать войска, заготовлять продовольствіе и вообще готовиться къ походу противъ насъ, съ цѣлію рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій. По собраннымъ свѣдѣніямъ, онъ имѣлъ уже въ то время до 10 тыс. войска и ожидалъ сильныхъ подкрѣпленій изъ Кокана. Вдругъ получено было извѣстіе о смерти хана Мелля-бека, погибшаго вслѣдствіе заговора 30 человѣкъ вліятельныхъ кипчаковъ, которые мстили за смерть родственниковъ своихъ, казненныхъ незадолго передъ тѣмъ, за сношенія съ Худаяръ-Ханомъ, жившимъ въ бухарской крѣпости Уратюпѣ.

Преемникомъ Мелля-бека былъ, однакожъ, провозглашенъ не Худаяръ, а Шахъ-Мурадъ, молодой человѣкъ лѣтъ 17, племянникъ Мелля-бека. Новый ханъ немедленно предалъ казни всѣхъ приближенныхъ своего убитаго дяди. Канаатъ, также замѣшанный въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью возведеніе на престолъ Худаяръ-Хана, опасаясь за себя, началъ сильно укрѣплять Ташкентъ, объявивъ хану, что не прежде явится по его требованію въ Коканъ, какъ получивъ достаточныя ручательства за свою безопасность, а между тѣмъ отнесся къ Худаяру, прося его о немедленномъ прибытіи въ Ташкентъ, что тотъ и исполнилъ въ началѣ марта мѣсяца. Тогда преданные Шахъ-Мураду кипчаки и дикокаменные киргизы, въ числѣ 14 тыс. человѣкъ, обложили Ташкентъ, и такимъ образомъ въ ханствѣ начались междоусобія. Обѣ враждебныя стороны обратились тайно къ бухарскому эмиру съ просьбою объ оказаніи имъ помощи. Эмиръ Музаффаръ, находившійся тогда въ Уратюпѣ, сохранялъ сначала выжидательное положеніе; но потомъ, видя, что дѣла Худаяра ухудшаются, двинулся къ Кокану. Кипчаки принуждены были снять осаду и удалились въ горы Алатау.

Доставивъ такимъ образомъ коканскій престолъ Худаяру, оухарскій эмиръ назначилъ своихъ правителей въ области и вообще занялся было упроченіемъ своего вліянія на Коканъ, но въ это время жители Шахрисябза возмутились, и эмиръ долженъ былъ бросить начатое дѣло.

По удаленіи войскъ эмира, кипчаки снова осадили Коканъ и Ташкентъ. Долго борьба ихъ съ Худаяромъ тянулась безъ рѣшительныхъ результатовъ, но къ концу 1862 года осада этихъ городовъ была окончательно снята, по случаю наступленія сильныхъ холодовъ. Въ то же время подвластные намъ дикокаменные киргизы овладѣли Токмакомъ и осадили Пишпекъ, умертвивъ передъ тѣмъ, самымъ вѣроломнымъ образомъ, пишпекскаго коменданта съ 60 чел. свиты, которыхъ для этого коварно пригласили къ себѣ на праздникъ.

Пишпекъ однакоже упорно защищался, и киргизы удовольствовались тѣмъ, что расчебарили дочиста аулы аркатскихъ сартовъ, поселившихся у Пишпека по изгнаніи ихъ изъ нашихъ предѣловъ. 50,000 головъ скота, всѣ женщины и дѣти были захвачены киргизами.

Аркатцы тотчасъ послали депутацію къ Колпаковскому съ просьбою о защитѣ. Получивъ обо всемъ этомъ подробныя извѣстія, Гасфордтъ приказалъ взять Пишпекъ и сравнять его съ землею, чтобы не дать усилиться безпорядкамъ въ столь близкомъ отъ насъ сосѣдствѣ, а главное, не дать Пишпека въ руки дикокаменнымъ, что повлекло бы за собою большія затрудненія въ дѣлѣ управленія нашими киргизами. Подъ именемъ аркатскихъ сартовъ извѣстны были выходцы изъ Ташкента и Бухары, съ давнихъ поръ водворившіеся въ Киргизской степи. Часть ихъ поселилась въ Семипалатинскѣ, а владѣвшіе стадами верблюдовъ—въ Аркатскихъ горахъ (между Сергіополемъ и Копаломъ). На эти кочевки заявили претензіи киргизы въ 1849 году, и князь Горчаковъ обязалъ сартовъ платить киргизамъ извѣстную сумму за право пользованія занятою землею. Въ 1854 году, вслѣдствіе подозрѣнія, что аркатцы даютъ у себя пристанище контрабандистамъ и разнымъ злонамѣреннымъ людямъ, предложено было этимъ сартамъ либо принять наше подданство, либо переселиться на другое, избранное имъ мѣсто, либо возвратиться въ Бухару. Окончательный срокъ для выбора рѣшенія отложенъ былъ до 1860 г., потомъ до 1862 г., когда 168 семей ихъ и было выпровождено подъ конвоемъ за р. Чу.

5-го октября, отрядъ назначенный для движенія къ Пишпеку, сосредоточился при укр. Кастекъ, въ числѣ 8 ротъ пѣхоты, 2 сотенъ кавалеріи, при 3 орудіяхъ, 10 мортирахъ и 2 ракетныхъ станкахъ, съ обозомъ изъ 15 парковыхъ повозокъ и 350 верблюдовъ. Главныя силы двинулись по Курдайской дорогѣ къ Кассыкскому

броду; отрядъ же изъ двухъ сотенъ казаковъ, съ двумя горными орудіями, подъ начальствомъ генеральнаго штаба штабсъ-капитана Проценко, двинулся по Кастекскому ущелью къ Чумичу, а оттуда прямо къ Пишпеку на соединеніе съ главными силами.

Переправа черезъ Чу заняла около $3^1/_2$ часовъ времени.

13-го числа обѣ колонны сошлись, не доходя Пишпека, и весь отрядъ расположился на прежней нашей позиціи, на р. Алаарча, въ двухъ верстахъ отъ западнаго фаса крѣпости.

Во все время движенія отъ Кастека, погода стояла весьма ненастная — со снѣгомъ и холодомъ, что было особенно чувствительно при перевалахъ черезъ горы, гдѣ морозы доходили уже до 10^0. Киргизы между тѣмъ отошли отъ крѣпости въ горы, ограничиваясь только наблюденіемъ. Предводитель ихъ Байтыкъ, тотчасъ по приходѣ нашего отряда, явился къ Колпаковскому и разъяснилъ положеніе дѣлъ,—оказалось, что другіе манапы помогали ему только на словахъ, а сами въ то же время сносились съ сартами.

Слухи о томъ, что гарнизонъ терпѣлъ недостатокъ въ съѣстныхъ и боевыхъ запасахъ, оказались несправедливыми, а развѣвавшіеся на стѣнахъ крѣпости флаги показывали готовность гарнизона къ оборонѣ.

Ауліе-атинскій бекъ Ата-Бекъ прислалъ въ Пишпекъ сказать, что онъ скоро прибудетъ съ запасомъ одежды и продовольствіемъ для гарнизона.

Осадныя работы начались 13-го же числа, въ день прибытія отряда. Къ утру 14-го дѣйствовали уже одна демонтиръ-батарея въ 4 орудія и двѣ мортирныхъ на 5 мортиръ каждая, съ разстоянія въ 180 саж. отъ крѣпости. На 3-й день траншеи приблизились уже на 42 сажени отъ крѣпости, направляясь мимо с.-з. угла. Но какъ ровъ крѣпостной въ этомъ мѣстѣ оказался наполненнымъ водою, а грунтъ впереди него былъ каменистый, то цѣлью дальнѣйшей аттаки избрана была середина наружной стѣны западнаго фаса. Какъ разъ подъ непріятельской батареей ровъ въ этомъ мѣстѣ былъ сухой, грунтъ не сплошь каменистый и, кромѣ того, свернувъ съ прежняго направленія, почти параллельно фасу, мы скрывали до послѣдней минуты настоящій пунктъ аттаки.

16-го числа по неизвѣстной причинѣ *) на мортирной батареѣ произошелъ взрывъ 288 снаряженныхъ гранатъ, отъ котораго пострадало 7 офицеровъ и 27 нижнихъ чинсвъ, изъ коихъ ранено 3, убито 7, контужено 17. Офицеровъ контужено 4, обожжено 2, раненъ 1. Подъ вліяніемъ паники, войска выскочили изъ траншей

*) Полагаютъ нѣкоторые, что отъ непріятельской бомбы, такъ какъ и предшествовавшія ложились весьма близко.

и бросились по открытому полю назадъ. Коканцы тоже были озадачены, но, разглядѣвъ, въ чемъ дѣло, вскочили на валъ и громкими криками привѣтствовали нашу бѣду, провожая выстрѣлами бѣгущихъ солдатъ. Если бы ворота не были аккуратно завалены, то гарнизонъ, вѣроятно, сдѣлалъ бы вылазку и тогда могъ бы надѣлать намъ много вреда.

На 4-ю ночь, съ 16 на 17 число, изъ передовой мортирной батареи выведена была траншея небольшою параллелью противъ сѣверо-западнаго угла стѣны; вся траншея обдѣлана была бойницами изъ земляныхъ мѣшковъ.

На работы и въ траншейный караулъ высылалось обыкновенно двѣ роты пѣхоты; въ ложементы, днемъ, лучшіе стрѣлки отъ стрѣлковыхъ ротъ, а на ночь охотники.

Съ 18-го числа траншеи пришлось вести уже полутихою сапою въ плотномъ слоѣ булыжника, что весьма замедляло работы. Тогда же начались и работы по приготовленію рамъ для минной галлереи, штурмовыхъ лѣстницъ и прочаго. Лѣсъ для этого привезенъ былъ за 30 верстъ на верблюдахъ изъ ущелья Алаарчи.

Бомбардированіе, начатое съ первой же ночи, продолжалось все это время, но уже нѣсколько слабѣе, такъ какъ непріятель скоро смолкалъ. Штуцерные дѣйствовали такъ удачно, что къ 18 числу между зубцами уже не смѣлъ показываться ни одинъ человѣкъ. Оставались только бойницы, — да и здѣсь каждый выстрѣлъ вызывалъ съ нашей стороны нѣсколько отвѣтныхъ, такъ что, наконецъ, и ружейный огонь съ крѣпости сталъ значительно ослабѣвать. 18 числа замѣчено было, что на одномъ изъ уступовъ сѣверо-западнаго угла явилась новая амбразура съ орудіемъ. Наши стрѣлки тотчасъ направили въ нее свои выстрѣлы, и всѣ усилія прислуги навести орудіе и зарядить его остались тщетными: никому не удалось даже приблизиться къ нему и, послѣ того какъ нѣсколько человѣкъ пало жертвами своихъ попытокъ, орудіе, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, было совершенно убрано.

Ночью охотники наши, пользуясь темнотою, подползали къ самому рву, для его обозрѣнія. Въ ночь на 19 число поручикъ Поповъ, съ 14 челов. охотниковъ, спустился въ ровъ и опредѣлилъ его размѣры, но былъ замѣченъ со стѣны и подвергся сильному огню; два человѣка было убито, самъ Поповъ раненъ, а остальные почти всѣ получили сильные ушибы камнями, брошенными со стѣны.

Для сбереженія людей и для удержанія ихъ отъ излишней отваги, охотникамъ, въ слѣдующія ночи, опредѣлено было ограничиваться обязанностями простыхъ секретовъ. Каждую ночь крѣпость оцѣплялась конными разъѣздами изъ казаковъ и киргизъ.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ перебѣжчиками, гарнизонъ былъ вполнѣ увѣренъ, что русскіе не могутъ вести минныхъ работъ по

недостатку пороха, который, по ихъ мнѣнію, весь сгорѣлъ 16-го числа, не могутъ также держать крѣпость долго въ осадѣ, по близости наступленія холодовъ, а потому имъ остается только штурмъ, къ которому гарнизонъ и готовился, подъ руководствомъ бѣглыхъ русскихъ солдатъ *).

Ночью на 20-е число со стѣнъ спустились, по веревкѣ, нѣсколько смѣльчаковъ изъ гарнизона и осмотрѣли ровъ, который по временамъ коканцы освѣщали ракетными шутихами. Гарнизонъ нѣсколько разъ покушался дѣйствовать по рабочимъ картечью, бомбами и ракетами, но неудачно.

Въ крѣпости же въ этотъ день произошелъ довольно сильный пожаръ, вслѣдствіе того, что одна изъ нашихъ бомбъ попала въ перевозившійся на арбѣ порохъ.

21 числа траншейныя работы были окончены. 22 числа начатъ спускъ въ ровъ подземною галлереей, какъ для безопасности отъ бросаемыхъ гарнизономъ камней, ракетъ и бомбъ, такъ и для большей внезапности перехода черезъ ровъ.

Утромъ 23 числа прибылъ изъ Вѣрнаго транспортъ снарядовъ, для прицѣльной стрѣльбы, и какъ на другой день было предложено произвести взрывъ и штурмовать крѣпость черезъ разбитую башню, то въ этотъ же день открытъ былъ съ нашей стороны энергическій прицѣльный огонь, еще болѣе повредившій башню. Батарея аттакованнаго фаса была также повреждена и орудія въ крѣпости смолкли.

Въ ночь на 24 число минная галлерея достигла рва и переходъ черезъ ровъ былъ начатъ, но гарнизонъ тотчасъ же замѣтилъ наши работы и со стѣнъ послышалась русская фраза: „что я говорилъ, что будетъ мина“. Коканцы открыли сильный огонь; каменья, ракеты, гранаты, горящія головни, снопы сухого клеверу полетѣли въ ровъ; работы наши были буквально завалены и только послѣ усиленнаго дѣйствія артиллеріи работы можно было возобновить утромъ 24 числа. Переходъ устраивался уже блиндированный; ровъ былъ весь въ огнѣ отъ множества бросаемыхъ со стѣны горючихъ матеріаловъ. Для ускоренія дѣла фельдфебель Мастеровъ выскочилъ изъ сапы, подбѣжалъ къ стѣнѣ и въ указанномъ ему мѣстѣ началъ долбить горнъ. Къ 11 часу утра минная галлерея была готова, оставалось только зарядить горнъ; взрывъ положено было произвести въ тотъ же день; отдана была уже диспозиція къ штурму, но въ это время въ крѣпости поднялся сильный шумъ, очевидно споръ; огонь тотчасъ же прекратился и чрезъ нѣсколько минутъ изъ-за стѣнъ

*) Впослѣдствіи оказалось, что солдатъ былъ только одинъ Воробьевъ, находившійся въ плѣну уже 8 лѣтъ,—остальные пятеро были простые татары, спасавшіеся отъ рекрутства.

раздались крики „аманъ, аманъ“, а вслѣдъ затѣмъ изъ-за стѣны показался поднятый на рукахъ человѣкъ, продолжавшій просить пощады.

Тотчасъ огонь нашъ былъ прекращенъ, крѣпость оцѣплена пѣшими и конными часовыми, а въ 12 часу, къ начальнику нашего отряда, явились два старшихъ офицера гарнизона съ письмомъ отъ сына убитаго коменданта.

Тогда ворота крѣпости, забитыя землею, были расчищены нашими людьми, и гарнизонъ, безъ оружія, вышелъ изъ крѣпости, въ числѣ 22 офицеровъ, 554 сарбазовъ, 82 купцовъ и разночинцевъ, 6 русскихъ дезертировъ,—всего 664 человѣка. Кромѣ того еще 92 человѣка женщинъ и дѣтей.

Потеря гарнизона, за время осады, была очень значительна. Большая часть ихъ раненыхъ погибла отъ недостатка призрѣнія.

Трофеями нашими были: 5 большихъ мѣдныхъ орудій, 1 большая мортира, кидавшая свои бомбы на 1½ версты, 1 пушка и 2 гаубицы, 4 небольшихъ чугунныхъ пушки, 10 фальконетовъ, 3 знамени, нѣсколько значковъ, 600 ружей, 100 сабель, до 200 пудовъ пороху, до 7000 ядеръ, бомбъ и гранатъ, значительное количество свинцу и пуль.

Потеря наша состояла: изъ 13 убитыхъ, 17 раненыхъ (3 офицера) и 34 контуженныхъ (4 офицера).

По занятіи Пишпека точнѣе можно было опредѣлить силу этой крѣпости. Пишпекъ найденъ нами вообще сильнѣе бывшаго въ 1860 году; толстыя стѣны его совершенно предохраняли гарнизонъ отъ прицѣльныхъ выстрѣловъ даже батарейныхъ орудій. Направленіе стѣнъ осталось почти то же, что было и въ 1860 году, но площадь цитадели была увеличена. Такъ какъ матеріалъ для стѣны—глина вынималась тутъ же, позади стѣнъ, то вышло, что внутренность крѣпости какъ бы выдолблена въ натуральномъ грунтѣ, прекрасно предохраненная оставшимися закраинами какъ бы стѣнами, отъ прицѣльныхъ выстрѣловъ.

Въ защиту отъ навѣснаго огня всѣ строенія покрыты были накатникомъ и толстымъ слоемъ глины, хорошо противостоявшимъ нашимъ ½-пудовымъ бомбамъ,—только нѣсколько потолковъ оказались пробитыми.

Выпущено снарядовъ 2,051 (въ томъ числѣ показаны и взлетѣвшіе при взрывѣ 288 гранатъ), ракетъ выпущено 63, патроновъ 31,879. Вся экспедиція стоила 867 р. 31 коп.

26 числа начались работы по разрушенію Пишпека, въ которыхъ принимали участіе до 500 киргизъ.

Всѣ плѣнные отпущены, кромѣ двухъ офицеровъ, задержанныхъ для размѣна и 6 бѣглыхъ нашихъ.

Взятое въ крѣпости ручное оружіе частію роздано офицерамъ,

и нижнимъ чинамъ, а частію назначено для казаковъ алматинскихъ станицъ. Снаряды утоплены въ р. Чу.

Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что ни сибирскіе, ни оренбургскіе руководители вторженія въ Среднюю Азію, повидимому, не уяснили себѣ самаго способа дѣйствій и приняли за образецъ старую кавказскую систему, отъ которой и Кавказъ уже отказался въ это время. Они дѣйствовали набѣгами: взять укрѣпленіе, разрушить его —и уйти назадъ. Непріятель снова построитъ крѣпость, мы опять придемъ, опять возмемъ, опять разрушимъ... Крови много, толку мало, но зато наградъ достаточно.

Такъ, въ 1860 году оренбургскій отрядъ взялъ Джулекъ, разрушилъ его и отступилъ, а сибирскій взялъ Токмакъ и Пишпекъ, разрушилъ ихъ и отступилъ. Въ 1861 г. оренбургскій отрядъ взялъ Яны-Курганъ на полпути къ Туркестану, разрушилъ его и ушелъ.

Между тѣмъ въ Хивѣ появился новый претендентъ на коканскій престолъ, султанъ Махмудъ, сынъ Мадали хана, лишеннаго престола и казненнаго въ 1842 году покойнымъ бухарскимъ эмиромъ. Хивинскій ханъ уже давно изъявилъ свое согласіе на отпускъ султана въ Коканъ, гдѣ у него было много приверженцевъ, но проѣздъ чрезъ бухарскія владѣнія былъ для него невозможенъ, а по Яны-Дарьѣ онъ не рѣшался двинуться, изъ опасенія попасть въ наши руки. Однакоже въ октябрѣ 1862 года онъ, съ небольшою свитою, на отличныхъ лошадяхъ, пользуясь выпавшимъ снѣгомъ, дѣлающимъ возможнымъ движеніе и по безводнымъ степямъ, прошелъ по сѣверной окраинѣ степи Кизылъ-Кумъ, счастливо избѣгнулъ преслѣдованія бухарцевъ, переправился чрезъ Сыръ-Дарью при Ушъ-Каюкѣ и, минуя Туркестанъ, пошелъ прямо къ Ташкенту.

Тамъ его однакоже не приняли, и онъ удалился въ горы Каратау, но былъ схваченъ и, по приказанію Худаяръ-хана, зарѣзанъ съ частію своихъ спутниковъ.

Пользуясь отступленіемъ кипчаковъ отъ Ташкента и Кокана, бухарскій эмиръ, женившійся въ началѣ 1863 года на сестрѣ Худаяръ-хана, послалъ къ кипчакамъ, въ видѣ посредника, для примиренія ихъ съ ханомъ, своего Мехрема; но посредничество это не имѣло никакого успѣха: съ февраля мѣсяца кипчаки возобновили свои дѣйствія пораженіемъ, высланнаго противъ нихъ ташкентскаго парваначи Ахмета. Эмиръ послалъ тогда въ Коканъ, подъ начальствомъ Якупъ-бека, до 3 т. своихъ войскъ. Не смотря на это, кипчаки продолжали одерживать успѣхи, а при нападеніи на Маргеланъ нанесли сильный уронъ и бухарскимъ войскамъ. Обстоятельства эти заставили эмира принять болѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ Коканскаго ханства. Въ мартѣ мѣсяцѣ онъ самъ, съ 12-тысячнымъ войскомъ, прибылъ въ Коканъ,

назначилъ въ большую часть коканскихъ городовъ своихъ бековъ и даже началъ чеканить въ Коканѣ монету съ своимъ именемъ. Военныя дѣйствія его, однакожъ, не имѣли успѣха. Кипчаки, соединившись съ дикокаменными киргизами и съ дулатовцами, вскорѣ осадили Ауліе-Ата и Чимкентъ и почти совершенно прервали всякія сообщенія между Коканомъ и проч. частями ханства, а вслѣдъ затѣмъ подступили и къ самому Кокану. Невозможность усмирить возстаніе, волненіе въ Шахрисябзѣ и сомнительныя отношенія къ Афганистану заставили эмира возвратиться въ Бухару, вмѣстѣ съ Худаяръ-ханомъ, на мѣсто котораго былъ избранъ, 9 іюля, Сеидъ-Мурадъ, 12-лѣтній сынъ бывшаго хана Мелля-Бека.

Во время этихъ безпорядковъ нашъ рекогносцировочный отрядъ, подъ начальствомъ новаго начальника Сыръ-Дарьинской линіи полковника ген. штаба Черняева, прошелъ безпрепятственно до самаго Туркестана, потомъ свернулъ къ Каратаускимъ горамъ, а 30 мая 1863 г. занялъ Сузакъ, жители котораго изъявили желаніе вступить въ русское подданство; 8 іюня сдался и Чулакъ-Курганъ, и тогда же изъявили свою покорность часть биштамгалинскаго рода киргизъ; послѣ чего отрядъ также безпрепятственно возвратился къ Джулеку. Пароходы наши „Аралъ“ и „Сыръ-Дарья“, подъ начальствомъ флигель-адъютанта Бутакова, поднявшіеся изъ Джулека вверхъ по Сыру, прошли также безпрепятственно 810 верстъ до урочища Баилдыръ-Тугай. Экспедиція эта, предпринятая по высочайшему повелѣнію для ознакомленія съ проектированною границею по Каратаускому хребту, обошлась въ 9,000 р. сер.

Одновременно высланы были два отряда и со стороны Вѣрнаго: одинъ подъ начальствомъ подполк. Лерхе—къ Меркэ и Ауліе-Ата, другой подъ начальствомъ капитана Проценка на р. Нарынъ, гдѣ ему сдались безъ выстрѣла два коканскихъ форта Джунталъ и Куртку, которые и были разрушены.

Съ воцареніемъ новаго хана, во главѣ правительства стала партія кипчаковъ, въ средѣ которой находилось много людей энергическихъ и способныхъ. Опекуномъ къ малолѣтнему хану и регентомъ ханства былъ выбранъ мулла-Алимъ-Кулъ, человѣкъ еще молодой, отличавшійся умомъ и силою характера; совѣтъ регента составленъ былъ также изъ киргизовъ. Изъ нихъ же избраны беки въ важнѣйшіе города, каковы: Ташкентъ, Туркестанъ и Ходжентъ.

Новое правительство тотчасъ же заявило себя заботами о приведеніи въ порядокъ военныхъ и финансовыхъ средствъ ханства: въ самомъ Коканѣ начались сборы войскъ и литье орудій. Старались, кромѣ того, окружить столицу ханства преимущественно тѣми родами киргизъ, которыхъ преданность новому правитель-

ству не подлежала сомнѣнію; люди же вліятельные и ненадежные, преимущественно изъ сартовъ, были выселены въ Ташкентъ и другіе дальніе города. Бекъ ташкентскій, вызвавъ къ себѣ вліятельныхъ біевъ биштамгалинскихъ и конградскихъ, подъ предлогомъ желанія помирить ихъ между собою, принудилъ эти рода къ уплатѣ зякета за послѣдніе три года, и послалъ для управленія биштамгалинцами въ Чулакъ-Курганъ своего бека съ 200 человѣкъ гарнизона. Въ Ташкентѣ также усиленъ гарнизонъ съ 800 человѣкъ до 4 т., а въ Туркестанѣ заготовлены были значительные запасы провіанта, закуплены лошади, усиленъ гарнизонъ до 2000 человѣкъ, взысканы съ киргизъ увеличенные налоги; укрѣпленія города усилены и исправлены и, наконецъ, разосланы партіи для грабежа на караванныя дороги, въ районы и сибирскаго вѣдомства, и Сыръ-Дарьинской линіи. Бекъ простеръ свою дерзость даже до того, что прислалъ въ Перовскъ своего посланца съ письменнымъ предложеніемъ оказать ему содѣйствіе въ сборѣ зякета съ кипчаковъ и другихъ киргизовъ, намъ подвѣдомственныхъ.

Степи были наводнены прокламаціями коканскаго хана, регента и бековъ ташкентскаго и туркестанскаго, которые сулили киргизамъ всякія блага, если они перекочуютъ въ предѣлы ханства.

Подъ вліяніемъ всего этого сузакскіе аксакалы, возвратясь изъ форта Перовскій, тотчасъ же поѣхали съ подарками къ ташкентскому беку, который въ сентябрѣ мѣсяцѣ назначилъ къ нимъ своего бека съ 10 человѣками конвоя. Впрочемъ бекъ этотъ, сознавая свое безсиліе среди населенія, плохо къ нему расположеннаго, держалъ себя очень смирно и жителямъ никакихъ притѣсненій не дѣлалъ, а потому на смѣну его посланъ, съ 15 сарбазами, Садыкъ, человѣкъ жестокій и рѣшительный.

Попытка коканскаго правительства, заключить миръ съ Бухарою и союзъ съ Хивою не повели ни къ чему. Коканское посольство даже не было допущено къ эмиру, который поклялся или погибнуть, или овладѣть Коканомъ, во что бы то ни стало, не позже весны 1864 г.

Въ концѣ 1862 года положеніе Бухарскаго ханства было весьма хорошее. Покореніе эмиромъ нѣсколькихъ городовъ и нѣсколькихъ независимыхъ мелкихъ владѣній, какъ-то Гиссара, Динау и проч. въ юговосточной части ханства, придавало особый блескъ оружію эмира и возвышало вліяніе его въ Средней Азіи. Дѣйствія возбужденныхъ имъ противъ Хивы туркменъ не могли не подавать ему надеждъ на совершенное распаденіе или подчиненіе ему этого ханства. Къ этой же цѣли стремился эмиръ и относительно Кокана, но его усилія разбились о единодушіе кипчаковъ и о крамолу шахрисябцевъ, которые на этотъ разъ, отстояли свою независимость.

Въ степи, въ районѣ Сыръ-Дарьинской линіи, въ теченіе 1863 года, за немногими исключеніями, вообще было все спокойно: торговля происходила безпрепятственно, и кочевое киргизское населеніе пользовалось полною безопасностью. Немногіе случаи грабежей и нападеній были слѣдующіе:

1) Шайка Чакамана, на караванной дорогѣ у Бухарскихъ горъ ограбила нѣсколько киргизъ „базарчи“, т. е. купцовъ, возвращавшихся изъ Бухары съ небольшимъ запасомъ товаровъ; вслѣдъ затѣмъ шайка биштамгалинцевъ забарантовала у япасцевъ до 80 верблюдовъ и 40 лошадей.

2) Въ іюнѣ шайка Канабета, въ Малыхъ Барсукахъ, отбарантовала у киргизовъ кичкене-чиклинскаго рода 160 лошадей, большая часть которыхъ, впрочемъ, отбита обратно.

3) 29 августа близъ горы Термамбачъ разграбленъ хищниками (вѣроятно, адаевцами) караванъ купца Путолова, шедшій изъ Оренбурга на 22 верблюдахъ.

4) Въ сентябрѣ шайка туркменъ разграбила въ Барсукахъ 6 ауловъ дюткаринцевъ, однакожъ, по высылкѣ отряда изъ форта № 1, спокойствіе было возстановлено, но хищники настигнуты не были.

5) Въ концѣ ноября шайка коканскихъ киргизъ въ 300 человѣкъ, съ частью туркестанскаго гарнизона, пройдя чрезъ кочевья найманцевъ (сибирскаго вѣдомства) и переправясь чрезъ Сары-Су близъ Арыса, отбарантовала у япасцевъ до 80 верблюдовъ и до 9500 барановъ, изъ которыхъ впрочемъ 5 т. тогда же отбиты обратно.

Изъ всего этого видно, что самые важные грабежи и безпорядки производились въ западной части степи, и по преимуществу адаевцами и туркменами.

Послѣ рекогносцировки 1863 года со стороны Сыръ-Дарьинской линіи до г. Туркестана, Сузака и Чулакъ-Кургана и со стороны Западной Сибири до г. Ауліе-Ата, предположено было немедленно приступить къ проведенію временной границы по Каратавскимъ горамъ и занятію города Сузака, Чулакъ-Кургана и Ауліе-Ата, ограничиваясь впрочемъ средствами оренбургскаго и западно-сибирскаго генералъ-губернаторовъ. Но какъ для того пришлось бы усилить средства Сыръ-Дарьинской линіи передвиженіемъ войскъ въ зимнее время, когда въ степяхъ свирѣпствуютъ бураны, то проведеніе новой границы отложено до весны 1864 года. Къ этому времени ожидались на Сыръ-Дарьинскую линію одинъ баталіонъ пѣхоты и двѣ сотни казаковъ, съ соотвѣтствующимъ числомъ орудій. Продовольственные запасы для этихъ войскъ предположено было отправить изъ г. Оренбурга и Троицка въ фортъ Перовскій. Войска эти должны были занять границу до Чулакъ-Кургана. Для занятія же Ауліе-Ата предпо-

ложено было со стороны Западной Сибири двинуть раннею весною, подъ начальствомъ Черняева 8 ротъ пѣхоты, 3 сотни казаковъ, 8 полевыхъ, 2 горныхъ орудія, 7 мортирокъ и 2 ракетныхъ станка; численностію въ 68 офицеровъ и чиновниковъ, 2571 нижнихъ чиновъ, 789 лошадей и 3981 верблюдовъ.

Отрядъ этотъ, подъ названіемъ Зачуйскаго, началъ свое движеніе, какъ и предназначалось, раннею весною, изъ Вѣрнаго. Выступивъ 1 мая, по дорогѣ устроилъ два этапныхъ пункта въ Токмакѣ и Мерке, оставивъ тамъ 2 роты, 1½ сотни и 5 орудій, а къ Ауліе-Ата подступилъ 2 іюня. Давъ въ 7 верстахъ отъ города отдыхъ войскамъ, полковникъ Черняевъ двинулся далѣе на занятую коканцами высоту Текъ-Турмакъ, командующую городомъ, съ авангардомъ изъ роты стрѣлковъ, сотни казаковъ и киргизской милиціи, съ двумя ракетными станками и горнымъ взводомъ. Коканцы даже не пробовали защищать позицію и очистили ее, какъ только приблизились наши войска. Такъ же недолго держались коканцы и на второй позиціи вблизи города. Двѣ роты стрѣлковъ, разсыпанныхъ въ цѣпь, заставили ихъ поспѣшно переправиться на лѣвый берегъ Таласа, гдѣ, не смотря на поддержку своей артиллеріи и регулярныхъ войскъ, непріятель также не удержался и немедленно отступилъ въ крѣпость.

Оставивъ на занятой нами высотѣ батарейный и конный дивизіоны, подъ прикрытіемъ 2 ротъ, полковникъ Черняевъ расположилъ остальныя войска лагеремъ въ одной верстѣ позади и предложилъ коменданту сдаться, давъ на отвѣтъ 3 часа.

По истеченіи означеннаго срока по городу и крѣпости открытъ былъ огонь изъ 8 орудій, оставленныхъ на высотѣ.

На другой день, въ 6 часовъ утра, возвратился нашъ посланный вмѣстѣ съ однимъ ауліе-атинскимъ купцомъ, который и привезъ отвѣтъ коменданта. Такъ какъ отвѣтъ былъ неудовлетворителенъ, ибо комендантъ просилъ 14 дней на размышленіе, то беку написано подтвержденіе назначенныхъ условій и снова открытъ огонь, усиленный еще 2-пудовою мортирою. По прибытіи на другой день къ отряду транспорта, произведена была усиленная рекогносцировка. Сѣверная часть съ цитаделью занимали высокій курганъ; слабѣе ея была южная, гдѣ близко подходили сады, но зато здѣсь были двѣ стѣны одна за другою, а мѣстность болотистая, изрѣзанныя арыками. Западная сторона городской ограды имѣетъ не сильную профиль, часть стѣны обвалилась, или не была докончена, а потому загорожена плетнемъ и засѣками, а впереди ея находилось много закрытій и садовъ, коими можно воспользоваться; артиллерійское же вооруженіе здѣсь весьма слабо. Поэтому Черняевъ рѣшился овладѣть городомъ, не прибѣгая къ траншейнымъ работамъ, и затѣмъ, подъ закрытіемъ городскихъ строеній, дѣйствовать уже противъ цита-

дели. Штурмъ назначенъ 4-го числа въ 6 часовъ утра. Оставивъ въ лагерѣ двѣ роты, 2 сотни и киргизскую милицію при 2 горныхъ орудіяхъ и 2 ракетныхъ станкахъ, остальныя 5 ротъ и одна сотня съ 8 орудіями, подъ проливнымъ дождемъ, переправились черезъ Таласъ и, обстрѣлявъ выбранный для аттаки фасъ сначала съ разстоянія 400 саженъ, а потомъ съ 300, двинулись впередъ, выбили коканцевъ изъ закрытій впереди стѣны и на плечахъ ихъ ворвались въ городъ. Все это произошло какъ-то само собою: только что стрѣлковая цѣпь открыла огонь, какъ одинъ стрѣлокъ былъ раненъ пулей, сосѣди его крикнули: „носилки!“ Крикъ пошелъ передаваться по цѣпи и такъ раззодорилъ всѣхъ, что, не ожидая команды или сигнала, цѣпь бросилась впередъ и черезъ нѣсколько минутъ войска заняли городъ. По занятіи города комендантъ съ 400 конными бѣжалъ изъ цитадели, пользуясь тѣмъ, что по значительному протяженію городскихъ и крѣпостныхъ стѣнъ мы не могли обложить ихъ. Пѣшіе сарбазы, бросивъ оружіе, смѣшались съ жителями, благо по одеждѣ ихъ отличить было нельзя. Аттака продолжалась всего два часа. Такой легкій успѣхъ, безъ всякой почти съ нашей стороны потери, можно приписать необыкновенно удачному дѣйствію артиллеріи и стремительной аттакѣ пѣхоты. У насъ легко ранено 3 человѣка и контужено 2 (въ томъ числѣ 1 офицеръ). Потеря непріятеля простирается до 307 челов. убитыми, 390 ранеными и 341 челов. плѣнными. Раненымъ коканцамъ подано медицинское пособіе.

Трофеи наши состояли изъ 3 бунчуковъ, 5 орудій, 6 фалконетовъ, 13 крѣпостныхъ ружей, 397 фитильныхъ ружей и винтовокъ, 513 сабель и шашекъ, 450 пикъ, 82 пуд. пороху, 70 пуд. свинцу и ядеръ различнаго калибра 415 пудовъ.

Ближайшее ознакомленіе съ проектированной границей указало, что Каратаускій хребетъ, служа естественною границею, нисколько однакоже не облегчалъ дѣла, такъ какъ сообщенія между отрядами и снабженіе ихъ запасами были бы крайне затруднительны, а сѣверные склоны хребта, къ тому же, весьма небогаты водой. Поэтому признано было необходимымъ утвердиться по рѣкѣ Арысу и занять крѣпость Чимкентъ, расположенную на соединеніи путей изъ Кокана къ нашимъ границамъ и владѣющую, такимъ образомъ, узломъ важныхъ торговыхъ путей, ведущихъ отъ нашихъ границъ къ Бухарѣ, Кокану и Кульджѣ. Съ другой стороны, нельзя было миновать и Туркестанъ, служившій центромъ враждебной намъ агитаціи и обѣщавшій, въ будущемъ, серьезныя затрудненія. Вопросъ о занятіи Туркестана рѣшенъ былъ еще въ 1857 г. по докладу ген.-адъютанта Катенина и дѣло отложено только до „своего времени“.

Для занятія Туркестана изъ Сыръ-Дарьинскихъ войскъ сформированъ былъ отрядъ подъ начальствомъ полковника Верев-

кина изъ 4½ ротъ пѣхоты, 2 сотенъ казаковъ, 10 орудій, 6 мортиръ и 2 ракетныхъ станковъ; волонтеровъ было до 150 человѣкъ киргизъ. Всего 44 офицера и чиновника и 1,593 нижнихъ чина. Отрядъ этотъ рѣшено было двинуть нѣсколько ранѣе назначеннаго времени, т. е. ранѣе прибытія подкрѣпленія изъ Оренбурга, дабы отвлечь силы коканцевъ и облегчить дѣло нашему Зачуйскому отряду, наступавшему со стороны Вѣрнаго, на Ауліе-ата. Послѣ труднаго похода, продолжавшагося съ 22 мая по 9 іюня, при сильныхъ жарахъ и необыкновенномъ разливѣ водъ, отрядъ Веревкина прибылъ къ Туркестану, переправясь 9 числа черезъ рѣчку Караичикъ, въ 9 верстахъ отъ города. Не доходя 3 верстъ до садовъ, отрядъ построился въ боевой порядокъ, центръ заняла пѣхота съ артиллеріею въ интервалахъ; на правомъ флангѣ стала Уральская, а на лѣвомъ Оренбургская казачьи сотни, каждая съ ракетнымъ станкомъ; позади слѣдовалъ въ густой колоннѣ обозъ, подъ прикрытіемъ роты пѣхоты. Въ садахъ, окруженныхъ стѣнами, уже ясно можно было разглядѣть движеніе всадниковъ и пѣшихъ людей; цѣпь наша, подойдя на дистанцію 800 шаговъ, открыла огонь по стѣнамъ и деревьямъ. Непріятель отвѣчалъ ружейнымъ и фальконетнымъ огнемъ. Разсѣявъ 6 пушечными выстрѣлами толпы, собравшіяся впереди ограды, войска двинулись впередъ. Стрѣлки наши, съ громкимъ „ура“, бросились въ сады и разобрали въ нѣсколькихъ мѣстахъ стѣну, чтобы дать возможность и остальной пѣхотѣ войти слѣдомъ.

Въ то же время Уральская сотня, подъ начальствомъ маіора Рукина, угрожая тылу непріятеля, привела его двумя ракетами въ окончательное разстройство. Коканцы бѣжали въ крѣпость.

Озадаченные энергическимъ наступленіемъ нашимъ, коканцы нѣкоторое время не стрѣляли вовсе, но потомъ, оправившись, открыли сильный, хотя и безвредный огонь изъ ружей, фальконетовъ и орудій.

Городъ Туркестанъ обнесенъ былъ высокою стѣною, болѣе 3 верстъ въ окружности. Въ сѣверо-восточной части возвышалась цитадель и знаменитая мечеть Азрета. Гарнизонъ состоялъ изъ 1,500 чел.

Въ ночь на 10 число начаты осадныя работы, для производства которыхъ выслано 102 чел. Въ прикрытіе выслана сводная рота, которая, расположившись за садовою стѣною, нѣсколько вправо отъ крайней нашей батареи, поддерживала рѣдкій огонь въ продолженіе всей ночи и тѣмъ отвлекала вниманіе непріятеля отъ осадныхъ работъ, которыя поэтому шли весьма успѣшно и безъ потерь. Къ разсвѣту окончены постройкою и вооружены три батареи: одна на 4 орудія, другая на 2 мортиры, а третья на 4 мортиры. На разсвѣтѣ, увидѣвъ наши батареи, ко-

канцы открыли по нимъ сильный огонь, не причинявшій намъ однакоже никакого вреда.

Прицѣльные выстрѣлы наши сбили во многихъ мѣстахъ только верхній гребень стѣны,—самая же стѣна, по толстотѣ своей, оставалась почти неуязвимою.

Навѣсный огонь оказался удачнѣе: онъ произвелъ въ городѣ нѣсколько пожаровъ. Изъ отвѣчавшихъ намъ 3 непріятельскихъ орудій, два окончательно замолкли къ 1 часу дня.

Инженерныя работы, въ теченіе дня, заключались въ заготовленіи туровъ и фашинъ.

Слухи о намѣреніи бековъ Сузака и Ташкента идти на помощь Туркестану отчасти оправдались вступленіемъ въ Туркестанъ Сыдыка Кениссарова со 120 кольчужниками *), составлявшими соединенные гарнизоны Сузака и Чулакъ-Кургана. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ рѣшено было ускорить аттаку.

Въ ночь на 11 число начаты подступы. Ночь была лунная и потому работы наши тотчасъ замѣчены были непріятелемъ, открывшимъ сильный огонь. Около 11 часовъ осажденные произвели вылазку, которая была однакоже отбита съ большимъ для нихъ урономъ, съ нашей же стороны убито три, а ранено и контужено 24 человѣка нижнихъ чиновъ и 1 оберъ-офицеръ.

Пользуясь тревогой, мы заложили еще одну батарею на два легкихъ единорога. Батарея эта къ 9 часамъ утра 11 числа была окончена, а въ 10 часовъ единороги открыли огонь.

Въ продолженіе дня 11 числа навѣснымъ огнемъ произведено въ городѣ опять нѣсколько пожаровъ. Подбитыя въ первый день коканскія орудія снова открыли огонь, но опять не надолго.

Начальникъ отряда приказалъ щадить мечеть султана Азрета **), но, узнавъ отъ перебѣжчика, что жители приписываютъ это чуду святого и пріободрились, — велѣлъ дать по ней 12 выстрѣловъ Одиннадцать пробоинъ уличили святого въ безсиліи, и жители стали колебаться.

Въ ночь на 12-е число осажденные повторили вылазку, въ значительныхъ силахъ. Пробравшись скрытно садами въ тылъ осадныхъ работъ, коканцы напали на лагерь, но были встрѣчены картечью на весьма близкой дистанціи и бѣжали.

Вслѣдъ затѣмъ въ тылу праваго ложемента послышались

---

*) Помѣшать этому не удалось, такъ какъ Сыдыкъ отступилъ отъ высланной противъ него сотни, подъ стѣны крѣпости, вдоль которыхъ и шелъ до самыхъ воротъ.

**) Азретъ-Хаджи-Ахмедъ-Ясава умеръ въ 1120 г. по Р. Х. Мечеть воздвигнута, черезъ 284 года по его смерти, Тамерланомъ въ 1404 г. по Р. Х., какъ мавзолей надъ тѣломъ любимой правнучки своей. Здѣсь же гробница знаменитаго хана Средней орды Аблая (умеръ въ 1781 г.), утвержденнаго въ званіи Императорскою граматою 22 октября 1778 г.

крики несущейся коканской кавалеріи и въ то же время замѣчена была значительная масса пѣшихъ коканцевъ, скрытно ползущихъ со стороны исходящаго угла крѣпости. Подпустивъ коканцевъ на самую близкую дистанцію, рота, составлявшая траншейный караулъ, и рота рабочихъ открыли по нимъ мѣткій огонь и заставили ихъ бѣжать ко рву крѣпости. Часть коканскихъ всадниковъ, занесенная испуганными лошадьми, наткнулась на нашу траншею. Коканцы спѣшились, вскочили въ траншею и бросились на солдатъ съ шашками и батиками *), но были тотчасъ заколоты штыками—всѣ до единаго, съ нашей же стороны сильно ушибленъ одинъ рядовой.

Только что окончилась первая вылазка, какъ со стороны бархана на лѣвомъ флангѣ нашихъ работъ показалась новая, значительная масса коканцевъ, съ распущеннымъ знаменемъ, рѣшившихся, какъ видно, еще разъ попытать счастія на лѣвомъ нашемъ флангѣ. Огонь и здѣсь былъ открытъ съ самой близкой дистанціи. Съ первыхъ же выстрѣловъ знамя упало, коканцы смѣшались и повернули назадъ. Къ сожалѣнію при отбитіи этой вылазки у насъ убитъ храбрый офицеръ, командовавшій въ траншеѣ, капитанъ генеральнаго штаба Каховскій.

По настоятельному приказанію начальника отряда, пѣхота открывала огонь только съ самаго близкаго разстоянія, что имѣло результатомъ огромную потерю у коканцевъ, особенно въ переднихъ рядахъ, т. е. въ лучшихъ и храбрѣйшихъ людяхъ; зато съ этихъ поръ открытыя нападенія ихъ уже прекратились.

Въ это время голова работы нашей подвинулась къ передовому рву на разстояніе 15 саженъ, и рабочіе нерѣшительно подвигались впередъ, подъ опасеніемъ нападенія со стороны засѣвшаго во рву, послѣ отбитой вылазки, непріятеля. Штабсъ-ротмистръ Вульфертъ, заступившій мѣсто капитана Каховскаго, съ крикомъ „ура!“ бросился впередъ; цѣпь послѣдовала за нимъ и, перебѣжавъ до рва совершенно открытое пространство, подъ весьма сильнымъ огнемъ, заняла ровъ, выбивъ изъ него непріятеля штыками. Затѣмъ работы наши быстро подошли къ передовому рву и начатъ переходъ черезъ ровъ тихою сапою.

Въ это время стрѣльба со стѣнъ прекратилась и разнеслись слухи о сдачѣ крѣпости; пользуясь этимъ, мы начали минную галлерею въ городской оградѣ.

Туркестанскій бекъ Мурза-Давлетъ, испуганный быстрымъ приближеніемъ осадныхъ работъ подъ самыя стѣны и предвидя скорый взрывъ и штурмъ, притомъ испытавъ огромную въ людяхъ потерю на вылазкахъ, вышелъ изъ крѣпости съ 330 наи-

*) Палицы—длинная деревянная рукоять съ укрѣпленнымъ на концѣ чугуннымъ, съ ребрами или острыми шишками, шаромъ.

болѣе преданныхъ ему людей, подъ предлогомъ вылазки, и ушелъ по ташкентской дорогѣ. Жители Туркестана, узнавъ объ этомъ предательствѣ, прислали въ 8 часовъ утра депутацію о сдачѣ города и цитадели.

Тогда всѣ работы были прекращены, орудія съ батарей сняты, и русскій гарнизонъ занялъ цитадель въ 10 часовъ утра.

Значительная часть осажденныхъ разбѣжалась во время вылазокъ послѣдней ночи, 330 человѣкъ ушли съ Мурза-Давлетомъ, и около 700 человѣкъ сартовъ и киргизовъ, по указанію жителей, выпровождены изъ города подъ конвоемъ или отпущены въ аулы на поруки біевъ.

Въ крѣпости взято четыре орудія, свыше 200 пудовъ пороху, хранившагося въ мечети Азретъ-Султанъ, до 100 пудовъ свинцу въ слиткахъ, 20 фальконетовъ, 17 крѣпостныхъ ружей, болѣе 100 обыкновенныхъ ружей и много шашекъ и пикъ, но все лучшее оружіе увезено Мурза-Давлетомъ и его спутниками.

Потеря наша заключалась, за все время, убитыми:

Оберъ-офицеръ	1
Нижнихъ чиновъ	4
Ранеными и контуженными: оберъ-офицеръ	1
Нижнихъ чиновъ	32

Снарядовъ выпущено 1,495, изъ нихъ прицѣльныхъ 201.

Для преслѣдованія Мурзы-Давлета былъ посланъ летучій отрядъ изъ казаковъ и киргизовъ, которые, пройдя болѣе 25 верстъ и видя, что нагнать его невозможно, возвратились.

Съ самаго почти занятія Туркестана здѣсь начали носиться слухи о прибытіи въ Ташкентъ Мынбая (коканскій главнокомандующій) съ большими силами, и потомъ о движеніи его къ Чимкенту, откуда онъ могъ двинуться или на Ауліе-Ата или же на Туркестанъ.

Носились слухи также о томъ, что мулла Алимъ-Кулъ, регентъ ханства, возбуждая жителей на священную войну, выступилъ уже изъ Кокана съ 2 тысячами пѣхоты и съ артиллеріею. Все это заставило отложить высылку отрядовъ къ Сузаку и Чулакъ-Кургану, дабы не раздробить силъ и не ослабить рабочихъ и боевыхъ средствъ Туркестана. Между тѣмъ генералъ Черняевъ, продолжая устраивать крѣпость въ Ауліе-Ата, выслалъ за снѣговой хребетъ Карабура легкій отрядъ изъ 2 стрѣлковыхъ ротъ и нѣсколькихъ казаковъ, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ и 1 ракетномъ станкѣ, съ цѣлію проникнуть въ долину р. Чирчика и тѣмъ удержать кочующихъ здѣсь кара-киргизъ отъ участія въ предположенныхъ коканцами военныхъ операціяхъ. Отрядъ этотъ взялъ укрѣпленіе (курганча) Намъ и къ 3 іюля вернулся въ Аулі-Атае.

Узнавъ, что подъ Чимкентомъ сосредоточилось до 8 тысячъ коканскихъ войскъ, и находя, что безъ Чимкента, составляющаго узелъ дорогъ военныхъ и торговыхъ, граница наша будетъ чисто фиктивною, призрачною,—генералъ Черняевъ рѣшился занять этотъ городъ и просилъ генерала Веревкина (письмомъ отъ 28 іюня) облегчить ему это дѣло диверсіей со стороны Туркестана. Генералъ Черняевъ предполагалъ выступить въ началѣ іюля и, занявъ Чимкентъ, оставаться тамъ до прибытія баталіона изъ Оренбурга.

На второмъ переходѣ отъ Ауліе-Ата онъ получилъ отъ Веревкина грубое письмо отъ 2 іюля, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ, что отряда не вышлетъ, потому что нужно строить помѣщенія на зиму и косить сѣно; что по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ въ Чимкентѣ всего нѣсколько сотенъ коканцевъ, съ которыми онъ и самъ можетъ справиться. Веревкинъ не раздѣлялъ также взгляда о необходимости занятія Чимкента, такъ какъ этотъ городъ лежитъ верстъ на 40 восточнѣе Арыса и такимъ образомъ не входитъ въ предположенную границу. „Поэтому,—писалъ Веревкинъ,—почитаю обязанностью сообщить Вамъ, что безъ формальнаго предписанія командира отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, я Чимкента ни въ какомъ случаѣ не приму въ свое вѣдѣніе и для содержанія тамъ гарнизона не могу дать ни одного солдата. Если же бы и послѣдовало подобное предписаніе, то, конечно, исполнивъ его буквально, я почту себя вынужденнымъ войти съ особымъ представленіемъ, по командѣ, о сложеніи съ меня, въ этомъ дѣлѣ, всякой отвѣтственности за могущія быть послѣдствія“.

Черезъ 35 лѣтъ Черняевъ иначе излагалъ конецъ этого письма *); упомянувъ, что въ свое время онъ считалъ неудобнымъ помѣстить его въ оффиціальномъ донесеніи о дѣйствіяхъ подъ Чимкентомъ, онъ приводитъ конецъ письма въ такой версіи: „я не раздѣляю вашего мнѣнія о необходимости занять Чимкентъ и на это не имѣю предписанія, а если бы и получилъ таковое, то немедленно просилъ бы увольненія отъ командованія отрядомъ“.

„Подъ впечатлѣніемъ этого рѣзкаго, недоброжелательнаго отвѣта,—продолжаетъ Черняевъ,—я хотѣлъ предоставить Веревкина его собственнымъ силамъ и остановилъ отрядъ, но вскорѣ преодолѣлъ себя и пошелъ далѣе“.

Такой категорическій отвѣтъ можно объяснить, однако, весьма понятнымъ чувствомъ каждаго начальника, ревниво охраняющаго интересы своихъ подчиненныхъ: „лавры достанутся сибирцамъ, а оренбургцы придутъ только засѣсть въ гарнизонъ!“ Но тѣмъ не менѣе такое отношеніе къ общему дѣлу не должно быть терпимо, и потому, получивъ отъ Черняева просьбу установить единона-

*) «Русскій Вѣстникъ» 1889 г. № 8. „Султаны Кенисара и Садыкъ“.

чаліе *), военный министръ, телеграммой отъ 17 іюля, извѣстилъ Безака, что „Высочайше повелѣно, для единства распоряженій на новой Коканской линіи, подчинить генералъ-маіору Черняеву и эту линію отъ долины р. Чудохны-Кутона, со включеніемъ и войскъ, составлявшихъ отрядъ генерала Веревкина". 19 іюля, въ поясненіе этой телеграммы была послана новая (за № 2848), слѣдующаго содержанія:

„На новой линіи общее начальство надъ войсками принимаетъ Черняевъ, временно, какъ старшій, для единства распоряженій, но само собою разумѣется, что Веревкинъ долженъ содѣйствовать всѣми имѣющимися у него средствами, для устройства и обезпеченія линіи. При желаніи общей пользы всѣ поводы къ столкновеніямъ устранятся".

Мы съ умысломъ подчеркнули послѣднюю фразу: она еще не разъ придетъ на память читателю при описаніи тѣхъ препятствій, какія громоздили Черняеву весьма многіе изъ „желавшихъ общей пользы"!..

На первый разъ однакоже, благодаря содѣйствію военнаго министра, Черняевъ былъ поставленъ выше столкновеній—подчиненіемъ ему образованной, по этому случаю, Ново-Коканской линіи (приказъ 18 іюля) изо всѣхъ укрѣпленій, отъ р. Чу до Сыръ-Дарьи по бывшее укр. Яны-Курганъ.

До полученія еще этихъ телеграммъ, Веревкинъ рѣшился однакоже выслать изъ Туркестана, будто-бы для открытія сообщеній съ отрядомъ Черняева на рѣкѣ Арысѣ, 2 роты пѣхоты и 1 сотню казаковъ при 3 орудіяхъ и 1 ракетномъ станкѣ, подъ начальствомъ генеральнаго штаба капитана Мейера. Но Черняева объ этомъ не увѣдомили изъ Туркестана, чтобъ онъ не торопился къ Чимкенту и не помѣшалъ Мейеру взять этотъ городъ безъ сибирцевъ...

---

*) Онъ увѣряетъ тамъ же, будто рапортъ объ этомъ онъ послалъ послѣ отступленія изъ-подъ Чимкента въ Ауліе-Ата, значитъ, послѣ 23 іюля, но тогда какимъ чудомъ объяснить, что Милютинъ отвѣтилъ ему 17 іюля, т. е. раньше этого отступленія?

ГЛАВА IX.

Движеніе Сибирскаго отряда отъ Ауліе-Аты, а Оренбургскаго—отъ Туркестана—къ Чимкенту. Киргизская милиція. Сидѣнье Мейера на Акъ-Булакѣ 14—15 іюля. Движеніе Черняева на выручку. Переговоры съ Алимкуломъ. Рекогносцировка Чимкента. Осада и штурмъ этого города. Наказаніе жителей г. Сайрама, за измѣнническое нападеніе. Виды Черняева на Ташкентъ. Неудачный штурмъ этого города 2 октября 1864 г. Образованіе Туркестанской области. Движеніе Алимкула къ Туркестану. Молодецкое дѣло эсаула Сѣрова подъ Иканомъ 4, 5 и 6 декабря. Предосудительное поведеніе туркестанскаго коменданта подполк. Жемчужникова. Боязливость посланнаго на выручку подпор. Сукорко. Неудовольствіе Черняева.

Выступивъ 7 іюля къ Чимкенту изъ Ауліе-Ата, съ отрядомъ изъ шести слабыхъ ротъ и сотни казаковъ, при десяти орудіяхъ и двухъ ракетныхъ станкахъ, всего въ числѣ 1,298 челов., Черняевъ 10 числа прибылъ къ урочищу Яски-Чу на Арысѣ, въ 50 верстахъ отъ Чимкента.

Здѣсь получены свѣдѣнія, что Чимкентъ занятъ шеститысячнымъ скопищемъ при четырехъ орудіяхъ, подъ начальствомъ Минбая, но что вскорѣ ожидаются и главныя силы коканцевъ, подъ личнымъ предводительствомъ регента ханства Алимкула. Дѣйствительно, вскорѣ прибылъ и Алимкулъ. Не видя въ киргизахъ особаго рвенія къ поддержанію коканскаго могущества, Алимкулъ вызвалъ въ Чимкентъ киргизскихъ старшинъ, упрекалъ ихъ въ равнодушіи къ интересамъ мусульманства, въ изъявленіи покорности русскимъ, грозилъ имъ местью и казнями и ради примѣра велѣлъ привязать къ заряженной пушкѣ, на англійскій манеръ, самаго стараго 80-лѣтняго старшину Байзака и выстрѣлить... Результатъ однакоже получился совершенно не тотъ, какого ожидали коканцы: только арестованные біи и султаны остались, а всѣ киргизы бѣжали къ Черняеву, и не смотря на то, что онъ отказывался принимать людей съ плохимъ оружіемъ (большею частію простыя желѣзныя сабли), но и безоружные вовсе увѣряли, что они будутъ ему сильно помогать.

— Чѣмъ же вы можете помочь намъ?—спросилъ Черняевъ.

— Крикомъ!—отвѣчали они.

Черняевъ однако принялъ только 1,000 человѣкъ милиціи, не дававшей пощады коканцамъ и дѣйствительно гикавшей, визжавшей и кричавшей такъ, что наводила страхъ на непривычныхъ людей.

Киргизы выставили безплатно и верблюдовъ.

Подражать англичанамъ не вездѣ оказывается выгодно!

Первоначальный планъ Черняева состоялъ въ томъ, чтобы, оставаясь на занятой позиціи, прикрыть Ауліе-Ату и, въ случаѣ движенія непріятеля къ Туркестану, бить ему въ тылъ; 13-го числа ночью получено было другое извѣстіе, что отрядъ Мейера изъ 2 ротъ пѣхоты, 1 сотни казаковъ, 20 киргизовъ, 3 орудій и 1 ракетнаго станка стоитъ на Арысѣ и ждетъ приказаній въ 35 верстахъ отъ Чимкента. Это вынудило Черняева отказаться отъ первоначальнаго плана и спѣшить на соединеніе съ этимъ малочисленнымъ отрядомъ. Ночью же войска были подняты по тревогѣ и двинулись далѣе.

Въ Туркестанѣ никто, начиная съ Веревкина, не вѣрилъ сообщаемымъ Черняевымъ свѣдѣніямъ о сосредоточеніи коканскихъ войскъ къ Чимкенту, вотъ причина посылки такого слабаго отряда (Туркестанъ отстоитъ отъ Чимкента на 155 верстъ). Мейеръ такъ былъ убѣжденъ въ безпрепятственности движенія и даже въ успѣхѣ надъ Чимкентомъ, что нарочно торопился, разсчитывая „похитить лавры“ между глазъ сибирскаго отряда.

Онъ даже прибѣгнулъ къ хитрости: придя на р. Арысь 12 числа, онъ только отсюда послалъ о томъ донесеніе Черняеву и увѣрялъ, что остается здѣсь ожидать его приказаній, а самъ пошелъ далѣе, очертя голову, на Чимкентъ!

13 числа, послѣ усиленнаго перехода, Мейеръ остановился на первой же водѣ, какую встрѣтилъ въ темнотѣ, не заботясь уже о „тактическихъ условіяхъ“ позиціи. Сказать проще: онъ сталъ въ котловинѣ, а высоты, окружавшія его лагерь, не занялъ. Это было урочище Акъ-Булакъ. Съ разсвѣтомъ 14 числа, отрядъ увидѣлъ себя окруженнымъ многочисленнымъ коканскимъ скопищемъ, занявшимъ окружающія отрядъ высоты. Устроивъ наскоро прикрытіе изъ кулей съ провіантомъ и вьюковъ, Мейеръ рѣшился обороняться. Въ восемь часовъ непріятель повелъ атаку со всѣхъ сторонъ. Отбитыя картечью и ружейнымъ огнемъ, какъ нашимъ, такъ и собственнымъ своимъ *), коканцы засѣли за ближайшими неровностями мѣстности и завязали перестрѣлку. Охотники изъ стрѣлковъ и казаковъ, подъ начальствомъ прапорщика Овчинникова и хорунжаго Павлова, штыками выбили ихъ оттуда, и коканцы, не повторяя въ этотъ день атаки, ограничились канонадой изъ своихъ трехъ орудій и нѣсколькихъ фальконетовъ и крѣпостныхъ ружей. Гранаты и пули наносили намъ значительный вредъ. Тотчасъ вызвались охотники (въ томъ числѣ 3 офицера) взять непріятельскую батарею, но Мейеръ этому воспротивился, предпочитая какъ-нибудь отсидѣться. Самъ онъ при-

*). Непріятельскія пули, перелетая черезъ нашъ отрядъ, попадали въ своихъ же, наступавшихъ съ противоположный стороны.

нялъ всѣ мѣры для своей личной безопасности, подавая подчиненнымъ хорошій примѣръ того, какъ надобно беречь свою жизнь въ минуту опасности... Устроивъ себѣ между оглоблями арбы прекрасный ложементъ изъ чемодановъ, Мейеръ благополучно отсидѣлся въ своемъ убѣжищѣ, которое, мѣшая непріятелю видѣть начальника отряда, не мѣшало послѣднему отдавать, по временамъ, разныя приказанія, тѣмъ болѣе основательныя и спокойныя, что для этого не надобно было вылѣзать и осматривать поле дѣйствія... Въ теченіе дня и ночи отрядъ старался окопаться; матеріаломъ для бруствера послужили, между прочимъ, не только трупы убитыхъ лошадей и верблюдовъ, но и тѣла убитыхъ товарищей... Ихъ укладывали кругомъ лагеря, передъ фронтомъ каре и засыпали землею... Не смотря на недостаточное число лопатъ, къ утру брустверъ былъ готовъ. Солдаты рыли землю штыками и выгребали руками. На разсвѣтѣ 15 числа непріятель, получивъ подкрѣпленія регулярною пѣхотою, сталъ снова готовиться къ рѣшительной атакѣ. Показалась правильно устроенная масса регулярныхъ коканскихъ войскъ—сарбазовъ. Послѣ усиленной канонады по нашему импровизованному укрѣпленію, коканцы кинулись со всѣхъ сторонъ въ атаку, но были встрѣчены столь частымъ и убійственнымъ огнемъ, что послѣ нѣкотораго колебанія отступили. Не прекращая огня, коканцы выслали людей для уборки своихъ убитыхъ и раненыхъ. Вслѣдствіе недостатка патроновъ Мейеръ воспользовался случаемъ, показать коканцамъ примѣръ того, какъ слѣдуетъ щадить жизнь даже враговъ и приказалъ прекратить огонь, не смотря на всѣ представленія офицеровъ, менѣе его жалостливыхъ.

Между тѣмъ Черняевъ, получивъ 13 числа первую записку Мейера, что онъ ждетъ на Арысѣ его приказаній, пошелъ къ нему правымъ берегомъ Арыса и послалъ ему приказаніе идти на встрѣчу для соединенія. Такимъ образомъ отрядъ Черняева напрасно прошагалъ 55 верстъ внизъ по Арысу, такъ какъ Мейера на Арысѣ уже не нашелъ. Тутъ Черняевъ догадался, что хитрый капитанъ нарочно отвлекъ его отъ Чимкента, чтобы захватить этотъ городъ безъ содѣйствія сибирцевъ!

Въ ночь на 15 число Черняевъ получилъ вторую записку Мейера съ просьбой о помощи. Оказалось, что капитанъ сидитъ на Акъ-Булакѣ, окруженный коканцами, въ 12 верстахъ отъ Чимкента... Ночью же снова поднялись сибирцы и безъ ночлеговъ, съ одними привалами, поспѣшили на выручку оренбуржцевъ. Передъ разсвѣтомъ 15 числа, узнавъ, что Мейеру плохо, Черняевъ выслалъ для отысканія его войсковаго старшину Катанаева съ 50 казаками и 75 конными стрѣлками, при двухъ орудіяхъ. Пройдя около 30 верстъ и слыша уже выстрѣлы въ отрядѣ Мейера, Катанаевъ былъ самъ атакованъ значительными коканскими скопищами и вынужденъ былъ остановиться въ 5 верстахъ отъ Мейера;

здѣсь, отбиваясь отъ коканцевъ въ пѣшемъ строю, Катанаевъ потерялъ 12 казаковъ убитыми и 12 же ранеными. Никогда еще сибирскіе казаки не испытавали такого урона.

— Это не война, а смертоубійство,—жаловался Черняеву престарѣлый Катанаевъ.

Услыхавъ довольно частую пальбу изъ орудій, Черняевъ съ другимъ взводомъ конной артиллеріи, при 25 конныхъ стрѣлкахъ и съ 30-ю киргизами, отправился по слѣдамъ Катанаева и, приблизясь къ нему версты на полторы, очистилъ себѣ путь артиллеріею и соединился съ Катанаевымъ, но въ это время смолкли и слышавшіеся до того выстрѣлы въ сторонѣ Туркестанскаго отряда. Вслѣдъ затѣмъ потянулись оттуда и коканскія скопища по дорогѣ въ Чимкентъ. Было ясно, что дѣло Туркестанскаго отряда уже кончено...

Безпокоясь о постигшей его участи, Черняевъ все-таки не могъ двинуться впередъ, вслѣдствіе необходимости отогнать сперва насѣвшія на него скопища и дать отдыхъ войскомъ, сдѣлавшимъ по жарѣ 40-верстный переходъ.

Вотъ что происходило, между тѣмъ, на Акъ-Булакѣ: сдѣлавъ коканцамъ любезность при уборкѣ ими убитыхъ и раненыхъ и видя невозможность оставаться долѣе среди быстро гніющихъ, подъ палящимъ солнцемъ, труповъ,—Мейеръ вступилъ въ переговоры и выговорилъ себѣ безпрепятственный пропускъ обратно, цѣною возвращенія гор. Туркестана! Конечно, это была военная хитрость, такъ какъ никому, безъ полномочій, такихъ условій заключать не позволяется и, слѣдовательно, отрядъ нашъ выигралъ, ничѣмъ не обязываясь, но, конечно, было бы лучше, если бы Мейеръ, слыша вблизи выстрѣлы Катанаева, пробился къ нему на соединеніе.

Черезъ 4 мѣсяца почти на тѣхъ же поляхъ отрядъ, вчетверо слабѣйшій, съ однимъ только орудіемъ (у Мейера 405 челов., 3 орудія и 1 ракетный станокъ, а у С ѣ р о в а 109 челов. и 1 орудіе), цѣлыхъ 3 дня дрался уже не съ ташкентскимъ Парваначи, а съ самимъ Алимкуломъ и, бросивъ подбитое орудіе, израненный и измученный, пробился, все-таки, сквозь толпы непріятеля! Конечно, въ нашей арміи найдется гораздо болѣе подражателей Сѣрову, чѣмъ Мейеру!

Потеря туркестанскаго отряда за два дня боя состояла изъ 13 убитыхъ, 47 раненыхъ (2 офицера) и 23 контуженныхъ (2 офицера); кромѣ того ранено и 5 чел. киргизъ. Всего 88 человѣкъ... или одна пятая часть отряда!

Ночью на 16 іюля начались сборы и устройство обоза для раненыхъ. Утромъ въ 9 часовъ злополучные, но храбрые оренбуржцы выступили обратно домой, но, замѣтивъ, что по признакамъ сибирскій отрядъ долженъ быть близко,—остановились на

первой же водѣ. Тутъ ихъ и нашелъ посланный отъ ротмистра Лерхе съ приказаніемъ присоединиться къ нему. Въ представленной Черняеву копіи переписки своей съ непріятельскимъ полководцемъ, Мейеръ однакоже не помѣстилъ окончательнаго договора касательно Туркестана, но неоспоримость существованія этого акта доказывается ссылкой на него Алимкула при переговорахъ съ Черняевымъ и тѣмъ, что отрядъ дѣйствительно отступилъ безъ преслѣдованія, чего не могло бы, конечно, случиться будто бы только ради одного увѣдомленія со стороны Мейера, что-де: „Исполнивъ данное мнѣ моимъ начальствомъ порученіе—осмотрѣть мѣстность отъ г. Туркестана къ Чимкенту, возвращаюсь со ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ и буду выжидать дальнѣйшихъ распоряженій моего начальства. Что же касается до уборки тѣлъ убитыхъ въ битвѣ, то храбрый воинъ-непріятель въ глазахъ русскаго, раненый или мертвый, все равно, что братъ послѣ сраженія *)“.

Съ разсвѣтомъ 16 числа, въ виду отряда Черняева открылись два непріятельскихъ лагеря, одинъ тысячи въ двѣ, другой тысячъ въ пять, подъ начальствомъ муллы Алимкула.

Тотчасъ двинуты были противъ Алимкула 3 роты пѣхоты и сотня конныхъ стрѣлковъ при 2 конныхъ и 2 горныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ подполковника Лерхе, которому поручено догнать Мейера, пробиться на соединеніе съ нимъ и вмѣстѣ съ нимъ немедленно возвратиться въ отрядъ Черняева. Порученіе это выполнено съ успѣхомъ и безъ потери. Прійдя на Акъ-Булакъ, Лерхе нашелъ только укрѣпленіе изъ разлагавшихся труповъ лошадей и верблюдовъ; самый же отрядъ отступилъ. Тотчасъ были посланы охотники въ догонку, съ приказаніемъ возвратиться. Вечеромъ отряды соединились, а на другой день, утромъ 17-го числа, перешли на Алтынъ-Тюбе, гдѣ стоялъ Черняевъ въ 8 вестахъ отъ Чимкента. Наканунѣ Алимкулъ вступилъ было съ нимъ въ переговоры о мирѣ, но Черняевъ отвѣчалъ, что заключать условія онъ не вправѣ, что онъ можетъ только пріостановить дальнѣйшія военныя дѣйствія и что для заключенія трактата ханъ долженъ отправить ко Двору посольство, уполномочивъ его принять всѣ условія, какія ему предложены будутъ.

Посланный съ этимъ отвѣтомъ, магистръ зоологіи Сѣверцовъ старался увѣрить Алимкула, что въ дѣлѣ договора съ Мейеромъ вкралось недоразумѣніе, что, во-первыхъ, русскіе пощады никогда не просятъ, а во-вторыхъ, о Туркестанѣ не слѣдуетъ даже упоминать въ сношеніяхъ съ Черняевымъ, такъ какъ это бу-

*) Не смотря на такой, весьма ясный, намекъ, коканцы не поняли его и, вырывъ тѣла нашихъ убитыхъ, отрѣзали ихъ головы.

детъ совершенно безполезно. Не смотря на это предупрежденіе, мулла Алимкулъ все-таки отправилъ второго посла съ письмомъ, въ которомъ, разсказавъ исторію нападенія на Мейера, цитировалъ содержаніе его письма слѣдующимъ образомъ. „Они послали намъ письмо, которымъ увѣдомляли, что пришли не драться съ нами, и русскій Царь ихъ сюда не посылалъ, а они только хотѣли узнать дорогу и, наконецъ, просили насъ, чтобы мы ихъ освободили, обѣщаясь по приходѣ въ Туркестанъ написать Бѣлому Царю письмо о возвращеніи намъ этого города, почему мы, не причиняя имъ никакого вреда, отпустили ихъ обратно, чтобы не терять дружбы и мира между Бѣлымъ Царемъ и ханомъ". Затѣмъ регентъ просилъ Черняева увѣдомить, можетъ ли онъ самъ возвратить Ауліэ-Ата и Туркестанъ, или будетъ ожидать разрѣшенія правительства? Письмо это осталось безъ отвѣта, а послы были немедленно выпровождены изъ лагеря. На другой день посолъ снова прибылъ, но уже не упоминалъ ни слова о предъидущемъ письмѣ, а заявилъ согласіе регента на безусловное отправленіе посольства, но, за неполученіемъ къ сроку отвѣта на предложенныя Черняевымъ предварительныя условія, касательно распущенія войскъ, подъ Чимкентомъ собранныхъ, освобожденія киргизскихъ біевъ и султановъ, изъявившихъ намъ покорность и проч., дальнѣйшіе переговоры были прекращены.

Мейеръ, въ рапортѣ своемъ отъ 17 іюля 1864 г. за № 60, оправдывался передъ Черняевымъ, что отвѣтъ его коканцамъ былъ вынужденъ: 1) тѣмъ, что у него оставалось мало картечи и зарядовъ; 2) что въ канавѣ, на которой стоялъ лагерь, вода смѣшалась съ кровію убитыхъ, имѣла красный цвѣтъ и дурной запахъ; 3) воздухъ былъ также зараженъ гніющими трупами; 4) въ деревянныхъ частяхъ орудій явились значительныя поврежденія и 5) что отрядъ Черняева не прибылъ на выручку.

Время, занятое переговорами, было посвящено на перевязку раненыхъ Туркестанскаго отряда, пробывшихъ слишкомъ 3 сутокъ безъ серьезной помощи, такъ какъ, по неимѣнію врача, всѣ больные и раненые (числомъ до 100 челов.) были на рукахъ единственнаго фельдшера.

22 іюля, окопавъ лагерь рвомъ и оставивъ тамъ, для прикрытія обоза, раненыхъ и больныхъ, весь Туркестанскій отрядъ подъ командою капитана Мейера *), Черняевъ двинулся къ Чимкенту

*) Послѣ того какъ подробности Акъ-Булакскаго дѣла и поведеніе въ немъ Мейера сдѣлались извѣстны Черняеву,—онъ считалъ уже неудобнымъ оставлять при себѣ этого офицера, и потому Туркестанскій отрядъ былъ скоро отправленъ назадъ.

для рекогносцировки *), которую и произвелъ, не смотря на высыпавшія противъ него толпы непріятеля.

Чимкентъ окруженъ невысокою стѣною со рвомъ, зато цитадель и по профили своей, и по недоступности горы, на которой она расположена, значительно усиливала оборону.

Нашъ рекогносцировочный отрядъ состоялъ изъ 6 ротъ, 8 полевыхъ и 2 горныхъ орудій и 1 сотни казаковъ. Коканцы тотчасъ убрали свой лагерь впереди крѣпости и выступили нѣсколькими конными колоннами. Нашъ отрядъ свернулся въ каре, убравъ казаковъ въ середину. Выдвинувъ 4 батарейныхъ орудія впередъ и открывъ огонь, мы вызвали съ крѣпости отвѣтъ изъ 8 орудій и затѣмъ аттаку конныхъ скопищъ. Неистовый крикъ и визгъ коканцевъ произвелъ сильное впечатлѣніе на нашихъ солдатъ, но артиллерія начала дѣйствовать сначала ядрами, потомъ гранатами и, наконецъ, картечью. Заряды были положены на землѣ у дула орудій; банить не приказано также для скорости... Крики стихли и, когда дымъ разсѣялся,— наши были поражены потерями непріятеля.

Черняевъ разсказываетъ (Рус. Вѣстн. 1889 г., № 8), что „кому не приходилось выдерживать аттаку азіатскихъ полчищъ, тотъ не можетъ даже себѣ представить того дѣйствія, которое производятъ на нервы эти нечеловѣческіе звуки. Только тогда я понялъ предложеніе киргизъ помогать намъ крикомъ“.

Коканцы повторили аттаку, но уже слабо и отступили внѣ выстрѣловъ. Бой продолжался 3 часа.

Обстрѣлявъ городъ съ дистанціи 150 саженъ, дабы заставить непріятеля обнаружить свою артиллерію, и узнавъ, что съ этой стороны въ городѣ имѣется 8 орудій, — отрядъ возвратился въ лагерь почти безъ потери (3 весьма легко раненыхъ остались въ строю). Непріятель потерялъ до 400 человѣкъ, а во все время дѣйствій подъ Чимкентомъ до 3000 челов.

Надобно замѣтить, что всѣ рекогносцировки непріятель считалъ отбитыми штурмами и всегда торжествовалъ побѣду трубами и пушечной пальбою. Это вредная сторона рекогносцировокъ въ Азіи, а какъ возвышеніе духа непріятельскихъ войскъ не можетъ быть въ видахъ разумнаго способа дѣйствій, то многіе туркестанскіе офицеры не безъ основанія предпочитаютъ простые осмотры, безъ шуму, въ одиночку—всѣмъ открытымъ и усиленнымъ рекогносцировкамъ.

Штурмъ Чимкента не состоялся по недостатку у насъ снарядовъ...

Простоявъ въ лагерѣ еще сутки, Черняевъ отправилъ Мейера 23 числа, съ его отрядомъ, назадъ въ Туркестанъ, проводивъ его

*) А въ случаѣ возможности—и для штурма.

со всѣми войсками до Арыса, а оттуда вмѣстѣ съ нимъ, въ видѣ провожатыхъ послалъ одну свою роту пѣхоты при 1 орудіи подъ начальствомъ поручика Абрамова *), а самъ, простоявъ на Арысѣ для ихъ обезпеченія 1 день, двинулся обратно къ Ауліэ-Ата, правымъ берегомъ Арыса, чтобы пройти среди кочевокъ коканскихъ киргизъ рода Сергали, разбивавшихъ наши почты и вообще весьма дѣятельно помогавшихъ коканцамъ. Коканскій же регентъ, узнавъ о движеніи противъ него бухарцевъ и безпокойствахъ со стороны Китая, также отошелъ съ своими войсками. Черняевъ, конечно, не могъ знать заранѣе объ этихъ остоятельствахъ, но и безъ нихъ былъ увѣренъ, что коканская армія долго не продержится въ такомъ сильномъ составѣ, вслѣдствіе наступавшей засухи и отсутствія кормовъ.

Послѣ паденія Туркестана и Ауліэ-Ата, взятыхъ въ началѣ іюня нашими войсками, коканцы, собравъ огромное скопище, намѣревались дѣйствовать наступательно. Задержанные однако на Акъ-Булакѣ ничтожнымъ отрядомъ русскихъ подъ командой капитана Мейера и потерпѣвъ значительный уронъ при рекогносцировкѣ Чимкента Черняевымъ, они отказались отъ предпріятія и приступили къ работамъ по укрѣпленію и вооруженію Чимкента, которому, они ясно видѣли, грозила опасность.

Причины необходимости занятія этого города уже извѣстны: узелъ дорогъ, плацдармъ для непріятеля въ исходящемъ углу нашей границы и проч.

Получивъ свѣдѣніе, что главныя коканскія силы отошли отъ Чимкента, въ которомъ оставленъ только десятитысячный гарнизонъ, Черняевъ рѣшился овладѣть этимъ городомъ, прежде нежели непріятель успѣетъ въ немъ окончательно утвердиться.

Съ этою цѣлію Черняевъ, въ концѣ августа, выступилъ изъ Ауліэ-Ата съ двумя ротами и 4 орудіями къ Туркестану, присоединилъ здѣсь къ себѣ еще 4½ роты пѣхоты 1½ сотни казаковъ, 4 орудія, 2 мортиры и 2 ракетныхъ станка, и затѣмъ двинулся къ Чимкенту, куда направилъ, въ то же время, изъ Ауліэ-Ата, подъ командою подполк. Лерхе, 4 роты пѣхоты, 1 сотню конныхъ стрѣлковъ, 1 сотню казаковъ и 1,000 чел. киргизовъ милиціонеровъ, изъ новыхъ нашихъ подданныхъ, при 5 орудіяхъ, 4 мортирахъ и 2 ракетныхъ станкахъ. Милиціонеры были вызваны съ цѣлію уменьшить въ народѣ число праздныхъ искателей приключеній; такимъ образомъ въ Ауліэ-Ата и Туркестанѣ оставлено было только по 2 роты пѣхоты и по полусотнѣ казаковъ. Отряды взяли продовольствія на мѣсяцъ; по 200 патроновъ на ружье,

*) Эта рота должна была послужить краснорѣчивымъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на такъ называемыя «превосходныя силы» непріятеля, ибо назадъ ей приходилось идти уже одной по той самой дорогѣ, гдѣ не смѣлъ двигаться Мейеръ съ цѣлымъ отрядомъ!

двойной комплектъ зарядовъ для батарейныхъ и полуторный для легкихъ орудій, 100 бомбъ для 2-пудовой мортиры, и по 300 гранатъ на каждую 1/2-пудовую.

19 сентября оба отряда соединились подъ Чимкентомъ и немедленно произвели рекогносцировку цитадели и укрѣпленій города. Окружность городской стѣны оказалась въ 6 верстъ. Цитадель на высокомъ, обрывистомъ бугрѣ.

По обыкновенію отрядъ нашъ обошелъ городъ и сталъ на сообщеніяхъ непріятеля, отрѣзавъ его отъ Ташкента. Здѣсь, впереди городской стѣны, возвышалась цитадель, которую и приходилось брать, не увлекаясь болѣе легкимъ дѣломъ,—т. е. штурмомъ города. Цитадель командовала всѣмъ городомъ, и потому паденіе ея рѣшало участь и города. Въ ту же ночь, на 20 число заложена батарея на 4 батарейныхъ орудія, съ разсвѣтомъ открывшая огонь, на который коканцы отвѣчали изъ семи орудій и двухъ мортиръ. Видя, что коканская артиллерія значительно усовершенствовалась и бьетъ на болѣе дальнюю дистанцію, чѣмъ наша,—Черняевъ приказалъ заложить новую батарею на 6 орудій и 4 мортиры въ 300 саж. отъ крѣпости, чтобы съ близкой дистанціи и болѣе частой пальбой взять верхъ надъ артиллеріей противника.

Необыкновенно твердый грунтъ и вылазка непріятеля, въ ночь на 21 число, воспрепятствовали окончить эту батарею къ разсвѣту. Коканцы же, ободренные замедленіемъ нашихъ осадныхъ работъ, начали дѣйствовать противъ насъ наступательно тоже траншеями; постепенно перенося въ нихъ батареи и высылая стрѣлковъ впередъ своихъ работъ, они анфилировали весь ходъ сообщенія нашихъ осадныхъ работъ. Было очевидно, что коканцами руководилъ не туземный инженеръ. Такой способъ обороны послужилъ впрочемъ ко вреду самихъ осажденныхъ: траншей-маіоръ, подполковникъ Лерхе, воспользовался изобрѣтательностію непріятеля и 22 числа, въ 10 часовъ утра, двинулъ противъ выдавшейся коканской пѣхоты большую часть войскъ, находившихся въ траншеѣ. Генералъ Черняевъ, по первому донесенію Лерхе о его наступленіи, выслалъ къ нему изъ лагеря, на подкрѣпленіе, 2 роты со взводомъ артиллеріи, а вслѣдъ затѣмъ двинулся и самъ, съ двумя ротами пѣхоты, при двухъ батарейныхъ орудіяхъ.

Не смотря на жестокій огонь всѣхъ непріятельскихъ батарей, расположенныхъ на восточной сторонѣ крѣпости и цитадели, роты подполковника Лерхе стремительно аттаковали непріятеля, опрокинули его и на плечахъ коканцевъ добѣжали до крѣпостныхъ воротъ, гдѣ штыками проложили себѣ дорогу, и черезъ непріятельскіе трупы ворвались въ городъ.

Черняевъ въ это время подошелъ къ цитадели и, пользуясь

смятеніемъ непріятеля, овладѣлъ ею, перейдя черезъ ровъ-оврагъ по деревянному желобу водопровода, положенному на высочайшихъ козлахъ.

Черезъ часъ послѣ начатія приступа, городъ съ цитаделью, построенной на неприступной возвышенности и съ десятитысячнымъ гарнизономъ, составленнымъ изъ лучшихъ войскъ ханства, былъ въ нашихъ рукахъ.

Потеря наша во время этого штурма состояла изъ двухъ убитыхъ, 17 раненыхъ и 19 контуженныхъ нижнихъ чиновъ, а за все время осады—изъ 6 убитыхъ и 41 раненыхъ и контуженныхъ.

Трофеями этого дня были: 11 бунчуковъ, 4 знамени и 26 значковъ, 23 орудія, въ томъ числѣ одно нарѣзное, 8 мортиръ большого калибра, значительное число фальконетовъ, крѣпостныхъ ружей, пѣхотныхъ ружей со штыками, холоднаго оружія и разныхъ военныхъ принадлежностей: кольчугъ, щитовъ, барабановъ, трубъ и проч.

Государь Императоръ пожаловалъ Черняеву орденъ св. Георгія 3 ст., а подполковнику Лерхе—слѣдующій чинъ и орденъ св. Георгія 4 степени.

Во время осады Чимкента послана была команда фуражировъ, подъ прикрытіемъ 25 чел. конныхъ стрѣлковъ, за пріисканіемъ и покупкой фуража въ окрестностяхъ лагеря. Верстахъ въ 8 отъ лагеря, жители города Сайрама захватили одного изъ нижнихъ чиновъ съ 6 верблюдами. На другой же день посланъ былъ къ Сайраму отрядъ подъ командою поручика Абрамова изъ 60 казаковъ, 38 чел. конныхъ стрѣлковъ и 1,000 киргизъ при 1 орудіи, съ требованіемъ возвращенія захваченнаго солдата и верблюдовъ. Старшины, по требованію Абрамова, выѣхали на встрѣчу отряду и, отвергая справедливость обвиненія, просили однакоже 1 день сроку для разысканія требуемаго. Тогда Абрамовъ послалъ казаковъ и 50 киргизовъ въ городъ, приказавъ имъ, „не предавая его совершенному разоренію, стараться захватить весь находящійся тамъ скотъ“. Жители, впустили сначала эту партію, но, видя ея дѣйствія, заперли за нею ворота и принялись за истребленіе попавшихъ въ западню враговъ.

Бросившись къ воротамъ со спѣшенными стрѣлками, Абрамовъ былъ встрѣченъ выстрѣлами и, не будучи въ состояніи проломить ворота, отступилъ. Подвезено было орудіе, которое двумя выстрѣлами разбило ворота настолько, что стрѣлки, хотя и съ большимъ трудомъ, но успѣли пріотворить немного одну половину и по одиночкѣ пролѣзли въ крѣпость. Гарнизонъ, защищавшій ворота, бѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ 12 тѣлъ.

Отваливъ ворота, Абрамовъ впустилъ въ городъ всю киргизскую милицію, предоставивъ ей распоряжаться, какъ она знаетъ.

Черезъ 2 часа городъ былъ разграбленъ дочиста... Русскій же отрядъ отведенъ былъ за городъ, гдѣ и дожидался сбора милиціи.

Вся потеря наша состоитъ изъ 2 убитыхъ, 6 раненыхъ и 9 контуженныхъ камнями. Убитыхъ въ милиціи до 10 человѣкъ, въ томъ числѣ и почетный бій, прапорщикъ Сурапчи. Потеря непріятеля въ точности неизвѣстна, но можно полагать до 50 человѣкъ убитыхъ и втрое болѣе раненыхъ.

Желая воспользоваться нравственнымъ впечатлѣніемъ послѣднихъ нашихъ успѣховъ, Черняевъ, на шестой день по взятіи Чимкента, именно 27 сентября, двинулся къ Ташкенту, съ отрядомъ изъ 1,550 человѣкъ при 12 орудіяхъ ($8^1/_2$ неполныхъ ротъ $1^1/_2$ сотни казаковъ).

Движеніе это обѣщало, повидимому, полный успѣхъ: постоянныя сношенія съ нѣсколькими, желавшими мира и, слѣдовательно склонявшимися на сторону Россіи, ташкентцами давали поводъ разсчитывать на содѣйствіе огромнаго большинства жителей города, тяготившихся войною, задержавшею обычный ходъ торговли ихъ съ Россіей, что составляло до сихъ поръ единственный источникъ ихъ благосостоянія. Поэтому Черняевъ надѣялся изгнать изъ города коканскій гарнизонъ и предоставить жителямъ управляться, какъ сами найдутъ лучше, лишь бы не подъ вліяніемъ Бухары или Кокана. Въ случаѣ же, если жители выскажутся въ нашу пользу, то отправитъ отъ нихъ депутацію въ Петербургъ.

Носились слухи, что начальствовавшій въ Чимкентѣ ташкентскій Кушъ-беги убитъ подъ Чимкентомъ, а бѣжавшая оттуда часть гарнизона не впущена въ Ташкентъ жителями.

Первые же два перехода показали, что въ Ташкентѣ есть коканскій гарнизонъ, кромѣ войскъ, разбитыхъ въ Чимкентѣ, и что эти коканскія войска еще повелѣваютъ населеніемъ между названными двумя городами: жилища и запасы были покинуты.

За одинъ переходъ до Ташкента, Черняевъ послалъ туда четырехъ человѣкъ, имѣвшихъ тамъ связи по прежнимъ торговымъ дѣламъ, поручивши имъ вступить въ сношенія съ городскими аксакалами и извѣстными имъ болѣе вліятельными жителями, чтобы вывѣдать расположеніе населенія.

Посланные были задержаны коканскимъ разъѣздомъ, не впущены въ городъ, посажены въ яму, но черезъ сутки возвратились съ весьма неопредѣленнымъ и неудовлетворительнымъ отвѣтомъ, что, не посовѣтовавшись съ нѣкоторыми коканскими сановниками, ни на что нельзя рѣшиться. Записка была безъ подписи и безъ печатей, что и весьма естественно со стороны осторожнаго корреспондента, не желавшаго быть уличеннымъ согражданами въ сношеніи съ непріятелемъ.

1-го октября, обойдя городъ съ восточной стороны, отрядъ сталъ у его юго-восточнаго угла, верстахъ въ 5 отъ коканской

дороги. Городъ Ташкентъ, съ населеніемъ во 100 тысячъ, окруженъ стѣною въ 24 версты. Вокругъ города тянулись сады: къ сѣверу на $3^1/_2$, къ западу на 5, къ востоку на $4^1/_2$, а къ югу на $6^1/_2$ верстъ.

На слѣдующій день войска перешли на коканскую дорогу и двинулись къ цитадели. На стѣнахъ по казались коканцы и открыли ружейный огонь по офицерамъ, производившимъ рекогносцировку; потомъ стали стрѣлять по подходившимъ войскамъ изъ выставленныхъ на валу 3 орудій (два весьма малаго калибра).

На высотахъ, командующихъ цитаделью, на разстояніи 350 саженъ, поставлены были 8 батарейныхъ орудій, а по коканской дорогѣ, подъ прикрытіемъ подходящихъ къ самой городской стѣнѣ садовъ, выдвинуты были двѣ роты съ коннымъ дивизіономъ, подъ начальствомъ артиллеріи подполковника Обуха, который также долженъ былъ открыть огонъ и съ этой стороны.

Послѣ мѣткаго съ нашей стороны огня, подполковникъ Обухъ донесъ, что сдѣлана въ стѣнѣ брешь, и просилъ позволенія идти на штурмъ. Вполнѣ надѣясь на опытность, боевое хладнокровіе и осторожность этого превосходнаго штабъ-офицера, Черняевъ отправилъ къ нему еще роту, съ отличившимся подъ Чимкентомъ подполковникомъ Лерхе, и отвѣчалъ: „если можно, такъ съ Богомъ“, а затѣмъ и самъ двинулся къ нему съ двумя ротами. Тогда подполковники Обухъ и Лерхе, съ крикомъ „ура“, повели своихъ солдатъ къ стѣнѣ и тутъ только увидали свою ошибку: стѣна неколебимо стояла во всю свою внушительную высоту, сбита же была только верхняя ея часть съ зубцами... Небольшой бугоръ, впереди стѣны, скрылъ нижнюю ея часть отъ взоровъ Обуха, который и былъ совершенно увѣренъ, что передъ нимъ брешь; желаніе же воспользоваться первымъ впечатлѣніемъ и воодушевленіемъ своихъ ротъ, а также благородное соревнованіе этихъ равно храбрыхъ штабъ-офицеровъ увлекло ихъ за предѣлы осторожности: они прямо двинули свои роты на штурмъ вмѣсто того, чтобы вызвать впередъ охотниковъ, которые, добѣжавъ до рва ранѣе штурмовой колонны, могли бы предупредить ее объ опасности предпріятія. Непріятель сыпалъ пулями.

Приближаясь ко рву, были ранены: подполковникъ Обухъ смертельно, подполковникъ Лерхе въ руку и въ лѣвый бокъ,— оба пѣшкомъ шли впереди войскъ; затѣмъ были ранены два ротныхъ командира—поручики Рейхардъ и Конопельскій. Роты спустились въ ровъ, но, лишившись своихъ офицеровъ и при невозможности взобраться безъ лѣстницы на крутой эскарпъ, онѣ остались во рву и стали отстрѣливаться.

Подойдя съ двумя ротами на 100 саженъ къ городской стѣнѣ и разсмотрѣвши положеніе дѣла, Черняевъ долженъ былъ отказаться отъ штурма, по его видимой невозможности, безъ осадныхъ работъ.

Чтобы спасти войска, засѣвшія во рву, направленъ былъ въ эту сторону огонь изъ всѣхъ 12 орудій, который сбилъ непріятельскихъ стрѣлковъ съ банкета и далъ нашимъ возможность вылѣзть изо рва и возвратиться къ нашимъ батареямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ была усилена стрѣлковая цѣпь на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи, гдѣ сады также близко подходятъ къ стѣнѣ; но при подробномъ осмотрѣ непріятельскихъ укрѣпленій и съ этой стороны немедленный штурмъ оказался невозможнымъ.

Нашъ артиллерійскій огонь продолжался до тѣхъ поръ, пока не замолчали непріятельскія орудія. У коканцевъ было сбито одно орудіе и сильно повреждены всѣ три барбета, откуда они стрѣляли. Мѣткій огонь нашихъ стрѣлковъ, въ близкомъ разстояніи, нанесъ имъ значительный уронъ,—человѣкъ болѣе двухсотъ.

Наша потеря была тоже значительна: выбыло изъ строя 16 убитыхъ и 62 раненыхъ, въ томъ числѣ 4 офицера, изъ коихъ подполковникъ Обухъ и поручикъ Рейхардъ вскорѣ умерли.

Послѣ этой неудачи всѣ войска рвались на новый штурмъ, считая себѣ отраженными не коканцами, а крутизной и глубиной рва, которыя нельзя было одолѣть безъ штурмовыхъ лѣстницъ.

Огромное протяженіе ташкентскихъ стѣнъ (до 24 верстъ), заключая въ себѣ очевидно огромную массу жителей, исключало возможность вести атаку иначе, какъ на цитадель, командующую всѣмъ городомъ, а цитадель, по профили своей, требовала бо́льшихъ средствъ, чѣмъ тѣ, какими обладалъ Черняевъ, притомъ, послѣ неудачи 2 октября, рисковать находившимся передъ Ташкентомъ отрядомъ, въ составъ котораго вошло все, что только можно было взять, за исключеніемъ гарнизоновъ въ Ауліэ-Атѣ, Туркестанѣ и Чимкентѣ, значило бы рисковать единственнымъ резервомъ всего края, значило бы поставить на карту самую безопасность Новококанской линіи.

Поэтому, не смотря на воодушевленіе войскъ, желавшихъ проучить сарта и во что бы то ни стало взять Ташкентъ, Черняевъ отвелъ 4 числа войска назадъ въ Чимкентъ, куда и прибылъ 7 октября.

Непріятель насъ не преслѣдовалъ.

Государь Императоръ, по прочтеніи донесенія начальника передовой Коканской линіи о движеніи его къ Ташкенту, высочайше соизволилъ положить на немъ слѣдующую собственноручную резолюцію: „Сожалѣю весьма, что рѣшился на ненужный штурмъ, стоившій намъ столькихъ людей“ *).

Не смотря на неудачу, генералъ Черняевъ вошелъ съ представленіемъ о необходимости немедленнаго занятія Ташкента и,

*) Изъ отзыва военнаго министра отъ 13 декабря 1864 г. № 8425.

думая согласоваться съ прежними видами правительства, не желавшаго распространять своихъ владѣній, онъ предлагалъ образовать изъ Ташкента отдѣльное, независимое отъ Кокана, владѣніе, находящееся только подъ покровительствомъ Россіи.

Правительство не дало разрѣшенія на представленіе генерала Черняева о занятіи Ташкента, но вмѣстѣ съ тѣмъ озаботилось, по возможности безотлагательно, предоставить генералу Черняеву всѣ средства для сильной обороны всего уже занятаго нами пространства. Съ этою цѣлью, въ началѣ 1865 г., изъ вновь занятаго края съ присоединеніемъ къ нему прежней Сыръ-Дарьинской линіи, образована была Туркестанская область, съ подчиненіемъ ея Оренбургскому генералъ-губернатору, которымъ, въ 1865 году, назначенъ былъ ген.-адъютантъ Николай Андреевичъ Крыжановскій *), и кромѣ того общая численность войскъ въ новой области была увеличена до 15,000 человѣкъ,—что не только было бы достаточно для надежной обороны вновь занятаго края и для возведенія построекъ, обыкновенно производимыхъ тамъ войсками, но давало бы еще возможность имѣть на всякій случай резервъ для дѣйствія въ полѣ.

Потеря Ауліэ-Ата, Азрета и Чимкента, произвела сильное впечатлѣніе на Коканъ; явилась даже партія, желавшая заключенія мира, но, послѣ неудачнаго штурма Ташкента, партія эта уже не имѣла успѣха: главные руководители ея были казнены, и регентъ Алимкулъ рѣшился снова попытать счастья въ борьбѣ съ русскими.

Не смѣя атаковать Чимкентъ, въ которомъ сосредоточены были главныя силы отряда генерала Черняева, Алимкулъ собравъ скопища, силою отъ 10,000 до 15,000 чел., двинулся изъ Ташкента, въ началѣ декабря, по лѣвому берегу Сыръ-Дарьи, съ цѣлію разграбить киргизовъ, вновь принявшихъ русское подданство, и даже взять Туркестанъ (Азретъ), занятый только двумя съ половиною ротами пѣхоты и полутора сотнями казаковъ.

Вечеромъ 3 декабря, комендантъ Туркестана, подполковникъ Жемчужниковъ, получивъ свѣдѣнія, что въ 63 верстахъ по дорогѣ къ Чимкенту, около селенія Чиликъ, появилась непріятельская партія,—послалъ туда, съ цѣлію оградить отъ разоренія подвластныхъ намъ жителей Чилика и Икана, сотню уральскихъ казаковъ есаула Сѣрова (2 оберъ-офицера, 5 урядниковъ и 98 казаковъ), вооруженныхъ нарѣзными ружьями, при одномъ

*) Управлялъ краемъ съ 1865 г. по 1881 г. Кончилъ курсъ въ артиллерійскомъ училищѣ въ 1837 г. Въ 1839 назначенъ помощникомъ военнаго агента въ Берлинѣ. Въ 1857 г. назначенъ начальникомъ Михайловскаго артиллерійскаго училища; въ 1861 г. былъ и. д. начальника штаба 1 арміи. Уволенъ отъ службы въ 1881 г., за злоупотребленія по раздачѣ и расхищеніе башкирскихъ земель.

горномъ единорогѣ съ 4 артиллеристами. Всего въ отрядѣ, слѣдовательно, было 109 человѣкъ и 1 орудіе; казакамъ дали по два комплекта патроновъ, а къ единорогу взято 42 заряда. Въ виду малочисленности туркестанскаго гарнизона, который не могъ удѣлить много войска для поддержки, а слѣдовательно, и въ виду опасности, которой могъ подвернуться высланный отрядъ въ случаѣ встрѣчи съ несоразмѣрно превосходными силами непріятеля, Сѣрову приказано было въ неравный бой не вступать и отходить къ Туркестану.

Казаки выступили изъ города 4 декабря, вскорѣ послѣ обѣда, и, узнавъ отъ встрѣченныхъ киргизовъ о занятіи коканцами Икана, пошли далѣе рысью, не встрѣчая однако непріятеля и соблюдая всѣ военныя предосторожности. Подъ вечеръ уже, не доходя четырехъ верстъ до Икана, Сѣровъ увидѣлъ вдали, вправо отъ деревни, огни. Предполагая, что это былъ непріятель, онъ остановилъ отрядъ и выслалъ впередъ одного изъ находившихся при отрядѣ киргизовъ-вожаковъ, для собранія болѣе точныхъ свѣдѣній.

Посланный вернулся немедленно и объявилъ, что, встрѣтивъ вблизи коканскій разъѣздъ, не осмѣлился ѣхать далѣе.

Не зная ничего обстоятельно о силахъ непріятеля и въ виду близости ночи, Сѣровъ рѣшился отойти на замѣченную имъ въ тылу позицію и тамъ выжидать разъясненія дѣла. Не успѣлъ однако отрядъ отойти съ полверсты, какъ былъ почти мгновенно окруженъ толпами непріятеля, отрѣзавшими ему отступленіе. Такъ такъ главное оружіе средне-азіятскихъ полчищъ понынѣ есть холодное, то въ случаѣ крайней несоразмѣрности въ силахъ, казаки, весьма основательно, предпочитаютъ вѣдаться съ непріятелемъ не на равномъ съ нимъ оружіи. Хорошее ружье, а тѣмъ болѣе винтовка, удерживая непріятеля на благородной дистанціи, способна уравнять шансы и не позволитъ подавить себя массой, какъ это всегда случится съ пикой и саблей. Превосходя азіятцевъ качествомъ огнестрѣльнаго оружія, казаки, при встрѣчѣ съ болѣе сильнымъ противникомъ, т. е. всегда (ибо иныхъ встрѣчъ не бываетъ), обыкновенно спѣшиваются, батуютъ или треножатъ коней, а сами, выйдя впередъ, окружаютъ цѣпью своихъ лошадей и, залегши за неровностями мѣстности, отстрѣливаются. Такъ сдѣлано и въ этотъ разъ: казаки спѣшились, сбатовали коней и залегли въ небольшую, едва примѣтную канаву, устроивъ съ открытыхъ сторонъ завалы изъ мѣшковъ съ провіантомъ и фуражемъ. На одномъ изъ фасовъ образовавшагося, такимъ образомъ, лагеря поставленъ былъ единорогъ.

---

*) Нѣкоторые и кладутъ лошадей, чтобы лучше сохранить ихъ, но не всѣ лошади ложатся.

Все это, конечно, сдѣлано было весьма быстро, и толпы непріятеля, приблизившіяся, между тѣмъ, къ отряду, были встрѣчены дружнымъ огнемъ изъ нарѣзныхъ ружей и единорога и отступили въ большомъ безпорядкѣ. Неудача перваго и, какъ всегда у коканцевъ, самаго запальчиваго натиска вліяетъ обыкновенно на рѣшительность послѣдующихъ; то же случилось и на этотъ разъ: нѣсколько повторенныхъ атакъ остались безуспѣшными. Отойдя и собравшись въ густыя толпы, коканцы держались съ этихъ поръ вдали отъ лагеря. Всю ночь непріятель ограничивался канонадою изъ трехъ орудій, гранатами и изъ фальконетовъ, снаряды которыхъ много вредили лошадямъ и верблюдамъ, представлявшимъ, на открытой мѣстности, огромную цѣль для выстрѣловъ; изъ ружей дѣйствовали по отряду одни сарбазы—регулярная коканская пѣхота, вооруженная, впрочемъ, плохими фитильными пищалями, не причинявшими казакамъ никакого вреда.

Къ разсвѣту, 5 декабря, огонь непріятеля усилился. Гранаты и ядра его стали чаще ложиться въ каре, причиняя значительный вредъ. Нѣсколько казаковъ уже были ранены. Пѣшія толпы непріятеля стали замѣтно усиливаться подкрѣпленіями со стороны Икана. Это были главныя силы (до 10,000 чел.) самого Алимкула. Надо отдать справедливость этому человѣку: зимній походъ его со столь значительнымъ войскомъ, а слѣдовательно, и съ большими тяжестями, при быстротѣ, необходимой для сохраненія тайны, переправа по льду, наконецъ, самый рискъ предпріятія (въ обходъ сильнаго отряда нашего въ Чимкентѣ),—все это могло окончиться для туркестанскаго гарнизона весьма печально, если бы Алимкулъ не наткнулся на геройскую сотню уральцевъ, продержавшую его 3 дня и давшую тѣмъ возможность сдѣлать диверсію изъ Чимкента.

Весь день 5 декабря уральцы продолжали держаться въ своихъ завалахъ съ прежнею энергіей, разсчитывая на помощь изъ Туркестана (куда изъ отряда пробрались два казака съ донесеніемъ). Въ единорогѣ, послѣ восьми выстрѣловъ, разсыпалось одно колесо, но фейерверкеръ Грѣховъ, нашелся какъ пособить горю: онъ снялъ колеса съ ящика и, надѣвъ ихъ на ось лафета, укрѣпилъ ихъ веревками (ось ящика длиннѣе оси лафета). Казаки съ большимъ усердіемъ помогали артиллеристамъ и, когда послѣдніе были уже всѣ переранены, сами принялись работать, сберегая однако выстрѣлы изъ орудія до послѣдней крайности.

Можно вообразить себѣ, до какого раздраженія дошли коканцы, видя передъ собою горсть русскихъ, испортившую весь успѣхъ, такъ хорошо задуманнаго и на половину уже исполненнаго предпріятія. Боясь атаковать лагерь открытой силой, они принялись свозить камышъ и колючку, изъ которыхъ устроили что-то

въ родѣ мантелетовъ и щитовъ на двуколесныхъ арбахъ и, подкатывая эти подвижные блиндажи, безопасно приближались къ осажденному отряду.

Около двухъ часовъ пополудни, со стороны Туркестана послышались пушечные и ружейные выстрѣлы. Это шла выручка изъ 150 человѣкъ пѣхоты, при двухъ орудіяхъ. Но эта выручка была подъ командой весьма неопытнаго, чтобъ не сказать хуже, офицера, — подпоручика Сукорко, снабженнаго вдобавокъ приказаніемъ коменданта, если „встрѣтитъ огромныя силы непріятеля и усиленную преграду для соединенія съ сотней и увидитъ движеніе непріятеля къ Туркестану, то, не выручая сотни, слѣдовать обратно“ *). Такое приказаніе могъ отдать только человѣкъ, черезъ-чуръ разсчетливый, какимъ и былъ въ дѣйствительности Жемчужниковъ, выказавшій впослѣдствіи большія коммерческія способности и нажившій огромное состояніе...

Приказаніе это совершенно согласовалось съ характеромъ исполнителя,—онъ всѣми мѣрами избѣгалъ встрѣчи съ непріятелемъ, въ чемъ простодушно сознался и самъ. въ рапортѣ отъ 8 декабря за № 19. Не дойдя верстъ трехъ до Сѣрова, Сукорко встрѣтилъ большія массы коканцевъ, которыя, по обыкновенію, окружили его и, слѣдовательно, отрѣзали отъ Туркестана. Этого только и ждалъ Сукорко: теперь онъ имѣлъ право отступить, не подвергаясь нареканіямъ!

Какъ не пришло въ голову ни Жемчужникову, ни Сукорко что выручка съ каждымъ шагомъ впередъ, дѣлается все сильнѣе, потому что ей помогаетъ бить врага и осажденная сотня, а соединившись съ нею, отрядъ Сукорко усиливался почти вдвое, въ числительномъ отношеніи и во сто разъ въ нравственномъ. Никто, надѣемся, не усумнится, что геройская сотня Сѣрова, въ этомъ отношеніи, показала себя вполнѣ заслужившею такую оцѣнку.

Что изъ того, что коканцы окружаютъ отрядъ? Имъ же хуже, ибо они зато въ каждомъ данномъ пунктѣ дѣлаются слабѣе. Что изъ того, что они отрѣзываютъ путь отступленія? Вездѣ, а въ азіятскихъ войнахъ въ особенности,—слова: отрѣзаны, обойдены, тылъ—должны быть выкинуты изъ военнаго лексикона. Тыла нѣтъ,—вездѣ фронтъ, гдѣ есть непріятель, а драться все равно нужно во всѣ стороны, куда бы ни пошелъ!

Подъ Перовскомъ въ 1853 г. храбрый Шкупь тоже былъ окруженъ, тоже былъ отрѣзанъ и тѣмъ смѣлѣе пошелъ впередъ, разбилъ коканцевъ въ дребезги, захватилъ всю ихъ артиллерію! Какъ

*) Рапортъ Жемчужникова отъ 9 декабря 1864 года.

бы поступили на его мѣстѣ Жемчужниковъ и Сукорко? Отступая этотъ точный исполнитель даже плохихъ приказаній, увидѣлъ близъ дороги разрушенную крѣпостцу (sic) *), „въ которой была замѣчена непріятельская засада, и какъ число непріятеля въ засадѣ мнѣ не было извѣстно, то я, во избѣжаніе встрѣчи, отрядъ свернулъ съ дороги вправо, въ обходъ крѣпостцы".

Въ этомъ и весь секретъ: выручка избѣгала встрѣчи... Такъ, конечно, никого никогда не выручишь!

Что это было за крѣпостца, заставившая сильный, по здѣшнему понятію, отрядъ свернуть съ дороги, можно судить уже изъ того, что когда новый путь оказался непроходимымъ, и пришлось воротиться назадъ мимо этой самой крѣпостцы, то ее взяли одни стрѣлки безъ всякой потери! Итакъ, казаки были оставлены на жертву врагу.

Коканцы сейчасъ же воспользовались отступленіемъ пѣхоты чтобы напугать казаковъ; они послали имъ письмо съ извѣщеніемъ объ уничтоженіи отступившаго отряда и съ предложеніемъ сдачи на условіяхъ всяческаго за это благорасположенія. Посланіе, какъ расчитывалъ Алимкулъ, быть можетъ, и заставило бы казаковъ призадуматься; но ихъ доблестный командиръ рѣшился держаться до послѣдней крайности. Уральцы, ободренные его примѣромъ, бойко принялись за дѣло и къ ночи успѣли подѣлать нѣсколько новыхъ заваловъ изъ убитыхъ лошадей и верблюдовъ. До утра все было спокойно. Поздно вечеромъ два молодца Андрей Борисовъ и Екимъ Черной, вмѣстѣ съ джигитомъ почтаремъ, пробрались сквозь массы непріятеля въ Туркестанъ и доставили записку отъ Сѣрова о немедленной помощи, но... Жемчужникову казалось, что городъ окруженъ коканцами. На другой день, 6 декабря, когда дневной свѣтъ разсѣялъ ночные страхи и когда оказалось, что городъ вовсе не окруженъ а „посланный разъѣздъ объявилъ, что въ садахъ никого нѣтъ"**),— тогда только, черезчуръ осторожный комендантъ, рѣшился послать новый отрядъ изъ 207 челов. пѣхоты и 10 казаковъ при 2 орудіяхъ, — на этотъ разъ съ приказаніемъ непремѣнно соединиться съ Сѣровымъ. Что такое подѣйствовало на Жемчужникова,—неизвѣстно. Опасность для города была все та же, если еще не болѣе, ибо дѣло сотни близилось къ концу: гарнизону въ Туркестанѣ не прибавилось, жителей было попрежнему 10 т.,-- откуда же такой рискъ, на который не рѣшались цѣлыхъ два дня? Кажется, примѣръ доблестныхъ уральцевъ, бившихся уже 3-й день, пріободрилъ злополучнаго коменданта.

---

*) Это загонъ для скота съ высокими стѣнами; здѣсь ихъ множество на каждомъ шагу.

**) Рапортъ Жемчужникова 9 декабря.

Уральцамъ приходилось плохо: утромъ 6 декабря непріятель имѣлъ уже до 16 щитовъ, подъ прикрытіемъ которыхъ онъ, повидимому, готовился окончательно атаковать лагерь. Что это за щиты? Оффиціальное донесеніе называло ихъ и мантелетами, очевидцы увѣряли, что это просто вязанки сѣна, подвязанныя и снизу, и сверху арбы, которую и катили къ казакамъ, закрываясь ею отъ выстрѣловъ. Не теряя еще надежды на помощь и чтобы протянуть время, Сѣровъ вступилъ въ переговоры съ Алимкуломъ и тѣмъ выигралъ болѣе часу. Доблестные товарищи-подчиненные Сѣрова, не зная истинныхъ намѣреній своего эсаула, громко роптали на эти переговоры, предпочитая бой на смерть. Когда же переговоры окончились, коканцы открыли по казакамъ жестокій огонь и бросились въ атаку. Первый натискъ и послѣдовавшіе за нимъ три другихъ были отражены весьма удачно, но выстрѣлами непріятеля перебиты были всѣ лошади и изъ строя выбыло убитыми: 3 урядника, 33 казака и 1 фурштатскій солдатъ, ранеными — всѣ 4 артиллериста и нѣсколько казаковъ.

Во все время атакъ казаки вели себя молодцами; но отрядъ былъ уже такъ слабъ, что держаться до прибытія помощи не представлялось никакой возможности. Оставалось рѣшиться на послѣднее средство: пробиться сквозь ряды тысячной непріятельской конницы или пасть. Сѣровъ предложилъ своимъ казакамъ пробиваться. Заклепавъ единорогъ, они единодушно, съ крикомъ „ура!“ бросились въ среду коканцевъ...

Какимъ образомъ десятитысячной массѣ не удалось задавить и истребить три-четыре десятка пѣшихъ казаковъ, измученныхъ трехдневнымъ упорнымъ боемъ, израненныхъ, обезсиленныхъ и голодныхъ,—объяснить это можно развѣ только тѣмъ, что отчаянная рѣшимость уральцевъ, владѣвшихъ еще своими ружьями, ошеломила коканцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, они не посмѣли приблизиться къ казакамъ и только провожали ихъ сильнымъ огнемъ на протяженіи почти всѣхъ восьми верстъ; остатки сотни шли, бросая всю одежду, въ однѣхъ рубашкахъ, съ ружьями и патронами. Взбѣшенные азіаты излили всю свою месть на тяжело раненыхъ, оставленныхъ на дорогѣ: въ глазахъ отряда, ихъ рубили шашками и отсѣкали имъ головы. Легко раненые, — имѣвшіе, впрочемъ, нѣкоторые по 5—6 ранъ, — шли, поддерживая другъ друга и по возможности принимая участіе въ оборонѣ до тѣхъ поръ, пока совершенно обезсиленные, не соединились съ новымъ отрядомъ, высланнымъ на встрѣчу изъ Туркестана и спасшимъ остатки этой геройской сотни.

Казаки ничего не ѣли и не пили два дня; поэтому съ привала не могли даже встать съ мѣста безъ посторонней помощи... Ихъ размѣстили по телѣгамъ и повезли въ городъ.

Вся потеря казаковъ въ дѣлѣ подъ Иканомъ оказалась:

	Убитыми.	Ранеными.
Офицеровъ	1	1
Урядниковъ	4	1
Казаковъ	50	37
Артиллеристовъ	—	4
Фельдшеровъ	1	1
Фурштатъ	1	—
Вожакъ изъ киргизовъ .	—	1
Итого	57	45

Всего . . . . . 102 человѣка.

Собственно изъ казаковъ уцѣлѣло 11 челов., и то изъ нихъ 4 контужено.

Въ 7 часовъ вечера герои вступили въ Туркестанъ. Самъ Сѣровъ былъ раненъ въ спину и контуженъ въ шею; пальто его прострѣлено въ 8 мѣстахъ.

Между тѣмъ изъ Чимкента, по полученіи 5 числа извѣстія о движеніи коканцевъ, былъ высланъ отрядъ изъ 2 ротъ пѣхоты съ двумя легкими орудіями, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Гребенкина, на Арысь. Сообщеніе съ Туркестаномъ и близлежащими селеніями было прервано. Посланные изъ отряда почтари къ Туркестану всѣ захвачены и, такимъ образомъ, настоящаго положенія дѣлъ въ Туркестанѣ и его окрестностяхъ въ отрядѣ извѣстно не было. 7 числа Черняевъ, не имѣя еще никакихъ точныхъ свѣдѣній ни объ Алимкулѣ, ни объ его движеніи, но единственно безпокоясь неполученіемъ извѣстій изъ Туркестана, приказалъ отряду перейти Арысь и непремѣнно войти въ связь съ Туркестаномъ. Только 9 числа получены были болѣе или менѣе достовѣрныя извѣстія о движеніи Алимкула, и 10 числа, рано утромъ, Черняевъ выступилъ съ 5 ротами пѣхоты, при 6 орудіяхъ къ Арысу, приказавъ Гребенкину слѣдовать далѣе къ Чилику.

Только 11 числа, когда отрядъ подходилъ уже къ Арысу, получено было извѣстіе о дѣлѣ подъ Иканомъ и объ отступленіи Алимкула. Отступленіе это было слѣдствіемъ движенія отрядовъ изъ Чимкента. Потерпѣвъ огромный уронъ подъ Иканомъ, Алимкулъ, опасаясь встрѣчи со свѣжими войсками, кинулся черезъ Дарью на лѣвый берегъ и поспѣшилъ къ Ташкенту.

Дѣло подъ Иканомъ должно, по всей справедливости, принадлежать къ числу самыхъ блестящихъ дѣлъ, бывшихъ когда-либо въ Средней Азіи. Два дня горсть храбрыхъ, предводимая безстрашнымъ своимъ начальникомъ, отбивалась отъ нѣсколькотысячной толпы наѣздниковъ Алимкула. Выдерживая атаки коканской кавалеріи, а также артиллерійскій и ружейный огонь,

она умирала, но не сдѣлала и шагу назадъ. Израненные и изнуренные физически и нравственно, потерявъ надежду на помощь и не видя возможности удержать за собою позицію, кинулись они на непріятеля и проложили себѣ путь. Почти всѣ они заплатили за свое геройское мужество и безпримѣрную храбрость: половина изъ нихъ легла на мѣстѣ, другая половина обозначила кровью путь своего безстрашнаго отступленія.

„Какъ ни блестяще это дѣло,—доносилъ Черняевъ *),—и при настоящей потерѣ, но къ крайнему сожалѣнію надо сознаться, что дѣло это могло бы имѣть совершенно другіе результаты, если бы не оплошность туркестанскаго коменданта подполковника Жемчужникова и не странныя дѣйствія посланнаго съ отрядомъ подпоручика Сукорко...

Горсть людей, какъ бы она храбра и безстрашна ни была, не могла сдѣлать сверхъестественнаго: есть и для героевъ невозможное... Она пала почти вся, защищая свою позицію и, наконецъ, когда защищаться было некому и нечѣмъ, она прорвалась и отступила. Болѣе сдѣлать было внѣ человѣческой возможности. Но если эта горсть сумѣла не только удержать 10-тысячную толпу непріятеля, но и нанести ей огромный вредъ, то во-время подошедшее свѣжее подкрѣпленіе рѣшило бы совершенную побѣду и, кромѣ того, спасло бы сотню отъ большой потери. Но этого подкрѣпленія въ продолженіе двухдневнаго боя не было“.

Понятно негодованіе Черняева, когда онъ узналъ подробности дѣла. Тотчасъ же имъ наряжено было слѣдствіе надъ подпоручикомъ Сукорко, какъ за неподаніе имъ помощи отряду есаула Сѣрова, такъ и за отступленіе его отъ непріятеля безъ всякой причины; но прежде, чѣмъ окончилось слѣдствіе,—вышли награды за иканское дѣло, и Сукорко, по первоначальному донесенію Жемчужникова, получилъ орденъ Св. Владиміра 4 ст., слѣдствіе пришлось прекратить... Вотъ новый примѣръ ложности реляцій мелкихъ начальниковъ...

Государь Императоръ щедро наградилъ оставшихся въ живыхъ казаковъ; всѣ они получили знаки отличія военнаго ордена, а Сѣровъ орденъ Св. Георгія 4 степени и слѣдующій чинъ.

Алимкулъ послалъ головы, срубленныя съ убитыхъ казаковъ въ Ташкентъ, оттуда въ Коканъ и, наконецъ, 40 головъ въ Кашгаръ, въ подарокъ Якубъ-Беку, который только что прибылъ туда для возстановленія власти ходжей въ лицѣ Бзрукъ-Хана. Это была реляція съ вещественными доказательствами побѣды!

---

*) Рапортъ Черняева отъ 17 декабря 1864 г. № 1876.

ГЛАВА X.

Виды нашего правительства относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Взятіе Ніязбека. Разбитіе Алимкула подъ Ташкентомъ 9 мая 1865 г. Блокада Ташкента. Неудачное нападеніе 7 іюня. Диспозиція къ штурму 15 іюня. Взятіе города. Льготы отъ податей. Окончаніе войнъ съ Коканомъ. Политика оренбургскаго генералъ-губернатора Крыжановскаго. Мирный договоръ 1868 года.

По образованіи Туркестанской области (12 февраля 1865 г.) изъ Сыръ-Дарьинской и Новококанской линій, военному губернатору ея, генералъ-маіору Черняеву, предписано было принять дѣятельныя мѣры для обезпеченія нашихъ границъ съ средне-азіятскими владѣніями.

Виды нашего правительства относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій въ Средней Азіи заключались (какъ видно изъ отношенія министерства иностранныхъ дѣлъ, отъ 23 февраля 1865 г. № 181) въ слѣдующемъ: 1) до тѣхъ поръ, пока не установятся мирныя отношенія къ Кокану, необходимо избѣгать, по возможности, всякаго вмѣшательства въ дѣла ханства; 2) вооруженное вмѣшательство можетъ быть допущено только съ цѣлію предупредить нарушеніе нашихъ границъ и нашихъ торговыхъ интересовъ, но и тогда мы не должны дѣлать новыхъ поземельныхъ пріобрѣтеній и не переносить далѣе нашу границу; 3) если бы жители Ташкента, тяготясь безпрерывными безпорядками, господствующими въ Коканскомъ ханствѣ, вздумали бы отложиться, съ цѣлію пріобрѣтенія независимости, то необходимо содѣйствовать этому тайными сношеніями съ вліятельными ташкентцами и, въ случаѣ дѣйствительнаго возстанія, облегчить ему успѣхъ нанесеніемъ быстраго удара враждебному намъ коканскому владѣтелю. „Само собою разумѣется, что послѣ подобнаго удара отрядъ долженъ возвратиться на линію, не вдаваясь въ дальнѣйшее участіе въ этой междоусобной борьбѣ и не занимая Ташкента“. 4) „Мы рѣшились не включать этого города въ предѣлы Имперіи, потому что признали несравненно для насъ выгоднѣйшимъ ограничиться косвеннымъ на него вліяніемъ, весьма дѣйствительнымъ по близости нашихъ военныхъ силъ. Но весьма быть можетъ, что для насъ было бы гораздо выгоднѣе, если бы Ташкентъ успѣлъ отложиться отъ Коканскаго ханства и образовалъ, по прежнему, независимое владѣніе“, и 5) въ случаѣ справедливости слуховъ о намѣреніи бухарскаго эмира подчинить себѣ Ташкентъ,—желательно было бы предупредить эту случай-

ность, такъ какъ, помимо весьма невыгоднаго для насъ нравственнаговпечатлѣнія,—занятіе бухарцами Ташкента поведетъ, конечно, къ установленію, и въ этомъ городѣ, тѣхъ же стѣснительныхъ торговыхъ порядковъ, въ отношеніи нашихъ купцовъ, которыхъ намъ не удалось до сихъ поръ устранить въ Бухарѣ.

Генералъ Крыжановскій, съ своей своей стороны, преподалъ Черняеву въ руководство нѣсколько точныхъ и вѣрныхъ указаній, основанныхъ на близкомъ знаніи положенія дѣлъ (Инструкція отъ 25 февраля 1865 г. № 81).

Рекомендуя, напримѣръ, озаботиться, прежде всего, прочнымъ утвержденіемъ нашей линіи, что можетъ быть достигнуто достаточно сильной обороной,—Крыжановскій добавляетъ: „но такъ какъ вездѣ, а въ Азіи въ особенности, прочная оборона нерѣдко достигается смѣлымъ наступленіемъ, то необходимо въ головномъ пунктѣ, полагаю, въ Чимкентѣ, имѣть достаточно подвижной силы, чтобы во всякое время можно было произвести погромъ въ сосѣдственныхъ странахъ *). Короче сказать, мы должны поставить себя въ такое положеніе, чтобъ непріятель нашъ находился всегда подъ страхомъ серьезныхъ нападеній съ нашей стороны, а не мы подъ страхомъ вторженій со всѣхъ сторонъ“.

Такія инструкціи, мало стѣсняя свободу дѣйствій исполнителя, были вполнѣ согласны и со взглядомъ Черняева. Между тѣмъ, съ весною 1865 г., между Бухарою и Коканомъ возобновились прежнія и почти непрерывныя столкновенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилились и внутреннія смуты въ средѣ коканскаго населенія. Бухарскій эмиръ, желая воспользоваться безпорядками, происходившими въ Коканѣ, и почти всеобщимъ неудовольствіемъ мѣстнаго населенія противъ регента Алимкула, вторгнулся въ предѣлы ханства и занялъ городъ Ходжентъ.

Въ это же время ген.-адъют. Крыжановскій извѣстилъ Черняева о намѣреніи своемъ прибыть осенью въ новоприобрѣтенную область и потому просилъ не предпринимать ничего противъ Ташкента до его пріѣзда. Ясно, что генералу Черняеву разсчетливѣе было бы отложить военныя дѣйствія до пріѣзда главнаго начальника и его приближенныхъ, мечтавшихъ объ увеселительной поѣздкѣ въ степь осенью, „по холодку“, безъ особыхъ непріятностей и съ вѣрнымъ разсчетомъ на Георгія..., но Черняевъ не хотѣлъ дѣлиться славой, а его ближайшіе помощники и сами очень уважали святого великомученика и побѣдоносца... На товарищескихъ совѣтахъ рѣшено было Крыжановскаго отнюдь не ждать и

*) Въ проектѣ этого предписанія было прибавлено «и взять Ташкентъ», но военный министръ Д. А. Милютинъ сдѣлалъ противъ этого помѣтку: «не будетъ ли осторожнѣе о взятіи Ташкента не упоминать?»

поторопиться съ Ташкентомъ до осени. Ссылаясь на то, что возникшія въ сосѣднихъ намъ ханствахъ обстоятельства требовали весьма серьезнаго вниманія, генералъ Черняевъ счелъ необходимымъ, въ концѣ апрѣля мѣсяца, выдвинуть свои передовыя войска (9½ ротъ, при 12 орудіяхъ), для наблюденія за дѣйствіями бухарскаго эмира.

А чтобы поставить Ташкентъ сразу въ зависимое отъ насъ положеніе, рѣшено было захватить его воду, занявши крѣпость Ніязбекъ, владѣющую гидравлическими сооруженіями ташкентскихъ водопроводовъ. Свернувъ съ прямой ташкентской дороги 27 числа, отрядъ на другой день подошелъ къ Ніязбеку, коменданту котораго предложено сдать укрѣпленіе. Вслѣдствіе отказа рѣшено немедленно же приступить къ осаднымъ работамъ, которыя и начаты въ ночь на 29 число.

Крѣпость представляетъ неправильный квадратъ съ фасами въ 35, 38, 39 и 47 саженъ длины и въ 3 саж. высоты, съ башнями по угламъ. Съ трехъ сторонъ крѣпость обнесена рвомъ въ 3 сажени ширины и глубины, а съ четвертой примыкаетъ къ р. Чирчику, куда имѣется крытый ходъ изъ воротъ.

Осадныя батареи были заложены: одна противъ сѣвернаго, другая противъ западнаго угловъ крѣпости въ разстояніи 215 и 170 саж. Съ разсвѣтомъ, батареи (двѣ ½-пуд. мортиры и 2 бат. орудія) открыли огонь и черезъ нѣсколько часовъ сбили оба барбета и тѣмъ заставили непріятеля прекратить артиллерійскій огонь.

Въ то же время было получено извѣстіе о движеніи многочисленнаго скопища коканцевъ со стороны Ташкента. Генералъ Черняевъ, оставивъ помощника своего, генерала Качалова, съ частью войскъ подъ Ніязбекомъ, съ остальными (5½ ротами, при 4 орудіяхъ) двинулся на встрѣчу 3,000-му отряду коканцевъ, занявшему сады, выбилъ его артиллерійскимъ огнемъ изъ занятой позиціи и обратилъ въ бѣгство. Между тѣмъ батареи, бомбардировавшія крѣпость, были усилены двумя орудіями. Къ вечеру сѣверо-западный фасъ былъ совершенно разрушенъ и готовъ для штурма. Это поколебало мужество гарнизона, и комендантъ, узнавъ о совершенномъ пораженіи шедшаго къ нему подкрѣпленія, въ тотъ же день къ 10 часамъ вечера сдалъ крѣпость.

Трофеями нашими были 370 человѣкъ плѣнныхъ, 6 орудій большого калибра, 7 фальконетовъ и значительное количество разнаго оружія и огнестрѣльныхъ запасовъ. Наша потеря состояла: изъ 7 человѣкъ легко раненыхъ и 3 контуженныхъ нижнихъ чиновъ.

Имѣя главною цѣлію усиленіе вліянія на Ташкентъ и наблюденіе за происходившими смутами въ ханствахъ, Черняевъ отвелъ въ Ніязбекѣ два главные рукава Чирчика, снабжавшихъ

Ташкентъ водою, и, оставивъ небольшой гарнизонъ въ занятой крѣпости, съ остальными войсками, 7 мая, расположился лагеремъ въ восьми верстахъ отъ г. Ташкента, на дорогѣ въ Ходжентъ. По соглашенію съ преданною намъ партіею, рѣшено было сдѣлать, 8 мая, рекогносцировку сѣверо-восточной стороны города, причемъ жители должны были напасть на гарнизонъ и отворить намъ ворота; но планъ этотъ не могъ быть исполненъ, по случаю прибытія, въ назначенный день, изъ Кокана самого Алимкула, съ отрядомъ до 6,000 человѣкъ, при 40 орудіяхъ. Съ прибытіемъ его, вокругъ нашего лагеря начали появляться небольшія шайки коканцевъ, которыя, впрочемъ, тотчасъ же были прогоняемы.

На другой день, 9 мая, въ шесть часовъ утра, масса коканскихъ войскъ, числительностію до 7,000, показалась въ виду лагеря. Расположивъ на высотахъ свои войска и многочисленную артиллерію, въ семь часовъ утра Алимкулъ открылъ огонь по нашему лагерю разрывными снарядами, съ дистанціи въ 800 саженъ. Благодаря значительному калибру коканскихъ орудій, снаряды ихъ ложились въ лагерь, но, по счастію, никакого вреда не причинили. Изъ лагеря тотчасъ двинуты были четыре роты пѣхоты, при 4 орудіяхъ, подъ командою штабсъ-капитана Бориславскаго, для атаки непріятеля съ фронта, а двѣ роты направлены въ обходъ его лѣваго фланга. Подойдя на 400 саженъ къ расположенію непріятеля, фронтальный отрядъ открылъ мѣткій артиллерійскій огонь противъ коканцевъ. Вскорѣ артиллерія коканцевъ значительно ослабила свой огонь, а расположенныя по высотамъ колонны изъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ войскъ начали отступать. Пользуясь этимъ удачнымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи, генералъ Черняевъ приказалъ двумъ ротамъ изъ колонны Бориславскаго двинуться впередъ, подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня и ударить на непріятеля съ фронта, одновременно съ ротами, посланными во флангъ. Едва только наши войска начали подниматься на высоты, занятыя коканцами, какъ тотчасъ же были встрѣчены огнемъ всей коканской артиллеріи. Но, не смотря на это, наша пѣхота быстро взбѣжала на высоты. Лишь только наши роты появились на высотахъ, съ фронта и съ лѣваго фланга непріятеля,—коканцы, не выдержавъ натиска, совершенно смѣшались. Коканская гвардія первая бросилась бѣжать, а за ней ускакала и кавалерія, поражаемая огнемъ нашей артиллеріи; коканская же артиллерія начала отступать еще ранѣе. Но, не смотря на быстрое отступленіе коканцевъ, часть отставшей пѣхоты ихъ была настигнута и легла на мѣстѣ, причемъ нами захвачено 2 орудія, весьма хорошихъ качествъ, и до 200 ружей. Коканцы потеряли до 300 человѣкъ убитыми. Наша по-

теря состояла изъ 10 раненыхъ нижнихъ чиновъ и изъ 12 контуженныхъ, въ томъ числѣ одинъ офицеръ.

Непріятель едва успѣлъ скрыться въ Ташкентъ, а наши войска возвратились въ лагерь.

Въ дѣлѣ 9-го мая убитъ былъ и самъ Алимкулъ. Это дало перевѣсъ бухарской партіи въ Ташкентѣ, которая и обратилась къ эмиру съ просьбой о помощи. Эмиръ обѣщалъ, но потребовалъ, предварительно, выдачи ему въ качествѣ заложника хана Миръ-Сеита.

Бухарскаго эмира нельзя было допустить утвердиться въ Ташкентѣ, вблизи отъ нашей границы, не только по причинамъ, указаннымъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, но и потому еще, что Бухара всегда составляла средоточіе мусульманскаго фанатизма въ Средней Азіи, — фанатизма, умѣряемаго лишь отчасти торговыми интересами, но который неминуемо усилится въ ущербъ намъ, если завоевательныя стремленія Бухары не будутъ также удержаны на сѣверѣ, какъ удерживаются на югѣ Кабуломъ.

Ставъ на дорогѣ изъ Ходжента въ Ташкентъ и преградивъ тѣмъ путь эмиру, Черняевъ сохранилъ Ташкенту независимость отъ Бухары, а взятіемъ Ніязбека и пораженіемъ Алимкула 9-го мая потрясъ авторитетъ и Кокана. Между тѣмъ разбитое скопище Алимкула внесло въ Ташкентъ безпорядокъ и разстройство. Объявивъ себя правителемъ ханства, нашъ непримиримый врагъ, Сыдыкъ Кениссаровъ (сынъ извѣстнаго бунтовщика), держа въ страхѣ мирное населеніе Ташкента, естественно не могъ быть для насъ желаемымъ сосѣдомъ. Тѣмъ не менѣе, генералъ Черняевъ, хорошо зная положеніе дѣлъ и вполнѣ сознавая, какъ безполезность для насъ дальнѣйшихъ завоеваній, такъ и то извѣстное правило, что въ Азіи легче пріобрѣсти, чѣмъ удержать за собою пріобрѣтенную территорію, долгое время оставался хладнокровнымъ зрителемъ ташкентской неурядицы, не смотря на просьбы многихъ жителей Ташкента объ изгнаніи коканскаго гарнизона. Согласно инструкціи, Черняевъ не вмѣшивался въ дѣло, пока могъ надѣяться, что жители сами, безъ содѣйствія русскихъ войскъ, смогутъ выгнать гарнизонъ изъ Ташкента. Ожиданія эти однако оказались тщетными, а наши торговые интересы, между тѣмъ, сильно страдали, такъ какъ еще съ осени 1864 г. движеніе каравановъ изъ Россіи почти прекратилось. Дальнѣйшее бездѣйствіе было уже для насъ невыгодно и въ томъ отношеніи, что по мѣрѣ того, какъ жители Ташкента убѣждались въ нежеланіи нашемъ содѣйствовать имъ въ освобожденіи города отъ коканскаго гарнизона, партія бухарская пріобрѣтала все большее число приверженцевъ, а это было рѣшительно не въ видахъ нашей политики, такъ какъ достиженіе мира и водвореніе торго-

ваго и промышленнаго развитія на нашихъ границахъ съ Среднею Азіею отдалилось бы на неопредѣленное время.

Все это очень хорошо понималъ генералъ Черняевъ и рѣшился, наконецъ, дѣйствовать.

Оставивъ на старой позиціи на Сара-Тюбе, предварительно укрѣпленной, три роты и 4 орудія подъ начальствомъ полковника Краевскаго, самъ Черняевъ, съ остальнымъ отрядомъ, 17-го мая, перешелъ на бухарскую дорогу и двинулся къ устью Чирчика, на укр. Чиназъ, прикрывающее переправу черезъ Сыръ-Дарью, съ цѣлію пресѣчь всѣ сообщенія Ташкента съ бухарскими войсками и тѣмъ убѣдить жителей, что эмиръ, ни въ какомъ случаѣ, къ нимъ допущенъ не будетъ.

По дорогѣ, въ селеніи Зингата, былъ захваченъ нами хивинскій посланникъ, ѣхавшій къ Алимкулу. Посланникъ этотъ былъ отправленъ, впослѣдствіи, обратно черезъ фортъ Перовскій съ письмомъ и подарками къ хану. Гарнизонъ Чиназа, не дожидаясь приближенія нашего отряда, бѣжалъ. Узнавъ объ этомъ Черняевъ послалъ небольшой отрядъ захватить въ Чиназѣ оружіе и порохъ. Жители вездѣ покорно и смиренно встрѣчали наши войска и просили принять ихъ подъ покровительство Россіи.

Изъ крѣпости вывезено пять крѣпостныхъ чугунныхъ орудій и нѣсколько фальконетовъ, а также значительное количество пороха и снарядовъ, которые и были затоплены въ ближайшемъ рукавѣ Чирчика.

По возвращеніи къ Ташкенту генералъ Черняевъ рѣшился стѣснить блокаду Ташкента. Съ этой цѣлію главныя силы отряда расположились въ Ногай-Курганѣ, въ 7 верстахъ отъ города, съ южной его стороны, на бухарской дорогѣ, а на коканской, для наблюденія за переправой черезъ Чирчикъ, былъ выставленъ отрядъ изъ двухъ ротъ съ двумя орудіями, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Гребенкина.

Получивъ извѣстіе, будто бухарскія войска двигаются къ Ташкенту, который уже сильно нуждается въ хлѣбѣ и водѣ, узнавъ также, что наша партія громко говоритъ за сдачу, но сдерживается только гарнизономъ, Черняевъ рѣшился произвести нападеніе; разсчитывая, что преданная намъ часть населенія сама отворитъ намъ ворота. Увѣренность въ содѣйствіи жителей была такъ велика, что войска даже не заготовили лѣстницъ.

Въ ночь на 7 іюня отрядъ полковника Краевскаго приблизился къ Ташкенту, со стороны Коканскихъ воротъ, на 250 саженъ, и открылъ огонь. Главныя же силы, двигаясь съ юга, наткнулись на глубокій оврагъ, черезъ который не могла пройти артиллерія, и потому ограничились рекогносцировкой, а затѣмъ отошли отъ города, расположившись на этотъ разъ не далѣе трехъ или четырехъ верстъ, чтобы стѣснить еще болѣе блокаду.

Это однакоже не помѣшало жителямъ поддерживать сношенія съ бухарцами: такъ, въ ночь на 10 іюня, проживавшій въ Ташкентѣ, коканскій ханъ Миръ-Сеидъ, былъ, согласно условію, высланъ къ эмиру съ 200 приближенныхъ, а въ замѣнъ его въ Ташкентъ вступилъ бухарскій отрядъ Искендеръ-Бека, назначеннаго начальникомъ города. Значительное протяженіе стѣнъ, большое количество воротъ и множество дорогъ, сходящихся къ городу, дѣлали для нашего, слабаго числомъ, отряда совершенно невозможнымъ болѣе тѣсное обложеніе города. Въ такомъ положеніи дѣла оставались до 15 іюня, когда Черняевъ, получивъ новыя свѣдѣнія о движеніи эмира и не желая очутиться между двухъ огней, рѣшился, не смотря на громадную несоразмѣрность силъ противника, штурмовать Ташкентъ. Городъ этотъ, по тогдашнимъ свѣдѣніямъ, имѣлъ до 200,000 жителей. Только въ 1868 году, изъ работъ организаціонныхъ комиссій, мы узнали, что достовѣрнѣе считать отъ 40 до 60 тысячъ душъ.

Окруженный непрерывною стѣною въ 24 вер., городъ имѣетъ видъ неправильнаго овала, вытянутаго съ сѣвера на югъ. Будучи перерѣзанъ почти на двѣ равныя части, съ сѣвера на югъ, каналомъ Босъ-Су, городъ состоитъ изъ лабиринта извилистыхъ и довольно узкихъ улицъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ тянутся, почти исключительно, глиняные дома. Въ центрѣ города и на юго-восточной его части находятся обширные базары. На сѣверо-восточной оконечности города имѣлась цитадель, съ ханскимъ дворцомъ и ханскою ставкою. Городская стѣна была усилена глубокимъ рвомъ и во многихъ мѣстахъ приспособлена къ артиллерійской оборонѣ. Какъ потомъ оказалось, въ рукахъ защитниковъ Ташкента было 63 орудія различныхъ калибровъ. Въ стѣнѣ, окружающей Ташкентъ, устроены 12 воротъ и 2 прохода, а именно: съ сѣвера—ворота Лябузякъ и Кашгарскія, съ востока—Коканскія, Калмасъ, Бишъ-Агачъ, Тышекъ (т. е. проходъ) и Камеланъ; съ юга—ворота Самаркандъ и Кукча; съ запада—ворота Тактапулъ, Тышекъ (т. е. проходъ), Кара-Сарай, Сауванъ и Чагатай. Населеніе Ташкента размѣщается въ городѣ довольно опредѣленными группами: въ западной половинѣ города, а также въ центрѣ его сосредоточено промышленное и торговое населеніе, а юго-восточная половина занята бывшими приближенными хана, т. е. служилымъ сословіемъ,—военными и аристократіей, намъ по преимуществу враждебными. Ближайшія окрестности Ташкента, на разстояніи 2—5 верстъ, покрыты сплошь огороженными садами, между которыми и проходятъ, въ видѣ узкихъ улицъ, дороги, ведущія къ разнымъ городскимъ воротамъ. Общая окружность этого зеленаго пояса садовъ простирается до 70 верстъ.

Изъ этого краткаго очерка можно заключить, что овладѣніе Ташкентомъ, въ случаѣ стойкой и разумной его защиты (и при-

томъ противъ незначительныхъ силъ атакующаго), представляло почти неодолимыя препятствія. Непріятель располагалъ 30,000 вооруженныхъ жителей, при 63 орудіяхъ. У насъ же было всего 1951 человѣкъ (9½ ротъ), при 12 орудіяхъ, но зато ими командовалъ Черняевъ, зато на ихъ сторонѣ была благородная привычка побѣждать, беззавѣтная преданность начальнику и ничѣмъ несокрушимая увѣренность въ успѣхѣ!

Принимая въ соображеніе: 1) что гарнизонъ города, по обширности оборонительной линіи, былъ разбросанъ на весьма большомъ протяженіи, что, конечно, не могло способствовать быстрому сосредоточенію его къ атакованному пункту, 2) что артиллерія непріятеля, хотя и весьма многочисленная, но разсѣянная на разстояніи 15 верстъ, по всей южной сторонѣ города, также не могла, въ данный моментъ, дѣйствовать совокупно, и 3) что жители города раздѣлены были на двѣ главныя партіи, изъ которыхъ преданная намъ, въ случаѣ занятія городской ограды, должна была оказать намъ содѣйствіе,—генералъ Черняевъ рѣшился немедленно взять городъ открытою силою.

Рядъ рекогносцировокъ, произведенныхъ инженеръ-поручикомъ Макаровымъ, во время блокады крѣпости, показалъ, что атака Ташкента могла быть поведена на одни изъ воротъ юго-восточной части; притомъ атака этой части города представляла еще ту выгоду, что овладѣвъ ею, мы уже овладѣвали и всѣмъ городомъ, такъ какъ здѣсь только и держалась партія, намъ враждебная.

Кромѣ того, при атакѣ этой части города всѣмъ послѣдствіямъ штурма подвергалось только военное населеніе, а не мирные граждане, которыхъ Черняевъ считамъ намъ преданными.

Усиленныя рекогносцировки самыхъ стѣнъ Ташкента, произведенныя вышеназваннымъ офицеромъ, доходившимъ до контръ-эскарпа крѣпостного рва, указали, что наивыгоднѣйшій пунктъ атаки есть Комеланскія ворота, во, первыхъ, потому, что передъ ними рва почти не было, а стѣны были сравнительно ниже, во-вторыхъ, къ этимъ воротамъ ни разу не подходили явныя рекогносцировки, почему можно было разсчитывать на безпечность караула, наконецъ, въ-третьихъ, и потому еще, что часть враждебнаго намъ населенія, заключавшаяся между Босъ-Су и этими воротами, была бы отрѣзана отъ остальныхъ и, конечно, не приняла бы участія въ оборонѣ. Впослѣдствіи Черняевъ объяснялъ причину успѣха штурма неспособностію Садыка и своею хитростію *). Избранный начальникомъ обороны Ташкента, Садыкъ „не выказалъ особенныхъ военныхъ способностей и легко поддался на самый простой мой маневръ. Чтобы развлечь его вниманіе, я

*) Русскій Вѣстникъ 1889 г., № 8, «Султаны Кенисара и Садыкъ».

переходилъ съ отрядомъ съ мѣста на мѣсто вокругъ стѣнъ, имѣвшихъ около 24 верстъ протяженія. Вмѣсто того, чтобы расположить по стѣнкамъ часть своихъ войскъ и орудій (15,000 коканцевъ и 60 орудій), а остальныя держать въ резервѣ, онъ разсыпалъ по всей длинѣ стѣны свои войска и пушки, что дало мнѣ возможность легко прорвать слабую линію и взять ее во флангъ и тылъ".

Главный отрядъ нашъ, послѣ покушенія 7-го іюня, расположился въ городскихъ садахъ и приступилъ къ приготовленію штурмовыхъ лѣстницъ. Для облегченія же перехода черезъ ровъ инженеръ-капитанъ Яблонскій устроилъ нѣсколько арбъ съ небольшими откидными лѣстницами. Чтобы испытать лѣстницы и пріучить войска, сдѣланъ былъ примѣрный штурмъ на высокія стѣны одного изъ загородныхъ дворовъ, во множествѣ здѣсь встрѣчающихся. Лѣстницы сломались, но матеріалъ былъ подъ рукою и новыя поспѣли весьма скоро. Войска главнаго отряда должны были выступить 14 іюня въ 11 часовъ вечера и тихо подкрасться къ Комеланскимъ воротамъ, обвернувъ для этого колеса орудій кошмами. Штурмъ долженъ былъ начаться съ разсвѣтомъ 15 числа.

Одновременно съ аттакой главнаго отряда, полковнику Краевскому, стоявшему въ сел. Куйлюкъ, у переправы черезъ Чирчикъ на ходжентской дорогѣ, предписано сдѣлать демонстрацію со стороны Коканскихъ воротъ (въ 6 верстахъ отъ Комеланскихъ) и, ограничиваясь бомбардированіемъ города, поддержать тѣмъ атаку главныхъ силъ.

По занятіи наружной ограды передовыя войска главной колонны должны были немедленно двинуться вправо по улицѣ, идущей кругомъ городской стѣны, овладѣть Коканскими воротами, соединиться здѣсь съ отрядомъ полковника Краевскаго и затѣмъ овладѣть цитаделью.

Главный отрядъ, въ составѣ 7 ротъ и 6 орудій (2 легкихъ и 4 батарейныхъ) выступилъ тремя эшелонами. Впереди шла штурмовая колонна подъ начальствомъ штабсъ-капитана Абрамова, изъ охотниковъ и $2^1/_2$ ротъ пѣхоты. Охотниками командовали ротмистръ Вульфертъ, подпоручики Шороховъ и Лапинъ. Въ верстѣ за штурмовой колонной шелъ резервъ изъ двухъ ротъ съ двумя легкими орудіями, подъ начальствомъ маіора де ла Кроа, и еще въ верстѣ за нимъ второй резервъ изъ $2^1/_2$ ротъ, съ 4 батарейными орудіями, подъ начальствомъ подполковника Жемчужникова. Такое растянутое движеніе обусловливалось тѣмъ, что къ атакованнымъ воротамъ, какъ и къ большой части остальныхъ, вела только одна извилистая и узкая улица между стѣнами садовыхъ оградъ. Для перехода на арбяную дорогу, ведшую къ избраннымъ для атаки воротамъ, пришлось разломать нѣкоторыя

стѣнки и вести отрядъ черезъ сады, а чтобы не сбиться въ лабиринтѣ разныхъ садовыхъ переулковъ, путь обозначенъ былъ надломленными вѣтвями, оставленными висѣть на деревьяхъ всякій другой знакъ былъ бы неудобенъ, потому что могъ бы привлечь вниманіе жителей, съ расвѣтомъ.

Внушивъ своимъ сподвижникамъ, что отступленія не будетъ, что надо либо лечь костьми, либо побѣдить, Черняевъ заключилъ свое напутствіе извѣстнымъ народнымъ присловіемъ, гдѣ встрѣчаются слова „пополамъ“ и „въ дребезги“. Въ два съ половиною часа утра штурмовая колонна, подойдя къ воротамъ на полторы версты, сняла съ верблюдовъ штурмовыя лѣстницы и, неся ихъ на рукахъ, двинулась впередъ, садами, по обѣ стороны дороги; впереди шла небольшая цѣпь стрѣлковъ, которая, пользуясь темнотою ночи и пересѣченной мѣстностію, подкралась къ самой стѣнѣ, мимо спавшаго непріятельскаго караула, часовой котораго, поздно увидавъ русскихъ, бросилъ ружье и, не разбудивъ товарищей, бѣжалъ. Присутствіе караула впереди воротъ, которыя были завалены, заставляло думать, что гдѣ-нибудь въ стѣнѣ есть лазейка, а потому охотники рѣшились воспользоваться оплошностію врага и заставить его самого указать намъ дорогу. Для этого часть охотниковъ, какъ сказано, подкралась къ стѣнѣ, а другая, выждавъ нѣсколько, принялась будить оплошныхъ караульныхъ штыками. Въ переполохѣ коканцы и не думали защищаться, а прямо бросились къ лазейкѣ, завѣшанной сѣрою кошмою подъ цвѣтъ глиняной стѣны и потому незамѣтной съ поля. Этого только и было надо: переколовъ оплошныхъ, охотники пролѣзли въ лазейку и тотчасъ же взобрались на барбетъ, куда, съ громкими „ура“, взбиралась уже и другая часть охотниковъ по лѣстницамъ. Это обстоятельство сильно помогло дѣлу; ворота съ двумя башнями и артиллеріей были взяты безъ всякой, съ нашей стороны, потери.

Занявъ стѣны, часть охотниковъ немедленно стала отваливать завалъ въ воротахъ и разбивать самыя ворота, остальны заняли близлежащіе сакли и сады. Священникъ Маловъ, ѣхавшій съ крестомъ впереди штурмовой колонны, по крику „ура“, бросился впередъ и первый пролѣзъ въ пробитую охотниками щель городскихъ воротъ.

Ротмистръ Вульфертъ, взойдя на стѣну съ нѣсколькими охотниками, тотчасъ же кинулся вдоль стѣны и, не смотря на отчаянное сопротивленіе коканцевъ, штыками прогналъ ихъ съ ближайшаго барбета и овладѣлъ однимъ орудіемъ, но самъ былъ раненъ пулею въ руку.

Между тѣмъ, штурмовая колонна Абрамова въ числѣ 250 чел., пробѣжавъ въ открытыя уже ворота, тотчасъ же двинулась вправо по улицѣ, чтобы овладѣть Коканскими воротами и впустить

отрядъ Краевскаго. На первомъ же барбетѣ Абрамовъ былъ встрѣченъ артиллерійскимъ огнемъ изъ четырехъ орудій, прикрываемыхъ 200 сарбазовъ, засѣвшихъ за турами. „Ура“—и орудія были взяты, заклепаны и сброшены въ ровъ. Колонна двинулась далѣе. Подойдя ко 2 барбету, она снова была встрѣчена артиллерійскимъ огнемъ; но и эти орудія тотчасъ достались въ наши руки. Затѣмъ было взято штыками еще два барбета, всѣ же остальные, на протяженіи 14 верстъ, пройденныхъ Абрамовымъ вдоль городской стѣны, были уже оставлены непріятелемъ, и захваченныя орудія только заклепывались и сбрасывались съ барбетовъ. На одномъ изъ барбетовъ найденъ былъ нашъ горный единорогъ, брошенный казаками въ славномъ для насъ иканскомъ дѣлѣ. Солдаты наши обрадовались ему, какъ родному: обнимали его и цѣловали! Крайній рискъ предпріятія и смертельная, на каждомъ шагу, опасность дѣйствовали на всѣхъ крайне возбудительно.

Пройдя до Карасарайскихъ воротъ, гдѣ уже начиналось мирное населеніе, Абрамовъ повернулъ къ базару, чтобы жители могли убѣдиться во взятіи нами города, а не то можно было разсчитывать навѣрное, что враждебная намъ партія распуститъ слухъ объ отбитіи штурма, какъ это дѣлалось послѣ каждой нашей рекогносцировки. На первой же улицѣ встрѣчены были барикады, защищаемыя сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Барикады были однакоже взяты и отрядъ подошелъ къ главному базару. Здѣсь сопротивленіе оказалось еще сильнѣе: кромѣ барикадъ, расположенныхъ на каждомъ поворотѣ, всѣ прилежащія сакли были заняты стрѣлками. Выйдя съ базара, отрядъ на каждой улицѣ встрѣчалъ уже по нѣскольку барикадъ, сильно защищаемыхъ, такъ что каждую изъ нихъ приходилось брать штыками. Прорѣзавъ, такимъ образомъ, почти всю сѣверную половину города, Абрамовъ вошелъ въ цитадель, которую засталъ уже занятою войсками де ла Кроа и Жемчужникова.

Скоро по начатіи штурма, когда Абрамовъ двинулся вправо вдоль стѣны, непріятель, нѣсколько опомнившись отъ испуга, сталъ сосредоточиваться у Комеланскихъ воротъ, противъ войскъ нашей главной колонны, и занялъ ближайшія сакли и сады. Покуда войска выбивали непріятеля изъ этихъ закрытій, значительныя массы непріятельской пѣхоты, собравшись на двухъ ближайшихъ улицахъ, съ барабаннымъ боемъ и крикомъ „Аллахъ“, бросились на войска. Генералъ Черняевъ послалъ противъ нихъ поручика Макарова съ 50 стрѣлками и ракетною командою: двѣ, удачно пущенныя, пудовыя фугасныя ракеты, а вслѣдъ за ними ударъ въ штыки опрокинули коканцевъ и заставили ихъ, въ совершенномъ безпорядкѣ и съ большою потерею, очистить улицы. Съ этого момента нашъ лѣвый флангъ сталъ твердою

ногою въ городѣ, хотя на занятой части городской стѣны перестрѣлка съ деревьевъ и дальнихъ домовъ продолжалась еще до вечера.

Почти одновременно съ движеніемъ Абрамова были ввезены въ городъ пять орудій (два конныхъ и три батарейныхъ), которыя тотчасъ же открыли огонь по городу. Вскорѣ затѣмъ, вслѣдъ за колонною Абрамова, была направлена колона маіора де ла Кроа (двѣ роты съ однимъ орудіемъ), а за нею колонна подполковника Жемчужникова (двѣ роты при 2 орудіяхъ).

Несмотря на то, что де ла Кроа былъ посланъ почти вслѣдъ за Абрамовымъ, онъ встрѣтилъ новыя барикады, весьма скоро устроенныя изъ арбъ и срубленныхъ деревьевъ. Пока де ла Кроа выбивалъ непріятеля изъ барикадъ, подоспѣлъ и Жемчужниковъ. Соединившись вмѣстѣ, колонны ихъ двинулись къ цитадели, которую и заняли въ семь съ половиною часовъ утра, почти одновременно съ Макаровымъ. Немедленно и здѣсь была выдвинута артиллерія, открывшая огонь по городу. Между тѣмъ священникъ Маловъ, отдѣлившись случайно, уже на базарѣ, отъ колонны Абрамова, съ 45 солдатами и нѣсколькими офицерами, тщетно подавалъ сигналы трубой. Отвѣта не было слышно... пришлось идти наугадъ, улицами незнакомаго города, оріентируясь только по выстрѣламъ. Путь былъ не изъ легкихъ: вражьи пули то и дѣло посвистывали, между рядами—невидимый врагъ сторожилъ за каждымъ угломъ, съ каждаго дерева. Выйдя на главную улицу, горсть эта была осыпана сзади градомъ пуль. Потерявъ сразу нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, люди прибавили шагу, но почтенный Маловъ ободрилъ ихъ и посовѣтовалъ лучше дать отпоръ, а не то на широкой и прямой улицѣ все равно всѣхъ перестрѣляютъ. Солдаты послушались совѣта, легли на землю и открыли огонь по густой толпѣ почти въ упоръ,—ни одна пуля не пропала даромъ,—передніе ряды повалились лоскомъ, а остальные бросились бѣжать. Это дало возможность оставшимся въ живыхъ вынести своихъ раненыхъ и безъ дальнѣйшей потери присоединиться къ войскамъ, занявшимъ цитадель.

Но цитадель оказалась плохою защитою отъ выстрѣловъ съ деревьевъ сосѣднихъ садовъ. Кромѣ того коканцы подожгли службы ханскаго дворца, и огонь, распространяясь довольно быстро, угрожалъ уже пороховому складу (въ 2000 пудовъ) и нѣсколькимъ тысячамъ чиненыхъ гранатъ. Приходилось очистить цитадель.

Выйти однакоже оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ войти. Оправившійся отъ испугу непріятель занялъ лавки и сакли у самыхъ воротъ цитадели и рѣшительно не пропускалъ никого безнаказанно. Капитанъ Сярковскій, пользовавшійся до этого репутаціей храбраго офицера, отказался очистить путь для остальныхъ,

подъ предлогомъ, что его рота разбрелась, что на повиновеніе сборной команды онъ не надѣется и пр. Тогда отецъ Маловъ, крикнувъ: „за мной братцы“, бросился, съ крестомъ въ рукѣ, впередъ и въ мигъ очистилъ прилежащій берегъ Босъ-Су отъ непріятеля, едва не поплатившись при этомъ жизнію: сартъ выстрѣлилъ въ него въ упоръ, но фитильное ружье дало только вспышку. Благодаря такому самоотверженію безоружнаго священника, войска благополучно выбрались изъ цитадели.

Между тѣмъ, согласно диспозиціи, отрядъ полковника Краевскаго двинулся въ полночь отъ Куйлюка къ Ташкенту. Чтобы не обнаружить своихъ намѣреній и не дать непріятелю времени собраться на стѣнахъ, онъ долженъ былъ не открывать огня до тѣхъ поръ, пока самъ не будетъ обнаруженъ или пока не услышитъ выстрѣловъ главнаго отряда. Непріятель, замѣтивъ отрядъ полковника Краевскаго, открылъ по немъ огонь изъ девяти орудій, на который тотъ отвѣчалъ четырьмя орудіями, но скоро за стѣною послышалось „ура“ отряда Абрамова. Вслѣдъ затѣмъ пѣхота отряда Краевскаго, съ помощію людей главнаго отряда, подававшихъ лямки и ружья, стала взбираться на стѣну. Въ это время Краевскій получилъ извѣстіе о появленіи, на правомъ его флангѣ, бѣгущаго изъ города непріятеля. Тотчасъ же, съ казаками и четырьмя конными орудіями, онъ поскакалъ на перерѣзъ имъ. Удачные выстрѣлы картечью, на самую близкую дистанцію, заставили толпы коканцевъ бѣжать. Горсть казаковъ (39 человѣкъ) бросилась ихъ преслѣдовать. Появлявшіяся, вслѣдъ затѣмъ, толпы коканской кавалеріи были встрѣчены не менѣе удачно и также обращены въ бѣгство.

Вся эта многочисленная кавалерія (болѣе 5000), преслѣдуемая горстію храбрыхъ, разбросала по дорогѣ свои знамена и, доскакавъ до Чирчика, въ безпорядкѣ бросилась къ рѣкѣ, на переправу, топя другъ друга.

Между тѣмъ, поднявшаяся на стѣну пѣхота отряда полковника Краевскаго, соединившись съ Абрамовымъ, продолжала дальнѣйшее движеніе вдоль стѣнъ. Самъ полковникъ Краевскій съ остальными войсками своего отряда, по вступленіи въ городъ соединился съ Жемчужниковымъ, уже оставившимъ въ это время цитадель, и, согласно приказанію, расположился на позиціи между Коканскими и Кашгарскими воротами, на мѣстѣ ханской ставки.

Съ очищеніемъ половины города и съ прекращеніемъ перестрѣлки, главный отрядъ расположился у Комеланскихъ воротъ.

Вскорѣ затѣмъ, въ лагерь отряда прибыли аксакалы преданныхъ намъ частей города, съ изъявленіемъ совершенной покорности и съ обѣщаніемъ на завтрашній день явиться въ лагерь съ старшинами и почетными лицами всего города. Но къ вечеру не-

пріятель снова засѣлъ въ ближайшихъ сакляхъ и открылъ огонь по нашей цѣпи. Сообщеніе между главнымъ отрядомъ и отрядомъ Краевскаго почти прекратилось. Барикады появились на всѣхъ улицахъ и на всѣхъ перекресткахъ. Сопротивленіе сдѣлалось еще упорнѣе: были случаи, что одинъ, два человѣка коканцевъ съ айбалтами (топоръ на длинной рукояткѣ) кидались на цѣлую роту и умирали на штыкахъ не прося пощады.

Посланные по смежнымъ улицамъ небольшіе отряды встрѣчали самое ожесточенное сопротивленіе. Каждую саклю приходилось брать штыками. Самое упорное сопротивленіе встрѣчено было по улицѣ, ведущей отъ воротъ на главный базаръ (Кошъ).

Общими усиліями нашихъ храбрыхъ войскъ, улицы были очищены вторично. Артиллерія, выдвинутая отъ воротъ на версту внутрь города, открыла огонь, продолжавшійся всю ночь. Отъ нашихъ гранатъ, еще съ вечера, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загорѣлись сакли, и пожаръ, распространившійся въ ближней части города, продолжался до слѣдующаго дня. Къ ночи всѣ войска стянулись къ Комеланскимъ воротамъ.

16 іюня, утромъ, полковникъ Краевскій, съ тремя ротами и двумя орудіями, былъ посланъ для сбора непріятельскихъ орудій и взрыва цитадели. По всей дорогѣ встрѣчены были имъ тѣ же барикады и тотъ же огонь изъ смежныхъ домовъ, какъ наканунѣ. Барикады снова были уничтожены, сакли взяты, и отрядъ вступилъ въ цитадель, гдѣ снова встрѣтилъ сопротивленіе; но, благодаря распорядительности Краевскаго, отрядъ, исполнивъ порученіе, возвратился въ лагерь безъ потери.

Къ вечеру улицы были совершенно очищены. Передъ закатомъ солнца, прибыли, наконецъ, посланные отъ аксакаловъ, прося позволенія всѣмъ старшинамъ города явиться на другой день.

17 числа всѣ аксакалы и почетные жители города, явившись къ Черняеву, изъявили полную готовность подчиниться русскому правительству.

Городъ сдался безусловно и обязался выдать оружіе. Всѣ аксакалы, а также многіе изъ жителей приняли самыя энергическія мѣры къ отысканію орудій, находящихся въ самомъ городѣ, и къ вечеру было доставлено самими жителями до 20 мѣдныхъ орудій и до 300 ружей. Вслѣдъ затѣмъ въ городѣ водворилось совершенное спокойствіе. Ташкентъ былъ покоренъ окончательно.

Трофеями нашими были: 16 большихъ знаменъ (въ томъ числѣ одно бухарское), множество значковъ, 63 орудія разнаго калибра (изъ которыхъ 48 мѣдныхъ, въ числѣ ихъ одна 8-пудовая мортира, и притомъ замѣчательнаго литья) и множество ружей.

Пороху найдено до 2,000 пуд. и разныхъ снарядовъ до 10,000.

Потеря наша:

	Убито.	Ранено.	Контуж.
Оберъ-офицеровъ	—	3	4
Нижнихъ чиновъ	25	86	24

Непріятельскій гарнизонъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, состоялъ изъ 5,000 сарбазовъ и 10,000 сипаевъ, которые, большею частію, убѣжали во время штурма. Всѣхъ же защитниковъ, по самымъ скромнымъ показаніямъ, было до 30,000.

Необыкновенно упорная защита Ташкента, небывалая еще въ Средней Азіи, объясняется какъ историческою жизнью этого города, такъ и надеждою преданной бухарцамъ партіи на помощь эмира.

Въ недавнемъ прошломъ городъ Ташкентъ составлялъ совершенно отдѣльное, никому не подчиненное владѣніе, и если въ послѣднее время попалъ подъ власть Кокана, то все-таки пользовался значительною самостоятельностію въ управленіи.

Никогда Ташкентъ не подчинялся коканскому владычеству безусловно, такъ какъ въ самомъ себѣ онъ всегда имѣлъ гораздо болѣе задатковъ для самобытнаго существованія, нежели Коканъ. Громадность самаго города, значительность его населенія, матеріальныя богатства его и важное торговое значеніе даютъ ему безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду городовъ Средней Азіи.

Ни одна изъ столицъ сосѣднихъ съ нами средне-азіятскихъ ханствъ не можетъ сравниться съ Ташкентомъ ни по своей обширности, ни по богатству. Штурмъ Ташкента до такой степени выходитъ изъ ряда, до такой степени исключителенъ и поучителенъ, что мы сочли умѣстнымъ описать его подробнѣе.

По взятіи Ташкента Черняевъ счелъ неудобнымъ покинуть городъ снова на произволъ судьбы и предоставить его борьбѣ партій, а жителей, скомпрометированныхъ преданностію къ намъ,— мщенію коканцевъ и бухарцевъ, которые, конечно, не замедлили бы придти воспользоваться нашею побѣдою. Поэтому въ городѣ оставленъ батальонъ пѣхоты и 2 сотни казаковъ, при 10 орудіяхъ (8 батарейныхъ и 2 нарѣзныхъ). Написавъ представленіе объ устройствѣ будущей администраціи Ташкента (съ независимымъ ханомъ), Черняевъ объявилъ народу льготу на годъ отъ всѣхъ податей, кромѣ таможеннаго сбора (зякета) съ каравановъ, такъ какъ онъ падалъ преимущественно на иностранныхъ купцовъ. Мѣра эта лишила насъ изрядныхъ денежныхъ средствъ, потому что зякетъ (въ $^1/_{40}$ со стоимости товара) далъ въ теченіе года только 33,000 р. Это было ничѣмъ не вызванное и ненужное безкорыстіе, особенно въ виду того, что впослѣдствіи Черняеву пришлось прибѣгать къ такимъ средствамъ, какъ заемъ

у богатыхъ туземцевъ, насильственный заемъ денегъ, присылавшихся въ письмахъ русскимъ офицерамъ и, наконецъ, неплатежъ по поставкамъ и подрядамъ. Сформированная въ 1867 году ликвидаціонная коммиссія работала до 1871 года и заплатила всего долговъ казны за время Черняева 294,965 р. 2¾ к. Это плачевное положеніе дѣлъ произошло не столько отъ небрежности веденія счетовъ и расточительности, съ какою раскидывалась народу звонкая монета при выѣздахъ его въ городъ, сколько отъ того, что ни Оренбургъ, ни Томскъ рѣшительно не слушали просьбъ и денегъ не высылали...

Подъ укрѣпленіе для русскаго гарнизона выбрана была высота у Камеланскихъ воротъ, такъ какъ верки цитадели были плохи. Небольшіе гарнизоны были оставлены также въ укрѣпленіяхъ Ніазъ-Бекѣ и Чиназѣ, обезпечивающихъ за нами обладаніе правымъ берегомъ Чирчика. Затѣмъ въ теченіе всего лѣта войска оставались въ томъ же положеніи и никакихъ дальнѣйшихъ дѣйствій предпринимаемо не было. Въ началѣ іюля посланъ былъ въ С.-Петербургъ инженеръ поручикъ Макаровъ съ 12 золотыми ключами, поднесенными жителями г. Ташкента. Государь пожаловалъ Черняеву бриллiантовую шпагу съ надписью: за взятіе Ташкента, а нижнимъ чинамъ по 1 р. на человѣка.

Для устройства новой, уже русской, цитадели внѣ города, необходимо было воздвигнуть въ продолженіе 2½ мѣсяцевъ громадныя постройки, не смотря на крайній недостатокъ въ рабочихъ рукахъ и въ матеріальныхъ средствахъ. Но войска, умѣвшія терпѣть всевозможныя лишенія въ теченіе безпрерывнаго ряда войнъ и походовъ,—умѣли быть неутомимыми и въ работѣ. При помощи рабочихъ изъ сартовъ, нанимавшихся по 30 коп. въ сутки, черезъ 1½ мѣсяца, къ сентябрю 1865 года, въ крѣпости уже готовы были помѣщенія для 6 ротъ пѣхоты, баталіоннаго командира, лазарета на 150 кроватей, цейхгауза и порохового погреба, а въ бывшей коканской цитадели—для штаба, для военнаго губернатора, для стрѣлковаго баталіона, 2½ сотенъ казаковъ, батарейной батареи и дивизіона нарѣзной батареи.

ГЛАВА XI.

Предложеніе Черняева бухарскому эмиру касательно завоеванія Кокана. Занятіе бухарцами Ходжента. Притязанія ихъ на Ташкентъ. Арестъ бухарскихъ купцовъ. Дѣйствія въ Зачирчикскомъ краѣ. Пріѣздъ генерала Крыжановскаго. Недоразумѣнія. Объявленіе Ташкента независимымъ. Адресъ почетныхъ жителей этого города. Хитрость бухарцевъ. Отправленіе посольства въ Бухару. Задержаніе его. Зимняя экспедиція Черняева къ Джизаку. Подъемъ затонувшихъ орудій у Чиназа. Отступленіе. Смѣна Черняева. Причины смѣны. Черняевъ остается ординарцемъ у своего преемника генерала Романовскаго, Отъѣздъ Черняева.

Занятіе Ташкента неминуемо должно было привести насъ къ столкновенію съ бухарцами. Чтобы предупредить или, по меньшей мѣрѣ, отдалить это столкновеніе, Черняевъ еще до взятія Ташкента рѣшился вступить съ эмиромъ въ переговоры и отвлечь его вниманіе къ Кокану. Первое письмо его къ эмиру было отправлено тотчасъ послѣ сраженія 9-го мая, чтобы упредить просьбу жителей Ташкента о помощи.

Зная, что въ 1863 году этотъ же самый эмиръ ходилъ въ Коканъ съ намѣреніемъ снова возвести на ханство своего тестя Худояра, Черняевъ, увѣдомивъ эмира о завоеваніи сѣверной части Коканскаго ханства, обнадежилъ его на этотъ разъ полнымъ успѣхомъ.

Дабы придать предложенію своему наиболѣе значенія, Черняевъ обѣщалъ эмиру испросить у правительства разрѣшеніе помочь ему войсками, если бы его собственныхъ силъ оказалось недостаточно.

Письмо это не скоро дошло по назначенію, и эмиръ, оставаясь въ невѣдѣніи относительно цѣли нашихъ завоеваній въ Средней Азіи и, вѣроятно, опасаясь отчасти и за свои владѣнія, собралъ громадное скопище, съ которымъ и двинулся къ Ходженту.

Взятіемъ Ташкента Черняевъ предупредилъ эмира и не допустилъ его до переправы чрезъ Дарью, а слѣдовательно, и до столкновенія съ нами.

Съ утвержденіемъ нашимъ въ Ташкентѣ, войну съ Коканомъ можно считать покончennою. Иногда въ этомъ ханствѣ и производились кое-какія приготовленія, но все оканчивалось потомъ одною перепиской.

Вскорѣ по занятіи Ташкента, изъ бухарскаго лагеря подъ Ходжентомъ прислано было два письма: одно на имя Черняева, а

другое на имя какихъ-то „вельможъ русскихъ“. Оба за печатью мехтера. Увѣдомляя объ отправленіи въ Петербургъ посла съ просьбою „назначить границы какъ русскихъ, такъ и бухарскихъ владѣній“, Мехтеръ требовалъ, чтобы Черняевъ, до полученія отвѣта, вышелъ изъ Ташкента и отступилъ „въ Туркестанъ или въ Чимкентъ, или же въ Ауліе-ата, куда сами хотите“. Затѣмъ, напомнивъ, что эмиръ отпустилъ, по просьбѣ губернатора, „враговъ своей вѣры—итальянцевъ“, Мехтеръ выразилъ надежду, что и ихъ желаніе будетъ исполнено,—въ противномъ случаѣ грозилъ сдѣлать воззваніе ко всѣмъ мусульманамъ о всеобщемъ вооруженіи во имя вѣры...

Это заносчивое и оскорбительное требованіе, подтвердивъ прежнія извѣстія о непріязненномъ расположеніи къ намъ эмира, заставило Черняева прибѣгнуть къ рѣшительной и крутой мѣрѣ, способной доказать бухарцамъ, насколько намъ страшны ихъ угрозы: всѣ бухарскіе купцы, прибывшіе въ занятые нами города, были задержаны.

Мѣра эта была принята и Веревкинымъ на Сыръ-Дарьинской линіи, а Крыжановскій, по полученіи отъ Черняева представленія о распространеніи этой мѣры и на весь Оренбургскій край,—сдѣлалъ немедленно соотвѣтствующія распоряженія, дабы, въ противномъ случаѣ, не испортить Черняеву все дѣло. Этою мѣрою предполагалось заставить бухарскаго эмира вести дальнѣйшіе переговоры въ Ташкентѣ и Оренбургѣ, а не въ Петербургѣ, какъ онъ постоянно настаивалъ. Всѣхъ бухарцевъ арестовано было 138 человѣкъ, но они были вскорѣ освобождены и получили разрѣшеніе торговать во всѣхъ городахъ съ условіемъ не отлучаться изъ Россіи.

Нанося ударъ бухарской торговлѣ, мы, въ сущности, наносили ударъ собственнымъ интересамъ, или, что называется, „били по собственному карману“. Конкурируя съ англичанами, мы однакоже сами толкали бухарцевъ въ ихъ объятія. И если бы еще мы снабжали Бухару предметами первой и неотложной необходимости, лишеніе которыхъ могло бы подѣйствовать на возбужденныя страсти, какъ благотворная діэта,—тогда бы еще куда ни шло, но этого нѣтъ: мы ввозимъ, почти исключительно, одни мануфактурные товары и, слѣдовательно, заинтересованы въ торговлѣ еще болѣе бухарцевъ. Какъ бы то ни было, а дѣло однакоже было сдѣлано. Задержаніе бухарцевъ, случившихся въ нашихъ предѣлахъ, было приведено въ исполненіе по секретнымъ предписаніямъ въ форты и города, и потому эмиръ узналъ о томъ не скоро, а между тѣмъ получилъ первое письмо Черняева и въ знакъ удовольствія прислалъ къ нему пословъ съ подарками. На этотъ разъ всѣ его требованія заключались въ томъ, чтобы мы не переходили р. Чирчикъ, такъ какъ все населеніе зачир-

чикскаго района признало будто бы власть бухарцевъ, и потому рѣка эта должна служить нашей границей.

Послы были отпущены съ отвѣтными подарками и съ письмомъ, увѣдомлявшимъ, что занятый нами Ташкентъ не будетъ оставленъ иначе, какъ если на то послѣдуетъ повелѣніе государя императора. Такимъ образомъ эмиру была брошена перчатка, но онъ не рѣшился однако поднять ее и начать открытую войну съ нами прежде, чѣмъ обезпечитъ свой тылъ со стороны Кокана. Поэтому онъ двинулся въ это ханство, взялъ его столицу и посадилъ тамъ тестя своего Худояра. Встрѣтивъ однакоже упорное сопротивленіе со стороны кипчаковъ, успѣвшихъ даже разбить однажды его войска, и получивъ извѣстіе о возстаніи Шахрисябза, эмиръ долженъ былъ снова отложить открытую войну съ нами, а потому, спустивъ значительно тонъ, онъ просилъ только Черняева пропустить посланное имъ посольство къ высочайшему двору и приказать, чтобы до его возвращенія русскія войска не переходили за Чирчикъ.

Дѣйствительно, въ концѣ іюля въ фортъ № 1 прибылъ, съ значительной свитой, бухарскій посланецъ Сударъ-Наджимитдинъ-ходжа, бывшій уже въ Петербургѣ посланцемъ эмира въ 1859 году.

Въ Казалѣ свидѣлся съ нимъ оренбургскій генералъ-губернаторъ, отправлявшійся для осмотра вновь учрежденной области.

Представляясь генералу Крыжановскому, Сударъ-Наджимитдинъ объявилъ ему, что посольство отправляется, чтобы сообщить Государю Императору о смерти прежняго эмира и извѣстить Его Величество о воцареніи въ Бухарѣ Сеидъ-Музаффара и, наконецъ, чтобы доложить различныя требованія и желанія эмира.

Правительство наше давно уже убѣдилось, что допускъ бухарскихъ посланцевъ въ Петербургъ и переговоры съ ними не ведутъ ни къ какимъ результатамъ. Вслѣдствіе этого оренбургскій генералъ-губернаторъ былъ снабженъ высочайшимъ полномочіемъ вести дипломатическія сношенія съ владѣтелями Средней Азіи, заключать договоры, объявлять войну и проч. На основаніи этого полномочія, Крыжановскій отвѣчалъ бухарскому посланцу, что воля Государя Императора, по отношенію къ Средней Азіи, ему извѣстна, и что онъ желалъ бы вступить въ личныя и прямыя сношенія съ эмиромъ, о чемъ и просилъ Наджимитдинъ-ходжу написать эмиру; до полученія же отвѣта бухарскому посланцу было предложено оставаться въ Казалѣ.

Но эмиръ уклонился отъ прямыхъ сношеній съ главнымъ начальникомъ Оренбургскаго края, не смотря даже на пребываніе его въ Ташкентѣ. Крыжановскій, не получивъ отвѣта на свое предложеніе, уполномочилъ, передъ отъѣздомъ въ Оренбургъ, на

веденіе переговоровъ съ Бухарой туркестанскаго военнаго губернатора.

Неудача въ Коканѣ и возстаніе Шахрисябза, заставивъ эмира отказаться отъ задуманнаго имъ плана дѣйствій противъ насъ со стороны Ходжента, гдѣ онъ имѣлъ бы прекрасную базу и гдѣ полчища его не встрѣчали бы ни въ чемъ недостатка, — принудили его избрать другой способъ дѣйствій.

Азіатское коварство, столь часто обманывавшее простодушную силу, подсказало эмиру весьма простую и даже не новую уловку: вредить исподтишка, помогая изъ-подъ руки и покровительствуя разнымъ разбойникамъ, и увѣрять въ то же время довѣрчиваго сосѣда въ своей дружбѣ, въ своей непричастности къ дѣлу разбойническихъ нападеній. Въ настоящемъ случаѣ роль тайнаго врага и явнаго друга пришлось играть Рустембеку, правителю Зачирчикскаго края (потомъ Кураминскій уѣздъ).

Утвердившись въ Кильаучахъ, онъ постоянно волновалъ всю страну и поощрялъ разбойническіе набѣги на мирныхъ жителей окрестностей Ташкента. Дошло до того, что подвозъ продовольственныхъ припасовъ изъ-за Чирчика въ Ташкентъ прекратился, что отразилось на городскомъ базарѣ значительнымъ возвышеніемъ цѣнъ на всѣ продукты. Городъ начиналъ уже чувствовать всѣ неудобства такой блокады, а казенная заготовка фуража и провіанта обѣщала полнѣйшій неуспѣхъ. Общее неудовольствіе жителей обѣихъ сторонъ р. Чирчика, движеніе бухарскаго эмира къ Ходженту и заготовленіе для него Рустембекомъ провіанта и фуража—заставили Черняева, по прибытіи 6 линейнаго баталіона, сдѣлать поискъ за Чирчикъ. 12 сентября отрядъ изъ 4 ротъ пѣхоты, 1 сотни казаковъ и 4 легкихъ орудій, подъ начальствомъ подполковника Пистолькорса, былъ отправленъ за Чирчикъ. Перейдя 13 числа р. Чирчикъ, отрядъ двинулся къ сел. Той-Тюбе, встрѣчаемый по всей дорогѣ аксакалами сосѣднихъ кошлаковъ съ хлѣбомъ и солью, а передъ Той-Тюбе вышли на встрѣчу всѣ аксакалы селенія, старшины курамы, и біи киргизскіе. Обѣщавъ имъ защиту и покровительство отъ разорительныхъ поборовъ бухарскихъ чиновниковъ, Пистолькорсъ прошелъ черезъ Той-Тюбе и остановился за селеніемъ, на дорогѣ во Пскентъ. Жители успокоенные нашимъ появленіемъ, немедленно открыли въ лагерѣ базаръ и доставили все нужное. Къ вечеру пріѣхалъ посланный отъ Рустембека, заявлявшаго, въ письмѣ къ Пистолькорсу, сомнѣнія въ нашемъ правѣ переходить за Чирчикъ и просившаго подождать, пока онъ не получитъ отъ эмира разрѣшенія пропустить насъ. Въ отвѣтъ на это письмо Пистолькорсъ, передъ разсвѣтомъ 14 числа, двинулся къ Пскенту. Замѣтивъ, что отрядъ нашъ открытъ пикетами Рустембека, Пистолькорсъ послалъ двухъ сартовъ предупредить жителей города, чтобы они были спокойны,

такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ только Рустембекомъ. Вмѣстѣ съ этимъ казаки въ карьеръ, а двѣ роты пѣхоты, при двухъ орудіяхъ, бѣгомъ—двинуты были на путь его отступленія. Видя это, Рустембекъ немедленно бѣжалъ, съ 500 доброконныхъ джигитовъ, по дорогѣ въ Кильаучи. Но казаки наши догнали его аріергардъ подъ стѣнами этого укрѣпленія, и отбили нѣсколько десятковъ ружей и 25 лошадей, а подоспѣвшая пѣхота заняла укрѣпленіе. Послѣ этого отрядъ возвратился къ г. Пскенту, куда чрезъ нѣсколько часовъ стали стекаться, со всѣхъ сторонъ, аксакалы и старшины туземнаго населенія.

Въ Пскентѣ найдено 2 орудія. Не смотря на обширность города, отрядъ не нашелъ въ немъ удобнаго на зиму помѣщенія, что и вынудило его перейти въ Кильаучи, гдѣ въ самое короткое время отрядъ передѣлалъ сакли, устроилъ печи и размѣстился довольно удобно и чисто.

Подвозъ въ Ташкентъ продовольственныхъ припасовъ возобновился, и цѣны на продукты тотчасъ и значительно понизились.

Для сохраненія въ занятой странѣ порядка и спокойствія, Черняевъ полагалъ достаточнымъ, не двигаясь далѣе безъ крайней необходимости, занимать только укр. Кильаучи двумя ротами пѣхоты, одною сотнею казаковъ при 4 орудіяхъ, которыя и смѣнять ежемѣсячно изъ Ташкентскаго гарнизона.

Между тѣмъ генералъ Крыжановскій прибылъ въ Ташкентъ, вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ Романовскимъ, выказавшимъ впослѣдствіи большую наблюдательность.

Съ перваго же шагу между главнымъ начальникомъ края и Черняевымъ произошелъ разладъ по поводу встрѣчи, при которой Черняевъ не соблюлъ нѣкоторыхъ уставныхъ формальностей. Всѣ понимали однакоже, что вопросъ состоялъ вовсе не въ томъ. Самое взятіе Ташкента ранѣе пріѣзда генералъ-губернатора, лишеннаго такимъ образомъ возможности украситься дешевыми лаврами, должно было возбудить между этими людьми значительное неудовольствіе. Поэтому вопросъ о томъ, стоять ли Черняеву во фронтѣ, съ почетнымъ карауломъ, или нѣтъ,—являлся только второстепеннымъ предлогомъ. Соображенія же, что Крыжановскій только повернется здѣсь, да и былъ таковъ, а Черняевъ, низведенный въ глазахъ туземцевъ, съ того пьедестала, на которомъ стоялъ, на уровень своихъ подчиненныхъ, останется здѣсь и не будетъ уже въ силахъ вновь подняться,—соображенія эти едва ли выдержатъ строгую критику. Не вдаваясь въ разборъ этого обстоятельства, мы считаемъ не лишнимъ упомянуть, что дисциплина исключаетъ всякія постороннія соображенія и что наша сила въ Азіи именно въ дисциплинѣ.

Недоразумѣнія однакоже кое-какъ уладились, благодаря такту генералъ-губернатора.

Генералъ Крыжановскій, какъ извѣстно, былъ поборникомъ мысли образовать изъ Ташкентскаго раіона независимое владѣніе, разумѣя подъ этимъ „независимость“ только отъ Бухары и Кокана, а не отъ Россіи...

Но если намъ невыгодно имѣть сосѣдями большія и сильныя государства, то нѣтъ никакой выгоды и плодить всякую мелочь, которая только усложняетъ вопросъ. Къ тому же независимаго ташкентскаго бека намъ, конечно, пришлось бы поддерживать постояннымъ гарнизономъ, то есть нести на себѣ всю тяжесть занятія страны, не пользуясь никакими за то выгодами. Поэтому казалось бы выгоднѣе просто присоединить Ташкентъ къ Имперіи. Такого мнѣнія былъ прежде и самъ Черняевъ, измѣнившій свой взглядъ на дѣло; 10 мѣсяцевъ ранѣе, онъ предлагалъ образовать изъ Ташкента независимое владѣніе, потому что не надѣялся удержать въ повиновеніи этого многолюднаго города. „Соображая числительность войскъ,—писалъ Черняевъ впослѣдствіи,—употребляемыхъ для карауловъ въ Москвѣ и Петербургѣ, и огромныя суммы, издерживаемыя на содержаніе полиціи, я не могъ себѣ представить, чтобы Ташкентъ съ его 200,000 мусульманскимъ населеніемъ, стекающимся для торговли со всѣхъ концовъ Азіи, потребовалъ бы такъ мало войскъ и денегъ для удержанія въ немъ спокойствія и порядка. Опытъ убѣдилъ меня, что если предоставить жителямъ самоуправленіе, то для охраненія спокойствія и полнаго повиновенія достаточно имѣть здѣсь, въ особой отъ города цитадели, одинъ батальонъ и двѣ сотни; полиція можетъ быть предоставлена жителямъ“.

Чтобы ближе разъяснить дѣло, генералъ Крыжановскій созвалъ наиболѣе почетныхъ и вліятельныхъ туземцевъ Ташкента и объявилъ имъ, что государю императору угодно отдать завоеванный его войсками городъ самимъ ташкентцамъ, предоставивъ имъ заявить, какого рода управленіе было бы имъ наиболѣе желательно.

Но страхъ азіатцевъ передъ туземными владѣтелями, усиленный еще недавнимъ опытомъ подчиненія Кокану, былъ такъ великъ, что ташкентцы, въ поданномъ ими Крыжановскому 18 сентября адресѣ, объявили, что предпочитаютъ остаться русскими подданными, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, усиленно просили не покидать ихъ на произволъ хановъ и эмировъ. Богатый купецъ Сеидъ-Азимъ, ежегодно ѣздившій на Нижегородскую ярмарку и прекрасно говорившій по-русски, выйдя отъ Крыжановскаго, предложилъ всѣмъ, у кого съ собой печати, приложить ихъ къ чистому листу „для добраго дѣла“. Ему такъ вѣрили, что множество печатей покрыло листъ. Затѣмъ написанъ былъ текстъ адреса, о которомъ жители и не знали!

Но этимъ случаемъ воспользовалось мусульманское духовен-

ство, которое и стало выпрашивать себѣ самыя невообразимыя привиллегіи, какъ, напримѣръ: подчиненіе ташкентскому казы-келяну всѣхъ духовныхъ и судейскихъ должностей не только въ Ташкентѣ, но и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя вошли и еще войдутъ въ составъ Туркестанской области!

Понятно, что если бы мы согласились на это желаніе, то вышло бы, что краемъ управлялъ бы мусульманскій папа, а русскія войска только оберегали бы спокойствіе его святѣйшества!

Генералу Черняеву, котораго подписавшіе адресъ просили оставить губернаторомъ, предоставлялось ими только назначать аксакаловъ, курбашіевъ и зякетчей, т. е. низшихъ полицейскихъ и сборщиковъ податей.

Затѣмъ жители просили избавить ихъ отъ налоговъ, по шаріату не полагавшихся, а также отъ рекрутской и постойной повинностей и пр.

Не смотря на это, генералъ Крыжановскій, въ прокламаціи къ жителямъ Ташкента, объявилъ на базарѣ этотъ городъ независимымъ; предложилъ имъ самимъ избрать себѣ правителя и чиновниковъ, а Черняеву приказалъ исполнить все это. Макшеевъ говоритъ по этому поводу на стр. 238: „но послѣдній не исполнилъ предписанія и удержалъ Ташкентъ за Россіей“.

Очень не хотѣлось Крыжановскому уѣзжать изъ Ташкента безъ боевыхъ выстрѣловъ; долго онъ ждалъ, что за Чирчикомъ казаки Пистолькорса задерутся какъ-нибудь съ жителями... Но Пистолькорсу отъ Черняева было наказано секретно: чтобы все было тихо! Такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ Крыжановскій, увозя множество поводовъ къ неудовольствію противъ Черняева. Ѣхалъ Крыжановскій на пароходѣ, отъ Чиназа, нарочно медлилъ, въ надеждѣ, что авось „начнется“; подбодрялъ Черняева тѣмъ, что у него свободныхъ 17 ротъ и 12 орудій (письмо отъ 30 сентября изъ Чиназа) и что, „не удаляясь за Чирчикъ, вы всегда располагаете полностію этихъ силъ. Собственно въ Ташкентѣ вы можете оставить, въ случаѣ движенія, не болѣе трехъ ротъ, предоставивъ жителямъ города рѣзать другъ друга, если такое занятіе имъ понравится“...

Но это не помогло: изъ-за Чирчика опять получены успокоительныя свѣдѣнія отъ Пистолькорса, и главный начальникъ края отправился на пароходѣ внизъ по Сыру.

Вскорѣ по отъѣздѣ его, въ Ташкентъ прибылъ новый, третій уже, бухарскій посланникъ, Ишанъ-ходжа, съ письмомъ отъ эмира, который упрекалъ, что посольство, отправленное имъ къ Бѣлому Царю, съ изъявленіемъ дружбы, задержано на Сыръ-Дарьѣ, и просилъ пропустить посла въ Петербургъ.

Ишанъ-ходжа увѣрялъ въ дружескомъ къ Россіи расположе-

ніи эмира, который, будто бы, даже оскорбляется тѣмъ, что до сихъ поръ не видитъ у себя русскихъ офицеровъ, тогда какъ самъ уже три раза посылалъ пословъ къ губернатору Туркестанской области.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ишанъ-ходжа разсказывалъ о появленіи въ Бухарѣ какихъ-то европейцевъ, прибывшихъ туда чрезъ Афганистанъ, съ разными предложеніями эмиру, вполнѣ противными русскимъ интересамъ.

Не надобно быть глубокимъ политикомъ, чтобы сразу же замѣтить всю махинацію, подведенную бухарцами: купцы ихъ задержаны въ Россіи, посла ихъ не допускаютъ ко Двору,—естественно въ эмирѣ желаніе заручиться заложниками, и вотъ просьба прислать посольство. До тѣхъ поръ никогда ни одинъ азіатскій владѣтель не просилъ еще прислать къ себѣ соглядатаевъ, если не нуждался въ докторѣ (какъ глазной врачъ, надворный совѣтникъ, онъ же маіоръ, Бланкенагель) или въ развѣдчикѣ минераловъ (какъ Ковалевскій и Гернгроссъ). Бухара же, грозившая, до сихъ поръ, смертью каждому европейцу, пытавшемуся въ нее проникнуть, тѣмъ менѣе заслуживала довѣрія. Хитрый бухарецъ, чтобы вѣрнѣе поймать насъ на удочку, выдумалъ „какихъ-то“ европейцевъ, прибывшихъ къ нему черезъ Афганистанъ, зная, какъ мы ревнивы въ этомъ направленіи! Бухарцы не ошиблись: приманка была черезчуръ соблазнительна, да къ тому же въ просьбѣ прислать посольство какъ бы проглядывало косвенное согласіе на веденіе переговоровъ въ Ташкентѣ, а не въ Петербургѣ. Какъ бы то ни было, но азіатское коварство восторжествовало...

Черняевъ написалъ эмиру письмо, съ изложеніемъ условій, на которыхъ могутъ быть возстановлены прежнія дружескія отношенія къ Бухарѣ и снято запрещеніе съ бухарской торговли, и послалъ это письмо съ надворнымъ совѣтникомъ Струве, съ которымъ отправлены были еще гвардіи штабсъ-ротмистръ Глуховской, корпуса топографовъ прапорщикъ Колесниковъ и горный инженеръ подполковникъ Татариновъ.

Въ концѣ октября наши посланные отправились въ Бухару.

Первыя извѣстія объ ихъ путешествіи были благопріятны: они были съ почетомъ приняты эмиромъ въ Самаркандѣ; но уже въ концѣ ноября разнесся слухъ, что они задержаны, вмѣстѣ съ остальными русскими подданными, случившимися въ Бухарѣ. На рѣшеніе эмира задержать нашу миссію вліяло, во-первыхъ, то, что почти всѣ бухарскіе купцы уже вернулись изъ Оренбурга и Троицка на Сыръ-Дарью подъ предлогомъ, будто они—либо хивинцы, либо ташкентцы (донесеніе Черняева отъ 12 января 1866 г.), а во-вторыхъ, и то, что бухарскій посолъ изъ разговора съ Крыжановскимъ понялъ, будто члены миссіи „люди Черняева“, а не Бѣлаго Царя... Взгляды Крыжановскаго касательно необходимости

поддерживать распоряженія Черняева, какъ видно, уже измѣнились.

Не получая никакихъ донесеній, генералъ-маіоръ Черняевъ, 7 декабря, потребовалъ объясненій отъ эмира и получилъ отъ него дерзкій отвѣтъ, адресованный просто: „Михаилу Черняеву“ *) безъ обычныхъ эпитетовъ. Эмиръ сбросилъ маску и отказалъ въ освобожденіи нашего посольства до тѣхъ поръ, пока его посланникъ не будетъ допущенъ къ высочайшему двору и не возвратится обратно. Итакъ, наше посольство попалось въ ловушку и обратилось въ аманатовъ.

Черняеву ничего больше не оставалось, какъ подкрѣпить свои требованія оружіемъ. 12 января 1866 года, къ переправѣ черезъ Сыръ у Чиназа, былъ двинутъ одинъ баталіонъ пѣхоты, съ четырьмя орудіями. Но демонстрація эта не произвела ожидаемаго дѣйствія: эмиръ только сталъ собирать войска и вошелъ въ сношенія съ Хивой и туркменами.

Усиливъ отрядъ до 14 ротъ пѣхоты и 6 сотенъ казаковъ, съ 16 орудіями, Черняевъ переправился черезъ Сыръ по льду, орудія же и зарядные ящики, по недостаточной толщинѣ льда, рѣшено было переправить на туземныхъ каюкахъ по проруби. Инженерный офицеръ (Бульмерингъ) устроилъ паромъ изъ двухъ каюковъ, но переводины не были скрѣплены, какъ слѣдуетъ, лодки разошлись и опрокинулись, а два орудія утонули; тогда уральскіе казаки, по вызову начальника кавалеріи Пистолькорса, провозившись въ холодной водѣ (дѣло было въ концѣ января и морозъ стоялъ въ 23°) всю ночь, вытащили орудія, привязавъ къ колесамъ канаты отъ возовъ и лямокъ и протащивъ орудія по дну. Ожидавшій на берегу отрядъ привѣтствовалъ ихъ громкими „ура!“ Каюки тоже были перевернуты и законопачены платками, полотенцами, солдатскими портянками и т. п. Всѣ офицеры, солдаты и казаки тащили на новую верфь, что имѣли въ запасѣ! Переправа, уже не на паромѣ, а просто каюками была такимъ образомъ возстановлена. Самоотверженіе молодцовъ уральцевъ было нѣсколько подогрѣто (какъ и слѣдовало при 23о) розданнымъ тотчасъ спиртомъ, а первый, подвязавшій бичеву съ канатомъ къ найденному на днѣ орудію, получилъ отъ Пистолькорса 100 р., второй—50 р. Орудія найдены были бичевой съ привязанными къ ней артиллерійскими снарядами: волочась по дну, она зацѣпилась за орудіе и указала мѣсто, а нырнувшій вглубь уралецъ удостовѣрился

*) Надобно замѣтить, что коканцы и бухарцы принимали сначала фамилію этого генерала за званіе, такъ что „Михаилъ Черняевъ“ означало въ ихъ переводѣ генералъ-губернаторъ или въ этомъ родѣ. Иногда ему писали просто Михаилъ, какъ сказали бы: генералъ. Первое письмо, полученное Романовскимъ отъ джизакскаго бека, адресовано: „вновь прибывшему отъ Бѣлаго Царя Черняеву“.

въ точности показанія,—подцѣпилъ бичеву за колеса, за бичевой потянулись веревки, а за ними канаты. Разсказываютъ, что нырявшіе два казака подозрительно долго возились и, вынырнувъ, оправдывались сильнымъ холодомъ. Каждый разъ имъ давали по кружкѣ спирту. Наконецъ, вахмистръ, обратясь къ Пистолькорсу, сказалъ: „Покелева ты яму будешь давать шпирту, потелева онъ будетъ сидѣть въ водѣ... посули яму десятокъ нагаекъ, —живо подцѣпить!“—Пистолькорсъ и посулилъ. Огорченные водолазы нырнули послѣдній разъ безъ „шпирту“ и подцѣпили...

30-го января отрядъ двинулся къ Джизаку, по безводной степи, которую бухарцы считали лучшимъ оплотомъ своихъ границъ.

Боясь однакоже за участь миссіи, такъ неосторожно довѣренной имъ вѣроломству и коварству варваровъ, Черняевъ не рѣшился прибѣгать къ мечу до послѣдней крайности; поэтому онъ послалъ къ эмиру новое письмо, въ которомъ извѣщалъ, что идетъ впередъ не съ цѣлію завоеванія, а на встрѣчу своихъ посланныхъ, задержаніе которыхъ оскорбляетъ и самого Бѣлаго Царя, и всѣхъ его подданныхъ.

На второмъ переходѣ за Сыромъ было даже получено письмо отъ эмира, который увѣдомлялъ, что русскихъ посланныхъ онъ требуетъ въ Самаркандъ и немедленно вышлетъ въ русскій лагерь.

Разсчитывая, что обѣщаніе эмира, вынужденное страхомъ нашего движенія, можетъ быть не исполнено, генералъ Черняевъ отвѣчалъ эмиру, что, получивъ письмо среди безводной степи, онъ не можетъ остановиться прежде, чѣмъ дойдетъ до первой воды, гдѣ и будетъ ждать посланныхъ. Отрядъ остановился на ключахъ, не доходя 8 верстъ до Джизака; здѣсь было получено еще письмо отъ эмира о томъ, что посланные выѣхали изъ Бухары и должны быть въ Самаркандѣ въ тотъ же день. Къ этому эмиръ присовокуплялъ просьбу не приступать ни къ какимъ непріязненнымъ дѣйствіямъ до прибытія посланниковъ. Основываясь на мирныхъ, повидимому, отношеніяхъ къ эмиру, Черняевъ обратился 6 февраля къ джизакскому беку съ просьбою выслать къ нашимъ пикетамъ жителей съ дровами и сѣномъ для продажи, на что и получилъ сначала согласіе, но бекъ потомъ передумалъ, ссылаясь на неимѣніе на то разрѣшенія отъ эмира. Отвѣчавъ беку, что если на другой день требованіе о присылкѣ дровъ и сѣна не будетъ исполнено, то будетъ употреблена сила, Черняевъ, 7 февраля, двинулъ къ городу отрядъ, изъ 2-хъ ротъ и 4-хъ сотенъ, при 2-хъ орудіяхъ; начальнику отряда приказано было только въ крайнемъ случаѣ прибѣгнуть къ оружію, а предварительно стараться достигнуть цѣли мирнымъ путемъ.

По прибытіи къ городу, отрядъ былъ встрѣченъ толпами вооруженныхъ жителей (до 6,000 человѣкъ) постепенно отступав-

шихъ къ предмѣстьямъ; когда же отрядъ втянулся въ улицы, жители открыли по немъ огонь изъ-за завала. Завалъ немедленно былъ взятъ и войска прошли подъ артиллерійскимъ огнемъ, непричинившимъ впрочемъ никакого вреда. На выстрѣлы подоспѣли изъ лагеря еще 2 роты, и войска, заставивъ бухарцевъ отступить и собравъ въ городѣ достаточное количество дровъ и сѣна, возвратились въ лагерь. Въ дѣлѣ этомъ съ нашей стороны убито 8 и ранено 19 нижнихъ чиновъ, непріятель же оставилъ на мѣстѣ до ста труповъ.

О враждебныхъ дѣйствіяхъ джизакскаго бека, не согласныхъ съ заявленіями эмира, Черняевъ тотчасъ же сообщилъ послѣднему, съ угрозою взять Джизакъ, если подобныя вещи еще повторятся. Не смотря на это, 8 февраля, утромъ, толпы бухарцевъ стали подходить къ нашему лагерю, не обращая вниманія на предостереженія, что по нимъ будетъ открытъ огонь. Нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій тотчасъ же разсѣяли скопища. Въ тотъ же день джизакскій бекъ прислалъ извиненіе за случившееся, относя это къ недоразумѣнію, причемъ извѣстилъ, что эмиръ разрѣшилъ продажу дровъ и сѣна нашимъ войскамъ. Обѣщаніе это впрочемъ не было исполнено.

Черезъ пять дней было получено третье письмо, подтверждавшее прежнія; но оставаться долѣе передъ Джизакомъ, въ ожиданіи прибытія посланныхъ, было уже невозможно по случаю наступавшихъ морозовъ и по недостатку кормовъ, а потому предстояло: или идти впередъ и, взявъ Джизакъ, возвратить его только въ обмѣнъ на нашу плѣнную миссію, или отойти къ Сыръ-Дарьѣ.

Джизакъ, со своими двойными стѣнами, казался такимъ грознымъ, что передъ штурмомъ его приходилось поразмыслить: неудача могла бы совершенно погубить отрядъ, отрѣзанный отъ своихъ подкрѣпленій безводною степью... удача могла бы погубить нашихъ посланныхъ, на которыхъ обрушился бы гнѣвъ раздраженнаго деспота... Отступить безъ боя и безъ результатовъ казалось безславнымъ... Понятны чувства, боровшіяся въ душѣ Черняева. Многіе на его мѣстѣ не задумались бы лучше рискнуть, чѣмъ утратить обаяніе славы. Не таковъ былъ Черняевъ: онъ предпочелъ пожертвовать своимъ именемъ, перенести ропотъ и недовольные взгляды подчиненныхъ, перенести, наконецъ, неудовольствіе правительства, чѣмъ ставить на карту жизнь людей, поставленныхъ имъ же въ безвыходное положеніе. Онъ рѣшился отступить. Немногіе оцѣнили этотъ честный выборъ, а между тѣмъ нигдѣ Черняевъ не былъ болѣе высокъ нравственно. Истинный героизмъ узнается не только на стѣнѣ непріятельской крѣпости, но и въ подобныхъ трудныхъ положеніяхъ. Гораздо болѣе требовалось мужества, чтобы рѣшиться на отступленіе, чѣмъ на штурмъ.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что Черняева точно преслѣдовалъ какой-то рокъ: и къ Чимкенту онъ ходилъ два раза, и къ Ташкенту два раза... Первый разъ покушеніе на штурмъ не удается и влечетъ за собой отступленіе, во второй разъ увѣнчивается блестящимъ успѣхомъ. Можетъ быть, и теперь онъ, явившись подъ Джизакомъ впервые, опасался неудачи и потому дѣйствовалъ нерѣшительно. Если бы ему дали время придти сюда во второй разъ, онъ несомнѣнно взялъ бы эту крѣпость.

11 февраля началось обратное движеніе къ Сыру; скучно и озлобленно смотрѣли солдаты. Отсутствіе распоряженій о порядкѣ выступленія отряда дѣйствовало и на офицеровъ смущающимъ образомъ, но сами бухарцы позаботились развеселить русскихъ солдатъ и поднять ихъ духъ.

Огромныя скопища бухарцевъ (до 10 тыс.), въ разсыпную, стали обходить отрядъ со всѣхъ сторонъ, причемъ нѣкоторые подходили на вѣрный выстрѣлъ, но были отгоняемы съ потерею. Командовавшій кавалеріею храбрый кавказскій солдатъ, подполковникъ Кубанскаго казачьяго войска Пистолькорсъ, распорядился съ своей кавалеріей наилучшимъ образомъ: оставшись съ нею въ аріергардѣ, онъ прикрывалъ отступленіе прочихъ войскъ, то удерживая натискъ непріятеля огнемъ спѣшенныхъ казаковъ и ракетами, то бросая конныя сотни ему на встрѣчу. Сами по себѣ къ аріергарду пристроились 2 орудія и 2 роты стрѣлковъ. Прискакалъ и Черняевъ, уже свернувшій было свой значекъ. Проводивъ отрядъ почти до ночлега, непріятель прекратилъ преслѣдованіе. Войска повеселѣли: имъ удалось сорвать зло на бухарцахъ. Дальнѣйшее движеніе по Сыръ-Дарьѣ отрядъ совершилъ безпрепятственно и 14 февраля расположился лагеремъ на лѣвомъ берегу Дарьи, въ ожиданіи разъясненія обстоятельствъ.

Возмущенный вѣроломствомъ и нечестностію эмира, ни разу не сдержавшаго даннаго слова, Черняевъ хотѣлъ было обнародовать его письма, разсчитывая подорвать этимъ его кредитъ. Если бы это и удалось исполнить, то едвали бы достигло цѣли. Скорѣе можно предполагать, что эмиръ еще выросъ бы въ глазахъ народовъ Азіи, какъ искусный дипломатъ, ловко обманувшій невѣрныхъ. Къ тому же и обстоятельства круто измѣнились: Черняевъ былъ смѣненъ.

Осенній пріѣздъ Крыжановскаго и Романовскаго, познакомивъ ихъ съ порядками Туркестанской области, имѣлъ послѣдствіемъ не весьма лестные для Черняева отзывы ихъ.

Дисциплина, воспитаніе войскъ, хозяйство — все оказалось плохо. Казалось бы, чего лучше, если не дисциплинированныя и плохо обученныя войска выдерживаютъ однакоже средне-азіятскій экзаменъ и подъ Чимкентомъ, и подъ Ташкентомъ?

Но бухарцы и коканцы оказались болѣе снисходительными судьями...

Черняевъ однакоже не чаялъ грозы и неосторожнымъ отправленіемъ посольства усилилъ еще неудовольствіе правительства. Военный министръ, отзывомъ отъ 8-го февраля 1866 г. (№ 23), увѣдомилъ Крыжановскаго, что Государь Императоръ, найдя приводимые генераломъ Черняевымъ доводы и объясненія по поводу отправленія имъ посольства, а также относительно устройства ташкентской территоріи и нашей политики въ Средней Азіи „неудовлетворительными и неполными, Высочайше повелѣть соизволилъ немедленно вызвать его въ Петербургъ, для разъясненія, личнымъ докладомъ, всѣхъ встрѣчаемыхъ недоразумѣній“. Дѣло было совершенно ясно, однакоже Крыжановскій счелъ нужнымъ еще дополнить чашу.

Въ письмѣ къ военному министру (отъ 7-го апрѣля 1866 г. № 247), рисуя мрачными красками положеніе дѣлъ въ Туркестанской области,—онъ сообщилъ, что вся торговля прекращена еще съ лѣта 1865 года, что отправленное въ Бухару посольство, а также находившіеся тамъ наши купцы, со всѣми ихъ товарами, задержаны, что „гражданское управленіе въ краѣ не установлено и все равно, что не дѣйствуетъ“, что войско съ ноября 1865 года „занималось исключительно постройкою себѣ помѣщеній, а въ январѣ начало уже новую кампанію“, значить, осталось „по всѣмъ вѣроятіямъ“, относительно обученія и стрѣльбы, въ томъ же положеніи, въ какомъ его видѣлъ самъ Крыжановскій, въ прошлогодній пріѣздъ, что финансовая часть, не взирая на всѣ его распоряженія, приказанія и содѣйствіе, „пребываетъ въ совершенной для правительства безъизвѣстности, и почти навѣрное предполагать можно въ безотчетномъ состояніи“, что политическое положеніе должно было пострадать отъ вторженія въ предѣлы Бухаріи, не достигшаго никакихъ результатовъ, и что, наконецъ, даже и въ военномъ отношеніи мы стоимъ не лучше, такъ какъ начали войну съ Бухарою, нисколько къ ней не приготовясь, и теперь стоимъ съ войсками на Дарьѣ въ выжидательномъ положеніи. Для поправленія дѣла Крыжановскій полагалъ совершено необходимымъ докончить несвоевременно начатую войну съ эмиромъ рѣшительными дѣйствіями, чтобы убѣдить эмира, „что Россія не Хива и не Коканъ и что оскорблять насъ невозможно“. Съ этою цѣлію Крыжановскій рѣшился ѣхать въ Ташкентъ принять надъ войскомъ личное начальство и окончить на мѣстѣ всѣ дѣла съ Бухарою.

Вопросъ о смѣнѣ Черняева рѣшенъ былъ, какъ видно, гораздо раньше. Уже 8-го февраля 1866 г. было подписано военнымъ министромъ увѣдомленіе о томъ Крыжановскаго. Назначенный на мѣсто Черняева, редакторъ „Русскаго Инвалида“ *), генеральнаго

*) Это болѣе всего оскорбило Черняева. Какъ это? Ему—и вдругъ на смѣну присылаютъ заурядnаго редактора плохой газетки!!!

штаба генералъ-маіоръ Романовскій, въ составленныхъ имъ „Замѣткахъ по среднеазіятскому вопросу“, старался однако провести ту мысль (стр. 37), что смѣна Черняева была рѣшена по полученіи извѣстій о неудачѣ джизакской экспедиціи и объ отступленіи нашемъ, не дождавшись освобожденія посольства, а удовольствовавшись однѣми обѣщаніями эмира. Читателямъ извѣстно однакоже, что отступленіе изъ-подъ Джизака началось только 11 февраля, и понятно, что въ Петербургѣ не могли о томъ знать тремя днями раньше, когда объ этомъ не зналъ еще никто и въ самомъ джизакскомъ отрядѣ! Донесеніе Черняева объ отступленіи было подписано только 19 февраля и могло придти въ Петербургъ развѣ въ концѣ марта... Телеграфа тогда еще не было. Словомъ, дѣло очевидное—Черняевъ смѣненъ не за Джизакъ...

Романовскій выѣхалъ изъ Петербурга 10 февраля, т. е. за день до отступленія отъ Джизака; на Сыръ-Дарью прибылъ въ началѣ марта и здѣсь впервые узналъ объ отступленіи нашихъ войскъ и о томъ, что наше посольство все еще сидитъ подъ арестомъ. Вѣсти эти весьма обрадовали новаго губернатора...

Въ Чиназѣ никто ничего не зналъ, а Черняевъ не вѣрилъ въ возможность смѣны. 26 марта Романовскій прибылъ въ Чиназъ почти инкогнито, никѣмъ въ лагерѣ не встрѣченный, какъ простой путешественникъ...

Въ виду близости бухарскихъ войскъ и того, что новый военачальникъ вовсе не знаетъ своихъ подчиненныхъ, а тѣ незнаютъ его, —Черняевъ не хотѣлъ было сдавать команды, но потомъ рѣшено было, что, въ виду серьезности обстоятельствъ, онъ остается при своемъ преемникѣ въ качествѣ ординарца...

Льстецы Черняева (ихъ было достаточно) не упустили прокричать это подвигомъ, превышающимъ всѣ дѣянія Александра Македонскаго.

Въ письмахъ къ Крыжановскому (отъ 30 марта) Романовскій такъ излагаетъ это обстоятельство: „вскорѣ по принятіи мною отряда, было получено извѣстіе о рѣшительномъ наступленіи эмира и генералъ Черняевъ обратился ко мнѣ съ письмомъ о дозволеніи остаться при войскахъ, хотя бы въ качествѣ моего ординарца. Я не видѣлъ причинъ мѣшать похвальному желанію раздѣлить опасность старыхъ сослуживцевъ. Но такъ какъ до сихъ поръ слухъ этотъ не подтверждается, то генералъ Черняевъ выѣзжаетъ завтра въ Ташкентъ, а затѣмъ тотчасъ же и далѣе“.

Такъ закончилась блистательная сначала карьера Черняева. Уволенный впослѣдствіи въ отставку съ пенсіономъ въ 475 рублей, онъ снова сѣлъ за учебники, выдержалъ экзаменъ на нотаріуса. но, по Высочайшему соизволенію, вновь поступилъ на службу съ приличнымъ содержаніемъ, хотя и безъ опредѣленныхъ занятій

ГЛАВА XII.

Инструкція новому губернатору. Затрудненія въ деньгахъ. Тревоги въ лагерѣ. Разбои. Сформированіе милиціи. Баранье дѣло (5 апрѣля). Набѣги Сыддыка. Дѣло подъ Ирджаромъ (8 мая). Причины движенія къ Ходженту. Осада и штурмъ Ходжента (24 мая). Посольства изъ Кокана и Бухары. Возвращеніе нашего, задержаннаго въ Бухарѣ, посольства. Адресы по случаю спасенія жизни Государя Императора. Устройство внутренняго управленія въ Ташкентѣ. Учрежденіе Мехкеме. Ликвидаціонная коммиссія для уплаты долговъ правительства за 1864—1866 годы

Съ назначеніемъ въ Туркестанъ генерала Романовскаго, составлена была, по соглашенію министерствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ, инструкція для возможно скорѣйшаго согласованія прежней программы съ новыми случайностями. Инструкція эта удостоилась высочайшаго утвержденія. Составлять въ Петербургѣ инструкціи для дѣйствій въ Средней Азіи дѣло не легкое. Опредѣленіе точныхъ правилъ на всякіе случаи стѣснило бы непосредственнаго начальника, передъ которымъ на дѣлѣ могли возникнуть обстоятельства все-таки не предвидѣнныя. Зато въ новой инструкціи были изложены основанія столь общія, что онѣ никакимъ руководствомъ служить не могли. Напримѣръ, тамъ предписывалось: „неуклонно стараясь не распространять нашихъ непосредственныхъ владѣній въ Средней Азіи, въ то же время не отказываться однако, ради сего, отъ такихъ дѣйствій и распоряженій, которыя были бы для насъ необходимы, вообще же имѣть прежде всего въ виду истинную пользу Россіи“. Составители инструкціи, какъ видно, сочли нужнымъ напомнить новому губернатору, чтобы онъ прежде всего заботился о пользѣ государства... Черняевъ въ такихъ напоминаніяхъ никогда не нуждался! Это всегда предполагается само собою и безъ инструкціи. Итакъ, инструкція просто предоставляла ближайшимъ начальникамъ дѣйствовать по усмотрѣнію, то есть безъ инструкціи! Относительно Бухары изъявлялось сожалѣніе, что дѣйствія послѣдняго времени сдѣлали намъ врагомъ бухарскаго эмира, считавшагося съ давнихъ поръ другомъ Россіи, и выражалось желаніе скорѣйшаго возстановленія дружественныхъ торговыхъ сношеній съ Бухарою, но для этого не предписывалось прямого средства: освобожденія арестованныхъ бухарцевъ, а напротивъ того, напоминалось, что „азіятецъ уважаетъ только силу оружія, что малѣйшее колебаніе и нерѣшительность, тѣмъ болѣе уступка, въ виду какихъ бы то ни было неумѣстныхъ съ ихъ стороны заявле-

ній или дѣйствій, будутъ приняты ими за слабость, и потому не только не достигнутъ цѣли, но могутъ гибельно отозваться, какъ на частяхъ, нами вновь занятыхъ, такъ и на нашихъ степяхъ и на нашихъ прежнихъ линіяхъ".

Противорѣчія инструкціи блистательно завершились указаніемъ главной цѣли начальника: „заставить эмира понять, что мы не желаемъ завоеваній и не грозимъ цѣлости его владѣній, но не позволимъ и ему расширять своихъ владѣній по направленію къ нашимъ предѣламъ".

Заставить понять все это путемъ „дружественныхъ торговыхъ сношеній", конечно, трудно, въ особенности, если принять въ соображеніе, что бухарцы всѣми мѣрами стѣсняли нашу торговлю и что большую свободу для нея приходилось еще завоевать. Очевидно поэтому, что инструкція развязывала мѣстному начальству руки и потому была совершенно не нужна, даже въ томъ пунктѣ, гдѣ говорилось о неуклонномъ стараніи не распространять нашихъ владѣній въ Средней Азіи. И дѣйствительно: не дѣлать уступокъ, не показывать тѣни колебанія и заставить эмира возвратить плѣнныхъ—значило допускать войну; а предшествующій опытъ уже достаточно показалъ, что война поведетъ и къ новымъ завоеваніямъ.

Мы увидимъ впослѣдствіи, что все такъ и случилось, какъ разъ противоположно инструкціи.

10 февраля Романовскій выѣхалъ изъ Петербурга, выпросивъ себѣ предварительно два полномочія: 1) требовать, въ случаѣ нужды, подкрѣпленій изъ Западной Сибири, 2) расходовать на неотложныя надобности суммы, ассигнованныя на другіе предметы. Кромѣ того, доходы съ Ташкента и съ другихъ мѣстностей, еще не присоединенныхъ къ Имперіи, разрѣшено считать экстраординарною суммою въ распоряженіи военнаго губернатора.

Черняевъ также расходовалъ на неотложныя надобности всякія суммы, но это ему поставлено было въ вину, а Романовскому заранѣе разрѣшалось.

Въ письмѣ (отъ 30 марта), Романовскій извѣщалъ Крыжановскаго, что „въ продовольствіи и боевыхъ припасахъ ни отряды, ни укрѣпленія нужды не терпятъ, но и большихъ запасовъ нѣтъ; въ деньгахъ повсюду встрѣтилъ я нужду крайнюю, такъ что въ отрядѣ, напримѣръ, въ настоящее время казенныхъ денегъ не наберется и 1,000 р. сер. Для нуждъ отряда занято мною у графа Воронцова изъ его собственныхъ денегъ 5,000 р.". Итакъ, съ перваго же шагу новый губернаторъ убѣдился, что безъ займовъ обойтись нельзя и что напрасно, значитъ, это ставили Черняеву въ вину.

Романовскій задалъ себѣ на первыхъ порахъ нелегкую задачу—примирить съ собою всѣхъ недовольныхъ сподвижниковъ Чер-

няева и подавить самонадѣянность частныхъ начальниковъ, привыкшихъ къ нѣкоторой самостоятельности въ дѣйствіяхъ.

Вторая половина этой задачи далась, конечно, весьма легко...

Такъ, противная новому губернатору „составившаяся привычка разсуждать и умничать вмѣсто простого исполненія приказаній", конечно, должна была при нѣкоторой строгости, а въ случаѣ крайности и смѣщеніи съ занимаемыхъ должностей, уступить мѣсто молчаливой и пунктуальной дисциплинѣ.

Никто, конечно, не споритъ противъ исполнительности, но увлеченія во всякую сторону вредны, а тѣмъ болѣе въ Средней Азіи, гдѣ намъ приходится брать не количествомъ, а качествомъ, гдѣ каждому подпоручику можетъ довестись дѣйствовать самостоятельно, на полную свою отвѣтственность, и гдѣ, слѣдовательно, не запрещать слѣдуетъ, а развивать въ подчиненныхъ способность разсуждать о томъ, какъ лучше исполнить полученное приказаніе, какъ лучше воспользоваться своими средствами, мѣстностію и т. п. *). Романовскій смотрѣлъ совершенно иначе и обѣщалъ, что выиграетъ больше тотъ, кто будетъ держаться извѣстнаго правила: дѣлай мое дурное, а не свое хорошее!

Въ письмахъ къ Крыжановскому (отъ 29 апрѣля 1866 г. № 545) Романовскій писалъ между прочимъ: „изъ писемъ моихъ вы изволите усмотрѣть, какъ мало общаго имѣю я во взглядахъ моихъ съ генераломъ Черняевымъ, какъ на исполненіе служебныхъ обязанностей и служащихъ здѣсь лицъ, такъ и на дѣла Туркестанской области вообще, а потому въ составѣ г.г. офицеровъ, какъ въ штабѣ, такъ и во фронтѣ, предстоятъ нѣкоторыя перемѣны".

Шайки бухарскихъ партизановъ, рыскавшія въ окрестностяхъ нашего лагеря, безпрестанно нападали на людей, неосторожно удалявшихся за черту расположенія войскъ.

Случаи нападенія, еще при Черняевѣ, были слѣдующіе: 24 февраля, 2 солдата 3-го Оренбургскаго баталіона, отошли отъ нашихъ пикетовъ версты на три къ камышамъ, съ цѣлію поохотиться. Внезапно ихъ окружили бродившіе тамъ 10 конныхъ бухарцевъ. Солдатамъ удалось соединиться, и они, отстрѣливаясь, благополучно отошли въ лагерь.

26 февраля, было отправлено изъ 7-ой сотни Оренбургскаго казачьяго войска 10 вооруженныхъ казаковъ, для собиранія дровъ на сотню. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ лагеря, 4 казака отдѣлились для охоты за утками,—прочіе продолжали свой путь. Спустя нѣсколько времени, отдѣлились еще двое, но какъ только они отстали сажень на 300, какъ вдругъ выскочила изъ камышей шайка человѣкъ въ 100 бухарцевъ и захватила ихъ. Това-

*) Это, конечно, исключаетъ всякія разсужденія о дѣльности распоряженій начальника и критику.

рищи ихъ дали знать въ лагерь. Посланная изъ отряда кавалерія, подъ начальствомъ подполковника Пистолькорса, успѣла нагнать бухарцевъ, но отбить увезенныхъ казаковъ не успѣла, такъ какъ лошади нашей кавалеріи не могли еще поправиться отъ труднаго похода къ Джизаку, бухарскія же лошади были свѣжія, и большая часть партіи была о двуконь; тѣмъ не менѣе, наши захватили 4-хъ человѣкъ въ плѣнъ, взяли много разнаго оружія и 6 лошадей, съ перерѣзанными впрочемъ языками.

Для бо̀льшаго обезпеченія зачирчикской стороны и сообщеній съ Ташкентомъ, былъ сформированъ, подъ начальствомъ полковника Краевскаго, особый отрядъ, изъ пяти ротъ пѣхоты, одной сотни казаковъ и 4-хъ орудій; отрядъ этотъ расположенъ въ окрестностяхъ Кильаучи.

Для лучшаго сообщенія съ Кильаучинскимъ отрядомъ и для прикрытія брода черезъ Чирчикъ, лагерь главнаго отряда былъ переведенъ, 10 марта, вверхъ по Дарьѣ къ устью Чирчика, и здѣсь устроена была черезъ Сыръ-Дарью новая переправа и возведены два укрѣпленія, одно на лѣвомъ берегу Сыра въ видѣ тетъ-депона, а другое въ видѣ отдѣльнаго редута, на ближайшемъ островѣ.

11 марта нѣсколько конныхъ бухарцевъ напали на солдата, неосторожно удалившагося за цѣпь новаго лагеря, и обезглавили его въ виду нашего лагеря.

На нашихъ сообщеніяхъ въ мартѣ мѣсяцѣ начали появляться небольшія партіи. 20 марта на казака, ѣхавшаго съ бумагами изъ Ташкента въ Чимкентъ, при выѣздѣ его изъ садовъ, бросилось нѣсколько человѣкъ; казакъ однако успѣлъ ускакать, хотя и былъ при этомъ раненъ.

24 марта партія, въ числѣ 30 человѣкъ изъ бухарскаго гарнизона Чардары, пробралась на разбой на ташкентскую дорогу и въ 25 верстахъ отъ послѣдняго бросилась на постъ нашихъ джигитовъ. Нападеніе сдѣлано было ночью, джигиты разбѣжались, но 10 изъ нихъ были взяты въ плѣнъ.

Главнымъ притономъ для шаекъ, появлявшихся на нашихъ сообщеніяхъ, служила крѣпость Чардара, въ которой бухарцы содержали небольшой гарнизонъ въ 100 человѣкъ.

Для уничтоженія этого притона и для наказанія киргизъ рода Кунградъ, кочевавшихъ прежде на Арысѣ и перешедшихъ въ январѣ, въ числѣ 600 кибитокъ, въ бухарскіе предѣлы за р. Сыръ-Дарью, отправлена была къ Чардарѣ 22 марта колонна изъ 3 ротъ пѣхоты, одной роты оренбургскихъ казаковъ, при 2 батарейныхъ и 2 конныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ капитана Абрамова. Разстояніе 75 верстъ было пройденъ въ 2 дня, и утромъ 25-го войска приблизились къ Чардарѣ. Бухарскій гарнизонъ поспѣшно удалился изъ крѣпости, которая нами немедленно и раз-

рушена. У кочевавшихъ, подъ прикрытіемъ бухарскаго гарнизона киргизъ, отбито около 2,000 барановъ и 150 головъ крупной скотины и верблюдовъ.

Въ этой стычкѣ съ нашей стороны было ранено 3 казака и 1 артиллеристъ.

Потеря бухарцевъ состояла изъ 10 человѣкъ.

26 марта, въ день пріѣзда Романовскаго въ Чиназъ, на правой сторонѣ рѣки, въ виду передоваго лагеря капитана Абрамова, показалась спускающаяся съ горъ небольшая партія конныхъ. Немедленно были отправлены туда, частію вплавь, частію на небольшомъ паромѣ, 15 казаковъ и столько же солдатъ. Команда эта вмѣстѣ съ выставленными на томъ берегу нашими джигитами, преслѣдовала шайку и успѣла отбить 6 киргизъ, взятыхъ наканунѣ въ плѣнъ съ поста, расположеннаго между Чимкентомъ и Ташкентомъ. 29 марта колонна капитана Абрамова вернулась къ главнымъ силамъ.

Романовскій, получая тревожныя свѣдѣнія о положеніи края, еще во время слѣдованія своего въ Ташкентъ, распорядился по пути направить въ Ташкентъ двѣ роты 5 баталіона изъ форта № 1, команду стрѣлковъ и казаковъ изъ форта Перовскій и часть войскъ Алатавскаго округа (двѣ роты пѣхоты, двѣ сотни казаковъ и два орудія). На передвиженія требовалось времени еще недѣли двѣ или три, и потому, для скорѣйшаго обезпеченія края отъ мелкихъ хищническихъ партій, предписано было въ Ташкентѣ, Чимкентѣ и Туркестанѣ сформировать милицію изъ благонадежныхъ киргизъ. Черняевъ, не сдѣлавшій никакой встрѣчи новому губернатору и рѣшившійся было не сдавать ему командованія войсками, подъ предлогомъ трудныхъ обстоятельствъ и приближенія бухарской арміи, а также въ виду того, что Романовскій совершенно неизвѣстенъ нашимъ войскамъ, да и самъ ихъ не знаетъ,—уступилъ однако доводамъ прибывшаго съ Романовскимъ, въ качествѣ начальника штаба, флигель-адъютанта полковника графа Воронцова-Дашкова и нѣкоторыхъ изъ своихъ ближайшихъ помощниковъ.

Законъ нашъ, дѣйствительно, допускаетъ такое превышеніе власти, или, вѣрнѣе сказать, неповиновеніе, въ исключительныхъ случаяхъ и въ видахъ государственной пользы (п. 2 ст. 143 воинскаго устава о наказ.). Здѣсь же дѣло шло только о томъ чтобы сдать свою должность не сейчасъ, а по минованіи чрезвычайныхъ обстоятельствъ, которыя оправдывали такое промедленіе. Мы говорили выше, что это опасное положеніе разрѣшилось тѣмъ, что Черняевъ остался руководителемъ своего преемника, въ качествѣ его ординарца...

Понятно, что Романовскій радъ бы былъ отдѣлаться отъ такого ординарца какъ можно скорѣе. Средство онъ нашелъ про-

стое: пока не прибудутъ подкрѣпленія, мы не двинемся съ мѣста. Ждать этого долго... бухарцы сами не идутъ къ намъ черезъ голодную степь... Такъ Черняевъ и уѣхалъ 31 марта. Романовскій тотчасъ и приступилъ къ работѣ.

Чтобы избѣгнуть необходимости, въ случаѣ движенія отряда, оставлять особые гарнизоны въ Старомъ Чиназѣ, отстоящемъ отъ лагеря въ 6 верстахъ, и еще въ новыхъ укрѣпленіяхъ у переправы, 1 апрѣля заложено было укрѣпленіе на правомъ берегу, противъ переправы, куда и переведенъ гарнизонъ, занимавшій Старый Чиназъ.

3 апрѣля, вновь сформированная войсковымъ старшиною Сѣровымъ, ташкентская милиція послана для осмотра ближайшихъ окрестностей Ташкента и дорогъ отъ Ташкента къ Чиназу на Сыръ-Дарью. Съ этою же цѣлью осмотра мѣстности и освобожденія края отъ мелкихъ хищническихъ партій, 4 апрѣля изъ главнаго отряда на правый же берегъ Сыра была выслана сотня Уральскихъ казаковъ, которой приказано было обслѣдовать правый и лѣвый берега Чирчика и правый берегъ Сыра, на разстояніи отъ лагеря верстъ до 30-ти. Объѣзды милиціи и сотни продолжались въ теченіе 4 дней, по 8 апрѣля. Открыто было нѣсколько мелкихъ партій, силою отъ 10 до 30 человѣкъ, но всѣ онѣ при приближеніи разъѣздовъ, спѣшили укрываться, при чемъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ было убито. Тогда же въ главномъ отрядѣ получено было извѣстіе о появленіи значительнаго числа бухарской конницы верстахъ въ 20 отъ лагеря, выше по Сыръ-Дарьѣ, и о какихъ-то неопредѣленныхъ намѣреніяхъ непріятеля; чтобы провѣрить показанія казачьихъ разъѣздовъ, посланъ былъ на рекогносцировку маіоръ Назаровъ съ небольшимъ отрядомъ пѣхоты. Понятно, что съ пѣхотою многаго не осмотришь, и потому Назаровъ ограничился тѣмъ, что въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ у озера открылъ какіе-то слѣды. Принявъ это за неоспоримый признакъ близости непріятеля, Романовскій 5 апрѣля назначилъ рекогносцировку вверхъ по Дарьѣ, къ сторонѣ Мурза-Рабата по ходжентской дорогѣ.

Въ составъ рекогносцировочной колонны были назначены: 5 ротъ пѣхоты, 2 сотни казаковъ, 6 орудій и ракетная команда.

Колонна эта состояла подъ командою завѣдывавшаго штабомъ отряда, флигель-адъютанта полковника графа Воронцова-Дашкова. Одна рота съ 10 джигитами выступила на разсвѣтѣ, за два часа прежде остальнаго отряда; верстахъ въ 10 отъ лагеря ее должна была догнать кавалерія.

Едва рота успѣла отойти отъ лагеря верстъ на 5, какъ замѣтила въ сторонѣ отъ дороги партію конныхъ бухарцевъ, человѣкъ въ 50, которые пробирались къ нашему передовому казачьему пикету. Казаки спѣшились и выдержали атаку, бухарцы, увидавъ

подходившую роту, поспѣшно скрылись. На Акъ-Тюбе замѣчена была толпа, въ числѣ около 50 человѣкъ, сзади виднѣлись еще какія-то массы, разсмотрѣть которыя хорошо было невозможно, но какъ эти массы не доходили и до стременъ всадниковъ, то легче всего было предположить, что это стада барановъ, и тогда конные оказались бы простыми пастухами. Такъ это и опредѣлилъ опытный воинъ—Пистолькорсъ. Романовскій однакоже нашелъ такое предположеніе черезчуръ ужъ простымъ и несогласнымъ съ его желаніями, и потому загадочныя массы были приняты за непріятельскую пѣхоту, подкрадывавшуюся ползкомъ.

Мѣткій огонь нашей артиллеріи, стремительная аттака казаковъ, поддержанныхъ молодецкою пѣхотою, быстро рѣшили дѣло въ нашу пользу, непріятель постыдно бѣжалъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ 14,000 плѣнныхъ... барановъ!.. Захваченъ былъ еще одинъ пастухъ, но какъ ни увѣрялъ онъ, что эти стада принадлежатъ нашимъ подданнымъ, зачирчикскимъ кураминцамъ,—ему не вѣрили, такъ какъ для Романовскаго было совершенно очевидно, что бараны составляли частію собственность бековъ—самаркандскаго, уратюбинскаго и джизакскаго, стоявшихъ на Ирджарѣ, „а преимущественно подать и даръ придарьинскихъ жителей эмиру бухарскому, по случаю празднованія имъ въ Ура-Тюбе Курбанъ-байрама“ *).

Дѣло это долго было извѣстно подъ именемъ „бараньяго“, но съ выбытіемъ изъ края всѣхъ дѣйствующихъ лицъ забылось не только это дѣло, но даже и фамилія Романовскаго, пробывшаго въ краѣ только нѣсколько мѣсяцевъ и не успѣвшаго затмить славу Черняева.

6-го числа, въ часъ пополудни, всѣ войска возвратились въ чиназскій лагерь, бараны посланы на продажу въ Ташкентъ, пришли туда достаточно изнуренными и проданы за безцѣнокъ...

Въ реляціи (отъ 11 апрѣля 1866 г.) фигурировали 3,000 непріятельской кавалеріи, 3 значка и нѣсколько фальконетовъ. Такъ это вошло и въ трудъ Макшеева на стр. 241. Впослѣдствіи, при преемникѣ Романовского, генералъ-адъютантѣ фонъ Кауфманѣ, кураминцы нѣсколько разъ предъявляли свои претензіи на баранту 5 апрѣля, но это щекотливое дѣло, конечно, каждый разъ заминалось...

Между тѣмъ партизанскіе отряды, напуганные было рекогносцировками, появились снова на нашихъ сообщеніяхъ, ободренные прибытіемъ извѣстнаго портизана Сыддыка, переправившагося на правый берегъ Сыръ-Дарьи и заявившаго свое присут-

*) Изъ донесенія 11 апрѣля 1866 года.

ствіе сожженіемъ складовъ саксаула, приготовленнаго для нашихъ пароходовъ.

6 числа пароходъ „Перовскій“, идя въ Чиназъ изъ форта Перовскій, гдѣ онъ зимовалъ, былъ встрѣченъ въ 30 верстахъ выше устья Арыса, изъ-за густыхъ камышей, ружейнымъ залпомъ партіи бухарцевъ, въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Отгоняемые отъ берега орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ съ парохода, бухарцы тѣмъ не менѣе, въ теченіе 7, 8, 9 и 10 апрѣля, постоянно держались на высотѣ парохода, сжигая склады саксаула; поэтому командиръ парохода вынужденъ былъ для рубки дровъ высылать на берегъ команду, подъ прикрытіемъ стрѣлковъ, и такимъ образомъ 14 апрѣля пароходъ, безъ всякой потери, благополучно прибылъ въ Новый Чиназъ.

Противъ Сыддыка высланъ былъ изъ Чимкента хорунжій Казинъ съ 70 казаками и 80 джигитами, при одномъ ракетномъ станкѣ. Казинъ встрѣтилъ Сыддыка около озера Сары-Куль и прогналъ бухарцевъ на лѣвый берегъ рѣки.

18 апрѣля одна изъ партій, подъ предводительствомъ киргиза Ишпуты, подошла къ Ташкенту на 12 верстъ и захватила трехъ человѣкъ 6-го баталіона, рубившихъ въ садахъ деревья. Затѣмъ хищники захватили нашъ пикетъ изъ джигитовъ и почту. Нѣсколько охотниковъ изъ джигитовъ, бывшихъ при отрядѣ ротмистра Баранова, посланнаго для поддержанія сообщеній съ Зачирчикскимъ отрядомъ Краевскаго, успѣли нагнать хищниковъ и отбить у нихъ почтаря и бумаги, захвативъ при этомъ двухъ барантачей. Одинъ изъ нихъ былъ тотчасъ повѣшенъ.

19 апрѣля эмиръ прислалъ посольство съ письмомъ, которое сдѣлало очевиднымъ, что бухарцы безъ должнаго урока не образумятся.

Посольство свое эмиръ нарочно направилъ не прямою дорогою на лагерь у Чиназа, а въ тылъ нашихъ войскъ, правымъ берегомъ, по Зачирчикской сторонѣ, куда въ то же время выслалъ Рустембека съ партіей въ 3 или 4 тысячи человѣкъ, а Сыддыка съ нѣсколькими сотнями направилъ къ Чардары, для дѣйствія на сообщенія Ташкента съ Чимкентомъ.

Все посольство походило скорѣе на лазутчиковъ, и потому приняты были нѣкоторыя мѣры: ихъ не пускали ни въ крѣпость, ни въ отрядъ, помѣстивъ на берегу у пароходной пристани. Впрочемъ, за ласками, угощеніями и катаніями на пароходѣ дѣло не стало.

Чтобы уронить въ глазахъ народа значеніе эмира, который еще ни разу не встрѣчался съ русскими и потому считался непобѣдимымъ, и чтобы изгладить впечатлѣніе джизакской экспедиціи, откуда по выраженію бухарцевъ, Черняевъ отступилъ „с ъ о б р и-

тыми бровями", т. е. со стыдомъ (выраженіе, равносильное турецкому: наѣвшись грязи), слѣдовало, конечно, искать случая разнести бухарскія полчища и разметать ихъ по степи.

Дальнѣйшій планъ Романовскаго хорошо и ясно обрисованъ имъ самимъ въ письмѣ къ Крыжановскому (отъ 29 апрѣля № 544): „прежде всего,—писалъ онъ,—я, конечно, буду искать случая встрѣтиться съ эмиромъ, а затѣмъ вполнѣ раздѣляю мнѣніе вашего превосходительства о необходимости скорѣйшаго занятія Ходжента".

Эмиръ старался увѣрить новаго губернатора (или „вновь прибывшаго отъ Бѣлаго Царя Черняева", какъ считали бухарцы), что наше посольство задержано было только вслѣдствіе наступленія нашихъ войскъ къ Джизаку. Нападенія однакоже продолжались и во время переговоровъ.

Такъ, пароходъ „Сыръ-Дарья", прибывшій въ Чиназъ 20 числа, имѣлъ перестрѣлку съ бухарцами, которые принуждены были отступить.

Для противодѣйствія появляющимся въ окрестностяхъ Ташкента и за Чирчикомъ шайкамъ, Романовскій сформировалъ летучій отрядъ изъ 150 человѣкъ, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Гребенкина, котораго и направилъ къ Ніязбеку. Изъ Ніязбека Гребенкинъ двинулся на Паркентъ, но какъ большая часть жителей съ шайкою Ишпуты бѣжала въ горы, то и Гребенкинъ двинулся за ними, но былъ встрѣченъ огнемъ партіи человѣкъ въ 200. Шайка однако скоро отступила, но когда наши, прекративъ преслѣдованіе, стали возвращаться къ Самарску (верстахъ въ 8 отъ Паркента), то Ишпута перешелъ въ наступленіе и, окруживъ отрядъ, неоднократно пытался броситься въ шашки. Дорога шла по довольно узкому ущелью, и нашимъ войскамъ приходилось занимать высоты, выбивая изъ-за камней непріятеля штыками. Такъ Гребенкинъ отступалъ до Самарска, гдѣ Ишпута прекратилъ преслѣдованіе. Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли четырехъ человѣкъ ранеными, въ томъ числѣ двухъ джигитовъ.

Безпрерывныя появленія болѣе или менѣе значительныхъ партій въ тылу и на нашихъ сообщеніяхъ и расположеніе главной арміи эмира на урочищѣ Ирджарѣ дѣлали необходимыми наступательныя дѣйствія съ нашей стороны, тѣмъ болѣе, что 5 и 6 мая получены были положительныя свѣдѣнія, что эмиръ, возвратившись изъ своей двухдневной поѣздки въ Самаркандъ, готовится перейти въ наступленіе. Ожидавшіяся подкрѣпленія наши прибыли, а пароходы привезли запасы провіянта,—ничто не мѣшало уже приступить къ выполненію задуманнаго плана: разбить эмира и взять Ходжентъ. По слухамъ, армія эмира была весьма многочисленна. Сарбазы и конные стрѣлки, весьма исправно вооруженные, были въ числѣ 5,000 человѣкъ; орудій насчитывали 21, коннаго ополченія насчитывалось не менѣе 35,000 человѣкъ.

7 мая, съ разсвѣтомъ, чиназскій отрядъ, въ составѣ 14 ротъ пѣхоты, пяти сотенъ казаковъ, при 20 орудіяхъ и восьми ракетныхъ станкахъ выступилъ съ позиціи къ Ирджару.

Впереди шелъ подполковникъ Пистолькорсъ съ пятью сотнями казаковъ, ракетною командою и шестью орудіями; за нимъ капитанъ Абрамовъ съ шестью ротами и восемью орудіями; затѣмъ боевой резервъ, подъ начальствомъ подполковника Фавицкаго, изъ восьми ротъ и шести орудій.

Отрядъ имѣлъ при себѣ продовольствія на 12 дней (на людяхъ—на 2 дня и въ обозѣ—на 10), и сверхъ того пароходъ „Перовскій", шедшій вверхъ по рѣкѣ на высотѣ отряда, везъ еще 10-дневный запасъ. Одновременно съ этимъ отрядомъ двинулся правымъ берегомъ Сыра къ Ирджару и отрядъ кильаучинскій, подъ начальствомъ полковника Краевскаго.

Въ первый день войска, при 40° жарѣ, сдѣлали переходъ болѣе 30 верстъ; непріятельская кавалерія ограничивалась только перестрѣлкой. Отъ Мурза-Рабата, гдѣ войска имѣли первый ночлегъ, до передовой позиціи эмира и Ирджара оставалось не болѣе 20 верстъ. Съ разсвѣтомъ 8 мая начали показываться въ виду нашего лагеря значительныя партіи бухарцевъ. Въ девять часовъ утра произошла первая стычка казаковъ съ бухарскою конницею, причемъ бухарцы потеряли нѣсколько человѣкъ убитыми; съ нашей же стороны былъ раненъ только одинъ казакъ. Въ двѣнадцатомъ часу, когда войска расположились на привалѣ у озера Якъ-Кахана, противъ массъ непріятельской конницы пришлось выдвинуть артиллерію и открыть огонь, который уже и не прекращался до самаго окончанія боя. Съ привала войска были двинуты въ слѣдующемъ порядкѣ: по прямой дорогѣ на Ирджаръ, впереди всѣхъ, слѣдовала колонна Абрамова, правѣе и на одной съ нимъ высотѣ—колонна Пистолькорса. Сзади этихъ колоннъ слѣдовали, въ видѣ общаго резерва, три роты стрѣлковаго баталіона и дивизіонъ батарейной батареи, подъ начальствомъ маіора Пищемуки; обозъ же, подъ прикрытіемъ четырехъ ротъ и двухъ орудій, шелъ подъ начальствомъ Фавицкаго, слѣдомъ за колонною Абрамова.

Едва только войска начали движеніе, какъ появились массы непріятельской конницы, окружившія нашъ отрядъ.

Абрамовъ, переходя съ позиціи на позицію, громилъ непріятеля артиллерійскимъ огнемъ. Обозъ, слѣдовавшій при боевомъ резервѣ, нисколько не задержалъ движенія колоннъ, благодаря распорядительности Фавицкаго. Что касается нашей кавалеріи, то увлеченная своимъ отважнымъ командиромъ, она быстро подвигалась впередъ, не смотря на то, что была окружена со всѣхъ сторонъ и отрѣзана отъ остальныхъ войскъ. Чуть только бухарцы начнутъ насѣдать сзади,—Пистолькорсъ останавливается,

посылаетъ имъ одну, двѣ ракеты и несется далѣе. Такъ доскакалъ онъ до непріятельской пѣхоты. Въ это время къ нему пробился артиллеріи сотникъ Ивановъ (исправлявшій должность начальника отряднаго штаба) съ просьбою воротиться назадъ, для содѣйствія Абрамову, задача котораго усложнялась замѣченными у непріятеля укрѣпленіями. Отойти назадъ послѣ такого энергическаго наступленія, даже не сразившись съ непріятельскою пѣхотою, было бы, конечно, неблагоразумно, а для Пистолькорса и невозможно, а потому, попросивъ Иванова подождать немного, Пистолькорсъ развернулъ одну сотню лавой и кинулъ ее на баталіонъ сарбазовъ. Лава не выдержала огня, раздвинулась и обошла бухарцевъ. Тогда пущена была вторая сотня сомкнутымъ строемъ въ двѣ шеренги, но и эта послѣдовала примѣру первой. Пистолькорсъ рѣшился попытать прорвать строй сарбазовъ артиллеріей: пущенная въ карьеръ, она дѣйствительно врѣзалась въ ряды пѣхоты, куда слѣдомъ влетѣли и казаки,—сарбазы побѣжали.

Изъ приведеннаго текста можно вывести, что 6 орудій Пистолькорса, съ ихъ ящиками, явились въ роли древнихъ колесницъ, прорывавшихъ строй непріятельской пѣхоты! До сихъ поръ извѣстенъ былъ случай вторженія въ ряды непріятеля прислуги конной батареи Никитина (впослѣдствіи графъ, шефъ Чугуевскаго уланскаго полка и начальникъ южныхъ военныхъ поселеній) подъ Краснымъ въ 1812 году, но такой оригинальный способъ употребленія артиллеріи едва ли когда-нибудь имѣлъ мѣсто.

Въ это время въ колоннѣ Абрамова шла жаркая канонада. Непріятель не оставался въ долгу и отвѣчалъ довольно энергично, хотя и безвредно, такъ какъ снаряды его далеко перелетали черезъ наши войска. Тѣмъ не менѣе начатая пѣхотою аттака шла вяло, такъ что и здѣсь артиллерія должна была показать примѣръ: быстро вынеслась она впередъ, влетѣла въ ряды непріятеля и взяла его орудія. Бухарцы, поражаемые съ фронта артиллеріею Абрамова и съ фланга артиллеріею Пистолькорса, стали поспѣшно отступать. Пищемука, по просьбѣ Пистолькорса занялъ своею колонною промежутокъ, образовавшійся между пѣхотою и кавалеріею, и тѣмъ далъ послѣдней возможность двинуться далѣе въ обходъ замѣченному вдали лагерю. Обойдя лагерь и ставъ на пути его отступленія, Пистолькорсъ однакоже не пустилъ казаковъ на добычу, зная, какъ трудно ихъ будетъ собрать, и послалъ въ отрядъ офицера съ 40 казаками донести о занятіи лагеря. Офицеръ былъ скоро окруженъ толпами конныхъ бухарцевъ, вступилъ съ ними въ неравный бой и принужденъ былъ воротиться. Тогда посланъ былъ храбрый сотникъ уральскаго войска Кириловъ съ 10 казаками. Ему приказано было пробиться во что то ни стало, не останавливаясь для драки, и онъ въ точности исполнилъ приказаніе, пронесшись въ толпѣ бухар-

цевъ, кричавшихъ и махавшихъ саблями, но не посмѣвшихъ затронуть нашихъ смѣльчаковъ. Черезъ два часа лагерь былъ занятъ подоспѣвшимъ отрядомъ и пѣхота забрала добычу.

Когда Пистолькорсъ выѣхалъ на встрѣчу отряду, Романовскій снялъ фуражку, что сдѣлала за нимъ и свита, и провозгласилъ: „Александру Васильевичу ура.“ Вечеромъ получено было извѣстіе, что неподалеку брошенъ еще одинъ лагерь со ставкою эмира и что туда забрались уже мародеры и отсталые бухарской арміи. Пистолькорсъ просилъ у Романовскаго позволенія занять казаками этотъ лагерь, но не получилъ разрѣшенія на томъ основаніи, что въ ставкѣ эмира остались, вѣроятно, всѣ богатства, которыя рискованно довѣрить казакамъ... Этотъ лагерь былъ занятъ только на другой день поутру, уже наполовину опустошенный, но все-таки довольно богатый. Бухарцы такъ были увѣрены въ успѣхѣ, что нисколько не тревожились за лагерь, который найденъ былъ со всѣми слѣдами только что оставленнаго жилья: тутъ были котлы съ варившеюся въ нихъ пищею, дымившіеся кальяны, приготовленный чай и проч.

Во время описанныхъ дѣйствій Кильаучинскій отрядъ Краевскаго, 8 мая, въ пять часовъ пополудни, внезапно появился противъ Ирджара, на правомъ берегу Сыръ-Дарьи. Хотя отрядъ и не могъ принять непосредственнаго участія въ дѣлѣ, за невозможностію переправы, но одно уже появленіе его и нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ изъ нарѣзныхъ орудій оказали нѣкоторое вліяніе на общій ходъ дѣла и воспрепятствовали бѣжавшимъ непріятельскимъ партіямъ броситься въ Зачирчикскій край, гдѣ появленіе ихъ было бы для насъ невыгодно.

Потеря наша въ этомъ блистательномъ дѣлѣ состояла изъ 1 убитаго и 12 раненыхъ нижнихъ чиновъ; непріятель же оставилъ на полѣ болѣе 1,000 тѣлъ.

Трофеи наши состояли изъ шести орудій, взятыхъ съ боя и четырехъ брошенныхъ непріятелемъ во время его бѣгства.

Въ лагеряхъ, кромѣ имущества, найдены огромные запасы пороха и весь артиллерійскій паркъ. Не считая боевыхъ запасовъ, разбросанныхъ по всѣмъ дорогамъ, по которымъ бѣжалъ непріятель, найдено пороху около 670 пудовъ, до 220,000 патроновъ и артиллерійскихъ зарядовъ безъ снарядовъ и множество ядеръ, гранатъ и прочихъ артиллерійскихъ припасовъ. По неимѣнію перевозочныхъ средствъ, все это было частію истреблено, частію брошено въ воду.

Отдавъ на первыхъ порахъ должную справедливость образу дѣйствій Пистолькорса, Романовскій, по болѣе спокойномъ размышленіи, нашелъ его дѣйствія не вполнѣ удовлетворительными. Собравъ всѣхъ офицеровъ, командующій войсками указалъ имъ на сдѣланныя ими ошибки, упрекнулъ Пистолькорса за то, что

онъ преждевременно понесся въ аттаку и тѣмъ далъ непріятельской пѣхотѣ возможность спастись, Пищемукѣ сдѣлалъ выговоръ за то, что онъ самовольно ушелъ изъ резерва и, наконецъ, весь успѣхъ дѣла приписалъ пѣхотѣ Абрамова.

Такимъ образомъ всѣмъ, кто усвоилъ себѣ правило—дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, не ожидая приказаній, былъ преподанъ первый урокъ!

Героемъ дня былъ безспорно Пистолькорсъ. Умѣстно будетъ привести здѣсь небольшую цитату изъ донесенія Романовскаго отъ 11 мая.

„Все поле между первыми завалами вплоть до бухарскаго лагеря было устлано трупами непріятелей, сотнями погибавшихъ подъ ударами нашихъ лихихъ казаковъ. Еще въ первый разъ въ Средней Азіи, казаки наши дѣйствовали стройно и массою, какъ регулярная кавалерія, имѣя при себѣ свою артиллерію и ракетные станки, и надо признать, что этотъ первый опытъ былъ вполнѣ удаченъ: на одномъ полѣ дѣйствія нашей кавалеріи насчитано было потомъ до тысячи тѣлъ“.

Встрѣча наша съ бухарцами 8 мая, какъ показали послѣдствія, была еще болѣе необходима и сопровождалась результатами еще болѣе значительными, нежели мы прежде предполагали.

Смуты и волненія въ нашемъ Зачирчикскомъ краѣ не были только послѣдствіемъ появленія эмировскихъ партій, а представляли результатъ обширнаго заговора, нити котораго нашли себѣ мѣсто и въ самомъ Ташкентѣ.

Когда же въ краѣ распространились извѣстія о пораженіи войскъ эмира, то всѣ партіи поспѣшно бѣжали на лѣвый берегъ, и съ того времени на правомъ берегу Сыра водворилось спокойствіе, полное и совершенное.

„Чтобы воспользоваться успѣхомъ нашимъ на Ирджарѣ,—писалъ Романовскій къ Крыжановскому (отъ 30 мая 1866 г.),—и достигнуть цѣлей, съ которыми была предпринята экспедиція въ январѣ мѣсяцѣ на правый берегъ, т. е. возвратить наше посольство и наказать эмира за все его коварство, намъ предстояло два способа дѣйствій: или неотступно преслѣдуя разбитаго непріятеля, двинуться на Ура-Тюбе, Самаркандъ и далѣе, или направиться на Нау и Ходжентъ“. Въ пользу Ходжента Романовскій приводилъ то, что этотъ городъ лежитъ на главномъ пути изъ Кокана въ Бухару, что онъ всегда составлялъ главный оплотъ для всѣхъ безпокойныхъ людей, тревожившихъ нашъ Зачирчикскій край и, наконецъ, что движеніе на Ходжентъ будетъ менѣе оскорбительно народному чувству бухарцевъ и достоинству эмира, такъ какъ городъ этотъ не принадлежалъ Бухарѣ.

Казалось бы, что всѣ эти доводы должны были разбиться, во-

первыхъ объ инструкцію, возбранявшую всякія территоріальныя пріобрѣтенія, а во-вторыхъ, о то простое обстоятельство, что Коканъ уже не воевалъ съ нами и отъ всякаго союза съ Бухарою отказался. „Наказать эмира за все его коварство“,—но развѣ одного Ирджара недостаточно!

Не сдѣлавъ Бухарѣ никакихъ уступокъ, а напротивъ, уничтоживъ однимъ ударомъ ея обаяніе и успокоивъ край, Романовскому оставалось только потребовать выдачи нашихъ посланныхъ и затѣмъ возвратить войска на прежніе посты. Это было бы въ духѣ инструкціи. Нѣтъ сомнѣнія, что эмиръ отпустилъ бы нашихъ чиновниковъ, по первому же требованію, раздавшемуся на поляхъ Ирджара, и ужъ, конечно, для достиженія этой цѣли странно было идти совсѣмъ въ иную сторону—къ Кокану! Наказать бухарцевъ тѣмъ, что побьемъ еще коканцевъ и возьмемъ у нихъ Ходжентъ, не только странно, но еще очень оригинально! Макшеевъ не находитъ тутъ ничего страннаго: „хотя городъ этотъ собственно коканскій, а не бухарскій, но овладѣніе имъ представляло несравненно болѣе выгодъ для упроченія нашего положенія“, пишетъ онъ на стр. 243.

Давъ на Ирджарѣ необходимый отдыхъ войскамъ, приведя тамъ въ порядокъ свой обозъ и отправивъ оттуда на пароходѣ въ Чиназъ всѣ излишнія тяжести и всѣ трофѣи, Романовскій 14 мая направился къ укрѣпленію Нау и занялъ его безъ всякаго выстрѣла; 15 и 16 числа верки этого укрѣпленія приведены въ нѣкоторый порядокъ и оставлено тамъ 2 роты, 2 орудія и команда казаковъ; 17 числа остальныя войска Чиназскаго отряда прибыли къ Ходженту; одновременно съ ними подошелъ туда, по правому берегу, и отрядъ Краевскаго.

Хотя изъ Нау и были отправлены къ жителямъ Ходжента успокоительныя прокламаціи, тѣмъ не менѣе Ходжентъ встрѣтилъ наши войска выстрѣлами.

Между тѣмъ Романовскій получилъ замѣчаніе отъ оренбургскаго генералъ-губернатора за распоряженія, сдѣланныя имъ еще на пути въ Ташкентъ, по предмету выдачи въ форты денегъ изъ направлявшагося тогда въ Ташкентъ транспорта. Въ предписаніи строго подтверждалось въ расходованіи суммъ отнюдь не отступать на будущее время отъ вновь вводимыхъ контрольныхъ правилъ, т. е. расходовать суммы только на ихъ прямыя смѣтныя назначенія; подобнаго же содержанія предписаніе получилъ и завѣдывавшій интендантскою частію въ области, отъ окружнаго оренбургскаго интенданта. Весьма естественно, что послѣ такого распоряженія ташкентское интенданство было поставлено въ совершенную невозможность исполнять какія-либо требованія военнаго губернатора по удовлетворенію экспедиціонныхъ отрядовъ, такъ какъ собственно на экспедицію никакой

ассигновки изъ Оренбурга еще не послѣдовало. Такъ какъ это распоряженіе Крыжановскаго совершенно противорѣчило съ прежнимъ разрѣшеніемъ его же не стѣсняться формальностями, то легко предположить, что Крыжановскій просто хотѣлъ только воспрепятствовать новому губернатору начать войну ранѣе прибытія своего для этой же цѣли къ осени 1866 г. Какъ бы то ни было, а на веденіе войны денегъ не имѣлось. Крайность была такъ велика, что остававшійся въ Ташкентѣ за старшаго, флигель-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ вынужденъ былъ, для высылки послѣдняго траспорта въ Ходжентъ, прибѣгнуть къ тому же способу, какой не разъ употреблялся и при Черняевѣ т. е. къ займу у одного изъ богатыхъ туземцевъ 3,000 р. сер.

18 и 19 мая были произведены рекогносцировки по правому и лѣвому берегу Сыръ-Дарьи, причемъ не обошлось безъ довольно значительной канонады и живой перестрѣлки, начатыхъ защитниками.

Рекогносцировки показали, что городская стѣна имѣетъ въ окружности 11 верстъ. Со стороны рѣки городъ имѣетъ только одну стѣну, а съ остальныхъ, т. е. съ южной и восточной,—по двѣ высокихъ и толстыхъ стѣны. Цитадель помѣщена среди города близъ рѣки. Наиболѣе доступные для аттаки фронты находятся на сѣверо-восточной сторонѣ, но штурмовать стѣны, безъ предварительнаго приготовленія, было бы слишкомъ рискованно. Вслѣдствіе этого, въ ночь на 20 число заложены были 4 батареи: двѣ на правомъ берегу и двѣ на лѣвомъ, съ южной стороны города, на бухарской и коканской дорогахъ; на батареяхъ поставлены 18 орудій и 2 мортиры. 20-го числа было произведено усиленное бомбардированіе по городу, а штурмъ назначенъ на разсвѣтъ 21-го числа. Но въ то время, когда войска уже двигались на штурмъ, изъ города выѣхала депутація, съ изъявленіемъ покорности; войска были возвращены на позицію. Однако переговоры, продолжавшіеся болѣе сутокъ, не повели ни къ чему. Воинственная партія въ городѣ не только не допустила сдачи, но успѣла арестовать главныхъ представителей партіи мира. По истеченіи срока, даннаго жителямъ города для доставленія окончательнаго отвѣта, было начато бомбардированіе, которое продолжалось съ 6 часовъ вечера 22-го до 2 часовъ дня 24 числа.

Послѣ замѣченнаго ходжентцами движенія нашего, въ ночь на 21 мая невозможно было уже разсчитывать на нечаянность нашего штурма на разсвѣтѣ, а потому въ ночь на 23 число, начата была фальшивая аттака траншейными подступами на южной сторонѣ города. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для большаго развлеченія вниманія защитниковъ и для лучшаго обезпеченія путей со стороны Кокана, блокирующія войска были раздѣлены на нѣсколько отрядовъ и въ тылу войскъ выставлены сильные казачьи пи-

кеты. Вообще наблюденіе дорогъ и охраненіе войскъ со стороны Кокана поручено было подполковнику Пистолькорсу, который, по обыкновенію, исполнилъ возложенное на него порученіе съ отличнымъ успѣхомъ.

Совокупность этихъ мѣръ повела къ весьма полезнымъ результатамъ: прибытіе новыхъ подкрѣпленій изъ Кокана совершенно прекратилось, и вниманіе защитниковъ отвлечено было на восточную сторону.

Для сбереженія снарядовъ, бомбардированіе города, въ теченіи 22 и 23 мая (кромѣ двухъ мортиръ, стрѣлявшихъ постоянно день и ночь), дѣлалось два раза въ день, въ полдень и въ шесть часовъ вечера. Такимъ образомъ и 24 числа въ полдень было произведено бомбардированіе, а послѣ окончанія его начатъ штурмъ.

Для штурма были назначены двѣ колонны: одна изъ 3 ротъ пѣхоты, 2 батарейныхъ и 2 облегченныхъ орудій, подъ начальствомъ капитана Михайловскаго, и другая изъ такового же числа пѣхоты, но безъ орудій, подъ начальствомъ ротмистра Баранова.

Обѣ эти колонны вышли съ позиціи съ разсвѣтомъ 24 числа. Первая изъ нихъ отправилась прямо къ сѣверо-восточной части города съ цѣлію, устроивъ тамъ, на ближайшемъ разстояніи, брешь-батарею противъ прирѣчнаго барбета, открыть огонь въ полдень, вмѣстѣ съ другими батареями; вторая двинулась сначала къ Коканскимъ воротамъ съ тѣмъ, чтобы перейти къ Келенаусскимъ воротамъ, уже по началѣ бомбардированія. Къ Коканскимъ же воротамъ направлена была и большая часть кавалеріи, которая должна была, съ одною изъ ротъ Баранова, прикрывать построенную здѣсь батарею и траншейныя работы по уходѣ Баранова. Въ 7 час. утра были двинуты: резервъ для штурмовавшихъ колоннъ, состоявшій изъ 2 ротъ и 2 облегченныхъ орудій, подъ начальствомъ маіора Назарова, и главный резервъ изъ такового же числа ротъ и одной сотни казаковъ, подъ командою подполковника Фавицкаго, который и расположился скрытно въ садахъ на келенаусской дорогѣ, сзади мечети, гдѣ былъ устроенъ главный перевязочный пунктъ.

Благодаря пересѣченной мѣстности, множеству строеній и густымъ садамъ, всѣ движенія, какъ штурмовавшихъ колоннъ, такъ и резервовъ, были отъ непріятеля совершенно скрыты и не обратили на себя никакого вниманія.

Колонна Михайловскаго, подойдя незамѣченною къ крѣпости на 150 саж. и примкнувъ правымъ флангомъ къ рѣкѣ, расположилась скрытно отъ непріятеля, въ находившемся здѣсь оврагѣ, и, выславъ впередъ стрѣлковъ, тотчасъ же приступила къ устройству двухъ батарей, одной для 2 батарейныхъ орудій, въ растоя-

ніи отъ барбета на 65 саж., а другой для 2 облегченныхъ орудій, на разстояніи 50 саж. Не смотря на сильный пушечный и ружейный огонь непріятеля, работы на батареяхъ шли весьма успѣшно. Дѣйствіе батарей, заложенныхъ на столь близкое разстояніе, было весьма сильно. Артиллерійскій огонь непріятеля замолкъ, многіе зубцы стѣны были сбиты, и вообще стѣны барбета значительно повреждены. Между тѣмъ въ обѣихъ колоннахъ войска приготовились для штурма, принесли лѣстницы, расположились за ближайшія къ городскимъ стѣнамъ прикрытія и ожидали только сигнала для движенія. Сигналъ этотъ долженъ былъ подать Михайловскій.

Въ 2 часа дня, по окончаніи бомбардированія, стрѣлковая рота 3 баталіона, во главѣ которой шелъ командиръ этой роты, давно извѣстный здѣсь по своей храбрости, подпоручикъ Шороховъ, и самъ начальникъ колонны Михайловскій,—съ крикомъ „ура“ бросилась на штурмъ; за ней послѣдовали и другія двѣ роты. Это „ура“ и было сигналомъ: Барановъ тотчасъ же двинулъ бѣглымъ шагомъ обѣ свои роты къ Келенаусскимъ воротамъ.

Поставивъ три лѣстницы къ барбету, рота Шорохова стала взбираться на стѣны, не смотря на то, что лѣстницы оказались короткими, но лишь только передовые поднялись къ зубцамъ, какъ на стѣнахъ барбета внезапно появилась новая масса защитниковъ. Камни, пули и удары кистеней посыпались на штурмовавшихъ. Михайловскій, Шороховъ, подпоручикъ Куссонскій и прапорщикъ Бѣляевъ были первыми жертвами штурма. Всѣ они были сильно контужены камнями и кистенями. Такая встрѣча, хотя и произвела замедленіе, но не охладила храбрости штурмовавшихъ. Павшіе подъ ударами были замѣнены другими, а командиръ облегченнаго взвода, поручикъ Тилле, смѣло выдвинулъ съ батарей свои орудія впередъ, почти подъ самыя стѣны, и осыпалъ непріятеля картечью, причемъ былъ вскользь раненъ пулею въ грудь, но остался при своемъ взводѣ и подготовилъ успѣхъ вторичнаго штурма отбитой колонны.

Въ это время Барановъ, бросившись съ своими ротами къ Келенаусскимъ воротамъ, не смотря на сильный огонь, успѣлъ поставить лѣстницы и, подъ градомъ пуль, картечей и камней, а также бросаемыхъ со стѣнъ бревенъ, влѣзъ на первую стѣну, проломалъ ворота и, внеся чрезъ нихъ лѣстницы, скоро влѣзъ и на вторую стѣну. Первымъ былъ здѣсь гвардейской артиллеріи подпоручикъ Мазингъ. Уважаемый отецъ Маловъ и здѣсь, какъ въ Ташкентѣ, шелъ въ переднихъ рядахъ, ободряя людей своимъ примѣромъ. Ворота второй стѣны также были разбиты, и обѣ роты вошли въ городъ. Вслѣдъ за ними направленъ былъ и резервъ Назарова, который, согласно предварительному распоряженію, частію подъ начальствомъ самого Назарова, двинулся прямо въ цитадель, а

частію былъ направленъ для поддержанія колонны Михайловскаго.

При самомъ началѣ штурма Михайловскій получилъ нѣсколько ударовъ въ голову; истекая кровью, онъ не могъ оставаться при войскахъ и вынужденъ былъ сдать начальство штабсъ-капитану Оренбургскаго стрѣлковаго баталіона Бергбоуму. Пользуясь подошедшими подкрѣпленіями и переходомъ черезъ стѣну колонны Баранова, Бергбоумъ возобновилъ штурмъ и на этотъ разъ съ полнымъ успѣхомъ. Всѣ защитники барбета были переколоты штыками; штурмовавшіе вошли на барбетъ, распространились по стѣнамъ, а затѣмъ спустились и въ самый городъ.

Роты Баранова, по занятіи Келенаусскихъ воротъ, двинулись влѣво, вдоль стѣнъ, отдѣливъ часть своихъ людей, вмѣстѣ съ колонною Назарова, двинувшеюся прямо черезъ базаръ къ цитадели. Распространяясь по стѣнамъ влѣво отъ занятыхъ воротъ, колонна Баранова уничтожала вооруженіе верковъ заклепываніемъ и сбрасываніемъ орудій и, постепенно подвигаясь впередъ, соединилась у Коканскихъ воротъ съ оставленною тамъ своею третьею ротою, оказавъ послѣдней содѣйствіе при взломѣ и вторженіи въ Коканскія ворота. Затѣмъ колонна эта, овладѣвъ тамъ 6-ю орудіями, изъ которыхъ одно взято съ бою, продолжала слѣдовать вдоль стѣны, дошла до самой рѣки и на ночь присоединилась къ войскамъ Назарова, успѣвшимъ между тѣмъ занять цитадель и ввести въ нее 2 орудія.

Занявъ стѣны, Бергбоумъ направилъ своихъ людей частію влѣво, къ Келенаусскимъ воротамъ, а частію вдоль рѣки къ цитадели, гдѣ также захватилъ нѣсколько орудій, а на ночь вошелъ въ цитадель. Едва русское „ура“ раздалось въ стѣнахъ Ходжента, какъ полковникъ Краевскій, посадивши съ собою, на находившійся при отрядѣ барказъ, часть своихъ стрѣлковъ, быстро переправился на лѣвый берегъ и, пользуясь суматохою въ городѣ, эскаладировалъ прирѣчную стѣнку и ворвался въ городъ. Захвативъ на пути слѣдованія одно орудіе, Краевскій со стрѣлками прошелъ по нѣсколькимъ улицамъ и, выйдя къ цитадели, засталъ уже тамъ Назарова, а потому переправился обратно на правый берегъ. Колонны, во время движенія по городу, встрѣчали самое ожесточенное сопротивленіе; чтобы очистить скорѣе городъ, вслѣдъ за пѣхотою послана была, по распоряженію Пистолькорса, сотня казаковъ проскакать по городу, а другая, спѣшенная, введена въ городъ на усиленіе пѣхоты. Къ 7 часамъ орудійная стрѣльба въ городѣ совершенно прекратилась и ружейная перестрѣлка начала замѣтно утихать; въ городъ и цитадель введено 10 ротъ, 4 орудія и двѣ сотни казаковъ.

Ночь, какъ въ городѣ, такъ и на позиціи, была проведена со-

вершенно спокойно, а утромъ явились аксакалы съ изъявленіемъ полной и безусловной покорности.

Упорное сопротивленіе защитниковъ стоило имъ одними убитыми около 2,500. Трупы собирались и хоронились въ продолженіе недѣли. Кромѣ того, толпы раненыхъ, на третій же день по занятіи Ходжента, стали являться на нашъ перевязочный пунктъ, съ просьбою о помощи; число ихъ было такъ велико, что при всей неутомимости нашихъ докторовъ, по необходимости, раненые должны были ожидать очереди по нѣсколько дней.

Трофеи наши состояли, кромѣ множества ружей, значковъ, фальконетовъ и другого оружія, изъ 13 орудій и одного большого коканскаго знамени.

У насъ въ продолженіе осады и штурма выбыли изъ строя: убитыми 5, ранеными 65, контуженными 57 и безъ вѣсти пропавшими 6; изъ этого числа—офицеровъ раненъ 1 и контужены 6; всего 133 человѣка.

Ханъ коканскій принялъ, повидимому, безъ непріязни извѣстіе о паденіи Ходжента. Прибывшій 28 числа коканскій посолъ доставилъ письмо Худояръ-хана, который, признавая себя другомъ Бѣлаго Царя, выразилъ надежду, что въ случаѣ вступленія въ коканскіе предѣлы „непріятеля“, мы не оставимъ оказать ему содѣйствіе. Это уже походило на союзъ! Ханъ обѣщалъ также „уважать и любить“ пріѣзжихъ русскихъ „болѣе, чѣмъ своихъ подданныхъ“. Романовскій отвѣчалъ на это письмо дружелюбно, но предложилъ хану слѣдующія условія: 1) чтобы партіи коканцевъ не переправлялись на правый берегъ Сыра; 2) чтобы русскимъ купцамъ не дѣлалось никакихъ стѣсненій и пошлина взималась только въ размѣрѣ $^1/_{40}$ части; 3) не принимать перебѣжчиковъ и преступниковъ, а выдавать ихъ; 4) покровительствовать сплаву плотовъ лѣса и дровъ по Дарьѣ.

Коканцы видѣли, что большая часть ихъ ханства уже перешла въ наши руки, видѣли, что грозныя тучи надвигаются все болѣе и болѣе, чуяли близость окончательнаго погрома и потому притихли. Притихли они какъ разъ во-время: Крыжановскій только и ждалъ серьезнаго повода, чтобы овладѣть и послѣднимъ остаткомъ ханства—прекрасною долиною верховій Сыръ-Дарьи. Мелкія партіи коканцевъ, грабившія въ Зачирчикскомъ краѣ свою же братію сартовъ и таджиковъ, а разъ даже напавшія на партію нашего золотопромышленника Колесникова, нельзя было, по справедливости, поставить въ вину хану, ибо онъ и самъ не могъ съ ними справиться, да если бы мы и сочли это за поводъ къ дальнѣйшей войнѣ, то все равно не имѣли средствъ вести ее, а главное, удержать за собою территоріальныя пріобрѣтенія. Послѣ занятія Ходжента послана была сотня казаковъ, подъ командою сотника Волжинцева, по дорогѣ къ Кошъ-рабатскому

ущелью. Близъ селенія Мулла-Миръ, отрядъ былъ встрѣченъ коканцами, которые обращены въ бѣгство и потеряли 4 орудія. Вслѣдъ затѣмъ Худояръ-хану предложено было вступить въ переговоры. Тѣмъ не менѣе Крыжановскій просилъ военнаго министра (рапортъ отъ 5 сентября 1866 г., № 514) прислать къ іюню 1867 г. два баталіона, чтобы осенью покончить съ ханствомъ и съ войною. Виды Крыжановскаго на Коканъ шли совершенно въ разрѣзъ съ инструкціей, запрещавшей завоеванія.

Во второй половинѣ іюля было получено Романовскимъ предписаніе „принять относительно Кокана тонъ высокій, третировать Худояръ-хана, какъ человѣка, который, по положенію своему, долженъ быть вассаломъ Россіи. Если обидится и будетъ дѣйствовать противу насъ,—говорилось въ письмѣ,—тѣмъ лучше, это дастъ предлогъ покончить съ нимъ“.

Въ предписаніи отъ 15 сентября 1866 г., писано: „для соображеній вашихъ при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ относительно Кокана, прошу ваше превосходительство принять слѣдующія общія начала: рано или поздно весь остатокъ Коканскаго ханства до хребта горъ Тянь-Шань долженъ будетъ перейти подъ русское владычество...

„Вслѣдствіе сего не должно быть заключено съ Коканомъ никакого формальнаго мирнаго договора, могущаго связать наши дальнѣйшія дѣйствія, но было бы полезно продлить съ нимъ переговоры до того времени, пока силы наши дозволятъ окончательное завоеваніе этой области. Приходъ коканскихъ каравановъ можетъ быть допущенъ“.

Слѣдуя такой политикѣ, мы дѣйствительно тянули переговоры, и только съ перемѣной руководителей, а слѣдовательно и съ перемѣной взглядовъ дѣла пошли иначе.

Джизакскій-бекъ также прислалъ своего посланца еще въ день прихода отряда къ Ходженту, но Романовскій отказался самъ принять его, пока не будутъ возвращены наши чиновники. Черезъ 10 дней, т. е. уже по взятіи Ходжента, прибылъ одинъ изъ задержанныхъ въ Бухарѣ офицеровъ хорунжій Герасимовъ, съ посломъ отъ эмира. На письмо же бека, просившаго отъ имени эмира обѣщанія не предпринимать ничего собственно противъ бухарскихъ владѣній, Романовскій отвѣчалъ, что въ Ташкентъ ожидается самъ оренбургскій генералъ-губернаторъ, который и будетъ вести переговоры о мирѣ.

Въ видѣ же предварительныхъ условій, Романовскій предложилъ: а) признать за нами всѣ сдѣланныя нами въ послѣдніе годы пріобрѣтенія и принять за границу Голодную степь и пески Кизилъ-Кумъ; б) сократить пошлины съ русскихъ товаровъ до тѣхъ же размѣровъ, въ какихъ взимаются онѣ у насъ съ бухарскихъ продуктовъ; в) предоставить полную свободу и безопасность

пріѣзжающимъ въ Бухару всѣмъ вообще нашимъ подданнымъ и г) уплатить намъ, сверхъ того, всѣ военные расходы за послѣднюю экспедицію. Для прекращенія же военныхъ дѣйствій требовалось настоятельно немедленное освобожденіе всѣхъ нашихъ купцовъ съ ихъ товарами, причемъ обѣщано ходатайствовать о безотлагательномъ освобожденіи бухарскихъ подданныхъ въ Оренбургѣ.

Посольство наше было тотчасъ отпущено.

Вслѣдъ затѣмъ эмиръ отпустилъ и всѣхъ задержанныхъ имъ купцовъ нашихъ, возвративъ имъ ихъ товары.

Одновременно съ веденіемъ переговоровъ необходимо было озаботиться безотлагательно пріисканіемъ средствъ для обезпеченія находившихся на передовой линіи отрядовъ и на производство инженерныхъ построекъ, на что также ассигновокъ еще не было получено изъ Оренбурга. Мѣстные доходы, составлявшіе съ одного Ташкента 35,000, были уже израсходованы, оставалось только 822 р. 1 1/2 к. Затѣмъ никакихъ другихъ источниковъ не имѣлось. Въ расходномъ же отдѣленіи въ это время имѣлась весьма достаточная сумма, съ избыткомъ обезпечивавшая войска жалованьемъ и довольствіемъ.

Крайность обстоятельствъ вынудила Романовскаго составить комитетъ изъ всѣхъ лицъ, причастныхъ къ расходованію суммъ, какъ-то: интенданта, начальника расходнаго отдѣленія и прибывшихъ въ край, для введенія новыхъ кассовыхъ и контрольныхъ правилъ, чиновниковъ министерства финансовъ и государственнаго контроля, и предложить имъ отступить на этотъ разъ отъ вводимыхъ правилъ и выдать изъ расходнаго отдѣленія на неотложные расходы, заимообразно, потребную сумму до полученія ассигновокъ. Не говоря уже о необходимости немедленно обезпечить дѣйствовавшіе отряды, слѣдовало также поторопиться и инженерными постройками, иначе войска могли бы остаться на зиму безъ помѣщеній. Въ комитетѣ рѣшено было: возложивъ на отвѣтственность военнаго губернатора такое, вынужденное обстоятельствами отступленіе отъ правилъ, допустить выдачу заимообразно—впредь до полученія требовавшихся суммъ, и донести о томъ генералъ-губернатору, а каждому изъ членовъ своему соотвѣтственному начальству. То же дѣлалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ и Черняевъ, только онъ никакихъ комитетовъ не собиралъ, а все принималъ на свою отвѣтственность.

Успѣхи наши надъ бухарцами произвели на подданныхъ намъ туземцевъ весьма замѣтное впечатлѣніе: народъ какъ будто бы успокоился и повеселѣлъ, точно избавившись отъ страха за свою участь. Настроеніе умовъ лучшей части населенія прекрасно выразилось въ адресѣ жителей Ташкента, поданномъ 24 мая, по поводу неудавшагося покушенія на жизнь императора Александра II,

4 апрѣля 1866 года, о чемъ представители народа узнали на церковномъ парадѣ, при которомъ присутствовали. Своеобразный языкъ восточнаго краснорѣчія заслуживаетъ, чтобы привести здѣсь выдержки изъ адреса. Вотъ его начало: „Бѣлому Царю, да увеличитъ Господь милость Свою къ нему.

„Перлу христіанскихъ государей и царю всѣхъ царей, исповѣдующихъ вѣру Іисуса, мудрому законодателю, завоевателю народовъ и царствъ, источнику спокойствія и благоденствія, руднику милостей и благосклонности и величайшему изъ императоровъ“.

А вотъ конецъ:

„По сему случаю мы всѣ, богатые и бѣдные, ученые и безграмотные, сироты и чужеземцы, по примѣру прочихъ подданныхъ великаго царства Вашего, поспѣшаемъ заявить Вашему Величеству наше безграничное удовольствіе о спасеніи жизни Вашей, о продолженіи которой на многія лѣта, на пользу всеобщую, мы непрестанно возсылаемъ мольбы наши Всевышнему. Молитвы наши безконечны, ибо, благодаря Вашему высокому покровительству, мы достигаемъ полнаго благополучія: хлѣбопашецъ спокоенъ на своей пашнѣ, купецъ въ дорогѣ и лавочникъ на базарѣ, нисколько не опасаясь подъ благотворной тѣнью Вашего Величества, ни внѣшняго, ни внутренняго врага“.

Къ адресу приложены 67 печатей наиболѣе вліятельныхъ лицъ туземнаго населенія.

Примѣру ташкентцевъ послѣдовали и послы кашмирскаго Магараджи Ренбирсинга.

„На дняхъ услыхали мы,—писали индусы,—что одинъ проклятый злоумышленникъ выстрѣлилъ въ ваше величество изъ пистолета и что Всемилосердый Господь особу вашу спасъ отъ смерти.

Надѣемся, что если бы цѣлая тысяча подобныхъ негодяевъ дала залпъ изъ ружей, то и тогда бы ни одна пуля не задѣла высокой особы вашей, ибо подъ сѣнью вашего величества столько тысячъ ляковъ *) народа, ежеминутно возносящаго молитвы о здравіи и благоденствіи своего милосердаго повелителя“.

Эта безъискуственная рѣчь представителей одного изъ индійскихъ владѣній будетъ служить лучшимъ памятникомъ того обаянія, какимъ пользуется имя нашего августѣйшаго монарха въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Азіи.

Весь іюнь мѣсяцъ прошелъ совершенно спокойно. Свѣдѣнія же, получавшіяся изъ Бухары и Кокана, были также какъ нельзя болѣе удовлетворительны.

Въ то же время получено было письмо отъ Крыжановскаго

*) Лякъ = 100,000.

изъ Петербурга, писанное тотчасъ по полученіи тамъ извѣстія объ Ирджарской побѣдѣ и когда еще неизвѣстны были результаты дальнѣйшихъ дѣйствій. Крыжановскій весьма положительно настаивалъ на необходимости занять Ходжентъ до заключенія мира съ Бухарою. Ясно было изъ этого, что уже совершившійся между тѣмъ фактъ занятія Ходжента не противорѣчилъ правительственнымъ видамъ.

Теперь слѣдовало уже озаботиться устройствомъ внутренняго управленія въ краѣ и увеличеніемъ мѣстныхъ доходовъ. Задача была тѣмъ труднѣе, что приходилось со льготъ, дарованныхъ по ходатайству Черняева, переводить населеніе къ отправленію повинностей и къ платежу податей, а первый же шагъ въ этомъ направленіи сталкивалъ администрацію съ шаріатомъ и, слѣдовательно, съ мусульманскимъ духовенствомъ, вліяніе котораго было впрочемъ уже ослаблено послѣдними нашими успѣхами.

Мѣстные доходы собственно Туркестанской области, безъ Ташкента и Ходжента, по Высочайшей волѣ были отнесены къ общимъ государственнымъ доходамъ и должны были полностію поступать въ мѣстное расходное отдѣленіе. Доходы же съ остальной части края, какъ не вошедшей еще въ составъ имперіи, повелѣно было считать экстраординарными доходами, распоряженіе которыми предоставлялось военному губернатору подъ наблюденіемъ оренбургскаго генералъ-губернатора. Льготы окончились въ 1866 году, и такъ какъ, независимо отъ экономическихъ соображеній, дарованіе подобныхъ льготъ было скорѣе вредно, нежели полезно, то на будущее время принято было подати взимать со дня занятія территоріи нашими войсками.

Для дѣйствительнаго примѣненія вышедшаго въ концѣ 1865 г. новаго положенія для Туркестанской области, администрація не имѣла почти никакихъ средствъ, вслѣдствіе крайнаго недостатка лицъ, подготовленныхъ для службы по народному управленію. Такъ, въ концѣ марта, на 15 должностей имѣлось только 8 служащихъ, да и то 6 изъ нихъ были взяты изъ фронта. Прекращеніе военныхъ дѣйствій давало возможность, безъ вреда дѣлу, взять изъ фронта еще нѣсколько вполнѣ надежныхъ офицеровъ, готовыхъ служить по народному управленію.

Для скорѣйшаго и болѣе основательнаго ознакомленія съ новымъ краемъ, образованъ былъ статистическій комитетъ.

Сформировавшееся въ концѣ 1865 г., областное интендантство успѣло уже возстановить нѣкоторую правильность въ текущихъ расходахъ.

Извѣстный адресъ, представленный въ 1865 году оренбургскому генералъ-губернатору жителями г. Ташкента, ясно указывалъ, къ чему стремилось тамошнее духовенство и въ особенности глава его казы-келянъ,

Встрѣтивъ въ Романовскомъ не весьма благосклоннаго начальника, казы-келянъ сдѣлался вообще скромнѣе, уже менѣе прежняго вмѣшивался въ дѣла завѣдывавшаго населеніемъ и въ сношеніяхъ съ губернаторомъ перемѣнилъ надменный тонъ въ заискивающій. При всемъ томъ, значеніе его было все еще весьма велико: раздавъ главнѣйшія духовныя и судейскія мѣста своимъ ближайшимъ родственникамъ и соединяя въ своемъ лицѣ, вмѣстѣ съ правами главы духовенства, права главнаго судьи по дѣламъ гражданскимъ, ташкентскій казы-келянъ, конечно, могъ причинить намъ весьма много хлопотъ.

Не рискуя выслать казы-келяна изъ края изъ опасенія породить неудовольствія въ толпѣ его родственниковъ и приверженцевъ, которые легко могли выставить сосланнаго страдальцемъ за религіозныя убѣжденія, Романовскій придумалъ другую мѣру, которая не разъ уже употреблялась, какъ нами, такъ и другими въ подобныхъ же обстоятельствахъ, и всегда съ успѣхомъ.

Рѣшено было устроить въ Ташкентѣ особыя судебныя мѣста мехкеме, на подобіе кавказскихъ, введенныхъ впервые при А. П. Ермоловѣ и получившихъ наибольшее развитіе при князѣ Барятинскомъ. Нигдѣ и никогда мехкеме не возбуждали фанатизма туземцевъ, такъ какъ разбирательство совершается при участіи ихъ же духовенства, но совмѣстно съ выборными отъ народа и въ присутствіи чиновника отъ правительства.

Собравъ вліятельнѣйшихъ изъ народа и растолковавъ имъ сущность нововведенія, Романовскій поручилъ имъ узнать мнѣніе самого народа. Оказалось, что народъ весьма скоро понялъ выгоды новаго учрежденія и даже нашелъ въ немъ много сходнаго съ существовавшими у нихъ когда-то порядками.

Не ранѣе однакожъ, какъ черезъ два мѣсяца, приступлено было къ устройству мехкеме, торжество открытія котораго отложено было до пріѣзда Крыжановскаго, хотя разборъ дѣлъ по новому порядку производился уже недѣли за три до этого пріѣзда. Мехкеме состояло изъ предсѣдателя (чиновника, завѣдывавшаго населеніемъ), трехъ членовъ изъ туземцевъ, по выбору населенія, и казы.

Мѣры внутренняго управленія завершились учрежденіемъ городского комитета и устройствомъ въ Ташкентѣ русской начальной школы для дѣтей обоего пола.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ возможности и средствъ, главныя, наиболѣе насущныя потребности удовлетворялись. Въ то же время, т. е. въ концѣ іюня, были получены извѣстія, что средства, требовавшіяся на покрытіе всѣхъ военныхъ расходовъ, уже ассигнованы и должны прибыть въ скоромъ времени, и что для приведенія въ порядокъ счетной части за прежнее время изъ Петербурга командируется особая коммиссія.

Потребность уплаты правительственныхъ долговъ, составившихся преимущественно изъ недопуска денежнаго довольствія за время военныхъ дѣйствій 1864, 1865 и 1866 годовъ, была тѣмъ неотлагательнѣе, что вмѣстѣ съ кредитомъ военно-служащихъ падалъ и кредитъ правительства. Поставщики провіанта и перевозочныхъ средствъ также терпѣли отъ оскудѣнія средствъ ташкентскаго расходнаго отдѣленія.

Для приведенія въ извѣстность цифры правительственныхъ долговъ, а также для возстановленія порядка въ отчетности за прежнее время, была командирована отъ военнаго министерства особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ полковника Быкова, работавшая въ теченіе двухъ лѣтъ. Затѣмъ, въ сентябрѣ 1867 г. учреждена была особая ликвидаціонная коммиссія для уплаты безспорныхъ долговъ правительства какъ служащимъ, внесеннымъ въ списки кредиторовъ казны, такъ и туземцамъ по безспорнымъ документамъ и обязательствамъ съ казною. Ликвидаціонный фондъ состоялъ изъ 502,111 р. 90 к.

Коммиссія, съ нѣкоторыми перерывами, работала до іюля 1872 г. и уплатила всего 294,965 р. $2^{3}/_{4}$ к. *). Кромѣ того, въ обезпеченіе могущей требоваться уплаты долговъ правительства по позаимствованіямъ изъ суммъ частной корреспонденціи, оставлена депозитомъ 20,237 р. $74^{3}/_{4}$ к. и, наконецъ, внесено еще въ кредиторскій списокъ 1902 р. $91^{1}/_{4}$ к.

Такимъ образомъ весь долгъ правительства опредѣлился цифрою 317,105 р. $68^{3}/_{4}$ к. Завоеваніе обширнаго края обошлось, какъ видно, весьма не дорого...

Нельзя не отдать должной справедливости членамъ ликвидаціонной коммиссіи и въ особенности послѣднему предсѣдателю ея, полковнику фонъ-Мейеру, на долю котораго выпала нелегкая задача разбора и удовлетворенія сомнительныхъ претензій **).

---

*) Въ томъ числѣ однимъ войскамъ и управленіямъ уплачено было 197,650 р. $73^{1}/_{4}$ коп., а вѣдь это—недоданное содержаніе! По этой цыфрѣ легко себѣ представить, какъ исправно дѣйствовали оренбургская и томская комиссаріатскія коммиссіи!

**) Изъ 193,726 р. $80^{1}/_{4}$ к., заявленныхъ фонъ-Мейеру, признаны справедливыми и подлежащими удовлетворенію только 49,218 р. $43^{3}/_{4}$ к.

ГЛАВА XIII.

Рекогносцировка верховій р. Чирчика. Виды генерала Крыжановскаго на Коканъ. Пріѣздъ Крыжановскаго въ Ташкентъ. Война все равно съ кѣмъ. Принятіе завоеванныхъ мѣстностей въ подданство Россіи. Переговоры съ Бухарою. Осада и штурмъ Ура-Тюбе 2 октября 1866. Случай съ лѣстницей. Назаровъ и гвардейцы. Причины большой потери въ нашихъ рядахъ. Движеніе къ Джизаку. Рекогносцировка. Осадныя работы. Дѣятельность гарнизона. Почему штурмъ назначенъ не на разсвѣтѣ, а въ полдень? Случай съ уланомъ Кузьминскимъ. Добыча, взятая въ Джизакѣ. Отъѣздъ генераловъ Крыжановскаго и Романовскаго. Назначеніе ген.-ад. ф.-Кауфмана Золотая книга.

Въ концѣ іюня посланъ былъ отрядъ подъ начальствомъ штабсъ-ротмистра Шауфуса, для изслѣдованія р. Чирчика.

Съ 27 іюня по 20 іюля отрядъ находился въ постоянномъ движеніи, дѣлая трудные переходы въ горахъ по узкимъ тропинкамъ, едва доступнымъ для одиночныхъ людей. Шауфусъ имѣлъ порученіе, кромѣ вырубки лѣса, въ случаѣ, если таковой окажется, произвести еще съемку между Ніязбекомъ и укр. Намъ на Чирчикѣ, куда доходилъ еще въ 1863 г. маіоръ Лерхе.

Чтобы обозрѣть большее пространство, отрядъ, для обратнаго слѣдованія, выбралъ новый путь на р. Пскентъ (притокъ Чирчика), по которому и направился 11 іюля.

Между тѣмъ, бродившая около Намангана, шайка Анарбая, узнавъ объ удаленіи нашего отряда, напала на развѣдочную партію золотопромышленника Колесникова, который, видя дружественныя заявленія мѣстныхъ киргизъ и считая край уже внѣ всякой опасности отъ нападенія, выслалъ партію верстъ на 30 отъ отряда; партія эта состояла изъ нѣсколькихъ киргизъ и 3-хъ русскихъ рабочихъ, изъ которыхъ два были захвачены Анарбаемъ.

Забранные плѣнные были однакоже вскорѣ возвращены въ Ташкентъ, по распоряженію коканскаго хана, который при этомъ еще одарилъ ихъ деньгами и халатами.

Во второй половинѣ іюля былъ полученъ отвѣтъ Крыжановскаго на предложенія относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Не ограничивая своихъ видовъ занятіемъ Намангана, Крыжановскій находилъ нужнымъ занять все Коканское ханство и распространить наши предѣлы до Небесныхъ горъ и Болорскаго хребта, къ чему намѣревался приступить безотлагательно, по приходѣ подкрѣпленій и по своемъ прибытіи въ край. Въ этихъ видахъ онъ предлагалъ Романовскому „принять относительно Кокана

тонъ высокій, третировать Худояръ-хана, какъ человѣка, который, по положенію своему, долженъ быть вассаломъ Россіи. Если обидится и будетъ дѣйствовать противу насъ,—говорилось въ письмѣ,—тѣмъ лучше, это дастъ предлогъ покончить съ нимъ".

Относительно эмира было сказано, что „побивъ его такъ, какъ вы его побили, надо отъ него всего требовать, не уступая ему ни въ чемъ". Поэтому задержанные бухарцы изъ Оренбурга на Сыръ-Дарью отпущены не были, подъ предлогомъ, что изъ Сыръ-Дарьинскихъ фортовъ они легко могутъ бѣжать.

Въ половинѣ августа Крыжановскій, наконецъ, прибылъ въ Ташкентъ, торжественно встрѣченный всѣмъ населеніемъ, причемъ почетные жители, отъ имени всѣхъ прочихъ, поднесли хлѣбъ-соль и представили адресъ, въ которомъ вновь настоятельно просили о принятіи города въ русское подданство.

Имѣя предварительныя уполномочія отъ его величества на случай новыхъ настоятельныхъ просьбъ жителей о принятіи ихъ въ русское подданство, генералъ-губернаторъ призналъ возможнымъ объявить имъ на базарахъ чрезъ глашатаевъ объ этомъ принятіи. Вслѣдъ затѣмъ съ подобными же настоятельными просьбами обратились къ генералъ-губернатору жители Зачирчикскаго края, Ходжента и другихъ мѣстностей,—и такимъ образомъ всѣ занятыя нами по май 1866 г. части, до Ходжента и Нау включительно, поступили навсегда въ подданство Россіи.

Объявленіе жителямъ по этому поводу сдѣлано съ приличною торжественностію, въ день тезоименитства Государя Императора, 30 августа, и въ тотъ же день, съ тою же торжественностію, въ въ Ташкентѣ открыто мехкеме. Крыжановскій остался какъ нельзя болѣе доволенъ дѣятельностію Романовскаго и въ письмѣ къ военному министру (отъ 5 сентября 1866 г. № 514) выразился о его трудахъ такъ: „хаосъ, оставленный генераломъ Черняевымъ, начинаетъ понемногу проясняться".

Между тѣмъ, тотчасъ по прибытіи Крыжановскаго, войскамъ приказано было стягиваться къ Ходженту. Крыжановскій собирался захватить Наманганъ или Коканъ, а если можно, то оба города. Въ письмѣ къ военному министру отъ 18 августа, онъ увѣрялъ его, будто Романовскій доложилъ ему, „что коканскій ханъ ведетъ себя относительно насъ недружелюбно", что поэтому онъ собирается „занять Коканъ или Наманганъ, или то и другое", и проситъ, кромѣ выданныхъ уже 50,000, выслать еще 200,000 рублей. Романовскій ничего подобнаго не докладывалъ насчетъ коканскаго хана и, не желая прослыть лгуномъ, просилъ объ отчисленіи... Крыжановскій очутился бы въ неловкомъ положеніи, а потому придрался къ бухарцамъ и рѣшилъ воевать уже съ ними. На этомъ генералы помирились...

Въ первыхъ же числахъ сентября въ Ходжентъ прибыло посольство отъ эмира, изъявившее полную готовность исполнить всѣ наши требованія. Но когда бухарцамъ предъявлено было требованіе контрибуціи, то посолъ сначала отвѣчалъ уклончиво, ссылаясь на неимѣніе по этому предмету уполномочій, а затѣмъ просилъ снисхожденія. Не для того, конечно, тревожился Крыжановскій пріѣздомъ за 2,000 верстъ, чтобы еще разъ вернуться ни съ чѣмъ... Уступки были немыслимы. Къ этому надобно прибавить, что Крыжановскій былъ оскорбленъ лично ничтожностію присланныхъ эмиромъ подарковъ. Въ письмѣ къ князю Горчакову (отъ 8 декабря 1866 г. № 639) онъ такъ отзывался объ этомъ обстоятельствѣ: „изъ подарковъ, привезенныхъ посланцемъ отъ эмира, какъ мнѣ, такъ и генералу Романовскому, заключавшихся въ нѣсколькихъ кускахъ канаусу, можно было явно видѣть его самообольщеніе и желаніе показать свое превосходство и презрѣніе къ намъ“. Этого, конечно, спустить уже было нельзя. Крыжановскому было все равно, съ кѣмъ ни воевать, и вотъ, 5 сентября, т. е. ранѣе окончанія переговоровъ съ посломъ и за 15 дней до срока, еще не назначеннаго и, значитъ, послу еще неизвѣстнаго, онъ пишетъ министру, что идетъ брать Ура-Тюбе и Джизакъ, т. е. идетъ воевать совершенно съ другимъ государствомъ, чѣмъ предполагалъ 2 недѣли назадъ! О причинахъ такой перемѣны онъ однако умолчалъ...

Послу было объявлено 13 сентября, что если въ продолженіе 10 дней контрибуція не будетъ доставлена, то военныя дѣйствія возобновятся. Задача была задана невозможная; доѣхать верхомъ до Бухары и вернуться назадъ, да еще съ грузомъ звонкой монеты, въ 10 дней, конечно, нельзя *) и, значитъ, мы заранѣе знали, что бухарцы заплатятъ неустойку.

Десятидневный срокъ оканчивался 23 сентября, и потому дѣйствующій отрядъ выступилъ изъ Ходжента еще 20 числа, чтобы къ концу срока быть уже на границѣ. Въ составѣ отряда были $19^1/_2$ ротъ пѣхоты, 5 сотенъ казаковъ съ ракетною командою, 16 пѣшихъ, 8 конныхъ орудій и 4 полупудовыхъ мортиры. Роты были впрочемъ весьма жидкаго состава. Войска имѣли при себѣ двойной комплектъ артиллерійскихъ снарядовъ и $1^1/_2$ комплекта патроновъ, инженерный паркъ и провіанта на 15 дней, но, при замѣнѣ половинной дачи сухарей полуфунтомъ мяса, это обезпечивало отрядъ на мѣсяцъ. Походный лазаретъ былъ снабженъ, на случай учрежденія новыхъ госпиталей, медицинскими запасами на четыре мѣсяца. Всѣ эти тяжести, а также спиртъ, крупа, ячмень, полушубки и прочее, подняты были, кромѣ казенныхъ фуръ, на 600 арбахъ и 800 верблюдахъ.

*) Отъ Ходжента до Бухары считается $495^3/_4$ верстъ, а въ оба конца значитъ, $991^1/_2$ верстъ.

Послѣ дневки въ укрѣпленіи Нау, присоединивъ къ себѣ роту изъ его гарнизона, отрядъ 22 числа двинулся далѣе и, не доходя 12 верстъ до Ура-Тюбе, расположился лагеремъ при с. Науганды, откуда начинается уже предгорная равнина, надъ которою господствуетъ крѣпость Ура-Тюбе.

23 сентября былъ высланъ, для рекогносцировки крѣпости, довольно сильный отрядъ изъ 3 сотенъ казаковъ, 7 ротъ пѣхоты, при 8 орудіяхъ и 8 ракентыхъ станкахъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, которому приказано было, предварительно открытія огня по крѣпости, войти въ переговоры съ ура-тюбинскимъ бекомъ.

Хотя съ приближеніемъ къ крѣпости войска наши и были встрѣчены пальбой, но, исполняя въ точности полученное приказаніе, графъ Воронцовъ-Дашковъ не отвѣчалъ на выстрѣлы и послалъ въ городъ джигита съ письмомъ, требовавшимъ сдачи. Джигитъ нашъ чуть не былъ убитъ выѣхавшимъ на встрѣчу бухарцемъ, который, передавая отвѣтное письмо, быстро выхватилъ саблю изъ ноженъ и ударилъ джигита, но тотъ ловко увернулся отъ удара, закрывшись нагайкой. Сабля только слегка задѣла кисть его руки, разрубивъ нагайку пополамъ.

Вѣроломный поступокъ этотъ развязывалъ намъ руки: батареи тотчасъ были выдвинуты и открыли огонь, а состоявшіе при отрядѣ офицеры генеральнаго штаба обошли сѣверный и западный фасы и собрали довольно полныя свѣдѣнія о положеніи города и крѣпостныхъ верковъ.

Въ послѣдующіе три дня, подъ личнымъ начальствомъ самого Крыжановскаго, произведено было нѣсколько болѣе подробныхъ осмотровъ крѣпости и города.

Изъ собранныхъ такимъ образомъ данныхъ оказалось, что городъ Ура-Тюбе довольно великъ и разбросанъ и имѣетъ приблизительно фигуру четыреугольника. Городъ обнесенъ двумя высокими стѣнами, протяженіемъ до 6 верстъ. Сильнѣйшимъ пунктомъ была сѣверная сторона, на трехъ крутыхъ высотахъ. Тутъ примыкала и цитадель, господствующая надъ всѣмъ городомъ; самою же доступною частью оказалась южная сторона, не имѣвшая впереди себя никакихъ естестественныхъ преградъ. Южные верки, окруженные садами, подходящими во многихъ мѣстахъ къ самой стѣнѣ, давали сверхъ того и болѣе возможности скрытно заложить брешь-батарею, а также подвести войска для штурма. Начальникъ артиллеріи Оренбургскаго военнаго округа генералъ-маіоръ Кондратьевъ предложилъ воспользоваться услугами нашей многочисленной (относительно) артиллеріи, приготовивъ для штурмовыхъ колоннъ обвалы въ стѣхахъ.

Надобно замѣтить, что до этого времени, сколько ни взято нами крѣпостей, обвалы въ стѣнахъ ни разу не пробивались. Су-

ществовало даже твердое убѣжденіе, что глиняныя стѣны бухарскихъ и коканскихъ крѣпостей представляютъ такое сопротивленіе нашимъ снарядамъ, что производство обваловъ невозможно. Примѣромъ приводили осаду Ніазбека, стоившую намъ множества снарядовъ, совершенно задаромъ потраченныхъ. Осада крѣпостей производилась поэтому въ первобытной и безхитростной формѣ, уступавшей даже способамъ, употреблявшимся во время троянской войны.

Единственнымъ вспомогательнымъ средствомъ служили штурмовыя лѣстницы: по нимъ спускались въ ровъ, по нимъ взбирались изо рва на берму и затѣмъ штурмовали стѣну. Понятна вся опасность и рискованность подобной операціи: два человѣка въ рядъ наверху лѣстницы противъ цѣлой толпы враговъ, привлеченныхъ штурмомъ, немного могли сдѣлать своимъ оружіемъ, когда имъ еще надобно держаться за лѣстницу и карабкаться на стѣну.

При этомъ бывали и такіе случаи, что длинныя, трехъ или пятисаженныя штурмовыя лѣстницы оказывались недостаточно длинными. Огромныя профили здѣшнихъ стѣнъ, а иногда и отсутствіе бермы дѣлаетъ подобную случайность весьма возможною. Въ послѣднемъ случаѣ лѣстницу придется приставлять къ стѣнѣ прямо со дна рва, и можно себѣ представить отчаянное положеніе штурмовой колонны, спустившейся въ ровъ и тутъ только увидѣвшей, что лѣстницы ея не хватаютъ до верху стѣны, по крайней мѣрѣ, на сажень!

Закрыться нечѣмъ, а между тѣмъ сверху сыплются глиняныя глыбы (кисяки), камни, бревна, пули, а не то льется и горячая смола.

Намъ кажется, что ужъ если азіятскія крѣпости ничѣмъ не отличаются отъ первобытныхъ, а ихъ вооруженіе и защита оказываются мало успѣвшими со времени троянской войны, то, конечно, задумываться долго передъ ними не стоитъ, но это не исключаетъ обязанности позаботиться о предохраненіи штурмующихъ отъ совершенно напрасной потери. Какіе-нибудь щиты отлично бы прикрывали головы отъ летящихъ сверху камней,—да и лѣстницы, въ сущности, роскошь: при нападеніи на нашъ гарнизонъ въ самаркандской цитадели сарты умѣли обходиться и безъ лѣстницъ, взлѣзая, какъ кошки, при помощи подвязанныхъ къ рукамъ и ногамъ желѣзныхъ лапъ съ когтями. Здѣшнія глиняныя постройки, высыхая, всегда даютъ трещины, а для когтей ничего больше и не надо.

Обвалъ, дающій возможность идти на штурмъ широкимъ фронтомъ, конечно, есть уже усовершенствованіе, но многіе дѣятели среднеазіатской борьбы считаютъ ихъ слишкомъ большою тонкостію, годною развѣ только въ европейской войнѣ. Забываютъ

они, что первый штурмъ Ташкента 2 октября 1864 г. былъ отбитъ съ большою для насъ потерею только изъ-за того, что стѣна оказалась цѣлою. Одна изъ колоннъ, штурмовавшихъ Ходжентъ, была отбита и потеряла 80 человѣкъ только потому, что штурмовыя лѣстницы не хватали до верху. При такой страшной несоразмѣрности силъ, какая существовала и будетъ существовать въ среднеазіятскихъ войнахъ между нами и непріятелемъ, каждый напрасно потерянный человѣкъ, каждая лишняя капля русской крови составляютъ невознаградимую потерю: у насъ нѣтъ лишнихъ людей! Вглядъ этотъ не всѣми однакоже раздѣлялся, и потому на совѣтѣ рѣшено было пустить на штурмъ четыре колонны: двѣ по брешамъ и двѣ по лѣстницамъ. Если это былъ опытъ, то дорого онъ намъ обошелся!

Къ 27 числу войска, сообразно составленному плану осады, распредѣлились вокругъ крѣпости.

Главныя силы, въ составѣ 11 ротъ пѣхоты и одной сотни казаковъ, при 10 орудіяхъ, со всѣмъ вагенбургомъ, подъ начальствомъ полковника Мантейфеля, расположились на дорогѣ въ Джизакъ.

Въ верстѣ впереди, ближе къ юго-западному углу, скрытно за высотами, расположенъ былъ авангардъ изъ 4 ротъ пѣхоты, 3 сотенъ казаковъ, при 4 орудіяхъ и 6 ракетныхъ станкахъ подъ начальствомъ графа Воронцова-Дашкова; особый же отрядъ, назначенный для дѣйствій съ сѣверной стороны, въ составѣ 5 ротъ пѣхоты, команды саперъ, сотни казаковъ, при 6 орудіяхъ и 2 ракетныхъ станкахъ подъ начальствомъ ротмистра Баранова, остался на ходжентской дорогѣ, также за высотами.

27 и 28 числа производились самыя подробныя рекогносцировки стѣнъ для выбора пунктовъ атаки и мѣстъ для брешь-батарей, по возможности ближе къ крѣпостной оградѣ.

Въ ночь съ 29 на 30 сентября рѣшено было заложить траншеи и построить двѣ брешь-батареи. 30 числа разсчитывали пробить бреши и на разсвѣтѣ 1 октября штурмовать городъ. Штурмъ предположено было произвести не одновременно всѣми четырьмя колоннами, а сначала думали пустить двѣ колонны по обваламъ, чтобы тѣмъ облегчить болѣе трудную задачу колоннъ, назначенныхъ штурмовать по лѣстницамъ.

Чтобы помочь заложенію брешь-батарей, произведено было съ южной стороны усиленное бомбардированіе и сдѣланы фальшивыя атаки: кавалеріею съ ракетною командою на юго-восточный уголъ, а небольшими колонами пѣхоты, при 3 орудіяхъ, противъ западнаго фаса и сѣверо-западнаго угла. Однакоже большой, трудный обходъ, который пришлось сдѣлать колоннѣ Баранова задержалъ ее такъ, что она могла бы приступить къ работѣ не ранѣе полуночи и, значитъ, къ разсвѣту батарея не была бы окон-

чена; поэтому работа была отложена до слѣдующей ночи. Чтобы помочь заложенію батареи и отвлечь вниманіе непріятеля, Романовскій направилъ 3 сотни кавалеріи съ 6 ракетными станками и небольшую часть пѣхоты съ однимъ орудіемъ на сѣверо-западный уголъ крѣпости и поручилъ полковнику Пистолькорсу произвести съ этими войсками усиленную демонстрацію.

Благодаря этому маневру, заложеніе брешь-батарей противъ сѣверо-восточнаго фронта совершилось вполнѣ счастливо. Какъ только началось дѣйствіе ракетъ колонны полковника Пистолькорса, колонна Баранова, заранѣе построенная въ ближайшей лощинѣ, спустилась къ мѣсту, избранному для устройства брешь-батарей на холмѣ, въ 90 саженяхъ отъ крѣпости. По окончаніи всѣхъ предварительныхъ распоряженій, когда уже началась отрывка земли, непріятель замѣтилъ работу и открылъ огонь, но не замедлилъ этимъ нашихъ работъ.

Темень однакоже была такова, что при трассировкѣ батареи, инженеры долго принимали небольшой бугоръ впереди батареи за крѣпостную стѣну. Батарею совсѣмъ уже начали строить противъ этого пригорка, когда ошибку замѣтилъ одинъ изъ зоркихъ офицеровъ, и туры пришлось передвинуть впередъ на нѣсколько саженъ. Сообщеніе батареи было устроено въ сухомъ арыкѣ, послужившемъ прекрасною траншеею. Однакожъ къ разсвѣту оказалось, что изъ трехъ орудій могло стрѣлять лишь одно лѣво фланговое, остальныя поставлены были слишкомъ низко, и гранаты, цѣпляясь за землю, рикошетировали и перелетали черезъ стѣну.

Для поддержанія этой брешь-батареи, позади нея, на мѣстѣ расположенія резерва, были устроены два ложемента для четырехъ нарѣзныхъ орудій, стрѣлявшихъ нѣкоторое время черезъ брешь-батарею. Тѣмъ не менѣе приходилось отказаться отъ надежды пробить здѣсь полную брешь, ограничиваясь только срытіемъ верхней части стѣны аршина на два или на два съ половиною, такъ чтобы осыпавшаяся земля образовала обвалъ. Огнемъ этой батареи управлялъ гвардейской артиллеріи штабсъ-капитанъ Зиновьевъ.

Весьма удовлетворительны также оказались дѣйствія и южныхъ брешь-батарей, гдѣ дѣйствовали 2 нарѣзныхъ, 6 облегченныхъ орудій и 4 мортиры. Здѣсь удалось къ вечеру пробить двѣ значительныя бреши въ передней и въ западной стѣнахъ у плечеваго угла юго-западнаго барбета.

Бухарцы изъ-за стѣнъ почти не показывались. Соблюдая величайшую осторожность, они стрѣляли черезъ мелкія бойницы, которыя, тотчасъ же послѣ выстрѣла, затыкали камешками. Однакоже съ разстоянія, на какомъ находилась наша батарея, и

своими малокалиберными, легковѣсными пулями *) они не причиняли намъ почти никакого вреда.

Съ разсвѣтомъ 2-го октября назначенъ былъ штурмъ по ракетѣ.

Для штурма южной стороны, подъ руководствомъ графа Воронцова-Дашкова, назначены были три колонны, каждая изъ 2 ротъ пѣхоты и команды саперъ. Одна, подъ начальствомъ гвардіи штабсъ-ротмистра Шауфуса, должна была направиться на ближайшія къ юго-западному барбету ворота, лѣвѣе ея должна была слѣдовать другая колонна подъ начальствомъ гвардіи штабсъ-ротмистра Глуховскаго и, наконецъ, третья подъ командою маіора Назарова на брешь у борбета. Резервъ этихъ колоннъ изъ 3 ротъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ, состоялъ подъ начальствомъ полковника Мантейфеля. Для штурма же сѣверо-восточной стороны въ распоряженіе Баранова были назначены двѣ колонны, каждая также изъ двухъ ротъ и команды саперъ, одна подъ начальствомъ поручика Шорохова, а другая штабсъ-капитана Конопельскаго при нихъ резервъ изъ одной роты и двухъ нарѣзныхъ орудій подъ начальствомъ уланскаго поручика Кузьминскаго. Колонны эти должны были штурмовать обвалъ.

Правѣе штурмовавшихъ съ южной стороны стала кавалерія отряда (3 сотни и 6 ракетныхъ станковъ), подъ начальствомъ Пистолькорса, а для развлеченія непріятеля оставлена противъ сѣвернаго фаса небольшая колонна изъ роты пѣхоты, одного орудія и команды казаковъ, подъ начальствомъ капитана Сярковскаго.

Съ разсвѣтомъ, по условленному сигналу ракетами, наша артиллерія на время замолкла, и колонны двинулись на штурмъ. На южной сторонѣ первою должна была идти колонна Назарова на обвалъ, а затѣмъ колонны Шауфуса и Глуховскаго по лѣстницамъ. Вышло какъ разъ наоборотъ: Назаровъ пошелъ послѣднимъ, предоставивъ другимъ принять первые удары, при условіяхъ самыхъ неблагопріятныхъ...

Стрѣлки колонны Шауфуса первые пробѣжали отдѣлявшее ихъ отъ рва пространство, спустили лѣстницу передними, т. е. тонкими концами въ ровъ, да такъ и приставили ее къ стѣнѣ башни, которая прикрывала ворота. Командиръ стрѣлковой роты капитанъ Грипенбергъ полѣзъ первый, за нимъ послѣдовали прапорщики Машинъ и Ѳедоровъ и нѣсколько стрѣлковъ; но лѣстница, поставленная вверхъ ногами, не выдержала и обломилась. На верху стѣны остались названные три офицера и пять стрѣлковъ. Положеніе ихъ было довольно затруднительное: со всѣхъ сторонъ по нимъ открытъ былъ огонь почти въ упоръ... Чтобы укрыться

*) Большею частію камешки или горошины, облитыя свинцомъ.

отъ свинцоваго дождя, эта горсть храбрыхъ спрыгнула со стѣны въ кучу враговъ пробилась въ нишу воротъ и засѣла тамъ, обезпеченная съ боковъ и тыла. Здѣсь отстрѣливались наши, пока ворота позади ихъ не были выломаны подпоручикомъ Калитинымъ и титулярнымъ совѣтникомъ Лерхе *), кинувшимися на выручку съ нѣсколькими охотниками. Ворота разбиты были тѣми бревнами, которыя осажденные кидали со стѣнъ въ нашихъ солдатъ. Въ это время стрѣлки успѣли поднять вторую лѣстницу. Первая стѣна была занята, но за нею оказалась вторая, а въ промежуткѣ масса защитниковъ... Отбросивъ непріятеля штыками и сломавъ ворота во второй стѣнѣ, колонна направилась вдоль стѣнъ направо и овладѣла съ боя четырьмя орудіями.

Почти одновременно съ Шауфусомъ двинулась и колонна Глуховскаго. Впереди съ охотниками и командою саперъ шелъ командиръ саперной роты капитанъ Плецъ 1-й. Не обращая никакого вниманія на сильный огонь непріятеля, охотники спустились въ ровъ и стали подставлять лѣстницы. Оставивъ на краю рва часть стрѣлковъ, для дѣйствія по стѣнѣ, Глуховской съ остальными бросился вслѣдъ за охотниками. Упорная оборона не остановила нашихъ храбрецовъ, и штурмовавшіе скоро успѣли перейти первую стѣну, но здѣсь наткнулись на большія массы защитниковъ, частію бросившихся въ рукопашную, частію же открывшихъ по нимъ сильный огонь изъ башенъ и сакель. Произошла непродолжительная, но кровавая схватка. Здѣсь палъ Плецъ, убитый наповалъ. Начальство надъ охотниками принялъ генеральнаго штаба поручикъ Комаровъ. Здѣсь же смертельно ранены: подпоручикъ Кончицъ и поручикъ Плѣшковъ; кромѣ того ранено и контужено еще 4 офицера.

Въ это время на подкрѣпленіе потерпѣвшихъ и задержанныхъ колоннъ двинута была часть общаго резерва, что дало возможность Шауфусу двинуться въ городъ, не опасаясь за тылъ. Слѣдомъ двинулась и колонна Глуховскаго, усиленная изъ резерва двумя горными орудіями.

На долю этихъ колоннъ выпала самая трудная часть дѣла. Каждая изъ нихъ не превышала числительностію 250 чел.; общая же цифра потерь убитыми и ранеными простиралась: въ колоннѣ Шауфуса до 77 чел., а въ колоннѣ Глуховскаго до 74, итого 151, т. е. почти треть всего числа штурмовавшихъ! Молодые гвардейскіе офицеры, начальствовавшіе колоннами, были первый разъ въ дѣлѣ, горячились, рвались необдуманно впередъ, крикнули „ура“ много ранѣе, чѣмъ сдѣдовало, привлекли на себя вниманіе непріятеля и приняли всѣ его удары.

---

*) Командированный для ученыхъ изслѣдованій г. Лерхе, какъ и многіе гражданскіе чиновники, принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ

Опытный и бывалый офицеръ Назаровъ поступилъ иначе: безъ шуму, безъ криковъ „ура“ шелъ онъ впередъ и, когда гвардейцы несли безполезныя потери, Назаровъ взошелъ на брешь безъ урона, опрокинулъ встрѣтившія его за стѣною массы и направилъ часть войскъ ко второй бреши, а остальныхъ вдоль западнаго фаса, причемъ захвачено 4 орудія. Назарова обвиняли потомъ, что онъ какъ бы сплутовалъ: ему и безъ того предоставлено было менѣе опасное предпріятіе—атака широкимъ фронтомъ обвала, а онъ къ тому же пошелъ не раньше, а позже Шауфуса и Глуховскаго, которые и отвлекли на себя все вниманіе непріятеля, а потому и понесли напрасныя потери. Назаровъ оправдывался, и резонно, тѣмъ, что если онъ идетъ первымъ, то не онъ долженъ былъ сообразоваться въ скорости движенія съ названными гвардейцами, а они съ нимъ, и что если имъ было угодно бѣжать на перегонку, да еще кричать „ура“,—онъ не виноватъ.

Такимъ образомъ, не болѣе какъ въ полчаса всѣ три колонны успѣли овладѣть стѣнами и проникнуть въ городъ. Вслѣдъ за ними въ городъ втянулись и войска резерва. Жители упорно защищались въ улицахъ. Перестрѣлка и рукопашный бой въ тѣсномъ пространствѣ грозили намъ большими потерями, но въ это время въ тылу осажденныхъ появилась колонна Баранова.

Задолго до рокового сигнала, въ колоннѣ Баранова сдѣланы были всѣ необходимыя приготовленія: изъ арыка-траншеи принесены были на батарею штурмовыя лѣстницы, сюда же подкатили двѣ арбы, которыми, въ случаѣ надобности, предполагалось завалить ровъ.

Съ разсвѣтомъ горизонтъ прорѣзали огненныя ленты трехъ сигнальныхъ ракетъ. Батарея сдѣлала залпъ картечью и роты двинулись на штурмъ; съ крѣпостной стѣны тотчасъ открыли сильнѣйшій артиллерійскій и ружейный огонь.

Но вотъ на брешь вскочили два — три смѣльчака (Шороховъ, Конопельскій). Брешь забѣлѣла кителями. Стѣна смолкла. Наши уже въ городѣ!

Нарѣзной взводъ взялъ на передки и рысью пошелъ на обвалъ, который саперы въ нѣсколько минутъ разравняли настолько, что по бреши безъ затрудненія вошли не только легкія орудія, но и зарядные ящики.

Все внутри цитадели показывало, что бухарцы никакъ не ожидали штурма и, какъ кажется, собирались завтракать. Позади валганга небольшими кучками сложены были лепешки. У самой стѣны стояли желѣзные треножники, большіе чугунные котлы съ водою и проч. Въ 7 часовъ утра Крыжановскій могъ уже въѣхать въ цитадель.

Трофеи побѣды 2 октября составляли: 4 знамени, 16 орудій, въ

томъ числѣ одна двухпудовая мортира, 16 вьючныхъ пушекъ, множество фальконетовъ, ружей и огромные запасы пороха и другихъ припасовъ (въ томъ числѣ и разрывные снаряды). Потеря непріятеля громадна: собственно въ городѣ и ближайшихъ окрестностяхъ подобрано было не менѣе 2,000 тѣлъ.

Наши потери состояли—у б и т ы м и: изъ 3 офицеровъ (капитанъ Плецъ 1, поручикъ Плѣшковъ и подпоручикъ Кончицъ *) и 14 нижнихъ чиновъ; р а н е н ы м и: изъ 1 офицера и 102 нижнихъ чиновъ; к о н т у ж е н н ы м и: изъ 6 офицеровъ и 101 нижнихъ чиновъ. Всего 10 офицеровъ и 217 нижнихъ чиновъ. Въ этомъ числѣ, за время осады, у насъ было у б и т о только 3 нижнихъ чина и р а н е н о 10. Впрочемъ и нашъ огонь во время осады былъ почти недѣйствителенъ, по прятавшемуся за стѣнами непріятелю.

Главныя потери понесли колонны Шауфуса и Глуховскаго; здѣсь общая потеря убитыми и ранеными доходила, какъ уже сказано, до 150 чел.! Въ числѣ причинъ такого урона слѣдуетъ считать, в о-п е р в ы х ъ, то, что крики „ура“, прежде чѣмъ влѣзть на стѣну, мало способствовали нечаянности штурма, и потому за первою стѣною собралась масса защитниковъ; в о-в т о р ы х ъ, то, что штурмъ по лѣстницамъ безусловно рискованнѣе атаки обвала, и никто не мѣшалъ пробить еще двѣ бреши, такъ какъ половина нашихъ орудій все равно безъ дѣла оставалась въ лагерѣ; в ъ-т р е т ь и х ъ, и то, что одна изъ лѣстницъ сломалась; в ъ ч е т в е р т ы х ъ, и то, что занявъ первую стѣну и увидавъ толпу непріятеля, колонны наши, вмѣсто того, чтобы тотчасъ ударить въ штыки, чего не выносятъ бухарцы, открыли огонь... а это уже вѣрный признакъ поколебавшейся энергіи. Но самая главная причина заключается, конечно, въ томъ, что Назаровъ пошелъ на штурмъ н е р а н ѣ е своихъ сосѣдей, а п о з ж е ихъ, и потому атака Шауфуса и Глуховскаго обратилась какъ бы въ демонстрацію, отвлекшую вниманіе непріятеля и давшую Назарову возможность взойти на брешь почти безъ потерь. Какъ бы то ни было, но колонны Баранова и Назарова, штурмовавшія крѣпость по обваламъ, не понесли почти никакой потери, а двѣ колонны съ лѣстницами потеряли 150 чел. и кончили дѣло успѣшно только благодаря тому, что роты Баранова, ворвавшіяся въ городъ, съ потерею лишь пяти человѣкъ, забѣжали въ тылъ защитниковъ южной стѣны.

Героемъ дня, по справедливости, слѣдуетъ считать ротмистра Баранова. Не говоря о трудной задачѣ вести осадныя работы на совершенно открытой мѣстности и подъ огнемъ длиннаго фронта, довольно и того, что колонна его первая вошла въ крѣпость,

*) Ихъ именами названы крѣпостныя ворота, какъ видно и на планѣ.

заняла цитадель и поправила неудачу войскъ, штурмовавшихъ южный фронтъ.

При раздачѣ Крыжановскимъ георгіевскихъ крестовъ, въ ротѣ Гриппенберга случился довольно характеристичный эпизодъ: изъ роты вышли унтеръ-офицеръ и двое рядовыхъ и просили у генерала позволенія держать слово. Позволеніе дано, и вотъ это нехитрое, задушевное слово русскаго солдата:

„Дозвольте ваше превосходительство поблагодарить васъ за то, что дали намъ въ роту такого славнаго и храбраго командира. Совсѣмъ отецъ намъ родной, а въ трудахъ, походахъ и дѣлахъ лучше иного товарища. Осмѣливаемся, ваше превосходительство, покорнѣйше просить васъ подарить въ роту одинъ солдатскій крестикъ, а мы всѣ поднесемъ его капитану, чтобы на всю жизнь его высокоблагородію была память нашего къ нему уваженія“.

— Вижу, — отвѣчалъ генералъ, — что рота достойна своего командира и капитанъ достоинъ командовать такою ротою. Любите, ребята, и берегите своего капитана, такого другого поискать,—не всегда найдешь. Солдатскій крестъ офицеру дать нельзя, но вы заслужили командиру крестъ офицерскій, къ которому я и представлю вашего командира. Будьте увѣрены, что государь императоръ, въ великой милости своей, если будетъ нами доволенъ, наградитъ вашего капитана по достоинству“.

Гриппенбергъ дѣйствительно получилъ эту высокую награду, но ее получили также Шауфусъ, Глуховской и Назаровъ... Что касается Баранова, то онъ уже имѣлъ Георгія за одно молодецкое дѣло на Кавказѣ.

По занятіи города, начался обычный грабежъ, противъ котораго тщетно возставали нѣкоторые частные начальники: неаккуратность въ снабженіи войскъ вещевымъ довольствіемъ породили, а давность освятила этотъ видъ контрибуціи.

Замѣчательно однакоже, что возвратившіеся черезъ нѣсколько времени жители, казалось, рѣшительно не питали къ нашимъ солдатамъ никакого непріязненнаго чувства. Встрѣчаясь на улицахъ и базарахъ, недавніе враги хлопали другъ друга по рукамъ, какъ старые „тамыры“, знакомые.

Послѣ взятія Ура-Тюбе, въ рукахъ бухарскаго эмира оставался еще одинъ пунктъ, владѣя которымъ, онъ могъ надѣяться удерживать за собою долину рѣки Сыръ-Дарьи. Это была крѣпость Джизакъ, расположенная при ущельѣ, на единственномъ пути къ Самарканду и Бухарѣ.

Такъ какъ и по занятіи Ура-Тюбе, обѣщанное бухарцами мирное посольство не явилось, то войска наши направлены были на Джизакъ. Начальство надъ передовыми войсками, выступившими 5-го октября, было поручено графу Воронцову-Дашкову.

При движеніи этого отряда къ крѣпостцѣ Зааминъ, непріятель бѣжалъ столь поспѣшно, что оставилъ одно орудіе; укрѣпленіе же было занято безъ выстрѣла. 10-го октября всѣ наши войска сосредоточились у Заамина, откуда 11-го числа и двинулись къ Джизаку, въ составѣ 16½ ротъ и пяти сотенъ казаковъ съ ракетною командою, 8-ю конными и 12-ю пѣшими орудіями.

Мы обошли Джизакъ съ юго-запада и расположились въ 4-хъ верстахъ отъ города, на дорогѣ въ Самаркандъ, слѣдовательно, на сторонѣ, какъ разъ противоположной той, къ которой, въ предшествовавшемъ году, подходилъ Черняевъ.

Со времени этого поиска, бухарцы принялись укрѣплять свой городъ и, надобно отдать имъ справедливость, многое успѣли сдѣлать въ теченіе 8 мѣсяцевъ.

Въ день прибытія отряда была произведена рекогносцировка, подъ личнымъ начальствомъ Крыжановскаго; вечеромъ попался въ плѣнъ одинъ афганецъ, который сообщилъ подробности о крѣпости. Городъ, по его словамъ и по свѣдѣніямъ, добытымъ рекогносцировкою, былъ окруженъ тремя параллельными стѣнами, цитадель составляла четвертую преграду. Пригородная слобода была покинута жителями. Наружная стѣна, высотою въ 3½ сажени и толщиною въ 4 саж., имѣла въ окружности 4 версты.

Около крѣпости бухарцы, какъ и въ Ура-Тюбе, разрушили всѣ сакли, находившіяся подъ стѣнами, и образовали такимъ образомъ эспланаду, шириной отъ 60 до 100 саженъ. Въ Джизакѣ было нѣсколько сотъ афганцевъ, составлявшихъ преимущественно артиллерійскую прислугу; затѣмъ имѣлось еще нѣсколько сотъ туркменъ, до 2-хъ тысячъ сарбазовъ или регулярныхъ войскъ, нѣсколько тысячъ иранцевъ-невольниковъ, а всего гарнизона до десяти или одиннадцати тысячъ. Главное начальство надъ крѣпостію поручено было Алайяръ-хану, носившему титулъ таксаба-перваначи. Первыя двѣ стѣны, а въ особенности передняя, имѣли весьма сильную профиль, такъ что по валгангу могла свободно проѣхать арба.

Трое городскихъ воротъ: Самарканскія, Ура-Тюбинскія и Камышъ-Курганскія или Ташкентскія, были наглухо завалены, чтобы пресѣчь гарнизону всякій путь къ отступленію, такъ какъ, согласно приказанію эмира, комендантъ намѣревался защищать городъ до послѣдней крайности.

По длинѣ стѣны, черезъ каждыя пятнадцать саженъ, построены были полубашни (здѣсь ихъ называютъ барбетами) для фланговой обороны. Барбеты эти вооружены были орудіями.

Крѣпостныя работы все еще дѣятельно продолжались.

Самаркандскія ворота прикрыты были далеко выступавшимъ впередъ круглымъ туръ-бастіономъ, хорошо обстрѣливавшимъ доступъ къ нимъ. Между первою и второю стѣной шла улица,

шириною около 60 саженъ, и здѣсь расположенъ былъ лагерь гарнизона.

О штурмѣ по лѣстницамъ уже никто и не думалъ: ура-тюбинскій опытъ былъ еще памятенъ и черезчуръ наглядно рѣшилъ вопросъ въ пользу обваловъ!

Между тѣмъ 12 числа Алайяръ-ханъ прислалъ письмо, въ которомъ просилъ командующаго войсками не начинать осады до полученія отъ эмира разрѣшенія сдать Джизакъ. Но къ этимъ азіятскимъ уловкамъ уже привыкли,—бекъ очевидно хотѣлъ повторить ту же продѣлку, на которую думали поддѣть Черняева и оттянуть время до полученія подкрѣпленій.

Отвѣтомъ на это письмо было настоятельное требованіе немедленной сдачи крѣпости. Посланецъ, привезшій письмо, долженъ былъ отправиться, при одномъ изъ рекогносцировочныхъ отрядовъ, съ отвѣтомъ. Но когда отрядъ этотъ остановился у барикады, загораживавшей выходъ изъ улицы на эспланаду, то бухарецъ объявилъ, что онъ не поѣдетъ въ крѣпость, а предпочитаетъ остаться въ русскомъ лагерѣ, потому что боится непріятностей за то, что пришелъ съ нашими войсками, а наконецъ объявилъ напрямки, что у него въ Ташкентѣ семейство, и онъ не хочетъ быть убитымъ въ Джизакѣ; доблестнаго патріота оставили въ покоѣ, отвѣтъ же взялся везти одинъ изъ нашихъ джигитовъ.

Чтобы убѣдить бухарцевъ въ намѣреніи нашемъ немедленно же начать осаду, артиллерія наша открыла огонь, на который бухарцы тотчасъ отвѣтили канонадой и ружейной пальбой, не причинившей намъ впрочемъ никакого вреда.

Находившійся при этой колоннѣ штабсъ-капитанъ Зиновьевъ выбралъ мѣсто для брешь-батарей и нашелъ средство издали измѣрить высоту стѣнъ крѣпости.

Бухарцы строятъ свои глиняныя стѣны послойно: сперва выведутъ стѣнку, вышиною въ аршинъ съ небольшимъ, дадутъ глинѣ высохнуть, затѣмъ кладутъ второй слой, потомъ третій и т. д. Между всѣми этими слоями остается весьма замѣтный шовъ. Зиновьевъ насчиталъ въ Джизакской стѣнѣ девять такихъ швовъ и вывелъ изъ этого, что стѣны имѣли около десяти аршинъ вышины. Такъ это и было.

Тотчасъ по уходѣ изъ города рекогносцировочныхъ отрядовъ, тамъ вспыхнулъ пожаръ. Оказалось, что сарты сдѣлали вылазку и начали жечь сакли, чтобы расширить эспланаду. Всю ночь зарево освѣщало оставленный городъ. Такъ какъ для насъ весьма важно было имѣть закрытія вблизи отъ крѣпости, то, чтобы помѣшать сартамъ уширять эспланаду, командующій войсками немедленно приказалъ послать въ городъ двѣ роты пѣхоты, которыя и должны были занять переднія, еще не разрушенныя сакли.

14 октября назначена была новая рекогносцировка, но она не состоялась. Рано утромъ разнесся слухъ, что фуражиры облегченной батареи и полусотня казаковъ, отправившихся на фуражировку въ окрестныя деревни, прошли въ ущелье Джиланъ-Уты и окружены тамъ бухарцами. Неудачная фуражировка облегченной батареи превратилась въ полевое сраженіе: на помощь къ фуражирамъ посылалась рота за ротой, пока, наконецъ, не ушелъ изъ лагеря почти весь отрядъ, со всѣми начальствующими.

Увидавъ приближеніе нашихъ войскъ, бухарцы тотчасъ же стали поспѣшло отступать, преслѣдуемые по пятамъ черезъ все ущелье на 20 верстъ, вплоть до небольшого укрѣпленія Яны-Кургана, по ту сторону ущелья. Войска воротились только въ 8 часовъ вечера. 14 же числа прибыли артиллерійскій и инженерный парки, и затѣмъ ничто не препятствовало уже начать осаду.

Предположено было построить двѣ брешь-батареи: одну у Самаркандской, а другую около Ура-тюбинской дороги. 15 числа въ 6 часовъ утра высланы были для этого двѣ колонны: одна подъ начальствомъ капитана Михайловскаго, изъ 4 ротъ пѣхоты, 6 облегченныхъ орудій и 2 мортиръ, къ Ура-Тюбинскимъ, а другая подъ начальствомъ подполковника Григорьева, изъ 4 же ротъ 4 батарейныхъ орудій и 2 мортиръ, къ Самаркандскимъ воротамъ.

Такъ какъ каждую изъ осадныхъ батарей приказано было строить не болѣе, какъ на два орудія, то саперные офицеры (штабсъ-капитанъ Свищевскій и поручикъ Пріоровъ) рѣшили воспользоваться саклями на окраинѣ эспланады. Сартовскія, донельзя кривыя, улицы и переулки, служили прекрасными и безопасными траншеями. Переднія, не разрушенныя еще сакли по краю экспланады, служили отличнымъ закрытіемъ для цѣпи стрѣлковъ и составили такимъ образомъ готовую параллель.

Подлѣ самой самаркандской дороги нашлись три сакли, соединенныя заборами, переднія, т. е. обращенныя къ Джизаку стѣнки этихъ сакель были почти параллельны крѣпостной стѣнѣ; поэтому, съ нѣкоторыми приспособленіями, онѣ могли служить довольно сносными брустверами для брешь-батареи. Сакли, находившіяся позади, могли служить пороховыми погребками, совершенно безопасными отъ бухарской артиллеріи, не имѣющей мортиръ. Тѣ же удобства нашлись и для ура-тюбинской батареи.

Какъ только стемнѣло, саперы начали строить осадныя батареи. Самаркандская была уже готова часамъ къ 11. Вся работа заключалась только въ томъ, что за заборомъ, долженствовавшимъ служить брустверомъ, установили рядъ туровъ въ два яруса, насыпали ихъ землей, и затѣмъ, пробивъ амбразуру въ заборѣ, прикрыли ее деревяннымъ ставнемъ для защиты внутрен-

ности батареи отъ непріятельскихъ пуль. Правда, что тонкія глиняныя стѣнки заборовъ и сакель, съ однимъ рядомъ туровъ, наполненныхъ размельченными обломками такихъ же стѣнъ, составляли не весьма надежный оплотъ, даже противъ бухарской артиллеріи. Кромѣ того, находившійся предъ Самаркандскими воротами бастіонъ бралъ нашу батарею во флангъ, а высокія крѣпостныя стѣны командовали мѣстностію настолько, что нельзя было отойти и 12 шаговъ, чтобы не быть открытымъ со стѣнъ. Но зато батарея имѣла и свои хорошія стороны: она была построена всего чуть ли не въ полчаса и, значитъ, въ случаѣ надобности, ничего не стоило устроить новую батарею изъ сосѣдней сакли. На ура-тюбинской батареѣ дѣла шли далеко не такъ успѣшно, потому что непріятель во время вылазки успѣлъ разрушить тѣ именно сакли и заборы, которые были намѣчены для передѣлки въ батарею. Только подъ самое утро новое мѣсто для батареи окончательно было выбрано и приступлено было къ ея постройкѣ.

Такимъ образомъ утромъ 16 октября открыть огонь могла одна лишь самаркандская батарея. Положеніе ея было поэтому весьма невыгодное: ей надобно было бить, не торопясь, а это, конечно, давало бухарцамъ время опомниться, принять мѣры къ исправленію поврежденій и приготовиться къ упорной оборонѣ. Зарядовъ же было мало и хватило бы развѣ на однѣ сутки.

Между тѣмъ на разсвѣтѣ непріятель замѣтилъ опасность и, открывъ изъ крѣпости учащенный огонь по обѣимъ колоннамъ, произвелъ большую вылазку на правый флангъ и тылъ ура-тюбинской колонны.

По всѣмъ пріемамъ обороны сейчасъ было замѣтно присутствіе въ Джизакѣ регулярныхъ войскъ, а въ особенности афганцевъ, научившихся кое-чему отъ англичанъ. При осадѣ Ура-Тюбе гарнизонъ ночью успокаивался и не тревожилъ насъ своимъ огнемъ. Въ Джизакѣ же именно ночью и усиливался, какъ ружейный, такъ и артиллерійскій огонь, достигая къ разсвѣту наибольшей энергіи, вѣроятно, изъ опасенія штурма по примѣру Ходжента и Ура-Тюбе, взятыхъ на разсвѣтѣ. Кромѣ того ура-тюбинцы не сдѣлали, во время осады, ни одной вылазки, а здѣсь это продѣлывалось каждую ночь.

Часамъ къ 10 утра поспѣла однакоже и ура-тюбинская батарея, тотчасъ открывшая огонь. Батарея была построена на-ново изъ туровъ, а не передѣлана изъ заборовъ, и потому имѣла вполнѣ приличный и солидный видъ. Недаромъ солдаты прозвали ее „гостинницей“: деревья, прудъ и совершенная безопасность внутренняго пространства оправдывали это названіе.

Правѣе этой батареи, саженяхъ въ 30, поставлены были за тонкой стѣной маленькія полупудовыя мортирки, или какъ ихъ

здѣсь называютъ собачки. Онѣ также усердно тявкали на крѣпость!

Командовавшій этою батарейкой поручикъ Лафицкій придумалъ для развлеченія особую забаву: у воротъ крѣпости (на широкой бермѣ) устроенъ былъ небольшой плацдармъ, занятый бухарскимъ карауломъ; предупредивъ стрѣлковъ, Лафицкій бросалъ на этотъ плацдармъ гранату, бухарцы опрометью кидались въ калитку стѣны, и какъ при этомъ ни крючились, имъ все-таки приходилось высовываться изъ-за невысокаго бруствера. Наши стрѣлки тотчасъ открывали огонь, продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока бухарцы, выждавъ разрывъ гранаты, не возвращались на плацдармъ.

Стрѣльба съ брешь-батарей была весьма удачна: къ вечеру ура-тюбинская брешь была наполовину окончена, самаркандская же батарея, сберегая снаряды, сбила въ теченіе дня только около двухъ верхнихъ вѣнцовъ стѣны (около 2 аршинъ). Самаркандскую батарею рѣшено было усилить, а для поддержки ура-тюбинской противъ артиллеріи громившихъ ее барбетовъ, построить еще демонтиръ-батарею.

Наступила ночь. По дѣятельности, выказанной гарнизономъ, слѣдовало ожидать, что онъ воспользуется темнотою и задѣлаетъ обвалы. Для воспрепятствованія этому, самаркандская батарея (Зиновьева) чрезъ каждыя три—пять минутъ посылала на брешь выстрѣлъ картечью. Эта мѣра оказалась весьма удачною. Бухарцы дѣйствительно сдѣлали кое-какія приготовленія для ночныхъ работъ по исправленію стѣны, но къ работамъ этимъ приступить не осмѣлились. Ура-тюбинская батарея (Михайловскаго) не отличилась такою же сообразительностію и съ наступленіемъ ночи довѣрчиво прекратила огонь. Бухарцы не замедлили воспользоваться этою оплошностію и за ночь задѣлали обвалъ, устроивъ на немъ огромную засѣку изъ хвороста. Много пришлось истратить намъ зарядовъ, чтобы уничтожить эту засѣку!

17-го числа, по примѣру предшествовавшаго дня, произведена была демонстрація противъ юго-западнаго угла крѣпости отрядомъ графа Воронцова-Дашкова (двѣ роты, двѣ сотни, 4 орудія и ракетная команда).

На военномъ совѣтѣ въ этотъ день Романовскій предложилъ отступить на этотъ разъ отъ обычая штурмовать крѣпость не иначе, какъ на разсвѣтѣ, и произвести нападеніе въ полдень. Безпечность азіатцевъ, не наблюдавшихъ у себя правилъ аванпостной и гарнизонной службы, въ особенности по ночамъ, дѣлали до сихъ поръ утренніе штурмы неотразимыми.

Теперь же непріятель именно къ утру и былъ постоянно наготовѣ, ожидая штурма. Поэтому надобно было выбрать другое время; кромѣ того, штурмуя на разсвѣтѣ, мы рисковали найти наши обвалы задѣланными въ теченіе ночи. Къ тому же нечаян-

ность штурма на Джизакъ, пугавшій своими четырьмя стѣнами, была для насъ весьма желательна, сигналы же ракетами, конечно, мало способствуютъ нечаянности, ибо они служатъ сигналомъ же и для обороняющихся. Наконецъ, ночи были до того свѣтлы (тогда было полнолуніе), что бухарскіе часовые, конечно, могли бы съ высоты своихъ стѣнъ замѣтить наши ночныя приготовленія къ штурму, тогда какъ, собирая колонны въ 10 часовъ утра, мы ничѣмъ не обнаруживали нашихъ намѣреній, ибо въ 10 часовъ у насъ обыкновенно и ежедневно происходило движеніе войскъ по случаю смѣны ротъ траншейнаго караула. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, штурмъ былъ назначенъ въ полдень 18-го октября.

Вечеромъ наканунѣ произведена была поручикомъ Волынскаго уланскаго полка Кузьминскимъ *) окончательная рекогносцировка для измѣренія глубины рва. Рискуя быть замѣченнымъ, Кузьминскій поползъ вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ своей роты Терентіемъ Соиновымъ и, при помощи 12-аршиннаго шнура съ привязаннымъ къ нему камнемъ, измѣрилъ глубину рва, оказавшуюся въ 9 аршинъ.

За день бреши сильно подвинулись. Не смотря на кажущуюся прочность стѣны, она замѣтно уступала выстрѣламъ. Осыпавшаяся на берму глина образовала уже достаточно удобный всходъ.

Съ наступленіемъ ночи оба обвала обстрѣливались картечью, но не смотря на то, бухарцы успѣли сдѣлать кое-что для исправленія поврежденій: съ обѣихъ сторонъ самаркандской бреши они вывели стѣнки изъ большихъ туровъ, сплетенныхъ изъ камыша, а на срединѣ обвала брошено было нѣсколько огромныхъ мѣшковъ (каповъ) съ землей. Съ разсвѣтомъ 18 числа артиллерія наша принялась очищать бреши. На сто саженъ орудія наши били безъ промаху и, какъ рукой, снимали туръ за туромъ.

Штурмъ назначено было произвести двумя колоннами, подъ начальствомъ капитана Михайловскаго и подполковника Григорьева, каждая изъ 4-хъ ротъ пѣхоты, при командахъ саперъ и казаковъ. Въ резервъ же къ этимъ колоннамъ, подъ начальствомъ графа Воронцова-Дашкова, назначены были 4 роты, 2 горныхъ орудія и сотня казаковъ. Для того же, чтобы замаскировать наши намѣренія и отвлечь вниманіе непріятеля, выслана была небольшая колонна изъ 3-хъ сотенъ казаковъ, ракетной команды и 2-хъ легкихъ орудій подъ начальствомъ Пистолькорса, для производства демонстрацій противъ Ташкентскихъ воротъ а резервъ къ штурмовавшимъ колоннамъ вышелъ, какъ ска-

*) Офицеръ этотъ пріѣхалъ передъ самою экспедиціею и тотчасъ получилъ роту, въ ущербъ, конечно, интересамъ пѣхотныхъ офицеровъ и къ великому ихъ огорченію. Люди также видѣли въ этомъ несправедливость. Все это и привело впослѣдствіи къ печальной развязкѣ.

зано, въ 10 часовъ, когда обыкновенно производилась смѣна частей на батареяхъ.

Въ десять же часовъ утра Пистолькорсу было послано приказаніе усилить демонстрацію. Пистолькорсъ спѣшилъ одну сотню и, оставивъ остальныя двѣ скрытыми въ садахъ, приблизился, со спѣшенными казаками, ракетною командою и двумя орудіями, на самое близкое разстояніе къ городскимъ стѣнамъ и надѣлалъ столько шуму, что привлекъ на себя вниманіе непріятеля, который, видя малочисленность нападающихъ, предпринялъ противъ нихъ вылазку. Произошла рукопашная схватка, но пѣшіе казаки и конно-артиллеристы блистательно выдержали пробу, атака же конныхъ сотенъ изъ-за засады довершила пораженіе непріятеля. Потеря наша здѣсь ограничилась однимъ легко раненымъ офицеромъ (артиллеріи поручикъ Шпицбергъ) и 11-ю ранеными казаками, непріятель же оставилъ нѣсколько тѣлъ. Главная цѣль демонстраціи была достигнута.

По мѣрѣ приближенія къ полудню, батареи наши стали ослаблять огонь, съ цѣлію усыпить бдительность бухарцевъ, которые и дѣйствительно поуспокоились. За 10 минутъ до полудня, роты, назначенныя на штурмъ, придвинулись къ батареямъ и людей разсчитали по лѣстницамъ.

Ура-тюбинской колоннѣ приходилось пройти отъ батареи до бреши около 99 саженъ, а самаркандской колоннѣ около 100 саженъ.

Ровно въ полдень, среди общей тишины, роты подняли лѣстницы и молча вышли на эспланаду, перешагнувъ черезъ опрокинутые туры траншеи.

Предположеніе Романовскаго вполнѣ оправдалось: сарты никакъ не ждали штурма. Люди успѣли уже пройти саженъ двадцать и только тогда непріятель спохватился. Джизакская стѣна окуталась дымомъ и роты пошли бѣгомъ съ обычнымъ „ура“.

Резервъ, оставшійся на батареяхъ и слѣдившій за товарищами глазами и сердцемъ, наконецъ, не выдержалъ: точно сговорившись, безъ всякой команды, кинулись люди съ батареи и бѣгомъ пошли на обвалъ съ криками „ура“.

Штурмующіе спустились по лѣстницамъ въ ровъ и менѣе, чѣмъ въ четверть часа, были уже на стѣнахъ крѣпости. Одновременно съ тѣмъ, по предварительному распоряженію завѣдывавшаго осадными работами инженеръ-полковника Яблонскаго, небольшія команды саперъ, подъ начальствомъ Свищевскаго и Пріорова, бросились къ воротамъ, поддержанныя стрѣлками Гриппенберга и штабсъ-капитана Сверчкова. Какъ ни быстро совершилось все это,—въ самаркандской колоннѣ успѣлъ однакоже разыграться одинъ трагическій и поучительный эпизодъ: рота уланскаго поручика Кузьминскаго, въ глубинѣ души оскорбленная смѣною прежняго командира и назначеніемъ незнакомаго ей чело-

вѣка, точно сговорилась испытать своего новаго начальника и предоставила ему честь взойти на обвалъ первымъ и одинокимъ... Встрѣченный нѣсколькими пиками, Кузьминскій выпустилъ изъ револьвера всѣ заряды и только что поворотился прикрикнуть на свою роту, какъ былъ проколотъ пикою въ спину. Тогда рота мигомъ вскочила на обвалъ и переколола нападавшихъ. Храбрый Кузьминскій получилъ за свои подвиги (рекогносцировка и штурмъ) орденъ св. Георгія 4-ой степени, но долго ходилъ на костыляхъ и не могъ оправиться отъ раны. Впослѣдствіи, служа снова въ своемъ полку, онъ былъ преданъ суду за неповиновеніе (отправленный за фронтъ передъ высочайшимъ смотромъ въ Варшавѣ, онъ самовольно уѣхалъ съ плаца) и затѣмъ, отпросившись въ Варшаву для поступленія въ госпиталь, тайкомъ уѣхалъ въ Сербію въ 1876 году. Когда наши войска вступили въ Румынію, онъ явился въ Яссы и при проѣздѣ императора Александра II, подалъ просьбу о помилованіи. Государь лично зналъ Кузьминскаго, нѣсколько лѣтъ подъ рядъ давалъ ему изъ собственной шкатулки по 3000 р. въ годъ на заграничное лѣченіе и теперь, принявъ просьбу, приказалъ отправить виноватаго въ Кишиневъ. Очевидно было, что Кузьминскаго ожидалъ тамъ судъ и что затѣмъ послѣдовало бы помилованіе. Но какъ только Государь повернулся къ вагону, Кузьминскій выхватилъ кинжалъ (онъ былъ въ черкесскомъ костюмѣ) и двумя ударами въ грудь закололъ себя...

Услыхавъ паденіе тѣла, Государь, не оборачиваясь, спросилъ: „что тамъ такое?“ Ему отвѣтили: „Кузьминскому дурно“. Государь сказалъ: „какая комедія!“ Только на другой день онъ узналъ, что то была трагедія...

Ура-тюбинской колоннѣ также предстояло развлеченіе: только что показались на обвалѣ наши охотники, какъ раздался взрывъ. 16 человѣкъ нашихъ были тяжело ранены или обожжены.

Разно говорили о причинахъ взрыва. Одни разсказывали, будто часть гарнизона и, конечно, самая храбрая, видя неизбѣжное паденіе крѣпости, нарочно подожгла пороховой погребъ съ намѣреніемъ погибнуть вмѣстѣ съ побѣдителями. Другіе доказывали, что подобный героизмъ совсѣмъ не въ сартовской природѣ и что взрывъ произошелъ, конечно, нечаянно: шарахнувшійся гарнизонъ, спасаясь бѣгствомъ и прячась по разнымъ угламъ, легко могъ забраться и въ погребъ, а фитильныя ружья съ зажженными фитилями плохое сосѣдство для пороха.

Занявъ обвалы, войска наши раздѣлились на нѣсколько колоннъ, направившихся частію по валгангу, для сбрасыванія орудій частію въ улицу между первою и второю стѣною, частію въ цитадель. Черезъ самаркандскую брешь удалось ввезти въ крѣпость два горныя и одно нарѣзное орудія. Во власти непріятеля остались затѣмъ лишь однѣ ворота ташкентскія или, вѣрнѣе, неболь-

шая калитка при нихъ, такъ какъ ворота были завалены. Не трудно представить то страшное, отчаянное положеніе, въ какое при такихъ условіяхъ поставлены были защитники Джизака. 19 бековъ и многочисленный гарнизонъ, стоявшіе лагеремъ между стѣнами, были заперты въ этомъ корридорѣ!

Бухарцы никакъ не ожидали штурма такъ скоро. По ихъ соображенію, мы могли штурмовать городъ только развѣ еще черезъ 10 дней. „Если Ура-Тюбе осаждали восемь дней,—разсуждали беки, то Джизакъ будутъ осаждать по крайней мѣрѣ восемнадцать". Кромѣ того, штурма ждали, на основаніи предшествовавшихъ примѣровъ, непремѣнно передъ разсвѣтомъ, а не въ полдень. Поэтому на всемъ пространствѣ корридора дымились небольшіе костры подъ котлами и чайниками: сарбазы готовили себѣ обѣдъ.

По окончаніи вылазки противъ Пистолькорса, всѣ беки собрались на одномъ изъ безопасныхъ отъ нашего огня бастіоновъ и тамъ совѣщались о дальнѣйшихъ мѣрахъ обороны, какъ вдругъ прибѣжали съ извѣстіемъ, что русскіе уже въ крѣпости. Первое, о чемъ вспомнили переполошившіеся сановники, это о необходимости снять сапоги *), а затѣмъ всѣ побѣжали къ ближайшимъ воротамъ, но уже было поздно: на встрѣчу имъ двигалась одна изъ нашихъ ротъ, а такая встрѣча была для большинства роковою.

Когди наши войска овладѣли брешами, сарты кинулись вдоль по корридору, въ которомъ они были заключены, безъ возможности попасть внутрь крѣпости или выдти въ поле. Масса обезумѣвшихъ отъ страха защитниковъ, подгоняемая нашими пулями и картечью, бѣжала къ Ташкентскимъ воротамъ, напирая на переднихъ и не давая имъ перевести духъ. Но ворота эти, какъ уже сказано, были завалены. Здѣсь столпилось около 4,000 конныхъ и пѣшихъ, давившихъ другъ друга. Наши войска быстро двигались слѣдомъ и хладнокровно, безъ всякой жалости, разстрѣливали побросавшихъ уже оружіе враговъ. У воротъ образовалась цѣлая гора человѣческихъ и конскихъ труповъ. Тщетно старались перебраться черезъ нее отсталые: русскія пули укладывали ихъ наверху этой гекатомбы человѣческихъ жертвъ! Изъ груды этой высовывались то человѣческая рука или нога, то конская морда или копыто... По крайней мѣрѣ 3,000 труповъ легло здѣсь. За этою неслыханною баррикадой, остановившей нашихъ солдатъ, сидѣли, прижавшись къ стѣнѣ, тысячи полторы защитниковъ, спасшихся отъ смерти только благодаря остановкѣ нашихъ войскъ передъ грудою тѣлъ: первый жаръ разгоряченныхъ боемъ и ожесточившихся солдатъ успѣлъ утихнуть, и затѣмъ убійство прекратилось,—живые взяты въ плѣнъ. Между плѣнными оказалось 600 раненыхъ. Со страхомъ смотрѣли они на проѣз-

*) Туземные щеголи носятъ сапоги на высокихъ и тонкихъ, почти заостренныхъ каблукахъ. Понятно, что въ такой обуви не побѣжишь.

жавшихъ мимо нихъ русскихъ офицеровъ, жались къ стѣнѣ и подавленнымъ голосомъ молили о пощадѣ, повторяя свое „аманъ“. Весьма небольшому числу удалось, впрочемъ, выбраться въ поле черезъ калитку Ташкентскихъ воротъ, но здѣсь ихъ поджидалъ Пистолькорсъ съ казаками...

Между убитыми встрѣчалось много богато вооруженныхъ воиновъ, одѣтыхъ въ латы и шлемы съ большими кожаными, изукрашенными серебромъ и золотомъ щитами. Попадались и такіе, которые, судя по лицу и по тонкому бѣлью европейскаго происхожденія, давали поводъ подозрѣвать въ нихъ предпріимчивыхъ агентовъ соперничествующей съ нами державы: подозрѣніе это усиливалось еще и тѣмъ, что въ Джизакѣ найдено было большое количество револьверовъ, а также ударныхъ и нарѣзныхъ ружей европейскаго образца. Затѣмъ нѣкоторые европейскіе пріемы при оборонѣ крѣпости,—караульная служба, вылазки, очищеніе эспланады, исправленіе обваловъ,—все это заставляло многихъ подозрѣвать присутствіе въ Джизакѣ одного или нѣсколькихъ англичанъ... Но убитые молчатъ.

Не было еще и часу пополудни, какъ вся крѣпость была уже въ нашихъ рукахъ. Приняты были мѣры къ скорѣйшему возстановленію порядка въ городѣ, гдѣ уже вспыхнули кое-гдѣ пожары и прекратить напрасное кровопролитіе.

Вскорѣ войска были выведены изъ Джизака. Въ городѣ былъ оставленъ гарнизонъ изъ нѣсколькихъ ротъ и назначенъ комендантъ. Джизакъ отнынѣ сталъ русскимъ городомъ.

Въ то самое время, какъ происходило все описанное, въ тылу у насъ, передъ войсками, оставленными для прикрытія лагеря и передъ колонною Пистолькорса появились новыя массы бухарской кавалеріи, за которыми, въ растояніи одного перехода слѣдовало 2,000 сарбазовъ при 18 орудіяхъ. Это было подкрѣпленіе, высланное эмиромъ. Встрѣченное орудійнымъ огнемъ и узнавъ объ участи, постигшей Джизакъ, подкрѣпленіе это поспѣшно отступило и болѣе уже не показывалось.

Добыча была богатая и заключалась преимущественно въ оружіи, коняхъ и конской сбруѣ; однихъ коней отбито было такое множество, что напримѣръ, въ стрѣлковомъ баталіонѣ на каждаго рядового приходилось по лошади; этимъ обстоятельствомъ рѣшено было воспользоваться, и стрѣлковый баталіонъ отправленъ былъ въ Ташкентъ въ конномъ строю, напрямикъ черезъ безводную степь на Чиназъ, что для пѣшаго баталіона, за недостаткомъ воды, было бы весьма затруднительно. Былъ слухъ также, что солдаты нашли казначейство и, конечно, перевели всѣ его фонды на свое имя; серебряная монета (коканы) дѣйствительно появилась въ лагерѣ въ значительномъ количествѣ. Многіе изъ солдатъ приходили къ офицерамъ просить раз-

мѣнять коканы на кредитные билеты, потому что монету тяжело носить.

Трофеи дня, кромѣ крѣпости, состояли изъ 23 большихъ и 20 вьючныхъ орудій, 16 знаменъ и множества всякаго оружія. Потери непріятеля доходили до 6,000 человѣкъ. У насъ же за все время осады и въ день штурма потеря ограничилась 6 убитыми, 76 ранеными (въ томъ числѣ 5 офицеровъ: поручикъ Кузьминскій, подпоручики Аленичъ, Ржепецкій, Шпицбергъ и Рѣдкинъ) и 16 контуженными (въ томъ числѣ одинъ штабъ-офицеръ—подполковникъ Григорьевъ). Всего же 98 человѣкъ. Если сравнить эту потерю съ ура-тюбинской въ 228 человѣкъ, то разница въ 130 и будетъ служить краснорѣчивымъ доводомъ въ пользу обваловъ.

Съ такимъ урономъ, какъ подъ Ура-Тюбе, мы могли бы взять три такихъ крѣпости, если бы били бреши!

По взятіи Джизака рѣшено было уничтожить бухарскую крѣпостцу Яны-Курганъ по ту сторону Тамерлановыхъ воротъ, въ 25 верстахъ отъ Джизака. Находясь при входѣ въ ущелье, она всегда могла бы служить оплотомъ для бродячихъ шаекъ, и потому 21 октября колонна подъ начальствомъ полковника Мантейфеля (2 роты, 2 сотни и 2 орудія) заняла ее безъ выстрѣла, подорвала двумя минами и воротились въ Джизакъ.

22 октября генералы Крыжановскій и Романовскій выѣхали въ Ташкентъ. Экспедиція окончилась. Отъ бухарскаго эмира однакоже не было прислано не только посольства, но даже и никакихъ извѣстій. Такимъ образомъ, какъ началась экспедиція, по-азіатски, безъ объявленія войны,—такъ и окончилась безъ заключенія мира. Мы пришли, овладѣли территоріей въ нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ и все-таки не добились принятія эмиромъ нашихъ условій. Крыжановскій уѣхалъ въ Оренбургъ 1 ноября; вскорѣ за нимъ оставилъ навсегда край и Романовскій—11 декабря, сдавъ область и войска ген.-маіору Мантейфелю. Въ Джизакѣ оставленъ былъ передовой отрядъ въ 10 ротъ, 3 сотни и 12 орудій подъ командою подполк. Абрамова.

Такимъ образомъ Романовскій пробылъ на мѣстѣ и дѣйствительно губернаторствовалъ только 8½ мѣсяцевъ... получилъ нѣсколько наградъ и уѣхалъ... Не стоило для него смѣнять Черняева.

Изъ всѣхъ новопріобрѣтенныхъ земель образованъ былъ особый военный округъ, начальникомъ котораго назначенъ былъ извѣстный уже по своей дѣятельности въ Вильнѣ генералъ-адъютантъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ I. Надобно замѣтить, что до назначенія въ Вильну онъ долго занималъ мѣсто правителя канцеляріи военнаго министра при Милютинѣ. Человѣкъ большого ума и обширныхъ знаній, онъ соединялъ съ этимъ чисто русскіе взгляды на государственныя задачи Россіи, не смотря на нѣмецкое происхожденіе.

Интрига разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, женатыхъ на полькахъ, столкнула его съ виленскаго поста, на которомъ онъ казался польской справѣ крайне опаснымъ... Его иначе не называли, какъ „купецъ изъ милютиныхъ лавокъ“, остря надъ фамиліей его Кауфманъ и покровительствомъ Милютина.

Завоевано было уже такъ много, что, казалось бы, пора и остановиться, пора осмотрѣться да подумать объ упроченіи за собой всего завоеваннаго, объ организаціи мѣстнаго управленія и, наконецъ, о развитіи богатыхъ средствъ края. Трудно было выбрать для этого кого-нибудь лучше Кауфмана. Своею послѣдующею дѣятельностію онъ, по справедливости, пріобрѣлъ названіе „устроителя Туркестанскаго края“, которое и до сихъ поръ осталось за нимъ не потому только, что вырѣзано на мѣдной доскѣ въ ташкентскомъ соборѣ надъ могилой этого знаменитаго дѣятеля, а еще и потому, что никто изъ его преемниковъ не сдѣлалъ и десятой доли того, что сдѣлалъ для края Кауфманъ.

Государь Императоръ почелъ за благо снабдить новаго генералъ-губернатора политическимъ полномочіемъ, на веденіе переговоровъ и заключеніе трактатовъ со всѣми ханами и независимыми владѣтелями Средней Азіи. Отнынѣ миръ и война были въ его рукахъ. Ждать разрѣшеній изъ отдаленнаго Петербурга, не связаннаго еще телеграфомъ съ Ташкентомъ, было не нужно. Довѣряя благоразумію и осторожности Кауфмана, ему предоставлялась достаточная свобода въ примѣненіи быстроты и натиска.

Самая грамата въ золотомъ глазетовомъ переплетѣ, прошнурованная толстыми золотыми шнурами, пропущенными сквозь массивный серебряный вызолоченный ковчежецъ и залитыми краснымъ воскомъ съ вытѣсненною на немъ большою государственною печатью; большія золотыя кисти, прикрѣпленныя къ концамъ шнуровъ; текстъ, писанный золотомъ и крупными буквами въ рамкѣ изъ гербовъ всѣхъ губерній и областей Россіи, красивая подпись Императора Александра II,—все это вселяло въ именитыхъ туземцевъ, которымъ Кауфманъ не упускалъ случая показать „золотую книгу“, особое къ ней почтеніе и благоговѣніе. Коканскіе, бухарскіе и кашгарскіе послы также каждый разъ осматривали ее и убѣдились, наконецъ, что Кауфманъ дѣйствительно снабженъ огромными полномочіями и что недоступный для нихъ великій Бѣлый Царь предоставилъ ему по отношенію къ нимъ всю свою власть. Быстро разнеслась молва о золотой книгѣ и страшной власти, данной ею Кауфману. Народъ тотчасъ и придумалъ соотвѣтствующій такой власти титулъ: „Ярымъ Патьша“ т. е. полу-царь. Подъ этимъ названіемъ Кауфманъ извѣстенъ и до силъ поръ.—Его преемникамъ такого титула уже не давали.

ГЛАВА XIV.

Дѣйствія бухарскихъ партизановъ. Сыддыкъ. Анчоковъ. Мирные переговоры. Доводы генерала Мантейфеля въ пользу занятія передовымъ постомъ укр. Яны-Кургана. Дѣло 26 мая 1867 г. Своеволіе награждается. Мѣры, принятыя бухарцами. Дѣло 7 іюня. Дѣло 5 іюля. Индійскій посланецъ изъ Андура. Захватъ подпоручика Служенко. Новые переговоры съ бухарцами. Проектъ положенія объ управленіи краемъ. Организаціонныя коммиссіи. Мирный договоръ съ Кокаломъ. Мѣры къ уничтоженію разбойничества на передовой линіи. Рекогносцировка сѣвернаго склона хребта Нуратанынъ-Тау. Дѣло подъ Ухумомъ 7 марта 1868 года. Нападеніе на подпоручика Машина въ Джиланъ-Утинскомъ ущельѣ. Сборы генералъ-губернатора въ Петербургъ. Неудача эмира въ пріисканіи союзниковъ. Неудовольствія въ народѣ. Ривоядъ, постановленный духовенствомъ и беками въ чрезвычайномъ собраніи въ Бухарѣ. Объявленіе священной войны—газата.

Успокоительныя свѣдѣнія и депутаціи отъ китай-кипчаковъ и шахрисябцевъ послѣ взятія Джизака, казалось, ручались за спокойствіе края, а между тѣмъ, большая часть войскъ не видала своихъ штабовъ въ продолженіе 10 мѣсяцевъ и потому крайне нуждалась въ отдохновеніи. Вслѣдствіе этого, за исключеніемъ 10 ротъ пѣхоты, 2 сотенъ казаковъ, 8 батарейныхъ и 8 нарѣзныхъ орудій, оставленныхъ подъ Джизакомъ, остальныя войска распущены частью въ свои штабъ-квартиры, а частью во вновь занятыя пункты Зааминъ и Ура-Тюбе.

Въ первыхъ числахъ ноября, начали однакоже распространяться слухи, будто эмиръ, желая воспользоваться роспускомъ нашихъ войскъ на зимнія квартиры, вновь собираетъ свои войска въ Самаркандѣ и намѣревается двинуться къ Джизаку. Въ это же время стали усиливаться разбои и грабежи не только на сообщеніи Джизака съ Чиназомъ, но и на правомъ берегу Сыра и, наконецъ, даже въ окрестностяхъ Ташкента. Такъ какъ подобные безпорядки являются всегда въ связи съ воинственными замыслами сосѣднихъ ханствъ и такъ какъ слухи о приготовленіяхъ Бухары повторялись все настойчивѣе, то 6 ноября произведена была полковникомъ Краевскимъ рекогносцировка изъ Джизака по самарканской дорогѣ. Оказалось, что дѣйствительно эмиръ сосредоточилъ войска свои (до 8,000) верстахъ въ 40 впереди Самарканда, на каналѣ Ширазъ, но съ чисто оборонительною цѣлію, противъ кипчаковъ и шахрисябцевъ, готовыхъ ему измѣнить.

Что же касается до грабежей и разбоевъ, то поимка нѣсколь-

кихъ изъ такихъ барантачей и разслѣдованіе на мѣстѣ показали, что главными виновниками этихъ безпорядковъ были киргизы, пришедшіе изъ нашихъ же предѣловъ,—Чимкента, Ауліэ-Ата и даже изъ укрѣп. Вѣрнаго, съ цѣлію служить при отрядѣ милиціонерами, по примѣру прежнихъ лѣтъ. А какъ разсчеты ихъ на экспедицію, а слѣдовательно, на добычу, не оправдались, то необходимость заставила ихъ добывать себѣ средства къ жизни отъ мирнаго населенія.

6 декабря, часть партіи Сыддыка, человѣкъ до 100, сдѣлала засаду за постройками Мурза-рабата (колодцы между Чиназомъ и Джизакомъ), куда подходилъ транспортъ со спиртомъ, подъ прикрытіемъ роты пѣхоты. Такъ какъ воды обыкновенно бываетъ мало, да и та послѣднимъ достается замутненной до степени жидкой и вонючей грязи, то въ оказіи всегда найдется нѣсколько смѣльчаковъ, опережающихъ отрядъ на нѣсколько верстъ, чтобы только придти раньше другихъ на колодцы и добыть себѣ порядочной воды. Партизаны Сыддыка хорошо знали это обыкновеніе и рѣшились имъ воспользоваться. Нѣсколько приказчиковъ и солдатъ дѣйствительно опередили роту, и едва подошли къ муллушкѣ (такъ называютъ здѣсь купольную постройку въ родѣ колпака надъ колодцами), какъ изъ нея внезапно выскочила засада. Завязалась перестрѣлка, на которую тотчасъ же подоспѣла рота. Партизаны бѣжали, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ, но успѣли захватить съ собою одного унтеръ-офицера; кромѣ того, во время перестрѣлки у насъ убиты: одинъ приказчикъ, слѣдовавшій при транспортѣ, и одинъ сартъ арбакашъ (возчикъ).

Весною 1867 года, эмиръ прислалъ новаго посла для переговоровъ о мирѣ. Поставивъ главною цѣлію стремленіе къ возвращенію Ура-Тюбе и Джизака, эмиръ желалъ лишь протянуть переговоры, чтобы успѣть приготовиться къ войнѣ, въ случаѣ, ихъ неудачи Личность Мусса-бека, бухарскаго посланца, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала этой цѣли: во все время переговоровъ, продолжавшихся около года, онъ хитрилъ, лгалъ и нерѣдко прикидывался ровно ничего не понимающимъ въ томъ, что дѣлалось, говорилось и даже было окончательно рѣшено. Съ перваго шага своего на нашу землю, этотъ дипломатъ уже повелъ интригу и былъ скорѣе лазутчикъ, чѣмъ посолъ. Такъ, въ фортѣ № 1, онъ приглашалъ нашихъ солдатъ на службу въ Бухару, подговаривалъ татаръ къ измѣнѣ, обѣщая имъ видное положеніе и щедрое вознагражденіе за службу.

Незадолго до его пріѣзда въ Казалинскъ, по Сыръ-Дарьинской линіи пронесся слухъ о сборахъ Сыддыка Кениссарова для нападенія на линію. Комендантъ форта Перовскій пропустилъ это

мимо ушей, а комендантъ Казалинска, маіоръ Юній *) выслалъ 4 мая за рѣку, по караванной дорогѣ на Бухару эсаула Анчокова, съ 78 казаками. Эсаулъ былъ довольно безпеченъ. Пройдя 143 версты отъ форта, онъ остановился 7 мая на урочищѣ Сары-Булакъ и съ 20 казаками при 1 урядникѣ повелъ всѣхъ лошадей на водопой. Взято было только 7 ружей. Вдругъ на него налетѣла шайка Сыддыка... Въ мигъ 14 казаковъ было убито, 6 взято въ плѣнъ, всѣ лошади захвачены. Самъ Анчоковъ съ урядникомъ едва ускакалъ въ лагерь, гдѣ 58 казаковъ отбивались трое сутокъ, наконецъ, истомленные жаждою, бросили всѣ тяжести и пошли пѣшкомъ по дорогѣ въ фортъ. Киргизы бросились грабить лагерь, а казаковъ оставили въ покоѣ... Тѣ пришли въ Казалинскъ только къ ночи 13 мая. Сыддыкъ разграбилъ еще Акъ-Джарскую почтовую станцію и ушелъ въ Бухару.

Бухарскій посолъ прибылъ въ Оренбургъ въ началѣ мая и открылъ переговоры съ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, просьбою объ уступкѣ Ура-Тюбе и Джизака и о томъ, чтобы граница между Бухарой и Россіей была опредѣлена по лѣвому берегу Сыръ-Дарьи. При неумѣстности дѣлать какія бы то ни было уступки Бухарѣ, не могло быть, конечно, и рѣчи объ Ура-Тюбе и Джизакѣ, взятыхъ съ боя.

Предложенный генераломъ Крыжановскимъ трактатъ, въ общихъ чертахъ, удостоился высочайшаго одобренія, и такъ какъ политическое полномочіе на право веденія войны и заключенія мира было передано новому туркестанскому генералъ-губернатору, то трактатъ этотъ предоставлено подписать генералу Крыжановскому, но по обсужденіи и соглашеніи съ генераломъ фонъ-Кауфманомъ. Проектированный трактатъ состоялъ изъ десяти статей, но генералъ фонъ-Кауфманъ счелъ необходимымъ включить еще двѣ: о свободномъ допускѣ во всѣ города Бухаріи и покровительствѣ русскимъ торговымъ лицамъ, и о порядкѣ будущихъ сношеній эмира исключительно съ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. Кромѣ того, право пріобрѣтенія русскими подданными недвижимыхъ имуществъ въ Бухаріи было оговорено необходимостію имѣть для этого разрѣшеніе отъ туркестанскаго генералъ-губернатора. Наконецъ, по вопросу о границахъ генералъ фонъ-Кауфманъ счелъ возможнымъ и даже необходимымъ уступить бухарцамъ взятую у нихъ крѣпость Яны-Курганъ, расположенную по ту сторону Нуратынскихъ горъ и въ 7 верстахъ впе-

*) Это тотъ самый, который, въ чинѣ подпоручика Модлинскаго полка, засѣлъ въ башню Малахова кургана во время штурма Севастополя и отстрѣливался съ нѣсколькими солдатами отъ 3000 французовъ. Маршалъ Пелисье, въ приказѣ по арміи, поставилъ его въ примѣръ. Наполеонъ III пожаловалъ плѣнному Юнію орд. Почетнаго Легіона, отъ котораго тотъ отказался.

реди выхода изъ Джизакскаго ущелья. Нисколько не обезпечивая Джизакъ водою, крѣпость эта, выступающимъ изъ линіи положеніемъ своимъ, какъ бы вызывала эмира на борьбу. Такъ какъ эмиръ прямо объявилъ нашимъ властямъ въ Джизакѣ и повторялъ это въ письмахъ къ Крыжановскому, что онъ до тѣхъ поръ не распуститъ войска, пока мы не очистимъ Яны-Кургана, то, не желая подавать повода къ столкновеніямъ и въ видахъ упроченія давно желаннаго мира, генералъ фонъ-Кауфманъ рѣшился на эту уступку тѣмъ охотнѣе, что въ письмахъ къ эмиру онъ обусловилъ эту уступку подписаніемъ и исполненіемъ заключеннаго нами договора, и потому можно было надѣяться, что отступленіе наше не будетъ истолковано, какъ признакъ нашей слабости. Перечисленныя измѣненія были приняты Крыжановскимъ, и подписанный имъ, 14 сентября 1867 г., трактатъ былъ врученъ бухарскому послу. Въ статьѣ 1-й устанавливалась новая граница Россійской Имперіи съ Бухарою, по хребту Кашгаръ-Давану, со включеніемъ ущелья Джиланъ-Уты, далѣе по Нуратынскимъ горамъ до песковъ Кизылъ-Кумъ, оттуда къ Буканъ-Тау и къ устью Сыръ-Дарьи; въ статьѣ 2-й договаривающіяся стороны предоставляли себѣ право командировать довѣренныхъ лицъ для точнѣйшаго опредѣленія границъ на мѣстѣ; статья 3-я обязывала обѣ стороны принимать мѣры для взаимнаго обезпеченія противъ самовольныхъ вторженій и набѣговъ пограничныхъ бековъ, шаекъ грабителей и т. п.; статьею 4-ю подданнымъ обѣихъ договаривающихся сторонъ разрѣшался свободный пропускъ во всѣ города Россіи и Бухаріи; статья 5-я обязывала эмира уравнять нашихъ подданныхъ въ платежѣ караванныхъ и другихъ сборовъ съ подданными ханства; статья 6-я опредѣляла право русскихъ подданныхъ заводить, гдѣ пожелаютъ, караванъ-сараи, ни для кого неприкосновенные статья 7-я обязывала эмира допускать русскихъ караванъ-башей во всѣхъ городахъ, гдѣ это признается нужнымъ; статья 8-я касалась права русскихъ подданныхъ селиться и пріобрѣтать недвижимыя имущества въ бухарскихъ владѣніяхъ, съ разрѣшенія туркестанскаго генералъ-губернатора; статьею 9-ю требовалось, чтобы судъ и расправа надъ русскими подданными, совершившими преступленіе въ Бухарѣ, принадлежали не бухарскимъ властямъ, а туркестанскому генералъ-губернатору; статья 10-я обязывала эмира принять мѣры къ обезпеченію русскихъ каравановъ отъ разбойническихъ нападеній; статья 11-я опредѣляла порядокъ будущихъ сношеній, письменныхъ, и личныхъ между договаривающимися сторонами; статья 12-я, заключительная, касалась обоюднаго обязательства хранить свято и ненарушимо подписанный трактатъ. Контрибуціи Крыжановскій уже не требовалъ: она ему была нужна только, какъ предлогъ для войны... Тому же послу генералъ фонъ-Кауфманъ вручилъ письмо къ эмиру, котораго увѣдомлялъ о своемъ

назначеніи и о желаніи поддерживать мирныя отношенія съ сосѣдями, но при этомъ счелъ необходимымъ прибавить: „война противна моему Государю, но она, по волѣ Его, неизбѣжна, если сосѣди не соблюдаютъ святости договоровъ и неприкосновенности границъ и несправедливо поступаютъ съ Его подданными. Недавнее прошлое да послужитъ тому примѣромъ и да удержитъ оно каждаго отъ вражды съ Россіею". Вмѣстѣ съ письмомъ послу была вручена и копія съ высочайше дарованнаго генералу фонъ-Кауфману (въ 17 день іюля 1867 года) полномочія: къ рѣшенію всякихъ политическихъ, пограничныхъ и торговыхъ дѣлъ, къ отправленію въ сосѣднія владѣнія довѣренныхъ лицъ и къ подписанію трактатовъ. Такъ какъ посолъ отправился въ сентябрѣ, то можно было разсчитывать, что отвѣтъ эмира поспѣетъ въ Ташкентъ къ концу октября; въ этомъ смыслѣ было и писано эмиру. На дѣлѣ это не оправдалось: прибывъ въ Ташкентъ 7 ноября, генералъ фонъ-Кауфманъ не нашелъ тамъ бухарскаго посла, а между тѣмъ, съ передовой линіи были получены тревожныя извѣстія о наводненіи окрестностей шайками разбойниковъ, организованными пограничными беками.

Это окончательно выяснило характеръ бухарской дипломатіи. Теперь уже никакими недоразумѣніями, ошибками и незнаніемъ бухарцы оправдываться не могли.

Одновременно съ отправленіемъ посла, эмиръ Сеидъ-Музафаръ усердно заботился объ увеличеніи своихъ войскъ. Съ этою цѣлію онъ даже нанялъ 10,000 туркменовъ, платя каждому изъ нихъ по 40 коп. сер. въ день.

По назначеніи Кауфмана и до его прибытія въ край, пограничныя отношенія съ Бухарою были довольно тревожны. Мы говорили уже, что передъ самымъ отъѣздомъ изъ края, послѣ взятія Джизака, Крыжановскій поручилъ Мантейфелю 21 октября 1866 года разрушить бухарскую крѣпостцу по ту сторону Тамерлановыхъ воротъ или Джиланъ-Утынскаго ущелья (Джизакское тожъ). А какъ объ этомъ Яны-Курганѣ, впослѣдствіи было немало препирательствъ между нами и бухарцами, то необходимо разсказать, какимъ образомъ онъ снова попалъ въ наши руки.

Джизакскій и ура-тюбинскій раіоны были въ началѣ 1867 года наводнены бухарскими эмиссарами, возбуждавшими противъ насъ населеніе, собиравшими съ этого населенія подати въ казну эмира и подговаривавшими нашихъ солдатъ къ измѣнѣ и дезертирству. Тогда же начались въ городахъ и нападенія на нашихъ одиночныхъ солдатъ и часовыхъ. Начатыя работы организаціонныхъ коммиссій стали встрѣчать глухую оппозицію, что принудило администрацію дѣйствовать весьма осторожно и нерѣшительно.

Въ срединѣ апрѣля изъ войскъ Джизакскаго отряда дѣйствительно начались побѣги солдатъ магометанскаго исповѣданія. Въ

два дня бѣжало 5 человѣкъ. По всѣмъ даннымъ, сопровождавшимъ эти побѣги, можно было заключить, что подговоръ солдатъ къ побѣгамъ и предоставленіе имъ для этого всѣхъ средствъ— есть дѣло правильно организованнаго общества. Немедлено же приняты были мѣры. Нѣсколько человѣкъ агентовъ пойманы и трое изъ нихъ казнены повѣшеніемъ. Побѣги прекратились.

20-го апрѣля довольно сильная партія бухарцевъ, спустившись съ Нуратынскихъ горъ, кинулась въ 8 верстахъ отъ города на стадо рогатаго скота, принадлажавшаго жителямъ Джизака; пастухъ былъ связанъ хищниками и брошенъ въ оврагъ, стадо же погнано къ горамъ. Черезъ два часа, товарищъ связаннаго пастуха вернулся изъ города куда ѣздилъ за провизіей и узнавъ о происшествіи, отправился обратно въ городъ и далъ знать коменданту, который немедленно выступилъ съ командою своихъ джигитовъ, пригласивъ и подполковника Абрамова принять участіе въ преслѣдованіи барантачей. Взявъ съ собою 60 казаковъ и ракетную команду, Абрамовъ кинулся изъ лагеря прямо на западъ, паралельно горамъ. Хотя, по времени, барантачи имѣли передъ нами, по крайней мѣрѣ, 4 часа лишнихъ,—но преслѣдованіе могло заставить ихъ бросить скотъ, показать нашу всегдашнюю готовность преслѣдовать грабителей, а это, въ свою очередь, должно было произвести на жителей хорошее впечатлѣніе. Сдѣлавъ около 20 верстъ, на полныхъ рысяхъ, отряды наши настигли барантачей, которые бросили отбитый ими скотъ и бѣжали. Не досчитались только 19 головъ. Такъ какъ время приближалось уже къ вечеру, а партія разсѣялась, то, ограничившись отбитіемъ скота, казаки вернулись обратно. Жители были необыкновенно довольны нашей готовностью помогать имъ и вышли всѣ съ благодарностями на встрѣчу коменданту, который возвращался прямо въ городъ.

Эмиръ, давно начавшій приготовленія, не рѣшался однакоже начать военныя дѣйствія, тѣмъ болѣе, что въ неоднократныхъ совѣщаніяхъ у него большинство постоянно высказывалось за выжидательный способъ дѣйствій,—а между тѣмъ, обладаніе нами самою сильною бухарскою крѣпостію и вблизи Самарканда не давало эмиру покоя. Говорятъ, онъ объявилъ даже своимъ военачальникамъ, что тому изъ нихъ, кто возьметъ лагерь Джизакскаго отряда и городъ Джизакъ, онъ подаритъ Самаркандъ!

Надобно сознаться, что такое враждебное настроеніе эмира было слѣдствіемъ усвоенной нами системы дѣйствій и поддерживалось разными ненужными рекогносцировками по дорогѣ къ Самарканду (21-го октября, 6-го и 23-го ноября 1866). Эмиръ очень хорошо и по опыту зналъ также, что на обѣщанія отдаленнаго генералъ-губернатора ему полагаться не слѣдуетъ, что для него гораздо опаснѣе второстепенные и младшіе наши офицеры, командовавшіе передовыми постами, а степень предпріимчивости этихъ

офицеровъ была извѣдана эмиромъ и точно опредѣлена на собственныхъ бокахъ,—аппаратѣ достаточно чувствительномъ...

Офицеры эти, конечно, по незнакомству съ высшей политикой, значительно расходились съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ во взглядѣ на отношенія наши къ сосѣднимъ ханствамъ; о комбинаціяхъ же, могущихъ возникнуть на полѣ европейской дипломатіи изъ-за какого-нибудь Яны-Кургана или Самарканда никогда и не помышляли.

Оставшійся за губернатора, по отъѣздѣ Романовскаго, генералъ-маіоръ Мантейфель испрашивалъ (рапортомъ отъ 24-го мая 1867 г. № 5,178) разрѣшенія занять Яны-Курганъ и перенести туда Джизакскій постъ, приводя самые удивительные, по своей несообразности, резоны: „между Джизакомъ и Яны-Курганомъ,—писалъ онъ,—находится довольно значительное населеніе, которое въ настоящее время не платитъ намъ никакой подати, такъ какъ оно имѣетъ полную возможность отклониться отъ этой платы переходомъ къ Яны-Кургану“. Но, во-первыхъ, въ ущельѣ никогда никакого, а не только значительнаго населенія не бывало (пастуховъ, пасшихъ здѣсь свои стада, конечно, за населеніе считать нельзя), а во-вторыхъ, если бы населеніе и было, то можно ли считать поводомъ къ нападенію на него, что оно признаетъ власть бухарскаго эмира? Вѣдь по занятіи Яны-Кургана нашъ генералъ тотчасъ бы открылъ, что и за этою крѣпостію есть населеніе, намъ дани не платящее; а куда бы насъ привела эта погоня за данниками?

Далѣе Мантейфель увѣрялъ, будто Джизакскій отрядъ находится въ зависимости отъ этихъ жителей въ отношеніи продовольствія, и въ доказательство ссылался на возвышеніе базарныхъ цѣнъ каждый разъ, какъ только распространится слухъ о движеніи эмира... Такимъ образомъ даже это естественное явленіе, какъ возвышеніе цѣнъ вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ и опасенія окрестныхъ жителей попасть между двухъ огней со своими запасами,—поставлено въ вину Яны-Кургану! Даже въ Оренбургѣ положительно было извѣстно, что Джизакъ получаетъ продовольственные припасы изъ ура-тюбинскаго раіона, цвѣтущаго земледѣліемъ, благодаря множеству арыковъ и горныхъ участковъ (ляльми), не нуждающихся въ искусственномъ орошеніи, что въ Джизакскомъ ущельѣ никакихъ посѣвовъ нѣтъ и не было. Это знали, конечно, и въ Джизакѣ, знали также и въ Ташкентѣ, но для предлога годится и невѣрное освѣщеніе фактовъ. Кромѣ приведенныхъ доводовъ, указывалось еще и на то, что „вода въ Джизакѣ беретъ свое начало за Яны-Курганомъ, и такимъ образомъ, слѣдовательно, находится въ рукахъ непріятеля“. Выгоды же отъ занятія Яны-Кургана, по мнѣнію Мантейфеля, заключались во томъ, что: 1) мы приближались къ поселеніямъ китай-кипчаковъ (подъ Самаркандомъ),

искавшихъ нашего покровительства, и 2) въ томъ, что лагерь за ущельемъ пріостановитъ набѣги и разбои шайки Сыддыка „на пространствѣ отъ Кизылъ-Кумовъ къ Сыръ-Дарьѣ“, на томъ основаніи, что главный притонъ Сыддыка находится въ Нуратѣ, и Яны-Курганъ придется ему въ тылъ! Забылъ генералъ, что партизанскій притонъ можетъ переноситься съ мѣста на мѣсто, забылъ онъ также, что у партизана нѣтъ тыла, и если партія пошла въ набѣгъ, то для нея Нурата также нужна, какъ и Джизакъ!

Да, наконецъ, лѣтомъ-то, и еще киргизу какой такой особенный притонъ нуженъ? Поставили кибитки въ степи около какого-нибудь колодца—вотъ и притонъ! Вдоль Нуратынскаго хребта ручьевъ сколько угодно, травы весною также; въ ущельяхъ не мало трудно доступныхъ ауловъ кавказкаго типа. Яны-Курганъ совсѣмъ разбойникамъ не нуженъ.

У партизана притонъ и долженъ быть передвижнымъ: сегодня здѣсь, а завтра за 50 верстъ.

Послѣдствія показали всю справедливость высказаннаго нами, ибо послѣ занятія Яны-Кургана, Сыддыкъ сдѣлался еще предпріимчивѣе, а мы въ Нурату все-таки ни разу не ходили! Генералъ Крыжановскій, конечно, не могъ признать уважительными такихъ ребяческихъ доводовъ и строго предписалъ (21 іюня № 4913) „ни подъ какимъ предлогомъ не переходить за ущелье Джиланъ-Уты“, такъ какъ и по занятіи Яны-Кургана „тѣ же причины, дѣйствительныя или мнимыя, заставятъ насъ двигаться къ Самарканду, а потомъ и далѣе, что будетъ противно видамъ нашего правительства“. Но уже было поздно: донесеніе Мантейфеля отъ 24-го мая было только простою формальностію, такъ какъ на другой же день, 25-го числа, командовавшій джизакскимъ отрядомъ подполковникъ Абрамомъ выступилъ съ 3-мя ротами пѣхоты, 2-мя сотнями казаковъ, дивизіономъ артиллеріи и дивизіономъ ракетной команды къ Яны-Кургану, который и занялъ въ томъ же день.

На другой день утромъ, Абрамовъ рѣшился произвести рекогносцировку верховій рѣчки Джиланъ-Уты, гдѣ находились и запруды, распредѣлявшія воду между прилегавшими къ рѣчкѣ участками; пройти слѣдовало нѣсколько болѣе 18 верстъ. Такъ какъ дорога несовершенно удобна для повозокъ, то Абрамовъ отправился съ легкимъ отрядомъ изъ 2 сотенъ казаковъ при 4 ракетныхъ станкахъ. Пройдя 12 верстъ, Абрамовъ замѣтилъ небольшую партію бухарцевъ, человѣкъ въ 300, заходившую въ тылъ отряду, но державшуюся внѣ ружейнаго выстрѣла. Пройдя еще 5 верстъ, онъ замѣтилъ въ тылу же массу кавалеріи, выдвигавшуюся изъ-за бугра и занимавшую близъ лежавшіе сады

и сакли. Сила непріятельскаго скопища простиралась на глазъ до 6,000 чел., а по одеждѣ всадниковъ и по головному убору ихъ видно было, что вся масса состояла изъ однихъ туркменъ. Отрядъ нашъ спѣшился, построился въ большую кучу и отбилъ всѣ нападенія непріятеля, продолжавшіяся около получаса. Отбитые на всѣхъ пунктахъ и потерявшіе много людей, туркмены отступили въ сады, оставивъ въ виду отряда только небольшія цѣпи. Нашимъ однакоже пришлось отказаться отъ рекогносцировки и пробиваться силою назадъ къ Яны-Кургану. Быстрымъ движеніемъ наши войска разсѣяли толпы, стоявшія на дорогѣ и очистили себѣ путь; но въ 8 верстахъ отъ Яны-Кургана туркмены, оправившись отъ перваго пораженія, рѣшились снова попытать счастія и стремительно понеслись въ атаку, но и на этотъ разъ были опрокинуты. Не успѣли они выдти изъ-подъ выстрѣла, какъ со стороны Яны-Кургана замѣчена была большая пыль. То была рота стрѣлковаго баталіона поручика фонъ-Транзе и взводъ облегченной казачьей № 2 батареи; артиллерія ѣхала рысью, а рота бѣжала бѣгомъ. Отрядъ этотъ выслалъ маіоръ Штемпель (остававшійся старшимъ въ Яны-Курганѣ). Рота тотчасъ разсыпалась въ цѣпь и вмѣстѣ съ артиллеріей кинулась впередъ, отбросивъ толпы непріятеля на двѣ версты къ возвышенности. Вслѣдъ затѣмъ прибѣжала изъ крѣпости и другая стрѣлковая рота штабсъ-капитана Сверчкова.

Такъ какъ преслѣдованіе туркменъ было бы совершенно безполезно и почти невозможно, то Абрамовъ остановилъ отрядъ на томъ мѣстѣ, гдѣ кончилось дѣло, и дождался, пока непріятель не скрылся изъ виду; послѣ чего отрядъ былъ отведенъ къ Яны-Кургану.

Дѣло продолжалось 2¼ часа. Наша потеря состояла изъ 1 убитаго казака, 4 раненыхъ (въ томъ числѣ 1 оберъ-офицеръ) и 6 контуженныхъ.

Донося военному министру о движеніи Абрамова (отъ 24 іюня № 394), Крыжановскій писалъ: „при этомъ считаю нужнымъ заявить вашему высокопревосходительству, что подобное своеволіе со стороны подполковника Абрамова, предпринявшаго движеніе, не получивъ на то разрѣшенія отъ генералъ-маіора Мантейфеля, я нахожу въ высшей степени непростительнымъ и чтобы разъ навсегда прекратить такіе своевольные поступки со стороны частныхъ начальниковъ въ Туркестанской области, признаю полезнымъ поручить и. д. туркестанскаго военнаго губернатора произвести строжайшее изслѣдованіе о причинахъ, заставившихъ подполковника Абрамова рѣшиться на такой поступокъ; но независимо отъ этого, находя, что войска, участвовавшія въ дѣлѣ, исполнили свой долгъ блистательнымъ образомъ,

испрашиваю разрѣшенія на представленіе особенно отличившихся къ наградамъ“

Въ этомъ и весь секретъ: слѣдствія и выговоры само собою а награды само собою... Такимъ образомъ создалась у насъ своеобразная система дѣйствій въ Средней Азіи: начальникамъ мелкихъ отрядовъ предоставлялась свобода почина, нерѣдко вопреки видамъ правительства; результаты же ихъ предпріимчивости признавались правительствомъ, какъ совершившійся фактъ, „достояніемъ исторіи“, а предпріимчивый передовикъ, вслѣдъ за замѣчаніемъ, получалъ и награду *).

Поэтому жалобы Крыжановскаго на то, что въ Туркестанской области „воцаряется полный безпорядокъ“ и что онъ нисколько не будетъ удивленъ, „если подполковникъ Абрамовъ двинется и на Самаркандъ“, кажутся по меньшей мѣрѣ напрасными...

Итакъ, передовой отрядъ нашъ былъ передвинутъ на 25 вер. ближе къ Самарканду. Эмиръ видѣлъ въ этомъ нѣчто не согласующееся съ ходомъ мирныхъ переговоровъ въ Оренбургѣ, а это способно было окончательно сбить съ толку и безъ того не сильнаго въ законахъ международнаго права, полудикаго властителя. Онъ тотчасъ принялъ свои мѣры, весьма впрочемъ обыкновенныя: высылка разбойничьихъ шаекъ и партизанскихъ отрядовъ въ наши предѣлы, назначеніе цѣны за каждую русскую голову (до 1,000 кокановъ, т. е. до 200 р.), возбужденіе жителей нашей территоріи къ неплатежу податей и возмущенію и, наконецъ, возбужденіе нашихъ солдатъ изъ мусульманъ къ измѣнѣ.

Послѣ дѣла 26 мая бухарцы расположились лагеремъ въ 7 верстахъ отъ Яны-Кургана по самаркандской дорогѣ, куда въ послѣдующіе дни постоянно прибывали и подкрѣпленія. Въ виду возможности возобновленія нападенія, тогда же сдѣланы были распоряженія объ усиленіи нашего отряда подъ Яны-Курганомъ и вообще боевыхъ средствъ въ Джизакѣ. Послѣдствія оправдали предположенія. Уже 3 іюня было получено свѣдѣніе, что передъ Яны-Курганомъ стоитъ только передовой отрядъ изъ туркменъ до 8,000 и что сзади, въ 32 вер., у Каменнаго моста (Ташъ-купрюкъ), расположенъ главный отрядъ самаркандскаго бека. Затѣмъ, 5 іюня непріятель занялъ позицію въ 9½ вер. отъ крѣпости и началъ окапываться, а 6 числа завязалъ перестрѣлку съ находившимися впереди 2 ротами отряда.

Общее тревожное положеніе дѣлъ въ Джизакскомъ и Зааминскомъ раіонахъ становилось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже; грабежи, убійства и нападенія на жителей случались ежедневно, населеніе стало волноваться. Въ такихъ обстоятельствахъ

*) Абрамовъ получилъ чинъ полковника.

Абрамовъ рѣшился сдѣлать нечаянное нападеніе и аттаковать бухарскій лагерь. Войска раздѣлены были на 2 колонны; одна изъ нихъ, главная, подъ начальствомъ самого Абрамова, должна была аттаковать съ фронта и состояла изъ 3 ротъ пѣхоты, 4 батарейныхъ орудій, 1½ сотни казаковъ съ 2 ракетными станками. Вторая колонна, порученная капитану Гриппенбергу и назначавшаяся для обхода и аттаки праваго фланга непріятеля, состояла изъ 3 ротъ пѣхоты, съ 2 орудіями, 30 казаками и 2 ракетными станками. Остальныя войска (2 роты и 4 орудія) оставлены въ крѣпости.

Въ 2 часа утра, выступила обходная колонна Гриппенберга, а черезъ полчаса и главная. Болѣе половины пути войска наши прошли совершенно незамѣченными. Затѣмъ, когда въ непріятельскомъ лагерѣ произошла тревога, отрядъ развернулся въ боевой порядокъ и, подойдя къ лагерю на пушечный выстрѣлъ, остановился и открылъ огонь.—Это всегдашняя манера Абрамова: начинать дѣло артиллеріей съ разстоянія возможно дальняго. Въ этомъ случаѣ впрочемъ такая манера могла быть оправдана необходимостію дать Гриппенбергу время совершить обходъ. Послѣ первыхъ, весьма удачныхъ выстрѣловъ нашей артиллеріи, конныя толпы непріятеля смѣшались и главная колонна подвинулась впередъ, остановившись въ 400 саженяхъ отъ лагеря, въ ожиданіи дѣйствій со стороны Гриппенберга. Раздавшіеся оттуда орудійные выстрѣлы послужили сигналомъ къ фронтальной аттакѣ лагеря. Приказавъ маіору Штемпелю разсыпать обѣ роты стрѣлковаго баталіона, Абрамовъ быстро двинулся впередъ. Съ крикомъ „ура“ войска наши бросились прямо на непріятельскія батареи, для защиты которыхъ тотчасъ выступили густыя массы сарбазовъ. Сдѣлавъ по нимъ залпъ, войска наши съ новою стремительностію кинулись впередъ, намѣреваясь ударить въ штыки; но сарбазы не дождались удара и въ безпорядкѣ повернули назадъ вмѣстѣ съ конницею. Вслѣдъ за ними ворвались въ лагерь и наши войска; сарбазы бѣжали толпами въ разныхъ направленіяхъ, обозначая путь тѣлами раненыхъ и убитыхъ.

Гриппенбергъ дѣйствовалъ также удачно на правомъ флангѣ. Атакованный массою (до 12,000), бухарской конницы, онъ отразилъ ее и, преслѣдуя эти массы, быстрымъ натискомъ содѣйствовалъ скорому и полному разбитію непріятеля. Къ 6 часамъ утра лагерь былъ уже въ нашихъ рукахъ и совершенно очищенъ отъ непріятеля, который поспѣшно бѣжалъ по направленію къ Самарканду. Преслѣдованіе продолжалось верстъ 5, и затѣмъ отрядъ нашъ возвратился къ Яны-Кургану.

По показанію плѣнныхъ, числительность бухарскихъ войскъ доходила до 115,000 человѣкъ, въ томъ числѣ до 20,000 разнаго

сброда *). Въ самомъ лагерѣ найдено большое количество артиллерійскихъ зарядовъ, патроновъ и снарядовъ; кромѣ того, взято много ружей, два большихъ знамени и палатка бека со всѣмъ имуществомъ. Благодаря смятенію непріятельскаго войска, потеря съ нашей стороны состояла лишь въ двухъ легко-раненыхъ и одномъ безъ вѣсти пропавшемъ. Остатки разбитаго непріятеля (до 20,000) собрались на позиціи у Каменнаго моста. Блестящій исходъ дѣла 7 іюня произвелъ свое дѣйствіе: окрестные жители успокоились и стали возвращаться въ свои волости; базары въ Джизакѣ, Зааминѣ и Ура-Тюбе оживились; шайки барантачей скрылись.

Но такое положеніе дѣлъ продолжалось недолго. Уже въ первыхъ числахъ іюля, въ окрестностяхъ Яны-Кургана снова начали появляться шайки и мелкія партіи бухарскихъ войскъ; такъ, 3 іюля произведено было нападеніе на отрядъ, высланный на фуражировку, причемъ 1 казакъ былъ убитъ и 1 раненъ. Немедленно послана была погоня за партизанами, но преслѣдованіе должно было прекратиться, вслѣдствіе появленія 4-тысячнаго скопища бухарцевъ, которые и завязали съ нашимъ отрядомъ перестрѣлку, но были разстроены огнемъ нашей пѣхоты и поспѣшно отступили къ горамъ, вправо отъ самаркандской дороги.

Начавшіеся еще въ половинѣ іюня незначительные набѣги мелкихъ партій на киргизъ, кочевавшихъ по лѣвому берегу, Дарьи, между Чиназомъ и Чардары, приняли къ концу іюня до того серьезные размѣры, что завѣдывавшій за-дарьинскими киргизами сотникъ Бухаринъ рѣшился разорить главный притонъ разбойниковъ укрѣпленную мазарку (надмогильная постройка Ата, гдѣ пріютился главный разбойникъ Тель-гомей.

Взявъ изъ Чардарынскаго отряда роту пѣхота, 1/2 сотни казаковъ и 2 ракетныхъ станка, Бухаринъ съ 45-ю своихъ джигитовъ выступилъ 28 іюня по направленію къ Ата, настигъ партію Тель-гомея и уничтожилъ ее, причемъ самъ атаманъ былъ тяжело раненъ, но, подхваченный нѣсколькими сообщниками, увезенъ въ горы. 500 барановъ и 40 верблюдовъ достались въ руки нашему отряду, потерявшему только 2-хъ легко-ранеными (1 казакъ и 1 джигитъ).

3-го іюля, по близости Яны-Кургана опять расположился главный бухарскій лагерь и въ тотъ же день нѣсколько отдѣльныхъ партій приблизились къ крѣпости, но были отброшены. Съ разсвѣтомъ

*) Слѣдуетъ впрочемъ предупредить, что показанія плѣнныхъ всегда преувеличивающихъ свои силы, вертятся обыкновенно около Кыркъ-мингъ, т. е. сорокъ тысячъ,—слово равнозначущее нашему «видимо-невидимо», или «тьма тьмущая»; у насъ же принимали это выраженіе за чистую монету. Да и чего ихъ жалѣть!

5 іюля въ бухарскомъ лагерѣ было замѣтно особое движеніе, и вслѣдъ затѣмъ большія массы непріятельской кавалеріи начали подходить съ разныхъ сторонъ къ нашей позиціи, занимая окрестные сады и высоты; вскорѣ весь непріятельскій лагерь передвинулся ближе, и главная масса его расположилась на возвышенностяхъ, верстахъ въ 5 отъ крѣпости. Въ 9 часовъ бухарцы, выславъ густую цѣпь наѣздниковъ и занявъ ближайшія къ намъ высоты, открыли огонь по нашему отряду. Какъ только силы непріятеля достаточно выяснились, полковникъ Абрамовъ устроилъ свой отрядъ для аттаки слѣдующимъ образомъ: на правомъ флангѣ шелъ маіоръ Гриппенбергъ съ 2 ротами и 2 нарѣзными орудіями, въ центрѣ подполковникъ Пищемуки съ 3 ротами и на лѣвомъ флангѣ маіоръ Штемпель съ сотнею казаковъ, 2 облегченными орудіями и ракетною командою; во второй линіи была только одна рота пѣхоты, въ видѣ частнаго резерва лѣваго нашего фланга. Для обезпеченія же тыла изъ крѣпости высланы были еще $1^1/_2$ роты при 2 батарейныхъ орудіяхъ.

Съ движеніемъ нашихъ войскъ впередъ, непріятель сталъ группироваться преимущественно противъ нашихъ фланговъ, но былъ оттѣсненъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ и сталъ въ разстройствѣ отступать на всѣхъ пунктахъ. Кажется, это была просто уловка: бухарцы знали порывистость русскихъ въ преслѣдованіи и на этомъ основали свой маневръ. Когда наша боевая линія быстро пошла впередъ за отступавшимъ центромъ бухарскихъ войскъ,—непріятельская конница, составлявшая ихъ фланги, быстро охватила наши войска съ фланговъ и полетѣла къ крѣпости. Здѣсь она прежде всего зажгла созрѣвшій, но еще не снятый хлѣбъ, а затѣмъ понеслась на самую крѣпость. Но тутъ бухарцы встрѣчены были ружейнымъ огнемъ, которому содѣйствовали и 2 батарейныхъ орудія, тронувшіяся было вслѣдъ отряда; повернувъ назадъ, бухарцы кинулись въ тылъ нашему правому флангу, но и эта аттака не удалась, такъ какъ съ нашей стороны уже были приняты приличныя случаю мѣры: Гриппенбергъ перемѣнилъ фронтъ и встрѣтилъ толпу огнемъ 2 нарѣзныхъ орудій. Толпа отлетѣла въ сторону и присоединилась къ остальнымъ скопищамъ, бѣжавшимъ уже безъ оглядки. Такимъ образомъ ни многочисленность, ни хитрость не помогли бухарцамъ. Преслѣдованіе продолжалось на 10 верстъ, пока не осталось въ виду ни одного бухарца. Къ 5 часамъ по полудни отрядъ нашъ возвратился къ Яны-Кургану. Потеря наша въ этомъ дѣлѣ заключалась только въ двухъ раненыхъ нижнихъ чинахъ и одномъ пропавшемъ безъ вѣсти. Потеря же непріятеля, по показаніямъ перебѣжчиковъ, была громадная. Лагерь бухарцевъ передвинулся отъ Каменнаго моста на уроч. Акъ-Тюбе, на 8 верстъ ближе къ Самарканду.

Вскорѣ послѣ этого пораженія, прибылъ въ нашъ лагерь посланецъ изъ Самарканда съ письмомъ отъ начальниковъ бухарскаго войска, въ коемъ они извѣщали о желаніи эмира прекратить военныя дѣйствія и жить въ дружбѣ, требуя съ нашей стороны очищенія Яны-Кургана; при этомъ посланецъ заявилъ Абрамову словесно, что вода въ Джизакъ будетъ пущена. Не смотря однако на эти обѣщанія, вода оставалась запертою съ 5 іюля. Жители Джизака стали, наконецъ, просить о принятіи какихъ-либо мѣръ для доставленія имъ воды.

9-го іюля Абрамовъ выслалъ, подъ начальствомъ маіора Штемпеля, отрядъ (изъ 4-хъ ротъ пѣхоты при 2-хъ орудіяхъ и 1 сотни казаковъ съ 2 ракетными станками), для уничтоженія запрудъ, устроенныхъ жителями санзарскихъ кишлаковъ. Пройдя 37 верстъ и разрушивъ 7 запрудъ, отрядъ, не смотря на непрерывныя нападенія днемъ и ночью, потерялъ при этомъ только 2 нижнихъ чиновъ ранеными.

Послѣ дѣла 5 іюля въ нашъ лагерь явился индіецъ, выходецъ изъ г. Андура, который представилъ Абрамову письмо, писанное симпатическими чернилами, а на словахъ заявилъ, что онъ посланъ отъ своего хана въ русскія владѣнія и обязанъ передать письмо первымъ русскимъ, которыхъ встрѣтитъ на пути. Индіецъ этотъ пробирался цѣлый годъ, направляясь черезъ Лагоръ, Пишауэръ, Кабулъ, Баміанъ, Балкъ и Карши. Здѣсь онъ былъ заарестованъ бухарцами, товарищи его (10 челов.) разбѣжались, бумаги, найденныя при немъ и адресованныя русскимъ, отобраны, за исключеніемъ лишь представленнаго письма, и то потому, что писанное симпатическими чернилами, оно представляло собою листъ бѣлой бумаги. Въ Карши индійца продержали арестованнымъ около полугода, а потомъ выслали въ Самаркандъ, когда тамъ была страшная суета и переполохъ послѣ дѣла 7 іюня. Воспользовавшись этимъ, индіецъ, свободный отъ всякаго за нимъ надзора, вмѣшался въ толпу вооруженнаго народа, вышелъ вмѣстѣ съ нею изъ Самарканда, дрался противъ насъ 5 іюля и при отступленіи бухарцевъ засѣлъ въ первую попавшуюся саклю, гдѣ и дождался, пока бухарцы скрылись изъ виду; тогда онъ вышелъ изъ своего убѣжища и явился въ нашъ лагерь.

Подогрѣтое на огнѣ, письмо сдѣлалось видимымъ и оказалось писаннымъ на индійскомъ языкѣ, на высочайшее имя, отъ Мухамедъ-Гали-хана, владѣтеля Андура. Ханъ этотъ писалъ, между прочимъ: „услыхавъ о геройскихъ подвигахъ вашихъ, я очень обрадовался; радость моя такъ велика, что если бы я желалъ всю выразить ее, то не достало бы и бумаги“. Нѣсколько далѣе онъ сообщалъ, что „хотя я не столько могущественъ, какъ вы, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ еще не подчинился англичанамъ“. Уполномочивая затѣмъ посланнаго своего на заключеніе всякихъ до-

говоровъ, онъ выразилъ желаніе оставить его постояннымъ посломъ и подъ конецъ прибавилъ: „когда начнутся у васъ съ англичанами военныя дѣйствія, то я имъ буду сильно вредить и въ теченіе одного мѣсяца всѣхъ ихъ выгоню изъ Индіи“.

Мы нарочно привели всѣ эти подробности, чтобы съ одной стороны показать, какое впечатлѣніе производятъ въ Индіи наши успѣхи, а съ другой, чтобы уяснить укоренившійся тамъ взглядъ на причины и конечную цѣль нашего движенія въ Среднюю Азію...

Индійскій посолъ представилъ и проектъ договора, которымъ владѣтель Андура обязывался выставить намъ вспомогательное войско и предоставить свою казну въ наше распоряженіе съ условіемъ, что мы доставимъ его владѣнію полную автономію. Понятно, что такое искательство, какъ преждевременное, было отклонено.

Между тѣмъ набѣги партизановъ все продолжались; главнымъ притономъ шаекъ барантачей служило сел. Ушма, въ волости Богданъ-Ата, лежащей въ горахъ Джизакскаго раіона. Въ началѣ сентября жителями этого селенія было произведено нападеніе на нѣсколькихъ русскихъ, ѣхавшихъ по Чиназской дорогѣ, причемъ захвачены и уведены въ Бухару артиллеріи подпоручикъ Служенко съ 3 рядовыми, догонявшими оказію изъ Чиназа въ Джизакъ. Въ наказаніе за это, сел. Ушма было разрушено 30 сентября до основанія. Абрамовъ послалъ для этого маіора Штемпеля съ 3 ротами, 2 сотнями, 2 орудіями и 4 ракетными станками. Селеніе было сожжено, и 6 октября отрядъ вернулся въ Яны-Курганъ. Служенко былъ подвергнутъ въ Бухарѣ разнымъ истязаніямъ и подъ угрозою смерти принужденъ былъ принять мусульманство и обучать бухарскія войска. Въ защиту этого офицера мы скажемъ, что если онъ не чувствовалъ необходимости принять мученическій вѣнецъ, зато безусловно былъ бравымъ офицеромъ, что и доказалъ своею честною смертію при защитѣ самаркандской цитадели.

Въ началѣ декабря Абрамовъ обошелъ съ отрядомъ западную часть Джизакскаго района и 6-го напалъ на сел. Ухумъ, которое и зажегъ со всѣхъ сторонъ. Въ декабрѣ 1867 года, въ Ташкентъ прибылъ, наконецъ, бухарскій посолъ Мусабекъ, съ письмомъ эмира, который, между прочимъ, сообщилъ, что предложенія наши приняты и что съ посломъ посылаются и подписанныя условія. Условій однакоже никакихъ доставлено не было. Приписывая это обстоятельство какому-нибудь недоразумѣнію, генералъ-губернаторъ написалъ эмиру новое письмо, отъ 19 декабря, и просилъ ратификовать мирныя условія, а поручика Служенко и 3 солдатъ выдать немедленно. Однакоже, съ перваго слова переговоровъ съ посломъ видно было, что эмиръ далеко не такъ чистосердечно

желаетъ мира, какъ того требовали бы его собственные интересы; очевидно было, что бухарцы нарочно затягиваютъ дѣло, точно съ намѣреніемъ выиграть время, для болѣе успѣшной борьбы съ нами. Посолъ не высказывалъ никакихъ желаній, не возражалъ ни на какія требованія и соглашался со всѣмъ, что ему ни говорили; но во всѣхъ его словахъ просвѣчивалось то пассивное противодѣйствіе, о которое могли разбиться самыя лучшія намѣренія. Не смотря на полную свободу, предоставленную послу въ его сношеніяхъ, — онъ предпочиталъ посылать своихъ курьеровъ тайно, выбирая для этого темныя ночи!

Въ виду неопредѣленности отношеній нашихъ къ Бухарѣ и съ цѣлію поддержать наше вліяніе между за-дарьинскими киргизами, сдѣлано было въ концѣ 1867 года распоряженіе о періодической высылкѣ изъ фортовъ № 1-й и Перовскаго легкихъ отрядовъ на Яны-Дарью, что могло служить также для ознакомленія войскъ съ мѣстностію и жителями и для собранія разныхъ свѣдѣній.

Съ началомъ 1868 года, средне-азіятскій вопросъ вступилъ въ новый періодъ своего развитія.

Усилія нашего правительства, въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ замкнуть открытыя ворота между сибирскою и оренбургскою границами и тѣмъ обезпечить себя отъ безпрестанныхъ вторженій шаекъ грабителей и сосѣднихъ кочевыхъ племенъ, привели насъ къ необходимости занять и присоединить къ Имперіи нѣкоторую часть коканскихъ и бухарскихъ ханствъ. Такое расширеніе нашихъ предѣловъ и возникшія изъ этого отношенія къ сосѣднимъ средне-азіятскимъ владѣтелямъ, а также положеніе наше въ виду разгорѣвшагося возстанія мусульманскихъ племенъ въ провинціяхъ западнаго Китая, послужили причиною образованія изъ всего пограничнаго съ Среднею Азіею и Западнымъ Китаемъ пространства одного самостоятельнаго управленія „Туркестанскаго генералъ-губернаторства“, съ раздѣленіемъ онаго на 2 области: Сыръ-Дарьинскую и Семирѣченскую.

Основныя начала вновь созданной администраціи были выработаны особою, такъ называемою „Степною коммиссіею“, положившею въ дѣло много энергіи, труда и знанія. Цѣлыхъ два года коммиссія эта разъѣзжала по степи, собирала статистическія свѣдѣнія, знакомилась съ бытомъ и общественнымъ устройствомъ различныхъ племенъ, населяющихъ нашу средне-азіятскую территорію и, наконецъ, выработала „Проектъ положенія объ управленіи въ Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областяхъ“. Введеніе этого проекта не возбудило нигдѣ серьезнаго противодѣйствія и народъ принялъ новое положеніе, какъ милость. Честный трудъ коммиссіи далъ ей полное право на признательность потомства, и потому имена членовъ этой коммиссіи должны быть внесены

на страницы исторіи. Предсѣдателемъ былъ д. с. с. Гирсъ, членами полковники: Гутовскій, Гейнсъ и подполковникъ Проценко.

При введеніи положенія соблюдена была возможная осторожность и постепенность: прежде всего приступлено было ко введенію новой организаціи въ г. Ташкентѣ, какъ главномъ, центральномъ пунктѣ края, для чего образована была особая, какъ-бы образцовая, коммиссія, въ составъ которой были приглашены и мѣстные жители, въ числѣ 60 человѣкъ. Въ работахъ этой коммиссіи участвовали также и нѣкоторые уѣздные начальники, долженствовавшіе впослѣдствіи руководить организаціонными работами въ своихъ уѣздахъ. Полный успѣхъ реформы въ Ташкентѣ отразился самымъ выгоднымъ образомъ, въ отношеніи успѣха ея введенія въ уѣздахъ, какъ Сыръ-Дарьинской, такъ и Семирѣченской областей. Кочевое населеніе повсемѣстно съ сочувствіемъ принимало новый порядокъ и содѣйствовало трудамъ организаціонныхъ коммиссій. Особенной осторожности требовало введеніе новаго порядка въ пограничныхъ съ Бухарою районахъ, куда могли проникать вооруженныя шайки разбойниковъ. Для облегченія дѣйствій организаціонныхъ коммиссій въ этихъ мѣстностяхъ, а также съ цѣлью защиты жителей отъ грабежа, были двинуты въ разныхъ направленіяхъ, одновременно съ коммиссіями, рекогносцировочные отряды, обходившіе поочередно, назначенные имъ для осмотра раіоны.

Рядомъ съ устройствомъ края на новыхъ основаніяхъ велись и дѣятельные переговоры съ сосѣдними ханствами, клонившіеся къ поддержанію и установленію болѣе прочныхъ мирныхъ отношеній. Къ началу года отношенія эти были крайне неопредѣленны; но усилія генералъ-губернатора относительно Кокана скоро увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Коканскій ханъ Худояръ, послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ, согласился, наконецъ, (въ февралѣ мѣсяцѣ) на предложенныя ему условія, доставившія намъ значительныя выгоды въ отношеніи торговли и обезпечивавшія безопасность русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ ханствѣ по какимъ бы то ни было дѣламъ.

Всѣхъ статей въ договорѣ пять: 1) о правѣ нашихъ купцовъ посѣщать всѣ города ханства; 2) о правѣ учреждать караванъ-сараи, гдѣ пожелаютъ; 3) о правѣ имѣть караванъ-башей во всѣхъ городахъ ханства; 4) объ уравненіи пошлинъ съ русскихъ купцовъ и съ мусульманъ; 5) о свободномъ пропускѣ черезъ Коканъ русскихъ каравановъ въ сосѣднія съ Коканомъ владѣнія.

Ханъ затруднялся только первою и пятою статьями, не ручаясь за своихъ фанатиковъ и разбойниковъ. Ему отвѣчено на это, что мы не можемъ допустить въ сосѣдствѣ своевольныхъ жителей: они должны подчиниться либо хану, либо намъ. Согла-

сившись, наконецъ, на все, ханъ просилъ дозволенія отправить посольство въ Петербургъ и исходатайствовать ему высочайшую грамату, которая подниметь его авторитетъ въ глазахъ подданныхъ и послужитъ прочнымъ залогомъ неизмѣнности отношеній къ нему со стороны Россіи, независимо отъ перемѣнъ русскихъ начальниковъ. При всемъ къ нимъ уваженіи, ханъ не могъ однако не замѣтить, что въ теченіе 3-хъ лѣтъ ихъ смѣнилось здѣсь четверо: Черняевъ, Романовскій, Мантейфель и Кауфманъ... И каждый изъ нихъ предписывалъ свои условія.

Предупредительность хана и сдержанность его во время послѣдней войны нашей съ Бухарою, т. е. въ самаркандскую экспедицію 1868 г., склонили Кауфмана ходатайствовать о допущеніи коканскаго посольства ко Двору. Посломъ назначенъ купецъ Мирза Хакимъ Умидовъ, хорошо говорившій по-русски, благодаря ежегоднымъ поѣздкамъ на Макарьевскую ярмарку и нисколько не цѣнившій независимости Коканскаго ханства, такъ какъ эта независимость выражалась въ безпрестанныхъ бунтахъ, вѣчномъ разбойничествѣ и жестокихъ казняхъ... Умидовъ впослѣдствіи получилъ Анну 2 степ. съ брилліантами, Станислава 2 степ. со звѣздою и чинъ дѣйствит. статскаго совѣтника. Худояръ-ханъ, кромѣ роскошныхъ подарковъ, получилъ брилліантовую звѣзду, Станислава I степени, чѣмъ остался отмѣнно доволенъ.

Что касается эмира бухарскаго, то хотя посланецъ его еще въ 1867 году подписалъ въ Оренбургѣ мирный трактатъ, но эмиръ всячески уклонялся отъ утвержденія его своею подписью и печатью, и условія трактата не выполнялись, несмотря на постоянныя увѣренія самого эмира въ желаніи его сохранить миръ.

2 марта 1868 года получено было письмо отъ бухарскаго кошъ-беги, извѣщавшаго объ освобожденіи Служенко и его товарищей по несчастію. Что касается до мирныхъ условій, то о нихъ былъ данъ опять уклончивый и темный отвѣтъ, нисколько не разъяснившій положенія дѣлъ и нашихъ отношеній. Желая, во что бы то ни стало, поддержать миръ съ сосѣдями и сдѣлавъ уже распоряженіе объ отъѣздѣ своемъ въ С.-Петербургъ, генералъ-губернаторъ отпустилъ посла, надѣясь, что подъ вліяніемъ примѣра коканскаго хана, заключившаго уже съ нами торговый трактатъ, онъ доведетъ до конца свою миссію. Въ письмѣ къ эмиру пришлось разъяснить ему порядокъ и значеніе обмѣна, утвержденныхъ подписями, трактатовъ, потому что всѣ предъидущія дѣйствія эмира ясно доказывали, что онъ совершенно незнакомъ даже съ первыми пріемами общепринятыхъ международныхъ сношеній.

Съ отъѣздомъ посла, положеніе дѣлъ не только не улучшилось, но на всей нашей границѣ съ Бухарою, появились многочисленныя шайки, грабившія нашихъ подданныхъ. Для прекращенія разбоевъ, отправлены были на передовую линію шесть

сотенъ казаковъ, а эмиръ былъ извѣщенъ о дѣйствительныхъ причинахъ такой мѣры и предупрежденъ, что вдоль сѣвернаго склона Нуратынскихъ горъ, т. е. вдоль нашихъ границъ, по нашей землѣ, пройдетъ отрядъ отъ Джизака до Ухума, для введенія между новыми нашими подданными должнаго порядка и нашего управленія. Отрядъ имѣлъ, кромѣ того, цѣлью выборъ пункта для предполагавшагося укрѣпленія.

Отрядъ изъ 3 ротъ, 1 сотни, 2 ракетныхъ станковъ и 2 орудій, всего 528 человѣкъ, подъ начальствомъ маіора Гриппенберга, выступилъ изъ Джизака 29 февраля.

Непріязненное настроеніе жителей и свѣдѣнія о появленіи въ горахъ шаекъ и бухарскихъ отрядовъ, высланныхъ къ Ухумскому ущелью изъ Чилека, Катты-Кургана, Нураты и другихъ мѣстъ, принудили насъ ограничить изслѣдованіе горнаго хребта лишь полосою, прилежащею къ пути отряда.

7 числа показались бухарскіе пикеты, постепенно отступавшіе къ Ухумскому ущелью, высоты котораго были заняты конными толпами. Немедленно предпринята была рекогносцировка ущелья, которое оказалось занятымъ бухарскими войсками. Во время обратнаго движенія, посланнаго въ ущелье отряда, часть скопищъ, занимавшихъ выходъ, спустилась на дорогу и встрѣтила выстрѣлами изъ фальконетовъ начальника рекогносцировки генеральнаго штаба капитана Деннета, ѣхавшаго впереди съ 10 казаками, а затѣмъ съ крикомъ бросилась въ сабли; конвой спѣшился и далъ залпъ, пріостановившій наступленіе непріятеля; тѣмъ временемъ подоспѣла бывшая позади 1-я Уральская сотня, а со стороны лагеря показалась высланная Гриппенбергомъ пѣхота. Непріятель поспѣшилъ отойти на прежде занятыя имъ высоты. Зная, что къ Ухуму спѣшатъ изъ различныхъ мѣстъ подкрѣпленія, Гриппенбергъ рѣшился овладѣть ущельемъ прежде, чѣмъ непріятель успѣетъ сосредоточить въ немъ свои силы. Согласно съ этимъ, сводная рота 5 Туркестанскаго линейнаго баталіона, 1-я Уральская сотня и два ракетныхъ станка, подъ начальствомъ Деннета, были направлены по дорогѣ къ селенію Ухумъ, въ то время, какъ 2-я рота того же баталіона, подъ начальствомъ поручика Каразина, двинулась въ обходъ Ухумскаго ущелья со стороны селенія Хаятъ. Въ лагерѣ оставлены были рота пѣхоты и взводъ артиллеріи.

По приближеніи колонны Деннета непріятель открылъ огонь изъ-за устроенныхъ имъ на высотахъ трехъ каменныхъ ложементовъ. Прикрытыя отъ огня самою крутизною высотъ, войска, не смотря на трудность подъема, въ скоромъ времени овладѣли первыми двумя завалами; труднѣе было занятіе третьяго ложемента, потому что скатъ впереди него былъ весьма отлогій и не прикрывалъ войскъ отъ огня обстрѣливавшей его каменной

стѣнки. Люди замялись... Непріятель тотчасъ же усилилъ огонь. Тогда Деннетъ рѣшился воодушевить своихъ подчиненныхъ собственнымъ примѣромъ: пустивши со второго завала по непріятелю одну ракету, онъ вызвалъ охотниковъ изъ спѣшенныхъ казаковъ и, прибавивъ къ нимъ взводъ пѣхоты, лично повелъ ихъ на третій завалъ, — за нимъ послѣдовала и остальная часть колонны.

Рѣшительное наступленіе это поколебало непріятеля, обратившагося немедленно въ бѣгство. Войска стремительно преслѣдовали непріятеля, не давая ему опомниться, и вслѣдъ за нимъ ворвались въ селеніе Ухумъ. Непріятель, пораженный паническимъ страхомъ, побросалъ оружіе, бѣжалъ въ горы и вскорѣ совершенно скрылся изъ виду.

Нами взято 3 значка, 2 небольшихъ орудія (ихъ возятъ на вьюкахъ), множество фальконетовъ и ружей.

4 марта опять произошло столкновеніе: бухарская шайка изъ 80 человѣкъ напала въ ущельѣ Джиланъ-Уты на подпоручика стрѣлковаго баталіона Машина и хорунжаго Лобанова, слѣдовавшихъ подъ прикрытіемъ 15 человѣкъ, изъ Джизака въ Яны-Курганъ. Отъѣхавъ 6 верстъ отъ лагеря, наши были окружены бухарцами, начавшими перестрѣлку. Вмѣсто того, чтобы отступить на лагерь,—горсть нашихъ молодцовъ рѣшилась продолжать движеніе. Казаки (9 чел.) слѣзли съ лошадей, привязали ихъ къ телѣгѣ Машина и, пристроившись къ стрѣлкамъ (6 человѣкъ), отвѣчали на огонь. Такъ шли люди почти до Тамерлановыхъ воротъ, не отставая отъ телѣги, и потому сильно утомились. Тогда Машинъ приказалъ казакамъ сѣсть на коней и очистить загороженное бухарцами ущелье. Гусарская порывистость *) однакоже испортила все дѣло: не дождавшись, покуда всѣ отвяжутъ коней, Машинъ бросился впередъ съ двумя сартами-попутчиками, однимъ джигитомъ-разсыльнымъ и двумя казаками. Бухарцы воспользовались перерывомъ перестрѣлки и налетѣли на Машина, который при этомъ былъ раненъ въ голову шестью сабельными ударами. Ранены также 2 казака и 2 сарта, а 1 джигитъ взятъ въ плѣнъ и варварски убитъ. Лобановъ выручилъ раненыхъ и отступилъ къ Джизаку, куда успѣлъ доскакать одинъ изъ стрѣлковъ. Высланныя на помощь двѣ сотни казаковъ уже не застали бухарцевъ. Не кидайся Машинъ въ рукопашную,—и оказія дошла бы благополучно и безъ потерь, удерживая бухарцевъ въ почтительномъ отдаленіи. Примѣры такіе уже бывали.

Въ то же время появились въ разныхъ мѣстахъ шайки, снаряженныя беками Чилекскимъ и Катты-Курганскимъ; шайки эти

---

*) Машинъ служилъ до того въ Александрійскомъ гусарскомъ полку корнетомъ.

дѣйствовали на сообщеніяхъ нашихъ съ Джизакомъ и Яны-Курганомъ. Не смотря на всѣ эти нападенія, не смотря даже на ухумское столкновеніе, гдѣ дѣйствовали завѣдомо войска эмира,—генералъ-губернаторъ, ради сохраненія мира, показалъ видъ, что вѣритъ оправданіямъ бухарскихъ дипломатовъ, будто всѣ эти случаи происходили вслѣдствіе частной предпріимчивости разныхъ бековъ и отдѣльныхъ партизановъ. Нельзя не замѣтить, что снисходительность генерала Фонъ-Кауфмана превосходила даже мѣру необходимости. Если эмиръ могъ мириться съ такимъ порядкомъ дѣлъ, что его беки (тоже, что наши уѣздные начальники) по произволу ведутъ войну съ сосѣднимъ государствомъ, то ужъ намъ никоимъ образомъ не приходилось терпѣть такой порядокъ на границахъ, въ ущербъ нашему имени и выгодамъ.

На политику генералъ-губернатора имѣло вліяніе, конечно, желаніе довершить въ мирѣ гражданскую реформу и намѣреніе отправиться въ Петербургъ, гдѣ оставалось его семейство...

Читая это мѣсто, Кауфманъ выразилъ автору сильнѣйшее неудовольствіе свое: „за сорокъ лѣтъ моей службы,—сказалъ онъ,—никто не оскорблялъ меня до такой степени! Никто не можетъ упрекнуть меня тѣмъ, что я свои личные интересы предпочиталъ когда-нибудь интересамъ порученнаго мнѣ дѣла!“

Однакоже, если принять въ соображеніе, что оффиціальнымъ предлогомъ разрѣшенной ему поѣздки въ Петербургъ былъ новый проектъ реформъ въ управленіи Туркестанскимъ краемъ и что ознакомиться съ недостатками прежняго положенія Кауфманъ едва ли могъ, прибывъ въ край въ ноябрѣ 1867 года, а черезъ 5 мѣсяцевъ собравшись уже выѣхать, мы не можемъ считать этотъ новый проектъ ничѣмъ инымъ, какъ предлогомъ. Проектъ этотъ въ своемъ дѣтскомъ видѣ никогда представленъ и не былъ, представленъ же впослѣдствіи другой, который разрабатывался девятью коммиссіями и нѣсколько лѣтъ. Это было дѣло трудное и серьезное. Прибавимъ къ этому, что первые годы своего генералъ-губернаторства Кауфманъ прожилъ большею частію въ Петербургѣ, возбуждая справедливыя нареканія со стороны даже нашей почтительной къ начальству печати...

Конечно, интересы „порученнаго ему дѣла“, т. е. управленія Туркестанскимъ краемъ, страдали... Вотъ почему возбудившая его неудовольствіе фраза оставлена безъ исправленія.

Отъѣздъ назначенъ былъ 9 апрѣля.

Наканунѣ этого числа получены были извѣстія о провозглашеніи, вслѣдствіе интригъ бухарскаго духовенства, священной войны — газата — противъ русскихъ, о сосредоточеніи бухарскихъ войскъ у крѣпости Кермине и о намѣреніи начать военныя дѣйствія тотчасъ послѣ отъѣзда генералъ-губернатора. Донесенія лазутчиковъ о сношеніяхъ эмира съ правителями Кашгара, Кокана,

Афганистана и Хивы, съ цѣлію составленія огромной мусульманской коалиціи, сдѣлали яснымъ, почему, въ теченіе 7 мѣсяцевъ, эмиръ уклонялся отъ ратификаціи трактата и старался затянуть переговоры. Генералъ-губернаторъ отложилъ свой отъѣздъ тѣмъ съ большею рѣшимостію, что экстренныя донесенія съ Нарына и съ передовой линіи ясно указывали на связь, существовавшую между приготовленіями бухарскаго эмира и движеніемъ войскъ въ Алтышарѣ, отразившимся безпорядками въ кочевьяхъ дикокаменныхъ киргизовъ.

Наученный горькимъ опытомъ предшествовавшихъ неудачъ, эмиръ, какъ видно, не рѣшался выступить еще разъ противъ русскихъ, не заручившись прежде союзниками. Искательства бухарскаго посланника, Мухамедъ-Фарриссаха, у остъ-индскаго правительства и турецкаго султана не повели ни къ чему. Сообщенныя генералъ-губернатору копіи съ депешъ генералъ-адъютанта Игнатьева, отъ $^{12}/_{24}$ сентября и $^{3}/_{15}$ октября 1867 года, совершенно успокоили насъ съ этой стороны; что касается остальныхъ членовъ предполагавшейся коалиціи, то одинъ только Худояръ-Ханъ отклонился отъ участія, подъ предлогомъ, что, въ случаѣ неудачи, Кокану первому придется раздѣлываться, а въ случаѣ удачи онъ всегда успѣетъ примкнуть къ союзу.

Желаніе эмира еще разъ попытать счастія и боязнь новыхъ неудачъ, наложили печать нерѣшительности на всѣ его сношенія съ нами и, въ то же время, вынуждали его быть всегда наготовѣ, что, въ свою очередь, влекло за собою непосильные истощенной казнѣ эмира расходы.

Подъ предлогомъ сборовъ на защиту мусульманства противъ невѣрныхъ, эмиръ сдѣлалъ, въ теченіе послѣдней зимы (конецъ 1867 и начало 1868 годовъ), два чрезвычайныхъ побора съ купечества, въ размѣрѣ произвольно опредѣленномъ для каждаго купца. Затѣмъ онъ привелъ въ дѣйствіе слѣдующую операцію: теньга, соотвѣтствующая нашимъ 20 копѣйкамъ, ходила прежде въ 64 чеки; эмиръ велѣлъ скупить ее на рынкахъ и въ караванъ-сараяхъ и затѣмъ объявилъ, что она будетъ приниматься въ уплату податей по курсу 132 чекъ, но какъ серебро уже было изъято изъ обращенія, то курсъ тенегъ поднялся до 200 чекъ, и размѣнъ скопившагося въ казначействѣ серебра, по такому небывалому курсу, принесъ эмиру порядочный доходъ, хотя и вызвалъ ропотъ въ народѣ, и безъ того терпѣвшемъ отъ дороговизны, застоя торговли и поборовъ со стороны бековъ на тотъ же ненасытный газатъ. Къ довершенію всего, эмиръ наложилъ руку на доходы муллъ-преподавателей въ медрессе. Это вооружило противъ него духовенство, которое обвиняло его въ употребленіи собранныхъ на войну суммъ не по назначенію и прямо требовало

войны съ Россіею, такъ какъ, вслѣдствіе разныхъ поборовъ, она сдѣлалась уже для эмира обязательною.

Желая успокоить народъ, эмиръ въ началѣ марта созвалъ въ Бухарѣ чрезвычайный совѣтъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о томъ: быть ли миру, или войнѣ? Беки, улемы и богатое купечество, не стѣсняемые присутствіемъ эмира, тайно слѣдившаго однакоже за ходомъ преній изъ другой комнаты,—свободно высказывались за войну, упрекая эмира за равнодушіе къ дѣламъ вѣры и благосостоянію подданныхъ.

Поставленный въ весьма затруднительное, если не безвыходное положеніе, эмиръ все откладывалъ объявленіе войны отъ одного праздника до другого, но когда прошелъ спокойно и Курбанъ-Байрамъ, — праздникъ въ память жертвоприношенія Авраама, напоминающій правовѣрнымъ о необходимости жертвовать всѣмъ, когда того требуетъ вѣра,—тогда духовенство, пользуясь отсутствіемъ эмира, на богомольѣ у Богуеддина, въ окрестностяхъ Бухары, составило ривоядъ *) о газатѣ противъ русскихъ. Эмиръ былъ объявленъ неспособнымъ править народомъ и, въ особенности, вести войну, такъ какъ въ битвѣ подъ Ирджаромъ, въ маѣ 1866 года, онъ самъ подалъ примѣръ бѣгства послѣ первыхъ же русскихъ выстрѣловъ. Въ Самаркандѣ муллы до того безчинствовали, что командовавшій тогда войсками Османъ (изъ бѣглыхъ казаковъ) долженъ былъ принять крутыя мѣры: высланы были войска, которые и прекратили безпорядокъ, положивъ на мѣстѣ 62 человѣка. Эмиръ, возвращаясь въ Бухару, былъ встрѣченъ весьма недружелюбно шумною толпою, осыпавшею его упреками и угрозами. Это заставило его повернуть назадъ и укрыться въ городѣ Гижъ-Дуванъ, опустѣвшемъ при его приближеніи. Здѣсь онъ узналъ о дѣлѣ подъ Ухумомъ и о переходѣ къ намъ 286 афганцевъ Искандеръ-Хана, съ отбитыми имъ у Нуратинскаго бека 2 орудіями. Изъ Гижъ-Дувана эмиръ направился въ Кермине и тамъ провозгласилъ газатъ. Роковой шагъ былъ, наконецъ, сдѣланъ. Самъ эмиръ и его послы увѣряли впрочемъ впослѣдствіи, что газата онъ не объявлялъ и прокламаціи отъ его имени были подложныя: у него украли именную печать и прикладывали ее къ такимъ манифестамъ, чтобы возбудить войну съ русскими, свергнуть эмира и раздѣлить Бухару на нѣсколько самостоятельныхъ ханствъ. Интригу приписывали шахрисябскимъ бекамъ, бывшему джизакскому и другимъ. Возможно и это.

---

*) Ривоядъ есть постановленіе духовенства и казіевъ, основанное не на шаріатѣ, а на примѣрахъ прежняго времени.

ГЛАВА XV.

Боевыя средства Сыръ-Дарьинской области къ началу войны. Средства эмира. Переходъ афганскаго отряда Искандеръ-хана къ русскимъ. Сосредоточеніе войскъ на передовую линію. Оригинальный штабъ. Движеніе къ Самарканду. Лазутчики-послы. Переговоры у Акъ-Кургана. Бѣгство конвойныхъ казаковъ у нашего парламентера. Дѣло на Самаркандскихъ (Чапанъ-Атинскихъ) высотахъ 1 мая. Депутація отъ города. Вступленіе русскихъ войскъ въ Самаркандъ. Раздача медалей и халатовъ. Болѣзненность въ войскахъ. Взятіе Ургута и Чилека. Виды генералъ-губернатора относительно Самарканда. Надежды бухарцевъ на перемѣну счастія.

Къ веснѣ 1868 года боевыя средства Сыръ-Дарьинской области заключались: въ 11 баталіонахъ пѣхоты, въ четырехъ батареяхъ полевой артиллеріи (при 32 орудіяхъ), 21 сотнѣ казаковъ Оренбургскаго и Уральскаго казачьихъ войскъ, одной ротѣ саперъ и, наконецъ, 2-хъ ротахъ крѣпостной артиллеріи при 177 орудіяхъ.

Въ началѣ апрѣля, было на лицо въ баталіонахъ пѣхоты: 17 штабъ-офицеровъ, 173 оберъ-офицера и 7,795 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ; недоставало по штатамъ 120 офицеровъ и 2,872 нижнихъ чиновъ.

Въ батареяхъ артиллеріи: 3 штабъ-офицера, 30 оберъ-офицеровъ, 71 фейерверкеръ и 698 рядовыхъ; недоставало: 1 офицера и 112 нижнихъ чиновъ.

Въ сотняхъ казаковъ: 29 оберъ-офицеровъ, 121 урядникъ, 1,935 казаковъ; недоставало: 38 офицеровъ и 998 казаковъ.

Всего недоставало: 8 штабъ-офицеровъ, 126 оберъ-офицеровъ и 4,240 нижнихъ чиновъ, т. е. недоставало почти 3 баталіоновъ пѣхоты, дивизіона артиллеріи и 7 сотенъ казаковъ, или трети боевыхъ средствъ области!

Главная причина такого недостатка заключалась въ большой болѣзненности войскъ. 1867 годъ былъ весьма тяжелъ въ этомъ отношеніи. Два баталіона пѣхоты и маршевая команда, отправленныя съ Оренбургской линіи раннею весною, на усиленіе состава войскъ области и для укомплектованія ихъ, взамѣнъ уволенныхъ въ безсрочный отпускъ, сильно терпѣли изъ-за неопытности своихъ начальниковъ*) и наполнили попутные лазареты

*) Одинъ изъ нихъ, капитанъ баронъ Розенъ, подъ вліяніемъ невоздержности, прибавилъ своей колоннѣ къ трудамъ тяжелаго похода еще разныя ученія на дневкахъ, такъ что люди не имѣли времени на отдыхъ и валились десятками. Наконецъ, одинъ изъ комендантовъ попутныхъ фортовъ догадался задержать Розена и назначилъ на его мѣсто другого офицера.

массами больныхъ, преимущественно возвратною горячкою, которая быстро распространилась затѣмъ и въ остальныхъ войскахъ, истощенныхъ работами по постройкѣ помѣщеній и тяжелою караульною службою. Тѣснота помѣщеній и употребленіе сырой воды, не вездѣ чистой, при общемъ физическомъ истощеніи, весьма естественно вліяли на увеличеніе числа больныхъ, а недостатокъ помѣщенія въ лазаретахъ, недостатокъ въ медикаментахъ, врачахъ и фельдшерахъ,—все это способствовало успѣхамъ болѣзни. Къ тому же зима 1867 и 1868 годовъ была необыкновенно дождливая, и въ казармахъ, выстроенныхъ на скорую руку, средствами самихъ частей, при ничтожной помощи отъ казны, царствовали холодъ, сырость и міазмы. Крыши текли, окна были заклеены намасленной бумагой; земляной полъ, размокшій отъ течи, заражалъ воздухъ. Все это вліяло на цифру больныхъ: такъ, съ августа 1867 года по апрѣль 1868 года—средняя ежедневная цифра больныхъ въ войскахъ Сыръ-Дарьинской области была 1,324 человѣка *). Въ теченіе этихъ 8 мѣсяцевъ поступило въ лазареты свыше 12,000 человѣкъ, умерло 820 человѣкъ, т. е. почти цѣлый баталіонъ; такимъ образомъ, средняя мѣсячная цифра смертности составляла почти 130 человѣкъ. Болѣзненность была наиболѣе развита въ пѣхотѣ на передовой линіи: въ Яны-Курганѣ и въ Джизакѣ. Изъ двухъ баталіоновъ, здѣсь стоявшихъ, едва можно было собрать къ веснѣ 1868 года, т. е. къ войнѣ съ Бухарою, одну роту здоровыхъ людей! Докторовъ не было,—заболѣли и перевезены въ ташкентскій госпиталь; хины не было. Единственный фельдшеръ въ укрѣпленіи Ключевомъ, впереди Джизака, лѣчилъ всѣхъ полынью. Туземцы доносили эмиру, что русскіе вымираютъ, что ихъ осталось уже очень мало и что поэтому генералъ-губернаторъ уѣзжаетъ въ Петербургъ. Подобныя извѣстія, конечно, не могли остаться безъ вліянія на отношеніяхъ къ намъ эмира.

Средняя мѣсячная цифра людей, находившихся въ командировкѣ, превышала 1,000 человѣкъ (преимущественно изъ пѣхоты и казаковъ). Лѣчебныя и хозяйственныя учрежденія, почтовыя станціи и проч. выводили массу людей изъ строя. Кромѣ того, болѣе 400 человѣкъ было назначено временно въ деньщики къ разнымъ чиновникамъ, прибывшимъ въ край безъ прислуги. Надобно замѣтить при этомъ, что войска сами строили для себя помѣщенія, и потому на строевое и военное образованіе почти не оставалось времени.

Что касается бухарцевъ, то къ веснѣ 1868 года, боевыя средства ихъ (не считая шахрисябцевъ) заключались въ 12 баталіонахъ пѣхоты, 150 орудіяхъ полевой артиллеріи и отъ 20 до 30

*) Сюда не вошли еще больные, оставленные въ фортахъ Оренбургскаго округа, а такихъ въ мартѣ 1868 года было до 1,785 человѣкъ.

сотенъ кавалеріи; всего около 12,000 пѣхоты, 1,500 артиллеристовъ и отъ 2 до 3 тысячъ кавалеріи. Это постоянныя войска, содержавшіяся въ такомъ составѣ съ 1865 года.

Баталіоны регулярной бухарской пѣхоты (пѣшіе сарбазы) имѣли огнестрѣльное оружіе только на первую шеренгу; здѣсь встрѣчались всевозможные образцы кремневыхъ, ударныхъ и охотничьихъ двуствольныхъ ружей *), фитильныя же розданы были по иррегулярному ополченію.

Вторая шеренга вооружена была преимущественно холоднымъ оружіемъ: батиками, айбалтами и пиками, и только немногіе имѣли пистолеты, сабли же имѣлись только въ ополченіи.

Сотни регулярной кавалеріи (конные сарбазы) были вооружены пиками и саблями, первая же шеренга имѣла, сверхъ того, винтовки, но и здѣсь арсеналъ кавалериста дополнялся разными дрекоміями.

Большая часть бухарской пѣхоты обучена была по нашему уставу николаевскихъ временъ, а часть по англійскому, заимствованному отъ афганцевъ. Дѣломъ обученія бухарскихъ войскъ руководилъ Османъ, урядникъ Сибирскаго казачьяго войска, бѣжавшій около 1863 года въ Коканъ **).

Регулярныя или, вѣрнѣе, постоянныя бухарскія войска формируются и укомплектовываются частію по набору, частію по найму. Каждый сарбазъ получаетъ въ годъ пару платья, и 20 кокановъ (4 руб. сер.) въ мѣсяцъ жалованья, но зато кормиться долженъ на свой счетъ.

Въ военное время, силы эмира выростаютъ до весьма значительной цифры—присоединеніемъ ополченія изъ вооруженныхъ жителей, преимущественно конныхъ. Количество ополченцевъ зависитъ, впрочемъ, отъ степени популярности войны. Ополченцы по одеждѣ ничѣмъ не отличаются отъ остального мирнаго населенія: та же чалма, тотъ же ваточный халатъ, подпоясанный широкимъ платкомъ, и только поверхъ надѣвается сабля или шашка; у кого есть ружье, тотъ вокругъ пояса обматывается длиннымъ фитилемъ, конецъ котораго зажатъ въ мордѣ змѣйки (или курка) и зажигается въ началѣ дѣла. Понятно, что убитые, а зачастую и раненые, у которыхъ ваточные халаты поджигаются фитилемъ,—поджариваются потомъ на медленномъ огнѣ!

Кромѣ регулярныхъ войскъ и вооруженной милиціи, Сеидъ-Музафаръ располагалъ еще небольшимъ отрядомъ афганцевъ, подъ

*) Преимущественно тульскихъ мастеровъ.

**) Онъ былъ изъ штрафованныхъ: два раза прошелъ сквозь строй. Алимъ-Кулъ поручилъ ему обучать своихъ сарбазовъ, и его-то ученики дрались съ Мейеромъ и Сѣровымъ. Въ 1865 году онъ попался въ плѣнъ къ эмиру, командовалъ у него частію арміи, былъ самымъ ярымъ противникомъ мира съ русскими и въ 1870 году казненъ эмиромъ за что-то.

начальствомъ Искандеръ-Ахметъ-хана, внука Доста-Мухамеда.

Одновременно съ объявленіемъ газата, Сеидъ-Музафаръ послалъ отрядъ афганцевъ въ крѣпость Нурата, гдѣ они должны были оставаться гарнизономъ.

Искандеръ-ханъ былъ сыномъ Султанъ-Ахмета, владѣвшаго Гератомъ въ зависимости отъ Персіи. Послѣ взятія Герата Достомъ, дѣти Султанъ-Ахмета, умершаго во время осады, долго слѣдовали за афганской арміей, закованные въ желѣзо. Впослѣдствіи имъ удалось бѣжать, и послѣ разныхъ приключеній Искандеръ-ханъ нашелъ пріютъ въ Бухарѣ, гдѣ ему поручили команду изъ 350 афганцевъ. Бухарцы однакоже выдавали содержаніе весьма не аккуратно, такъ что афганцы вынуждены были понемногу распродавать свое имущество, лошадей и, наконецъ цѣнныя украшенія съ оружія, чтобы было чѣмъ жить. Наконецъ Искандеръ-ханъ назначилъ Нуратынскому беку послѣдній срокъ, долѣе котораго онъ ожидать денегъ не станетъ и съ котораго будетъ считать всякія обязательства съ эмиромъ прекратившимися. Когда и этотъ срокъ прошелъ,—афганцы взяли съ верковъ крѣпости два горныхъ орудія (весьма хорошихъ качествъ) и выступили по направленію къ Джизаку. Бекъ собралъ огромное скопище, но афганцы, въ числѣ 280 человѣкъ (почти всѣ пѣшіе), отступали правильнымъ каре и огнемъ въ упоръ отбивали всѣ атаки. Искандеръ-ханъ усиленными переходами дошелъ до Джизака 16 апрѣля и передался русскимъ. Уѣздный начальникъ полк. Носовичъ приказалъ афганцамъ сложить оружіе, которое и отдалъ подъ караулъ казакамъ подполковника Штрандмана, но этотъ достойный начальникъ не доглядѣлъ за своими не менѣе достойными подчиненными, и все лучшее оружіе было раскрадено... Когда на третій день агфанцы были приняты въ нашу службу и приказано было возвратить имъ оружіе, то это оказалось не вполнѣ возможнымъ, и многіе афганцы остались съ голыми руками.

Чтобъ не возвращаться къ этому предмету, скажемъ здѣсь, что афганцы съ отличіемъ участвовали въ дѣлахъ съ бухарцами и, начавъ кампанію слабою ротою пѣхоты (не всѣ пожелали драться съ единовѣрцами, и такіе были отправлены въ Ташкентъ), —усиливались перебѣжчиками и плѣнными, преимущественно персіянами. Зерабулакскій бой доставилъ имъ порядочное огнестрѣльное оружіе, а вторичное занятіе Самарканда (8 іюня) и лошадей. Все это дало возможность офицеру, назначенному завѣдывать афганскою милиціею (штабсъ-ротмистру Терентьеву) сформировать изъ нея 3 конныхъ сотни. Нѣсколько горячихъ ученій со сквозными атаками и переправою вплавь черезъ Заравшанъ уменьшили однакоже составъ милиціи (болѣе 20 человѣкъ бѣжали тотчасъ послѣ купанья), но это было и

кстати, такъ какъ съ заключеніемъ мира ихъ все равно некуда было дѣвать.

Искандеръ-ханъ получилъ чинъ подполковника, золотую медаль на шею на георгіевской лентѣ и орденъ св. Станислава 2-й степени съ мечами, за отличія во время войны съ бухарцами. Впослѣдствіи онъ былъ отправленъ въ Петербургъ, имѣлъ счастіе представляться государю императору и былъ прикомандированъ къ л.-г. гусарскому Ея Величества полку, гдѣ прослужилъ около 2-хъ лѣтъ, и вслѣдствіе ссоры съ командиромъ собственнаго его величества конвоя, вышелъ въ отставку, принялъ покровительство Англіи и уѣхалъ въ Лондонъ.

Искандеръ-ханъ, безспорно, весьма способный человѣкъ; въ самый короткій срокъ, онъ подъ руководствомъ Терентьева (съ которымъ скоро сдружился) научился говорить, читать и писать по-русски, а впослѣдствіи изучалъ и французскій языкъ. У насъ онъ получалъ до 4,000 руб. содержанія, что въ такомъ полку, какъ гусарскій ея величества, конечно, весьма скромно. Какими соображеніями руководились при выборѣ полка, куда бы прикомандировать хана, — неизвѣстно. Научиться тамъ фронтовой службѣ, не командуя ни взводомъ, ни эскадрономъ, онъ не могъ. Жить наравнѣ съ богачами, имѣя на рукахъ троихъ приближенныхъ (доктора, адъютанта и повара), также не могъ. Бездѣлье его тяготило: онъ горько жаловался на это, сравнивая себя съ лишнимъ зубомъ, а положеніе свое нито фронтового, нито нестроевого офицера приравнивалъ къ безъименной должности н и ч т о! Словомъ, на хана смотрѣли, какъ на дикаго подполковника, которому ничего поручить нельзя, а учить не стоитъ. Чтобы вывести въ люди или по крайней мѣрѣ въ офицеры своего адъютанта Рамдиль-хана, онъ пристроилъ его въ конвой его величества. Адъютантъ конвоя, равняя въ манежѣ свою орду, ударилъ Радмиль-хана въ зубы, не смотря на его золотую медаль на георгіевской лентѣ. Искандеръ-ханъ написалъ командиру конвоя и требовалъ, чтобы адъютантъ извинился. Въ этомъ было отказано. Ханъ вызвалъ командира на дуэль... Тотъ отказался. Ханъ объявилъ ему черезъ секундантовъ, что на первомъ же выходѣ во дворцѣ, онъ нанесетъ ему тяжкое оскорбленіе... И вотъ, наступилъ первый затѣмъ табельный день. Ханъ является во дворецъ, но тутъ же въ первой комнатѣ его арестовываютъ на дворцовой гауптвахтѣ, а Рамдиль-хана отправляютъ по этапу въ Ташкентъ. Оставалось передаться англичанамъ. Англичане приняли его, какъ принца и назначили до 30 тыс. р. содержанія, Рамдиль-ханъ былъ возвращенъ съ дороги. Конечно, въ денежномъ отношеніи мы тягаться съ англичанами не можемъ, но ханъ никогда за роскошью не гнался,—его мы могли привязать къ себѣ не этимъ, а при его честолюбіи и сознаніи собственнаго достоинства,—это

было и не трудно. Теперь дѣло уже сдѣлано: мы оттолкнули отъ себя одного изъ лучшихъ людей Средней Азіи и, кто знаетъ?— можетъ быть будущаго политическаго дѣятеля *).

Между тѣмъ прошло и 9 апрѣля, эмиръ все еще не присылалъ ратификацій договора, а шайки барантачей появлялись все чаще и многочисленнѣе; войска бухарскія сосредоточивались у Самарканда. Въ Коканѣ шло дѣятельное исправленіе ружей, а шахрисябцы готовились соединиться съ бухарцами.

Къ началу апрѣля въ раіонѣ, ближайшемъ къ Бухарѣ, мы имѣли:

Въ Яны-Курганѣ	до	2,000 чел.
„ Ура-Тюбе	„	800 „
„ Ходжентѣ	„	1,500 „
„ Ташкентѣ	„	2,000 „
	Всего	6,300 чел.

Войскъ этихъ было совершенно достаточно для того, чтобы отразить нападенія непріятеля въ каждомъ изъ названныхъ пунктовъ и удержать эти пункты за собой, но для систематической оборонительной войны силы эти были весьма недостаточны, тогда какъ для наступательной войны мы имѣли даже излишекъ.

14 апрѣля, командующій войсками приказалъ двинуть въ Джизакъ: 1) Изъ Ташкента—двѣ роты стрѣлковаго батальона, дивизіонъ нарѣзной артиллеріи, полроты саперъ. 2) Изъ Чиназа—три роты 4-го баталіона. 3) Изъ Ходжента—четыре роты 6 батальона. 4) Изъ Ура-Тюбе—три роты 3-го батальона. Изъ безсрочно отпускныхъ, оставленныхъ въ 1867 году на зиму въ области, приказано было сформировать: 1) Роту въ 250 человѣкъ, для усиленія гарнизона Чиназа; 2) баталіонъ въ 1,000 человѣкъ, для усиленія гарнизона Ташкента; 3) роту въ 200 человѣкъ, для усиленія гарнизона Чимкента; 4,) двѣ роты въ 400 человѣкъ въ составъ гарнизона форта Перовскій и 5) роту въ 200 человѣкъ, на усиленіе гарнизона форта № 1.

Изъ всѣхъ безсрочно и временно-отпускныхъ, которые весною 1868 года должны были отправиться на Оренбургскую линію и оттуда въ мѣста родины, отправлены туда только женатые, а остальные, частію на пароходѣ, частію пѣшкомъ, разосланы по гарнизонамъ Сыръ-Дарьинской линіи.

По сформированіи въ Ташкентѣ баталіона изъ безсрочно-отпускныхъ, приказано было направить въ Джизакъ еще одну роту стрѣлковаго и одну роту 1-го баталіоновъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, немедленно были сформированы парки артиллерійскій и инженерный и изготовленъ запасъ перевязочныхъ матеріаловъ.

*) Теперь онъ командуетъ персидской бригадой въ Систанѣ.

Бухарцы нетерпѣливо рвались перевѣдаться съ нами оружіемъ. Въ ночь съ 14 на 15 число, за 2 часа до разсвѣта, большая шайка бухарцевъ, подъ начальствомъ сына чилекскаго бека Омара, сдѣлала нападеніе на лагерь нашихъ войскъ, расположенный подъ Джизакомъ, у входа въ Джиланъ-Утинское ущелье. Войска, по тревогѣ, быстро поднялись и отбили нападеніе ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ.

Съ разсвѣтомъ, 15-го числа, двѣ сотни казаковъ, съ ракетнымъ дивизіономъ, преслѣдовали непріятеля на протяженіи 40 верстъ и совершенно разсѣяли его. Непріятель потерялъ болѣе двадцати человѣкъ; съ нашей стороны раненъ одинъ офицеръ и двѣ казачьи лошади. Взято нами въ плѣнъ четыре человѣка, изъ которыхъ двое оказались жителями Джизака *).

18-го апрѣля, командующій войсками округа выѣхалъ изъ Ташкента въ Джизакъ, чтобы лично руководить предстоявшими военными дѣйствіями. Ташкентскіе улемы, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ сочувствіи бухарцамъ, при выѣздѣ командующаго войсками за городъ, прочли „бату“ о дарованіи русскому оружію побѣды и новой славы...

Въ Чиназѣ, 19-го числа, по переправѣ на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи, къ командующему войсками представился Искандеръ-ханъ со своими афганцами. Всѣ они были очень бѣдно одѣты; у многихъ не было вовсе обуви: ноги были обмотаны тряпками; остальной костюмъ, съ претензіей на форменность, служилъ какъ бы лѣтописью этой банды: длиннополые кафтаны и синіе сюртуки съ красными кантами и металлическими пуговицами англійскихъ войскъ, напоминали гибель англичанъ въ 1839 году, а красныя куртки бухарскихъ сарбазовъ и старыя шинели и мундиры нашихъ войскъ, съ пуговицами мѣдными, оловянными и костяными, говорили о близкомъ прошломъ и о настоящемъ этой банды.

Поблагодаривъ афганцевъ за желаніе служить Бѣлому Царю и выразивъ надежду на то, что они будутъ служить честно, командующій войсками поручилъ ихъ, въ отношеніи наблюдательномъ, войсковому старшинѣ Сѣрову, приказавъ выбрать въ походъ только тѣхъ, кто изъявитъ искреннее желаніе драться съ бухарцами. Всѣхъ остальныхъ велѣно было отправить въ Ташкентъ *).

Къ 27-му апрѣля, въ лагерѣ подъ Джизакомъ успѣли сосредоточиться: 16 ротъ пѣхоты, шесть орудій, шесть сотенъ каза-

*) Они были впослѣдствіи повѣшены.

*) Впослѣдствіи афганская милиція была поручена завѣдыванію эсаула Уральскаго казачьяго войска Хорошхина, а потомъ штабсъ-ротмистра Терентьева,—всѣ эти офицеры назначались вслѣдствіе знакомства съ восточными языками.

ковъ, полурота саперъ и взводъ облегченной батареи. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще роту афганцевъ и двѣ команды конныхъ джигитовъ. Всѣ названныя части были обезпечены достаточнымъ запасомъ патроновъ, зарядовъ и сухарей, четырехъ-дневный запасъ которыхъ каждый имѣлъ на себѣ. Кромѣ того, заготовленъ былъ самими же войсками по приходѣ въ Джизакъ, общій запасъ сухарей для склада въ Яны-Курганѣ и Джизакѣ. Оставалось обезпечить отрядъ обозомъ, котораго ни одна часть не имѣла въ достаточномъ количествѣ. Нѣкоторыя части, какъ, напримѣръ, стрѣлковый баталіонъ и нарѣзная батарея, вовсе его не имѣли; при сформированіи баталіона предположено было возить тяжести на верблюдахъ, но это оказалось совершенно неудобно, и 1-й Туркестанскій стрѣлковый баталіонъ до хивинской экспедиціи (въ 1873 году) не имѣлъ ни верблюдовъ, ни лошадей, ни телѣгъ! Ремонтированіе обоза, при отсутствіи необходимаго лѣса, было затруднительно, и потому обозъ былъ плохъ. Кромѣ того, телѣжный обозъ нашей прежней конструкціи мало былъ удобенъ при здѣшнихъ арыкахъ, черезъ которые туземная арба перекатывается своими трехъ аршинными колесами безъ всякаго затрудненія; наконецъ, отсутствіе мостовъ на рѣчкахъ, заставляя искать бродовъ, заставляетъ при этомъ предпочесть арбу, какъ болѣе высокій экипажъ, устраняющій подмочку багажа. Поэтому рѣшено было нанять для каждой части, взамѣнъ недостающаго количества телѣгъ, необходимое число арбъ. Для поднятія тяжестей артиллерійскаго и инженернаго парковъ, интендантскаго обоза и офицерскихъ вещей было нанято въ Джизакѣ необходимое число подводчиковъ (арбакешей) съ арбами и лошадьми, съ платою въ мѣсяцъ отъ 15 до 25 руб. сер., но содержаться они должны были на собственный счетъ. Жители Ташкента выставили на свой счетъ болѣе 200 арбъ для тяжестей артиллерійскаго парка, но только на одинъ мѣсяцъ.

Подвижной лазаретъ не былъ сформированъ вслѣдствіе многихъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, въ интендантскихъ складахъ еще не было заведено запаса лазаретныхъ вещей; во-вторыхъ, здѣшнія экспедиціи оканчиваются скоро, безъ большихъ потерь, и всегда занятіемъ города, слѣдовательно, больные и раненые всегда найдутъ и пріютъ, и перевязочныя средства. Кромѣ того, извѣстенъ фактъ, что въ походѣ люди болѣютъ менѣе, чѣмъ на стоянкахъ.

Что касается организаціи походнаго штаба, то эта важная часть оставляла желать весьма многаго. Начать съ того, что начальникомъ отряда назначенъ былъ генералъ Головачевъ, у котораго и былъ свой штабъ; рядомъ съ нимъ существовалъ и штабъ главной квартиры. Понятно, что какая-нибудь изъ этихъ инстанцій была лишнею. Вопросъ о томъ, кому стушеваться, могъ быть рѣшенъ на основаніи личныхъ качествъ того или другого

начальника штаба. Полковникъ Петрушевскій, назначенный начальникомъ походнаго штаба, оказался несоотвѣтствующимъ этому назначенію: приказанія, ему отдаваемыя, или забывались, или переиначивались, или откладывались имъ до другого дня. Кончилось тѣмъ, что генералъ-губернаторъ сталъ отдавать эти приказанія непосредственно тѣмъ лицамъ, которыя должны были ихъ исполнять,—и походный штабъ остался не у дѣлъ.

Начальникомъ пѣхоты былъ назначенъ полковникъ Абрамовъ, начальникомъ кавалеріи—подполковникъ Штрандманъ, начальникомъ артиллеріи—полковникъ Жариновъ, начальникомъ топографовъ—губернскій секретарь Буняковскій *), который, впрочемъ, къ концу кампаніи былъ замѣненъ капитаномъ генеральнаго штаба Деннетомъ. Отрядный штабъ состоялъ изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ: довольно указать только на то, что начальникомъ штаба былъ генеральнаго штаба подполковникъ Дмитровскій, кавказскій служака, адъютантомъ же губернскій секретарь Щербинскій! Такое странное назначеніе едва ли способствовало популярности генерала Головачева: строевыхъ офицеровъ это просто бѣсило, а для солдатъ служило темою неистощимыхъ остротъ и насмѣшекъ. Правда, что штатскій адъютантъ въ своемъ пиджачкѣ—казался какою-то несообразностію. Фактически начальникомъ походнаго штаба былъ штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба Лыко, человѣкъ всегда исправный и никѣмъ не угощаемый, потому что его всѣ ненавидѣли. Петрушевскій же былъ общимъ любимцемъ. Впослѣдствіи онъ былъ командиромъ корпуса и утонулъ въ Волгѣ при пожарѣ парохода.

27-го апрѣля назначено было выступленіе главныхъ силъ, собранныхъ въ Джизакѣ. Всю ночь, съ 26 на 27 число шелъ сильнѣйшій дождь, а къ разсвѣту поднялся такой сильный ураганъ, что многія изъ офицерскихъ палатокъ, въ томъ числѣ и кибитка командующаго войсками, были сорваны. Часамъ къ семи дождь однакоже прошелъ, небо прояснилось, и въ восемь отрядъ и главная квартира тронулись въ походъ.

Проливнымъ дождемъ размыло дорогу до такой степени, что обозъ едва двигался. Въ ущельѣ Джиланъ-Уты рѣчка того-же имени вспучилась такъ высоко, что пѣхотѣ приходилось безпрестанно переходить броды по поясъ въ водѣ.

На половинѣ разстоянія, у такъ называемыхъ Тамерлановыхъ воротъ, сдѣланъ былъ привалъ, а въ четыре часа весь

*] Это было весьма оригинальное назначеніе: г. Буняковскій состоялъ при ген.-губернаторѣ младшимъ чиновникомъ особыхъ порученій и никогда не видалъ до того времени простой буссоли. Взятый въ походъ, онъ изъявилъ желаніе научиться съемкѣ и поэтому былъ назначенъ завѣдывающимъ всѣми съемщиками! Понятно, что составляемыя у него карты оказались „фальшивыми“.

отрядъ прибылъ въ Яны-Курганъ. 28 и 29 число прошли въ сборахъ и въ окончательныхъ приготовленіяхъ къ походу; больные были перевезены въ Джизакъ. Между тѣмъ самаркандскій бекъ и начальники бухарскихъ войскъ закидывали генерала фонъ Кауфмана своими письмами, прося не начинать войны и подождать еще, пока эмиръ пришлетъ условія. Съ каждымъ письмомъ число печатей (замѣняющихъ подписи) все увеличивалось, указывая такимъ образомъ и на усиленіе войскъ. Ждать намъ, конечно, было нечего и въ четыре часа утра, 30 апрѣля, отрядъ, въ составѣ 21 роты пѣхоты, 16 орудій и 5 сотенъ казаковъ, числительностію около 3,500 человѣкъ, выступилъ по самаркандской дорогѣ.

Для охраненія сообщенія съ Джизакомъ, въ Яны-Курганѣ были оставлены двѣ роты пѣхоты, два горныхъ орудія и двѣ сотни казаковъ. На первомъ привалѣ явился посланецъ отъ эмира съ письмомъ и подарками, но условій опять не привезъ, увѣряя, что черезъ день они будутъ присланы. Генералъ не принялъ подарковъ и объявилъ, что войска будутъ двигаться впередъ до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ утвержденныхъ Сеидъ-Музафаромъ условій мирнаго договора. Вообще посланцы непріятельскіе здѣсь скорѣе лазутчики, чѣмъ дипломаты: они являются на каждомъ переходѣ, не привозятъ обыкновенно никакого серьезнаго, полномочія и, пользуясь у насъ полною свободою, преспокойно уѣзжаютъ обратно. Бухарцы на этотъ счетъ осторожнѣе и нашимъ посланцамъ труднѣе было пробраться въ непріятельскій лагерь и въ особенности выбраться изъ него.

Отпустивъ бухарскаго посланца, нашъ генералъ приказалъ продолжать движеніе.

Тотчасъ ударили подъемъ и отрядъ продолжалъ дальнѣйшее движеніе. Жара все усиливалась, а вмѣстѣ съ нею и неодолимая жажда, которую нечѣмъ было утолить ни на привалѣ, ни на пути: запасовъ воды отрядъ не имѣлъ съ собою, по неимѣнію манерокъ, которыя впрочемъ едва ли удобны при здѣшней жарѣ. Лучше всего были бы бутылки, обшитыя кошмой (войлокомъ); при набираніи воды кошма намокаетъ и, высыхая на воздухѣ, охлаждаетъ воду.

Послѣ трехчасоваго движенія, отрядъ остановился снова. Боковые разъѣзды набрели на нѣсколько мелкихъ лужъ, сохранившихся кое-гдѣ отъ послѣдняго дождя. Завидѣвъ воду, солдаты бросились къ лужамъ и, припавши ничкомъ, съ жадностію глотали теплую, грязную воду. Не было никакой возможности отогнать ихъ отъ лужъ; запрещенія оказались недѣйствительными: жажда парализировала дисциплину! Въ пять часовъ вечера отрядъ прибылъ на урочище Ташъ-Купрюкъ (каменный

мостъ) и остановился на ночлегъ близъ оврага, на днѣ котораго течетъ неглубокій извилистый ручей.

Утромъ 1-го мая, когда отрядъ уже былъ готовъ продолжать движеніе, бухарскій посолъ снова сталъ просить командующаго войсками возвратиться въ Яны-Курганъ, или по крайней мѣрѣ, дождаться на Ташъ-Купрюкѣ прибытія новаго посла, но его уже не слушали. Отрядъ выступилъ дальше и, пройдя десять верстъ, совершенно ровной степью, спустился у кишлака Акъ-Курганъ въ цвѣтущую Міанкальскую долину. Кишлакъ былъ оставленъ жителями; но вдоль опушки садовъ, по сторонамъ дороги и на курганахъ виднѣлись сарбазы, пестрѣли массы конныхъ сартовъ, съ бунчуками и значками.

По мѣрѣ приближенія авангарда, непріятель однакоже снимался съ позиціи и отступалъ. Знойное солнце палило безжалостно, а между тѣмъ здоровье людей было не въ особенно хорошемъ состояніи: вчерашняя невоздержность солдатъ, пившихъ воду изъ лужъ, производила свои дурныя послѣдствія... Надобно было сдѣлать привалъ; но едва отдали приказаніе остановиться, какъ изъ партіи джигитовъ, слѣдовавшихъ впереди авангарда, получено было извѣстіе о переходѣ непріятеля въ наступленіе. Авангардъ развернулся въ боевой порядокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начальнику походнаго штаба, генеральнаго штаба полковнику Петрушевскому приказано было выѣхать впередъ для осмотра впереди лежащей мѣстности. Выѣхавъ съ тридцатью казаками на полторы версты впередъ по дорогѣ, онъ остановилъ казаковъ внѣ выстрѣловъ бухарцевъ и послалъ джигита сказать начальнику передовой непріятельской партіи, чтобы онъ отступилъ къ Заравшану такъ какъ войны не будетъ, а наши войска, въ ожиданіи прибытія посланца для веденія переговоровъ о мирѣ, ближе Заравшана остановиться не могутъ. Въ отвѣтъ на такое предложеніе, бухарцы дали залпъ изъ ружей и двинулись впередъ.

Казаки, составлявшіе конвой, ошеломленные неожиданнымъ залпомъ непріятельской партіи, повернули назадъ и бѣжали. Петрушевскій остался съ однимъ только казакомъ. Начальникъ кавалеріи подполковникъ Штрандманъ, ускакавшій вслѣдъ за казаками, остановилъ, наконецъ, свою молодецкую команду и возвратился съ ними къ Петрушевскому, къ которому вскорѣ подоспѣли еще двѣ казачьи сотни, тотчасъ же открывшія огонь; непріятель отступилъ и пальба съ нашей стороны была прекращена.

Когда пальба утихла, отъ партіи бухарцевъ отдѣлился новый посолъ, сардарь Нажмутдинъ-ходжа, объявившій, что онъ привезъ условія мирнаго договора, скрѣпленныя подписью и печатію эмира. Планъ бухарцевъ состоялъ, какъ оказалось впослѣдствіи, въ томъ, чтобы, затопивъ всю мѣстность между садами и Чапанъ-Атинскими высотами, гдѣ расположены были ихъ войска,

задержать нашъ отрядъ подольше подъ выстрѣлами своей многочисленной артиллеріи; но плотина, посредствомъ которой они предполагали поднять воду Заравшана, не могла быть готова въ этотъ день, и потому бухарцы думали задержать насъ переговорами. На этотъ разъ оказалось, что условія дѣйствительно присланы, но, написанныя на персидскомъ языкѣ, съ обиліемъ арабскихъ словъ, не могли быть переведены ни о днимъ изъ переводчиковъ Изъ того же, что сумѣли прочесть, оказалось, что эмиръ прислалъ с в о и условія, вовсе непохожія на тѣ, которыя ему были предложены. Это служило новымъ доказательствомъ, что эмиръ считалъ себя еще настолько сильнымъ, чтобы не соглашаться на какія бы то ни было уступки, и велъ переговоры единственно съ цѣлію выиграть время. Оставалось, въ свою очередь, воспользоваться переговорами и выиграть время для свободнаго выхода нашихъ войскъ изъ садовъ и приготовленія къ бою. Поэтому, не прерывая переговоровъ, командующій войсками приказалъ отряду подвигаться впередъ до самаго Заравшана. На просьбы Нажмутдинъ-ходжи не двигаться далѣе и остановиться на мѣстѣ привала, командующій войсками отвѣтилъ, что намъ не приходится ночевать въ садахъ, имѣя кругомъ со всѣхъ сторонъ многочисленнаго непріятеля. Едва голова нашего авангарда начала выходить изъ садовъ, какъ была атакована съ правой стороны густыми массами непріятельской конницы. Начальнику кавалеріи приказано оттѣснить эти массы и отбросить ихъ за рѣку.

Штрандманъ, съ четырьмя сотнями казаковъ, четырьмя орудіями облегченной казачьей батареи и ракетною батареею, атаковалъ непріятеля и, несмотря на анфиладный огонь бухарской артиллеріи, поставленной на высотахъ, оттѣснилъ бухарскую конницу на лѣвый берегъ рѣки.

Бухарцы открыли пальбу изъ сорока орудій, разставленныхъ по всей линіи ихъ расположенія, но вскорѣ почти совсѣмъ прекратили ее. Только два орудія, обстрѣливавшія переправу чрезъ Заравшанъ, продолжали стрѣлять, но не наносили намъ никакого вреда, попадая лишь въ собственную конницу, уходившую отъ казаковъ на лѣвый берегъ.

Войска наши остановились между рукавами Заравшана, въ разстояніи полутора версты отъ высотъ, занятыхъ бухарцами. Впереди разстилалось широкое каменистое ложе Заравшана, пробѣгавшаго здѣсь множествомъ рукавовъ глубокихъ и быстрыхъ. За нимъ поднимались Чапанъ-Атинскія высоты, упиравшіяся высокимъ отвѣснымъ обрывомъ въ лѣвой берегъ Заравшана. На самой вершинѣ горы виднѣлась „муллушка“ (часовня) Ч а п а н а, покровителя пастуховъ, именемъ котораго и названы высоты. Вдоль подошвы высотъ тянулась непрерывная линія пѣшихъ сарбазовъ; на самой высотѣ видна была другая линія, и все сплошь

было покрыто массами конницы съ бунчуками и значками. Въ Самаркандъ вели три дороги и всѣ онѣ обстрѣливались непріятельскою артиллеріею. Одна непріятельская батарея, въ 20 орудій, была расположена въ центрѣ и обстрѣливала большую дорогу черезъ высоты; другая, въ 6 орудій, стояла лѣвѣе и обстрѣливала переправу чрезъ Заравшанъ по дорогѣ, огибающей высоты съ сѣверной стороны; на правомъ флангѣ непріятеля стояла третья батарея, тоже въ 6 орудій, для обстрѣливанія третьей дороги, пролегающей южнѣе двухъ первыхъ.

Когда нашъ авангардъ занялъ назначенное ему мѣсто, командующій войсками объявилъ Нажмутдину-ходжѣ, что если онъ желаетъ вести дальнѣйшіе переговоры, то пусть пошлетъ сказать бекамъ, командующимъ бухарскими войсками, чтобы они, не позже какъ черезъ два часа, отвели свои войска назадъ и очистили высоты.

Нажмутдинъ-ходжа, какъ бы согласившись съ этимъ, тотчасъ послалъ одного изъ своихъ приближенныхъ сообщить бекамъ волю нашего генерала. Однако прошло два часа, а отвѣта не было. Между тѣмъ отрядъ нашъ выстроился въ боевой порядокъ въ двѣ линіи съ резервомъ; обозъ началъ строить вагенбургъ, и командующій войсками далъ понять Нажмутдину-ходжѣ, что онъ прикажетъ начать атаку.

Посланецъ униженно молилъ о пощадѣ, прося подождать еще нѣсколько времени; наконецъ попросилъ позволенія поѣхать самому къ бекамъ, давъ слово, черезъ часъ непремѣнно очистить высоты.

Командующій войсками отпустилъ его, сказавъ, что онъ не начнетъ атаки и черезъ часъ, если увидитъ, что бухарскія войска начнутъ сходить съ высотъ по направленію къ городу; но оказалось, что посланецъ хлопоталъ только о томъ, какъ бы вырваться изъ нашихъ рукъ; по переправѣ его на ту сторону, начались передвиженія бухарскихъ войскъ, и за четверть часа до окончанія даннаго срока, по всей линіи загремѣла канонада и ружейная пальба.

Замаскированная деревьями и конницей, батарея бухарцевъ вдругъ была раскрыта, и въ свиту командующаго войсками полетѣли ядра. Когда минута въ минуту окончился срокъ, данный Нажмутдину-ходжѣ, генералъ фонъ-Кауфманъ словами: „съ Богомъ!“ двинулъ войска впередъ.

Въ первой линіи шли шесть ротъ 5-го и 9-го линейныхъ баталіоновъ. На правомъ флангѣ, между ротами 9-го баталіона, слѣдовали два нарѣзныхъ и два батарейныхъ орудія, на лѣвомъ, между ротами 5-го баталіона, четыре батарейныхъ орудія. Резервъ праваго фланга составляли три роты 3-го баталіона, двѣ—стрѣлковаго и рота афганцевъ.

Резервъ лѣваго фланга — три роты 4-го баталіона и полурота саперовъ. Четыре сотни казаковъ съ четырьмя конными орудіями и ракетной батареей остались на мѣстѣ, составляя общій резервъ. Обозъ охраняли четыре роты 6-го баталіона, два нарѣзныхъ, два батарейныхъ орудія и полсотни казаковъ.

Начальникъ дѣйствовавшаго отряда, генералъ Головачевъ лично повелъ войска на высоты. Хотя лѣвая дорога и нѣсколько короче остальныхъ, но какъ тотчасъ за позиціей она входитъ въ узкую улицу между стѣнами садовъ, то было очевидно, что бухарцы не выберутъ ее для отступленія, а предпочтутъ болѣе свободныя дороги, и потому намъ выгоднѣе было бы аттаковать лѣвый флангъ позиціи, который не мѣшало бы и обойти всею нашею кавалеріею и забить или, такъ сказать, воткнуть всю массу непріятельскихъ войскъ въ узкія улицы садовъ, гдѣ бухарцы, конечно, потерпѣли бы страшный уронъ. Но у насъ не знали положенія бродовъ, не знали, что на нашемъ правомъ флангѣ, нѣсколько далѣе обходной дороги, есть неглубокіе броды, а послать казаковъ розыскать ихъ никто не догадался. Къ тому же лѣвый флангъ непріятельской позиціи былъ самъ по себѣ почти неприступенъ по высотѣ обрывовъ. Поэтому генералу Головачеву приказано было аттаковать два пункта непріятельской позиціи— правый флангъ и центръ.

Войска нашего лѣваго фланга, подъ начальствомъ полковника Абрамова, двинулись на правый флангъ непріятельской позиціи, а Головачевъ съ ротами 9-го, 3-го и стрѣлковаго баталіоновъ, двинулся на центръ расположенія бухарцевъ.

Пройдя, по грудь въ водѣ, рукава Заравшана и потомъ по колѣна въ грязи топкихъ рисовыхъ полей, подъ перекрестнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ непріятеля, войска наши, съ крикомъ „ура“, начали взбираться на высоты. Вода, набравшаяся въ сапоги, весьма затрудняла движеніе людей, но они скоро нашлись: стоило лечь на спину и поднять ноги вверхъ, какъ пудовые сапоги дѣлались скороходами! Искандеръ-ханъ, разсказывая первыя впечатлѣнія, произведенныя на него новыми товарищами по оружію, упоминалъ, что, увидавъ лежащихъ тамъ и сямъ солдатъ, онъ счелъ ихъ сначала просто трусами, но, разглядѣвъ, въ чемъ дѣло, весьма радовался, что сомнѣніе его такъ скоро и забавно разъяснилось.

Роты 9-го баталіона, подъ начальствомъ подполковника Назарова, аттаковали сарбазовъ и артиллерію центра, а роты 3-го и стрѣлковаго баталіоновъ, подъ начальствомъ подполковника Баранова, устремились на лѣвый флангъ позиціи бухарцевъ. Артиллерія наша почти не принимала участія въ дѣлѣ, такъ какъ переправа для нея оказалась затруднительною: одинъ зарядный ящикъ со всѣмъ, съ лошадьми, остался въ рѣкѣ. Кавалерія также не

могла ничего сдѣлать, но это зависѣло уже не отъ невозможности одолѣть рѣку, которую одолѣла пѣхота, а отъ того, что ею командовалъ молодой офицеръ, ровно ничего не смыслившій въ военномъ дѣлѣ, не имѣвшій никакого понятія о роли кавалеріи въ бою, ея задачахъ и способахъ употребленія. Кромѣ того, онъ и въ дѣлѣ-то былъ настоящемъ только въ первый разъ.

Казаки, впрочемъ, оказали большую услугу пѣхотѣ во время переправы, но и то по мысли Кауфмана. Ихъ поставили цѣпью черезъ бродъ поперекъ рѣки, чтобы хоть сколько-нибудь сдержать напоръ воды, а ниже переправы другая цѣпь перехватывала снесенныхъ теченіемъ пѣхотинцевъ.

Непріятель однакоже не ждалъ нашихъ штыковъ и прежде, чѣмъ мы сблизились на сто шаговъ, оставилъ 21 орудіе и бѣжалъ, бросая по дорогѣ не только оружіе и патронныя сумы, но даже одежду и сапоги, въ которыхъ бѣжать трудно.

Когда наши войска двинулись на высоты, конныя массы бухарцевъ нѣсколько разъ бросались на нашъ обозъ, съ криками „уръ!“ „уръ!“ но каждый разъ огонь прикрытія заставлялъ ихъ удаляться. Преслѣдовать отступающаго непріятеля при крайней усталости войскъ, поднявшихся съ 4 часовъ утра и сдѣлавшихъ 30-верстный переходъ, было невозможно, поэтому бухарцевъ провожали одними выстрѣлами.

Въ началѣ шестого часа, значки нашихъ войскъ развѣвались у „муллушки“; первымъ заглянулъ туда капитанъ баронъ Ренне, командовавшій джигитами; но притаившійся тамъ отшельникъ швырнулъ въ него камнемъ, а затѣмъ и лампадой. Облитый масломъ, любознательный баронъ благородно отретировался, а фанатикъ тотчасъ былъ заколотъ. Это была послѣдняя жертва: къ этому времени замолкли уже и послѣдніе выстрѣлы. Уронъ непріятеля былъ ничтоженъ, наши выстрѣлы почти не причинили вреда непріятелю, а до штыковъ дѣло не дошло. Трупы убитыхъ попадались довольно рѣдко.

Потеря наша заключалась: убитыми 2, ранеными 31 (въ томъ числѣ оберъ-офицеровъ 3), контуженными 7. Огонь непріятельской артиллеріи вывелъ у насъ изъ строя только 6 человѣкъ, ружейный же 30 человѣкъ, сабельныхъ ранъ было только двѣ.

Къ девяти часамъ вечера, когда знойный день смѣнила сырая и холодная ночь, усталый отрядъ расположился на ночлегъ, и какъ обозъ со своимъ прикрытіемъ остался до утра на мѣстѣ вагенбурга, потому что, при наступившихъ сумеркахъ переправа была бы затруднительна, то накормить людей было нечѣмъ.

При неимѣніи палатокъ, людямъ пришлось спать на сырой травѣ, въ мокрыхъ рубахахъ, подъ мокрыми шинелями, а тѣ, кто во время аттаки высотъ, не имѣя силъ нести на себѣ ши-

нели, побросали ихъ, лишены были даже и этого сырого покрывала.

Раненыхъ размѣстили кое-какъ въ сакляхъ, которыя, по счастію, оказались въ ближайшихъ садахъ; но и раненыхъ пришлось укрывать также мокрыми шинелями.

Всѣ были убѣждены, что непріятель отступилъ въ городъ, для обороны котораго онъ, вѣроятно, и бережетъ свои силы.

Однакоже на разсвѣтѣ 2 мая къ командующему войсками явились старшіе представители духовенства и администраціи города Самарканда съ просьбою принять городъ подъ свое покровительство и затѣмъ въ „подданство „Бѣлаго Царя". Каты-аминъ, глава аксакаловъ, объявилъ, что жители Самарканда, страдая отъ своеволія и тираніи бековъ и развратнаго эмира, съ радостію ожидаютъ прихода русскихъ, на которыхъ смотрятъ, какъ на своихъ избавителей, и что поэтому, когда разбитыя войска эмира направились въ городъ, жители заперли ворота и не пустили ихъ, въ надеждѣ, что русскіе не дадутъ ихъ въ обиду. То-же говорилъ и казы-келянъ (старшій судья), глава самаркандскаго духовенства.

Командующій войсками, выразивъ согласіе на принятіе Самарканда подъ покровительство русскихъ, послалъ часть депутаціи въ городъ съ приказаніемъ, чтобы духовенство, аксакалы и почетные люди изъ жителей Самарканда собрались впереди ближайшихъ городскихъ воротъ для встрѣчи войскъ по русскому обычаю. Казы-келянъ и каты-аминъ были оставлены въ лагерѣ для сопровожденія отряда.

Часовъ въ семь утра, изъ Самарканда прискакали два аксакала съ новою просьбою поспѣшить вступленіемъ въ Самаркандъ, такъ какъ къ полудню онъ можетъ быть занятъ 20,000 шахрисябцевъ.

Тотчасъ ударили тревогу, и менѣе, чѣмъ черезъ полчаса, авангардъ, въ составѣ девяти ротъ 3-го, 9-го и стрѣлковаго баталіоновъ, четырехъ нарѣзныхъ орудій и сотни казаковъ, вытянулся по дорогѣ къ Самарканду. 5-й и 4-й баталіоны, батарейная батарея, казаки и конный дивизіонъ, подъ начальствомъ Абрамова, остались на высотахъ, до прибытія обоза.

Выйдя изъ садовъ, двѣ роты стрѣлковаго баталіона бѣглымъ шагомъ пробѣжали поляну, раздѣлявшую сады отъ города. Одна рота заняла ворота Шейхъ-Зинде, а другая прошла въ цитадель; роты эти привѣтствовали подъѣзжавшаго командующаго войсками громкимъ и дружнымъ „ура!"

Аксакалы и старѣйшины священнаго города, стоявшіе по сторонамъ воротъ Шейхъ-Зинде, павъ ницъ, поднесли побѣдителю хлѣбъ-соль и повторили просьбу о принятіи города въ подданство Бѣлаго Царя.

Путь черезъ базаръ до цитадели кишѣлъ жителями, встрѣчавшими войска весьма привѣтливо. У воротъ цитадели новое „ура“, у трона Тамерлана третье—привѣтствовали въѣздъ русскаго полководца. Въ цитадели найдено два орудія, 3,747 ядеръ, 533 гранаты и бомбы, 218 зарядовъ, 101 пудъ пороху и 30,763 патрона.

Дворецъ эмира блисталъ пустотою и отсутствіемъ мебели, домашней утвари и проч. Кромѣ глиняныхъ тазовъ, да оконныхъ рамъ съ разбитыми зеркальными стеклами, да нѣсколькихъ табуретовъ и скамеекъ, въ немъ не нашлось ничего.

Къ вечеру прибылъ въ городъ Абрамовъ, съ главными силами и съ аріергардомъ, которыя, вмѣстѣ съ 9-мъ баталіономъ, прошли за городъ и тамъ расположились лагеремъ на бухарской дорогѣ.

Полагая, что занятіе нами Самарканда образумитъ Сеидъ-Музафара, командующій войсками, пріостановивъ дальнѣйшее движеніе войскъ, послалъ эмиру письмо, въ которомъ предлагалъ миръ на прежнихъ условіяхъ, но съ добавленіемъ требованія уступки территоріи Самаркандскаго бекства, уплаты военныхъ издержекъ и признанія за Россіей всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ ею на счетъ Бухарскаго ханства съ 1865 года.

Въ ожиданіи отвѣта, жителямъ окрестныхъ мѣстъ, входившихъ въ раіонъ самаркандскаго бекства, были разосланы прокламаціи съ обѣщаніемъ полнѣйшей безопасности всѣмъ, кто изъявитъ покорность. Это произвело свое дѣйствіе: отъ всѣхъ окрестныхъ кишлаковъ, ежедневно, съ утра до вечера, стали стекаться въ Самаркандъ депутаціи съ изъявленіемъ покорности и дарами, по мѣстному обычаю; кто предлагалъ корову, кто корзину яицъ, кусокъ каменной соли *) или нѣсколько лепешекъ.

3 числа былъ большой пріемъ представителей свѣтской и духовной администраціи города Самарканда. Командующій войсками, одаривъ всѣхъ аксакаловъ и муллъ халатами, наиболѣе вліятельнымъ лицамъ пожаловалъ, отъ имени государя, серебряныя медали. Первая медаль была пожалована казы-келяну, но тотъ извинился, что не можетъ принять медали, а тѣмъ болѣе носить ее, потому что народъ будетъ на него показывать пальцами, какъ на отступника отъ предписаній корана **).

Это была весьма неловкая сцена, но генералъ обошелъ препятствіе, разрѣшивъ правовѣрному не носить медали открыто, но оставить ее у себя на память о великодушномъ Бѣломъ Царѣ, подъ державою котораго благоденствуютъ много милліоновъ мусульманъ, который никому не отказываетъ въ защитѣ и покро-

*) Здѣсь она прекраснаго розоваго цвѣта.

**) Всякія изображенія людей, и въ особенности выпуклыя, запрещены кораномъ.

вительствѣ и оставляетъ каждому право сохранять свою вѣру и свои религіозные обычаи.

Казы-келянъ принялъ медаль и спряталъ ее на груди, сказавъ, что всегда будетъ носить ее на сердцѣ.

Впослѣдствіи, при всякомъ представленіи командующему войсками, онъ показывалъ свою медаль, которую носилъ въ маленькомъ карманѣ, пришитомъ противъ сердца на бешметѣ. Изъ остальныхъ мусульманъ никто уже не кокетничалъ пуританизмомъ, и всѣ съ благодарностію надѣли медали.

Болѣе и, конечно, искреннѣе всѣхъ радовались нашему вступленію въ Самаркандъ евреи и иранцы, первые—какъ отверженные, получившіе съ нашимъ приходомъ полныя права русскаго гражданства, а послѣдніе — какъ невольники или потомки плѣнныхъ, разсчитывавшіе на лучшія времена и на возвращеніе въ Персію. Дѣйствительно, 57 человѣкъ (преимущественно бобылей, не имѣвшихъ здѣсь семей) воспользовались нашею помощію и были отправлены черезъ Оренбургъ и Астрахань на родину.

Два усиленныхъ перехода въ знойные дни, въ связи съ чрезмѣрною усталостью войскъ 1 мая, два дня и три ночи, проведенные въ лагерѣ подъ дождемъ, при рѣзкомъ вѣтрѣ, безъ палатокъ, а частью и безъ шинелей,—все это вызвало въ отрядѣ сильную болѣзненность. У большей части людей, страдавшихъ передъ походомъ горячкою, сдѣлался возвратъ. Съ 3 мая, среднимъ числомъ, заболѣвало по 50 человѣкъ въ день. Тотчасъ приняты были мѣры.

Одну изъ бухарскихъ казармъ заняли подъ лазаретъ, на устройство котораго было отпущено 5,000 рублей. Отъ каждаго баталіона назначено было по одному кашевару, по одному хлѣбопеку и по четыре рядовыхъ, въ составъ лазаретной прислуги. Сверхъ того, куплено было необходимое количество маты *) для изготовленія переносныхъ палатокъ (tentes abris); приказано во всѣ ненастные дни выдавать нижнимъ чинамъ по чаркѣ спирту и, уменьшивъ дачу сухарей, взамѣнъ того, увеличить мясную порцію. Наконецъ, работы по усиленію цитадели были отложены, чтобы не утомлять людей. Мѣры эти оказались дѣйствительными.

Между тѣмъ изъ всѣхъ городовъ Самаркандскаго раіона только Чилекъ и Ургутъ не прислали депутаціи. Чилекъ съ осени 1867 г. былъ гнѣздомъ, откуда безпрестанно выходили шайки, производившія поборы съ жителей Джизакскаго раіона и бунтовавшія ихъ противъ нашей администраціи. Положеніе этого укрѣпленнаго города, вблизи дороги изъ Самарканда въ Яны-Курганъ, дѣлало его опаснымъ для нашихъ сообщеній.

Ургутъ, расположенный при выходѣ изъ ущелья, ведущаго

*) Бумажная ткань туземнаго производства.

въ долину Шахрисябза, былъ важенъ, какъ оставшійся на флангѣ, въ случаѣ дальнѣйшаго движенія нашихъ войскъ къ сторонѣ Бухары.

6 числа, отрядъ, подъ начальствомъ маіора фонъ-Штемпеля, (6 ротъ пѣхоты, двѣ сотни казаковъ, ракетный дивизіонъ и дивизіонъ нарѣзной батареи) двинулся къ Чилеку, для овладѣнія имъ и для разрушенія его укрѣпленій, если жители его не изъявятъ покорности. Чилекъ найденъ былъ оставленнымъ какъ гарнизономъ, такъ и жителями, что, конечно, не доказывало покорности, и потому, разрушивъ цитадель и казармы, отрядъ 7 числа возвратился въ Самаркандъ. Такой образъ дѣйствій нельзя назвать вполнѣ правильнымъ, ибо всѣ казенныя постройки бухарцевъ сдѣлались достояніемъ и нашей казны, какъ только фактъ завоеванія совершился, а разорять собственное достояніе было не резонъ.

Съ прибытіемъ 4 числа изъ Ташкента, артиллерійскаго парка, подъ прикрытіемъ стрѣлковой роты 1-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и 2 роты Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, войска пополнили израсходованные патроны и заряды, а возможность заготовленія провіанта на мѣстѣ устранила необходимость интендантскаго обоза и дозволила продовольствовать войска свѣжепеченымъ хлѣбомъ, что также содѣйствовало поддержанію ихъ здоровья.

11 мая полковникъ Абрамовъ, съ отрядомъ изъ шести ротъ пѣхоты, двухъ-сотенъ казаковъ, ракетнаго дивизіона и дивизіона конно-облегченной батареи, двинулся къ Ургуту, въ 32 вер. на юго-востокъ отъ Самарканда.

Вечеромъ, остановивъ отрядъ въ четырехъ верстахъ отъ города, Абрамовъ отправилъ къ правителю Ургута, Гусейнъ-беку, письмо генералъ-губернатора, требовавшаго сдачи Ургута и вызывавшаго бека въ Самаркандъ. Вскорѣ въ лагерь начали являться разные гонцы, то отъ аксакаловъ, то отъ бека, съ изъявленіемъ безусловной покорности, съ просьбами остановить дальнѣйшее движеніе отряда и обѣщаніями, что Гусейнъ-бекъ дастъ окончательный отвѣтъ вечеромъ слѣдующаго дня. Абрамовъ объявилъ, что онъ можетъ ждать только до утра.

Между тѣмъ, Гусейнъ-бекъ поспѣшно удалилъ изъ Ургута семейства всѣхъ жителей съ ихъ имуществомъ въ горы, оставивъ только однихъ вооруженныхъ людей, способныхъ защищаться.

Въ ночь съ 11 на 12 число, улицы города были заграждены барикадами, а въ стѣнахъ садовъ продѣланы бойницы.

Часовъ около двѣнадцати ночи явились къ Абрамову еще трое посланныхъ, изъ которыхъ одинъ назвалъ себя Гусейнъ-бекомъ, но дѣло скоро объяснилось и обманщики сознались во всемъ. Абрамовъ послалъ третьяго сказать Гусейнъ-беку, что

если онъ не явится къ нему въ семь часовъ утра, то отрядъ двинется къ городу. Посланный возвратился въ пять часовъ утра и сообщилъ, что Гусейнъ-бекъ проситъ три дня сроку; причемъ далъ замѣтить, что до сихъ поръ никто еще не бралъ Ургута, и что если русскіе захотятъ взять городъ силою, то еще не извѣстно, чѣмъ дѣло кончится. Абрамовъ отпустилъ посланныхъ, сказавъ имъ, что онъ будетъ ждать еще два часа.

Въ девять часовъ отрядъ двинулся къ городу, но едва успѣлъ отойти съ версту, какъ долженъ былъ пріостановиться. Гусейнъ-бекъ прислалъ письмо на имя командующаго войсками и просилъ не начинать дѣла до полученія отвѣта. Абрамовъ не принялъ письма и приказалъ сказать Гусейнъ-беку, что онъ дастъ еще полчаса сроку. Черезъ полчаса посланные возвратились и уже прямо объявили, что Гусейнъ-бекъ не явится ни къ нему, ни къ командующему войсками, что теперь войска у ж е с о б р а н ы и городъ готовъ къ оборонѣ. Такимъ образомъ, Абрамовъ попался на удочку переговоровъ и разными отсрочками содѣйствовалъ сосредоточенію силъ непріятеля. Выстроивъ боевой порядокъ, отрядъ продолжалъ движеніе и вскорѣ вступилъ въ лощину. Версты за полторы отъ города, какъ только отрядъ втянулся въ лощину, противъ праваго фланга отряда показались конныя толпы, задирая нашихъ джигитовкою и безвредными выстрѣлами. Абрамовъ, остановивъ войска, приказалъ дивизіону конно-облегченной батареи открыть пальбу. Нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ разогнали конныя толпы, и отрядъ, двинувшись впередъ, скоро подошелъ къ оградѣ садовъ, изъ-за которой виднѣлись массы пѣшихъ, вооруженныхъ, впрочемъ, за немногими исключеніями, только холоднымъ оружіемъ. На дорогѣ къ городу возвышался большой завалъ, занятый густыми массами такого же непріятеля и съ такимъ же вооруженіемъ. Маіору Г р и п п е н б е р г у было поручено выбить непріятеля изъ садовъ и взять завалъ, во флангъ котораго направленъ былъ есаулъ Х о р о ш х и н ъ, съ сотней уральскихъ казаковъ. Артиллерія открыла пальбу гранатами. Роты Гриппенберга молодецки бросились на завалъ, и послѣ непродолжительнаго, но упорнаго рукопашнаго боя заставили непріятеля отступить за слѣдующій завалъ. Гриппенбергъ и Хорошхинъ, слѣдуя впереди своихъ частей, были изъ первыхъ же ранены, но не вышли изъ строя и повели свои части дальше.

Завалы были устроены черезъ каждые 180 и 200 шаговъ. Каждый завалъ приходилось брать съ боя. Но лишь только войска передвигались впередъ, какъ взятые ими завалы тотчасъ занимались непріятелемъ, притаившимся за стѣнами садовъ и выжидавшимъ оттуда благопріятнаго случая. Поэтому аріергарду нерѣдко приходилось брать завалы во второй разъ.

Въ три часа пополудни, городъ и цитадель были заняты; непріятель бѣжалъ въ Шахрисябзъ, оставивъ на мѣстѣ до 300

труповъ. Наша потеря въ этотъ день заключалась: убитыми нижнихъ чиновъ 1, раненымъ штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 14; сверхъ того ушиблены 6 нижнихъ чиновъ; итого 24. Изъ этого числа одна треть выведена огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Разрушивъ цитадель и казармы сарбазовъ, Абрамовъ, вечеромъ 13 числа, возвратился въ Самаркандъ.

Утромъ 14 числа, депутація отъ Ургута поднесла командующему войсками хлѣбъ-соль, изъявивъ безусловную покорность.

Руководимый высочайшею волею о нерасширеніи нашихъ предѣловъ новыми завоеваніями, а въ то же время не желая оставить эмира не наказаннымъ, тѣмъ болѣе, что ослабленіе его вліянія въ Азіи должно быть въ видахъ нашей политики,—генералъ-губернаторъ, скоро по занятіи Самарканда, вошелъ въ сношеніе съ Сеидъ-Абдуллою, племянникомъ эмира, давно уже не ладившимъ съ дядей и бѣжавшимъ отъ него въ Шахрисябзъ. Предположено было образовать изъ Самаркандскаго раіона, подъ властію Сеидъ-Абдуллы, самостоятельное владѣніе; но переговоры по этому предмету показали, что Сеидъ-Абдулла находится подъ сильнымъ вліяніемъ шахрисябзскихъ бековъ, враждебныхъ намъ въ той же степени, какъ и самый эмиръ, а потому предположеніе это было оставлено.

Извѣстіе о добровольной сдачѣ Самарканда произвело сильное впечатлѣніе въ Бухарѣ; но какъ жители азіятскихъ городовъ привыкли къ перемѣнамъ счастія, привыкли переходить отъ одного къ другому, то и теперь, какъ всегда, не теряли надежды на возвращеніе къ прежнимъ повелителямъ. Намъ самимъ не разъ доводилось слышать, съ какимъ почтеніемъ говорятъ объ эмирѣ наши относительно давнишніе подданные, какъ наприм., ташкентцы. Титулъ „падишахъ“ — государь не сходитъ съ ихъ языка въ разговорѣ объ эмирѣ. Добровольною сдачею самаркандцы разсчитывали только избѣгнуть всѣхъ непріятностей штурма; разсчетъ ихъ оказался вѣрнымъ; но затѣмъ они уже не считали преступленіемъ сноситься съ Бухарой и Шахрисябзомъ и подготовлять обширный заговоръ противъ своихъ великодушныхъ побѣдителей. Эмиръ также не терялъ надежды.

На письмо генералъ-губернатора съ предложеніемъ мирныхъ условій эмиръ не отвѣчалъ; одному изъ двухъ иранцевъ, посланныхъ съ письмомъ, онъ велѣлъ отрубить голову, другого бросилъ въ яму (обыкновенная азіятская тюрьма). Предложеніе мира со стороны русскихъ, остановка ихъ въ Самаркандѣ, немедленное возвращеніе отрядовъ послѣ нападенія на Чилекъ и Ургутъ—все это казалось бухарцамъ доказательствомъ нашей слабости. Зарявшанская долина стала мало-по-малу наводняться фанатическими проповѣдниками войны за вѣру (газата). Борьба, значитъ, не была еще окончена.

ГЛАВА XVI.

Усиленіе верковъ цитадели. Военный совѣтъ 13 мая. Движеніе къ Катты-Кургану и занятіе этого города. Мирные переговоры. Страхъ самаркандскихъ евреевъ. Движеніе Абрамова къ Кара-Тюбе и неудача. Поведеніе жителей Самарканда. Наша довѣрчивость, безпечность и самонадѣянность. Нападенія бухарцевъ на войска, расположенныя подъ Катты-Курганомъ. Дѣло 2 іюня подъ Зера-Булакомъ. Отсутствіе рекогносцировокъ. Неожиданность встрѣчи съ непріятелемъ. Планъ Пистолькорса. Рекогносцировка и отдыхъ послѣ боя. Возвращеніе въ Катты-Курганъ и Самаркандъ. Мародеры-туземцы. Извѣстія о возмущеніи жителей Самарканда.

Съ 13 мая, начались работы по усиленію цитадели, для чего ежедневно наряжались утромъ и вечеромъ по 500 человѣкъ.

Лучшія изъ бухарскихъ орудій приказано было положить на болѣе подвижные бухарскіе же лафеты, подобрать къ орудіямъ ядра и картечь и приготовить заряды.

13 мая, созванъ былъ военный совѣтъ изъ всѣхъ наличныхъ генераловъ и наиболѣе опытныхъ штабъ-офицеровъ. Къ этому дню отрядъ имѣлъ 25 ротъ, 5 сотенъ, 16 орудій и 6 ракетныхъ станковъ. Но роты и сотни имѣли немногимъ болѣе половины своего штатнаго состава. Вмѣсто 5,000 штыковъ на лицо было только 2,650 и вмѣсто 650 шашекъ только 450. Однакоже, многіе изъ привыкшихъ къ побѣдамъ надъ азіятцами считали необходимымъ возможно дальнѣйшее движеніе въ глубь Міанкальской (Заравшанской) долины, хотя бы даже и до Бухары, другіе считали рискованнымъ даже и движеніе къ Каты-Кургану, такъ какъ отрядъ пришлось бы раздѣлить на двѣ части и развести ихъ на 65 верстъ одна отъ другой.

Тѣмъ не менѣе, въ виду уклоненія эмира отъ переговоровъ, надобно же было что-нибудь предпринять,—и вотъ рѣшено было занять немедленно Каты-Курганъ. Съ этою цѣлію 16 мая, въ день окончанія срока, даннаго эмиру для принятія мирныхъ условій, отрядъ, въ составѣ 13½ ротъ, 3 сотенъ и 12 орудій и съ 10-дневнымъ запасомъ сухарей, патронами по 100 на ружье и полнымъ комплектомъ зарядовъ на орудіе, выступилъ подъ командою генерала Головачева.

Въ Самаркандѣ остались 11 ротъ, батарейная батарея, ракетная батарея и двѣ сотни казаковъ.

17 числа, когда отрядъ подходилъ уже къ послѣднему—передъ Каты-Курганомъ, въ 11 верстахъ, ночлегу, вдругъ часу въ 3 вечера налетѣлъ (отъ W.) ураганъ, засыпавшій отрядъ тучами

краснаго песку; вслѣдъ затѣмъ полилъ страшный ливень, закончившійся весьма крупнымъ градомъ, нещадно сѣкшимъ лицо. На минуту пришлось остановиться; лошади сами отвернулись въ противоположную отъ градовыхъ струй сторону. Люди закрывались, чѣмъ могли. Когда нѣсколько прояснилось, увидали небольшой и покинутый жителями кишлакъ, который и послужилъ пріютомъ на нѣсколько минутъ. Сюда прибыла депутація отъ Каты-Кургана съ изъявленіемъ покорности и съ извѣстіемъ, что бухарскія войска отступили въ Кермине. Переночевавъ кое-какъ на размытой дождемъ пашнѣ, т. е. въ грязи (зато на боевой позиціи, а не въ кишлакѣ),—отрядъ выступилъ съ разсвѣтомъ далѣе и безпрепятственно занялъ Каты-Курганъ.

Между тѣмъ беки, покинувшіе было Чилекъ и Ургутъ, возвратились туда снова и продолжали управлять населеніемъ, формируя къ тому же шайки для дѣйствія на нашихъ сообщеніяхъ.

Такъ, 15 мая, Чилекскій бекъ Абдулъ-Гафаръ направился къ Кошъ-Купрюку, чтобы отрѣзать насъ отъ Яны-Кургана. Посланный къ угрожаемому пункту подполковникъ Назаровъ, съ двумя ротами пѣхоты, сотней казаковъ и двумя ракетными станками, движеніемъ своимъ принудилъ Абдулъ-Гафара отступить черезъ Ургутъ въ Шахрисябзъ; тогда и нашъ отрядъ 18 числа возвратился въ Самаркандъ.

Получивъ донесеніе о занятіи Каты-Кургана, командующій войсками отправилъ туда транспортъ съ провіантомъ, уксусомъ и патронами, а 20 числа, утромъ, и самъ туда отправился. Тамъ его уже ждали бухарскіе послы, но они, по обыкновенію, привезли не тотъ трактатъ, который былъ имъ предписанъ въ Самаркандѣ, а Оренбургскій 1867 года, то есть тотъ самый, который мы тщетно ожидали еще до занятія Самарканда. Теперь эти условія были конечно, уже недостаточными и запоздалыми.

Преслѣдуя и по занятіи Каты-Кургана прежнюю цѣль относительно составленія такой политической комбинаціи, чтобы, не расширяя нашихъ предѣловъ, извлечь все-таки изъ нашихъ успѣховъ наибольшую для себя выгоду, въ смыслѣ спокойствія края, генералъ-губернаторъ предложилъ на этотъ разъ бухарцамъ одно изъ двухъ: или уплатить намъ въ теченіе восьми лѣтъ 1.150,000 тиллей контрибуціи (4.600,000 рублей) съ тѣмъ, что по выполненіи этихъ условій эмиръ получитъ обратно всѣ вновь завоеванныя нами земли отъ Каты-Кургана до Яны-Кургана включительно, или же уплатить военныя издержки (до 120,000 руб.) и признать за Россіей всѣ ея завоеванія съ 1865 года.

23 мая переговоры окончились. Послы согласились на послѣднее условіе, но просили десять дней срока, необходимаго на проѣздъ и для сбора части контрибуціи. Командующій войсками далъ имъ этотъ срокъ и обѣщалъ не возобновлять воен-

ныхъ дѣйствій до 2 іюня. Одинъ изъ пословъ поѣхалъ въ Кермине, къ эмиру, для поднесенія ему заключеннаго договора, а другой просилъ позволенія остаться въ Каты-Курганѣ. Не прошло и часа времени послѣ отъѣзда перваго посла, какъ перемиріе было нарушено нападеніемъ шайки киргизовъ, которая, подъ предводительствомъ Сыдыка, бросилась на верблюдовъ, принадлежавшихъ маркитантамъ нашего отряда, и успѣла захватить нѣсколько штукъ. Казаки 10 Оренбургской сотни, стоявшіе въ этотъ день на пикетѣ, впереди лагеря, поддержанные 6 оренбургской сотней, бросились за барантачами, нагнали ихъ и отбили захваченныхъ верблюдовъ.

Посолъ, оставшійся въ Каты-Курганѣ, увѣрялъ, что Сыдыкъ сдѣлалъ нападеніе, вѣроятно, по незнанію о результатѣ переговоровъ, но это уже, конечно, вина его товарища, только что видѣвшагося съ Сыдыкомъ по дорогѣ въ Кермине.

Въ этотъ же день, вечеромъ, было получено извѣстіе, что со стороны Шахрисябза въ ущельѣ близъ сел. Кара-Тюбе собираются многочисленныя скопища шахрисябцевъ. Между тѣмъ болѣзненность въ войскахъ развивалась; возвратная горячка, не прекращавшаяся въ Самаркандѣ, усиливалась и въ Каты-Курганѣ, гдѣ къ 23 числу, было уже 100 человѣкъ больныхъ въ лазаретѣ, кромѣ околодочныхъ.

Позиція для войскъ выбрана была, по обыкновенію, не въ тѣни садовъ, а на солнцепекѣ *), гдѣ, конечно, французскія палатки мало спасали отъ зноя. Правда, лѣвый берегъ Нурпая, гдѣ стоялъ лагерь, командуетъ правымъ, гдѣ было достаточно пустыхъ зданій и деревъ, но что мѣшало держать на лѣвомъ берегу, т. е. на мѣстѣ лагеря, только дежурную часть? На одинъ ночлегъ, наконецъ на два, на три дня,—мѣсто было бы еще сносно, но простоять здѣсь слишкомъ двѣ недѣли было большимъ испытаніемъ! Идеальнное отношеніе къ угодьямъ туземныхъ землевладѣльцевъ, которые неизвѣстно кѣмъ избавлены отъ военнаго постоя, унесло уже немало русскихъ жизней, но зато чужіе сады не испорчены!..

Отправивъ 2 роты пѣхоты, команду саперъ и роту пѣшихъ афганцевъ въ Самаркандъ и приказавъ Головачеву, въ случаѣ нападенія непріятеля, дѣйствовать оборонительно, не преслѣдуя далѣе одного перехода, генералъ-губернаторъ, съ конвоемъ изъ двухъ казачьихъ сотенъ, выступилъ 24 числа на разсвѣтѣ изъ Каты-Кургана въ Самаркандъ, куда и прибылъ вечеромъ того же дня. Съ утра 26 числа, къ генералъ-губернатору являлись евреи,

---

*) Начальникъ штаба у Головачева полковникъ Дмитровскій, какъ кавказецъ, презиралъ всякія удобства, которыя считалъ «нѣжностями».

доносившіе, что сарты собираются ихъ вырѣзать *); солдаты же и офицеры, ходившіе и ѣздившіе по городу, не замѣчали въ немъ ни малѣйшихъ признаковъ какого-либо движенія. Аксакалы по прежнему были весьма предупредительны и униженно покорны, и развѣ только по болѣе холодному пріему жителей можно было догадываться объ уменьшеніи расположенія ихъ къ незваннымъ гостямъ...

Какъ бы то ни было, но евреямъ не повѣрили и посмѣялись надъ ихъ страхомъ. Въ сумерки евреи стали прибѣгать въ цитадель уже партіями, по нѣскольку человѣкъ, все съ тѣмъ же показаніемъ; имъ все-таки не вѣрили... Вдругъ, поздно вечеромъ, въ сторонѣ еврейскаго квартала послышались крики. Посланному разъѣзду изъ джигитовъ удалось захватить прятавшагося вооруженнаго сарта, который оказался раненымъ. Аксакалъ той части города, къ которой принадлежалъ пойманный, объявилъ, что это простой воръ, не разъ уже попадавшійся жителямъ, которые съ нимъ и расправлялись. Допросы преступника тоже ни къ чему не повели,—тѣмъ дѣло кончилось.

Между тѣмъ извѣстія о сборѣ шахрисябцевъ у Кара-Тюбе подтвердились, и потому, въ ночь съ 26-го на 27-е число, полковникъ Абрамовъ получилъ приказаніе немедленно выступить противъ шахрисябцевъ, разбить ихъ и возвратиться въ Самаркандъ.

Отрядъ изъ восьми ротъ 5-го и 9-го баталіоновъ, трехъ сотенъ казаковъ сборной, 1-й уральской и 11-й оренбургской, всего въ составѣ 850 штыковъ, 240 шашекъ и шести батарейныхъ орудій **), выступилъ въ Кара-Тюбе въ три часа утра и безъ приваловъ, быстро двигался впередъ, такъ что въ одиннадцать часовъ утра былъ уже въ шести верстахъ отъ Кара-Тюбе. Люди, конечно, устали и растянулись на большое растояніе; казаки, слѣдовавшіе, подъ начальствомъ полковника Пистолькорса, въ головѣ колонны, далеко опередили пѣхоту и артиллерію, которая мѣстами съ трудомъ двигалась по горамъ.

Когда наши войска подходили къ отрогамъ Самаркандъ-Тау, авангардъ замѣтилъ множество группъ пѣшихъ попутчиковъ,

*) Евреи открыто приняли нашу сторону и, бросивъ веревки, которыми прежде подпоясывались, а нѣкоторые, обзаведясь и верховыми лошадьми (чего имъ до насъ не позволялось), возбуждали въ мусульманскомъ населеніи гнѣвъ и ненависть, а потому сильно боялись вспышки фанатизма.

** Въ Самаркандѣ оставалось, затѣмъ 540 чел. пѣхоты и 15 казаковъ, но только послѣдніе могли еще идти въ счетъ, какъ боевая сила, а первые находились въ лазаретѣ или въ околодкахъ. Генералъ ф. Кауфманъ рискнулъ остаться въ городѣ съ 15 конвойными казаками въ томъ разсчетѣ, что здѣсь довольно было его личнаго присутствія. Если бы онъ оставилъ въ городѣ Абрамова, а самъ пошелъ бы въ Кара-Тюбе, то весьма вѣроятно, что жители напали бы на оставшихся въ цитадели больныхъ и Абрамову пришлось бы плохо.

вооруженныхъ преимущественно палками. Нѣсколько человѣкъ было захвачено и на вопросы: кто они, откуда и зачѣмъ идутъ въ горы, — пренаивно отвѣчали, что они жители Самарканда и идутъ въ горы добивать русскихъ, которыхъ, какъ они слышали, уже разбили шахрисябцы. Абрамовъ велѣлъ было разстрѣлять захваченныхъ, но потомъ согласился на доводы Пистолькорса, что такихъ простофиль разстрѣливать не стоитъ. Затѣмъ имъ отдали палки и отпустили, посовѣтовавъ торопиться на соединеніе съ шахрисябцами, такъ какъ мы ихъ долго ждать не будемъ. Не помня себя отъ радости, храбрые воины отбѣжали было нѣсколько десятковъ шаговъ, но потомъ ихъ взяло раздумье,— они воротились къ отряду и объявили, что бить русскихъ больше не хотятъ, но что съ удовольствіемъ бы поколотили шахрисябцевъ (вѣроятно, за ложное извѣстіе и напрасную тревогу), и потому просятъ позволенія пристроиться къ нашему отряду. Эта просьба по своей неожиданности, доставила нашимъ немало удовольствія, и новые союзники съ первобытнымъ оружіемъ Каина важно шли наряду съ солдатами, вполнѣ надѣясь разгромить своихъ братьевъ шахрисябцевъ!

Абрамовъ поручилъ Пистолькорсу атаковать казаками ближайшую къ отряду шайку конныхъ шахрисябцевъ; самъ же съ ротами 5 баталіона продолжалъ движеніе вдоль по дорогѣ, а роты 9 баталіона, съ цѣпью застрѣльщиковъ, слѣдовали вправо отъ дороги по скатамъ горъ. Кавалерія (240 казаковъ) обскакавъ сел. Кара-Тюбе, увидѣла въ лощинѣ массу пѣшихъ и конныхъ враговъ. Тотчасъ поведена была атака, и шахрисябцы бѣжали, потерявъ нѣсколько сотъ убитыми. Не зарываясь однако въ преслѣдованіе, Пистолькорсъ собралъ усталыхъ казаковъ и двинулся обратно къ своей пѣхотѣ; но тутъ изъ всѣхъ боковыхъ ложбинъ и ущелій надвинулись уже тучи непріятеля, спѣшившаго на помощь къ избиваемымъ казаками товарищамъ. Когда казаки были достаточно окружены, Пистолькорсъ остановилъ ихъ, спѣшилъ, разсыпалъ цѣпь стрѣлковъ и рѣшился дать такимъ образомъ отдыхъ и лошадямъ, и людямъ. Конныя толпы непріятеля насѣдали на казаковъ съ фронта, въ то время какъ пѣшіе, засѣвъ за большими камнями на горѣ, поражали нашихъ выстрѣлами съ фланговъ. Огонь этотъ былъ впрочемъ мало дѣйствителенъ. Изъ казаковъ три человѣка получили тяжелыя раны, два легкія, да убитъ волонтеръ изъ мусульманъ *).

Прибывъ въ Кара-Тюбе, пѣхота расположилась на небольшомъ курганѣ. Замѣтивъ отсюда затруднительное положеніе казаковъ, Абрамовъ послалъ дл поддержки ихъ 2 роты 9-го баталіона и

*) Сеидъ-Акремъ, человѣкъ еще молодой и подававшій прекрасныя надежды, какъ преданный намъ и способный туземецъ.

вслѣдъ затѣмъ, спустился съ кургана къ берегу рѣчки, гдѣ роты менѣе терпѣли отъ выстрѣловъ непріятеля съ окружающихъ высотъ.

Было около 4 часовъ пополудни, когда казаки присоединились къ остальному отряду. Абрамовъ, находя мѣсто весьма невыгоднымъ для боя и поддавшись настоятельнымъ доводамъ Назарова, доказывавшаго, что съ командующихъ высотъ отрядъ весь перестрѣляютъ, рѣшился отступить немедленно и приказалъ даже опрокинуть котлы, въ которыхъ почти готовъ былъ обѣдъ.

Въ этомъ случаѣ Абрамовъ только исполнялъ буквально приказаніе генерала ф.-Кауфмана—возвращаться немедленно.

Пистолькорсъ, напротивъ, совѣтовалъ непременно переночевать на избранномъ мѣстѣ, обезпечивъ отрядъ двумя постами на ближайшихъ высотахъ. Дѣйствительно немедленное отступленіе, и почти безъ боя, могло быть истолковано не только непріятелемъ, но и своими въ самую невыгодную для Абрамова сторону. Первоначальное приказаніе дѣйствительно, было отмѣнено, и отрядъ спокойно переночевалъ на томъ же мѣстѣ. Пальба прекратилась только къ ночи; убитыхъ и раненыхъ (все пулями) у насъ было до 25 человѣкъ.

Принявъ отступленіе казаковъ на пѣхоту за послѣдствіе нанесеннаго имъ пораженія, шахрисябцы дали знать самаркандцамъ, что Абрамовъ разбитъ, отступаетъ и что поэтому самаркандцы должны выйти ему на встрѣчу и, не впустивъ его въ городъ, довершить пораженіе.

Утромъ 28 числа, не видя нигдѣ непріятеля, Абрамовъ донесъ, что шахрисябцы отступили, и просилъ о высылкѣ необходимаго числа арбъ для поднятія раненыхъ. Непріятель однакоже и не думалъ отступать, а просто спустился на ночлегъ въ лощины, къ водѣ.

Отрядъ нашъ выступилъ чуть свѣтъ и потянулся къ Самарканду, не видя кругомъ ни одного непріятеля. Приближаясь уже къ городу, Пистолькорсъ отдѣлился съ казаками и пошелъ на рысяхъ, но скоро къ нему прискакалъ ординарецъ Абрамова съ приказаніемъ возвратиться, такъ какъ отрядъ окруженъ. Дѣйствительно, пѣхоту нашу облегали со всѣхъ сторонъ значительныя скопища шахрисябцевъ, только что догнавшихъ нашъ отрядъ: они готовились было съ разсвѣтомъ къ бою и никакъ не ожидали отъ русскихъ такого скрытнаго отступленія и потому запоздали преслѣдованіемъ. Кромѣ нихъ, тутъ явились и жители Міанкальской долины и наконецъ самаркандцы. Оттѣснивъ весь этотъ сбродъ съ дороги, отрядъ дошелъ до глубокаго оврага, опоясывающаго городскіе самаркандскіе сады, шагахъ въ двухстахъ отъ ихъ ограды. На днѣ оврага протекаетъ рѣчка съ отвѣсными берегами; мостъ здѣсь былъ разобранъ, а противоположный берегъ

оврага густо занятъ пѣшими сартами, вооруженными всякимъ дреколіемъ. Абрамовъ счелъ было толпу эту за торжественную встрѣчу, приготовленную ему по распоряженію генералъ-губернатора, но раздавшіеся изъ толпы выстрѣлы тотчасъ показали, какого рода встрѣча готовилась! Занять переправу возложено было на казаковъ, которые скоро отыскали спускъ къ водопою, перешли рѣчку и понеслись на высоту противоположнаго ската оврага,— сарты побѣжали. Тогда спустилась къ рѣкѣ и часть пѣхоты, которая перебралась на другой берегъ по оставшимся переводинамъ моста, набросала вновь настилку для остального отряда и двинулась вслѣдъ за казаками. Улица между садами была загорождена баррикадою, но мятежники недолго тутъ держались и бросились бѣжать, спасаясь въ сады, куда за ними разсыпалась и пѣхота, ожесточенная измѣной и не внимавшая отбою. Наша потеря въ этотъ день заключалась въ восьми раненыхъ; мятежники потеряли до 200 чел.

Какъ мало мы могли довѣрять жителямъ, достаточно ясно доказала уже и эта встрѣча: всю ночь шли работы по загражденію дороги кара-тюбинскому отряду, а никто не нашелся дать о томъ знать русскимъ! Абрамовъ потерпѣлъ неудачу въ полномъ смыслѣ: отрядъ нашъ былъ разстрѣливаемъ невидимымъ и неуязвимымъ за камнями врагомъ, противъ чего нашелъ только одно, правда, что простое средство: уйти въ лощину. Единственный эпизодъ, гдѣ пассивная роль отряда могла бы нѣсколько сгладиться, принявъ болѣе рѣшительный характеръ,—это дѣйствія кавалеріи Пистолькорса,—былъ непростительнымъ образомъ упущенъ, и казаки, продержавшись нѣсколько часовъ противъ многочисленныхъ скопищъ непріятеля, не получили однакоже серьезной поддержки и потому не могли перейти въ наступленіе. Нерѣшительность Абрамова испортила предначертанія генералъ-губернатора, разсчитывавшаго на полную побѣду, и повела за собою впослѣдствіи рѣшительное вторженіе шахрисябцевъ и нападеніе на слабый гарнизонъ нашъ въ самаркандской цитадели.

Между тѣмъ, утромъ 28 числа, евреи снова стали бѣгать въ цитадель, съ жалобами на угрозы сартовъ. Чтобы убѣдиться въ расположеніи умовъ и настроеніи жителей, начальникъ штаба главной квартиры полковникъ Петрушевскій придумалъ весьма простое, хотя и совершенно негодное средство: онъ поѣхалъ въ городъ и на базаръ съ пятью казаками, чтобы посмотрѣть, какъ его будутъ встрѣчать и не выкажетъ ли кто-нибудь внѣшнимъ образомъ своихъ тайныхъ надеждъ и намѣреній. Сарты, конечно, кланялись, поглаживая бороды и хватаясь руками за животъ *),

*) Такъ требуетъ здѣшній этикетъ; это называется к у л д у к ъ.

Петрушевскому этого было совершенно достаточно: онъ своими глазами убѣдился, что жиды врутъ!

Донесеніе Абрамова объ отступленіи непріятеля и просьба о присылкѣ арбъ для поднятія убитыхъ и раненыхъ, которыхъ солдаты несли на рукахъ, получены были около 10 часовъ утра 28 числа. Пока арбы успѣли вытянуться подъ прикрытіемъ одной роты 6-го баталіона, прошло около двухъ часовъ; командующій войсками, желая встрѣтить и поблагодарить кара-тюбинскій отрядъ за движеніе и дѣло съ непріятелемъ, поѣхалъ со штабомъ и съ конвоемъ изъ 15 казаковъ вслѣдъ за арбами. Какъ разъ въ это время Абрамовъ подходилъ къ садамъ города и началъ здѣсь дѣло, но такъ какъ выстрѣловъ не было слышно, арбы же двигались весьма медленно, то генералъ-губернатору не приходило на умъ торопиться. Арбы двигались до того медленно, что генералъ поневолѣ останавливался возлѣ каждой лавки, возлѣ каждой мастерской, въ особенности, если видѣлъ здѣсь толпу сартовъ, которымъ тотчасъ и объявлялъ, что онъ ѣдетъ встрѣчать отрядъ побѣдоносныхъ своихъ войскъ, разбившихъ и разсѣявшихъ шайки шахрисябцевъ, намѣревавшихся нарушить спокойствіе мирныхъ жителей. Мирные жители почтительно кланялись, гладили бороды, прижимали руки къ животамъ и отвѣчали, что весьма благодарны за такую милость и что очень рады успѣху русскихъ войскъ, которымъ желаютъ всякаго счастія и благополучія. Генералъ-губернаторъ, повѣривъ донесенію Абрамова, не зналъ тогда, что жители понимаютъ дѣло нѣсколько иначе.

Не доѣзжая полторы версты до выхода изъ садовъ, генералъ-губернаторъ наткнулся на выскочившихъ вдругъ изъ переулка двухъ вооруженныхъ сартовъ, которые, какъ видно, никакъ не ожидали появленія русскихъ со стороны города. Нѣсколько джигитовъ и казаковъ бросились за ними въ погоню, а командующій войсками продолжалъ ѣхать дальше. Послышались, наконецъ, и выстрѣлы; скоро подъѣхали Пистолькорсъ и Гриппенбергъ, которые весьма удивили генералъ-губернатора извѣстіемъ, что они только что дрались въ садахъ съ жителями Самарканда, что посланныя арбы загородили дорогу лучше всякихъ баррикадъ и что поэтому проѣхать впередъ нѣтъ никакой возможности.

„Нѣкоторое недоразумѣніе“,—обратился генералъ къ коканскому посланнику *) и повернулъ коня назадъ. Тогда только мы объяснили себѣ, какое назначеніе могли имѣть выдобленные въ стѣ-

*) Мирза-Хакимъ-Бай, прежде простой купецъ; прошелъ впослѣдствіи всѣ ступени коканской іерархіи и, не пробывъ года въ чинѣ датхи, произведенъ теперь въ парваначи (фельдмаршалъ или канцлеръ). Посолъ этотъ пріѣхалъ въ Самаркандъ поздравить генералъ-губернатора съ побѣдой.

нахъ черезъ каждые 150—200 шаговъ пазы: очевидно—это были приготовленія для баррикадъ.

Когда командующій войсками возвратился въ цитадель, тамъ уже было извѣстно, что въ городѣ всѣ лавки заперты и что въ еврейскомъ кварталѣ и по близости къ базару каракалпаки начали грабежъ. Въ городѣ замѣтно опустѣло. Жители разбѣжались и скрылись въ садахъ. Командующій войсками приказалъ собрать аксакаловъ и муллъ. Всѣ, конечно, явились, какъ ни въ чемъ неповинные, казались крайне удивленными, слыша о дѣйствіяхъ жителей, и сваливали всю вину на каракалпаковъ, наймановъ и другихъ воровъ. Для охраненія имущества жителей, на базарѣ выставлена была рота пѣхоты. Остальное время дня и вечеромъ въ городѣ царствовала мертвая тишина. Очевидно было теперь, что на поклоны, бороды и животы полагаться уже нельзя, а глумившіеся надъ страхомъ евреевъ вспомнили о преимуществахъ болѣе поздняго смѣха...

Въ виду нерасположенія жителей и удобства, съ какимъ попадаютъ въ городъ всякія шайки, цитадель Самарканда пріобрѣтала для насъ весьма важное значеніе; еще съ 13 числа, какъ сказано, въ цитадели начались инженерныя работы. Но съ выступленіемъ, 16 числа, половины всего дѣйствовавшаго отряда къ Каты-Кургану и съ высылкою роты для конвоированія транспортовъ въ Каты-Курганъ и Яны-Курганъ, ежедневный нарядъ на работы уменьшился и не превышалъ 100 человѣкъ, а иногда и менѣе многія инженерныя работы, предположенныя самимъ командующимъ войсками, къ 28 числу, были не только не окончены, но даже и не начаты. Надобно замѣтить при этомъ, что порядокъ работъ не основывался на степени относительной ихъ важности: такъ, внутри цитадели сломали цѣлый рядъ домовъ, чтобы образовать широкую улицу отъ Самаркандскихъ воротъ къ Бухарскимъ, а никто и не подумалъ не только очистить эспланаду вокругъ цитадели, но даже снести и тѣ лавченки, которыя прилѣпились, какъ ласточкины гнѣзда къ самой стѣнѣ цитадели на широкой бермѣ. Времени для этого нужно было, конечно, менѣе, чѣмъ на прокладку улицы, а между тѣмъ, оставивъ эту ленту лачугъ, мы оставляли въ рукахъ народа готовую крытую галлерею, ни откуда съ цитадели не обстрѣливаемую. Правда, что генералъ-губернаторъ щадилъ лачуги бѣдняковъ изъ понятнаго великодушія къ жителямъ, добровольно намъ подчинившимся, правда и то, что въ его штабѣ господствовало презрѣніе къ врагу и убѣжденіе, что въ Самаркандѣ все обстоитъ благополучно, но и это великодушіе и презрѣніе къ врагу и эта поверхностность въ отношеніи мѣръ осторожности стоили намъ впослѣдствіи не дешево...

Генералъ ф.-Кауфманъ поставилъ себѣ за правило: беречь войска до послѣдней возможности и, безъ крайней необходимости

не предпринимать въ военное время никакихъ работъ. Можно бы было, конечно, употребить на работы жителей!...

Что касается широкой дороги, проложенной на мѣстѣ сломанныхъ построекъ между Бухарскими воротами и дворцомъ, то она предназначалась на случай атаки непріятеля для облегченія отступленія нашихъ людей ко дворцу, который долженъ былъ служить послѣднею опорою. Но если бы тѣ же люди которые ломали сакли для образованія проспекта, были употреблены на задѣлку трещинъ и дыръ въ стѣнѣ цитадели, то безъ всякаго отягощенія войскъ они бы принесли дѣйствительную пользу гарнизону, а не вредъ, какой произошелъ отъ проспекта, уничтоженіемъ уличныхъ стѣнъ, укрывавшихъ прохожихъ отъ пуль, посылаемыхъ нападающими съ минаретовъ и мечетей города, откуда обнаженная внутренность цитадели была видна, какъ на ладони... Дожди шли первые четыре дня, а половина отряда ушла только 16 мая; значитъ, 10 дней рабочихъ было довольно, и все бы можно было успѣть поправить.

Между тѣмъ, обстоятельства усложнялись съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Утромъ, 29 мая въ Самаркандѣ получено было донесеніе отъ генерала Головачева, что съ 23 числа, въ 10 верстахъ отъ Каты-Кургана на Зерабулакскихъ высотахъ появился лагерь громадныхъ скопищъ бухарцевъ, что съ 24 числа они стали дѣлать ежедневно по два раза нападенія на нашъ лагерь— сперва небольшими шайками, съ цѣлію утомленія нашего отряда, а потомъ и большими вооруженными скопищами, съ цѣлію овладѣнія Каты-Курганомъ и уничтоженія нашихъ войскъ. Такъ, 27 мая, одновременно съ дѣломъ при Кара-Тюбе, 20,000 конныхъ стали подходить къ нашему лагерю. Головачевъ, оставивъ въ лагерѣ пять ротъ пѣхоты и четыре нарѣзныхъ орудія (четыре роты 3-го баталіона, рота стрѣлковъ и нарѣзной дивизіонъ), поручилъ подполковнику Баранову отбить нападенія на лагерь, а самъ, съ четырьмя ротами пѣхоты, съ дивизіономъ конно-облегченной казачьей батареи, съ тремя сотнями казаковъ и съ дивизіономъ ракетной батареи двинулся противъ массъ, обходившихъ насъ слѣва по бухарской дорогѣ (лагерь нашъ стоялъ вправо, въ углу, образуемомъ поворотомъ р. Нурпая). Бухарцы пытались нѣсколько разъ подвинуться къ нашей пѣхотѣ, но всякій разъ пальба изъ орудій, щедро сыпавшихъ ядрами и гранатами, разгоняла ихъ, прежде чѣмъ они успѣвали приблизиться на разстояніе полной дѣйствительности нашего артиллерійскаго огня. Орудійные выстрѣлы чрезвычайно нравились нашему военачальнику, не отходившему отъ пушки, въ особенности, если это была нарѣзная! Щедрость наша доходила до того, что нерѣдко дорогія гранаты нарѣзной артиллеріи посылались въ группу всадниковъ, маячившихъ далеко за предѣлами дѣйствительности нашихъ выстрѣловъ.

причемъ, по приказанію самого Головачева, подъ хоботомъ лафета выкапывалось углубленіе, чтобы дать орудію необходимый уголъ возвышенія, котораго нельзя уже было придать подъемнымъ винтомъ. 27 числа выпущено было немало выстрѣловъ (по 10 на орудіе—всего 40), и мы съ удовольствіемъ увидѣли въ бинокли двухъ упавшихъ съ лошадей враговъ! Пока шла такая канонада, массы непріятеля, направившіяся на лагерь, окружили его со всѣхъ сторонъ. Барановъ прикрылъ лагерь неполнымъ каре изъ двухъ фасовъ, упиравшихся въ берегъ Нурпая. Каждый фасъ состоялъ изъ двухъ ротъ и двухъ нарѣзныхъ орудій, но войскъ было такъ мало, сравнительно съ протяженіемъ лагеря, что слѣва роты не дотянули до рѣки. Бухарцы заѣхали съ этой стороны и начали слѣзать уже съ коней для грабежа палатокъ, но были частію переколоты двинувшимися сюда ротами ближайшаго фаса, а частію опрокинуты въ Нурпай съ кручи. Непріятель отступилъ, не дождавшись 6,000 регулярной пѣхоты, которая также должна была участвовать въ нападеніи на нашъ лагерь, но не поспѣла въ дѣло. У насъ потери не было. Бухарцы оставили на мѣстѣ, при атакѣ на лагерь, пять человѣкъ убитыхъ и увезли много раненыхъ.

Въ послѣднихъ числахъ мая скопище въ 30,000 шахрисябцевъ, каракалпаковъ и др. сосредоточилось въ Кара-Тюбе, противъ Самарканда. 30,000 бухарцевъ съ артиллеріею, регулярною пѣхотою, конницею и вооруженными жителями сосредоточились въ 10 верстахъ отъ Каты-Кургана. 15,000 собралось въ Чилекѣ для нападенія на Яны-Курганъ, гдѣ было всего двѣ роты пѣхоты, два горныхъ орудія и двѣ сотни казаковъ. Такимъ образомъ непріятель массировалъ войска свои съ фронта у Каты-Кургана, на флангѣ у Кара-Тюбе и въ тылу у Чилека. Планъ непріятеля, какъ видно изъ послѣдующихъ дѣйствій его, заключался въ одновременномъ нападеніи 1 іюня со всѣхъ трехъ сторонъ. Положеніе наше было не изъ блестящихъ. Цитадель Самарканда была оставлена въ томъ же негодномъ для обороны состояніи. Сообщеніе съ Ташкентомъ было прервано, а между тѣмъ перерывъ въ сообщеніи извѣстій о нашихъ дѣйствіяхъ отражался на состояніи умовъ туземцевъ въ Ташкентѣ.

Нападенія бухарцевъ на Каты-курганскій отрядъ давали поводъ думать, что они примутъ бой на Зерабулакскихъ высотахъ, какъ приняли его на Самаркандскихъ. Не вѣря въ возможность возмущенія самаркандцевъ и нападенія ихъ на гарнизонъ цитадели, генералъ-губернаторъ рѣшился оставить въ ней только самое малое число войскъ, а съ остальными войсками и со всею артиллеріею, за исключеніемъ 2 орудій, оставленныхъ въ цитадели, двинуться форсированнымъ маршемъ, къ Каты-Кургану, разбить и разсѣять бухарскія войска, сосредоточенныя на Зерабулакскихъ

высотахъ, и затѣмъ возвратиться въ Самаркандъ. Съ паденіемъ Ургута и Чилека, Самаркандъ казался обезпеченнымъ съ фланговъ: это давало поводъ предполагать, что слабый гарнизонъ цитадели не подвергнется никакой опасности. Во всякомъ случаѣ рискнуть казалось можно.

Слѣдуя этому плану, генералъ-губернаторъ оставилъ въ Самаркандѣ 95 человѣкъ саперовъ, четыре роты 6-го баталіона (въ которомъ, вмѣстѣ съ музыкантами и нестроевыми, было до 520 человѣкъ), двѣ полупудовыя мортиры, два батарейныхъ орудія и четыре бухарскихъ орудія, съ двойнымъ комплектомъ зарядовъ, и, наконецъ, 25 казаковъ, а самъ, на разсвѣтѣ 30 числа, съ 10 ротами пѣхоты, 6 орудіями и 3 сотнями казаковъ (792 штыка и 170 шашекъ), форсированнымъ маршемъ двинулся къ Каты-Кургану.

Еще наканунѣ, 29 числа, на разсвѣтѣ, 30,000 бухарцевъ, съ тремя вьючными орудіями, снова атаковали нашъ каты-курганскій отрядъ, стараясь занять сады лѣвѣе бухарской дороги. Генералъ Головачевъ, оставивъ въ лагерѣ двѣ роты пѣхоты съ двумя конными орудіями, выслалъ впередъ на бухарскую дорогу 240 стрѣлковъ (двѣ роты) и 140 казаковъ, съ двумя нарѣзными орудіями и ракетной батареей (6 станковъ), подъ командою полковника Дмитровскаго, а самъ съ 500 человѣкъ пѣхоты, при 2 нарѣзныхъ и 2 конно-облегченныхъ орудіяхъ, двинулся на правый флангъ бухарскихъ скопищъ, растянувшихся по всему пространству далеко влѣво отъ лагеря.

Дмитровскій двинулся впередъ и, обстрѣлявъ непріятеля огнемъ стрѣлковъ, нарѣзныхъ орудій и ракетной батареи, ударилъ въ штыки. Непріятель бѣжалъ, преслѣдуемый казаками, которые при этомъ изрубили до 70 человѣкъ бѣжавшихъ. Зной не позволилъ развить преслѣдованіе, и отрядъ возвратился въ лагерь; потеря наша состояла: изъ двухъ *убитыхъ*, трехъ *тяжело* и четырехъ *легко раненыхъ*. Потерю непріятеля опредѣлить трудно; но, судя по удачнымъ выстрѣламъ артиллеріи и удовлетворительной атакѣ казаковъ, надо полагать, что она была не менѣе 200 человѣкъ. Правый флангъ непріятеля (группы всадниковъ) началъ отходить къ центру, какъ только движеніе Головачева было замѣчено. Генералъ этотъ тоже свернулъ вправо и пошелъ на перерѣзъ, не замѣчая, что съ одною пѣхотою за вражескою конницей не угоняешься, особенно когда за нею открытая степь! Бухарцы остановились—и мы остановились; тѣ опять потянулись къ рѣчкѣ—и мы повернули влѣво, точно играли въ коршуна*)! Такъ бродили мы

*) Нѣкоторые изъ приближенныхъ генерала Головачева находили эти движенія весьма остроумными, считая ихъ *фланговымъ маршемъ*, въ виду непріятеля.

до 11 часовъ, когда отъ утомленія и жары люди стали падать; тогда отрядъ вернулся въ лагерь, не понеся никакой потери, такъ какъ непріятель держался все время внѣ дальности артиллерійскаго огня. Непріятель тоже никакой потери не понесъ, не смотря на щедрость, съ какою мы тратили артиллерійскіе снаряды. Всего въ дѣлѣ выпущено 80 артиллерійскихъ снарядовъ и 13,155 патроновъ.

Для обезпеченія лагеря отъ дальнѣйшихъ покушеній, выставленъ былъ отдѣльный постъ на ближайшемъ барханѣ изъ роты пѣхоты при одномъ орудіи подъ начальствомъ капитана Деннета, а затѣмъ штабсъ-ротмистра Терентьева. Этой мѣры оказалось вполнѣ достаточно и, конечно, съ этого слѣдовало начать, вмѣсто того, чтобы этимъ кончить.

Генералъ-губернаторъ, получивъ на дорогѣ извѣстіе о нападеніи 29-го числа и просьбу о доставленіи артиллерійскихъ зарядовъ, рѣшился ускорить движеніе и, сдѣлавъ въ 25 часовъ (со времени выхода изъ Самарканда) переходъ въ 65 верстъ, утромъ 31-го числа явился въ Катты-Курганъ. На этотъ разъ къ нему не выходилъ на встрѣчу ни одинъ аксакалъ, и по дорогѣ всѣ кишлаки были совершенно пусты. Катты-Курганъ также замѣтно опустѣлъ. Значительная часть добровольно сдавшихся жителей была на Зерабулакскихъ высотахъ. Съѣстные припасы и фуражъ приходилось добывать фуражировкою.

Перваго іюня численный составъ Катты-курганскаго отряда былъ слѣдующій: 20 ротъ пѣхоты, 6 сотенъ казаковъ (1,700 штыковъ и 320 шашекъ), при 14 орудіяхъ и 6 ракетныхъ станкахъ. Изъ этого числа двѣ роты въ 260 человѣкъ составляли гарнизонъ цитадели Катты-Кургана.

Бухарскій лагерь долго пестрѣлъ своими палатками на Зерабулакскихъ высотахъ, всего въ 8 верстахъ отъ нашего, но у насъ цѣлыхъ двѣ недѣли не рѣшались сдѣлать ни рекогносцировки, ни даже тревоги непріятелю, чтобы хоть отплатить бухарцамъ за безпокойства, которыя они намъ дѣлали. Мы терпѣливо бездѣйствовали, ожидая рокового дня, когда истекалъ срокъ, данный бухарцамъ на доставленіе ратификацій. Офицеры уже отмѣтили заранѣе, кто какую возьметъ себѣ палатку бухарскаго лагеря; но въ одно прекрасное утро лагерь исчезъ. Вмѣсто рекогносцировки у насъ и на этотъ разъ ограничились только разспросами жителей и перебѣжчиковъ. Выводъ былъ тотъ, что непріятель отступилъ. Если генералъ Головачевъ думалъ исполнить въ точности приказаніе объ исключительно оборонительномъ способѣ дѣйствій, то онъ все-таки плохо его исполнилъ, ибо никакая разумная оборона не исключаетъ наступленія, а генералъ-губернаторъ разрѣшилъ даже преслѣдовать непріятеля, въ случаѣ нужды, на одинъ переходъ,— такое преслѣдованіе и было бы рекогносцировкой, но это ни разу

сдѣлано не было. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ начальства Абрамовъ поступилъ бы иначе...

Отсутствіе рекогносцировокъ повело къ тому, что мы не знали навѣрно, ни гдѣ непріятель, ни дорогъ, по которымъ мы можемъ двигаться далѣе. Ясное дѣло, что въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ всякія предположенія объ атакѣ на тотъ или другой пунктъ были бы только гадательными.

Срокъ нашему бездѣйствію оканчивался 1-го іюня. Дальнѣйшія предположенія держались въ глубокомъ секретѣ. Замѣчательно, что свои дѣйствительно почти никогда не знали о предстоявшихъ движеніяхъ. Гдѣ-нибудь въ европейской компаніи это, можетъ быть, и хорошо, но здѣсь это, во-первыхъ, не достигало цѣли, такъ какъ непріятель всегда узнавалъ обо всемъ заблаговременно, черезъ арбакешей и лазутчиковъ, являвшихся въ лагерь съ лепешками и клеверомъ и затѣмъ тотчасъ же, на глазахъ отряда, отправлявшихся по дорогѣ къ непріятелю, а во-вторыхъ, наши войска, не предувѣдомленныя заранѣе, не знали, когда имъ готовить пищу, какъ распорядиться временемъ, и проч.

Такъ и на этотъ разъ приказъ о выступленіи былъ разосланъ поздно ночью, а въ часъ пополуночи велѣно уже вытягиваться по бухарской дорогѣ. Въ два часа войска были совершенно готовы къ движенію. Въ авангардъ назначенъ былъ полковникъ Пистолькорсъ съ четырьмя сотнями казаковъ, четырьмя ротами 3-го линейнаго и двумя стрѣлковаго баталіоновъ, при четырехъ орудіяхъ конно-облегченной казачьей батареи и шести ракетныхъ станкахъ (280 шашекъ и 790 штыковъ). Главныя силы подъ начальствомъ полковника Абрамова, состояли изъ четырехъ ротъ 4-го баталіона, трехъ ротъ 5-го баталіона, роты афганцевъ, дивизіона батарейной и дивизіона нарѣзной батареи, всего съ афганцами 750 штыковъ и восемь орудій.

Затѣмъ въ аріергардѣ, составлявшемъ прикрытіе, довольно длиннаго обоза, заключавшаго въ себѣ на десять дней провіанта, спиртъ и запасъ артиллерійскихъ принадлежностей, слѣдовалъ маіоръ Тихменевъ, съ четырьмя ротами 9-го баталіона, взводомъ батарейной батареи и сотней казаковъ, всего до 420 штыковъ и 60 шашекъ. Дорога тянулась вдоль лѣваго берега Нурпая. Не было видно ни зги; тихо вытягивались войска; въ полголоса отдавались приказанія. Авангарду велѣно было остановиться на третьемъ отъ лагеря барханѣ, примѣрно, верстахъ въ восьми. Остановились... Посланъ ординарецъ въ лагерь съ донесеніемъ, что авангардъ ждетъ дальнѣйшихъ приказаній. Пока возвратился ординарецъ, стало уже свѣтать: зеленоватая полоса на востокѣ и чуть забрезжившій свѣтъ дали возможность разглядѣть шагахъ въ четырехстахъ влѣво отъ дороги и почти параллельно ей, какую-

то длинную красную полосу, на отлогости бархана, которымъ заканчивались Зерабулакскія высоты. Бинокли разрѣшили всѣ споры и сомнѣнія: полоса эта оказалась двумя баталіонами бухарской пѣхоты, выстроенными развернутымъ фронтомъ въ 3 шеренги и составившими ружья въ козлы,—сарбазы тихо и въ порядкѣ лежали на землѣ, позади ружейныхъ козелъ. Никто не вѣрилъ собственнымъ глазамъ,—до того это было неожиданностію. Одно изъ двухъ: или бухарцы знали заранѣе о нашемъ движеніи и рѣшились выдти на встрѣчу и принять бой на позиціи, дѣйствительно довольно выгодной, или они расчитывали, что въ темнотѣ мы, не замѣтивъ ихъ, пройдемъ мимо, что дало бы имъ возможность атаковать насъ съ тылу. Пистолькорсъ тотчасъ сдвинулъ свой отрядъ съ дороги и выстроилъ боевой порядокъ параллельно непріятельскому фронту. Всѣ пять ротъ пѣхоты были поставлены въ первой линіи,—стрѣлки на правомъ флангѣ, а линейцы на лѣвомъ *); ротнымъ колоннамъ и стрѣлковымъ цѣпямъ приказано было лечь на землю и не открывать огня.

Въ центрѣ линіи оставлено было мѣсто для артиллеріи, которую однако не вызывали на позицію до полученія дальнѣйшихъ приказаній отъ генерала Головачева. Самъ Пистолькорсъ поѣхалъ доложить генералъ-губернатору о встрѣчѣ непріятеля и предложилъ атаковать его со стороны Нурпая, чтобы отрѣзать отъ переправы и загнать въ степь.

Не зная, что, кромѣ дороги черезъ мостъ, есть еще другая дорога въ Бухару черезъ степь, генералъ-губернаторъ согласился съ этимъ планомъ. Результаты дѣла были бы еще осязательнѣе, если бы принятъ былъ другой планъ: бить въ правое крыло бухарцевъ и опрокинуть ихъ въ рѣку,—здѣсь легла бы на нашихъ глазахъ вся армія эмира.

Когда уже достаточно разсвѣло, бухарцы поднялись и разобрали ружья; наша цѣпь открыла было огонь, но тотчасъ же, по приказанію Пистолькорса, прекратила его. Любо было смотрѣть на молодцовъ командировъ (Пищемуки и Баранова), спокойно расхаживавшихъ подъ выстрѣлами, между лежавшими ротами своихъ батальоновъ! Рекогносцировка, произведенная изъ главныхъ силъ, указала, что кромѣ двухъ баталіоновъ, на которые наткнулся нашъ авангардъ, у бухарцевъ есть и еще четыре, стоявшіе подъ угломъ съ первыми, правымъ флангомъ назадъ. Сарбазы (всѣхъ ихъ было до 6,000) и здѣсь занимали холмистую подошву Зерабулакскихъ высотъ; артиллерія ихъ, въ числѣ 14 орудій, расположилась далеко за линіей пѣхоты, на вершинахъ ко-

*) М. Лыко, въ своемъ очеркѣ военныхъ дѣйствій 1868 года, увѣряетъ, будто наша пѣхота стояла въ развернутомъ фронтѣ, безъ цѣпи стрѣлковъ. Это положительно невѣрно: такъ стояла не наша, а бухарская пѣхота.

мандующихъ высотъ и, слѣдовательно, намѣревалась дѣйствовать черезъ головы своихъ, не опасаясь уже достаться въ наши руки при первомъ же „ура“. Густыя толпы конницы покрывали всю мѣстность правѣе боевого порядка бухарцевъ.

Итакъ, дорога въ Бухару оставалась не занятою. Трудно угадать, что именно побудило бухарцевъ выйдти къ намъ на встрѣчу и въ то же время расположиться какъ будто только для отданія чести нашимъ войскамъ, въ сторонѣ и почти параллельно дорогѣ! Еслибъ мы могли утерпѣть, чтобъ пройти мимо безъ драки, то мы обошли бы непріятельскую позицію безъ выстрѣла... и напрасно этого не сдѣлали!

Выгодно было также вести главную атаку на правый флангъ бухарцевъ, чтобы опрокинуть ихъ въ Нурпай *), крутые берега котораго и быстрота теченія мало располагали попытать брода. Единственный мостъ находился въ 4-хъ верстахъ, въ тылу бухарцевъ у деревни Казы-Кишлакъ. Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть пѣхоты была бы изрублена или взята въ плѣнъ; артиллерія также не миновала бы нашихъ рукъ. Плѣнные, правда, небольшая находка, и ихъ, по всей вѣроятности, скоро бы отпустили, чтобы не тратить свои продовольственные запасы, но полное обезоруженіе всей пѣхоты, при бѣдности средствъ Бухарскаго ханства, конечно, имѣло бы свое значеніе.

Весьма возможно также, что большинство плѣнныхъ предпочло бы поселиться на занятой нами территоріи, такъ какъ въ сарбазахъ служатъ преимущественно персидскіе невольники. Словомъ, при указанномъ направленіи атаки можно было бы считать всю регулярную бухарскую пѣхоту уже потерянною для эмира.

Ни тотъ, ни другой способъ избраны не были, атаку рѣшено вести авангардомъ Пистолькорса на лѣвый флангъ бухарцевъ, чтобы откинуть ихъ отъ переправы въ безводную степь **). Причины, по которымъ планъ ген. Гейнса былъ отвергнутъ, заключались въ слѣдующемъ: 1) опрокидывая бухарцевъ на мостъ, мы рисковали не достичь цѣли, такъ какъ они могли отступать и по этому берегу Нурпая, не переходя на ту сторону. 2) Для такой атаки Пистолькорсу пришлось бы съ крайняго праваго фланга нашего перейти, въ виду непріятеля и вдоль его фронта, на крайній лѣвый, чтобы оттуда бить въ правый флангъ бухарцевъ ***);

*) Планъ этотъ былъ предложенъ генераломъ Гейнсомъ (правитель канцеляріи).

**) Планъ этотъ былъ предложенъ полковникомъ Пистолькорсомъ.

***) Кажется однакоже, что перетаскивать Пистолькорса съ крайняго праваго фланга на лѣвый не было надобности. Если бы онъ одинъ долженъ былъ драться съ бухарцами,—тогда такъ, но если въ дѣлѣ принимаетъ участіе весь отрядъ, то для выполненія плана слѣдовало только приказать Пистолькорсу выждать на мѣстѣ, пока нашъ лѣвый флангъ не кончитъ дѣла и не загребетъ бухарцевъ къ рѣкѣ.

такой фланговый маршъ болѣе походилъ бы на отступленіе, чѣмъ на атаку, а въ Азіи это не годится, потому что мы беремъ здѣсь не силой, а нравственнымъ преобладаніемъ. 3) Въ дѣлахъ съ азіятцами слѣдуетъ предпочесть такой способъ, который кратчайшимъ путемъ ведетъ къ столкновенію. Принявъ планъ Пистолькорса, генералъ-губернаторъ предоставилъ ему и начать дѣло, съ тѣмъ, что въ это время главныя силы успѣютъ вытянуться влѣво отъ дороги и поддержатъ его своей артиллеріей.

Главныя силы наши, подъ начальствомъ полковника Абрамова, свернули влѣво отъ бухарской дороги и развернули слѣдующій боевой порядокъ: 4 роты 4-го баталіона на правомъ флангѣ, 3 роты 5-го на лѣвомъ, въ центрѣ рота афганцевъ, а въ интервалахъ между нею и флангами: дивизіоны—батарейный и нарѣзной. Абрамовъ, по извѣстному своему обыкновенію, остановилъ войска почти за двѣ версты отъ непріятельской позиціи и открылъ канонаду. Потому ли, что этотъ счастливый офицеръ началъ службу въ артиллеріи и теперь предпочитаетъ дѣйствовать этимъ оружіемъ, или потому, что по горячности характера не можетъ перенести вида непріятеля даже издали и тотчасъ стремится вредить ему, или, наконецъ, съ цѣлію сберечь своихъ подчиненныхъ отъ напрасной потери,—какъ бы то ни было, а во всѣхъ своихъ стычкахъ Абрамовъ всегда предпочиталъ вѣдаться съ азіатцами съ дистанціи дальняго пушечнаго выстрѣла. Нѣтъ спора: пушка пользуется большимъ уваженіемъ у азіатцевъ, но тратить ея выстрѣлы съ дистанціи, гдѣ дѣйствительность ея весьма слаба,—значитъ пріучать непріятеля къ страшному для него звуку, ободрять его ничтожностію потери и развивать въ немъ нелестныя для насъ понятія объ умѣньѣ нашемъ управляться съ собственнымъ оружіемъ; а такое понятіе сложится само собою, если наши старшіе офицеры будутъ смотрѣть на пушку какъ на музыкальный инструментъ, назначенный потрясать слабые нервы непривычнаго противника!

Примѣромъ совершенно противоположнаго взгляда на дѣло могутъ служить дѣйствія Пистолькорса на правомъ флангѣ: развернувъ свои силы въ 300 шагахъ отъ непріятельской позиціи, онъ около получаса стоялъ, не отвѣчая на выстрѣлы бухарцевъ и ожидая, когда начнется перестрѣлка въ центрѣ. Первый выстрѣлъ сдѣланъ былъ бухарцами съ батареи, расположенной на ближайшей къ авангарду горѣ. Вслѣдъ затѣмъ, сюда прискакали выѣхавшіе было далеко по бухарской дорогѣ „безсмертные“ барона Ренне *) съ извѣстіемъ, что за ними гонятся слѣдомъ

*) Этотъ офицеръ, въ бытность комендантомъ Джизака, завелъ у себя конвой изъ туземцевъ. Всѣ они были одѣты въ красные халаты и бѣлыя чалмы; на бѣломъ значкѣ красовалась мертвая голова съ двумя костями на крестъ.

кыркъ-минъ конныхъ. Надобно замѣтить, что здѣшніе кыркъ-минъ (сорокъ тысячъ) совершенно отвѣчаетъ нашему „видимо-невидимо“,—вотъ разгадка этихъ поражающихъ цифръ здѣшнихъ реляцій: три роты разбиваютъ 40,000 враговъ и даже больше, но эти сорокъ тысячъ взяты изъ показаній плѣнныхъ и должны быть переведены просто словомъ: много, можетъ быть, 3—5—7 тысячъ!

Вслѣдъ за „безсмертными“ дѣйствительно показалась масса всадниковъ, несшихся въ разсыпную, съ гиками и безвредной пальбой; но вдругъ среди нихъ грохнулось бухарское же ядро, и всадники повернули назадъ; вслѣдъ за ними выдвинуты были казачьи сотни, которыя и поставлены на оконечности праваго фланга, обезпечивая его отъ дальнѣйшихъ покушеній. Между тѣмъ сарбазы, открывъ по авангарду бѣглый ружейный огонь и видя, что мы не отвѣчаемъ, двинулись стройно, по сигналамъ трубачей, впередъ съ ружьями „подъ курокъ“. Тогда нашей цѣпи приказано было открыть огонь, и артиллерія вызвана на позицію. Въ это время въ авангардъ прискакалъ полковникъ Дмитровскій съ приказаніемъ отъ генерала Головачева—дать отсюда двѣ роты на помощь 5-му баталіону. Легко было сообразить, что съ крайняго праваго фланга на крайній лѣвый скоро поспѣть нельзя, и злополучныя роты, конечно, напрасно бы только пробѣжались, пропустивъ бой въ одномъ мѣстѣ и не поспѣвъ въ другое. Поэтому Пистолькорсъ попросилъ Дмитровскаго остаться на минуту въ авангардѣ и потомъ сказать Головачеву, что онъ засталъ тутъ атаку и поэтому счелъ неудобнымъ увести требуемыя роты. Резонъ былъ тотъ, что 5-му баталіону легче было помочь цѣлымъ авангардомъ, то есть немедленной атакой и пораженіемъ непріятеля, чѣмъ двумя ротами. Дмитровскій согласился; казачій дивизіонъ сотника Топорнина лихо выскакалъ на позицію и осыпалъ сарбазовъ картечью. Сарбазы тотчасъ остановились и снова открыли огонь, не смотря на сигналы и крики своихъ начальниковъ, не скупившихся даже на сабельные удары. По третьей очереди картечью бухарская пѣхота повернулась кругомъ и тѣмъ же шагомъ начала отступленіе.

Наши роты тотчасъ вскочили на ноги и съ криками „ура“ бросились въ догонку; двинуты были также и казаки; артиллерія, сдѣлавъ свое дѣло, взяла на передки.

Вотъ что происходило тѣмъ временемъ у Абрамова: остановившись на весьма далекомъ разстояніи отъ бухарской позиціи, Абрамовъ тотчасъ сталъ отвѣчать на выстрѣлы непріятеля, безъ особаго, конечно, для него вреда. Затѣмъ, когда генералъ-губернаторъ съ высокаго кургана замѣтилъ, что бухарская пѣхота, дравшаяся съ Пистолькорсомъ, стрѣляетъ вверхъ,—явный знакъ переполоха,—онъ тотчасъ подалъ сигналъ къ аттакѣ. Головачевъ лично по-

велъ войска впередъ и такъ стремительно, что артиллерія, будучи заслонена, двигавшимися въ аттаку ротами, должна была прекратить огонь.

5-й баталіонъ, ничѣмъ не обезпеченный съ фланга и тыла (у насъ не было ни общаго, ни частныхъ резервовъ), скоро былъ охваченъ бухарскою кавалеріею, которая насѣла на раненыхъ, отставшихъ отъ баталіона, и начала крошить ихъ. Но баталіономъ командовалъ человѣкъ уже бывалый и лихой, маіоръ Гриппенбергъ; перемѣнивъ быстро фронтъ, онъ огнемъ и штыкомъ отбилъ конницу, а затѣмъ снова повернулъ на прежнюю дорогу, гдѣ впереди манила его честолюбіе непріятельская батарея. Не разъ однакоже пришлось еще 5-му баталіону мѣнять фронтъ: атаки неугомонной бухарской конницы, поддержанныя наступленіемъ сарбазовъ праваго крыла, такъ и не позволили захватить батарею, заблаговременно снявшуюся съ позиціи. Дивизіонъ батарейныхъ орудій немало способствовалъ 5-му баталіону отдѣлаться отъ непріятельской конницы; тѣмъ не менѣе уронъ этого баталіона оказался въ 17 раненыхъ, изъ коихъ 12 холоднымъ оружіемъ.

Опрокинувъ сарбазовъ, Гриппенбергъ насѣлъ на отступающаго непріятеля, но былъ остановленъ генералъ-губернаторомъ, направившимъ сюда дивизіонъ нарѣзныхъ орудій, преслѣдовавшихъ бухарцевъ убійственнымъ огнемъ.

4-й баталіонъ *), при которомъ находился и Головачевъ, не засталъ уже непріятеля на позиціи; стоявшіе здѣсь баталіоны сарбазовъ, попавъ въ сферу дѣйствія нашего авангарда и чуя въ тылу у себя начатую нами расправу, бросились на утекъ.

Въ это время на позицію непріятеля въѣхалъ самъ генералъ-губернаторъ со свитой, которая была немало озадачена, видя массы какъ будто наступающаго справа непріятеля, —но оказалось, что это спасавшіеся отъ Пистолькорса сарбазы лѣваго бухарскаго фланга. Нашъ генералъ со всей свитой и небольшимъ конвоемъ спокойно проѣхалъ между рядами солидно утекавшаго непріятеля, и никто никого не тронулъ, какъ будто это были старые знакомые!

Авангардъ, такъ горячо принявшійся преслѣдовать отступающаго непріятеля, скоро спасовалъ: пѣхота не могла догнать, прибавившаго шагу, противника потому, что вмѣстѣ съ „ура“ пустилась бѣгомъ съ дистанціи, по меньшей мѣрѣ, въ полтораста шаговъ, да еще въ гору, а казаки (двѣ оренбургскія сотни), выскакавъ въ карьеръ на линію цѣпи, отсюда пошли уже рысью, не опережая (конечно, изъ вѣжливости) свою пѣхоту...

Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ дѣйствовалъ и примѣръ самого на-

*) Въ составѣ двухъ ротъ, такъ какъ рота безсрочныхъ отдѣлена была въ началѣ дѣла въ прикрытіе обозу, и еще одна рота къ батарейнымъ орудіямъ, оставленнымъ 5-мъ баталіономъ безъ прикрытія.

чальника кавалеріи подполковника Штрандмана. Съ самого начала боя Пистолькорсъ никакъ не могъ вызвать Штрандмана впередъ на правый флангъ и разослалъ за нимъ всѣхъ своихъ ординарцевъ, одна сотня была въ аріергардѣ, а 4 сотни въ авангардѣ; здѣсь и мѣсто ихъ командира.

Сарбазы пріободрились, пошли тише и стали отстрѣливаться. Пистолькорсъ велѣлъ тогда казакамъ очистить фронтъ и выдвинулъ снова артиллерію. Молодецъ Топорнинъ подскакалъ къ самымъ затылкамъ сарбазовъ, снялся съ передковъ и засвисталъ имъ въ уши картечью; ракетные станки штабсъ-капитана Абрамова младшаго также содѣйствовали разстройству порядка въ въ рядахъ сарбазовъ. Казаки пошли смѣлѣе, но новички въ бою, попавшіе въ первый разъ въ рукопашную схватку, они рубили только раненыхъ и отсталыхъ, бросаясь шесть на одного; да къ тому же норовили искрошить несчастнаго въ лапшу. Понятно, что пока они занимались задними, передніе успѣли выиграть достаточно пространства. Отуманенные кровью жертвоприношенія, казаки не слушали ни совѣтовъ, ни просьбъ, ни приказаній; ни одного раненаго, ни одного сдавшагося въ плѣнъ не удалось спасти; въ первую минуту боя, ихъ рубили въ глазахъ офицеровъ. Бухарцы уже не защищались и, побросавъ ружья, только ускоряли шагъ, не оборачиваясь и развѣ только закрываясь рукою отъ занесенной надъ головою шашки... Какая-нибудь рытвина, камень, убитая лошадь, задержавъ на секунду движеніе, были уже достаточною причиною, чтобы около нихъ тотчасъ воздвиглась цѣлая груда человѣческихъ труповъ. Многіе раненые, притворясь убитыми, тщетно надѣялись спастись такимъ образомъ: казаки, а слѣдомъ за ними пѣхота, на всякій случай, тревожили и лежачихъ, то шашкой, то штыкомъ.

Совсѣмъ иначе дѣйствовали уральцы, и немудрено: это были ученики Пистолькорса *), да еще имѣли такихъ молодцовъ командировъ, какъ Германъ Кириловъ.

Такое преслѣдованіе продолжалось верстъ на восемь. Вся степь впереди краснѣла куртками сарбазовъ; кое-гдѣ мелькали значки, одурѣвшей отъ неудачи, непріятельской конницы.

Много значковъ было подобрано казаками; найдено также на дорогѣ брошенное бухарцами орудіе и захваченъ артиллерійскій транспортъ въ 40 вьючныхъ ящиковъ съ зарядами.

Дѣло было сдѣлано,—разбитый непріятель отброшенъ отъ Нурпая и потянулся въ степь.

Скоро подъѣхалъ и генералъ фонъ Кауфманъ. Поблагодаривъ Пистолькорса за дѣло, онъ приказалъ прекратить преслѣдованіе и двинуть всѣ войска къ переправѣ у Казы-Кишлака, куда еще

*) Онъ съ 1865 по 1867 годъ былъ начальникомъ кавалеріи.

раньше Головачевъ послалъ пѣхоту авангарда. Осмотрѣвъ поле сраженія и забравъ съ собою бухарскіе значки, генералъ-губернаторъ поѣхалъ назадъ къ аріергарду, прикрывающему обозъ. Еще до начала дѣла толпы бухарской конницы, двигавшіяся параллельно съ нами далеко влѣвѣ, пытались было овладѣть обозомъ, но маіоръ Тихменевъ, командовавшій аріергардомъ, воспользовался высокимъ курганомъ влѣво отъ дороги, послалъ туда роту пѣхоты, которая, покрывъ всю горку застрѣльщиками, удержала непріятеля на разстояніи дальности ружейнаго выстрѣла. Теперь, по окончаніи боя, видя приближеніе конной партіи съ нѣсколькими разноцвѣтными значками, рота штабсъ-капитана Травло снова открыла огонь и чуть не перестрѣляла свиту генералъ-губернатора; кое-какъ, русскими сигналами, удалось успокоить расходившихся молодцовъ, но все-таки пришлось переждать свинцовый ливень въ случившемся тутъ оврагѣ *). Это были послѣдніе выстрѣлы. Къ десяти часамъ непріятеля уже не было видно нигдѣ. Артиллерія, подъ прикрытіемъ 100 человѣкъ, была уведена Ширъ-Али-пашою заранѣе по дорогѣ вдоль Нурпая; остальныя войска, подъ командою Османа, потянулись въ степь. Впослѣдствіи мы узнали, какимъ лишеніямъ подверглись отступавшіе: воды въ колодцѣ Кара-Кудукѣ оказалось мало,—да и ту выпили обогнавшіе пѣшихъ конные, а смертельная жара, въ связи съ истомленіемъ отъ скораго движенія, возбуждали неистовую жажду... Говорятъ, что здѣсь немало погибло несчастныхъ бухарскихъ солдатъ.

Результатъ для насъ неожиданный и нежеланный, такъ какъ оружіе ихъ перешло по наслѣдству не къ намъ, а къ окрестнымъ жителямъ, обиравшимъ мертвыхъ. Изъ всей арміи къ эмиру собралось едва только 1,100 человѣкъ, такъ что потерю бухарцевъ собственно въ степи можно положить въ 3,500 чел.

Къ полдню весь отрядъ стоялъ уже лагеремъ на берегу Нурпая, противъ Ширинъ-Хатынъ или Казы-Кишлака, гдѣ хозяйничали уже афганцы и казаки, попавшіе сюда изъ первыхъ. Большая часть населенія выбралась при нашемъ приближеніи, а мужчины участвовали въ дѣлѣ. Оставшихся женщинъ приказано было собрать въ одинъ дворъ и приставить къ нимъ караулъ. Боялись русскихъ, впрочемъ, только однѣ молодыя, которыя, чтобы казаться безобразнѣе и старѣе, вымазали себѣ лица золою и глиной. Заботливость и вниманіе, которыми ихъ окружили побѣдители, помирили ихъ однакоже съ участію, и, при выступленіи нашемъ на третій

*) Этотъ эпизодъ послужилъ поводомъ забавному анекдоту: объѣзжая на третій день (уже подъ Каты-Курганомъ) войска, генералъ благодарилъ ихъ за труды и молодецкое поведеніе. Ротѣ Травло онъ сказалъ: „спасибо, молодцы, славно стрѣляете, чуть меня не подстрѣлили“. „Рады стараться ваше—ство!“—гаркнули молодцы...

день обратно, плѣнницы не безъ сожалѣнія разставались съ Иванами *), съ которыми громко перекликались черезъ рѣку...

На другой день послѣ боя, то есть 3-го числа, предпринята была рекогносцировка высотъ Зера-тау, но нигдѣ на горизонтѣ не было видно ни души; жители южнаго склона сообщили, что войска эмира разсѣялись кто куда. Лазутчики и плѣнные показывали, что эмиръ съ небольшимъ конвоемъ находится въ Кермине, гдѣ у него оставалось еще до 2,000 сарбазовъ, съ артиллеріей. Въ тотъ же день, около полудня, изъ-подъ Самарканда прискакалъ сартъ, объявившій, что въ городъ ворвались шахрисябцы, но что жители заперли ворота и съ помощію русскихъ истребили общаго врага.

Отъ коменданта же никакихъ свѣдѣній не получалось. Казалось бы, что это обстоятельство только усиливало значеніе привезеннаго сартомъ извѣстія, такъ какъ слѣдовало предположить, что донесенія коменданта не доходятъ. Такое предположеніе пріобрѣтало значеніе достовѣрнаго факта въ виду доказанной уже измѣны самаркандцевъ и окрестныхъ жителей (встрѣча Абрамова послѣ Кара-Тюбе). Не смотря на все это, мы остались спокойно отдыхать на лаврахъ...

Отдыхали 3-го числа, отдыхали 4-го числа; 5-го перешли отдыхать въ Каты-Курганъ (всего 12 верстъ) и только 6-го, не торопясь, выступили къ Самарканду, оставивъ въ Каты-Курганѣ 5-й баталіонъ и 2 орудія. Если у насъ дѣйствительно былъ планъ разбить на голову бухарцевъ и затѣмъ возвратиться тотчасъ въ Самаркандъ, то надо сознаться, что онъ выполненъ только въ первой половинѣ. Казалось, что генералъ-губернаторъ колеблется и не знаетъ, на что рѣшиться. Приближенные настаивали на движеніи впередъ, на Бухару, но судьба Самарканда такъ заботила генерала Кауфмана, что онъ, наконецъ, рѣшилъ идти назадъ. Самыя дневки даны были для того, чтобы наше возвращеніе не могло быть истолковано, какъ отступленіе. Весь эффектъ Зерабулакскаго дѣла былъ бы потерянъ, если бы мы не „выдержали характера“. Въ Азіи всегда такъ бываетъ, что даже бѣгущій непріятель тотчасъ ободряется, какъ только вы прекратили преслѣдованіе и собираетесь назадъ. Наиболѣе трусливый изъ вчерашнихъ бѣглецовъ, сегодня лѣзетъ на васъ съ дерзостію отчаяннаго удальца; онъ увѣренъ, что вы уходите не по

*) Всякаго русскаго мужчину туземцы называютъ Иваномъ, а женщину Марьей, передѣлывая по своему на Маржу; это слово на русско-туземномъ жаргонѣ (примѣръ: шалтай балтай некерекъ, бери одинъ коканъ) означаетъ теперь женщину вообще.

доброй волѣ, онъ увѣренъ, что онъ васъ гонитъ! Это, напримѣръ, случилось съ Абрамовымъ подъ Кара-Тюбе, когда онъ принесъ на своихъ плечахъ непріятеля къ самому Самарканду. Таковы были соображенія Кауфмана.

Движеніе къ Самарканду послѣ блестящей побѣды подъ Зерабулакомъ дало поводъ впослѣдствіи генералу Куропаткину написать, въ части III кн. 2 „Обзора войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней", слѣдующее: „Путь въ Бухару сдѣлался открытымъ. Къ счастію, ген. Кауфманъ, обладавшій прозорливостію полководца, не увлекся возможностію легкихъ дальнѣйшихъ успѣховъ, обратилъ вниманіе на обезпеченіе тыла нашихъ войскъ и повернулъ отрядъ обратно къ Самарканду". Прозорливость—пусть такъ, но вѣдь еще 3-го числа Кауфману дано было знать о нападеніи на самаркандскій гарнизонъ; если онъ ждалъ 4 дня оффиціальнаго донесенія и прозорливость не подсказала ему, что сообщенія его съ тыломъ отрѣзаны, то лучше объ этомъ и не говорить...

По дорогѣ въ Самаркандъ всѣ кишлаки оказались пустыми. Отрядъ нашъ точно возвращался съ фуражировки: бараны, коровы, ослы, навьюченные всякой всячиной,—тащились по сторонамъ дороги при частяхъ, которымъ принадлежали; пѣхотные солдаты верхомъ на лошадяхъ и ослахъ, и наконецъ толпа мародеровъ (изъ жителей Джизака, Ура-Тюбе, Ташкента и другихъ городовъ), отягченныхъ, довольно впрочемъ убогой добычей,— дополняли картину. Мародеры-туземцы составляютъ обыкновенное явленіе въ нашихъ походахъ. Какъ голодные шакалы, идутъ они слѣдомъ за нашими войсками и, не принося намъ никакой пользы, ускользая на стоянкахъ отъ всякаго надзора, они составляютъ великое зло; не говоря уже о томъ, что имъ ничто не мѣшаетъ служить лазутчиками непріятелю, и что они вносятъ въ наши дѣйствія элементъ разбоя, достаточно уже и того, что масса ихъ лошадей составляетъ немалую конкурренцію нашей кавалеріи, истощая фуражныя средства страны. Когда надежды мародеровъ на экспедицію не оправдываются, они не задумываются заняться разбоемъ въ предѣлахъ нашей же территоріи, не стѣсняясь нападать и на русскихъ. Напомнимъ только разбои 1867 и начала 1868 годовъ, въ окрестностяхъ Джизака. До сихъ поръ мы однакоже не принимали противъ этого никакихъ мѣръ, а стоило бы.

Отрядъ ночевалъ въ кишлакѣ Карасу, на половинѣ разстоянія между Каты-Курганомъ и Самаркандомъ.

Вечеромъ, къ генералъ-губернатору явился бекъ небольшого города Джаны-Кургана, съ изъявленіемъ покорности. Онъ сообщилъ первыя точныя свѣдѣнія о положеніи Самарканда; оказалось, что цитадель въ осадѣ со 2-го іюня, что сыновья эмира

и шахрисябскіе беки, узнавъ о побѣдѣ нашей подъ Зера-Булакомъ, отступили уже къ Ургуту, но что китай-кипчаки и другія племена, вмѣстѣ съ самаркандцами, продолжаютъ еще атаку.

7-го числа, отрядъ продолжалъ дальнѣйшее движеніе. Въ 18 верстахъ отъ Самарканда въ кишлакѣ Даулъ, на дорогѣ, получено было, наконецъ, донесеніе маіора Штемпеля на нѣмецкомъ языкѣ, седьмое по порядку (первыя шесть писемъ были перехвачены). Съ тѣмъ же иранцемъ посланъ отвѣтъ, написанный самимъ генералъ-губернаторомъ также по-нѣмецки. Сообщивъ, что выручка уже близка и съ разсвѣтомъ 8-го числа вступитъ въ Самаркандъ, генералъ приказывалъ Штемпелю сдѣлать къ этому времени вылазку.

Отрядъ остановился на ночлегъ верстахъ въ 8-ми отъ города. Это уже второй ночлегъ отъ Каты-Кургана на протяженіи 62-хъ верстъ,—доказательство, что мы поспѣшали, не торопясь!

Какъ только стемнѣло, у насъ было пущено нѣсколько сигнальныхъ ракетъ, чтобы дать о себѣ знать храброму гарнизону, но тамъ ихъ не замѣтили изъ-за деревьевъ, окружающихъ городъ.

ГЛАВА XVII.

Происки духовенства. Средства гарнизона самаркандской цитадели. Жалкое состояніе верковъ. Работы по ихъ усиленію. Прибытіе скопища шахрисябцевъ. Нападеніе на цитадель 2 іюня. Дѣйствія у бухарскихъ воротъ подполковника Назарова. Штурмъ 3 числа. Вылазки нашего гарнизона и очищеніе эспланады. Штурмъ 4 числа. Сообщеніе извѣстія генералъ-губернатору о стѣсненномъ положеніи гарнизона. Вылазка 5 числа. Услуга иранскаго аксакала. Приходъ катты-курганскаго отряда 8 іюня. Очищеніе города отъ мятежниковъ. Наши потери. Приказъ по войскамъ. Наказаніе города грабежемъ. Необходимость для насъ Самарканда. Эмиръ сдается на капитуляцію, но она не принята. Мирный договоръ. Возвращеніе отряда въ Ташкентъ. Возмущеніе сына эмира, Катты-Тюри противъ отца. Содѣйствіе нашихъ войскъ; занятіе Карши и возвращеніе его войскамъ эмира. Посольство сына эмирова—Тюря-Джана (Абдулла-Фатихъ-хана) въ Петербургъ. Просьбы о возвращеніи Самарканда. Разграниченіе съ Бухарою. Путь въ Хиву. Разбойникъ Бабанъ. Поведеніе Скобелева. Посольства въ Бухару Носовича, Струве и Колзакова.

Гарнизону въ самаркандской цитадели дѣйствительно приходилось жутко. Вотъ что происходило тамъ послѣ выступленія генералъ-губернатора къ Каты-Кургану 30-го мая. Удаленіе большей части нашихъ войскъ изъ Самарканда, разумѣется, не могло остаться неизвѣстнымъ для самаркандцевъ, которые только того и ждали: для поголовнаго возстанія все уже было готово. Съ обычною здѣсь быстротою разосланы были прокламаціи муллъ о днѣ сбора для нападенія на русскихъ. Тотчасъ же стали собираться скопища, каждый вооружился, чѣмъ могъ, и черезъ два дня подъ стѣнами города собралось уже до 65 тысячъ человѣкъ. Изъ нихъ шахрисябцы въ числѣ 25,000 человѣкъ, приблизились съ юго-западной стороны и расположились за городскими садами. 15,000 кипчаковъ покрыли собою всю поверхность горы Чупанъ-Ата, лежащей къ сѣверо-востоку отъ города, на окраинѣ городскихъ садовъ. Остальными участниками въ осадѣ были городскіе и окрестные жители до 15,000.

Для защиты Самарканда, какъ замѣчено выше, были оставлены въ его цитадели: четыре роты 6-го баталіона, которымъ командовалъ маіоръ Штемпель,—онъ же былъ оставленъ комендантомъ крѣпости: затѣмъ рота саперъ, подъ начальствомъ подпоручика Черкасова, одинъ взводъ батарейной батареи, подъ начальствомъ поручика Служенки, и команда артиллеристовъ, въ числѣ 94 человѣкъ, состоявшихъ при лабораторіи, подъ начальствомъ капитана Михневича, которому подчинена была и вся артиллерійская

часть. Всей пѣхоты, съ нестроевыми 9 баталіона и слабыми изъ лазарета, можно было набрать до 658 штыковъ; управленіе мѣстнымъ населеніемъ возложено было на войсковаго старшину Сѣрова. Исправленіе стѣнъ цитадели и приспособленіе ихъ къ пушечной и ружейной оборонѣ поручено было инженеру штабсъ-капитану Богаевскому.

Остается помянуть добрымъ словомъ нашихъ русскихъ купцовъ: Хлудова *), Трубчанинова, Иванова и друг. Подвергая себя, на ряду съ солдатами, такимъ же трудамъ и опасностямъ, они снабжали солдатъ, чѣмъ могли: чаемъ, виномъ и сигарами. Но если ужъ кто заслужилъ блестящую репутацію во время осады, такъ это командиръ № 9 лин. баталіона полковникъ Назаровъ и художникъ прапорщикъ Верещагинъ. Послѣдній остался въ Самаркандѣ по собственному желанію, а первый благодаря особой случайности. Послѣ дѣла подъ Кара-Тюбе Назаровъ, не умѣвшій скрывать свои мысли и облекавшій ихъ зачастую въ самую рѣзкую форму слова, сталъ громко говорить о нераспорядительности Абрамова, о лживости реляціи, выставившей дѣло за побѣду и проч. По жалобѣ Абрамова, Назаровъ былъ удаленъ временно отъ командованія батальономъ, отданъ подъ слѣдствіе и, подавъ рапортъ о болѣзни, остался въ Самаркандѣ

Что касается Верещагина, то объ этомъ своеобразномъ человѣкѣ также не лишне будетъ сказать нѣсколько словъ. Морякъ по воспитанію и художникъ по призванію, онъ вышелъ мичманомъ въ отставку и принялся странствовать по свѣту, заполняя свой альбомъ типами Россіи, Кавказа и Персіи. Новый, почти невѣдомый Туркестанскій край, конечно, долженъ былъ возбудить его любопытство. Нашлись вліятельныя лица, устроившія Верещагину оффиціальное положеніе; но для этого ему надобно было зачислиться снова въ военную службу. Считаясь прапорщикомъ какого-то изъ линейныхъ батальоновъ, онъ не хотѣлъ однакоже разстаться ни съ бородой, ни съ костюмомъ мирнаго гражданина, и потому все-таки кончилъ тѣмъ, что послѣ войны вышелъ въ отставку. Военнаго мундира такъ и не надѣвалъ.

Когда началась осада цитадели, Верещагинъ предложилъ свои услуги, какъ рядовой волонтеръ, ни за что не согласившись дѣйствовать въ качествѣ офицера. Съ ружьемъ въ рукахъ, этотъ Василь Васильичъ (такъ звали его познакомившіеся съ новымъ товарищемъ солдаты), всегда былъ примѣромъ для остальныхъ: надо ли выбросить ворвавшихся въ ворота или черезъ проломъ враговъ,—Василь Васильичъ работаетъ штыкомъ впереди всѣхъ; надо ли очистить эспланаду,—и на вылазкѣ онъ первый поджигаетъ сакли.

---

*) Иванъ Алексѣевичъ—умеръ во время осады.

Въ цитадели находилась еще одна русская женщина, жена купца Иванова, которая и помогала приготовлять корпію для раненыхъ; кромѣ того, свидѣтелями обороны, не принимавшими въ ней участія, были 450 человѣкъ трудно-больныхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ и 20 человѣкъ арестантовъ.

Для обороны цитадели, кромѣ двухъ батарейныхъ орудій, могли быть употреблены въ дѣло двѣ полупудовыя мортиры, которыя Михневичъ самовольно взялъ въ Джизакѣ, на всякій случай, когда велъ изъ Ташкента артиллерійскій паркъ, за что и получилъ выговоръ отъ начальника артиллеріи полковника Жаринова. До какой степени всѣ были увѣрены въ безусловномъ почтеніи къ намъ самаркандцевъ и нелѣпости самаго предположенія о возможности нападенія на цитадель, можно судить и по тому, что тотъ же начальникъ артиллеріи приказалъ заклепать всѣ 24 бухарскихъ орудія, свезенныя въ цитадель! Какая имѣлась въ этомъ надобность, — рѣшительно придумать невозможно: пока пушки были въ нашихъ рукахъ, то пользоваться ими могли только мы сами, а противъ своихъ незачѣмъ заклепывать орудій. Кромѣ того, уходя въ Каты-Курганъ, генералъ-губернаторъ не хотѣлъ было оставлять въ Самаркандѣ ни одного орудія; только заступничество Абрамова доставило цитадели двѣ пушки.

Передъ самымъ выступленіемъ, Жариновъ приказалъ подобрать къ бухарскимъ орудіямъ снаряды, а забылъ, что орудія заклепаны; только четыре изъ нихъ удалось расклепать уже во время осады. Въ патронахъ не было недостатка: въ Самаркандѣ былъ складъ ихъ, въ количествѣ 200,000, не считая полнаго комплекта, находившагося на рукахъ каждаго солдата; пороху имѣлось до 90 пудовъ, боевыхъ ракетъ 95. Кромѣ всего этого, снаряжено было 150 бухарскихъ полупудовыхъ гранатъ (на большее число не было запасныхъ трубокъ); онѣ употреблялись, какъ ручныя. Въ цитадели былъ складъ муки и крупы на два мѣсяца на весь гарнизонъ. Что же касается мясной провизіи, то ее хватило лишь на первые дни осады. Соль также вся вышла на первыхъ же порахъ, и достать ее было неоткуда. Въ фуражѣ для подъемныхъ и офицерскихъ лошадей былъ полный недостатокъ, такъ что приходилось кормить ихъ полусгнившимъ камышемъ, и то добываемымъ съ большимъ трудомъ. Что касается воды, то она однимъ арыкомъ входила изъ города въ цитадель, подъ стѣной, близъ Бухарскихъ воротъ; отсюда вода распространялась по всей цитадели, наполняла нѣсколько прудовъ и затѣмъ, близъ сарбазскаго двора, снова выходила въ городъ. Ясно, что непріятелю ничего не стоило отвести воду. Колодцы въ цитадели были; но, судя по тому, какъ они были засорены, можно думать, что миновали уже десятки лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ ими пользовались, а расчистить ихъ раньше не догадались.

За сѣверною стѣною цитадели имѣлся родникъ хорошей воды, къ которому вела калитка, продѣланная въ стѣнѣ, но какъ спускъ къ роднику ничѣмъ не былъ прикрытъ, то очевидно, что этотъ источникъ былъ для гарнизона потерянъ съ перваго же выстрѣла непріятеля. Итакъ, цитадель, относительно воды, была въ полной зависимости отъ города.

Чтобы вполнѣ оцѣнить то положеніе, въ какомъ застала самаркандскій гарнизонъ неожиданная катастрофа, нужно познакомиться съ тѣмъ жалкимъ состояніемъ, въ какомъ находилась цитадель до обороны и во время оной.

Городская стѣна, отдѣляющая самый городъ отъ предмѣстій и садовъ, сложена еще въ древнѣйшія времена изъ большихъ комковъ глины и достигаетъ въ вышину отъ 3 до 4 саженъ, окружая неправильнымъ многоугольникомъ весь городъ. Простоявъ цѣлые вѣка безъ ремонта, полуразвалившаяся отъ времени, стѣна эта могла служить развѣ только ширмою, а никакъ не оградою. Къ сѣверо-западной стѣнѣ города примкнута цитадель, съ такою же, если не хуже, стѣною. Въ цитадель ведутъ двое воротъ, Бухарскія по дорогѣ въ Бухару и Самаркандскія (Акъ-Дерваза—„бѣлыя ворота“)—къ базарамъ города; кромѣ того на сѣверѣ имѣлась калитка, выходившая къ роднику.

Цитадель стоитъ на бугрѣ, которымъ впрочемъ командуютъ всѣ высокія зданія города, такъ что съ крышъ мечетей, медрессе и нѣкоторыхъ домовъ, стоящихъ также на буграхъ,—внутренность цитадели видна, какъ на ладони, чему въ особенности способствовало и то, что часть стѣны, обращенной къ городу (у Самаркандскихъ воротъ), спустившись къ оврагу,—обнажила почти весь бугоръ цитадели. Цитадельная стѣна не имѣла рва, роль котораго игралъ глубокій оврагъ, окружавшій цитадель со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ нѣкоторой части южной ея стѣны. Оврагъ не вездѣ подходилъ вплоть къ стѣнѣ, и потому оставалась широкая берма, на которой преудобно размѣстились кое-гдѣ лавчонки бѣдняковъ.

Судя по начертанію въ планѣ, можно было бы предполагать, что цитадельная стѣна, если не во всѣхъ, то въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ имѣла кое-какую фланговую оборону; на самомъ же дѣлѣ это было совершенно немыслимо, такъ какъ во фланкирующихъ частяхъ стѣны не только не было присыпано барбетовъ для орудій, но даже не было банкета, не было пробито и бойницъ для ружейной стрѣльбы. Сакли и лавки, примыкавшія, какъ сказано, къ самой стѣнѣ (въ промежуткѣ между Бухарскими и Самаркандскими воротами) и представлявшія непріятелю готовую галлерею для дѣланія проломовъ, а крышами своими готовую ступень для влѣзанія на стѣну,—такъ же не были уничтожены. Если прибавить къ этому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣна

имѣла трещины и обвалы (на планѣ они означены перерывомъ и буквами *а*), которые также оставлены не задѣланными, то картина состоянія цитадели будетъ достаточно обрисована, чтобы судить по ней о степени нашего довѣрія къ жителямъ и степени нашей безпечности.

Для того, чтобы устранить всѣ эти недостатки, требовалось время и руки, а ни того ни другаго уже не было. Если же принять въ разсчетъ несоразмѣрность числа людей гарнизона съ длиною линіи огня въ $2^1/_2$ версты и затруднительность влѣзать наверхъ для стрѣльбы, то нельзя не согласиться, что и фронтальная оборона каждаго фаса была также далеко не надежна.

30 мая приступлено было къ работамъ по исправленію крѣпостныхъ верковъ; начато съ обрытія эскарпной отлогости оврага около кладбища, лѣвѣе Самаркандскихъ воротъ, гдѣ иначе представлялась полная возможность для эскалады; затѣмъ на кладбищѣ насыпаны были два барбета, для обстрѣливанія длинныхъ фасовъ стѣнъ и входа въ Самаркандскія ворота. Въ продолженіе дня отлогость оврага была обрыта на нѣсколько саженъ и одинъ барбетъ насыпанъ до половины высоты.

На другой день къ этимъ работамъ присоединилась расчистка родника и арыковъ въ цитадели для проведенія воды во всѣ пруды ея. Въ тотъ же день между жителями города уже стало замѣтно волненіе. Евреи, живущіе въ городѣ, уже развѣдали коварные замыслы населенія и къ вечеру заявили о заговорѣ, прося позволенія перейти въ цитадель, въ случаѣ нападенія.

Рано утромъ 1 іюня войска опять были выведены на работы, но уже съ ружьями. Вскорѣ затѣмъ аксакалы сообщили коменданту, что купцы затворяютъ лавки, а жители удаляются изъ города изъ опасенія шахрисябцевъ, подступившихъ уже въ большомъ числѣ со стороны Хаджи-Ахрарскихъ воротъ. Посланный туда маіоръ Альбединль, съ ротою пѣхоты, нашелъ ворота отпертыми, а жители увѣряли его, что шахрисябцевъ здѣсь никакихъ нѣтъ и не было. Часовъ въ 10 утра можно было замѣтить, что и съ противоположной этимъ воротамъ стороны, на горѣ Чапанъ-Ата, начали появляться пѣшія и конныя скопища. Число ихъ быстро увеличивалось, и въ полдень весь видимый изъ цитадели скатъ горы былъ покрытъ непріятелемъ. Видно было также, какъ цѣлыя семейства горожанъ удалялись со всѣмъ своимъ имуществомъ и скотомъ изъ города. Что происходило съ другихъ сторонъ цитадели, разсмотрѣть было нельзя, за окружающими ее садами и городскими стѣнами. Тѣмъ не менѣе, сомнѣваться болѣе въ коварствѣ замысловъ было нельзя. Въ этотъ же день, вечеромъ, множество евреевъ, явились къ коменданту и убѣдительно просили его дать имъ мѣсто въ цитадели. Получивъ согласіе, они перевезли въ цитадель своихъ женъ, дѣтей и имущество.

Со 2-го числа, работъ уже не производилось, такъ какъ можно было ожидать нападенія, и потому слѣдовало поберечь силы гарнизона. Мы успѣли только насыпать два барбета около кладбища, начать барбетъ въ исходящемъ углу за сарбазскимъ дворомъ и обрыть оврагъ отъ кладбища до родника. Все прочее должно было остаться въ прежнемъ положеніи: стѣна безъ банкета, но зато съ готовыми во многихъ мѣстахъ брешами. Вечеромъ 1-го числа, за вечерней зарей, пущена была, по распоряженію коменданта, ракета и произведенъ пушечный выстрѣлъ со снарядомъ,— цитадель салютовала непріятелю и бросила ему перчатку!

Съ разсвѣтомъ, 2-го іюня, аксакалы города явились къ коменданту съ донесеніемъ, что шахрисябцы подошли къ Хаджи-Ахрарскимъ воротамъ города и хотятъ ворваться въ него, но что жители просятъ выслать часть войска, для ихъ защиты. Штемпель, взявъ съ собою роту саперъ, роту линейнаго баталіона и одно батарейное орудіе, выступилъ тотчасъ же изъ цитадели къ названнымъ воротамъ, за которыми онъ былъ встрѣченъ выстрѣлами. Наша цѣпь также открыла огонь, но весьма рѣдкій, такъ какъ за деревьями садовъ и на пересѣченной оврагомъ мѣстности трудно было разсмотрѣть непріятеля. Замѣтно было однако, что бо́льшая часть скопищъ находится вправо отъ воротъ, а между тѣмъ аксакалы просили не стрѣлять именно вправо, увѣряя, что въ этой сторонѣ находятся самаркандцы, не принимающіе участія въ дѣлѣ. Было очевидно, что сами аксакалы насъ обманываютъ; ибо по этому-то направленію и двигались главныя массы непріятеля, имѣвшія цѣлію отрѣзать выступившій за ворота отрядъ нашъ. Штемпель поспѣшилъ возвратиться въ цитадель и заперъ ворота. На улицахъ замѣтны были уже вооруженные батиками сарты, а при входѣ въ цитадельныя ворота надъ головами солдатъ пролетѣло нѣсколько каменьевъ. Въ то же время непріятель со всѣхъ сторонъ ворвался въ городъ и быстро распространился по улицамъ съ дикими криками, барабаннымъ боемъ и ревомъ длинныхъ трубъ. Толпы непріятеля, вошедшаго въ городъ, совмѣстно съ жителями, приближались со всѣхъ сторонъ къ цитадели, съ явнымъ намѣреніемъ въ нее ворваться.

Караулъ въ цитадели въ это время занимала стрѣлковая рота 6-го баталіона. По тревогѣ войска заняли указанныя имъ заранѣе мѣста, а именно: 1-ая рота выслала часть людей на подкрѣпленіе къ воротамъ, слабые 5-го баталіона и взводъ 3-ей роты заняли кладбище у мечети, лѣвѣе Самаркандскихъ воротъ; 2-я рота за сарбазскимъ дворомъ, держа взводъ въ резервѣ у калитки; саперная рота на исходящемъ углу между Бухарскими и Самаркандскими воротами; обозные (фурштаты) и другіе нестроевые, съ нѣсколькими конными казаками, заняли западную часть стѣны, какъ менѣе доступную и не угрожаемую сартами.

Затѣмъ остальная часть первой роты, взводъ 3 роты и слабые 9-го баталіона стали въ резервѣ у госпиталя. Одно батарейное орудіе расположено на кладбищѣ у муллушки, а другое отправлено къ бухарскимъ воротамъ.

Прежде всего, непріятель рѣшился атаковать часть стѣны, прилегавшей къ кладбищу, открывъ предварительно сильную стрѣльбу изъ ружей. Поставленное здѣсь батарейное орудіе осыпало толпы нападавшихъ картечью, какъ только они выходили изъ улицы на берегъ оврага. Слабый огонь нашъ не въ силахъ былъ, однако, остановить непріятеля, и онъ, перебравшись черезъ оврагъ огромною толпою, съ неистовыми гиками, бросился штурмовать стѣну, цѣпляясь за нее желѣзными кошками *). Другая часть непріятеля покровительствовала штурму огнемъ съ противоположнаго берега оврага черезъ бойницы въ глиняныхъ стѣнахъ сакель. На кладбищѣ стояло два бухарскихъ орудія и одна батарейная пушка; здѣсь командовалъ подпоручикъ Лепехинъ. Огонь изъ орудій и ружей, а также и круто обрытый берегъ оврага помѣшали успѣху штурма; сарты бросились тогда къ Самаркандскимъ воротамъ, но, отброшенные и здѣсь, засѣли въ сакли, осыпая батарею и войска градомъ пуль. Прислуга у орудій и стрѣлки стали убывать; огонь нашъ ослабѣлъ... Тогда новыя толпы отчаянныхъ опять двинулись къ кладбищу. Нѣкоторые смѣльчаки взобрались уже на верхъ. Храбрый Лепехинъ самъ сталъ заряжать орудія и ободрялъ солдатъ, стоя подъ убійственнымъ огнемъ. Благодаря его энергіи и распорядительности, а также мужеству другихъ офицеровъ и солдатъ, штурмъ былъ отбитъ; но это обошлось намъ не дешево: подпоручикъ Лепехинъ былъ убитъ, прапорщикъ Адорацкій тяжело раненъ, интендантскій чиновникъ Ивановъ убитъ, приказчикъ Самаринъ, поступившій волонтеромъ, и нѣсколько нижнихъ чиновъ получили также тяжелыя раны. Легкія раны за все время осады были вообще рѣдкостью: непріятель могъ попадать только въ голову и грудь, когда человѣкъ показывался между зубцами. Это обстоятельство (т. е. раны преимущественно головныя) дало нѣкоторымъ поводъ восхвалять мѣткость шахрисябскихъ стрѣлковъ. Но если принять въ соображеніе, что въ каждаго русскаго, показавшагося между зубцами, тотчасъ летѣли сотни пуль и еще съ разстоянія въ нѣсколько шаговъ (изъ ближайшихъ сакель) и что, кромѣ лба не во что было больше попасть, то удивляться мѣткости непріятельской стрѣльбы перестанешь.

Въ то время, когда часть непріятеля штурмовала цитадель

*) Лапы съ когтями, которыя привязываются къ рукамъ и ногамъ. Съ такимъ приспособленіемъ легко взбираться по глинянымъ стѣнамъ, гдѣ всегда есть трещины.

около кладбища, остальныя массы непріятеля успѣли уже распространиться по всему городу и стать подъ самой стѣной цитадели. Чтобы защитить хотя важнѣйшіе пункты ея, при Бухарскихъ и Самаркандскихъ воротахъ было расположено почти по двѣ роты; на каждый же изъ остальныхъ проломовъ въ стѣнахъ пришлось назначить только по 10 или 15 человѣкъ.

Самаркандскія ворота были атакованы, какъ сказано, почти одновременно съ кладбищемъ. Правѣе воротъ, сакли примыкали къ самой цитадельной стѣнѣ и немедленно были заняты непріятелемъ, который, воспользовавшись ими, скрытно приблизился къ самымъ воротамъ и часу во второмъ поджегъ ихъ пуками соломы и нѣсколькими мѣшками съ порохомъ *). Но здѣсь караулили 30 человѣкъ 6-го баталіона, подъ начальствомъ прапорщика Мамина. Отстрѣливаясь черезъ бойницы и затѣмъ сбѣгая внизъ, чтобы штыками встрѣчать враговъ, врывавшихся черезъ горѣвшія ворота, люди, конечно, едва поспѣвали. Тутъ кстати прибѣжалъ прапорщикъ Сидоровъ со взводомъ 3-й роты; онъ помогъ отбить штурмъ и затѣмъ бросился бѣгомъ къ другимъ воротамъ—Бухарскимъ. Непріятель послѣ этого не рѣшался даже подходить къ воротамъ для уборки своихъ убитыхъ и тяжело раненыхъ. Скоро въ подкрѣпленіе Мамину прибылъ капитанъ Шеметилло съ резервомъ первой роты; онъ и оставался тутъ до самаго конца защиты цитадели. Къ вечеру сюда привезено было батарейное орудіе, снятое съ барбета на кладбищѣ, и поставлено противъ затушенныхъ уже воротъ.

Едва были окончены эти передвиженія, какъ непріятель возобновилъ свои нападенія на этотъ пунктъ. Приступъ слѣдовалъ за приступомъ; но, благодаря удачному дѣйствію картечи привезеннаго орудія, непріятельскія толпы, видимо, рѣдѣли и теряли охоту повторять приступы.

Ночь прошла спокойно; непріятель ограничился одною перестрѣлкою и тѣмъ далъ возможность хоть сколько-нибудь отдохнуть нашему, до нельзя истомившемуся, гарнизону.

Калитка за сарбазскимъ дворомъ къ роднику и вся сѣверная часть стѣны были заняты второю ротою 6-го батальона, подъ командою поручика Хрущева; атаки непріятеля и здѣсь не имѣли успѣха благодаря въ особенности мортирѣ и ручнымъ гранатамъ. Исходящій уголъ ограды, между Бухарскими и Самаркандскими воротами, гдѣ также былъ проломъ, оберегался ротою саперъ. Стѣна въ этомъ мѣстѣ достигала до 5 саженъ высоты, и потому, не имѣя возможности взобраться на стѣну, непріятель рѣшился обрушить ее, подкопавъ снизу. Едва наши саперы появлялись на стѣнѣ,

*) Собственно пороховая мякоть, горѣвшая медленно. Сарты не умѣютъ зернить порохъ.

куда съ трудомъ взбирались для стрѣльбы по работавшимъ внизу сартамъ, какъ уже валились оттуда убитые наповалъ или смертельно раненые, но это не останавливало слѣдующихъ удальцовъ, и такимъ образомъ потери наши все росли.

Около полудня, на этотъ пунктъ прибыло подкрѣпленіе, изъ слабыхъ 9-го баталіона, подъ командою подполковника Назарова.

Между тѣмъ, непріятельскіе рабочіе, углубляясь въ стѣну галереей, совершенно закрылись отъ боковыхъ выстрѣловъ. Какъ ни усердно работалъ однакоже непріятель, но въ этотъ день ему не удалось достичь здѣсь никакихъ рѣшительныхъ результатовъ.

Къ вечеру, рота саперъ и люди 9-го баталіона перешли къ Бухарскимъ воротамъ, гдѣ въ нихъ настояла крайная необходимость. Тамъ стояло 66 человѣкъ съ прапорщиками Аничковымъ и Топчевскимъ; при нихъ былъ и одинъ артиллеристъ съ гранатами. Обороною завѣдывалъ маіоръ Альбедиль.

Ворота эти были тотчасъ же затворены, какъ только маіоръ Штемпель успѣлъ вернуться въ цитадель, послѣ предпринятой имъ рекогносцировки; слѣдомъ за нимъ подошли къ этому пункту и шахрисябцы. Громадная толпа съ криками „уръ, уръ!“ яростно бросилась на ворота и начала ломать ихъ. Другая толпа пыталась перелѣзть черезъ стѣну, взбираясь на нее съ крышъ лавчонокъ. Это удалось непріятелю съ перваго же раза: значки его запестрѣли на стѣнахъ цитадели и оттуда посыпался градъ пуль на небольшую горсть нашихъ защитниковъ; но они отвѣтили дружнымъ и мѣткимъ залпомъ, свалившимъ со стѣны многихъ смѣльчаковъ, побросавшихъ и свои значки.

Если бы у занявшихъ стѣну достало смѣлости соскочить внизъ, внутрь цитадели, то положеніе гарнизона было бы не завидное!

Испытавъ такую же неудачу и въ послѣдующихъ нападеніяхъ, непріятель рѣшился, наконецъ, зажечь Бухарскія ворота: нѣсколько брошенныхъ мѣшковъ съ порохомъ подъ полотна воротъ безъ труда зажгли ихъ. Приближалась рѣшительная минута. Мы уже потеряли здѣсь значительное число людей; между прочими, былъ тяжело раненъ и маіоръ Альбедиль, старшимъ остался прапорщикъ Сидоровъ со своимъ взводомъ, только что участвовавшимъ въ дѣлѣ у Самаркандскихъ воротъ. При такой критической обстановкѣ трудно было вполнѣ положиться на опытность молодого офицера, а потому къ вечеру того же дня, на этотъ пунктъ были передвинуты саперы и слабые 9-го баталіона, подъ начальствомъ Назарова. Тогда же прибыло сюда и батарейное орудіе.

Назаровъ засталъ бухарскія ворота въ полномъ огнѣ. Пламя захватило уже потолокъ, а горящіе угли, перелетая на камышевыя крыши сакель цитадели, угрожали пожаромъ. Вода была далеко, да и приносить ее было не въ чемъ и некому. Чтобы ввести въ дѣло привезенное орудіе, Назаровъ велѣлъ сдѣлать первый

выстрѣлъ сквозь горѣвшія ворота, чѣмъ и высадилъ всю середину ихъ, но какъ остатки продолжали горѣть и мѣшали устроить здѣсь загражденіе, то человѣка четыре саперовъ вызвались снять полотна воротъ съ петель. Нельзя было не дивиться этому, поистинѣ молодецкому подвигу; осыпанные градомъ пуль, охваченные пламенемъ, охотники все-таки успѣли снять ворота и бросить ихъ на землю, гдѣ уже легко было бы затушить огонь землею, но пламя, намъ уже не опасное, удерживало непріятеля отъ попытокъ ворваться въ ворота, и потому тушить огонь намъ не было разсчета. Для орудія открылась такимъ образомъ широкая амбразура, но оказалось однако, да это слѣдовало бы угадать и ранѣе, что изъ орудія можно было стрѣлять только прямо противъ воротъ, и что непріятель могъ безнаказанно собираться въ обѣихъ боковыхъ улицахъ. Между тѣмъ, съ часу на часъ огонь непріятеля становился все сильнѣе и убійственнѣе, люди валились одинъ за другимъ. Тогда саперный поручикъ Черкасовъ предложилъ устроить въ воротахъ завалъ, чтобы прикрыть оставшихся еще защитниковъ и дать возможность подвезти орудіе ближе къ передней части воротъ и такимъ образомъ, хотя немного, увеличить уголъ обстрѣла. Изъ провіантскаго склада были принесены для этого большіе мѣшки; землю однакоже пришлось брать изъ сакель, разрывая земляные полы, которые легче поддавались киркѣ, чѣмъ сухая и твердая, какъ камень, глина улицъ.

Черкасовъ, вмѣстѣ съ подпоручикомъ Воронцомъ, окруженные нѣсколькими саперами, вышли почти за ворота и, указавъ мѣсто, къ которому нужно было подносить мѣшки, оставались тамъ до тѣхъ поръ, пока завалъ не былъ оконченъ. Это, конечно, дѣлаетъ честь мужеству молодыхъ офицеровъ, но не ихъ находчивости. Въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, гдѣ каждый лишній защитникъ составляетъ неоцѣнимое сокровище, никто не имѣетъ права рисковать безъ нужды своею жизнію, а тѣмъ менѣе жизнію подчиненныхъ. Для устройства завала незачѣмъ было выходить впередъ: мѣшки были такъ велики (2 арш. длины и $1^1/_2$ арш. въ діаметрѣ), что, набитые землею, они могли служить какъ мантелеты, и люди, нагнувшись за ними, могли выкатить ихъ гораздо дальше, чѣмъ это было сдѣлано по указанію Черкасова, а тогда и дѣло бы пошло иначе, потому что впереди воротъ можно бы образовать родъ тамбура и фланкировать оттуда доступы къ стѣнамъ.

Западная часть стѣны, по трудной доступности ея, вовсе не подвергалась въ этотъ день нападеніямъ. Такъ прошелъ первый день осады, стоившій намъ большихъ потерь: убито 2 офицера и 20 нижнихъ чиновъ, ранено: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 54. Всего 80 человѣкъ.

Ночь со 2-го на 3-е іюня прошла спокойно; въ продолженіе ночи собраны были арбачи (возчики) и афганцы, которые и перевезли весь артиллерійскій паркъ изъ сарбазскаго двора въ ханскій дворецъ.

Съ разсвѣтомъ, 3-го іюня, снова раздалась раздирающая музыка барабановъ, трубъ и неистовые крики, — знакъ, что непріятель началъ готовиться къ новому штурму. Для дальнѣйшей обороны, угрожаемые пункты были распредѣлены между офицерами гарнизона слѣдующимъ образомъ: Бухарскія ворота поручены саперной ротѣ, слабымъ 9-го баталіона и пѣшимъ казакамъ при одномъ единорогѣ, въ вѣдѣніи подполковника Назарова. Исходящій уголъ **A**, между Бухарскими и Самаркандскими воротами и двѣ, по сторонамъ его, бреши — стрѣлковой ротѣ 6-го баталіона, подъ командою прапорщика Мамина; Самаркандскія ворота и брешь правѣе ихъ — 1-й ротѣ 6-го батальона при батарейной пушкѣ, подъ командою капитана Шеметилло; кладбище у Самаркандскихъ воротъ—3-й ротѣ 6-го баталіона, подъ командою подпоручика Симакова; сарбазскій дворъ и калитка — 2-й ротѣ 6-го баталіона, подъ командою подпоручика Хрущева; западная часть стѣны занята была отдѣльными постами фурштатовъ, со слабыми разныхъ баталіоновъ; при нихъ конные казаки для передачи извѣстій.

Назаровъ приказалъ перенести въ Бухарскія ворота свою желѣзную походную кровать и, хотя спать ему на ней не приходилось за все время осады, но такая, повидимому, мелочь чрезвычайно ободрила его подчиненныхъ: не уйдетъ отъ нихъ ихъ веселый начальникъ, тѣшившій ихъ разными прибаутками подъ градомъ свинца!

Услыхавъ, что непріятель снова собирается произвести нападеніе, евреи, укрывавшіеся во дворцѣ эмира, совершенно упали духомъ и подняли такой вой, что за нихъ вчужѣ было совѣстно и досадно. Комендантъ, видя критическое положеніе гарнизона, рѣшился немедленно извѣстить объ этомъ командующаго войсками; посланъ былъ одинъ изъ джигитовъ, переодѣтый нищимъ. Это подняло нѣсколько духъ гарнизона: явилась надежда на скорую выручку. Между тѣмъ непріятель намѣревался атаковать и западную часть цитадели, гдѣ у насъ почти не было войскъ. Чтобы хоть сколько-нибудь усилить защиту этой части цитадели, рѣшено было немедленно приступить къ насыпкѣ здѣсь барбета, на одно орудіе. Для этой работы были употреблены арестанты, такъ какъ отъ войскъ нельзя было удѣлить ни одного солдата.

Когда совершенно разсвѣло, непріятель снова ринулся на всѣ тѣ пункты, на которые нападалъ наканунѣ. Около десяти часовъ утра къ коменданту прискакалъ казакъ съ западной стороны цитадели съ извѣстіемъ, что собравшійся тамъ непріятель разби-

раетъ стѣну за провіантскимъ складомъ. До 25 человѣкъ больныхъ бросились туда изъ лазарета. Непріятель, сдѣлавъ проломъ, ворвался въ числѣ 30 человѣкъ въ цитадель; но въ это время подоспѣли больные и резервъ 2-й роты съ поручикомъ Хрущевымъ: человѣкъ 5 сартовъ было убито, а остальные бросились обратно черезъ проломъ. Дальнѣйшая защита этого пункта возложена была на поручика Бородаевскаго со слабыми 5-го баталіона, слесарями, больными и легко ранеными; къ ночи сюда было прислано одно бухарское орудіе и ручныя гранаты, а больные смѣнены 15-ю здоровыми изъ 3-й роты.

Лѣвѣе Бухарскихъ воротъ, у исходящаго угла, шло также горячее дѣло: не дожидаясь окончанія начатой галереи, непріятель, съ 5 часовъ утра, нѣсколько разъ покушался овладѣть стѣною открытою силою. Незначительное число охранявшихъ этотъ пунктъ защитниковъ не могло воспрепятствовать непріятелю занять гребень стѣны, но сюда подоспѣлъ капитанъ Михневичъ, привезшій ½-пудовую мортиру и нѣсколько ручныхъ гранатъ, которыя онъ потомъ и кидалъ собственноручно, когда нападавшіе были сбиты со стѣны и можно было взобраться до зубцовъ.

У Самаркандскихъ воротъ, утромъ рано, въ 4 часа началась живая перестрѣлка, а спустя полчаса, толпа непріятеля бросилась къ воротамъ съ мѣшками пороху и головнями и подожгла ворота. Штабсъ-капитанъ Богаевскій устроилъ тотчасъ завалъ изъ мѣшковъ съ землею и за нимъ поставилъ батарейную пушку. Когда полотна воротъ догорѣли, непріятель еще разъ бросился на приступъ, но наткнулся на картечь и былъ отбитъ; нѣсколько отчаянныхъ успѣли вскочить черезъ завалъ въ ворота, но были переколоты штыками.

Чувствительный вредъ, наносимый непріятельскими стрѣлками засѣвшими въ сакляхъ близъ воротъ, заставили коменданта догадаться о его оплошности, и только теперь онъ сообразилъ, что сакли слѣдуетъ разрушить. Капитану Шеметилло приказано было поэтому сдѣлать вылазку и сжечь сакли, что и было исполнено безпрепятственно въ сумерки. Ночью перестрѣлка значительно уменьшилась.

Труднѣе всего, въ этотъ день, приходилось защитникамъ Бухарскихъ воротъ. Самыя дерзкія и рѣшительныя попытки ворваться въ цитадель были произведены именно здѣсь толпами шахрисябцевъ. Въ восемь часовъ утра началась аттака. Открывъ сильный огонь, толпы бросились къ воротамъ, нѣсколько человѣкъ влѣзли на стѣну по лавкамъ, другіе кидали черезъ нее большіе кирпичи и камни, остальная масса дружно кинулась на завалъ въ воротахъ. Встрѣченные на разстояніи трехъ саженъ картечью, они все-таки принялись раскидывать мѣшки, взлѣзли на завалъ и овладѣли пушкой... Наши кинулись въ штыки. Ве-

рещагинъ работалъ впереди всѣхъ; непріятель былъ отброшенъ, а наши бросились за нимъ въ городъ; саперы воспользовались этимъ и поправили завалъ.

Въ этотъ приступъ убитъ былъ здѣсь артиллеріи поручикъ Служенко. Падая, смертельно раненый, съ лошади, онъ еще ободрялъ солдатъ крикомъ: „ура братцы!“

Но дѣло тѣмъ не кончилось; штурмы продолжались одинъ за другимъ до трехъ часовъ дня. Тщетны однако были усилія врага: слабые, больные и раненые оказались могучими богатырями!

Въ промежуткахъ штурмовъ, завалъ былъ передвинутъ еще впередъ, по приказанію Штемпеля, навѣстившаго защитниковъ и замѣтившаго, что для дѣйствія картечью орудіе не имѣетъ достаточнаго простора. Затѣмъ сюда подвезена была еще бухарская пушка.

Въ три часа пополудни, непріятель повсюду прекратилъ нападеніе и потянулся изъ города на Чапанъ-Ата. Шахрисябцы отступили черезъ Хаджи-Ахрарскія ворота, по дорогѣ въ Ургутъ. Трудно себѣ представить радость гарнизона. Желая убѣдиться въ отступленіи непріятеля, многіе выходили за ворота и дѣйствительно не встрѣчали ни одного человѣка на ближайшихъ улицахъ. Солдатамъ принесенъ былъ обѣдъ и розданъ казенный спиртъ, а послѣ обѣда купечество угощало ихъ краснымъ виномъ и сигарами.

Къ общему удивленію, около пяти часовъ пополудни, толпы, удалившіяся было на Чапанъ-Аты, снова вернулись въ городъ и стали подъ стѣнами цитадели. Опять начались перестрѣлка и штурмы, но уже съ меньшею рѣшительностію. Тѣмъ не менѣе число защитниковъ убывало все болѣе и болѣе. Видя изъ вечернихъ донесеній, что убыль въ гарнизонѣ за два дня простиралась до 150 человѣкъ, и не имѣя причины предполагать, что такой же убыли не произойдетъ и въ слѣдующіе дни, комендантъ рѣшилъ, въ случаѣ, если бы непріятель окончательно ворвался гдѣ-нибудь, собрать всѣ войска во дворецъ и обороняться здѣсь до послѣдней крайности, а если выручка не подоспѣетъ во-время и непріятель ворвется и сюда, то взорвать порохъ и снаряды. Поэтому, въ теченіе дня 3-го іюня, лазаретъ былъ перенесенъ въ ханскій дворецъ. Ночью же съ 3-го на 4-е приступлено было, съ помощью арбачей, афганцевъ и джигитовъ къ уничтоженію сакель кругомъ эмирскаго дворца, для образованія эспланадъ; самый дворецъ начали также приводить въ оборонительное положеніе. Въ то же время оканчивался барбетъ на одно орудіе за сарбазскимъ дворомъ, въ исходящемъ углу В.

4 іюня, съ самаго утра, начались новые штурмы на разные пункты цитадельной стѣны, но утомленный непріятель, потерявъ-

шій надежду на успѣхъ съ уходомъ шахрисябцевъ, дѣйствовалъ уже гораздо слабѣе.

Послѣ обѣда, когда непріятельскіе крики около Бухарскихъ воротъ нѣсколько утихли, Назаровъ рѣшился сдѣлать вылазку, съ цѣлію сжечь сакли, прилегавшія къ стѣнѣ цитадели, и образовать здѣсь хоть узкую эспланаду. Солдаты весело собирались на вылазку. Еще не успѣло стемнѣть, какъ часть саперовъ и людей 9-го баталіона, снабженные почти каждый коробкою спичекъ и захвативъ разныя удобовоспламеняемыя вещества: плетенки, камышъ и куски сухого дерева отъ дверей и оконъ,—выступили за ворота вдоль улицы, огибавшей стѣну цитадели. Вылазка продолжалась не болѣе часа и удалась, какъ нельзя лучше: не потерявъ ни одного человѣка, наши успѣли зажечь весьма много крышъ по близости бухарскихъ воротъ.

Въ этотъ день посланы были комендантомъ другіе джигиты къ генералу фонъ-Кауфману, съ донесеніемъ о критическомъ положеніи цитадели, но посланные или попадали въ руки непріятеля, или измѣняли своему слову, и потому изъ семи донесеній только одно, послѣднее, дошло по назначенію. Ночью къ стѣнѣ за провіантскимъ складомъ подкрался преданный намъ иранецъ и сообщилъ, что бухарцы разбиты за Каты-Курганомъ и что поэтому-то шахрисябцы рѣшились отступить.

5-го числа, передъ свѣтомъ, опять произведена была вылазка Назаровымъ, дошедшимъ до большого базара, въ 200 саженяхъ отъ воротъ; зажжены были богатыя лавки жителей, и отрядъ безъ малѣйшаго урона вернулся въ крѣпость. На этой вылазкѣ чуть было не погибъ доблестный Верещагинъ: перешагнувъ черезъ высокій порогъ калитки, выходившей на улицу, онъ очутился во дворѣ среди шестерыхъ вооруженныхъ сартовъ; уходить было некуда, да едва ли это и могло успѣть придти въ голову,—надобно было спѣшить. Верещагинъ такъ заторопился, что когда къ нему подоспѣли, услыхавшіе возню, товарищи,—6 труповъ лежало уже у его ногъ! Другую вылазку Назаровъ сдѣлалъ уже изъ Самаркандскихъ воротъ вмѣстѣ съ Шеметилло и дошелъ съ нимъ до исходящаго угла **А**, истребивъ по дорогѣ огнемъ всѣ сакли. Въ вылазкѣ участвовалъ и купецъ Трубчаниновъ, извѣстный съ тѣхъ поръ подъ именемъ „отца девятерыхъ дѣтей“. Онъ обращался къ солдатамъ, то съ просьбой не выдавать его, „а то останутся девять сиротъ“,—то ставилъ себя въ примѣръ: „вотъ у меня девятеро ребятишекъ, а я и то себя не жалѣю!“

Положеніе наше было все-таки весьма затруднительное. Не говоря уже о томъ, что никому изъ солдатъ не удалось почти ни на минуту сомкнуть глазъ уже пятыя сутки, имъ пришлось даже и голодать, такъ какъ мясо все было израсходовано, а достать его было неоткуда. Въ свѣжей водѣ давно ощущался недоста-

токъ. Большая часть прудовъ заключала въ себѣ застоявшуюся мутную воду, изобиловавшую кроваво-красными вшами. Въ эти-то трудныя минуты, утромъ 6-го іюня, отъ иранскаго аксакала присланы были два иранца съ заявленіемъ сочувствія гарнизону и предложеніемъ доставить гарнизону нѣсколько барановъ и молока. Затѣмъ не замедлилъ явиться и самъ аксакалъ, обѣщавшій, возвратившись къ себѣ, тотчасъ послать донесеніе коменданта въ нашъ передовой отрядъ и доставить отвѣтъ. Онъ же сообщилъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ прошелъ, непріятеля нѣтъ по близости, а между тѣмъ сейчасъ же близъ садовъ есть поля, засѣянныя клеверомъ. Эти указанія были для насъ весьма важны, и потому Назаровъ тотчасъ предпринялъ вылазку для фуражировки.

7-го іюня, въ 5 часовъ пополудни, гарнизонъ былъ порадованъ запискою, привезенною иранскимъ аксакаломъ, отъ генерала фонъ-Кауфмана, который сообщалъ, что отрядъ находится уже близко и, съ разсвѣтомъ, будетъ въ Самаркандѣ. Комендантъ съ этою запискою обошелъ всѣ войска гарнизона, всѣмъ читалъ ее, благодарилъ защитниковъ за ихъ труды и поздравлялъ заранѣе съ окончаніемъ геройской защиты цитадели. Громкое „ура“ было вездѣ отвѣтомъ. Трудно представить себѣ радость защитниковъ. Нѣкоторые читали вслухъ молитвы, другіе крестились и цѣловались, поздравляя другъ друга.

Услыхавъ шумъ въ гарнизонѣ, непріятель усилилъ огонь, а вечеромъ барабанный бой, шумъ и крики дали поводъ предполагать, что непріятель снова собирается большими скопищами; ночь однакоже прошла спокойно.

8-го числа, часовъ въ семь утра, непріятель прекратилъ пальбу. Въ это время каты-курганскій отрядъ подходилъ уже къ самаркандскимъ садамъ.

Съ разсвѣтомъ 8-го числа каты-курганскій отрядъ выступилъ съ послѣдняго своего ночлега и скоро втянулся въ пригородныя деревни иранцевъ, встрѣтившихъ войска съ хлѣбомъ-солью (на этотъ разъ: лепешки, яйца, абрикосы и персики). Въ предположеніи, что жители города запрутъ ворота и что намъ придется лѣзть черезъ стѣны, сдѣланы были распоряженія для штурма, причемъ гарнизонъ цитадели долженъ былъ сдѣлать вылазку. Въ верстѣ отъ бухарскихъ воротъ, когда штурмовымъ колоннамъ время было уже расходиться по своимъ участкамъ, отрядъ пріостановился, а къ городу посланъ былъ для обозрѣнія штабсъ-ротмистръ Терентьевъ съ 6 джигитами. Азіатскій нарядъ джигитовъ, могъ бы, конечно, способствовать безнаказанности рекогносцировки, если бы ворота оказались занятыми непріятелемъ. Проскакавъ по садовой улицѣ къ городу и замѣтивъ, что городскія ворота отперты, Терентьевъ проскочилъ въ нихъ и, очутившись передъ цитаделью, закричалъ стрѣлкамъ, цѣлившимся уже

изъ-за зубцовъ, что это свои. Не безъ признаковъ недовѣрчивости стрѣлки подняли ружья, а Терентьевъ поскакалъ назадъ сообщить вѣсть о снятіи осады и о полнѣйшемъ отсутствіи признаковъ жизни вокругъ цитадели.

Распоряженія къ штурму были отмѣнены, но колонна полковника Абрамова все-таки была двинута влѣво вокругъ города, чтобы отрѣзать путь отступавшему къ Чапанъ-Атинскимъ высотамъ непріятелю; колоннѣ подполковника Баранова назначено было пройти въ Бухарскія ворота и двинуться черезъ городъ, мимо Тамерлановой мечети, къ медрессе, съ фронтона которыхъ и съ минаретовъ мятежники продолжали еще стрѣлять по цитадели. Во избѣжаніе баранты, которую постоянно и упорно искоренялъ Барановъ въ своемъ батальонѣ, онъ запретилъ солдатамъ выходить изъ рядовъ,—это имѣло послѣдствіемъ, что его отрядъ почти безъ потери достигъ до центра города. Правда, что зато остались цѣлы и мятежники, притаившіеся въ сакляхъ, во время движенія русскихъ по улицамъ. Абрамовъ, встрѣтивъ по дорогѣ разныя препятствія (къ сѣверу отъ города мѣстность изрѣзана оврагами), медленно подвигался впередъ и не успѣлъ отрѣзать толпы бѣжавшихъ, а потому,ославъ имъ въ догонку нѣсколько гранатъ, возвратился въ городъ.

Въѣхавъ въ городскія ворота, генералъ-губернаторъ долженъ былъ остановиться, пока саперы разберутъ брустверъ, сооруженный ими въ воротахъ цитадели изъ огромныхъ мѣшковъ съ землею.

Не смотря на развалины кругомъ, постъ у воротъ имѣлъ довольно внушительный видъ: высокая баррикада съ амбразурой, чрезъ которую зловѣще выглядывала пушка, двѣ башни по бокамъ, стрѣлки между зубцами... Зато передъ воротами все имѣло видъ разрытаго кладбища, или, еще вѣрнѣе, остатковъ какого-то каннибальскаго пира: совершенно разрушенные дома, обгорѣвшіе трупы, обглоданные собаками и кошками, которыя тутъ же при насъ лакомились, можетъ быть, своими бывшими хозяевами!... Тяжелый смрадъ отъ разлагавшихся труповъ, запахъ гари отъ халатовъ и пережареннаго мяса,—все это громко говорило о щедрости, съ какою приносились человѣческія жертвы! Лошади наши фыркали и, наступивъ въ тѣснотѣ на хрустѣвшаго подъ ногами пережареннаго сарта, взвивались на дыбы. Наконецъ, одинъ уголъ баррикады былъ расчищенъ, и генералъ-губернаторъ въѣхалъ въ цитадель. Блѣдные и худые, но припарадившіеся защитники возбуждали къ себѣ невольное участіе и уваженіе,—это были больные и слабые 9-го баталіона. Тутъ же былъ и безшабашная голова—всегда веселый Назаровъ; стоялъ также спокойный и будто посторонній Штемпель. Генералъ остановился въ воротахъ и долго говорилъ съ героями славной обороны, которые, казалось,

и не подозрѣвали, что они совершили дѣйствительно геройскій подвигъ, а такъ: „извѣстное дѣло—служба! Не сдаваться же вѣдь!“ Каты-курганцы, которые такъ поздно явились на выручку (хотя и не по своей винѣ), считали себя точно въ долгу передъ самаркандцами и не знали, чѣмъ бы имъ угодить, какъ бы выразить свое къ нимъ уваженіе, но тѣ и безъ словъ понимали ихъ хорошо. Русскій человѣкъ скупъ въ этихъ случаяхъ на слова и, дорожа славою своихъ товарищей, въ душѣ гордится ими, а если ужъ похвалитъ, то развѣ только „молодцами“. И вправду, самаркандцы были молодцы!

Съ крыши ханскаго дворца, гдѣ раскинута была цѣпь стрѣлковъ, видно было, по дыму выстрѣловъ, какъ подвигается Барановъ, видно было также, что съ крышъ мечетей и медрессе сарты направляютъ огонь уже и въ его сторону. Для содѣйствія Баранову посланъ былъ изъ цитадели, на перерѣзъ, Назаровъ съ двумя ротами и взводомъ батарейной батареи; ему приказано было выгнать мятежниковъ изъ мечети; слѣдомъ за нимъ двинутъ былъ и Шеметилло съ ротой, охранявшей Самаркандскія ворота. Терентьеву поручено было направить аріергардъ въ цитадель, размѣстивъ одну роту пѣхоты и роту афганцевъ при двухъ орудіяхъ у Бухарскихъ воротъ. Раскинувъ цѣпь стрѣлковъ у крайнихъ развалинъ и поставивъ орудія по направленію двухъ улицъ, Терентьевъ вывелъ афганцевъ за городъ и размѣстилъ ихъ на крышахъ ближайшихъ сакель для обстрѣливанія доступа изъ садовъ. Затѣмъ этому же офицеру поручено было занять съ ротою пѣхоты постъ у Самаркандскихъ воротъ, откуда только что ушелъ въ городъ Шеметилло. Найдя неудобнымъ стоять впереди воротъ, въ виду развалинъ, гдѣ легко могъ скрываться непріятель, Терентьевъ двинулся впередъ, занялъ выходы изъ ближайшихъ улицъ и раскинулъ цѣпь стрѣлковъ по крышамъ крайнихъ домовъ. Отсюда была видна внутренность дворовъ, и потому тотчасъ были открыты отдѣльныя группы мятежниковъ, притаившихся по угламъ; выстрѣлы, загремѣвшіе съ крышъ, заставили сартовъ спасаться изъ двора во дворъ, но 16 изъ нихъ остались на мѣстѣ; сакли же были зажжены.

Назарову, для исполненія возложеннаго на него порученія, слѣдовало пройти черезъ базаръ, занятый мятежниками, производившими пальбу изъ-за каждаго закрытія.

Не желая подвергать людей ненужной потерѣ, Назаровъ зажегъ базаръ, а капитана Шеметилло послалъ къ мечети, которая послѣ упорнаго сопротивленія была взята, и мятежники большею частію переколоты.

Къ двѣнадцати часамъ всѣ колонны обошли городъ по главнѣйшимъ улицамъ и очистили ихъ отъ мятежниковъ. Пальба затѣмъ утихла. Такъ окончился семидневный бой малочислен-

наго гарнизона съ непріятелемъ, болѣе чѣмъ во сто разъ его сильнѣйшимъ! Потеря наша простиралась до 180 челов. убитыми и ранеными. Цифра, сама по себѣ, небольшая, но она составляетъ четвертую часть всего гарнизона! Больныхъ было до 450 челов., лазаретной прислуги было такъ мало, что некому было не только подавать лѣкарства, но и приносить пищу. Ханскій дворецъ, не смотря на большое число покоевъ, не вмѣщалъ въ себѣ всѣхъ больныхъ и раненыхъ, часть которыхъ лежала на мощеномъ полу дворовъ подъ открытымъ небомъ. Генералъ-губернаторъ благодарилъ храбрый гарнизонъ слѣдующимъ приказомъ по войскамъ дѣйствовавшаго отряда:

„Храбрыя войска гарнизона самаркандской цитадели!

„По выступленіи моемъ въ Каты-Курганъ для пораженія тамъ эмировыхъ войскъ, собравшихся для враждебныхъ противъ насъ дѣйствій, вы были осаждены.

„Шахрисябскія войска и массы вооруженныхъ городскихъ и окрестныхъ жителей, увлеченныхъ возмутителями, возымѣли дерзкую мысль уничтожить васъ.

„Они ошиблись и наказаны. Васъ руководили долгъ, присяга и честное русское имя.

„Больные и раненые, могущіе стрѣлять и колоть, всѣ были въ строю, на стѣнахъ и въ вылазкахъ. Распорядительный, храбрый комендантъ и всѣ господа штабъ и оберъ-офицеры были съ вами всегда, руководили вами и раздѣляли ваши опасности.

„Ихъ распорядительность, а ваша храбрость и стойкость сдѣлали ничтожными всѣ попытки непріятеля. Вы не уступали ему ничего. Вы бились семь дней, и когда на восьмой я пришелъ къ вамъ, всѣ были такъ бодры и веселы, что нельзя было мнѣ не любоваться, не гордиться вами!

„Помяните доброй и вѣчной памятью павшихъ во время этой славной семидневной обороны цитадели. А вамъ, молодцамъ, спасибо за службу!“

8-го же числа явились аксакалы съ повинной. Часть пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ было приказано разстрѣлять.

Утромъ 9-го числа, для примѣра другимъ и какъ удовлетвореніе иранцамъ, оставшимся намъ вѣрными и терпѣвшимъ отъ мятежниковъ множество насилій, 19 человѣкъ осужденныхъ были поставлены поперекъ улицы иранской деревни и, связанные одной веревкой, разстрѣляны ротою пѣхоты въ 60 штыковъ; хотя такого числа стрѣлковъ было и недостаточно, такъ какъ на каждаго подлежавшаго разстрѣлянію приходилось только по три стрѣлка... но зато они еще разъ зарядили ружья...

Въ видахъ наказанія города за мятежъ, а также чтобы спасти отъ напраснаго истребленія пожаромъ хотя часть имущества, войскамъ разрѣшено было брать добычу. Это не обошлось безъ не-

доразумѣній: нѣсколько мстителей забрались къ иранцамъ и порядочно ихъ ограбили, а кого и убили, но имущество было отобрано и возвращено по принадлежности.

8-го и 9-го іюня войска барантовали, въ лагерѣ открылся базаръ и началась торговля.

10-го числа баранта была воспрещена и прекратилась. Шахрисябцы возвратились во-свояси и, полагая, что русскіе двинутся противъ нихъ, стали готовиться къ оборонѣ и къ устройству наводненія кругомъ Шахрисябза.

Абдулъ-Гафаръ, стоявшій противъ Яны-Кургана, также распустилъ свои скопища; сообщенія съ Ташкентомъ были открыты и 10-го числа, въ лагерь прибыла оказія, принесшая и телеграмму изъ главнаго штаба съ царскимъ „спасибо“ войскамъ за штурмъ Самаркандскихъ высотъ и наградами лицъ, упомянутыхъ въ реляціи. Генералу фонъ-Кауфману пожалованъ орденъ Св. Георгія 3-й степени; счастливецъ Абрамовъ произведенъ въ генералы.

Вечеромъ, въ этотъ же день, прибылъ и старая лиса Муссабекъ для новыхъ переговоровъ. Взгляды генералъ-губернатора, подъ вліяніемъ послѣднихъ событій, конечно, измѣнились.

Испытавъ неудачу въ прежнихъ переговорахъ съ эмиромъ, генералъ фонъ-Кауфманъ рѣшился на этотъ разъ присоединить завоеванную территорію къ Россіи, такъ какъ эта мѣра давала просторъ всевозможнымъ комбинаціямъ, не исключая даже и безусловнаго возвращенія занятаго края бухарцамъ, если бы на то послѣдовало высочайшее повелѣніе.

Безвозмездное возвращеніе завоеванныхъ земель, совершаемое по волѣ Государя, могло бы еще тогда быть объяснено бухарцамъ, какъ знакъ высокой царской милости и прощенія; подобное же рѣшеніе, принятое самимъ главнокомандующимъ, имѣло бы только видъ простого отступленія, а слѣдовательно, было бы сочтено признакомъ нашей слабости и собственнаго сознанія въ невозможности удержать за собою занятую страну. Кромѣ того, Самаркандъ имѣетъ весьма важное, историческое и религіозное значеніе для всей Средней Азіи, и потому съ потерею этой древней столицы обаяніе, какимъ пользовался дотолѣ въ Азіи эмиръ, совершенно померкло въ лучахъ славы русскаго царя.

Отказаться отъ такихъ нравственныхъ пріобрѣтеній и тѣмъ дать эмиру возможность оправиться генералъ-губернаторъ былъ не въ силахъ.

Но и помимо нравственныхъ выгодъ обладаніе Самаркандомъ весьма выгодно для насъ и въ матеріальномъ отношеніи, ибо даетъ намъ возможность держать Бухару въ постоянной отъ насъ зависимости, такъ какъ Самаркандъ владѣетъ гидравлическими сооруженіями по снабженію всей остальной части бухарскихъ владѣній водою. Сохранивъ Самаркандъ за собою, мы всегда мо-

жемъ оставить Бухару безъ хлѣба и воды, обречь ее на голодъ и жажду, а это давало бы намъ возможность регулировать страсти фанатическаго населенія путемъ спасительной діэты! Важность этого вопроса достаточно характеризуется уже тѣмъ обстоятельствомъ, что съ перваго же слова переговоровъ бухарцы повели рѣчь о наблюденіи за правильнымъ и справедливымъ распредѣленіемъ воды Заравшана.

Держа въ рукахъ земли, лежащія по нижнему теченію Заравшана, мы, и безъ естественныхъ границъ, можемъ считать себя отнынѣ достаточно обезпеченными отъ всякихъ случайностей азіатской политики. Такимъ образомъ, цѣль многолѣтнихъ войнъ была достигнута только съ занятіемъ Самарканда, и если мы дѣйствительно желаемъ мира, мы должны сохранить за собою этотъ важный пунктъ.

Мы говорили въ своемъ мѣстѣ, что бухарскіе послы, явившіеся въ Каты-Курганъ, просили дать имъ 10 дней срока для доставленія ратификацій и до тѣхъ поръ не двигаться впередъ. Это было имъ обѣщано. Срокъ истекалъ 1-го іюня, и мы свято соблюдали условіе, которое бухарцы нарушали каждый день.

Эмиръ ни разу не оцѣнилъ умѣренности нашихъ требованій и, вдобавокъ, трактуя о мирѣ, втайнѣ приготовлялъ всѣ средства для нанесенія намъ неожиданнаго удара. Такъ, въ послѣдній разъ, 2-го іюня, его войска и союзники должны были атаковать русскихъ единовременно и въ Каты-Курганѣ, и въ Самаркандѣ, и въ Яны-Курганѣ. Результатами этой стратагемы были бой 2-го іюня подъ Зерабулакомъ, осада самаркандской цитадели шахрисябцами и мятежниками со 2-е по 8-го іюня и нападеніе на Яны-Курганъ. Замыслы эти, какъ извѣстно, не увѣнчались успѣхомъ. Неудачи разбили всѣ соображенія и надежды эмира, смирили гордость его и заставили согласиться на предложенныя ему еще въ Каты-Курганѣ условія, оставшіяся безъ измѣненія, не смотря на новые успѣхи нашего оружія.

12-го іюня прибылъ новый гонецъ отъ эмира съ письмомъ, въ тонѣ котораго слышалось безнадежное отчаяніе. Надобны были какія-нибудь чрезвычайныя обстоятельства, чтобы поколебать характеръ азіатскаго деспота до унизительной просьбы: принять его капитуляцію, вмѣстѣ съ оставшимися войсками и артиллеріей и допустить его до личнаго свиданія съ государемъ императоромъ, чтобы испросить себѣ позволенія удалиться въ Мекку.

Такая крайняя рѣшимость Сеидъ-Музафара была слѣдствіемъ новаго возмущенія, вспыхнувшаго въ Бухарѣ, по полученіи извѣстія о пораженіи бухарскихъ войскъ подъ Зерабулакомъ.

Взволнованный народъ собрался у воротъ Дервазъ-Мезаръ, въ которыя эмиръ обыкновенно въѣзжаетъ въ свою столицу, и намѣревался встрѣтить эмира самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Какъ бы предчувствуя это, Сеидъ-Музафаръ, получивъ вечеромъ 2-го іюня извѣстіе о пораженіи своихъ войскъ, бѣжалъ въ степь Кизылъ-Кумъ, стараясь миновать даже аулы киргизовъ, которыхъ онъ до этого времени считалъ себѣ преданными. Въ Бухару же послалъ извѣстнаго намъ сардаря Нажмутдина-ходжу, котораго озлобленный народъ чуть не истерзалъ за преданность его къ неспособному эмиру.

Однако увѣщанія Нажмутдина-ходжи успокоили массу, а большой обѣдъ, данный имъ народу въ день извѣстія объ отступленіи русскихъ изъ Казы-Кишлака къ Самарканду, нѣсколько помирилъ бухарцевъ съ эмиромъ, который послѣ трехдневнаго скитальчества въ безводной степи, гдѣ ему пришлось испытать всевозможныя лишенія, возвратился въ Кермине, который впрочемъ принялъ его несочувственно.

Благодаря вліянію преданныхъ бековъ, эмиру удалось однакоже собрать еще разъ совѣтъ въ Кермине. Нажмутдинъ-ходжа энергически доказывалъ на совѣщаніяхъ необходимость заключенія мира; остальные члены совѣта согласились въ безполезности дальнѣйшей борьбы.

Результатомъ всѣхъ этихъ событій было упомянутое письмо эмира. Итакъ, все бухарское ханство было въ нашихъ рукахъ. Но войскъ для занятія Бухары у насъ не было.

Къ 10 іюня, въ Самаркандѣ было всего 2,000 штыковъ, 325 шашекъ, 16 орудій и 6 ракетныхъ станковъ. На спокойствіе со стороны Шахрисябза разсчитывать было нельзя: туда собирались всѣ беки, недовольные эмиромъ, желавшіе еще войны съ нами. Туда скрылся и Каты-Тюря, старшій сынъ эмира, возставшій противъ отца, у котораго оспаривалъ престолъ. Шахрисябцы уже поднимали его на бѣломъ войлокѣ,—обрядъ, равносильный коронованію. Можно было опасаться, что когда разсѣется паника, шахрисябцы снова начнутъ волновать населеніе долины. При такомъ условіи занятіе Бухары возможно было только въ томъ случаѣ, если бы мы имѣли возможность оставить въ Самаркандѣ все наличное въ немъ число войскъ и затѣмъ если бы у насъ оставалось свободными по меньшей мѣрѣ столько же, для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Дѣйствующій отрядъ былъ, сверхъ того, до крайности изнуренъ. Съ половины мая каждому солдату, ослабленному зноемъ и поносами, которыми страдали $^3/_4$ общаго числа людей, пришлось сдѣлать въ общей сложности отъ 350 до 400 верстъ усиленными переходами. По этимъ причинамъ о занятіи Бухары нельзя было и думать. Кромѣ того, можно было навѣрное сказать, что нынѣшній эмиръ, наученный горькимъ опытомъ долголѣтней и безуспѣшной борьбы съ нами, сохранивъ свой шаткій тронъ, будетъ для насъ гораздо удобнѣе всякаго новаго эмира, который, весьма

вѣроятно, захотѣлъ бы попытаться заслужить популярность войною съ нами. Поэтому генералъ-губернаторъ не замедлилъ отвѣтомъ на послѣднее письмо эмира и въ тотъ же день поспѣшилъ успокоить его увѣреніями, что: „никогда я не имѣлъ цѣли и желанія уничтожить Бухарское ханство; какъ прежде, такъ и теперь повторяю, что миръ и спокойствіе сосѣднихъ съ Россіею владѣній составляетъ цѣль моихъ трудовъ и даже моихъ войнъ". Далѣе эмиру данъ былъ совѣтъ объявить народу о заключеніи мира, а касательно капитуляціи войскъ ему напомнили, что эти войска пригодятся ему еще для усмиренія непослушныхъ сыновей и подчиненія вновь своей власти мятежныхъ бековъ, сдѣлавшихся независимыми въ послѣдніе годы его неудачной борьбы съ Россіею.

Такимъ образомъ генералъ-губернаторъ добровольно отказался вплести въ свой лавровый вѣнокъ новую солидную вѣтвь. Войска, которымъ безспорно принадлежала значительная доля славы этого похода, даже и не знали о предложенной эмиромъ капитуляціи, которая и оставила слѣдъ только въ архивѣ! Безусловная сдача эмира произвела бы необыкновенный эфектъ и не въ одной Азіи!

Отстранивъ эту капитуляцію, мы лишали себя неисчислимыхъ выгодъ. Начать съ того, что ничто не мѣшало намъ посадить на ханство того же Музаффара, но ужъ тогда онъ зналъ бы, что держится только нами, и если чье-либо положеніе оказалось бы впослѣдствіи неудобнымъ, то, конечно, не наше. Мы же, какъ будто, сами испугались громадности и неожиданности полученныхъ результатовъ, точно капитуляція эмира дѣлала для насъ обязательнымъ и занятіе Бухары, на что мы не имѣли средствъ!

Развѣ опасались, что не съ кѣмъ будетъ заключать договора или взыскать контрибуцію?

Но писанныхъ договоровъ азіяты все равно не почитаютъ за что-либо священное и ни малѣйше не церемонятся нарушать ихъ тотчасъ по подписаніи, а контрибуцію легко было бы взыскать и безъ эмира.

Понятно, что теперь эмиръ уже не прекословилъ ни въ чемъ, и миръ былъ заключенъ.

Тремя дополнительными статьями мирнаго договора 23 іюня опредѣлялось: 1) присоединеніе къ Россіи Самаркандскаго и Каты курганскаго округовъ, 2) разграниченіе россійскихъ и бухарскихъ владѣній, и 3) предоставленіе работъ по разграниченію смѣшанной международной коммиссіи! Кромѣ того, секретными статьями эмиръ обязывался уплатить въ теченіе года 125,000 тиллей, или 500,000 рублей золотомъ или серебромъ, и слѣдить за тѣмъ, чтобы пограничные беки не дозволяли разбойникамъ переходить въ предѣлы Россійской имперіи.

Разграниченіе произведено осенью 1869 года комиссіей изъ

маіора Бергбаума и ротмистра Терентьева съ нашей стороны и Мухамедъ-Насыръ—Мирахура съ бухарской.

Въ день обмѣна ратификацій, 23 іюня, праздновалось заключеніе мира: войска выведены въ разводъ, отслужено молебствіе и при возглашеніи многолѣтія государю императору произведенъ съ крѣпости установленный салютъ.

Кауфманъ, сѣвъ на коня, сказалъ войскамъ, стоявшимъ въ каре, длинную рѣчь; но при не особенно сильномъ голосѣ генерала, рѣчь эта достигала до слушателей лишь урывками, сообразно съ поворотами головы генерала въ ту или другую сторону.

Всѣ, осужденные полевымъ судомъ, за измѣну, туземцы, коихъ казнь была отложена для приданія ей устрашающей обстановки, были помилованы. Это были наиболѣе виновные заправилы бунта, вожаки. Изъ казни ихъ предполагалось устроить для туземцевъ поучительную и страшную картину ради примѣра. Они-то и были помилованы, а менѣе виновные 19 человѣкъ были казнены, только потому, что захвачены съ оружіемъ или что на нихъ указывали иранцы, какъ на своихъ притѣснителей...

По войскамъ отданъ былъ слѣдующій приказъ:

„Храбрыя войска, собранныя для дѣйствій въ бухарскихъ предѣлахъ! Въ нѣсколько недѣль вы, ударъ за ударомъ, нанесли пораженіе бухарцамъ, шахрисябцамъ и другимъ увлеченнымъ ими народамъ. Непріятель проситъ мира. Онъ заключенъ. Поздравляю васъ, славные молодцы!“

Изъ завоеванной территоріи былъ образованъ временный Заравшанскій округъ, съ двумя отдѣлами: самаркандскимъ и каты-курганскимъ; устроена военно-народная администрація и въ распоряженіи генерала Абрамова, назначеннаго начальникомъ округа, оставлены четыре баталіона пѣхоты, три дивизіона артиллеріи, пять сотенъ казаковъ и ракетная батарея. Съ остальными войсками, т. е. четырьмя ротами пѣхоты, посаженной на арбы, дивизіономъ артиллеріи и сотнею казаковъ, генералъ-губернаторъ 2 іюля оставилъ Самаркандъ. Двигаясь форсированныхъ маршемъ вечеромъ 5 іюля, онъ прибылъ въ Чиназъ, а 7-го въ Ташкентъ. Такая поспѣшность требовалась тревожными извѣстіями изъ Кокана и даже изъ Ташкента.

Преувеличенные слухи о разныхъ нашихъ неудачахъ и въ особенности слухъ объ истребленіи русскаго гарнизона въ Самаркандѣ возбудили броженіе умовъ въ Ташкентѣ. Писарямъ и деньщикамъ уже были розданы ружья, сдѣлано распоряженіе о переселеніи семействъ въ крѣпость по сигнальнаму пушечному выстрѣлу и прочее.

Быстрое прибытіе въ Ташкентъ и извѣстіе о заключеніи мира съ Бухарой заставили Коканъ успокоиться, а рядъ побѣдъ и полное торжество надъ эмиромъ уничтожили въ подданныхъ намъ

туземнахъ надежду на поддержку обезсиленной Бухары. Такъ окончилась трехлѣтняя война съ Бухарою.

По заключеніи мирнаго договора, эмиръ выразилъ желаніе, чтобы четвертый и любимый сынъ его, Тюря-Джанъ, былъ принятъ въ какое-либо учебное заведеніе въ Петербургѣ. Ходатайство генералъ-губернатора по этому предмету удостоилось высочайшаго соизволенія. Объ этомъ сообщено было эмиру, но онъ въ это время былъ занятъ болѣе близкимъ и тревожнымъ дѣломъ: старшій сынъ его, Катты-Тюря, поднявшій знамя бунта, благодаря своей ненависти къ русскимъ, пріобрѣлъ большую популярность, такъ что былъ уже провозглашенъ кое-гдѣ эмиромъ. Разосланныя имъ прокламаціи, въ которыхъ эмиръ-отецъ обзывался „невѣрнымъ“ за миръ его съ Россіею и объявлялся низложеннымъ, произвели большое волненіе въ народѣ. Войска бухарскія двинуты были къ Черахчи, съ цѣлью вытребовать отъ шахрисябскихъ бековъ, скрывавшагося у нихъ, претендента-сына. Желая помочь эмиру и тѣмъ доказать ему, осязательнымъ образомъ, выгоды мирныхъ съ нами отношеній, генералъ губернаторъ приказалъ генералу Абрамову сдѣлать диверсію къ Кара-Тюбе, Ургуту или Джаму, а не то и далѣе, подъ видомъ рекогносцировки, лишь бы движеніе это было сдѣлано во-время, причемъ добавилъ: „тогда можно оказать услугу эмиру, не вдаваясь самому въ военныя дѣйствія, которыхъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ избѣжать“.

Генералъ Абрамовъ предупредилъ эмира, что онъ выставитъ отрядъ къ Джаму, чтобы не допустить шахрисябскихъ бековъ до серьезной помощи Катты-Тюрѣ.

Обстоятельства тѣмъ временемъ все усложнялись: претендентъ вошелъ въ сношенія съ туркменами, Хивою и киргизскими партизанами. 16-го августа, Сыддыкъ, пользуясь отсутствіемъ эмира, занялъ крѣпость Нураты и оттуда двинулся къ Кермине, куда претендентъ назначилъ его бекомъ. Эмиръ, оставивъ въ Черахчи 1,500 человѣкъ, возвратился въ Бухару. Претендентъ занялъ Черахчи, а затѣмъ и Карши.

Однакоже рекогносцировка наша къ Китабу заставила шахрисябскихъ бековъ отозвать изъ Карши 4,000 войска съ артиллеріей, и дальнѣйшая дѣятельность Катты-Тюри была, такимъ образомъ, пріостановлена. Въ это время, пользуясь нѣкоторымъ затишьемъ, эмиръ выступилъ изъ Бухары, разбилъ Сыдыка подъ Кермине и возстановилъ здѣсь свою власть.

Зато другой киргизскій партизанъ Назаръ съ 10,000 войска осадилъ и взялъ Хатырчи; часть его войска перешла даже нашу границу и угрожала Митану, но скоро была разсѣяна высланнымъ для того нашимъ отрядомъ. Туркмены же были настолько смѣлы, что дѣлали набѣги подъ самую Бухару, такъ что эмиръ,

возвратившійся въ столицу, попалъ какъ бы въ осаду. Всѣ эти безпорядки, отзываясь и у насъ вслѣдствіе разныхъ слуховъ о замыслахъ Катты-Тюри, были намъ невыгодны еще и въ томъ отношеніи, что, въ случаѣ паденія эмира, влекли за собою почти неизбѣжную войну, а это было для насъ тѣмъ неудобнѣе, что наступала пора сборовъ податей, и войскамъ надобно было еще устроиться на зиму. Къ тому же никѣмъ не любимый, не популярный и не энергичный Сеидъ-Музаффаръ былъ, во всякомъ случаѣ, болѣе удобенъ для насъ, чѣмъ энергичный и популярный фанатикъ Катты-Тюря. Наконецъ, по азіатскимъ понятіямъ, договоры и условія настоящаго владѣтеля не обязательны для его преемниковъ, а потому въ нашихъ видахъ и интересахъ было поддержать эмира.

Всѣ эти причины казались настолько убѣдительными, что когда эмиръ обратился, наконецъ, къ Абрамову съ просьбой о помощи, которой до этого всячески старался избѣжать, то джамскій отрядъ (7 ротъ, 2 сотни, 6 орудій и 6 ракетныхъ станковъ) двинулся, наконецъ, къ Карши.

21 октября, при приближеніи къ Карши, отрядъ имѣлъ перестрѣлку, послѣ которой Катты-Тюря со всѣмъ своимъ войскомъ (до 8 тысячъ) бѣжалъ, преслѣдуемый 18 верстъ казаками, подъ командою есаула Принца; причемъ отбито у непріятеля 10 верблюдовъ съ фальконетами, снарядами, порохомъ и прочими артиллерійскими запасами. Второе столкновеніе было 23-го октября въ каршинскихъ садахъ и предмѣстьяхъ города. Передовому отряду нашему, подъ командою капитана Гребенкина пришлось принять на себя всю тяжесть аттакъ непріятеля, превосходившаго нашихъ числительностію въ нѣсколько разъ. Гребенкинъ однакоже отбросилъ непріятеля съ большимъ для него уономъ въ глубь города, гдѣ, по приходѣ главныхъ силъ отряда, непріятель и былъ уже окончательно разбитъ. Наша потеря заключалась въ 2 убитыхъ, 11 раненыхъ (въ томъ числѣ 4 тяжело). Всего 13 человѣкъ.

Катты-Тюря бѣжалъ сначала въ Шахрисябзъ, но тамъ его не приняли. Всѣ шайки бунтовщиковъ были разсѣяны.

Еще раньше эмиру было дано знать о движеніи нашего отряда въ Карши и предлагалось прислать своего бека съ войсками для принятія отъ насъ города, но такъ какъ бухарцы шли весьма медленно, не вполнѣ довѣряя нашей искренности, то отрядъ нашъ выступилъ 27 октября изъ-подъ Карши по самаркандской дорогѣ и остановился въ разстояніи одного перехода. Передача города войскамъ эмира возложена была на самихъ аксакаловъ. Бухарцы тотчасъ прибавили шагу и въ тотъ же день вступили въ городъ.

На другой день, узнавъ, что бухарцы благополучно заняли

Карши, отрядъ нашъ продолжалъ движеніе къ Самарканду. Легкій успѣхъ надъ Катты-Тюрей и возвращеніе города эмиру, произвело весьма благопріятное для насъ впечатлѣніе, какъ въ средѣ нашего собственнаго мусульманскаго населенія, такъ и въ сосѣднихъ владѣніяхъ. Эмиру же это до того понравилось, что онъ просилъ потомъ, чтобы мы кстати взяли для него и Якобахъ, и Шахрисябзъ; причемъ обѣщалъ принять военныя издержки на свой счетъ. Шахрисябскіе беки однакоже были такъ напуганы рекогносцировкой нашей къ Китабу, что прислали депутацію съ изъявленіемъ покорности и, по нашему требованію, обязались возвратить Якобахъ эмиру.

Катты-Тюря, не принятый шахрисябцами, обратился къ генералу Абрамову съ просьбой примирить его съ отцомъ, но когда эмиръ согласился простить его и вызвалъ къ себѣ, то Катты-Тюря, не довѣряя искренности отца, просилъ покровительства Россіи. Получивъ позволеніе прибыть въ Самаркандъ, принцъ этотъ свернулъ однакоже съ дороги, двинулся на Хатырчи, занялъ этотъ городъ и предалъ многихъ изъ своихъ противниковъ казни. Затѣмъ направился къ Кермине, но тутъ уже подоспѣлъ изъ Карши самъ эмиръ, и претендентъ бѣжалъ въ Нурату. Вытѣсненный и оттуда, онъ скитался въ Хивѣ, Афганистанѣ и, наконецъ, принятъ въ Кашгарѣ.

Всѣ эти волненія отразились естественно на правильности поступленія податей въ казну эмира, и онъ не могъ выполнить въ точности условіе, относительно сроковъ взноса контрибуціи, такъ что послѣдній взносъ, сдѣланный въ апрѣлѣ 1870 г., опоздалъ на 7 мѣсяцевъ. Кромѣ домашнихъ затрудненій, неаккуратность высылки контрибуціи имѣла причинами еще: а) опасеніе, чтобы кабульскій эмиръ не занялъ лѣваго берега Аму-Дарьи, б) слухъ о томъ, что генералъ фонъ-Кауфманъ, уѣхавшій въ С.-Петербургъ, не возвратится назадъ, а съ новымъ генералъ-губернаторомъ могла измѣниться и политика, и, наконецъ, в) слухи о безпорядкахъ въ киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства. Проѣздъ генералъ-губернатора черезъ степь устранилъ двѣ послѣднія причины, и эмиръ поторопился выслать къ его пріѣзду 276,000 руб., въ счетъ слѣдовавшей съ него контрибуціи. Въ апрѣлѣ 1870 года, внесены были послѣднія 30,000 тиллей.

Бухарская серебряная монета (на 64,000 руб.) была выслана на С.-Петербургскій монетный дворъ; значительное же количество золотыхъ тиллей выпущено было въ обращеніе чиновникомъ казенной палаты, завѣдывавшимъ расходнымъ отдѣленіемъ, что признано было злоупотребленіемъ... принесшимъ чиновнику порядочныя выгоды...

Съ теченіемъ времени эмиръ, какъ видно, отдумалъ воспитывать сына въ Россіи и просилъ только дозволенія отправить его

къ высочайшему двору, для засвидѣтельствованія своихъ мирныхъ и дружественныхъ намѣреній и для заявленія раскаянія въ своихъ ошибкахъ. Однакоже въ письмѣ, поданномъ генералъ-губернатору 23 іюля, было, между прочимъ, сказано и слѣдующее: „Слѣдовало бы, ради величія и высокаго имени (Бѣлаго Царя) дать возможность прожить пяти-шести мусульманамъ (т. е. мусульманскимъ городамъ), оставшимся теперь безъ родины (т. е. завоеванныхъ русскими). Очень хорошо извѣстно, что съ начала до конца, съ нашей стороны, не было повода къ войнѣ; очень хорошо извѣстна намъ и обширность вашего государства, но вѣдь это на два, на три дня жизни (другими словами: но вѣдь ничто не вѣчно)". Въ грамотѣ на высочайшее имя интересно въ особенности, наивное извращеніе фактовъ, касательно нашихъ прежнихъ отношеній. Эмиръ говорилъ: „турецкій султанъ писалъ намъ, что русскій государь есть великій императоръ, и лучше сохранять съ нимъ дружбу; вслѣдствіе этого мы послали къ вамъ Наджмитдинъ-Ходжу-Судура съ грамотою, но его, не знаемъ почему, дальше Оренбурга не пустили. То же случилось и съ другимъ посломъ нашимъ Мусса-бекомъ. Одинъ только разъ мы вышли съ отрядомъ на Сасыкъ-Куль, и то ради возстановленія мира, но войска ваши начали наступленіе, и мы, помня дружбу вашего величества, не сражаясь, вернулись назадъ *). Ваши губернаторы пришли къ намъ съ войскомъ и забрали нѣсколько крѣпостей. Мы знаемъ, что ваше государство громадно, что земли у васъ много, что вы всѣмъ богаты, что вы великій государь, ибо мы убѣдились въ вашемъ величіи и признаемъ васъ великимъ; наше же царство, сравнительно съ вашимъ, самое ничтожное, но мы довольны наслѣдственными землями, хотя и живемъ въ тѣснотѣ. Мы узбеки, и если погрѣшили противъ законовъ и обычаевъ вашихъ, то ради величія вашего простите намъ и возвратите взятыя у насъ крѣпости". Видя изъ этого, что посольство имѣетъ еще и другую цѣль, генералъ-губернаторъ предупредилъ старшаго посланника Датху, что всѣ дѣла о границахъ, о торговлѣ и о прочемъ, должны рѣшаться здѣсь, въ силу дарованнаго ему полномочія, а эмиру написалъ, сверхъ того, слѣдующее: „воля и виды государя императора, клонящіеся ко благу его подданныхъ и къ спокойствію его сосѣдей, мнѣ извѣстны, и они служатъ мнѣ указаніями во всѣхъ случаяхъ".

Никакіе доводы, однакоже, не подѣйствовали, и Датха на торжественномъ пріемѣ 22-го октября 1870 г. счелъ возможнымъ принести государю просьбу эмира о возвращеніи завоеванныхъ нами городовъ. Категорическій отвѣтъ государя императора все еще не образумилъ бухарскаго дипломата, и онъ при свиданіи съ

*) Это относится къ эпохѣ Ирджарской битвы.

нашими государственными людьми, нѣсколько разъ заявлялъ ту же просьбу, но рѣшительные отвѣты обращали въ ничто его доводы, и каждый разъ онъ убѣждался, что въ силу дарованнаго туркестанскому генералъ-губернатору полномочія, рѣшеніе дѣлъ съ сосѣдними ханствами предоставлено единственно ему, и что вслѣдствіе этого центральное правительство въ С.-Петербургѣ отклоняетъ отъ себя всякое непосредственное участіе въ переговорахъ. Эта попытка лучше всего доказываетъ, какъ чувствительна бухарцамъ потеря Самарканда—этой „жемчужины міра“, „средоточія вселенной“ и проч.

Чтобы вѣрнѣе склонить насъ къ уступкѣ, Датха заявилъ, что эмиръ, изъ желанія сдѣлать угодное Бѣлому Царю и тѣмъ заслужить его милость, запретилъ въ Бухарѣ торгъ невольниками; эту мѣру можно бы было цѣнить, какъ результатъ нашего политическаго вліянія, если бы она дѣйствительно осуществилась. Послѣдующія свѣдѣнія указали однакоже, что торгъ невольниками существовалъ во всей силѣ еще долго.

Даже въ 1873 году, послѣ побѣды надъ Хивой, послѣ новаго договора съ Бухарой, въ которомъ введена новая статья 17-я о прекращеніи „постыднаго торга людьми“, американскій путешественникъ Скайлеръ не только видѣлъ на базарѣ въ Бухарѣ явный торгъ персіянами, но даже купилъ себѣ одного изъ нихъ, черезъ слугу, ради вещественнаго доказательства и повезъ его въ Ташкентъ, а затѣмъ и въ Петербургъ. Это произвело большой скандалъ, въ особенности потому, что въ это самое время Хива отпустила до 40,000 рабовъ персіянъ.

Бѣглыхъ нашихъ татаръ Бухара также не выдавала, оправдываясь нерозысканіемъ ихъ; о плѣнныхъ же чаще всего получалось одно и то же увѣдомленіе:

„Отправленъ въ Чарджуй и тамъ волею Божіею умеръ“.

Такое отношеніе бухарскаго эмира и его бековъ къ святости договоровъ, даже тогда, когда мы владѣли Самаркандомъ, давало полное право ожидать еще худшаго, если мы возвратимъ имъ этотъ городъ и сами добровольно лишимъ себя единственной гарантіи, единственной узды на упрямаго и полудикаго мусульманскаго лошака.

Настойчивость бухарцевъ насчетъ Самарканда объясняется впрочемъ упорно державшимися слухами, что императоръ Александръ II имѣлъ въ виду возвратить имъ этотъ городъ. Объ этомъ твердила и наша печать, повторяя разглагольствія англійскихъ газетъ. Тогдашній англійскій посолъ г. Букананъ доносилъ своему правительству, депешей отъ 1 ноября 1869 г., о желаніи императора возвратить Самаркандъ, но что „при этомъ встрѣтилось только то затрудненіе, к а к ъ это сдѣлать безъ ущерба достоинству Россіи и безъ утраты гарантіи за благосостояніе на-

селенія, принявшаго русское подданство". Черезъ 7 мѣсяцевъ, тотъ же посолъ сообщалъ, что Самаркандъ будетъ возвращенъ, какъ только эмиръ уплатитъ послѣднюю долю контрибуціи.

Не добившись никакихъ уступокъ, Тюря-Джанъ воротился 1-го марта 1870 г. въ Ташкентъ, а 2-го на торжественной аудіенціи подалъ Кауфману письменную просьбу, объ уступкѣ Самарканда ради него лично, чтобы не вернуться къ отцу опозореннымъ неудачей.

Датха, сопровождавшій Тюря-Джана въ Петербургъ впалъ въ немилость, Тюря-Джанъ потерялъ любовь отца и черезъ годъ умеръ.

Къ осени 1869 года, въ виду тревожныхъ слуховъ о замыслахъ Хивы и доказанномъ участіи ея въ волненіяхъ и безпорядкахъ киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства, рѣшено было двинуть въ степь два отряда: одинъ изъ Перовска на Куванъ-Дарью, а если получатся свѣдѣнія о набѣгѣ Сыддыка, то и на Яны-Дарью; другой отрядъ, изъ 2 сотенъ уральскихъ казаковъ, изъ Джизака, вдоль Нуратынскихъ горъ, долженъ былъ пройти до самыхъ Буканскихъ горъ, то есть до самой хивинской границы, и произвести маршрутную съемку пути въ Хиву. Попутно этотъ же отрядъ долженъ былъ произвести разграниченіе съ Бухарою, что и было возложено на ротмистра Терентьева, отчисленнаго отъ генеральнаго штаба по народному управленію. Отрядъ, подъ командой маіора 1-го стрѣлк. баталіона Бергоума, выступилъ 24 октября изъ Джизака. На ночлегахъ, по распоряженію эмира, всюду заготовлены были дрова и клеверъ попутными пограничными беками. На встрѣчу изъ Нураты выѣхалъ бухарскій уполномоченный Мирахуръ (конюшій) Мухамедъ-Насыръ, который послѣ долгихъ споровъ, согласился считать пограничной чертой въ Кизылъ-Кумской степи линію, параллельную дорогѣ, по которой шелъ отрядъ, и на 9 верстъ влѣво отъ дороги къ сторонѣ Бухары, чтобы въ случаѣ будущаго похода на Хиву, наши войска шли безпрепятственно по русской уже землѣ. Пограничными знаками служили, сложенныя изъ большихъ камней, пирамиды, гдѣ, конечно, камни можно было достать по близости, или даже самые колодцы, считая отъ нихъ влѣво 9 верстъ. Этому разграниченію впрочемъ самъ Кауфманъ не придавалъ никакого значенія и никакихъ инструкцій Терентьеву не далъ. Главная же задача его состояла въ составленіи маршрута, а также этнографической карты междурѣчья, совершенно намъ неизвѣстнаго до того времени. Это и было выполнено, на основаніи перекрестныхъ разспросовъ старшинъ и проводниковъ, являвшихся въ отрядъ неукоснительно въ чаяніи халатовъ и подарковъ. Мирахуръ, находя свое присутствіе лишнимъ, такъ какъ представляемые имъ резоны не принимались, и признавая справедливымъ, со стороны русскихъ, желаніе обезпечить себѣ путь къ Хивѣ, о

чемъ ему откровенно и было сказано, притворился больнымъ и остался на одномъ изъ ночлеговъ. Условіе о границѣ онъ однакоже подписалъ, т. е. приложилъ къ нему свою печать. Бивачная жизнь, наступившіе холода, а главное, слухи о Сыддыкѣ, усиливавшіеся по мѣрѣ приближенія къ Буканскимъ горамъ, вѣроятно, немало способствовали рѣшенію Мирахура уѣхать изъ отряда и предоставить дальнѣйшее проведеніе границы на волю русскихъ.

Въ 15 дней отрядъ нашъ прошелъ 380 верстъ къ Буканскимъ горамъ, не встрѣтивъ нигдѣ партизановъ Сыддыка, и возвратился въ Джизакъ 22 ноября, сдѣлавъ, безъ кибитокъ, при морозахъ, доходившихъ до—14° по Реомюру, около 800 верстъ. Въ этотъ счетъ вошли и рекогносцировки самихъ Буканскихъ горъ.

Современно этимъ движеніямъ нашихъ отрядовъ, эмиръ подчинялъ своей власти отпавшіе отъ Бухары города: Гиссаръ, Кулябъ, Дейнау и прочіе. Покореніе сопровождалось неумолимыми казнями... По взятіи Куляба, эмиръ направился въ Каратегинъ, подчиненный Кокану, обвиняя каратегинскаго бека, Ширъ-Али-Бія въ поддержкѣ кулябскаго бека. Ширъ-Али бѣжалъ въ Коканъ, а эмиръ присоединилъ Каратегинъ къ своимъ владѣніямъ и посадилъ тамъ своего бека. Коканскій ханъ пожаловался на это Кауфману. Эмиръ, въ свое оправданіе, представилъ письмо Ширъ-Али, доказывавшее его виновность. По сличеніи печати съ подлинною, приложенною къ письму изгнаннаго бека, которое коканскій ханъ прислалъ Кауфману для сличенія; оказалось что первая печать подложная. Поэтому бухарскому эмиру предложено было возвратить Каратегинъ коканскому хану, что тотъ и исполнилъ.

Неурядица послѣдняго года, долгое отсутствіе эмира съ войсками, въ связи съ политическою распущенностію его народа, склоннаго поддерживать каждаго претендента на независимость, породили междоусобія, взаимные грабежи и разбойничество. Особенно отличалась шайка нѣкоего Бабана, грабившая на огромномъ пространствѣ между Джамомъ и Каты-Курганомъ... Пограничный съ нами зіаддинскій бекъ откровенно сознался въ своемъ безсиліи уничтожить шайку, считавшую въ своихъ рядахъ до 300 человѣкъ, тѣмъ болѣе, что она постоянно спасалась отъ него въ русскіе предѣлы, а когда противъ нея вышлютъ казаковъ, она спасалась отъ нихъ въ бухарскіе предѣлы. Въ виду такой уловки атамана шайки, Кауфманъ условился съ эмиромъ, что войскамъ, преслѣдующимъ шайку, будь то бухарскія или русскія, дается право переходить границу и гнать шайку на чужой территоріи. Въ серединѣ декабря 1869 года въ Самаркандѣ получено было извѣстіе о переходѣ Бабана въ наши предѣлы. Начальникомъ кавалеріи Заравшанскаго округа былъ тогда родственникъ Кауфмана эсаулъ Принцъ, пѣхотный офицеръ, переведенный эсау-

ломъ въ казаки. Надъ его ученьями и командой на пѣхотный ладъ постоянно глумился шт.-ротмистръ гродненскаго гусарскаго полка Скобелевъ. причисленный къ генер. штабу и состоявшій при Абрамовѣ.

Отсюда возникла вражда между ними. Абрамовъ, считавшій Скобелева болѣе пригоднымъ для должности начальника кавалеріи, чѣмъ былъ Принцъ, поручилъ Скобелеву истребить шайку. Прибывъ въ Каты-Курганъ и принявъ начальство надъ полутора сотнями казаковъ, Скобелевъ двинулся противъ Бабана. Шайка тотчасъ бѣжала за границу, понеся нѣкоторый уронъ ранеными отъ ружейнаго огня казаковъ. Разсчитывая на полную безопасность по прежнему, Бабанъ остановился въ 18 верстахъ отъ границы, въ укрѣпленномъ кишлакѣ Чаршамбе, имѣвшемъ видъ редута съ высокими стѣнами. Ночью подошли сюда казаки. Скобелевъ спѣшилъ ихъ и приказалъ ломать ворота. Въ темнотѣ послышались голоса, что ломать нечѣмъ, а прикладами казачьихъ винтовокъ бревенчатыя ворота не разобьешь... Скобелевъ приказалъ лѣзть на стѣну. На это послышались возраженія, что безъ лѣстницы не влѣзешь и даже фраза: „полѣзай самъ“. Разсерженный Скобелевъ бросился въ толпу и замахнулся нагайкой на вахмистра... Тотъ отвелъ нагайку и сказалъ: „потише, ваше благородіе, у меня своя есть“... Въ виду непріятеля это было страшнымъ преступленіемъ. Скобелевъ не нашелся, что дѣлать. Отойдя отъ казаковъ, онъ уже не отдавалъ больше никакихъ приказаній, и когда сами казаки придумали окружить рѣдкою цѣпью весь кишлакъ, чтобы съ разсвѣтомъ отыскать въ стѣнахъ какую-нибудь лазейку, то и это было сдѣлано безъ его участія... Увѣряли потомъ, что въ темнотѣ его не могли найти...

Утромъ нашли лазейку въ противоположной воротамъ стѣнѣ и забрались въ кишлакъ. Но тамъ нашли только нѣсколько бабъ, да пятерыхъ тяжело раненыхъ разбойниковъ,—остальные же ушли черезъ ту же лазейку въ теченіе ночи. Раненыхъ отправили къ зіаддинскому беку, который и велѣлъ зарѣзать ихъ на базарѣ. Воротясь въ Каты-Курганъ, Скобелевъ, на прощанье, угостилъ казаковъ водкой и пирогами, но тѣ отъ угощенія отказались... Опять случай неслыханный и невиданный!

По прибытіи въ Самаркандъ, Скобелевъ донесъ Абрамову, будто онъ штурмовалъ кишлакъ, многихъ разбойниковъ порубилъ, 25 человѣкъ взялъ въ плѣнъ и отправилъ къ зіаддинскому беку и что только часть шайки успѣла спастись въ суматохѣ штурма. Наиболѣе отличившимися онъ назвалъ въ своей реляціи поручика лейбъ-гвардіи коннаго полка Герштенцвейга, командовавшаго сотнею, и вахмистра, такъ дерзко ему отвѣтившаго...

Принцъ, съ своей стороны, разспросилъ участниковъ небывалаго штурма и въ томъ числѣ Герштенцвейга. Узнавъ подроб-

ности, онъ написалъ Кауфману письмо, обвиняя Скобелева въ ложности реляціи и даже трусости, такъ какъ тотъ будто бы спрятался гдѣ-то, когда казаки его не послушались, и его потомъ нигдѣ отыскать не могли...

Кауфманъ немедленно командировалъ въ Самаркандъ капитана генеральнаго-штаба Королькова произвести негласное дознаніе. Кромѣ обвиненія въ трусости, все остальное подтвердилось. Скобелевъ былъ вызванъ въ Ташкентъ и на представленіи Кауфману, въ присутствіи большого числа являвшихся, получилъ отъ генерала названіе „лжеца“ съ прибавленіемъ, что ему нѣтъ мѣста здѣсь, въ Туркестанскомъ краѣ...

Въ результатѣ получилась дуэль между Скобелевымъ и Принцомъ, окончившаяся безъ кровопролитія, а затѣмъ между Скобелевымъ и Герштенцвейгомъ, въ которой послѣдній былъ раненъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ умеръ отъ чахотки. Замѣчательно, что въ то время, когда Скобелевъ достигъ верха славы и произведенъ былъ въ полные генералы, Принцъ въ чинѣ полковника умиралъ на гауптвахтѣ въ Омскѣ, заключенный по суду за злоупотребленія...

Кауфманъ зналъ о дуэляхъ, но не хотѣлъ препятствовать...

Назначена была слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ полковника Ефимовича, изъ подполк. Гриппенберга, капитана ген. штаба барона Каульбарса и причисленнаго къ генер. штабу капитана Соболева. Заведено дѣло „о предосудительномъ поведеніи причисленаго къ ген. штабу шт.-ротм. Скобелева у Чаршамбе“. Но въ этомъ дѣлѣ сохранилась только обложка и первая бумага за подписью тогдашняго начальника штаба ген.-маіора Дандевиля, о назначеніи въ коммиссію названныхъ лицъ. Остальныя бумаги неизвѣстно кѣмъ и когда вышиты изъ дѣла, носящаго № 30 за 1870 годъ. Старослуживые штаба указываютъ, что Скобелевъ, прославившись черезъ 5 лѣтъ въ Коканѣ и будучи тамъ военнымъ губернаторомъ, сильно хлопоталъ объ уничтоженіи непріятныхъ для него воспоминаній о его первомъ неудачномъ дебютѣ на военномъ поприщѣ и, вѣроятно, кто-нибудь изъ начальниковъ штаба исполнилъ его желаніе.

Въ виду того, что первая реляція Скобелева была написана подъ вліяніемъ ошибочнаго взгляда, что всѣ вообще реляціи должны украшаться вымысломъ, а также въ виду молодости и неопытности виновнаго, исторія была замята. Чтобы дать ему возможность поправить свою репутацію, ему дали сотню въ Чиназѣ. Такимъ образомъ и прежнее намѣреніе Кауфмана удалить Скобелева изъ края уступило мѣсто соображеніямъ болѣе гуманнымъ, въ которыхъ несомнѣнно играли роль и связи этого офицера: крестникъ императора Александра II, племянникъ министра двора графа Адлерберга, племянникъ графа Баранова и прочее.

Въ Чиназѣ былъ казачій лагерь, а на подножный кормъ лошадей переправляли ежедневно черезъ Сыръ-Дарью, чтобы къ вечеру перевезти ихъ обратно. Переправа совершалась на паромахъ и довольно медленно. Скобелевъ свою сотню переправлялъ вплавь и достигъ отличныхъ результатовъ. Нѣсколько лошадей впрочемъ утонуло, но Скобелевъ заплатилъ за нихъ казакамъ изъ собственныхъ денегъ.

Между тѣмъ слухи о томъ, что эмиръ, недовольный неудачею своего посольства, вошелъ въ сношенія съ Афганистаномъ и Хивою и что на бухарскихъ базарахъ открыто говорятъ о неизбѣжности новой войны съ русскими, заставили генерала Кауфмана послать въ Бухару посольство, какъ бы въ отвѣтъ на неоднократныя посольства эмира. Посломъ назначенъ былъ джизакскій уѣздный начальникъ, полковникъ Носовичъ, со свитой изъ 8 лицъ и конвоемъ изъ 50 казаковъ. Посольство это было принято съ большимъ почетомъ; народъ также не выказывалъ ни малѣйшей враждебности, можетъ быть, и потому, что вмѣстѣ съ посольствомъ пришла въ Бухару и вода, пущенная изъ Самарканда Абрамовымъ. Однако кушъ-беги, т. е. первый министръ, предупредилъ Носовича, что-де „пусть ваши люди зря не выѣзжаютъ: вы гости и мы заботимся, чтобы не вышло какого-нибудь неудовольствія... Между нашими много развратниковъ, весьма необузданныхъ, такъ что нельзя управлять ими безъ палки, тюрьмы и палача!“

Члены посольства считали себя молодыми и красивыми, а потому побоялись показываться на глаза туземнымъ развратникамъ, безъ туземной же свиты, напоминавшей народу о тюрьмѣ, палкѣ и палачѣ... Къ тому же, кушъ-беги увѣрилъ ихъ, что въ сущности и смотрѣть-то не на что: „кругомъ однѣ глиняныя стѣны, а наше войско не обучено и дурно вооружено, поэтому смотрѣть на ученье, можетъ быть, и составляетъ тамашу для узбековъ, но для русскихъ будетъ только смѣшно и непріятно“.

Этихъ доводовъ было достаточно, чтобы погасить пылъ любознательности, столь свойственный туристамъ, и наша миссія засѣла въ четырехъ стѣнахъ, выѣзжая только по оффиціальнымъ случаямъ.

На торжественной аудіенціи, когда эмиръ предложилъ обычные подарки, Носовичъ настоялъ, не смотря на протесты нѣкоторыхъ членовъ миссіи, чтобы они облеклись въ пожалованные парчевые и бархатные халаты и въ такомъ нарядѣ проѣхались по городу! Пусть, говоритъ, народъ знаетъ, какъ насъ принялъ эмиръ!

Эмиръ просилъ подарить ему 4,000 нашихъ ружей и прислать мастеровъ для литья пушекъ, на случай войны съ афганцами. Ему было объяснено, что онъ не долженъ задираться съ

ними, а только не допускать ихъ утвердиться на правомъ берегу Аму-Дарьи.

Почти одновременно съ нашимъ посольствомъ прибылъ и афганскій посолъ, а раньше явились послы турецкій и хивинскій. Переговоры ихъ остались для насъ тайною, но, по догадкамъ, дѣло шло о составленіи большого союза противъ Россіи. Догадки эти основывались на словахъ эмира, сказанныхъ хивинскому и кабульскому посламъ: „я сильно и не одинъ разъ поплатился за то, что начиналъ войну. Вы говорите мнѣ, что я старшій, приглашаете меня стать во главѣ... пусть сначала ваши ханы пріѣдутъ ко мнѣ, поклонятся мнѣ и тѣмъ докажутъ, что признаютъ мое главенство". Въ это время, съ 1868 г., шли у насъ переговоры съ Англіей, хлопотавшей объ установленіи между нашими и ихъ владѣніями въ Азіи нейтральнаго пояса или з о н ы. Этимъ поясомъ должна была служить Бухара и Афганистанъ*). Поэтому въ ружьяхъ эмиру было отказано.

Кромѣ отложившихся отъ Бухары шахрисябзскихъ бековъ, по верховьямъ рѣки Заравшана, въ трудно-доступной горной долинѣ, основалось нѣсколько полунезависимыхъ бекствъ, каковы Кштутъ, Магіянъ, Мача, Фарабъ и проч. Они были отрѣзаны отъ Бухары нашимъ Заравшанскимъ округомъ, и потому власть эмира здѣсь ослабѣла. Бекства эти и прежде не подчинялись вполнѣ ни одному изъ сосѣднихъ хановъ и служили вѣрнымъ убѣжищемъ для всѣхъ, кто имѣлъ причины бояться за свою голову. Такъ какъ мы оставляли ихъ въ покоѣ, то съ теченіемъ времени разбойничьи элементы населенія стали смѣлѣе и даже спускались съ горъ для грабежа своихъ собратій въ нашихъ предѣлахъ. О постигшей ихъ участи будетъ сказано въ слѣдующей главѣ, а здѣсь мы упомянемъ только объ отношеніяхъ съ Бухарою, чтобы потомъ не возвращаться къ этому предмету. Въ 1870 году въ Бухарѣ былъ неурожай, а затѣмъ наступилъ голодъ. Цѣна на хлѣбъ поднялась и у насъ. Поэтому вывозъ его за границу былъ воспрещенъ. Бухарцы приписывали неурожай тому, что русскіе плохо смотрятъ за плотиной подъ Самаркандомъ и даютъ Бухарѣ мало воды... Эмиръ, получивъ отказъ на просьбу объ отмѣнѣ запрещенія вывоза хлѣба, наложилъ пошлину на каршинскую каменную соль. Кауфманъ послалъ ему въ подарокъ 100 арбъ хлѣба, т. е. около 3,000 пудовъ, а запрещенія не отмѣнилъ. Въ виду же слуховъ о какихъ-то приготовленіяхъ къ веснѣ, послалъ въ Бухару дипломатическаго чиновника, дѣйств. ст. сов. Струве, возложивъ на него переговоры о

*) Подробности объ этомъ и вообще о дипломатическихъ сношеніяхъ съ ханствами изложены въ книгѣ: „Россія и Англія въ Средней Азіи" М. Терентьева.

пропускѣ нашихъ войскъ чрезъ бухарскія владѣнія, въ случаѣ движенія противъ Хивы. Эмиръ на это согласился, щедро одарилъ нашего посла дорогими халатами, лошадьми и даже пожаловалъ ему 30,000 кокановъ! Это составляло впрочемъ только 6,000 р., и хотя Кауфманъ запретилъ нашимъ агентамъ принимать денежныя подачки, но Струве не устоялъ противъ соблазна...

Струве донесъ Кауфману, что слухи о воинственныхъ замыслахъ эмира не основательны и что торга невольниками онъ, не смотря на тщательные розыски, не обнаружилъ.

Въ 1871 году, для выраженія эмиру соболѣзнованія по случаю кончины принца Тюря-Джана, посланъ былъ въ Бухару кураминскій уѣздный начальникъ полковникъ Колзаковъ. На торжественномъ пріемѣ, получивъ разные подарки, онъ наотрѣзъ отказался надѣть жалованный парчевой халатъ, объяснивъ эмиру, что русскому офицеру законъ предписываетъ соблюдать установленную царемъ форму, и потому мундиръ онъ не можетъ покрывать ничѣмъ, кромѣ форменнаго плаща. Эмиръ ссылался на то, что даже и генералъ Струве надѣвалъ халатъ. Колзаковъ возразилъ, что Струве не военный, и потому это ему простительно. Намъ это можетъ показаться пустяками, а въ глазахъ азіятскихъ дипломатовъ это вопросъ весьма серьезный.

Въ 1872 г. прибыло въ Ташкентъ бухарское посольство по вызову самого Кауфмана, и когда оно уѣзжало обратно, съ нимъ отправленъ былъ агентъ министерства финансовъ г. Петровскій, бывшій впослѣдствіи нашимъ консуломъ въ Кашгарѣ. Главная задача его заключалась въ выясненіи вопроса: въ какой степени бухарскій рынокъ принадлежитъ намъ и наступило ли время закрыть его для англійскихъ товаровъ? Рынокъ оказался переполненнымъ англійскими произведеніями. Петровскому удалось видѣть также и продажу невольниковъ, что весьма ловко скрывалось отъ глазъ русскихъ чиновниковъ, наѣзжавшихъ въ Бухару. Согласить донесеніе объ этомъ Петровскаго съ противорѣчивымъ донесеніемъ Струве было невозможно, а потому никакихъ запросовъ бухарскому эмиру сдѣлано не было. Да и сношенія съ эмиромъ шли черезъ Струве.

Впослѣдствіи эмиръ подчинился требованію Кауфмана отказаться отъ непосредственныхъ сношеній съ турецкимъ правительствомъ, помимо туркестанскаго генералъ-губернатора, и тѣмъ какъ бы отказался отъ своихъ самодержавныхъ правъ. Понемногу онъ и его преемникъ примирились съ вассальнымъ положеніемъ, приняли нашего политическаго агента, уступили землю подъ полотно желѣзной дороги и подъ русскій городъ Чарджуй, потомъ Керки и Термезъ на Аму-Дарьѣ, допустили русскую пограничную стражу по Аму-Дарьѣ на границѣ съ Афганистаномъ и вполнѣ подчинились Россіи.

ГЛАВА XVIII.

Рекогносцировка верховій Заравшана, лѣтомъ 1870 г. Движеніе отрядовъ изъ Самарканда и Ура-Тюбе. Недружелюбіе мачинскаго бека. Движеніе отъ Польдорака къ ледникамъ заравшанскимъ. Обратное движеніе. Нападеніе на отрядъ подполковника Деннета. Обходное движеніе Деннета къ Янги-Саббакскому ущелью и наказаніе враждебнаго скопища. Движеніе Абрамова къ Искандеръ-Кулю. Дѣло на Кули-Каланскихъ высотахъ 25 іюня. Изъявленіе покорности мачинскимъ бекомъ. Контрибуція, взысканная коканскимъ ханомъ въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ въ отрядѣ Деннета. Поводы къ неудовольствію нашему относительно Шахрисябза. Рѣшеніе, принятое генералъ-губернаторомъ. Движеніе войскъ изъ Самарканда. Рекогносцировка столицы Шахрисябза (соединенные города Шарь и Китабъ). Осадныя работы и штурмъ 14 августа. Наши потери. Передача столицы бекамъ, присланнымъ отъ эмира. Занятіе и присоединеніе къ Заравшанскому округу бекствъ Магіанскаго и Фарабскаго. Выдача коканскимъ ханомъ, бѣжавшихъ къ нему, шахрисябскихъ бековъ.

Для ознакомленія съ долиною верхняго Заравшана и для рекогносцировки путей черезъ хребетъ Кашгаръ-Даванъ предположено было двинуть лѣтомъ 1870 года одновременно два отряда—одинъ изъ Самарканда, въ составѣ 2 сотенъ казаковъ и одной роты пѣхоты *) съ 8 ракетными станками и двумя горными орудіями, подъ начальствомъ генералъ-маіора Абрамова; другой изъ Ура-Тюбе, въ составѣ 100 человѣкъ пѣхоты (стрѣлковая рота 7-го лин. бат.) и 50 казаковъ 16-ой оренб. сотни, подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Деннета. Первый отрядъ долженъ былъ пройти черезъ Пянджакентъ, вверхъ по р. Заравшану, черезъ Кштутъ до Польдорака, а оттуда обратно черезъ Урмитанъ и Варзиминоръ; а второй отрядъ, пройдя долиною р. Мачи, долженъ былъ соединиться съ отрядомъ Абрамова и, пройдя нѣсколько долиною Заравшана, возвратиться какою-нибудь другою дорогою въ Ура-Тюбе.

При отрядѣ Абрамова находилось нѣсколько офицеровъ и чиновниковъ для топографическихъ работъ и для геологическихъ и археологическихъ изслѣдованій. Движеніе самаркандскаго отряда напугало сначала шахрисябцевъ, но, узнавши изъ писемъ Абрамова о цѣли движенія, они совершенно успокоились.

Ура-Тюбинскій рекогносцировочный отрядъ прибылъ 14 мая въ с. Аучи, а 16-го въ кишлакъ Обурданъ, гдѣ и соединился съ отрядомъ генерала Абрамова. На всемъ пройденномъ пути отрядъ

*) Сотни: № 23 оренбургская и № 9 уральская, рота—стрѣлковая 3-го турк. лин. бат.

нигдѣ не встрѣчалъ сопротивленія, самое же движеніе чрезвычайно затруднялось неудобною для переходовъ войскъ мѣстностію. Перевалъ черезъ Басмандинское ущелье довольно труденъ, перевалъ же черезъ Акъ-Ба до того тяжелъ, что на одно поднятіе потребовалось до 9 часовъ времени, изъ которыхъ 5 часовъ отрядъ шелъ по глубокому снѣгу. На вершинѣ перевала, лежащаго на высотѣ приблизительно 15 или 16 тысячъ футовъ, у большинства людей обнаружилась сильная головная боль, а у нѣкоторыхъ рвота и кровотеченіе изъ носу, что слѣдуетъ приписать сильному разрѣженію воздуха на столь значительной высотѣ. Карнизъ, по которому вилась тропинка, былъ мѣстами до того узокъ, что движеніе дѣлалось опаснымъ, а поворотъ назадъ конному человѣку—невозможнымъ. Нѣсколько вьюковъ даже упало, причемъ одинъ такъ и погибъ.

Несмотря на встрѣчаемыя на каждомъ шагу трудности, отрядъ шелъ безостановочно; пѣхота, съ шанцевымъ инструментомъ исправляла дорогу. Мѣстами затрудненія были однако до того значительны, что приходилось переносить вьюки на рукахъ. Для перехода черезъ перевалъ потребовалось поэтому не менѣе 14 часовъ времени.

Какъ при подъемѣ, такъ и при спускѣ, въ наиболѣе тѣсныхъ мѣстахъ ущелья, замѣтны были ряды каменныхъ заваловъ и слѣды многочисленныхъ костровъ, свидѣтельствовавшіе о весьма недавнемъ пребываніи здѣсь значительныхъ скопищъ. Можно было предполагать, что одновременное движеніе обоихъ отрядовъ къ с. Обурданъ, заставило мачинскаго бека очистить Бахмандинское ущелье и отойти къ Польдораку.

Отрядъ Абрамова выступилъ 26 апрѣля и 29-го числа достигъ Дашты-Казы, нашего пограничнаго пункта съ Фальгаромъ. Распространившійся въ народѣ слухъ, что русскіе идутъ освободить его отъ бековъ, заставилъ этихъ послѣднихъ бѣжать въ Мачу. Мачинскій бекъ собралъ свои ополченія и двинулся' возстановлять подчиненныхъ ему бековъ Урмитана и Фана, начавъ съ разграбленія сосѣднихъ съ Варзиминоромъ кишлаковъ. Чтобы предупредить мачинцевъ въ Урмитанѣ и тѣмъ спасти жителей отъ грабежа, двинутъ былъ туда авангардъ изъ взвода пѣхоты, взвода казаковъ и двухъ ракетныхъ станковъ подъ начальствомъ шт.-ротм. барона Аминова.

2-го мая, вслѣдъ за прибытіемъ къ главному отряду генерала Абрамова, отрядъ этотъ перешелъ границу и вступилъ въ Урмитанъ, гдѣ простоялъ 4 дня, и 7-го числа выступилъ къ Варзиминору. Жители этого селенія встрѣтили наши войска очень радушно и сообщили, что гиссарскій бекъ выслалъ въ фанскія владѣнія своихъ агентовъ, которые стараются произвести народное возстаніе, и для прегражденія пути къ Искандеръ-Кулю, разру-

шили мостъ Пу́ли-мулла на Фанъ-Дарьѣ. Рекогносцировка подтвердила эти извѣстія, а какъ для устройства новаго моста, а также для исправленія всѣхъ старыхъ на Заравшанъ-Дарьѣ потребовалось бы много времени, то ген. Абрамовъ предпочелъ двинуться сначала къ ледникамъ Заравшана, возложивъ работы на самихъ жителей, подъ наблюденіемъ командира 9-го уральской сотни. 12-го мая отрядъ вступилъ изъ Варзиминора, а 16-го прибылъ въ Обурданъ,—первое селеніе враждебнаго намъ мачинскаго бекства.

Обурданскіе аксакалы встрѣтили Абрамова еще на дорогѣ, верстахъ въ шести отъ кишлака; аксакалы же многихъ верхнихъ мачинскихъ кишлаковъ начали являться въ отрядъ только на другой день.

Во все время движенія Абрамова по урмитанскимъ землямъ, жители постоянно жаловались на притѣсненія и насилія, дѣланныя имъ мачинцами; прибывъ въ земли мачинскія, Абрамовъ былъ удивленъ, услыхавъ отъ жителей тѣ же жалобы на притѣсненія и обиды, которыя терпятъ они отъ своего бека.

По разспросамъ оказалось, что главнымъ виновникомъ всѣхъ безпорядковъ въ этомъ краѣ былъ тогдашній мачинскій бекъ: Падша-Ходжа-Базиль-Ходжинъ. Не имѣя никакихъ правъ на бекство и выбранный во время смутъ не народомъ, а небольшой приверженной ему партіей (духовной), онъ окружилъ себя своими приверженцами и скоро потерялъ возможность противодѣйствовать ихъ безчинствамъ. Приверженцы Падша-Ходжи распоряжались почти самовластно его именемъ. По словамъ туземцевъ, бекъ грабилъ совершенно одинаково, какъ земли мачинцевъ, такъ и земли урмитанскія и фанскія, хотя къ этому не было никакого повода, ибо никакой племенной вражды между мачинцами и урмитанцами не существовало. Жители Мачи описывали свое положеніе самыми мрачными красками, и дѣйствительно, бѣдность въ краѣ была полная.

Не видя ни малѣйшаго враждебнаго настроенія противъ русскаго отряда, Абрамовъ рѣшился продолжать движеніе вверхъ по Заравшану и дойти до истоковъ этой рѣки. Имѣлось въ виду также развѣдать о географическомъ положеніи прилегающихъ къ ней странъ, неизвѣстныхъ даже намъ, какъ напр., Каратегина.

Незадолго до вступленія въ мачинскія владѣнія, Абрамовъ писалъ беку и всему окрестному населенію о цѣли движенія отряда, приглашая всѣхъ жителей оставаться на своихъ мѣстахъ и быть совершенно спокойными, такъ какъ ничего враждебнаго противъ нихъ мы не имѣемъ. Бекъ отвѣчалъ Абрамову, что онъ поставленъ коканскимъ ханомъ и что земли по р. Мачѣ принадлежатъ Кокану; поэтому, до полученія отвѣта отъ хана, онъ не можетъ отвѣтить ничего положительнаго. Намъ, однакоже, хорошо было извѣстно, что послѣ занятія нами Самарканда, всѣ земли

эти сдѣлались независимыми, а до того времени—принадлежали не коканскому хану, а бухарскому эмиру.

Хотя движеніе рекогносцировочнаго отряда совершалось вполнѣ спокойно, какъ будто по мѣстности, уже давно нами занятой, тѣмъ не менѣе въ отрядѣ не обошлось безъ приключенія, впрочемъ довольно маловажнаго. Не доѣзжая до Обурдана верстъ восемь, Абрамовъ призналъ необходимымъ осмотрѣть предварительно одно мѣсто на весьма узкомъ и трудномъ для пути карнизѣ, опасаясь, что лошади не въ состояніи будутъ здѣсь пройти. Посланные впередъ саперы были встрѣчены цѣлыми грудами камней, скатывавшихся съ высотъ, занятыхъ партіей горцевъ. Саперовъ отозвали и въ горы посланы были, по небольшой лощинѣ, стрѣлки. Не дождавшись однакоже окончанія обхода, Абрамовъ рѣшился проѣхать со свитою именно по той тропинкѣ, гдѣ саперы попали подъ камни. Едва только генералъ подъѣхалъ къ карнизу, какъ со скалы снова покатились камни, которыми сбита была лошадь одного изъ офицеровъ *), сломавшаго при этомъ себѣ ногу. Остальные прошли благополучно. Такой смѣлый шагъ Абрамова произвелъ сильное впечатлѣніе на мачинцевъ, считавшихъ ущелье непроходимымъ. Весьма вѣроятно, что выдержавшіе такую пробу офицеры поднялись во мнѣніи горцевъ на столько, что имъ уже, при дальнѣйшемъ слѣдованіи по Мачинскому бекству, нигдѣ подобныхъ встрѣчъ не готовилось.

По разслѣдованіи дѣла чрезъ аксакаловъ, бывшихъ при отрядѣ, оказалось, что въ горахъ находились семь джигитовъ мачинскаго бека, слѣдившіе за отрядомъ еще съ утра этого дня. Посланные на гору, люди видѣли только убѣгающихъ двухъ джигитовъ. Считая ни во что мачинскаго бека и его разбойничьи шайки, Абрамовъ самоувѣренно доносилъ, что противъ нихъ онъ никогда не сдѣлаетъ ни одного выстрѣла; въ случаѣ же надобности найдетъ средство справиться съ ними и безъ пороха! Послѣдствія, какъ увидимъ, не оправдали такой похвальбы.

Четыре дня спустя, въ Обурданъ прибылъ и отрядъ ура-тюбинскій. Такое согласованіе движеній двухъ русскихъ отрядовъ, въ горахъ едва доступныхъ, произвелъ также довольно внушительное впечатлѣніе на горцевъ.

20-го мая, оба отряда двинулись вверхъ по рѣкѣ, оставивъ въ Обурданѣ полувзводъ стрѣлковъ для обезпеченія сообщеній съ Варзиминоромъ и Ура-Тюбе.

На первомъ переходѣ отъ Обурдана къ Польдораку, прибыли къ Абрамову отъ мачинскаго бека почетные люди гор. Польдорака (казы и раисъ) съ письмомъ и подарками.

Бекъ просилъ въ прежнихъ письмахъ не идти дальше и угро-

*) Капитана Шостака.

жалъ въ противномъ случаѣ встрѣтить наше войско съ оружіемъ, теперь же, когда убѣдился что угрозы не дѣйствуютъ, онъ спѣшилъ заявить о своей полной готовности принять насъ дружески, оговоривъ только, что его народъ очень бѣденъ и что поэтому долгое пребываніе русскихъ будетъ стѣснительно и для нихъ самихъ, и для народа. Другими словами: милости просимъ въ гости, только не засиживайтесь! Одаривъ посланныхъ, Абрамовъ отвѣтилъ беку весьма привѣтливо и послалъ ему подарки.

Еще наканунѣ было получено письмо и отъ гиссарскаго бека, въ отвѣтъ на извѣщеніе о нашемъ движеніи, посланное къ нему еще изъ Самарканда. Въ отвѣтѣ своемъ бекъ завѣрялъ въ дружбѣ и сообщалъ, что онъ не только приказалъ жителямъ быть спокойными, но сдѣлалъ распоряженіе, чтобы изъ пограничныхъ кишлаковъ было доставляемо въ отрядъ все необходимое: жизненные припасы для людей и кормъ для лошадей.

23-го мая заравшанскій отрядъ прибылъ благополучно въ Польдоракъ и былъ встрѣченъ нѣсколькими старшими лицами города и частію жителей, оставшихся на мѣстѣ. Бекъ съ 10 джигитами, не дождавшись званныхъ гостей, еще наканунѣ ушелъ по дорогѣ въ Коканъ, а подарки, посланные ему Абрамовымъ, были разграблены жителями.

Выказанное бекомъ недовѣріе къ намъ развязало Абрамову руки: онъ приказалъ разрушить крѣпость или замокъ бека, властвовавшаго надъ народомъ изъ своего грознаго гнѣзда. Увидѣвъ, въ чемъ дѣло, жители съ особымъ усердіемъ принялись помогать войскамъ и живо растаскали и разнесли замокъ. Видно, очень любили своего бека!

Успокоивъ жителей и пригласивъ ушедшихъ изъ города вернуться на свои мѣста, Абрамовъ 24 числа отпустилъ ура-тюбинскій отрядъ, а самъ съ небольшимъ конвоемъ (ракетная батарея) выступилъ къ истокамъ Заравшана, куда и прибылъ 25 числа. Дорога до истоковъ Заравшана хорошая, и на 30 верстъ довольно населенная. Жители вездѣ были на мѣстахъ и встрѣчали отрядъ весьма радушно. Заравшанъ вытекаетъ изъ огромнаго глетчера, занимающаго все ущелье, шириною съ полверсты. Вверхъ по ущелью ледникъ, по словамъ туземцевъ, простирается на 7 ташъ (около 49—56 верстъ). Хотя и было бы въ высшей степени интересно прослѣдить ледникъ до самаго его начала, но по недостатку времени и средствъ нельзя было рѣшиться предпринять такое изслѣдованіе. Вслѣдствіе этого, осмотрѣвъ глетчеръ и побочные ледники, насколько было возможно, Абрамовъ вернулся въ Польдоракъ, гдѣ уже собрались почти всѣ жители и куда прибылъ посланецъ каратегинскаго бека съ письмомъ.

Населеніе Польдорака и окрестныхъ мѣстъ жаловалось Абрамову на своего бека и просило довести до свѣдѣнія генералъ-

губернатора, что народъ не желаетъ болѣе имѣть бековъ, такъ какъ всѣ, выбираемые ими на эту должность, кромѣ притѣсненій и зла, ничего народу не дѣлали. Жители говорили, что они примутъ вполнѣ охотно бека только въ такомъ случаѣ, если онъ будетъ назначенъ Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. Старый бекъ, по ихъ словамъ, къ нимъ не явится, а если и вздумаетъ вернуться, то они его не впустятъ въ городъ.

Обѣщавъ населенію довести эти просьбы до свѣдѣнія генералъ-губернатора, начальникъ отряда вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ имъ устроиться самимъ, какъ имъ будетъ лучше и какъ удобнѣе, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Жители просили позволенія выбрать себѣ аксакала и казія, и выборъ этотъ состоялся въ день выхода изъ Польдорака нашего отряда.

Ура-тюбинскій отрядъ, согласно данной инструкціи, былъ направленъ для обратнаго слѣдованія уже другой дорогой, а именно черезъ Янгы-Саббакское ущелье, въ 20 верстахъ ниже Польдорака, выходящее въ Ходжентскій уѣздъ, къ сел. Исфана. Ущелье это считалось до того времени кратчайшимъ путемъ въ долину р. Мачи и представляло обиліе превосходнаго подножнаго корма, въ которомъ отряды наши терпѣли крайній недостатокъ во все время движенія по долинѣ р. Мачи. Отрядъ остановился на ночлегъ близъ моста черезъ Заравшанъ, у с. Тавушъ, а есаулъ Уржумцевъ, съ 25 казаками, высланный за нѣсколько часовъ до выступленія отряда изъ Польдорака, прошелъ далѣе, чтобы осмотрѣть дорогу и сообщить свѣдѣнія о перевалѣ.

На слѣдующій день отрядъ подп. Деннета перешелъ черезъ снѣжный перевалъ въ 13,000 ф. надъ уровнемъ моря. Подъемъ, сверхъ ожиданія, оказался не очень крутымъ и довольно удобнымъ, но зато спускъ въ глубокую котловину, занесенную снѣгомъ и вмѣщающую въ себѣ обширный глетчеръ, былъ весьма затруднителенъ. Къ довершенію неудобствъ, въ ту минуту, когда отрядъ находился на вершинѣ перевала, поднялся буранъ. Въ двухъ шагахъ невозможно было ничего видѣть. Съ большимъ трудомъ отрядъ спустился въ котловину. Въ 8 верстахъ отъ перевала отрядъ остановился на ночлегъ, но въ это время получено было извѣстіе, что на разъѣздъ Уржумцева сдѣлано было неожиданное нападеніе.

Пройдя перевалъ, есаулъ Уржумцевъ былъ встрѣченъ въ тѣснинѣ выстрѣлами и каменьями съ горъ. Спѣшившись, казаки рылись за камнями и открыли огонь. Послѣ небольшой перестрѣлки, Уржумцевъ вернулся къ отряду, уже получившему извѣстіе о нападеніи. Во время перестрѣлки двое казаковъ были сбиты камнями съ карниза и пропали безъ вѣсти, а между вышедшими назадъ одинъ оказался раненымъ въ ногу. Изъ строевыхъ лошадей 12 убито и 1 ранена.

Чтобы лично убѣдиться въ степени возможности дальнѣйшаго слѣдованія отряда съ тяжестями черезъ занятую непріятелемъ горную тѣснину, Деннетъ рѣшился произвести рекогносцировку и, на другой день 27 мая, выступилъ далѣе съ 70 челов. стрѣлковъ, оставивъ обозъ на мѣстѣ ночлега подъ прикрытіемъ остальныхъ войскъ. Войдя въ тѣснину, стрѣлки были также встрѣчены камнями и выстрѣлами. Солдаты залегли за каменьями, лежавшими на карнизѣ, и открыли огонь. Не смотря на усилія непріятеля препятствовать рекогносцировкѣ ущелья, путь былъ осмотрѣнъ и оказался до такой степени заваленнымъ камнями, а карнизъ, по которому лѣпилась тропинка, до того сбитымъ, что движеніе вьюковъ было бы невозможно. Вслѣдствіе этого Деннетъ перевалилъ обратно черезъ снѣговой хребетъ, чтобы пройти другою, болѣе удобною дорогой.

Рекогносцировка эта обошлась однакоже не дешево: убито было 4 нижнихъ чина, ранено тяжело 4 человѣка (въ томъ числѣ 1 джигитъ), ранено легко: 1 штабъ офицеръ (самъ Деннетъ), 13 нижнихъ чиновъ и 2 джигита—всего 16. Лошадей ранено 4, убито 2. Такимъ образомъ попытка пройти Янгы-Сабакскимъ ущельемъ обошлась отряду въ 27 человѣкъ убитыми и ранеными и въ 19 лошадей.

Узнавъ объ этомъ изъ донесенія Деннета, Абрамовъ хотѣлъ было сначала занять ущелье силою, для чего и послалъ небольшой отрядъ изъ 40 стрѣлковъ и 10 казаковъ, подъ начальствомъ барона Аминова, съ цѣлію, кажется, доказать, что гдѣ Деннетъ не прошелъ съ 70 стрѣлками, тамъ всякій другой пройдетъ только съ 40; но когда посланные убѣдились въ трудностяхъ, преодолѣнныхъ ура-тюбинскимъ отрядомъ, когда увидѣли, что по крутизнѣ ледяного подъема всѣ тяжести придется переносить на рукахъ, то, не смотря на присланное Абрамовымъ подкрѣпленіе въ 40 чел. стрѣлковъ,—идти далѣе не рискнули и послужили только для содѣйствія отступавшему отряду Деннета, перетащить на рукахъ тяжести, а на арканахъ лошадей и ословъ. 31-го числа отрядъ вернулся въ сел. Тавушъ, гдѣ уже стоялъ Абрамовъ съ 29 числа. Тревожные слухи о враждебныхъ намѣреніяхъ гиссарскаго бека заставили Абрамова отказаться отъ предполагавшагося движенія къ ущелью. Кромѣ того необходимо было еще удержать на время наши гарнизоны въ Варзиминорѣ и Обурданѣ, для наблюденія за горными ущельями и для обезпеченія сообщеній съ Самаркандомъ. Поэтому, 1-го іюня Абрамовъ рѣшился выступить изъ с. Тавушъ, обратно внизъ по Заравшану, и на слѣдующій день прибылъ благополучно въ Обурданъ, встрѣчаемый повсюду весьма доброжелательно...

Въ Обурданѣ отрядъ Деннета снова отдѣлился, и 5-го іюня двинулся прежнимъ путемъ на Аучи. Дальнѣйшая цѣль Деннета

была войти въ Янгы-Сабакское ущелье съ противоположной стороны и примѣрно наказать нападавшихъ на отрядъ 27 мая.

Въ тотъ же день отрядъ Деннета перешелъ высокій Аучинскій перевалъ и прибылъ въ с. Аучи. Часть вьюковъ направлена была отсюда въ Ура-Тюбе, а Деннетъ съ остальною частью своего отряда направился снова горами чрезъ с. Миткъ, Динау и Айдоракъ и 8 іюня прибылъ въ с. Исфана.

Внезапное появленіе русскаго отряда и его быстрое движеніе по гористой мѣстности произвело сильное впечатлѣніе на туземцевъ. Въ Исфана узнали о движеніи русскихъ войскъ только при ихъ появленіи въ виду села. Здѣсь получены были подробныя свѣдѣнія о мѣстопребываніи скопища, осмѣлившагося напасть на отрядъ 27 мая. Оказалось, что шайка находится на урочищѣ Кумбель, противъ Янгы-Саббакскаго ущелья. 9 іюня вечеромъ скопище было настигнуто врасплохъ и совершенно разсѣяно, причемъ захвачено много оружія, фальконетъ и до 1500 головъ скота. 16 человѣкъ мачинцевъ взяты въ плѣнъ и найдены нѣкоторыя вещи, принадлежавшія казакамъ. Данный урокъ былъ вполнѣ необходимъ; невозможно было оставлять туземцевъ въ убѣжденіи, что они могутъ безнаказанно препятствовать русскимъ отрядамъ проходить, гдѣ имъ вздумается.

По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что главные зачинщики враждебныхъ дѣйствій противъ отряда были киргизы родовъ Аувагатъ и Конглы, кочующіе по горамъ Кашгаръ-Даванъ, въ числѣ болѣе 1000 кибитокъ. Кромѣ того въ шайкѣ были джигиты, бѣжавшіе съ мачинскимъ бекомъ *).

12-го числа отрядъ Деннета возвратился въ Исфаны и, послѣ дневки, направился въ Ура-Тюбе, куда и прибылъ 15 числа. Въ теченіе одного мѣсяца своей экспедиціи отрядъ этотъ четыре раза перешелъ снѣговой хребетъ, со всѣмъ обозомъ, черезъ перевалы отъ 12 до 15 тысячъ футовъ высоты.

Возвратимся къ самаркандскому отряду.

Въ Варзиминорѣ Абрамовъ также подарилъ жителямъ замокъ бека или цитадель, которая и была сравнена съ землею. Здѣсь отрядъ пробылъ долѣе предположеннаго срока; оказалось, что гиссарскій бекъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе препятствовать движенію нашего отряда на Искандеръ-Куль и подстрекалъ къ тому мѣстныхъ жителей. Происки его однакоже оказались тщетными, потому что жители, зная всѣ подробности движенія по мачинскимъ землямъ, не имѣли никакой причины опасаться русскаго отряда. Однакоже гиссарцы успѣли сломать мостъ

*) Для подробнаго разъясненія вопроса, кто были зачинщики нападенія 26 и 27 мая, и опредѣленія, въ чьихъ предѣлахъ находится урочище Кумбель, командированъ былъ въ горы полковникъ генеральнаго штаба Дмитровскій.

чрезъ р. Искандеръ-Су, чѣмъ впослѣдствіи отчасти затруднили движеніе отряда. 12 іюня Абрамовъ двинулся, наконецъ, по фанской дорогѣ къ р. Сарвада, куда и прибылъ 13-го, а 15-го былъ уже на озерѣ—Искандеръ—Куль.

Дорога отъ Варзиминора до моста Пули-мулла (15 верстъ)—весьма трудная, идетъ все время по узкимъ карнизамъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно прерываются, замѣняясь деревянными накидными мостиками, крайне опасными. Саперная командапри отрядѣ, подъ начальствомъ подпор. Воронца, работала на этой дорогѣ двое сутокъ и значительно ее исправила, такъ что отрядъ, хотя и съ большимъ трудомъ, но безъ несчастныхъ случаевъ прошелъ по ней. Другая половина дороги къ Искандеръ-Кулю оказалась удобною.

Искандеръ-Куль — небольшое альпійское озеро, лежитъ на высотѣ 7 тысячъ фут. надъ уровнемъ моря. Окружность его не болѣе $10^1/_2$ верстъ. Глубина значительная—болѣе 30 саженъ.

Во все время движенія рекогносцировочнаго отряда, начальнику Самаркандскаго отдѣла, подп. Сѣрову, поручено было тщательно слѣдить за настроеніемъ умовъ въ Магіанѣ и Шахрисябзѣ, какъ владѣніяхъ пограничныхъ съ раіономъ дѣйствія отряда. Населеніе этихъ бекствъ, въ началѣ, оставалось совершено спокойнымъ, такъ что даже почтари наши безпрепятственно проѣзжали къ отряду чрезъ магіанскія владѣнія. Но съ 21 іюня стали появляться тревожные слухи, что жители Кштута вооружаются. Вслѣдствіе этихъ слуховъ, въ Пянджикентъ выслана была, вмѣстѣ съ транспортомъ съ сухарями, 1-я рота 6-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, подъ начальствомъ командира роты штабсъ-капитана Хрущева, которому было приказано, по прибытіи въ Пянджикентъ, извѣстить Абрамова о своемъ прибытіи и ожидать его распоряженій. Вскорѣ отправлена была въ Пянджикентъ еще стрѣлковая рота 9-го Туркестанскаго линейнаго баталіона. Слухи о вооруженіяхъ кштутцевъ оказались справедливыми; въ Самаркандѣ было получено письмо магіанскаго бека Гуссейна *), который извѣщалъ Сѣрова, что онъ предупреждалъ жителей Кштута, чтобы они не выходили съ оружіемъ противъ отряда Абрамова; но жители отвѣчали ему, что они намѣрены драться, „а тамъ—что Богъ дастъ!“

По извѣстіямъ, полученнымъ въ Самаркандѣ, всѣ жители Кштутской долины вооружились и собрались къ Кштуту, куда прибыли также нѣкоторые изъ ургутскихъ жителей, нашихъ подданныхъ. Отрядъ, высланный въ Пянджикентъ, тщательно

*) Магіанскій бекъ все время сносился съ Абрамовымъ, увѣряя въ своей преданности русскимъ и въ полномъ повиновеніи русскому государю.

слѣдилъ за всѣми слухами; при первомъ извѣстіи о движеніи Абрамова къ Кштуту, Сѣрову предписано было идти къ нему на помощь.

Во время стоянки отряда Абрамова, на озерѣ была произведена рекогносцировка перевала Мура къ сторонѣ Гиссара. 18 числа отрядъ вернулся въ кр. Сарвода, откуда 24 числа отрядъ (1 рота, 3 орудія, 8 ракетныхъ станковъ и казачья сотня) выступилъ къ Кштуту (часть магіанскихъ владѣній). На первомъ же переходѣ къ отряду прибылъ джигитъ, посланный еще наканунѣ съ почтою въ Самаркандъ. Джигитъ этотъ былъ совершенно ограбленъ, а почта отъ него отобрана магіанскимъ бекомъ, который велѣлъ зарѣзать приказчика купца Филатова и задержалъ другого джигита, а самъ увѣдомлялъ, что лично онъ былъ бы радъ пропустить нашъ отрядъ, но не ручается за народъ, такъ какъ жители Кштута вооружились въ числѣ 3,000 челов. и не слушаются его приказаній, и что поэтому онъ совѣтуетъ отряду, во избѣжаніе схватки, вернуться прежнею дорогою, чрезъ фанскія и фальгарскія земли. Посовѣтовавъ беку успокоить народъ, Абрамовъ потребовалъ у него возвращенія захваченныхъ джигитовъ и почты, съ угрозою строго наказать за сопротивленіе.

Не доходя до перевала, отрядъ остановился на ночлегъ и на другой день, въ 9 час. утра, благополучно достигъ вершины перевала, возвышающейся на 10,000 ф. надъ ур. моря. По собраннымъ заранѣе свѣдѣніямъ, самая трудная часть дороги чрезъ Кштутское ущелье была при самомъ его началѣ, версты на двѣ съ половиною. Въ этомъ мѣстѣ ущелье крайне тѣсно, горы высоки и возвышаются почти отвѣсно. Далѣе ущелье расширяется и весьма удобно для движенія отряда. Зная о предстоящемъ сопротивленіи, Абрамовъ не ввелъ въ ущелье отрядъ, а рѣшился прежде удостовѣриться, насколько оно свободно. Поэтому командиръ стрѣлковой роты 3 линейнаго баталіона шт.-кап. Шороховъ былъ отправленъ съ 40 стрѣлками на Куликаланскія высоты, окаймляющія ущелье слѣва, а шт.-ротм. л-гв. уланскаго полка баронъ Аминовъ, также съ 40 стрѣлками, посланъ былъ на горы съ правой стороны ущелья. Имъ приказано было осмотрѣть ущелье и, если въ немъ находится непріятель, постараться выгнать его. Остальной отрядъ остановился близъ входа въ ущелье.

Едва команда Шорохова подошла къ подошвѣ горы, какъ на покатости ея, за камнями, замѣтила довольно много народа, слѣдившаго за отрядомъ. Какъ только Шороховъ сталъ взбираться на гору, непріятельскіе наблюдательные посты бросили закрытія и поспѣшно скрылись за гребнемъ.

Подъемъ на Куликаланскія высоты оказался чрезвычайно труднымъ, длина подъема до гребня—не менѣе 500 саж., а крутизна—около 35°. По такой крутой горѣ невозможно было идти скоро.

и въ часъ времени команда Шорохова едва успѣла пройти 1/3 пути. Въ это время непріятель сталъ показываться на гребнѣ, а черезъ полчаса на горахъ собралось уже большое скопище, съ 7 значками. Въ 11½ часовъ, съ гребня раздался первый выстрѣлъ, и вслѣдъ затѣмъ открылся весьма частый огонь по всей линіи.

Подъемъ на горы съ правой стороны ущелья былъ еще затруднительнѣе; однакоже команда барона Аминова взобралась на него, хотя и съ большимъ трудомъ. Такъ какъ на правой сторонѣ ущелья замѣчено было только нѣсколько одиночныхъ людей, большого же скопленія непріятеля не оказалось, то Абрамовъ отозвалъ барона Аминова къ резерву.

Когда открыли огонь съ гребня горы, Абрамовъ нашелъ нужнымъ, лѣвѣе Шорохова, направить на Куликаланскія высоты еще 30 стрѣлковъ и одинъ ракетный станокъ съ поручикомъ Воронцомъ. Въ то же время введена была съ дѣло состоявшая при отрядѣ артиллерія. Лично выбравъ для нея позицію, Абрамовъ приказалъ командиру взвода штабсъ-капитану Пистолькорсу бросать гранаты за гребень горы. Эта стрѣльба гранатами была весьма удачна: послѣ каждаго выстрѣла непріятельская стрѣльба тотчасъ ослабѣвала, хотя и не надолго. Тѣмъ не менѣе это значительно облегчало движеніе, взбиравшихся на гору командъ. Въ это время, находясь на батареѣ, Абрамовъ получилъ извѣстіе, что Шороховъ раненъ, но не смотря на то, продолжаетъ наступленіе. Абрамовъ послалъ на смѣну его капитана Гребенкина, давъ ему тоже 40 стрѣлковъ и приказавъ двигаться какъ можно быстрѣе. Стрѣльба непріятеля въ это время еще болѣе усилилась. Вызвавъ на позицію второе орудіе взвода и приказавъ участить стрѣльбу, Абрамовъ послалъ еще 20 казаковъ 9-й Уральской сотни, съ камандиромъ сотни есауломъ Чеботаревымъ; команда эта при подъемѣ на гору догнала Гребенкина и присоединила къ себѣ его партію. Уральцы быстро побѣжали на гору и, не смотря на трудность подъема, въ 3/4 часа были уже на одной линіи съ пѣхотой. Вслѣдъ за казаками Абрамовъ самъ поѣхалъ на гору. Всѣ партіи наши взбирались быстро и не останавливались ни на минуту, не смотря на учащенный огонь и градъ камней, катившихся съ горы. Вскорѣ наши партіи были уже въ 30 саж. отъ вершины и съ крикомъ „ура!“ бросились на гребень. Непріятель не дождался натиска и бѣжалъ. Въ 3 часа пополудни гора была занята. Почти всѣ партіи достигли до гребня одновременно, но прежде всѣхъ молодцы-уральцы, пущенные послѣдними.

Въ 5 часовъ пополудни, Абрамовъ съ уральскими казаками спустился внизъ и, пройдя боковымъ ущельемъ, остановился на ночлегъ верстахъ въ 4 отъ мѣста расположенія остальнаго от-

ряда, оставшагося подъ начальствомъ есаула Принца. Отрядъ этотъ 26 числа прошелъ совершенно спокойно по очищенному отъ непріятеля ущелью. Единственною задержкою была разборка баррикадъ, устроенныхъ непріятелемъ въ узкихъ мѣстахъ ущелья въ томъ предположеніи, что русскіе будутъ пытаться прорваться силою чрезъ ущелье, а не пойдутъ въ обходъ.

Потеря наша, при штурмѣ Куликаланскихъ высотъ, была слѣдующая: убитыхъ 5, раненыхъ 30 и контуженныхъ 2 человѣка. Въ числѣ раненыхъ былъ и Шороховъ (пулею въ переносье, около глаза). По собраннымъ свѣдѣніямъ и показаніямъ плѣнныхъ, непріятель былъ въ числѣ до 2000 человѣкъ; ружей и фальконетовъ у непріятеля было до 600. Начальниками непріятельскаго скопища были: бекъ кштутскій Шады-бекъ и бекъ фарапскій Саидъ-бекъ. Скопище состояло изъ жителей Магіана, Фарапа, а преимущественно Кштута. 300 человѣкъ шахрисябцевъ не поспѣли ко времени дѣла. Слухъ, что къ скопищу присоединились нѣкоторые жители нашихъ пограничныхъ городовъ: Ургута и Пянджикента, оказался справедливымъ. Магіанскій бекъ, хотя въ сопротивленіи и не участвовалъ, но, какъ оказалось изъ перехваченной переписки,—только по случаю болѣзни. Онъ помогалъ Шады-беку лишь своими наставленіями и совѣтами.

Хотя и не было фактическаго доказательства участія шахрисябцевъ въ дѣлѣ, но положеніе, принятое беками, относительно насъ, появленіе шаекъ на границахъ, нападеніе разбойника Айдара-ходжи на казаковъ близъ Аксая и другіе случаи враждебнаго настроенія шахрисябцевъ противъ русскихъ, говорили, конечно, не въ ихъ пользу.

Сопротивленіе, оказанное жителями Кштута отряду, не причинявшему жителямъ ни малѣйшаго зла, требовало примѣрнаго наказанія. Примѣръ строгости въ данномъ случаѣ, какъ для нихъ, такъ и для другихъ сосѣдей, былъ настоятельно необходимъ, а потому Абрамовъ сжегъ и разрушилъ всѣ кишлаки, отъ ущелья, гдѣ происходило дѣло, до нашей границы; крѣпость Кштутъ была взорвана и сожжена, начальникамъ отдѣловъ предложено было прекратить всѣ сношенія съ магіанскимъ бекомъ, а жителямъ Магіана воспрещенъ пріѣздъ на базары Заравшанскаго округа.

Во время слѣдованія отряда отъ Кштута къ Пянджикенту, прибылъ къ отряду бывшій мачинскій бекъ Падша-Ходжа, съ просьбою принять его подъ покровительство русскихъ. Абрамовъ успокоилъ его, сказавъ, что такъ какъ онъ не принималъ участія въ происшедшихъ нападеніяхъ на отрядъ, то и не имѣетъ причины опасаться чего-либо худого со стороны русскихъ. Оказалось, однакоже, что по удаленіи русскаго отряда изъ Польдорака, мачинцы не хотѣли уже признать Падша-Ходжу своимъ бекомъ

и, озлобленные его злоупотребленіями, не дозволили ему даже жить въ Польдоракѣ, хотя бы частнымъ человѣкомъ.

Нельзя не отдать полной справедливости войскамъ Ура-Тюбинскаго и Заравшанскаго отрядовъ, боровшимся въ этой альпійской странѣ съ неимовѣрными трудностями. Узкіе карнизы, извивавшіеся по краю пропастей, грозили поставить отряды въ безвыходное положеніе, и потому дѣйствія Деннета и Абрамова, выславшихъ впередъ небольшія части, были вполнѣ умѣстны, избавивъ войска отъ напрасныхъ жертвъ. Можно замѣтить только, что Деннету выгоднѣе было бы попытаться взобраться на высоту, не доходя непріятельской засады, что съ пѣшими стрѣлками и налегкѣ, вѣроятно, было бы возможно. Лѣпясь же по карнизу, наши войска, конечно, должны были играть чисто страдательную роль, не будучи въ состояніи ни укрыться отъ камней и пуль, ни отвѣчать огнемъ. Зато послѣдующія дѣйствія Деннета: обходъ другимъ ущельемъ въ тылъ непріятельскихъ скопищъ, нападеніе на нихъ врасплохъ и кровавая тризна, имъ заданная,—заслуживаютъ полной похвалы. Коканскій ханъ, подданные котораго участвовали въ нападеніи, строго взыскалъ съ нихъ и прислалъ въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ въ отрядѣ Деннета 5000 р. с., такъ что каждый тяжело раненый получилъ по 300 р., легко раненый по 50 р., а семейства убитыхъ по 600 руб.

Съ самаго начала открытія нашихъ военныхъ дѣйствій противъ Бухары въ 1865 г., жители Шахрисябза приняли большое участіе въ войнѣ, выставляя въ бухарскія войска сарбазовъ, которые всегда считались лучшимъ войскомъ и лучшими стрѣлками эмира. Предпріимчивость шахрисябзскихъ бековъ сдѣлала намъ много вреда въ компанію 1868 г. Пользуясь выступленіемъ изъ Самарканда, въ началѣ іюня 1868 г., большей части войскъ дѣйствовавшаго отряда, для встрѣчи арміи бухарскаго эмира, собиравшейся близъ Катты-Кургана, беки эти, Баба-бій и Джурабій, постоянно увѣрявшіе насъ въ дружбѣ, подступили къ Самаркванду, возмутили его жителей и вмѣстѣ съ ними, въ продолженіе семи дней, нападали на цитадель, геройская защита которой извѣстна всему свѣту.

Славный бой подъ Зарабулакомъ и заключеніе затѣмъ мирнаго договора съ эмиромъ, вынудили шахрисябцевъ, скрывшихся въ свои владѣнія, прекратить съ нами вражду и хотя на время затаить свою непріязнь. Неотлагательное наказаніе шахрисябцевъ, за дерзкое покушеніе ихъ на Самаркандъ, представлялось тогда дѣломъ полезнымъ; но они имѣли оправданіемъ зависимость свою отъ Бухары, которой обязаны были помогать въ войнахъ.

Однакоже съ окончаніемъ войны оказалось, что власть эмира вовсе не признается шахрисябцами и, слѣдовательно, въ 1868 году они дѣйствовали по доброй волѣ, а не по обязанности.

Шахрисябзскіе беки безпрестанно возмущали подданныхъ эмира, помогали мятежному сыну его Катты-Тюрѣ и довели эмира до того, что осенью 1869 года, онъ обратился къ намъ съ просьбою помочь ему наказать шахрисябцевъ и выгнать бековъ.

Невыгодная для положенія нашего въ Самаркандѣ, близость такихъ безпокойныхъ сосѣдей сильно говорила въ пользу исполненія просьбы эмира, но беки держали себя въ то время относительно насъ безукоризненно: немедленно исполняли въ точности всѣ наши требованія по недоразумѣніямъ въ торговыхъ дѣлахъ; свободно пропускали караваны; выдавали нашихъ бѣглыхъ и скрывавшихся у нихъ преступниковъ и вообще выказывали желаніе находиться съ нами въ самыхъ мирныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ. Поэтому просьба эмира о наказаніи шахрисябцевъ была отклонена, въ видахъ сохраненія спокойствія на границахъ округа и избѣжанія войны безъ крайней надобности. Послѣдствія заставили однако пожалѣть объ этомъ.

Во время экспедиціи генералъ-маіора Абрамова къ верховьямъ Заравшана, начали появляться, на границѣ съ Шахрисябзомъ, мелкія шайки разбойниковъ. Одна изъ нихъ, бывшая, какъ тогда думали, подъ начальствомъ Айдара-Ходжи, напала изъ засады на казачью команду изъ 7 человѣкъ, посланную изъ Самарканда къ собиравшему на границѣ зякетъ нашему чиновнику; при этомъ у насъ убито два и ранено три казака. На требованіе о выдачѣ Айдара-Ходжи, беки отвѣчали, что шайкою предводительствовало другое, ничтожное лицо, а что Айдара-Ходжи въ шахрисябзскихъ владѣніяхъ нѣтъ; на дальнѣйшія же письма и требованія Абрамова беки и вовсе перестали отвѣчать. Между тѣмъ число пограничныхъ шаекъ и дерзость ихъ стали увеличиваться; шахрисябцы не довольствовались уже сборомъ зякета съ нашихъ пограничныхъ кишлаковъ и угономъ ихъ стадъ; они стали требовать уже возвращенія Шахрисябзу пограничныхъ кишлаковъ; грабежи и убійства въ Заравшанскомъ округѣ до того усилились, что волненіе въ сельскомъ населеніи сдѣлалось общимъ; жители громко указывали на шахрисябцевъ, какъ виновниковъ всѣхъ бѣдствій; взносъ податей остановился; пограничные кишлаки опустѣли.

Такое положеніе дѣлъ, очевидно, не могло быть терпимо, и генералъ фонъ-Кауфманъ вынужденъ былъ поручить Абрамову овладѣть главными городами: Шаремъ и Китабомъ, выгнать оттуда враждебныхъ намъ бековъ, а затѣмъ пригласить эмира принять страну въ свое владѣніе. По предварительно собраннымъ свѣдѣніямъ, августъ мѣсяцъ былъ самый удобный для экспедиціи въ Шахрисябзъ, ибо въ это время мѣстные жители занимаются уборкою хлѣба. При отсутствіи въ Шахрисябзѣ приготовленій къ войнѣ, при невозможности съ ихъ стороны вооружить

наскоро большое число защитниковъ, неожиданность и быстрота движенія къ Китабу, были главными условіями успѣха.

До 6-го августа предположеніе о движеніи въ Шахрисябзъ содержалось въ строгомъ секретѣ. Затѣмъ, въ исполненіе сдѣланныхъ распоряженій, шахрисябзскій отрядъ выступилъ изъ Самарканда подъ начальствомъ Абрамова двумя колоннами.

Правая, подъ начальствомъ полковника Михаловскаго изъ баталіона пѣхоты, 10 орудій, 6 ракетныхъ станковъ и двухъ сотенъ казаковъ, выступила изъ Самарканда 7-го августа и въ два перехода (65 верстъ) дошла до Джама.

Лѣвая колонна, подъ начальствомъ подполковника Соковнина, состояла изъ 4 ротъ, 2 горныхъ орудій, 2 ракетныхъ станковъ, и полусотни казаковъ; она выступила изъ Самарканда 9-го августа и направилась кратчайшею дорогою на Китабъ, черезъ горы, Кара-Тюбинскимъ ущельемъ.

Шахрисябзскій отрядъ, сформированный такимъ образомъ изъ 9 ротъ, 12 орудій, 8 ракетныхъ станковъ, $2^1/_2$ сотенъ казаковъ, имѣлъ 10-дневный запасъ провіанта и полтора комплекта зарядовъ и патроновъ. Обозъ въ правой колоннѣ, былъ арбяной, въ лѣвой вьючный.

Для охраненія въ Джамѣ, подвезеннаго туда запаса провіанта, это селеніе было занято предварительно 2 ротами пѣхоты, которыя въ то же время составляли и небольшой резервъ.

Наканунѣ выступленія правой колонны, Абрамовъ послалъ эмиру извѣщеніе о предпринятомъ движеніи на Китабъ. Для подкрѣпленія дѣйствующаго отряда въ случаѣ надобности, были направлены три роты изъ укр. Ключеваго въ Самаркандъ (6 августа), двѣ роты изъ укр. Чиназа въ Ключевое (7 августа) и 2-й стрѣлковый баталіонъ изъ Ташкента въ Самаркандъ (5 августа *).

Слѣдуя при правой колоннѣ, Абрамовъ 11 августа, утромъ, дошелъ уже до сел. Макрытъ въ Шахрисябзской долинѣ. Жители попутныхъ кишлаковъ находились на своихъ мѣстахъ и занимались домашними работами, но при дальнѣйшемъ движеженіи колонны Михаловскаго, того же числа, отъ Макрыта къ Урусъ-Кишлаку, показались со стороны Китаба партіи конныхъ шахрисябцевъ, которыя, пропустивъ колонну и собравшись въ толпу, открыли пальбу по обозу и аріергарду, но были разсѣяны боевыми ракетами и огнемъ правой цѣпи колонны.

Къ 5-ти часамъ пополудни, 11 августа, колонна Михаловскаго достигла садовъ Урусъ-Кишлака, отстоящихъ на $2^1/_2$ версты отъ наружной шахрисябзской стѣны **). Къ вечеру того же числа, на

*) Войска эти возвращены на свои квартиры по окончаніи экспедиціи.

**) Города Шарь и Китабъ съ нѣкоторыми другими кишлаками и курганчами (крѣпостцами) окружены одною общею наружною стѣною; затѣмъ каждый изъ этихъ городовъ имѣетъ особую внутреннюю городскую стѣну, и кромѣ того еще цитадель.

мѣсто ночлега правой колонны прибыла и лѣвая, Соковнина, изъ Кара-Тюбинскаго ущелья, куда ей было послано приказаніе присоединиться къ главному отряду.

Съ утра, 12 августа, противъ праваго фланга нашей позиціи начали показываться толпы непріятеля, которыя, подойдя на ружейный выстрѣлъ, открыли пальбу по отряду, но были отогнаны огнемъ стрѣлковой цѣпи.

Въ 9 часовъ утра, 12 августа, Абрамовъ съ ротою пѣхоты, 20-ю казаками и 2-мя ракетными станками, офицерами генеральнаго штаба и нѣкоторыми начальниками частей выѣхалъ на рекогносцировку китабскихъ укрѣпленій. Осмотрѣвъ ихъ съ высокаго кургана Алимбекъ (въ 350 саженяхъ отъ наружной стѣны) и предположивъ аттаковать стѣну двумя штурмовыми колоннами по обѣ стороны воротъ Раватакъ, Абрамовъ указалъ мѣста для пробитія двухъ брешей. Затѣмъ предпринята была рекогносцировка для выбора мѣста брешь-батарей.

Сильный огонь изъ орудій и фальконетовъ, открытый непріятелемъ по рекогносцировочному отряду, понудилъ Абрамова вызвать изъ лагеря 2 нарѣзныхъ орудія и обстрѣлять стѣну. Огонь этихъ двухъ орудій и движеніе ракетной команды заставили непріятеля обнаружить всю свою защиту и дали возможность сосчитать всѣ его орудія, безъ потери съ нашей стороны (кромѣ нѣсколькихъ лошадей). Противъ ракетной команды, прикрывавшей лицъ, выбиравшихъ мѣсто для лѣвой брешь-батареи и подошедшихъ къ стѣнѣ на 80 саженъ, выѣхала конная толпа изъ садовъ, прилегавшихъ къ бугру Алимбекъ, и открыла по нимъ огонь, но была разсѣяна нѣсколькими ракетами. Осмотрѣвъ подробно мѣстность и назначивъ мѣста брешь-батарей, рекогносцировочный отрядъ вернулся въ лагерь.

Брешь-батареи предположено было заложить въ предстоявшую ночь; двумъ ротамъ, переведеннымъ въ Урусъ-Кишлакъ, приказано немедленно заготовить лѣстницы, туры и фашины; затѣмъ сформированы были штурмовыя колонны. Въ правую, подъ начальствомъ Михаловскаго, назначены 3 роты, 5 орудій и 2 ракетныхъ станка; въ лѣвую, подъ начальствомъ Соковнина, 3 роты, 4 орудія полевыхъ и 2 горныхъ.

Въ резервъ штурмовыхъ колоннъ, къ кургану Алимбекъ, назначены: одна рота, одно орудіе и $2^1/_2$ казачьи сотни, подъ начальствомъ есаула Принца.

Въ лагерѣ, на позиціи отряда въ садахъ Урусъ-Кишлака, оставлены обозъ и паркъ, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ при 20-ти казакахъ, подъ начальствомъ поручика Гомзина.

Вечеромъ, съ наступленіемъ темноты, пѣхота штурмовыхъ колоннъ двинулась на показанныя имъ мѣста, для постройки брешь батарей Проходя черезъ Урусъ-Кишлакъ, войска принимали при-

готовленныя лѣстницы, туры, фашины и инструменты. Пользуясь темнотою ночи и соблюдая совершенную тишину, колонны приступили къ постройкѣ брешь-батарей и работали безъ выстрѣла. Батарея Михаловскаго (А.) поставлена въ 220, а батарея Соковнина (Б.) въ 78 саженяхъ отъ наружной стѣны.

Въ продолженіе ночи, брешь-батареи были окончены, вооружены и съ разсвѣтомъ, 13 августа, открыли огонь, частью по башнямъ наружной стѣны, занятой непріятельскими орудіями, частью по мѣстамъ, указаннымъ для брешей. Непріятель отвѣчалъ сильнымъ огнемъ изъ орудій и фальконетовъ, въ особенности противъ батареи Соковнина, куда сосредоточены были три непріятельскихъ батареи 4-я, 5-я и 6-я, всего 8 орудій.

Вся наружная стѣна между этими батареями была занята стрѣлками, которые ружейнымъ огнемъ еще усиливали дѣйствительность артиллерійскаго. Чтобы ослабить дѣйствіе этого огня, Абрамовъ приказалъ полковнику Соковнину, разсыпать стрѣлковъ впереди и влѣво отъ батареи, по небольшому оврагу. Соковнинъ принялъ лично на себя исполненіе этого приказанія и, замѣтивъ, что назначенные для занятія оврага стрѣлки стали перебѣгать на лежащее впереди кладбище, хотя и представляющее удобное закрытіе, но весьма близкое къ городской стѣнѣ, пошелъ на это кладбище, чтобъ вернуть стрѣлковъ, но при этомъ былъ тяжело раненъ двумя пулями въ грудь и въ ногу. Храбрый кавказскій ветеранъ, носившій уже неизлѣчимую рану въ груди еще съ Кавказа, не перенесъ новыхъ ранъ и, пострадавъ нѣсколько мѣсяцевъ, скончался въ Самаркандѣ.

Огонь батареи Соковнина былъ направленъ, по приказанію Абрамова, по бреши, которая далеко еще не была удовлетворительна, и по башнѣ № 5, которая въ особенности вредила брешь-батареѣ.

Замѣтивъ правѣе башни № 5 устье рва, входящаго, какъ казалось издали, черезъ наружную стѣну въ сады, окружающіе Китабъ, а правѣе этого устья, тотчасъ же за стѣной, большой курганъ, командовавшій всѣмъ фронтомъ непріятельской обороны, и находя занятіе этого кургана весьма выгоднымъ, Абрамовъ поручилъ капитану Гребенкину, съ одной ротою, спуститься къ руслу Кашка-Дарьи и, пройдя до указаннаго мѣста, осмотрѣть его, а если бы оказалось возможнымъ, то и занять курганъ за стѣною. Для поддержанія Гребенкина, въ случаѣ надобности, назначена была другая рота.

Гребенкинъ спустился въ русло рѣчки и, не смотря на сильный ружейный огонь, быстро двинулся съ ротою къ устью рва; оказалось, что ровъ этотъ не проходитъ въ городъ, а идетъ вдоль самой стѣны, и что курганомъ, лежащимъ по ту сторону стѣны, очевидно, невозможно было овладѣть безъ большой потери; Гре-

бенкинъ долженъ былъ вернуться къ батареѣ; пришлось отказаться отъ штурма въ этомъ пунктѣ иначе, какъ черезъ брешь. Такимъ образомъ первый, случайный штурмъ, днемъ 13 августа, не имѣлъ успѣха.

Брешь однако подвигалась, но весьма медленно, не смотря на значительное количество употребленныхъ на это зарядовъ *).

На брешь-батареѣ Соковнина, Абрамовъ былъ легко раненъ пулею въ животъ; большая часть нашей потери подъ Китабомъ понесена также на этой батареѣ; тутъ же, при осмотрѣ рва Гребенкинымъ, убитъ 9-го линейнаго баталіона, прапорщикъ Козловскій.

Между тѣмъ, поставленное на нашемъ курганѣ Алимбекъ, нарѣзное орудіе дѣйствовало весьма успѣшно противъ башни у воротъ Раватанъ, значительно ослабивъ огонь ея и сбивъ часть орудій.

На брешь-батареѣ Михаловскаго, положеніе дѣла было вполнѣ удовлетворительно; брешь была почти готова, и доступъ къ ней былъ уже достаточно удобенъ. Артиллерійскій огонь непріятеля съ этой стороны, хотя и былъ силенъ, но значительно слабѣе, чѣмъ противъ батареи Соковнина.

Полагая, что оборонительныя средства защитниковъ Шахрисябза, захваченныхъ почти врасплохъ, могутъ съ каждымъ часомъ усиливаться, и что откладываніе штурма, въ ожиданіи пробивки обѣихъ брешей, могло только затруднить и усложнить дѣло, Абрамовъ рѣшился, не ожидая бреши Соковнина, штурмовать наружную стѣну только правою колонною, а дѣйствіемъ лѣвой колонны, въ то же время, развлечь только силы и вниманіе непріятеля.

Съ наступленіемъ ночи, колонна Михаловскаго была усилена двумя ротами и горнымъ орудіемъ изъ лѣвой колонны, а штурмъ назначенъ въ $3^1/_2$ часа утра; за $^3/_4$ часа до штурма, приказано открыть съ лѣвой брешь-батареи усиленную пальбу по городу.

Штурмовая колонна Михаловскаго была раздѣлена на двѣ части. Въ головную, подъ личнымъ его начальствомъ, назначены 3 роты и 2 ракетныхъ станка; вслѣдъ за ней, въ видѣ резерва, должна была идти одна рота и взводъ при горномъ орудіи и 2-хъ ракетныхъ станкахъ. По занятіи бреши Михаловскому приказано было направиться лѣвѣе, на главную дорогу, ведущую отъ воротъ къ Китабу, и идти къ его цитадели.

Подполковнику Раевскому, заступившему мѣсто Соковнина, приказано, послѣ канонады, занять стѣну съ $1^1/_2$ роты и однимъ горнымъ орудіемъ, только тогда, когда колонна Михаловскаго

*) Впослѣдствіи оказалось, что стѣна здѣсь болѣе значительной толщины и большую часть ея высоты составляетъ самая круча рва, по краю котораго стѣна возведена.

войдетъ уже въ городъ, и огонь непріятельскихъ батарей ослабѣетъ.

Одна рота, приведенная изъ лагеря, должна была расположиться у правой брешь-батареи, на всякій случай.

Между тѣмъ непріятель всю ночь шумно праздновалъ побѣду и никакъ не ожидалъ повторенія штурма, и притомъ такъ скоро.

Въ 3½ часа утра, 14 августа, съ открытіемъ пальбы по городу съ лѣвой брешь-батареи, головная часть колонны полковника Михаловскаго, имѣя въ первой линіи двѣ роты (при каждой по двѣ лѣстницы), а во второй одну роту съ шанцевымъ инструментомъ и ракетными станками, въ глубокой тишинѣ и совершенномъ порядкѣ, прошла незамѣченною все разстояніе отъ брешь-батареи почти до самой стѣны. Непріятель открылъ сильный ружейный огонь только тогда, когда колонна переходила послѣдній рукавъ рѣчки, подъ самой стѣной.

Подъ градомъ пуль, съ крикомъ „ура“, лѣстницы были поставлены частью къ бреши, частью къ самой стѣнѣ. Массы непріятеля успѣли занять гребень атакуемой стѣны, но тотчасъ бѣжали, какъ только показались на ней первые штыки. Большая часть штурмующей колонны направилась съ Михаловскимъ по указанному направленію влѣво, на большую дорогу въ цитадель, и, встрѣтивъ группу саклей со складомъ клевера, подожгла ихъ и тѣмъ освѣтила себѣ дорогу; другая съ маіоромъ Полторацкимъ кинулась вправо по стѣнѣ, сбросила съ башни два орудія, зажгла сакли и вернулась къ бреши, куда въ это время уже подоспѣлъ и резервъ. Собравъ на бреши разсыпавшихся солдатъ и пристроивъ ихъ къ резерву, Полторацкій пошелъ на соединеніе съ Михаловскимъ.

Узнавъ, что колонна Михаловскаго ворвалась въ городъ и двигается указаннымъ направленіемъ, Абрамовъ, находившійся на правой брешь-батареѣ, приказалъ есаулу Принцу, со сотнями резерва, разломать и занять ворота Раватакъ. Хотя казаки и были встрѣчены артиллерійскимъ огнемъ, но Принцъ исполнилъ порученіе быстро и вполнѣ успѣшно: въ 10 минутъ ворота были разломаны и заняты казаками. Тогда Абрамовъ, видя, что бо́льшая часть атакованной стѣны занята уже нами, послалъ приказаніе Раевскому прекратить пальбу съ лѣвой брешь-батареи, и если непріятель слабо занимаетъ стѣну, штурмовать ее. Черезъ ¼ часа крикъ „ура“, изъ колонны Раевскаго показалъ, что стѣна занята; непріятель не оказалъ съ этой стороны почти никакого сопротивленія. Взойдя на неоконченную брешь, Раевскій немедленно направился вправо по стѣнѣ, перестрѣливаясь съ непріятелемъ, засѣвшимъ въ сосѣднихъ улицахъ и садахъ, дошелъ до воротъ Раватакъ, занятыхъ уже Принцомъ, и двинулся по большой дорогѣ въ Китабъ, на соединеніе съ Михаловскимъ, который

между тѣмъ медленно подвигался по этой дорогѣ, къ городской Китабской стѣнѣ.

Узкія улицы между садами были наполнены бѣжавшими шахрисябцами, которые въ совершенномъ смятеніи, въ потьмахъ, натыкались изъ боковыхъ переулковъ на колонну; поэтому въ улицахъ происходила не только перестрѣлка, но и частыя схватки холоднымъ оружіемъ *).

Дойдя до просторной площадки на перекресткѣ улицъ, Михаловскій остановился, чтобъ дождаться разсвѣта, а покуда зажегъ кругомъ склады сухого клевера, чтобъ освѣтить мѣстность. Здѣсь по сигналамъ головной колонны нашелъ ее и присоединился Полторацкій, шедшій съ такими же затрудненіями, другою дорогой. Ожидая сопротивленія на городской стѣнѣ Китаба, Михаловскій послалъ гвардіи штабсъ-ротмистра Аминова, съ ротою пѣхоты, узнать, гдѣ находится колонна Раевскаго; Аминовъ встрѣтилъ на пути еще толпу конныхъ шахрисябцевъ, которыхъ разогналъ выстрѣлами. По соединеніи всѣхъ колоннъ войска устроились, уравняли патроны и собрали раненыхъ. Здѣсь Михаловскій получилъ приказаніе Абрамова, — принять команду надъ всѣми войсками, перешедшими за наружную стѣну, и занять Китабъ, а Раевскаго послать занять ворота Раватакъ, куда отправить и раненыхъ.

Когда колонна Михаловскаго уже перешла наружную стѣну и двинулась къ городу, шахрисябцы собрались въ довольно большомъ числѣ у башни № 1 и открыли сильный огонь по правой брешь-батареѣ. Абрамовъ командировалъ съ этой батареи капитана Гребенкина съ одною ротой, приказавъ ему сбить непріятеля со стѣны и очистить башню; Гребенкинъ вошелъ на стѣну черезъ брешь и, повернувъ направо, быстро атаковалъ непріятеля съ фланга, разогналъ его, очистилъ башню, сбросилъ орудія въ ровъ и вернулся на брешь-батарею.

Послѣ того непріятель дѣлалъ еще попытки къ сопротивленію, собирался большими толпами вблизи брешь-батарей, но каждый разъ былъ разгоняемъ выстрѣлами.

Приведя свой отрядъ въ порядокъ на сборномъ пунктѣ, Михаловскій, съ 4-мя ротами, 3-мя горными, однимъ коннымъ орудіемъ и 4-мя ракетными станками, направился къ городской Китабской стѣнѣ. У воротъ этой стѣны, отрядъ былъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ. Обстрѣлявъ, защищавшія ворота, башенки и самыя ворота картечью и гранатами, Михаловскій приказалъ атаковать стѣну. Стрѣлковая рота 3-го баталіона, съ крикомъ „ура“ бросилась на стѣну лѣвѣе воротъ, перелѣзла черезъ нее подъ огнемъ и отворила ворота.

---

*) Михаловскій раненъ здѣсь саблею въ голову, легко.

Войдя въ Китабъ, отрядъ уже не встрѣчалъ непріятеля и дошелъ до брошенной цитадели безъ выстрѣла.

Принцъ съ казаками, въ началѣ движенія, былъ посланъ для сбора всѣхъ орудій на атакованной части наружной стѣны.

Казаки были встрѣчены выстрѣлами наткнувшейся на нихъ большой конной партіи шахрисябцевъ, но она была разсѣяна атакою одной сотни.

Въ 8 часовъ утра все уже было кончено. За усталостью войскъ, движеніе въ г. Шарь было отложено до слѣдующаго дня, хотя съ занятіемъ Китаба городъ этотъ прислалъ депутацію съ изъявленіемъ покорности.

По показаніямъ плѣнныхъ, мы имѣли дѣло лишь съ 8 тысячами защитниковъ, но Джура-бій и Баба-бій (по словамъ новыхъ бековъ, присланныхъ бухарскимъ эмиромъ) могли бы выставить до 13 тысячъ вооруженныхъ, какъ дѣлали это не разъ противъ эмира, если бы движеніе нашего отряда не было такъ неожиданно, и потому если бы они имѣли время приготовиться.

Потерю шахрисябцевъ одними убитыми въ день штурма опредѣляютъ до 600 человѣкъ.

Съ нашей стороны убито: оберъ-офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 18; ранено: генералъ 1, штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 3; нижнихъ чиновъ 101. Изъ нихъ тяжело ранены 59 человѣкъ; легко — 42; изъ офицеровъ тяжело раненъ одинъ Соковнинъ; раны генерала Абрамова (въ животъ) и маіора Меллера-Закомельскаго (въ лобъ) могли быть весьма опасными при другихъ пуляхъ. Здѣсь нерѣдко попадаются пули изъ гороху, облитаго свинцомъ. Туземцы дѣлаютъ это по недостатку въ металлѣ, ссылаясь на примѣръ русскихъ, которые, по ихъ мнѣнію, не смотря на свое богатство, тоже дѣлаютъ пули пустыя внутри *).

Трофеи наши состояли изъ 4 значковъ, 29 орудій, множества фальконетовъ, холоднаго оружія и значительнаго склада артиллерійскихъ припасовъ.

15 числа Абрамовъ посѣтилъ гор. Шарь; жители встрѣтили его за три версты отъ города. Объявивъ имъ, что, по приказанію главнаго начальника, шахрисябзскія владѣнія будутъ переданы законному государю, эмиру бухарскому, Абрамовъ предложилъ жителямъ возвратиться въ свои дома, и ожидать прибытія новыхъ бековъ, назначенныхъ эмиромъ. Осмотрѣвъ укр. Даякъ, находящееся также внутри общей стѣны, Абрамовъ вернулся въ Китабъ и нашелъ тамъ бековъ черакчинскаго и якобакскаго, назначенныхъ эмиромъ для управленія, въ первое время, Шаремъ и Китабомъ. 16-го числа прибылъ отъ эмира Тохтамышъ-бій, съ

*) Дѣло идетъ о пуляхъ Минье.

1,500 всадниками, назначенными въ гарнизоны городовъ. Затѣмъ прибылъ, посланный отъ эмира, Якубъ Караулъ-беги, съ письмомъ, коимъ эмиръ увѣдомлялъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ по управленію пріобрѣтеннымъ нами владѣніемъ.

Сдавъ города новымъ бекамъ, Абрамовъ предполагалъ уже воротиться въ Самаркандъ, но получилъ свѣдѣніе, что бѣжавшіе Джура-бій и Баба-бій собрали въ Магіанѣ до 3-хъ тысячъ жителей и ожидаютъ ухода русскаго отряда, чтобъ напасть на Шахрисябзъ. Абрамовъ имѣя въ виду приказаніе уничтожить независимость бекствъ Магіанскаго и Фарабскаго и присоединить ихъ земли къ Заравшанскому округу, взялъ 3 роты пѣхоты съ 2 горными орудіями и двинулся на Фарабъ, куда прибылъ 21-го числа. Не заставъ здѣсь никого, кромѣ жителей, и узнавъ, что беки шахрисябзскіе, не останавливаясь и въ Магіанѣ, бѣжали въ коканскія или даже и въ кашгарскія владѣнія, Абрамовъ разрушилъ Фарабское укрѣпленіе и объявилъ жителямъ о присоединеніи ихъ къ Ургутскому тюменю Заравшанскаго округа.

То же самое поручено было сдѣлать и въ Магіанѣ Михаловскому, который, по исполненіи этого, вернулся въ Фарабъ 22-го числа. Абрамовъ направился въ Самаркандъ и послалъ приказаніе начальствовавшему отрядомъ въ Китабѣ, подполковнику Кобылинскому, идти туда же.

Шахрисябзскій отрядъ въ полномъ составѣ вернулся въ Самаркандъ 25 августа.

Шахрисябзскіе беки Джура-бій и Баба-бій, бѣжавшіе изъ Шахрисябза съ 300 всадниками, направились по границѣ Ходжентскаго уѣзда въ коканскія владѣнія. Узнавъ объ этомъ 22 августа, исправляющій должность начальника Ходжентскаго уѣзда послалъ въ погоню за ними 2 сотни казаковъ изъ Ходжента и Ура-Тюбе на сел. Исмане. Эти сотни не могли однако захватить бѣжавшихъ, которые успѣли въѣхать въ коканскія владѣнія; но тамъ они были остановлены по праказанію коканскаго хана, который, извѣстивъ объ этомъ генерала фонъ-Кауфмана, спрашивалъ, какъ съ ними поступить. Хана просили прислать бѣжавшихъ бековъ въ Ташкентъ, куда они и доставлены 9-го сентября. Фарабскій бекъ Сеидъ и кштутскій Шади-бекъ явились съ повинною въ Самаркандъ. Магіанскій же бекъ Гусейнъ, который дрался съ нами подъ Ургутомъ въ 1868 году, остался по болѣзни въ Магіанѣ, откуда прислалъ просьбу о дозволеніи ему явиться съ изъявленіемъ покорности. Послужившій яблокомъ раздора Айдаръ-Ходжа также попалъ въ наши руки и былъ преданъ суду въ Самаркандѣ. Однако онъ успѣлъ доказать свое алиби во время нападенія на конвой сборщика податей и потому былъ оправданъ. Напрасно, значитъ, злополучные беки боялись выдать его намъ, напрасно и не отвѣчали на письменныя требо-

ванія Абрамова... Они поплатились за это довольно серьезно. Надобно однакоже сознаться, что рано или поздно, все равно имъ не миновать было бѣды за нападеніе на самаркандскій гарнизонъ въ 1868 году. Преждевременность нашего нападенія, а главное, неосновательность повода, о чемъ мы узнали только послѣ оправданія нашимъ судомъ Айдаръ-Ходжи, послужили даже въ пользу плѣнныхъ бековъ: какъ бы въ вознагражденіе за напрасное обвиненіе ихъ въ укрывательствѣ, оба они были зачислены въ нашу службу по кавалеріи подполковниками, съ пенсіей по 3,000 рублей въ годъ и, ничего не дѣлая, долго жили себѣ припѣваючи въ Ташкентѣ.

Нельзя не обратить вниманія на быстрый сборъ войскъ къ этому походу: такъ, войска самаркандскія, получивъ приказаніе о сборѣ въ походъ 6-го августа, 8-го числа были уже въ Джамѣ, т. е. въ 65 верстахъ отъ Самарканда; три роты изъ Ключеваго и двѣ роты изъ Чиназа выступили тоже на другой день по полученіи приказанія идти въ походъ; 2-й стрѣлковый баталіонъ, получившій въ Ташкентѣ приказаніе о походѣ въ 12 часовъ дня, смѣнился съ караула и былъ готовъ къ выступленію къ 3-мъ часамъ до разсвѣта слѣдующаго дня.

Занятіе столицъ Шахрисябза, дотолѣ никому не покорявшихся, произвело сильное впечатлѣніе на нашихъ сосѣдей. Немедленное же возвращеніе этихъ городовъ эмиру доказало всю несостоятельность укоренившагося мнѣнія, будто мы задались въ Средней Азіи исключительно только цѣлію безпрерывныхъ завоеваній. Это весьма расположило къ намъ всѣхъ бухарцевъ и съ этихъ поръ можно было считать положеніе наше относительно Бухары совершенно надежнымъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

1938